STORAGE-ITEM
MAIN

LP9-Q14D
U.B.C. LIBRARY

ETROIT

THE LIBRARY

THE UNIVERSITY OF
BRITISH COLUMBIA

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of British Columbia Library

http://www.archive.org/details/narodnoeobrazova00genk

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

И. И. Иванюковъ,

профессоръ С.-Петербургскаго Политехническаго института.

ОСНОВНЫЯ ПОЛОЖЕНІЯ ТЕОРІИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

СЪ

АДАМА СМИТА ДО НАСТОЯЩАГО ВРЕМЕНИ.

PRINTED IN RUSSIA

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1904.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 3 декабря 1903 г.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

Содержаніе.

Стр.

Введеніе 1

ГЛАВА I.

§ 1. Возникновеніе мануфактуръ 10
§ 2. Первые представители идеи свободы промышленности. 13
§ 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ» 21
§ 4. Теорія народонаселенія Мальтуса 27
§ 5. Теорія Рикардо о распространеніи народнаго дохода . 30
§ 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія 33

ГЛАВА II.

Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкуренціи . . . . . 40—78
§ 1. Система свободной конкуренціи есть система монополій. 40
§ 2. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области производства 42
§ 3. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области обмѣна 48
§ 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія 53

ГЛАВА III.

Стр.

§ 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціей 79
§ 2. Отношеніе реалистической школы къ соціалистическому направленію 82
§ 3. Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства 92

ГЛАВА IV.

Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства . . . . . 109—137

ГЛАВА V.

Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу . . 138—164

Введеніе.

Всѣ до сихъ поръ существовавшія организаціи собственности у народовъ, вышедшихъ изъ первобытнаго состоянія, порождали іерархію общественныхъ классовъ; управленіе и законодательство всегда и всюду, прямо или косвенно, принадлежали наиболѣе богатымъ классамъ; послѣдніе пользовались своею властью сознательно и безсознательно, главнымъ образомъ, въ своихъ интересахъ и только частью въ интересахъ цѣлаго общества; почему во всѣ эпохи законы запечатлѣны интересами господствующихъ классовъ.

Мысль, что организація собственности на каждой ступени развитія составляетъ важнѣйшій экономическій факторъ въ образованіи юридическихъ и политическихъ учрежденій, вошла въ науку прочно лишь въ послѣднее время. Ближайшимъ поводомъ къ ея уразумѣнію и распространенію послужилъ разладъ между соціальною дѣйствительностью XIX столѣтія и гуманными идеалами, осуществленіе которыхъ было задачею французской революціи.

Французская революція уничтожила всѣ юридическія привилегіи и декретировала равенство людей передъ закономъ, свободу личности, труда и собственности. Повидимому, законодательство французской революціи, уничтожившее всѣ привилегіи, стало внѣ сословныхъ интересовъ. И дѣйствительно, такъ думали его составители, такъ думало все тогдашнее общество, такъ думалъ и народъ. Чудными ожиданіями жило человѣчество. Казалось наступила новая эра жизни эра благосостоянія, свободы и гармоніи интересовъ. И какое глубокое разочарованіе принесъ XIX вѣкъ!

Анализъ причинъ несбывшихся надеждъ показалъ, что законодательство французской революціи соотвѣтствовало, какъ нельзя болѣе, интересамъ обогатившагося и образованнаго средняго сословія,—представителя движимаго капитала, — сломившаго, послѣ вѣковой борьбы,

поземельную аристократію. Дѣйствительность скоро показала, что безграничная свобода промышленности, труда, собственности, новая политическая организація государства составляютъ прямой интересъ представителей капитала и крайне неблагопріятны для представителей труда. Но когда это обнаружилось и было понято, tiers-état перестало уже быть представителемъ интересовъ народа, какъ оно о себѣ думало въ эпоху французской революціи, и выродилось въ современную буржуазію, управляющую страною по преимуществу въ собственныхъ интересахъ.

Не слѣдуетъ, однако, думать, что господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки, ясно понимаютъ характеръ общественныхъ отношеній и не видятъ въ своей соціальной роли никакого правового элемента, а лишь единственно право силы. Дѣятельность господствующихъ классовъ въ сферѣ данныхъ юридическихъ формъ всегда признавалась ими вполнѣ правовою, не только формально (юридически), но и по совѣсти. И возможность такого пониманія ими своей дѣятельности объясняется тѣмъ, что обоснованіе юридическихъ привилегій и фактическихъ монополій они видятъ не въ силѣ, а въ какомъ-либо отвлеченномъ правовомъ принципѣ.

Современному сознанію рабская организація труда представляется вопіющею несправедливостью, жестокостью. Но было бы неправильно переносить наши взгляды въ эпоху существованія рабства. Не только обычная мысль, но и величайшій изъ мыслителей, Аристотель, признавалъ рабство справедливымъ институтомъ. «Сама природа, говоритъ Аристотель, создала рабство... Въ человѣческой природѣ встрѣчаются личности, настолько же уступающія другимъ, насколько тѣло уступаетъ душѣ, или насколько животное стоитъ ниже человѣка; это суть существа, способныя къ одному только физическому труду и неспособныя ни на какое болѣе совершенное занятіе. Существа эти самою природою осуждены на рабство, ибо самое лучшее для нихъ—это повиноваться... Изъ этихъ принциповъ мы должны, стало-быть, заключить, что природа создаетъ однихъ людей для свободы, а другихъ для рабства; что польза и справедливость требуютъ, чтобы рабъ повиновался».—По мнѣнію другого генія античнаго міра, Платона, занятіе физическимъ трудомъ, промыслами, торговлею унижаютъ предающихся

имъ людей. «Гражданинъ, который унизится до того, что станетъ торговать въ лавкѣ, долженъ быть наказанъ за подобное преступленіе». «Физическій трудъ безчеститъ и позоритъ гражданина», говоритъ Ксенофонтъ. Такимъ образомъ, у Платона и Ксенофонта привилегія переходитъ уже въ чувство чести.

Землевладѣніе, служившее въ средніе вѣка исключительнымъ источникомъ богатства привилегированнаго класса, наложило свою печать на понятіе чести и нравственности. Вести промышленное предпріятіе, заниматься торговлею считалось для господствующаго класса позорнымъ и безчестнымъ, и приличнымъ казалось извлекать доходы только изъ поземельной собственности.

Измѣненія въ техникѣ и хозяйственныхъ условіяхъ составляютъ самую глубокую причину перемѣнъ въ прочихъ сторонахъ жизни. Новые интересы, являющіеся какъ результатъ совершившихся въ обществѣ экономическихъ измѣненій, порождаютъ и новыя соціальныя идеи и новыя правовыя понятія, сторонниками которыхъ являются общественные классы, заинтересованные въ проведеніи въ жизнь этихъ идей. Чѣмъ съ большей силой заявляютъ себя новые интересы, тѣмъ настоятельнѣе раздаются требованія реформы. Происходитъ борьба между новыми интересами и интересами господствующихъ классовъ. И снова мы должны отмѣтить тотъ фактъ, что недоброжелательное, часто полное ненависти, отношеніе большинства господствующаго класса къ реформаторскимъ идеямъ не есть исключительно результатъ черствости и сознательнаго эгоистическаго охраненія своихъ юридическихъ или фактическихъ привилегій; оно есть, главнымъ образомъ, результатъ безсознательнаго вліянія личныхъ интересовъ и присущаго данному классу или сословію образа мыслей. Въ соціологіи Спенсера мы находимъ прекрасное объясненіе того извѣстнаго факта, что страсти и личные интересы извращаютъ сужденія какъ отдѣльныхъ людей, такъ и цѣлыхъ сословій. На всякую реформаторскую идею, говоритъ Спенсеръ, затрогивающую, повидимому, интересы господствующихъ классовъ, послѣдніе слишкомъ склонны смотрѣть какъ на посягательство на ихъ права, какъ на идею, выполненіе которой принесло бы только одинъ вредъ, или же какъ на идею невыполнимую. Съ точки зрѣнія привилегированныхъ классовъ,

всякая борьба, хотя бы самая мирная, бѣдныхъ согражданъ за улучшеніе своей участи заслуживаетъ безусловнаго порицанія. Напримѣръ, то обстоятельство, что стачки наносятъ господствующему классу болѣе или менѣе значительный ущербъ, формируетъ ихъ взглядъ на стачки какъ на поведеніе весьма предосудительное. Они видятъ нѣчто возмутительное въ этой самостоятельности, которая сопровождается отказомъ отъ работы, когда не увеличиваютъ рабочей платы или не сокращаютъ времени работы. Дебаты по поводу системы покупки чиновъ въ Англіи показали, какъ сильно укоренилось у военныхъ людей убѣжденіе, что національная безопасность зависитъ отъ сохраненія той организаціи арміи, при которой они воспитывались и достигли своихъ чиновъ. Защищая сословное подчиненіе какъ необходимое условіе для развитія благосостоянія большинства, привилегированные классы—крупные землевладѣльцы и промышленники—не замѣчаютъ, что ихъ отношенія къ трудящейся массѣ представляютъ въ сущности только болѣе мягкую форму отношеній рабовладѣльцевъ къ своимъ рабамъ или вассаловъ къ крѣпостнымъ. Кромѣ того, какъ сильно еще въ первенствующихъ классахъ распространено убѣжденіе, проявляющееся во всѣхъ ихъ поступкахъ, что самимъ Богомъ и законами природы установлено, что выгоды нѣкоторыхъ избранныхъ должны стоять на первомъ планѣ, и масса трудящагося населенія—народъ долженъ повиноваться имъ и работать на нихъ.

Все вышесказанное дѣлаетъ совершенно понятною мысль, что хотя общественныя учрежденія вполнѣ соотвѣтствуютъ природѣ людей, тѣмъ не менѣе люди лучше своихъ учрежденій. И это потому, что личныя свойства какъ отдѣльнаго человѣка, такъ и цѣлыхъ классовъ, пониманіе ими значенія своей дѣятельности далеко не вполнѣ соотвѣтствуютъ объективному смыслу ихъ дѣятельности. Эту именно мысль имѣетъ въ виду Марксъ, когда въ предисловіи къ своему сочиненію «Капиталъ» говоритъ: «Капиталисты и землевладѣльцы описаны мною далеко не въ розовомъ свѣтѣ. Но здѣсь рѣчь идетъ о личностяхъ лишь настолько, насколько онѣ представляютъ собою олицетвореніе экономическихъ категорій, насколько онѣ выражаютъ собою опредѣленныя сословныя отношенія и интересы. Та точка зрѣнія, на которой я стою—считающая развитіе экономическихъ общественныхъ формацій

естественно-историческимъ процессомъ—менѣе, чѣмъ какая-либо другая, можетъ дѣлать кого-либо отвѣтственнымъ за отношенія, общественную креатуру которыхъ данное лицо представляетъ собою».

Указанныя нами причины труднаго проникновенія соціально-реформаторскихъ идей въ господствующіе классы объясняютъ также, почему существенныя измѣненія въ соціальномъ строѣ странъ, идущихъ во главѣ цивилизаціи, каковыми до сихъ поръ были Франція и Англія, оказываютъ значительное вліяніе на понятія господствующихъ классовъ другихъ странъ, находящихся съ первыми въ тѣсныхъ сношеніяхъ. Реализація реформаторскихъ идей въ прогрессирующей странѣ, доказывающая ихъ примѣнимость, ослабляетъ мотивы, препятствовавшіе распространенію реформаторскихъ идей въ господствующихъ классахъ. Особенно это вліяніе сильно, если однородныя событія совершаются одновременно въ нѣсколькихъ большихъ государствахъ. Тогда эти событія съ особенною силою отражаются на государствахъ, отставшихъ въ культурѣ, а потому неизбѣжно находящихся въ духовной зависимости отъ народовъ, ушедшихъ въ развитіи впередъ. Извѣстно вліяніе англійскихъ политическихъ понятій на высшіе классы Франціи въ XVIII вѣкѣ;—вліяніе первой французской революціи на всю Европу;—вліяніе англійскаго фабричнаго законодательства на континентальныя государства. Эмансипація крѣпостныхъ въ Россіи, помимо внутреннихъ причинъ, вызвавшихъ эту реформу, не была ли также въ значительной степени результатомъ вліянія западно-европейскихъ идей? Не въ этомъ ли вліяніи надо видѣть, главнымъ образомъ, причину того интереснаго факта, что, до и во время освобожденія крестьянъ, значительная часть нашего дворянства искренно сочувствовала реформѣ. Будь Россія отдѣлена, подобно Китаю, отъ Западной Европы, не имѣли ли бы мы до сихъ поръ крѣпостного права? Извѣстно, что Императоръ Александръ I, воспитанный въ духѣ идей французской литературы XVIII вѣка, мечталъ въ дни юности и еще долго въ зрѣлые годы совершить эмансипацію; и не будь сначала отвлечено все вниманіе, вся дѣятельность императора внѣшними событіями, и не наступи потомъ радикальнаго переворота въ его душевномъ и умственномъ настроеніи, весьма возможно, реформа была бы совершена гораздо ранѣе; по крайней мѣрѣ, мы и для того времени

не усматриваемъ никакихъ соціальныхъ затрудненій для совершенія реформы.

Такимъ образомъ, рядомъ съ факторомъ борьбы существуетъ и другой соціальный факторъ, обусловливающій измѣненія въ общественныхъ учрежденіяхъ, а именно: вліяніе на умы гуманно-прогрессивныхъ идей. Идеи о правахъ человѣка вообще, а не объ исключительныхъ правахъ того или другого сословія или класса—стремленій къ установленію возможно бо̀льшей солидарности между людьми. Значеніе этого второго фактора постоянно усиливается въ новѣйшей исторіи Европы, и мы убѣждены, что ему предстоитъ въ дальнѣйшемъ ходѣ историческаго развитія замѣнять все болѣе и болѣе элементъ борьбы, имѣвшій до нынѣ преобладающее значеніе въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ формъ жизни.

Правильное пониманіе роли гуманно-прогрессивныхъ идей въ жизни человѣчества было затемнено въ послѣднее время слишкомъ прямолинейнымъ перенесеніемъ теоріи Дарвина о «борьбѣ за существованіе» изъ міра животнаго въ міръ человѣческій. При приложеніи этой теоріи къ соціальной жизни, большинство упускало изъ виду громадное значеніе въ человѣческихъ дѣлахъ идеи и чувства «правды». Вслѣдствіе этого возникли превратныя понятія какъ о человѣческой природѣ, такъ и о покоющейся на ней исторіи жизни человѣчества.

Справедливо, что до сихъ поръ, говоря вообще, исторія развитія соціальныхъ формъ жизни представляла борьбу общественныхъ классовъ за привилегированное соціальное положеніе. Но, для правильнаго пониманія характера этой борьбы, очень важно не упускать изъ виду указанный нами выше фактъ, что побѣдители въ соціальной борьбѣ, господствующіе классы, создавая выгодные для себя соціальные порядки и защищая ихъ, не понимаютъ ясно характера общественныхъ отношеній и всегда обосновываютъ свое соціальное положеніе на какомъ-нибудь правовомъ элементѣ, а не единственно на фактѣ силы.

И если духъ сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ или другихъ формъ общественной жизни, въ правотѣ привилегій господствующихъ классовъ, до сихъ поръ съ трудомъ проникалъ въ эти классы, то главныя

причины тому, во-первыхъ, что само изслѣдованіе и правильное пониманіе соціальныхъ явленій есть дѣло новое—результатъ послѣднихъ десятилѣтій, и притомъ, даже и то, что уже выработано наукою, составляло до сихъ поръ достояніе самаго незначительнаго по числу просвѣщеннаго общества; во-вторыхъ, личный интересъ оказываетъ сильное, безсознательное вліяніе на образъ мыслей какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлаго сословія.

Но сила просвѣщенія, расширяющая кругозоръ, побѣждаетъ препятствія къ правильному пониманію вещей, создаваемыя личнымъ интересомъ. И дѣйствіе этой силы въ наше время быстро возрастаетъ какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Развитіе ея въ геометрической прогрессіи есть безспорнѣйшій и важнѣйшій соціальный законъ.

Всѣ условія развитія нашего времени ускоряютъ измѣненіе понятій во всѣхъ общественныхъ классахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ—и измѣненіе въ воззрѣніяхъ господствующихъ классовъ на свои привилегіи, есть ли эти привилегіи юридическія или фактическія. Быстро идущее возрастаніе городской жизни, примѣненіе пара и электричества къ путямъ сообщенія, болѣе и болѣе увеличивающаяся тѣсная умственная связь между всѣми цивилизованными государствами, неимовѣрно возрастающее распространеніе прессы во всѣхъ слояхъ общества, сообщающей ежедневныя событія всего міра, — все это расширяетъ кругозоръ людей, усиливаетъ распространеніе просвѣщенія и измѣняетъ правовыя понятія господствующихъ классовъ. Это безпримѣрное еще въ исторіи увеличеніе сношеній между людьми и обусловливаемое сношеніями расширеніе кругозора и распространеніе просвѣщенія и есть причина, почему въ наше время воззрѣнія каждаго новаго поколѣнія значительно разнятся съ воззрѣніями отцовъ. Тогда какъ при замкнутомъ средневѣковомъ бытѣ съ его ничтожными сношеніями—разложеніе котораго началось въ западной Европѣ лишь съ XVII столѣтія—городское населеніе составляло весьма незначительную часть общаго населенія, да и самые города были очень миніатюрны, громадное большинство людей никогда не выѣзжало изъ того мѣста, гдѣ родилось, и не откуда было имъ получить свѣдѣнія о томъ, что дѣлается внѣ небольшого родного округа. При этихъ условіяхъ, люди

сотни лѣтъ пребывали въ однихъ и тѣхъ же традиціонныхъ понятіяхъ и обычаяхъ.

Широко разлившіяся въ наше время сношенія между людьми оказываютъ наиболѣе сильное вліяніе въ дѣлѣ измѣненія правовыхъ понятій у господствующихъ классовъ въ странахъ, идущихъ, такъ сказать, въ хвостѣ цивилизаціи и пользующихся поэтому опытомъ піонерныхъ государствъ. Доказанная на практикѣ удобопримѣнимость и благотворность новыхъ соціальныхъ формъ жизни, осуществленныхъ піонерными государствами, парализуетъ безсознательное вліяніе на воззрѣнія личнаго интереса и измѣняетъ ихъ. Такое же дѣйствіе на формированіе понятій, убѣжденій людей производитъ наука. А потому, по мѣрѣ развитія соціальной науки и распространенія ея въ обществѣ, должны измѣняться какъ правовыя понятія, такъ и способы реализаціи новыхъ соціальныхъ порядковъ. Соціальная наука еще и въ настоящее время не вышла изъ періода младенчества, а потому и не могла имѣть могущественной власти надъ умами. До сихъ поръ существовали только соціальныя теоріи, враждовавшія между собою; да и онѣ были извѣстны только небольшому числу научно-образованныхъ людей. Не говоря уже о массахъ, но и большинство такъ называемаго образованнаго общества пріобрѣтало въ отношеніи основныхъ устоевъ общественныхъ порядковъ традиціонныя воззрѣнія воспитавшей ихъ среды. Вотъ почему господствующіе классы проявляли донынѣ такую склонность смотрѣть на всякую соціально-реформаторскую идею, какъ на посягательство на ихъ законныя права или какъ на идею, выполненіе которой принесло бы одно зло. Отсюда естественна и въ большей части случаевъ ни мало непредосудительна ихъ борьба противъ соціальныхъ реформъ. Но ходъ современной исторіи европейскихъ народовъ выдвинулъ на первый планъ, какъ злобу дня, жизненные вопросы чисто соціальнаго свойства. Какъ слѣдствіе этого: много ученыхъ и сравнительно большая часть образованной публики обращаютъ, въ настоящее время, свое вниманіе на изученіе явленій соціальной жизни. Соціальные вопросы стали предметомъ обсужденія прессы, парламентовъ, ученыхъ обществъ, конгрессовъ. Можно надѣяться, что уже не далеко то время, когда соціальная наука достигнетъ той ступени развитія, что положенія ея будутъ имѣть до-

стовѣрность и доказательность, близкую къ положеніямъ физической науки, а слѣдовательно сдѣлаются столь же властными и обязательными. По мѣрѣ развитія соціальной науки и проникновенія ея въ общественное сознаніе, элементъ борьбы въ дѣлѣ измѣненія соціальныхъ условій жизни, игравшій до сихъ поръ преобладающую роль, будетъ болѣе и болѣе замѣняться элементомъ просвѣщеннаго наукою сознанія; и послѣдній, по естественному ходу вещей, сдѣлается когда-нибудь господствующимъ, а можетъ-быть и единственнымъ руководителемъ въ установленіи соціальныхъ условій жизни, покоющихся на солидарности и гармоніи интересовъ людей.

Со времени Петра Великаго начинаетъ отражаться на Россіи вліяніе западно-европейской цивилизаціи, и съ тѣхъ поръ вліяніе это все болѣе и болѣе возрастаетъ. Значеніе опыта Запада для Россіи двухъ родовъ: прямое—когда мы переносимъ западныя учрежденія на нашу почву, и косвенное—когда опытъ западной цивилизаціи предостерегаетъ насъ отъ ошибокъ, сдѣланныхъ нашими старшими братьями. Въ послѣднее время это косвенное значеніе для насъ западно-европейской цивилизаціи особенно усилилось въ виду того, что сама западная культура находится въ состояніи кризиса и ищетъ *новыя основы* соціальной жизни.

Въ виду такой важной двухсторонней роли западно-европейскаго опыта въ нашей соціальной жизни, едва ли нужно даже и упоминать о томъ, что хотя изложенныя въ предлагаемомъ сочиненіи ученія по экономической политикѣ порождены преимущественно ходомъ жизни Западной Европы, тѣмъ не менѣе они представляютъ громадное практическое значеніе и для Россіи—*они освѣщаютъ намъ путь дальнѣйшаго развитія*.

ГЛАВА I.

§ 1. Возникновеніе мануфактуръ. § 2. Первые представители идеи свободы промышленности. § 3. Исходныя положенія труда Адама Смита о «Богатствѣ народовъ». § 4. Теорія народонаселенія Мальтуса. § 5. Теорія Рикардо о распространеніи народнаго дохода. – § 6. Современное значеніе реалистической школы въ политической экономіи и ея основныя положенія.

§ 1. Изучая историческое развитіе экономическихъ, политическихъ и юридическихъ ученій, нельзя не замѣтить строгаго соотвѣтствія ихъ содержанія характеру современной имъ эпохи. Характеръ эпохи выражается въ экономическомъ строѣ жизни, политическихъ учрежденіяхъ, запасѣ знаній, литературѣ, нравахъ, понятіяхъ и живыхъ, прогрессивныхъ стремленіяхъ времени. Всѣ эти элементы опредѣляютъ какъ кругъ предметовъ, которыми занимаются общественныя теоріи, такъ и характеръ воззрѣній на изслѣдуемые ими вопросы. Отсюда само собою слѣдуетъ, что всестороннее пониманіе экономическихъ, политическихъ, юридическихъ и всякихъ другихъ ученій, относящихся къ общественной жизни, возможно лишь при сопоставленіи этихъ ученій съ современными имъ жизненными и преимущественно экономическими условіями. Поэтому, прежде чѣмъ приступить къ изложенію основныхъ положеній ученія Адама Смита, мы, въ бѣгломъ очеркѣ, укажемъ главныя жизненныя условія, долго подготовлявшія, а потомъ и вызвавшія это ученіе.

Въ XVI столѣтіи, цеховая организація, регулировавшая въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ городскую промышленность Западной Европы, становится въ противорѣчіе съ новыми экономическими условіями. Открытіе Америки и морского пути въ Остъ-Индію, изобрѣтеніе пороха и введеніе постоянныхъ войскъ, способствовавшія усиленію центральнаго правительства и тѣмъ самымъ охраненію права и безопасности,—все это дало сильный толчекъ развитію торговли и промышленности. Открытые новые рынки сильно увеличили спросъ на продукты; возможность сбыта въ большихъ массахъ побуждала накопленные торговлей капиталы влиться въ городскія промышленныя пред-

пріятія. Но въ этой сферѣ дѣятельности капиталы наталкивались на цеховые законы, умышленно препятствовавшіе крупному производству, а тѣмъ самымъ—и накопленію богатства въ рукахъ хозяевъ промышленныхъ заведеній; цеховые уставы ограничивали число учениковъ и ремесленниковъ, какое могъ держать отдѣльный мастеръ. Недопускаемыя въ города, новыя крупныя мануфактуры основывались въ селахъ, внѣ контроля стараго городского устройства и цеховъ.

Быстрому развитію и процвѣтанію новыхъ мануфактуръ много способствовалъ также совершавшійся въ это время переворотъ въ сельской промышленности и поземельныхъ отношеніяхъ. Сила и честолюбіе стараго феодальнаго дворянства основывались на числѣ ихъ подданныхъ; послѣднее же зависѣло отъ числа крестьянъ съ самостоятельнымъ хозяйствомъ. Дворянство XVI столѣтія, какъ дитя своего времени, предпочитало деньги сохраненію старыхъ феодальныхъ отношеній. Развивавшіяся шерстяныя мануфактуры предъявляли спросъ на шерсть; цѣна на послѣднюю поднялась, и лозунгомъ тогдашняго дворянства стало обращеніе пашней въ пастбища для овецъ, для чего принялись экспропріировать землю у крестьянъ. Новый толчекъ процессу экспропріаціи земли у крестьянъ былъ данъ реформаціею, сопровождавшеюся конфискаціею церковныхъ земель. Новые собственники этихъ земель прогоняли съ нихъ цѣлыми массами крестьянскія семейства, жившія здѣсь испоконъ вѣка на правѣ феодальнаго владѣнія землею. Вмѣстѣ съ тѣмъ, закономъ гарантированное право обѣднѣвшихъ крестьянъ на извѣстную часть церковной десятины было безмолвно отмѣнено. Экспропріація земли у крестьянъ, эта бѣдственная для народа операція, общая всѣмъ западно-европейскимъ государствамъ, имѣла самое обширное и продолжительное (слишкомъ три столѣтія) примѣненіе въ Великобританіи. Она создала современныя ненормальныя поземельныя отношенія въ этой странѣ *).

*) Въ какой степени экспропріація, уже въ XVI столѣтіи, когда размѣръ примѣненія ея былъ меньшій, сравнительно съ дѣйствіемъ ея въ XVII и XVIII вѣкахъ, отразилась бѣдственно на народной массѣ, можно видѣть изъ сравненія сочиненій сэра Джона Фортескью, краснорѣчиво изображающаго народное благосостояніе въ XV вѣкѣ, и Томаса Моруса, писателя XVI вѣка, описывающаго съ чувствомъ глубокаго состраданія, разореніе крестьянъ. «Изъ золотого вѣка, говоритъ Торнтонъ, англійскій рабочій классъ былъ низвергнутъ безъ всякихъ переходовъ въ желѣзный».

Хорошее указаніе на благосостояніе народа въ XIV и XV столѣтіяхъ даютъ намъ законы противъ роскоши. «Жалобы на роскошь простого народа въ Англіи, говоритъ профессоръ Янжулъ въ сочиненіи «Англійская свободная торговля», начинаютъ раздаваться весьма рано; онѣ встрѣчаются уже

Лишенные земель крестьяне должны были искать средствъ существованія продажею своей рабочей силы. Новымъ мануфактурамъ былъ какъ нельзя болѣе выгоденъ этотъ наплывъ свободныхъ рабочихъ рукъ *).

Онъ позволялъ имъ расширять производство до размѣровъ наличнаго капитала и тѣмъ способствовалъ возрожденію богатства и значенію промышленнаго (третьяго) сословія.

въ хроникахъ отъ 1300 года. Но первый законодательный актъ, пространно регулировавшій роскошь, вышелъ въ 1363 году. Въ этомъ законѣ пахарямъ, пастухамъ и т. п. рабочимъ дозволены матеріи не дороже одного шиллинга за ярдъ. Со времени Эдуарда III и до половины XIX вѣка цѣнность денегъ уменьшилась въ двадцать разъ. и, такимъ образомъ, если перевести этотъ запретительный законъ на современную денежную единицу, то получится запрещеніе для пастуховъ и другихъ рабочихъ носить платье дороже 20 шиллинговъ за ярдъ (7 руб. сер.). Такой высокій максимумъ дозволенной дороговизны долженъ, естественно, проистекать отъ значительной зажиточности лицъ, для которыхъ запрещеніе сдѣлано; въ настоящее время существованіе такого закона уже потому было бы немыслимо, что самое нарушеніе закона невозможно.

Ровно черезъ сто лѣтъ, при Эдуардѣ IV, вышелъ другой замѣчательный законъ противъ роскоши: прислугѣ было запрещено носить платье дороже двухъ шиллинговъ за ярдъ; чулки не дороже четырнадцати пенсовъ за пару, и головной платокъ не долженъ былъ превышать двѣнадцати пенсовъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, именно въ 1482 году, было найдено необходимымъ ослабить это запрещеніе, и разрѣшено носить чулки до восемнадцати пенсовъ и платки до двадцати. Вильямъ Торнтонъ, дѣлая разсчетъ тогдашней цѣны денегъ сравнительно съ теперешней, замѣчаетъ, что такого рода узаконеніе, переведенное на современную денежную единицу, равнялось бы запрещенію пахарямъ носить бархатные сюртуки и шелковые чулки, а ихъ женамъ чепчики изъ брюссельскихъ кружевъ.

Законодательные памятники того времени (напримѣръ, 24 Hen. VIII) называютъ обыкновенною пищею народа не только говядину, свинину и телятину, но и гусей, куръ, цыплятъ.

Непрерывно продолжавшаяся экспропріація земли у крестьянъ и постоянное исчезновеніе отъ конкуренціи новыхъ мануфактуръ цехового устройства, обезпечивавшаго трудъ и достаточное вознагражденіе за него, были обстоятельствами, непрерывно ухудшавшими положеніе рабочихъ классовъ. Англійскіе историки Роджерсъ и Фраудъ, на основаніи самыхъ точныхъ изслѣдованій размѣровъ заработной платы и цѣнности предметовъ необходимости, пришли къ выводу, что благосостояніе англійскаго народа, весьма высокое въ концѣ среднихъ вѣковъ, начиная съ XVI столѣтія, постоянно понижалось вплоть до нашего времени.

*) Въ какихъ обширныхъ размѣрахъ совершалась экспропріація уже въ XVI столѣтіи, видно изъ того, что создаваемый ею пролетаріатъ не успѣвалъ быть поглощаемъ мануфактурами, несмотря на быстрый ростъ послѣднихъ. Экспропріированные, не имѣя возможности продать свою рабочую силу, обращались въ нищихъ, разбойниковъ, бродягъ. Въ теченіе всего XVI столѣтія, мы видимъ во всей западной Европѣ драконовскіе законы противъ бродяжничества (плеть, клейменіе, отрѣзываніе ушей, смертная казнь при повтмкѣ въ третій разъ). Предполагалось, что всѣ эти нищіе и бродяги шатаются не потому, что не могутъ найти работу вслѣдствіе измѣнившихся экономическихъ условій, а не желаютъ работать (Марксъ, «Капиталъ»).

Съ расширеніемъ производства удешевляется созданіе продуктовъ, а потому мануфактуры явились серьезными конкурентами цеховымъ мастерскимъ. Начинается борьба между старымъ цеховымъ устройствомъ и новыми промышленными предпріятіями. Но всѣ усилія цеховыхъ мастеровъ остановить и измѣнить естественное теченіе дѣлъ, обращенія ихъ къ правительствамъ за помощью были тщетны. Правительства сочувствовали развитію и процвѣтанію мануфактуръ, видя въ нихъ прогрессъ національной промышленности. По мѣрѣ развитія мануфактуръ раздѣленіе труда въ производительныхъ операціяхъ выступаетъ все больше и больше, а съ тѣмъ вмѣстѣ рождается спросъ на техническія открытія, и послѣдніе не медлятъ своимъ появленіемъ. Техническія изобрѣтенія, въ свою очередь, оказали громадное вліяніе на ростъ отраслей промышленности, захваченныхъ мануфактурами, на увеличеніе размѣровъ и богатства новыхъ, стоявшихъ внѣ цеховой организаціи, городовъ *). Это движеніе шло рука-объ-руку съ успѣхами внѣшней британской торговли.

§ 2. Къ концу XVII вѣка крупное производство заняло уже видное мѣсто въ англійской промышленности. Въ интересахъ его было возможное устраненіе государственной опеки надъ промышленною жизнью. И эти интересы, по мѣрѣ роста крупной промышленности, увеличенія богатства и соціальнаго значенія класса крупныхъ промышленниковъ и торговцевъ, находили себѣ защиту въ парламентѣ и литературѣ. Самымъ яркимъ и рѣшительнымъ представителемъ новыхъ промышленныхъ интересовъ явился Дедлей Нортъ въ сочиненіи «Discourses upon Trade principally directed to the Cases of the interest, Coinage, Clipping, increase of Money», 1691 годъ. Нортъ совершенно свободенъ отъ меркантильныхъ идей и объявляетъ всякое правительственное вмѣшательство вреднымъ для экономической дѣятельности народа. Въ этомъ отношеніи онъ, по справедливости, можетъ считаться первымъ рѣшительнымъ фритредеромъ и предшественникомъ А. Смита. Приведемъ нѣкоторыя резюме самого автора.

«Весь свѣтъ относительно торговли составляетъ какъ бы одну націю или народъ, а всѣ отдѣльныя націи—все равно какъ индивиды одного народа».

«Потеря торговли одной націи не составляетъ несчастіе только для нея одной, но для всего свѣта, ибо всѣ націи соединены вмѣстѣ общими интересами».

«Не можетъ существовать торговли, невыгодной для народа.

*) Бирмингамъ, Манчестеръ и многіе другіе города такого же значенія выросли изъ мануфактуры.

ибо если бы таковая оказалась, люди оставили бы ее; а гдѣ торговцы (промышленники) преуспѣваютъ, тамъ и народъ, котораго они составляютъ часть, также преуспѣваетъ».

«Нельзя людей принуждать къ дѣятельности по предписанному образцу; это можетъ принести, пожалуй, выгоду кому-нибудь, но народъ черезъ это ничего не пріобрѣтаетъ, ибо что дается одному подданному, то берется у другого».

«Никакіе правительственные законы не могутъ опредѣлять цѣнъ въ торговлѣ; послѣднія должны устанавливаться сами. А если такіе законы существуютъ, то составляютъ для торговли большую помѣху и заслуживаютъ осужденія» и т. д. Нортъ заканчиваетъ свою книгу слѣдующими замѣчательными словами.

«Ни одинъ народъ не разбогатѣлъ черезъ государственныя мѣропріятія, но только миръ, трудолюбіе и свобода создали торговлю и богатство».

Весь періодъ времени съ конца XVII ст. до появленія книги Адама Смита можно назвать переходнымъ: старыя меркантильныя понятія имѣли еще значительное приложеніе на практикѣ и находили себѣ представителей въ теоріи; новыя воззрѣнія, впервые рѣшительно заявленныя Нортомъ, все болѣе разработывались и распространялись, хотя еще не сдѣлались господствующими. Самыми крупными представителями новыхъ воззрѣній въ эту переходную эпоху являются Давидъ Юмъ, Джосуа Токкеръ и Адамъ Фергюсонъ. Основной характеръ воззрѣній этихъ писателей заключается въ апологіи расширявшейся тогда индустріи и торговли и въ порицаніи всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь общества, всякихъ препонъ частной дѣятельности въ торговлѣ и промышленности. Считая увеличеніе абсолютнаго богатства страны тождественнымъ съ умноженіемъ народнаго благосостоянія, они, съ самыми лучшими намѣреніями, защищали все, что, по ихъ мнѣнію, вело къ процвѣтанію торговли и промышленности, и важнѣйшее условіе такого процвѣтанія видѣли въ устраненіи регламентаціи экономической дѣятельности. Токкеръ опровергаетъ, какъ предразсудокъ, что бѣдныя націи будто бы естественные враги богатыхъ націй. «Такъ какъ бѣдныя страны, говоритъ онъ, не могутъ конкурировать съ богатыми по недостатку капитала и искусства, то имъ выгоднѣе заниматься производствомъ сырыхъ продуктовъ, а богатымъ націямъ предоставить мануфактуру. Между народами не существуетъ никакого антагонизма интересовъ, а, напротивъ, господствуютъ согласіе, гармонія».

«Интересы отдѣльныхъ лицъ, по мнѣнію Фергюсона, весьма хорошо гармонируютъ съ интересами государства: чѣмъ болѣе отдѣль-

ные классы, особенно промышленный, пріобрѣтаютъ, тѣмъ болѣе возвышается національное богатство, которое состоитъ не въ наличныхъ деньгахъ, а въ совокупности всѣхъ полезныхъ и употребительныхъ вещей, которыя находятся въ собственности у гражданъ». Фергюсонъ защищаетъ принципъ свободной экономической дѣятельности почти въ тѣхъ же самыхъ выраженіяхъ, въ какихъ позднѣе защищалъ ее и Адамъ Смитъ. «Торговля, говоритъ онъ, есть такой родъ промышленности, гдѣ люди, предоставленные дѣйствію ихъ собственнаго опыта, менѣе всего способны вступить на неправильный путь».

Всѣ эти идеи вполнѣ соотвѣтствовали экономическимъ условіямъ Англіи того времени. Англія въ промышленномъ развитіи опередила другія государства; иностранная конкуренція становилась для нея неопасной; между тѣмъ, господствовавшая во всей Европѣ строгая запретительная система вредила расширенію британскихъ рынковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, внутренняя экономическая политика, вмѣшательство закона въ процессъ производства, различныя таксы также стѣсняли ростъ мануфактуръ. Между тѣмъ, въ это время уже явились великія изобрѣтенія Аркрайта, Уатта, Корта и другихъ, дававшія новыя силы мануфактурному производству и сулившія большіе барыши. Понятно, при такомъ положеніи дѣлъ, идеи свободной торговли и промышленности быстро распространялись въ англійскомъ обществѣ; усиливалось сознаніе необходимости реформы экономическаго законодательства, и чувствовалась потребность систематизированія новыхъ экономическихъ идей и обоснованія ихъ. Отвѣтомъ на эту потребность явилось въ свѣтъ, въ 1776 г., геніальное сочиненіе Адама Смита о «Богатствѣ народовъ».

Англія и Франція, до настоящаго времени, шли по пути накопленія матеріальныхъ и умственныхъ богатствъ *), впереди дру-

*) Накопленіе матеріальнаго и умственнаго богатства обыкновенно называютъ прогрессомъ. Но такое употребленіе слова прогрессъ вѣрно только въ ограниченномъ смыслѣ. Понятіе о прогрессѣ въ примѣненіи къ соціальнымъ явленіямъ есть понятіе телеологическое, оно заключаетъ въ себѣ идею о человѣческомъ счастіи. А потому только тѣ измѣненія можно считать прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастія. Накопленіе богатства въ странѣ можетъ происходить на счетъ обѣдѣнія народа. Исторія Великобританіи лучшій примѣръ этому. Къ подобному накопленію національнаго богатства слово прогрессъ неприложимо.

Считая понятіе прогресса телеологическимъ, мы не можемъ согласиться съ Спенсеромъ, отожествляющимъ его съ «Закономъ развитія». Не можемъ согласиться, во-первыхъ, потому, что слово прогрессъ, какъ заключающее въ себѣ телеологическую идею, примѣнимо только къ явленіямъ человѣческой жизни; во-вторыхъ, поступательный ходъ развитія обществъ можетъ совершаться на счетъ благосостоянія большинства.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что «законъ развитія человѣчества», какъ его

гихъ государствъ и своимъ историческимъ ходомъ развитія оказывали значительное вліяніе на другія страны. Новыя экономическія теченія, которыя мы видѣли въ Англіи, имѣли мѣсто и во Франціи, но достигли здѣсь своей зрѣлости позднѣе, а потому и идеи свободной торговли и промышленности являются во Франціи лишь спустя 60 лѣтъ послѣ появленія ихъ въ Англіи.

Идея объ устраненіи вмѣшательства государства въ экономическую жизнь о водвореніи свободы торговли и промышленности была провозглашена во Франціи одновременно нѣсколькими мыслителями, составлявшими тѣсно сплоченный кружокъ, центромъ котораго былъ Кенэ, докторъ Людовика XV. Этотъ кружокъ раздѣлялъ доктрины господствовавшей тогда во Франціи раціоналистической философіи. По ученію раціоналистической философіи, для соціальной жизни данъ «неизмѣнною» природою человѣка и ея отношеніями къ внѣшнему міру такой же «естественный» порядокъ вещей, стоящій внѣ условій времени и пространства, какой существуетъ для физической природы. И только такія мѣры правительства, которыя сообразуются съ этимъ порядкомъ, достигаютъ предположенной цѣли и приносятъ благо. Изъ такого взгляда на природу соціальныхъ отношеній самъ собою вытекалъ взглядъ и на задачу общественной науки. Задача науки состоитъ въ разъясненіи «абсолютнаго» порядка, установленнаго природою для человѣческихъ обществъ. Эта школа изслѣдователей естественнаго, абсолютнаго порядка вещей, названная поэтому физіократическою, первая дала наукѣ объ общественной жизни названіе политической экономіи. По воззрѣніямъ физіократовъ, возстановленіе господства естественнаго, идеальнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ требовало неограниченной свободы частнаго интереса, такъ какъ человѣкъ, руководимый своею личною выгодою, будетъ дѣйствовать въ то же время и для блага общества. Одинъ изъ представителей этой школы, Гурнэ, обращаясь къ королевскимъ министрамъ, говорилъ: «наилучшее, что вы можете сдѣлать для поднятія народнаго хозяйства, это предоставить людямъ полную свободу въ ихъ экономическихъ отношеніяхъ (laissez faire, laissez passer)». Разсказываютъ, что Кенэ на вопросъ дофина — что онъ сталъ бы дѣлать, если бы былъ королемъ? — отвѣчалъ: «Ничего». Такой взглядъ на задачу государства, на отношеніе его къ народной жизни объясняется, съ одной стороны, реакціею противъ дѣйствительно существо-

---

понимаетъ Спенсеръ, вполнѣ опровергается *смысломъ новой эпохи* человѣческихъ судебъ, рѣшительно выступившей съ конца прошедшаго столѣтія. Духовная, политическая и экономическая эмансипація, всестороннее развитіе индивида, составляютъ принципіальный смыслъ новой эпохи.

вавшей въ то время стѣснительной и вредной регламентаціи народной жизни; но, съ другой стороны, это ученіе было результатомъ новыхъ теченій жизни, получившихъ въ то время громадное значеніе въ дѣйствительности; это ученіе какъ нельзя болѣе соотвѣтствовало интересамъ крупной промышленности, капиталу, обогатившейся буржуазіи.

Такъ какъ изъ ученія физіократовъ объ экономической свободѣ логически вытекало требованіе уничтоженія всѣхъ экономическихъ привилегій и, между прочимъ, уничтоженія цеховъ и остатковъ феодальныхъ отношеній въ поземельной собственности, то это ученіе получило политическій характеръ. Въ то же время политическія теоріи французскихъ писателей, выставившія на своемъ знамени политическую свободу и равенство правъ гражданъ (слѣдовательно, уничтоженіе привилегій), тѣмъ самымъ затрогивали экомическій порядокъ вещей. Такимъ образомъ, экономическія и политическія реформаторскія идеи взаимно переплетались *). Экономическій и поли-

*) Причину отсутствія прямыхъ политическихъ тенденцій у англійскихъ экономистовъ новой школы XVIII столѣтія слѣдуетъ видѣть, по нашему мнѣнію, въ томъ, что Англія уже давно пользовалась широкою политическою свободою, а среднее сословіе правомъ представительства. Во Франціи XVIII вѣка среднее сословіе богатствомъ и образованіемъ опередило привилегированные классы: дворянство и духовенство; между тѣмъ, юридически, по закону, оно пользовалось самыми ничтожными политическими правами. Эту мысль и высказалъ за годъ передъ французскою революціею Сіейсъ въ своей знаменитой пророческой формулѣ: – «Что такое третье сословіе?—Все.—Чѣмъ оно было до сихъ поръ?—Ничѣмъ.—Чего требуетъ оно?—Быть чѣмъ-нибудь».

Лассаль мѣтко замѣчаетъ, что французская революція перенесла на бумагу то, что совершилось въ дѣйствительности.

Третье сословіе, уже во время царствованія Людовика XIV, достигло такого значенія, что исторіографъ этого сословія, Огюстенъ Тьери, считаетъ замѣчательнѣйшимъ дѣломъ этой эпохи сближеніе и смѣшеніе сословій. Замкнутость дворянства рушилась; оно стало служить при дворѣ и въ войскѣ, хотя въ своихъ случаяхъ почести и заслуги основаны были не на рожденіи, а на личныхъ достоинствахъ. Маршалы, изъ какого бы они ни были сословія, стояли выше герцоговъ; министры, вышедшіе изъ третьяго сословія, признавали выше себя только принцевъ крови; жены ихъ приглашались къ королевскому столу. Производство въ арміи основано было не на происхожденіи, а на очереди: по старшинству, либо за дѣйствительное отличіе по службѣ. Лица средняго класса, благодаря своему образованію и способностямъ, занимали высшія правительственныя мѣста и оказывали вліяніе на ходъ дѣлъ. Сенъ-Симонъ въ своихъ мемуарахъ называетъ царствованіе Людовика XIV *царствованіемъ подлой буржуазіи*, слова, имѣющія глубокій смыслъ и доказывающія переворотъ, случившійся со времени Ришелье и Фронды.

По мѣрѣ того какъ низводилось дворянство, возвышалось вліяніе среднихъ классовъ. Отъ нихъ исходило матеріальное и умственное развитіе. Вмѣстѣ съ возрастающимъ ихъ вліяніемъ росло и довѣріе къ нимъ. Явленіе это поразило моралиста того времени, Лабрюэра, который постоянно повторялъ, что

тическій порядки сдѣлались предметомъ возбужденій литературной борьбы. Самымъ могучимъ представителемъ раціоналистическихъ политическихъ идей этой эпохи былъ Руссо. «Нѣтъ имени, говоритъ профессоръ Блунчли, которое въ то время сіяло бы болѣе яркимъ свѣтомъ, чѣмъ имя женевскаго гражданина—Жанъ - Жака Руссо, и нѣтъ сочиненій, которыя въ большей мѣрѣ были бы почитаемы тогда новымъ евангеліемъ, чѣмъ сочиненіе Руссо.... Кто знаетъ сочиненія Руссо, тотъ имѣетъ ключъ къ государственной теоріи французской революціи». Огненною рѣчью громилъ Руссо обветшалые принципы средневѣковой эпохи и провозглашалъ новыя формы государственной жизни. Сочиненія его представляли страстный памфлетъ противъ существовавшаго общественнаго порядка, вдохновлявшій сердца и воспламенявшій умы. Въ основѣ всѣхъ воззрѣній и требованій Руссо лежитъ стремленіе осуществить верховную власть народа, свободу и равенство гражданъ. «Искусственное, нравственное неравенство, говоритъ Руссо, установленное лишь положительнымъ правомъ, противно естественному праву во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда оно не находится въ должномъ соотношеніи съ физическимъ, то-есть, естественнымъ неравенствомъ,—отличіе, достаточно опредѣляющее, что должно думать о господствующемъ повсюду у цивилизованныхъ народовъ неравенствѣ; ибо, очевидно, это идетъ въ разрѣзъ съ природою, какъ бы ее ни объясняли, чтобы дитя давало приказы старцу, чтобы глупецъ властвовалъ надъ мудрецомъ, и чтобы кучка людей утопала въ избыткѣ, между тѣмъ какъ голодная толпа нуждается въ необходимомъ».

Ученія физіократовъ и Руссо стали дѣломъ во французскую революцію *). Революціонное законодательство вѣрило, что осуще-

---

между тѣмъ какъ работа кипитъ въ рукахъ дѣятельныхъ низшихъ сословій, высшее дворянство погружается все болѣе въ лѣнивую дремоту. Почти всѣ министры той эпохи, многія знаменитости на военномъ поприщѣ, а на ученомъ и литературномъ рѣшительно всѣ, за исключеніемъ трехъ, вышли изъ буржуазіи: Корнель, Паскаль, Мольеръ, Расинъ, Лафонтенъ, Буало, Боссюетъ, Бардалу, Флешье, Массильонъ, Лабрюэръ, Арно, Николь, Дома; артисты: Пуссенъ, Лезюеръ, Лорренъ, Шампань, Лебренъ, Пюже. Три имени составляютъ исключеніе: Фенелонъ, Ларошфуко и М-ме де-Севинье.

*) Въ № 8 «Критическаго Обозрѣнія», г. Евгеній де-Роберти указываетъ на интересный историко-философскій этюдъ Dubost въ «Revue de la philosophie positive» t. XIX, озаглавленный: «Дантонъ и современная политика.»—«Авторъ, говоритъ г-нъ де-Роберти, задается цѣлью всесторонне освѣтить если не личность Дантона, о которомъ, какъ и о всѣхъ крупныхъ дѣятеляхъ великой революціи, написаны сотни томовъ, то, по крайней мѣрѣ, его политику, его стремленія, его общественные идеалы. Дантона авторъ признаетъ родоначальникомъ и самымъ виднымъ представителемъ современной политической школы, нашедшей себѣ выраженіе, между прочимъ, въ такъ называемомъ опортюнизмѣ. Такимъ образомъ, устанавливается

ствить идеи свободы, равенства и общаго матеріальнаго благосостоянія путемъ отмѣны юридическихъ привилегій и установленіемъ равенства всѣхъ передъ закономъ, учрежденіемъ республиканской формы правленія, покоющейся на принципѣ верховныхъ правъ народа, установленіемъ возможно широкой политической свободы, объявленіемъ свободы труда, торговли, собственности. Благороднѣйшія стремленія и вѣрованія эти не осуществились, и въ своемъ мѣстѣ мы укажемъ причины этой неудачи.

Теоріи французскихъ философовъ XVIII вѣка, касавшіяся важнѣйшихъ вопросовъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ работаетъ человѣческій умъ, оказали громадное вліяніе на движеніе мысли во всемъ образованномъ европейскомъ обществѣ. Профессоръ глазговскаго университета, Адамъ Смитъ, страстно желалъ лично познакомиться съ кружкомъ физіократовъ, и это желаніе ему удалось осуществить во

какъ бы прямая филіація въ руководящихъ идеяхъ, замыслахъ и способахъ выполненія ихъ между знаменитымъ трибуномъ первой республики и вождемъ нынѣшнихъ французскихъ республиканцевъ. Дантонъ уже замышлялъ то, что суждено было осуществить, восемьдесятъ лѣтъ спустя, Гамбеттѣ и его единомышленникамъ... Въ эпоху первой революціи, три философскія школы могли прямо вліять на общество и политику: школа Вольтера, школа Руссо и школа Дидро или энциклопедистовъ въ тѣсномъ смыслѣ слова; и каждое изъ этихъ направленій, дѣйствительно, наложило неизгладимую печать на событія того времени. Но вліяніе ихъ было весьма неравное; идеи Руссо преобладали, идеи Вольтера имѣли многочисленныхъ сторонниковъ (жирондисты и ихъ преемники); а мнѣнія и взгляды Дидро находили только слабый отголосокъ (группа дантонистовъ). Дюбо объясняетъ это явленіе тѣмъ, что масса умовъ, воспитанныхъ на теологическихъ и метафизическихъ доктринахъ, должна была, очевидно, примкнуть къ направленіямъ, которыя были наиболѣе близки, по своему духу и пріемамъ, къ этимъ доктринамъ. Направленія эти открыто проповѣдовали возможность мгновеннаго возрожденія общества, и масса послушно шла за магами и чудодѣями, обѣщавшими ей такія превращенія. Отличительною чертою школы Дидро и ея представителей въ политикѣ, группы дантонистовъ, было то, что они никогда не раздѣляли этихъ иллюзій и дѣлали все, что могли, чтобы разсѣять ихъ, отрезвить умы, пріучить общество къ пониманію истинныхъ условій роста и развитія соціальныхъ организмовъ. Школа Дидро не выставляла въ политикѣ никакой общей непогрѣшимой доктрины; она защищала права эмпиризма, повседневнаго опыта, она совѣтовала неустанно трудиться и пользоваться уроками событій. Дантонъ, по мнѣнію Дюбо, былъ проникнутъ именно такимъ взглядомъ, и его политика оказала революціи величайшія услуги; лучшія мѣры того времени были приняты по его почину; задачи революціи—уничтоженіе королевской власти и защита территоріи — были разрѣшены чисто эмпирическимъ путемъ, подъ непосредственнымъ давленіемъ обстоятельствъ, т.-е. вполнѣ согласно съ принципами, руководившими политикой Дантона. Но торжество политики эмпиризма было, какъ извѣстно, недолгое; абсолютныя доктрины господствовали надъ умами, и потребовалось цѣлыхъ три четверти столѣтія, чтобы новѣйшія доказать полнѣйшую несостоятельность этого направленія. Исторія республиканской партіи во Франціи, съ самаго паденія первой республики и до нашихъ дней, прямо

вторую свою поѣздку во Францію въ 1765 г. Ниже мы увидимъ, какое сильное вліяніе оказало на міросозерцаніе Адама Смита его тринадцатимѣсячное пребываніе въ кружкѣ Гельвеціуса, Кенэ и Тюрго. По возвращеніи на родину, Адамъ Смитъ поселился въ Киркальди и въ сельскомъ уединеніи неутомимо работалъ, въ теченіе 10 лѣтъ, надъ «Богатствомъ народовъ». Весьма знаменательный фактъ, могущій случаться только съ творцами априористическихъ теорій, что на Адама Смита временами находило сомнѣніе въ истинности его научныхъ убѣжденій, и отсюда—апатія къ своему труду. Въ это тяжелое время Юмъ поддерживалъ и ободрялъ своего друга. «Изслѣдованіе о природѣ и причинахъ богатства народовъ» вышло въ 1766 г., и въ первое время далеко не произвело того впечатлѣнія, какъ предыдущее сочиненіе Смита — «Теорія нравственныхъ чувствъ»; только

свидѣтельствуетъ о господствѣ въ этотъ долгій періодъ времени метафизическаго умственнаго строя—la mentalité métaphisique; республиканцы слѣдовали традиціямъ жирондистовъ, робеспьеристовъ, гебертистовъ; но никто изъ нихъ и не подозрѣвалъ даже, что у Дантона и его группы была какая-либо своя, отличная отъ другихъ, политика, и, въ особенности, что эта политика была слѣдствіемъ философіи, діаметрально противоположной господствовавшимъ въ эпоху первой революціи философскимъ понятіямъ. Дантоновская политика была затерта великимъ революціоннымъ теченіемъ, приведшимъ Францію къ 18 Брюмера; но то же случилось, въ мірѣ философіи, и съ школою Дидро, которая вскорѣ перестала быть извѣстной иначе, какъ только съ литературной и художественной сторонъ своихъ. Энциклопедическая школа, прямо объявлявшая себя безсильною разрѣшить задачу соціальнаго возрожденія, не могла представлять никакого интереса для умовъ, насквозь пропитанныхъ теолого-метафизическими стремленіями. Но за то школа эта, основанная исключительно на положительномъ знаніи, незамѣтно обогащалась всѣми успѣхами этого знанія; она одна между всѣми философскими направленіями XVIII вѣка сохранила способность къ дальнѣйшему росту и развитію. Школы Вольтера и Руссо, несмотря на возбужденную ихъ политическими представителями шумиху фразъ и трескотню событій, остались такими же, какими онѣ были при самомъ возникновеніи своемъ. Напротивъ того, казавшаяся забытою всѣми школа Дидро въ тотъ же промежутокъ времени испытала полное перерожденіе или обновленіе. Вначалѣ горизонтъ энциклопедической доктрины былъ также ограниченъ, какъ горизонтъ наука. Съ перваго дня своего существованія она согласилась оставаться незначительною, отрывочною. Она не стремилась ни къ невидимому, ни къ недоступному. Она отталкивала отъ себя абсолютное и утверждала относительное. Школа эта не менѣе другихъ чувствовала и понимала необходимость общей доктрины или синтеза. Но она терпѣливо ждала того времени, когда наука могла доставить ей всѣ нужные для такого обобщенія элементы. Вотъ почему она оказалась способною прогрессировать и, дѣйствительно, ушла впередъ. Обновленіе это принесла философія положительнаго знанія, которая, какъ общій синтезъ, обнимающій все познаваемое путемъ объективнымъ, стала возможна лишь послѣ включенія въ научную систему сумму двухъ наиболѣе близко касающихся человѣка и наиболѣе интересныхъ для него слагаемыхъ: науку о жизни—біологію—и науку объ обществѣ—соціологію.

спустя нѣсколько лѣтъ этотъ трудъ сталъ экономическимъ евангеліемъ для всей Европы.

Для нашей цѣли нѣтъ надобности излагать содержаніе «Богатства народовъ», а достаточно указать исходныя точки зрѣнія, послужившія основою этого сочиненія.

§ 3. Ученія Руссо и физіократовъ о существованіи «естественныхъ законовъ» человѣческаго общества, покоющихся на природѣ человѣка и ея неизмѣнныхъ отношеніяхъ къ внѣшнему міру, законовъ, одинаково приложимыхъ ко всякому народу и времени, слѣдовательно абсолютныхъ, но искаженныхъ ложно направляемыми правительственными учрежденіями, получили значеніе краеугольнаго камня въ экономической теоріи Смита *). Чтобы осуществить этотъ наилучшій, естественный общественный порядокъ, надо только предоставить полную свободу проявленіямъ человѣческой природы, которая предполагалась у всѣхъ людей одинаковою и неизмѣнною. Природа человѣка противопоставлялась искусственности всего общественнаго быта, какъ самородный, неизсякаемый источникъ разума и всякаго блага. «Все прекрасно, говорилъ Ж. Ж. Руссо, что исходитъ изъ рукъ Творца, все искажается въ рукахъ человѣка». Кондорсе училъ, что если бы человѣкъ повиновался законамъ природы, то нельзя было бы положить границъ развитію его благодѣтствія. Отсюда сами собою вытекли теоріи прирожденныхъ правъ, общественнаго договора, суверенитета народа, устраненія всякаго вмѣшательства государства въ экономическую жизнь и водворенія неограниченной свободы борьбы личныхъ интересовъ. За государствомъ оставлялась только одна охранительная функція:—защита внутренней и внѣшней безопасности и выполненіе правосудія.

Идея о возможно большемъ ограниченіи дѣятельности государства была логическимъ слѣдствіемъ борьбы XVIII вѣка противъ произвола абсолютизма и привилегій феодальнаго порядка. Но нигдѣ эта борьба не проявлялась съ такою страстностью, нигдѣ она не была доведена до такихъ крайностей, какъ во Франціи. Фактъ этотъ, очевидно, объясняется положеніемъ дѣлъ въ этой странѣ. Ни въ одной

*) Изъ очерка, оставшагося отъ предположенной Смитомъ, но не приведенной въ исполненіе «Исторіи юриспруденціи», видимъ его намѣреніе изложить теорію *естественной* юриспруденціи. Каждая система положительнаго закона, говоритъ Смитъ въ этомъ очеркѣ, можетъ быть разсматриваема какъ болѣе или менѣе несовершенная попытка приближенія къ системѣ *естественной* юриспруденціи, и главная цѣль юридическаго изслѣдованія заключается въ томъ, чтобы узнать *естественныя* правила правосудія, независимыя отъ всѣхъ положительныхъ установленій.

странѣ произволъ, привилегіи и монополіи не были такъ нестерпимы, какъ во Франціи. Французское правительство XVIII вѣка управляло страною несравненно хуже правительствъ другихъ народовъ. Никогда и нигдѣ авторитетъ правительства не подвергался такому злословію, пасквилямъ, какъ во время правленія Людовиковъ XV и XVI. Никогда привилегированные классы не пользовались болѣе гнуснымъ образомъ своими привилегіями. нигдѣ разореніе народа не было доведено до такой ужасной степени, какъ въ тогдашней Франціи. Чѣмъ сильнѣе былъ гнетъ правительства. привилегій обветшалаго законодательства, тѣмъ съ большею страстностью проповѣдывались идеи свободы. равенства и невмѣшательства государства.

Признавая наилучшимъ общественнымъ порядкомъ «естественный строй вещей», Ад. Смитъ, согласно съ физіократами, считалъ важнѣйшею задачею общественной науки — раскрытіе этого естественнаго порядка какъ въ цѣломъ, такъ и въ частностяхъ. Цѣлью труда Смита было не объясненіе прошедшаго. настоящаго и вытекающихъ изъ настоящаго указаній ближайшаго будущаго экономическаго строя,—въ прошедшихъ и настоящихъ народно-хозяйственныхъ организаціяхъ онъ видѣлъ лишь нелѣпую регламентацію, порожденную, съ одной стороны, невѣжествомъ, непониманіемъ истинныхъ причинъ нарастанія національнаго богатства и благосостоянія, съ другой, стремленіемъ господствующихъ классовъ къ эксплоатаціи; — цѣлью его труда было построеніе теоріи наилучшаго, абсолютнаго экономическаго порядка,—порядка, долженствующаго еще быть осуществленнымъ. И если теорія Смита, въ скоромъ времени, дѣйствительно въ значительной степени осуществилась, особенно въ Англіи и Франціи, то потому, что она соотвѣтствовала духу времени. интересамъ промышленнаго и торговаго классовъ, получившихъ къ концу XVIII вѣка господствующее вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ.

Первое требованіе естественнаго порядка вещей въ народномъ хозяйствѣ. по ученію Смита, состоитъ въ невмѣшательствѣ государства въ экономическую дѣятельность и въ предоставленіи ея волѣ индивидовъ. Съ устраненіемъ вмѣшательства государства, народное хозяйство цѣликомъ переходитъ въ руки частныхъ хозяйствъ, почему теорія Смита занимается исключительно изслѣдованіемъ: — какую организацію приметъ народное хозяйство, предоставленное свободной дѣятельности частныхъ хозяйствъ. Очевидно, первый вопросъ въ этомъ изслѣдованіи:—чѣмъ руководится человѣкъ, будучи совершенно свободенъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ? Хозяйственныя дѣйствія человѣка находятся подъ вліяніемъ многихъ мотивовъ. Но Смитъ счелъ возможнымъ выдѣлить изъ нихъ господствующій, именно стремленіе чело-

вѣка извлечь изъ своей хозяйственной дѣятельности возможно бо́льшую сумму средствъ для удовлетворенія своихъ потребностей. Въ мѣновомъ хозяйствѣ, — а современное хозяйство есть почти всецѣло мѣновое,—стремленіе извлечь возможно бо́льшую выгоду проявляется въ томъ, что всѣ желаютъ продать какъ можно дороже и купить какъ можно дешевле. Въ своемъ сочиненіи Смитъ исключительно имѣетъ въ виду это эгоистическое стремленіе человѣческой природы и выводитъ изъ него всѣ хозяйственныя явленія *). Далѣе, господство эго-

*) Профессоръ Брентано усматриваетъ въ этомъ пріемѣ изслѣдованія Смитомъ хозяйственныхъ явленій вліяніе на него воззрѣній Гельвеція, высказанныхъ послѣднимъ въ книгѣ «De l'esprit». Извѣстно, говоритъ Брентано, что Ад. Смитъ издалъ въ свѣтъ въ 1759 г. «Теорію нравственныхъ чувствъ», гдѣ, между прочимъ, говорится:—«То объясненіе человѣческой природы, которое выводитъ всѣ чувства и склонности изъ себялюбія, надѣлавшее столь много шума, и которое, однако, по моему убѣжденію, еще никогда не было обстоятельно изслѣдовано, кажется мнѣ происходящимъ изъ неяснаго пониманія системы симпатіи».—Въ изслѣдованіи же о богатствѣ народовъ», Смитъ раздѣляетъ вполнѣ взгляды книги Гельвеція о природѣ человѣка и объ эгоизмѣ, какъ единственной побудительной причинѣ человѣческихъ поступковъ. Слѣдствія, вытекающія изъ этой догмы, проходятъ почти чрезъ всѣ части сочиненія. До такой степени представлялся ему эгоизмъ какъ единственно возможное побужденіе человѣческихъ поступковъ, что онъ, по поводу извѣстнаго постановленія квакеровъ въ Пенсильваніи, даровавшаго свободу рабамъ и вытекшаго изъ религіозныхъ мотивовъ, пишетъ слѣдующее:—«это постановленіе можетъ насъ убѣдить, что число рабовъ не могло быть очень велико; обработывай рабы значительную часть ихъ собственности, подобное рѣшеніе никогда не могло бы быть принято» («Das Arbeitsverhältniss», v. Brentano. 1877).

Приведенный Брентано примѣръ объясненія Смитомъ рѣшенія квакеровъ дѣйствительно разительный; но едва-ли ему можно приписать значеніе рѣшающаго доказательства, что Смитъ, подъ вліяніемъ воззрѣній Гельвеція, отказался отъ взглядовъ, высказанныхъ имъ въ «Theory of Moral Sentiments». Дѣло въ томъ, что наблюденія дѣйствительности не могли не привести Смита къ выводу, что люди въ своихъ частно-хозяйственныхъ дѣлахъ руководятся почти исключительно личнымъ интересомъ; а такъ какъ его теорія ограничивается изслѣдованіемъ системы частныхъ хозяйствъ, то онъ, не дѣлая большой ошибки и въ то же время значительно упрощая изслѣдованіе, могъ принять эгоизмъ за единственный двигатель поступковъ въ частно-хозяйственной сферѣ. Примѣненіе Смитомъ психологической дедукціи къ изслѣдованію частно-хозяйственныхъ явленій было не только вполнѣ возможно, но и плодотворно. Главная масса открытій, которыми онъ обогатилъ науку, составляетъ результатъ примѣненія дедуктивнаго метода. Смитъ уединялъ изслѣдуемое явленіе отъ разныхъ, болѣе чѣмъ второстепенныхъ явленій и разсматривалъ, какъ сложится это явленіе подъ вліяніемъ господствующей причины. Результатъ, полученный такимъ образомъ, будетъ имѣть въ общемъ характерѣ большое сходство съ дѣйствительностью. Примѣненная Смитомъ дедукція близко подходитъ къ статистическому методу среднихъ чиселъ. Дедуктивный методъ, не приложимый къ объясненію народнаго хозяйства въ его цѣломъ, — что составляетъ предметъ изслѣдованій новѣйшей школы политической экономіи, — вполнѣ примѣнимъ къ изслѣдованію системы частныхъ хозяйствъ. Намъ кажется, что именно это обстоятельство

изма въ частно-хозяйственной сферѣ Смитъ разсматриваетъ не только какъ фактъ, но и какъ единственную силу, могущую, при условіи полной свободы, осуществить наилучшій экономическій порядокъ. «Всякій человѣкъ, говоритъ онъ, старается всѣми силами сдѣлать самое выгодное употребленіе изъ своего капитала; правда, онъ имѣетъ въ виду свой собственный интересъ, а вовсе не общественную пользу, но забота о личной выгодѣ естественно и необходимо побуждаетъ его избрать именно тотъ путь, который оказывается самымъ выгоднымъ для общества... Преслѣдуя свою собственную выгоду, человѣкъ часто работаетъ на общую пользу болѣе дѣйствительнымъ образомъ, чѣмъ если бы задался такою цѣлью». Такимъ образомъ, значеніе эгоизма возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ, и частные, индивидуальные интересы отождествляются съ интересами общества. Сквозь все сочиненіе Смита проходитъ мысль, что, при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціей, сами собою разовьются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатства; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Эта вѣра въ благіе результаты эгоизма представляетъ собою частный выводъ изъ присущаго французской литературѣ XVIII вѣка преклоненія передъ человѣческою природою, которая, предполагалось, освобожденная отъ внѣшнихъ преградъ для своего проявленія, ведетъ какъ отдѣльное лицо, такъ и цѣлое общество къ желаемому благосостоянію. Но помимо вліянія на А. Смита воззрѣній Руссо и физіократовъ, существуетъ, какъ справедливо замѣчаетъ академикъ И. И. Янжулъ, еще другой, чисто личный, факторъ, который доставилъ пищу абстрактнымъ построеніямъ Смита о благодѣтельномъ, справедливомъ и естественномъ экономическомъ порядкѣ, который долженъ водвориться на землѣ, благодаря свободному дѣйствію индивидуальныхъ

упускалось и упускается изъ вида экономистами, дѣлающими Ад. Смиту упрекъ за примѣненіе имъ дедуктивнаго метода.

Другое дѣло—оптимистическій взглядъ Смита на характеръ хозяйственныхъ явленій, руководимыхъ эгоизмомъ при системѣ свободной конкуренціи! По недостатку статистическаго матеріала, Смитъ не могъ употребить «обратно-дедуктивнаго метода» и увидѣть ошибочность своего оптимизма.

интересовъ. Этотъ факторъ заключается въ теологическихъ воззрѣніяхъ Смита. Законы природы, которые управляютъ человѣческимъ общежитіемъ, являются у него выраженіемъ воли Провидѣнія, которое премудро направляетъ людей къ наивозможно большему на землѣ счастію. Эти законы дѣлаются для Смита предметомъ вѣры, и начала человѣческой природы, предоставленныя ихъ естественнымъ влеченіямъ, могутъ привести только къ самому благодѣтельному развитію всѣхъ способностей человѣка. При такой постановкѣ вопроса становится излишней человѣческая забота о наилучшемъ назначеніи матеріальныхъ цѣнностей и ихъ распредѣленіи: человѣческое законодательство безполезно тамъ, гдѣ прямо проявляется воля Провидѣнія, ведущая людей къ наилучшему обезпеченію ихъ матеріальнаго благосостоянія. Мы видѣли уже образецъ этой стороны воззрѣній Адама Смита:—«Человѣкъ, по его словамъ, дѣйствуя исключительно для своего интереса, нисколько не заботясь объ общественномъ благѣ, а только о своей наибольшей выгодѣ, въ дѣйствительности, однако, служитъ ближайшимъ пользамъ всего общества; въ этомъ, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, онъ ведется невидимой рукой къ цѣли, которая вовсе не была въ предѣлахъ его намѣренія». Одинаковая мысль повторяется Смитомъ и въ его «Теоріи нравственныхъ чувствъ», которая составляетъ необходимое дополненіе къ «Изслѣдованію богатства народовъ». «Продукты почвы, говоритъ онъ здѣсь, во всякое время содержатъ то количество жителей, которое они способны содержать. Богатые выбираютъ только изъ массы продуктовъ то, что есть самаго драгоцѣннаго и пріятнаго. Они употребляютъ немного болѣе, нежели бѣдные, не смотря на естественное себялюбіе и жадность; хотя они думаютъ притомъ только о собственныхъ удобствахъ, хотя ихъ единственная цѣль, для которой они пользуются трудами всѣхъ тысячъ людей, употребляемыхъ ими въ работу, въ томъ, чтобы удовлетворять свои тщеславныя и ненасытныя желанія,—не смотря на все это, однимъ словомъ, они раздѣляютъ съ бѣдными продукты всѣхъ своихъ успѣховъ. Они ведутся невидимой рукой къ тому, чтобы произвести почти то же распредѣленіе необходимостей жизни, которое могло бы быть сдѣлано, если бы вся земля была раздѣлена на равныя доли между всѣми жителями, и, такимъ образомъ, безъ намѣренія и безъ сознанія, они двигаютъ впередъ интересы общества и доставляютъ средства къ размноженію человѣчества. Когда Провидѣніе раздѣлило всю землю между немногими владѣльцами, Оно не забыло и не покинуло тѣхъ, которые, повидимому, остались внѣ этого раздѣла». Такимъ путемъ, подъ вліяніемъ естественнаго права и теологическихъ представленій, сложилось у Смита убѣжденіе въ томъ, что, по естественному закону, индивидуальные интересы гармонируютъ съ общественными.

Вышеизложенное показываетъ, что основныя положенія теоріи Ад. Смита состоятъ:—1) въ признаніи естественнаго, абсолютнаго экономическаго порядка, 2) въ устраненіи активной дѣятельности государства, и отсюда—ограниченіе народнаго хозяйства системою частныхъ хозяйствъ. 3) въ возвеличеніи эгоизма до значенія основнаго принципа народнаго хозяйства, и отсюда—отождествленіе индивидуальныхъ интересовъ съ общественными и почти исключительное пользованіе при изслѣдованіи хозяйственныхъ явленій дедуктивныхъ методовъ.

Сочиненіе Ад. Смита, систематизировавшее передовыя экономическія идеи и притомъ изложившее ихъ съ замѣчательной ясностью и убѣдительной аргументаціей, оказало сильное вліяніе на законодательство и, такимъ образомъ, ускорило «либеральный» ходъ развитія экономическихъ фактовъ. Теорія Смита сдѣлалась вскорѣ почти аксіомой для государственныхъ людей, и если не проводилась ими немедленно въ жизнь во всей ея полнотѣ и послѣдовательности, то только потому, что находили нужнымъ считаться съ предразсудками. Вмѣстѣ съ тѣмъ, открытія Харгревса, Аркрайта и Уатта, примѣняясь болѣе и болѣе къ дѣлу, ускоряли переворотъ въ промышленности. Эти техническія изобрѣтенія примѣнялись въ городахъ, стоявшихъ внѣ цеховыхъ законовъ, кодифицированныхъ королевою Елизаветою въ 1562 году и носившихъ названіе «Законы объ ученичествѣ». Въ силу юридическаго толкованія, подчиненными закону Елизаветы признавались лишь тѣ города и мѣстечки, которые существовали до изданія закона и пользовались уже тогда корпоративными правами, а потому большое число отраслей промышленности, и притомъ самыхъ важнѣйшихъ, были изъяты отъ дѣйствія этого закона. Благодаря этому обстоятельству, крупная промышленность въ Англіи къ концу XVIII ст., получила перевѣсъ надъ мелкою. Выгоды, представляемыя крупною промышленностью, побуждали хозяевъ различныхъ промышленныхъ отраслей, находящихся въ городахъ, подчиненныхъ цеховой организаціи, обращаться въ парламентъ съ петиціями о пріостановленіи и отмѣнѣ закона Елизаветы, и парламентъ сначала пріостанавливаетъ изъ году въ годъ, а потомъ и совершенно отмѣняетъ этотъ законъ постепенно то для той, то для другой отрасли промышленности. Въ 1814 году, послѣ столѣтней борьбы между крупною и мелкою промышленностями, принципъ экономической свободы одержалъ окончательную побѣду, и законъ Елизаветы былъ отмѣненъ всецѣло.

Во Франціи новый порядокъ вещей былъ признанъ юридически въ знаменитую ночь 4-го августа 1789 года. Та же односторонне понятая идея свободы труда, ради которой были отмѣнены цехи, за-

ставила законодательство французской революціи уничтожить корпоративную организацію въ сельской промышленности. Дѣятели революціи не понимали, что коллективная собственность и автономія общинъ составляютъ единственную прочную основу демократіи. Закономъ 10-го іюня 1793 года, конвентъ опредѣлилъ произвести поголовный раздѣлъ общинныхъ имуществъ между всѣми жителями общинъ.

§ 4. Событія, подготовившія французскую революцію, сочиненія великихъ мыслителей второй половины восемнадцатаго вѣка, отпаденіе сѣверо-американскихъ колоній отъ метрополіи и образованіе изъ нихъ независимыхъ республикъ на началахъ, выработанныхъ политическою философіею, оказали сильнѣйшее вліяніе на умы и политическія ученія. Основная мысль философско-политическаго движенія заключалась въ признаніи, что главнѣйшею, почти что исключительною причиною человѣческихъ бѣдствій всегда было и есть дурное правительство, поддерживающее выгодные для него и неблагопріятные для народа общественные порядки, и что достаточно однихъ политическихъ и экономическихъ преобразованій въ духѣ свободы для осуществленія благоденствія на землѣ. Одинъ изъ талантливѣйшихъ представителей этихъ воззрѣній въ Англіи, Вильямъ Годвинъ, издалъ въ 1793 году книгу «О политической справедливости», въ которой выводилъ всѣ соціальныя неустройства изъ недостатковъ законодательства и политическихъ учрежденій.

Въ опроверженіе такого взгляда, Мальтусъ обнародовалъ, въ 1798 году, «Опытъ о законѣ народонаселенія», въ которомъ, въ противоположность Годвину, сводилъ соціальныя невзгоды къ чрезмѣрному размноженію людей. Сравнивая бѣды, причиняемыя странѣ дурнымъ правительствомъ, съ бѣдствіями, порождаемыми чрезмѣрнымъ размноженіемъ, онъ находитъ первыя до такой степени ничтожными, что не слѣдуетъ даже принимать ихъ въ разсчетъ въ такого рода изслѣдованіяхъ.

Основная мысль Мальтусова ученія извѣстна:—населеніе имѣетъ тенденцію увеличиваться быстрѣе средствъ существованія; неизбѣжнымъ результатомъ этого факта являются пороки, преступленія, болѣзни, эпидеміи, войны, увеличивающія смертность и уменьшающія количество населенія до размѣра средствъ существованія. Для предупрежденія или, по крайней мѣрѣ, уменьшенія этихъ бѣдствій Мальтусъ требуетъ: а) уничтоженія частной и общественной благотворительности и законодательства о бѣдныхъ, какъ поощряющихъ размноженіе *); б) отъ холостого человѣка—воздержанія отъ вступленія

*) «Человѣкъ, пришедшій въ занятый уже міръ, говоритъ Мальтусъ, если родители не въ состояніи прокормить его, или *если общество не въ состояніи*

въ бракъ, пока онъ не пріобрѣтетъ средствъ для содержанія семьи; отъ женатаго—воздержанія отъ рожденія такого числа дѣтей, какое онъ не можетъ прокормить. Такого рода благоразуміе и предусмотрительность, спѣшитъ прибавить Мальтусъ, должны быть, во-первыхъ, свободны и добровольны, во-вторыхъ, они должны быть нравственны.

Но болѣе логическіе или, правильнѣе сказать, болѣе откровенные послѣдователи ученія Мальтуса не могли не признать, что въ разсчетахъ на возможность содержанія семьи или лишняго члена ея должны весьма часто случаться ошибки; и далѣе, что еще важнѣе, надежда на воздержаніе массъ отъ физической любви представляетъ собою наивнѣйшую иллюзію; а потому они требовали, чтобы законодательство повліяло на уменьшеніе числа браковъ, обставивъ право вступать въ бракъ извѣстнымъ имущественнымъ цензомъ. И извѣстно, это требованіе сдѣлалось закономъ во многихъ европейскихъ государствахъ. Но запрещеніе вступать въ бракъ, какъ и слѣдовало предвидѣть, не достигало цѣли, а только увеличивало число незаконнорожденныхъ. Вслѣдствіе этого для логическихъ мальтузіанцевъ предстала дилемма: или чрезмѣрное размноженіе населенія и съ нимъ всѣ ужасы, или ослабленіе чистоты нравовъ. Они отдали предпочтеніе послѣднему, и отсюда появленіе скандальныхъ сочиненій, написанныхъ съ самыми лучшими намѣреніями. Поэтому не правы послѣдователи Мальтуса, упрекая Прудона, назвавшаго ученіе Мальтуса, «позоромъ нравственности», въ оклеветаніи ихъ учителя. Помимо того, что Прудонъ имѣлъ полное основаніе видѣть центръ тяжести ученія не въ иллюзіи о добровольномъ воздержаніи отъ физической любви, а въ логическихъ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ ученія, но и у самого Мальтуса есть намеки, что нравственность находится въ меньшей зависимости отъ характера отношеній между полами, чѣмъ это принимается. Правда, мысль эту онъ всегда высказываетъ осторожно, въ неясныхъ выраженіяхъ. Напримѣръ,

---

воспользоваться его трудомъ, не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать какого-бы то ни было пропитанія, и, въ дѣйствительности, онъ лишній на землѣ. На великомъ жизненномъ пиру нѣтъ для него мѣста. Природа повелѣваетъ ему удалиться и не замедлитъ сама привести въ исполненіе свой приговоръ».

Эти слова исключены Мальтусомъ во второмъ изданіи книги; но духъ его ученія остался тотъ же. Такъ, напримѣръ, въ послѣдующихъ изданіяхъ читаемъ: «Всѣ такъ называемыя благотворительныя заведенія и филантропическія мѣры, воспитательные дома, богадѣльни, больницы, рабочіе дома производятъ добро, ничтожное сравнительно съ порождаемымъ ими зломъ»... «Слѣдуетъ издать законъ, по которому въ приходскихъ пособіяхъ будетъ отказано дѣтямъ, которыя родятся отъ браковъ, заключенныхъ годъ спустя послѣ обнародованія закона, и всѣмъ незаконнорожденнымъ, которыя родятся черезъ два года послѣ объявленія закона».

онъ говоритъ въ одномъ мѣстѣ слѣдующее: «Мнѣ было бы крайне прискорбно, еслибы я высказалъ что либо, что могло бы быть перетолковано, прямо или косвенно, въ смыслѣ неблагопріятномъ для добродѣтели. Но я не думаю, чтобы проступки, о которыхъ идетъ рѣчь, могли бы разбираться только въ нравственномъ отношеніи, ни даже, чтобы они были самыми важными проступками. Правда, они постоянно или, по крайней мѣрѣ, въ большомъ числѣ случаевъ, влекутъ за собой несчастія и потому должны строго сдерживаться, но существуютъ пороки, послѣдствія которыхъ еще болѣе пагубны и вызываютъ положенія, еще болѣе печальныя. Крайняя бѣдность предрасполагаетъ къ искушеніямъ еще болѣе сильнымъ...»

Ниже мы разсмотримъ истинность основного положенія Мальтусовой теоріи, а пока замѣтимъ, что экономисты, признающіе законъ Мальтуса и въ то же время предлагающіе различныя мѣры къ устраненію или, по крайней мѣрѣ, ослабленію соціальныхъ бѣдствій, представляютъ тѣмъ самымъ замѣчательный примѣръ или иллюзіи, или непослѣдовательности. Никакая мѣра, по ученію Мальтуса, не можетъ уменьшить человѣческихъ бѣдствій, если рядомъ съ нею не будетъ уменьшаться ростъ народонаселенія чрезъ воздержаніе отъ физической любви. Слѣдовательно, предложеніе мальтузіанцемъ какихъ-либо соціальныхъ мѣръ, съ цѣлью увеличить благосостояніе народа, получаетъ смыслъ лишь при признаніи имъ за массою способности къ воздержанію отъ физической любви; но въ такомъ случаѣ онъ представляетъ примѣръ поразительно наивнаго фантазера *); если же мальтузіанецъ не раздѣляетъ этой иллюзіи, тогда выступаетъ его непослѣдовательность. Логическимъ мальтузіанцамъ слѣдуетъ оставить всякія заботы объ улучшеніи соціальнаго быта и не думать о судьбахъ человѣчества съ ихъ неизбѣжно-мрачнымъ характеромъ. Милль въ своемъ трактатѣ о политической экономіи говоритъ, что «если бы эта наука не могла предложить средствъ для устраненія бѣдности, рабскаго состоянія низшихъ классовъ, изнуряющихся съ ранняго утра до поздней ночи работою лишь для одного своего прокормленія, а способна была только опровергнуть всякіе планы къ тому, доказать, что невозможно ничего сдѣлать, тогда она была бы наукою печальною, не возбуждающею признательности къ себѣ». Благодаря допускаемой имъ иллюзіи объ уменьшеніи роста размноженія людей чрезъ воздержаніе отъ физической любви, онъ не считаетъ ее таковой. Мы же думаемъ:—такъ какъ ученіе Мальтуса до послѣдняго времени имѣло значеніе краеугольнаго камня политической экономіи, то для

*) Если такой замѣчательный мыслитель, какъ Милль, раздѣляетъ эту иллюзію, то это, по нашему мнѣнію, служитъ лучшимъ доказательствомъ присущаго людямъ свойства—легко соглашаться съ тѣмъ, чего они очень желаютъ.

человѣка логическаго и чуждаго иллюзіи—ожиданія значительныхъ результатовъ отъ воздержанія—политическая экономія, дѣйствительно должна была представляться мрачною наукою. Непризнаніе Мальтусова ученія нѣсколькими учеными (Оуэнъ, Сенъ-Симонъ, Кабе, Фурье, Прудонъ, Леру, Кэри, Марксъ, Дюрингъ) объяснялось экономистами или фантастическими грезами о невозможномъ общественномъ устройствѣ, или непониманіемъ ученія, или чувствомъ нелюбви къ ученію, покоряющимся непріятной истинѣ только по истощеніи всѣхъ уловокъ, посредствомъ которыхъ можно уклоняться отъ признанія истины. И далѣе мы полагаемъ:—такъ какъ ложныя и бѣдственныя для рабочихъ классовъ ученія Смито-Мальтузіанской школы, занимавшія до шестидесятыхъ годовъ господствующее значеніе въ политической экономіи и совпадавшія съ интересами буржуазіи, оказали сильнѣйшее вліяніе на законодательства и общественное мнѣніе, то политическая экономія Смитовскаго направленія была не только печальною, но, во многихъ отношеніяхъ, и вредною теоріею.

§ 5. Писатель, оказавшій, послѣ Адама Смита и Мальтуса, сильнѣйшее вліяніе на экономическія воззрѣнія, былъ Рикардо. Главное его сочиненіе: «Начала политической экономіи и налоговъ» вышло въ 1817 году. Рикардо, какъ и Смитъ, является защитникомъ неограниченной свободы личнаго интереса. «При системѣ безграничной свободы промышленности, говоритъ онъ, каждая страна даетъ своему капиталу и труду такое назначеніе, какое наиболѣе для нея выгодно... Увеличивая общую массу произведеній, она распространяетъ всеобщее благосостояніе и силою интереса связываетъ въ одно цѣлое народы всего цивилизованнаго міра».

Принявъ исходными точками основные принципы ученій Смита и Мальтуса, Рикардо исправилъ нѣкоторые неточные выводы своихъ предшественниковъ и развилъ ихъ принципы далѣе, черезъ что многіе важные вопросы получили совсѣмъ иное рѣшеніе. Важнѣйшія изслѣдованія этого писателя относятся къ теоріи распредѣленія народнаго дохода. Подобно Смиту, Рикардо принимаетъ три источника дохода: поземельную ренту, заработную плату и прибыль, соотвѣтственно участію въ производствѣ—земли, труда и капитала. Но онъ расходится съ Смитомъ касательно условій, управляющихъ высотою ихъ, и ихъ взаимнымъ отношеніемъ.

Въ ученіи Рикардо о поземельной рентѣ заключается одно неоспоримое положеніе, а именно, что доходъ съ земельной собственности обусловливается качествами почвы и другими естественными преимуществами земли. Этотъ фактъ имѣетъ важное соціальное значеніе. Имъ порождается вопросъ о справедливости присвоенія земле-

владѣльцами земельной ренты; онъ оказываетъ, въ области частной собственности на землю, громадное вліяніе на централизацію богатствъ, проистекающую притомъ не изъ дѣятельности собственниковъ земли, а какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ и, главнымъ образомъ, нарастанія населенія *). Вопросъ о справедливости присвоенія земельной ренты лишь однимъ классомъ общества не могъ быть затронутъ Рикардо по самому духу его ученія, признававшаго безграничное право собственности на всѣ матеріальные предметы естественнымъ закономъ народнаго хозяйства; вопросъ же о вліяніи земельной ренты на концентрацію богатствъ разсмотрѣнъ имъ единственно въ примѣненіи къ сельско-хозяйственной и горной промышленностямъ и выведенъ изъ недоказаннаго до сихъ поръ положенія о постоянно возрастающемъ количествѣ труда для добыванія того же количества сельскихъ продуктовъ **). Но концентрація богатствъ въ земельной собственности, какъ результатъ естественнаго хода дѣлъ, имѣетъ мѣсто и безъ уменьшенія производительности сельско-хозяйственнаго труда.

Различіе въ естественныхъ качествахъ земель, плодородіи, мѣстонахожденіи, разстояніи ихъ отъ путей сообщенія и большихъ населенныхъ пунктовъ имѣетъ результатомъ, что земли одинаковаго размѣра, при одинаковой затратѣ на нихъ капитала и труда, приносятъ собственникамъ различные доходы. Разность доходовъ землевладѣльцевъ, насколько она проистекаетъ изъ указанныхъ преимуществъ земельныхъ участковъ, а не изъ различія хозяйственныхъ способностей землевладѣльцевъ и неодинаковости затраты труда и капитала, называется рентою. Таковъ именно основной смыслъ правильно понятой теоріи ренты Рикардо ***). Съ увеличеніемъ плот-

*) Ланге, въ соч. «Die Arbeiterfrage», выдающемся по глубинѣ мысли и важности затронутыхъ вопросовъ, высказываетъ убѣжденіе, что если не во всѣхъ государствахъ, то по крайней мѣрѣ въ Англіи, не въ далекомъ будущемъ, получитъ большое практическое значеніе требованіе, чтобы земля была изъята изъ предметовъ частной собственности и признана національною собственностью, отдаваемою въ пользованіе на извѣстныхъ условіяхъ и за извѣстное вознагражденіе. (Dritte Aufl. s. 297).

**) См. замѣчательное обсужденіе рикардовой теоріи земельной ренты вообще и вопроса объ уменьшающейся производительности добывающей промышленности въ частности въ книгѣ Родбертуса, «Zur Beleuchtung d. Socialen Frage. 1875».

***) Рикардо называетъ рентою вознагражденіе собственника за принадлежащія ему «первоначальныя природныя силы земли». Это неудачное выраженіе, не имѣющее связи съ его ученіемъ, дало нѣкоторымъ писателямъ поводъ утверждать, что рента, даваемая землею вслѣдствіе затраченнаго на нее *когда-либо* капитала, должна считаться не рентою, а прибылью. Кэри пошелъ еще дальше и утверждалъ, что ренты, въ смыслѣ Рикардо, не существуетъ, ибо всякая рента есть результатъ затраченнаго предшествовавшими поколѣніями капи-

ности населенія возрастаетъ спросъ на землю; худшія земли, находившіяся внѣ обращенія, входятъ въ сферу эксплоатаціи *); вслѣдствіе чего повышаются цѣнность, доходность, наемная плата всѣхъ земель, пользующихся какими-либо преимуществами предъ землями, вновь вошедшими въ обращеніе. Это возрастаніе богатства земельныхъ собственниковъ, безъ всякаго съ ихъ стороны труда, содѣйствія, а только благодаря естественному ходу дѣлъ, проявляясь наиболѣе универсально на земляхъ, вошедшихъ въ сельско-хозяйственную и минеральную промышленности, охватываетъ и всѣ прочіе виды земельной собственности: городскія земли, живописныя мѣста, водяныя силы и проч. Далѣе, земли, чрезъ которыя прошла желѣзная дорога, земли, прилегающія къ вновь устроенной гавани, подымаются въ доходности и цѣнности. Всякое расширеніе города увеличиваетъ цѣнность земель и домовъ, лежащихъ ближе къ центру. Основаніе въ селѣ свекловичнаго или какого-либо другого завода, фабрики подымаетъ доходность и цѣнность окружныхъ земель, могущихъ, по свойствамъ почвы, снабжать новое промышленное заведеніе сырыми матеріалами. Подобныхъ примѣровъ можно привести массу. И достаточно немного всмотрѣться въ дѣйствительность, чтобы убѣдиться, что обстоятельства, порождающія возрастаніе доходности и цѣнности недвижимыхъ имуществъ, безъ всякаго содѣйствія къ тому собственниковъ, обладаютъ характеромъ непрерывности и общности въ такой степени, что, въ мѣстностяхъ съ достаточнымъ населеніемъ и развитыми сношеніями, ни одно недвижимое имущество не остается внѣ постояннаго, бо́льшаго или меньшаго, ихъ вліянія. Такимъ путемъ постоянно возрастающая концентрація богатствъ въ рукахъ собственниковъ недвижимыхъ имуществъ, не заключающая въ себѣ ни одного атома труда, имѣетъ вполнѣ характеръ подати, которую они взимаютъ съ прочихъ общественныхъ классовъ.

тала. За эту мысль схватились Бастіа и другіе экономисты, усмотрѣвъ въ ней сильнѣйшій аргументъ для защиты частной земельной собственности и земельной ренты. Своими разсужденіями эти экономисты только доказали, что они не поняли ученія Рикардо о поземельной рентѣ. Изъ сущности этого ученія неоспоримо слѣдуетъ, что авторъ видѣлъ ренту не *только* тамъ, гдѣ она проистекаетъ изъ первоначальныхъ природныхъ силъ земли (подобное ограниченіе ренты не имѣетъ смысла уже по одному тому, что изслѣдованіе таковой ренты невозможно), но и тамъ, гдѣ она является результатомъ израсходованнаго на улучшеніе почвы капитала. Земли равнаго плодородія даютъ равную ренту, все равно, будетъ ли ихъ плодородіе естественное или пріобрѣтенное. Рента отъ земли съ пріобрѣтеннымъ плодородіемъ проистекаетъ по тѣмъ же причинамъ и имѣетъ то же соціальное значеніе, какъ если бы съ самаго начала эта земля обладала тою степенью плодородія, какая искусственно придана ей.

*) Возраженія Кэри, основанныя на обратномъ этому ходѣ заселенія Америки, не касаются старыхъ странъ съ густымъ населеніемъ.

Остающаяся, за вычетомъ ренты, часть ежегоднаго національнаго продукта распредѣляется первоначально между промышленнымъ капиталомъ и трудомъ. Рикардо доказано, что, при этомъ распредѣленіи, доля промышленнаго капитала обратно пропорціональна заработной платѣ. Величина же заработной платы, по ученію Рикардо, обусловливается, въ среднемъ выводѣ, безусловно необходимыми средствами существованія, отклоняясь временно то въ ту, то въ другую сторону. При возвышеніи ея увеличивается число браковъ и рожденій и уменьшается смертность среди рабочихъ классовъ, вслѣдствіе чего возрастаетъ предложеніе труда и понижается плата за него. При паденіи рабочей платы ниже средствъ необходимыхъ для существованія, усиливается смертность, предложеніе труда уменьшается, пока рабочая плата не достигнетъ своего нормальнаго уровня. Мы будемъ имѣть случай говорить ниже объ этомъ установленномъ Рикардо законѣ рабочей платы, названномъ Лассалемъ «желѣзнымъ закономъ».

Ясно, что теорія распредѣленія Рикардо, констатирующая противоположность интересовъ общественныхъ классовъ—землевладѣльцевъ, промышленниковъ и рабочихъ—стоитъ въ очевидномъ противорѣчіи съ его исходнымъ положеніемъ: — что преслѣдованіе индивидуальной пользы удивительно какъ совпадаетъ съ общимъ благомъ всѣхъ.

§ 6. Ученія Ад. Смита, Мальтуса и Рикардо породили въ теоріи экономической политики школу «неограниченной свободы конкуренціи», называющуюся также «Манчестерской», вслѣдствіе образованія въ Манчестерѣ лиги для агитаціи къ устраненію изъ законодательства послѣднихъ остатковъ ограниченія свободы промышленности и торговли. Организація народнаго хозяйства, основанная на свободной конкуренціи индивидуальныхъ интересовъ, представляется этой школѣ идеаломъ, заключительнымъ моментомъ экономическаго развитія человѣчества. Законъ рабочей платы, установленный Рикардо, не нарушаетъ, по ея мнѣнію, гармоніи интересовъ, такъ какъ благосостояніе рабочихъ находится въ ихъ собственныхъ рукахъ; нужно только послѣднимъ уменьшать свое размноженіе. Соотвѣтствіе теоріи свободной конкуренціи интересамъ имущихъ классовъ, отсутствіе до послѣдняго времени обширныхъ, цѣлесообразно-классифицированныхъ данныхъ по экономической статистикѣ, недостаточное знакомство экономистовъ съ существовавшими статистическими данными были причинами, что эта школа въ теченіе семидесяти лѣтъ сохраняла за собою господство въ экономической наукѣ.

Разумѣется, человѣческая мысль въ XIX столѣтіи не могла

застыть на абсолютномъ, метафизическомъ и притомъ антисоціальномъ ученіи Манчестерской школы. Во Франціи, Англіи, Германіи появлялись сочиненія, враждебныя господствовавшей школѣ. Самый ходъ промышленной жизни вызывалъ сомнѣнія въ истинности манчестерскаго ученія. Развитіе машиннаго производства оказывало гибельное вліяніе на рабочіе классы; работники не только получали скудные заработки, при увеличивавшемся числѣ рабочихъ часовъ, но часто не могли найти себѣ занятіе и обращались въ нищихъ; пауперизмъ усиливался. Среди англійскихъ работниковъ быстро росли коалиціонное и чартистское движенія. Послѣднее угрожало революціею. 10 апрѣля 1848 года, герцогъ Веллингтонъ былъ назначенъ главнокомандующимъ военныхъ силъ, собранныхъ въ Лондонѣ, для защиты общественнаго порядка. Іюльская революція во Франціи написала на своемъ знамени «droit au travail». Чѣмъ громче заявляли рабочіе классы свое недовольство, тѣмъ болѣе обращалось вниманіе общества на ихъ положеніе, а съ тѣмъ вмѣстѣ росла экономическая и соціальная литература, проникнутая сочувствіемъ къ интересамъ труда, подвергавшая критикѣ господствовавшую экономическую школу и оказывавшая все бо́льшее вліяніе на умы. Уже къ концу 40-хъ годовъ критическое направленіе насчитывало такихъ замѣчательныхъ представителей, какъ С. Симонъ, Робертъ Овенъ, Сисмонди, Фурье, Родбертусъ, Прудонъ, Луи-Бланъ, Марло (Винкельблехъ).

Рядомъ съ критикою экономическаго порядка, свободной конкуренціи идутъ попытки изслѣдовать историческій ходъ развитія экономическихъ явленій и указать связь каждой народно-хозяйственной организаціи съ прочими сторонами жизни. Такія попытки были вначалѣ односторонни и не полны. Но, съ умноженіемъ массы разработаннаго матеріала, историческое направленіе высказывалось все яснѣе и полнѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, успѣхи «эволюціоннаго» направленія въ естественныхъ наукахъ, паденіе метафизики и возраставшее вліяніе позитивной философіи способствовали торжеству историко-физіологическаго метода. Раскрытіе «закона развитія», составляющее конечную цѣль каждой науки, сдѣлалось главною задачею историческаго направленія политической экономіи.

Критическое и историческое направленія заняли къ концу 40-хъ годовъ уже видное мѣсто въ экономической литературѣ. Тѣмъ не менѣе, потребовалось еще двадцать лѣтъ, въ теченіе которыхъ движеніе рабочихъ классовъ изъ мѣстнаго, національнаго, сдѣлалось интернаціональнымъ, что и выразилось въ образованіи «международной ассоціаціи рабочихъ»; сознаніе о темныхъ сторонахъ неограниченной свободы конкуренціи распространялось,—чтобы лишить Манчестерскую школу господствующаго значенія, чтобы на университетскія каѳедры взошли профессора, не считающіе ея ученіе десятью

заповѣдями, чтобы явилась пресса, вступившія въ борьбу съ нею, чтобы сомнѣніе въ ея благотворности проникло въ совѣты министровъ и парламенты. Въ соціальной наукѣ новыя идеи, затрогивая интересы людей, пробиваютъ себѣ путь гораздо медленнѣе, чѣмъ въ наукахъ физическихъ. Кто-то (кажется Гоббесъ) остроумно замѣтилъ, что если бы вопросъ о числѣ, происходящемъ изъ умноженія двухъ на два, затрогивалъ интересы людей, то онъ и понынѣ не былъ бы рѣшенъ единодушно.

Въ настоящее время историческая школа политической экономіи пріобрѣтаетъ съ каждымъ днемъ все бо́льшее значеніе. Вслѣдствіе борьбы новѣйшихъ представителей этой школы съ догматомъ о благотворныхъ результатахъ безграничной свободы личнаго интереса и требованія ими внесенія въ экономическую дѣятельность правового и нравственнаго элементовъ, ее называютъ также «этическою». Ввиду значительной солидарности бо́льшаго числа представителей этой школы, особенно въ Германіи, съ оцѣнкою нынѣ дѣйствующей системы свободной конкуренціи, сдѣланною соціалистическою критикою, и требованія ими энергическаго государственнаго вмѣшательства для смягченія золъ этой системы, они получили отъ манчестерцевъ названіе «Katheder Socialisten», такъ какъ большинство ихъ занимаетъ каѳедры въ университетахъ. Современные представители этой школы въ Германіи дали ей названіе «реалистической» *), желая этимъ отмѣтить, что самая характеристическая научная черта школы заключается въ признаніи ею относительности организацій народнаго хозяйства и въ отрицаніи абсолютныхъ доктринъ, выводимыхъ изъ чистаго разума, изъ положенія о неизмѣнности человѣческой природы и ея отношеній къ внѣшнему міру. Мы удержимъ это названіе школы какъ самое распространенное.

Достигнувъ уже господствующаго значенія въ университетахъ Германіи, реалистическая школа имѣетъ своими представителями почти всѣхъ лучшихъ экономистовъ Англіи и Италіи. Во Франціи, родинѣ главы «позитивной философіи», позитивное направленіе въ наукѣ излагалось въ спеціальномъ журналѣ «La philosophie positive», гдѣ были помѣщены замѣчательныя историческія и соціологическія работы. Но спеціально-экономическая литература Франціи находится въ застоѣ.

Главныя положенія реалистической школы, которыми оно существенно отличается отъ школы свободной конкуренціи, суть слѣдующія:

Во-первыхъ, отрицаніе абсолютной неизмѣнности хозяйственныхъ организацій. Въ противоположность Смитовской школѣ, считающей свою теорію народнаго хозяйства послѣднимъ словомъ человѣческаго разума по этому предмету, а потому долженствующую обнять весь міръ и остаться навсегда неизмѣнною, реалистическое на-

*) См. кн. Brentano, «Abstrakte und realistische Volkswirtschaft» 1873.

правленіе указываетъ, что современный западно-европейскій экономическій порядокъ, покоющійся на широкомъ примѣненіи принципа свободной конкуренціи, представляетъ собою такую же переходную ступень въ развитіи человѣчества, какую представляли и всѣ прочія хозяйственныя организаціи. Для обоснованія этой мысли нѣтъ надобности ссылаться на біологію и антропологію, доказавшихъ постоянную измѣняемость всѣхъ органическихъ формъ, въ томъ числѣ и человѣка *),—такой доводъ могъ бы послужить поводомъ къ мысли, что порядку свободной конкуренціи суждено существовать еще значительное время,—достаточно указать, что этотъ порядокъ, явившійся такъ недавно, не успѣвшій еще вполнѣ реализоваться, вызвалъ уже противъ себя недовольство и борьбу массъ, порицанія въ наукѣ, приведшія къ вмѣшательству въ этотъ порядокъ законодательства съ цѣлью ослабить его вредныя дѣйствія (фабричные и др. законы).

Во-вторыхъ, Смитовская школа, исходя изъ ошибочнаго воззрѣнія, что организація хозяйственной жизни общества, основанная на полной свободѣ борьбы личныхъ интересовъ, есть идеалъ народнаго хозяйства, естественно должна была требовать полнаго невмѣшательства государства въ хозяйственную жизнь и ограничивала поэтому сферу государственной дѣятельности исключительно отрицательною ролью, а именно: охраненіемъ внутренней и внѣшней безопасности и защитою права. Реалистическая школа указываетъ, что ограниченіе государственной дѣятельности исключительно отрицательной ролью имѣло бы смыслъ и возможность осуществленія лишь въ томъ случаѣ, когда бы свободная конкуренція частныхъ интересовъ дѣйствительно могла осуществить матеріальное благосостояніе, культурныя задачи, гармонію интересовъ между общественными классами. Но такъ какъ свободная конкуренція безсильна осуществить такое положеніе дѣлъ, то и постулатъ о невмѣшательствѣ государства, имѣвшій лишь временный успѣхъ, неизбѣжно долженъ былъ потерпѣть пораженіе какъ въ теоріи, такъ и въ практикѣ. Государство никогда не ограничивалось, не ограничивается и, по крайней мѣрѣ, на непредвидимое еще время не можетъ ограничиться исключительно отрицательной сферой дѣятельности **). Государство, его экономическая и

*) Законъ развитія констатируетъ въ высшей степени важный фактъ, что во всѣ эпохи органической жизни на землѣ совершалось постоянное измѣненіе ея какъ въ цѣломъ, такъ и въ отдѣльныхъ индивидуумахъ. Häckel, Natürliche Schöpfungsgeschichte.

**) Даже во время самаго сильнаго вліянія Манчестерской школы на англійское законодательство, отъ 1820-хъ до 1860-хъ годовъ, парламентъ вынужденъ былъ издать фабричные законы; далѣе англійское законодательство не нашло возможнымъ, ни на одинъ моментъ, сложить съ себя заботу о культурныхъ задачахъ, какъ, напр., народное образованіе, ученыя экспедиціи и мн. др., а также не могло отказаться отъ законовъ о призрѣніи.

политическая организація есть всегда выраженіе силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время въ данномъ народѣ интересовъ и стремленій. Государство—эта сосредоточенная и организованная общественная сила — всегда служитъ, по выраженію Маркса, повивальной бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ. Сами юридическія, политическія и экономическія теоріи, считавшія себя, съ свойственною дѣтству наивностью, наукою, были до сихъ поръ лишь выраженіемъ господствующихъ въ обществѣ интересовъ. Время, когда писалъ Адамъ Смитъ свои изслѣдованія о богатствѣ народовъ, было временемъ борьбы противъ феодальныхъ привилегій, цеховой регламентаціи, меркантильныхъ запрещеній, задерживавшихъ свободное развитіе національныхъ силъ. Какъ реакція противъ обветшалыхъ стѣсненій государственной опеки, явилось убѣжденіе, что одно освобожденіе отъ узъ, лежавшихъ на производительныхъ силахъ страны, и предоставленіе хода дѣлъ свободной борьбѣ частныхъ интересовъ достаточны, чтобы привести общество къ желанному благоденствію. Это убѣжденіе вѣка и легло краеугольнымъ камнемъ въ теоріи Смита и помѣшало ему замѣтить, что его ученіе, на которое онъ взиралъ какъ на совершеннѣйшее воплощеніе разума, какъ на стоящее внѣ зависимости отъ времени и мѣста, является само не болѣе какъ знаменіемъ времени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ вѣрнымъ слугою интересамъ общественнаго класса, получившаго въ Англіи и Франціи, къ концу XVIII вѣка, преобладающее значеніе *). Невмѣшательство государства въ хозяйственныя отношенія общества какъ тогда, такъ и до сихъ поръ, составляетъ интересъ крупной буржуазіи, какъ представительницы капитала: оно есть услуга, оказываемая государствомъ капиталу на счетъ труда.

Въ-третьихъ, изъ уясненія роли государства въ народной жизни, само собою вытекаетъ заключеніе о недостаточности сдѣланнаго Смитовской школой опредѣленія предмета и границъ экономической науки. Политическая экономія, если желаетъ обнять экономическіе факты во всей ихъ цѣлости, не можетъ ограничиться изслѣдованіемъ только системы частныхъ хозяйствъ, а должна разсматри-

*) Справедливо замѣчаетъ Маурусъ, что такъ какъ требованіе физіократами и Ад. Смитомъ полной свободы промышленности было вызвано стремленіемъ ихъ устранить всѣ привилегіи и водворить благоденствіе; то живи эти гуманные философы въ наше время, когда стало очевиднымъ состояніе зависимости, въ которой неимущій трудъ находится отъ властвующаго и высасывающаго могущества нынѣ не менѣе привилегированныхъ соціальныхъ силъ, они, самымъ послѣдовательнымъ образомъ, требовали бы освобожденія труда отъ гнетущихъ условій, посредствомъ ограниченія свободнаго употребленія, или, лучше сказать, злоупотребленія этими силами («О свободѣ въ политической экономіи». Ст. 16. 1875 г.).

вать всю область народнаго хозяйства, какъ частнаго, такъ и общественнаго, проявляющагося въ экономической дѣятельности государства и различныхъ автономныхъ общественныхъ учрежденіяхъ. Далѣе, каждая сторона народной жизни находится во взаимодѣйствіи со всѣми прочими, а потому, съ цѣлью всесторонняго изслѣдованія области хозяйственныхъ интересовъ общества, наука должна разсматривать ее совмѣстно съ прочими сферами народной жизни: — нравственною, политическою, правовою. Отсюда видно, что предметъ политической экономіи, какъ его понимаетъ реалистическая школа, гораздо шире, сравнительно съ пониманіемъ его Смитовскою школою. Предметъ политической экономіи, по ученію реалистической школы, состоитъ въ изслѣдованіи причинъ, порождающихъ ту или другую организацію народнаго хозяйства, въ изслѣдованіи сущности этихъ организацій и связи ихъ со всѣми прочими сторонами народной жизни.

Въ-четвертыхъ, при указанномъ только-что пониманіи реалистическою школою предмета политической экономіи, эта школа, естественно, должна разойтись съ Смитовскою и по вопросу о методѣ. Смитовская школа, ограничивъ предметъ политической экономіи системою частныхъ хозяйствъ, могла пользоваться почти исключительно методомъ дедукціи, потому что для объясненія явленій частныхъ хозяйствъ возможно было, не расходясь значительно съ дѣйствительностью, допустить одну психологическую посылку, именно личный интересъ, и изъ нея дѣлать выводы для объясненія явленій и построенія теоріи. Замѣтимъ, однако, что и здѣсь Смитовская школа впала въ большую ошибку:—подвергнувъ анализу систему частныхъ хозяйствъ, она, вслѣдствіе ея указанныхъ выше апріористическихъ заблужденій, полагала, что занимается изслѣдованіемъ общественнаго хозяйства во всемъ его цѣломъ. Такимъ образомъ, часть была отождествлена съ цѣлымъ, и результаты анализа одного рода явленій были приложены къ явленіямъ совершенно другого рода. Реалистическая школа, какъ разсматривающая причины, управляющія дѣятельностью не только отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ, но и хозяйства общественнаго, явленія котораго всегда вытекаютъ изъ взаимодѣйствія многихъ силъ и физіологія котораго совершенно отлична отъ физіологіи системы частныхъ хозяйствъ, пользуются въ своихъ изслѣдованіяхъ предпочтительно методомъ индукціи. При современномъ состояніи знаній, господство дедуктивнаго метода изслѣдованія можетъ имѣть мѣсто, какъ это прекрасно разъяснено въ «Логикѣ» Милля, лишь въ такихъ наукахъ, которыя располагаютъ для своихъ выводовъ общими и очевидными аксіомами. Большая же часть явленій соціальныхъ суть явленія самыя сложныя, результаты многихъ причинъ. На эти явленія, кромѣ причинъ физическихъ, дѣйствуетъ также вся совокупность качествъ

природы человѣка, какъ эгоистическихъ, такъ и альтруистическихъ, и ни одно изъ этихъ качествъ не дѣйствуетъ въ такой слабой степени, чтобы его можно было не принимать въ разсмотрѣніе *).

Наконецъ, въ-пятыхъ, изъ признанія реалистическою школою неблагопріятныхъ для общественной жизни результатовъ неограниченной свободной конкуренціи сама собою вытекаетъ для нея задача указать, съ точки зрѣнія понятій о правѣ и о культурныхъ задачахъ нашего времени, общую, ближайшую цѣль развитія народнаго хозяйства и мѣры для осуществленія ея. Цѣль развитія народнаго хозяйства реалистическая школа видитъ въ согласованіи наибольшаго производства съ возможно справедливымъ распредѣленіемъ. Справедливость же въ распредѣленіи, по понятіямъ нашего времени, осуществляется тѣмъ полнѣе, чѣмъ болѣе распредѣленіе покоится на принципѣ труда. Что же касается мѣръ, ведущихъ къ осуществленію указанной основной цѣли народнаго хозяйства, реалистическая школа не можетъ, уже по самому ея научному характеру, признать возможность указанія какихъ-либо универсальныхъ, шаблонныхъ мѣръ. Мѣры эти обусловливаются временемъ, мѣстомъ и другими конкретными обстоятельствами. Отсюда, реалистическая школа отвергаетъ, какъ незрѣлую, не имѣющую никакого понятія объ условіяхъ, управляющихъ жизнью общества, ту фракцію соціализма, которая требуетъ немедленнаго измѣненія общественнаго порядка въ смыслѣ установленія исключительно доходовъ отъ труда, слѣдовательно, безусловнаго устраненія всѣхъ частныхъ капиталовъ, частной земельной собственности, всѣхъ рентныхъ доходовъ. Реалистическая школа указываетъ, что для осуществленія этихъ требованій не имѣется въ настоящемъ обществѣ требуемыхъ условій: что чувства, нравы, понятія громаднаго большинства современнаго общества дѣлаютъ невозможными общественныя формы, на которыя указываетъ соціализмъ. А потому попытка осуществить эти формы общественной жизни насильственно неминуемо потерпѣла бы неудачу и вмѣсто общаго блага, во имя котораго выступаетъ соціализмъ, вызвала бы лишь бѣдственное и напрасное сотрясеніе общественнаго организма.

Указавъ характеристическія черты реалистической школы и отличія ея отъ Смитовской, перейдемъ къ оцѣнкѣ экономическихъ явленій, обусловливаемыхъ свободною конкуренціей.

---

*) По вопросу о методѣ политической экономіи см. «Задачи и методы науки о народномъ хозяйствѣ», проф. В. Левитскаго, 1890 г.

ГЛАВА II.

Оцѣнка экономическихъ явленій, вытекающихъ изъ системы свободной конкуренціи.—§ 1. Система свободной конкуренціи есть система монополій.—§ 2. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области производства.—§ 3. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области обмѣна.—§ 4. Слѣдствія системы свободной конкуренціи въ области распредѣленія.

§ 1. Основное требованіе школы свободной конкуренціи заключается въ устраненіи всякаго законодательнаго регулированія экономическихъ явленій. Основаніемъ этому требованію служитъ убѣжденіе, что неограниченная свобода борьбы частныхъ интересовъ есть непремѣнное условіе осуществленія наилучшаго экономическаго порядка, а съ тѣмъ вмѣстѣ и человѣческой свободы.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробный разборъ понятія о свободѣ. Замѣтимъ только, что свобода, въ смыслѣ независимости проявленія человѣкомъ своей воли, ограничивается внѣшнею природою, природою человѣка, юридическими постановленіями и соціальными условіями (житейская обстановка). Въ юридическомъ ограниченіи воли — насколько оно имѣетъ цѣлью и дѣйствительно производитъ уменьшеніе господства однихъ членовъ общества надъ другими и удѣленіе каждому возможно равной доли свобододѣйствія для достиженія личнаго благосостоянія—обыкновенно видятъ не стѣсненіе свободы, а лишь ограниченіе произвола, ибо нравственно-разумная личность даетъ полную санкцію ограниченію закономъ ея воли ради общаго интереса. Мысль, чувство и воля нравственно-разумной личности находятся въ полной гармоніи съ юридическимъ ограниченіемъ дѣйствій. Исходя именно изъ этой мысли, Руссо строилъ свою теорію «общественнаго договора», а Кантъ и другіе философы—теорію права и обязанности.

Школа свободной конкуренціи отвергаетъ, на основаніи извѣстныхъ намъ уже посылокъ, ограниченіе частнаго хозяйственнаго интереса и полагаетъ, что тѣмъ самымъ она расширяетъ область свободы. На самомъ же дѣлѣ, какъ увидимъ ниже, она приводитъ къ противоположному результату. Мы увидимъ, что высокія мечты гуманнаго умствен-

наго движенія XVIII вѣка и французской революціи, полагавшихъ, что достаточно уничтожить привилегіи, объявить всѣхъ людей равными передъ закономъ и предоставить народное хозяйство борьбѣ индивидуальныхъ интересовъ,—и благоденствіе разольется на землѣ,—мечты эти оказались несостоятельными. Съ развитіемъ либеральныхъ учрежденій, вмѣсто прежнихъ юридическихъ привилегій, явились фактическія привилегіи. Каждый человѣкъ получилъ по закону право прилагать свой трудъ къ дѣлу, къ которому онъ чувствуетъ наибольшую склонность, получилъ право занять любое положеніе въ государствѣ, а, между тѣмъ, цѣлыя массы людей часто не могутъ найти даже простой черной работы, не могутъ продать своей рабочей силы и вынуждены жить милостынею. Въ Англіи, наиболѣе примѣнившей принципы свободной конкуренціи, гдѣ притомъ національное богатство громадно, существуетъ постоянный и многочисленный (колеблющійся между 600 т. и 1.000,000 лицъ) классъ здоровыхъ работниковъ, которые, за невозможностью продать на рынкѣ свою рабочую силу, живутъ на счетъ общественной благотворительности. «Либерализмъ» хотѣлъ сдѣлать трудъ свободнымъ, а вмѣсто того подчинилъ его игу капитала. Онъ мечталъ объ общественномъ благосостояніи, а создалъ крайнюю шаткость, необезпеченность общественныхъ отношеній, нищету и крайнюю бѣдность большинства населенія. Онъ поставилъ себѣ цѣлью уничтоженіе монополій, но устраненныя имъ юридическія монополіи замѣнялись гигантскою фактическою монополіей. Онъ хотѣлъ сдѣлать просвѣщеніе общимъ достояніемъ, а сдѣлалъ его привилегіею владѣющихъ классовъ. Словомъ, онъ стремился къ возможно широкой свободѣ, а въ результатѣ получилъ новые виды закрѣпощенія. Онъ желалъ прямо противоположное тому, къ чему привелъ въ дѣйствительности. Такимъ образомъ, оказалось, что «Либерализмъ», какъ теорія, есть утопія*); и представленіе, которое соединяется съ словами: «либерализмъ», «свободная конкуренція», не соотвѣтствуетъ ихъ реальному значенію. Эти слова служатъ только источникомъ путаницы въ понятіяхъ, давая поводъ предполагать, что дѣло идетъ о свободѣ и что всякое ограниченіе свободы конкуренціи тождественно съ уменьшеніемъ области гражданской свободы**). На

*) Въ практической же жизни либеральная фракція общества, къ которой принадлежатъ почти всѣ крупные и средніе работодатели, ради защиты своихъ интересовъ, постоянно впадаетъ въ противорѣчія. Она требуетъ свободы только для себя, для капитала, и отрицаетъ свободу отъ труда, требуя, напримѣръ, отъ правительства запрещенія стачекъ. Она уничтожила въ Западной Европѣ феодальныя политическія привилегіи и установила, посредствомъ имущественнаго ценза, политическія привилегіи для себя.

**) Въ эту ошибку впадаетъ даже одинъ изъ корифеевъ экономической науки и притомъ противникъ Манчестерской школы, а именно Пеффле. Въ

самомъ же дѣлѣ, современный либерализмъ отстаиваетъ даже не свободную конкуренцію, въ ея истинномъ смыслѣ, въ какомъ понимали ее физіократы и Адамъ Смитъ, а монополіи. Этимъ и объясняется крайне интересный, заслуживающій особеннаго вниманія фактъ, что въ то время, какъ Манчестерская школа требуетъ, ради осуществленія свободы конкуренціи, не-вмѣшательства государства, Милль, ради того же самаго, требуетъ вмѣшательства государства въ народное хозяйство (см. его «Основ. Пол. Эк.», т. I, стр. 255 и 256). Законы, по его мнѣнію, должны смягчать неравенства, вытекающія изъ естественнаго дѣйствія принципа собственности, и содѣйствовать тому, чтобы каждый начиналъ карьеру съ надлежащими средствами. Дальнѣйшій разборъ системы свободной конкуренціи выяснитъ намъ, почему она привела въ дѣйствительности прямо къ противоположному тому, о чемъ мечтали ея провозвѣстники.

Экономическая дѣятельность народа распадается на три главнѣйшія функціи: A) производство цѣнностей; B) обмѣнъ; C) распредѣленіе цѣнностей. Разсмотримъ способы выполненія этихъ функцій при свободной конкуренціи.

A. Производство.

§ 2. Правильная организація производства должна удовлетворить слѣдующимъ четыремъ условіямъ: 1) возможно бо́льшей производительности труда; 2) соотвѣтствію производства съ потребностями; 3) равномѣрному распредѣленію труда; 4) гигіенической обстановкѣ труда.

1) Благопріятныя слѣдствія свободной конкуренціи находятся единственно въ области перваго условія. Конкуренція побуждаетъ производителя приготовлять цѣнности возможно лучшими техническими процессами и возможно экономически. Но и здѣсь система свободной конкуренціи представляетъ слѣдующія невыгодныя стороны:

а) Это система *имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ существованіе наемнаго труда*. Наемный работникъ не заинтересованъ въ бережномъ обращеніи съ сырымъ матеріаломъ. Хозяинъ предпріятія лично или нанятые имъ надсмотрщики должны наблюдать, чтобы рабочій употреблялъ сырого матеріала не болѣе того, сколько необходимо для производства извѣстнаго предмета. Если этотъ контроль и достигнетъ своей цѣли, все-таки общество теряетъ вслѣдствіе отвлеченія труда отъ положительныхъ цѣн-

---

борьбѣ «либерализма» съ «соціализмомъ» онъ видитъ борьбу принциповъ: свободы и равенства. См. его «Kapitalismus u. Socialismus». 2. Auf.

ностей для надобностей надзора. Далѣе, рабочій, незаинтересованный въ результатѣ труда, нисколько не заботится о томъ, произведетъ ли онъ въ данное время бо́льшее или меньшее количество продуктовъ. Онъ проявляетъ напряженность труда лишь настолько, сколько необходимо, чтобы не быть прогнаннымъ изъ мастерской. Хозяинъ предпріятія безсиленъ устранить этотъ неблагопріятный фактъ, онъ не можетъ вызвать у наемнаго работника всю энергію, всю напряженность, съ какою послѣдній можетъ работать.

б) Далѣе, неизбѣжнымъ слѣдствіемъ свободной конкуренціи является тотъ фактъ, что матеріалъ и орудія труда (земля и капиталъ) находятся во владѣніи лишь одной и притомъ меньшей части общества. Неимущему большинству предоставляется поддерживать свое существованіе единственно продажею своей рабочей силы. Но удастся ли работнику продать свой трудъ, системѣ свободной конкуренціи до этого нѣтъ дѣла, хотя результатомъ этой неудачи является или голодная смерть, или нищенство. Такимъ образомъ, свободная конкуренція отказываетъ человѣку въ правѣ на трудъ и жизнь. Этотъ безчеловѣчный отказъ получаетъ тѣмъ болѣе реальное значеніе, что свободная конкуренція, защищая неограниченное право собственности, предоставляетъ произволу обладателей рабочаго матеріала прилагать или не прилагать къ нему рабочую силу и вообще выбирать любой видъ пользованія имъ, вслѣдствіе чего происходитъ, что, въ то время какъ огромныя пространства земли, годной къ обработкѣ, остаются невоздѣланными, сотни тысячъ здоровыхъ работниковъ не имѣютъ занятій и пробиваются нищенствомъ.

в) Примѣнимость машинъ при наемномъ трудѣ гораздо тѣснѣе сравнительно съ примѣнимостью ихъ, какъ замѣстительницъ человѣческаго труда вообще. Машина, какъ замѣстительница человѣческаго труда, имѣетъ приложеніе, когда количество труда, необходимое для постройки и эксплуатаціи ея, при данной интенсивности ея работы и при данномъ ея изнашиваніи, менѣе того количества труда, которое требуется при выполненіи работы исключительно ручнымъ трудомъ. Положимъ, какой-либо продуктъ, при ручномъ трудѣ, является результатомъ 1000 рабочихъ дней (примемъ 300 рабочихъ дней въ году). Изобрѣтается машина, на постройку которой требуется 100 рабочихъ дней; періодъ полнаго изнашиванія ея—годъ; для наблюденія за нею требуется одинъ рабочій; на топливо, масло и другіе вспомогательные предметы идетъ 50 рабочихъ дней; производитъ она въ годъ такое же количество продукта, какое, при ручномъ трудѣ, производилось 1000 рабочими днями. Выгода примѣненія подобной машины очевидна:—сберегается 250 рабо

чихъ дней. При наемномъ трудѣ граница примѣнимости машинъ суживается. И это потому, что машина здѣсь конкурируетъ не со всѣмъ количествомъ вытѣсняемаго ею труда, какъ это имѣло мѣсто въ приведенномъ нами примѣрѣ, а лишь съ оплачиваемымъ трудомъ *). Причина этого факта понятна. Вслѣдствіе раздѣленія труда, машины составляютъ особую отрасль промышленности. Капиталистъ, покупая машину, уплачиваетъ какъ за необходимый, такъ и за прибавочный трудъ, короче:—за весь трудъ, пошедшій на постройку машины; между тѣмъ, въ своемъ промышленномъ занятіи, онъ оплачиваетъ только стоимость рабочей силы, т.-е. необходимый трудъ. Если изъ 10-часового рабочаго дня необходимый трудъ составляетъ половину, то, очевидно, для капиталиста нѣтъ никакой выгоды вводить вышеуказанную машину, ибо производство ея, надзоръ за ней и затраты на вспомогательныя вещества составляютъ 750 рабочихъ дней, а примѣненіе ея—несмотря на выработку ею того же количества продукта, какое при ручномъ трудѣ создается въ 1000 рабочихъ дней—замѣняетъ для капиталиста только 500 рабочихъ дней. Примѣнивъ машину, при такихъ условіяхъ, капиталистъ потерпѣлъ бы убытокъ, равный стимости 100 рабочихъ дней **).

г) Въ системѣ свободной конкуренціи большое производство побѣждаетъ малое. Это ведетъ за собою большія выгоды для производства (о соціальныхъ послѣдствіяхъ скажемъ ниже), но, въ то же время, имѣетъ тенденцію монополизировать отдѣльныя отрасли промышленности, вслѣдствіе чего исчезаютъ въ такихъ монополизированныхъ отрасляхъ промышленности единственныя выгоды

---

*) Работодатель покупаетъ рабочую силу за извѣстную поденную плату. Количество труда, заключающееся въ этой платѣ или, что то же, въ жизненныхъ средствахъ, покупаемыхъ рабочимъ за эту денежную плату, всегда меньше количества труда, заключеннаго въ дневномъ продуктѣ рабочей силы; иначе – наемъ работника не имѣлъ бы смысла для работодателя. Такимъ образомъ, рабочій день можетъ быть раздѣленъ на двѣ части. Первая часть представляетъ то количество труда работника, которое равняется труду, заключенному въ денежной поденной платѣ; вторая часть представляетъ трудъ, поступающій въ пользу работодателя. По терминологіи Маркса, первая часть рабочаго дня называется «оплачиваемымъ», а также «необходимымъ» трудомъ, вторая — «прибавочнымъ» трудомъ.

**) Не одинаковостью раздѣленія рабочаго дня на оплачиваемый и прибавочный трудъ въ разныхъ странахъ, въ различное время и въ разныхъ производствахъ, обусловливаются границы примѣненія машинъ. Машина, введенная въ одной странѣ, не имѣетъ мѣста въ другой, гдѣ рабочая сила стоитъ дешевле. Такъ, въ Англіи изобрѣтаются машины, которыя могутъ быть примѣнены только въ Америкѣ. Равнымъ образомъ, французскія изобрѣтенія XVIII вѣка эксплуатировались только въ Англіи, гдѣ стоимость рабочей силы была выше. Американцы изобрѣли и употребляютъ машину для разбивки камней, но англичане не примѣняютъ ея, потому что ручной трудъ обходится дешевле.

конкуренціи, какъ стимула возможно бо́льшаго и дешеваго производства *).

Единственныя средства къ устраненію проистекающихъ для общества потерь отъ монополизаціи отраслей промышленности заключается или въ передачѣ послѣднихъ въ вѣдѣніе государства, или въ установленіи надъ ними государственнаго контроля. А такъ какъ свободная конкуренція, по присущему ей закону развитія, ведетъ къ постоянному расширенію объема монопольныхъ предпріятій, то, слѣдовательно, уже по одной этой причинѣ, должна постоянно увеличиваться область государственнаго хозяйства и государственнаго вмѣшательства.

Таковы недостатки системы свободной конкуренціи въ томъ отдѣлѣ производства, гдѣ она проявляется еще наиболѣе благопріятно. Теперь разсмотримъ ея проявленія еще въ слѣдующихъ трехъ отдѣлахъ производства.

2) Правильно организованнымъ производствомъ можетъ быть названо лишь такое, гдѣ распредѣленіе труда и капитала по различнымъ производительнымъ занятіямъ опредѣляется потребностями гражданъ. Въ конкуренціонной системѣ направленіе производства опредѣляется совершенно другимъ, а именно: наибольшею прибылью отъ промышленнаго предпріятія. Громадное число людей можетъ испытывать недостатокъ въ удовлетвореніи самыхъ необходимыхъ потребностей; но если они не имѣютъ средствъ оплатить созданіе нужныхъ имъ предметовъ, производство направится на выработку предметовъ самой утонченной роскоши, тщеславія, за которыя рынокъ предлагаетъ хорошія цѣны. Рыночныя цѣны, а не потребности, опредѣляютъ направленіе конкуренціоннаго производства, и темныя стороны такого порядка дѣлъ тѣмъ значительнѣе, чѣмъ неравномѣрнѣе распредѣленіе.

Но и помимо несоотвѣтствія конкуренціоннаго производства общественнымъ нуждамъ, классифицированнымъ по степени ихъ настоятельности, оно находится въ постоянномъ разладѣ и съ рыночнымъ спросомъ. Управляемое спекулятивными соображеніями о полученіи возможно большей прибыли, оно непрерывно впадаетъ въ ошибки и создаетъ тѣ или другіе предметы, въ количествѣ, бо́льшемъ противъ существующаго на рынкѣ спроса. Исторія европейской про-

*) Особенно яркіе примѣры полнаго паралі[illegible]ванія конкуренціи путемъ сдѣлокъ между крупными капиталистами и образованія, такимъ образомъ, монополизированныхъ отраслей промышленности представляетъ исторія частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Сѣверной Америкѣ, Великобританіи и Франціи. См. «Eisenbahnreform» Perrot и «Желѣзнодорожное Хозяйство» проф. Чупрова.

мышленности въ XIX столѣтіи представляетъ постоянную смѣну самыхъ отчаянныхъ спекуляцій, лихорадочнаго напряженія кредита подъ вліяніемъ невѣрныхъ разсчетовъ на спросъ, отсюда излишняго производства, приводящаго къ торговымъ и денежнымъ кризисамъ. Кризисы уменьшаютъ спросъ на трудъ, массы работниковъ лишаются занятій, и національное хозяйство много теряетъ вслѣдствіе вынужденной кризисами праздности труда и капитала *).

3) Свободная конкуренція имѣетъ неизбѣжнымъ результатомъ крайне неравномѣрное распредѣленіе труда. Въ то время, какъ рантье получаютъ право и возможность вести вполнѣ праздную жизнь, неимущіе классы обременены чрезмѣрнымъ трудомъ, не только не оставляющимъ имъ досуга для умственнаго развитія, но и дѣйствующимъ вредно на здоровье. Ни въ одну эпоху рабочій день не былъ такъ длиненъ, какъ въ новѣйшее время, когда свободная конкуренція получила господство. То удлиненіе рабочаго дня, которое, съ половины XV и до конца XVIII столѣтія, капиталъ старался навязать взрослымъ работникамъ, при по-

*) Данныя изъ исторіи англійской хлопчато бумажной промышленности, помѣщенныя въ книгѣ Маркса Капиталъ, и тутъ служитъ хорошимъ образчикомъ какъ частости кризисовъ въ современной европейской промышленности, такъ и вліянія ихъ на судьбу рабочихъ. Съ 1770 по 1815 годъ. англійская хлопчатобумажная промышленность находилась въ застоѣ или въ стѣсненномъ положеніи въ продолженіе 5-ти лѣтъ. Въ теченіе этого 45-тилѣтняго періода англійскіе фабриканты пользовались монополіей машинъ и мирового рынка. Съ 1815 по 1821 г.-застой; 1822 и 1823 гг. процвѣтаніе; 1824 г. отмѣна закона объ ассоціаціяхъ. общее громадное развитіе фабрикъ; 1825 г. кризисъ. 1826 г. ужасная нищета и волненія между рабочими хлопчатобумажныхъ фабрикъ; 1827 г.—небольшое улучшеніе; 1828 г.—сильное увеличеніе количества паровыхъ ткацкихъ станковъ и вывоза; 1829 г.-вывозъ, по преимуществу въ Индію, превзошелъ вывозъ всѣхъ прежнихъ лѣтъ; 1830 г. переполненный рынокъ, сильная нужда; 1831 и 1832 гг.—это состояніе продолжается; у Ость-Индской компаніи была отнята монополія торговли съ Китаемъ и Индіею; 1834 г. быстрое возрастаніе фабрикъ и машинъ, недостатокъ въ рабочихъ рукахъ; 1835 г.—высшая степень процвѣтанія, въ то же время вымираніе съ голода хлопчатобумажныхъ ткачей; 1836 г. высокое процвѣтаніе продолжается; 1837 и 1838 гг.—стѣсненное положеніе и кризисъ; 1839 г. годъ оживленія; 1840 г. сильное стѣсненіе, возстанія. вмѣшательство войска; 1841 и 1842 гг.—ужасныя страданія фабричныхъ рабочихъ. Рабочіе, въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ, стекаются въ Іоркширъ, войско гонитъ ихъ назадъ, вождей ихъ предаютъ суду въ Ланкастерѣ; 1843 г.—сильная нищета; 1844 г.-оживленіе; 1845 г.—полное процвѣтаніе; въ 1846 г. процвѣтаніе продолжается, потомъ являются симптомы реакціи. Отмѣна хлѣбныхъ законовъ. Въ 1847 году кризисъ. Общее уменьшеніе заработной платы на 10 и болѣе процентовъ для празднованія «big loaf»; 1848 г. стѣсненіе продолжается. Манчестеръ находится подъ охраной войска. 1849 г. оживленіе; 1850 г.-процвѣтаніе. Въ 1851 г.—цѣны на товаръ падаютъ, заработная плата понижается, частыя стачки. Въ 1852 г.—начинается улучшеніе, стачки продолжаются, фабриканты угрожаютъ ввозомъ

мощи государственнаго вмѣшательства, совпадаетъ съ тѣми предѣлами рабочаго дня, которые, въ XIX ст., были установлены первыми фабричными законами Англіи для ограниченія безжалостной эксплуатаціи труда дѣтей. И что всего хуже, говоритъ Марксъ,—свободная конкуренція придаетъ условіямъ производства значеніе внѣшняго принудительнаго закона по отношенію къ каждому отдѣльному капиталисту. Такъ, въ началѣ 1863 г. двадцать шесть фирмъ, владѣющихъ обширными гончарными заводами въ графствѣ Стафордширъ, ходатайствовали передъ парламентомъ объ изданіи закона, ограничивающаго рабочій день дѣтей, мотивируя свое ходатайство тѣмъ, что «конкуренція съ другими заводчиками» дѣлаетъ для нихъ невозможнымъ всякое «добровольное» ограниченіе рабочаго времени дѣтей... «Поэтому, какъ ни сильно жалѣемъ мы о вышеупомянутомъ злѣ, мы не видимъ никакой возможности прекратить его посредствомъ какого бы то ни было рода соглашенія между самими фабрикантами. На основаніи всѣхъ изложенныхъ нами выше соображеній, мы пришли къ убѣжденію въ необходимости принудительнаго закона». Истощеніе физической силы націи чрезмѣрнымъ фабричнымъ трудомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ частыя эпидеміи въ фабричныхъ округахъ, большая смертность фабричнаго населенія, уменьшеніе средняго роста его и годности для военной службы, заставило всѣ западно-европейскія государства вмѣшаться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ и изданіемъ законовъ, установляющихъ нормальный рабочій день, нарушить принципъ свободной конкуренціи.

4) Относительно ужасныхъ гигіеническихъ условій, при которыхъ выполняется промышленный трудъ, нѣтъ надобности ссылаться на богатый матеріалъ оффиціальныхъ изслѣдованій. Эти условія хорошо извѣстны каждому изъ личнаго наблюденія. Недостатокъ свѣта, тѣснота помѣщенія, испорченный воздухъ, тѣсная установка машинъ,

---

рабочихъ изъ-за границы. Въ 1853 г. вывозъ увеличивается; 8-мимѣсячная стачка и сильная нищета въ Престонѣ; 1854 г.—процвѣтаніе, переполненіе рынка; 1855 г. извѣстія о банкротствахъ въ Соединенныхъ Штатахъ, Канадѣ и на восточно-азіатскихъ рынкахъ; 1856 г. – сильное процвѣтаніе; 1857 г. кризисъ; 1858 г.—улучшеніе; 1859 г.—сильное процвѣтаніе, увеличеніе числа фабрикъ. Въ 1860 г.—англійская хлопчатобумажная промышленность находится въ зенитѣ. Индійскій, Австралійскій и другіе рынки были въ такой степени переполнены, что даже въ 1863 г. едва поглотили весь запасъ. *Французскій торговый договоръ.* Чрезвычайное увеличеніе числа фабрикъ и машинъ. Въ 1861 г. процвѣтаніе нѣкоторое время продолжается; реакція, американская гражданская война, недостатокъ хлопка. 1862—1863 гг. полное крушеніе. Такимъ образомъ, въ теченіе первыхъ 45 лѣтъ англійской хлопчатобумажной промышленности, съ 1770 по 1815, мы находимъ только 5 лѣтъ застоя и кризиса; но это былъ періодъ ея міровой монополіи. Во второй 48-лѣтній періодъ, съ 1815 по 1863 г., на 20 лѣтъ оживленія и процвѣтанія приходится 28 лѣтъ кризиса и застоя.

порождающая ежегодно значительное число убитыхъ, изуродованныхъ и калѣкъ,—вотъ обыкновенная обстановка промышленнаго труда. Эти условія подрываютъ въ той же степени жизненную силу трудящейся массы, какъ подрываетъ ее и чрезмѣрный трудъ. Но при этомъ они такъ наглядны, впечатлѣніе, производимое ими, такъ сильно и непосредственно, софизмы для оправданія ихъ такъ невозможны, что государство не могло долго отклонять требованія къ вмѣшательству въ это дѣло и наложило на хозяевъ фабрикъ, заводовъ и мастерскихъ извѣстныя обязательства, правда, пока еще очень недостаточныя.

Не менѣе краснорѣчиво выразились слѣдствія свободной конкуренціи въ условіяхъ женскаго и дѣтскаго труда на фабрикахъ. По мѣрѣ распространенія машиннаго производства—многія операціи котораго требуютъ незначительной мускульной силы—увеличивается внѣдомашній, фабричный трудъ женщинъ и дѣтей, оказывающій самое губительное вліяніе на семейную жизнь и нравственность рабочихъ классовъ. Ужасающія данныя о вліяніи женскаго труда на нравственность фабричныхъ рабочихъ и объ истощеніи чрезмѣрною работою дѣтскаго организма, до изданія фабричныхъ законовъ, представляютъ англійскія Синія Книги.

«Глубокое омерзѣніе, говорилъ президентъ медицинскаго Лондонскаго бюро, д-ръ Симонъ. съ которымъ я отношусь къ фабричному труду женщинъ, объясняется знаніемъ мною всего зла, производимаго имъ». Англійскій инспекторъ фабрикъ Беккеръ, въ одномъ изъ своихъ оффиціальныхъ отчетовъ, заявляетъ:—«для мануфактурныхъ округовъ будетъ истиннымъ счастіемъ запрещеніе замужнимъ женщинамъ. имѣющимъ семейства, работать на фабрикахъ». О физической слабости фабричныхъ дѣтей, до вмѣшательства въ промышленную жизнь государства, свидѣтельствовали не только фабричные инспекторы, но даже и сами фабриканты. До изданія фабричныхъ законовъ. 8-милѣтнія дѣти работали по 14 часовъ въ сутки. Кромѣ физическаго истощенія незрѣлаго дѣтскаго организма, фабричный трудъ оказываетъ также губительное вліяніе на умственное и моральное его состояніе. Фабрика убиваетъ въ корнѣ способности дѣтей, дѣлаетъ ихъ тупыми, одичалыми, неспособными къ развитію. Изданіемъ законовъ, ограничивающихъ трудъ дѣтей, государство, по выраженію Маркса, вмѣшалось какъ въ права свободной конкуренціи, такъ и въ права родительской власти.

В. Обмѣнъ.

§ 3. Въ системѣ свободной конкуренціи мѣновая цѣнность обмѣниваемыхъ продуктовъ и силъ опредѣляется двумя нормами:—или спросомъ и предложеніемъ, или стоимостью производства плюсъ

средняя прибыль на затраченный въ производство капиталъ *); притомъ, вторая норма имѣетъ лишь значеніе центра, къ которому постоянно тяготѣютъ колеблющіяся цѣны товаровъ, и эти колебанія зависятъ отъ спроса и предложенія. Такимъ образомъ, спросъ и предложеніе оказываютъ дѣйствіе на цѣны всѣхъ товаровъ, на однѣ—исключительное, на другія—рядомъ съ стоимостью производства плюсъ средняя прибыль на капиталъ. Объемъ спроса не есть величина извѣстная, а потому все современное производство основано на рискѣ, спекуляціи. Произведено предметовъ какого-либо рода больше спроса, цѣны на эти предметы падаютъ, происходятъ банкротства, разоряющія не только производителей этихъ предметовъ, но, вслѣдствіе развитой системы кредита, отражающіяся, какъ круги отъ высокой волны, на массу экономическихъ предпріятій и на работниковъ. Шаткость отношеній, необезпеченность судьбы значительнаго числа населенія составляютъ характеристическія черты современнаго экономическаго быта. Мѣткое различіе между юридическою и экономическою областями дѣлаетъ Лассаль, говоря:—въ первой каждый отвѣчаетъ лишь за то, что сдѣлалъ, между тѣмъ какъ во второй, при современной ея организаціи, каждый отвѣчаетъ за то, чего не дѣлалъ. Не удался сборъ хлопка въ южныхъ штатахъ Сѣверной Америки, или если подвозъ его прекратился по какой-либо иной причинѣ, то въ Англіи, Франціи, Германіи и т. д. работники хлопчатобумажныхъ фабрикъ цѣлыми массами лишаются работы и хлѣба. Въ Америкѣ случился промышленный кризисъ, вслѣдствіе переполненія рынка

*) По мнѣнію Прудона, высказанному въ его «Système des contradictions économiquese», для того, чтобы осуществить справедливую хозяйственную организацію, нужно найти общее уравненіе, рѣшающее всѣ экономическія противорѣчія. Какая же должна быть формула этого уравненія?—спрашиваетъ Прудонъ и отвѣчаетъ: «мы можемъ уже отчасти ее опредѣлить; это долженъ быть извѣстный законъ, извѣстная теорія взаимныхъ экономическихъ отношеній между лицами, которыя гарантировали бы каждому вознагражденіе за трудъ, равное продукту или производительности этого труда.. Сдѣлайте такъ, чтобы достатокъ каждаго зависѣлъ единственно отъ его труда, чтобъ трудъ сталъ мѣрою личнаго достатка».

Извѣстно, что основной принципъ соціализма заключается въ приведеніи цѣнности предметовъ къ количеству заключеннаго въ нихъ труда; слѣдовательно, соціализмъ и Прудонъ видятъ разрѣшеніе экономическихъ противорѣчій и соціальныхъ неустройствъ въ одномъ и томъ же. Въ то же время, соціализмъ совершенно вѣрно утверждаетъ, что цѣль эта достигнется лишь тогда, когда орудія труда будутъ составлять общественную собственность. Между тѣмъ, какъ извѣстно, Прудонъ боролся съ современнымъ ему соціализмомъ. Это кажущееся противорѣчіе Прудона самому себѣ объясняется тѣмъ, что онъ, въ сущности боролся не противъ упомянутаго утвержденія соціализма, а противъ предлагавшихся современнымъ Прудону соціализмомъ средствъ къ осуществленію общественной собственности на орудія труда.

иностранными шелковыми товарами и бархатомъ оттого, что многіе фабриканты, ничего другъ о другѣ не зная, выслали въ Америку чрезмѣрное количество своихъ издѣлій; слѣдствіемъ американскаго кризиса является застой на шелковыхъ и бархатныхъ фабрикахъ Европы. Каждое механическое изобрѣтеніе, удешевляющее производство какого-нибудь товара, понижаетъ цѣнность цѣлыхъ массъ заготовленныхъ запасовъ этого товара, подрываетъ множество предпринимателей и рабочихъ. Политическое событіе, даже политическая утка повышаютъ однѣ и понижаютъ другія бумаги. Постройка каждой новой желѣзной дороги возвышаетъ цѣнность прилегающихъ къ дорогѣ земельныхъ участковъ, домовъ и промышленныхъ заведеній. Такихъ примѣровъ, доказывающихъ, что въ экономической области, въ противоположность юридической, каждый отвѣчаетъ за то, чего не дѣлалъ, можно набрать тысячи. Причина этого факта очень проста. Въ юридической сферѣ каждый поступокъ есть продуктъ индивидуальной воли. Экономическая область, напротивъ, есть область такой общественной связи, гдѣ воля, поступки и судьба каждаго находятся въ зависимости отъ дѣйствій другихъ. И если общественныя учрежденія не регулируютъ эту зависимость, то она обнаруживается тогда, какъ грубая, естественная сила, какъ рокъ, играющій мнимою свободою предоставленнаго самому себѣ индивидуума. При свободѣ конкуренціи, соціальныя силы, находясь, до извѣстной степени, въ состояніи анархіи, то возносятъ, по слѣпому случаю, одного на верхъ богатства, то низвергаютъ сотни другихъ въ нищету.

Выше мы указали, что свободная конкуренція даетъ въ результатѣ монополію, а слѣдовательно противорѣчитъ своей цѣли. Теперь мы видимъ ея самопротиворѣчіе въ другомъ отношеніи: возставая противъ регулированія соціальныхъ силъ, она, въ значительной степени предоставляетъ хозяйственную дѣятельность слѣпому случаю. А тамъ, гдѣ владычествуетъ случай, не можетъ быть рѣчи о свободѣ индивидуума, а слѣдовательно и объ отвѣтственности, о вмѣняемости. И здѣсь мы должны снова повторить, что сказали въ рѣчи о наемномъ трудѣ,—если невозможно еще въ настоящее время совершенно устранить случай изъ экономической области, то слѣдуетъ, чрезъ регулированіе соціальныхъ силъ (собственности, капитала, труда, производства, конкуренціи, торговли, кредита) возможно ограничивать его, распредѣлять его власть возможно равномѣрно на всѣхъ и, такимъ образомъ, ослабить разрушительную тяжесть, съ какою онъ обрушивается на людей.

Организація народнаго хозяйства, гдѣ спросъ и предложеніе—это чисто механическое, безпринципное начало—является регуляторомъ цѣнъ на продукты и силы, регуляторомъ распредѣленія, и, слѣ-

довательно, обусловливаемаго распредѣленіемъ соціальнаго положенія людей, свидѣтельствуетъ о крайней незрѣлости соціальнаго быта. И далѣе, эта организація является тѣмъ болѣе несоотвѣтствующею современному понятію о справедливости, что неблагопріятныя стороны спроса и предложенія распредѣляются крайне неравномѣрно между различными общественными классами. Владѣющіе классы и выигрываютъ, и проигрываютъ отъ дѣйствій этого регулятора. Неимущіе же рабочіе классы терпятъ отъ него одинъ лишь гнетъ. Причины этого факта слѣдующія.

Неимущіе классы могутъ пріобрѣтать средства существованія единственно продажею своего труда, и свободная конкуренція разсматриваетъ трудъ какъ товаръ. Не касаясь вопроса о томъ, согласно ли съ человѣческимъ достоинствомъ приравнивать трудъ къ товару, мы ограничимся констатированіемъ того, весьма важнаго по послѣдствіямъ, факта, что школа свободной конкуренціи упускаетъ изъ виду, что трудъ, какъ это хорошо выяснено экономистомъ Брентано, есть товаръ особаго рода, что онъ отличается отъ матеріальныхъ товаровъ такими свойствами, въ виду которыхъ покупку-продажу его никоимъ образомъ нельзя подчинить тѣмъ же условіямъ, какими опредѣляются цѣны вещественныхъ товаровъ.

Трудъ есть проявленіе рабочей силы. Рабочая же сила не можетъ быть отдѣлена отъ человѣка. Слѣдовательно, пользованіе рабочею силою другого есть пользованіе самимъ человѣкомъ. Въ этомъ неразрывномъ соединеніи труда съ личностью заключается существенный признакъ, которымъ трудъ, какъ товаръ, отличается отъ всѣхъ прочихъ товаровъ. Купившій что-либо пріобрѣтаетъ право пользованія и распоряженія купленнымъ, пріобрѣтаетъ господство надъ нимъ; и точно также купившій трудъ пріобрѣтаетъ господство надъ рабочею силою, то-есть надъ человѣкомъ, надъ его физическимъ, интеллектуальнымъ, моральнымъ и соціальнымъ существованіемъ. Рядомъ съ этимъ, рабочій обыкновенно бѣденъ; онъ не имѣетъ другихъ источниковъ существованія, какъ только продажу своего труда. Продавцы другихъ товаровъ, при неблагопріятныхъ условіяхъ рынка, могутъ воздержаться отъ невыгоднаго для нихъ сбыта; для рабочаго (при отсутствіи организаціи рабочихъ союзовъ, trade-Unions) нѣтъ выбора, и онъ вынужденъ продавать свой трудъ по всякой цѣнѣ, за всякія условія, отчего господство надъ нимъ покупателя его труда еще болѣе усиливается. Эти два факта: неразрывность рабочей силы съ лицомъ, ее продающимъ, и отсутствіе у рабочихъ классовъ другихъ источниковъ существованія, кромѣ продажи рабочей силы, порождаютъ слѣдующія важныя моральныя и экономическія слѣдствія *).

*) Хотя большинство русскаго народа составляютъ мелкіе земельные

Продавецъ каждаго вещественнаго товара можетъ продавать его, не находясь въ мѣстѣ нахожденія товара. Не говоря уже объ оптовыхъ торговцахъ, фабрикантахъ, земельныхъ собственникахъ, даже мелочной торговецъ не вынужденъ находиться постоянно при своихъ товарахъ. Какъ эти, такъ и всѣ прочіе общественные классы, за исключеніемъ рабочихъ, пользуются однимъ изъ самыхъ цѣнныхъ условій существованія, а именно, свободою распоряжаться своимъ временемъ. Высшіе классы работниковъ, какъ, напримѣръ, чиновники, техники, инженеры, хотя и обязаны посвящать опредѣленные часы дня занятіямъ, тѣмъ не менѣе, ихъ положеніе, въ отношеніи свободы распоряжаться временемъ, существенно разнится отъ положенія низшихъ рабочихъ классовъ, такъ какъ первые пользуются значительнымъ ежедневнымъ досугомъ. Рабочіе классы, вслѣдствіе продолжительности дневного труда, лишены ежедневнаго досуга, имѣющаго значеніе необходимаго условія для умственнаго и нравственнаго развитія, для выполненія соціальныхъ и домашнихъ обязанностей и, вообще, для существованія достойнаго человѣка. До ограниченія законодательствомъ рабочаго дня, работники не имѣли часто даже возможности отдавать сну то количество часовъ, какое требовалось для возстановленія изнуренныхъ работою силъ. Рабочіе классы надѣлены политическими правами; во Франціи и Германіи существуетъ даже Suffrage universel, и, въ то же время, большинство изъ нихъ имѣетъ слишкомъ мало ежедневнаго досуга, безусловно необходимаго для образованія, интеллектуальнаго развитія и *сознательнаго* пользованія политическими правами. Какое противорѣчіе! Многіе страшатся его, усматриваютъ въ немъ опасность для *непрерывнаго* развитія цивилизаціи, и, однако, нѣтъ другого выхода изъ этого противорѣчія, какъ только созданіе учрежденій и условій для образованія и интеллектуальнаго развитія народа.

Продавецъ матеріальныхъ товаровъ пользуется возможностью управлять спросомъ и предложеніемъ. Если, вслѣдствіе уменьшенія спроса, цѣны на предметы его промысла понизились, онъ воздерживается отъ продажи, уменьшаетъ предложеніе и тѣмъ можетъ возвысить цѣну. Рабочіе же—пока они не соединились въ союзы и не образовали значительныхъ фондовъ, а дѣйствуютъ раздѣльно—не могутъ управлять спросомъ и предложеніемъ. Чѣмъ будетъ жить работникъ въ ожиданіи возвышенія цѣны на его трудъ? Ему не остается ничего другого, какъ постоянно подчиняться условіямъ рынка, каковы бы они

собственники, но скудость надѣловъ, чрезмѣрная обременительность податей и повинностей ставятъ нашихъ крестьянъ въ такую же безусловную необходимость продавать свой трудъ на всякихъ условіяхъ, въ какую поставлены полные пролетаріи.

ни были; а эти условія, какъ мы уже говорили, устанавливаются почти исключительно покупщиками труда. Покупщики труда опредѣляютъ количество часовъ работы, денную или ночную работу, мѣсто и обстановку труда и вознагражденіе за него. И, вслѣдствіе указаннаго нами различія въ положеніи покупщиковъ и продавцовъ труда, послѣдніе вынуждены принимать предписанія первыхъ. А слѣдовательно покупка-продажа рабочей силы, только въ очень ограниченномъ смыслѣ, можетъ быть названа сдѣлкою свободною, добровольною.

Вредное вліяніе свободной конкуренціи на судьбу рабочихъ классовъ вызвало коалиціи послѣднихъ, поставившія себѣ цѣлью организованную борьбу съ капиталомъ. Движеніе рабочихъ имѣло слѣдствіемъ законодательныя мѣры, ограничившія рабочій день, запретившія платить работникамъ вмѣсто денегъ товарами, обязавшія хозяевъ обставлять трудъ извѣстными гигіеническими условіями и имѣть школы при фабрикахъ и заводахъ. Разумѣется, современное фабричное законодательство представляетъ только начало того сознательнаго, цѣлесообразнаго регулированія обществомъ соціальныхъ силъ, которому, по неизбѣжнымъ законамъ развитія, суждено осуществляться полнѣе и полнѣе, солидарно съ развитіемъ правовыхъ идей. Предстоящія событія отражаютъ отъ себя къ намъ тѣнь, говоритъ англійская пословица.

С. Распредѣленіе.

§ 4. Въ области распредѣленія темныя стороны системы свободной конкуренціи заявляютъ себя особенно ярко. Онѣ есть результатъ, во-первыхъ, дѣйствія спроса и предложенія, какъ регулятора обмѣна, а слѣдовательно и распредѣленія, во-вторыхъ, неограниченнаго права наслѣдованія, вытекающаго изъ идеи абсолютной, неограниченной частной собственности, въ-третьихъ, ограниченія дѣятельности государства сферою охраненія безопасности и защиты правъ.

Выше говоря о теоріи ренты Рикардо, мы видѣли, что доходъ землевладѣльца обусловливается не только количествомъ употребляемаго имъ на воздѣлываніе земли основного и оборотнаго капитала, не только личными свойствами, но также преимуществами принадлежащаго ему земельнаго участка предъ другими участками, вошедшими въ культуру, преимуществами, заключающимися въ качествѣ почвы или руды, въ близости участка къ рынку, красотѣ мѣстоположенія и мн. др. Присвоеніе землевладѣльцами этой второй части дохода, называемой «земельною рентою», не переставало, со времени Рикардо, быть предметомъ нападокъ. Основаніемъ этихъ нападокъ слу-

жила и до сихъ поръ служитъ мысль, что только тѣ доходы справедливы, которые добываются трудомъ. Обсужденіе этой мысли будетъ сдѣлано нами ниже, при разсмотрѣніи теорій собственности. Здѣсь же замѣтимъ только, что отрицающіе справедливость присвоенія ренты частными лицами въ силу того, что рента не есть результатъ труда, на томъ же самомъ основаніи должны отрицать справедливость процента на капиталъ и значительной доли промышленной прибыли. Различіе, которое дѣлала до послѣдняго времени политическая экономія между рентою, съ одной стороны, процентомъ на капиталъ и предпринимательскою прибылью, съ другой, при обсужденіи вопроса о правѣ присвоенія этихъ доходовъ частными лицами, объясняется недостаточною разработкою вопроса объ образованіи капитала.

Основаніе для оправданія процента на капиталъ экономисты видѣли въ томъ, что капиталъ представляетъ собою «накопленный трудъ». Но, очевидно, для оправданія капиталистической ренты не достаточно сослаться лишь на то, что капиталъ есть накопленный трудъ; необходимо доказать, что онъ созданъ трудомъ именно того, кому онъ принадлежитъ, или трудомъ наслѣдодателя. Но политическая экономія, до послѣдняго времени, даже не входила въ изслѣдованіе этого важнаго вопроса народнаго хозяйства, хотя основанія для этого рѣшенія были уже даны теоріею цѣнности Рикардо; нужно было только сдѣлать изъ нея логическіе выводы. Какъ поверхностное наблюденіе экономическихъ явленій породило нѣкогда убѣжденіе, что деньги и богатство синонимы — заблужденіе, просуществовавшее вѣка—, такъ точно внѣшнія формы современнаго производства и обмѣна располагали думать, что капиталъ есть результатъ труда его владѣльца. Въ какой степени теорія цѣнности Рикардо была мало усвоена экономистами, лучше всего доказывается тѣмъ, что въ науку могла проникнуть нелѣпая выдумка Senior'a, что образованіе и накопленіе капитала обязаны «воздержанію» капиталистовъ отъ потребленія, и этимъ думали оправдать промышленную прибыль и процентъ на капиталъ *). Въ

*) Когда Шульце-Деличъ, получившій отъ буржуазной прессы громкій титулъ «Царя въ соціальной области», повторилъ, въ своемъ «кахетизисѣ для рабочихъ», «*открытіе*» Сеньора, Лассаль слѣдующимъ наглядньмъ образомъ разъяснилъ достоинство воззрѣній по основному экономическому вопросу «Царя въ соціальной области», взявшаго на себя высокую и трудную задачу поучать народъ:—«Посмотрите вокругъ себя, г. Шульце, какіе продукты могутъ быть потреблены и, стало-быть, не могутъ сберегаться? — Хлѣбъ, мясо и т. п. предметы потребленія. И эти предметы не только могутъ потребляться, но и должны въ болѣе или менѣе краткій срокъ потребляться человѣческимъ обществомъ, потому что, большею частью, не выдерживаетъ долгаго храненія, то-есть сбереженія. Теперь взгляните на другой родъ продуктовъ, изъ которыхъ состоитъ глав-

настоящее время, благодаря трудамъ Родбертуса и Маркса, процессъ образованія общественнаго капитала вполнѣ выясненъ.

Капиталъ, какъ чисто экономическая категорія, разсматриваемая независимо отъ данныхъ юридическихъ формъ распредѣленія его, есть запасъ такихъ хозяйственныхъ цѣнностей, которыя служатъ, какъ техническое средство, для созданія новыхъ цѣнностей; въ этомъ смыслѣ капиталы составляютъ лишь орудія производства и сырые матеріалы. Этотъ капиталъ представляетъ столь же необходимый факторъ производства, какъ природа и трудъ. Капиталъ въ историко-юридическомъ смыслѣ, въ смыслѣ капиталовладѣнія, есть та часть частнаго имущества лица, которая служитъ ему средствомъ пріобрѣтенія дохода въ формѣ земельной ренты, промышленной прибыли, процента. Существованіе этихъ доходовъ и способы ихъ пріобрѣтенія обусловливаются законодательствомъ. Съ развитіемъ культуры юридическія отношенія непрерывно измѣняются; измѣняется и область предметовъ, могущихъ быть объектами частной собственности капитала. И, говоря вообще, мысль Лассаля, что культурно-историческое развитіе права состоитъ въ постепенно бо́льшемъ ограниченіи объектовъ частной собственности, совершенно вѣрна. При рабской организаціи труда, въ число объектовъ частной собственности входилъ и человѣкъ. Рабство смягчается въ крѣпостничество — право собственности на жизнь человѣка умаляется въ право собственности на его рабочую силу. Крѣпостничество, далѣе, умаляется въ ленную зависимость въ разныхъ степеняхъ; здѣсь право собственности на всю рабочую силу другого исходитъ къ праву ограниченнаго пользованія ею. Въ наше время, личность человѣка и

ный капиталъ современнаго общества, т.-е. на паровыя машины, на улучшенія почвы, на постройки, сырые матеріалы всякаго рода, добытые трудомъ, каковы: желѣзо въ полосахъ, мѣдь въ слиткахъ, кирпичи, каменныя плиты и т. п. Какъ вы думаете, можно «потреблять и, стало-быть, «не сберегать» всѣ эти продукты, разъ что они произведены? Надѣюсь, вы сообразите, что непотребленіе предписывается, въ этомъ случаѣ, самою сущностью предметовъ. Вы ставите капиталистамъ въ заслугу, что они не съѣли этихъ паровыхъ машинъ, улучшеній почвы, кирпичей, слитковъ мѣди, полосъ желѣза, каменныхъ плитъ; вы прославляете ихъ за это воздержаніе... Вы воображаете, что владѣльцы могли продать всѣ эти вещи и прокутить выручку. Положимъ такъ, г. Шульце, но что изъ этого? Какое вліяніе имѣло бы это на общественное образованіе капитала? Эти капиталы, эти паровыя машины и улучшенія почвы, эти кирпичи и слитки мѣди стали бы принадлежать Петру вмѣсто Ивана, что для общества, для націи, для существованія общественнаго капитала было бы рѣшительно все равно. Опять спрашиваю васъ, что вы пишите, г. Шульце?: національно-экономическія лекціи, «курсъ политической экономіи», какъ вы утверждаете, или курсъ частнаго хозяйства, спекуляцію подъ заглавіемъ «Искусство разбогатѣть»?» («Capital u. Arbeit», 1864, S. 86).

его рабочая сила признаны свободными, но орудія труда составляютъ объектъ частной собственности. Въ этомъ и заключается корень всего соціальнаго вопроса. Какъ рабовладѣлецъ и феодалъ накопляли имущество трудомъ своихъ подданныхъ, точно такъ же современный капиталистъ накопляетъ капиталъ изъ труда наемныхъ рабочихъ *). Корифеи экономической науки, уяснившіе вполнѣ теорію цѣнности Рикардо и не жертвующіе истиною постороннимъ соображеніямъ, давно сдѣлали изъ нея этотъ выводъ **); но за Родбертусомъ и Марксомъ остается заслуга подробнаго изслѣдованія процесса образованія капитала и указанія всѣхъ важныхъ соціальныхъ слѣдствій его.

Что, при рабской и крѣпостнической формѣ труда, «накопленный трудъ» поступаетъ въ собственность того, кто не работалъ, это очевидно для всякаго. При вольнонаемномъ трудѣ этотъ фактъ затемняется внѣшними формами «свободнаго договора» между представителемъ рабочей силы и представителемъ орудій труда. Но для раскрытія его существованія нѣтъ даже надобности входить въ подробный анализъ производства: достаточно указать на то, что если бы предприниматели уплачивали рабочимъ за все количество исполненнаго послѣдними труда, то они не получили бы никакой прибыли на

*) Накопленіе частнаго капитала, путемъ собственнаго труда, а не черезъ наемъ рабочихъ, играетъ самую ничтожную роль въ жизни, какъ въ этомъ всякій можетъ убѣдиться, взглянувъ внимательно на окружающее. Можетъ ли накопить сколько-нибудь значительный капиталъ крестьянинъ, обработывающій руками своими и своего семейства принадлежащій ему участокъ?—ремесленникъ, который съ развитіемъ мануфактуръ и машиннаго производства не можетъ даже поддерживать самостоятельнымъ трудомъ своего существованія и постепенно исчезаетъ? Даже, если взять наиболѣе хорошо оплачиваемые идеологическіе классы:—высшихъ чиновниковъ, высшее духовенство, адвокатовъ, медиковъ, литераторовъ, артистовъ, то многія ли лица этихъ классовъ могутъ накопить капиталъ изъ получаемаго ими жалованья и гонорара; и если нѣкоторые изъ нихъ, наиболѣе хорошо оплачиваемые, могутъ дѣлать сбереженія, то какую ничтожную долю составляютъ эти сбереженія сравнительно съ капиталомъ, накопляемымъ промышленнымъ путемъ.

**) Если смотрѣть только на внѣшнюю поверхность экономическаго механизма общества, говоритъ Милль, можетъ представиться, будто прибыль коммерческаго дѣла зависитъ отъ цѣнъ. Производитель или торговецъ получаетъ свою прибыль, повидимому, тѣмъ, что беретъ за свой товаръ больше, чѣмъ онъ стоилъ ему, и можно подумать, будто прибыль—результатъ покупки и продажи... Истинная причина прибыли та, что трудъ производитъ больше, чѣмъ требуется на его содержаніе. Земледѣльческій капиталъ даетъ прибыль потому, что люди могутъ производить пищи больше, чѣмъ необходимо на ихъ прокормленіе въ то время, пока растетъ пища, и пока они заняты устройствомъ орудій и исполненіемъ всѣхъ другихъ нужныхъ приготовленій. Изъ этого слѣдуетъ, что если капиталистъ возьмется кормить работниковъ на условіи получить продуктъ, то, кромѣ возвращенія своей затраты, онъ получитъ еще нѣсколько лишняго. Иными

капиталъ, и, слѣдовательно, покупка рабочей силы не имѣла бы для капиталистовъ никакого смысла. Покупка рабочей силы получаетъ смыслъ потому, что хозяева промышленныхъ предпріятій уплачиваютъ работникамъ лишь часть труда, остальная же часть поступаетъ въ ихъ пользу.

Были попытки оправдать присвоеніе предпринимателями неоплачиваемаго труда тѣмъ, что доходъ предпринимателей есть вознагражденіе за трудъ веденія ими дѣла. Но, извѣстно, что вознагражденіе за веденіе дѣла составляетъ лишь часть предпринимательскаго дохода. Многіе землевладѣльцы, фабриканты, купцы поручаютъ веденіе своихъ дѣлъ управляющимъ, директорамъ, приказчикамъ, и какую часто ничтожную долю составляетъ уплачиваемое ими вознагражденіе за веденіе дѣла сравнительно съ получаемыми ими барышами. Отдѣленіе веденія дѣла отъ предпринимателя иногда оказывается даже необходимымъ, а именно, во всѣхъ акціонерныхъ предпріятіяхъ нашего времени, желѣзныхъ дорогахъ, банкахъ и т. д. Здѣсь капиталистъ или предприниматель лицо коллективное, состоящее изъ множества физическихъ лицъ, которыя не могутъ сами вести дѣло, а потому оно поручается директору на жалованьи. И въ то же время, за вычетомъ этого жалованья, какой значительный дивидендъ остается акціонерамъ, не принимающимъ никакого участія въ веденіи дѣла!

Профессоръ А. Вагнеръ видитъ оправданіе прибыли и процента въ хозяйственной полезности частнаго капитала. «Если можно доказать, говоритъ онъ, что капиталъ можетъ быть правильно образуемъ и употребляемъ только въ формѣ частнаго капитала или даже, что такая форма его образованія и употребленія есть наилучшая, тогда

словами, теорема эта выразится такъ: капиталъ даетъ прибыль потому, что пища, одежда, матеріалы и орудія существуютъ больше времени, нежели какое нужно было для производства ихъ, такъ что если капиталистъ снабжаетъ партію работниковъ этими вещами съ условіемъ получить все, что они производятъ, то они, за воспроизведеніемъ потребленныхъ ими предметовъ необходимости и орудій, будутъ имѣть въ остаткѣ часть своего времени для работы въ выгоду капиталиста. Прибыль возникаетъ, какъ мы видѣли, не отъ посторонняго обстоятельства, не отъ обмѣна, а отъ производительной силы труда, и общая прибыль страны всегда бываетъ соразмѣрна производительной силѣ труда, все равно хотя бы и не происходило никакого обмѣна... Если бы не было раздѣленія занятій, то не было бы ни покупки, ни продажи, но прибыль все-таки была бы. Если работники страны всѣ вмѣстѣ производятъ на 20% больше своей рабочей платы, то прибыль будетъ 20%, каковы бы ни были цѣны. Случайная величина цѣны можетъ на время давать одному разряду производителей больше 20% выгоды, а другому меньше, когда одинъ товаръ ставится выше своей натуральной цѣнности относительно другихъ товаровъ, а другой ниже, и это будетъ продолжаться, пока цѣны снова уравняются; но, въ общей сложности, производители будутъ непремѣнно получать по 20% (Основ. Пол. Эк.», т. I, гл. XV).

отдача части національнаго дохода, въ формѣ прибыли, частнымъ капиталистамъ не представляетъ, даже съ точки зрѣнія интересовъ рабочихъ, никакого вреда и вполнѣ оправдывается съ народно-хозяйственной точки зрѣнія» *). Это исключительно утилитарное оправданіе прибыли напомнило намъ примѣръ, приведенный Прудономъ въ спорѣ съ Бастіа: — «Капиталистъ падаетъ въ рѣку, мимо идетъ работникъ».

Капиталистъ. Спаси меня, или я погибну.

Работникъ. Изволь, только я требую за это милліонъ.

Капиталистъ. Милліонъ за то, чтобы протянуть руку погибающему брату! Что тебѣ стоитъ часъ времени, я тебѣ заплачу за него.

Работникъ. Отвѣчай мнѣ: окажу я тебѣ услугу или нѣтъ, если вытащу тебя? Ну, а всякая услуга развѣ не должна быть вознаграждена? Развѣ я не свободенъ оказать и не оказать тебѣ ее?

Капиталистъ. Да.

Работникъ. Тогда я требую милліонъ, это моя послѣдняя цѣна. Я никого не принуждаю.

Капиталистъ. Но ты злоупотребляешь моимъ положеніемъ: я взываю къ религіи, нравственности, человѣчности...

Работникъ. Кончимъ на этомъ—мнѣ некогда. Выбирай одно изъ двухъ:—жить пролетаріемъ или умереть капиталистомъ.

Полезность, въ данное время, въ данной отрасли промышленности, частной формы капитала и справедливость прибыли, когда размѣръ ея установляется единственно свободною конкуренціею, представляютъ два совершенно различные вопроса. Если, при извѣстныхъ условіяхъ, веденіе предпріятій частными капиталами выгоднѣе, собственники этихъ капиталовъ могутъ разсматриваться какъ исполнители части народно-хозяйственной организаціи, какъ общественные агенты, и только: вознагражденіе же ихъ за эту дѣятельность, чтобы получить этическій характеръ, должно быть обосновано на принципѣ труда, заслуги, а не опредѣляться единственно утилитарными соображеніями или механическимъ закономъ конкуренціи. Все болѣе распространяется сознаніе, что справедливымъ распредѣленіемъ продуктовъ можетъ считаться лишь такое, которое покоится на трудѣ; и стремленіе къ этому идеалу справедливаго распредѣленія не успокоится до тѣхъ поръ, пока онъ не осуществится во всей своей полнотѣ.

Система свободной конкуренціи не только чужда обоснованію

*) «Lehrb. d. polit. Oecon». Erst. B. 1876, S. 515. – Считаемъ нужнымъ замѣтить, что приведенное нами мнѣніе почтеннаго профессора стоитъ въ противорѣчіи съ направленіемъ его ученыхъ работъ въ цѣломъ, стремящихся положить этическія основанія распредѣленію имуществъ и доходовъ.

распредѣленія на трудѣ, но и препятствуетъ даже приближенію къ этому идеалу. Какъ бы ни были громадны рентные доходы, получаемые не отъ труда, а лишь въ силу факта владѣнія землею и капиталомъ, какъ бы ни была скудна доля труда въ распредѣленіи, опредѣляемая quasi «свободнымъ договоромъ» между капиталомъ и трудомъ, система свободной конкуренціи не допускаетъ ни малѣйшаго ихъ регулированія. Результатомъ господства этой системы и является тотъ фактъ, что на распредѣленіи лежитъ до сихъ поръ печать рабства. Общимъ правиломъ можно принять, что распредѣленіе между общественными классами обратно пропорціонально количеству, тяжести и непріятности труда. Классъ общества, исполняющій физическій трудъ, который, вслѣдствіе его чрезмѣрности, дурной обстановки, представляется самымъ тяжелымъ и непріятнымъ, этотъ классъ и вознаграждается всего скуднѣе. А каковъ абсолютный средній размѣръ вознагражденія рабочаго, это мы сейчасъ увидимъ изъ дальнѣйшаго изложенія.

По ученію Рикардо, въ системѣ свободной конкуренціи средній размѣръ рабочей платы опредѣляется стоимостью производства труда. Подъ стоимостью производства труда онъ понимаетъ minimum средствъ, требуемыхъ привычками народа для поддержанія жизни и размноженія. Рабочая плата, говоритъ Рикардо, не можетъ надолго подняться выше этого средняго уровня, ибо улучшившееся положеніе рабочихъ увеличиваетъ число браковъ между ними и тѣмъ усиливаетъ размноженіе, а слѣдовательно и предложеніе труда, отчего рабочая плата низводится къ прежнему уровню. Она не можетъ также надолго упасть ниже средняго размѣра, ибо тогда, вслѣдствіе увеличенія болѣзней и смертности среди рабочихъ классовъ, уменьшится предложеніе труда, и рабочая плата подымется до уровня средствъ, необходимыхъ для существованія. Этотъ законъ рабочей платы былъ признанъ почти всѣми экономистами, и потому Лассаль, въ своей полемикѣ съ Максъ-Виртомъ, на возраженіе послѣдняго, «что этотъ законъ есть гнилая выдумка Рикардо», имѣлъ полное право сказать, что можетъ привести за него столько авторитетовъ, сколько есть въ національно-экономической наукѣ великихъ и знаменитыхъ именъ, притомъ изъ либеральной же школы.

Въ этой теоріи рабочей платы заключаются два положенія: первое говоритъ о средней нормѣ рабочей платы, второе—о причинахъ, создающихъ эту среднюю норму. Первое положеніе есть логическій результатъ второго; поэтому спрашивается: — доказано ли второе положеніе?

Теорія заработной платы Рикардо служитъ лучшимъ образчикомъ недостаточнаго пользованія экономистами Смитовской школы данными опыта. Убѣжденные въ непреложности Мальтусова закона о на-

родонаселенiи, экономисты считали лишнимъ провѣрить наблюденiями положенiе Рикардо, будто съ увеличенiемъ рабочей платы населенiе будетъ возрастать до тѣхъ поръ, пока умножившееся предложенiе труда не низведетъ рабочую плату къ минимуму средствъ существованiя. Правда, нѣкоторые экономисты ссылались на отдѣльные факты, когда за перiодами дешевизны пищи и живого запроса на трудъ слѣдовало увеличенiе количества браковъ и рожденiй. Но эти ссылки, во-первыхъ, еще не указываютъ, что размноженiе населенiя продолжается до тѣхъ поръ, пока рабочая плата не понизится до минимума средствъ существованiя; во-вторыхъ, цмѣются крупные примѣры постояннаго возвышенiя рабочей платы, не только не вызывавшаго увеличенiе процента рожденiй, но, напротивъ, соединеннаго съ уменьшенiемъ его. Благосостоянiе французскаго народа въ девятнадцатомъ столѣтiи, благодаря аграрнымъ мѣрамъ первой революцiи, значительно выше, нежели оно было въ XVIII ст.; между тѣмъ процентъ рожденiй во Францiи, въ теченiе всего XIX ст., понижается съ замѣчательнымъ постоянствомъ. Въ Англiи, за послѣднiя тридцать лѣтъ, рождаемость возросла съ 3,26% на 3,54%, и, несмотря на то, реальная рабочая плата въ отрасляхъ промышленности, обнятыхъ рабочими союзами, постоянно возрастала и превышаетъ въ настоящее время на 30% размѣръ рабочей платы сороковыхъ годовъ. Рабочiе союзы, парализируя многiя невыгодныя условiя продажи рабочей силы неорганизованными работниками, заставили покупщиковъ платить за нее дороже.

Теорiя Рикардо о заработной платѣ есть логическiй выводъ изъ ученiя Мальтуса. А такъ какъ послѣднее ученiе получило въ политической экономiи значенiе краеугольнаго камня, то понятно, что и теорiя Рикардо, безъ всякихъ дальнѣйшихъ изслѣдованiй, была признана большинствомъ экономистовъ.

Другое дѣло—признанiе ея Лассалемъ. Удивительно, какъ могъ Лассаль, признавая эту теорiю, надѣяться, въ то же время, улучшить судьбу рабочихъ классовъ путемъ устройства въ обширныхъ размѣрахъ ассоцiацiй. Удивительно, какъ не замѣтилъ онъ, что признанiе ея въ корнѣ подрываетъ его реформаторскiе планы. Если размноженiе рабочихъ задерживается лишь недостаткомъ средствъ существованiя, если съ возвышенiемъ рабочей платы неминуемо сопряжено увеличенiе числа браковъ, рожденiй, населенiя, останавливающагося въ своемъ прогрессивномъ движенiи лишь низведенiемъ рабочей платы къ минимуму средствъ существованiя, то какiя же надежды могъ возлагать Лассаль на ассоцiацiи? Увеличившiеся чрезъ ассоцiацiи доходы работниковъ были бы въ скоромъ времени, вслѣдствiе размноженiя, снова приведены къ минимуму средствъ существованiя; а потому Лассаль, предлагая учрежденiе ассоцiацiй какъ средство къ поднятiю благо-

состоянія работниковъ, долженъ былъ бы, какъ это дѣлаетъ всякій послѣдовательный мальтузіанецъ, оговорить, что средство это окажется дѣйствительнымъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнятся привычки работниковъ относительно размноженія. Между тѣмъ, онъ обошелъ молчаніемъ этотъ вопросъ, составляющій ахиллесову пяту его экономическихъ воззрѣній.

«Желѣзный» законъ рабочей платы въ томъ смыслѣ, что средній размѣръ ея, при свободной конкуренціи и разъединенности работниковъ, всегда стоитъ близко къ минимуму средствъ жизни, дѣйствительно существуетъ *); но условія, порождающія его, не тѣ, какія указаны Рикардо. Причины, устанавливающія этотъ законъ, коренятся въ указанныхъ нами выше особенныхъ свойствахъ труда, какъ товара. Эти особенныя свойства не есть неизбѣжная принадлежность организаціи хозяйства, покоющейся на наемномъ трудѣ. Онѣ выступаютъ лишь при свободной конкуренціи, при конкуренціи рабочихъ между собою, и исчезаютъ или, по крайней мѣрѣ, значительно ослабляются съ соединеніемъ работниковъ въ союзы, съ организаціею рабочаго класса. Англійскіе trade-unions показали, что работники могутъ регулировать условія продажи рабочей силы и тѣмъ устранить невыгодное свойство труда какъ товара:—продаваться на всякихъ условіяхъ Но пока работники разъединены, пока каждый дѣйствуетъ самъ за себя и конкурируетъ съ своими собратьями, до тѣхъ поръ борьба съ капиталомъ, самостоятельное значеніе труда при заключеніи договоровъ невозможны, и желѣзный законъ рабочей платы находитъ свое полное примѣненіе.

Статистическія изслѣдованія показываютъ, что средній размѣръ жизненныхъ средствъ рабочихъ классовъ таковъ, что смертность этихъ классовъ значительно превышаетъ смертность зажиточныхъ, а медицинскія изслѣдованія свидѣтельствуютъ, что главнѣйшею причиною тифозныхъ болѣзней въ рабочемъ классѣ является недостатокъ питанія.

Въ «Сравнительной статистикѣ» профессора Янсона собраны спеціальныя изслѣдованія, которыя, въ послѣднее время, были предприняты въ западно-европейскихъ городахъ для опредѣленія смерт-

*) Подъ минимумомъ средствъ существованія разумѣютъ такой размѣръ средствъ, при которомъ насущныя потребности питанія, жилища, одежды, отопленія удовлетворяются столь скуднымъ образомъ, что малѣйшее пониженіе размѣра средствъ ведетъ за собою болѣзни и смертность отъ голода. Вслѣдствіе историческихъ и климатическихъ причинъ, приспособленность организма разныхъ народовъ къ условіямъ питанія, жилища и прочей житейской обстановкѣ не одинакова. Средній русскій работникъ не вынесетъ условій жизни самоѣда; средній англійскій работникъ заболѣетъ отъ пищи русскаго крестьянина. Поэтому размѣръ минимума средствъ существованія иной въ Россіи, чѣмъ въ Германіи, въ Германіи иной, чѣмъ въ Англіи и Франціи.

ности въ разныхъ слояхъ населенія, взятыхъ по отношенію къ ихъ матеріальной обезпеченности. Такъ, напримѣръ, изслѣдованія директора пештскаго статистическаго бюро, принявшаго за признакъ матеріальной обезпеченности скученность населенія, выраженную отношеніемъ числа жителей къ числу комнатъ, дали слѣдующіе результаты:

	Средній возрастъ умершихъ, считая дѣтей до 5 лѣтъ.	Средній возрастъ умершихъ, не считая дѣтей до 5 лѣтъ.
1-й классъ, богатое населеніе	38,81	50,86
2-й » среднее состояніе	23,50	44,66
3-й » бѣдное населеніе	14,41	41,31
4-й » нуждающееся населеніе . .	10,12	40,22

Подобные же результаты въ иной формѣ даетъ статистика нѣкоторыхъ городовъ Германіи. Напримѣръ, лейпцигское городское статистическое бюро опредѣлило общую смертность по улицамъ, въ которыхъ приходится: 1) не болѣе двухъ человѣкъ на одну отапливаемую комнату, 2) отъ двухъ до трехъ и 3) болѣе трехъ человѣкъ:

Умерло.	На 1000 жив. всѣхъ возрастовъ. 1871	1872	На 1000 дѣтей 0—1 года. 1871	1872
Въ улицахъ 1-й группы	23	18	362	268
» » 2-й »	33	22	435	333
» » 3-й »	49	30	691	500

Слѣдовательно, смертность бѣднѣйшаго населенія была въ 1871 году (оспенная эпидемія) болѣе, чѣмъ вдвое сильнѣе смертности богатаго; въ 1872—на 66%; а смертность дѣтей была между бѣдными сильнѣе, чѣмъ между богатыми въ 1871 году на 91%, въ 1872 г. на 90%.

Въ статистикѣ Брауншвейга улицы сгруппированы по среднему доходу на одного жителя, причемъ цифра доходовъ взята изъ податныхъ списковъ, и смертность вычислена по улицамъ. Данныя обнимаютъ время съ 1864 по 1873 годъ. На основаніи ихъ—умирало на 1000 живущихъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ болѣе 250 тал. — 15,2 ч. = 100
» » » » 200—250 » — 19,1 » = 130
» » » » 150—200 » — 19,1 » = 130
» » » » 100—150 » — 22,5 » = 150
» » » » 75—100 » — 26,8 » = 179
» » » » менѣе 75 » — 34,7 » = 237

Смертность Вѣны по частямъ города:

	На 1000 живущихъ. 1874 г.	1875 г.
I кл.	13,8 чел.	14,3 чел.
II »	25,5 »	33,2 »
III »	24,8 »	26,3 »
IV »	22,9 »	21,4 »
V »	26,8 »	30,4 »
VI »	20,8 »	22,4 »
VII »	19,7 »	21,8 »
VIII »	20,6 »	22,5 »
IX »	29,3 »	30,1 »
X »	61,2 »	43,0 »

Самая слабая смертность въ I округѣ, населенномъ зажиточными классами; округи II, III, IV и VIII населены людьми средняго состоянія; въ VI и VII помѣщаются фабрики и заводы, рабочіе на которыхъ не живутъ, однако, въ этихъ округахъ: V и IX населены, по преимуществу, ремесленниками; наконецъ, X округъ, вновь присоединенный къ городу, весь наполненъ рабочимъ населеніемъ: въ немъ смертность въ благопріятный годъ въ три раза, а въ неблагопріятный—въ пять разъ сильнѣе, чѣмъ въ первомъ округѣ.

Французскій экономистъ Жидъ, на основаніи данныхъ статистики Парижа, указываетъ, что годичная смертность, понижающаяся до 10 на 1000 въ богатыхъ кварталахъ, достигаетъ 43 на 1000 въ Монмартрскомъ кварталѣ, населенномъ преимущественно рабочими. Можно, слѣдовательно, сказать, что у бѣдняка въ четыре раза больше шансовъ умереть, чѣмъ у богатаго.

Но еще болѣе поразительно различіе смертности между богатымъ и бѣднымъ населеніемъ, происходящее отъ заразительныхъ болѣзней.

Въ Брауншвейгѣ умирало сравнительно съ богатымъ населеніемъ:

Улицы съ среднимъ доходомъ на 1-го жителя:

	болѣе 2 0 т.	200 - 250	150—200	100—150	75—100	менѣе 75 т.
Отъ оспы	100	166	400	766	933	1700
» чахотки . .	100	146	157	200	226	226
» холеры . . .	100	100	466	466	1000	1766

Въ книгѣ Маркса «Капиталъ» собранъ богатый матеріалъ о питаніи и жилищахъ англійскихъ земледѣльческихъ рабочихъ и ра-

бочихъ промышленныхъ отраслей, когда рабочіе союзы были мало еще развиты въ Англіи. Приведемъ нѣсколько данныхъ изъ этого матеріала. Въ 1863 г., Dr. Smith, по порученію Privy Council, сдѣлалъ изслѣдованіе матеріальнаго положенія земледѣльческихъ работниковъ и нѣкоторыхъ категорій городскихъ рабочихъ, а именно: ткачей шелковыхъ издѣлій, швей, перчаточниковъ, сапожниковъ. При изслѣдованіи было принято за правило выбирать изъ каждой категоріи самыя здоровыя и относительно лучше обставленныя семейства. Общій результатъ былъ тотъ, что «только въ одномъ изъ изслѣдованныхъ классовъ городскихъ работниковъ количество принимаемаго организмомъ азота немного превышало тотъ minimum, ниже котораго являются болѣзни отъ голода; что въ двухъ классахъ былъ недостатокъ, и въ одномъ даже громадный недостатокъ пищи, какъ азотистой, такъ и углеродистой; что изъ изслѣдованныхъ земледѣльческихъ семействъ болѣе одной пятой получаютъ менѣе углеродистой пищи, чѣмъ необходимо, и болѣе одной трети семействъ получаютъ менѣе азотистой пищи, чѣмъ необходимо. Между сельскими рабочими недостаточное питаніе приходится, большею частью, на долю женщинъ и дѣтей, потому что мужчины должны ѣсть, чтобы работать». Между другими категоріями городскихъ работниковъ свирѣпствовала еще большая нужда. «Они питаются такъ плохо, что, во многихъ случаяхъ, должны происходить жестокія и вредныя для здоровья лишенія». Президентъ Лондонскаго медицинскаго бюро, Dr. Simon, въ своемъ общемъ санитарномъ отчетѣ, относительно этихъ условій питанія, говоритъ слѣдующее: «Каждый, знакомый съ медицинской практикой среди бѣдныхъ, подтвердитъ, что случаи, гдѣ недостатокъ питанія производитъ болѣзнь или отягчаетъ ее, безчисленны. Но съ санитарной точки зрѣнія сюда присоединяются еще и другія важныя условія... Надо припомнить, что лишеніе питательныхъ средствъ крайне трудно выносится, и что, обыкновенно, скудость діэты слѣдуетъ только за другими лишеніями. Задолго до того, когда недостатокъ пищи, съ гигіенической точки зрѣнія, оказывается ощутительнымъ, задолго до того, когда физіологъ начинаетъ считать граны углерода и азота, которые рѣшаютъ вопросъ о жизни и голодной смерти, домашнее хозяйство лишается всѣхъ матеріальныхъ удобствъ. Отопленіе и одѣяніе, въ такихъ случаяхъ, еще болѣе скудны, чѣмъ пища. Нѣтъ достаточной защиты отъ суровости погоды; жилое пространство урѣзывается до той степени, что зарождаются и усиливаются болѣзни; отъ домашней утвари или мебели остаются только жалкіе слѣды; сама опрятность и чистота сдѣлались дорогими или трудно досягаемыми. Если изъ чувства самоуваженія и дѣлаются еще попытки поддержать все это, то каждая подобная попытка усиливаетъ только страданія

отъ голода. Квартира нанимается только тамъ, гдѣ всего дешевле можно пріобрѣсть кровъ; въ такихъ кварталахъ санитарная полиція безполезна; тамъ скопляется большая часть общественныхъ нечистотъ, водоснабженіе плохое или ничтожное, а въ городахъ, сверхъ того, сильный недостатокъ свѣта и воздуха. Вотъ опасности для здоровья, которымъ неизбѣжно подвергается бѣдность, если эта бѣдность дошла уже до недостатка въ пищѣ. Если сумма всѣхъ этихъ золъ имѣетъ большую опасность для жизни, то и простой недостатокъ пищи самъ по себѣ ужасенъ. Таковы печальныя мысли, внушаемыя бѣдностью, особенно если прибавить къ этому, что бѣдность, о которой идетъ здѣсь рѣчь, происходитъ не отъ праздности. Это—бѣдность работниковъ. Да, что касается городскихъ работниковъ, то трудъ, которымъ покупается ихъ скудная пища, большею частью удлиненъ выше всякой мѣры. И, тѣмъ не менѣе, можно только въ очень ограниченномъ смыслѣ сказать, что этотъ трудъ поддерживаетъ рабочаго... По большей части эта номинальная поддержка можетъ только служить болѣе или менѣе длиннымъ путемъ къ пауперизму».

Въ 1863 году было предпринято оффиціальное изслѣдованіе о состояніи продовольствія преступниковъ, приговоренныхъ къ ссылкѣ или къ каторжной работѣ. Результаты этихъ изслѣдованій помѣщены въ Синихъ книгахъ; «тщательныя сличенія», говорится тамъ между прочимъ, «пищи преступниковъ въ англійскихъ тюрьмахъ съ пищею бѣдныхъ въ рабочихъ домахъ и пищею свободныхъ сельскихъ работниковъ, неоспоримо доказываютъ, что первые питаются несравненно лучше двухъ остальныхъ классовъ», между тѣмъ какъ «количество труда, требуемое отъ каторжнаго, составляетъ приблизительно половину того, что совершаетъ обыкновенный сельскій рабочій».

Внутреннюю связь между дурнымъ питаніемъ работниковъ и капиталистическимъ накопленіемъ, говоритъ Марксъ, видитъ только тотъ, кому извѣстны экономическіе законы. Другое дѣло относительно положенія жилищъ. Всякій безпристрастный наблюдатель видитъ, что чѣмъ больше сосредоточиваются средства производства, тѣмъ сильнѣе скучиваются рабочіе на маломъ пространствѣ, и что поэтому чѣмъ быстрѣе капиталистическое накопленіе (при свободной конкуренціи, замѣтимъ мы съ своей стороны) тѣмъ хуже ихъ жилье. Всякій видитъ, что происходящее вмѣстѣ съ возрастаніемъ богатствъ улучшеніе городовъ, посредствомъ ломки плохо построенныхъ частей города, сооруженія дворцовъ для банковъ, торговыхъ домовъ и т. п., расширенія улицъ для дѣловой ѣзды и роскошныхъ экипажей, введенія городскихъ желѣзныхъ дорогъ и т. д.,—что все это соединено съ вытѣсненіемъ бѣдныхъ въ болѣе скверныя и тѣснѣя населенныя убѣжища... Антагонистическій характеръ капиталистическаго нако-

пленія, а слѣдовательно и капиталистическихъ условій собственности вообще здѣсь до такой степени осязателенъ, что даже англійскіе оффиціальные отчеты объ этомъ предметѣ полны еретическихъ нападокъ на «собственность и ея права». Зло дѣлаетъ такіе быстрые успѣхи съ развитіемъ промышленности, накопленіемъ капитала, возрастаніемъ и «украшеніемъ» городовъ, что простая боязнь заразительныхъ болѣзней, не щадящихъ и зажиточные классы, заставила издать, съ 1847 по 1864 г., не менѣе 10-ти санитарно-полицейскихъ парламентскихъ актовъ; и буржуазія, изъ чувства самосохраненія, въ нѣкоторыхъ большихъ городахъ, какъ въ Ливерпулѣ, Гласго и др., рѣшилась даже сама вмѣшаться въ это дѣло посредствомъ своихъ муниципалитетовъ. И, несмотря на то, Dr. Simon въ своемъ отчетѣ за 1865 г. восклицаетъ: «Говоря вообще, въ Англіи это зло безконтрольно». По приказанію Privy Council, въ 1865 году было произведено Dr. Hunter'омъ изслѣдованіе жилищъ бѣднѣйшихъ классовъ въ городахъ, результаты котораго помѣщены въ седьмомъ и восьмомъ отчетахъ о «Public Health». Dr. Simon предпосылаетъ этому изслѣдованію слѣдующія общія замѣчанія: «Хотя моя оффиціальная задача состоитъ исключительно въ разсмотрѣніи этого зла съ физической точки зрѣнія, но простая гуманность не позволяетъ игнорировать мнѣ и другія стороны его. Дойдя до высокой степени, оно влечетъ за собою почти неизбѣжно такое отрицаніе всякихъ приличій, такую нечистоплотность и такой безпорядокъ тѣлесныхъ отправленій, такую половую наготу, какія можно признать скорѣе за скотскія, чѣмъ за человѣческія. Подвергаться этимъ вліяніямъ равносильно униженію, притомъ тѣмъ бо́льшему, чѣмъ дальше оно продолжается. Для дѣтей, родившихся подъ этимъ п р о к л я т і е м ъ, это—«крещеніе въ безчестіе» (babtism in to infamy). И совершенно безнадежно желаніе, чтобы личность, поставленная въ такія условія, стремилась въ другихъ отношеніяхъ въ ту атмосферу цивилизаціи, сущность которой состоитъ въ физической и моральной чистотѣ» *).

*) Таковы жилищныя условія англійскихъ городскихъ рабочихъ. Между тѣмъ гигіеническія условія городовъ Великобританіи счи аются лучшими сравнительно съ городами континентальныхъ государствъ. Въ то же время, число городовъ и населеніе въ нихъ повсюду возрастаетъ непрерывно. Насколько съ введеніемъ парового двигателя и постояннымъ ростомъ концентраціи производства измѣнились жилищныя отношенія въ Англіи, видно изъ того, что, въ началѣ XIX ст., въ этой странѣ не было ни одного города, кромѣ Лондона, въ которомъ числилось бы болѣе 100.000 жителей, и только 5 городовъ насчитывали болѣе 50.000 жит. Теперь одинъ Лондонъ съ промышленными пригородами имѣетъ около 5.000.000 жит., и болѣе 28 городовъ имѣютъ болѣе 50.000 жит.—Въ третьей четверти прошлаго столѣтія сельское населеніе Англіи составляло 76%, а теперь—13%.

«Ducpetiaux, читаемъ въ «Капиталѣ» Маркса,— бывшій генеральный инспекторъ бельгійскихъ тюремъ, говоритъ въ своемъ «Budgets économiques des classes ouvrières en Belgique»:—«каждое рабочее семейство, среднимъ числомъ, имѣетъ четверыхъ дѣтей, слѣдовательно съ отцомъ и матерью оно состоитъ изъ 6-ти лицъ. Изъ этихъ 6-ти лицъ работать могутъ четверо, если только не случится болѣзнь и т. п. При этихъ условіяхъ maximum дохода семейства составитъ 1068 франковъ. Если бы рабочій получалъ пищу:

— Матросовъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1828 фр., что составило бы 760 фр. дефицита.

— Солдатъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1473 фр., что составило бы 405 фр. дефицита.

— Заключенныхъ, то годовыя издержки семьи увеличились бы до 1112 фр., что составило бы 44 фр. дефицита.

Въ приведенномъ образцовомъ семействѣ соединены всевозможные источники дохода. Но, давая рабочую плату матери семейства, мы этимъ самымъ лишаемъ домъ хозяйки. Кто будетъ смотрѣть за порядкомъ дома, приготовлять пищу, чинить бѣлье и платье, стирать и т. п.? Какъ же поступаетъ большинство работниковъ, которые покупаютъ товаръ не оптомъ, какъ въ тюрьмахъ, а по мелочи, какъ они устраиваютъ свою жизнь? Этого они достигаютъ тѣмъ, что прибѣгаютъ къ средствамъ, составляющимъ тайну однихъ рабочихъ: тѣмъ, что урѣзываютъ свою ежедневную порцію, мало и вовсе не употребляютъ мяса, такъ же какъ масла и зелени; тѣмъ, что помѣщаютъ все семейство въ одной или двухъ комнатахъ, гдѣ дѣвушки и молодые люди спятъ вмѣстѣ, часто на одномъ и томъ же мѣшкѣ соломы; тѣмъ, что экономничаютъ на платьѣ, на бѣльѣ, отказываютъ себѣ въ опрятности, въ воскресныхъ удовольствіяхъ и т. п. Когда они дошли до этихъ предѣловъ, то достаточно малѣйшаго повышенія жизненныхъ средствъ и т. п., чтобы сразу бросить ихъ въ ряды нищихъ!... Во всей Бельгіи считается 930.000 семействъ, изъ нихъ, по оффиціальной статистикѣ, 90.000 богатыхъ (избирателей) состоитъ изъ 450.000 лицъ; 190.000 семействъ мелкаго средняго класса, въ городахъ и деревняхъ, значительная часть которыхъ постоянно переходитъ въ пролетаріевъ, всего 1.950.000 лицъ. Наконецъ, 450.000 рабочихъ семействъ, всего 2.500.000 лицъ, изъ которыхъ образцовыя семейства вкушаютъ вышеописанное довольство. Изъ 450.000 рабочихъ семействъ болѣе 200.000 находятся въ спискѣ бѣдныхъ».

Масса накопленныхъ, въ настоящее время, статистическихъ изслѣдованій раскрыла обществу бѣдственныя условія жизни рабочихъ классовъ. И что особенно обращаетъ на себя вниманіе въ

этихъ изслѣдованіяхъ, это—что безпримѣрное въ исторіи возрастаніе въ XIX столѣтіи національнаго богатства идетъ всецѣло въ пользу имущихъ классовъ и оказываетъ лишь небольшое вліяніе на улучшеніе судьбы рабочихъ классовъ.

Безпристрастные и понимающіе экономическіе законы ученые достаточно разъяснили, что неблагопріятные результаты распредѣленія есть неизбѣжное слѣдствіе экономическаго порядка, основаннаго на свободной конкуренціи. Но Манчестерская школа остается слѣпа къ новымъ научнымъ изслѣдованіямъ въ экономической области и не перестаетъ повторять зады о благодѣтельности принципа свободной конкуренціи. Не имѣя же возможности, въ виду оффиціальныхъ статистическихъ данныхъ, отвергать жалкое матеріальное положеніе рабочихъ классовъ, она причиною его выставляетъ Мальтусовъ законъ народонаселенія.

Законъ о размноженіи человѣческаго рода есть дѣйствительно альфа и омега соціальнаго вопроса. Только съ открытіемъ этого закона человѣчество пріобрѣтетъ возможность управлять такимъ важнымъ элементомъ соціальной жизни, какъ количество народонаселенія. Для открытія же этого закона необходимо узнать физіологическія причины, обусловливающія зачатія. Пока эти причины не будутъ извѣстны, о законѣ народонаселенія можно говорить лишь въ смыслѣ эмпирическаго статистическаго факта, указывающаго средній приростъ населенія въ данное время, въ данной странѣ. И потому нѣтъ болѣе поразительнаго заблужденія въ политической экономіи, какъ господствующая въ ней мысль, что наукѣ извѣстенъ законъ размноженія человѣческаго рода. Это заблужденіе коренится въ апріористической посылкѣ, которую мы выскажемъ словами одного изъ первоклассныхъ экономистовъ - мальтузіанцевъ: «врожденная сила размноженія—говоритъ Милль—можетъ считаться безконечною въ каждомъ родѣ органическихъ существъ. Нѣтъ ни одной породы растеній или животныхъ, которая, въ теченіе немногихъ лѣтъ, не покрыла бы всѣ страны земного шара, имѣющія климатъ совмѣстный съ ея существованіемъ, если бы земля была исключительно предоставлена ей и предметамъ, которыми она питается. Степень возможной быстроты размноженія у различныхъ классовъ существъ различна: но во всѣхъ она достаточна для того, чтобы очень быстро наполнить землю. Есть въ растительномъ царствѣ много такихъ породъ, въ которыхъ одно растеніе въ годъ производитъ сѣмена тысячи растеній; если только два изъ нихъ достигнутъ зрѣлости, то въ 14 лѣтъ онѣ, по этой пропорціи, размножатся слишкомъ до 16.000. Между животными очень обыкновенная такая степень плодородія, что число существъ извѣст-

ной породы можетъ учетверяться съ каждымъ годомъ; если число только учетверяется въ теченіе полустолѣтія, то въ два столѣтія 10.000 размножатся до двухъ милліоновъ пятисотъ тысячъ слишкомъ. Способность размноженія необходимо всегда дѣйствуетъ по геометрической прогрессіи, различна бываетъ только цифра знаменателя этой прогрессіи».

«Человѣческій родъ не составляетъ исключенія относительно этого свойства органическихъ существъ. Сила его размноженія безпредѣльна, и, дѣйствительно, размноженіе его было бы чрезвычайно быстро, если бы эта сила дѣйствовала съ полнымъ могуществомъ. Съ полнымъ могуществомъ она не дѣйствовала никогда, но все-таки, при наиболѣе благопріятныхъ изъ извѣстныхъ намъ обстоятельствъ (эти обстоятельства—плодородная страна, колонизуемая изъ промышленнаго и цивилизованнаго общества), населеніе, въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, независимо отъ прилива новыхъ переселенцевъ, продолжало удвоиваться въ періоды, имѣющіе немногимъ болѣе какъ по двадцати лѣтъ *). Но способность размноженія въ человѣческомъ родѣ превосходитъ даже и эту величину; мы ясно увидимъ это, вспомнивъ, какъ велико бываетъ обыкновенное число дѣтей въ семьѣ, при хорошемъ климатѣ и обычаѣ рано вступать въ бракъ, и какъ мала пропорція дѣтей, умирающихъ до достиженія зрѣлости, при нынѣшнемъ состояніи гигіеническихъ знаній, если климатъ здоровъ, а семья достаточно снабжена средствами жизни. Мы очень низко оцѣнимъ способность размноженія, если примемъ, что, при хорошемъ гигіеническомъ положеніи народа, каждое поколѣніе можетъ быть вдвое многочисленнѣе предшествующаго поколѣнія... Что же мѣшаетъ племени зайцевъ или кроликовъ переполнить собою землю? Не недостатокъ плодородія, а причины совершенно иного рода: множество враговъ и недостатокъ продовольствія. У нихъ мало ѣды, и сами они становятся ѣдою для другихъ. Люди вообще не подвержены второму бѣдствію, но замѣною его служатъ болѣзни и война. Если бы размноженіе людей, подобно размноженію другихъ животныхъ, производилось лишь слѣпымъ инстинктомъ, границы ему полагались бы точно того же рода, какъ у животныхъ, количество рождающихся имѣло бы всю многочисленность, допускаемую жизненнымъ устройствомъ породы, и населеніе сдерживалось бы въ границахъ смертью. Но поступки людей болѣе или менѣе подчиняются вліянію соображеній о послѣдствіяхъ и регулируются побужденіями, высшими чисто животныхъ инстинктовъ. Потому люди не плодятся какъ свиньи, нѣтъ, — они

*) Милль повторяетъ здѣсь ошибку Мальтуса. Такого періода удвоенія населенія никогда и нигдѣ не существовало.

способны болѣе или менѣе удерживаться благоразумiемъ или общественными привязанностями отъ того, чтобы давать жизнь существамъ, рождающимся лишь на нужду и преждевременную смерть. Соразмѣрно тому, какъ люди возвышаются надъ скотскимъ состоянiемъ, возрастаніе населенія сдерживается больше боязнью недостатка, чѣмъ фактическимъ недостаткомъ. Даже въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ опасности голода, многіе точно также удерживаются опасеніями потери того, что считается условіями приличнаго ихъ общественному положенію образа жизни. До сихъ поръ ни то, ни другое изъ этихъ побужденій не оказывались имѣющимъ надъ большинствомъ людей столько силы, чтобы уравновѣшивать стремленіе къ размноженію».

Приведенное нами мѣсто (изъ X гл. «Основ. Политич. Эк.», въ которой защищается Мальтусова теорія) показываетъ, что Милль разсуждаетъ о размноженіи человѣческаго рода такъ, какъ будто онъ признаетъ производительную способность женщинъ за нѣчто о п р е д ѣ л е н н о е, а б с о л ю т н о е; какъ будто эта способность во всѣ времена и у всѣхъ народовъ остается неизмѣнною, и если, какъ показываетъ статистика, процентъ рожденій у различныхъ народовъ и у того же народа въ различные періоды времени не одинаковъ, то это, по его мнѣнію, есть лишь результатъ предусмотрительности,—воздержанія отъ физической любви *).

Вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не принадлежитъ къ числу явленій, которыя могутъ быть изслѣдованы, почему, при обсужденіи этого вліянія, открывается большой просторъ субъективнымъ воззрѣніямъ. Но хотя вліяніе предусмотрительности на размноженіе населенія не можетъ быть съ точностью изслѣдовано, тѣмъ не менѣе едва ли кто, всматривавшійся внимательно и безъ предвзятой идеи въ явленія обыденной жизни, не признаетъ, что количество этого вліянія ничтожно. Дѣло идетъ не о воздержности отъ вреднаго здоровью излишества,—такая воздержность не уменьшаетъ количества рожденій,—а объ отказѣ организму въ одной изъ природныхъ его функцій. Спрашивается, много ли людей подвергаетъ себя

*) По вопросу объ измѣняемости плодотворящей воспріимчивости женскаго организма заслуживаетъ вниманія XXXVI I гл книги Кэри—«Соціальная наука», гдѣ приводятся указанія на общій антагонизмъ между нервной и воспроизводительной функціями. «Куда бы мы ни обратили нашъ в о р ъ, говоритъ въ заключеніе авторъ, мы всюду найдемъ, что воспроизводительная сила въ человѣкѣ вовсе не постоянная величина, какъ и всякая другая его сила. Она уменьшается по мѣрѣ того, какъ его различныя способности вызываются къ дѣятельности, вслѣдствіе возникновенія разнообразія занятій, появленія быстроты въ общественномъ движеніи и благопріятныхъ условій для его свободы».

подобному лишенію? Не наивно ли ожидать сколько-нибудь значительныхъ результатовъ въ дѣлѣ уменьшенія размноженія населенія отъ добровольнаго воздержанія? Мальтусъ и его послѣдователи, очевидно, сами возлагаютъ малую надежду на проповѣдь о добровольномъ воздержаніи и требуютъ законодательнаго ограниченія браковъ. Но статистика показала, что въ странахъ, гдѣ вступленіе въ бракъ затрудняется закономъ или обычаемъ, брачныя отношенія замѣняются внѣбрачными, дающими такое же число рожденій, какъ и первыя. Въ Баваріи до 1868 г. цифра незаконныхъ рожденій, среднимъ числомъ, простиралась ежегодно до 22%. Когда, въ 1868 г., были уничтожены опредѣленныя закономъ условія имущественнаго ценза для вступленія въ бракъ, цифра эта стала быстро понижаться, дойдя въ 1875 г. до 12%. Интересно, что въ то же время общая рождаемость въ Баваріи была: отъ 1861—70 г.—4,06%; отъ 1871—74 г.—4,01%. Въ доказательство своей мысли о возможности значительнаго вліянія предусмотрительности на размноженіе, Милль ссылается на меньшее количество рожденій въ средѣ поселянъ-собственниковъ, сравнительно съ промышленнымъ населеніемъ, вытекающее, по его мнѣнію, изъ того, что каждый поселянинъ въ состояніи видѣть изъ очевидныхъ, вполнѣ понятныхъ ему фактовъ, можетъ ли его участокъ содержать нѣсколько семей въ такомъ довольствѣ, въ какомъ содержится одно. Что объясненіе факта меньшей рождаемости сдѣлано здѣсь Миллемъ a priori,—это очевидно, но, кромѣ того, самому факту придано болѣе общее значеніе, нежели онъ имѣетъ въ дѣйствительности... Помимо русскихъ данныхъ, по которымъ наибольшая рождаемость приходится на черноземныя, непромысловыя губерніи, западная Европа представляетъ намъ много фактовъ, обратныхъ предположенію Милля. Достаточно указать, напримѣръ, на промышленную Богемію, гдѣ процентъ рожденій 3,8, и земледѣльческую Галицію, съ рождаемостью въ 4,7%, Рейнскую провинцію и Померанію, Вестфалію и Познань, Фландрію и Бретань.

Статистика показываетъ, что процентъ рожденій въ разныхъ странахъ и въ разное время весьма различенъ. Такъ, напримѣръ, въ Саксоніи, за послѣдніе періоды, процентъ рожденій составляетъ 4,28, Пруссіи 4.03, Австріи 3,86, Италіи 3,76, Испаніи 3,60, Англіи 3,54, Франціи 2,58. Во Франціи рождаемость наименьшая изъ всѣхъ европейскихъ государствъ. Притомъ замѣчательно, что рождаемость въ этой странѣ уменьшается съ поразительнымъ постоянствомъ *). Еще

*) Отъ 1770—85 года % рожденій во Франціи былъ 3,80
1801—10 3,50
1811—20 3,17

рельефнѣе выступаетъ на видъ различіе плодовитости женщинъ въ разныхъ странахъ, если выдѣлить женщинъ, могущихъ давать рожденія. Сравнивая въ этомъ отношеніи Баварію и Францію, занимающія въ таблицѣ рождаемости Западной Европы верхнюю и нижнюю оконечности, оказывается, что въ Баваріи меньшая часть женщинъ въ возрастѣ отъ 15—50 лѣтъ состоитъ въ замужествѣ, чѣмъ во Франціи: 45% въ Баваріи и 54% во Франціи; но за то каждыя 100 баварскихъ замужнихъ женщинъ рождаютъ около 31 ребенка, между тѣмъ какъ во Франціи только 17, и, далѣе, каждая сотня женщинъ, не состоящихъ въ замужествѣ, даетъ въ Баваріи 4 незаконныхъ дѣтей, во Франціи менѣе двухъ *). И если на вопросъ о причинахъ такого поражающаго различія въ плодовитости французскихъ женщинъ, сравнительно съ женщинами другихъ странъ, мальтузіанецъ отвѣчаетъ, что причина этого факта заключается въ предупредительныхъ средствахъ противъ рожденій, то не представляется ли подобное рѣшеніе вопроса мало обоснованнымъ. Всѣ попытки статистиковъ объяснить различія въ плодовитости женщинъ: развращеніемъ нравовъ, климатомъ, экономическими условіями, степенью цивилизаціи и т. д. имѣютъ до сихъ поръ значеніе только предположеній. Да и едва ли статистическій методъ въ состояніи разрѣшить этотъ вопросъ. Разрѣшить его можетъ только физіологія **).

1821—30	3,06
1831—40	2,87
1841—50	2,73
1851—60	2,61
1861—70	2,60
1871—73	2,51
1875—г.	2,60
(Сравн. Статист. проф. Янсона).	
1876—1880	2,53
1881—1885	2,47
1886—1890	2,31
1891—1895	2,24
1896—1900	2,20

(I. Гольдштейнъ, «Проблемы населенія во Франціи» 1903 г.)

*) Въ Пруссіи плодовитость замужнихъ женщинъ — 27,5%
» Англіи » » » — 24.18
» Италіи » » » — 24,4

(Сравн. Статист. проф. Янсона).

**) Когда явилась теорія Мальтуса, она была встрѣчена съ восторгомъ достаточными классами всѣхъ европейскихъ государствъ. Но особенной популярностью она пользовалась во Франціи. И какое рѣшительное измѣненіе во взглядахъ на указанную теорію произошло теперь въ этой странѣ. Явилась громадная литература о проблемахъ населенія, имѣющая цѣлью изыскать способы остановить непрестанно уменьшающуюся рождаемость во Франціи. Перелистывая литературу, посвященную этому вопросу, — говоритъ проф. Гольдштейнъ въ своей

Такимъ образомъ, законъ размноженія человѣческаго рода представляетъ до сихъ поръ искомое, а потому обоснованіе мальтузіанцами своего исходнаго положенія—«населеніе всегда и всюду имѣетъ тенденцію возрастать быстрѣе средствъ существованія»—ссылкою на абсолютный законъ плодородія человѣческаго организма является не обоснованнымъ. При настоящемъ состояніи науки, единственный способъ для оцѣнки вѣрности этого положенія есть статистическій. Необходимо разсмотрѣть для каждой страны отдѣльно ростъ населенія въ связи съ умноженіемъ средствъ существованія. Разумѣется, такое изслѣдованіе не ведетъ къ установленію абсолютнаго закона; результаты его не даютъ намъ права заключать о будущемъ; но оно имѣетъ важное значеніе для объясненія соціальныхъ явленій въ настоящемъ. Какія же статистическія данныя послужили основателю мальтузіанскаго ученія для подтвержденія его исходнаго положенія? На основаніи данныхъ объ увеличеніи населенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ Мальтусъ пришелъ къ заключенію, «что если размноженіе населенія не встрѣчаетъ никакого препятствія, то оно удвоивается каждыя двадцать-пять лѣтъ и возра-

---

книгѣ «Проблемы населенія во Франціи»,—мы найдемъ цѣлую уйму всевозможныхъ проектовъ увеличенія рождаемости. Это движеніе къ увеличенію рождаемости отразилось и на законодательствѣ. Въ 1885 и въ 1889 гг. были изданы законы въ пользу семей, имѣющихъ 7 и болѣе дѣтей. Заботы объ увеличеніи населенія повели за собой даже такія предложенія, которыя, по своему характеру, походятъ на конфискацію части имущества гражданъ. Такъ, напр., Жакъ Бертильонъ, шефъ статистическаго бюро города Парижа, предлагаетъ слѣдующую организацію налога съ наслѣдствъ: если у оставившаго наслѣдство лица имѣется всего одинъ ребенокъ, то государство взимаетъ въ видѣ налога половину, при двухъ дѣтяхъ треть наслѣдства. И такое радикальное предложеніе Бертильона принято обществомъ, основавшимся нѣсколько лѣтъ назадъ обществомъ, носящимъ громкое названіе: «Alliance Nationale pour l'accroissement de la population française». Въ числѣ различныхъ мѣръ, это общество предлагаетъ также ослабленіе податной тягости семей въ зависимости отъ числа ихъ дѣтей. Въ силу этого отъ прямыхъ налоговъ должно быть освобождено 2 милліона семей, имѣющихъ болѣе 3 дѣтей, взамѣнъ происходящій отъ такого освобожденія дефицитъ на семьи, имѣющія меньше 3 дѣтей, и на холостяковъ. Какъ дальнѣйшія средства для достиженія своей цѣли, «Alliance Nationale» рекомендуетъ сокращеніе активной военной службы для женатыхъ лицъ вообще и для отцовъ многочисленныхъ семей въ частности, причемъ для старшихъ сыновей семей, имѣющихъ по крайней мѣрѣ 4 дѣтей, активная военная служба должна продолжаться 1 годъ вмѣсто 3 лѣтъ. Подобныя же привилегіи «Alliance» хочетъ создать для отцовъ многочисленныхъ семей и на другихъ поприщахъ государственной, департаментской и коммунальной службы. Тотъ же принципъ долженъ быть, по ея мнѣнію, положенъ въ основаніе порядковъ распредѣленія всякихъ прибавокъ къ жалованью, на содержаніе квартиры, при переѣздахъ и т. д., и т. д. При одинаковыхъ заслугахъ ассоціація рекомендуетъ отдавать предпочтеніе при повышеніяхъ по должности тѣмъ изъ кандидатовъ, которые имѣютъ наибольшее число дѣтей.

стаетъ въ геометрической прогрессіи» *). Это препятствіе, продолжаетъ Мальтусъ, заключается въ недостаткѣ средствъ существованія. И если въ Европѣ, Китаѣ, Японіи и т. д. населеніе возрастаетъ медленнѣе, то причины этого заключаются частью въ предусмотрительности, а, главнымъ образомъ, въ преждевременной смерти отъ недостатка пищи **).

Будь эти положенія Мальтуса вѣрны, тогда изъ нихъ логически слѣдовало бы, что періоды удвоенія населенія могутъ служить мѣриломъ возрастанія національнаго богатства, т.-е., что страны съ бо́льшимъ періодомъ удвоенія должны представлять меньшее возрастаніе богатства и обратно. Такимъ образомъ, мы получили бы, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ возрастаніе богатства всего медленнѣе во Франціи, и притомъ процентъ этого возрастанія постоянно уменьшается (отъ 1800—60 г. приростъ населенія былъ 0,48%; отъ 1860—75 г.—0,21%; отъ 1881—1901 г.—0,17%); — что въ Россіи богатство возрастаетъ быстрѣе, чѣмъ въ Великобританіи [въ первой средній приростъ населенія за послѣднія 15 лѣтъ=1,42 ***), во второй—0,90], и другіе столь же несоотвѣтствующіе дѣйствительности выводы.

Для уясненія второго фактора своего основного положенія, а именно для установленія коэффиціента возрастанія средствъ существованія, Мальтусъ не сдѣлалъ никакихъ статистическихъ изслѣдованій. Заявивъ, что размѣръ возрастанія произведеній земли опредѣлить гораздо труднѣе, чѣмъ возрастаніе населенія, онъ продолжаетъ: «тѣмъ не менѣе, мы можемъ быть увѣрены, что размѣръ этотъ вовсе не походитъ на размѣръ возрастанія населенія..., населеніе возрастаетъ гораздо быстрѣе средствъ существованія».

Статистическія данныя Англіи, Франціи и Германіи, показывающія, что въ XIX столѣтіи (для котораго только и имѣются данныя) возрастаніе продуктовъ земледѣлія и промышленности о б г о н я е т ъ р о с т ъ н а с е л е н і я ****), не заставили мальтузіанцевъ усомниться

---

*) Извѣстная ошибка, сдѣланная Мальтусомъ въ вычисленіи періода удвоенія населенія въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ: онъ не принялъ во вниманіе вліянія числа переселенцевъ на возрастаніе населенія.

**) Опытъ о законѣ народонаселенія, т. I, кн. I, гл. I.

***) Всеобщно-статистическій сборникъ.

****) Согласно вычисленіямъ Неймана-Спалларта, общее производство девяти особенно выдающихся въ промышленномъ отношеніи странъ (Великобританія, Сѣверная Америка, Германія, Бельгія, Россія, Австрія, Голландія, Италія, Ость-Индія) въ теченіе только трехъ лѣтъ—съ 1870 по 1873 годъ почти удвоилось сравнительно съ прежнимъ, а общій оборотъ ихъ международной торговли возросъ отъ 23 до 45 милліардовъ марокъ. Съ 1860 по 1865 годъ возрастаніе производства было среднимъ числомъ 941 милліонъ марокъ, съ 1865 по 1870 — 959, а съ 1870 по 1873—никогда прежде неслыханное—2772 милліона марокъ

въ истинности ихъ ученія; они объяснили этотъ фактъ самымъ простѣйшимъ образомъ:—развившеюся въ населеніи «предусмотрительностью».

На такихъ-то хрупкихъ основаніяхъ построенъ пресловутый законъ Мальтуса. И если это бездоказательное ученіе удерживаетъ до сихъ поръ въ политической экономіи значеніе краеугольнаго камня, то главнѣйшая причина этому заключается въ существованіи предположенія a priori объ одинаковости для всѣхъ расъ и народовъ и о неизмѣнности производительной способности человѣческаго организма и вытекающемъ отсюда объясненіи уменьшенія % рождаемости и болѣе прогрессивнаго возрастанія, сравнительно съ населеніемъ, средствъ существованія «предусмотрительностью». «Каждая фаза соціальной эволюціи имѣетъ свои собственные законы, регулирующіе ростъ населенія»—вотъ выводъ, къ которому приходитъ проф. І. М. Гольдштейнъ въ своемъ выдающемся изслѣдованіи: «Проблемы населенія во Франціи» (1903 г.).

Мальтусъ полагалъ, что «соціальныя учрежденія суть пустыя и поверхностныя причины несчастій общества, не болѣе какъ перья, плавающія на поверхности, въ сравненіи съ болѣе глубокимъ источникомъ бѣдствій, вытекающимъ изъ законовъ самой природы и страсти одного пола къ другому». Поэтому причину бѣдствій, испытываемыхъ человѣчествомъ, слѣдуетъ видѣть не въ учрежденіяхъ, а въ избыточномъ народонаселеніи. Болѣе глубокое уясненіе экономическихъ законовъ и статистическія изслѣдованія заставили и тѣхъ экономистовъ, которые согласны съ исходными положеніями Мальтуса, признать тѣснѣйшую связь между эко-

---

въ годъ. Одна только Германія увеличила свое производство съ 1865 по 1873 годъ съ 2212 до 6058 милліоновъ марокъ, а въ увеличеніи производства угля и желѣза превзошла почти всѣ прочія страны. Если обратить вниманіе на то, что въ промежутокъ времени съ 1870 по 1873 годъ общее народонаселеніе всѣхъ названныхъ странъ не могло возрасти болѣе какъ на 3--4%, то спрашивается, кто именно явился потребителемъ всего этого громаднаго богатства? Рѣшеніе этого вопроса тѣмъ болѣе затруднительно, что ни расширеніе рынковъ, ни увеличеніе заработной платы въ этотъ промежутокъ времени не могли идти и, дѣйствительно, не шли въ самую отдаленную параллель съ указанными безпримѣрными въ исторіи размѣрами накопленія и производства. А такъ какъ нынѣшнее богатство безъ сбыта «мертво есть», то отвѣтъ найдется только въ кризи ѣ, разразившемся въ 1873 году, послѣдствія котораго продолжаютъ до сихъ поръ тяготѣть надъ промышленностію большей части цивилизованныхъ странъ и, насколько можно о томъ судить по недавнимъ новымъ «крахамъ» въ Шотландіи, въ Англіи и отчасти въ Германіи, будутъ устранены еще не очень скоро (цит. изъ статьи г. Зибера: «Мысли объ отношеніи между общественною экономіею и правомъ». «Слово», февр. 1879 г.).

номическимъ порядкомъ, основаннымъ на свободной конкуренціи, и общественными бѣдствіями, каковы: — избыточное населеніе *), нищета, скудное вознагражденіе, чрезмѣрность и дурная обстановка труда, порождающія, огромный процентъ болѣзней и смертности отъ истощенія организма, преступленія, медленное распространеніе образованія въ народѣ, присвоеніе успѣховъ культуры почти исключительно незначительною по числу частью общества и мн. др. Упомянутое признаніе, не раздѣляемое лишь только «послѣдними могиканами» школы свободной конкуренціи, имѣетъ большую цѣну. Оно парализуетъ вредное вліяніе Мальтусова ученія, пытавшагося снять съ общественныхъ учрежденій отвѣтственность за человѣческія бѣдствія и указывавшаго на законы природы какъ на единственнаго виновника ихъ. Только со времени этого признанія для политической экономіи открылась широкая и благотворная задача установленія основныхъ руководящихъ принциповъ народно-хозяйственной политики, долженствующихъ освѣщать путь какъ общественной, такъ и государственной дѣятельности.

Говоря о заработной платѣ, мы показали, что, при свободной конкуренціи, которая предполагаетъ отсутствіе организаціи особаго класса въ союзы, плата за физическій трудъ остается на уровнѣ минимума необходимыхъ средствъ существованія, несмотря на то, что національное богатство возрастаетъ быстрѣе населенія. Въ то же время число лицъ, живущихъ продажею рабочей силы и выручающихъ изъ этой торговли минимумъ средствъ существованія, постоянно возрастаетъ не только абсолютно, вслѣдствіе умноженія населенія, но и относительно, какъ неизбѣжный результатъ конкуренціи, при которой крупное производство побиваетъ мелкое. По мѣрѣ захвата отраслей промышленности мануфактурою и машиннымъ производствомъ исчезаетъ ремесленное производство, и лица, занимавшіяся имъ, переходятъ въ классъ наемныхъ рабочихъ. Далѣе идетъ борьба между капиталистами. Крупные капиталы побиваютъ мелкіе. Происходитъ концентрація производства и капиталовъ **). Число лицъ

*) О порожденіи *избыточнаго населенія*, какъ необходимаго продукта накопленія или развитія національнаго богатства на почвѣ свободной конкуренціи, см. замѣчательное изслѣдованіе Маркса, находящееся въ его сочиненіи — «Капиталъ», т. I, стр. 489—555. Изъ этого изслѣдованія логически вытекаетъ, что *если бы возрастаніе населенія остановилось, то и тогда, неограниченныя закономъ или нравами, капиталистическія отношенія продолжали бы порождать избыточное населеніе.*

**) Быстрота, съ какою совершается, въ настоящее время, концентрація капитала, служитъ самымъ крупнымъ указателемъ недолговѣчности соціальнаго

экономически и соціально самостоятельныхъ постоянно уменьшается относительно населенія. Нація все болѣе раздѣляется на два промышленные класса, связанные между собою лишь покупкою - продажею рабочей силы. Переходъ изъ класса работниковъ въ классъ хозяевъ хотя юридически не воспрещается, но фактически, вслѣдствіе экономическихъ отношеній, является дѣломъ исключительно счастливой случайности. Распредѣленіе дохода и имуществъ народнаго хозяйства становится все болѣе неравномѣрнымъ. Вмѣстѣ съ этимъ возрастаетъ въ массахъ чувство несправедливой обдѣленности. Это чувство, въ наше время, особенно въ рабочихъ классахъ Западной Европы, вслѣдствіе многихъ причинъ далеко острѣе, нежели оно было въ прежнее время съ болѣе патріархальными нравами. Важнѣйшія изъ этихъ причинъ: 1) яркое противорѣчіе дѣйствительности съ идеями вѣка о равенствѣ правъ людей, 2) постоянно увеличивающееся объединеніе рабочихъ въ городахъ и на фабрикахъ и 3) непрерывно усиливающееся значеніе народной прессы. Поднявшись на высшую ступень потребностей, мысли и нравовъ, массы яснѣе сознаютъ несправедливости въ общественномъ устройствѣ, въ распредѣленіи налоговъ, политическихъ правъ, имуществъ, труда, образованія *).

строя, основаннаго на свободной конкуренціи. Въ цитированной нами уже разъ статьѣ г. Зибера читатель найдетъ грандіозныя данныя о томъ, «въ какой гигантской степени капиталъ сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, какія побѣдоносныя сраженія выигрываетъ крупный капиталъ у мелкаго, и насколько всему этому содѣйствуетъ быстрое передвиженіе и сосредоточеніе людей». Въ ряду фактовъ этой категоріи г. Зиберъ останавливается на данныхъ, относящихся: 1) къ возрастанію доходовъ, облагаемыхъ подоходнымъ налогомъ, 2) къ движенію важнѣйшихъ фабрикъ, 3) къ развитію путей сообщенія и въ 4) къ увеличенію городского населенія.

*) Въ послѣднія столѣтія, говоритъ Ал. Ланге, впечатлѣнія стали постепенно осуществляться основные принципы гуманности, которые устранили прежнія жестокости, и борьба за существованіе между людьми приняла другія болѣе мягкія формы. Какимъ же образомъ случилось однако, что нищета бѣдствующаго человѣчества никогда не чувствовалась такъ глубоко, какъ именно въ настоящее время? Какъ случилось, что прежде, большею частью, только идеалисты-мечтатели и поэты-философы размышляли о средствахъ къ осуществленію совершеннаго состоянія человѣческаго общества, между тѣмъ, теперь, самыя массы проникнулись сознаніемъ, что ихъ положеніе должно быть измѣнено посредствомъ совершенно новыхъ, грандіозныхъ соціальныхъ учрежденій? Почему прежде даже крайняя нищета разсматривалась какъ неизбѣжная судьба, что однако, какъ показываетъ опытъ, не было явленіемъ, не отвратимымъ никакимъ образомъ; между тѣмъ, теперь, стремятся сузить границы естественнаго закона борьбы и требуютъ лучшаго соціальнаго порядка, объ осуществленіи котораго существуетъ пока еще весьма неопредѣленное представленіе?

Отвѣтъ на эти вопросы заключается въ томъ, что отвычка отъ жестокостей, большее спокойствіе и большее образованіе должны сами по себѣ вести къ тому, чтобы увеличить притязанія отъ жизни. Человѣкъ сознаетъ свое высшее назначеніе; онъ видитъ въ привилегированныхъ индивидуумахъ, чѣмъ могъ бы

Противорѣчіе между жизненными результатами современнаго экономическаго быта и соціальными идеями вѣка — противорѣчіе, коренящееся въ господствѣ капитала надъ трудомъ—породило въ области экономической политики двѣ школы. Одна изъ нихъ, называемая соціалистическою, имѣетъ конечною цѣлью устраненіе имущественныхъ привилегій и обоснованіе доходовъ на трудѣ. Вторая, реалистическая школа, не уничтожая основы современнаго общественнаго хозяйства частной собственности на землю и орудій труда—, стремится установить такую организацію народнаго хозяйства, которая распредѣляла бы блага культуры между всѣми классами населенія и приближалась къ обоснованію распредѣленія на трудѣ и заслугѣ.

Содержаніе слѣдующихъ двухъ главъ представляетъ разсмотрѣніе историческаго значенія этихъ двухъ школъ и ихъ сущности.

быть онъ самъ, если бы обстоятельства ему благопріятствовали. Онъ разсматриваетъ отношеніе критическимъ взглядомъ; онъ обсуждаетъ, и онъ находитъ, что многое могло бы быть иначе. Къ сожалѣнію, это есть страшная истина, что тираны правы, съ своей точки зрѣнія, когда утверждаютъ, что для того, чтобы народъ не достигъ самосознанія, его слѣдуетъ держать подъ гнетомъ («Die Arbeiterfrage», S. 7).

ГЛАВА III.

§ 1. Противорѣчіе между правовыми понятіями нашего времени и экономической организаціей.—§ 2. Отношеніе реалистической школы къ соціалистическому направленію. — § 3. Главныя черты соціалистической организаціи народнаго хозяйства.

§ 1. Въ основаніе устройства современнаго культурнаго государства положены принципы: равенства передъ закономъ и свободы личности. Очевидно, равенство передъ закономъ представляетъ лицемѣрную фразу, если рядомъ съ признаніемъ за всѣми гражданами права пользоваться благами культуры, достигать благосостоянія, образованія, любого соціальнаго положенія; организація общественнаго порядка такова, что воспользоваться этимъ правомъ могутъ лишь нѣкоторые классы общества. Новѣйшія государства признали принципъ равенства передъ закономъ не для того, чтобы замѣнить прежнія юридическія привилегіи фактическими, а чтобы устранить вліяніе соціальныхъ условій на образованіе неравенства между людьми. Смыслъ этого принципа: низвести неравенство между людьми лишь на различія ихъ умственныхъ и нравственныхъ качествъ и сдѣлать каждаго отвѣтственнымъ за свою судьбу. Въ политической области примѣненіе принциповъ свободы и равенства передъ закономъ выразилось: въ признаніи свободы мысли, слова и собраній, въ признаніи за всѣми гражданами права участія въ законодательствѣ, судѣ, администраціи, въ признаніи равенства податной и воинской повинностей. Примѣненіе указанныхъ принциповъ къ хозяйственной области повело за собою уничтоженіе оставшихся отъ феодальной эпохи привилегій, ограниченіе вмѣшательства государства въ экономическія отношенія и предоставленіе ихъ дѣйствію свободной конкуренціи. Политическій и экономическій переворотъ, предпринятый съ одной и той же дѣлью—осуществленія принциповъ свободы и равенства—, далъ совершенно различные результаты въ этихъ двухъ сторонахъ народной жизни. Въ первой—цѣль достигается болѣе и болѣе; во второй — прогрессивно возрастаютъ неравенства какъ результатъ фактическихъ имущественныхъ монополій

И причина этого понятна. Въ политической области съ уничтоженіемъ привилегій и равномѣрнымъ распредѣленіемъ правъ и обязанностей на всѣхъ гражданъ тѣмъ самымъ была создана уже и возможность воспользоваться этими правами. Въ экономической же области, и послѣ устраненія юридическихъ привилегій, остались исторически созданныя неравенства владѣнія; и далѣе, что особенно важно, неравенства владѣнія, по присущимъ системѣ свободной конкуренціи свойствамъ, продолжали усиливаться, соціальныя различія въ шансахъ соревнованія продолжали возрастать; и, такимъ образомъ, рядомъ съ идеею вѣка о равенствѣ всѣхъ передъ закономъ, политически полноправные граждане распались почти на обособленные классы, причемъ классы, чувствующіе себя обдѣленными, постоянно возрастаютъ не только абсолютно, но и относительно. Процентъ неимущаго класса постоянно увеличивается въ отношеніи къ имущему, средніе состоянія относительно уменьшаются, и соціальное неравенство растетъ вмѣстѣ съ увеличеніемъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, современное общество заключаетъ въ самомъ себѣ противорѣчіе, выступающее съ каждымъ днемъ рѣзче. Соціальная организація, путемъ которой думали осуществить свободу и правовыя идеи эпохи, приводитъ къ совершенно противоположнымъ результатамъ — зрѣлище, впервые представляемое исторіею человѣчества. Расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы въ древнемъ мірѣ и въ средніе вѣка вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями того времени, съ идеею о неравенствѣ правъ людей. Точка отправленія и цѣль развитія новѣйшаго общества—свобода и равенство правъ людей; и въ то время, какъ эти принципы все болѣе осуществляются въ политической области, экономическая организація прогрессивно порождаетъ соціальныя неравенства. Въ рабской организаціи древняго міра владѣніе было все, трудъ—ничто. Гражданское общество составляли только владѣющіе классы, рабочіе классы стояли внѣ его. Съ владѣніемъ были соединены всѣ права, какъ политическія, такъ и гражданскія; трудъ былъ безправенъ. Рабочіе индивидуумы, рабы, въ правовомъ отношеніи были вещи, они приравнивались къ рабочему скоту; не только рабочая сила, но и сама личность раба были предметомъ собственности. Но такое положеніе труда вполнѣ гармонировало съ правовыми воззрѣніями античной цивилизаціи. Рабство признавалось необходимостью, вытекающею изъ законовъ природы. Единственно достойными свободнаго гражданина занятіями считались: политика, наука, искусство и война. Въ средніе вѣка рабское состояніе труда постепенно замѣняется болѣе мягкими и разнообразными формами крѣпостничества, но расчлененіе общества на привилегированные и подчиненные классы находится въ такомъ же полномъ соотвѣтствіи

съ правовыми идеями эпохи, какъ это имѣло мѣсто въ древнемъ мірѣ. Крѣпостные пользуются нѣкоторыми гражданскими правами, но политическія права находятся исключительно въ рукахъ класса поземельныхъ собственниковъ и свободныхъ горожанъ,—и, въ этомъ отношеніи, эти два сословія имѣютъ большое сходство съ свободными гражданами древности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ въ античной цивилизаціи, такъ и въ средніе вѣка, физическій трудъ, промышленныя занятія считаются долею низшихъ классовъ. Новое время провозгласило, что трудъ есть обязанность и высшая задача человѣка; политическая экономія доказала, что онъ есть важнѣйшій факторъ въ созданіи цѣнностей, — творецъ національнаго богатства. Такимъ образомъ, новое время, въ идеѣ, воздаетъ труду почетъ, возводитъ его на пьедесталъ; въ дѣйствительности же классы общества, исполняющіе самое бо̀льшее количество труда, и притомъ самаго тяжелаго, занимаютъ низшую ступень въ общественной лѣстницѣ,—противорѣчіе между соціальными идеалами и практикою, указанное еще Сенъ-Симономъ въ извѣстной «Parabole politique».

Это противорѣчіе хозяйственнаго развитія съ общимъ принципомъ культурнаго развитія, составляющее характеристическую черту современнаго соціальнаго строя, есть причина многихъ важныхъ явленій общественной жизни *). Прежде всего въ немъ заключается корень такъ называемаго «соціальнаго вопроса». Оно есть причина, почему ни одна эпоха не можетъ сравниться съ нашей по господству лицемѣрія и фразы. У всѣхъ на языкѣ свобода и равенство правъ, и какъ часто подъ прикрытіемъ этихъ громкихъ словъ защищаются и проводятся порядки и мѣры, противныя смыслу этихъ словъ. Имъ обусловливаются соціальная рознь и постоянное броженіе въ обществѣ. Оно объясняетъ намъ, почему экономическій порядокъ новѣйшаго либеральнаго государства, основанный на свободной конкуренціи, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Третье сословіе исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшеніе своего соціальнаго положенія ему пришлось выставить противъ привилегированныхъ классовъ идею свободы и равенства правъ людей. Но общественные порядки, посредствомъ, которыхъ думали осуществить эту идею, оказались недостигающими цѣли. Свобода конкуренціи оказалась лишь свободою для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала зиль-

*) О коллизіи между принципами, положенными въ законъ 19 февраля 1861 г., имѣющій значеніе исходнаго пункта новѣйшей исторіи Россіи, и формами русской общественной жизни см. статью покойнаго проф. Градовскаго («Русск. Рѣчь». Мартъ. 1879 г.).

нѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія, политическая сила котораго быстро возрастаетъ. Такимъ образомъ, продолженіе дѣла, начатаго, но неоконченнаго, третьимъ сословіемъ, является историческою миссіею четвертаго сословія.

§ 2. Подробное изслѣдованіе причинъ указаннаго нами противорѣчія въ соціальномъ строѣ, изслѣдованіе путей для устраненія или смягченія его составляютъ одну изъ главныхъ темъ современной экономической литературы. Тему эту разработываютъ какъ экономисты реалистической школы, такъ и соціалистическая литература. Прежде чѣмъ идти дальше, умѣстно теперь же выяснить: въ чемъ заключается различіе между реалистическою школою и соціалистическимъ направленіемъ, или, иначе говоря, каково отношеніе реалистической школы къ соціалистической литературѣ.

Что касается воззрѣній на условія, породившія «либеральный» экономическій порядокъ, на сущность его, на причины заключающихся въ немъ противорѣчій, реалистическая школа и соціалистическое направленіе въ главныхъ основаніяхъ согласны. Это суть тѣ условія и причины, которыя изложены нами выше. По вопросу же о способахъ разрѣшенія противорѣчій современнаго общественнаго порядка, большинство представителей реалистической школы противопоставляетъ себя рѣзко лишь революціонному соціалистическому направленію, а не научному соціализму. Чтобы уразумѣть съ точностью это противопоставленіе, надо сдѣлать нѣкоторыя поясненія. Слѣдуетъ строго различать взглядъ на основныя черты соціалистической организаціи какъ на общественный порядокъ, къ которому идетъ человѣчество, но для осуществленія котораго въ настоящее время еще нѣтъ въ наличности требуемыхъ условій отъ взгляда на нее какъ на общественный порядокъ, примѣненіе котораго, уже при современныхъ интеллектуальныхъ, моральныхъ и соціальныхъ условіяхъ, было бы возможно и благотворно. Всѣ представители реалистическаго направленія единодушно отвергаютъ второй взглядъ; въ отношеніи же перваго—мнѣнія ихъ разнообразны. Тѣмъ не менѣе, все разнообразіе мнѣній экономистовъ реалистической школы на счетъ соціализма, какъ будущей организаціи народнаго хозяйства, можетъ быть сведено къ слѣдующимъ воззрѣніямъ трехъ видныхъ представителей школы: Шмоллера, Альберта Ланге и Адольфа Вагнера.

«Въ чемъ должна заключаться соціальная реформа?—спрашиваетъ Шмоллеръ.—Что должна она осуществить? Она состоитъ въ возстановленіи дружественныхъ отношеній между общественными классами, въ устраненіи или смягченіи неправды, въ бо́льшемъ приближеніи къ принципу равноправія и справедливости, въ установленіи соціальнаго законодательства, двигающаго прогрессъ и обезпечивающаго нравственное и матеріальное возвышеніе низшихъ и среднихъ классовъ».

«Какъ осуществится эта цѣль во всѣхъ ея подробностяхъ—врядъ ли можно предсказать съ полною добросовѣстностью. Въ томъ-то и заключается безуміе соціалистовъ, что они воображаютъ, будто могутъ уже въ настоящее время предъявлять готовые планы будущаго что они требуютъ работы по этимъ планамъ; между тѣмъ, какъ исторія учитъ насъ, что всѣ глубокіе перемѣны въ хозяйственномъ и соціальномъ расчлененіи общества произошли посредствомъ огромнаго числа самихъ по себѣ незначительныхъ перемѣнъ въ обычаяхъ и правовой жизни народовъ... такъ что на измѣненія, какихъ требуетъ самый умѣренный соціализмъ, пойдутъ не десятки, а сотни лѣтъ. Въ каждомъ сужденіи объ общественныхъ формахъ организаціи будущаго заключается и сужденіе о будущности техники, а также и сужденіе о психологически-нравственной жизни будущихъ поколѣній. А умозаключеніе объ этихъ двухъ факторахъ во всѣхъ смыслахъ не можетъ претендовать на точность» *).

«Великій соціальный переворотъ, предвидимый Марксомъ,—говоритъ Ланге,—разсматриваемый ближе, могъ бы вполнѣ благотворно осуществиться лишь какъ слѣдствіе очень многихъ маленькихъ шаговъ впередъ и какъ результатъ борьбы въ теченіе длиннаго періода времени, борьбы въ формахъ то мирныхъ, то бурныхъ. Многія мѣры для разрѣшенія рабочаго вопроса, которыя порождаетъ эта борьба, разсматриваемыя порознь, далеко не достаточны для достиженія великой цѣли, но, взятыя въ совокупности, играютъ очень существенную роль» **).

«Наше время,—говоритъ Вагнеръ,—безъ сомнѣнія, приближается къ соціалистической цѣли. Переходъ каждой новой отрасли производства и хозяйства въ руки государства — какъ, напримѣръ, средствъ сообщенія—есть этапъ на пути къ этой цѣли. Только вслѣдствіе непониманія дѣла противники соціализма могутъ отрицать это. Заблужденіе же соціалистовъ заключается въ томъ, что они желаютъ произвести вмѣсто постепеннаго историческаго развитія внезапный пере-

*) См. Jahrbuch. f. Nation. Oec. u. Statist. 1874 r. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. Volkswirt., S. 313.

**) Die Arbeiterfrage, S. 349.

воротъ путемъ государственнаго и правового принужденія, и, вмѣсто суженія системы частнаго капитала, полное устраненіе обоихъ черезъ установленіе общественнаго хозяйства и общественнаго капитала. А мы видѣли выше, что это является и недостижимымъ, и нежелательнымъ на неизмѣримое время впередъ» *).

Приблизительно такія же воззрѣнія высказаны въ сочиненіяхъ Scheel'я **) и Schäffle ***).

Изъ предшествующаго изложенія очевидно слѣдуетъ, что реалистическая школа расходится, въ цѣломъ и рѣзко, лишь съ тѣмъ соціалистическимъ направленіемъ, которое полагаетъ возможнымъ немедленное или, по крайней мѣрѣ, не въ далекомъ будущемъ осуществленіе соціалистической организаціи. Но такая незрѣлая мысль совершенно чужда самымъ авторитетнымъ соціалистическимъ писателямъ, каковы: Родбертусъ, Марксъ, Лассаль, Дюрингъ, Бернштейнъ, и потому, если возможно провести принципіальное различіе между научнымъ ****) соціализмомъ и реалистическою школою, то это различіе заключается единственно въ томъ, что сторонники соціалистической школы вѣрятъ въ постепенное приближеніе европейско-американскаго народнаго хозяйства къ соціалистической организаціи во всей ея полнотѣ; сторонники же реалистическаго направленія считаютъ такое утвержденіе слишкомъ смѣлымъ, недостаточно обоснованнымъ, и полагаютъ, что анализъ хода общественной жизни позволяетъ предвидѣть лишь бо́льшую и бо́льшую реализацію такихъ порядковъ народнаго хозяйства, при которыхъ блага культуры распредѣляются равно-мѣрнѣе между всѣми гражданами.

Самый могучій авторитетъ научнаго соціализма, Карлъ Марксъ полагаетъ возможнымъ осуществленіе главныхъ основаній соціализма лишь тогда, когда капиталистическія отношенія такъ глубоко расчленятъ общество на два класса: на значительный, сравнительно съ населеніемъ, классъ капиталистовъ и объединенный, организованный самимъ механизмомъ капиталистическаго производства, неимущій рабочій классъ,—что трудъ откажется выносить далѣе свою капитали-

*) Lehrb. d. Polit. Oecon. 1876. 1-ter Th., S. 555.
**) Die Theorie d. Socialen Frage. 871.
***) Die Quintessenz d. Socialismus. 1878.
****) Научнымъ соціализмомъ мы называемъ тотъ, который выводитъ и обосновываетъ соціалистическую организацію народнаго хозяйства изъ условій развитія человѣчества». Въ этомъ именно заключается отличіе его отъ *идеалистическаго* соціализма и коммунизма Сенъ-Симона, Оуена, Фурье и *насильственнаго* соціализма, полагающаго возможнымъ осуществленіе соціалистической организаціи *въ любое время*, *при всякихъ условіяхъ*, лишь бы власть досталась въ руки соціалистовъ-революціонеровъ.

стическую оболочку, и она разрывается *). На той же страницѣ, въ примѣчаніи, говорится: — «Прогрессъ промышленности, невольнымъ орудіемъ котораго служитъ буржуазія, ставитъ на мѣсто изолированія работниковъ конкуренціей — ихъ объединеніе ассоціаціей. Слѣдовательно, съ развитіемъ крупной промышленности, буржуазія теряетъ подъ ногами почву, на которой она производитъ и присвоиваетъ себѣ продуктъ. Поэтому, прежде всего, она роетъ свою собственную могилу. Паденіе ея и побѣда пролетаріата равно неизбѣжны... Изъ всѣхъ классовъ, которые въ настоящую минуту противополагаются буржуазіи, только пролетаріатъ представляетъ собою дѣйствительно революціонный классъ. Прочіе классы погибаютъ вмѣстѣ съ крупной промышленностью, пролетаріатъ же есть ея собственный продуктъ... Среднее сословіе, мелкіе промышленники, мелкіе торговцы, ремесленники, крестьяне,—всѣ они борются съ буржуазіей, чтобы сохранить свое существованіе, какъ средняго сословія... всѣ они реакціонны, такъ какъ стараются поворотить назадъ колесо исторіи».

Несомнѣнно, что прогрессъ техники ведетъ къ непрерывному расширенію крупнаго производства и тѣмъ самымъ къ исчезновенію мелкой промышленности. Но какова будетъ дальнѣйшая форма развитія крупной промышленности—представитъ ли она, какъ въ настоящее время, постоянно вырастающую концентрацію средствъ производства въ рукахъ капиталистовъ, или станетъ на ассоціаціонный путь—рѣшеніе этого вопроса невозможно. Приведенное воззрѣніе Маркса представляетъ не болѣе какъ логическій выводъ изъ фактовъ современнаго развитія капиталистической организаціи, покоющейся на свободной конкуренціи. Но измѣните законы въ смыслѣ противодѣйствія концентраціи средствъ производства въ рукахъ отдѣльныхъ лицъ и содѣйствія развитію ассоціаціонныхъ формъ, и ходъ народнаго хозяйства, расчлененіе общественныхъ классовъ приметъ не то направленіе, какое указываетъ Марксъ. Множество явленій современной дѣйствительности, каковы, напримѣръ:—возрастающее въ западной Европѣ объединеніе, самосознаніе и политическое значеніе рабочихъ классовъ, далѣе распространяющееся уясненіе природы свободной конкуренціи, усиливающееся сознаніе противорѣчія между современною экономическою организаціею и признанными правами человѣка, даютъ основаніе надѣяться на близкую реформу въ смыслѣ расширенія государственнаго хозяйства, содѣйствія образованію и развитію ассоціаціонныхъ формъ производства и осуществленія болѣе равномѣрнаго распредѣленія благъ культуры.

На какой бы путь ни приняло народное хозяйство въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, очевидно, что, и съ точки зрѣнія Маркса,

*) «Капиталъ», стр. 650.

образованіе условій, необходимыхъ для осуществленія основныхъ принциповъ соціалистическаго порядка, требуетъ значительнаго времени. Сколь значительное время потребуется для перехода «реакціонныхъ» мелкихъ промышленниковъ, ремесленниковъ, крестьянъ и пролетаріевъ, можно судить по даннымъ о распредѣленіи населенія въ хозяйственномъ отношеніи. Первое, что важно знать, это распредѣленіе населенія на дающихъ работу и берущихъ работу. Точныя данныя по этому вопросу представляютъ цензы французскій и прусскій. Во Франціи хозяевъ 44,6%, получающихъ работу 55,4% всего населенія. Въ Пруссіи первыхъ 36,8, вторыхъ 63,2. Далѣе, во Франціи 51,2% принадлежитъ къ населенію, занимающемуся сельскимъ хозяйствомъ, и изъ этого числа 53% суть хозяева и 47% работниковъ. Правда, изъ 10 милліоновъ французскихъ поземельныхъ собственниковъ, 5 милліоновъ владѣютъ столь небольшими участками (parcelles), что, вмѣстѣ съ воздѣлываніемъ собственной земли, прибѣгаютъ также къ обработкѣ чужой, въ качествѣ фермеровъ, половниковъ или же поденщиковъ (послѣднихъ до одного милліона). Но, за исключеніемъ и этихъ миніатюрныхъ поземельныхъ собственниковъ, остается еще весьма внушительная цифра вполнѣ самостоятельныхъ собственниковъ, изъ коихъ, притомъ, крупныхъ собственниковъ (съ поземельною собственностью свыше 50 гектаровъ) считается всего около 25 тысячъ человѣкъ. Въ Пруссіи, какъ мы видѣли, хозяева составляютъ 36,8%, работники и прислуга 63,2% всего населенія. Почти такое же отношеніе существуетъ здѣсь между хозяевами и работниками въ сельско-хозяйственной промышленности. Въ остальныхъ континентальныхъ европейскихъ государствахъ крупная промышленность достигла пока еще меньшаго развитія, не говоря уже о Россіи, государствѣ по преимуществу крестьянскомъ, и гдѣ на 130 милліоновъ населенія приходится только четыре милліона фабричныхъ и заводскихъ работниковъ. Одна Великобританія представляетъ собою такое государство, гдѣ крестьянскій классъ малочисленъ и мелкія формы хозяйства ничтожны сравнительно съ крупною промышленностью.

Другой замѣчательный ученый и агитаторъ рабочаго движенія, Лассаль, котораго историко-юридическія изслѣдованія и факты современной дѣйствительности привели къ убѣжденію, что европейскій міръ стоитъ теперь предъ рѣшеніемъ вопроса объ устраненіи частной собственности на рабочую силу человѣка, что, по его мнѣнію, можетъ быть достигнуто лишь организаціею экономическаго порядка на базисѣ «общественнаго капитала и распредѣленія продуктовъ въ размѣрѣ участія каждаго въ производствѣ», полагаетъ, однако, что на осуществленіе этой цѣли потребуется работа нѣсколькихъ поколѣній. Съ цѣлью содѣйствія рѣшенію въ этомъ смыслѣ «соціальнаго вопроса»

имъ были предложены производительныя ассоціаціи съ государственнымъ кредитомъ, которыя, по его мысли, «имѣютъ значеніе переходной мѣры, органическаго зерна, неудержимо стремящагося къ дальнѣйшему развитію и долженствующаго выработать изъ себя это рѣшеніе» *).

Разсуждая безпристрастно, говоритъ Дюрингъ, тому, кто жилъ въ обществѣ, основанномъ преимущественно на рабствѣ, наемный трудъ долженъ былъ казаться самой опасной на практикѣ системой. Она дѣлаетъ человѣка отвѣтственнымъ за самого себя, но вмѣсто того, чтобы надѣлить его средствами для самостоятельнаго попеченія о себѣ, ставитъ его въ зависимость отъ не имъ созданной случайности заработка. Впослѣдствіи привычка къ этому состоянію притупила способность замѣчать его противорѣчія. Но если бы вопросъ о введеніи наемнаго труда былъ поднятъ только теперь, то нашлось бы много людей, которые взялись бы доказать, къ выгодѣ чистаго рабства, что положеніе наемнаго рабочаго, которому нельзя гарантировать даже примѣненія его труда, заключаетъ въ себѣ опасность для общества, и что вся наемная система представляетъ утопію, которая неустойчива даже теоретически, а тѣмъ болѣе въ грубыхъ столкновеніяхъ житейской практики. Въ извѣстномъ смыслѣ на сторонѣ такихъ людей была бы правда, потому что, въ самомъ дѣлѣ, система наемнаго труда неустойчива. Вслѣдствіе неустойчивости системы наемнаго труда, господство ея, въ сравненіи съ долгой эпохой рабства и крѣпостной зависимости, представится сравнительно краткой переходной фазой. Въ одномъ случаѣ дѣло шло о рядѣ тысячелѣтій, въ другомъ о нѣсколькихъ столѣтіяхъ. Исторія поучаетъ насъ, что и формы угнетенія, осуществляемыя ею, могутъ быть устойчивыми только тогда, когда имѣютъ за себя, по крайней мѣрѣ, относительную логичность. Но всемірно-историческіе повороты отъ одной устойчивой системы къ другой (въ данномъ случаѣ къ соціалистической или,

---

*) Capital und Arbeit. S. 211.

Примѣчаніе. Важно замѣтить, что организація производительныхъ ассоціацій пользуется въ настоящее время одобреніемъ даже со стороны манчестерцевъ. Но, исходя изъ принципа невмѣшательства государства, они представляютъ образованіе и развитіе ассоціацій исключительно собственнымъ силамъ рабочихъ, что, при современномъ скудномъ заработкѣ и, главное, при настоящемъ развитіи крупнаго производства, очевидно обращается въ химеру; а потому сочувствіе манчестерцевъ принципу ассоціаціи невольно вызываетъ мысль или о непониманіи экономическихъ явленій, или о лицемѣріи съ ихъ стороны. Образованіе производительныхъ ассоціацій съ помощью государства логически вытекаетъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы. Вопросъ сводится лишь къ конкретнымъ формамъ примѣненія этой важной мѣры.

какъ называетъ ее Дюрингъ, соціалитарной) всегда совершаются при посредствѣ промежуточныхъ образованій, представляющихъ собою смѣшеніе различныхъ принциповъ *).

Вся практическая дѣятельность соціалдемократіи—говоритъ вліятельный нынѣ соціалистическій писатель Бернштейнъ въ своей книгѣ «Историческій Матеріализмъ» — направлена къ созданію условій, дѣлающихъ возможнымъ и обезпечивающихъ свободный отъ конвульсивныхъ вспышекъ переходъ отъ современнаго общественнаго порядка къ другому—высшему... **). Общественный строй подчиняется законамъ эволюціи и развитіе путемъ переворотовъ со всѣми его ужасами и опустошеніями можетъ быть избѣгнуто, когда политическое право отражаетъ на себѣ измѣненія хозяйственныхъ отношеній и классоваго развитія ***). ...Говоря объ Англіи, Бернштейнъ указываетъ, что все развитіе англійской соціалдемократіи шло въ направленіи перехода ея изъ утопически - революціонной секты въ партію практическихъ реформъ. Ни одинъ здравомыслящій соціалистъ не мечтаетъ уже теперь о предстоящей побѣдѣ соціализма путемъ рѣшительнаго переворота, никто не думаетъ о захватѣ парламента революціоннымъ пролетаріатомъ. За то тамъ теперь все больше обращаютъ вниманія на работу въ муниципалитетахъ и другихъ органахъ самоуправленія и все больше отказываются отъ прежней низкой оцѣнки трэдъ-юніонистскаго движенія; съ этимъ движеніемъ и съ товариществами устанавливаются все лучшія отношенія ****).

Приведенныя мѣста изъ сочиненій Маркса, Лассаля, Дюринга и Бернштейна убѣдительно подтверждаютъ высказанное нами положеніе, что между реалистическою школою и научнымъ соціализмомъ различіе, въ смыслѣ практическомъ, не такъ велико, какъ обыкновенно полагаютъ. Какъ реалистическое, такъ и научно-соціалистическое направленія не признаютъ абсолютности какого бы то ни было общественнаго порядка. Оба одинаково смотрятъ на причины, породившія существующій въ Западной Европѣ экономическій и политическій строй,—на сущность его и на характеръ, по существу, принциповъ, къ осуществленію которыхъ идетъ европейское общество. Въ частностяхъ, оба направленія признаютъ формы пріобрѣтенія собственности и формы владѣнія капиталомъ историческими, а не логическими категоріями, а слѣдовательно постоянно измѣняющи-

*) Cursus d. National- und Socialökonomie. Fünfter Ab., drittes Capit., § 11. 1873 г.

**) Стр. 228.

***) Стр. 291.

****) Стр. 301.

мися съ измѣненіемъ условій, ихъ вызвавшихъ. Оба направленія одинаково признаютъ, что отдѣленіе собственности отъ труда, вытекающее изъ современной капиталистической организаціи, составляетъ самую глубокую причину соціальнаго неустройства и противорѣчій между правовыми понятіями и дѣйствительностью, что оно есть центральный пунктъ «соціальнаго вопроса», и, въ то же время, оба направленія солидарны въ томъ, что приведеніе собственности въ возможно полное соотвѣтствіе съ трудомъ не можетъ быть сдѣлано разомъ, а что эта великая и трудная задача можетъ быть рѣшена только трудомъ многихъ поколѣній и цѣлымъ рядомъ одна другую дополняющихъ реформъ *). Вопросъ о томъ, какія реформы ведутъ къ цѣли и свое-

*) Воззрѣнія Маркса на ближайшій ходъ развитія народнаго хозяйства вовсе не такъ мрачны, какъ онѣ могутъ представиться изъ рисуемой имъ картины постояннаго возрастанія пролетаріата. Достаточно указать на предвидимыя имъ свѣтлыя стороны поступательнаго развитія фабричнаго законодательства, долженствующаго оказать рабочимъ классамъ, въ «переходную» эпоху, громадныя услуги въ дѣлѣ возвышенія ихъ матеріальнаго благосостоянія и умственнаго развитія (см. Капиталъ, т. I, стр. 423-442).

Въ апрѣльской книжкѣ «Вѣстника Европы», за 1880 годъ, г. Анненковъ разсказываетъ разговоръ Маркса съ коммунистомъ Вейтлингомъ, только-что прибывшимъ въ Парижъ изъ Германіи въ качествѣ эмигранта. Изъ этого разговора видно, съ какою ненавистью относился всегда Марксъ къ безплодной агитаціи, не имѣющей за себя твердой опоры въ условіяхъ дѣйствительности, агитаціи для осуществленія цѣлей которой еще не назрѣли необходимые соціальные элементы. Разсказъ г. Анненкова такъ характеристиченъ, что мы позволимъ себѣ сдѣлать изъ него небольшое извлеченіе.

Въ 1846 году г. Анненковъ посѣтилъ въ Парижѣ Маркса и получилъ отъ него приглашеніе на совѣщаніе, которое должно было состояться на другой день вечеромъ съ Вейтлингомъ, оставившимъ за собой въ Германіи довольно большую партію работниковъ. Совѣщаніе назначалось для того, чтобы опредѣлить, по возможности, общій образъ дѣйствій между руководителями рабочаго движенія. «Собравшись и отрекомендовавшись другъ другу, мы сѣли за небольшой зеленый столикъ, на одномъ узкомъ концѣ котораго помѣстился Марксъ, взявъ карандашъ въ руки и склонивъ свою львиную голову на листъ бумаги, между тѣмъ какъ неразлучный его спутникъ и сотоварищъ по пропагандѣ, высокій, прямой, по-англійски важный и серьезный, Энгельсъ открывалъ засѣданіе рѣчью. Онъ говорилъ въ ней о необходимости между людьми, посвятившими себя дѣлу преобразованія труда, объяснить взаимныя свои воззрѣнія и установить одну общую доктрину, которая могла бы служить знаменемъ для всѣхъ послѣдователей, не имѣющихъ времени или возможности заниматься теоретическими вопросами. Энгельсъ еще не кончилъ рѣчи, когда Марксъ, поднявъ голову, обратился прямо къ Вейтлингу съ вопросомъ: «Скажите же намъ, Вейтлингъ, вы, которые такъ много надѣлали шума въ Германіи своими коммунистическими проповѣдями и привлекли къ себѣ столькихъ работниковъ; лишивъ ихъ мѣстъ и куска хлѣба, какими основаніями оправдываете вы свою революціонную и соціальную дѣятельность и на чемъ думаете утвердить ее въ будущемъ?» Вейтлингъ, видимо, хотѣлъ удержать совѣщаніе на общихъ мѣстахъ либеральнаго разглагольствованія. Онъ сталъ объяснять, что цѣлью его было не

временны, выходитъ изъ предѣловъ теоретической науки, а относится къ области приложенія научныхъ началъ къ пространственнымъ и временнымъ условіямъ жизни. Въ этой сферѣ профессоръ Вагнеръ можетъ быть солидаренъ съ Лассалемъ и расходиться съ профессоромъ Брентано *). Лишь по одному вопросу, и притомъ не имѣющему для настоящаго времени практическаго значенія и для рѣшенія котораго нѣтъ достаточныхъ данныхъ, существуетъ нѣкоторое различіе между воззрѣніями большинства представителей реалистической школы и научнымъ соціализмомъ. Послѣдній полагаетъ, что соціальный міръ идетъ къ организаціи народнаго хозяйства, которая совершенно вы-

---

создать новыя экономическія теоріи, а принять тѣ, которыя всего способнѣе, какъ показалъ опытъ во Франціи, открыть рабочимъ глаза на ужасъ ихъ положенія, на всѣ несправедливости, которыя по отношенію къ нимъ сдѣлались лозунгомъ правителей и обществъ, научить ихъ не вѣрить уже никакимъ обѣщаніямъ со сто они послѣднихъ и надѣяться только на себя, устраиваясь въ демократическія и коммунистическія общины... Вейтлингъ много говорилъ много, часто не ясно и, вѣроятно, говорилъ бы и еще далѣе, если бы Марксъ, съ гнѣвно стиснутыми бровями, не прервалъ его и не началъ своего возраженія. Сущность саркастической его рѣчи заключалась въ томъ, что возбуждать населеніе, не давая ему никакихъ твердыхъ, продуманныхъ основаній для дѣятельности, значитъ просто обманывать его. Возбужденіе фантастическихъ надеждъ ведетъ только къ гибели, а не къ спасенію страдающихъ. Особенно въ Германіи обращаться къ работнику безъ строго-научной идеи и положительнаго ученія равносильно съ пустой и безчестной игрой въ проповѣдники, при которой, съ одной стороны, полагается вдохновенный пророкъ, а съ другой допускаются только ослы, слушающіе его, разинувъ ротъ. Въ цивилизованной землѣ, какъ Германія, люди безъ положительной доктрины ничего не могутъ сдѣлать, да и ничего не сдѣлали до сихъ поръ, кромѣ шума, вредныхъ волненій и гибели самаго дѣла, за которое принялись. Краска выступила на блѣдныхъ щекахъ Вейтлинга. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ сталъ доказывать, что человѣкъ, сознавшій сотни людей во имя идеи справедливости, солидарности и братской другъ другу помощи подъ одно знамя, не можетъ назваться совсѣмъ пустымъ и празднымъ человѣкомъ, что онъ, Вейтлингъ, утѣшается отъ сегодняшнихъ нападокъ воспоминаніемъ о тѣхъ сотняхъ писемъ и заявленій благодарности, которыя получилъ со всѣхъ сторонъ своего отечества, и что, можетъ-быть, с ромная подготовительная его работа важнѣе для общаго дѣла, чѣмъ критика и кабинетные анализы доктринъ, вдали отъ страдающаго свѣта и бѣдствій народа. При послѣднихъ словахъ, взбѣшенный окончательно Марксъ ударилъ кулакомъ по столу такъ сильно, что зазвенѣла и зашаталась лампа на столѣ, и вскочилъ съ мѣста, проговоривъ:— Никогда еще невѣжество никому не помогло! Мы послѣдовали его примѣру и тоже вышли изъ-за стола. Засѣданіе кончилось, и покуда Марксъ ходилъ взадъ и впередъ въ необычайномъ гнѣвномъ раздраженіи по комнатѣ, я наскоро распрощался съ нимъ и съ его собесѣдниками и ушелъ домой, пораженный всѣмъ мною видѣннымъ и слышаннымъ.

*) Вагнеръ настаиваетъ о с о б е н н о на широкомъ вмѣшательствѣ государства въ народное хозяйство (см. его «Lehrbuch d. Politischen Oeconomie», 1876).

Брентано ожидаетъ благихъ послѣдствій *по преимуществу* отъ организаціи рабочихъ союзовъ (см. «Das Arbeitsverhältniss». 1877 г.).

тѣснить форму частнаго капитала,—мысль, въ которой большинство представителей реалистической школы видитъ претензію опредѣлять слишкомъ подробно формы будущаго общественнаго порядка. Реалистическая школа стоитъ уже теперь за расширеніе размѣровъ государственнаго и ассоціаціоннаго хозяйствъ, выводитъ изъ дѣйствій силъ конкуренціи, что эти двѣ формы хозяйствъ неизбѣжно будутъ расширяться; но представится ли цѣлесообразнымъ совершенное вытѣсненіе формъ частнаго хозяйства, — рѣшеніе этого вопроса, по ея мнѣнію, возможно было бы лишь тогда, если бы мы могли знать орудія производства и психически-нравственную жизнь удаленныхъ отъ насъ на значительное время будущихъ поколѣній.

Въ виду тождества научнаго фундамента реалистической школы и научнаго соціализма, единства взгляда на смыслъ реформъ, вызываемыхъ современными соціальными противорѣчіями, манчестерцы имѣли полное основаніе назвать представителей реалистической школы катедеръ-соціалистами.

Выяснивъ отношеніе реалистической школы къ научному соціализму, намъ остается, для полноты обрисовки послѣдняго, указать: какую организацію въ главныхъ чертахъ приняло бы народное хозяйство съ осуществленіемъ основного принципа соціализма, заключающаго въ замѣнѣ экономическаго порядка, основаннаго на частномъ капиталѣ и конкуренціи, экономическимъ порядкомъ съ коллективной организаціей труда и распредѣленіемъ продуктовъ по количеству труда каждаго производителя. Только ознакомившись съ этою организаціею, можно ясно понять: безъ наличности какихъ соціальныхъ условій осуществленіе соціализма дѣлается или невозможнымъ, или противорѣчащимъ развитію культуры, а также — какое значительное время потребуется для образованія этихъ условій. Только профаны въ соціологіи и мало знакомые съ дѣйствительною жизнью фантазеры могутъ считать возможнымъ осуществленіе въ любое время соціалистическихъ идеаловъ *). Лучшимъ средствомъ борьбы

*) Едва ли нужно упоминать о томъ, что соціалъ-демократическое движеніе и движеніе революціонно-соціалистическое различаются между собой весьма существенными чертами. Первое движеніе гораздо шире второго. Оно включаетъ въ себя всѣхъ стремящихся къ доставленію рабочему классу политическаго преобладанія съ цѣлью провести въ жизнь широкія демократическо-соціальныя реформы. Въ средѣ соціалъ-демократической партіи есть многолюдная и въ послѣднее время, по мѣрѣ распространенія идей Маркса среди рабочихъ классовъ, все болѣе и болѣе расширяющаяся фракція, которая смотритъ на соціалистическую схему лишь какъ на болѣе или менѣе отдаленный идеалъ, осуществленіе котораго можетъ быть достигнуто только цѣлой серіи переходныхъ мѣръ. Но такъ какъ проведеніе этихъ переходныхъ мѣръ требуетъ содѣй-

съ этимъ заблужденіемъ, говоритъ Шеффле, есть распространеніе идей научнаго соціализма. Распространеніе этихъ идей онъ считаетъ важнѣйшимъ дѣломъ людей науки. Этимъ только путемъ, а не глумленіемъ надъ соціализмомъ, умышленнымъ искаженіемъ его, толкованіемъ его вкривь и вкось вслѣдствіе незнакомства съ нимъ, могутъ быть подавлены различныя невѣжественныя и опасныя пристройки къ нему *).

§ 3. Основной экономическій принципъ современнаго соціализма заключается въ организаціи общественнаго производства на базисѣ коллективнаго капитала и въ распредѣленіи продуктовъ по количеству труда каждаго производителя.

Въ настоящее время каждый владѣющій капиталомъ даетъ ему то или другое производительное назначеніе по своему усмотрѣнію, мотивированному исключительно желаніемъ получить наибольшую прибыль отъ предпріятія. По соціалистической схемѣ, средства производства (капиталъ) составляютъ общественную собственность, и устанавливается общественная организація труда, выполняемая въ планомѣрной и солидарной дѣятельности громаднаго числа небольшихъ хозяйственныхъ общинъ. Принципомъ такого общественнаго порядка является уже не частный интересъ лица, ассоціаціи или общины, а сознаніе взаимности интересовъ и взаимной помощи какъ частей цѣлому, такъ и цѣлаго частямъ. Собраніе данныхъ о количествѣ потребностей на каждый родъ предметовъ и приведеніе удовлетворенія потребностей въ соотвѣтствіе съ наличными рабочими силами возла-

---

ствія государства, изданія новыхъ законовъ, и въ то же время существенно нарушаетъ интересы класса работодателей, въ рукахъ котораго находится политическая власть.—то, въ виду этого, соціалъ-демократическое движеніе поставило своей ближайшей задачей пріобрѣтеніе рабочимъ классомъ политическаго господства. Соціалъ-демократическое движеніе становится тѣмъ болѣе зрѣлымъ, опирающимся на твердую почву явленій современной дѣйствительности, чѣмъ болѣе умаляется фракція сторонниковъ немедленнаго и полнаго устраненія системы частно-промышленныхъ хозяйствъ и наемнаго труда.

*) Мы убѣждаемся ежедневно, говоритъ бывшій австрійскій министръ и выдающійся ученый Шеффле, какое безчисленное количество ложныхъ представленій о соціализмѣ существуетъ въ средѣ имущихъ и образованныхъ классовъ и въ прессѣ. Весьма часто приходится слышать и читать, что «соціалистическая система отрицаетъ собственность», или что она имѣетъ цѣлью «періодическое раздѣленіе имуществъ», или что она «уничтожаетъ капиталъ» и тому подобный вздоръ; и соціалистическая пресса съ полнымъ правомъ бичуетъ эти ложныя представленія, какъ «плоское невѣжество или умышленное искаженіе». Публицисты часто съ благороднымъ негодованіемъ доказываютъ «безуміе» соціализма, какъ стремящагося къ уничтоженію капитала, не понимая, что, въ этомъ случаѣ, они борются не съ соціализмомъ, а съ вѣтряными мельницами («Die Quintessenz d. Socialismus». S. I. 18. 20. 56). Въ дальнѣйшемъ нашемъ изложеніи соціалистической схемы мы воспользуемся этимъ сочиненіемъ Шеффле.

гается на общины и оффиціальныя статистическія учрежденія. Общины свидѣтельствуютъ количество труда, исполненнаго каждымъ изъ членовъ, чѣмъ и опредѣляется сумма продуктовъ, причитающаяся лицу. Вознагражденіе нематеріальнаго труда (судей, общественныхъ агентовъ, учителей, ученыхъ, художниковъ и пр.) опредѣляется обществомъ по принципамъ заслуги и пользы. Возможные, особенно въ земледѣльческой промышленности, недостатокъ или излишекъ дѣйствительнаго дохода сравнительно съ нуждами каждаго періода, опредѣляющими планъ производства, уравниваются посредствомъ общественныхъ запасовъ. Съ установленіемъ коллективнаго владѣнія капиталомъ и общественной организаціи труда сами собою исчезаютъ: частныя промышленныя предпріятія, классы капиталистовъ и наемныхъ рабочихъ и всевозможныя ренты. Изъ національнаго продукта одна часть назначается для удовлетворенія государственныхъ нуждъ и вознагражденія общественныхъ агентовъ, другая—для содержанія разныхъ полезныхъ общественныхъ учрежденій и, наконецъ, остающаяся часть распредѣляется между гражданами, по количеству исполненнаго каждымъ изъ нихъ труда.

Очевидно, вся программа соціализма совершенно противорѣчитъ весьма распространенному мнѣнію о немъ, какъ о періодическомъ раздѣлѣ частныхъ имуществъ.

Изложенное представляетъ фундаментъ соціализма. Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію примѣненій основного принципа къ отдѣльнымъ главнымъ категоріямъ народнаго хозяйства: къ потребностямъ, производству, обмѣну, кредиту, доходу, потребленію и образованію частнаго имущества.

Первый вопросъ каждой экономической организаціи заключается въ исчисленіи количества и рода потребностей общества. Въ современной частно-хозяйственной системѣ размѣръ требованій, могущихъ быть предъявленными каждымъ отдѣльнымъ лицомъ на продукты общественнаго труда, обусловливается находящейся въ его распоряженіи покупательною силою, распредѣленіе которой опредѣляется различными условіями и совершенно чуждо классификаціи потребностей общества по степени большей или меньшей ихъ настоятельности. Далѣе, производство ведется не на основаніи точнаго знанія спроса на предметы, а въ значительной степени на удачу, что и порождаетъ частыя банкротства. Но, рядомъ съ этими недостатками частно-хозяйственной системы, послѣдняя заключаетъ въ себѣ ту хорошую сторону, что представляетъ полную свободу въ выборѣ предметовъ для удовлетворенія потребностей, разъ только имѣются у лица средства для покупки желаемыхъ имъ предметовъ. Какія бы великія блага ни сулилъ соціализмъ, но если онъ

не имѣетъ въ виду или не въ состояніи примѣнить на практикѣ свободное заявленіе и удовлетвореніе потребностей, онъ долженъ отказаться отъ надежды видѣть себя когда-либо осуществленнымъ. Свобода опредѣленія и удовлетворенія своихъ потребностей есть безспорно важнѣйшая сторона свободы вообще. При опредѣленіи потребностей и способовъ ихъ удовлетворенія *извнѣ*, у каждаго будетъ отнята возможность жить и развиваться сообразно своей индивидуальности. Поэтому одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ, съ которымъ мы обращаемся къ соціалистической схемѣ, есть вопросъ о томъ: допускаетъ ли она индивидуальную свободу опредѣленія потребностей?

Уничтоженіе частныхъ промышленныхъ предпріятій и спекулятивной торговли ничуть не имѣетъ своимъ слѣдствіемъ устраненіе свободы опредѣленія потребностей. Общественно-организованное производство можетъ столь же полно осуществить свободу удовлетворенія потребностей, путемъ ежедневнаго, еженедѣльнаго, мѣсячнаго, годового и вообще періодическаго собранія статистическихъ свѣдѣній, какъ это осуществляется въ частно-хозяйственной системѣ посредствомъ заявленія каждымъ спроса на рынкѣ. Но здѣсь представляется новый вопросъ: чѣмъ будетъ ограничено заявляемое лицомъ требованіе на различные продукты? Изъ изложеннаго мы знаемъ, что въ соціалистической системѣ распредѣленіе продуктовъ національнаго труда между гражданами обусловливается количествомъ исполненнаго каждымъ изъ нихъ рабочаго времени. Но, очевидно, одного этого элемента недостаточно для опредѣленія количества предметовъ, причитающагося на долю каждаго отдѣльнаго лица; необходимо знать еще количество труда, заключающееся въ предметахъ, на которые лицомъ заявлено требованіе. Только при наличности этихъ двухъ данныхъ можно установить равновѣсіе между заявленными требованіями и удовлетвореніемъ ихъ. Слѣдовательно: *первое техническое требованіе для возможности осуществленія соціалистическаго народнаго хозяйства заключается въ опредѣленіи количества труда, заключеннаго въ каждомъ отдѣльномъ предметѣ, производимомъ національнымъ трудомъ.*

Переходя отъ вопроса объ опредѣленіи потребностей къ организаціи національнаго производства, замѣтимъ, что измѣненіе формъ производства составляетъ центральный пунктъ, опредѣляющій собою всѣ прочія стороны соціалистическаго порядка. Вмѣсто самоопредѣляющагося, въ настоящее время, частнаго капитала выступаетъ общественно-организованное производство, оперирующее коллективнымъ капиталомъ.

Въ современномъ хозяйствѣ организаторомъ производства яв-

ляются хозяева промышленныхъ предпріятій. Руководясь желаніемъ наибольшей прибыли, они опредѣляютъ количество и родъ предметовъ, долженствующихъ быть произведенными трудомъ народа, устанавливаютъ порядокъ и время работъ на фермѣ, внутри мастерской, фабрики, завода, опредѣляютъ техническіе способы производства предметовъ, слѣдятъ за надлежащимъ выполненіемъ работъ и поставляютъ произведенные предметы на рынки. Съ замѣною частнаго капитала коллективнымъ, организація производства становится дѣломъ цѣлой націи, какъ единственнаго собственника капитала. Естественно, возникаетъ вопросъ:—какую программу практическихъ мѣръ проектируетъ современный соціализмъ для организаціи общественнаго производства?

Такой программы мы не находимъ у соціализма. Соціалистическіе писатели ограничиваются пока критикою существующаго порядка и установленіемъ краеугольныхъ камней новаго соціальнаго строя. И причина, заставляющая ихъ воздержаться отъ разработки положительной программы, весьма понятна. Они сознаютъ, что осуществленіе соціалистическаго строя, во всемъ его объемѣ, возможно еще очень не скоро. Должны произойти еще большія измѣненія въ экономической и политической сферахъ, техникѣ, состояніи образованія, понятіяхъ, нравахъ, которыя по ихъ мнѣнію, подготовятъ почву соціализму. Обсужденіе упомянутой программы можетъ быть основано лишь на тѣхъ жизненныхъ условіяхъ, которыя будутъ на лицо ко времени перехода къ соціалистическому порядку; опредѣлить же, въ настоящее время, въ требуемыхъ деталяхъ, каковы будутъ эти условія—невозможно, почему и самое обсужденіе программы преждевременно. Соціализмъ находится въ настоящее время еще въ первой стадіи своего практическаго развитія. Послѣдователи его, главнымъ образомъ,—городскіе рабочіе, и пройдетъ значительное время, пока онъ распространится среди сельскихъ работниковъ.

Наиболѣе глубокій изъ соціалистическихъ писателей, Марксъ ограничивается лишь указаніемъ на общій ходъ развитія европейскаго общества, идущій, по его мнѣнію, неизбѣжно къ осуществленію соціалистическаго порядка и на основные принципы этого порядка. Мы уже имѣли случай коснуться воззрѣній Маркса по этому предмету. Здѣсь же будетъ умѣстно провести эти его воззрѣнія болѣе подробно.

Современный крупный капиталъ, говоритъ Марксъ, произошелъ и продолжаетъ увеличиваться черезъ уничтоженіе мелкой ремесленной промышленности и крестьянскаго хозяйства. Эти патріархальныя хозяйственныя формы, исключая сосредоточенія въ большихъ массахъ орудій производства въ рукахъ отдѣльнаго лица, исключаютъ

въ то же время и кооперацію, значительное раздѣленіе труда въ данномъ процессѣ производства, господство надъ природою, словомъ, исключаютъ развитіе общественной производительной силы. Въ этомъ недостаткѣ производительности мелкой промышленности заключается причина, почему на извѣстной ступени общественнаго развитія она начинаетъ исчезать, уступая свое мѣсто крупному производству. Уничтоженіе мелкой промышленности, обращеніе индивидуальныхъ и разрозненныхъ средствъ производства въ крупныя, общественно-сосредоточенныя,—эта фактическая законами конкуренціи порождаемая экспропріація земли и орудій труда у народа образуетъ первоначальную исторію современнаго крупнаго капитала. Коль скоро этотъ процессъ превращенія и въ глубину, и въ ширину достаточно разложилъ старое общество, коль скоро прежніе самостоятельные ремесленники и крестьяне превращены въ пролетаріевъ, а ихъ орудія производства въ новѣйшій крупный капиталъ, наступаетъ борьба капиталовъ между собою: крупные капиталы побиваютъ—во второй ступени развитія—мелкіе капиталы. Рука-объ-руку съ этимъ сосредоточеніемъ капиталовъ развивается все въ бо́льшихъ и бо́льшихъ размѣрахъ внутри частнаго капитала кооперативная (общественная) форма труда, сознательное технологическое приложеніе науки, усовершенствованная эксплуатація земли, превращеніе орудій труда въ такія, которыя могутъ прилагаться только сообща и вслѣдствіе всего этого высшее экономизированіе труда. Вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся относительнымъ числомъ магнатовъ капитала, которые монополизируютъ всѣ выгоды этого процесса превращенія, увеличивается соціальная пропасть между имущими и неимущими классами, усиливаются ощущенія бѣдности, эксплуатаціи, униженія и, какъ слѣдствіе, растутъ ропотъ и протесты рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства. Антагонизмъ общественныхъ отношеній, развившихся на капиталистической почвѣ, достигаетъ крайняго напряженія. Сосредоточеніе средствъ производства и кооперативная организація труда достигаютъ такихъ крупныхъ размѣровъ, что они не могутъ далѣе выносить своей капиталистической оболочки. Бьетъ часъ капиталистической частной собственности. Реализуются новыя основанія соціальнаго строя. Капиталистическій процессъ производства и присвоенія есть отрицаніе частной собственности, основанной на трудѣ. Отрицаніе капиталистическаго производства производится имъ же самимъ съ неизбѣжностью естественнаго процесса. Снова возстанавливается собственность на принципѣ труда, но уже на основаніи пріобрѣтеній капиталистиче-

ской эры, именно на основаніи коопераціи свободныхъ работниковъ и ихъ общиннаго владѣнія землею и средствами производства, произведенными самими работниками *).

Предсказать въ настоящее время, говоритъ Дюрингъ, всю обстановку и обстоятельства, при какихъ совершится преобразованіе хозяйственныхъ формъ, соціальная наука не можетъ по самой природѣ изслѣдуемыхъ ею фактовъ. Истиннымъ остается только то основное положеніе, что подобное состояніе дѣлъ можетъ наступить не ранѣе того времени, когда, вмѣсто современнаго господства капитала надъ трудомъ, послѣдній поставитъ капиталъ подъ свое распоряженіе и декретируетъ условія перехода къ новымъ хозяйственнымъ формамъ. Въ какое положеніе будетъ поставленъ въ переходное время прежній классъ капиталистовъ, въ настоящее время усмотрѣть невозможно; но очевидно, это будетъ зависѣть отъ характера борьбы, предшествующей переходному времени. Юго-американскіе рабовладѣльцы не получили никакого вознагражденія при уничтоженіи ихъ права собственности на людей. Побѣдившій коллективизмъ, уже по природѣ совершаемаго имъ дѣла, долженъ поступить иначе, нежели американскій союзъ, ибо основной принципъ, который онъ несетъ съ собою, состоитъ въ обезпеченіи всесторонняго существованія каждаго члена общества; а потому, въ переходное время, онъ долженъ будетъ принять во вниманіе многія традиціонныя особенности класса землевладѣльцевъ и капиталистовъ и ради гуманности сдѣлать для нихъ временныя уступки **).

Вопросъ о правѣ перехода къ новому порядку вещей не представляетъ для соціалистическихъ писателей ни малѣйшаго сомнѣнія. Они говорятъ: буржуа имѣетъ право на то, что онъ пріобрѣлъ при существующемъ капиталистическомъ промышленномъ строѣ, и пріобрѣтенное будетъ въ той или другой формѣ цѣнности сохранено за нимъ, какъ фондъ для потребленія; но странно было бы съ его стороны предъявлять притязаніе на сохраненіе на вѣчныя времена выгодныхъ для него и убыточныхъ для народа промышленныхъ формъ. Реализація новаго соціальнаго строя совершится въ силу исторической необходимости и съ тѣмъ же правомъ, съ какимъ буржуазія уничтожила феодальный строй и провозгласила новыя права личности и народа.

Вернемся къ вопросу о важнѣйшихъ чертахъ соціалистическаго идеала народнаго хозяйства, вытекающихъ, какъ логическіе резуль-

*) «Капиталъ», стр. 648—650.
**) «Cursus d. National und Socialoeconomie». S. 381. 1873.

таты, изъ принципа коллективнаго капитала и распредѣленія продуктовъ по количеству труда *).

Соціалистическое государство должно представить собою федерацію общинъ различныхъ размѣровъ, автономныя права коихъ должны быть сгармонированы съ общими интересами государственной жизни. Каждая община владѣетъ самостоятельно, въ размѣрѣ ея автономныхъ правъ, частью національнаго капитала и удовлетворяетъ непосредственно большую часть своихъ потребностей.

Переходъ изъ одной общины въ другую въ принципѣ объявляется свободнымъ, и ограниченія этого перехода, если таковыя окажутся нужными, опредѣляются общими законами государства.

Такое представленіе соціализмомъ строя будущаго государства находится въ самой тѣснѣйшей, даже болѣе, въ безусловно-необходимой связи съ его экономическою схемою. Только при широкой политической и экономической автономіи общинъ возможно осуществленіе основного соціалистическаго принципа. Никакой центральный органъ не въ состояніи выполнить громадную задачу управленія національнымъ хозяйствомъ, не говоря уже о томъ, что, при управленіи національнымъ хозяйствомъ изъ центра, общественная жизнь приняла бы казарменный характеръ въ полномъ значеніи этого слова. Насколько, при такомъ руководительствѣ, нарушена была бы личная свобода, видно уже изъ одного того, что правительству пришлось бы опредѣлять для каждаго мѣсто жительства, родъ труда, переходы съ одного мѣста въ другое, перемѣны въ промышленныхъ занятіяхъ и т. п. И потому, если соціализмъ въ полномъ объемѣ можетъ когда-либо осуществиться, то лишь только при широкомъ проведеніи въ жизнь федеративнаго начала. Отсюда само собою слѣдуетъ, что, прежде реализаціи въ сколько-нибудь значительномъ объемѣ соціалистической схемы, необходимо организовать автономныя хозяйственныя общины, которыя непосредственнымъ трудомъ удовлетворяли бы значительнѣйшую часть своихъ потребностей. Въ такой организаціи необходимо соединить въ общинѣ земледѣліе съ промышленностью обрабатывающею, которыя производили бы бо́льшую часть нужныхъ для членовъ общины предметовъ. Отсюда видно, какое продолжительное время потребуется для выполненія подготовительныхъ мѣръ, въ направленіи децентрализаціи народнаго хозяйства, къ осуществленію соціалистической схемы. Въ виду этого

*) О примѣненіи основныхъ принциповъ соціализма къ различнымъ хозяйственнымъ категоріямъ см. кн. Шеффле, «Die Quintessenz d. Socialismus». 1878.

сами соціалистическіе писатели, какъ мы уже говорили, признаютъ необходимость переходнаго времени, въ теченіе котораго принципы коллективизма, осуществляясь постепенно, дѣйствовали бы рядомъ съ системою конкурренціонныхъ, индивидуальныхъ хозяйствъ.

Нельзя не согласиться, что устроенныя вышеуказаннымъ образомъ общины были бы въ состояніи, безъ затрудненій, исчислить роды и количества предметовъ, требуемыхъ индивидуальными потребностями членовъ, опредѣлить количество рабочей силы, нужной для производства различныхъ продуктовъ, и установить равновѣсіе между этими двумя факторами. Самая организація труда, будучи свободнымъ рѣшеніемъ воли общины, не представила бы такихъ затрудненій, которыя нельзя было бы преодолѣть иначе, какъ нарушивъ индивидуальность и чувство справедливости членовъ *). Истину говоритъ Милль, что соціализмъ, какъ общественная система, существуетъ пока только въ идеѣ, что для насъ теперь гораздо виднѣе его затрудненія, чѣмъ его средства къ ихъ устраненію, и что человѣческій умъ только начинаетъ придумывать способы организовать его въ подробностяхъ такъ, чтобы побѣдить затрудненія и извлечь наибольшую выгоду изъ представляемыхъ имъ средствъ **). Далѣе, весьма важно не упускать изъ виду, что эти затрудненія будутъ болѣе и болѣе уменьшаться по мѣрѣ замѣны ремесленнаго и вообще ручного труда машиннымъ трудомъ. Машины уравниваютъ обстановку работъ и требуютъ столь ничтожной технической подготовки, что перемѣна занятій становится дѣломъ удобовыполнимымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, такъ какъ соціалистическая система устраняетъ наемную домашнюю прислугу, то можно надѣяться, что совершатся самыя капитальныя реформы въ области домашней кухни, чистки бѣлья, освѣщенія, отопленія. Исполненіе работъ, лежащихъ въ настоящее время на домашней прислугѣ, должно облегчиться частью чрезъ химическія и механическія изобрѣтенія, частью чрезъ различныя ассоціаціонныя учрежденія. Эта область труда, вслѣдствіе дешевизны домашней прислуги, почти не тронута новѣйшимъ техническимъ прогрессомъ, и соціализмъ считаетъ своею важнѣйшею задачею произвести въ ней существенныя усовершенствованія.

Съ точки зрѣнія современныхъ нравовъ и привычекъ организація труда представляетъ соціализму самую трудную задачу. Здѣсь ему нужно преодолѣть наибольшее число затрудненій. Совсѣмъ дру-

*) См. описаніе американскихъ общинъ въ соч. Нордгофа. Communistic Societies of the United States». 1875.

**) «Основ. Пол. Эк.». Т. I, стр. 254.

гое слѣдуетъ сказать о весьма распространенномъ мнѣніи, видящемъ слабую сторону соціалистической системы въ недостаточности заключающихся въ ней мотивовъ къ производительности труда. Указываютъ на малую успѣшность современныхъ правительственныхъ промышленныхъ предпріятій и утверждаютъ, что такая нехозяйственность станетъ общимъ фактомъ при соціалистической организаціи народнаго хозяйства. Это возраженіе предполагаетъ, что добросовѣстный и успѣшный трудъ можетъ получаться лишь отъ людей, которые сами лично пользуются плодами своихъ усилій, и если, въ настоящее время, работники не заинтересованы въ результатахъ своего труда, то за ними наблюдаютъ, ихъ трудомъ управляютъ люди, имѣющіе личный интересъ. Но на это возраженіе соціалисты справедливо замѣчаютъ, что правительственныя промышленныя предпріятія и промышленныя предпріятія въ соціалистической организаціи не имѣютъ въ отношеніи мотивовъ производительности труда ничего общаго. Управляющіе и рабочіе на государственныхъ фабрикахъ не имѣютъ, конечно, никакого частнаго интереса производить наиболѣе хозяйственнымъ образомъ. Они получаютъ отъ государства жалованье и совершенно не заинтересованы въ результатахъ труда. Совершенно другое въ соціалистической организаціи, гдѣ каждый получитъ тѣмъ болѣе дохода, чѣмъ успѣшнѣе будутъ работать онъ самъ и его товарищи. Если въ настоящее время за рабочими наблюдаетъ хозяинъ промышленнаго предпріятія, то на соціалистической фермѣ или фабрикѣ каждый работникъ трудится подъ контролемъ не одного хозяина, а всѣхъ членовъ ассоціаціи. И потому несомнѣнно, соціалистическій трудъ былъ бы несравненно производительнѣе современнаго наемнаго труда, который вовсе не имѣетъ личнаго интереса въ результатахъ труда, и контроль надъ которымъ не можетъ быть такъ непрерывенъ и вліятеленъ, какъ контроль взаимно заинтересованныхъ сотрудниковъ. Далѣе, нельзя не вспомнить глубокаго замѣчанія Милля по поводу разбираемаго имъ вопроса о сравнительной производительности нынѣшняго наемнаго труда и труда коммунистическаго *). «Если коммунистическій трудъ, говоритъ Милль, и былъ бы менѣе энергиченъ, чѣмъ трудъ поселянина-собственника или ремесленника, работающаго на свой собственный счетъ, то, вѣроятно, онъ былъ бы энергичнѣе, чѣмъ трудъ наемнаго работника. При нынѣшнемъ положеніи общества самый яркій фактъ составляетъ небрежность невоспитанныхъ классовъ наемныхъ работ-

*) Замѣтимъ, что коммунистическая организація, въ которой продукты дѣлятся по-ровну, уступаетъ, по силѣ возбужденія къ труду, соціалистической организаціи, гдѣ доходъ каждаго опредѣляется исполненнымъ имъ трудомъ.

никовъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей. А по коммунистическому плану предполагается, что непремѣнно всѣ должны получать воспитаніе; при этомъ же условіи члены ассоціаціи несомнѣнно будутъ исполнять свои обязанности столь же прилежно, какъ исполняются онѣ большинствомъ наемныхъ служащихъ средняго и высшаго сословія; а эти служащіе не имѣютъ такой репутаціи, будто бы они становятся недобросовѣстными отъ того, что, пока не удалены отъ службы, получаютъ одинаковое опредѣленное жалованье, какъ бы небрежно ни исполняли свою обязанность. Конечно, говоря вообще, вознагражденіе посредствомъ опредѣленнаго жалованья не развиваетъ ни въ какомъ классѣ служащихъ усердія до наивысшей возможной степени, и развѣ только это, а никакъ не больше, можно сказать противъ коммунистическаго труда. Но можно ли сказать, что онъ непремѣнно будетъ подверженъ хотя этому недостатку? Это вовсе не такъ несомнѣнно, какъ полагаютъ люди, мало привыкшіе думать о положеніи дѣлъ, различныхъ отъ привычнаго имъ порядка. Люди способны проникаться общественнымъ духомъ гораздо въ большей степени, чѣмъ привыкли предполагать въ нынѣшнее время. Исторія свидѣтельствуетъ объ успѣхѣ, съ которымъ многочисленныя человѣческія общества могутъ привыкать къ тому, чтобы считать общественную выгоду своею собственностью. Коммунистическая ассоціація была бы самою выгодною почвою для развитія этого чувства, потому что все честолюбіе, вся физическая и умственная дѣятельность, которыя теперь заняты заботами о частныхъ личныхъ выгодахъ, стали бы искать тогда занятія въ другой сферѣ и, естественно, нашли бы его въ заботахъ объ общей пользѣ ассоціаціи. Въ коммунизмѣ гражданинъ былъ бы связанъ съ общиною тою же самою причиною, которой такъ часто объясняли преданность католическаго священника или монаха интересамъ его сословія; онъ не имѣлъ бы интересовъ, различныхъ отъ общаго интереса. Независимо отъ сочувствія общей пользѣ, каждый членъ ассоціаціи подчинялся бы вліянію самаго всеобщаго и едва ли не самаго сильнаго изъ личныхъ побужденій — вліянію общественнаго мнѣнія. Никто не станетъ оспаривать, что это побужденіе съ очень большою силою удерживаетъ насъ отъ поступковъ, положительно порицаемыхъ обществомъ. Соревнованіе также возбуждаетъ къ самымъ энергичнымъ усиліямъ для пріобрѣтенія похвалы и удивленія другихъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ опытъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, въ которыхъ люди публично состязуются между собою, хотя бы даже предметъ состязанія былъ пустъ и безполезенъ для общества. Соціалисты вовсе не отвергаютъ соперничества, состоящаго въ состязаніи о томъ, кто сдѣлаетъ больше для общаго блага. Такимъ образомъ, много ли уменьшилась бы коммунизмомъ

энергія труда, да и подвергалась ли бы она какому-нибудь уменьшенію въ общей сложности,—этотъ вопросъ долженъ считаться еще неразрѣшеннымъ въ настоящее время *).

Принципъ соціализма противорѣчитъ не только частной собственности на орудія производства, но также всякому частному владѣнію, служащему источникомъ дохода, то-есть всему современному процентному кредиту, найму, арендамъ.

Что въ соціалистической организаціи нѣтъ мѣста частному кредиту, вызываемому потребностями производства, это само собою слѣдуетъ изъ установленія коллективнаго капитала, устраняющаго условія для возникновенія частныхъ предпріятій. Что же касается потребительнаго кредита и отдачи предметовъ во временное пользованіе, то эти услуги могутъ совершаться лишь безвозмездно, ибо всякое вознагражденіе за нихъ, какъ противорѣчащее нравственнымъ понятіямъ соціализма, признающимъ трудъ единственно правильнымъ источникомъ дохода, будетъ воспрещено закономъ и преслѣдоваться общественнымъ мнѣніемъ. Государственный кредитъ также исчезаетъ, такъ какъ выполненіе всѣхъ потребностей государства войдетъ въ общественную организацію труда и распредѣленія.

Организація торговли, обусловливаемая всегда данными порядками производства и распредѣленія, естественно, должна принять въ соціалистическомъ народномъ хозяйствѣ иныя, сравнительно съ настоящимъ, формы. Изъ самаго устройства самостоятельныхъ общинныхъ хозяйствъ вытекаетъ, что торговля, какъ совершенно отдѣльная, обособленная операція, значительно уменьшится въ размѣрахъ; поле дѣятельности ея будетъ самое тѣсное. И это потому, что мѣновыя отношенія между сосѣдними общинами будутъ входить въ кругъ дѣятельности ихъ общинъ. Въ то же время серія общинъ извѣстнаго района будетъ производить для себя почти всѣ предметы потребленія. Торговля, какъ обособленная операція, станетъ необходимою только для снабженія общинъ тѣми предметами, которые, по климатическимъ или другимъ естественнымъ причинамъ, добываются лишь въ извѣстной странѣ или мѣстности. Для выполненія торговли, какъ обособленной операціи, предполагается учрежденіе центральнаго бюро, которое будетъ получать отъ каждой общины свѣдѣнія о родѣ и количествѣ продуктовъ торговли, въ которыхъ она нуждается; далѣе будутъ собраны данныя о количествѣ добытыхъ предметовъ торговли и установленъ реестръ эквивалентовъ для обмѣнивающихся продуктовъ. Дальнѣйшія обязанности бюро заключаются: въ распредѣленіи между общинами требуемыхъ ими предметовъ, въ отправкѣ

*) «Основ. Пол. Эк.». Т. I, стр. 253.

ихъ съ мѣста добыванія или пункта привоза изъ-за границы въ общины и въ полученіи съ послѣднихъ слѣдуемаго за предметы эквивалента для передачи его по принадлежности. Самая же транспортировка предметовъ торговли можетъ быть исполняема точно такъ же, какъ исполняютъ нынѣ почтовыя учрежденія транспортировку писемъ и посылокъ. И тѣ же хозяйственныя выгоды, какія извлекаются нынѣ отъ учрежденій государственной почты, вмѣсто частной, получатся отъ замѣны массы частныхъ торговцевъ и служащихъ у нихъ людей общественно-организованною торговлею, которая потребуетъ несравненно меньшее число людей и помѣщеній. Дѣятельность лицъ, выполняющихъ торговыя операціи, будетъ имѣть значеніе общественной службы.

Установленіемъ коллективной собственности на пути сообщенія, что имѣетъ, въ значительной степени, мѣсто уже и въ настоящее время, не устраняется возможность свободнаго пользованія ими для приватныхъ цѣлей, какъ, напримѣръ, путешествій, отправки посылокъ и т. п. Каждый можетъ осуществить это, уплачивая изъ своего трудового дохода опредѣленное вознагражденіе за пользованіе государственною собственностью для своего частнаго интереса.

Изъ проектируемыхъ соціализмомъ организаціи производства, обмѣна, торговли и опредѣленія цѣнности предметовъ и личныхъ услугъ само собою вытекаетъ, что въ соціалистическомъ государствѣ нѣтъ мѣста деньгамъ. Единственное поле ихъ дѣятельности сохранится лишь въ торговыхъ отношеніяхъ съ государствами, гдѣ народное хозяйство зиждется на принципѣ частной собственности на орудія производства.

Въ настоящее время деньги выполняютъ двѣ главныя функціи. Онѣ служатъ общею мѣрою цѣнности всѣхъ предметовъ, универсальнымъ эквивалентомъ и—какъ слѣдствіе изъ этого—общимъ платежнымъ средствомъ.

По соціалистической схемѣ, мѣрою цѣнности каждаго предмета является среднее количество труда, необходимое для его производства. Установленіе цѣнности предметовъ по количеству заключающагося въ нихъ средняго труда или, какъ формулируетъ Марксъ, по общественно-необходимому рабочему времени, требуемому для ихъ созданія, составляетъ и теоретически, и практически краеугольный камень соціализма. Поэтому разсмотримъ подробнѣе эту идею. Коренная причина, порождающая цѣнность предмета, заключается въ необходимости приложить трудъ на его созданіе. Самые необходимѣйшіе предметы, какъ, напримѣръ, свѣтъ, солнечная теплота, воздухъ, вода, не требующіе для полученія ихъ труда, не имѣютъ никакой экономической цѣнности. Естественный фактъ, по

которому трудъ служитъ причиною цѣнности, есть источникъ происхожденія современнаго правового понятія, видящаго въ количествѣ труда самый общій и справедливый критеріумъ для опредѣленія какъ цѣнности предметовъ, такъ и распредѣленія ихъ. Но въ современномъ капиталистическомъ народномъ хозяйствѣ цѣнность предметовъ и распредѣленіе ихъ не находятся въ соотвѣтствіи съ количествомъ труда. И это потому, что на цѣнность предметовъ, рядомъ съ трудомъ, оказываютъ значительное вліяніе процентъ и прибыль на капиталъ, а вознагражденіе за трудъ опредѣляется почти исключительно степенью фактическаго господства капитала надъ трудомъ. Съ устраненіемъ же частной собственности на орудія производства становится возможнымъ дать труду значеніе исключительнаго мѣрила цѣнностей и вознагражденія. Но трудъ бываетъ болѣе или менѣе энергичный. Далѣе, могутъ быть различны и орудія производства, которыми созданы предметы одного и того же рода. А потому одинаковые предметы могутъ быть результатомъ различныхъ количествъ труда. Отсюда является необходимость опредѣлить средній, нормальный для даннаго общества трудъ и общеупотребительные, въ данное время, въ данномъ обществѣ, техническіе способы и орудія производства. Количество этого средняго труда, пользующагося общеупотребительными техническими способами и орудіями производства, необходимое для созданія того или другого предмета, и есть, по ученію соціалистовъ, то «общественно-необходимое рабочее время», которое должно опредѣлять цѣнность предметовъ и размѣръ вознагражденія работниковъ. Такъ, напримѣръ, если для производства 1000 четвертей пшеницы требуется 9000 нормальныхъ рабочихъ дней, то каждая четверть будетъ служить эквивалентомъ всѣхъ предметовъ, требующихъ для своего созданія 9 рабочихъ дней.

Такимъ образомъ, трудъ, получая въ соціалистической схемѣ значеніе универсальнаго измѣрителя цѣнностей, тѣмъ самымъ становится и общимъ платежнымъ средствомъ; а слѣдовательно замѣщается и вторая функція денегъ.

Шеффле, разбирая этотъ пунктъ соціалистическаго ученія, полагаетъ, что соціалистическому строю, въ интересѣ возможно большей свободы выбора занятій, необходимо дополнить указанную нами организацію измѣренія цѣнностей и вознагражденія элементомъ спроса и предложенія *).

Предшествующее изложеніе показываетъ, что, въ отношеніи организаціи производства, опредѣленія цѣнностей предметовъ и об-

*) См. «Die Quintess. d. Socialism.». S. 47 u. w.

мѣна, соціалистическая организація не имѣетъ ничего общаго, какъ по существу, такъ и по вытекающимъ изъ нея слѣдствіямъ, съ современною частно-хозяйственною системою. Спекулятивный частный капиталъ, конкуренція, рынокъ и биржа, рыночныя цѣны и курсъ, современная торговля, деньги, процентный кредитъ, наемъ, аренды, равно какъ всѣ настоящія формы частныхъ доходовъ (рабочая плата, прибыль, процентъ, земельная и домовая ренты),—всѣ эти характеристическія черты новѣйшаго народнаго хозяйства несовмѣстимы съ соціалистическимъ принципомъ производства и обмѣна цѣнностей и, по убѣжденію соціалистовъ, должны постепенно исчезнуть въ качествѣ «побѣжденныхъ историческихъ категорій». Соціалистическій строй представляетъ совершенно новый соціальный міръ, который, какъ справедливо замѣчаетъ Шеффле, при первомъ знакомствѣ съ нимъ, не легко даже и представить себѣ. Коллективное производство въ большихъ размѣрахъ, съ глубокимъ техническимъ раздѣленіемъ труда было бы единственное, что изъ настоящаго порядка перешло бы въ соціалистическій строй, какъ зрѣлый плодъ развитого «капитализма», и даже должно было бы обнять собою всѣ отрасли труда и получить, такимъ образомъ, всеобщее примѣненіе.

Намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о потребленіи цѣнностей въ соціалистической организаціи.

Выше было уже нѣсколько разъ указано, что соціалистическій строй обусловливаетъ всѣ частные доходы исключительно трудомъ. Распредѣленіе продуктовъ совершается какъ ликвидація сертификатовъ объ исполненномъ трудѣ. За вычетомъ изъ частнаго дохода извѣстной доли на государственныя и общественныя нужды, остальной части дохода лицо можетъ дать слѣдующія назначенія:

1) потребленіе на себя,

2) сбереженіе (накопленіе имущества),

3) отдача другому съ условіемъ возвращенія и

4) подарокъ частному лицу или пожертвованіе на общественныя цѣли.

Касательно свободы выбора предметовъ для индивидуальнаго потребленія мы уже говорили, что соціалистическая схема ничуть не препятствуетъ организаціи производства, соотвѣтствующей свободному опредѣленію гражданами своихъ потребностей.

Накопленіе частной собственности путемъ сбереженій вполнѣ совмѣстно съ принципомъ соціализма. Мы обращаемъ вниманіе на это обстоятельство въ виду весьма распространеннаго мнѣнія, что соціализмъ отвергаетъ частную собственность. Соціалистическая схема не допускаетъ частной соб-

ственности на капиталъ (землю, машины, инструменты, промышленныя зданія, рабочій скотъ и т. д.), но безъ всякихъ ограниченій признаетъ частную собственность на всякое имущество, не имѣющее значенія орудія производства. Шеффле, по поводу распространеннаго невѣрнаго представленія объ отношеніи соціализма къ частной собственности, замѣчаетъ, что пора поближе ознакомиться съ соціалистическимъ ученіемъ, хотя бы уже для того, чтобы отнять у коноводовъ революціоннаго соціализма возможность пользоваться въ своихъ интересахъ этимъ невѣжествомъ общества и прессы и разжигать злобу массъ, представляя имъ ложные взгляды прессы на соціализмъ, какъ инсинуацію, умышленное извращеніе теоріи, съ цѣлью смѣшать ее съ каннибальствомъ и тѣмъ запугать общество. Въ ровной степени невѣрно, продолжаетъ Шеффле, что принципъ коллективной собственности есть вообще что-либо новое, чуждое существующему праву; ибо всѣ юридическія лица, начиная отъ государства, церкви, общины и кончая семействомъ, представляютъ обширную область коллективнаго владѣнія. Вопросъ единственно заключается въ томъ: должны ли средства производства вѣчно оставаться въ частной собственности? И какъ бы его ни рѣшали, во всякомъ случаѣ, очевидно, что въ поставленномъ вопросѣ дѣло не идетъ ни объ отрицаніи частной собственности вообще, какъ правового института, ни объ отрицаніи ея для обширной области предметовъ. Если, несмотря на точно поставленный вопросъ, соціализму приписываютъ вещи, которыхъ онъ самъ чуждается, если подъ соціализмомъ понимаютъ періодически возобновляющійся «передѣлъ имуществъ», «уничтоженіе собственности, капитала», тогда исчезаетъ всякая возможность сознательнаго обсужденія его, и результатомъ является лишь возбужденіе страстей. Такое отношеніе къ вопросу и грустно, и опасно. Въ прямомъ интересѣ имущихъ классовъ уяснить себѣ истинную сущность принципа коллективизма и не смѣшивать его съ различными безсвязными пристройками къ нему *).

Также и отрицаніе права наслѣдства никоимъ образомъ не есть логическое слѣдствіе соціалистическаго принципа. Сознательные сторонники этого принципа могутъ съ полнымъ основаніемъ обратиться къ неистовымъ крикунамъ, желающимъ уничтожить наслѣдство, со словами: «Боже, избавь меня отъ моихъ друзей»! Принципъ коллективизма столь же совмѣстенъ съ правомъ наслѣдства, какъ и съ институтомъ частной собственности. Правда, съ устраненіемъ частной собственности на капиталъ и всякаго рода ренты, размѣры наслѣдства сдѣлались бы весьма скромны,

*) Ibid. S. 62.

а слѣдовательно наслѣдственное право не могло бы породить значительныя имущественныя неравенства.

Возможность и свобода подарковъ и пожертвованій на общественныя цѣли, въ пользу различныхъ общественныхъ союзовъ не находятся ни въ какомъ противорѣчіи съ соціалистическою организаціею. Устройство на частныя средства обществъ, клубовъ, свободное преслѣдованіе гуманныхъ, научныхъ, религіозныхъ цѣлей, гостепріимство могутъ вполнѣ удобно осуществиться въ соціалистическомъ строѣ.

Такова сущность важнѣйшихъ экономическихъ категорій, вытекающихъ изъ соціалистическаго принципа. Въ заключеніе два слова объ отношеніи соціализма къ семьѣ и религіи.

Научный соціализмъ не имѣетъ ничего общаго съ нелѣпыми ученіями о несорганизованномъ общеніи половъ. Онъ не только не требуетъ уничтоженія замкнутой семейной жизни, а стремится возвысить ее чрезъ устраненіе имущественныхъ мотивовъ къ браку и установленіе равномѣрности образованія обоихъ половъ.

Хотя соціалъ-демократія оффиціально объявляетъ религію дѣломъ совѣсти каждаго, но многіе ея органы проповѣдуютъ на различныя варіаціи ученіе: «нѣтъ загробнаго міра, напрягайте всѣ ваши силы и страсти на достиженіе матеріальнаго благосостоянія въ этомъ мірѣ». Очевидно, это ученіе не находится ни въ малѣйшей связи съ соціалистическимъ принципомъ; лучшимъ доказательствомъ тому служитъ существованіе въ Англіи и Германіи «христіанскаго соціализма». Далѣе, не лишнее будетъ замѣтить, что, уже не говоря о безумномъ и фактически неосуществимомъ желаніи нѣкоторыхъ соціалъ-демократическихъ органовъ отмѣны религіи посредствомъ клочка бумаги, по примѣру первой французской революціи,—такая отмѣна была бы самымъ грубымъ насиліемъ надъ свободою личности, ради которой выступаетъ соціализмъ,—но и самое распространеніе анти-религіозныхъ идей среди неразвитой массы не можетъ принести хорошіе плоды ни для кого, а тѣмъ менѣе для соціализма. Къ счастью, проповѣдь анти-религіозныхъ идей, равно какъ и пропаганда карикатурнымъ соціализмомъ многихъ другихъ анти-культурныхъ ученій—какъ, напримѣръ, установленіе соціалистическаго строя разомъ во всемъ его объемѣ и при любыхъ соціальныхъ условіяхъ, пренебреженіе къ искусству, отвлеченной наукѣ—суть только безсвязныя пристройки къ научному соціализму; и въ интересѣ сознательныхъ соціалистовъ бороться противъ этихъ пристроекъ и тѣмъ способствовать уясненію и покойному обсужденію основныхъ

принциповъ соціализма. Для покойнаго обсужденія принциповъ соціализма, говоритъ Шеффле, важно никогда не упускать изъ виду, что «соціалъ-демократія» есть политическая партія, а соціализмъ—научная теорія, выводящая изъ фактовъ прошлаго и настоящаго главныя черты общественнаго строя, къ которому, по ея мнѣнію, идетъ европейское общество. Соціализмъ не отвѣчаетъ за нелѣпости той или другой фракціи соціалъ-демократіи, и самая цѣлесообразная борьба съ этими нелѣпостями это—распространеніе доктринъ научнаго соціализма.

ГЛАВА IV.

Руководящіе принципы реалистической школы для организаціи народнаго хозяйства.

Изъ предшествующаго изложенія мы видѣли, что свободно-конкуренціонная система народнаго хозяйства и соціалистическая организація не имѣютъ между собою ничего общаго. Первая ограничиваетъ общественное хозяйство исключительно защитою права и охраненіемъ безопасности, удовлетвореніе же всѣхъ другихъ потребностей выполняется въ этой системѣ отдѣльными частными хозяйствами, соединенными только рынкомъ; вторая, напротивъ, совершенно устраняетъ частныя промышленныя хозяйства и замѣняетъ ихъ общественнымъ хозяйствомъ.

Реалистическая школа занимаетъ среднее мѣсто между этими двумя системами. По ученію этой школы, организація народнаго хозяйства, на непредвидимое еще время, будетъ покоиться на трехъ различныхъ принципахъ, которые ведутъ къ тремъ хозяйственнымъ системамъ, связаннымъ между собою единствомъ цѣли. Эти системы суть: частно-хозяйственная, составляющая до сихъ поръ почти единственное содержаніе курсовъ политической экономіи, общественная и благотворительная *). Частно-хозяйственная система, руководящаяся въ созданіи и распредѣленіи цѣнностей личнымъ интересомъ, возможно большею прибылью отъ занятія, не гарантируетъ удовлетворенія самыхъ существенныхъ потребностей индивида и общества, а потому во всѣхъ такихъ случаяхъ должно выступить общественное хозяйство. Сверхъ того, созданіе и

*) Lehrb. d. Polit. Oecon. берлинскаго профессора А. Вагнера, Gesellsch. System d. menschlichen Wirthsch. и Bau und Leben Шеффле представляютъ пока единственныя попытки систематической разработки вопроса объ организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.—Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ придерживаться по преимуществу формулировки задачъ реалистической школы, сдѣланной А. Вагнеромъ въ его Lehrb. d. Polit. Oecon.

распредѣленіе тѣхъ цѣнностей, которыя, при настоящихъ условіяхъ, удобнѣе оставить за частно-хозяйственною системою, выполняются этою системою далеко не въ достаточномъ соотвѣтствіи съ общественными интересами, а потому является необходимость регулированія ея государственною властью. Далѣе, даже при самой лучшей, вполнѣ отвѣчающей требованіямъ времени и мѣста, комбинаціи системы частнаго и общественнаго хозяйствъ, нельзя обойтись безъ дополненій ихъ благотворительною хозяйственною системою. Благотворительная система, проявляющаяся въ различнаго рода гуманитарныхъ учрежденіяхъ, представляется въ настоящее время необходимой для облегченія недостатковъ и пополненія пробѣловъ частно-хозяйственной системы.

Объемъ и характеръ частно-хозяйственной системы, въ каждое данное время, опредѣляется юридическими нормами. Эти юридическія нормы не представляютъ собою чего-либо абсолютнаго, неизмѣннаго; напротивъ, онѣ постоянно измѣняются въ исторіи. Абсолютность организаціи народнаго хозяйства на базисѣ свободной конкуренціи можно было защищать лишь въ предположеніи совершенства этой организаціи. Но какъ только это предположеніе оказалось ложнымъ, жизнь продолжаетъ стремиться къ реализаціи болѣе удобнаго, болѣе гармоническаго порядка вещей. Важнѣйшіе историческіе и современные моменты развитія юридическихъ нормъ, опредѣлявшихъ и опредѣляющихъ теперь характеръ какъ народнаго хозяйства вообще, такъ и частно-хозяйственной системы въ отдѣльности, суть слѣдующія:

1) Юридическія нормы о личномъ состояніи. Въ этомъ отношеніи особенно различаются, какъ руководящіе моменты: рабство, крѣпостное состояніе, ленныя отношенія, личная свобода и равенство правъ для всѣхъ индивидовъ.

5) Юридическія нормы въ отношеніи собственности на хозяйственныя цѣнности. Руководящими моментами здѣсь являются: собственность на людей, на рабочую силу человѣка, на извѣстныя дѣйствія человѣка; различія между недвижимыми и движимыми имуществами; для послѣднихъ—между имуществами для потребленія и капиталомъ. Далѣе, по отношенію къ земельной собственности:—существуетъ ли общественная собственность на землю, или только частная, или совмѣстно та и другая; частная земельная собственность является ли ограниченною, какъ это было всюду на раннихъ ступеняхъ развитія народной жизни, или установлена мобилизація земельной собственности, какъ это совершилось вполнѣ или въ значительной степени въ новѣйшемъ народномъ хозяйствѣ европейскихъ государствъ; далѣе, въ правѣ собственности на землю дѣлаются различія между лѣсами, рудами, полевою землею, водяною поверхностью, дорогами,

рыбными ловлями и пр. По отношенію къ частной собственности на капиталы весьма важное значеніе для народнаго хозяйства имѣетъ: существуютъ ли и именно какія ограниченія свободнаго распоряженія ими чрезъ установленіе, напримѣръ, таксъ, опредѣляющихъ заработную плату, процентъ, цѣны товаровъ; чрезъ регулированіе отношеній хозяевъ къ рабочимъ, какое господствовало въ средніе вѣка и начинаетъ вступать въ жизнь въ настоящее время и т. д.; или же собственность на капиталы приравнена къ собственности на потребительныя имущества и потому является безграничною, что, въ общемъ, имѣетъ мѣсто въ новѣйшемъ хозяйствѣ. Наконецъ, различія въ законахъ о наслѣдствѣ представляютъ одну изъ существеннѣйшихъ сторонъ развитія имущественнаго права и оказываютъ громадное вліяніе на ходъ народнаго хозяйства.

Вопіющія вредныя слѣдствія новѣйшей частно-хозяйственной системы, вытекающія изъ проведенія въ законодательство принципа неограниченной частной собственности почти на всѣ роды хозяйственныхъ цѣнностей и изъ устраненія государства отъ вмѣшательства въ народное хозяйство, дѣлаютъ необходимымъ, во-первыхъ, ограниченіе области частно-хозяйственной системы общественно-хозяйственною системою и, во-вторыхъ, регулированіе ея государствомъ.

Общественныя хозяйства, по условіямъ ихъ происхожденія, распадаются на два класса: на *добровольныя* и *принудительныя* общественныя хозяйства. Первыя представляютъ свободное соединеніе частныхъ хозяйствъ для достиженія какой-либо цѣли и дѣйствуютъ на основаніи договора. Причиною происхожденія ихъ служитъ мотивъ выгоды, и, слѣдовательно, они, какъ и частныя хозяйства, зиждутся на *личномъ интересѣ*; но здѣсь личный интересъ каждаго члена *солидаренъ* съ интересами всѣхъ прочихъ членовъ общественнаго хозяйства. Цѣли, дѣятельность и соціальное значеніе добровольныхъ общественныхъ хозяйствъ весьма разнообразны. Важнѣйшіе виды ихъ суть: производительныя, кредитныя и потребительныя ассоціаціи, общества взаимнаго страхованія, общества для обезпеченія стариковъ, вдовъ, сиротъ и инвалидовъ, ремесленные и рабочіе союзы. Второй несравненно важнѣйшій классъ общественныхъ хозяйствъ, имѣющій фундаментальное значеніе для организаціи цѣлаго народнаго хозяйства, составляютъ принудительныя общественныя хозяйства. Принудительный характеръ ихъ заключается въ вмѣшательствѣ общественной власти въ сферу отдѣльныхъ хозяйствъ, съ цѣлью заставить ихъ служить интересамъ всего общества. Самый важный субъектъ принудительныхъ общественныхъ хозяйствъ есть государство. Имѣя, по теоріи, своею задачею содѣйствовать развитію культуры и благосостоянія, государство должно принять на себя удовлетвореніе такихъ

общественныхъ потребностей, созданіе и распредѣленіе которыхъ частною и добровольно-общественною хозяйственными системами выполняется неудовлетворительно. Органами веденія принудительно-общественныхъ хозяйствъ являются какъ центральное правительство, такъ и мѣстныя власти, въ качествѣ представителей общихъ интересовъ различныхъ пространственныхъ округовъ (община, уѣздъ, губернія, область и пр.).

Школа свободной конкуренціи ограничиваетъ область принудительнаго общественнаго хозяйства учрежденіями для защиты правъ, личной безопасности и политической независимости народа. Такое ограниченіе дѣлается ею на томъ основаніи, что всѣ прочія потребности гражданъ удовлетворяются всего лучше частною и добровольно-общественною системами. Выше былъ уже указанъ крайній оптимизмъ такого воззрѣнія. Частныя хозяйства производятъ только такія цѣнности, продажная цѣна которыхъ можетъ доставить имъ среднюю прибыль на капиталъ; какъ бы ни была важна потребность, но если удовлетвореніе ея не можетъ быть оплачено нуждающимися, она останется неудовлетворенною. А потому частно-хозяйственная система не гарантируетъ удовлетвореніе даже такихъ необходимѣйшихъ потребностей, какъ потребности въ пищѣ, одеждѣ, жилищѣ, топливѣ, не говоря уже о потребностяхъ въ медицинской помощи, образованіи, средствахъ сообщенія, кредитѣ, страхованіи. Далѣе, эта система неизбѣжно ведетъ къ монополіи промышленныхъ предпріятій и уже въ настоящее время представляетъ многіе примѣры ея, особенно въ области путей сообщенія. Эти недостатки частно-хозяйственной системы вызываютъ необходимость принудительно-общественнаго хозяйства. Принужденіе со стороны государства къ соединенію частныхъ хозяйствъ въ общественное хозяйство является также необходимымъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда достиженіе полезной цѣли, желаемое большинствомъ хозяевъ, не можетъ быть осуществлено по причинѣ несогласія меньшинства сосѣднихъ хозяевъ. Особенно часто подобные случаи встрѣчаются въ земельной собственности, почему въ аграрномъ законодательствѣ всѣхъ государствъ существуютъ болѣе или менѣе обстоятельныя правила, разрѣшающія столкновенія частнаго и общаго интересовъ.

Система принудительныхъ хозяйствъ, выполняемая общественными органами, составляетъ совершенную противоположность частно-хозяйственной системѣ. Средства для веденія первыхъ получаются по преимуществу путемъ налоговъ, обязательныхъ сборовъ и составляютъ общественный капиталъ. Самое распредѣленіе налоговъ между гражданами, по коренному требованію финансовой политики, должно основываться на имущественной состоятельности, чтобы тяжесть платежа налога была возможно равномѣрна для всѣхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, рас-

предѣленіе производимыхъ принудительными хозяйствами цѣнностей между гражданами не находится ни въ какомъ соотвѣтствіи съ размѣромъ платимыхъ каждымъ изъ нихъ налоговъ. Интересы цѣлаго, пополненіе пробѣловъ и недостатковъ частно-хозяйственной системы, распространеніе благъ культуры на всѣ классы общества, — таковы, по ученію реалистической школы, цѣли, долженствующія опредѣлять производительныя и распредѣлительныя функціи принудительно-общественныхъ хозяйствъ. Отсюда слѣдуетъ, что принудительныя общественныя хозяйства, выполняемыя центральными и мѣстными органами, по задачамъ дѣятельности, какъ ихъ понимаетъ реалистическая школа, представляютъ самое крайнее и самое гуманитарное проявленіе коммунистическаго принципа; ибо въ этихъ хозяйствахъ въ составленіи общественнаго капитала всѣ участвуютъ соразмѣрно имущественнымъ силамъ, а распредѣленіе опредѣляется потребностями.

По важнѣйшему вопросу экономической политики, а именно по вопросу о правильной комбинаціи трехъ системъ и особенно частно-хозяйственной и принудительно-общественной, реалистическая школа совершенно справедливо утверждаетъ, что никакая абсолютно-истинная «естественная» комбинація, которая имѣла бы всеобщую годность, невозможна, такъ какъ природа человѣка и государства, служащихъ причинными моментами для комбинаціи, представляетъ явленіе непрерывно измѣняющееся въ исторіи. Вмѣстѣ съ этими измѣненіями совершается постоянная перестановка въ кругѣ дѣйствій частной и общественной хозяйственныхъ системъ, равно какъ и внутри послѣдней между свободными и принудительными хозяйствами; далѣе, внутри принудительной системы: между центральными органами, провинціею, округомъ, общиною, между органами административными и органами самоуправленія; а всѣ эти перестановки влекутъ за собою измѣненія въ полѣ дѣятельности благотворительной системы. Такимъ образомъ, всякая комбинація этихъ трехъ системъ можетъ имѣть лишь временный характеръ, и истинная комбинація должна заключаться въ томъ, чтобы установить для даннаго народа и времени организацію народнаго хозяйства, при которой производилась бы возможно большая сумма хозяйственныхъ цѣнностей и имѣло бы мѣсто возможно равномѣрное распредѣленіе ихъ. Какой видъ должна принять организація народнаго хозяйства, чтобы осуществить возможно ближе указанныя общія цѣли, можетъ быть рѣшено лишь чрезъ подробное изслѣдованіе конкретныхъ фактовъ. Теорія же можетъ установить лишь самыя общія руководящія начала. Начала эти суть слѣдующія:

Общее правило гласитъ: государство должно принимать на себя тѣ дѣйствія къ удовлетворенію потребностей гражданъ, которыя не

могутъ выполняться ни частными, ни свободно-общественными хозяйствами, или были бы выполнены ими менѣе удовлетворительно, чѣмъ это можетъ сдѣлать государство.

Отсюда слѣдуетъ, что дѣйствія въ области права и защиты его должны быть переданы государству, ибо эта область требуетъ единства. Обсужденію подлежитъ здѣсь лишь вопросъ объ органахъ примѣненія права (центральные, административно-мѣстные, автономные).

Несравненно болѣе сложный, еще весьма мало разработанный вопросъ представляютъ дѣйствія, принадлежащія къ области осуществленія культуры и цѣлей благосостоянія; эти дѣйствія должны выполняться совмѣстною дѣятельностью различныхъ хозяйственныхъ системъ. Государство выступаетъ здѣсь при наличности слѣдующихъ условій: а) если общія потребности не удовлетворяются частно-хозяйственнымъ производствомъ или удовлетворяются имъ недостаточно (образованіе, средства сообщенія, кредитъ, страхованіе *); б) если частно-хозяйственное производство не гарантируетъ непрерывности въ удовлетвореніи потребности (почта, телеграфъ, пути сообщенія); в) если оно исключаетъ конкуренцію (шоссейныя и желѣзныя дороги и другіе виды промышленной исключительности) и, наконецъ, г) во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда передача производства принудительно-общественной системѣ не сопровождается возрастаніемъ издержекъ производства (напр.. акціонерныя хозяйства, не заключающія въ себѣ элементовъ бо́льшей производительности сравнительно съ принудительно-общественными хозяйствами). Выгоды такой передачи состоятъ, во-первыхъ, въ томъ, что доходы отъ предпріятій составятъ достояніе всего общества, во-вторыхъ, распредѣленіе можетъ быть устроено такимъ образомъ, что оно распространится и на бѣдные классы.

Расширеніе области принудительно-общественнаго хозяйства составляетъ первое отличіе экономической политики реалистической школы отъ школы свободной конкуренціи. Второе отличіе заключается въ требованіи регулированія государствомъ частно-хозяйственной системы, или, что то же, въ требованіи измѣненій юридическихъ отношеній частныхъ хозяйствъ между собою. А такъ

*) Удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей низшихъ классовъ — пищи, одежды, жилища и пр.—выполняется частною и добровольно-общественною системами также крайне плохо; но реалистическая школа, въ интересѣ бо́льшей производительности, считаетъ цѣлесообразнымъ, при настоящихъ условіяхъ, предоставить область производства матеріальныхъ предметовъ, почти всецѣло, частнымъ хозяйствамъ; но при этомъ она требуетъ широкаго регулированія и контроля ихъ государствомъ съ цѣлью возможнаго исправленія недостатковъ системы частныхъ хозяйствъ.

какъ юридическія нормы, опредѣляющія въ современныхъ европейскихъ государствахъ взаимныя сношенія частныхъ хозяйствъ, вытекаютъ изъ принципа неограниченной частной собственности, какъ изъ основного начала, то требованіе измѣненій экономико-юридическихъ отношеній сводится, главнымъ образомъ, къ требованію измѣненій въ современномъ институтѣ частной собственности. Вслѣдствіе этого реалистической школѣ пришлось пересмотрѣть институтъ частной собственности со всѣхъ сторонъ, а именно: въ отношеніи его историческаго развитія, существующихъ ученій о немъ, состоянія его въ современныхъ законодательствахъ и, наконецъ, въ отношеніи необходимыхъ, вызываемыхъ духомъ времени, реформъ въ немъ. Изложимъ вкратцѣ самую суть воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности *).

Принципы, изъ-за которыхъ идетъ борьба партій въ современномъ обществѣ, болѣе и болѣе подтверждаютъ слова Токвиля, что западноевропейскія націи неодолимо стремятся къ демократическому устройству. Демократическое устройство требуетъ устраненія всѣхъ общественныхъ учрежденій, порождающихъ неравенство между людьми. Неравенство должно сводиться лишь на природныя различія. Въ политической области демократическій принципъ, по мѣрѣ расширенія избирательныхъ правъ, осуществляется все полнѣе. Въ настоящее время главное вниманіе обращено на дѣло несравненно большей важности по своимъ результатамъ, — на реализацію этого принципа въ экономической области. Фундаментальная причина, обусловливающая характеръ всего общественнаго устройства, заключается въ порядкѣ собственности. Современный порядокъ собственности порождаетъ столь рѣзкое расчлененіе общества на классы, что даетъ право утверждать, что прежнія юридическія запрещенія перехода изъ низшаго сословія въ высшее замѣнились, вообще говоря, фактическими затрудненіями выбраться изъ неимущихъ или малоимущихъ классовъ въ классъ зажиточныхъ собственниковъ. Причемъ неимущій классъ въ Западной Европѣ (пролетаріатъ), опять-таки вслѣдствіе существующаго тамъ въ настоящее время порядка собственности, по-

*) См. Ad. Wagner. Lehrb. d. Polit. Oecon. Это сочиненіе содержитъ въ себѣ наиболѣе полную систематизацію воззрѣній реалистической школы на институтъ собственности.

Schäffle. Syst. d. menschlichen Wirtsch. und Bau u. Leben.

Lange. Ans. Mils's. u. Arbeiterfrage.

Rösler. Grundlehren d. Smit'schen Volkswirthschaftslehre.

Schmoller. Ueber einige Grundfragen d. Rechts u. d. Volkswirtschaft.

Samter. Gesellschaftliches u. Privat-Eigenthum.

Scheel. Die Theorie d. Socialen Frage

De Laveleye. De la propriété et de ses formes primitives.

стоянно возрастаетъ какъ абсолютно, такъ и относительно. Фактическая аристократичность существующаго порядка собственности, противорѣчащая современнымъ правовымъ идеямъ, требующимъ обоснованія собственности на трудѣ, и есть глубочайшая причина, почему требованія массъ измѣненія порядковъ собственности въ смыслѣ демократическомъ ни въ одной фазѣ исторіи не выступало такъ принципіально, ярко и сознательно, какъ въ исторіи современнаго рабочаго движенія въ Западной Европѣ. Уничтожить, остановить это движеніе невозможно; ибо античныя и средневѣковыя воззрѣнія о природномъ различіи людей на рабовъ и господъ, о дворянской и недворянской кости и крови унесены исторіею безвозвратно. «Бывшій рабъ, говоритъ Лавеле, сдѣлался нынѣ гражданиномъ и свободнымъ работникомъ; онъ признанъ политически равнымъ съ самыми богатыми. Онъ имѣетъ право голоса, входитъ въ парламентъ, можетъ требовать собственность; какъ же ему противиться, когда современныя философскія и религіозныя понятія вполнѣ его оправдываютъ? Насильственнымъ или мирнымъ путемъ совершатся измѣненія въ порядкахъ собственности—зависитъ отъ имущихъ классовъ. Непрестанный ходъ реформъ, требуемыхъ духомъ времени, есть единственное средство устранить волненія и революцію. Совершеніе имущими классами реформъ, содѣйствующихъ возвышенію матеріальнаго благосостоянія народа, безъ котораго невозможенъ прогрессъ въ умственной и нравственной сферахъ, является ихъ нравственною обязанностью тѣмъ болѣе, что среди этихъ классовъ господствуетъ убѣжденіе, что насильственный захватъ политической власти демосомъ грозитъ всѣмъ пріобрѣтеніямъ цивилизаціи. Уже въ виду одного этого опасенія нравственный долгъ обязываетъ имущіе классы поднять умственное и нравственное состояніе народа; а сдѣлать это невозможно безъ улучшенія его матеріальнаго положенія.

Мы не раздѣляемъ пессимистическаго взгляда, что Западная Европа не иначе дойдетъ до порядка, болѣе сообразнаго съ справедливостью и христіанствомъ, какъ черезъ цѣлый рядъ смутъ и неурядицъ, въ виду которыхъ можно бояться гибели многихъ цѣнныхъ плодовъ цивилизаціи. Такой взглядъ не вытекаетъ логически даже и тогда, если смотрѣть на борьбу общественныхъ классовъ за лучшее жизненное положеніе и на порождаемыя этою борьбою измѣненія въ соціальныхъ учрежденіяхъ, какъ на проявленіе одной лишь силы, чуждой всякаго нравственнаго элемента. Уже простой разсчетъ предупредить волненія и смуты часто заставляетъ господствующіе классы дѣлать уступки. Исторія Греціи и Рима, средневѣковая исторія Англіи и Италіи и новая исторія всѣхъ западно-европейскихъ государствъ

представляютъ тому много примѣровъ. Но далѣе, если и справедливо, что имущественные и политическіе порядки до сихъ поръ и были результатомъ борьбы за лучшее жизненное положеніе, тѣмъ не менѣе, для вѣрнаго пониманія жизни человѣчества важно не упускать изъ виду, какъ мы уже говорили выше, что они всегда обосновывались правовыми принципами, и слѣдовательно для сознанія они имѣли значеніе не силы, а права. Христіанскій принципъ равенства людей вступилъ въ борьбу съ правовымъ принципомъ древняго міра, раздѣлявшимъ людей на свободныхъ и рабовъ. Тотъ же христіанскій принципъ, сведенный на практическую почву, выразился въ идеѣ равенства правъ людей, идеѣ, такъ рѣшительно высказанной первою французскою революціею и получившей значеніе основного начала современной культуры. Теперь соціальная борьба идетъ не объ исходномъ принципѣ права, долженствующемъ опредѣлить характеръ общественныхъ учрежденій,—борьба идетъ о формахъ примѣненія общепризнаннаго правового принципа и о своевременности этихъ формъ. Осуществленіе равенства правъ людей путемъ учрежденій свободной конкуренціи оказалось иллюзіею. Въ наукѣ число представителей этого ученія постоянно уменьшается; въ парламентахъ либеральная партія съ каждымъ днемъ теряетъ свое значеніе. Повсюду усиливается соціалъ-демократическое движеніе, возбуждающее у всякаго образованнаго человѣка вопросъ о причинахъ его. Каталоги выходящихъ книгъ испещрены темами объ экономическихъ реформахъ: «Соціальный вопросъ» сталъ предметомъ серьезнаго обсужденія. Въ виду того общаго вниманія, которое обратили на себя въ наше время экономическіе диссонансы, можно ли сомнѣваться, что новая школа политической экономіи, указывающая съ цифрами въ рукахъ бѣдственные результаты современной свободно-конкуренціонной системы народнаго хозяйства и разъясняющая причины противорѣчія дѣйствительности съ правовыми идеями, окажетъ рѣшительное вліяніе на измѣненіе общественнаго мнѣнія имущихъ классовъ; тѣмъ болѣе, что намѣчаемые и непрестанно разработывающіеся ею проекты реформъ сдѣлались уже предметомъ серьезнаго обсужденія правительствъ.

Политическая экономія и философія права всегда признавали, что порядки собственности должны служить интересамъ цѣлаго, а не интересамъ отдѣльныхъ классовъ. Если основатель политической экономіи, Адамъ Смитъ, горячо защищалъ абсолютную частную собственность и расширеніе ея почти на всѣ предметы національнаго имущества, то только вслѣдствіе убѣжденія, что при такомъ порядкѣ собственности будетъ достигнута наибольшая производительность и наилучшее распредѣленіе. При современномъ состояніи знаній полити-

ческая экономія не можетъ раздѣлять убѣжденія Ад. Смита и потому, при изслѣдованіи порядковъ собственности, должна отвѣтить на вопросы:—а) необходима ли, при современномъ положеніи дѣлъ, частная собственность на орудія труда для достиженія наибольшей производительности народнаго хозяйства; б) если необходима, то на какія именно категоріи національнаго имущества и нематеріальныхъ цѣнностей (земля, промышленный капиталъ, литературная и артистическая собственность, собственность на открытія и пр.); и в) какой объемъ имущественныхъ правъ долженъ быть предоставленъ разнымъ видамъ собственности, чтобы сглаживать столкновенія между интересами собственниковъ и общественными интересами, всегда требующими ограниченнаго и соединеннаго съ обязанностями права собственности. Всѣ эти вопросы, вмѣстѣ взятые, и составляютъ вопросъ объ оправданіи существованія частной собственности и объ обоснованіи какъ объема ея дѣйствія, такъ и содержанія ея имущественныхъ правъ.

Что такое право собственности? Римское право опредѣляетъ его слѣдующимъ образомъ: «Dominium est jus utendi et abutendi re sua quatenus juris ratio patitur». Подъ вліяніемъ римскаго права, дефиниціи собственности въ современныхъ гражданскихъ кодексахъ близко подходятъ къ римскому: всѣ они опредѣляютъ собственность, какъ право пользоваться и распоряжаться предметомъ самымъ безусловнымъ образомъ съ тѣмъ только, чтобы не дѣлалось изъ него употребленія, воспрещеннаго законами. Итакъ, въ самомъ опредѣленіи права собственности заключается уже нѣкоторое ограниченіе его безусловности и основаніемъ ограниченію служитъ общественный интересъ. Далѣе, разсматривая отдѣльныя постановленія гражданскихъ кодексовъ относительно собственности, мы видимъ, что они такъ значительно ограничиваютъ ея безусловность, что опредѣленіе собственности, какъ безусловнаго вещнаго права, совершенно не соотвѣтствуетъ ея правамъ въ дѣйствительности. Такъ, во всѣхъ законодательствахъ, ради общественнаго интереса, признаны не только право государства на экспропріаціи частной собственности, но и гражданская экспропріація собственности, а также обязанность собственниковъ къ положительнымъ дѣйствіямъ въ пользу несобственниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, эти ограниченія у различныхъ народовъ, въ разное время и на различные объекты не одинаковы; почему и нельзя говорить о правѣ собственности, какъ о понятіи единомъ, опредѣленномъ. Напримѣръ, англійское право земельной собственности съ его маіоратомъ, мобилизованное французское, родовая собственность въ Россіи представляютъ различныя права собственности. Далѣе, объемъ права собственности на полевую землю одинъ, на лѣса другой,

на руды третій, на городскую собственность четвертый, на дороги и водяную поверхность пятый и т. д. Отсюда слѣдуетъ, что такое опредѣленіе собственности, которое указывало бы объемъ присущихъ ей вещныхъ правъ,—невозможно. Принадлежность вещи лицу есть единственный специфическій признакъ, отличающій собственность отъ другихъ вещныхъ правъ. А какими правами на вещь пользуется лицо, которому она принадлежитъ,—это опредѣляется законодательствомъ. По феодальному праву собственности, земля считалась принадлежащею сеньорамъ, тѣмъ не менѣе они не имѣли права отбирать у своихъ вассаловъ феодовъ, если послѣдніе исправно выполняли повинности; здѣсь право собственности низведено было на полученіе лишь одной ренты.

Совершенно другое пониманіе права собственности господствуетъ въ юриспруденціи *). Преклоненіе юристовъ предъ ученіями римскаго права, экономическія условія новѣйшей эпохи, создавшія для имущихъ классовъ интересъ въ установленіи возможно неограниченнаго права собственности, теоріи о «естественныхъ», прирожденныхъ» правахъ человѣка—всѣ эти обстоятельства породили ученіе о собственности какъ о «полной и исключительной» власти человѣка надъ вещью; такое неограниченное право собственности причислили къ числу естественныхъ правъ человѣка, которое, по этому самому, должно быть поставлено внѣ власти государства. Отсюда слова о «святости», «неприкосновенности» права собственности, слова—часто эксплуатируемыя ораторами и публицистами, хотя рѣдко съ пониманіемъ обстоятельствъ, ихъ вызвавшихъ, и смысла, съ которымъ они явились на свѣтъ. Но, при примѣненіи догмы абсолютной собственности къ дѣйствительности, юриспруденціи пришлось признать необходимость множества ограниченій ея, пришлось допустить даже государственную и гражданскую экспропріаціи и земскую давность. Оказалось, что осуществленіе неограниченной собственности практически невозможно. Такимъ образомъ, приложеніе права собственности въ дѣйствительности стало въ противорѣчіе съ конструкціей понятія собственности. Ограниченія собственности, которыя вынуждена была допустить юриспруденція, вызывались общественнымъ интересомъ. Эти ограниченія устанавливаются положительнымъ закономъ, и въ нихъ отражаются постоянно измѣняющіяся экономическія и политическія условія страны. Отсюда слѣдуетъ, что содержаніе права собственности опредѣляется не «естественнымъ» правомъ, какъ объ этомъ учить

*) О новомъ направленіи въ юриспруденціи, вступившемъ въ борьбу съ господствующими догмами гражданскаго права, см. статью г. Гамбарова: «Общественный интересъ въ гражданскомъ правѣ». «Юридическій Вѣстникъ», изд. Моск. Юрид. Общ.—май, іюнь, іюль, 1879 г.

господствующая въ юриспруденціи теорія, а постановленіями закона. Право собственности не есть нѣчто неподвижное; оно есть учрежденіе многообразное, которое подвергалось въ исторіи большимъ измѣненіямъ и, конечно, подвергнется еще бо́льшимъ.

Переходя къ оцѣнкѣ господствующихъ теорій собственности, мы прежде всего остановимся на понятіи о «неприкосновенности права собственности».

Идеи XVIII вѣка, породившія въ политической экономіи теорію Адама Смита, выразились въ юриспруденціи ученіемъ объ «естественномъ правѣ», объ естественныхъ, прирожденныхъ правахъ человѣка. Къ числу этихъ естественныхъ, а потому и «неприкосновенныхъ» правъ человѣка было отнесено и право собственности. Утверждалось, что никакая власть, хотя бы то было само государство, никакія обстоятельства, никакая необходимость не могутъ нарушить «естественныхъ правъ» индивидуума; что эти права явились ранѣе возникновенія государства; съ этими правами вошелъ человѣкъ въ міръ. Въ ученіи объ «естественномъ правѣ» индивидуализмъ дошелъ до своего крайняго развитія. Если и Смитовская школа народнаго хозяйства покоится на индивидуализмѣ, если и она требуетъ предоставленія всѣхъ экономическихъ отношеній свободной борьбѣ личныхъ интересовъ, тѣмъ не менѣе существуетъ весьма существенное различіе между обоснованіемъ индивидуализма, какое дѣлаетъ Смитовская школа, и обоснованіемъ его юридическою теоріею «естественнаго права».

Смитовская школа защищаетъ организацію народнаго хозяйства на принципѣ «свободной конкуренціи» потому, что такая организація ведетъ къ благу какъ цѣлаго, такъ и каждаго отдѣльнаго индивидуума. Индивидуализмъ возвеличивается Смитомъ до высшаго принципа въ народномъ хозяйствѣ лишь потому, что частные индивидуальные интересы отождествляются имъ съ интересами общества, съ интересами цѣлаго. Та же мысль лежитъ въ основаніи сочиненій всѣхъ представителей Смитовской школы. Всѣ они утверждаютъ, что при свободной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка, руководимой эгоизмомъ и конкуренціею, сами собою развиваются такіе способы веденія предпріятій и частныхъ хозяйствъ, при которыхъ имѣющіяся въ распоряженіи націи силы почвы, труда и капитала достигнутъ наибольшей производительности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, обмѣнъ продуктовъ человѣческаго труда, при невмѣшательствѣ государства, поведетъ къ нормальному, справедливому распредѣленію богатствъ; каждый факторъ производства получитъ при распредѣленіи его результатовъ такую долю, которая вполнѣ соотвѣтствуетъ степени его участія въ производствѣ.

Въ виду такого обоснованія индивидуализма само собою слѣдуетъ, что разъ доказаны вредныя соціальныя слѣдствія системы народнаго хозяйства, покоющейся на принципѣ свободной конкуренціи, падаетъ и экономическая теорія, выставившая на своемъ знамени требованіе неограниченной частной собственности.

Совсѣмъ иначе обосновываетъ индивидуализмъ юридическая теорія «естественнаго права». Здѣсь исходятъ изъ представленія о прирожденныхъ человѣку правахъ, которыя признаются «абсолютными», и нарушить которыя никто не въ правѣ, хотя бы это нарушеніе требовалось въ интересахъ цѣлаго, ради блага всѣхъ гражданъ государства. Здѣсь индивидуумъ съ его неприкосновенными правами противопоставляется всему міру. «Да торжествуетъ право», восклицаетъ Кантъ, «хотя бы въ силу этого погибъ весь міръ».

Не вдаваясь въ подробный разборъ ученія объ «естественномъ правѣ», отмѣтимъ самый существенный фактъ, недостаточно оцѣненный этимъ ученіемъ, а именно, что понятіе о естественныхъ правахъ человѣка чрезвычайно различно въ разныя эпохи, у разныхъ народовъ. Въ Россіи еще недавно не признавалась естественнымъ правомъ человѣка личная свобода, а въ Англіи уже много вѣковъ признается за такое право: быть обвиненнымъ и наказаннымъ не иначе какъ по суду. Многіе изъ естественныхъ правъ человѣка, объявленныхъ французскою конституціей 1789 года, были отмѣнены послѣдующими конституціями. Каждый народъ въ различное время имѣетъ разныя понятія о неотъемлемыхъ правахъ человѣка. Абсолютныхъ естественныхъ правъ не существуетъ вплоть до права на жизнь. Но въ каждое данное время существуютъ представленія о такихъ неотъемлемыхъ правахъ, нарушеніе коихъ было бы признано всѣми вопіющей несправедливостью. По весьма распространенному мнѣнію къ числу такихъ неприкосновенныхъ правъ относится и право собственности. Разсмотримъ это мнѣніе.

Чтобы можно было говорить о неприкосновенности какого-либо права, необходимо, разумѣется, чтобы это право поддавалось какому-либо точному опредѣленію. Между тѣмъ, мы видѣли, что опредѣленія права собственности, какъ единаго понятія, опредѣленія, приложимаго не только ко всѣмъ эпохамъ и народамъ, но хотя бы къ различнымъ объектамъ собственности у одного и того же народа и въ извѣстный моментъ времени,—такого опредѣленія не только не существуетъ, но и невозможно сдѣлать его.

Исторія свидѣтельствуетъ объ измѣненіяхъ громадной важности въ сферѣ объектовъ собственности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самое содержаніе права собственности на различные объекты всегда было и

остается до сихъ поръ неодинаковымъ, и эта неодинаковость, опять, въ свою очередь, различна у разныхъ народовъ. И причина этой многообразности права собственности заключается въ томъ, что институтъ собственности не есть явленіе, данное физической природой, явленіе само по себѣ опредѣленное, а есть учрежденіе соціальное, обусловливаемое въ своихъ проявленіяхъ, главнѣйшимъ образомъ, экономическими условіями каждаго даннаго народа. Измѣняются экономическія условія жизни народа—измѣняются и законы о собственности. Измѣненія въ законахъ о собственности бываютъ радикальны, знаменуютъ собою новую соціальную эпоху, когда какой-либо важный объектъ частной собственности исключается изъ предметовъ ея. Такія измѣненія были сдѣланы, напримѣръ, въ послѣднее время съ отмѣною феодальныхъ правъ собственности въ Западной Европѣ, замѣненныхъ гражданскимъ кодексомъ французской революціи; въ Россіи, съ отмѣною крѣпостного права, т.-е. исключеніемъ изъ объектовъ собственности труда и воли человѣка и, сверхъ того, надѣленіемъ крестьянъ поземельною собственностью изъ собственности ихъ прежнихъ господъ. Но такія коренныя измѣненія въ порядкахъ собственности, именно потому, что они знаменуютъ собою переворотъ во всемъ общественномъ строѣ, совершаются не часто. Что же касается частныхъ измѣненій въ порядкахъ собственности, ограничивающихъ право собственности, то они происходятъ, можно сказать, непрерывно. Недолго удержалась вѣра въ блага «свободной конкуренціи». Новѣйшій либеральный экономическій порядокъ Западной Европы, основанный на принципѣ неограниченной частной собственности на матеріальные предметы, не просуществовавъ столѣтія, потерялъ уже свой кредитъ въ наукѣ и начинаетъ терять его въ практикѣ. Англія, наиболѣе развившая свободу промышленности, первая вынуждена была выступить съ фабричнымъ законодательствомъ, ограничивающимъ права собственности промышленнаго капитала. За ней послѣдовали и всѣ прочія западно-европейскія государства. Теперь въ Англіи на очереди стоитъ аграрный вопросъ, имѣющій ограничить права поземельной собственности.

Но если право собственности не представляетъ собою нѣчто безусловное, само въ себѣ опредѣленное, а есть фактъ о т н о с и т е л ь н ы й, обусловливаемый временемъ и мѣстомъ, слѣдовательно, постоянно измѣняющійся, то какой же смыслъ имѣетъ выраженіе «неприкосновенность права собственности», такъ часто употребляемое, когда дѣло идетъ объ измѣненіяхъ въ законодательствѣ о собственности. На этотъ вопросъ нельзя дать другого отвѣта, какъ только что или сами употребляющіе это выраженіе не понимаютъ, что̀ говорятъ, или пользуются этимъ выраженіемъ, производящимъ всегда на массу впечатлѣніе, ради какихъ-либо практическихъ цѣлей.

Въ одномъ лишь смыслѣ можно понять мысль о неприкосновенности частной собственности, именно въ томъ смыслѣ, что право собственности не можетъ быть нарушено, въ цѣломъ или въ части, иначе, какъ съ вознагражденіемъ собственника за такое нарушеніе. Но дѣйствительная жизнь показываетъ намъ, что законодательствамъ всѣхъ европейскихъ государствъ приходится нарушать этотъ принципъ, и далѣе, что общественная жизнь представляетъ иногда такія условія, при которыхъ и законное правительство, и само общество вынуждены признать политическую необходимость нарушить этотъ принципъ.

Мы не станемъ уже говорить о такихъ очевидныхъ нарушеніяхъ принципа вознагражденія за теряемое право, какія имѣли мѣсто при безвозмездной отмѣнѣ французскимъ Національнымъ Собраніемъ многихъ имущественныхъ феодальныхъ правъ и при уничтоженіи рабства въ Соединенныхъ Штатахъ Америки въ послѣднюю гражданскую войну. Мы укажемъ на современное и постоянно расширяющееся, развивающееся во всѣхъ западно-европейскихъ государствахъ фабричное законодательство, гдѣ нарушеніе этого принципа не столь очевидно, хотя не менѣе дѣйствительно. Наканунѣ изданія фабричныхъ законовъ промышленный капиталъ пользовался полною свободою въ заключеніи условій найма рабочей силы и не несъ никакихъ спеціальныхъ обязанностей; право собственности на промышленный капиталъ было столь же неограниченное, какъ право собственности на предметы непосредственнаго потребленія. Изданіемъ фабричныхъ законовъ право собственности на промышленный капиталъ уменьшено, и уменьшено безъ вознагражденія. Собственники этихъ капиталовъ были ограничены въ правѣ пользованія ими; они лишились права функціонировать ими сообразно условіямъ рынка. Рынокъ позволяетъ нанять рабочаго на 14 часовъ ежедневнаго труда, а законъ воспретилъ нанимать болѣе какъ на 10 часовъ. Мало того, законъ ограничилъ права собственности на промышленный капиталъ и въ другомъ отношеніи: онъ наложилъ на эти капиталы новыя, спеціальныя обязанности. Собственникамъ промышленныхъ капиталовъ вмѣнено въ обязанность устраивать на свой счетъ при фабрикахъ и заводахъ школы и нанимать врача для рабочихъ. Когда въ англійскомъ парламентѣ впервые былъ поднятъ вопросъ объ изданіи фабричныхъ законовъ, буржуазная пресса возопила о «нарушеніи принципа неприкосновенности права собственности», и она была совершенно права съ точки зрѣнія господствующаго до нынѣ юридическаго положенія, что «никакое вещное право не можетъ быть нарушено безъ вознагражденія». Если бы какое-либо законодательство нашло полезнымъ и необходимымъ нормировать рабочую плату, обязать промышленниковъ допустить рабочихъ къ участію въ прибыли, то въ юридическомъ смыслѣ

это было бы ничуть не бо́льшее нарушеніе права собственности сравнительно съ нарушеніями, которые совершены изданными донынѣ фабричными законами.

Колоссальный примѣръ отмѣны права собственности на одни объекты совершенно безъ вознагражденія, на другіе—съ вознагражденіемъ, установленнымъ не на основаніи дѣйствующихъ законовъ, представляетъ наша крестьянская реформа. Право собственности на рабочую силу человѣка было отмѣнено вполнѣ безвозмездно, и этотъ объектъ собственности былъ выброшенъ изъ законодательства; экспропріація половины помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ была совершена не на основаніи дѣйствующихъ законовъ. И, между тѣмъ, правительство, литература, значительное число губернскихъ комитетовъ, большинство депутатовъ отъ комитетовъ вынуждены были признать безусловную политическую необходимость совершить такую радикальную операцію въ порядкахъ собственности, ибо элементы крестьянскаго вопроса были таковы, что разрѣшеніе его на почвѣ юридической во-очію грозило государству страшными опасностями и бѣдствіями.

Субъекты собственности вообще бываютъ лица физическія и юридическія, почему и собственность бываетъ частная и коллективная. Важнѣйшіе виды коллективной собственности суть: собственность государственная и общинная. Вопросы громадной важности: объ историческомъ развитіи у разныхъ народовъ объемовъ частной и коллективной собственности, содержанія первой, видовъ и цѣлей второй, о комбинаціи этихъ двухъ видовъ собственности въ современной дѣйствительности, установленіе руководящей теоріи этой комбинаціи въ примѣненіи къ условіямъ нашего времени,—всѣ эти вопросы только-что начинаютъ разработываться исторіею права, сравнительнымъ законодательствомъ и реалистическимъ направленіемъ въ политической экономіи. Предъ глазами экономистовъ была значительная государственная собственность и другіе различные виды коллективной собственности; но они, исходя изъ своего desideratum—устраненія вмѣшательства государства и всякихъ видовъ коллективной собственности,—разсматривали народное хозяйство лишь какъ систему частныхъ хозяйствъ; коллективная собственность не находила себѣ мѣста въ экономическихъ трактатахъ. Ученіе экономистовъ объ «абсолютномъ», «естественномъ» порядкѣ народнаго хозяйства, въ которомъ должна имѣть мѣсто только неограниченная частная собственность, шло рука-объ-руку съ новѣйшимъ экономическимъ законодательствомъ западноевропейскихъ государствъ, развивавшимъ возможно неограниченную частную собственность и включившимъ въ объекты ея почти всѣ

матеріальные предметы. Такимъ образомъ, современная, въ высокой степени неограниченная частная собственность есть понятіе и фактъ новѣйшей исторіи европейскаго общества: область дѣйствій ея расширялась по мѣрѣ побѣды принципа *обособленности* (не совсѣмъ точно названнаго *индивидуализмомъ*) надъ принципомъ *общественной солидарности*. И, въ то же время, теорія полагала, что проявленія «индивидуализма» въ *тѣхъ формахъ*, въ *какихъ онъ развился и дѣйствуетъ въ настоящее время*, ведутъ къ общественной солидарности. Факты опровергли иллюзіи теоріи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, реалистическая школа своими изслѣдованіями доказала, что порядки собственности вообще и частной собственности въ отдѣльности есть историческая, постоянно измѣняющаяся категорія, и что современный порядокъ собственности, какъ несоотвѣтствующій идеаламъ эпохи, постулатамъ экономической науки, не можетъ быть признанъ удовлетворительнымъ. Отсюда для реалистической школы логически вытекала необходимость новаго обоснованія частной собственности. Но такъ какъ обоснованіемъ собственности, кромѣ политической экономіи, занималась также философія права, то пришлось пересмотрѣть и ея доктрины по этому предмету.

Всѣ существующія теоріи объ *основаніи* права частной собственности можно классифицировать въ три группы. Къ первой относятся теоріи, основывающія институтъ собственности «*на человѣческой природѣ и понятіи о личности*». Ко второй—теоріи, выводящія право собственности изъ постулата справедливости. Сюда принадлежатъ: «теорія труда», основывающая собственность на «истекающемъ изъ чувства естественной справедливости правѣ работника на продукты своего труда», и «*теорія завладѣнія*», видящая внутреннее правовое основаніе собственности въ «естественномъ» притязаніи перваго владѣльца на вещи, которыя онъ прежде всѣхъ другихъ подчинилъ своей волѣ. Наконецъ, третью группу составляютъ «легальныя теоріи», разсматривающія собственность какъ институтъ положительнаго права и различающіяся между собою только тѣмъ, какъ онѣ представляютъ себѣ процессъ правообразованія собственности.

Прежде разсмотрѣнія этихъ теорій порознь, скажемъ объ основной ошибкѣ, общей теоріямъ первой и второй группъ. Теоріи эти понимаютъ собственность слишкомъ общо, безъ вниманія къ различнымъ объектамъ собственности: между тѣмъ, содержаніе права собственности на различные объекты было, остается и должно быть различно. Въ основаніи этого раздѣленія объектовъ собственности лежатъ два главнѣйшіе принципа. Первый состоитъ въ различеніи

предметовъ потребленія отъ средствъ производства. Этотъ важный принципъ раздѣленія оставлялся до сихъ поръ безъ вниманія какъ философіею права, юриспруденціею, такъ и политическою экономіею, за исключеніемъ соціалистическихъ писателей. Второй принципъ раздѣленія, существенный какъ въ юридическомъ, такъ и въ экономическомъ отношеніяхъ, заключается въ различеніи движимой и недвижимой собственности.

Внутри этихъ главныхъ раздѣленій должны дѣлаться дальнѣйшія различенія объектовъ собственности. Такъ, напримѣръ, въ поземельной собственности должно особенно разсматривать рудники, лѣса, дороги, водяныя пространства, полевыя угодья, усадебныя земли, парки и пр. Далѣе, рѣшеніе вопроса: должны ли тѣ или другіе предметы быть объектомъ частной собственности, въ какомъ размѣрѣ, какими правами на нихъ могутъ обладать собственники?—не можетъ быть установлено разъ навсегда и для всѣхъ странъ одинаково, но обусловливается временемъ и мѣстомъ. Развитіе, напримѣръ, машиннаго производства, фабрикъ и заводовъ вызываетъ въ законодательствѣ дальнѣйшія различенія въ собственности на капиталъ (англійское фабричное законодательство, напримѣръ, устанавливаетъ различныя спеціальныя опредѣленія для разныхъ отраслей промышленности. сообразно ихъ технической и экономической природѣ). Указавъ на существенную ошибку, общую первымъ двумъ группамъ теорій собственности, перейдемъ къ разсмотрѣнію ихъ порознь.

По теоріямъ, относящимся къ первой группѣ, собственность вытекаетъ изъ «природы личности, ибо она есть необходимое условіе свободы, умственнаго и нравственнаго развитія личности». Неопредѣленность, туманность этихъ теорій поразительна. Онѣ обходятъ молчаніемъ всѣ элементы, изъ коихъ слагается право собственности; а именно, онѣ не только не дѣлаютъ различія въ объектахъ собственности, но и не говорятъ ничего о способахъ ея пріобрѣтенія. Вотъ собственныя слова двухъ самыхъ извѣстныхъ представителей теоріи собственности, основанной на человѣческой природѣ. «Личное право человѣка по отношенію къ природѣ, говоритъ Фихте старшій, состоитъ въ обладаніи сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни. Слѣдовательно, эта физическая сфера должна быть гарантирована каждому, но подъ условіемъ, чтобы каждый также сообщалъ ей цѣнность своимъ трудомъ. Итакъ, всѣ должны работать и всѣ также должны имѣть чѣмъ работать». Но, очевидно, этому требованію естественнаго права, «чтобы каждый человѣкъ обладалъ сферою дѣйствія, достаточною для добыванія средствъ къ жизни», столь же хорошо можетъ удовлетворить владѣніе, какъ и

частная собственность. «Собственность, говоритъ профессоръ Аренсъ въ своемъ курсѣ естественнаго права, составляетъ для каждаго человѣка условіе его жизни и развитія. Она основана на самой природѣ человѣка и должна, слѣдовательно, разсматриваться какъ первоначальное и безусловное право, которое не составляетъ результата никакого внѣшняго дѣйствія въ родѣ завладѣнія, труда или договора. Такъ какъ право исходитъ непосредственно изъ человѣческой природы, то достаточно быть человѣкомъ, чтобы имѣть право на собственность». Изъ приведенныхъ выдержекъ видно, что оба эти писателя признаютъ естественнымъ правомъ человѣка собственность не только на предметы потребленія, но и на орудія производства. Изъ чего слѣдуетъ, во-первыхъ, что сдѣланное Фихте и Аренсомъ обоснованіе собственности не совпадаетъ съ современнымъ порядкомъ собственности, какъ нарушающимъ «естественное право» человѣка, ибо въ немъ громадное число людей не имѣетъ собственности на орудія производства, во-вторыхъ, частная собственность на орудія труда ими требуется какъ безусловно необходимое условіе физическаго и духовнаго развитія человѣка;—между тѣмъ, можно указать на существованіе физически, умственно и нравственно развитыхъ общинъ, не имѣющихъ частной собственности на орудія производства. Соціалисты, именно ради самостоятельности, свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія человѣка, ограничиваютъ частную собственность только предметами потребленія, а на орудія производства устанавливаютъ лишь право владѣнія. Въ-третьихъ, Фихте и Аренсъ совершенно упускаютъ изъ виду тѣсную зависимость порядковъ собственности отъ состоянія техники, что можетъ быть объяснено единственно полнымъ незнакомствомъ ихъ съ экономической наукой. Дѣло въ томъ, что частная собственность каждаго отдѣльнаго индивида на орудія труда допускаетъ лишь мелкія формы производства. Между тѣмъ, прогрессъ техники, выражающійся, главнымъ образомъ, въ замѣнѣ труда человѣка машиною, требуетъ все болѣе и болѣе производства въ крупныхъ размѣрахъ. Машины, уже обнявшія обработывающую промышленность, начинаютъ вводиться и въ земледѣліе; несомнѣнно, не долго ждать того времени, когда прогрессъ сельско-хозяйственной техники достигнетъ такого состоянія, что экономическіе мотивы будутъ требовать крупнаго сельскаго хазяйства. Осуществить же крупное производство, обнимающее какъ обработывающую, такъ и земледѣльческую промышленность, и, въ то же время, не дѣлать орудія производства собственностью незначительнаго меньшинства, возможно лишь при коллективной собственности на орудія труда, предоставляющей производителямъ только право владѣнія ими. Для осуществленія теоріи «естественнаго права» о собственности надлежало бы вернуться къ

патріархальнымъ мелкимъ формамъ промышленности, что, очевидно, невозможно да и не желательно *).

«Трудовая теорія» собственности, принятая по преимуществу экономистами, указываетъ и внутреннее основаніе собственности, и вытекающіе изъ этого основанія способы пріобрѣтенія ея. Основаніе собственности видитъ она «въ естественномъ правѣ каждаго человѣка на обладаніе результатами своего труда». Собственность на капиталъ основываетъ на моментѣ сбереженія продукта собственнаго труда; собственность на землю— на моментѣ вложенія собственнаго труда или капитала въ почву; и, наконецъ, изъ права обладанія результатами своего труда вытекаетъ, по ученію этой теоріи, право завѣщанія или посмертнаго дара. Трудовая теорія собственности заключаетъ въ себѣ лишь одно вѣрное положеніе, а именно: что современная идея о справедливомъ требуетъ обоснованія собственности и частныхъ доходовъ на трудѣ. Отсюда объясняется и происхожденіе самой теоріи. Но такое понятіе о справедливомъ распредѣленіи собственности не можетъ быть названо «естественнымъ», «прирожденнымъ», «абсолютнымъ». Древній міръ и средніе вѣка не знали его. Появленіе этого понятія сдѣлалось возможнымъ лишь съ признаніемъ равенства правъ людей. Да и современный порядокъ собственности не основывается на трудѣ. Если Бастіа, Тьеръ, а за ними и другіе экономисты защищали настоящіе порядки собственности въ силу принципа, что «каждый человѣкъ имѣетъ право на результаты своего труда», то это только показываетъ совершенное непониманіе ими природы современныхъ экономическихъ отношеній. Для осуществленія этого принципа надлежало бы перевернуть вверхъ дномъ весь современный порядокъ собственности. Наука теперь выяснила, что накопленіе капитала въ производствѣ происходитъ путемъ присвоенія чужого труда, что въ возвышеніи стоимости земельной собственности и получаемыхъ съ нея доходовъ играютъ значительную роль различные соціальные факты, въ коихъ земельные собственники ни мало не повинны (увеличеніе плотности населенія, проведеніе желѣзныхъ дорогъ, развитіе обрабатывающей промышленности и мн. др.). Это несоотвѣтствіе современныхъ поряд-

*) Лаведе, исходя изъ «естественнаго права», требующаго, чтобы каждый человѣкъ обладалъ собственностью на орудія производства, и видя въ современномъ квиритскомъ правѣ собственности отрицаніе естественнаго права, указываетъ на коллективную земельную собственность, какъ на идеалъ развитія, къ которому должно стремиться европейское общество, «иначе оно зайдетъ въ такой глухой уголъ, гдѣ цивилизація погибнетъ» (De la propriété et de ses formes primitives. Ch. XXVI).

Но при коллективной собственности отдѣльныя лица будутъ имѣть только право владѣнія. Лаведе смѣшалъ, въ данномъ случаѣ, собственность съ владѣніемъ.

ковъ собственности съ идеей о справедливомъ обоснованіи собственности и есть причина возникновенія соціалистическаго ученія и требованій реформъ въ собственности со стороны экономистовъ реалистической школы. Справедливо замѣчаетъ Лавеле: «если бы трудъ былъ источникомъ собственности, то какъ могло случиться, чтобы «институціи» и гражданскій кодексъ ничего о томъ не сказали».

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что порядокъ собственности, основанный на трудѣ, не есть исходный пунктъ развитія собственности, не представляется реализованнымъ въ настоящее время, а составляетъ идеальную цѣль, къ которой несомнѣнно приближается человѣчество. Слѣдовательно, «трудовая теорія» есть не фактъ, а проблема.

Римскіе юристы видѣли причину происхожденія собственности въ завладѣніи предметомъ, не имѣющимъ хозяина, и считали фактъ завладѣнія достаточнымъ основаніемъ для защиты собственности. Это воззрѣніе на происхожденіе собственности и правовое основаніе ея господствуетъ также въ современной юриспруденціи. Новѣйшія изслѣдованія по исторіи земельной собственности опровергаютъ «теорію завладѣнія». «Исторія доказываетъ, говоритъ Лавеле, что земля никогда не разсматривается людьми какъ res nullius. Территорія охоты у охотничьихъ народовъ, мѣсто сгона стадъ у народовъ пастушескихъ всегда считаются коллективною принадлежностью цѣлаго племени, и такое владѣніе продолжается даже послѣ того, когда путемъ воздѣлыванія земля сдѣлана плодородною. Повсюду, какъ въ древнія времена, такъ и теперь, земля объявлялась принадлежащею общинѣ или государству, и потому ни прежде, ни теперь не было мѣста «завладѣнію» res nullius. Завладѣніе служило въ первобытныя времена лишь источникомъ пріобрѣтенія движимыхъ вещей, но и тогда оно было ограничиваемо соображеніями, вытекающими изъ факта общественной жизни людей и изъ общихъ имъ всѣмъ потребностей въ вещахъ, подлежащихъ завладѣнію».

Но если бы даже «теорія завладѣнія» объясняла исторію происхожденія собственности правильно, то, и въ такомъ случаѣ, можно ли признать, что завладѣніе вещью есть достаточная причина для пріобрѣтенія надъ нею права собственности. Завладѣніе есть фактъ, зависящій отъ случая или силы. Въ немъ нѣтъ ни одного изъ тѣхъ элементовъ, съ которыми современныя идеи о справедливомъ связываютъ право на вещь. На захватѣ нельзя основать право. Мы заняли островъ. Спустя нѣкоторое время на этотъ же островъ выброшенъ человѣкъ, потерпѣвшій кораблекрушеніе. Для него не осталось предметовъ завладѣнія. Какія его права? Умереть съ голоду или сдѣлаться нашимъ рабомъ.

Воззрѣнія реалистической школы на институтъ собственности всего ближе къ «легальной теоріи», представителями которой служатъ Монтескье и Лабуле. По этой теоріи, право частной собственности не есть естественный фактъ, данный самою природою человѣка, а учрежденіе общественной власти, писаннаго или неписаннаго закона. И, въ самомъ дѣлѣ, объемъ, содержаніе и способы пріобрѣтенія частной собственности въ различныя эпохи и у разныхъ народовъ весьма различны, и основанія этихъ различій очень разнообразны.

Но законъ есть только внѣшній фактъ. Спрашивается, что вызвало законы о частной собственности, и въ чемъ лежатъ причины ихъ различій? Конечно, глубочайшимъ, первичнымъ основаніемъ происхожденія частной собственности и различныхъ ея порядковъ есть борьба частныхъ интересовъ, результатъ которой выражается въ законахъ. Самымъ главнымъ и общимъ фактомъ, вызвавшимъ разложеніе патріархальнаго общиннаго владѣнія и возникновеніе частной земельной собственности, было раздѣленіе общества на высшій и низшій классы, раздѣленіе, происшедшее частью изъ завоеваній, частью изъ родового начала *). «Господство общинныхъ формъ владѣнія, говоритъ проф. Ковалевскій («Общин. Землевлад.»), являясь препятствіемъ къ переходу земли изъ рукъ въ руки, нарушаетъ тѣмъ самымъ интересы какъ привилегированныхъ сословій и народныхъ вождей, такъ и ремесленно-торговаго населенія городовъ. Господство начала неотчуждаемости общинныхъ земель лишаетъ первыхъ фактической возможности неограниченнаго расширенія состоящихъ въ ихъ владѣніи помѣстій. Неосуществимость выгодъ отъ общиннаго пользованія иначе, какъ подъ условіемъ постояннаго пребыванія въ мѣстѣ нахожденія общинныхъ земель, являясь препятствіемъ къ переселеніямъ въ города, затрогиваетъ тѣмъ самымъ весьма существенно интересы ремесленно-торговаго населенія. Не удивительно поэтому, если привилегированныя сословія и ремесленно-торговое населеніе сходятся, въ концѣ концовъ, другъ съ другомъ въ одномъ стремленіи—поколебать общинное начало владѣнія землею, съ цѣлью сдѣлать тѣмъ самымъ возможной, съ одной стороны, дальнѣйшую дезапропріацію сельскаго населенія, а съ другой—свободу передвиженія послѣдняго въ промышленные и торговые центры». Господствующіе классы, владѣя законодательною властью, учреждали выгодные для себя порядки собственности, обосновывая ихъ какою-либо правовою идеей. Важнѣйшіе типы порядковъ частной собственности, различающихся между собою ви-

*) Богатый и тщательно обработанный матеріалъ о причинахъ разложенія общиннаго владѣнія представляетъ изслѣдованіе проф. Ковалевскаго—«Общинное землевладѣніе». 1879.

дами объектовъ, содержаніемъ, способами пріобрѣтенія и идеологическими обоснованіями права собственности, суть—рабство, крѣпостничество, ленныя отношенія, цеховой порядокъ и современное свободно-конкуренціонное хозяйство.

Какъ всякая соціальная теорія, такъ и теорія собственности имѣетъ задачею не только объяснить прошедшее и настоящее, но и указать идеалъ, то-есть, наилучшій ближайшій ходъ развитія. По общему сознанію, институтъ собственности долженъ стремиться къ осуществленію: справедливаго распредѣленія, свободы, къ созданію условій для физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія личности и для возможно большей производительности народнаго хозяйства. Высшее основаніе его есть общественный интересъ; изъ чего слѣдуетъ, что собственность есть институтъ не частнаго права, а соціально-юридическій институтъ. Реалистическая школа признаетъ, что увеличеніе матеріальнаго благосостоянія низшихъ классовъ составляетъ коренное условіе увеличенія ихъ свободы, физическаго, умственнаго и нравственнаго развитія. Въ то же время это увеличеніе совпадаетъ съ современнымъ понятіемъ о справедливомъ распредѣленіи, требующимъ, чтобы обоснованіе собственности на базисѣ труда становилось все болѣе общимъ и исключительнымъ. Такимъ образомъ, свобода, физическое, умственное и нравственное развитіе народа, съ одной стороны, и справедливое распредѣленіе собственности, съ другой, гармонируютъ между собою. Современная идея о справедливости въ распредѣленіи собственности встрѣчаетъ, по справедливому мнѣнію реалистической школы, коллизію лишь по отношенію къ одной важной цѣли института собственности, а именно—по отношенію къ задачѣ его создать имущественныя условія, при которыхъ достигалась бы наибольшая производительность народнаго хозяйства. Въ предшествующихъ главахъ было указано, что реалистическая школа считаетъ необходимымъ, по крайней мѣрѣ, при настоящихъ условіяхъ европейскихъ обществъ, сохранить, въ интересахъ высшей производительности, частную собственность на орудія производства, хотя въ размѣрахъ болѣе ограниченныхъ, нежели въ какихъ она существуетъ въ настоящее время. Между тѣмъ прибыль на капиталъ чужда трудовому принципу въ распредѣленіи; и, слѣдовательно, распредѣленіе продуктовъ и обоснованіе собственности на базисѣ труда не могутъ быть вполнѣ проведены въ частно-хозяйственной системѣ. Въ виду этого, реалистическая школа признаетъ необходимость компромиссовъ между принципомъ справедливаго распредѣленія и требованіемъ возможно бо́льшаго производства. Въ первомъ случаѣ осуществляется правовой элементъ, во второмъ—экономическій. «Но, замѣчаетъ Вагнеръ,

народно-хозяйственная проблема хорошаго распредѣленія народнаго дохода должна предшествовать промблемѣ возможно большаго производства цѣнностей; а между тѣмъ, въ теоріи, она не получила еще достаточнаго значенія. Изъ двухъ главныхъ проблемъ народнаго хозяйства она есть важнѣйшая... Изъ этихъ соображеній должны выводиться основанія для народно-хозяйственной оцѣнки юридическаго института частной собственности, особенно частной собственности на капиталъ и землю» *).

Въ точки зрѣнія этихъ двухъ главныхъ задачъ народнаго хозяйства должно быть устанавливаемо: а) объекты, на которые можетъ простираться право собственности; б) содержаніе вещныхъ правъ, входящихъ въ право собственности; в) способы пріобрѣтенія собственности. Организація собственности въ примѣненіи къ существующимъ условіямъ дѣйствительности составляетъ одну изъ важнѣйшихъ задачъ экономической политики реалистической школы. Но школа эта не пришла еще къ единству воззрѣній даже на счетъ самыхъ крупныхъ вопросовъ собственности. Такъ, напримѣръ, одни изъ представителей ея: Ланге, Замтеръ, Лавеле, полагаютъ, что общественный интересъ требуетъ исключенія земли изъ объектовъ частной собственности, другіе считаютъ это несвоевременнымъ. Обѣщанный берлинскимъ профессоромъ Вагнеромъ объемистый 5-титомный учебникъ политической экономіи представитъ первую попытку подробнаго изложенія организаціи народнаго хозяйства по принципамъ реалистической школы.

Но, рядомъ съ пестротою въ воззрѣніяхъ экономистовъ реалистической школы на счетъ цѣлесообразности тѣхъ или другихъ соціально-экономическихъ реформъ, существуетъ обширная область мѣръ, вытекающихъ изъ принциповъ экономической политики реалистической школы, современность и настоятельность которыхъ признается всѣми представителями ея. Съ цѣлью «соціальнаго просвѣщенія общественнаго мнѣнія, указанія законодательству пути ближайшей соціальной реформы» былъ учрежденъ въ октябрѣ 1872 года, въ Эйзенахѣ, «Verein für Socialpolitic», дѣйствующій по настоящее время. Учредителями союза были, главнымъ образомъ, профессора нѣмецкихъ университетовъ. Въ настоящее время членами союза состоятъ также адвокаты, журналисты, чиновники, техники, фабриканты, промышленники. Союзъ получилъ важное значеніе органа общественной мысли о ближайшихъ задачахъ реформы законодательства. Полагаемъ умѣстнымъ привести существенныя мѣста изъ рѣчи профессора Шмоллера, произнесенной при открытіи союза, въ коей высказаны принципы, руководящіе работами союза.

---

*) Lehrb. d. Nation. Oecon. § 108. S. 139 1876

«Глубокій раздоръ, проникнувшій въ наши общественныя состоянія, раздѣлившій предпринимателей отъ работниковъ, имущіе классы отъ неимущихъ, и который грозитъ соціальною революціею, возбудилъ сомнѣніе въ томъ: дѣйствительно ли господствующія на рынкѣ народно-хозяйственныя доктрины Манчестерской школы политической экономіи, представителемъ которыхъ служитъ народно-хозяйственный конгрессъ, должны вѣчно сохранить свое господство; наступило ли съ введеніемъ промышленной свободы, съ устраненіемъ всѣхъ устарѣлыхъ средневѣковыхъ законовъ, улучшеніе въ хозяйственномъ положеніи народа, которое съ такимъ жаромъ было предсказываемо Манчестерскою школою.

«Народно-хозяйственный конгрессъ не разъ высказывался противъ всѣхъ плановъ реформъ, которые не соотвѣтствовали его односторонниимъ доктринерскимъ принципамъ. Нѣтъ никакого рабочаго вопроса, утверждалъ онъ; то, что называютъ этимъ именемъ, есть только заблужденіе или демагогическое предстрекательство. Рабочій классъ имѣетъ теперь все, въ чемъ онъ нуждается; кто не идетъ впередъ,— виноватъ самъ въ томъ. Даже къ ассоціаціямъ отдѣльные члены конгресса относились недружелюбно; участіе работниковъ въ прибыли осуждалось ими какъ вмѣшательство въ предпринимательскій доходъ; на промышленные союзы нападали они потому, что чуяли въ нихъ новыя цеховыя идеи, и потому, что, вообще, ненавидѣли всякую корпоративную организацію; возражали противъ фабричнаго законодательства, учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, не находя для нихъ оправданія въ нашихъ нѣмецкихъ промышленныхъ отношеніяхъ. Третейскіе промышленные суды и учрежденія для соединенія рабочихъ и капиталистовъ (Einigungsaemter) народно-хозяйственный конгрессъ приравнялъ къ инквизиціоннымъ судамъ. Все это имѣло такой видъ, какъ-будто партія, которая когда-то требовала, во имя человѣческихъ правъ, освобожденія непривилегированныхъ классовъ отъ жестокихъ тяжестей, теперь выступаетъ защитницею односторонниихъ классныхъ интересовъ предпринимателей; какъ-будто прикрываясь знаменемъ народной свободы, она желаетъ теперь доставить свободу эксплуатаціи большимъ предпринимателямъ, капитало-владѣльцамъ, высшимъ общественнымъ классамъ.

«Направленіе, противоположное этому, не могло ничего ожидать отъ своего правительства на народно-хозяйственномъ конгрессѣ; вмѣсто того, чтобы вливать новое вино въ старые мѣхи, оно сочло болѣе цѣлесообразнымъ выступить самостоятельно и создать однородное собраніе, практическую организацію для воззрѣній, давно уже пустившихъ корни въ различныхъ политическихъ и хозяйственныхъ кружкахъ. Такимъ путемъ оно надѣялось дѣйствовать болѣе сильно на

общественное мнѣніе и законодательство. Такъ явился планъ сегодняшняго собранія.

«Мы не скрываемъ отъ себя трудности достигнуть соединенія всѣхъ тѣхъ, которые извѣстны какъ противники такъ называемой манчестерской партіи; трудность коренится въ томъ, что они принадлежатъ къ различнымъ политическимъ партіямъ.

«Профессора и ученые этого направленія, которымъ ихъ противники дали прозвище «соціалистовъ на каѳедрѣ», хотя и принадлежатъ всѣ къ среднимъ политическимъ партіямъ, но, въ сущности, они вліяютъ своими экономическими взглядами не на эти партіи, опирающіяся на предпринимательское сословіе, и которыя, въ своемъ отношеніи къ борьбѣ этого сословія съ рабочими, не могутъ совершенно освободиться отъ своей связи съ предпринимательскимъ сословіемъ. Созывавшіе настоящее собраніе ясно понимали, что они должны искать поддержку какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ консервативномъ лагеряхъ.—что имъ слѣдовало пригласить къ общему совѣту всѣхъ своихъ экономическихъ единомышленниковъ, не взирая на политическій оттѣнокъ партіи, къ которой принадлежатъ послѣдніе. Поэтому они намѣренно пригласили умѣренныхъ соціалистовъ и членовъ партіи центра.

«Такой характеръ собранія устраняетъ дебаты о принципахъ. Надо сейчасъ же перейти in mediam rem, къ самымъ важнымъ проектамъ реформъ, каковы, напримѣръ, стачки рабочихъ, промышленные союзы, фабричное законодательство, жилищный вопросъ, съ тѣмъ, чтобы добиться въ нихъ практическихъ результатовъ. Если это удастся, то имѣется въ виду повтореніе собранія по болѣе широкой программѣ.

«Если мы, вслѣдствіе указаннаго характера собранія, и выступаемъ предъ собраніемъ безъ общей программы, то я долженъ сказать въ заключеніе моей рѣчи, что большинство тѣхъ, кто созывалъ собраніе и подписывалъ приглашенія—люди, читающіе въ нѣмецкихъ университетахъ политическую экономію, исторію права и руководящіе статистическими бюро,—стоятъ на почвѣ единодушнаго принципіальнаго убѣжденія и сдѣлали этотъ шагъ въ силу этого убѣжденія.

«Они смотрятъ одинаково на государство, которое, по ихъ взглядамъ, должно также далеко стоять отъ возвеличенія индивидуума по принципамъ естественнаго права, а слѣдовательно и отъ защиты его произвола, какъ и отъ абсолютной теоріи всепоглощающей государственной власти. Помѣщая государство въ общее теченіе историческаго прогресса, они признаютъ, что его задачи должны быть, смотря по условіямъ культуры, то шире, то уже. Но никогда не считаютъ они государство, подобно естественному праву и Манчестерской школѣ, необходимымъ зломъ, которое нужно ограничивать. Для нихъ госу-

дарство есть всегда величественное нравственное учрежденіе для воспитанія человѣческаго рода. Истинно-преданные конституціонной системѣ, они, однако, не хотятъ перемежающагося сословнаго господства различныхъ экономическихъ классовъ, борющихся между собою. Они хотятъ сильной государственной власти, стоящей выше эгоистическихъ сословныхъ интересовъ, которая издавала бы законы, вела честно администрацію, поддерживала бы слабыхъ, поднимала низшіе классы. Они видятъ въ двухсотлѣтней борьбѣ, какую побѣдоносно ведутъ прусское чиновничество и прусское королевство за правовое равенство, за устраненіе всѣхъ привилегій и преимуществъ высшихъ классовъ, за эмансипацію и поднятіе низшихъ классовъ,—лучшее наслѣдіе нашего нѣмецкаго государственнаго строя, которому мы должны пребыть вѣрны.

«При обсужденіи нашего экономическаго состоянія, они вовсе не отрицаютъ блестящихъ, неслыханныхъ успѣховъ нашего времени въ техникѣ и производствѣ, въ торговлѣ и развитіи сношеній, но они заявляютъ также открыто о глубокихъ общественныхъ язвахъ, о возрастающемъ неравенствѣ доходовъ и имуществъ, о ложномъ промышленномъ движеніи, о недостаткѣ солидности въ отдѣльныхъ классахъ торговаго міра, о грубости и необузданности, возрастающихъ въ извѣстной части низшихъ классовъ, какъ слѣдствіе общихъ причинъ. Главную причину всего этого видятъ они въ томъ обстоятельствѣ, что, въ послѣднее время, во всѣхъ успѣхахъ раздѣленія труда, во всѣхъ нововведеніяхъ производства, въ промышленныхъ учрежденіяхъ, въ договорахъ между капиталомъ и трудомъ, равно какъ и въ законодательствѣ по этимъ предметамъ, всегда спрашивали только о томъ:—годымется ли отъ этого въ данную минуту производство, и вовсе не ставили другого столь же важнаго вопроса: какое дѣйствіе они будутъ имѣть на людей? доставятъ ли эти новыя организаціи достаточную поддержку для образованія нравственныхъ факторовъ, безъ которыхъ общество не можетъ существовать? воспитываютъ ли онѣ достаточно юные элементы? дѣйствуютъ ли онѣ и среди взрослыхъ на прилежаніе, бережливость, честность, семейную жизнь, такъ, чтобы и въ этомъ видѣлись успѣхи рядомъ съ хозяйственными? Они убѣждены въ томъ, что недосмотръ такой психологической связи между формами организаціи народнаго хозяйства и общимъ нравственнымъ состояніемъ націи есть корень зла и что реформы должны исходить изъ признанія этой связи.

«Ихъ сужденіе о рабочемъ вопросѣ основывается на этихъ взглядахъ. Они признаютъ, что рабочіе въ настоящее время немного лучше одѣваются и ѣдятъ, что, можетъ-быть, теперь не столько тысячъ погибаютъ медленною, голодною смертью, какъ въ прошлыхъ

столѣтіяхъ; но для нихъ это небольшое утѣшеніе. Они спрашиваютъ прежде всего: показываютъ ли условія, въ какихъ живетъ теперь большинство рабочихъ, какой-либо нравственный и экономическій прогрессъ, и должны это отрицать, по крайней мѣрѣ, для большинства настоящихъ рабочихъ. Вмѣсто того, они видятъ, что рабочіе представляютъ собою все болѣе рѣзкій контрастъ съ имущими и образованными классами, и, притомъ, уже не въ одномъ экономическомъ положеніи; образовалась страшная пропасть между міровоззрѣніемъ, образованіемъ, взглядами и идеалами имущихъ и неимущихъ классовъ, и эта пропасть опаснѣе экономической. Они вспоминаютъ изъ исторіи, что вся высшая культура грековъ, римлянъ и другихъ народовъ погибла отъ подобныхъ же противоположностей въ соціальной борьбѣ классовъ, вслѣдствіе неспособности найти примиреніе между высшимъ и низшимъ классами. Такъ точно, хотя и въ отдаленіи, они видятъ такую же опасность и для нашей культуры, если не удастся настолько поднять, образовать и примирить низшіе классы на почвѣ нашего правового равенства, общей школы, военной повинности, а также и дальнѣйшихъ реформъ, стоящихъ на очереди, чтобы эти классы слились въ гармоніи и мирѣ съ организмомъ общества и государства.

«Нашъ общественный идеалъ не есть нивелированіе въ соціалистическомъ смыслѣ; мы считаемъ то общество самымъ нормальнымъ и здоровымъ, которое представляетъ собою лѣстницу различныхъ существованій, но съ легкими переходами отъ одной ступени къ другой. Между тѣмъ, нашему теперешнему обществу угрожаетъ болѣе и болѣе уподобиться лѣстницѣ, въ которой сверху и снизу много ступенекъ, а среднія ступени прогрессивно исчезаютъ.

— «Недовольные существующими соціальными отношеніями, реформа въ которыхъ представляется неотразимою необходимостью... мы выступаемъ за справедливое, твердо-проведенное фабричное законодательство; мы требуемъ, чтобы свобода труда была дѣйствительною свободою, а не вела, какъ теперь, къ эксплуатаціи рабочаго; мы требуемъ дѣйствительной, а не формальной свободы рабочихъ, при заключеніи рабочаго договора, даже если-бы рабочій заявилъ такія притязанія, которыя имѣли бы нѣкоторую аналогію со старымъ цеховымъ бытомъ; мы требуемъ, чтобы свобода промышленности повсюду контролировалась путемъ гласности, и тамъ, гдѣ въ послѣдней чувствуется недостатокъ, изслѣдованіе производило бы государство и публиковало результаты. Съ этой точки зрѣнія, мы требуемъ учрежденія фабричныхъ инспекторовъ, контрольныхъ учрежденій надъ банками и страховыми обществами; съ этой точки зрѣнія, мы, главнымъ образомъ, требуемъ учрежденія комиссій для обслѣдованія соціальнаг

вопроса. Мы не требуемъ, чтобы государство давало низшимъ классамъ деньги для сомнительныхъ экспериментовъ; но требуемъ, чтобы оно заботилось совершенно иначе, чѣмъ до сихъ поръ, объ ихъ образованіи и воспитаніи, чтобы оно заботилось о томъ, не живетъ ли рабочій классъ въ такихъ условіяхъ работы и жилищъ, которыя необходимо ведутъ къ еще большему пониженію его физическаго, умственнаго и нравственнаго состоянія.

— «Мы признаемъ, что слишкомъ большое неравенство въ имуществахъ и распредѣленіи доходовъ, что слишкомъ рѣзкая сословная борьба должна со временемъ уничтожить и всѣ свободныя политическія учрежденія и привести насъ къ абсолютному правительству. Уже по одному этому мы вѣримъ, что государство не можетъ равнодушно смотрѣть на подобное общественное развитіе.

— «Мы требуемъ отъ государства, какъ и отъ всего общества, и отъ каждаго человѣка, желающаго работать надъ задачами эпохи, чтобы они руководились высокимъ идеаломъ. И этотъ идеалъ не можетъ и не долженъ быть никакимъ другимъ кромѣ пріобщенія все большей и большей части нашего народа къ высшимъ благамъ культуры:—къ образованію и достатку. Такова должна быть великая, въ лучшемъ смыслѣ слова, демократическая задача нашего развитія, являющаяся намъ и какъ высшая цѣль исторіи человѣчества.

— «Но, довольно. Мы вѣдь не хотимъ говорить сегодня о крупныхъ принципіальныхъ вопросахъ, а желаемъ только разсмотрѣть отдѣльные вопросы практической задачи. Но намъ казалось умѣстнымъ, прежде чѣмъ перейти къ дебатамъ, изложить честно и открыто основную точку зрѣнія тѣхъ, кто содѣйствовалъ, главнымъ образомъ, нашему собранію» *).

Рефераты членовъ союза, дебаты, результаты голосованій печатаются въ «Schriften des Vereins für Socialpolitik». Бо́льшая часть соціально-экономическихъ законопроектовъ, принятыхъ союзомъ, можетъ быть удобно примѣнена къ условіямъ нашей жизни. Изданіе «Schrift. d. Ver. f. Socialpolitik» въ русскомъ переводѣ составило бы цѣнный вкладъ въ нашу экономическую литературу. Оно оказало бы значительное вліяніе на образованіе и усовершенствованіе правильныхъ экономическихъ понятій въ обществѣ и прессѣ.

---

*) Verhandlungen der Eisenacher Versammlung am 6 und 7 Octob. 1872

ГЛАВА V.

Значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу.

Въ 1890 году свершилось событіе большой важности,—событіе, которымъ, быть-можетъ, послѣдующіе историки будутъ отмѣчать новую эру соціальнаго строя. Мы говоримъ о берлинской конференціи по рабочему вопросу, нанесшей жестокій ударъ системѣ свободной конкуренціи.

Берлинская конференція явилась результатомъ жизненныхъ теченій XIX вѣка; ближайшимъ же образомъ—развитія оппозиціонной Смитовской школѣ литературы и усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ.

Идеи оппозиціонной системѣ свободной конкуренціи литературы находили себѣ обширную аудиторію. Аудиторія эта состояла изъ разнообразныхъ общественныхъ группъ; но самой многочисленной и наиболѣе жадно прислушивающейся группой былъ рабочій классъ. Рабочій классъ, взятый въ цѣломъ, не читаетъ ученыхъ книгъ въ подлинникѣ; но къ его услугамъ являются народныя изданія и народныя газеты, популяризующія научныя идеи. Понятно громадное значеніе народной прессы, распространяющей образованіе среди низшихъ классовъ, разъясняющей имъ причины ихъ неудовлетворительнаго экономическаго положенія и указывающей въ то же время пути къ улучшенію своей участи.

Народная политическая пресса, пресса, популяризующая науку, является могучимъ факторомъ современной дѣйствительности, котораго не знала исторія вплоть до XIX вѣка. Эта пресса сильнѣйшимъ образомъ ускоряетъ возрастаніе въ общественныхъ отношеніяхъ равенства и гуманности. Она продолжаетъ то движеніе, которое было девизомъ первой французской революціи. Революція эта была, главнымъ образомъ, дѣломъ обогатившагося и просвѣтившагося третьяго сословія. Сословіе это, какъ мы говорили уже выше, исполнило важную роль въ исторіи развитія человѣчества. Въ борьбѣ за улучшеніе своего соціальнаго положенія ему пришлось выставить противъ привилегій земельной аристократіи идею свободы и равенства правъ людей. Но

общественные порядки, посредствомъ которыхъ думали осуществить эту идею, оказались во многомъ не достигающими цѣли. Свобода конкуренціи, возвѣщенная французской революціей, оказалась лишь свободою для сильныхъ; вмѣсто осуществленія равенства правъ, она стала важнѣйшимъ источникомъ фактическихъ привилегій. Между тѣмъ, идеи свободы и равенства крѣпко засѣли въ сознаніи современнаго общества; изъ нихъ исходитъ устройство новѣйшаго либеральнаго государства; проведеніе ихъ въ жизнь составляетъ существенный интересъ четвертаго сословія.

Одна изъ задачъ народной прессы заключается въ распространеніи просвѣщенія въ рабочихъ классахъ. Другая ея задача состоитъ въ указаніи имъ путей къ улучшенію своего соціальнаго положенія. И вотъ, въ числѣ этихъ путей, какъ самый важный, наиболѣе цѣлесообразный, указывается:—организація рабочихъ въ союзы: союзы по промысламъ, союзы національные и, наконецъ, международный союзъ рабочихъ.

Каково значеніе этихъ союзовъ въ настоящее время и чего слѣдуетъ ожидать отъ нихъ въ будущемъ?—Отвѣчая на этотъ вопросъ, умѣстно будетъ привести мнѣніе по этому предмету энергичнаго и талантливаго изслѣдователя рабочихъ союзовъ профессора Брентано.

Политическіе и экономическіе перевороты прошлаго и нынѣшняго столѣтій, говоритъ Брентано, совершенно преобразовали соціальный строй. Исходными принципами современнаго государственнаго устройства признаны свобода и равенство передъ закономъ. Трудъ, сдѣлавшійся свободнымъ, обратился въ товаръ, подлежащій продажѣ-покупкѣ. Смито-рикардовская школа полагала, что, при такомъ положеніи труда, работники могутъ достигнуть участія въ благахъ культуры, лишь бы только размноженіе ихъ не обгоняло роста національнаго капитала. Опытъ XIX столѣтія показалъ ложность этого воззрѣнія. Возрастаніе національнаго богатства въ Англіи, Франціи, Германіи обгоняетъ ростъ населенія и имѣетъ результатомъ, что культура становится достояніемъ лишь достаточныхъ классовъ, увеличивается имущественная пропасть между работодателями и рабочими, развивается антагонизмъ между ними, общественному порядку грозятъ опасности, на сцену является соціальный вопросъ. Экономисты различно объясняли источникъ соціальнаго вопроса. Соціалистическіе писатели видятъ его въ основномъ началѣ современной экономической организаціи: въ приравненіи труда къ товару. Но разрѣшеніе соціальнаго вопроса, говоритъ Брентано, можетъ и должно совершиться при сохраненіи за трудомъ положенія товара. Надо только поставить трудъ-товаръ въ такія условія, чтобы онъ не былъ вынужденъ подчиняться всѣмъ условіямъ рынка, какъ бы неблагопріятны они ни были для него.

Главнѣйшимъ средствомъ къ такому положенію труда является организація рабочихъ въ союзы. Безсиленъ единичный рабочій; но сплоченные въ союзы рабочіе могутъ противостать капиталу и устранить неблагопріятныя для нихъ условія рынка.

Этотъ путь къ выходу изъ современной общественной неурядицы не есть только теоретическая мысль; онъ указанъ самой жизнью. Рабочіе союзы возникли и развиваются во всѣхъ промышленныхъ государствахъ Западной Европы; но раньше и наибольшаго значенія они достигли въ Англіи, какъ странѣ, развившей прежде другихъ крупную промышленность и создавшей тѣмъ самымъ наибольшій процентъ населенія, извлекающаго средства существованія изъ продажи рабочей силы.

Изслѣдовавъ происхожденіе, характеръ и экономическое значеніе англійскихъ рабочихъ союзовъ (trades-unions), Брентано видитъ въ нихъ ту организацію труда, которая, достигнувъ своего полнаго развитія, поставитъ трудъ въ положеніе установителя условій рабочаго договора и, такимъ образомъ, разрѣшитъ задачу нашего времени о равномѣрномъ участіи въ благахъ культуры всѣхъ общественныхъ классовъ.

Воззрѣнія Брентано на грядущія отношенія между трудомъ и капиталомъ наводятъ на вопросъ:—если рабочій классъ, путемъ сплоченія, поставитъ въ будущемъ трудъ въ положеніе установителя всѣхъ условій рабочаго договора и, благодаря этому, возвыситъ существенно заработную плату, то не сдѣлается ли доля капитала столь ничтожной, что совершится имущественное и обусловливаемое имъ прочее гражданское уравненіе общественныхъ классовъ въ такой степени, что предвидимый Брентано порядокъ вещей представитъ совершенно отличный отъ настоящаго соціальный строй? И далѣе:—если рабочіе пріобрѣтутъ прямое воздѣйствіе на самое направленіе производства и его размѣры, какъ это полагаетъ Брентано, то какой же останется raison d'être къ сохраненію формы капиталистическаго производства, характеризующейся существованіемъ наемнаго труда?

Въ своихъ работахъ Брентано изслѣдуетъ, главнымъ образомъ, экономическую роль рабочихъ союзовъ. Но эти союзы имѣютъ также важное политическое значеніе. Эту сторону союзовъ особенно ярко выдвигалъ Лассаль, какъ въ своихъ брошюрахъ, рѣчахъ, такъ и въ практической дѣятельности. Только достигнувъ господствующаго вліянія на законодательство, училъ Лассаль, рабочій классъ будетъ въ состояніи осуществить крупныя соціальныя преобразованія. При наличности же общаго избирательнаго права, эта цѣль лучше всего достигается образованіемъ «Національнаго Рабочаго Союза». Такой союзъ будетъ дружно вотировать за выставленныхъ его центральнымъ бюро кандидатовъ въ парламентъ; по мѣрѣ умноженія членовъ союза, число

представителей народа въ законодательномъ собраніи будетъ возрастать; въ результатѣ, представители народа составятъ большинство и проведутъ тогда соціальныя реформы въ интересахъ труда.

Для Германіи выступленіе Лассаля на общественную дѣятельность, отъ 1862 по 1864 годъ, знаменуетъ время, когда стремленія рабочаго класса въ этой странѣ, до сихъ поръ неопредѣленно выражавшіяся и разрозненныя, получили твердую точку опоры и единство въ дѣйствіяхъ. Съ этого момента образуется народная партія, которая представляетъ интересы рабочаго класса. Дѣятельность Лассаля служитъ прекраснымъ примѣромъ той роли, которая принадлежитъ въ исторіи геніальнымъ дѣятелямъ. Конечно, не Лассаль создалъ рабочее движеніе въ Германіи,—всѣ элементы его уже были готовы въ современныхъ условіяхъ жизни,— но онъ далъ толчокъ къ соединенію этихъ элементовъ и тѣмъ ускорилъ историческій ходъ событій.

Политическому значенію рабочихъ союзовъ радуются не одни радикалы, но всякій, кто понимаетъ смыслъ соціальныхъ явленій и сочувствуетъ увеличенію благодѣтствія и правды въ общественныхъ отношеніяхъ. Вотъ, напримѣръ, что́ говоритъ о политическомъ значеніи этихъ союзовъ вліятельный членъ нынѣшней консервативной партіи въ Германіи, берлинскій профессоръ Ад. Вагнеръ: «Соціалъ-демократическое движеніе рабочихъ,—читаемъ въ его Учебникѣ политической экономіи,—насколько оно имѣетъ цѣлью увеличеніе политической власти рабочаго класса для вліянія на ходъ законодательства въ своихъ интересахъ, имѣетъ не только полный raison d'être, но безъ усиленія политическаго значенія рабочихъ классовъ послѣдніе никогда не измѣнили бы своего положенія. Насколько же въ соціалъ-демократическомъ движеніи распространена мысль о немедленномъ и полномъ уничтоженіи частнаго капитала, настолько это движеніе безразсудно и опасно какъ для общихъ интересовъ, такъ и для интересовъ рабочихъ классовъ».

Организаціонное движеніе рабочихъ составляетъ одно изъ важнѣйшихъ явленій современности. На всемъ западѣ Европы и въ Америкѣ рабочій классъ сплачивается въ союзы и на пріобрѣтеніе имъ политической силы смотритъ какъ на радикальнѣйшее средство для улучшенія своей участи и все бо́льшаго пріобщенія къ благамъ культуры. Въ то же время, рабочіе, образовавшіе союзы, начинаютъ уже извлекать изъ нихъ экономическую пользу тѣмъ, что продаютъ свой товаръ, рабочую силу, не индивидуально, а совмѣстно, на общихъ условіяхъ, чѣмъ ослабляютъ разрушительное вліяніе на нихъ закона спроса и предложенія труда. Въ настоящее время рабочіе союзы достигли значительнаго развитія въ Соединенныхъ Штатахъ Англіи и Германіи и оказали уже вліяніе какъ на законодательство, такъ и на

повышеніе заработной платы, сокращеніе величины рабочаго дня и другія условія рабочаго контракта. Но, разумѣется, совершенно измѣнится отношеніе силъ между трудомъ и капиталомъ, а также и политическое значеніе рабочаго класса, когда союзы обнимутъ бо́льшую часть рабочаго населенія.

Какіе поистинѣ изумительные успѣхи дѣлаетъ организаціонное движеніе рабочихъ, о томъ свидѣтельствуютъ выборы въ рейхстагъ. Вотъ, напримѣръ, цифры, сообщенныя Frankfurter Zeitung, сопоставившей голоса, поданные за соціалъ-демократовъ въ двадцати шести большихъ городахъ въ 1890 г. и на двѣнадцать лѣтъ раньше: въ трехъ округахъ Гамбурга въ 1878 году насчитывалось около 20,000 соціалъ-демократовъ-избирателей, въ 1890 г. — 67,000; въ Мюнхенѣ за 12 лѣтъ произошло увеличеніе съ 5,000 до 25,000; во Франкфуртѣ-на-Майнѣ—съ 4,080 до 12,653; въ Штутгартѣ—съ 4,130 до 10,370; въ Галле—съ 1,046 до 12,390; въ Кенигсбергѣ—съ 1,100 до 12,300 и т. д. Во всѣхъ двадцати-шести большихъ городахъ въ 1878 г. за соціалъ-демократовъ подано было 214,000 голосовъ, а въ 1890 г.—506,000. Спустя еще тринадцать лѣтъ, въ 1903 г., за соціалъ-демократовъ подано въ Германіи болѣе трехъ милліоновъ голосовъ. Вотъ знаменательныя цифры, обнародованныя въ берлинскомъ офиціальномъ органѣ «Reichsanzeiger» относительно выборовъ въ германскій рейхстагъ въ 1903 году. «Всѣхъ избирателей насчитывалось 12.490,660. Число поданныхъ голосовъ было 9.495,952. Изъ этого числа голосовъ за соціалъ-демократовъ было подано 3.025,103 (болѣе 30 процентовъ), за депутатовъ центра 1.858,707 (20 процентовъ), за національ-либераловъ 1.243,393 (около 13 процентовъ), за консерваторовъ 909,714 (около 10 процентовъ), за свободомыслящихъ 532,505 (около 6 процентовъ), за поляковъ 340,480 (около $2^1/_2$ процентовъ); за депутатовъ имперской партіи около 2 проц. и за остальныхъ менѣе двухъ. Самое меньшее число голосовъ получила германская народная партія. По мѣстностямъ выборы показали, что въ Баденѣ, Гессенѣ, Ольденбургѣ, Эльзасѣ-Лотарингіи и въ ганзейскихъ городахъ не было подано ни одного голоса въ пользу консервативныхъ партій».

Что же касается столицы Германіи, Берлина, то здѣсь, какъ въ 1890 г., такъ и въ 1903 году, изъ шести избирательныхъ округовъ, только въ первомъ округѣ, гдѣ живетъ наиболѣе фешенебельное населеніе, выбранъ не соціалъ-демократическій кандидатъ. Въ остальныхъ же округахъ соціалъ-демократы избраны или громаднымъ перевѣсомъ голосовъ, или имъ предстояла перебаллотировка съ кандидатами другихъ партій. При этомъ соперниками имъ являлись политическія звѣзды первой величины.

Въ виду этихъ фактовъ, не избирательнымъ маневромъ только представляется слѣдующее воззваніе консервативной партіи къ своимъ избирателямъ уже на выборахъ въ рейхстагъ 1890 г.:—«Граждане! Сила соціалъ-демократовъ растетъ, сторонники ихъ прибываютъ, исполните же и вы свой долгъ. Отъ васъ зависитъ еще, чтобы враги наши не побѣдили, спѣшите къ избирательнымъ урнамъ». Послѣ же объявленія результата выборовъ, консервативный кандидатъ Ирмеръ произнесъ на собраніи рѣчь, въ которой призналъ, что его партія разбита. «Это наша Іена»,—сказалъ онъ. А соціалъ-демократы шумно ликовали по поводу одержанной ими побѣды.

Указанныя нами движенія: развитіе и распространеніе оппозиціонной системѣ свободной конкуренціи литературы, съ одной стороны, сплоченіе рабочихъ, увеличеніе числа и силы ихъ союзовъ, съ другой, имѣли результатомъ, что *соціальный вопросъ* сталъ злобою дня, онъ выдвинулся на авансцену общественной и политической жизни Западной Европы, онъ признанъ вопросомъ первостепенной государственной важности. Государственные люди стали приходить къ сознанію настоятельной необходимости разстаться съ принципомъ невмѣшательства и вторгнуться въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго. Государство, его экономическая и политическая организація, есть всегда выраженіе силъ, дѣйствующихъ въ обществѣ, выраженіе господствующихъ въ данное время интересовъ и стремленій. Оно, по выраженію Маркса, всегда служитъ повивальною бабкой старому обществу, которое бываетъ беременно новымъ.

Вышедшая въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ книга Потингера: Aktenstücke zur Wirthschaftspolitik des Fürsten Bismark—обнаруживаетъ очень интересный историческій фактъ въ области соціальной политики: оказывается, что еще въ 1871 году между Германіей и Австріей происходили переговоры по поводу рабочаго вопроса и что уже въ то время воззрѣнія бывшаго германскаго канцлера на этотъ счетъ мало чѣмъ отличались отъ тѣхъ мыслей, которыя выражалъ германскій императоръ во время берлинской конференціи. Лѣтомъ 1871 года князь Бисмаркъ имѣлъ свиданіе въ Гаштейнѣ съ гр. Бейстомъ, тогда министромъ-президентомъ Австріи. Между прочимъ, бесѣда зашла и о рабочемъ движеніи; къ обоюдному удовольствію обоихъ государственныхъ людей, мнѣнія ихъ оказались очень сходными. Какъ Бейстъ, такъ и Бисмаркъ считали вопросъ этотъ чрезвычайно серьезнымъ, требующимъ вмѣшательства государства въ двухъ направленіяхъ: во-первыхъ, съ цѣлью удовлетворенія справедливыхъ требованій рабочаго, государство должно вмѣшаться въ экономическія отношенія при помощи рабочаго законодательства; во-

вторыхъ, для подавленія опасныхъ для государства попытокъ, необходимы особые уголовные законы, насколько они совмѣстимы съ здравою общественною жизнью. Графъ Бейстъ предложилъ канцлеру составить комиссію изъ представителей обоихъ государствъ, людей науки и практики, для обсужденія намѣченныхъ вопросовъ; нѣсколько времени спустя, имъ же послана была въ Берлинъ записка о соціальномъ вопросѣ въ Австріи.

Въ то время министромъ торговли въ Пруссіи былъ графъ Итценплицъ, и обсужденіе вопросовъ рабочаго законодательства относилось къ его вѣдомству. Къ нему канцлеръ и обратился съ приглашеніемъ собрать необходимый матеріалъ и составить инструкціи для проектированной комиссіи. Князь Бисмаркъ совѣтовалъ министру торговли поручить подготовительную работу кружку изъ лицъ, хорошо освѣдомленныхъ о положеніи рабочихъ въ различныхъ мѣстностяхъ государства. Сюда должны были войти землевладѣльцы, живущіе въ своихъ помѣстьяхъ, фабриканты, политико-экономы различныхъ направленій и интеллигентные рабочіе.

Тогдашній прусскій министръ торговли, несмотря на все обаяніе, которое ему внушалъ канцлеръ, счелъ, однако, такое предложеніе крайне опаснымъ. «Я боюсь—отвѣтилъ онъ кн. Бисмарку—возбудить сужденія, исхода которыхъ мы не можемъ предвидѣть. Правительство можетъ очутиться въ тяжелой необходимости подавлять идеи, громкое выраженіе которыхъ оно само же вызвало». Отвѣтъ канцлера на эти замѣчанія находится въ письмѣ къ графу Итценплицу, отъ 5 ноября 1871 года. Вотъ главныя мѣста этого интереснаго историческаго документа:

«...Опасенія, высказываемыя вашимъ высокопревосходительствомъ, кажутся мнѣ основанными на недоразумѣніи. Новая соціалистическая доктрина, въ особенности насколько она находится въ связи съ дѣятельностью интернаціонала, ничего не хочетъ знать о современномъ государствѣ, ни объ его національномъ, ни объ его принципіальномъ значеніи. Эта доктрина абсолютно отвергаетъ содѣйствіе существующихъ правительствъ и ставитъ во главѣ своей программы превращеніе нынѣшнихъ государствъ въ единое соціалистическое народное государство. Вмѣшательство правительства въ соціалистическое движеніе, вслѣдствіе этого, не имѣетъ ничего общаго съ побѣдой соціалистической доктрины. Наоборотъ, активная дѣятельность государственной власти кажется мнѣ единственнымъ средствомъ, способнымъ остановить соціально-революціонное движеніе и направить его на законные пути. Нужно реализовать все то, что дѣйствительно справедливо въ соціалистическихъ требованіяхъ и что осуществимо въ предѣлахъ нынѣшняго государственнаго и общественнаго порядка...

Соціалистическія требованія и постулаты такъ глубоко уже проникли въ массы, что было бы безцѣльно и вредно игнорировать это ученіе или пытаться замолчать его; опасность отъ этого не прекратится. Я считаю нашимъ долгомъ и актомъ разумной политики громко и публично обсуждать требованія рабочихъ для того, чтобы вводимыя въ заблужденіе массы слышали не только голосъ агитатора, но и мнѣнія всѣхъ добросовѣстныхъ людей, и могли составить себѣ изъ противоположныхъ сужденій ясное заключеніе о томъ, что въ ихъ требованіяхъ справедливо, что возможно и что неисполнимо. Само собою разумѣется, что при такомъ сужденіи вниманіе, главнымъ образомъ, будетъ обращено на жгучія темы дѣйствительности: на вопросы о заработной платѣ, рабочемъ времени, жилищахъ, примирительныхъ камерахъ и т. д.». Въ заключеніе своего письма кн. Бисмаркъ прямо требуетъ, по соображеніямъ политическимъ, чтобы желаніе его было исполнено и чтобы конференція съ австрійскими представителями состоялась.

Не менѣе мудрая мысль высказана Бисмаркомъ въ одномъ изъ первыхъ засѣданій рейхстага 1884 года. Отвѣчая на рѣчь соціалиста Бебеля, отмѣтившаго побѣду своей партіи на выборахъ, канцлеръ сказалъ:

«Соціалъ-демократія, въ нынѣшнемъ ея видѣ, есть симптомъ общественнаго неустройства, ея существованіе является напоминаніемъ для современнаго государства, что не все въ порядкѣ, что многое должно быть измѣнено и улучшено. Въ этомъ смыслѣ оппозиція, какъ вполнѣ вѣрно выразился предыдущій ораторъ, дѣйствительно полезна для страны. Еслибъ не было соціалъ-демократовъ и еслибъ не было толпы, которая ихъ боится, мы не имѣли бы и тѣхъ скромныхъ результатовъ въ области соціальной реформы, которые достигнуты за послѣдніе годы (Бебель: «Совершенно вѣрно!»). Страхъ передъ соціалъ-демократіей—очень полезный элементъ, когда имѣешь дѣло съ людьми, не отзывающимися сердцемъ на нужды своихъ бѣдныхъ согражданъ».

Сходное съ этимъ сказалъ также министръ Берленшъ при открытіи берлинской конференціи по рабочему вопросу: «По мнѣнію императора,—читаемъ въ рѣчи президента конференціи,—рабочій вопросъ требуетъ вниманія всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Искать разрѣшенія этого вопроса обязываетъ насъ не только гуманность, но и государственная мудрость, задача которой—попеченіе о благѣ всѣхъ гражданъ, съ сохраненіемъ, притомъ, безцѣнныхъ благъ многовѣковой цивилизаціи. Въ виду этой задачи, всѣ европейскія государства находятся въ одинаковомъ или въ сходномъ положеніи. Уже эта однородность ихъ положенія оправдываетъ попытку достигнуть между пра-

вительствами соглашенія, съ цѣлью сообща оказать противодѣйствіе общей опасности посредствомъ предупредительныхъ мѣръ».

Такую же настоятельную необходимость въ соціальной реформѣ видѣлъ и другой крупный государственный человѣкъ Германіи, бывшій вождь партіи центра — Виндгорстъ. «Мы всегда стояли—заявляетъ Виндгорстъ—за соціальную реформу, и наша партія будетъ со всею своею силой содѣйствовать предпринятому императоромъ дѣлу. Одна нація не можетъ исключительно своими усиліями достигнуть замѣтнаго улучшенія въ положеніи рабочихъ, и потому созваніе конференціи доставитъ вѣчную славу императору. Идея соціальной реформы вошла въ жизнь и уже не умретъ; неудержимо она будетъ принимать все большее и большее развитіе. Соціальная реформа является важнѣйшимъ вопросомъ съ конца XIX столѣтія, подобно тому, какъ въ концѣ XVIII вѣка на первомъ планѣ стоялъ вопросъ о политическихъ правахъ. Императоръ несетъ знамя, мы слѣдуемъ за нимъ».

Особые уголовные законы для подавленія опасныхъ для государства попытокъ, о которыхъ говорилъ князь Бисмаркъ въ своихъ сношеніяхъ съ Бейстомъ, были впослѣдствіи созданы въ видѣ исключительнаго закона противъ соціалъ-демократіи. Политическіе процессы, ссылки, запрещенія газетъ, обществъ, митинговъ (на основаніи этого закона) стали въ восьмидесятыхъ годахъ обычнымъ явленіемъ внутренней жизни Германіи. И что же въ результатѣ?—ростъ соціалъ-демократическаго движенія превзошелъ самыя крайнія опасенія, самыя смѣлыя ожиданія. Не такимъ, значитъ, путемъ надо бороться съ соціалъ-демократіей. Противъ исключительныхъ законовъ высказалась даже ультра-консервативная газета Kreuz-Zeitung. Указы императора,—читаемъ въ статьѣ, озаглавленной Соціалъ-демократія и исключительный законъ,—исходятъ изъ той мысли, что многія изъ требованій четвертаго сословія вполнѣ справедливы и заслуживаютъ поддержки государства. Исключительный законъ основанъ совершенно на иномъ принципѣ: онъ признаетъ въ соціалъ-демократіи «революціонную бестію», которую слѣдуетъ подавить силой. Одно съ другимъ несовмѣстимо не только въ идеѣ, но и въ дѣйствительности, какъ это доказала двѣнадцатилѣтняя практика. Если бы правительство внесло теперь новый проектъ противъ соціалъ-демократіи, оно достигло бы только того, что благопріятное впечатлѣніе, произведенное въ народѣ указами императора, исчезло бы и замѣнилось прежнимъ чувствомъ недовѣрія къ нынѣшнему государству. Пора освоиться съ мыслью, что путь принужденія и подавленія долженъ быть оставленъ».

Нельзя не порадоваться распространенію мысли, что общественный переворотъ, которымъ угрожаетъ соціалъ-демократія въ случаѣ

пренебреженія ея требованіями, можетъ быть предотвращенъ не репрессивными мѣрами, а удовлетвореніемъ, шагъ за шагомъ, справедливыхъ и возможныхъ требованій рабочаго класса. Такая политика поведетъ за собою уменьшеніе антагонизма между рабочими и имущими классами и ростъ сознанія, что идеальное государство будущаго можетъ и должно быть построено не на развалинахъ нынѣшняго государства, а путемъ постепенной и широкой реформы существующаго общественнаго строя.

Что и вожди соціалъ-демократіи не считаютъ насильственный переворотъ непремѣннымъ условіемъ осуществленія ихъ идеаловъ,— объ этомъ прямо заявилъ Бебель въ многочисленномъ собраніи соціалъ-демократовъ въ Франкфуртѣ, 13 февраля 1890 года. «Нерѣдко приходится слышать,—сказалъ онъ,—будто соціалъ-демократія — партія насильственнаго переворота; наши противники, утверждающіе это, ссылались даже на одну мою брошюру: «Unsere Zukunft». Мѣста, которыя приведены изъ этой моей работы, вырваны изъ общей связи и даютъ совершенно ложное показаніе о моихъ взглядахъ. Я никогда не говорилъ, что осуществленіе нашихъ идеаловъ связано съ насильственною экспропріаціей, а, наоборотъ, утверждалъ, что форма, способъ разрѣшенія соціальнаго вопроса зависитъ прежде всего отъ благоразумія буржуазныхъ партій. Обстоятельства мѣняются, и было бы безумiемъ предписывать теперь опредѣленную форму общественнаго пересозданія. Господа, полгода тому назадъ никто бы изъ васъ не повѣрилъ, что найдется германскій императоръ, который включитъ въ свою программу постановленія парижскаго конгресса рабочихъ!..»

Безспорно, берлинская конференція оказала не малую услугу дѣлу распространенія сознанія, что соціальная реформа есть важнѣйшая задача нашего времени. Германское правительство своимъ вмѣшательствомъ въ борьбу партій превратило политическую агитацію во всенародное обсужденіе вопросовъ соціальнаго устройства. Препирательства объ отношеніи государства къ церкви, о торговой политикѣ и многіе другіе пункты обычныхъ избирательныхъ программъ играли на послѣднихъ выборахъ въ рейхстагъ второстепенную роль. На всеобщее голосованіе поставленъ былъ вопросъ о правахъ рабочаго населенія, и правительство, устами императора, ясно высказало свои воззрѣнія на этотъ предметъ.

«Бываютъ событія,—говорилъ профессоръ Вагнеръ передъ консервативными избирателями перваго берлинскаго округа, — которыя вызываютъ гражданина изъ уединенія и заставляютъ его броситься въ борьбу; такимъ событіемъ для меня было обнародованіе указовъ нашего императора. Эта превосходная программа является достой-

нымъ продолженіемъ посланія императора Вильгельма I отъ 1881 г., впервые высказавшаго обязанности государства предъ рабочими. Съ моей христіанско-соціальной точки зрѣнія я не могу не видѣть въ указахъ императора осуществленія своихъ идеаловъ; на многіе годы, можетъ-быть, даже на десятилѣтія, намъ начертана государственная дѣятельность, *отодвигающая всѣ другія задачи политической жизни*. Разумѣется, въ немногихъ словахъ нельзя было исчерпать всѣхъ ближайшихъ мѣръ къ удовлетворенію справедливыхъ требованій народа, но главныя черты намѣчены превосходно. Идея рабочаго представительства, какъ только она будетъ вполнѣ осуществлена, предоставитъ рабочимъ возможность ставить свои условія капиталу; на это они и до сихъ поръ имѣли право по закону, но не находили силъ для осуществленія своего права. Мнѣ казалось бы, что для нынѣшнихъ выборовъ кардинальнымъ пунктомъ всякой выборной программы долженъ быть рабочій вопросъ. Каждому кандидату, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, прежде всего слѣдуетъ поставить вопросъ: какъ онъ относится къ указамъ императора? Всѣ остальные пункты ничтожны сравнительно съ этимъ основнымъ вопросомъ».

По окончаніи выборовъ въ рейхстагъ, газета Grenzboten напечатала статью, выражавшую мысль о скоромъ преобразованіи германскихъ партій въ томъ смыслѣ, что главнымъ основаніемъ для группировки послужитъ отношеніе ихъ къ соціальнымъ вопросамъ. Статья обратила на себя вниманіе и сдѣлалась предметомъ живого обсужденія прессы. При этомъ даже оппоненты, какъ, напримѣръ, Vossische Zeitung и National Zeitung, соглашались, что соціальные вопросы несомнѣнно пріобрѣтаютъ все бо́льшее значеніе въ дѣятельности отдѣльныхъ партій и что современемъ соціальная политика будетъ служить отличительнымъ признакомъ политическихъ партій.

Сходство общихъ условій экономическаго порядка въ европейскихъ государствахъ и Соединенныхъ Штатахъ Америки имѣетъ результатомъ, что отъ Стокгольма до Неаполя и отъ Берлина до Чикаго соціальные вопросы стали предметомъ живѣйшаго обсужденія, предметомъ страховъ и упованій въ литературѣ, парламентахъ, общественныхъ собраніяхъ и среди государственныхъ людей. Выступаетъ въ этомъ дѣлѣ и церковь. Римскія газеты, еще наканунѣ берлинской конференціи, сообщали о намѣреніи папы опубликовать энциклику по соціальному вопросу. Въ ожиданіи ея, въ католической прессѣ много и съ сочувствіемъ говорили о недавно вышедшей въ

Америкѣ книгѣ кардинала Джиббонса: Наше христіанское наслѣдіе. Книга эта предназначена была служить руководствомъ для католиковъ. Кардиналъ Джиббонсъ принадлежалъ къ числу тѣхъ прелатовъ, которые наиболѣе дѣятельно склонялись къ внесенію соціалистическаго направленія въ политику папскаго престола.

Другой кардиналъ, глава англійскихъ католиковъ, Маннингъ, писалъ по поводу берлинской конференціи редактору Deutsche Revue: «Милостивый государь! вы желаете знать, что я думаю о предложеніи, съ которымъ германскій императоръ обратился къ европейскимъ державамъ въ цѣляхъ созванія конференціи для обсужденія вопроса о положеніи труда тѣхъ милліоновъ людей, которые въ различныхъ странахъ живутъ исключительно своимъ трудомъ. Я считаю этотъ актъ германскаго императора однимъ изъ наиболѣе разумныхъ и наиболѣе почтенныхъ актовъ, какіе возникали въ наше время по иниціативѣ правителя. Тяжелое положеніе, въ какомъ находятся рабочіе во всѣхъ европейскихъ странахъ, вызываетъ сильныя опасенія. Продолжительность рабочаго времени, привлеченіе къ фабричному труду женщинъ и дѣтей, недостаточность заработной платы, неувѣренность и неопредѣленность, которыя окружаютъ рабочихъ, горячая конкуренція, создаваемая современными экономическими условіями, разложеніе всего строя домашней жизни, являющееся въ результатѣ дѣйствія указанныхъ и имъ подобныхъ причинъ, — все это ставитъ рабочихъ въ невозможность жить человѣческою жизнью. Какимъ образомъ человѣкъ, вынужденный работать въ теченіе пятнадцати или шестнадцати часовъ въ день, можетъ выполнять обязанности отца по отношенію къ своимъ дѣтямъ? Какимъ образомъ женщина, которой приходится быть внѣ дома въ теченіе цѣлаго дня, можетъ выполнять свои материнскія обязанности? Семейная жизнь невозможна, а между тѣмъ, именно на семейной жизни народа покоится въ значительной степени весь политическій строй человѣческаго общества. Если основа рушится, что станется съ самымъ зданіемъ? Въ виду всего этого нельзя не признать, что императоръ Вильгельмъ показалъ себя истиннымъ и дальновиднымъ государственнымъ мужемъ. Примите и проч. Генри Э. кардиналъ Маннингъ, архіепископъ вестминстерскій».

Въ концѣ 1899 года среди протестантскаго духовенства Пруссіи возникла мысль объ устройствѣ съѣзда для обсужденія вопросовъ соціальной политики. Въ маѣ конгрессъ состоялся. По сообщенію газетъ, онъ отличался необыкновеннымъ многолюдствомъ. Главнымъ предметомъ сужденій конгресса было законодательство въ защиту труда. Между прочимъ конгрессъ высказался за ограниченіе рабочаго дня для взрослыхъ десятью часами. «Послѣднее требованіе,—говорилъ на конгрессѣ Ад. Вагнеръ, — принимаетъ уже совер-

менно практическій характеръ, и уже нашелся прусскій министръ г. Берлепшъ, который не говоритъ о нормальномъ рабочемъ днѣ какъ объ утопіи; точно также мы въ этомъ пунктѣ не слишкомъ далеки отъ соціалъ-демократовъ, потому что тѣ изъ нихъ, которые сидятъ въ рейхстагѣ, отлично понимаютъ, что при настоящихъ условіяхъ можетъ быть рѣчь не о восьми, а о десятичасовомъ днѣ. Я не думаю,—продолжалъ ораторъ,—чтобы интересы капитала пострадали отъ такого нововведенія, хотя надо сознаться, что требованія культуры не могутъ быть осуществлены безъ жертвъ со стороны имущихъ». Становясь на ту же точку зрѣнія, Штекеръ призывалъ пасторовъ къ распространенію идеи соціальнаго законодательства. Конгрессъ коснулся также вопроса о жилищахъ рабочихъ. Одинъ изъ референтовъ этого вопроса, извѣстный устроитель колоніи рабочихъ, д-ръ Бодельшвингъ, указавъ на тѣсную связь между квартирными условіями и состояніемъ физическаго и нравственнаго развитія народа, заключаетъ, что дальнѣйшій ростъ промышленности, вызвавшій переселеніе массъ въ большіе города, можетъ повести къ самымъ пагубнымъ послѣдствіямъ, если государство, городскія управленія и союзы не позаботятся своевременно о созданіи лучшаго типа квартиръ для рабочихъ. Въ числѣ мѣръ, предложенныхъ референтомъ, заслуживаетъ вниманія требованіе, по которому разрѣшеніе на открытіе новой фабрики можетъ быть дано только по представленіи предпринимателемъ доказательствъ, что онъ позаботился объ устройствѣ удовлетворительныхъ жилищъ для рабочихъ.

Весьма импозантнымъ свидѣтельствомъ того, въ какой степени соціальный вопросъ занимаетъ въ наше время умы общества, служитъ изумительный успѣхъ соціальнаго романа Looking backward 2000—1887, написанный американскимъ беллетристомъ Беллами. Менѣе чѣмъ въ два года, въ одной лишь Америкѣ, продано болѣе 100,000 экземпляровъ этой книги. Романъ изображаетъ экономическій и общественный бытъ будущаго человѣчества въ томъ видѣ, какимъ онъ долженъ сдѣлаться по законамъ эволюціи, какъ ихъ понимаетъ Марксъ и его послѣдователи. Успѣхъ этой книги не ограничивается только огромнымъ числомъ проданныхъ экземпляровъ. Книга имѣла еще слѣдствіемъ образованіе клубовъ съ цѣлью содѣйствовать скорѣйшему осуществленію высказанныхъ въ ней идей.

Профессоръ Янжулъ, помѣстившій въ апрѣльской и майской книжкахъ Вѣстника Европы за 1890 годъ разборъ этого романа, дѣлаетъ слѣдующее интересное сообщеніе: «Въ октябрьской книжкѣ за 1889 годъ американскаго ученаго изданія—Экономическаго Трехмѣсячнаго Журнала, издаваемаго Гарвардскимъ университетомъ въ Бостонѣ, помѣщена статья извѣстнаго аме-

риканскаго экономиста Николая Гильмана, подъ названіемъ Націонализмъ въ Соединенныхъ Штатахъ. Подъ этимъ названіемъ авторъ разумѣетъ особое экономическое и политическое движеніе въ странѣ, вызванное романомъ Беллами. Если бы подобное извѣстіе появилось въ газетахъ, это можно было бы, пожалуй, счесть за обыкновенное газетное преувеличеніе; но серьезность лучшаго экономическаго журнала и имя Гильмана, извѣстнаго своимъ крупнымъ трудомъ въ политической экономіи, исключаютъ возможность подобныхъ предположеній. Очевидно, впечатлѣніе книжки Беллами было слишкомъ сильно, если спеціальный журналъ помѣстилъ обширный разборъ романа».

«Широкое распространеніе этого произведенія со времени его появленія въ свѣтъ въ январѣ 1888 года,—пишетъ Гильманъ,—обязано тому факту, что серьезное чувство, съ которымъ оно написано, совпадаетъ съ глубокимъ и также широко распространеннымъ недовольствомъ существующими отношеніями. Чрезвычайное остроуміе, съ которымъ эта исторія развивается въ узкихъ предѣлахъ скуднаго вымысла и немногихъ типовъ, и артистическое изображеніе идей и нравовъ новаго общества, нарисованныхъ въ самыхъ розовыхъ краскахъ,—все это вмѣстѣ заинтересовало множество читателей. Американскіе издатели (не говоря, слѣдовательно, объ англійскихъ) продали сотни тысячъ экземпляровъ. Бостонскій раввинъ сдѣлалъ ея переводъ на нѣмецкій языкъ и сообщаетъ также о переводахъ на другіе языки. Этотъ романъ въ настоящее время можетъ считаться наиболѣе современно появившеюся книгой въ Соединенныхъ Штатахъ».

Гильманъ далѣе прямо заявляетъ, что благодаря такому успѣху возможно ожидать вліянія романа на законодательство страны, и доказательствомъ именно служитъ «націоналистическое» движеніе, которое породилъ этотъ романъ. Прошло всего восемь мѣсяцевъ послѣ выхода книги Беллами, и уже въ сентябрѣ 1888 года основался въ Бостонѣ Бостонскій клубъ Беллами, позднѣе переименованный въ Націоналистическій клубъ, съ своимъ собственнымъ журналомъ и большимъ числомъ членовъ. «Цѣль клуба или общества заключается въ націонализаціи промышленности и поэтому въ содѣйствіи къ осуществленію братства всего человѣчества; такъ какъ экономическая тенденція нашего вѣка,—сказано въ уставѣ общества,—благопріятствуетъ этой цѣли, то клубъ старается споспѣшествовать практическому усвоенію ея народомъ, знакомя его съ благодѣтельною идеей, лежащею въ основѣ этой задачи, и поощряя національныя и мѣстныя мѣры, пригодныя для ея достиженія».

По образцу этого бостонскаго общества къ 1 сентября 1889 года

въ Америкѣ открыли дѣйствія семнадцать другихъ «націоналистическихъ клубовъ» въ разныхъ краяхъ страны, вполнѣ организованныхъ и шестьдесятъ восемь, организованныхъ отчасти, и то же движеніе до нынѣ продолжается.

Итакъ, болѣе 100,000 разошедшихся экземпляровъ, и возникновеніе нѣсколькихъ десятковъ клубовъ! Вотъ, поистинѣ, безпримѣрный успѣхъ соціальнаго романа.

Такая универсальность и интенсивность общественнаго движенія въ направленіи къ улучшенію участи рабочаго класса, къ бо́льшему и бо́льшему пріобщенію его къ благамъ культуры, къ уменьшенію соціальнаго неравенства между людьми заставляетъ сдаваться въ бо́льшей или меньшей степени противоположные пользамъ труда интересы и предразсудки. Руководящіе органы европейской печати, защищавшіе до послѣдняго времени принципъ невмѣшательства государства или вмѣшательство крайне скромное, признали важность вопросовъ, поставленныхъ на берлинской конференціи. Знаменательное признаніе въ этомъ отношеніи находимъ на страницахъ Temps, этого вліятельнаго представителя буржуазной экономической политики.

«Тотъ фактъ, что правительства отнеслись сочувственно къ берлинской конференціи,—говоритъ упомянутый органъ,—что они взяли въ свои руки «соціальный вопросъ», что они санкціонировали его и нѣкоторымъ образомъ отвели ему оффиціальное мѣсто,—этотъ фактъ дѣйствительно служитъ признакомъ времени». Эти правительства представляютъ съ виду крайнее разнообразіе: конституція, нравы, религія—почти все у нихъ различно. Въ одной странѣ преобладаетъ военная аристократія, чуть не феодальная система; въ другой—передовая демократія. Католицизмъ, протестантизмъ, фритредерство оспариваютъ другъ у друга преобладаніе и раздѣляютъ между собою направленіе умовъ. Безконечное разнообразіе мнѣній, политическихъ формъ, организмовъ,—и, тѣмъ не менѣе, между этими столь различными и до нѣкоторой степени даже враждебными другъ другу силами обнаруживается одинъ общій имъ всѣмъ интересъ. Это одинаковая забота о рабочихъ массахъ, предчувствіе новаго восходящаго міра, сознаніе, что необходимо сдѣлать что-нибудь въ пользу слабыхъ, обездоленныхъ и угнетенныхъ. Это экономическое и нравственное явленіе первостепенной важности».

Движеніе западно-европейскихъ законодательствъ въ пользу труда сказалось и на нашемъ законодательствѣ. Русское фабричное законодательство получило впервые характеръ защиты интересовъ

труда лишь съ изданія закона 1 іюня 1882 года. Въ силу этого закона воспрещена работа малолѣтнихъ, не достигшихъ двѣнадцатилѣтняго возраста, ограничена продолжительность работы подростковъ отъ 12 до 15 лѣтъ восемью часами и созданъ новый государственный органъ—фабричная инспекція, на обязанности котораго—слѣдить за исполненіемъ закона и представлять ежегодно отчеты о своей дѣятельности и о состояніи фабричнаго быта. Такимъ образомъ, законъ этотъ заключаетъ въ себѣ двѣ важныя стороны: онъ беретъ подъ опеку государства малолѣтнихъ рабочихъ и создаетъ, въ лицѣ фабричной инспекціи, дѣйствительный, а не фиктивный только, контроль государства надъ мануфактурами, фабриками и заводами. Благодаря учрежденію фабричной инспекціи темный промышленный міръ, энергично охранявшійся отъ посторонняго взора, выходитъ, наконецъ, на дневной свѣтъ.

Мануфактуристы, фабриканты и заводчики приняли этотъ законъ крайне недружелюбно. Государственное попеченіе о рабочемъ населеніи подверглось съ ихъ стороны и со стороны реакціонной печати систематическимъ нападкамъ; въ обществѣ явились опасенія отмѣны закона и возвращенія къ старому произволу. Но дѣйствительность не подтвердила этихъ опасеній. Уже въ сессію государственнаго совѣта, совпавшаго съ берлинской конференціей по рабочему вопросу, былъ выработанъ и опубликованъ новый законъ, идущій дальше закона 1 іюня 1882 года. Къ отраднымъ особенностямъ новаго закона принадлежало прежде всего законодательное запрещеніе ночной работы, отъ 9 час. вечера до 5 часовъ утра, для подростковъ и женщинъ въ цѣломъ рядѣ крупныхъ производствъ. И, далѣе, важное дополненіе къ прежнему закону заключалось въ предоставленіи министру финансовъ, по соглашенію съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, временно, въ теченіе трехъ лѣтъ, распространять правила о работѣ и обученіи малолѣтнихъ на тѣ *ремесленныя заведенія*, къ которымъ примѣненіе этихъ правилъ признано будетъ полезнымъ.—Съ тѣхъ поръ и по настоящее время наше фабричное законодательство продолжало расширяться.

Рабочее движеніе, особенно въ послѣднія тридцать лѣтъ, возрастало все сильнѣе и соціальный вопросъ становился болѣе и болѣе злобою дня въ западно-европейской жизни... и вотъ то, что говорилось и обсуждалось въ литературѣ, въ парламентахъ, въ общественныхъ собраніяхъ, на рабочихъ конгрессахъ, высказано, наконецъ, съ высоты трона и высказано, притомъ, въ ясныхъ и энергичныхъ выраженіяхъ.

Императоръ Вильгельмъ II, торжественно открывъ 2 февраля засѣданіе государственнаго совѣта, обратился къ его членамъ съ слѣдующею рѣчью:

«Гг. члены государственнаго совѣта! Моимъ рескриптомъ отъ 23 числа прошедшаго мѣсяца вы извѣщены, что я намѣренъ выслушать ваше мнѣніе о тѣхъ мѣропріятіяхъ, которыя необходимы для урегулированія условій труда. Соотвѣтственно значенію государственнаго совѣта въ монархіи, важные вопросы соціальнаго характера, требующіе удовлетворительнаго разрѣшенія, сначала будутъ вами основательно обсуждены, а затѣмъ представлены въ качествѣ законопроектовъ союзному совѣту и рейхстагу, которымъ по конституціи принадлежитъ право принять ихъ или отвергнуть. Я придаю большое значеніе тому, что мои предложенія будутъ разсмотрѣны съ точки зрѣнія ихъ цѣлесообразности, исполнимости и вѣроятныхъ послѣдствій лицами, какъ вы, принадлежащими къ различнымъ профессіямъ и располагающими практическимъ опытомъ. Задача, къ разрѣшенію которой я васъ пригласилъ сюда, серьезна и отвѣтственна. Защита, которая должна быть предоставлена рабочимъ противъ произвольной и не знающей преградъ эксплоатаціи; ограниченія, которымъ долженъ быть подверженъ трудъ дѣтей изъ человѣколюбія и вниманія къ естественнымъ законамъ развитія; охрана женщины какъ хозяйки рабочаго, столь необходимая по экономическимъ и нравственнымъ побужденіямъ,—эти и связанныя съ ними условія рабочей жизни доступны лучшему урегулированію, чѣмъ то, которое существуетъ до сихъ поръ. Осторожно и съ знаніемъ дѣла при этомъ слѣдуетъ взвѣсить, въ какой мѣрѣ наша промышленность можетъ выдержать увеличеніе стоимости производства, вытекающее изъ развитія законодательства въ пользу рабочихъ, безъ нарушенія ея положенія на всемірномъ рынкѣ. Потеря заработка вслѣдствіе невозможности для какой-либо отрасли промышленности конкурировать съ другими странами повела бы не къ преслѣдуемой мною пользѣ для народа, а къ ухудшенію матеріальныхъ условій его существованія. Требуется высокая мѣра осмотрительности, чтобы избѣжать этой опасности. Счастливое разрѣшеніе задачъ, составляющихъ самый великій вопросъ нашего времени, тѣмъ важнѣе, что оно находится во взаимодѣйствіи съ возбужденною мною мыслью о международномъ соглашеніи по рабочему законодательству.

«Не менѣе важно для обезпеченія мирныхъ отношеній между хозяевами и рабочими созданіе учрежденій, въ которыхъ послѣдніе, черезъ своихъ довѣренныхъ лицъ, могли бы принять участіе въ устройствѣ своихъ общихъ дѣлъ и ограждать свои интересы при переговорахъ съ предпринимателями. Слѣдуетъ постараться создать

связь между представительствомъ углекоповъ и горнозаводскимъ управленіемъ, чтобы такимъ путемъ предоставить рабочимъ возможность мирно и свободно выражать свои желанія и нужды, государственнымъ же органамъ—возможность имѣть вѣрныя свѣдѣнія о положеніи труда отъ самихъ заинтересованныхъ лицъ и сохранять постоянную близость къ рабочимъ. Желательно также самое внимательное обсужденіе вопроса о томъ, какимъ образомъ государственныя производства могутъ быть преобразованы въ учрежденія образцовой заботливости о рабочихъ, которыя служили бы образцомъ для другихъ. Въ предстоящихъ теперь трудахъ я возлагаю надежду на испытанную преданность государственнаго совѣта. Мнѣ чужда мысль, что всѣ желательныя улучшенія въ этой области могутъ быть достигнуты одними государственными мѣропріятіями; рядомъ съ дѣятельностью государства широкое поле остается для свободной филантропіи, для дѣятельности церкви и школы, и только при поддержкѣ этихъ факторовъ законодательныя распоряженія могутъ разсчитывать на полный успѣхъ. Однако, если съ Божьею помощью намъ удастся, на основаніи вашихъ предложеній, удовлетворить справедливые интересы трудового народа, вы за свои усилія можете быть увѣрены въ моей королевской благодарности и въ признательности націи».

Рѣчь императора Вильгельма, безспорно, производитъ впечатлѣніе манифеста въ пользу рабочихъ. Помощь, которая должна быть оказана рабочимъ противъ *произвольной и не знающей преградъ эксплуатаціи*, признается въ рѣчи *великимъ вопросомъ нашего времени*. И предѣломъ этой помощи должна служить лишь возможность выдержать конкуренцію на всемірномъ рынкѣ. Этимъ открыто признано, что для примиренія рабочихъ съ существующимъ обществомъ придется пожертвовать многими старыми привычками и многими интересами хозяевъ промышленныхъ предпріятій. Императоръ говоритъ о необходимости соображаться съ условіями иностраннаго соперничества и *ни однимъ словомъ не упоминаетъ о предпринимателяхъ какъ о сословіи, имѣющемъ свои опредѣленныя требованія*.

Это же безпримѣрное въ устахъ правительства заявленіе повторилъ и президентъ берлинской конференціи по рабочему вопросу—прусскій министръ торговли, баронъ Берлепшъ. Въ рѣчи, произнесенной на заключительномъ засѣданіи конференціи, министру принадлежатъ, между прочимъ, слѣдующія слова: «Тому, что законодательство или нравы каждой страны должны обезпечить за рабочими классами, существуетъ только *одна граница, именно обезпеченность и преуспѣяніе промышленности*, въ зависимости отъ которыхъ находится и преуспѣяніе самихъ рабочихъ

классовъ. Я думаю, что если мы въ правѣ разстаться подъ тѣмъ убѣжденіемъ, что это положеніе будетъ получать все бо́льшее и бо́льшее признаніе, то мы можемъ съ удовольствіемъ оглянуться на нашу общую работу».

Берлинская конференція является первою попыткой созданія международнаго рабочаго законодательства. Еще очень недавно, какія-нибудь десять лѣтъ назадъ, подобная мысль считалась утопіей, а люди, предлагавшіе такое дѣло, назывались фантазерами. Но вотъ сдѣланъ починъ—и громкая слава окружила иниціатора. Ни одно изъ государствъ, къ которымъ обратилось германское правительство, не отказалось принять участіе въ конференціи. На ней присутствовали представители Германіи, Франціи, Англіи, Австро-Венгріи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Швейцаріи, Бельгіи, Голландіи, Даніи, Швеціи и Норвегіи.

Германскій императоръ, заинтересованный въ успѣхѣ предпринятаго дѣла, заинтересованный тѣмъ, чтобы предложенія его были приняты иностранными государствами, могъ предложить только скромную программу вопросовъ, подлежащихъ обсужденію конференціи. Поэтому, когда была обнародована программа, она вызвала нѣкоторое разочарованіе въ органахъ печати, сочувствующихъ интересамъ труда. Особенно указывалось на то, что первоначально обѣщанное обсужденіе вопроса о нормальномъ рабочемъ днѣ исключено изъ программы. Органы германскаго правительства заявили на это, что многія изъ приглашенныхъ на конференцію правительствъ отказывались принять въ ней участіе, если нормальный рабочій день будетъ теперь же поставленъ на очередь. «Великія реформы,—замѣчала при этомъ газета канцлера,—не осуществлялись и не могутъ быть осуществлены сразу. Одно обсужденіе т а к о й программы представителями культурныхъ государствъ составляетъ уже знаменательный историческій фактъ».

На конференціи были обсуждены вопросы о работѣ женщинъ, дѣтей и подростковъ, о ночной и воскресной работѣ, объ ограниченіи рабочаго дня для взрослыхъ, о недопущеніи замужнихъ женщинъ къ работѣ ранѣе истеченія извѣстнаго времени послѣ разрѣшенія отъ бремени, о недопущеніи дѣтей на фабрику, пока они не прошли школу, объ обязательности первоначальнаго обученія. Конференція обратила также особенное вниманіе на трудъ въ горнозаводской промышленности какъ на одинъ изъ самыхъ тяжкихъ видовъ труда, и выразила пожеланіе, чтобы безопасность рабочаго и безвредность работы для его здоровья были ограждены всѣми сред-

ствами, которыми располагаетъ наука, и были поставлены подъ надзоръ государства; чтобы инженерами, которымъ поручается веденіе предпріятія, назначались исключительно люди, опытность и техническія знанія которыхъ должнымъ образомъ удостовѣрены.

По вопросу о приведеніи въ исполненіе выработанныхъ предписаній и о наблюденіи за этимъ конференція пришла къ такимъ заключеніямъ. Тѣмъ правительствамъ, которыя воспользуются работами конференціи, предлагаются слѣдующія постановленія: 1) Примѣненіе въ каждомъ государствѣ мѣръ по отношенію къ предметамъ совѣщанія конференціи поручается наблюденію достаточнаго числа способныхъ должностныхъ лицъ, которыя назначаются правительствомъ подлежащей страны и которыя должны стоять внѣ всякой зависимости какъ отъ работодателей, такъ и отъ рабочихъ; 2) ежегодные отчеты этихъ должностныхъ лицъ должны быть публикуемы въ каждомъ государствѣ и сообщаемы другимъ правительствамъ; 3) каждое изъ этихъ государствъ должно производить періодическія, по возможности за каждый годъ, статистическія изысканія по вопросамъ, составлявшимъ предметъ совѣщанія конференціи; 4) государства должны сообщать другъ другу какъ эти статистическія данныя, такъ и текстъ всѣхъ постановленій, которыя будутъ принимаемы законодательнымъ или административнымъ порядкомъ въ области вопросовъ, бывшихъ на разсмотрѣніи конференціи. Въ заключеніе конференція выразила пожеланіе, чтобы и впредь созывались совѣщанія государствъ, принявшихъ участіе въ конференціи, въ цѣляхъ взаимнаго обмѣна наблюденій, которыя будутъ сдѣланы при приведеніи въ дѣйствіе постановленій настоящей конференціи, и выясненія желательности какихъ-либо измѣненій или дополненій въ нихъ.

Такимъ образомъ, берлинскою конференціей положенъ починъ въ созданіи новой отрасли законодательства, а именно: международнаго законодательства по вопросамъ труда, которому, по всей вѣроятности, предстоитъ сыграть великую роль въ разрѣшеніи соціальнаго вопроса.

Вотъ важное историческое значеніе конференціи; и мы совершенно согласны съ Жюль-Симономъ, считающимъ берлинскую конференцію эрой въ исторіи рабочаго вопроса. Но этимъ не исчерпывается еще значеніе берлинской конференціи. Практическіе результаты ея, особенно въ смыслѣ вліянія на умы и законодательства, осязательны уже и въ настоящее время.

О результатахъ берлинской конференціи,—результатахъ даже ближайшихъ,—нельзя судить лишь на основаніи того, какого рода постановленія были ею приняты и пожеланія высказаны. Самый

фактъ созыва рабочей конференціи по почину императора не могъ не произвести глубокаго впечатлѣнія на всѣ классы общества. О такомъ впечатлѣніи свидѣтельствовала печать всѣхъ культурныхъ государствъ Европы и Америки. Такъ взглянула на берлинскую конференцію и рабочая демократія. «Рескрипты императора,—сообщаетъ корреспондентъ Русскихъ Вѣдомостей.—произвели здѣсь очень сильное впечатлѣніе, особенно среди рабочаго класса. Рабочая демократія хотя и подозрѣваетъ, что они явились своего рода избирательнымъ маневромъ. хотя и мало вѣритъ въ практическіе результаты предстоящей конференціи, но она придаетъ большое значеніе уже тому, что справедливость цѣлой половины ея требованій признана даже съ высоты трона. Если уже германскій императоръ сознаетъ необходимымъ, разсуждаетъ рабочій, взять подъ защиту государства трудъ не только дѣтей и женщинъ, но и взрослыхъ работниковъ, если ужъ онъ считаетъ нужнымъ ограничить рабочій день и позаботиться объ улучшеніи экономическаго положенія рабочаго населенія,—это можетъ служить гарантіей, что въ исторіи массы трудящагося населенія наступаетъ новая эпоха, что соціально-экономическіе вопросы выступаютъ теперь на первый планъ.

Вслѣдъ за берлинской конференціей, въ Reichsanzeiger'ѣ, имѣющемъ характеръ органа правительственной политики, появились статьи, выяснявшія программу той политики, которой намѣрено держаться по отношенію къ соціальнымъ вопросамъ германское правительство.

Въ основу всѣхъ этихъ статей положена идея о томъ, что на императорскомъ правительствѣ лежитъ задача разрѣшенія современныхъ соціальныхъ вопросовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ проводится мысль, что потребная въ этомъ отношеніи политика не отождествляется съ соціализмомъ. «При системѣ соціализма,—говорится въ одной изъ статей,—требуется не то, чтобы государства или болѣе состоятельныя части общества выступили на помощь слабымъ, а чтобы все общество было установлено на такихъ основаніяхъ, при которыхъ въ будущемъ оно не могло бы раздѣляться на экономически слабыхъ и сильныхъ, что, по идеѣ соціализма, могло бы быть достигнуто лишь путемъ упраздненія института частной собственности, характеризующаго всю нашу культуру. Цѣлью соціализма является, вмѣстѣ съ тѣмъ, переустройство главныхъ основаній существующаго общественнаго порядка. Соціальная реформа, напротивъ, твердо стоитъ на томъ основномъ положеніи, что она призвана исправить неудовлетворительныя и опасныя послѣдствія существующаго экономическаго

строя. Средствомъ, которое она примѣняетъ здѣсь, является принужденіе къ жертвамъ (Zwang zu Opfern), къ которымъ обязываются общество или отдѣльныя части его на пользу другихъ его частей. Другого средства нѣтъ къ тому, чтобы исправить неудовлетворительныя послѣдствія, къ какимъ приводитъ система, основывающаяся на индивидуальномъ началѣ. Каждый принципъ, доходящій въ своихъ проявленіяхъ до преувеличенныхъ размѣровъ, приводитъ къ крайностямъ, которыя могутъ быть ограничены только путемъ примѣненія какого-либо другаго принципа. Этотъ послѣдній лежитъ въ идеѣ соціальной реформы. Предоставленная самой себѣ, существующая система не можетъ дать никакого цѣлебнаго средства. Это въ достаточной мѣрѣ доказано продолжительнымъ господствомъ полной свободы въ этой области; чѣмъ шире и безпрепятственнѣе господствуетъ она и чѣмъ свободнѣе можетъ развернуться экономическая жизнь, основывающаяся на индивидуальномъ принципѣ, тѣмъ чаще выступаютъ неудовлетворительныя послѣдствія этого. Средство понужденія общества или отдѣльныхъ его частей къ жертвамъ на благо другихъ частей не есть соціализмъ. Соціалистическимъ оно не является потому, что признаетъ институтъ частной собственности цѣлесообразнымъ и правомѣрнымъ основнымъ положеніемъ экономической жизни. Понужденіе къ жертвамъ вполнѣ совмѣстимо съ этимъ основаніемъ. Вмѣшательство въ частную собственность, какъ оно проявляется, напримѣръ, при экспропріаціи, есть вполнѣ правомѣрное понужденіе къ извѣстной жертвѣ въ интересахъ цѣлаго общества. Соціальная реформа представляетъ нѣчто новое лишь въ томъ отношеніи, что она создаетъ такую организацію, которая соединяетъ частно-хозяйственныя силы для обязательнаго выполненія этихъ жертвъ на пользу отдѣльныхъ лицъ или цѣлаго класса, не уничтожая, вмѣстѣ съ тѣмъ, самый институтъ частной собственности.

«Только государство,—продолжаетъ правительственная газета.—въ силахъ устранить недостатки современнаго общества и при посредствѣ реформъ сохранить общество въ здоровомъ состояніи. Эта преобразовательная дѣятельность есть дѣятельность уравнительной справедливости, подобная той, какую прусскіе короли проявили въ XVIII вѣкѣ на пользу представлявшихся въ то время болѣе слабыми въ экономическомъ отношеніи классовъ крестьянскаго и городскаго населенія. Какъ въ то время вслѣдствіе этого общество явилось крѣпкимъ и здоровымъ, а спокойствіе обезпеченнымъ, такъ какъ нарушенія его были предупреждены преобразовательными мѣрами на пользу страждущихъ классовъ, такъ и теперь исходящая отъ престола преобразовательная дѣятельность должна быть признана необходимой и плодотворной одинаково какъ для блага рабочихъ, такъ и для интересовъ государства и общества.

«Мѣры сохраненія рабочихъ отъ болѣзней, несчастныхъ случаевъ, въ видахъ обезпеченія ихъ въ преклонномъ возрастѣ и при невозможности работать,—эти мѣры, въ которыхъ Германія опередила всѣ другія государства,—не преминутъ съ теченіемъ времени оказать свое дѣйствіе, такъ какъ онѣ устраняютъ существенные недостатки, выступающіе въ современномъ экономическомъ и общественномъ устройствѣ. Но съ этими законами, конечно, еще не найдено средства, которое обезпечило бы соглашеніе между рабочими и предпринимателями на почвѣ современнаго порядка производства. Это соглашеніе встрѣчаетъ затрудненіе, съ одной стороны, въ требованіяхъ рабочихъ, которыя переходятъ за предѣлы возможнаго въ настоящее время въ экономическомъ отношеніи, съ другой—въ томъ, что большинство (крупныхъ) предпринимателей во всѣхъ отрасляхъ промышленности еще не могутъ придти къ сознанію того, что они должны относиться къ рабочимъ какъ къ равноправнымъ.

«Въ виду описаннаго положенія, его величество императоръ и король призналъ необходимымъ войти въ тщательное изслѣдованіе жалобъ страждущихъ въ экономическомъ отношеніи классовъ и съ королевскою властью своею вступиться за справедливыя требованія ихъ, поскольку они до сихъ поръ не были предметомъ достаточнаго вниманія. Трудъ женщинъ и дѣтей, ночная и воскресная работа уже давно служатъ поводомъ къ соціалъ-демократической агитаціи; къ регулированію этихъ вопросовъ въ настоящее время уже приступлено какъ въ государственномъ совѣтѣ, такъ и въ работахъ международной конференціи для защиты рабочихъ. Далѣе остается регулировать вопросы о заработной платѣ и о продолжительности труда. По отношенію къ обоимъ этимъ вопросамъ возможное и необходимое можетъ быть сдѣлано самими предпринимателями. Пути къ этому расчищены вліяніемъ общаго соціально-преобразовательнаго направленія нашей политики, причемъ и тѣ органы, которые будутъ созданы для того, чтобы установить согласіе между предпринимателями и рабочими, помогутъ удовлетворить законныя требованія. Забота императора и короля о такъ называемомъ четвертомъ сословіи проистекаетъ изъ потребностей времени. Лежащая на государствѣ задача придти на помощь страждущему классу не можетъ встрѣчать препятствіе въ тѣхъ пугалахъ, которыя выдвигаются каждый разъ, какъ заходитъ рѣчь о реформахъ или измѣненіяхъ существующаго строя. Она есть необходимость, вызываемая потребностями сильнаго и могущественнаго государства».

Какъ видимъ, правительственная программа стоитъ за широкую соціальную реформу и въ тоже время заявляетъ себя противникомъ

соціалистическаго идеала. Какъ же отнеслись къ этой программѣ вожди соціалъ-демократіи, т.-е. той партіи, законныя требованія которой желаетъ и старается удовлетворить программа?

Руководители соціалъ-демократіи прекрасно понимаютъ, что предвидимый ими общественный идеалъ могъ бы благотворно осуществиться лишь путемъ постепенныхъ измѣненій современнаго общественнаго строя, а потому ихъ пресса съ полною признательностью говорила объ иниціативѣ императора и признала рабочіе законопроекты частью своей программы. Но пусть отвѣчаетъ намъ на этотъ вопросъ самъ бывшій вліятельнѣйшій вождь соціалъ-демократіи—Либкнехтъ. Вотъ что говорилъ онъ на одномъ изъ собраній рабочихъ, происходившемъ въ Берлинѣ 1 іюня:

«Двадцатое февраля останется памятнымъ днемъ въ исторіи соціальнаго движенія; въ этотъ день вы представили германскому правительству неопровержимыя доказательства, что вы—могучая политическая партія, съ которой слѣдуетъ считаться. Наши противники, правда, утверждаютъ, будто рабочіе-избиратели не знаютъ по большей части конечныхъ цѣлей соціалъ-демократіи. Я категорически утверждаю, что это неправда... Императорскіе указы,—говорилъ далѣе ораторъ,—по моему искреннему убѣжденію, не избирательный маневръ, а ударъ въ лицо министерству, въ особенности главному его представителю кн. Бисмарку (бурные аплодисменты). Годъ тому назадъ я возвратился съ международнаго рабочаго конгресса въ Парижѣ и хотѣлъ въ публичныхъ собраніяхъ сообщить берлинскимъ рабочимъ о постановленіяхъ ихъ европейскихъ товарищей; ни одно изъ такихъ собраній, однако, не было разрѣшено изъ опасенія нарушенія общественной безопасности. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, резолюціи парижскаго конгресса, не всѣ, но многія изъ нихъ, признаны были справедливыми въ императорскихъ рескриптахъ, и вмѣстѣ съ этимъ признана была необходимость международнаго рабочаго законодательства. Соціалъ-демократія одержала блестящую побѣду, и теперь ея долгъ позаботиться, чтобы то, что было обѣщано, было исполнено. Мы принимаемъ все, что намъ предлагаютъ къ дѣйствительному улучшенію условій труда: но отъ нашихъ требованій мы этимъ не отказываемся. Противники надѣялись, что указы императора вызовутъ расколъ въ нашемъ лагерѣ, но отъ этого насъ спасла наша полярная звѣзда—наша программа. Къ тому же мы не знаемъ культа вождей и слишкомъ привыкли подчинять личные вкусы требованіямъ общаго дѣла: каждый сохраняетъ свободу мнѣнія, но каждый подчиняется и дисциплинѣ»...

Не лишено также интереса сообщеніе по тому же предмету редактора парижскаго Petit Journal. Спросивъ мнѣніе Либкнехта

о внутренней политикѣ Германіи, онъ получилъ отъ него слѣдующій отвѣтъ: «Въ новѣйшихъ экономическихъ проектахъ правительства я вижу значительный шагъ впередъ. Слѣдуетъ замѣтить, что у насъ за послѣдніе мѣсяцы многое измѣнилось къ лучшему: вы не встрѣчаете больше въ оффиціозной печати дерзкаго вызова сосѣднимъ государствамъ; съ парламентскою оппозиціей начинаютъ говорить приличнымъ языкомъ. Болѣе того, нынѣшнее правительство желаетъ сблизиться именно съ тѣми партіями, которыя извѣстны своею враждебностью къ бывшему канцлеру, и, если понадобится, я приведу доказательства, что сдѣланы были попытки къ сближенію съ нами. Положеніемъ нашей партіи въ парламентѣ я какъ нельзя болѣе доволенъ. Императоръ—пока еще загадка, но за нимъ слѣдуетъ признать умѣнье поставить широкую программу. Я лично думаю, что въ началѣ своего царствованія онъ питалъ воинственные замыслы; но потомъ, убѣдившись, что не имѣетъ по этому пути поддержки народа, онъ, съ свойственною ему быстротою рѣшенія, ухватился за соціальный вопросъ. Извѣстные указы и созваніе берлинской конференціи сами по себѣ составляютъ уже заслугу. Весьма возможно, что этотъ молодой императоръ, если онъ останется вѣренъ избранному имъ пути, запишетъ на вѣки свое имя въ исторію и что потомки съ уваженіемъ будутъ говорить о немъ какъ о благодѣтелѣ человѣчества. Онъ уже теперь популяренъ; нѣмцы начинаютъ вѣрить въ его искренность и въ чистоту его намѣреній».

Это знаменательное сближеніе императора съ народомъ на экономической почвѣ подчеркиваетъ извѣстный экономистъ, Луйо Брентано, въ своей замѣткѣ въ «Deutsche Wochenblatt» по поводу исхода выборовъ:

«Интересы страны, говоритъ онъ, теперь сосредоточиваются на улучшеніи положенія рабочихъ. Дальнѣйшее развитіе страхованія рабочихъ и предоставленіе рабочимъ самостоятельности при опредѣленіи заработковъ—дѣло ближайшихъ дней. Международное соглашеніе, возбужденное иниціативой императора, обезпечиваетъ различіе фабричнаго законодательства, то-есть огражденіе личности рабочихъ отъ господства предпринимателей. Выборы показали, что народъ признаетъ въ императорѣ защитника своихъ интересовъ и своего призваннаго попечителя. Пусть не указываютъ на огромный ростъ соціалъ-демократіи; что значитъ это явленіе сравнительно съ тѣмъ фактомъ, что именно соціалъ-демократическіе кандидаты встрѣтили указъ императора съ большимъ сочувствіемъ. Наоборотъ, въ рѣчахъ нѣкоторыхъ забаллотированныхъ кандидатовъ партій порядка вы тщетно стали бы искать какого-либо напоминанія объ императорскихъ указахъ. Не вдаваясь пока въ обсужденіе этого крупнаго факта, я считаю

своимъ долгомъ сказать, что намъ теперь нужно стремиться не къ тому, чтобы удалить изъ парламента представителей рабочихъ, а къ тому, наоборотъ, чтобы избранные представители рабочаго класса сознавали свою принадлежность къ нынѣшнему обществу и вмѣстѣ съ нами поработали надъ улучшеніемъ и измѣненіемъ соціальнаго строя».

Въ виду всѣхъ этихъ фактовъ, въ виду оживленной законодательной дѣятельности въ интересахъ труда является, не безъ основанія, радостная мысль: не дорастаютъ ли уже правящіе классы Европы до сознанія, что пріобщеніе народа къ благамъ культуры—къ достатку и образованію—есть важнѣйшая задача нашего времени, и что только энергичныя и непрерывающіяся мѣропріятія въ этомъ направленіи могутъ породить бо́льшую гармонію отношеній и предохранить отъ общественныхъ катаклизмовъ?...

Предшествующее изложеніе позволяетъ намъ формулировать значеніе берлинской конференціи по рабочему вопросу въ слѣдующихъ положеніяхъ:

1) Берлинская конференція открыто и безповоротно признала банкротство системы свободной конкуренціи и необходимость болѣе энергичнаго, чѣмъ было до сихъ поръ, вмѣшательства государства въ борьбу между капиталомъ и трудомъ въ интересахъ послѣдняго. Такимъ образомъ, рушится экономическая система, господствовавшая въ Европѣ почти весь XIX вѣкъ и считавшаяся въ теченіе нѣсколькихъ десятилѣтій послѣднимъ словомъ человѣческаго разума какъ въ средѣ правящихъ классовъ, такъ и среди большинства экономистовъ.

2) Берлинскою конференціей положенъ починъ новой и чрезвычайно важной отрасли законодательства: м ѣ ж д у н а р о д н о м у р а б о ч е м у з а к о н о д а т е л ь с т в у. Подобно тому, какъ женевская международная конвенція о «Красномъ Крестѣ» установила международные законы гуманности и цивилизаціи въ военное время, точно также Европа приходитъ къ сознанію необходимости подчинить подобнымъ же законамъ человѣколюбія и цивилизаціи мирный трудъ. Предположенное конференціей международное соглашеніе и регулированіе охраны труда и рабочихъ поведетъ къ новой организаціи хозяйственнаго организма европейскихъ государствъ, освѣщенной идеею права и гуманности.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., 6.

Оглавленіе.

Стр.

I. Народное образованіе, его значеніе, цѣли и средства . . . 3

II. Народное образованіе на Западѣ 26

Остъ-Индія, Египетъ, Трансвааль, Канада, Аляска, Австралія, Японія 26
Турція 39
Сербія, Румынія, Греція, Болгарія, Черногорія 40
Пиренейскій полуостровъ 45
Италія 49
Австро-Венгрія 52
Голландія 61
Бельгія 63
Франція 67
Данія 74
Швеція 76
Норвегія 79
Швейцарія 82
Великобританія 86
Германія 96
Сѣв.-Амер. Соед. Штаты 107
Общія замѣчанія 126

III. Народное образованіе у насъ 128

Указатель литературы 151

I. Народное образованіе, его значеніе, цѣли и средства.

Минувшее столѣтіе обычно характеризуется какъ вѣкъ пара и электричества. Это опредѣленіе, достаточно мѣткое само по себѣ, страдаетъ нѣкоторою неполнотою, потому что успѣхи физики, которыми въ правѣ гордиться XIX столѣтіе, являются лишь частью тѣхъ успѣховъ, которые сдѣлало человѣчество за указанное время въ области науки вообще. Поэтому намъ кажется болѣе точнымъ опредѣленіе, данное минувшему вѣку извѣстнымъ французскимъ экономистомъ и статистикомъ Эмилемъ Левассеромъ, который назвалъ XIX столѣтіе вѣкомъ школы и притомъ народной. Это опредѣленіе вдвойнѣ правильно какъ въ переносномъ, такъ и въ прямомъ смыслѣ: никогда еще все человѣчество не пріобщалось, благодаря пару и электричеству, въ столь широкой мѣрѣ къ плодамъ науки во всѣхъ ея областяхъ, никогда оно не испытывало на себѣ въ столь осязательной степени плоды глубокаго и разностороняго знанія, никогда оно не достигало такой высокой степени культурности, какъ именно за послѣднія 100 лѣтъ; съ другой стороны, никогда столь ясно и опредѣленно не проникало въ сознаніе культурнаго человѣчества великое значеніе знанія и науки, никогда оно не было столь проникнуто убѣжденіемъ въ необходимости сколь возможно шире распространять знаніе, пріобщать къ нему какъ можно больше лицъ, какъ именно за послѣднія сто лѣтъ. Конечно, не сразу, а постепенно, подъ вліяніемъ нерѣдко чисто-внѣшнихъ факторовъ, прокладывала себѣ путь мысль о желательности и необходимости развитія образованія въ самыхъ широкихъ слояхъ общества. Школа, какъ мы увидимъ ниже, была первоначально учрежденіемъ чисто-аристократическимъ. Десятки вѣковъ, огромная духовная и умственная работа, безчисленныя лишенія матеріальнаго свойства и въ результатѣ ихъ нерѣдко сильнѣйшія душевныя страданія понадобились для того, чтобы человѣ-

чество сознало не только право всѣхъ, но и обязанность каждаго, независимо отъ его общественнаго положенія, учиться и пріобщаться къ обширной сокровищницѣ знаній. Такимъ образомъ, школа постепенно получила новый, демократическій характеръ и стала народною въ полномъ и лучшемъ смыслѣ этого слова.

Какъ мы уже сказали, потребовалась большая работа для того, чтобы мысль объ обязательности всеобщаго обученія проникла въ человѣческое сознаніе и прочно укрѣпилась въ немъ. Великая учительница человѣчества, сама жизнь съ ея неожиданными перипетіями и подчасъ курьезными сюрпризами, въ связи съ другою мощною наставницею, исторіею, наглядно показала всю огромную пользу самаго широкаго насажденія образованія. «Пруссія побѣдила Австрію въ 1866, а Германія Францію въ 1871 году»; эта фраза издавна перенначивается такимъ образомъ: «Австрію въ 1866, Францію въ 1871 году побѣдили не прусскія и германскія войска, а нѣмецкій школьный учитель»; эта мысль вошла даже въ поговорку, которая могла бы быть, къ сожалѣнію, пополнена еще примѣромъ нашей послѣдней несчастной войны съ Японіею. Уроки, подобные Мукдену и Цусимѣ, не проходятъ даромъ, и въ этомъ только и заключается смыслъ иначе безсмысленныхъ гекатомбъ человѣческихъ, которыя были принесены въ указанные злосчастные дни. Поверженная въ прахъ миніатюрнымъ, но образованнымъ и духовно дисциплинированнымъ противникомъ, гигантская и казавшаяся непреодолимою полуневѣжественная Россія возродилась къ новой жизни. Сознаніе необходимости самыхъ широкихъ реформъ во всѣхъ областяхъ государственной, правовой, общественной и даже частной жизни явилось результатомъ всѣхъ тягостей и разочарованій послѣдней войны. Всѣ сразу поняли, что обветшалая Россія должна въ самомъ ближайшемъ будущемъ кореннымъ образомъ обновиться, воскреснуть къ новой, лучшей жизни, пойти по новому пути. Преобразованія во всѣхъ сферахъ — вотъ отнынѣ общій девизъ. Однако, самое понятіе преобразованія даже филологически находится въ тѣснѣйшей связи съ образованіемъ. Вотъ чего намъ нужно на первомъ планѣ, вотъ чего намъ до сихъ поръ не хватало, вотъ чего мы должны всѣми силами добиваться: образованія, самаго широкаго народнаго образованія. Что же такое народное образованіе, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ терминомъ?

Раньше, чѣмъ дать готовое опредѣленіе, намъ казалось бы цѣлесообразнымъ бросить ретроспективный взглядъ на то, что понималось подъ указаннымъ терминомъ въ прежнія времена. Данныя, которыя при этомъ получатся, наглядно пояснятъ нашу мысль о томъ, что образованіе и вмѣстѣ съ нимъ школа не сразу стали демократиче-

скими, бывъ первоначально привилегіею аристократовъ либо по рожденію, либо по духу. И дѣйствительно, уже въ глубочайшей древности, за пять тысячъ лѣтъ до нашего времени, на берегахъ Тигра и Евфрата, Нила и Ганга, образованіе было удѣломъ лишь избранныхъ, касты жрецовъ, иногда и воиновъ, и то лишь постольку, поскольку изъ послѣдней выходили цари. Какъ въ Вавилоніи, такъ и въ Египтѣ и Индіи школа служила лишь дѣлу религіи *). Въ Индіи дѣло доходило до того, что членамъ низшей касты было запрещено даже слушать чтеніе священныхъ текстовъ. Умѣнье читать и писать позорило тамъ женщину; грамотны были однѣ лишь презрѣнныя баядерки и танцовщицы. Древніе евреи также отличались почти совершенною безграмотностью, и только священническіе роды и колѣно Левіино представляли въ этомъ отношеніи исключеніе. Въ Китаѣ самая система письменъ, представляющихъ, какъ извѣстно, отдѣльные іероглифы для обозначенія каждаго отдѣльнаго понятія, и потому требующая неимовѣрнаго труда и работы памяти для усвоенія хоть части ихъ, была разсчитана на немногихъ избранныхъ, отдавшихъ себя служенію государству. Чисто-государственное значеніе имѣла школа и у народовъ античной древности: оставляя совершенно въ сторонѣ наиболѣе многочисленный классъ греческихъ и римскихъ рабовъ, для которыхъ даже божественный Платонъ не находилъ мѣста среди людей, спартанцы, аѳиняне и римляне стремились только къ тому, чтобы воспитывать сознательныхъ гражданъ. Извѣстно изреченіе одного изъ образованнѣйшихъ людей своего времени, эклектика М. Туллія Цицерона: «Мы должны изучать тѣ искусства, посредствомъ которыхъ мы можемъ принести пользу государству». Государственный характеръ воспитанія у спартанцевъ вошелъ въ поговорку. Аѳиняне, повидимому, смотрѣли на дѣло воспитанія и образованія глубже и шире, преслѣдуя попутно цѣли гуманитарныя, но, тѣмъ не менѣе, первою и главнѣйшею задачею ихъ воспитанія было создать государству сознательныхъ гражданъ. Если Аристотель какъ-то вскользь и высказываетъ мысль о необходимости всеобщаго обученія, то и онъ имѣлъ въ виду только полноправныхъ гражданъ, а не чернь, простонародье, не говоря уже, конечно, о рабахъ.

---

*) Поразительныя археологическія находки, сдѣланныя за послѣднія 18 лѣтъ въ Месопотаміи и Египтѣ, свидѣтельствуютъ не только о чрезвычайно высокой культурности вавилонянъ, но и показываютъ, что во времена Сарданапала среди нихъ не было вовсе неграмотныхъ. Но такое положеніе дѣла отмѣчается лишь въ эпоху расцвѣта и къ концу его въ Вавилоніи. Въ Египтѣ же самое существованіе трехъ системъ письма, іероглифическаго, іератическаго и демотическаго, указываетъ на спеціально религіозный характеръ письменности.

Итакъ, у всѣхъ народовъ древности (за исключеніемъ, быть-можетъ, персовъ, государство которыхъ, впрочемъ, самостоятельно существовало очень недолго) мы находимъ образованіе и разсадницу его, школу, учрежденіями исключительно для избранныхъ, лучшихъ людей по тогдашнему греческому опредѣленію, т.-е. учрежденіями аристократическими.

Когда надъ обветшалымъ древнимъ міромъ возсіялъ свѣтъ новаго ученія, нивелирующаго во всеобщей любви и всепрощеніи гордаго царя и послѣдняго раба, наступилъ, казалось, моментъ для бо́льшей демократизаціи знанія. Но Христосъ обращался не къ уму человѣческому, а къ сердцу, и чѣмъ проще и наивнѣе оно было, тѣмъ было лучше. Ни самъ Іисусъ изъ Назарета, ни большинство учениковъ Его не могутъ быть названы не только людьми учеными, но и широко образованными. Весьма еще спорно, обладали ли они знаніемъ первоначальной грамоты. Знакомство ихъ съ книгами Ветхаго Завѣта и особенно съ Талмудомъ, который впервые былъ записанъ лишь во II вѣкѣ по Р. Хр., а до того передавался въ видѣ «устнаго» ученія, могло быть результатомъ внимательнаго отношенія къ читаемымъ въ храмѣ и синагогахъ текстамъ и ихъ комментаріямъ. Образованіе впослѣдствіи церкви повело къ необходимости подготовки спеціальныхъ церковнослужителей, которые должны были обладать нѣкоторою долею грамотности. И дѣйствительно, на протяженіи почти всей исторіи Среднихъ вѣковъ мы находимъ грамотность почти только въ монастыряхъ. Образованіе носило спеціально церковный характеръ, и средневѣковые схоласты, усвоившіе чрезъ посредство арабовъ и евреевъ ученіе Аристотеля, надменно заявляли: philosophia ancilla theologiae est (философія—прислужница богословія). Этимъ въ достаточной мѣрѣ характеризуется весь укладъ тогдашняго образованія, опредѣляется его исключительное назначеніе служить интересамъ церкви. Самое слово мірянинъ (laicus, laïque) производится отъ греческаго слова laos (народъ, простонародье), т.-е. указываетъ на что-то низшее, не-аристократичное.

Эпоха Возрожденія вернулась къ древнимъ, античнымъ воззрѣніямъ и идеаламъ. Ея школы отличались поэтому тѣмъ же, что и въ древности, строго-аристократическимъ характеромъ: тамъ было мѣсто лишь для весьма и весьма немногихъ избранниковъ, аристократовъ по духу. Ни Рейхлину, ни Эразму Роттердамскому, ни Ульриху фонъ-Гуттену не приходило въ голову обращаться въ своихъ сочиненіяхъ къ широкимъ слоямъ населенія. Ни Данте, ни Боккаччіо, ни Петрарка ни однимъ словомъ не обмолвились о томъ, что было бы желательно широкое развитіе знаній среди простонародья. Величайшая заслуга цитированныхъ итальянскихъ поэтовъ состоитъ, быть-можетъ, въ томъ, что они писали на языкѣ, доступномъ массѣ.

Дальше ихъ пошелъ въ этомъ отношеніи столпъ Реформаціи и апостолъ ея, Мартинъ Лютеръ. Этотъ проницательный умъ сразу понялъ, что единственнымъ цѣлесообразнымъ средствомъ для успѣшной борьбы съ католицизмомъ является сознательное отношеніе народной массы къ религіознымъ вопросамъ. Стремленію католическаго духовенства держать простонародье въ полномъ невѣжествѣ, чтобы легче эксплуатировать его и управлять имъ, онъ противопоставилъ требованіе, чтобы каждый могъ читать Св. Писаніе, толковать его по своему пониманію и сообразно правиламъ, преподаннымъ въ спеціально составленномъ Лютеромъ «евангелическомъ» катехизисѣ. Введеніе конфирмаціи съ связаннымъ съ нею публичнымъ испытаніемъ въ области вѣры и знанія текстовъ Св. Писанія сдѣлали грамотность окончательно обязательною для протестантовъ. Послѣдніе тѣмъ легче согласились на устройство цѣлаго ряда школъ въ городахъ и деревняхъ, что раньше католическое духовенство всѣми силами боролось противъ такого новшества, которое еще во второй половинѣ Среднихъ вѣковъ стало распространяться благодаря идеямъ, подготовившимъ эпоху Возрожденія. Но была ли школа протестантовъ настоящею общеобразовательною школою? На этотъ вопросъ приходится отвѣчать отрицательно. Послушаемъ, что говоритъ самъ Лютеръ объ обученіи юношества. «Старайся усердно—говоритъ онъ,—чтобы дѣти твои прежде всего обучились духовнымъ предметамъ, чтобы ты сперва предалъ ихъ Богу, а затѣмъ уже посвятилъ ихъ мірскимъ дѣламъ». «По моему мнѣнію *), мальчиковъ слѣдуетъ посылать на одинъ часъ или на два ежедневно въ школы, которыя я предлагаю устроить, а остальное время пусть они занимаются работою дома». Гораздо позже, когда реформаціонное движеніе приняло такіе грандіозные размѣры, которыхъ не ожидалъ самъ Лютеръ, и когда борьба за вѣру перешла въ кровопролитнѣйшую войну, нерѣдко ничего общаго съ религіозностью не имѣвшую, такъ что самъ вождь протестантовъ въ испугѣ сталъ бить отбой, мы замѣчаемъ у него новыя нотки относительно цѣлей и средствъ народнаго образованія. «Если бы даже не было ни души, ни неба, ни ада, если бы пришлось служить лишь потребностямъ свѣтскаго правительства, то и тогда разъѣ не ясно, что интересы такого правительства еще съ тѣмъ бо́льшею настоятельностью требуютъ хорошихъ школъ для народа и ученыхъ людей, чѣмъ всѣ наши заботы о духовномъ спасеніи вѣрующихъ». Въ своемъ «Поученіи о томъ, чтобы посылать дѣтей въ школу» Лютеръ говоритъ: «Если власть можетъ принудить подданныхъ брать копья и ружья, когда нужно воевать, то тѣмъ болѣе можетъ и должна она заставить подданныхъ обучать

*) Посланіе бургомистрамъ и членамъ городскихъ совѣтовъ въ Германіи.

своихъ дѣтей въ школѣ». Мысли Лютера о значеніи школъ осуществилъ впервые на практикѣ Іоганнъ Бугенгагенъ, составившій для нѣкоторыхъ областей Сѣверной Германіи спеціальные «церковные и школьные уставы». На жалкомъ проведеніи въ жизнь требованій этихъ уставовъ мы тутъ, за недостаткомъ мѣста, останавливаться не можемъ, а удовольствуемся указаніемъ на ближайшій результатъ реформаціоннаго движенія въ области дѣла народныхъ школъ: возникновеніе ордена Игнатія Лойолы съ его сѣтью прекрасно оборудованныхъ іезуитскихъ школъ, имѣвшихъ цѣлью противопоставить полуграмотнымъ протестантамъ довольно образованныхъ и ярыхъ приверженцевъ католицизма. Само собою понятно, что вся программа іезуитскихъ школъ преслѣдовала исключительно боевыя цѣли и уже по этому одному должна была носить чисто-богословскій характеръ. Такимъ образомъ, дѣло общаго народнаго образованія снова перешло на религіозную почву; школа опять должна была преслѣдовать на первомъ планѣ узко-спеціальныя цѣли, опять служить почти исключительно дѣлу укрѣпленія вѣры въ томъ или иномъ направленіи. Школа, начавшая при Лютерѣ понемногу демократизироваться, теперь снова посвятила себя интересамъ скорѣе кастовымъ, чѣмъ общимъ. Ужасы же тридцатилѣтней войны, закончившейся торжествомъ протестантизма, окончательно подорвали все дѣло народнаго образованія, на долгое время покончили со всякимъ образованіемъ вообще.

Конецъ XVII и начало XVIII вѣковъ знаменуютъ въ общественныхъ и умственныхъ теченіяхъ упадокъ интереса къ вопросамъ религіознымъ, мѣсто которыхъ заступили вопросы политическаго характера. Во второй же половинѣ XVIII столѣтія просвѣтительное движеніе вновь возбудило интересъ къ задачамъ народнаго образованія и привело къ расширенію программъ народной школы на Западѣ. Однако, школа тамъ все еще не переставала учить дѣтей только состоятельныхъ или зажиточныхъ родителей. Печальное экономическое положеніе безправной крѣпостной массы всего народа дѣлало школу и обученіе роскошью, доступною только достаточнымъ классамъ. Насколько плохо было поставлено, напр., во Франціи, школьное обученіе, видно изъ того, что, по словамъ Э. Левассера, «во многихъ школахъ давался почетный титулъ писарей или писателей (écrivains) тѣмъ дѣтямъ, которымъ удавалось довести свое образованіе до умѣнья писать» *). И это въ такое время, когда въ Европѣ, подъ вліяніемъ реформаціи, уже болѣе ста лѣтъ существовали первыя государственныя постановленія относительно устройства училищъ, когда такіе геніальные

*) Срв. П. Мижуевъ, «Элементарное образованіе», въ 80 полут. «Энцикл. Словаря» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 621.

люди, какъ Ратихій, Янъ Амосъ Коменскій, Локкъ, Монтень, Фенелонъ, Ролленъ и Руссо, всѣми силами таланта и знанія отстаивали необходимость самаго широкаго образованія для народа. Проповѣдь этихъ борцовъ за свѣтъ и истину дала свои плоды лишь ко времени великой французской революціи. Въ вотированной въ августѣ 1789 года «Декларація правъ человѣка и гражданина» имѣется статья, гласящая: «Должно быть создано и организовано общественное образованіе общее для в с ѣ х ъ гражданъ, даровое по отношенію къ тѣмъ частямъ обученія, которыя необходимы для всѣхъ людей». Это была великая заслуга дѣятелей революціи. Но отъ словъ до дѣла было довольно далеко. Дѣятелямъ революціи было некогда осуществить на практикѣ благія теоретическія начинанія. Но уже самое установленіе идеаловъ народнаго образованія обезсмертило ихъ. Альфредъ Рамбо, авторъ замѣчательнаго труда по исторіи цивилизаціи во Франціи (A. Rambeau, «Histoire de la civilisation contemporaine en France»), пишетъ: «Одною изъ величайшихъ заслугъ дѣятелей конвента надо считать ихъ великіе идеалы по отношенію къ народному образованію, по отношенію къ народнымъ учителямъ и программамъ элементарныхъ школъ. Бѣда была лишь въ томъ, что эти идеалы оказались много выше средствъ, которыми располагалъ конвентъ. Съ тѣхъ поръ и вплоть до настоящей республики ни одно изъ правительствъ не пыталось осуществить идеаловъ народной школы, которые поставилъ себѣ конвентъ. Итакъ, хотя конвентъ не выполнилъ той задачи, которую онъ себѣ поставилъ, но онъ указалъ цѣли, къ которымъ надлежитъ стремиться въ дѣлѣ организаціи народнаго образованія, и выработалъ принципы этой организаціи» *).

У. Л. Іолли («Народное образованіе въ разныхъ странахъ Европы», русск. переводъ А. Санина, стр. 129) читаемъ: «Революція хотя и относилась съ живѣйшимъ интересомъ къ дѣлу духовнаго развитія низшихъ классовъ общества, но не достигла н и к а к и х ъ практическихъ результатовъ». Это совершенно не вѣрно: результатъ, и притомъ крупнѣйшій практическій, заключался уже въ самомъ фактѣ провозглашенія общеобязательности народнаго образованія. Съ момента провозглашенія принциповъ великой французской революціи относительно народнаго образованія, послѣднее было признано именно народнымъ, и школа, хотя бы сперва и теоретически, перестала быть аристократическою, ставъ учрежденіемъ чисто-демократическаго характера. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы вкратцѣ ознакомимся съ тѣми перипетіями, которыя переживали нѣкоторыя культурныя страны раньше, чѣмъ онѣ прониклись сознаніемъ правильности демократизаціи

*) П. Мижуевъ, l. c., p. 621.

школы, особенно начальной. Дѣло это сдѣлалось далеко не сразу, и сейчасъ еще существуютъ государства, даже европейскія, которыя довольно еще далеки отъ осуществленія принципа обязательности всеобщаго обученія. Къ числу подобныхъ странъ принадлежитъ, къ сожалѣнію, и наше обширное отечество.

Итакъ, мы видѣли, что цѣли народнаго образованія и самый характеръ его въ разныя времена, у разныхъ народовъ были различны. Даже сущность его понималась не всегда и не вездѣ одинаково. Не столько образовывали, напр., жреческія школы Индіи, Египта и общественныя училища Спарты и Рима, сколько воспитывали, дѣлая изъ дитяти либо жреца, либо государственнаго чиновника (напримѣръ, въ Китаѣ). Даже Аѳины, этотъ центръ апогея образованности древняго міра, и тѣ давали въ своихъ просвѣтительныхъ учрежденіяхъ юношамъ не столько образованіе, сколько извѣстное болѣе или менѣе систематическое воспитаніе въ опредѣленномъ направленіи. Средніе вѣка также преслѣдовали въ дѣлѣ обученія чисто-утилитарныя, церковныя цѣли. Лишь новому или, вѣрнѣе, новѣйшему времени принадлежитъ заслуга приблизительно правильнаго пониманія значенія образованія и воспитанія широкихъ народныхъ массъ. Только теперь вполнѣ понятно, что образовывать и воспитывать въ сущности одно и то же.

По опредѣленію знаменитаго профессора страсбургскаго университета Теобальда Циглера, воспитаніе есть совокупность такихъ строго обдуманныхъ и систематическихъ пріемовъ, при помощи которыхъ человѣкъ становится просто тѣмъ, чѣмъ онъ является уже по своему назначенію и задаткамъ, т.-е. человѣкомъ въ полномъ смыслѣ этого слова *). Другими словами, воспитывать и образовывать человѣка значитъ развить въ немъ все прекрасное, подавить все дурное, дабы онъ сталъ существомъ нравственнымъ. Само собою разумѣется, что если такой результатъ будетъ достигнутъ, то школа исполнила свое прямое назначеніе. Но, быть-можетъ, она не въ состояніи достигнуть этого; не является ли подобная цѣль ея слишкомъ утопическою? Не слишкомъ ли широка подобная задача ея? Располагаетъ ли она для этого всѣми нужными средствами? На всѣ эти вопросы приходится отвѣчать отрицательно.

Школа безусловно не только должна, но и можетъ сдѣлать все отъ нея зависящее, чтобы учащійся или учащаяся въ ней развили въ себѣ все истинно-человѣческое, чтобы они не выходили изъ нея неподготовленными ни къ чему въ жизни манекенами. Живымъ примѣромъ тому могутъ служить сѣверо-американскія школы. Указанная выше задача школы отнюдь не слишкомъ широка, потому что для

*) Th. Ziegler, «Allgemeine Pädagogik», 2 Aufl., p. 8.

исполненія ея требуются только время и нѣкоторыя денежныя жертвы. И въ этомъ отношеніи опять-таки даже начальныя школы нѣкоторыхъ штатовъ Сѣверной Америки могутъ служить блестящимъ доказательствомъ. Что же касается вопроса о средствахъ, потребныхъ для правильной постановки народнаго образованія и организаціи народной школы, то тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ, они должны и могутъ быть найдены. Примѣръ все той же великой сѣверо-американской республики наглядно показываетъ, что выгоднѣе затратить однѣ и тѣ же деньги на постройку и оборудованіе цѣлой сѣти школъ, чѣмъ на сооруженіе одного, хотя бы и гигантскихъ размѣровъ, броненосца.

Огромное значеніе самаго широкаго народнаго образованія не подлежитъ нынѣ уже ни малѣйшему сомнѣнію. Образованный народъ и матеріально, и духовно имѣетъ громаднѣйшія преимущества предъ необразованнымъ. Фактически доказано, что народное образованіе и народное богатство находятся въ самой тѣсной связи и прямой пропорціональности другъ къ другу. Производительность труда населенія находится въ прямой зависимости отъ затраченныхъ на его образованіе средствъ. Еще въ 1872 году одинъ изъ почтеннѣйшихъ ревнителей народнаго образованія въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ доказалъ американскому конгрессу, что «элементарное образованіе, даже простое умѣнье читать и писать, увеличиваетъ на 25% заработную плату и, слѣдовательно, содѣйствуетъ увеличенію богатствъ страны и лучшему распредѣленію матеріальнаго благосостоянія». Недавно извѣстный англійскій писатель Лекки, указывая на чрезвычайный ростъ расходовъ Англіи на элементарныя школы, выразился слѣдующимъ образомъ: «Англія дѣйствовала въ томъ предположеніи, что при современной международной конкуренціи невѣжественный народъ не можетъ удержать своего положенія ни въ отношеніи своей промышленности, ни въ отношеніи своей политической роли» *).

У насъ въ Россіи разные съѣзды по техническому образованію (въ 1895 г., въ 1903 г.), а также торговопромышленные съѣзды (напр., въ 1896 г. при всероссійской выставкѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ) пришли къ знаменательному выводу, что ростъ заработной платы рабочаго прямо пропорціоналенъ качеству его грамотности **).

Само собою разумѣется, что распространеніе грамотности, не говоря уже о болѣе широкомъ образованіи народной массы, можетъ только положительнымъ образомъ отразиться на состояніи народнаго здравія, а, слѣдовательно, опять-таки благотворно повліять на эконо-

*) П. Мижуевъ, l. c., p. 623.

**) Подробности въ цитир. статьѣ П. Мижуева въ «Энцикл. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона и особенно въ брошюрѣ того же автора «Вліяніе народнаго образованія на народное богатство, здоровье, нравственность и другія

мическое положеніе страны. Наконецъ, еще въ одномъ отношеніи распространеніе хотя бы элементарнаго образованія въ народныхъ массахъ сказывается самымъ положительнымъ образомъ. Мы здѣсь имѣемъ въ виду организацію военныхъ силъ государства. Не требуетъ особыхъ доказательствъ положеніе, что чѣмъ развитѣе рекрутъ, отбывающій воинскую повинность, тѣмъ меньше времени и труда требуется для усвоенія имъ устава о воинской службѣ и всѣхъ деталей службы строевой. Не даромъ наше законодательство сокращаетъ сроки обязательной службы въ арміи и во флотѣ сообразно образовательному цензу новобранца. Сокращеніе же этого срока, доведеннаго, напр., въ Германіи, уже до двухъ лѣтъ, естественно влечетъ за собою, съ одной стороны, сокращеніе государственныхъ расходовъ на каждаго отдѣльнаго солдата и увеличеніе, съ другой стороны, платежеспособности его, какъ носящаго на себѣ часть податей. Скорѣйшее возвращеніе солдата со службы въ семью лишь способствуетъ благосостоянію послѣдней, давая ей лишняго кормильца, который, въ свою очередь, не успѣваетъ отвыкнуть отъ своего исконнаго дѣла. Нѣкоторые противники сокращенія сроковъ военной службы приводятъ въ пользу своего взгляда то соображеніе, будто бы подобное сокращеніе можетъ пагубно повліять на боевую готовность страны. Между тѣмъ примѣръ Сѣверо-Американскихъ Штатовъ во время ихъ послѣдней войны съ Испаніею, которая потеряла почти всѣ свои колоніальныя владѣнія, тогда какъ въ С.-А. Штатахъ совершенно нѣтъ воинской повинности, доказалъ какъ-разъ противное. Опасенъ противникъ сильнѣйшій не количественно, а качественно, не физически, а духовно.

Все, что нами было только-что сказано о вліяніи образованія на матеріальное богатство страны, ничто въ сравненіи съ тѣмъ, какимъ сокровищемъ является знаніе въ духовной жизни народа. Доказывать это положеніе—значитъ повторять труизмы. Особенно это касается такихъ націй, государственное устройство которыхъ чисто-конституціонное. Въ еще бо́льшей мѣрѣ сказывается значеніе не только образованія вообще, но даже простой грамотности у такихъ народовъ, которые, какъ мы въ настоящую минуту, переживаютъ стадію перехода отъ монархическаго абсолютизма къ конституціонному строю. Теперь болѣе чѣмъ когда-либо необходима каждому послѣднему мужичку возможность разобраться въ безчисленномъ количествѣ политическихъ вопросовъ, ежедневно во множествѣ выдвигаемыхъ жизнью. Недаромъ въ цѣломъ рядѣ западныхъ государствъ

стороны общественной жизни», СПБ. 1901, а также въ книгѣ А. Пругавина, «Запросы народа въ области умственнаго развитія», 2 изд., 1895 г. Срв. «Труды второго съѣзда русскихъ дѣятелей по техническому и профессіональному образованію. Секція IX. Общіе вопросы», 2 т., 1898 года.

въ курсъ даже начальной народной школы введены законовѣдѣніе и знакомство съ политическимъ устройствомъ родины. Между тѣмъ у насъ даже гимназистъ, окончившій съ медалью полный курсъ средней школы и получивъ аттестатъ зрѣлости, переходящій затѣмъ въ высшее учебное заведеніе, сплошь-и-рядомъ является полнѣйшимъ профаномъ въ подобнаго рода вопросахъ.

Итакъ, мы постарались выяснить въ общихъ чертахъ все значеніе народнаго образованія. Теперь мы должны ближе ознакомиться съ его цѣлями, чтобы затѣмъ, въ общихъ же штрихахъ, поговорить о средствахъ, имѣющихся для достиженія намѣченныхъ цѣлей.

Цѣлью образованія (и, слѣдовательно, воспитанія) народной массы должно служить споспѣшествованіе достиженію ею по возможности полнаго развитія тѣхъ истинно-человѣческихъ чертъ, которыя обусловливаютъ высокое нравственное состояніе и потому внутреннюю удовлетворенность и счастіе народа. Но здѣсь мы сразу наталкиваемся на цѣлый рядъ затрудненій. Во-первыхъ, понятіе о счастіи весьма растяжимо, такъ какъ понятіе это субъективно; во-вторыхъ, нравственность находится въ тѣснѣйшей зависимости отъ чисто-экономическихъ условій; въ-третьихъ, знаніе сдѣлало въ наше время столь огромные успѣхи, обнимаетъ столь разносторонніе области и, наконецъ, въ каждой отдѣльной области такъ углубилось, что далеко не безынтереснымъ и затруднительнымъ является разрѣшеніе вопроса о минимальныхъ свѣдѣніяхъ, которыя слѣдуетъ требовать отъ всѣхъ безъ исключенія учившихся въ народныхъ школахъ. Принимая же во вниманіе колоссальную въ наше время спеціализацію знаній и быстрый ростъ науки вообще, мы очутимся вскорѣ въ положеніи очень затруднительномъ въ смыслѣ выбора матеріала для преподаванія. Жизнь идетъ быстрымъ темпомъ, и народное образованіе должно сообразоваться съ этимъ. Школа не должна стремиться нормировать жизнь, а сама должна нормироваться ею, должна быть отраженіемъ ея и ея требованій.

Намъ лично кажется, что всѣ вышеуказанныя затрудненія довольно легко если не разрѣшимы, то устранимы. Для этого слѣдуетъ лишь нѣсколько формально сузить кругъ требованій, предъявляемыхъ къ школѣ, причемъ само дѣло въ корнѣ отнюдь не пострадаетъ. И дѣйствительно, если мы задачею образованія возьмемъ не столько накопленіе фактическихъ знаній, количество которыхъ вѣдь постоянно растетъ не по днямъ, а по часамъ, сколько развитіе въ учащихся способности самостоятельно приступить къ работѣ и безъ особаго труда ориентироваться во всякомъ дѣлѣ, то тѣмъ самымъ у этихъ учащихся будетъ заложенъ уже прочный фундаментъ не только ихъ личнаго счастія, но и счастія окружающей ихъ среды, будь то семья,

община или государство. Человѣкъ, который можетъ все, потому что знаетъ, какъ сдѣлать или гдѣ найти вѣрныя указанія,—такой человѣкъ уже не только цѣльная, но и полезная и счастливая личность. Поэтому ближайшею цѣлью образовательнаго учрежденія, школы въ общемъ смыслѣ этого слова, должно быть развитіе въ своихъ питомцахъ на первомъ планѣ любознательности, прилежанія, выдержки. Слѣдствіемъ этихъ качествъ уже сами собою явятся знанія, притомъ тѣмъ болѣе обширныя, чѣмъ сильнѣе будутъ развиты указанныя черты характера.

Школа, даже высшая, должна не столько давать знанія, сколько развивать въ учащихся умѣнье находить, гдѣ искать этихъ знаній, а также впослѣдствіи систематизировать ихъ. Работа и притомъ систематическая въ области науки оказываетъ исключительно облагораживающее дѣйствіе на работника. Въ этомъ смыслѣ сознательное отношеніе и любовь къ труду должны нравственно возвышать трудящагося. Однако, свѣча не будетъ горѣть въ безвоздушномъ пространствѣ, дома строить на воздухѣ нельзя. Необходимъ тотъ минимальный, элементарный запасъ знаній, который долженъ составить базу, основу всякаго обученія. Сюда безусловно придется отнести чтеніе и письмо, счетъ, знаніе мѣръ. вѣса, длины и т. д., элементарныя знанія объ явленіяхъ окружающей насъ природы, общія свѣдѣнія объ условіяхъ окружающей насъ жизни. Если къ этому присоединить еще нѣкоторое знакомство съ прошлымъ нашей родины, съ бытомъ и работою большинства населенія близкой намъ мѣстности, а также съ особенностями жизни ближайшихъ сосѣдей нашихъ, если при всемъ этомъ въ учащемся будетъ выработана извѣстная совокупность нравственныхъ качествъ, базирующихъ на чувствѣ уваженія къ другимъ и себѣ, то такого юношу можно смѣло пустить на арену жизни: онъ не только не пропадетъ, но принесетъ пользу и себѣ, и другимъ.

Итакъ, вкратцѣ резюмируя все сказанное о цѣляхъ народнаго образованія, мы приходимъ къ выводу: школа сама по себѣ не есть цѣль, а средство сдѣлать изъ ребенка человѣка полезнаго и счастливаго, человѣка въ полномъ смыслѣ этого слова. Изъ этого вытекаетъ другой выводъ: школа, удовлетворяясь извѣстными, необходимыми въ каждомъ кругу, каждой мѣстности и каждомъ положеніи минимальными познаніями учащихся, должна, главнымъ образомъ, развивать въ послѣднихъ характеръ, силу воли, любовь къ труду, уваженіе къ личности; другими словами, она должна дать имъ воспитаніе. Воспитательное значеніе школы на всѣхъ ступеняхъ ея должно быть ея первою цѣлью. Низшая школа при этомъ дастъ минимальный циклъ свѣдѣній, средняя расширитъ ихъ, а высшая, показавъ объемы, взаимоотношенія и связь отдѣльныхъ отраслей знанія, выяснитъ учащимся научные

методы и подготовитъ ихъ къ самостоятельной, строго научной и потому несомнѣнно плодотворной работѣ.

Изъ этого видно, что цѣль школьнаго обученія на всѣхъ ступеняхъ одинакова: подготовка къ работѣ, умѣнье работать и желаніе работать. Это, въ свою очередь, показываетъ, что, при единствѣ цѣлей, и сама школа во всѣхъ ея видахъ е д и н а. Сама жизнь, эта въ настоящее время столь нивелирующая всѣхъ и вся сила, требуетъ того. Общая демократизація школы, которую мы отмѣтили выше, явилась результатомъ демократизаціи въ жизни. Мы въ Россіи переживаемъ свою великую революцію, по силѣ своей и значенію не уступающую той, которая перевернула Францію и съ нею весь цивилизованный міръ 117 лѣтъ тому назадъ. А потому принципы свободы, равенства и братства не могутъ и не должны не отразиться на нашемъ школьномъ дѣлѣ, требующемъ, какъ это давно уже общепризнано, самой коренной, самой основательной передѣлки и реформы. При единствѣ школы не можетъ быть рѣчи о какихъ-то привилегированныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Спеціальныя (среднія и даже низшія школы) также являются, очевидно, абсурдомъ: въ 12—13 или менѣе лѣтъ ребенокъ не можетъ выбирать себѣ свое жизненное поприще и самостоятельно намѣчать свою будущую дѣятельность. Поэтому к а ж д о м у ребенку должна быть предоставлена полная возможность, независимо отъ его соціальнаго, имущественнаго, а тѣмъ болѣе вѣроисповѣднаго положенія, получить такое общее образованіе, которое на всякой ступени дѣлало бы его человѣкомъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полезнымъ членомъ общества. Спеціальныя школы, естественно, должны быть оставлены лишь для калѣкъ, идіотовъ или явнопорочныхъ дѣтей (колоніи для малолѣтнихъ преступниковъ). Двери средняго и высшаго учебнаго заведенія должны быть открыты безразлично для каждаго, кто успѣшно прошелъ низшую школу, т.-е., вѣрнѣе, низшій курсъ общей единой школы. Опять-таки Сѣверная Америка и тутъ можетъ служить показательницею полной практической осуществимости подобнаго положенія дѣла.

Итакъ, школа по цѣлямъ должна быть единою, общею. Само собою, она должна быть и общеобязательною. Представленіе объ обязательности обученія, какъ мы видѣли, возникшее не сразу, а явившееся результатомъ цѣлаго ряда чисто-историческихъ факторовъ, въ настоящее время успѣло пустить въ сознаніи человѣчества уже столь глубокіе корни, что существуетъ лишь мало странъ, претендующихъ на названіе культурныхъ и не имѣющихъ еще пока обязательнаго школьнаго обученія.

Къ числу такихъ странъ принадлежитъ Россія. Японія уже давно опередила ее и въ этомъ. Мы не будемъ здѣсь останавливаться на

приведеніи тѣхъ легковѣсныхъ соображеній, нерѣдко граничащихъ прямо-таки съ безнравственностью, которыя приводятся иногда противниками общеобязательности школьнаго обученія. Интересующихся этимъ вопросомъ отсылаемъ къ уже цитированной нами книжкѣ проф. Л. Іолли *). Въ основѣ всякихъ возраженій противъ всеобщаго обязательнаго обученія лежитъ циничное заявленіе въ верхней палатѣ одного лорда, сказавшаго по поводу ассигнованія средствъ изъ государственнаго казначейства на народное образованіе: «Если бы лошадь знала столько же, сколько человѣкъ, то я не ѣздилъ бы на ней».

Школьное обученіе не должно считаться не только съ національностью, вѣроисповѣданіемъ, соціальнымъ положеніемъ, но и съ поломъ и возрастомъ учащихся. Въ школьныхъ постановленіяхъ штата Колорадо говорится, что всякая общественная школа, за исключеніемъ высшихъ, должна быть открыта для всѣхъ дѣтей между 6 и 21 годами, имѣющихъ жительство въ школьномъ округѣ. Школьный комитетъ можетъ даже въ извѣстныхъ случаяхъ допускать и взрослыхъ. На дѣлѣ, впрочемъ, осуществленіе этихъ благихъ постановленій тормозится на каждомъ шагу. Изъ этого, однако, не слѣдуетъ, чтобы не слѣдовало всѣми силами стремиться къ осуществленію намѣченнаго идеала.

Въ тѣснѣйшей связи съ общедоступностью народной школы находится вопросъ объ ея безплатности. Это также одинъ изъ пунктовъ, относительно котораго существуютъ разногласія, поведшія даже къ возникновенію цѣлой литературы. Доводы, приводимые противниками дарового обученія даже на низшей ступени школьнаго обученія, весьма разнообразны. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ по этому поводу проф. Л. Іолли **).

«Чѣмъ выше, по своему типу, учебное заведеніе, тѣмъ бо́льшее значеніе пріобрѣтаетъ, на ряду съ интересомъ всего общества, интересъ самихъ учениковъ, получающихъ образованіе, и тѣмъ справедливѣе становится, слѣдовательно, взиманіе платы за ученье. Напротивъ, чѣмъ элементарнѣе образованіе, даваемое школою, тѣмъ сильнѣе частный интересъ учащихся отодвигается на задній планъ, и тѣмъ бо́льшее значеніе получаетъ, слѣдовательно, вопросъ объ отказѣ отъ взиманія платы за ученье или объ освобожденіи отъ взноса ея несостоятельныхъ учениковъ, или же о внесеніи за нихъ платы благотворительными учрежденіями. Однакожъ, и въ сферѣ самаго элементарнаго образованія частныя выгоды играютъ еще настолько значительную роль, что освобожденіе заинтересованныхъ лицъ отъ

*) Л. Іолли, l. c., p. 2—5 въ русскомъ переводѣ А. Сапина.
**) l. c., p. 11—12.

платы за ученье должно ослаблять у нихъ сознаніе, что имъ самимъ слѣдуетъ заботиться объ удовлетвореніи своихъ личныхъ потребностей. Далѣе, не въ пользу отказа отъ взиманія платы за ученье говоритъ еще то обстоятельство, что безплатное образованіе, какъ и все вообще даровое, цѣнится родителями и дѣтьми меньше, чѣмъ платное, и потому въ гораздо меньшей степени поддерживается прилежаніемъ учениковъ при занятіяхъ дома и наблюденіемъ за школою со стороны родителей».

Слабыя стороны этой аргументаціи самоочевидны, и на нихъ останавливаться не стоитъ. Само собою разумѣется, что при томъ взглядѣ на значеніе и цѣли народнаго образованія, который почти повсемѣстно получилъ теперь право гражданства, вопросъ о безплатности образованія не можетъ имѣть двухъ рѣшеній. Разъ государство и общество заинтересованы въ возможно широкомъ воспитаніи и образованіи народныхъ массъ, ихъ прямая не только обязанность, но и выгода сдѣлать обученіе даровымъ. Въ періоды сильныхъ эпидемическихъ заболѣваній, въ моменты голода приходитъ же государство на помощь больнымъ и голоднымъ. Почему же ему не утолять того духовнаго голода, который всегда свойственъ народу? Прямая выгода государству открывать и содержать какъ можно больше школъ, потому что учащаяся въ нихъ молодежь потребуетъ впослѣдствіи тѣмъ меньшаго количества тюремъ, судовъ и больницъ. Такой взглядъ на дѣло постепенно проникаетъ повсюду и, Богъ дастъ, не за горами то время, когда обученіе будетъ такимъ же даровымъ, какими являются воздухъ и вода.

Итакъ, мы въ сущности покончили съ разсмотрѣніемъ цѣлей школы, давъ попутно краткую характеристику того, къ чему стремятся теперь въ дѣлѣ народнаго образованія наиболѣе передовыя націи. Мы видѣли, что идеалъ—это школа общеобязательная, общедоступная, безплатная, общая для всѣхъ и единая, т.-е. такая, которая во всѣхъ видахъ своихъ представляла бы лишь звенья одной цѣпи. Теперь мы бросимъ взглядъ на то, какими средствами располагаетъ человѣчество для достиженія намѣченной въ школьномъ дѣлѣ задачи.

Здѣсь на первомъ планѣ бросается въ глаза разношерстность школъ въ разныхъ государствахъ. Оставляя въ сторонѣ воспитательно-учебныя заведенія для идіотовъ, калѣкъ и преступныхъ дѣтей, мы почти всюду находимъ три основныхъ типа учебныхъ заведеній: школы низшія, среднія и высшія. Здѣсь точками дѣленія являются не возрастъ и не та или другая степень подготовленности учащихся, а скорѣе ихъ соціальное и экономическое положеніе. Низшія школы почему-то предназначены исключительно для простонародья и для мелкой буржуазіи, среднія и высшія — привилегія

дѣтей имущихъ и богатыхъ классовъ. Особенно рельефно бросается это въ глаза у насъ, въ Россіи. Всѣмъ памятенъ не столь давно изданный нашимъ учебнымъ вѣдомствомъ циркуляръ объ ограниченіи числа учащихся въ среднихъ и особенно высшихъ учебныхъ заведеніяхъ такъ наз. «кухаркиныхъ сыновей». Сословность цѣлаго ряда учебныхъ заведеній (кадетскихъ и морского корпусовъ) уже дала себя ясно почувствовать въ опытѣ хотя бы послѣдней войны съ Японіей. Конечно, вовсе нежелательно, чтобы среднія и особенно высшія учебныя заведенія переполнялись бездарностями и аферистами, жаждущими только дипломовъ и связанныхъ съ ними правъ. Но для этого необходимо дѣло поставить такъ, чтобы бездарности и аферисты не шли въ эти учебныя заведенія. Этого можно достигнуть однимъ только путемъ, именно: полнымъ уничтоженіемъ тѣхъ общественныхъ и служебныхъ правъ и преимуществъ, которыя даются разными дипломами. Желѣзная воля, прилежаніе, знаніе и талантъ пробиваютъ себѣ, какъ мы ежедневно видимъ на дѣлѣ, дорогу въ жизни лучше и прочнѣе всякихъ протекцій и вымоленныхъ или высиженныхъ дипломовъ, въ концѣ концовъ, позорящихъ лишь тѣ учебныя и ученыя корпораціи, которыя ихъ выдали бездарностямъ или людямъ недостойнымъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что дѣленіе учебныхъ заведеній на три категоріи, низшихъ, среднихъ и высшихъ, должно быть качественнымъ, а не сословно- или экономически-количественнымъ, какимъ оно является почти повсюду до сихъ поръ. Въ низшей школѣ должны обучаться в сѣ здоровыя дѣти страны въ извѣстномъ возрастѣ, какъ это имѣетъ мѣсто почти вездѣ на Западѣ и даже въ Японіи; возрастъ этотъ точно установляется закономъ, и за непосыланіе дѣтей школьнаго возраста въ учебное заведеніе родители или лица, заступающія ихъ мѣсто, привлекаются такъ или иначе къ отвѣтственности. Наиболѣе способные учащіеся, если это позволяютъ имъ ихъ средства, переходятъ затѣмъ въ школу среднюю, органическое продолженіе школы низшей, а наилучшіе, наконецъ, въ высшее учебное заведеніе того или другого типа по спеціальности. Для дѣтей, окончившихъ низшую школу и поставленныхъ въ необходимость уже съ раннихъ лѣтъ трудиться и быть опорою семьѣ, обязательно, какъ это уже имѣется въ большинствѣ культурныхъ странъ, посѣщеніе въ извѣстные дни и часы дополнительныхъ, повторительныхъ и общеобразовательныхъ классовъ или курсовъ, гдѣ всякій могъ бы освѣжить свои познанія, пополнить и углубить ихъ, а также ближе ознакомиться съ теоріею того дѣла, которымъ онъ практически добываетъ себѣ свой кусокъ хлѣба. Ниже мы увидимъ, что починъ въ этомъ кое-гдѣ уже положенъ. Равнымъ образомъ, особенно въ цѣляхъ подготовки самыхъ маленькихъ дѣтей къ поступленію въ низшую школу, почти повсюду

устраиваются такъ назыв. дѣтскіе сады, обыкновенно тѣснѣйшимъ образомъ связанные съ начальными элементарными школами. Здѣсь обращается вниманіе не столько на обученіе, сколько на воспитаніе дѣтей, на подготовку ихъ къ успѣшному прохожденію курса низшей школы. Объ установленіи нормальныхъ программъ во всѣхъ видахъ разсмотрѣнныхъ нами школъ рѣчь будетъ нѣсколько ниже.

Теперь же намъ надлежитъ коснуться еще дѣленія учебныхъ заведеній по характеру даваемой ими подготовки. Мы имѣемъ въ виду школы *общеобразовательныя* и *спеціальныя*; къ числу послѣднихъ относятся такъ назыв. торговыя, профессіональныя, музыкальныя, ремесленныя и т. п. школы. Изъ вышесказаннаго ясно, что всѣ эти категоріи учебныхъ заведеній отнюдь не должны были бы имѣть общеобразовательныхъ классовъ, которые всецѣло должны остаться за низшими или отчасти средними учебными заведеніями. Между тѣмъ на практикѣ мы, къ сожалѣнію, видимъ далеко не это, отчего, конечно, только страдаетъ какъ общая, такъ и спеціальная подготовка учащихся.

Сообразно полу учащихся, школы раздѣляются на *мужскія*, *женскія* и *смѣшанныя*. Разрѣшеніе вопроса, какая изъ этихъ трехъ категорій и на какой ступени развитія учащихся наиболѣе цѣлесообразна, представляетъ чрезвычайныя трудности и имѣетъ въ каждой странѣ свою огромную литературу. Сообразно темпераменту и характеру, тотъ или иной народъ разрѣшалъ этотъ вопросъ по-своему. Въ Сѣверной Америкѣ, напр., школы всѣхъ категорій почти исключительно смѣшанныя; во Франціи таковыми являются только школы низшія и высшія; въ Англіи преобладаетъ раздѣленіе половъ подобно тому, какъ мы находимъ это въ Германіи и Россіи. Высказаться въ ту или другую сторону по этому вопросу чрезвычайно трудно, вслѣдствіе множества разнороднѣйшихъ соображеній, которыя здѣсь придется имѣть въ виду. Во всякомъ случаѣ, нужно надѣяться, что если не въ мѣстномъ, то хоть въ качественномъ отношеніи вскорѣ нигдѣ больше не будетъ школъ мужскихъ и женскихъ. Полное уравненіе ихъ программъ не только желательно, но и нужно. Всѣ доводы, приводимые противъ невозможности и ненужности подготовки дѣвочекъ и дѣвушекъ въ одинаковомъ объемѣ къ курсу высшей школы, просто не заслуживаютъ вниманія.

Въ заключеніе приходится сказать еще нѣсколько словъ о дѣленіи учебныхъ заведеній на *общественныя* (публичныя или казенныя, какъ они называются у насъ въ Россіи) и *частныя*. Изъ того, что было приведено выше о значеніи народнаго образованія и его цѣляхъ, само собою вытекаетъ желательность общественныхъ школъ. Учебныя заведенія должны готовить хорошихъ и полезныхъ

для государства и общества людей; слѣдовательно, естественно, чтобы государство заботилось объ этихъ школахъ, открывало и содержало ихъ, нормировало бы ихъ программы, назначало учащихъ, обезпечивало бы ихъ жалованьемъ и пенсіею на случай старости или инвалидности. Все это дѣло государства. Однако, нельзя не признать, что частная иниціатива играетъ въ школьномъ дѣлѣ, быть-можетъ, болѣе серьезную и крупную роль, чѣмъ въ какомъ бы то ни было иномъ. Казенщина, однообразіе, подведеніе подъ опредѣленную категорію, слишкомъ легко могущее перейти въ шаблонность,—все это естественные и злѣйшіе враги школьнаго дѣла. Учитель не чиновникъ, не ремесленникъ, не машина, а художникъ. По крайней мѣрѣ, такимъ онъ долженъ быть. Ему должна быть предоставлена наивозможно полная свобода воспитанія и преподаванія; его творчество не должно втискиваться въ подчасъ до смѣшного узкія рамки, гдѣ все предусмотрѣно, взвѣшено, предопредѣлено; онъ долженъ быть въ лучшемъ смыслѣ слова свободнымъ художникомъ. Естественно, что таковымъ онъ будетъ лишь при полной своей независимости, какъ служебно-матеріальной, такъ и духовно-нравственной. Но для этого необходимо, чтобы онъ, получивъ должную, чрезвычайно солидную и широкую общую и спеціальную подготовку, сознавалъ въ себѣ настоящее призваніе къ своему великому, отвѣтственному, общечеловѣческому дѣлу. Чтобы быть духовнымъ вождемъ народа, какъ подобаетъ учителю, онъ самъ долженъ стоять неизмѣримо выше окружающей его среды. Между тѣмъ, то ли мы видимъ у частныхъ школьныхъ предпринимателей? Гдѣ ихъ идеальныя стремленія? Могутъ ли они осуществиться хоть отчасти тамъ, гдѣ всѣ силы, всѣ стремленія, всѣ заботы поневолѣ сводятся къ интересамъ чисто-денежнаго свойства! Государство обязано поддерживать частныя школьныя предпріятія, но лишь при условіи идеальной постановки ихъ. То торгашество знаніемъ, та профанація его во имя рубля, которыя мы, къ сожалѣнію, видимъ, особенно за послѣднее время, на каждомъ шагу, не могутъ быть терпимы долѣе. Слѣдуетъ предоставить частной иниціативѣ самое широкое поле дѣятельности въ школьной области, но только при наличности данныхъ, обезпечивающихъ успѣхъ дѣла. Здѣсь мы сразу наталкиваемся на цѣлый рядъ препятствій, тормозящихъ свободу преподаванія. Одинъ уже контроль со стороны государства чего стоитъ! А между тѣмъ такое серьезное, такое святое дѣло, какъ воспитаніе и образованіе подрастающаго поколѣнія, не можетъ вестись какъ-нибудь и кѣмъ-нибудь, тѣмъ болѣе, что государство и общество заинтересованы въ этомъ не только нравственно, но и матеріально. Въ Англіи и Америкѣ школьное дѣло, особенно въ начальныхъ учебныхъ заведеніяхъ, всецѣло въ рукахъ частныхъ предпринимателей и пред-

принимательницъ, причемъ лица, наиболѣе успѣшно ведущія свои школы, пользуются всегда и подчасъ весьма солидными субсидіями отъ правительства. Въ другихъ странахъ, напр., въ Венгріи, Даніи, общество, обязанное по закону открывать начальныя школы, несетъ и часть издержекъ на нихъ. Впрочемъ, объ этомъ у насъ рѣчь будетъ впереди, при обзорѣ школьнаго дѣла въ каждой отдѣльной культурной странѣ. Тамъ же мы будемъ говорить и о программахъ начальныхъ школъ. Здѣсь мы только отмѣтимъ, что рѣшительно во всѣхъ культурныхъ странахъ программы низшихъ или начальныхъ школъ гораздо шире, чѣмъ въ нашихъ русскихъ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Мы уже упомянули о томъ, что тамъ почти повсюду учащимся сообщаются свѣдѣнія по законовѣдѣнію, по политическому строю родины, по государствовѣдѣнію. У насъ въ Россіи мы не найдемъ ничего подобнаго даже въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Политическая экономія читается только въ университетахъ на юридическихъ факультетахъ, отчасти въ коммерческихъ училищахъ и политехникумахъ. Остальнымъ учебнымъ заведеніямъ и факультетамъ этотъ предметъ совершенно чуждъ. А физіологія? А біологія? А гигіена?

Зато у насъ рѣшительно вездѣ обязательнымъ и первымъ въ программѣ предметомъ является Законъ Божій. Такимъ образомъ, всѣ наши русскія учебныя заведенія носятъ въ нѣкоторомъ родѣ конфессіональный характеръ *). Насколько это вяжется съ общепризнанной даже свыше свободой совѣсти, предоставляемъ судить читателямъ. На Западѣ вопросъ религіозный въ школѣ дебатировался много и на разные лады, создавъ обширную спеціальную литературу. Въ общемъ почти повсемѣстно, даже въ Италіи, пришли къ выводу исключить изъ программъ начальныхъ и среднихъ учебныхъ заведеній общаго характера преподаваніе Закона Божія вовсе. Для лицъ, желающихъ дать своимъ дѣтямъ свѣдѣнія по религіи, оставляются свободными отъ прочихъ школьныхъ занятій одинъ или два дня въ недѣлю, когда ребенокъ пользуется уроками священника или законоучителя. Особенно трудно было разрѣшить данный вопросъ въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, какъ извѣстно, наблюдается весьма широко развитое сектантство, и гдѣ интересъ къ религіознымъ вопросамъ развитъ въ народѣ чрезвычайно сильно. Въ концѣ концовъ, преподаваніе Закона Божія было совершенно исключено изъ школьныхъ программъ. Вмѣсто этого было введено преподаваніе нравственности съ чтеніемъ Библіи, безъ всякихъ, однако, комментаріевъ и поясненій. Преподаваніе это поручается свѣтскимъ учителямъ

*) Даже въ университетахъ, на всѣхъ факультетахъ, богословіе является обязательнымъ предметомъ для всѣхъ студентовъ православнаго исповѣданія.

и учительницамъ, причемъ имъ строжайше воспрещено касаться какихъ-либо догматическихъ, а тѣмъ болѣе вѣроисповѣдныхъ вопросовъ. Въ совершенно аналогичномъ положеніи находится дѣло и въ Японіи, гдѣ, какъ извѣстно, сильно развиты буддизмъ, шинтоизмъ и, частью, христіанство. Преподаваніе религіи замѣнено тамъ уроками общечеловѣческой «морали». Намъ кажется, что это единственно правильная точка зрѣнія. Что сдѣлали и что продолжаютъ дѣлать конфессіональныя школы, какимъ тормозомъ къ общему развитію учащихся онѣ являются, какъ онѣ понижаютъ общій уровень культурности страны, лучше всего видно на примѣрѣ Испаніи и вообще романскихъ народовъ. До тѣхъ поръ, пока во Франціи школы находились въ рукахъ духовенства, общій уровень народнаго образованія былъ весьма низокъ. Наши русскія школы грамотности и церковно-приходскія училища также не принесли странѣ почти никакой пользы, несмотря на огромныя суммы, отпущенныя и еще отпускаемыя на ихъ содержаніе. Характернѣе всего то, что самъ народъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ открещивается отъ нихъ. Вѣротерпимость, этотъ первый показатель культурности народа, разовьется только тамъ, гдѣ школы не будутъ носить узко-конфессіональнаго характера. Въ школьномъ дѣлѣ, быть-можетъ, болѣе, чѣмъ въ любой другой области, не должно быть «ни варвара, ни эллина, ни іудея». Итакъ, коренной пересмотръ школьныхъ программъ, строгая систематизація предметовъ, расширеніе курса въ низшихъ, углубленіе его въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, наконецъ, полное исключеніе конфессіональности изъ школы, вотъ чего намъ нужно, тѣмъ болѣе, что на Западѣ и даже въ Японіи это давнымъ-давно уже сознано и достигнуто. Но для этого недостаточно однихъ благихъ пожеланій, а необходимо серьезно взяться за дѣло, принести крупныя матеріальныя жертвы, не останавливаться передъ расходами, которые только на *первый взглядъ* могутъ показаться малопроизводительными. Необходимо покрыть страну густою сѣтью образцово поставленныхъ учебныхъ заведеній. Въ этомъ залогъ благоденствія страны.—Но тутъ сразу же возникаетъ вопросъ, гдѣ и откуда взять потребное количество учащихъ?

До тѣхъ поръ, пока у насъ въ Россіи школьный учитель будетъ играть роль нищаго, жалкаго парія, дѣло народнаго образованія не подвинется ни на одинъ шагъ. Съ одной стороны, необходимо значительно повысить интеллектуальный и образовательный уровень учителей и учительницъ, съ другой же-кореннымъ образомъ видоизмѣнить ихъ общественное и матеріальное положеніе. Въ большинствѣ государствъ Западной Европы и въ Америкѣ матеріальное и общественное положеніе учащихъ можетъ быть названо болѣе или менѣе сноснымъ. У насъ въ Россіи оно прямо-таки невозможно: въ любой газетѣ мы

найдемъ, въ отдѣлѣ провинціальномъ, просто чудовищныя сообщенія о вопіющей нищетѣ нашихъ народныхъ учителей и учительницъ. А ихъ полное безправіе! Всякій не только земскій начальникъ или волостной старшина, но любой урядникъ или сотскій безпрепятственно издѣваются надъ ними и дѣлаютъ имъ безнаказанно каверзы на каждомъ шагу!

Родители учащихся и сами учащіеся не могутъ уважать педагогическій персоналъ, гибнущій отъ нищеты и забитости. Отсутствіе мало-мальски сносной обезпеченности, полное отсутствіе какихъ бы то ни было пенсій на случай инвалидности или старости, наконецъ, полная зависимость отъ всѣхъ и каждаго ведутъ къ тому, что въ народные учителя (да и не только въ народные) у насъ не-рѣдко идутъ тѣ неудачники, которымъ большею частью уже дѣваться некуда. Условія жизни въ деревнѣ, полный, безконтрольный произволъ всѣхъ, хотя бы микроскопическую власть имѣющихъ, наконецъ, систематическое голоданіе,—все это вмѣстѣ взятое быстро охлаждаетъ рвеніе тѣхъ немногочисленныхъ идеалистовъ и идеалистокъ, которые въ юности мечтаютъ принести посильную пользу народу и посвящаютъ себя тернистому пути учительства. Ихъ идеализмъ, при соприкосновеніи съ суровою и жестокою дѣйствительностью, быстро разлетается въ пухъ и прахъ, и менѣе энергичные и твердые бѣгутъ изъ школъ, уходя въ сидѣльцы казенныхъ винныхъ лавокъ, приказчики, торговцы. Наконецъ, по своей научной подготовкѣ огромное большинство педагогическаго персонала нашего совершенно не соотвѣтствуетъ тому, что должно бы быть и на что обращено такое большое вниманіе на Западѣ. Наши народные учителя и учительницы и даже преподаватели среднихъ учебныхъ заведеній въ огромномъ большинствѣ случаевъ являются полными профанами въ своемъ дѣлѣ. Наши учительскія семинаріи поставлены изъ рукъ вонъ плохо; контингентъ учащихся въ нихъ набирается, какъ говорится, съ борка да съ сосенки и, при почти полномъ отсутствіи сколько-нибудь сносной общеобразовательной подготовки, учителя и учительницы рѣдко могутъ удовлетворять требованіямъ, предъявляемымъ имъ жизнью и школою. Мы говоримъ рѣдко, потому что все-таки, при этомъ общемъ, мрачномъ тонѣ картины, въ нашихъ народныхъ учителяхъ замѣчается весьма похвальное стремленіе къ самообразованію. Духовный и умственный голодъ постоянно терзаетъ ихъ, но, къ сожалѣнію, противъ этого почти нѣтъ средствъ за неимѣніемъ средствъ матеріальныхъ. Достаточно взглянуть на то увлеченіе, съ которымъ на изрѣдка устраиваемыхъ у насъ при учительскихъ съѣздахъ общеобразовательныхъ курсахъ работаютъ и учатся насадители и насадительницы знанія въ народѣ. Они, видимо, всѣмъ сердцемъ сами рвутся къ знанію, прекрасно со-

знавая, что народный учитель болѣе всякаго другого долженъ быть въ своемъ родѣ маленькимъ энциклопедистомъ, долженъ умѣть отвѣтить на безчисленное количество вопросовъ, ежеминутно выдвигаемыхъ самою жизнью. Широкое общее образованіе—вотъ что необходимо нашимъ учителямъ и учительницамъ. Между тѣмъ, на дѣлѣ мы не только сплошь-и-рядомъ не находимъ и признака его, но прямотаки встрѣчаемся съ классическимъ невѣжествомъ. Для примѣра напомнимъ только, что въ такъ называемыхъ школахъ грамоты преподаетъ кто угодно: отставные солдаты, пропойцы, случайно умѣющіе кое-какъ читать и писать, и т. п. лица. Характерно, что у насъ въ Россіи къ преподаванію въ школахъ грамотности и даже иногда въ церковно-приходскихъ допускаются лица, которыхъ признаетъ къ тому пригодными мѣстный «батюшка». А сколько такихъ батюшекъ сами окончили лишь два класса духовной семинаріи!

Заграницей обращено самое серьезное вниманіе на достодолжную подготовку педагогическаго персонала; государство и общество тратятъ тамъ огромныя суммы на это дѣло, понимая, что поручить ребенка невѣжественному учителю равносильно тому, если бы отдать его въ безконтрольное распоряженіе знахаря во время болѣзни. Поэтому тамъ немыслимы тѣ вопіющія безобразія въ школьномъ дѣлѣ, которыя отмѣчаются у насъ на каждомъ шагу. Поэтому тамъ особа учителя или учительницы почти священна. Поэтому тамъ и могло быть признанно правильнымъ утвержденіе, что не войска разбили въ 1866 году Австрію, а въ 1871 году Францію, а исключительно «школьный учитель».

Итакъ, вкратцѣ резюмируя все сказанное выше, мы приводимся самою жизнью къ слѣдующимъ многознаменательнымъ выводамъ: школа должна быть общеобязательною, всесословною (общею), общедоступною, безплатною и единою; школа должна быть учрежденіемъ государственнымъ; программы школы во всѣхъ ея видахъ должны быть кореннымъ образомъ переработаны въ виду того значенія, тѣхъ цѣлей и средствъ, которыя имѣетъ, которыя ставитъ себѣ и которыми располагаетъ дѣло народнаго образованія; наконецъ, кореннымъ образомъ должна быть измѣнена подготовка педагогическаго персонала, должно быть реформировано ихъ общественное, правовое и матеріальное положеніе.

Мы здѣсь не можемъ задаваться цѣлью отвѣтить на вопросъ, к а к ъ все это нужно сдѣлать. Выше кое-что нами было уже намѣчено въ этомъ направленіи. Тутъ намъ надлежитъ вкратцѣ посмотрѣть, ч т о сдѣлано по всѣмъ вышеприведеннымъ пунктамъ въ наиболѣе культурныхъ странахъ міра. Если мы при этомъ будемъ стоять на строго исторической точкѣ зрѣнія, то отъ этого факты станутъ бо-

лѣе ясными, а выводы получатъ бо́льшую убѣдительность. Если мы сравнимъ затѣмъ эти факты и выводы съ тѣмъ, что сдѣлано и дѣлается у насъ въ Россіи въ данномъ отношеніи, то отвѣты возникнутъ сами собою. Поэтому дальнѣйшее изложеніе нашего труда само собою распадается на слѣдующіе большіе отдѣлы:

А) Какъ развивалось и въ какомъ положеніи находится народное образованіе на Западѣ и

Б) какъ развивалось и въ какомъ положеніи находится народное образованіе въ Россіи.

Каждый изъ этихъ отдѣловъ, въ свою очередь, распадается на подотдѣлы, въ которыхъ по намѣченнымъ нами выше рубрикамъ (напр., обязательность, безплатность народнаго образованія и т. п.) мы, за неимѣніемъ сколько-нибудь свободнаго мѣста, по возможности сжато сгруппируемъ всѣ наиболѣе краснорѣчивыя данныя. Въ основу нашего обозрѣнія мы положимъ прагматическій принципъ, причемъ будемъ исходить отъ менѣе передовыхъ странъ къ болѣе культурнымъ. Само собою разумѣется, что наибольшее вниманіе будетъ нами удѣляемо школѣ низшей, такъ называемой народной въ точномъ смыслѣ слова, тогда какъ среднія и высшія учебныя заведенія будутъ насъ интересовать лишь косвенно и попутно. Разсчитываемъ въ заключеніе дать еще нѣкоторыя библіографическія указанія для лицъ, желающихъ глубже и подробнѣе ознакомиться съ нашею обширнѣйшею, важнѣйшею и всезахватывающею темою. Къ сожалѣнію, и тутъ, при цѣломъ необъятномъ морѣ литературы, намъ также придется ограничиться лишь наиболѣе существеннымъ, важнымъ и новымъ. Вѣдь истинное образованіе не есть количественная масса свѣдѣній, а только умѣнье отыскать ихъ въ случаѣ необходимости и разобраться въ нихъ, отдѣливъ нужное отъ ненужнаго, золото отъ шлаковъ.

II. Народное образованіе на Западѣ.

Сообразно намѣченному въ концѣ первой главы плану, намъ придется начать разсмотрѣніе того, что сдѣлано въ области народнаго образованія въ государствахъ Европы, причемъ мы сгруппируемъ эти государства въ послѣдовательномъ порядкѣ отъ наименѣе культурныхъ къ наиболѣе далеко ушедшимъ впередъ въ этомъ отношеніи. Предварительно, однако, скажемъ нѣсколько словъ о постановкѣ начальной, низшей школы во внѣ-европейскихъ странахъ. Начнемъ съ Азіи. При этомъ мы, однако, выдѣлимъ Японію, столь успѣшно воспріявшую европейскую цивилизацію, въ отдѣльный краткій очеркъ, подобно тому, какъ и сѣверо-американскія школы въ Соединенныхъ Штатахъ будутъ предметомъ особаго разсмотрѣнія. Изъ государствъ Азіи, кромѣ Китая, имѣющаго свою особенную, здѣсь насъ не могущую интересовать многовѣковую культуру, вниманіе наше, естественно, привлекаетъ къ себѣ Остъ-Индія.

Въ 1858 году Остъ-Индія вошла въ составъ Великобританіи. Съ тѣхъ поръ, за почти полъ-столѣтія, въ странѣ возникло до 100000 начальныхъ и элементарныхъ школъ для туземцевъ. Учебныя заведенія эти въ большинствѣ случаевъ устроены по англійскому образцу и содержатся на казенный, государственный счетъ. Число учащихся въ нихъ доходитъ до 3 милліоновъ человѣкъ, причемъ обученіе далеко не обязательно. Рядомъ съ этими школами существуетъ цѣлый рядъ частныхъ учебныхъ заведеній, главнымъ образомъ, миссіонерскихъ, содержимыхъ на счетъ различныхъ благотворительныхъ и миссіонерскихъ обществъ, а также частныхъ лицъ. Количество учащихся здѣсь доходитъ также до $2^1/_2$ милліоновъ душъ. Тѣмъ не менѣе, при общемъ населеніи Индіи въ почти 300 милліоновъ человѣкъ, учащіеся составляютъ во всѣхъ школахъ едва $3^0/_0$ всего числа жителей. Если же принять во вниманіе своеобразный, разношерстный и чрезвычайно суевѣрный характеръ населенія Остъ-Индіи, то и достигну-

тые въ дѣлѣ народнаго образованія успѣхи, особенно за столь короткое время, должны поражать своими размѣрами *). О школахъ Персіи, Афганистана и Турціи здѣсь говорить почти не приходится, такъ какъ эти учебныя заведенія, за исключеніемъ турецкихъ, о которыхъ рѣчь будетъ впереди, почти не организованы, носятъ чисто-конфессіональный (мусульманскій) характеръ и преслѣдуютъ цѣли, почти ничего общаго съ европейскимъ образованіемъ не имѣющія.

Въ Африкѣ дѣло народнаго образованія стоитъ также на весьма низкой ступени развитія. Въ Египтѣ постольку же сказываются вліянія мусульманскія и англійскія, поскольку въ Тунисѣ и Алжирѣ французскія. По самой сути дѣла сближеніе, не говоря уже о сліяніи этихъ двухъ элементовъ, прямо-таки невозможно. Поэтому въ настоящее время о народномъ образованіи въ нашемъ смыслѣ слова не можетъ быть и рѣчи въ Египтѣ. Въ прочихъ европейскихъ колоніяхъ Чернаго материка имѣются кое-гдѣ слабыя попытки къ открытію начальныхъ народныхъ школъ; но эти усилія почти никогда не приводятъ къ сколько-нибудь осязательнымъ результатамъ. Въ одинаковой мѣрѣ не могутъ похвастать особенными успѣхами также и не особенно густо разсѣянныя по всему материку миссіонерскія школы. Причиною служитъ сильное развитіе въ Африкѣ мусульманства съ его своеобразною культурою. Особенно густо заселенъ, какъ извѣстно, югъ Африки, Капская земля, колонія Наталь и прочія англійскія владѣнія, Оранжевая республика и бывшій Трансвааль. Но, тѣмъ не менѣе, мы не найдемъ здѣсь сколько-нибудь систематически организованнаго народнаго образованія. Лучше всего обстоитъ дѣло въ Капской землѣ, гдѣ школьный вопросъ сравнительно давно занимаетъ правительство, и, тѣмъ не менѣе, лѣтъ десять тому назадъ (въ 1895 году) публичныя и частныя училища имѣли только около 100000 учащихся, что составляетъ не болѣе 6,25% общаго населенія страны. Въ Трансваалѣ былъ даже изданъ 2 іюня 1892 года спеціальный законъ, дѣлавшій элементарное обученіе общеобязательнымъ; однако, вскорѣ затѣмъ наступившая война съ Англіею не дала достодолжнымъ образомъ развиться этимъ благимъ начинаніямъ. Печальный для буровъ исходъ войны обусловилъ регрессъ и въ этой области. Впрочемъ, недостатокъ общественныхъ и частныхъ школъ издавна возмѣщался въ тѣхъ краяхъ просвѣтительною дѣятельностью ряда миссіонерскихъ обществъ, а также древне-нидерландскою традиціею, въ силу которой патріархальное домашнее обученіе издавна здѣсь считается обязательнымъ. Всеобщая грамотность населенія, по крайней мѣрѣ, коренного,

*) Ср. K. A. Schmidt, «Geschichte der Erziehung vom Anfang an bis auf unsere Zeit», т. V, 3, «Geschichte der Volksschule», стр. 269.

обусловливается уже принадлежностью его къ реформатскому вѣроисповѣданію съ его обязательною конфирмаціею *).

Переходя затѣмъ къ Америкѣ, мы должны отмѣтить въ центральной и южной частяхъ этого материка, гдѣ царитъ всесильный католицизмъ, въ общемъ крайне низкій уровень народнаго образованія, которое мѣстами отсутствуетъ и вовсе, чаще же всего носитъ необязательный и узко-конфессіональный характеръ. Зато Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ дѣлѣ народнаго образованія, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ деталей его организаціи, опередили даже самыя культурныя страны Европы. Но о нихъ рѣчь будетъ впереди, въ отдѣльномъ очеркѣ. Канада и прочія англійскія владѣнія въ Америкѣ почти цѣликомъ ввели у себя великобританскую организацію народнаго образованія, хотя система учебныхъ заведеній, на которую не остались безъ вліянія и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты, въ значительной мѣрѣ лишена стройности американскихъ школъ. Все-таки важно и отрадно уже то, что американская система хоть отчасти отразилась на канадскихъ школахъ. Въ Аляскѣ, благодаря специфическому составу населенія, преобладаютъ школы миссіонерскія, православныя, католическія и лютеранскія, причемъ послѣднія двѣ категоріи пользуются въ довольно значительной мѣрѣ правительственными субсидіями, которыхъ совершенно лишены школы православныя.

Намъ остается сказать еще нѣсколько словъ о школьномъ дѣлѣ въ Австраліи. Здѣсь намъ придется отдѣлить материкъ Австраліи съ Тасманіею и Новою Зеландіею отъ тихоокеанскихъ острововъ Микронезіи, Меланезіи и Полинезіи. Первый, равно какъ Тасманія и Новая Зеландія, представляютъ англійскія колоніи, острова же въ громадномъ большинствѣ случаевъ перешли къ разнымъ европейскимъ державамъ, отчасти сохранили свою самостоятельность (Ново-Гебридскіе острова), отчасти стали собственностью С.-А. Соединенныхъ Штатовъ (о-ва Гавайскіе или Сандвичевы). Въ англійскихъ владѣніяхъ на материкѣ Австраліи, въ Тасманіи и Новой Зеландіи, всецѣло нашли примѣненіе тѣ правила и узаконенія, которыми нормируется школьное дѣло въ Великобританіи. Но такъ какъ австралійскія колоніи только пять лѣтъ тому назадъ слились въ одну союзную федерацію (Commonwealth of Australia), состоящую изъ пяти въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ совершенно автономныхъ штатовъ, то естественно, что въ послѣднихъ мы стали бы тщетно искать полнаго единства въ организаціи народной школы. Скажемъ лишь, что всюду признаны общеобязательность и безплатность начальнаго обученія, причемъ разница за-

*) K. A. Schmidt, l. c. V, 3, p. 285.

мѣчается лишь въ предѣльномъ возрастѣ учащихся (колебанія обнимаютъ возрастъ отъ 6 до 12 и 14 лѣтъ). Правда, обязательность посѣщенія начальной школы установлена закономъ, но на практикѣ мы нерѣдко замѣчаемъ уклоненія отъ этого, что объясняется, съ одной стороны, новизною дѣла, съ другой же—самымъ составомъ крайне разношерстнаго населенія австралійскихъ колоній; не послѣднюю роль здѣсь играетъ также отсутствіе сколько-нибудь сносныхъ путей сообщенія между отдѣльными поселеніями, а также разбросанность послѣднихъ нерѣдко на чрезвычайно обширныхъ и малодоступныхъ пространствахъ. Тѣмъ не менѣе, каждая община имѣетъ свой School Board, а каждый штатъ свое учебное вѣдомство (Superintendancy). Какъ уже было сказано, обученіе въ большинствѣ случаевъ безвозмездное. Въ 1895 году общее населеніе Австраліи достигало 4300000 душъ. Въ субсидируемыхъ правительствами отдѣльныхъ штатовъ 9500 народныхъ школахъ обучалось около 852000 дѣтей обоего пола, руководимыхъ цѣлою арміею педагогическаго персонала (около 7000 учителей и 9000 учительницъ). Такимъ образомъ, уже 10 лѣтъ тому назадъ, еще до образованія Австралійской федераціи, число учащихся въ публичныхъ школахъ достигало 20% общаго количества народонаселенія страны; при этомъ еще удивительнѣе то, что дальнѣйшіе 100000 питомцевъ въ то же самое время получали образованіе въ цѣломъ рядѣ частныхъ и церковныхъ школъ Австраліи. Новая Зеландія обладаетъ также значительнымъ количествомъ школъ. По даннымъ, представленнымъ ею на Колумбову всемірную выставку въ Чикаго, въ 1893 году, количество учениковъ новозеландскихъ школъ достигало внушительной цифры 75585, т.-е 12% всего тогдашняго населенія обоихъ острововъ Новой Зеландіи (626658). По тѣмъ же даннымъ видно, что спеціально на народныя школы тамъ тратится 1829451 долларъ, т.-е въ среднемъ на одного ученика 27 долларовъ или 54 рубля! *).

Тихоокеанскіе острова являются, по выраженію К. А. Шмидта (l. c., p. 284—285), классическою областью христіанскихъ миссіонерскихъ школъ, которыя составляютъ серьезный и, быть-можетъ, существеннѣйшій элементъ почтенной дѣятельности миссіонерскихъ обществъ. Само собою разумѣется, что учреждаемыя миссіонерами школы, именно какъ миссіонерскія, лишь отчасти соотвѣтствуютъ школамъ народнымъ въ точномъ смыслѣ слова. Онѣ приблизились къ настоящимъ элементарнымъ школамъ только на Гавайскихъ или Сандвичевыхъ островахъ. Здѣсь въ возрастѣ отъ 6 до 14 лѣтъ посѣщаютъ

*) Е. Ковалевскій, «Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки», стр. 512. Ср. также книгу П. Мижуева, «Передовая демократія». изд. 3. стр. 203—211.

школы около 7000 дѣтей туземнаго или смѣшаннаго происхожденія, причемъ это цвѣтное населеніе, какъ извѣстно, находится въ стадіи прогрессивнаго вымиранія (теперь численность его не болѣе 40000 душъ). Это даетъ высокій процентъ (почти 18) учащихся. Болѣе чѣмъ въ двухъ третяхъ всѣхъ народныхъ школъ на Гавайскихъ островахъ преподаваніе ведется на англійскомъ, въ прочихъ на гавайскомъ языкахъ. На прочихъ островахъ Тихаго океана элементарное образованіе насаждается также болѣе или менѣе успѣшно католическими и евангелическими миссіонерами. Справедливость требуетъ признать пальму первенства въ этомъ дѣлѣ за первыми, несмотря на узкій характеръ ихъ обученія.

Естественнымъ переходомъ къ обозрѣнію положенія народнаго образованія въ Европѣ послужитъ разсмотрѣніе этого дѣла въ Японіи. Мы съ самаго начала должны оговориться, что въ «Странѣ Восходящаго Солнца» народное образованіе стоитъ хотя и очень высоко, однако, еще весьма далеко отъ совершенства. Это зависитъ отчасти отъ юности современной японской цивилизаціи, отчасти отъ особенностей жизненныхъ условій и всего быта японцевъ, наконецъ, и далеко не въ послѣдней степени, отъ причинъ чисто-экономическаго свойства. Какъ бы то ни было, однако, процентъ дѣтей, посѣщающихъ начальную школу въ Японіи, болѣе чѣмъ втрое выше того же процента въ Россіи (10 и 3), въ пять разъ выше процента грамотности въ Индіи (1,66) и близко подходитъ къ соотвѣтствующему проценту во Франціи (14,5) и Великобританіи (16). И это при условіяхъ, далеко не благопріятныхъ дѣлу развитія широкаго народнаго образованія.

Почва для насажденія европейской цивилизаціи была вовсе неблагопріятна въ Японіи, много вѣковъ находившейся подъ исключительнымъ вліяніемъ культуры Китая. Школы издавна существовали въ Японіи; но это были разсадники исключительно китайской науки. Онѣ нерѣдко подвергались кореннымъ преобразованіямъ, ни на минуту, впрочемъ, не утрачивая своего специфически-восточнаго характера. Совершившійся въ 1867 году крутой переломъ всего общественнаго и государственнаго строя Японіи почти сразу отразился на школьномъ дѣлѣ: въ 1871 году учреждается настоящее министерство народнаго просвѣщенія, и отправляется миссія въ Америку и Европу съ спеціальною цѣлью изучить весь строй государственной жизни ци-

вилизованныхъ народовъ. Въ числѣ посланныхъ оказался и интеллигентный Танако Фуджимаро, посвятившій себя дѣлу народнаго образованія. По возвращеніи Фуджимаро изъ командировки микадо поставилъ его во главѣ министерства народнаго просвѣщенія. Уже въ 1872 году былъ изданъ законъ по народному образованію: вводилась организація школьныхъ округовъ, опредѣлялись разряды будущихъ школъ страны, и устанавливался школьный возрастъ учащихся, причемъ обученіе было признано, конечно, обязательнымъ какъ для мальчиковъ, такъ и для дѣвочекъ. Вся страна была раздѣлена на учебные округа съ высшимъ учебнымъ заведеніемъ въ каждомъ, округа же дѣлились на районы съ среднимъ учебнымъ заведеніемъ, наконецъ, районы распадались на цѣлый рядъ подрайоновъ съ сѣтью народныхъ школъ разнаго типа и наименованія. Тогда же была организована и правительственная инспекція всѣхъ школъ. Школьные инспектора подчинены не только министерству народнаго просвѣщенія, но и административнымъ властямъ отдѣльныхъ графствъ и императорскихъ округовъ. Прямыми, непосредственными ихъ начальниками являются губернаторы, которымъ принадлежитъ высшій надзоръ за отдѣльными школьными комитетами, избираемыми на 4 года изъ мѣстныхъ собственниковъ, должностныхъ лицъ и самихъ школьныхъ учителей. Губернаторы же разрѣшаютъ и открытіе общественныхъ и частныхъ школъ.

Основной школьный законъ былъ обнародованъ въ 1872 году и сопровождался манифестомъ, въ которомъ микадо заявлялъ слѣдующее: «Всякія знанія достигаются образованіемъ, начиная отъ повседневно необходимыхъ и кончая знаніями высшаго порядка, которыя нужны чиновнику, сельскому хозяину, строителю, ремесленнику, врачу и т. д., каждому по его спеціальности. Вслѣдствіе этого необходимо настолько распространить образованіе, чтобы ни въ одной деревнѣ не оставалось невѣжественной семьи и ни въ одной семьѣ не оставалось невѣжественнаго члена. До сихъ поръ лица, посвящавшія себя наукѣ, ждали, чтобы объ ихъ образованіи позаботилось правительство. Это—ошибочный взглядъ, имѣющій, впрочемъ, за собою долгое прошлое. Всякій человѣкъ долженъ стараться пріобрѣтать себѣ знанія собственными усиліями». Микадо, какъ показало теченіе послѣдующихъ событій, былъ по-своему правъ, требуя на первомъ планѣ не только общеобязательности, но и утилитарнаго направленія образованія своего народа. Пророческимъ окомъ онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, предвидѣлъ и всѣ финансовыя затрудненія, съ которыми пришлось и приходится бороться японскому школьному дѣлу. Недостатокъ въ средствахъ лишаетъ правительство возможности сколько-нибудь сносно субсидировать элементарныя и среднія школы; оно бе-

ретъ на себя расходы только по высшему образованію, достигнувъ, впрочемъ, того, что всѣ студенты высшихъ учебныхъ заведеній обучаются безплатно. Средства на начальное и среднее образованіе берутся отчасти изъ устроеннаго недавно особаго «просвѣтительнаго фонда» въ 10 милліоновъ іенъ (изъ суммъ китайской контрибуціи), затѣмъ изъ общиннаго и мѣстнаго школьнаго налога, крайне обременительнаго для населенія, изъ платы за обученіе *) и изъ добровольныхъ пожертвованій. Высокій притокъ послѣднихъ служитъ наглядньшъ показателемъ того, какъ сильно проникло въ сознаніе японскаго общества необходимость народнаго образованія (съ 457000 іенъ въ 1890 году пожертвованія эти дошли почти до 766000 въ 1896 году; послѣ этого притокъ пожертвованій усилился почти втрое). Общество жертвуетъ на школы не только деньги, но и книги, учебныя пособія и даже цѣлые участки земли для школьныхъ зданій, училищныхъ фермъ и огородовъ.

Организація японскихъ народныхъ школъ и самые типы ихъ неоднократно мѣнялись за послѣднія 30 лѣтъ. Сперва японцы увлекались школами американскими, затѣмъ нѣмецкими. Послѣ основного школьнаго закона 1872 года былъ выработанъ и обнародованъ въ 1879 году новый уставъ (авторомъ его былъ все тотъ же Танако Фуджимаро), по которому школьный возрастъ опредѣлялся въ 6—14 лѣтъ; въ теченіе этого періода каждый ребенокъ долженъ былъ посѣщать начальную народную школу не менѣе 6 мѣсяцевъ или же не менѣе 32 недѣль въ году. Общая продолжительность курса въ низшихъ или начальныхъ школахъ еще раньше была опредѣлена въ 8 лѣтъ, и всѣ эти школы раздѣлялись на двѣ категоріи: на низшія (элементарныя) для дѣтей 7—9 лѣтъ и на высшія для дѣтей отъ 10 до 14 лѣтъ. По закону 1890 года, это дѣленіе замѣнено другимъ, а именно школы (на-

*) Хотя безплатность не только начальнаго, но и средняго и высшаго образованія общепризнаны въ Японіи, однако, оно, на японскую мѣрку, обходится чрезвычайно дорого: въ начальной школѣ плата за обученіе доходитъ до 62 сеновъ=1 р. 25 к. въ мѣсяцъ. Этимъ объясняются фактъ массоваго уклоненія родителей отъ школьной повинности и высокій % необученныхъ дѣвочекъ. Бѣдняки, по закону, правда, могутъ совершенно освобождаться отъ платы за ученіе, но зато содержаніе ихъ всецѣло ложится на болѣе состоятельныхъ людей. Бѣдность и болѣзнь, по японскимъ законамъ, являются уже сами по себѣ вполнѣ уважительною причиною къ непосѣщенію школы вовсе. Ср. Буровъ, «Народное образованіе въ Японіи», стр. 251. Интересно, что плата въ высшихъ начальныхъ школахъ значительно меньше, чѣмъ въ обыкновенныхъ (по 23 сена въ мѣсяцъ). При этомъ родителямъ учащихся предоставлено право вносить эту плату деньгами, натурою или даже личнымъ трудомъ. Ср. Л. Хавкина, «Народное образованіе въ Японіи» въ «Вѣстникѣ Воспитанія» за 1903 г., кн. VII, стр. 121—160.

чальныя) распадаются на обыкновенныя и высшія, каждыя съ 4-лѣтнимъ курсомъ. Впрочемъ, бѣдность, болѣзнь или семейныя обстоятельства служатъ достаточно уважительными причинами для сокращенія этого курса наполовину. Ученіе совмѣстное для мальчиковъ и дѣвочекъ. При этомъ замѣчается значительно бо́льшая посѣщаемость школы мальчиками (88,05% въ 1895 году), чѣмъ дѣвочками (до 50%). Тогда же, въ 1890 году, были окончательно выработаны и программы обученія въ начальныхъ школахъ; въ обыкновенныхъ (или элементарныхъ) школахъ обучаютъ морали, чтенію, письму, счисленію и гимнастикѣ; позволено сообщать свѣдѣнія изъ географіи и исторіи Японіи, рисованія, пѣнія и ручного труда для мальчиковъ, рукодѣлія для дѣвочекъ. Въ высшихъ школахъ данный курсъ углубляется и расширяется введеніемъ географіи Японіи, физики и рисованія, какъ предметовъ обязательныхъ, и преподаваніемъ элементарной геометріи, сельскаго хозяйства, начатковъ коммерческихъ наукъ и иностранныхъ языковъ (преимущественно англійскаго), какъ предметовъ факультативныхъ. Занятія въ школахъ продолжаются ежедневно 3—5 часовъ, иногда по вечерамъ; по воскресеньямъ и субботамъ вечеромъ занятій не бываетъ вовсе. Характерною особенностью японскихъ школъ является отсутствіе Закона Божія, замѣняемаго преподаваніемъ «морали»; съ этою цѣлью для школъ изданъ спеціальный учебникъ, содержащій въ себѣ полный кодексъ нравственности, составленный на основаніи туземныхъ, буддійскихъ, конфуціанскихъ и отчасти христіанскихъ источниковъ. По словамъ оффиціальнаго отчета, цѣль начальныхъ японскихъ школъ состоитъ въ томъ, чтобы «привить дѣтямъ основы нравственнаго воспитанія, которое могло бы сдѣлать ихъ добрыми, дать имъ общія познанія, необходимыя для практической жизни, и обратить должное вниманіе на ихъ физическое развитіе». Нужно отдать японцамъ справедливость: намѣченной цѣли ихъ начальныя школы достигаютъ въ совершенствѣ. Это происходитъ, между прочимъ, оттого, что до поступленія въ начальную школу дѣти часто посѣщаютъ такъ называемыя подготовительныя школы или дѣтскіе сады, устроенные на манеръ нѣмецкихъ. Первое такое воспитательное учрежденіе для малолѣтнихъ (отъ 3 до 6 лѣтъ) было открыто уже въ 1876 году. Сначала, однако, дѣло это не встрѣтило сочувствія со стороны общества, тѣмъ болѣе, что учительницами были исключительно иностранки. Однако, въ 1892 г. въ Японіи было уже 177 дѣтскихъ садовъ съ 12011 дѣтьми, въ 1893 году 186 съ 404 учащими и 13268 учащимися, а въ 1901 году уже 242 съ 599 учительницами и 23142 учащимися. Такой же значительный ростъ отмѣчается въ начальныхъ школахъ, какъ общественныхъ, такъ и частныхъ. Въ 1893 году Японія имѣла 23960 эле-

ментарныхъ школъ съ 61556 учащими и 3337560 учащимися (при общемъ населеніи страны въ 41388313 душъ), въ 1896 г. 27000 *) начальныхъ школъ съ 3900000 учащимися, а въ 1901 году число начальныхъ школъ возросло до 29857 съ 92899 учащими и 4683598 учащимися.

Заботясь объ элементарномъ обученіи и воспитаніи дѣтей, японцы, къ сожалѣнію, совсѣмъ не удѣляютъ вниманія, даже какъ-будто не понимаютъ всего значенія обученія дополнительнаго. У нихъ совершенно нѣтъ школъ повторительныхъ. Этотъ пробѣлъ частью возмѣщается тѣмъ обстоятельствомъ, что средняя японская школа служитъ естественнымъ продолженіемъ начальной. Въ этомъ отношеніи въ Японіи ясно сознана необходимость е д и н с т в а школы. Средняя школа преслѣдуетъ двѣ цѣли: 1) подготовлять непосредственно къ практической дѣятельности и 2) подготовлять къ слушанію курсовъ высшихъ учебныхъ заведеній. Сообразно съ этимъ, и среднія школы дѣлятся съ 1888 года на обыкновенныя и высшія. Въ первыхъ курсъ пятилѣтній, причемъ послѣдній годъ обученія посвящается слушанію спеціальныхъ дополнительныхъ курсовъ, ремесленныхъ, сельскохозяйственныхъ или коммерческихъ. Интересно, что главнымъ предметомъ преподаванія въ средней школѣ является англійскій языкъ, а также удѣляется особенное вниманіе на всеобщія географію и исторію. Въ высшихъ (среднихъ) школахъ, представляющихъ бо́льшею частью интернаты, курсъ четырехлѣтній. Въ одномъ изъ такихъ учебныхъ заведеній имѣется добавочное инженерное отдѣленіе (курсъ трехлѣтній). Въ 1897 году всѣхъ среднихъ школъ (обоихъ типовъ) было 155 съ 52442 учащимися и 2180 учащими. Въ 1901 году число ихъ достигло 228 (изъ нихъ 8 высшихъ) съ 83888 учащимися (въ высшихъ 4361) и 4158 преподающими (въ высшихъ 292 т. н. «профессора»). Для средняго женскаго образованія имѣются также высшія школы съ пятилѣтнимъ курсомъ (впрочемъ, по мѣстнымъ условіямъ онъ можетъ быть сокращенъ до 3 лѣтъ). Дѣвочки принимаются въ эти школы не моложе 12 лѣтъ и съ подготовкою не ниже второго года обученія высшей начальной школы. Впрочемъ, какъ мы видѣли выше, посѣщаемость школы дѣвочками, несмотря на обязательность обученія, не велика. Въ установленномъ возрастѣ ее посѣщаетъ не болѣе половины всѣхъ дѣвочекъ, а изъ этихъ не болѣе одной трети переходитъ въ высшую среднюю школу **). Рядомъ съ этими женскими учебными заведеніями, откуда много ученицъ переходитъ въ основан-

*) Изъ нихъ общественныхъ было 26294, частныхъ 539.

**) Въ 1901 году среднихъ женскихъ школъ было въ Японіи 52 съ 12003 ученицами и 657 преподающими. Теперь число это значительно возросло.

ный въ 1901 году въ Токіо частный женскій университетъ (тогда же было въ немъ 100 студентокъ и до 400 слушательницъ подготовительнаго къ университету курса), сохранились еще миссіонерскія женскія школы, пользующіяся въ Японіи большою симпатіею общества. Первая такая школа была основана въ 1867 году женою миссіонера Хенборнъ въ Іокогамѣ. Но занятія эти велись сперва нерегулярно, въ частной квартирѣ, и носили случайный, домашній характеръ. Продолжательницей работы госпожи Хенборнъ явилась миссъ Киддеръ, основавшая уже настоящую школу. Затѣмъ, по ея же почину, была основана въ Кобе миссіонерская женская школа, и сами японцы ассигновали на постройку школьнаго зданія пять тысячъ іенъ. Школа эта существуетъ до сихъ поръ и считается во всѣхъ отношеніяхъ образцовою. Съ нею конкурируетъ подобное же учебное заведеніе въ Нагасаки. Понемногу эти и имъ подобныя школы, принятыя, какъ и всѣ женскія учебныя заведенія, подъ покровительство самою императрицею Харуко, настолько снискали всеобщія къ себѣ симпатіи, что, несмотря на ихъ конфессіональный характеръ, число ихъ быстро росло (въ 1890 году ихъ существовало уже 50 съ 4249 учащимися, а сейчасъ число ихъ болѣе чѣмъ удвоилось).

Здѣсь слѣдовало бы остановиться еще на организаціи японскихъ университетовъ, которыхъ имѣется два: одинъ въ Токіо (основанъ въ 1877 году), другой въ Кіото Но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Упомянемъ лишь, что обученіе въ нихъ безплатное, продолжается обыкновенно 5, 4 или 3 года, смотря по тому, на какое отдѣленіе поступаетъ студентъ *), носитъ бо́льшею частью прикладной характеръ и отличается обиліемъ каѳедръ на каждомъ факультетѣ. Окончаніе

*) «Особенность университета заключается въ томъ, что онъ совмѣщаетъ въ себѣ высшее научное и высшее прикладное образованіе: онъ состоитъ изъ школы высшаго образованія и факультетовъ. Въ первой читаются чистыя науки, во-вторыхъ преимущественно прикладныя; всѣхъ факультетовъ шесть: юридическій, медицинскій, инженерный, словесный, физико-математическій и сельскохозяйственный. Юридическій факультетъ раздѣляется на два отдѣленія—отдѣленіе права и отдѣленіе наукъ политико-экономическихъ; точно также и медицинскій факультетъ раздѣляется на отдѣленія медицинское и фармацевтическое. Курсъ юридическаго и медицинскаго факультета продолжается четыре года, на другихъ же факультетахъ три. Въ высшей школѣ продолжительность курса опредѣлена въ 5 лѣтъ, причемъ первые два года студенты занимаются на одномъ изъ факультетовъ и только на послѣдніе три года переходятъ въ высшую школу... Предметы инженернаго факультета обнимаютъ строительное искусство, машиностроеніе, корабельную архитектуру, электротехнику, прикладную химію, горное дѣло и металлургію. Курсъ словеснаго отдѣленія содержитъ въ себѣ философію, японскую и китайскую литературы, исторію Японіи и исторію всеобщую, филологію и литературы: англійскую, нѣмецкую и французскую» (Д. М. Буровъ, l. c., p. 254—255)

курса словеснаго факультета даетъ студенту право преподаванія во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ имперіи. Съ 1887 года установлены двѣ ученыя степени по 9 спеціальностямъ: доктора (хакуси) и великаго доктора (дай-хакуси). Въ обоихъ университетахъ въ 1902 году числилось всего 3283 студента и 339 преподавателей, причемъ на долю университета въ Кіото, на трехъ факультетахъ, приходилось только 360 студентовъ.

Прежде, чѣмъ закончить нашъ очеркъ о народномъ образованіи въ Японіи, мы должны въ двухъ словахъ коснуться вопроса о подготовкѣ и общественно-экономическомъ положеніи учащихъ. Профессора университетовъ избираются изъ числа лучшихъ хакуси и дай-хакуси обыкновенно послѣ продолжительной заграничной командировки для усовершенствованія въ спеціальности. Въ высшихъ среднихъ школахъ также преподаютъ исключительно лица, имѣющія университетскій дипломъ. Наконецъ, они же являются педагогическимъ персоналомъ въ такъ наз. нормальныхъ школахъ (учительскихъ семинаріяхъ) и высшихъ нормальныхъ школахъ (учительскихъ институтахъ, которыхъ при педагогическомъ музеѣ въ Токіо съ 1890 г. существуетъ два съ различнымъ курсомъ для мужчинъ и женщинъ *). Хотя первыя нормальныя школы и были учреждены еще въ 1873—74 уч. году (именно 8), однако, число ихъ оказалось недостаточнымъ, такъ какъ правительство неуклонно преслѣдовало и преслѣдуетъ цѣль постепенно вытѣснять иностранцевъ изъ школьнаго дѣла и предоставлять учительскія вакансіи японцамъ и японкамъ. Еще въ 1895 году иностраннаго педагогическаго персонала было въ Японіи 268 человѣкъ (167 мужч., 101 женщ.); изъ нихъ главный контингентъ поставляли С.-А. Соединенные Штаты (132 чел.), Великобританія (60 чел.) и Франція 46 чел.). Съ теченіемъ времени, однако, число нормальныхъ школъ возросло до 47 (въ 1897 году), затѣмъ до 52 (въ 1901 году), а въ 1902 году учащихся въ нихъ было болѣе 15000 человѣкъ (изъ нихъ, однако, только около 2000 женщинъ). Курсъ обученія въ нормальной школѣ продолжается 4 года, причемъ первые три года посвящаются теоріи дѣла, а на четвертомъ ведутся дидактическія занятія въ образцовой школѣ. Недѣльныхъ часовъ на каждомъ курсѣ 34. Приводимъ для примѣра программу занятій нормальной школы въ городѣ Канагова: первый годъ—этика (1 часъ), японскій языкъ (3 часа), ариѳметика: англійская (2 часа) и японская (2 часа), англійскій

*) Для мужчинъ 3, для женщинъ 2 года. Въ 1902 году въ мужскомъ учительскомъ институтѣ было 52[illegible] учащихся, въ женскомъ 331. Изъ этихъ учебныхъ заведеній выходятъ преподаватели и преподавательницы обыкновенныхъ нормальныхъ школъ. Курсъ представляетъ дальнѣйшее развитіе курса нормальной школы.

языкъ (5 часовъ), географія ($1^1/_2$ часа), исторія ($1^1/_2$ часа), зоологія (2 часа), сельское хозяйство (2 часа), физика (2 часа), каллиграфія японская (2 часа), рисованіе (2 часа), музыка (2 часа) и гимнастика (6 часовъ *). На второмъ году: вмѣсто ариѳметики, алгебра и геометрія по $1^1/_2$ часа и, кромѣ того, ботаника (1 часъ), химія (1 часъ), ручной трудъ (1 часъ) и китайскій языкъ (2 часа); исторіи нѣтъ. На третьемъ году программа такая же. Въ этой программѣ поражаетъ полное отсутствіе курса логики, психологіи, философіи, педагогики, дидактики, методики и исторіи педагогіи Это объясняется общимъ для всѣхъ японскихъ учебныхъ заведеній прикладнымъ, строго практическимъ направленіемъ обученія, характеризующимъ даже университетское преподаваніе. Вотъ почему въ самое послѣднее время въ курсъ японскихъ нормальныхъ школъ были введены еще слѣдующіе предметы: бухгалтерія, политическая экономія и практика нѣсколькихъ иностранныхъ языковъ.

Матеріальное положеніе учителей и учительницъ японскихъ начальныхъ школъ весьма незавидно: если ординарный профессоръ университета получаетъ въ Японіи не свыше 1200 іенъ годового жалованья, то насъ не удивятъ оклады въ 150 іенъ и 120 іенъ въ годъ, которые назначены для учителей и учительницъ начальныхъ школъ. Вотъ почему эту профессію избираютъ весьма немногіе (въ 1897 г. всѣхъ начальныхъ учителей и учительницъ было 79274 и при этомъ имѣлось 13620 свободныхъ учительскихъ мѣстъ). По своему возрасту 75% учительскаго персонала приходится между 25 и 45 годами, около 25% моложе 25 лѣтъ, остальные старше 45 лѣтъ Прослуживъ 15 лѣтъ, учитель или учительница имѣетъ право на. правда, мизерную пенсію, которая, однако, увеличивается постепенно, достигая своей нормы ($^2/_3$ оклада) къ 60-лѣтнему возрасту учащихъ, считающемуся предѣльнымъ. Благодаря этому довольно широка общественная инициатива въ дѣлѣ обезпеченія народныхъ учителей и учительницъ въ старости. Элементъ взаимопомощи также находитъ себѣ примѣненіе, выражаясь въ основаніи цѣлаго ряда «учительскихъ обществъ», имѣющихся теперь почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ. Самымъ обширнымъ изъ нихъ является «Японское общество народнаго образованія», насчитывающее около 5000 членовъ, располагающее обширною библіотекою, проявляющее крупную издательскую дѣятельность (издаетъ ежемѣсячный педагогическій журналъ и премируетъ лучшіе учебники), а также устраивающее

*) На этотъ предметъ въ Японіи вообще обращается огромное вниманіе; даже въ университетахъ не упускаются изъ виду всевозможные роды атлетическаго и др. спорта.

періодическія школьныя выставки въ разныхъ городахъ имперіи. Тѣмъ не менѣе, положеніе педагогическаго персонала въ Японіи далеко ненормально; это прекрасно сознаютъ и правительство и общество, и за послѣднее время дѣлается все возможное для улучшенія быта учителей и учительницъ.

Печальное экономическое положеніе учащихъ въ начальныхъ японскихъ школахъ (въ нѣкоторыхъ жалованье учителю доходитъ даже до $31/2$ іенъ въ мѣсяцъ!) заставляетъ множество молодежи устремляться въ широкоразвитыя въ Японіи профессіональныя учебныя заведенія. По удачному выраженію Л. Хавкиной, «профессіональное образованіе красною нитью проходитъ по всей японской школьной системѣ, начиная отъ элементарной школы и кончая университетомъ». Мы не можемъ здѣсь останавливаться на разсмотрѣніи организаціи этого дѣла по недостатку мѣста, а ограничимся лишь нѣсколькими общими замѣчаніями: въ 1901 году профессіональныхъ школъ (низшихъ, среднихъ и высшихъ, причемъ программа каждаго училища видоизмѣняется не только по категоріи, къ которой оно относится, но и въ зависимости отъ мѣстныхъ потребностей) въ Японіи было 375 съ 49679 учащимися и 3647 учащими. Въ настоящее время число это возросло на 20%. Дѣти принимаются въ эти школы, начиная съ 12 лѣтъ, и получаютъ въ продолженіе 3- или 4-лѣтняго курса полную практическую подготовку по своей спеціальности. Въ низшихъ профессіональныхъ школахъ обучаются не только мальчики, но и дѣвочки, причемъ обученіе это совмѣстное. Курсъ морали обязателенъ на всѣхъ ступеняхъ профессіональнаго образованія. Въ 1897 году японское министерство народнаго просвѣщенія затратило на народное образованіе 2945167, а изъ общинныхъ и мѣстныхъ налоговъ для той же цѣли поступило 18669049 іенъ, такъ что общая сумма была свыше $21\frac{1}{2}$ милл. іенъ. Этого оказалось, однако, настолько недостаточно, что чрезъ два года было отчислено 10 милліоновъ іенъ изъ суммъ китайской контрибуціи въ спеціально учрежденный и нами выше уже упомянутый «просвѣтительный фондъ» на поощреніе начальнаго образованія японскаго народа *).

Вкратцѣ резюмируя все сказанное, приходимъ къ выводу, что

*) Въ основу настоящаго очерка легли статьи Л. Хавкиной, Д. Бурова (см. выше), о «Народномъ образованіи въ Японіи» Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго, «Начальное народное образованіе» въ 40-мъ полутомѣ «Энциклопедическаго Словаря» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 750, кн. Е. Ковалевскаго «Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки», стр. 513—516, а также данныя у Э. Левассера «Народное образованіе въ цивилизованныхъ странахъ», Р. Льюса (Lewis), «State education in Japan». У. Г. Астона: «History of Japanese literature», и графа Кантакузинъ-Сперанскаго, «Народное образованіе въ Японіи», СПБ. 1879.

народное образованіе въ Японіи поставлено въ общемъ хорошо: проведены единство, общность, обязательность и общедоступность въ школьномъ дѣлѣ.

Въ видахъ экономіи мѣста, мы, при разсмотрѣніи состоянія народнаго образованія въ разныхъ странахъ Европы, должны прибѣгнуть къ нѣкоторой географически-этнографической группировкѣ государствъ. Такъ, напримѣръ, государства Балканскаго полуострова, равно какъ Пиренейскаго, будутъ нами разсмотрѣны не каждое въ отдѣльности, а вмѣстѣ. Какъ уже выше было сказано въ заключеніи I главы, мы будемъ переходить отъ болѣе низко стоящихъ въ интересующемъ насъ вопросѣ государствъ къ странамъ болѣе культурнымъ. Поэтому, приступая къ обозрѣнію народнаго образованія на Балканскомъ полуостровѣ, намъ придется, естественно, начать съ Турціи.

О правильной постановкѣ здѣсь учебнаго дѣла, конечно, не можетъ быть и рѣчи. Издавна тамъ существовали спеціальныя религіозныя школы—медрессе и мектебе,—въ которыхъ центромъ тяжести былъ Коранъ и «фикхъ», т.-е. мусульманское богословіе и отчасти право, основанное на шаріатѣ. Этотъ типъ учебныхъ заведеній исключительно конфессіональнаго характера всюду развитъ въ Турціи и понынѣ. Духовенство до сихъ поръ играетъ руководящую роль въ турецкомъ народномъ образованіи. Рядомъ съ этимъ такъ называемое младотурецкое направленіе сказалось и въ школьномъ дѣлѣ. Подъ вліяніемъ западныхъ идей были въ 1846 году сдѣланы первыя попытки реформировать турецкія школы, причемъ имъ былъ приданъ нѣсколько болѣе свѣтскій характеръ. Впрочемъ, и въ этихъ реорганизованныхъ народныхъ школахъ Коранъ и мусульманское богословіе продолжали играть если не первенствующую, то все еще довольно видную роль, такъ какъ изученіе этихъ предметовъ было признано тогда же учрежденнымъ высшимъ совѣтомъ народнаго образованія съ предсѣдателемъ, самимъ великимъ визиремъ, общеобязательнымъ. Это было подтверждено первымъ въ Турціи школьнымъ закономъ 1847 г. Лишь чрезъ десять лѣтъ, именно въ 1857 году, воспослѣдовало учрежденіе настоящаго министерства народнаго просвѣщенія, въ 1869 г. былъ изданъ органическій законъ по народному образованію, раздѣлившій всѣ общественныя школы на низшія и высшія и провозгласившій обязательность всеобщаго обученія, а 15 сентября 1888 года былъ обнародованъ фирманъ, детально регулировавшій дѣло начальнаго

народнаго образованія. По этому указу завѣдываніе народнымъ образованіемъ въ Оттоманской имперіи было возложено на соотвѣтственный имперскій совѣтъ подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія. Въ каждомъ вилайетѣ были учреждены школьные совѣты, половина членовъ которыхъ назначается изъ мусульманъ, а другая изъ представителей прочихъ вѣроисповѣданій; въ составъ каждаго совѣта, кромѣ того, входитъ по 4 генеральныхъ инспектора. Въ каждомъ санджакѣ (уѣздѣ) завѣдываніе народнымъ образованіемъ и надзоръ за нимъ во всѣхъ его видахъ было возложено на 2 инспекторовъ, мусульманина и христіанина. Содержаніе общественныхъ школъ съ обязательнымъ 4-хлѣтнимъ курсомъ (6—11 лѣтъ) ложится всецѣло на мѣстное населеніе. Дѣвочки обязаны посѣщать низшія школы въ возрастѣ отъ 6 до 10 лѣтъ. Рядомъ съ этимъ, существуютъ высшія начальныя школы съ 4-лѣтнимъ курсомъ, безплатнымъ, но необязательнымъ посѣщеніемъ и болѣе широкою программою, чѣмъ въ школахъ низшихъ, гдѣ вся программа обнимаетъ только азбуку, Коранъ, мусульманскій катехизисъ, письмо, начала географіи и начатки законовѣдѣнія и ручного труда, который у дѣвочекъ замѣняется шитьемъ. Школы высшаго типа по закону должны быть устроены въ каждомъ селеніи, насчитывающемъ свыше 500 домовъ. Старанія младотурокъ не остались безъ вліянія на всю постановку школьнаго дѣла въ имперіи. Рядъ хорошихъ учебниковъ, составленныхъ младотурками, обратилъ на себя всеобщее вниманіе на Чикагской выставкѣ. 30 лѣтъ тому назадъ число элементарныхъ школъ въ Турціи не превышало 5000; въ настоящее время оно упятерилось; число же учащихся въ этихъ школахъ достигло даже 1200000 человѣкъ, что при общей численности населенія въ 7000000 душъ дало бы весьма приличный % грамотныхъ. По всей видимости, однако, въ числѣ 1200000 учащихся нужно принять рѣшительно всѣхъ учащихся во всѣхъ турецкихъ учебныхъ заведеніяхъ, даже высшихъ, а также въ христіанскихъ (протестантскихъ, православныхъ, католическихъ) и еврейскихъ въ Сиріи и Палестинѣ *). Во всякомъ случаѣ, о сколько-нибудь правильной организаціи, выработкѣ нормальныхъ программъ, подготовкѣ учителей и т. п. до сихъ поръ въ Турціи нѣтъ и рѣчи. Единственнымъ плюсовымъ явленіемъ можетъ быть тамъ признана безплатность обученія въ высшихъ начальныхъ школахъ.

Гораздо болѣе отрадную картину представляетъ положеніе народнаго, особенно начальнаго, образованія въ Сербіи, гдѣ завѣдываніе этимъ дѣломъ возложено на министерство народнаго просвѣще-

*) Ср. Dr. A. Petersilie, «Das öffentliche Unterrichtswesen im Deutschen Reiche u. den übrigen europäischen Kulturländern», II, pp. 282—283.

нія. Кромѣ законовъ 1882 и 1891 гг., на основаніи которыхъ введено всеобщее обученіе (обязательность его опредѣлена въ 6 лѣтъ, отъ 6 до 12-лѣтняго возраста) и организованы школы элементарныя и высшія (курсъ 4- и 2-лѣтній), 26 іюля 1898 г. былъ изданъ законъ, по которому каждая община, состоящая, по крайней мѣрѣ, изъ 200 плательщиковъ налоговъ, обязана содержать одну народную школу (основная школа). Содержаніе всѣхъ народныхъ школъ лежитъ отчасти на государствѣ, уплачивающемъ жалованье учителямъ, отчасти на общинахъ. Завѣдываніе школами поручено спеціальнымъ выборнымъ школьнымъ комиссіямъ, въ составъ которыхъ входятъ и правительственные инспектора. Послѣдніе контролируютъ также частныя и среднія учебныя заведенія, куда доступъ открытъ всѣмъ желающимъ непосредственно изъ высшихъ начальныхъ школъ или изъ такъ называемыхъ дополнительныхъ школъ съ 2-лѣтнимъ курсомъ. Въ программу, выработанную въ 1891 г. «сербскимъ учительскимъ обществомъ» для начальныхъ школъ, входятъ: Законъ Божій, сербскій и славянскій языки, географія, исторія, ариѳметика, начатки геометріи и естествознаніе, сельская экономія, чистописаніе, рисованіе, пѣніе и гимнастика (для дѣвочекъ рукодѣлье). Благія начинанія правительства въ области насажденія народнаго образованія на дѣлѣ не увѣнчались особенно крупными успѣхами: въ 1895 году, при общемъ народонаселеніи въ 2314153 души, всѣхъ школъ для мальчиковъ было только 800 и около 100 для дѣвочекъ съ 910 учителями, 570 учительницами и примѣрно 78000 учащимися (около 10000 дѣвочекъ). Педагогическій персоналъ, экономическое положеніе котораго весьма незавидно, получаетъ спеціальную подготовку въ Бѣлградской учительской семинаріи *). Въ 1897 году Левассеръ **) насчитываетъ въ сербскихъ общественныхъ начальныхъ школахъ только 75278 учащихся при 1478 лицахъ учащаго персонала, такъ что % грамотности достигаетъ всего 3,5. Изъ набранныхъ въ томъ же году рекрутовъ 79,3% оказались неграмотными. Въ этомъ отношеніи Сербія превзошла даже Россію.

Въ Румыніи % учащихся въ начальныхъ народныхъ училищахъ выше, чѣмъ въ Сербіи (4,7%). Школьнымъ закономъ 1864 г. въ королевствѣ было введено общеобязательное обученіе (отъ 8- до 12-лѣтняго возраста). Въ 1896 г. оно было сдѣлано безплатнымъ и расширено (отъ 7- до 14-лѣтняго возраста). Учебный годъ продолжается не менѣе 40 недѣль. Рядомъ съ элементарными народными школами существуютъ и высшія. Въ 1900 г., при общемъ населеніи

*) Ср. A. Petersilie, l. c., ibidem.
**) У Л. Іоллк. l. c., pp. 24—25.

въ 5912520 душъ, число народныхъ школъ Румыніи достигало почтенной цифры 4346 съ 3256 учителями, 830 учительницами и 663000 учащимися обоего пола, причемъ, однако, значительно преобладали мальчики. Подготовку педагогическій персоналъ, вознагражденіе котораго также въ общемъ весьма скудно, получаетъ въ 9 пятиклассныхъ нормальныхъ школахъ (6 мужскихъ и 3 женскихъ), причемъ курсъ не одинаковъ для будущихъ городскихъ и сельскихъ учащихъ *). Въ общемъ Румыніи придется еще много поработать надъ усовершенствованіемъ своего народнаго образованія, хотя программы ея начальныхъ школъ и довольно обширны: кромѣ Закона Божія, чтенія, письма, счисленія, отечественной исторіи, географіи, естествознанія, рисованія, пѣнія, туда входятъ еще начатки геометріи, ручной трудъ и огородничество. Школѣ, однако, недостаетъ ни единства, ни общедоступности, ни общности, т.-е. тѣхъ качествъ, которыми давно уже щеголяютъ школы Японіи.

Въ аналогичномъ положеніи находится народное образованіе въ Греціи. Вскорѣ послѣ образованія греческаго королевства въ 1834 г. тамъ былъ изданъ законъ, вводившій всеобщее и безплатное обученіе въ возрастѣ отъ 5 до 12 лѣтъ. Однако, законъ этотъ оставался мертвою буквою вплоть до 27 мая 1895 г., когда указанные выше принципы безплатности и обязательности начальнаго обученія были вторично провозглашены законодательнымъ путемъ. Впрочемъ, несмотря на старанія правительства поставить, какъ слѣдуетъ, это дѣло, родина античной культуры оказывается изъ рукъ вонъ инертною. До сихъ поръ еще число безграмотныхъ достигаетъ 60% мужчинъ и 90%(!) женщинъ. Тѣмъ не менѣе, еще въ 1895 году въ Греціи насчитывалось приблизительно 3000 народныхъ и среднихъ школъ (послѣднихъ было около 360) съ 4000 учащими и около 230000 учащимися обоего пола, причемъ поражаетъ ничтожное число учащихся женскаго пола. Курсъ начальной школы, программа которой чрезвычайно напоминаетъ проходимое въ румынскихъ элементарныхъ школахъ, 4-лѣтній. Затѣмъ дѣти переходятъ въ высшее начальное училище съ 3-лѣтнимъ курсомъ, гдѣ центромъ тяжести всего преподаванія является древнегреческій языкъ. Въ этого типа заведеніяхъ число учениковъ доходило въ 1895 году до 13000. Въ настоящее время оно очень немногимъ больше. Переходъ изъ указанныхъ 3-классныхъ высшихъ начальныхъ школъ въ 4-классныя низшія гимназіи (въ 1895 г. ихъ было 38) естественъ, такъ что греческая школа, по характеру своихъ программъ, можетъ быть въ нѣкоторомъ смыслѣ названа единою. Въ низшихъ гимназіяхъ вторымъ, послѣ древнегреческаго языка,

*) A. Petersilie, l. c., p. 284.

предметомъ обученія является языкъ латинскій. Для лицъ, желающихъ посвятить себя практической дѣятельности и государственной службѣ, имѣются реальныя гимназіи, гдѣ латинскій языкъ замѣняется усиленнымъ изученіемъ математики. Число учениковъ въ правительственныхъ и частныхъ гимназіяхъ (въ 1895 г. 39 и 15) было около 6000 человѣкъ *). Учительскій трудъ, особенно въ начальныхъ школахъ, оплачивается мизерно. Къ нему допускаются въ низшихъ учебныхъ заведеніяхъ исключительно лица, окончившія курсъ въ одномъ изъ 4 правительственныхъ учительскихъ институтовъ (такъ называемые didaskaleia) съ трехлѣтнимъ обученіемъ. Начальныя учительницы получаютъ подготовку въ двухъ частныхъ учительскихъ семинаріяхъ, содержимыхъ на счетъ «Общества друзей обученія» въ Аѳинахъ. Къ преподаванію въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ (низшихъ и реальныхъ гимназіяхъ) допускаются только лица, обладающія дипломомъ университета. Королевскій университетъ въ Аѳинахъ имѣетъ четыре обыкновенныхъ факультета и около 140 преподавателей и профессоровъ. Число студентовъ въ немъ доходитъ до 3500 человѣкъ **).

На недавно освободившемся изъ-подъ турецкаго ига островѣ Критѣ еще до освобожденія существовало около 480 начальныхъ школъ, частью мусульманскихъ, частью православно-греческихъ. Однако, обязательное обученіе (въ 6—12-лѣтнемъ возрастѣ) и необходимость устройства низшихъ и высшихъ элементарныхъ школъ общинами, равно какъ регулированіе содержанія этихъ училищъ, были установлены законодательнымъ путемъ лишь въ самое послѣднее время.

Гораздо лучше обстоитъ дѣло въ Болгаріи. Школьный законъ, вводившій общее обязательное обученіе, былъ изданъ въ 1885 г. и подтвержденъ регламентомъ 1891 года, выработаннымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Завѣдываніе народными училищами принадлежитъ окружнымъ училищнымъ совѣтамъ и окружнымъ настоятельствамъ; во главѣ этихъ совѣтовъ стоятъ окружные инспектора. Обязательный школьный возрастъ опредѣленъ въ 6—12 лѣтъ. Дѣти обучаются въ народныхъ училищахъ безплатно. Отъ 3 до 6 лѣтъ

*) Ср. Petersilie, l. c., p. 282, и Л. Іолли, l. c., pp. 30 и 33.

**) Пользуемся случаемъ, чтобы сказать здѣсь нѣсколько словъ объ университетахъ сербскомъ и румынскихъ. Бѣлградскій университетъ не великъ, имѣетъ только три факультета (юридическій, философскій и технический) и около 50 преподавателей. Число слушателей его рѣдко превышаетъ 500 человѣкъ, и молодые люди, стремящіеся къ полученію высшаго образованія, ѣдутъ за границу, въ Германію и особенно въ Россію. Румынія имѣетъ университеты въ Яссахъ и Букарештѣ. Въ послѣднемъ пять факультетовъ, въ первомъ четыре (тутъ нѣтъ богословскаго факультета, имѣющагося въ букарештскомъ университетѣ). Общее число слушателей въ обоихъ университетахъ вмѣстѣ колеблется между 2000—2400.

они посѣщаютъ такъ называемыя дѣтскія общественныя школы, близко по характеру своему подходящія къ дѣтскимъ садамъ, а затѣмъ до 12 лѣтъ ходятъ въ такъ называемыя основныя школы, программа которыхъ весьма обширна (тамъ, кромѣ Закона Божія, болгарскаго языка, ариѳметики, всеобщей географіи и исторіи, рисованія, пѣнія и гимнастики, преподаются еще нравственность, староболгарскій языкъ, отечествовѣдѣніе, начатки гражданственности, геометрія, начала физики, химіи, естествознанія и гигіены, а также для мальчиковъ ручной трудъ, а для дѣвочекъ рукодѣлье). Въ 1896 году народныхъ школъ въ Болгаріи насчитывалось 4585 (718 для однихъ мальчиковъ, 118 для однѣхъ дѣвочекъ и 3749 смѣшанныхъ). Эти школы дѣлились на двѣ категоріи: 3196 было общественныхъ болгарскихъ, содержимыхъ на счетъ общинъ и государства, а 1288 турецкихъ, содержимыхъ на частныя средства. Во всѣхъ этихъ школахъ преподавали 6851 учитель и 1422 учительницы (изъ этого общаго числа 8273 учащихъ 6533 работало въ болгарскихъ, 1428—въ турецкихъ школахъ), училось же 347605 дѣтей (246411 мальчиковъ и 101194 дѣвочки). Школьные отчеты, впрочемъ, очень жалуются на чрезвычайно неправильное посѣщеніе школъ дѣтьми. Этимъ, между прочимъ, объясняется и огромный % (84 по переписи 1893 года) рецидивистовъ безграмотности среди взрослыхъ, хотя министерство народнаго просвѣщенія и стремится организовать для взрослыхъ вечерніе и воскресные повторительные и дополнительные курсы. Педагогическій персоналъ общественныхъ и частныхъ болгарскихъ (но не турецкихъ) школъ получаетъ свою подготовку въ 5 учительскихъ институтахъ (въ 1895 году тамъ было 1412 учащихся мужского пола) и въ 2 женскихъ гимназіяхъ (870 воспитанницъ). Экономическое положеніе учащихъ сносное: минимальное учительское жалованье въ городахъ 1200 — 1800 левовъ (франковъ), въ селахъ и деревняхъ 720—1500 левовъ. Государство принимаетъ на себя $^2/_3$ расходовъ на жалованье педагогическому персоналу въ общественныхъ школахъ и гимназіяхъ, устроенныхъ по образцу русскихъ. Частныя училища не получаютъ отъ казны никакихъ субсидій. Достойно упоминанія, что для народныхъ учителей и учительницъ имѣется государственная пенсіонная касса. Въ Софіи недавно учрежденъ первый въ Болгаріи университетъ.

Чтобы закончить обозрѣніе государствъ Балканскаго полуострова, остается сказать еще нѣсколько словъ о Черногоріи, гдѣ первая школа была основана въ 1834 году владыкою Петромъ II. Нынѣшній князь Черногорскій, Николай, поэтъ и писатель, является страстнымъ поборникомъ широкаго народнаго образованія. 43 года тому назадъ по его иниціативѣ было открыто 7 четырехклассныхъ основныхъ

школъ. Въ 1879 году былъ изданъ законъ, по которому народное обученіе признано обязательнымъ (въ возрастѣ 7—12 лѣтъ), обученіе объявлено безплатнымъ и общедоступнымъ, т.-е. безъ ограниченія вѣроисповѣданія учащихся. Правительство завѣдуетъ и субсидируетъ всѣ общественныя школы, частныя же контролируетъ. Дѣти, почему-либо не могущія посѣщать народную школу, обязаны ежегодно экзаменоваться въ ней. Въ программѣ народной школы, помимо общихъ предметовъ, обращаетъ на себя вниманіе преподаваніе спеціально военныхъ упражненій и русскаго языка. Число школъ быстро растетъ: въ 1889 году ихъ было 70, въ 1893 году 75, а теперь болѣе 100. Къ сожалѣнію, число обучающихся въ начальныхъ школахъ дѣвочекъ, въ сравненіи съ мальчиками, весьма ничтожно (только 15%). Объясняется это, какъ въ Греціи, большою патріархальностью быта. Дочери знатнѣйшихъ черногорцевъ отправляются для обученія въ Россію. О положеніи и подготовкѣ педагогическаго персонала мы, къ сожалѣнію, свѣдѣніями не располагаемъ.

Положеніе народнаго образованія на Пиренейскомъ полуостровѣ не блещетъ успѣхами. Главными причинами этого являются, съ одной стороны, историческія судьбы Испаніи и Португаліи, съ другой же католицизмъ, крѣпко опутавшій всю духовную и умственную жизнь населенія Пиренейскаго полуострова. Въ былыя времена, въ средніе вѣка, жизнь била здѣсь ключемъ. Особенно Испанія, находившаяся подъ властью арабовъ, этихъ талантливыхъ учениковъ великаго учителя древности, Аристотеля, достигла пышнаго расцвѣта въ области науки и искусства. Затѣмъ наступили времена совсѣмъ иныя, и только, можно сказать, за послѣдніе годы надъ благословеннымъ самимъ Богомъ краемъ начинаетъ какъ-будто заниматься новая заря.

Въ Португаліи исторія настоящаго народнаго образованія начинается лишь съ 1759 года при министрѣ маркизѣ де-Помбалѣ. Въ означенномъ году изъ страны были изгнаны іезуиты послѣ двухсотлѣтняго въ ней хозяйничанья. Такимъ образомъ, произошло освобожденіе народной школы отъ клерикальнаго гнета и къ 1772 году въ Португаліи насчитывалось уже 455 государственныхъ начальныхъ училищъ. Когда маркизъ де-Помбаль палъ, всѣ его благія начинанія погибли, и наступилъ періодъ полнѣйшей реакціи. Конституціями 1820 и 1826 годовъ обѣщалось общее народное образованіе. Въ 1824 году,

подъ англійскимъ вліяніемъ, была сдѣлана попытка ввести взаимный, такъ назыв. ланкастерскій, методъ обученія; но результаты отнюдь не оправдали ожиданій. Впервые былъ изданъ школьный законъ въ 1836 году; но то смутное время, которое переживало тогда Португалія, оставила этотъ законъ безъ примѣненія. Лишь въ 1844 году былъ изданъ болѣе цѣлесообразный школьный законъ, вновь подтвержденный закономъ отъ 18 марта 1897 года; этимъ закономъ объявлялись обязательность и безплатность народнаго обученія подъ руководствомъ лицъ, подвергшихся спеціальному экзамену по возможности въ учительскихъ семинаріяхъ или нормальныхъ школахъ. По указанному закону обязательное обученіе должно распространяться на всѣхъ дѣтей сперва отъ 7- до 15-лѣтняго, а затѣмъ отъ 6 до 12-лѣтняго возраста. Для завѣдыванія народными школами была учреждена при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ главная дирекція народнаго образованія. Однако, уже въ 1881 году централизація народнаго образованія была замѣнена передачею этого дѣла муниципалитетамъ. Всѣ селенія съ населеніемъ свыше 4000 душъ обязаны были открывать не только элементарныя школы, но и дополнительные курсы, а также вечерніе повторительные классы для взрослыхъ. Несмотря на всѣ эти благія начинанія и весьма обширныя программы въ элементарныхъ и дополнительныхъ школахъ *), дѣло народнаго образованія въ Португаліи развивается чрезвычайно туго, и въ 1890 году народная перепись установила 75% безграмотныхъ въ странѣ. Тутъ сказалось затруднительное финансовое положеніе общинъ, которыя въ томъ же году добились возвращенія дѣла народнаго образованія въ руки казны. Правительство же въ 1892 году издало декретъ, въ которомъ намѣчалось значительное—въ видахъ экономіи—с о к р а щ е н і е народныхъ школъ. Общество отнеслось къ этому декрету настолько несочувственно, что въ 1895 году былъ изданъ новый декретъ объ открытіи 1300 новыхъ начальныхъ училищъ. Въ указанномъ году въ Португаліи было 3920 государственныхъ и 1536 частныхъ народныхъ училищъ обоего типа (элементарныхъ и дополнительныхъ). Въ государственныхъ школахъ число учащихъ достигало 4160 (2660 учителей и 1500 учительницъ), дѣтей же было 190000 (130000 маль-

*) Кромѣ обычнаго чтенія, письма и т. д., въ элементарныхъ школахъ Португаліи преподаются н р а в с т в е н н о с т ь и р е л и г і я, а въ дополнительныхъ программа еще шире, обнимая: геометрію, отечественную исторію и географію, черченіе, гигіену, земледѣліе, гимнастику, пѣніе, п р а в а и о б я з а н н о с т и г р а ж д а н и н а; для дѣвочекъ послѣдніе четыре предмета замѣняются преподаваніемъ рукодѣлья и обученіемъ м а т е р и н с к и м ъ о б я з а н н о с т я м ъ. См. цитир. статью Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго въ «Энциклоп. словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 741, 30 т.

чиковъ и 60000 дѣвочекъ). Въ частныхъ начальныхъ школахъ дѣвочки (30000) преобладали надъ мальчиками (28000). Эти въ общемъ 218000 учащихся не составляли и $4^1/_2$% общей численности населенія. Экономическое положеніе учащихъ, получающихъ подготовку въ 5 нормальныхъ школахъ (4 для мужчинъ и 1 для женщинъ), крайне незавидно.

Интересно, что и въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Португаліи (такъ наз. государственныхъ лицеяхъ съ 6-лѣтнимъ курсомъ, причемъ высшіе классы распадаются на два отдѣленія, гуманитарное и реальное) гораздо меньше учениковъ, чѣмъ въ лицеяхъ частныхъ. Въ 1895 году преподаваніе греческаго языка было совершенно упразднено, а раньше оно было факультативнымъ. Цѣлямъ высшаго образованія служитъ университетъ въ Коимбрѣ, основанный еще въ 1288 году. Онъ имѣетъ пять факультетовъ, и число студентовъ, при 74 преподавателяхъ, колеблется между 1600 и 1800 человѣкъ.

По положенію народнаго образованія своего Португалія ближе всего подходитъ къ Румыніи ($4^1/_2$ и 4,7), но уступаетъ Болгаріи (6,5).

Немногимъ лучше обстоитъ дѣло въ Испаніи: въ 1890 году едва 30% всего населенія, со включеніемъ Балеарскихъ и Канарскихъ острововъ, умѣло читать и писать, 4% умѣло только читать, но не знало письма, и 66% было совершенно безграмотно. А между тѣмъ еще послѣ революціи 1820 года правительство рѣшило организовать безплатное начальное образованіе въ странѣ. Лишь 20 лѣтъ спустя, однако, оказалось возможнымъ, послѣ окончанія гражданской войны, приступить къ осуществленію этого плана, причемъ удалось, и то лишь въ 1857 году, организовать теоретическую обязательность всеобщаго обученія. О безплатности его до сихъ поръ еще не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ финансовое положеніе Испаніи крайне незавидно, и педагогическій персоналъ государственныхъ школъ сплошь-и-рядомъ получаетъ жалованье весьма неаккуратно и далеко не полностью. Отъ платы за ученіе освобождаются дѣти исключительно бѣднѣйшихъ родителей, а между тѣмъ, по закону 8 сентября 1857 года, возобновленному 2 марта 1891 года, обязательное посѣщеніе элементарной школы установлено для дѣтей 6—11-лѣтняго возраста. Не удивительно, что при такихъ обстоятельствахъ почти $^1/_3$ населенія даже столицы (изъ 500000 человѣкъ 150000) совершенно безграмотна.

Въ Испаніи до сихъ поръ еще нѣтъ особаго министерства народнаго просвѣщенія, а дѣло народнаго образованія вѣдаютъ главный «директоръ народнаго просвѣщенія» и королевскій совѣтъ народнаго просвѣщенія, входящіе въ составъ министерства торговли, общественныхъ работъ и земледѣлія (Fomento). Указанный совѣтъ народнаго просвѣщенія собирается только одинъ разъ въ годъ, а всѣми

текущими дѣлами завѣдуетъ особый комитетъ, посылающій своихъ окружныхъ директоровъ и инспекторовъ въ провинціальные и мѣстные училищные совѣты, на которыхъ фактически и лежитъ забота о матеріальномъ содержаніи школъ. Казна отпускаетъ имъ лишь крохотныя субсидіи. Общины сами обязаны заботиться о снабженіи школъ денежными средствами. Между тѣмъ, по цитированному закону, каждая община, имѣющая не менѣе 500 душъ населенія, обязана имѣть 2 элем. школы, одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ. Правда, въ общинахъ малолюдныхъ школьная программа можетъ быть нѣсколько сокращена. Обыкновенно же она обнимаетъ: Законъ Божій (наблюденіе за этимъ предметомъ преподаванія принадлежитъ духовенству), чтеніе, письмо, грамматику и правописаніе, ариѳметику, начатки земледѣлія, торговли и промышленности (въ зависимости отъ мѣстныхъ условій) и ознакомленіе съ испанскою конституціею. Общины и города съ населеніемъ свыше 1000 душъ обязаны содержать также дѣтскій садъ, высшую народную школу и классъ для взрослыхъ. Въ высшихъ народныхъ школахъ преподаются, кромѣ курса элементарнаго училища, еще начала геометріи, черченіе, землемѣріе, исторія и географія (въ очень небольшомъ объемѣ), начатки физики и естествовѣдѣнія, а въ женскихъ школахъ гигіена.

Открытіе частныхъ школъ не обставлено никакими затрудненіями, совершается явочнымъ порядкомъ и разрѣшается всѣмъ при одномъ лишь условіи—надзорѣ со стороны правительства въ смыслѣ соблюденія правилъ гигіены и нравственности.

Желаніе поднять спеціальную подготовку учащихъ въ народныхъ школахъ побудило испанское правительство издать 23 сентября 1898 года королевскій указъ объ учительскихъ семинаріяхъ (escuelas normales), число которыхъ отнынѣ значительно увеличилось (до тѣхъ поръ существовало ихъ 50 для мужчинъ и 36 для женщинъ, съ общимъ количествомъ учащихся въ 6200 и 7200=13400 человѣкъ), и курсъ обученія которыхъ весьма расширялся. По статистическимъ даннымъ за 1893 годъ, число испанскихъ народныхъ школъ опредѣлялось въ 24529 государственныхъ и 5576 частныхъ, число же учащихся въ нихъ въ 1900000. Характерно, что посѣщаемость и число частныхъ (чаще всего церковныхъ) школъ чрезвычайно возросло за періодъ 1880—93 годовъ, а именно съ 330000 учащихся оно дошло до 1455000 человѣкъ. Въ этомъ случаѣ общее число учащихся во всѣхъ народныхъ училищахъ Испаніи выразилось бы въ количествѣ цѣлыхъ 3100000 душъ *), и число дѣтей, получающихъ образованіе въ па-

*) Срв. K. A. Schmidt, l. c., V, 3, p. 273.

чальныхъ школахъ, составляло бы цѣлыхъ 10,5% всего населенія страны. Съ этимъ, однако, не вяжутся вышеприведенныя данныя о почти поголовной малограмотности испанскаго народа.

Относительно современнаго состоянія средняго образованія въ Испаніи проф. Л. Іолли (l. c., p. 29) пишетъ: «Въ Испаніи существуетъ 60 «институтовъ», которые содержитъ государство. Курсъ ученія въ нихъ до 1895 года былъ шестилѣтній; въ этомъ году онъ понизенъ до 5 лѣтъ. Греческій языкъ не изучается. Если частное учебное заведеніе подчинено контролю государства, то его учителя присутствуютъ на испытаніяхъ зрѣлости. Въ 1892—93 учебномъ году въ (среднихъ) государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ насчитывалось 17000 учениковъ, въ частныхъ заведеніяхъ, подчиненныхъ надзору государства, 21000 учениковъ, въ независимыхъ *) частныхъ заведеніяхъ — 6800; кромѣ того, подвергалось публичнымъ годичнымъ испытаніямъ 2500 человѣкъ, учившихся дома». Въ Испаніи имѣется цѣлыхъ 9 университетовъ; старѣйшій изъ нихъ, саламанкскій, основанный въ 1222 году, насчитываетъ въ среднемъ 1200 студентовъ; самымъ многолюднымъ является мадридскій, основанный въ 1498 году и имѣющій въ среднемъ до 6 тысячъ слушателей. Прочіе университеты, въ порядкѣ ихъ старшинства, располагаются слѣдующимъ образомъ: въ Вальядолидѣ, Барселонѣ, Сарагоссѣ, Сантъ-Яго, Севильѣ, Валенсіи и Гренадѣ (основ. въ 1526 году). Впрочемъ, количество высшихъ учебныхъ заведеній въ странѣ, какъ видно, еще не служитъ показателемъ ея культурности.

Значительныя и сложныя перипетіи переживало дѣло народнаго образованія въ Италіи. До 1859 года на послѣднее обращалось нѣкоторое вниманіе, нерѣдко, правда, встрѣчавшее большія препятствія (главнымъ образомъ, со стороны католическаго духовенства), только въ австрійской Ломбардо-Венеціи, въ Пьемонтѣ и Тосканѣ. Молодое итальянское королевство немедленно по своемъ возникновеніи (въ 1859 году) поторопилось замѣнить прежній сардинскій школьный законъ 1849 года новымъ закономъ Казати (legge Casati, такъ назв. по имени тогдашняго министра нар. просв.) отъ 13 ноября 1859 года и распространить его на всѣ земли юнаго королевства. По этому

*) По всей вѣроятности, это—школы, содержимыя исключительно на средства католическаго духовенства.

закону, дополненному королевскимъ декретомъ 1860 года, въ каждой общинѣ должны быть устроены, по крайней мѣрѣ, по одной элементарной школѣ для мальчиковъ и по одной для дѣвочекъ. Общины и селенія, насчитывающія въ своемъ составѣ свыше 4000 душъ, обязаны содержать по одной высшей элементарной школѣ для каждаго пола. Въ школьномъ законѣ отъ 15 іюля 1877 года требуется обязательное посѣщеніе низшей элементарной школы дѣтьми 6—9-лѣтняго возраста, причемъ курсовая программа поражаетъ своими объемами (сюда входило, напримѣръ, изученіе обязанностей человѣка и гражданина). Въ 1893 году былъ поднятъ вопросъ о сокращеніи этой программы, была созвана конференція изъ народныхъ учителей и выдающихся педагоговъ, и выработана новая программа, введенная съ 1895 г., при изданіи новаго, послѣдняго, школьнаго положенія отъ 9 октября 1895 года (Regolamento generale per l'istruzione elementare). По этому положенію школьное обученіе признано обязательнымъ въ возрастѣ 6—11 лѣтъ, причемъ, при малоуспѣшности занятій, ребенокъ можетъ быть удержанъ въ школѣ до 13-лѣтняго возраста. Помимо народныхъ (элементарныхъ низшихъ и высшихъ) школъ, устроены для желающихъ дѣтскіе сады, а также воскресныя и вечернія школы (scuole festive e scuole serali). Дѣти, окончившія курсъ въ низшей элементарной школѣ, обязаны посѣщать эти вечернія или воскресныя школы, по крайней мѣрѣ, въ теченіе одного года. По новому положенію 1895 г., программа высшихъ элементарныхъ школъ, кромѣ всюду принятыхъ въ этого рода заведеніяхъ предметовъ, обнимаетъ также: грамматическія и стилистическія упражненія, начатки естествознанія, геометрію, черченіе, бухгалтерію, *знаніе правъ и обязанностей гражданина* и ручной трудъ, замѣняемый для дѣвочекъ рукодѣльемъ. Курсъ высшей элементарной школы продолжается обыкновенно 2 года. Преподаваніе Закона Божія исключено изъ программы и сдѣлано факультативнымъ, если того желаютъ родители учащихся. Государство, контролируя преподаваніе въ элементарныхъ школахъ, предоставляетъ заботу о ихъ содержаніи муниципалитетамъ и общинамъ, иногда поддерживая школы казенными субсидіями. Рядомъ съ этимъ начальное обязательное обученіе безплатно. Для подготовки педагогическаго персонала въ Италіи существуетъ 150 семинарій (scuole normali), изъ нихъ 50 частныхъ и 100 казенныхъ. Поразительно ничтожно количество учителей (1800) рядомъ съ учительницами (17000). Кромѣ окончанія курса (довольно сжатаго) въ такой нормальной школѣ, отъ народнаго учителя или учительницы требуется еще: достиженіе 18-лѣтняго возраста и свидѣтельство о непорочномъ поведеніи и доброй нравственности. Педагогическій персоналъ избирается общинами и утверждается въ своемъ званіи про-

винціальнымъ школьнымъ совѣтомъ. При этомъ онъ не пользуется правами государственной службы, а работаетъ по вольному найму. Обычное жалованье народныхъ учителей весьма мизерно, не превышая 500 лиръ ежегодно въ селахъ и 800 лиръ въ городахъ. Учительницы получаютъ только $^2/_3$ этихъ суммъ. Правъ на пенсію нѣтъ вовсе, если не считать учрежденной въ 1878 году пенсіонной кассы для учителей и учительницъ элементарныхъ школъ. Такъ какъ уставомъ этой кассы предусмотрѣны лишь случаи достиженія учащими 55-лѣтняго возраста, то фактически значеніе кассы ничтожно, и центръ тяжести въ этомъ дѣлѣ переносится на частныя педагогическія общества взаимопомощи. О ростѣ и развитіи дѣла начальнаго образованія въ Италіи наглядно говорятъ слѣдующія статистическія данныя: въ 1860 году число учащихся немногимъ превышало одинъ милліонъ, въ 1893 году оно дошло до 2300000, а въ 1898 году до 2800000, такъ что достигаетъ примѣрно 9% общаго количества населенія страны. Впрочемъ, % этотъ слагается изъ весьма неравномѣрныхъ цифръ: въ то время какъ въ Пьемонтѣ число учащихся въ элементарныхъ школахъ составляетъ 12% всего населенія, въ Ломбардіи 11%, въ Венеціанской области 10%, оно не превышаетъ 4—6% во всей Южной Италіи и на островахъ. Число неграмотныхъ рекрутовъ въ 1898 году все еще составляло 38% *).

Среднее образованіе, равно какъ высшее, поставлено въ Италіи на широкую ногу. О первомъ проф. Іолли (l. c., p. 26) пишетъ: «Классическое образованіе получается въ пятиклассныхъ гимназіяхъ и слѣдующихъ за ними трехклассныхъ лицеяхъ. Кромѣ того, существуютъ техническія училища съ тремя и менѣе классами и техническіе институты съ нѣсколькими параллельными курсами, въ которыхъ учащіеся въ теченіе четырехъ лѣтъ подготовляются отчасти къ поступленію въ университетъ, отчасти къ разнаго рода практическимъ профессіямъ. Въ 1891—92 учебномъ году существовало 113 королевскихъ, 17 общинныхъ, 126 епископскихъ и 57 частныхъ лицеевъ; далѣе 178 королевскихъ, 109 общинныхъ, 255 епископскихъ и 156 соборныхъ и частныхъ гимназій; затѣмъ 54 королевскихъ, 7 провинціальныхъ или общинныхъ и 6 частныхъ техническихъ институтовъ; наконецъ, 184 королевскихъ, 1 епископское, 118 общинныхъ или провинціальныхъ и 96 частныхъ или соборныхъ техническихъ училищъ». Общее количество учащихся въ этихъ заведеніяхъ тогда исчислялось въ 115640 человѣкъ, причемъ $^1/_3$ ихъ приходилась на гимназіи.

Италія имѣетъ 21 университетъ, а также королевскій учебный институтъ во Флоренціи (онъ распадается на отдѣленія философско-

*) Cp. K. A. Schmidt, l. c., V, 3, p. 278—279, и A. Petersilie, l. c., p. 176.

филологическое, медико-хирургическое и естественно-научное) и академію въ Миланѣ (она имѣетъ только философско-филологическій факультетъ, и число слушателей колеблется между 60 и 80). Почти во всѣхъ университетахъ есть всѣ факультеты, кромѣ богословскаго. Въ Мачератскомъ университетѣ, основанномъ въ 1290 году, имѣется только одинъ факультетъ, юридическій (до 300 студентовъ). Семнадцать университетовъ содержатся государствомъ, университеты же въ Камерино, Феррарѣ, Перуджіи и Урбино — на общинныя средства. Въ этихъ коммунальныхъ университетахъ отсутствуютъ факультеты философскіе.

Хотя въ Венгріи народное образованіе опредѣляется низшимъ размѣромъ учащихся въ начальныхъ школахъ (12,4%), чѣмъ въ Австріи (13,7%), однако, то обстоятельство, что организація австрійскаго народнаго образованія отразилась на школьномъ дѣлѣ Венгріи и нѣкоторымъ образомъ повліяла на него, побуждаетъ насъ разсмотрѣть это дѣло сперва въ Австріи, а затѣмъ уже въ Венгріи. При этомъ считаемъ долгомъ указать, что судьбы и положеніе народнаго образованія въ монархіи Габсбурговъ имѣютъ немало общаго съ положеніемъ народнаго образованія въ Россіи, въ виду цѣлаго ряда аналогичныхъ факторовъ какъ здѣсь, такъ и тамъ (этнографическихъ, вѣроисповѣдныхъ и т. п.).

Раньше, чѣмъ достигнуть современнаго своего положенія, народныя школы Австріи претерпѣли множество всевозможныхъ мытарствъ. До императрицы Маріи Терезіи дѣло народнаго образованія находилось всецѣло въ рукахъ католическаго духовенства, преимущественно іезуитовъ и піаристовъ, преслѣдовавшихъ исключительно партійно-конфессіональныя цѣли и сознательно поддерживавшихъ невѣжество въ народной массѣ. Марія Терезія первая поняла, что «школьное дѣло есть дѣло государственное». Сообразно съ этимъ она въ 1774 году, совмѣстно съ выдающимся аббатомъ и государственнымъ мужемъ Фельбигеромъ, издала первый училищный уставъ, по которому вводилось всеобщее обязательное обученіе, открывалось до 4000 начальныхъ училищъ (двухъ типовъ: низшихъ—Trivialschulen— и высшихъ—Hauptschulen), учреждалась въ Вѣнѣ первая нормальная школа, и требовался отъ учащихъ спеціальный экзаменъ. Однако, благимъ начинаніямъ великой императрицы не суждено было дать прочные результаты. Французская революція съ ея ужасами такъ

сильно повліяла на императора Франца I, видѣвшаго въ ней результатъ слишкомъ широкаго просвѣщенія народныхъ массъ, что онъ рѣшилъ отказаться отъ мысли продолжать дѣло народнаго образованія въ духѣ своей великой предшественницы. Императоръ Іосифъ II смотрѣлъ на дѣло нѣсколько иначе: сперва подтвердивъ обязательность народнаго обученія, онъ употребилъ даже крупную часть секуляризованныхъ монастырскихъ средствъ на поднятіе народныхъ школъ. Но увлеченіе его этимъ дѣломъ было непродолжительно; вскорѣ наступилъ періодъ полной реакціи, продолжавшійся вплоть до знаменательнаго 1848 года. Освобожденная отъ цензурнаго гнета пресса стала громко проповѣдывать необходимость самаго широкаго народнаго образованія; общины, дотолѣ пассивно относившіяся къ этому дѣлу, встрепенулись, и работа въ области реформъ закипѣла, коснувшись въ немалой степени и народнаго образованія. Однако, вскорѣ снова наступила реакція: въ 1855 году былъ провозглашенъ конкордатъ, требовавшій клерикальнаго направленія въ народномъ образованіи, и въ 1860 году, послѣ неполныхъ 12 лѣтъ существованія, было упразднено министерство народнаго просвѣщенія. Открывшійся въ 1866 году въ Вѣнѣ съѣздъ народныхъ учителей раскрылъ ужасающую картину запущенности народной школы и невыразимо бѣдственное и невѣжественное положеніе педагогическаго персонала ея. Въ результатѣ послѣдовали возстановленіе министерства народнаго просвѣщенія и изданіе ряда законовъ, которыми ослаблялось вліяніе церкви на школу (25 мая 1868 года), и устанавливались основные принципы народнаго образованія для начальныхъ школъ (14 мая 1869 года). Затѣмъ, 2 мая 1883 года издана новелла объ учрежденіи, посѣщеніи и содержаніи народныхъ школъ и правовомъ положеніи ихъ педагогическаго персонала. Узаконенія эти дѣйствуютъ съ нѣкоторыми дополненіями по сей день въ Австріи. На основаніи этихъ законовъ управленіе народными школами и вообще народнымъ образованіемъ сосредоточивается цѣликомъ въ рукахъ государства (министерство нар. просв., высшіе или земскіе училищные совѣты, окружные школьные совѣты и мѣстные школьные совѣты). Школы контролируются инспекторами народныхъ училищъ, подчиненными окружнымъ начальникамъ.

Въ каждой мѣстности, въ которой на разстояніи 1 часа ходьбы живетъ не менѣе 40 дѣтей школьнаго возраста (отъ 7—15 лѣтъ), должна быть устроена одна начальная общая школа (Allgemeine Volksschule), а въ каждомъ округѣ, по крайней мѣрѣ, одна высшая народная школа (Bürgerschule). Тамъ, гдѣ существуетъ частная школа съ правами публичныхъ училищъ (Privatschule mit Oeffentlichkeitsrecht), община можетъ быть освобождаема отъ открытія государственной начальной

школы. Относительно содержанія школъ различныя земли, входящія въ составъ Австріи, несутъ разныя повинности. Чаще всего средства на содержаніе народныхъ школъ образуются изъ 10% надбавки къ прямымъ налогамъ *). Обученіе нынѣ почти вездѣ безплатное, и плата взимается только въ Богеміи, Моравіи, Силезіи и Тиролѣ. Въ высшихъ народныхъ школахъ, за исключеніемъ каринтійскихъ, оно безплатно.

Посѣщеніе начальныхъ школъ, къ которымъ примыкаютъ еще «повторительныя» (Wiederholungsschulen) съ 2-лѣтнимъ и «дополнительныя» (Fortbildungsschulen, въ Галиціи) съ 3-лѣтнимъ курсомъ, обязательно въ возрастѣ отъ 6—15 лѣтъ **), причемъ учебный годъ продолжается не менѣе 46 недѣль. Такъ какъ закономъ 1883 года церковныя школы освобождены отъ надзора правительственной инспекціи, и курсъ въ нихъ значительно менѣе, чѣмъ въ государственныхъ и частныхъ народныхъ школахъ, то обязательное обученіе фактически продолжается не 8, а только 6 лѣтъ.

Обязательность посѣщенія начальной школы распространяется на лицъ всѣхъ вѣроисповѣданій. Вѣроисповѣданіе, по закону, не можетъ также служить препятствіемъ для занятія учительской должности въ начальномъ училищѣ. Однако, на практикѣ тутъ нерѣдко происходятъ значительныя уклоненія. Преподаваніе религіи въ рукахъ духовенства. Характеренъ законъ, по которому на должность начальниковъ народныхъ школъ могутъ назначаться только лица, имѣющія право на преподаваніе Закона Божія того вѣроисповѣданія, къ которому принадлежитъ большинство учащихся данной школы.

Вопросъ объ языкѣ преподаванія рѣшается земскими училищными совѣтами, сообразующимися съ дѣйствующими въ данной провинціи законоположеніями. Отраднымъ явленіемъ слѣдуетъ признать, что постройка и обстановка школьныхъ зданій нормированы закономъ. Программы обученія въ высшихъ австрійскихъ народныхъ училищахъ (съ 3-лѣтнимъ курсомъ) не обширны, обнимая, кромѣ религіи, чтенія, письма, родного языка и ариѳметики, элементы геометріи, физики и естествознанія, географію, исторію, рисованіе, пѣніе и гимнастику (для дѣвочекъ домоводство). Число учащихся въ народныхъ школахъ Австріи составляло въ 1893—94 учебномъ году 3312530; изъ нихъ 3195780 (1634414 мальчиковъ и 1561366 дѣвочекъ) обучалось въ

*) Подробности см. у Л. Іолли, стр. 109—110.

**) Облегченія (обученіе только въ одной части года, въ продолженіе извѣстныхъ мѣсяцевъ, въ опредѣленные часы, наконецъ, по сокращенной программѣ) допускаются по истеченіи 6-лѣтняго срока посѣщенія школы для дѣтей сельскихъ жителей или бѣднѣйшихъ горожанъ, по ходатайству родителей учащихся, притомъ мотивированному уважительными причинами (болѣзнью, необходимостью работы на фабрикахъ и т. п.).

государственныхъ, а 116750 дѣтей [37871 мальч. и 78879 (!) дѣв.] въ частныхъ училищахъ. Число учащихъ въ государственныхъ начальныхъ школахъ равнялось 67915 (49828 учителей и 18087 учительницъ); государственныхъ же школъ было: низшихъ 17610 и высшихъ 572. При общемъ населеніи Австріи въ томъ же году въ 23895113 душъ, процентъ грамотности выражался въ 13,7.

Подготовка и положеніе народныхъ учителей въ Австріи въ общемъ могутъ считаться удовлетворительными. Для подготовки педагогическаго персонала существуетъ цѣлый рядъ учительскихъ семинарій (въ 1895 году ихъ было 69) для мужчинъ и для женщинъ. Курсъ во всѣхъ ихъ, за исключеніемъ далматинскихъ семинарій, четырехлѣтній, въ Далмаціи же продолжается три года. Учителя и учительницы дѣлятся на старшихъ и младшихъ, сообразно экзаменамъ: кто выдержалъ общій экзаменъ, получаетъ младшую должность, сдавшій же дополнительное испытаніе—старшую, дающую ему много преимуществъ, въ родѣ, напримѣръ, пенсіи (частичной) уже послѣ первыхъ 10 лѣтъ службы, добавочнаго содержанія чрезъ каждыя пять лѣтъ, увольняемости лишь по суду и т. д.

Размѣръ учительскаго (основного) жалованья зависитъ отъ класса мѣстности, въ которой находится школа, и колеблется отъ 400 до 800 гульденовъ въ годъ. Прибавки составляютъ каждый разъ 10% основного жалованья. Младшимъ учителямъ полагается $^2/_3$ этого жалованья. Послѣ 40-лѣтней безпорочной службы жалованье со всѣми прибавками выдается какъ пожизненная пенсія. Правомъ на пенсію пользуются также вдова и несовершеннолѣтнія дѣти народнаго учителя. Въ общемъ, слѣдовательно, матеріальное положеніе педагогическаго персонала можетъ считаться болѣе или менѣе обезпеченнымъ. Вѣроисповѣданіе учащихъ совершенно при этомъ не принимается во вниманіе. Грустно только сильное стѣсненіе свободы преподаванія, доходящее до того, что ни въ одной школѣ (даже частной) не можетъ быть примѣняемъ учебникъ, не одобренный заранѣе министерствомъ.

Частныя начальныя школы администрація разрѣшаетъ открывать всѣмъ желающимъ при слѣдующихъ условіяхъ: 1) обладаніи правительственнымъ дипломомъ на право преподаванія, 2) незапятнанной нравственности и 3) полнаго подчиненія всѣмъ требованіямъ правительства и его органовъ, издавшихъ рядъ постановленій о размѣрахъ программъ, учебниковъ и гигіеническомъ устройствѣ школьныхъ помѣщеній.

Относительно постановки с р е д н я г о о б р а з о в а н і я въ Австріи намъ приходится ограничиться лишь самыми краткими и общими замѣчаніями. Лишь съ 1867 года среднее образованіе было нормировано рядомъ узаконеній, въ основу которыхъ были положены правила

выработанныя для Германіи. Мужскія среднеучебныя заведенія, кромѣ профессіональныхъ, распадаются на 3 категоріи: гимназіи, реальныя гимназіи и реальныя училища. Курсъ первыхъ 8-лѣтній съ значительнымъ преобладаніемъ наукъ гуманитарныхъ, хотя математика и естествознаніе проходятся въ австрійскихъ гимназіяхъ въ бо́льшемъ объемѣ, чѣмъ въ Германіи. Восьмилѣтній курсъ разбивается на двѣ равныя части, причемъ 4 низшихъ класса составляютъ законченное цѣлое, т.-е. реальную гимназію, дающую подготовку къ практической дѣятельности. Для лицъ, намѣревающихся закончить здѣсь свое общее образованіе, греческій языкъ необязателенъ, но зато, кромѣ государственнаго языка, обязателенъ одинъ изъ новыхъ языковъ, французскій или англійскій. Государственнымъ языкомъ съ 1865 года всюду считается нѣмецкій, но въ галиційскихъ и чешскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ онъ замѣненъ польскимъ и чешскимъ языками. Гимназіи и реальныя гимназіи могутъ быть правительственными (публичными) и частными, причемъ послѣднія, въ случаѣ полнаго удовлетворенія всѣмъ правиламъ и узаконеніямъ, нормирующимъ публичныя среднеучебныя заведенія какъ въ смыслѣ распредѣленія и объема курса, такъ и относительно требованій, предъявляемыхъ къ учащему персоналу, пользуются «правомъ публичности», т.-е. получаютъ субсидіи отъ казны и даютъ всѣ права публичныхъ школъ *). Реальныя училища функціонируютъ нынѣ по уставу 1868 года, имѣютъ семилѣтній курсъ и дѣлятся на высшія и низшія (послѣдними являются первые 4 класса училища). Низшіе 4 класса реальнаго училища могутъ быть замѣнены соотвѣтственными 4 классами реальной гимназіи съ преподаваніемъ латинскаго языка. Высшіе 3 класса самостоятельно существовать не могутъ, но являются естественнымъ продолженіемъ либо реальной гимназіи, либо низшаго реальнаго училища. Реальныя училища готовятъ къ поступленію въ политехникумы и другія высшія техническія учебныя заведенія.

Для образованія дѣвушекъ существуютъ высшія женскія школы (съ 1890 года) въ Прагѣ и Вѣнѣ; тутъ дѣвицы готовятся къ поступленію въ университетъ, почему и проходятъ курсъ, почти цѣликомъ соотвѣтствующій курсу мужскихъ гимназій. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, въ другихъ десяти городахъ въ Австріи были открыты женскія учебныя заведенія съ менѣе широкими программами.

Всѣхъ университетовъ въ Австріи 8 **), если считать каждое

*) Аналогичны требованія для полученія частными начальными школами права публичности.

**) Въ этотъ счетъ не вошелъ кроатскій университетъ въ городѣ Аграмѣ. Онъ былъ основанъ въ 1874 году, не имѣетъ медицинскаго факультета, и число студентовъ его колеблется отъ 350 до 500.

изъ отдѣленій (нѣмецкое и чешское) въ пражскомъ университетѣ за отдѣльное, самостоятельное академическое учрежденіе. Самый старый университетъ—пражскій (нѣмецкій), самый юный—его чешская секція (1348 и 1882 годъ). Общее число учащихся въ 1893—94 г. достигало во всѣхъ австрійскихъ университетахъ 15456, учащихъ же 1218 человѣкъ.

Гораздо хуже въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ поставлено дѣло народнаго образованія въ Венгріи, которая, по закону 1868 года, распадается на 73 школьныхъ округа, въ огромномъ большинствѣ случаевъ совпадающихъ съ комитатами. По указанному закону, начальное обученіе сдѣлано обязательнымъ, причемъ законъ этотъ гласитъ: «Всѣ дѣти, не получающія въ иныхъ мѣстахъ достаточнаго обученія и не могущія доказать это путемъ экзаменовъ въ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ, обязаны въ возрастѣ отъ 6 до 12 лѣтъ посѣщать обыкновенныя начальныя училища, а отъ 12 до окончившагося 15-лѣтняго возраста повторительныя или дополнительныя школы». Для дѣтей до-школьнаго возраста въ Венгріи имѣется цѣлый рядъ (до 670) дѣтскихъ садовъ, гдѣ занятія ведутся по фребелевской системѣ. Обыкновенная начальная школа должна быть обязательно открываема общиною на разстояніи каждой полумили или тамъ, гдѣ имѣется не менѣе 30 дѣтей школьнаго возраста, если родители этихъ дѣтей не пожелаютъ посылать ихъ въ элементарныя конфессіональныя училища, содержимыя духовенствомъ, но подлежащія правительственному надзору. Если общины окажутся не въ состояніи открыть каждая свою обыкновенную начальную школу, то имъ не возбраняется открыть таковую на общія средства, въ складчину. Въ общинахъ съ 5000 жителей и болѣе должны быть открыты высшія народныя училища съ 3-лѣтнимъ курсомъ для мальчиковъ*) и 2-лѣтнимъ для дѣвочекъ. Въ городахъ имѣются высшія городскія или мѣщанскія школы, устроенныя по образцу австрійскихъ Bürgerschulen и являющіяся естественнымъ продолженіемъ низшихъ народныхъ школъ. Въ послѣднихъ, если онѣ устроены для совмѣстнаго обученія мальчиковъ и дѣвочекъ, максимальное число недѣльныхъ уроковъ опредѣлено въ 32; въ заведеніяхъ же съ отдѣльными для обоихъ половъ классами оно колеблется между 20 и 30. Ученикамъ начальныхъ школъ въ земледѣльческихъ общинахъ, если этимъ дѣтямъ свыше 10 лѣтъ, мѣстный училищный совѣтъ имѣетъ право разрѣшить въ продолженіе самаго горячаго времени полевыхъ работъ посѣщать лишь уроки

*) Смотря по мѣстнымъ условіямъ, къ этому курсу можетъ быть добавленъ еще годичный сельскохозяйственный или промышленный курсъ.

воскресныхъ повторительныхъ курсовъ *). По учебнымъ планамъ, утвержденнымъ 26 августа 1877 года **), обязательными предметами обученія въ обыкновенномъ начальномъ училищѣ признаны: религія и ученіе о нравственности ***), чтеніе и письмо, а также краткая грамматика роднаго языка, венгерскій языкъ, счетъ въ умѣ и на бумагѣ, знакомство съ отечественными монетами, мѣрами и т. д., начатки геомстріи, упражненія въ логическомъ мышленіи и говореніи, отечественныя исторія и географія, главнѣйшія данныя изъ всеобщей исторіи и географіи, начатки физики и естественной исторіи, элементы сельскаго хозяйства и огородничества, наиважнѣйшія гражданскія права и обязанности, пѣніе, рисованіе и гимнастика. Этотъ курсъ, поражающій насъ своею продуманностью, практичностью и объемомъ, долженъ быть пройденъ въ теченіе 6 лѣтъ ****). Въ высшихъ народныхъ училищахъ съ 3-лѣтнимъ или 4-лѣтнимъ курсомъ (см. выше) вся эта программа расширяется и углубляется, а также увеличивается присоединеніемъ курсовъ агрономіи, законовѣдѣнія, каллиграфіи и счетоводства, не считая ариѳметики и геометріи. Дѣвочки, учащіяся въ высшихъ народныхъ школахъ, обязательно отдѣльно отъ мальчиковъ, изучаютъ, вмѣсто агрономіи, законовѣдѣнія и счетоводства, довольно подробно естественную исторію, съ удѣленіемъ особеннаго вниманія отраслямъ женскаго хозяйства, шитье и рукодѣліе. Какъ въ высшихъ, такъ и въ низшихъ начальныхъ школахъ дѣти обязаны теоретически

---

*) Въ повторительныхъ школахъ (или классахъ) зимою назначено по 5, лѣтомъ по 2 еженедѣльныхъ часа.

**) Учебные планы для элементарныхъ школъ съ не-венгерскимъ языкомъ преподаванія были изданы въ 1879 году.

***) Вѣрнѣе: религія или ученіе о нравственности, потому что Законъ Божій, какъ таковой, изучается спеціально въ венгерскихъ конфессіональныхъ школахъ.

****) Чрезвычайно интересенъ министерскій циркуляръ отъ 1 января 1882 года. Тамъ сказано: «Покидающій элементарную школу ученикъ долженъ, кромѣ умѣнья толково и бѣгло читать и правильно устно выражать свои мысли, обладать умѣньемъ приложенія къ жизни обычно встрѣчающіеся элементы счета, затѣмъ тѣми практическими свѣдѣніями, которыя ему непосредственно необходимы въ его домашнемъ обиходѣ и хозяйствѣ; онъ также долженъ имѣть представленіе объ основныхъ данныхъ изъ исторіи, географіи и государственной жизни (своего народа). Но еще важнѣе усвоеніе практическихъ познаній и навыковъ: для мальчиковъ въ сельскомъ хозяйствѣ, для дѣвочекъ въ домоводствѣ и женскихъ рукодѣльяхъ, а для тѣхъ и другихъ въ области элементарной физіологіи и гигіены. Главный центръ тяжести обученія долженъ обнимать родной языкъ. Особенно рекомендуется при этомъ обращать вниманіе на упражненія въ мышленіи и говореніи, въ чтеніи, письмѣ и грамматикѣ». Срв. A. Petersilie, l. c., p. 182.

и практически знакомиться съ тою отраслью кустарной промышленности, которая характерна для данной мѣстности *).

На обязанности общинъ лежитъ также забота объ обученіи дѣтей, живущихъ на такъ называемыхъ таніяхъ (мызахъ), раскиданныхъ иногда на весьма значительномъ отдаленіи другъ отъ друга по Большой Венгерской низменности. Смотря по количеству учащихся общины устраиваютъ либо мызныя школы, либо посылаютъ въ отдѣльныя таніи странствующихъ учителей, обязанныхъ въ продолженіе опредѣленнаго срока подготовить учащихся къ экзамену (за тотъ или другой годъ обученія) въ публичной начальной школѣ.

Всѣ начальныя школы Венгріи взимаютъ плату съ учащихся, причемъ эти суммы переходятъ въ общинныя кассы. Но такъ какъ собираемыхъ такимъ образомъ средствъ не хватаетъ на содержаніе школъ, то съ населенія взимаются еще школьные налоги, которые, однако, по закону, не должны превышать 5% прямыхъ государственныхъ налоговъ. Дѣйствительно неимущія общины пользуются правительственною субсидіею для открытія и содержанія начальныхъ училищъ. Кромѣ того, министру народнаго просвѣщенія принадлежитъ право своею властью открывать государственныя начальныя школы на казенныя средства, и общины въ такихъ случаяхъ обязаны приплачивать на этотъ предметъ 5% суммы своихъ прямыхъ налоговъ. Дѣти бѣднѣйшихъ родителей освобождаются не только отъ платы за ученіе, но и снабжаются со стороны школы книгами и учебными пособіями. Въ 1896 году число учащихся во всѣхъ начальныхъ школахъ Венгріи составляло 2171345 человѣкъ при 44243 лицахъ педагогическаго персонала.

Послѣдній получаетъ свою подготовку въ одной изъ 70 учительскихъ семинаріяхъ, насчитывающихъ въ среднемъ всегда около 3500 питомцевъ. Положеніе учащихъ въ начальныхъ школахъ въ общемъ сносно. Къ отправленію учительскихъ обязанностей допускаются исключительно лица съ опредѣленною спеціальною подготовкою и соотвѣтственнымъ дипломомъ. Назначеніе на учительскія должности является дѣломъ выбора общины, причемъ утвержденный правительствомъ кандидатъ выбирается на свою должность пожизненно, а не на срокъ, какъ мы это видѣли въ Италіи. Кромѣ почетныхъ политическихъ или церковныхъ должностей, учащіе въ начальныхъ школахъ не въ правѣ занимать никакихъ другихъ, даже исполнять обязанностей пономаря (что разрѣшено въ Австріи, въ Тиролѣ). Исключеніе изъ этого правила

*) При такихъ разумныхъ и обширныхъ требованіяхъ программъ весьма странно поражаетъ тотъ фактъ, что число неграмотныхъ венгерскихъ рекрутовъ доходитъ до 36% (въ Австріи 30,8%), и число учащихся въ начальныхъ венгерскихъ школахъ всѣхъ типовъ равно лишь 12,4% (въ Австріи 13,7%).

дѣлается лишь съ особаго каждый разъ дозволенія учебнаго начальства. Учительское жалованье опредѣляется мѣстными школьными комитетами и варіируетъ, какъ и въ Австріи, по мѣстностямъ. Минимальнымъ окладомъ, при казенной квартирѣ и огородѣ (не менѣе 1/4 десятины), считается у штатнаго учителя народной элементарной школы 300 гульденовъ, у помощника учителя 200 гульденовъ, у учителя высшей народной школы 550, у помощника 250 гульденовъ; учителя мѣщанскихъ или городскихъ училищъ получаютъ отъ 700 до 800 гульденовъ въ годъ, ихъ помощники отъ 350 до 400 гульденовъ, смотря по величинѣ города. По закону 1875 года, всѣ штатные учащіе (безъ различія пола и вѣроисповѣданія) имѣютъ право на пенсію (отъ 300 до 400 гульденовъ по прошествіи 40 лѣтъ службы и достиженіи 65-лѣтняго возраста).

Среднеучебныя заведенія Венгріи дѣлятся, какъ въ Австріи, на гимназіи и реальныя училища съ 8-лѣтнимъ курсомъ. Уставъ ихъ утвержденъ въ 1883 году. Въ 1894 году существовало 151 гимназія (правительственныхъ и частныхъ) и 33 реальныхъ училища, изъ которыхъ 10 содержалось на частныя средства. Въ настоящее время число этихъ учебныхъ заведеній возросло на 15%. Преподаваніе велось въ 165 заведеніяхъ на венгерскомъ, въ 6 на румынскомъ, въ 11 на нѣмецкомъ, въ 1 на итальянскомъ и въ 1 на сербскомъ языкахъ. Общее число учащихся въ венгерскихъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ достигало тогда же 47870 человѣкъ.

Относительно венгерскихъ университетовъ у проф. Л. Іолли (l. c., p. 30) сказано:

«Въ Венгріи существуютъ два университета—въ Будапештѣ и въ Клаузенбургѣ. Будапештскій университетъ имѣетъ факультеты богословскій, юридическій, медицинскій и философскій; въ клаузенбургскомъ университетѣ нѣтъ богословскаго факультета, а на мѣсто философскаго имѣется факультетъ философско-историко-филологическій и математико-естественно-научный. Въ 1894—95 академическомъ году въ будапештскомъ университетѣ насчитывалось 77 ординарныхъ, 17 экстраординарныхъ профессоровъ и 108 приватъ-доцентовъ при 4000 студентахъ; въ клаузенбургскомъ 44 профессора, 12 приватъ-доцентовъ и 600 студентовъ».

Въ настоящее время эти цифровыя данныя измѣнились весьма незначительно, повысившись на 5—6%.

Хотя число учащихся въ начальныхъ школахъ Голландіи, содержимыхъ на правительственныя и общественныя суммы, въ среднемъ и не превышаетъ 9,8%, однако, вмѣстѣ съ учащимися также и въ частныхъ элементарныхъ школахъ оно достигаетъ уже 14,3%, т.-е. выше того, что нами отмѣчено для Венгріи (12,4) и Австріи (13,7). Между тѣмъ число неграмотныхъ рекрутъ въ Голландіи обыкновенно не превышаетъ 5%, тогда какъ въ Венгріи оно доходитъ до 36, а въ Австріи почти до 31%. Это объясняется издавна, еще съ конца XVIII столѣтія, наблюдаемою въ Голландіи широкою частною иниціативою въ дѣлѣ насажденія и распространенія народнаго образованія. Между тѣмъ Голландія до 7 іюля 1900 года совершенно не знала обязательности обученія. Правда, неоднократно дѣлались попытки ввести его; на родителей, манкировавшихъ въ этомъ отношеніи своими обязанностями, налагались штрафы: они исключались изъ списка лицъ, имѣющихъ право на субсидіи изъ общинныхъ кассъ; наконецъ, строжайшимъ образомъ запрещалась работа малолѣтнихъ на заводахъ и фабрикахъ. Все это, однако, не повело ни къ чему, и число дѣтей, не посѣщавшихъ начальныя, особенно общественныя начальныя школы, продолжало оставаться значительнымъ. Даже въ настоящее время еще, при введеніи обязательнаго обученія въ Нидерландахъ, не прекращаются жалобы на эту тему *). Одною изъ главнѣйшихъ причинъ этого явленія слѣдуетъ признать, конечно, отсутствіе безплатности начальнаго народнаго образованія. Правда, бѣдность освобождаетъ родителей отъ внесенія школьной платы, но удостовѣреніе о ней связано съ рядомъ довольно мучительныхъ и непріятныхъ формальностей. Съ другой стороны, вопросъ о характерѣ общественныхъ школъ, являющихся въ религіозномъ отношеніи совершенно нейтральными и не вводящихъ въ свою программу обученія религіи вовсе, сыгралъ въ интересующемъ насъ дѣлѣ также немаловажную роль.

Закономъ отъ 7 іюля 1900 года, какъ уже было сказано, введено въ Нидерландахъ обязательное начальное обученіе, и школьнымъ возрастомъ признанъ періодъ отъ 7 до 13 лѣтъ. Помимо общественныхъ начальныхъ школъ, содержимыхъ на средства правительства и общинъ, въ странѣ имѣется много частныхъ, преимущественно церковныхъ и, слѣдовательно, конфессіональныхъ элементарныхъ училищъ. Всѣмъ частнымъ начальнымъ школамъ, нейтральнымъ въ религіозномъ отношеніи, правительство не отказываетъ въ субсидіи и признаетъ ихъ равноправіе (въ смыслѣ пенсіи учительскому персо-

*) Въ 1900 году, по оффиціальнымъ статистическимъ свѣдѣніямъ, отъ посѣщенія школъ уклонилось 5,21% мальчиковъ и 10,24% дѣвочекъ

налу) съ школами общественными. Программа первыхъ трехъ классовъ начальныхъ школъ обнимаетъ слѣдующіе предметы: чтеніе, письмо, счетъ, элементарныя свѣдѣнія изъ геометріи, грамматики голландскаго языка, географіи, отечественной исторіи, естественной исторіи и природовѣдѣнія, пѣніе, гимнастику и (для дѣвочекъ) рукодѣліе. Во второй половинѣ курса программа расширяется введеніемъ начатковъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, всеобщей исторіи, элементарной математики, рисованія съ натуры и основъ земледѣлія. Обученіе религіи предоставляется, подъ руководствомъ духовенства, всѣмъ желающимъ во внѣучебное время въ школьномъ помѣщеніи. Естественно, что конфессіональныя училища ставятъ преподаваніе Закона Божія на видномъ, даже первомъ мѣстѣ. Внутреннее распредѣленіе курса и отдѣльныхъ предметовъ его, равно какъ установленіе расписаній, предоставляется училищнымъ совѣтамъ. Школы бываютъ трехъ категорій: для мальчиковъ, для дѣвочекъ и смѣшанныя. Правительственный надзоръ за всѣми безъ исключенія начальными училищами лежитъ на школьныхъ инспекторахъ. Въ 1900 году всѣхъ начальныхъ школъ въ Голландіи насчитывалось 4544 приблизительно съ 747000 учащихся; общественныхъ, нейтральныхъ въ религіозномъ смыслѣ школъ было 3096 съ 520000 учащихся, а изъ остальныхъ частныхъ и конфессіональныхъ школъ около 550 было католическихъ.

Съ 1857 года заботу о подготовкѣ и пенсіяхъ педагогическаго персонала начальныхъ школъ несетъ правительство. Къ занятію учительскихъ должностей допускаются лишь лица съ опредѣленною педагогическою подготовкою, получаемою въ особыхъ правительственныхъ учительскихъ семинаріяхъ (Kweekscholen), которыхъ всего имѣется семь, и курсъ которыхъ четырехлѣтній. Въ 1900 г. число учащихся въ этихъ семинаріяхъ достигало 539. Кромѣ того, устроено съ тою же цѣлью еще 97 дополнительныхъ курсовъ (Normallessen), насчитывавшихъ тогда же 2131 слушателя и 2135 слушательницъ. Учителя и учительницы назначаются и увольняются общинными совѣтами. Начальниками школъ могутъ быть только лица, выдержавшія соотвѣтственный конкурсный экзаменъ. Учительницы преподаютъ преимущественно въ низшихъ классахъ начальныхъ школъ. Закономъ опредѣленъ максимумъ учащихся (40) на одного учащагося. Минимальный годовой окладъ учащаго въ начальной народной школѣ опредѣленъ въ 700 флориновъ. Завѣдующіе училищами пользуются, кромѣ того, квартирою въ натурѣ или квартирными деньгами. Полная пенсія выдается (правительствомъ) послѣ 40-лѣтней службы и достиженія 65-лѣтняго возраста. Она не должна превышать $^2/_3$ основного содержанія, которое съ каждымъ годомъ службы повышается на $^1/_{60}$ *).

*) Ср. A. Petersilie, l. c., p. 176; K. A. Schmit, l. c., 276, p. и M. Lauer. «Die Entwickelung u. Gestaltung des Niederländischen Volksschulwesens», p. 82.

Что касается средняго образованія въ Нидерландахъ, то, по закону 1876 года, каждый городъ съ числомъ жителей не менѣе 20000 человѣкъ содержитъ одну шестиклассную гимназію. Всего такихъ городскихъ гимназій существуетъ 29 (2500 учениковъ); кромѣ городскихъ, имѣется еще 12 частныхъ, конфессіональныхъ гимназій. Въ 1864 году были учреждены также среднія гражданскія школы, замѣнившія существовавшія до того времени реальныя отдѣленія въ гимназіяхъ. Курсъ въ нихъ либо 5-, либо 3-лѣтній, и распадаются онѣ на государственныя (21) и городскія (40). Какъ и въ гимназіи, сюда принимаются дѣти не моложе 12 лѣтъ. Число учащихся въ 5-классныхъ среднихъ гражданскихъ школахъ обыкновенно доходитъ до 4000, въ 3-классныхъ до 2500 человѣкъ. Характерною особенностью голландскихъ школъ является то, что въ нихъ допускается совмѣстное обученіе мальчиковъ и дѣвочекъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ особыхъ женскихъ учебныхъ заведеній. Въ 12 городахъ имѣется, впрочемъ, по одной средней гражданской школѣ для дѣвицъ (общее число учащихся въ нихъ доходитъ въ среднемъ до 1500 человѣкъ).

Цѣлямъ высшаго образованія въ Нидерландахъ служатъ пять университетовъ. Изъ нихъ, въ порядкѣ старшинства, лейденскій, гронингенскій и утрехтскій содержатся на счетъ казны, амстердамскій городской на счетъ города, амстердамскій же частный на счетъ Реформатскаго союза. Общее число студентовъ въ нихъ колеблется между 3000 и 3200.

Народное образованіе въ Бельгіи испытало немало перипетій въ зависимости отъ домированія той или другой партіи (клерикальной или либеральной). Только въ 1878 году было учреждено особое министерство народнаго просвѣщенія, которое, однако, уже въ 1884 г., подъ давленіемъ клерикаловъ, было снова упразднено. Сейчасъ дѣло народнаго образованія въ Бельгіи нормируется закономъ отъ 15 сентября 1895 года; основная мысль этого закона сводится къ тому, чтобы въ каждой состоятельной общинѣ имѣлось, по крайней мѣрѣ, по одной народной школѣ, содержаніе которой ложится на общину, причемъ, въ случаѣ несостоятельности послѣдней, на помощь ей является провинція, а также правительство. Дѣти бѣдныхъ родителей должны быть, по ходатайству послѣднихъ, освобождаемы отъ взноса платы за ученіе. На дѣлѣ оказывается, впрочемъ, что за обученіе плата взимается лишь съ 10% учащихся. Бельгія до сихъ поръ не знаетъ все-

общаго обязательнаго обученія. Школьнымъ возрастомъ считается періодъ отъ 7 до 14 лѣтъ, но за отсутствіемъ какихъ-либо опредѣленныхъ въ этомъ отношеніи постановленій школы посѣщаются обыкновенно только въ продолженіе 2 или 3 лѣтъ. Онѣ распадаются на двѣ категоріи: публичныя (въ 1900 году 4354) и частныя, чаще всего церковныя (тогда же 2254), носящія названіе écoles adoptées. Въ программу первыхъ обученіе религіи не входитъ; въ школахъ второй категоріи оно обязательно. Общій правительственный надзоръ какъ за общественными, такъ и за частными народными школами лежитъ на обязанности (80) кантональныхъ инспекторовъ (свѣтскихъ). Въ программу начальной бельгійской школы входятъ: мораль, чтеніе, письмо, начатки французскаго, фламандскаго или нѣмецкаго языковъ (смотря по мѣстнымъ условіямъ), элементарная ариѳметика, мѣры вѣса, длины и т. п., географія, исторія Бельгіи, рисованіе, гигіена, пѣніе и гимнастика. Число учащихся въ начальныхъ школахъ обыкновенно немногимъ превышаетъ 12—13% общаго народонаселенія страны *). Къ преподаванію въ начальныхъ школахъ Бельгіи допускаются только лица, выдержавшія установленный экзаменъ и пробывшія не менѣе 2 лѣтъ въ учительской семинаріи, которыхъ существуютъ 51 съ общимъ, въ среднемъ, числомъ учащихся въ 3200 человѣкъ. Эти семинаріи или нормальныя школы, въ свою очередь, распадаются на правительственныя, клерикальныя и частныя. Обученіе въ нихъ, особенно въ правительственныхъ нормальныхъ школахъ, поставлено недурно (закономъ 1854 г. въ нихъ, между прочимъ, обязательны курсы садоводства, огородничества и плодоводства); заведенія эти снабжены въ большинствѣ случаевъ довольно обширными библіотеками.

Учащіе въ общественныхъ народныхъ школахъ опредѣляются на должности правительствомъ и получаютъ слѣдующіе оклады: учителя отъ 1600 до 2400, учительницы отъ 1600 до 2200 франковъ (помощники 1200—1400, помощницы 1000—1200 франковъ), въ зависимости отъ величины общины, селенія или города. Существуютъ, кромѣ того, и прибавки за выслугу лѣтъ (отъ 100 до 600 франковъ въ годъ). Согласно королевскимъ указамъ 1842, 1843 и 1852 годовъ, въ главнѣйшихъ городахъ устроены такъ называемые Caisses de prévoyance, откуда начальные учителя и учительницы, равно какъ ихъ вдовы и семьи, могутъ получать единовременныя пособія и пожизненныя пенсіи. Средства этихъ кассъ слагаются: 1) изъ ежегоднаго 3% вычета изъ учительскаго жалованья; 2) изъ чрезвычайныхъ вычетовъ (отъ $^1/_{12}$ до $^3/_{12}$) съ каждой прибавки за выслугу лѣтъ; 3) изъ средствъ,

*) Общее количество учащихся въ общественныхъ начальныхъ школахъ было въ 1898 году 695211, учащихъ же 13569.

спеціально ассигнуемыхъ провинціями; 4) изъ средствъ, отпускаемыхъ казною, и 5) изъ особыхъ пожертвованій. Правомъ на полную пенсію пользуются учащіе, достигшіе 60-лѣтняго возраста, прослужившіе 30 лѣтъ или ставшіе неспособными къ труду послѣ 12-лѣтней непрерывной педагогической службы.

Для полученія средняго образованія въ Бельгіи существуетъ рядъ государственныхъ, коммунальныхъ и частныхъ учебныхъ заведеній. Государственныя среднія школы называются атенеумами и содержатся частью государствомъ, частью общинами. Назначеніе въ нихъ преподавательскаго персонала исходитъ отъ правительства. До 1887 года существовала очень запутанная система распредѣленія учениковъ по отдѣленіямъ, но теперь бельгійскія среднеучебныя заведенія распадаются, при семилѣтнемъ курсѣ, на три отдѣла: греко-латинскій (53 недѣльныхъ часа латинскаго и 25 недѣльныхъ часовъ греческаго языка), латинскій (греческаго языка не проходится вовсе, зато усилены требованія по математикѣ, естествознанію и рисованію) и реальный (безъ древнихъ языковъ, но съ обязательнымъ изученіемъ языка англійскаго). Такимъ образомъ, мы видимъ въ этихъ категоріяхъ среднеучебныхъ заведеній тѣ же гимназіи, реальныя гимназіи и реальныя училища, которыя введены въ Германіи. Переходъ изъ начальнаго народнаго училища въ одинъ изъ видовъ атенеума происходитъ при помощи прохожденія курса въ одномъ изъ такъ называемыхъ среднихъ городскихъ учебныхъ заведеній (въ концѣ 90-хъ годовъ ихъ существовало 7). Атенеумовъ въ Бельгіи имѣется 20. Рядомъ съ ними весьма процвѣтаетъ другой типъ среднеучебныхъ заведеній, такъ называемыхъ среднихъ епископскихъ школъ (всего 69 съ 1000 учащихся, тогда какъ въ атенеумахъ число учениковъ колеблется около 6000 человѣкъ). Здѣсь же слѣдуетъ упомянуть о школахъ католическихъ духовныхъ орденовъ, особенно іезуитскаго (въ 1892 г. въ нихъ было всего 8152 ученика, изъ коихъ на долю іезуитскихъ школъ приходилось 5538). Духовныя учебныя заведенія въ большинствѣ случаевъ снабжены интернатами, совершенно не имѣютъ такъ называемаго латинскаго отдѣленія, иногда не имѣютъ и отдѣленія реальнаго. Характерно, что больше одной трети воспитанниковъ этихъ школъ посвящаетъ себя впослѣдствіи чисто-практической, чаще всего технической дѣятельности.

О высшихъ учебныхъ заведеніяхъ Бельгіи проф. Л. Іолли (l. c., p. 190—191) пишетъ:

«Какъ въ сферѣ элементарнаго и средняго, такъ и въ сферѣ научнаго образованія конкурируютъ между собою государственныя и частныя учебныя заведенія. Два государственныхъ университета—въ Гентѣ и Люттихѣ—состоятъ изъ 4 факультетовъ: юридическаго, ме-

дицинскаго, философско-литературнаго и математико-естественно-научнаго. Въ люттихскомъ университетѣ заведены порядки, сходные съ тѣми, какіе господствуютъ въ политехническихъ школахъ Германіи. Въ каждомъ изъ названныхъ университететовъ постоянно работаетъ, кромѣ 50 слишкомъ профессоровъ, отъ 20 до 25 agrégés, соотвѣтствующихъ германскимъ приватъ-доцентамъ. По своему устройству гентскій и люттихскій университеты напоминаютъ германскіе университеты и во многихъ другихъ отношеніяхъ; при основаніи первыхъ въ 1816 году послѣдніе были взяты за образецъ. Но, кромѣ того, здѣсь мы находимъ и кое-какіе французскіе порядки; такова, напримѣръ, обязанность студентовъ посѣщать тѣ лекціи, на которыя они записались. Число студентовъ колеблется въ гентскомъ университетѣ между 600 и 700, въ люттихскомъ — между 1200 и 1300. Частныя высшія учебныя заведенія могутъ носить названіе университетовъ, если они имѣютъ 4 названныхъ факультета и даютъ учащимся такое образованіе, какое требуется для допущенія къ экзаменамъ на занятіе либеральными профессіями. Они не подчинены никакому надзору со стороны государства. Несмотря на это, частные университеты могутъ на тѣхъ же самыхъ основаніяхъ, что и государственные, производить экзамены и раздавать ученыя степени, тогда какъ для испытанія студентовъ другого рода частныхъ заведеній назначаются особыя комиссіи изъ профессоровъ государственныхъ и частныхъ университетовъ. Единственное ограниченіе свободы частныхъ университетовъ заключается въ томъ, что они не признаются юридическими лицами. Въ Бельгіи съ 1834 года существуютъ два частныхъ университета, «католическій» въ Лэвенѣ и «вольный» въ Брюсселѣ. Во главѣ лэвенскаго университета стоитъ ректоръ, назначаемый пожизненно епископами. Кромѣ четырехъ факультетовъ государственныхъ университетовъ, здѣсь имѣется еще богословскій. Число профессоровъ достигаетъ 80 — 90; студентовъ насчитывается свыше 16000 человѣкъ, часть которыхъ живетъ въ интернатахъ. Брюссельскій вольный университетъ основанъ въ противовѣсъ католическому лэвенскому. Онъ содержится частнымъ обществомъ. Во главѣ его стоитъ административный совѣтъ изъ профессоровъ, коммунальныхъ сановниковъ и кооптированныхъ членовъ. Для покрытія своихъ расходовъ онъ располагаетъ рентами съ университетскаго имущества и субсидіями отъ города Брюсселя. Въ вольномъ брюссельскомъ университетѣ, кромѣ 4 факультетовъ, существующихъ въ государственныхъ университетахъ, есть еще факультетъ техническій. Число профессоровъ—около 100, число студентовъ—1600 человѣкъ. Въ послѣднее время рядомъ съ «вольнымъ университетомъ» соціалистическая партія Бельгіи основала въ Брюсселѣ свой собственный университетъ подъ

именемъ «Новаго университета», который признанъ правительствомъ въ 1895 году» *).

Еще больше перипетій, чѣмъ въ Бельгіи, испытало народное образованіе во Франціи раньше, чѣмъ достигнуть современнаго своего положенія. Мы не будемъ здѣсь утомлять читателей передачей исторіи народнаго образованія во Франціи, такъ какъ это завело бы насъ слишкомъ далеко. Скажемъ лишь, что организація дѣла народнаго образованія въ его современномъ положеніи установлена въ 1881 г. и опредѣлена цѣлымъ рядомъ законовъ, извѣстныхъ подъ общимъ именемъ законовъ Жюля Ферри (они сводятся, главнымъ образомъ, къ установленію государственныхъ или общинныхъ свидѣтельствъ на право преподаванія взамѣнъ прежнихъ дипломовъ, выдававшихся религіозными конгрегаціями, о безплатности народнаго обученія, о распредѣленіи расходовъ по содержанію школъ между общинами, департаментами и государствомъ, о нейтральности школъ въ смыслѣ религіозномъ, о программахъ народной школы, о материнскихъ и высшихъ народныхъ школахъ, о вознагражденіи, назначеніи и увольненіи учителей и т. п.). Всѣ эти распоряженія 18 января 1887 года были сведены въ одинъ органическій школьный регламентъ, которымъ устанавливаются обязательность, общедоступность, безплатность начальнаго народнаго образованія, и которымъ разъ навсегда опредѣляется совершенно свѣтскій характеръ начальныхъ школъ, и у мѣстныхъ священниковъ, равно какъ у доховенства вообще, отнимается право надзора за народными школами.

Административная часть народнаго образованія во Франціи организована слѣдующимъ образомъ: во главѣ всего дѣла стоитъ министерство народнаго просвѣщенія и изящныхъ искусствъ, начальникомъ котораго является министръ. При немъ состоятъ высшій училищный и академическій совѣты. Кромѣ того, при министрѣ народнаго просвѣщенія состоитъ совѣщательный комитетъ (comité consultatif), вѣдающій, главнымъ образомъ, вопросы объ учительскомъ персоналѣ. Кромѣ этихъ центральныхъ учрежденій, существуютъ и мѣстныя, а именно: департаментскіе и мѣстные школьные совѣты. Въ составъ департаментскихъ совѣтовъ входятъ, между прочимъ, по два инспектора

*) Ср. также L. Lebon, «L'instruction du peuple. Histoire de l'enseignement populaire en Belgique» (Bruxelles, 1872) и E. Greyson, «L'enseignement publique en Belgique» (Bruxelles, 1893).

начальныхъ школъ (inspecteur primaire), подчиненныхъ, въ свою очередь, инспекторамъ академическихъ округовъ. Первыхъ насчитывается теперь 425, вторыхъ 17. Всѣ школы для начальнаго обученія распадаются на двѣ крупныхъ категоріи, общественныя и частныя, которыя, въ свою очередь, по возрасту учащихся и преслѣдуемымъ педагогическимъ цѣлямъ, распадаются на слѣдующіе 6 разрядовъ: 1) материнскія школы; 2) дѣтскіе классы; 3) начальныя элементарныя школы; 4) дополнительные курсы; 5) высшія народныя школы и 6) классы для взрослыхъ или ремесленныя школы. Частныя школы должны подходить къ одному изъ указанныхъ разрядовъ. Онѣ подчинены надзору общей инспекціи (особенно слѣдящей за выборомъ учебниковъ), пользуются въ смыслѣ методовъ и программъ преподаванія, а также назначенія педагогическаго персонала большою свободою и открываются явочнымъ порядкомъ съ тѣмъ лишь условіемъ, что школьное помѣщеніе должно отвѣчать требованіямъ гигіены и во главѣ заведенія должно стоять лицо, пользующееся правомъ преподаванія въ начальныхъ народныхъ школахъ Франціи.

Каждая община обязана содержать, по крайней мѣрѣ, одну начальную школу (école primaire); при условіи же наличности свыше 500 жителей—цѣлыхъ двѣ: одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ. Расходы по этимъ школамъ несутъ община, департаментъ и государство. Послѣднее платитъ жалованье учащимъ и школьнымъ инспекторамъ; департаментъ содержитъ помѣщенія и обстановку правительственныхъ учрежденій, завѣдующихъ дѣломъ народнаго образованія въ предѣлахъ департамента, а также содержитъ зданія и инвентарь учительскихъ семинарій; общины несутъ расходы по добавочному жалованью педагогическаго персонала, по содержанію школьныхъ зданій вмѣстѣ съ инвентаремъ и учительскихъ квартиръ; отопленіе и освѣщеніе какъ послѣднихъ, такъ и школьныхъ зданій также возлагаются на общины.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ разрядовъ народныхъ школъ. Въ материнскихъ школахъ (écoles maternelles), прежде называвшихся «пріютами», salles d'asyle, воспитываются дѣти отъ 2 до 6 лѣтъ, занимаясь играми, пѣніемъ, плетеніемъ, а также элементами грамотности, рисованія и счета. Завѣдуютъ ими и преподаютъ въ нихъ всегда учительницы. Переходною ступенью къ низшей начальной школѣ служатъ дѣтскіе классы (classes enfantines) для дѣтей обоего пола отъ 4 до 7 лѣтъ. Эти учрежденія чаще всего связуются съ низшими начальными школами (écoles primaires) съ трехлѣтнимъ курсомъ *), являясь ихъ подготовительною ступенью. Обыкновенно дѣти

*) Чаще всего эти школы не бываютъ смѣшанными, а учреждаются

остаются въ низшихъ начальныхъ школахъ лѣтъ до 12; затѣмъ сдаютъ экзаменъ и уже освобождаются отъ дальнѣйшаго обязательнаго обученія. За непосѣщеніе школы полагается сперва простое увѣщаніе родителей, затѣмъ опубликованіе фамилій виновныхъ во всеобщую извѣстность, наконецъ, денежный штрафъ и даже арестъ въ случаѣ несостоятельности. Дѣти, получающія домашнее образованіе, должны каждые два года экзаменоваться въ публичныхъ школахъ. Курсъ преподаванія низшихъ начальныхъ училищъ обнимаетъ обычные въ такого рода учрежденіяхъ предметы и, вмѣсто Закона Божія, нравственность и ученіе о гражданскихъ правахъ и обязанностяхъ, начатки естествознанія и геометріи, ручной трудъ, гимнастику и военныя упражненія (въ такъ назыв. школьныхъ батальонахъ); дѣвочки обязательно изучаютъ шитье, рукодѣлье и домоводство. Въ сельскихъ школахъ, кромѣ того, введено еще садоводство и земледѣліе.

Кромѣ указанныхъ низшихъ начальныхъ училищъ, обученіе въ которыхъ общеобязательно, существуютъ еще такъ назыв. высшія начальныя школы (écoles primaires supérieures), иногда называемыя также дополнительными курсами (cours complémentaires). Курсъ въ нихъ 2—3-лѣтній и значительно шире программы низшихъ элементарныхъ школъ. Школы эти никогда не бываютъ смѣшанными, и, еще по закону 1833 года, обязанность учреждать ихъ лежитъ на общинахъ, насчитывающихъ болѣе 6000 жителей. Въ дополнительныхъ классахъ повторяется обыкновенно курсъ низшихъ начальныхъ училищъ, а въ высшихъ школахъ въ программу преподаванія входятъ: прикладная ариѳметика, элементарная алгебра и геометрія, счетоводство, начала естествознанія и физики (примѣнительно къ земледѣлію, промышленности и гигіенѣ), рисованіе, моделированіе, черченіе, коммерческая географія, исторія и литература Франціи, ручной трудъ и новые языки (въ весьма небольшихъ объемахъ); въ женскихъ школахъ этого типа обязательны шитье, кройка и сборка.

Нѣсколько профессіональный характеръ этихъ школъ новелъ къ тому, что большинство ихъ обратилось въ прямо-таки ремесленныя училища (écoles manuelles d'apprentissage). Согласно закону 11 декабря 1880 года, курсъ въ нихъ трехлѣтній, и въ нихъ обучается молодежь въ возрастѣ отъ 13 до 18 лѣтъ. Содержатся эти учебныя заведенія

отдѣльно для мальчиковъ и дѣвочекъ. Только общинамъ, имѣющимъ менѣе 500 жителей, разрѣшается устраивать смѣшанныя элементарныя школы. При этомъ красною нитью проходитъ стремленіе и здѣсь провести строгое раздѣленіе половъ при помощи устройства перегородки въ классѣ, отдѣляющей мальчиковъ и дѣвочекъ, но настолько низкой, что учитель или учительница съ каѳедры можетъ свободно видѣть все, происходящее въ томъ и другомъ отдѣленіяхъ.

департаментами или крупными общинами, а съ 1885 года и государство содержитъ три такихъ школы, являющихся образцовыми.

На подготовку педагогическаго персонала для начальныхъ школъ Франціи обращено самое серьезное вниманіе. По закону 9 августа 1878 года, каждый департаментъ обязанъ содержать по одной мужской и одной женской учительской семинаріи съ 3-лѣтнимъ курсомъ и интернатомъ. Обученіе и содержаніе здѣсь безплатны, но учащіеся обязаны прослужить по окончаніи курса не менѣе десяти лѣтъ. При этомъ учащіе и учащія въ низшихъ начальныхъ училищахъ назначаются на должность префектами по предложенію инспекторовъ академическихъ округовъ, учителя же и учительницы высшихъ и ремесленныхъ школъ—самимъ министромъ народнаго просвѣщенія. Учителя не вполнѣ освобождаются отъ отбытія воинской повинности, которая сокращается для нихъ до одного года (вмѣсто обычныхъ трехъ).

Положеніе учащаго персонала можетъ быть названо довольно сноснымъ. Не говоря уже о томъ, что учащимъ предоставляется путемъ устройства библіотекъ, общеобразовательныхъ лекцій и съѣздовъ полная возможность духовнаго общенія и самоусовершенствованія въ своей спеціальности, ихъ матеріальное положеніе довольно обезпечено. Вотъ что читаемъ на этотъ счетъ у Л. Іолли (l. c., pp. 141—142): «...изъ общаго числа учительскихъ мѣстъ въ элементарныхъ школахъ 20% должны быть замѣщены кандидатами (т.-е. преимущественно такими учителями, которые еще не имѣютъ certificat d'aptitude pédagogique), 35% — учителями 5 класса, 25%—учителями 4 класса, 15% — учителями 3 класса и 5% учителями 2 и 1 классовъ. Размѣръ жалованья достигаетъ для кандидатовъ — 800 фр., для учителей 5, 4, 3, 2 и 1 классовъ —1000, 1200, 1500, 1800 и 2000 фр., для учительницъ, смотря по классу, къ которому онѣ принадлежатъ,— 1000, 1200, 1400, 1500 и 1600 фр. Старшіе учителя и учительницы школъ съ 2 и болѣе классами получаютъ еще по 200 фр.,— школъ съ числомъ классовъ болѣе 4 — еще 400 франковъ. Кромѣ того, въ мѣстностяхъ, имѣющихъ свыше 1000 жителей, учителямъ полагается добавочное содержаніе, размѣръ котораго въ Парижѣ равняется 1000 фр., въ остальныхъ мѣстахъ колеблется между 400 и 500 фр.; старшіе учителя упомянутыхъ поселеній получаютъ вдвое больше. Далѣе, учителямъ и кандидатамъ дается готовая квартира... Учителя 5 и 4 классовъ могутъ получать повышеніе только послѣ пятилѣтней службы въ данномъ классѣ, учителя 3 и 2 классовъ— только послѣ трехлѣтней службы. Лицамъ, достигшимъ 55-лѣтняго возраста и прослужившимъ 25 лѣтъ, полагается пенсія въ размѣрѣ не менѣе 500 фр. въ годъ; средства на это получаются частью посредствомъ вычетовъ изъ учительскаго жалованья. Вдова учителя,

достигшаго 55-лѣтняго возраста и прослужившаго 25 лѣтъ, получаетъ пенсію въ размѣрѣ третьей части пенсіи мужа. Многіе учителя исправляютъ должность пономарей и общинныхъ писарей; доходъ отъ этого рода службы не зачитается въ учительское жалованье». Къ концу 90-хъ годовъ число всѣхъ учащихся въ начальныхъ школахъ Франціи (какъ общественныхъ, такъ и частныхъ) достигало. 5548180 при 149271 лицѣ педагогическаго персонала; это даетъ цѣлыхъ 14,5% всего населенія страны. Количество неграмотныхъ рекрутовъ опредѣлялось все-таки въ 7,4%. На народное образованіе Франція расходуетъ въ общемъ около $^1/_2$% всего государственнаго бюджета, и почти $^3/_4$ этого расхода идетъ на начальное народное образованіе. Въ 1900 году, при населеніи въ 38 милл., число дѣтей, обучавшихся въ разныхъ элементарныхъ школахъ, переходило за 6100000, т.-е. при населеніи втрое меньшемъ, дѣтей, получающихъ начальное образованіе, насчитывалось въ $1^1/_2$ раза больше, чѣмъ въ Россіи. Въ то время, какъ у насъ расходъ на содержаніе начальныхъ училищъ не превышаетъ 37—38 коп. на душу населенія, онъ во Франціи достигаетъ $2^1/_2$ рублей.

Система средняго образованія во Франціи подвергалась, какъ и организація образованія начальнаго, неоднократно коренным измѣненіямъ. Въ основѣ его лежатъ законы отъ 15 марта 1850, 21 іюня 1866, 4 августа 1881 и 4 іюня 1891 годовъ. Среднеучебныя заведенія для мальчиковъ распадаются, главнымъ образомъ, на двѣ группы: на школы гуманитарныя (лицеи и коллежи; первые содержатся, помимо частныхъ школъ, государствомъ, вторые общинами, откуда и ихъ названіе collèges communaux) и реальныя, входящія въ кругъ т. наз. enseignement secondaire spécial или moderne. Въ большинствѣ среднеучебныхъ заведеній Франціи существуютъ интернаты; даже приходящіе ученики по большей части живутъ не дома у родителей, а въ спеціальныхъ пансіонахъ, часто устраиваемыхъ и содержимыхъ духовенствомъ. Курсъ ученія въ лицеяхъ 8- или 9-лѣтній, причемъ онъ распадается на три стадіи: курсъ элементарный, курсъ грамматическій и курсъ высшій. Первое, низшее отдѣленіе, обнимаетъ классы 9—7, среднее классы 6—4, высшее—3, 2 и 1. Первый, высшій классъ, распадается на два отдѣленія съ одногодичнымъ курсомъ каждое; низшее называется Rhétorique, высшее Philosophie. Тѣ воспитанники, которые готовятся къ поступленію въ политехническую школу или другія высшія спеціальныя заведенія, могутъ, начиная съ 3-го класса, переходить въ такъ наз. математическіе классы, распадающіеся, въ свою очередь, на три отдѣленія: classe de mathématiques préparatoires, classe de mathématiques élementaires и classe de mathématique speciale. Этотъ послѣдній курсъ «спеціальной математики»

имѣется лишь въ самыхъ обширныхъ лицеяхъ. Воспитанникамъ, слушающимъ на гуманитарномъ отдѣленіи лицея реторику и философію, не возбраняется одновременно посѣщать и математическіе классы. Въ коммунальныхъ коллежахъ курсъ приблизительно приноровленъ къ программамъ лицеевъ, но меньше: тамъ нѣтъ классовъ философіи и спеціальной математики. Особенностью среднеучебныхъ заведеній Франціи является также продолжительность лекцій, продолжающихся нерѣдко $1^1/_4$ — $1^1/_2$ часа. Такъ какъ окончательные экзамены на аттестатъ зрѣлости производятся не самими среднеучебными заведеніями, а факультетами, то многіе ученики выходятъ изъ среднихъ классовъ лицеевъ и коллежей и готовятся къ этимъ экзаменамъ у частныхъ учителей. Самые экзамены сдаются въ два пріема съ промежуткомъ въ годъ, причемъ вторая половина экзаменовъ можетъ носить либо гуманитарный, либо естественно-математическій характеръ, смотря по желанію экзаменующихся. Плата за ученіе и за пансіонъ въ лицеяхъ довольно высока (отъ 600 до 1650 фр. въ годъ, смотря по мѣстности); въ коммунальныхъ коллежахъ она нѣсколько ниже. Реальное образованіе (enseignement secondaire spécial) нормировано декретомъ 4 іюня 1891 года и было названо тогда enseignement secondaire moderne. Реальныя училища предназначаются для подготовки коммерсантовъ, промышленниковъ и сельскихъ хозяевъ, имѣютъ 9 классовъ и, подобно лицеямъ, распадаются на три отдѣленія, подготовительное, основное и спеціальное, съ 3-лѣтнимъ курсомъ каждое. Не всѣ реальныя училища имѣютъ спеціальное высшее отдѣленіе. Окончившіе полный курсъ наукъ подвергаются экзамену въ особой комиссіи, дающей право на званіе баккалавра. Въ программу курса реальныхъ училищъ входятъ: французскій, нѣмецкій и англійскій языки и ихъ литературы, математика, естествознаніе, физика, химія, философія и мораль, исторія, географія, счетоводство, основныя понятія о правѣ и политической экономіи и рисованіе. Высшее отдѣленіе реальныхъ училища распадается на двѣ параллели, естественно-научное и литературное; вмѣсто нихъ, учащимся предоставлено право переходить въ выше уже упомянутый classe de mathématiques élémentaires. Лицеевъ во Франціи насчитывается 110, коммунальныхъ коллежей 240 и до 160 реальныхъ классовъ. Учителя, преподающіе въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, получаютъ свою подготовку въ такъ наз. высшихъ нормальныхъ школахъ (ecole normale supérieure) съ 3-лѣтнимъ курсомъ, интернатомъ и пріемомъ по конкурсному экзамену.

Рядомъ съ государственными и общинными среднеучебными заведеніями во Франціи процвѣтаютъ подобныя же частныя училища. Огромное большинство ихъ до послѣдняго времени находилось въ

рукахъ католическаго духовенства. Въ 1896—97 учебн. году общее число учащихся въ такихъ заведеніяхъ доходило до 84569 (въ лицеяхъ и коммунальныхъ коллежахъ ихъ въ томъ же году было 84839 чел.), тогда какъ число учащихся въ частныхъ среднихъ школахъ тогда равнялось 12813 челов. Женскихъ среднеучебныхъ заведеній, не содержимыхъ церковными орденами, до 1880 года во Франціи не было вовсе. Въ означенномъ году было рѣшено открыть цѣлый рядъ ихъ (до 50) съ пятилѣтнимъ курсомъ. При половинѣ ихъ имѣются интернаты. Принимаются въ нихъ дѣвочки, окончившія курсъ въ начальной школѣ или выдержавшія, при поступленіи въ низшій классъ, соотвѣтственный экзаменъ. Въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, по желанію родителей, можетъ преподаваться священниками Законъ Божій.

Остается сказать еще нѣсколько словъ о положеніи высшаго образованія во Франціи, не имѣющей университетовъ въ нашемъ смыслѣ слова. Помимо цѣлаго ряда спеціальныхъ высшихъ учебныхъ заведеній, въ родѣ имѣющей военную организацію политехнической школы, центральной школы искусствъ и мануфактуръ, школъ горнодѣлія (écoles des mineurs) и національныхъ школъ искусствъ и ремеслъ, высшее образованіе во Франціи получается на такъ назыв. факультетахъ, которые существуютъ въ разныхъ городахъ и раздѣляются на пять категорій: богословскій, юридическій, медицинскій, естественно-научный (faculté des sciences) и литературно-словесный (faculté des lettres). Сюда же слѣдуетъ причислить и такъ назыв. Écoles de pharmacie, гдѣ получаютъ образованіе будущіе фармацевты. Въ число студентовъ принимаются лица, имѣющія степень баккалавра гуманистическихъ наукъ (bachelier des lettres). Какъ естественно-научныхъ, такъ и литературно-словесныхъ факультетовъ существуетъ по 15, медицинскихъ же 6 (Парижъ, Монпелье, Нанси, Ліонъ, Жилль и Бордо). Въ этихъ же городахъ имѣются и фармацевтическія школы съ 3-лѣтнимъ курсомъ ученія. Юридическихъ факультетовъ—13. Богословскіе факультеты носятъ протестантскій характеръ и существуютъ въ Парижѣ и Монтобанѣ. Отъ 1875 до 1880 года церковныя конгрегаціи открыли 12 католическихъ вольныхъ факультетовъ, не имѣющихъ, однако, при существованіи епископскихъ семинарій (grands séminaires), никакого значенія и теперь почти повсюду упраздненныхъ. Изъ прочихъ высшихъ учебныхъ заведеній, находящихся непосредственно въ вѣдѣніи министерства народнаго просвѣщенія, здѣсь можно назвать еще: 1) Collège de France, 2) Muséum d'histoire naturelle (естественно-историческій музей), 3) École des langues orientales vivantes (школа живыхъ восточныхъ языковъ) съ 3-лѣтнимъ курсомъ, 4) École des chartes (археологическій институтъ), 5) École des hautes études (школа выс-

шихъ наукъ) и 6) École normale supérieure (высшая нормальная школа), предназначенная для подготовки преподавательскаго персонала. Высшія учебныя заведенія Парижа обыкновенно насчитываютъ отъ 10 до 11 тысячъ слушателей (изъ нихъ до 800 женщинъ), тогда какъ число студентовъ и студентокъ въ провинціальныхъ городахъ достигаетъ 15000.

Въ Даніи первый органическій законъ по народному образованію былъ изданъ 29 іюля 1814 года и пополнился постановленіями отъ 2 мая 1855 года съ добавленіями отъ 30 сентября 1864 года. Обученіе было еще въ 1814 г. признано общеобязательнымъ, и школьный возрастъ опредѣленъ въ 7—13 или 15 лѣтъ. По достиженіи ребенкомъ 13 лѣтъ, если его познанія въ предѣлахъ программы народной школы окажутся удовлетворительными, онъ можетъ быть освобожденъ отъ дальнѣйшаго обязательнаго обученія, а по достиженіи 15 лѣтъ долженъ быть освобожденъ отъ него, по желанію родителей.

Вся Данія раздѣлена департаментомъ духовныхъ дѣлъ на рядъ школьныхъ округовъ или приходовъ, обыкновенно совпадающихъ съ приходами церковными. Въ каждомъ округѣ имѣется, по крайней мѣрѣ, одна школа съ однимъ учащимъ. Если въ теченіе года число дѣтей школьнаго возраста превышаетъ 100, то либо устраивается дополнительная начальная школа (Biskole), либо въ школьномъ зданіи отводится помѣщеніе для параллельнаго класса, которымъ завѣдуетъ учительскій помощникъ. Если же это дѣло окажется неудобнымъ (особенно въ степяхъ или дюнахъ Западной Ютландіи), то назначается на 2—3 школьныхъ округа странствующій учитель (Omgangslærer), обходящій по опредѣленному маршруту приходы и устраивающій въ нихъ «летучія» школы. Подобное же правило примѣняется и къ такъ называемымъ «лѣтнимъ начальнымъ школамъ»; учащіеся здѣсь посѣщаютъ главныя приходскія школы только въ лѣтніе мѣсяцы. Всѣ публичныя школы носятъ строго-конфессіональный (въ евангелическомъ духѣ) характеръ. Школы прихода подчинены главному общинному управленію. Для наблюденія за преподаваніемъ учреждены особые школьные совѣты, во главѣ которыхъ находится мѣстный пасторъ. Содержаніе школъ ложится, главнымъ образомъ, на общины; однако, и правительство участвуетъ въ этихъ расходахъ, отпуская субсидіи изъ спеціальныхъ школьныхъ фондовъ и изъ государственной казны; также въ этомъ участвуютъ города и округа. Кромѣ того, часть школъ, именно въ городахъ, взимаетъ плату за ученіе (до 2 риксдалеровъ въ годъ).

Обученіе въ сельскихъ школахъ безплатно. Оно производится въ 2 классахъ, причемъ въ теченіе 3 дней недѣли уроки идутъ отъ 8 до 11 ч. утра и отъ 1 до 4 пополудни (зимою отъ 9 до 12 и отъ 1 до 3), а въ 3 другіе дня только полдня (утромъ или послѣ обѣда). Предметами преподаванія служатъ: Законъ Божій, чтеніе, письмо, ариѳметика, пѣніе и гимнастика, иногда же и краткіе обзоры отечественной географіи и исторіи. Что касается распредѣленія учебныхъ предметовъ, методовъ преподаванія и выбора учебниковъ, то народные учителя пользуются большою свободою. Зато система налагаемыхъ имъ на дѣтей наказаній весьма старательно опредѣляется и контролируется школьнымъ совѣтомъ и въ этомъ отношеніи учителя и учительницы очень ограничены въ своихъ правахъ. За самовольный пропускъ ими уроковъ на нихъ самихъ налагаются весьма чувствительныя денежныя взысканія.

Кромѣ сельскихъ начальныхъ школъ, въ Даніи существуетъ еще цѣлый рядъ начальныхъ школъ городскихъ, отчасти платныхъ, отчасти даровыхъ. Въ послѣднихъ программа доведена до минимума программы школъ сельскихъ, тогда какъ въ платныхъ (съ платою 1—2 риксдалеровъ въ годъ), кромѣ обычныхъ предметовъ, преподаются еще: исторія, географія, естествовѣдѣніе, бухгалтерія и нѣмецкій языкъ. Въ Копенгагенѣ законами отъ 20 марта 1844 года и 29 декабря 1857 года платныя начальныя училища раздѣлены на двѣ категоріи: дневные классы, въ которыхъ преподаваніе по довольно обширной программѣ ведется ежедневно въ продолженіе 6—7 часовъ, и полудневные съ преподаваніемъ въ 4—5 часовъ либо до, либо послѣ полудня.

Что касается учащаго персонала, то таковой долженъ обладать соотвѣтствующей спеціальной подготовкою, получаемою въ учительскихъ семинаріяхъ. Матеріальное положеніе учащихъ можетъ быть названо сноснымъ. По закону отъ 8 марта 1856 г., вознагражденіе сельскихъ учителей состоитъ изъ опредѣленнаго денежнаго жалованья (обыкновенно 200 риксдалеровъ), части жатвы, праздничныхъ денегъ, вознагражденія за исполненіе обязанностей кистера при церкви, платы за ученье и прибавокъ за выслугу лѣтъ (отъ 25 до 50 риксдалеровъ, сообразно срокамъ службы), затѣмъ изъ казенной квартиры, огорода, земельнаго участка, отопленія, съѣстныхъ припасовъ и корма для скота. Чрезъ каждыя 10 лѣтъ министерствомъ опредѣляется относительно каждаго учительскаго мѣста извѣстная «регуляціонная» (нормальная) сумма, являющаяся показателемъ средней доходности этого мѣста. Сумма эта кладется въ основаніе при опредѣленіи размѣра пенсій, причемъ пенсіонеръ получаетъ отъ министерства народнаго просвѣщенія $^2/_3$ послѣдней нормировки. Штат-

ные преподаватели имѣютъ право на пенсію уже по истеченіи 10-лѣтней службы и достиженіи 30-лѣтняго возраста. Учительницы вознаграждаются обыкновенно нѣсколько ниже учителей, но и онѣ пользуются правами на пенсію, равно какъ прибавками за выслугу лѣтъ. Содержаніе, получаемое начальными учителями и учительницами въ городскихъ училищахъ, равняется для штатныхъ учащихъ не менѣе 300 риксдалеровъ и 50 тоннамъ ячменя (=250 риксдалерамъ), если они состоятъ въ бракѣ, для холостыхъ же и незамужнихъ 150 риксдалерамъ и тому же количеству ячменя *).

Что касается средняго образованія въ Даніи, то оно дается дѣтямъ въ учебныхъ заведеніяхъ, имѣющихъ смѣшанный характеръ гимназіи и реальнаго училища (съ 8- или 7-лѣтнимъ курсомъ). Въ 1871 году низшіе два класса, куда поступали мальчики, достигшіе 11-лѣтняго возраста, были юридически упразднены, фактически же образовали общія приготовительныя училища, нерѣдко остававшіяся подъ руководствомъ гимназическихъ учителей въ зданіяхъ среднихъ школъ. Съ третьяго класса начинается бифуркація: на классическомъ отдѣленіи съ 5-лѣтнимъ курсомъ обязателенъ греческій языкъ, на реальномъ онъ замѣненъ языкомъ англійскимъ, при обязательности прохожденія (на обоихъ отдѣленіяхъ) довольно солиднаго курса языка латинскаго. Изъ такихъ смѣшанныхъ среднеучебныхъ заведеній 3 содержатся государствомъ, 5—городами и 13—частными лицами. Кромѣ того, существуетъ еще до 55 городскихъ и частныхъ реальныхъ училищъ (безъ гимназическаго отдѣленія), пользующихся всѣми правами правительственныхъ учебныхъ заведеній. Число учащихся во всѣхъ этихъ училищахъ достигаетъ въ среднемъ 10000 человѣкъ, причемъ $^1/_3$ приходится на гимназіи, а $^2/_3$ на реальныя училища. Для дѣвочекъ существуетъ одна гимназія (въ Копенгагенѣ) и 15 реальныхъ училищъ. Составъ учащихся здѣсь колеблется между 3400 и 3500.

Для полученія высшаго образованія въ Копенгагенѣ существуетъ университетъ, основанный въ 1478 году и насчитывающій на 5 факультетахъ, при 80 учащихъ, до 2000 студентовъ. Послѣдніе освобождены отъ какой бы то ни было платы.

Начальное народное образованіе въ Швеціи поставлено очень хорошо, несмотря на то, что оно не лишено въ значительной мѣрѣ

*) A. Petersilie, l. c., II. pp. 157—160.

конфессіональнаго характера, а также несмотря на его платность. Большую роль въ общепризнанности необходимости начальнаго образованія сыграла здѣсь реформація. Еще Карлъ XI въ 1686 г. запретилъ вступленіе въ бракъ лицамъ неграмотнымъ. Органическій школьный законъ въ Швеціи датируетъ, впрочемъ, лишь съ 20 января 1882 года. Тогда было постановлено, чтобы каждый церковный приходъ содержалъ, по меньшей мѣрѣ, одну народную школу. Въ каждой народной школѣ долженъ быть, по меньшей мѣрѣ, одинъ учащій или одна учащая съ спеціальнымъ семинарскимъ образованіемъ. Такъ какъ государство не располагаетъ достаточными рессурсами, то общины и приходы сами должны содержать школы, причемъ, въ случаѣ крайней бѣдности прихода, разрѣшено нѣсколькимъ соединяться вмѣстѣ и открывать такъ называемыя «малыя» школы. Для преподаванія въ этого рода учебныхъ заведеніяхъ не требуется окончанія курса учительской семинаріи. Въ мѣстностяхъ съ небольшимъ населеніемъ, въ горахъ и шхерахъ, «малыя» училища могутъ носить амбулаторный характеръ. Всякому приходу предоставлено право совмѣстно съ школьнымъ совѣтомъ, въ составъ которыхъ обязательно входитъ мѣстный пасторъ, опредѣлять низшій возрастъ учащихся. Обыкновенно обязательность посѣщенія школы наступаетъ для ребенка при достиженіи имъ 9-лѣтняго (въ нѣкоторыхъ мѣстахъ 7-лѣтняго) возраста. Срокъ обученія длится не менѣе 5 лѣтъ, причемъ продолжительность курса обнимаетъ не менѣе 32 — 40 недѣль въ году. Число часовъ ежедневныхъ занятій нормировано такимъ образомъ, что въ «малыхъ» школахъ они не превышаютъ 5, въ прочихъ же 6. Само собою разумѣется, что обученіе обязательно для всѣхъ дѣтей; если же школьный совѣтъ освобождаетъ по тѣмъ или инымъ соображеніямъ нѣкоторыхъ дѣтей отъ посѣщенія начальной школы, предоставляя ихъ родителямъ обучать ихъ дома, то это, однако, не избавляетъ такихъ дѣтей отъ необходимости сдавать ежегодно повѣрочныя испытанія въ начальныхъ училищахъ; въ случаѣ малоуспѣшности такія дѣти обязаны посѣщать уроки школы. Предметами обученія въ начальныхъ шведскихъ школахъ являются: Законъ Божій, родной языкъ (чтеніе, письмо, разговоръ), географія, исторія, естествознаніе, ариѳметика, геометрія, рисованіе, пѣніе, гимнастика (а для дѣвочекъ рукодѣлье), а также лѣсоводство и огородничество. За послѣднее время всюду введенъ и такъ называемый Slöd, систематизированный ручной трудъ, которымъ Швеція особенно славится. Въ учебный планъ «малыхъ» школъ, понятно, входитъ лишь часть этихъ предметовъ, а именно: начатки Закона Божія, родной языкъ, ариѳметика, рисованіе, пѣніе и гимнастика. Курсъ «малой» школы обыкновенно 2-лѣтній, въ низшей народной школѣ 4-лѣтній. По закону, ребенокъ выпускается изъ школы

не раньше, чѣмъ пріобрѣтетъ удовлетворительныя познанія во всѣхъ вышепоименованныхъ предметахъ. Исключенія допускаются только для бѣднѣйшихъ и особенно малоспособныхъ дѣтей, къ которымъ, однако, также предъявляются еще довольно солидныя требованія.

Для дѣтей, окончившихъ начальную школу и желающихъ пополнить свое образованіе, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ устроены такъ называемые дополнительные или «продолжательные» классы. Здѣсь въ теченіе $1^1/_2$ мѣсяцевъ въ году, при 30 недѣльныхъ урокахъ, проходятся слѣдующіе предметы: Законъ Божій, причемъ главное вниманіе обращается на чтеніе и толкованіе Библіи, родной языкъ (его стилистика, упражненіе въ писаніи сочиненій), ариѳметику и геометрію въ прикладномъ ихъ направленіи, рисованіе, исторіи Швеціи, естествовѣдѣніе, земледѣліе.

Кромѣ указанныхъ категорій начальныхъ школъ, существуютъ еще высшія народныя училища съ 6-мѣсячнымъ курсомъ ежегодно и съ учащими, получившими высшее, университетское образованіе. Кромѣ предметовъ низшихъ и обыкновенныхъ начальныхъ школъ, въ программу этихъ училищъ входятъ еще—бухгалтерія, законовѣдѣніе, гигіена и землемѣріе. Въ эти училища принимаются также и взрослые, причемъ въ такихъ случаяхъ программа предметовъ преподаванія можетъ быть расширена согласно желаніямъ учащихся.

Процентъ грамотности выражается въ Швеціи въ 14,1 (681645 учащихся въ 13448 школахъ). Число безграмотныхъ рекрутъ оказывается тамъ ниже, чѣмъ гдѣ бы то ни было въ Европѣ (исключая Англіи и Норвегіи), а именно равно только 0,2%.

Содержаніе народныхъ школъ лежитъ на обязанности общинъ; бѣдные приходы получаютъ изъ казны субсидіи въ размѣрѣ до $^2/_3$ необходимой для содержанія школы суммы. Ученіе всюду платное, а за бѣдныхъ дѣтей плата вносится приходами. Высшія народныя школы обязательно субсидируются правительствомъ, по докладу министра духовныхъ дѣлъ.

Матеріальное положеніе учащихъ въ народныхъ школахъ Швеціи заставляетъ желать многаго: содержаніе опредѣлено, по крайней мѣрѣ, въ 500 кронъ при готовой квартирѣ и отопленіи. Въ большинствѣ случаевъ къ этому присоединяется еще участокъ земли для огорода. Чрезъ 5 лѣтъ учащіе получаютъ прибавку въ 100 кронъ въ годъ. Учителя и учительницы совершенно уравнены въ правахъ на содержаніе и на пенсію. Послѣдняя, достигая $^2/_3$ прежняго заработка, но не превышая въ общемъ 1000 кронъ въ годъ, выплачивается по достиженіи пенсіонеромъ 55-лѣтняго возраста и по прошествіи 30 лѣтъ службы. Пенсія можетъ быть выдаваема и раньше, причемъ за каждый недостающій (до 30) годъ службы изъ нея вычитается по 1%. Правомъ на пенсію пользуются учащіе уже по прошествіи 10 лѣтъ службы.

Среднее образованіе въ Швеціи получается въ такъ называемыхъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеніяхъ, введенныхъ въ 1849 году. Это—нѣчто среднее между гимназіей и реальнымъ училищемъ. Въ 3 низшихъ классахъ курсъ общій, въ 4-мъ классѣ начинается дѣленіе на отдѣленія съ латинскимъ языкомъ и безъ него, а съ VI класса гимназисты дѣлятся, въ свою очередь, на обучающихся и не обучающихся языку греческому. Полный курсъ ученія въ этихъ заведеніяхъ 9-лѣтній. Десять лѣтъ тому назадъ въ Швеціи насчитывалось всего 36 полныхъ общеобразовательныхъ заведеній, 22 пятиклассныхъ, 17 трехклассныхъ, 3 двухклассныхъ и 1 одноклассное, съ общимъ количествомъ учащихся въ 15463 человѣка. Эти общеобразовательныя заведенія всѣ содержатся на счетъ казны; кромѣ нихъ, имѣется еще рядъ подобныхъ же (5 полныхъ) частныхъ учебныхъ заведеній. Дѣвушки получаютъ среднее образованіе исключительно въ частныхъ школахъ.

Высшее образованіе получается въ двухъ королевскихъ университетахъ, упсальскомъ (основ. въ 1477 году Стеномъ Стуре) и лундскомъ (основ. въ 1666 году), на государственномъ медицинскомъ факультетѣ въ Стокгольмѣ *) и на частномъ гуманистическомъ факультетѣ въ Готенбургѣ. Всего студентовъ въ этихъ заведеніяхъ насчитывается отъ 3000 до 3200 человѣкъ **).

Подобно Даніи, и въ Норвегіи начальныя народныя школы носятъ конфессіональный характеръ: какъ въ верховной коммиссіи при департаментѣ народнаго просвѣщенія, такъ и въ высшихъ и окружныхъ, а также въ мѣстныхъ школьныхъ совѣтахъ участвуетъ обязательно по одному пастору, назначаемому епископомъ. Въ основномъ законѣ по народному образованію (отъ 16 мая 1860 года ***) цѣлью народныхъ школъ опредѣляется «такая поддержка домашняго воспитанія, чтобы молодежь пріобрѣла истинно-христіанское просвѣщеніе, а

*) Въ Стокгольмѣ, въ 1878 году, частнымъ обществомъ былъ основанъ естественно-научный факультетъ, насчитывающій до 350 слушателей. Ср. Iолли. l. c., p. 32.

**) Ср. A. Petersilie, l. c., pp. 186—188.

***) Общество чрезвычайно долго и упорно боролось съ клерикально-конфессіональнымъ характеромъ образованія, даваемаго народу. Лишь въ 1889 году либералы одержали верхъ, и школы Норвегіи получили болѣе свѣтское направленіе.

также такія познанія, которыми долженъ обладать всякій членъ общества». По вышеуказанному органическому школьному закону введено общее обязательное обученіе и срокомъ его опредѣлено время отъ $6^1/_2$ до 14—15 лѣтъ въ городахъ и $7^1/_2$ до 14—15 лѣтъ въ деревняхъ *). Всѣ начальныя норвежскія школы распадаются на низшія и высшія (дополнительныя), городскія и сельскія. Кромѣ того, обученіе отчасти платное (въ городахъ), отчасти безплатное (въ деревняхъ).

Программа начальныхъ училищъ не нормирована окончательно, но высшею комиссіею по народному образованію выработаны примѣрные учебные планы, въ предѣлахъ которыхъ отдѣльнымъ педагогическимъ совѣтамъ и даже единичнымъ учащимъ предоставляется полная свобода какъ въ выборѣ предметовъ, такъ и въ распредѣленіи учебнаго матеріала и выборѣ методовъ преподаванія. Въ низшихъ (2-классныхъ сельскихъ) школахъ преподаются: христіанское вѣроученіе, чтеніе, основы естествознанія, географія, исторія, пѣніе, письмо, счетъ, гимнастика и, гдѣ это окажется возможнымъ, стрѣльба въ цѣль и военныя упражненія. Въ высшихъ (3-классныхъ сельскихъ) школахъ, куда принимаются дѣти 11—12 лѣтъ, къ этому еще присоединяются: всеобщая исторія, естественная исторія, рисованіе, черченіе и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, факультативно, химія, физика и нѣмецкій или англійскій языки. Рядомъ съ народными школами окружные или общинные школьные совѣты могутъ учреждать школы рукодѣлія и общіе ремесленные классы (первыя для дѣвочекъ, вторые для всѣхъ желающихъ). Преподаваніе на низшихъ ступеняхъ разрѣшено вести не на литературномъ норвежскомъ языкѣ, а на мѣстныхъ нарѣчіяхъ и говорахъ. Годичное время обученія опредѣляется, по меньшей мѣрѣ, въ 12 недѣль при 33 недѣльныхъ урокахъ. Ежегодно въ концѣ занятій школьною комиссіею производится публичное испытаніе учащихся; тогда же экзаменуются и дѣти, почему-либо не посѣщавшія начальной школы или учившіяся на дому.

Рядомъ съ низшими и высшими начальными училищами для дѣтей школьнаго возраста въ отдѣльныхъ округахъ существуютъ такъ называемыя «окружныя школы» для взрослыхъ. Обученіе въ нихъ производится амбулаторно-странствующими учителями, для обоихъ половъ раздѣльно. Занятія происходятъ приблизительно въ теченіи 4 мѣсяцевъ ежегодно и обнимаютъ: родной языкъ, исторію, географію, исторію церкви **), ариѳметику, геометрію (прикладную физику, химію, пѣніе, рисованіе, гимнастику и рукодѣлье (для дѣвушекъ). Эти окруж-

*) Т.-е. до того возраста, когда мальчикъ или дѣвочка должны приступить къ конфирмаціи. При особенной даровитости ребенка ему разрѣшается покинуть начальную школу уже по достиженіи 13-лѣтняго возраста.

**) Съ 1889 г. предметъ этотъ сталъ факультативнымъ

ныя школы почти цѣликомъ содержатся на счетъ государства, и обученіе въ нихъ безплатно. Единственными условіями функціонированія служатъ, чтобы школьный порядокъ и планъ занятій были утверждены окружнымъ начальствомъ, и чтобы школа управлялась опредѣленною окружною школьною комиссіею, на обязанности которой лежитъ назначеніе педагогическаго персонала.

Городскія школы подчинены тѣмъ же правиламъ, что и сельскія. Единственными ихъ особенностями являются болѣе юный возрастъ (на 1 годъ) учащихся и то, что школьный день дѣлится на двѣ части: въ утренніе часы происходятъ занятія платныя, въ послѣобѣденные—даровыя. Какъ сельскія, такъ и городскія училища содержатся на счетъ общинъ или муниципалитетовъ. Въ низшихъ классахъ всѣхъ народныхъ училищъ и во всѣхъ школахъ для дѣвочекъ преподаваніе поручается учительницамъ.

Къ преподаванію въ народныхъ училищахъ допускаются исключительно лица со спеціальною подготовкою (изъ нормальныхъ школъ или семинарій). Штатные преподаватели несмѣняемы, исключая случаевъ явной непригодности для дѣла, порочности и т. п. По закону отъ 19 іюня 1878 г., сельскіе учителя и учительницы получаютъ, помимо казенной квартиры и участка земли, содержаніе, минимумъ котораго опредѣляется школьною комиссіею (обыкновенно 255 рублей въ годъ на наши деньги). Кромѣ того, введены прибавки за выслугу 5, 10 и 15 лѣтъ. Содержаніе учительскаго персонала въ городскихъ народныхъ училищахъ равняется, при готовой квартирѣ и отопленіи, не менѣе 350 рублямъ на наши деньги. Вопросъ о пенсіонированіи учителей и учительницъ рѣшается въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ стортингомъ.

При наличности 7000 народныхъ школъ число учащихся въ нихъ достигаетъ 306000 человѣкъ, что составляетъ 15,2% общаго населенія страны.

До 1896 года среднее образованіе получалось норвежцами въ гуманистическихъ гимназіяхъ съ 3-лѣтнимъ курсомъ и довольно обширною программою по обоимъ древнимъ языкамъ. Въ настоящее время часть этихъ гимназій сохранилась въ прежнемъ видѣ, большинство же замѣнило древніе языки новыми и ихъ литературами. Рядомъ съ этимъ существуютъ реальныя гимназіи (также съ 3-лѣтнимъ курсомъ) съ преобладаніемъ математики и естественныхъ наукъ. Подготовительною къ этимъ учебнымъ заведеніямъ ступенью служатъ такъ называемыя среднія школы съ 4-лѣтнимъ курсомъ и съ изученіемъ языковъ нѣмецкаго и англійскаго. Въ нихъ принимаются 11-лѣтнія дѣти, прошедшія 5 первыхъ классовъ начальныхъ училищъ. Какъ среднія школы, такъ и обѣ категоріи гимназій открыты для лицъ обоего пола. Общее количество учащихся въ нихъ достигаетъ 11500—

12000 человѣкъ. Кромѣ того, имѣется еще 20 среднихъ женскихъ школъ съ 2500 учащихся.

Для цѣлей высшаго образованія въ Христіаніи существуетъ полный университетъ, основанный въ 1811 году и насчитывающій до 1200 слушателей и слушательницъ.

Организація народнаго образованія въ Швейцаріи не отличается цѣлостностью и единствомъ, что объясняется, съ одной стороны, историческими, съ другой—этнографическими причинами. До сихъ поръ страна не имѣетъ учрежденія, аналогичнаго министерству народнаго просвѣщенія, такъ что дѣломъ народнаго образованія вѣдаютъ отчасти Союзный совѣтъ, отчасти же совѣты отдѣльныхъ кантоновъ. Въ виду этого какъ организація народныхъ школъ, такъ ихъ характеръ и содержаніе, равно матеріальное положеніе учащаго персонала весьма разнородны въ отдѣльныхъ кантонахъ, которые въ этой области совершенно автономны *). Главнымъ учрежденіемъ, вѣдающимъ народное образованіе, служитъ община; на обязанности ея лежитъ забота, чтобы всѣ дѣти школьнаго возраста обязательно посѣщали школу. Союзная конституція отъ 29 мая 1874 г. (§ 27) устанавливаетъ обязательность обученія во всѣхъ кантонахъ, безплатность его (во многихъ кантонахъ учащіеся безплатно получаютъ и учебныя пособія) и нейтральность школы въ религіозномъ отношеніи. Въ 1877 году Союзъ издалъ постановленіе о работѣ малолѣтнихъ на фабрикахъ, обезпечивающее полученіе дѣтьми начальнаго образованія. Наконецъ, еще до этого, по закону 13 сентября 1874 года, Союзомъ былъ введенъ особый экзаменъ для рекрутовъ при отбываніи воинской повинности, и были освобождены отъ всякой, по отбытіи рекрутчины, дальнѣйшей военной службы народные учителя.

Въ основу организаціи народнаго образованія нѣмецкіе кантоны положили германское устройство этого дѣла, тогда какъ французскіе и итальянскіе кантоны отличаются въ этой области меньшею систематичностью, цѣлостностью и успѣшностью. Впрочемъ, за послѣднее время и они стремятся улучшить положеніе своихъ народныхъ школъ. Важно, что въ 1897 году прошелъ законъ, по которому Союзный совѣтъ отпускаетъ ежегодно по 1200000 франковъ на народное обра-

---

*) Всѣхъ кантональныхъ школьныхъ системъ мы находимъ поэтому въ Швейцаріи до 25. Ср. Іолли, l. c., p. 121.

зованіе, распредѣляя эту сумму пропорціонально числу жителей отдѣльныхъ кантоновъ. Правительства отдѣльныхъ кантоновъ, въ свою очередь, оказываютъ общинамъ широкую помощь, которая достигаетъ $^1/_4$, $^1/_2$, иногда даже $^3/_4$ стоимости содержанія школъ.

Въ общемъ, народныя школы Швейцаріи распадаются на слѣдующіе разряды: дѣтскіе сады для дѣтей отъ 3- до 6-лѣтняго возраста *), школы повседневныя для дѣтей отъ 6- до 10-лѣтняго возраста и школы дополнительныя для дѣтей отъ 10 до 12 лѣтъ. Повседневныя и дополнительныя учебныя заведенія вмѣстѣ образуютъ такъ называемыя начальныя школы (Primärschulen, écoles primaires) **). Предметами обученія въ этихъ школахъ, носящихъ обыкновенно смѣшанный характеръ, являются: родной языкъ, ариѳметика (иногда геометрія), исторія, географія (обычно отечественная), естествознаніе, каллиграфія, пѣніе, рисованіе и гимнастика. На послѣдній предметъ обращается особенное вниманіе. Для дѣвочекъ гимнастика замѣняется рукодѣльемъ. Законъ Божій, являющійся предметомъ необязательнымъ, преподается школьнымъ (свѣтскимъ) учителемъ по программѣ, одобренной церковнымъ совѣтомъ общины. Мѣстный общій надзоръ за школами сосредоточенъ въ рукахъ мѣстнаго школьнаго совѣта (Schulpflege, commission scolaire), состоящаго изъ 5 выбираемыхъ общиною членовъ и изъ школьнаго учителя съ совѣщательнымъ голосомъ. Въ дополнительныхъ школахъ занятія происходятъ два раза въ недѣлю въ предобѣденное время по 4 часа каждый разъ. Здѣсь учатся дѣти, повторяя курсъ повседневной школы, если они не хотятъ дальше продолжать свое образованіе. Рядомъ съ этими учебными заведеніями существуютъ еще школы для продолженія начальнаго образованія. Онѣ имѣются въ 118 общинахъ для мальчиковъ и 23 для дѣвочекъ. Главная цѣль ихъ подготовить мальчиковъ къ рекрутскому (обязательному) экзамену. Поэтому ихъ курсъ въ сущности чисто-повторительный, лишь изрѣдка расширяясь введеніемъ въ программу слѣдующихъ предметовъ: бухгалтеріи, гигіены, законовѣдѣнія, домоводства и плодоводства. Дѣвочкамъ предоставлено право посѣщать вмѣсто нихъ школы рукодѣльныя, посѣщеніе которыхъ, впрочемъ, обязательно для ученицъ старшей половины повседневныхъ школъ.

---

*) Хотя посѣщеніе дѣтскихъ садовъ и признано общеобязательнымъ, однако, этого рода воспитательныя заведенія открыты далеко не во всѣхъ кантонахъ.

**) Въ разныхъ кантонахъ курсъ начальныхъ школъ разный по своей продолжительности: такъ, напримѣръ, онъ 6-лѣтній въ Цюрихѣ, Ури, Обвальденѣ, Нидвальденѣ, Цугѣ, Базельландѣ, Аппенцеллѣ и Люцернѣ; 7-лѣтній въ Швицѣ, Гарусѣ, Сэнъ-Галленѣ, Нейенбургѣ и Женевѣ; 8—9-лѣтній онъ въ Базелѣ-городѣ, Шаффгаузенѣ, Аргау, Тессинѣ, Валисѣ, Фрейбургѣ, Золотурнѣ, Граубюнденѣ и Бернѣ, а также въ Тургау и Ваадтѣ.

Наконецъ, для мальчиковъ и дѣвочекъ, окончившихъ курсъ въ повседневныхъ школахъ и желающихъ пополнить свое образованіе или же перейти въ среднеучебныя заведенія, существуютъ высшія начальныя или секундарныя школы (Sekundarschulen, écoles secondaires). Курсъ ученія въ нихъ трехлѣтній; программа почти такая же, какъ въ школахъ для продолженія начальнаго образованія; кромѣ того, учащіеся здѣсь обязательно знакомятся съ однимъ изъ новыхъ, не родныхъ имъ языковъ. Обученіе въ этихъ школахъ безусловно даровое. По словамъ Іолли (стр. 126), «секундарныя школы представляютъ собою самое цѣнное учрежденіе въ цюрихской, а также и вообще швейцарской школьной организаціи. Во всей Швейцаріи ихъ насчитывается 360 съ 17160 учениками, 12972 ученицами, 1097 старшими учителями и 878 помощниками учителя. Всего больше секундарныхъ школъ въ кантонѣ Бернъ (66), далѣе—въ кантонахъ Сэнъ-Галленъ (32), Тессинъ (36 школъ, притомъ особыхъ для мальчиковъ и для дѣвочекъ), Люцернъ (29). Аргау (28), Тургау (26) и Граубинденъ (20). Расходы на содержаніе секундарныхъ школъ достигаютъ 3745189 фр., изъ которыхъ 3265510 фр. идетъ на жалованье учителямъ. Въ Базелѣ-городѣ посѣщеніе секундарныхъ школъ обязательно».

Что касается учительскаго персонала, то никто не допускается къ преподаванію въ начальныхъ школахъ безъ спеціальной подготовки либо въ учительской семинаріи*), либо въ высшемъ учебномъ заведеніи. Учителя и учительницы, до своего утвержденія въ должности, должны предварительно проработать въ школѣ въ качествѣ помощниковъ или помощницъ не менѣе 2 лѣтъ. Назначеніе ихъ на штатныя должности чаще всего производится по выбору, притомъ обыкновенно предварительно на 6 лѣтъ; по минованіи этого стажа слѣдуетъ новое, окончательное назначеніе. Минимальнымъ окладомъ являются 1200 фр. въ годъ, при готовыхъ квартирѣ и отопленіи. Но существуютъ гораздо высшіе оклады (до 2386 фр. для учителя и 2118 фр. для учительницы), причемъ и эти оклады могутъ возрастать путемъ добавочныхъ получекъ за выслугу опредѣленнаго числа лѣтъ; такимъ образомъ, напр., въ Цюрихскомъ кантонѣ общая сумма годового дохода достигаетъ, въ среднемъ, 2502 фр. для учителя и 2221 фр. для учительницы**). По выслугѣ 30 лѣтъ педагогическій

*) Таковыя имѣются въ большинствѣ кантоновъ. Курсъ обученія въ нихъ 4-лѣтній. Для поступленія въ учительскую семинарію требуется свидѣтельство объ окончаніи курса секундарной школы.

**) Во многихъ случаяхъ,—говоритъ Іолли (стр. 124).—низкій размѣръ учительскаго жалованья объясняется тѣмъ, что учителя занимаются въ школѣ только въ зимнее время. Въ лѣтніе мѣсяцы учителя зарабатываютъ себѣ средства къ существованію, главнымъ образомъ, трактирнымъ

персоналъ получаетъ половину своего содержанія въ видѣ пенсіи (въ кантонахъ Цюрихѣ, Бернѣ, Базель-городѣ, Гларусѣ, Шаффгаузенѣ, Ааргау и Ваадтѣ *).

Въ концѣ 90-хъ годовъ во всей Швейцаріи число учениковъ начальныхъ школъ равнялось 463623 при 9507 лицахъ педагогическаго персонала (6272 учителя и 3235 учительницъ). Общее число начальныхъ школъ равнялось 9478.

Изъ среднеучебныхъ заведеній Швейцаріи наше вниманіе останавливаютъ на себѣ г и м н а з і и (полныя съ 9, неполныя съ 5-тилѣтнимъ курсомъ), реальныя училища и школы смѣшаннаго типа, т.-е. съ общими низшими классами и бифуркаціей (на отдѣленія классическое и реальное) во второй половинѣ курса. Мальчики, не изучающіе греческаго языка, обучаются взамѣнъ того языку англійскому. Законъ Божій преподается факультативно. Во главѣ среднеучебныхъ заведеній стоитъ ректоръ, выбранный педагогическимъ совѣтомъ, не имѣющій какихъ-либо служебныхъ прерогативъ предъ товарищами и являющійся лишь представителемъ учебнаго заведенія. Плата за ученіе либо не взимается вовсе (въ кантонахъ Базель-городѣ, Цугѣ и Золотурнѣ), либо варіируетъ между 30 и 50 фр. въ годъ. Для дѣвицъ существуютъ среднія городскія школы съ 4-лѣтнимъ курсомъ и платою отъ 60 до 90 фр. въ годъ. Учащіеся поступаютъ туда по окончаніи курса въ секундарной школѣ. Общее число среднеучебныхъ заведеній Швейцаріи (въ томъ числѣ и учительскихъ семинарій) достигало къ концу 90-хъ годовъ 11275 мальчиковъ и 3940 дѣвочекъ).

Высшему образованію служатъ у н и в е р с и т е т ы въ Цюрихѣ, Бернѣ, Базелѣ, Женевѣ, Лозаннѣ и Фрейбургѣ. Кромѣ того, въ Нейенбургѣ имѣется академія, въ Цюрихѣ политехникумъ, въ Зитенѣ высшая юридическая школа, и богословскія школы—въ Люцернѣ. Золотурнѣ, Хурѣ и Лугано. Число учащихся въ швейцарскихъ университетахъ постоянно растетъ; особенно много тамъ русскихъ студентовъ и студентокъ.

промысломъ и въ качествѣ проводниковъ при и н о с т р а н ц а х ъ». О степени нормальности такого порядка вещей предоставляемъ судить самимъ читателямъ.

*) Въ остальныхъ кантонахъ педагогическій персоналъ начальныхъ школъ не получаетъ никакой пенсіи. Зато въ городахъ Цюрихѣ и Винтертурѣ пенсіонные оклады на 30% выше указаннаго.

При рѣшеніи вопроса о томъ, какою страною заключить разсмотрѣніе состоянія начальнаго образованія въ Западной Европѣ, Великобританіею или Германіею, мы отдаемъ предпочтеніе Германіи, и вотъ на основаніи какихъ соображеній: хотя на 100 жителей Англіи учениковъ въ начальныхъ школахъ страны приходится 18,1 (противъ 17,6 въ Саксоніи, 16,6 въ Баденѣ и 16,4 въ Пруссіи), однако, зато въ Шотландіи % этотъ понижается до 17, а въ Ирландіи падаетъ даже до 11,2; въ среднемъ соотвѣтствующій % для всей Великобританіи (т.-е. соединенныхъ королевствъ Англіи, Шотландіи и Ирландіи) равняется 15,4, тогда какъ средній процентъ для Германской имперіи, включая сюда Саксонію, Пруссію, Баварію, Виртембергъ и Баденъ, равенъ 16,1. Такимъ образомъ, въ среднемъ народное образованіе въ Германіи выше, чѣмъ въ Великобританіи, хотя абсолютно оно наиболѣе высоко стоитъ въ Англіи. Къ разсмотрѣнію англійскаго народнаго образованія мы теперь и переходимъ, причемъ попутно коснемся постановки дѣла также въ Ирландіи и Шотландіи. Недостатокъ мѣста, къ сожалѣнію, мѣшаетъ намъ остановиться здѣсь на историческомъ развитіи народнаго образованія въ Англіи, несмотря на весь захватывающій интересъ этого вопроса. Лицъ, желающихъ познакомиться въ бѣгломъ очеркѣ съ этимъ дѣломъ, отсылаемъ къ превосходной брошюрѣ П. Г. Мижуева «Лондонская школа и начальное образованіе въ Англіи» (Спб. 1902).

Современная организація народнаго образованія въ Англіи опирается на школьный законъ отъ 9 августа 1870 года (Elementary Education Act); законъ этотъ былъ дополненъ распоряженіями и школьными законами 1876, 1878, 1880, 1891 и 1893 годовъ. Законы эти превосходно характеризуютъ постановку народнаго образованія въ странѣ, а потому мы, пользуясь весьма удачною передачею сущности ихъ у проф. Іолли (стр. 164—166), обратимся къ брошюрѣ послѣдняго. Тамъ мы читаемъ: «Сущность этого закона (1870 года) сводится къ слѣдующему: 1) въ мѣстностяхъ, гдѣ существующихъ школъ недостаточно для удовлетворенія потребностей населенія, министерство народнаго просвѣщенія можетъ учреждать школьные комитеты (school boards), на обязанности которыхъ лежитъ открывать и содержать нужныя въ данномъ мѣстѣ школы... 2) Школьные комитеты могутъ пріобрѣтать имущества, дѣлать займы и назначать мѣстные налоги. Они опредѣляютъ размѣръ платы за ученье, отъ которыхъ должны освобождать несостоятельныхъ учениковъ подъ условіемъ, чтобы освобожденіе отъ взноса не разсматривалось, какъ актъ общественной благотворительности *). Они имѣютъ право учре-

*) По словамъ департамента народнаго просвѣщенія, «право на да-

ждать и такія школы, въ которыхъ платы за ученье не взимается совсѣмъ, и сами вносить плату за ученье за такихъ дѣтей, которыя обучаются въ школѣ, содержащейся не комитетомъ. 3) Школьные комитеты могутъ, въ предѣлахъ своего округа каждый, вводить всеобщее обязательное обученіе для дѣтей отъ 5 до 13-лѣтняго возраста, подъ угрозою денежнаго штрафа или ареста за уклоненіе отъ этой повинности. 4) Школы мѣстныхъ комитетовъ и другія школы, состоящія подъ наблюденіемъ государства, являются публичными школами. Принятіе въ публичныя школы не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ того, посѣщаютъ ли ученики публичное богослуженіе, или же нѣтъ, выполняютъ ли они какіе бы то ни было религіозные обряды въ школѣ или въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, получаютъ ли они религіозное образованіе, соотвѣтствующее желанію ихъ родителей, посѣщаютъ ли они школу въ праздники, установленные ихъ вѣроисповѣданіемъ. Если въ публичныхъ школахъ преподается Законъ Божій, или совершаются религіозные обряды, то для этой цѣли должно употребляться начало или же конецъ учебнаго времени, и каждый ученикъ, по желанію его родителей, можетъ быть освобожденъ отъ посѣщенія соотвѣтствующихъ уроковъ или церемоній (отд. 7, такъ назыв. «Conscience clause»). На преподаваніе Закона Божія государственный надзоръ не распространяется. 5) Въ школахъ, принадлежащихъ школьнымъ комитетамъ, при преподаваніи Закона Божія не должно касаться тѣхъ пунктовъ вѣроученія, по которымъ расходятся различныя вѣроисповѣданія. 6) Субсидіи отъ государства могутъ получать только публичныя школы... Главнѣйшія постановленія новыхъ законовъ заключаются въ слѣдующемъ: 1) Въ мѣстностяхъ, не принадлежащихъ къ округу какого-нибудь школьнаго комитета (school board), назначаются мѣстными властями такъ назыв. комиссіи посѣщенія школъ (school attendance committees), которыя пользуются такими же правами, какъ и школьные комитеты, и должны заботиться о томъ, чтобы школы посѣщались учениками. 2) Школьные комитеты и школьныя комиссіи должны вводить для дѣтей отъ 5 до 13 лѣтъ обязательное обученіе и, съ одобренія министерства народнаго просвѣщенія, опредѣлять содержаніе этого обученія. Дѣти, не достигшія 11-тилѣтняго возраста, не должны приниматься ни на какую регулярную работу, для пользованія же рабочей

ровое обученіе не есть уступка бѣдности родителей; оно принадлежитъ всѣмъ классамъ общества безразлично. Всякій родитель, находящій затрудненіе въ помѣщеніи своихъ дѣтей въ даровую школу, можетъ, одинъ или совмѣстно съ другими родителями, сообщить объ этомъ департаменту народнаго просвѣщенія и требовать даровое обученія своихъ дѣтей». См. ст. П. Г. Мижуева въ 80 полут. «Энц. Слов.» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 626.

силой дѣтей старше 11 лѣтъ установлены лишь извѣстныя ограниченія. Дѣти, имѣющія болѣе 11 лѣтъ, смотря по тѣмъ познаніямъ, какія обнаруживаютъ они на экзаменѣ, могутъ вполнѣ или же частью быть освобождаемы отъ обязательнаго обученія. Дѣти 13 и 14 лѣтъ допускаются къ регулярной работѣ лишь въ томъ случаѣ, когда они представятъ свидѣтельство, что ими пріобрѣтены въ школѣ установленныя закономъ знанія, или когда они обучались въ школѣ въ теченіе опредѣленнаго закономъ времени, или же когда они въ дообѣденное или послѣобѣденное время посѣщаютъ школу, которую мѣстныя власти признаютъ удовлетворительною. 3) Основаніемъ для опредѣленія размѣровъ субсидіи изъ государственнаго казначейства, выдаваемой школѣ, съ 1890 года служатъ, кромѣ числа учащихся и результатовъ экзамена изъ главныхъ предметовъ (чтеніе, письмо, ариѳметика), еще результаты испытанія по нѣкоторымъ другимъ предметамъ, которому инспекторъ народныхъ училищъ подвергаетъ произвольно выбранныхъ учениковъ или же—по извѣстнымъ предметамъ, сверхъ упомянутыхъ выше,—учениковъ, которые сами вызовутся держать экзаменъ, далѣе—общее впечатлѣніе, какое производитъ школа на инспектора, состояніе дисциплины въ ней, и прочее. Съ 1891 года школы получаютъ еще добавочную субсидію отъ государства въ размѣрѣ 10 шиллинговъ на каждаго ученика, если онѣ не взимаютъ платы за ученье, или же,—въ тѣхъ случаяхъ, когда школы существовали уже до этого времени,—понижаютъ ее на 10 шиллинговъ».

Послѣдній изъ упомянутыхъ пунктовъ закона сдѣлалъ безплатность обученія въ Англіи почти всеобщею. Въ дѣлѣ открытія школъ въ Англіи предоставлено широкое поле дѣятельности и полная свобода частной иниціативѣ. Частныя школы, не пользующіяся правительственною субсидіей, предоставляется открывать всѣмъ желающимъ, причемъ такія школы не подлежатъ и правительственному контролю. Но фактическая свобода въ программахъ, методахъ преподаванія и выборѣ учебниковъ (даже въ правительственныхъ или комитетскихъ школахъ) привела къ тому, что количество школъ частныхъ все уменьшается, переходя въ разрядъ субсидируемыхъ, комитетскихъ. По словамъ извѣстнаго англійскаго педагога Фича, «департаментъ народнаго образованія существуетъ для того, чтобы помогать деньгами и всѣми другими способами всякому добросовѣстному труду на пользу народнаго образованія, а не для того, чтобы навязывать всей націи свои педагогическія теоріи и указывать, кого и какъ слѣдуетъ учить»*).

Комитетскія учебныя заведенія Англіи раздѣляются на слѣдую-

---

*) Статья Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго въ 40 полутомѣ «Энциклоп. Слов.» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 732.

щія категоріи: школы для малолѣтнихъ (отъ 3 до 7 лѣтъ), гдѣ обращено особенно вниманіе на воспитаніе дѣтей (чаще всего по фребелевской системѣ), но гдѣ, рядомъ съ этимъ, обучаютъ чтенію, письму и даже устному счету; школы начальныя низшаго порядка (для дѣтей отъ 7 до 14 лѣтъ), гдѣ курсъ обученія довольно обширенъ, захватывая даже часть предметовъ нашихъ профессіональныхъ или реальныхъ училищъ, а именно: чтеніе, письмо, ариѳметику, рисованіе, шитье (для дѣвочекъ), систематическіе предметные уроки и одинъ или нѣсколько изъ слѣдующихъ предметовъ: англійскую литературу, географію, естествознаніе, исторію (для дѣвочекъ—домоводство). Особыя денежныя субсидіи получаютъ тѣ начальныя школы, гдѣ хоть нѣсколько учениковъ обучается одному изъ слѣдующихъ предметовъ: алгебрѣ, геометріи, механикѣ, физикѣ, химіи, физіологіи, гигіенѣ, основамъ земледѣлія, садоводству, бухгалтеріи, стенографіи, французскому и нѣмецкому языкамъ; наконецъ, высшія народныя школы (для дѣтей отъ 13 до 15 лѣтъ), гдѣ указанные только-что предметы не факультативны, а обязательны въ извѣстной группировкѣ. Такимъ образомъ, Англія фактически разрѣшила вопросъ о непосредственной связи между низшею и среднею школами. «Черта, отдѣляющая элементарную и среднюю школу,—сказано въ одномъ изъ отчетовъ англійскаго департамента народнаго просвѣщенія — дѣлается все менѣе и менѣе ясной. Мы надѣемся, что съ каждымъ годомъ все бо́льшее и бо́льшее число дѣтей будетъ оставаться въ начальной школѣ до 14 лѣтъ»*).

Для продолженія и пополненія образованія начальнаго въ Англіи существуютъ еще в е ч е р н і е или д о п о л н и т е л ь н ы е к л а с с ы для взрослыхъ (отъ 12 до 21-лѣтняго возраста). Курсъ ихъ нѣсколько напоминаетъ программу высшихъ народныхъ школъ, расширяясь иногда, впрочемъ, до популярныхъ лекцій университетскаго характера. Въ 1900 году Royal Education Sub-Committee издало, спеціально для Парижской выставки, обзоръ всего дѣла народнаго образованія въ соединенномъ королевствѣ (подъ заглавіемъ «Education in England, Wales, Scotland and Irland, being a descriptive Handbook). Изъ этого обзора видно, что къ означенному времени въ одномъ Л о н д о н ѣ существовало свыше 300 вечернихъ школъ съ 110000 учащихся (изъ нихъ 23000 были старше 21 года). Эти вечернія школы обыкновенно пользуются помѣщеніемъ низшихъ народныхъ училищъ.

Что касается педагогическаго персонала въ англійскихъ народныхъ школахъ, то въ правовомъ отношеніи положеніе его весьма завидно: личность учащихъ ограждена отъ всякаго произвола; назначаются

*) См. статью П. Г. Мижуева въ 80 полутомѣ «Энциклоп. Слов.» Брокгаузъ-Ефрона, стр. 626.

они на должность либо школьными комитетами, либо учредителями школъ, которые и опредѣляютъ размѣры учительскаго жалованья. Чтобы сдѣлаться народнымъ учителемъ въ Англіи, кандидаты поступаютъ, по достиженіи 14-лѣтняго возраста, обыкновенно въ практиканты къ хорошимъ учителямъ, на жалованье въ 10—20 фунтовъ стерл. въ годъ; при этомъ практиканты обязаны сами посвящать по часу въ день теоретическимъ занятіямъ и около 4 часовъ ежедневно помогать учителю въ классѣ, ведя одно изъ его отдѣленій *). Лучшіе практиканты, по достиженіи 18-лѣтняго возраста, стараются сдать конкурсный экзаменъ для поступленія въ учительскую семинарію. Въ Англіи такихъ семинарій имѣется 57: 17 мужскихъ, 25 женскихъ и одна смѣшанная; во всѣхъ ихъ есть интернаты; открытыми учебными заведеніями этого рода являются: 6 мужскихъ, 6 женскихъ и 2 смѣшанныхъ **). Курсъ обученія въ этихъ семинаріяхъ 2-лѣтній, причемъ ни за слушаніе лекцій, ни за содержаніе (въ интернатахъ) платы не взимается. По окончаніи курса семинаріи, будущіе учителя и учительницы подвергаются спеціальному экзамену въ комиссіи, состоящей изъ правительственныхъ чиновниковъ. Затѣмъ они опредѣляются на службу. Относительно матеріальнаго ихъ положенія можно сказать, что среднее годовое содержаніе старшаго учителя равняется 115, учительницы же 70 фунт. стерл. Пенсій, собственно, не существуетъ, но весь педагогическій персоналъ либо застрахованъ въ страховыхъ обществахъ, либо въ правѣ требовать пособія изъ фондовъ ссудосберегательныхъ учительскихъ товариществъ.

Въ Шотландіи организація школьнаго дѣла чрезвычайно напоминаетъ организацію его въ Англіи. Основные принципы шотландскаго школьнаго закона отъ 1 октября 1878 года почти тождественны съ англійскими законоположеніями 1870 года. Впрочемъ, въ Шотландіи школьное дѣло развилось гораздо раньше, чѣмъ въ Англіи. Еще со временъ Іакова IV (1494) датируетъ правило, на осно-

---

*) Вотъ что сказано на этотъ счетъ въ законѣ: «Преподаваніе ведется подъ надзоромъ и главнымъ руководствомъ старшаго учителя, частью самимъ имъ, частью, притомъ въ томъ же помѣщеніи, его помощниками и практикантами (обоего пола). Слѣдуетъ тутъ руководствоваться такими нормами: на каждыя 60 дѣтей полагается одинъ старшій учитель, на каждыя слѣдующихъ 40 дѣтей одинъ практикантъ (общее число ихъ, однако, не должно превышать трехъ въ одной школѣ). При наличности 2 практикантовъ полагается еще одинъ помощникъ учителя или учительницы. Если въ среднемъ число учениковъ школы достигнетъ 220, то обязательно приглашается второй старшій учитель или второй учительскій помощникъ». Ср. A. Petersilie, l. c., II, p. 174.

**) Во всѣ эти заведенія принимаются лица исключительно одного опредѣленнаго вѣроисповѣданія. Ср. Іолли, l. c., p. 167.

ваніи котораго каждый церковный приходъ обязанъ имѣть школу (безразлично, какую), и по которому всякій имущій житель страны обязанъ посылать въ школу, по крайней мѣрѣ, своего старшаго сына въ возрастѣ 6—9 лѣтъ. Ослушникамъ грозилъ штрафъ въ 20 фунтовъ. Дальнѣйшее развитіе получило это правило благодаря указамъ королей Вильгельма III (1696) и Георга III (1803). Примѣръ Англіи съ ея закономъ 1870 года не остался безъ вліянія и на Шотландію: 6 августа 1872 года былъ изданъ органическій школьный законъ (Education Act), по которому всѣ постановленія англійскаго правительства, касавшіяся элементарнаго образованія, были признаны обязательными въ Шотландіи. Было учреждено учебное вѣдомство (Scotch Education Department), и въ каждомъ приходѣ или каждой общинѣ установленъ школьный совѣтъ (School Board). Обученіе сдѣлано обязательнымъ въ возрастѣ отъ 5 до 13 лѣтъ. Англійскій законъ 1876 года о школьныхъ субсидіяхъ былъ примѣненъ и къ Шотландіи. Особая регламентировка шотландскихъ школъ была дана въ такъ назыв. Code of Regulations (1 октября 1878 года). Результаты не преминули тотчасъ же сказаться: въ 1870 году въ Шотландіи было 1933 народныхъ школы съ 2173 отдѣленіями, 3742 учащими и 255967 записанными учащимися (изъ коихъ фактически посѣщало уроки 203522 чел.). Къ 1898 году эти цифры измѣнились такимъ образомъ: существовало 3134 начальныхъ школъ, подлежавшихъ правительственному надзору (изъ нихъ 2741 были непосредственно публичными школами) съ 4191 старшимъ учителемъ и 5784 учительницами, 178 помощниками, 2015 помощницами, 788 практикантками и 3340 практикантами. Изъ 888037 дѣтей школьнаго возраста 710888 посѣщало публичныя и субсидируемыя правительствомъ начальныя школы и, кромѣ того, около 40000 дѣтей было записано въ школахъ частныхъ. Фактически изъ всего этого числа до 660000 дѣтей регулярно посѣщало школьныя занятія. Учительскихъ семинарій (Training schools) существовало 14, изъ нихъ шесть съ двумя отдѣленіями, мужскимъ и женскимъ; общее число учащихся въ нихъ достигало въ 1900 году 1200 человѣкъ (около $^3/_4$ ихъ были дѣвушки). Впрочемъ, какъ и въ Англіи, встрѣтить въ Шотландіи начальнаго учителя съ университетскимъ образованіемъ—не рѣдкость*).

Въ Ирландіи проведеніе въ жизнь общихъ для Соединеннаго королевства школьныхъ законовъ было затруднительнѣе, чѣмъ въ Шотландіи: къ разнообразію имѣющихся въ странѣ вѣроисповѣдныхъ элементовъ (а именно 4700000 жителей насчитывается 3500000 католиковъ, 60000 приверженцевъ англиканской епископальной церкви, 45000 пресвитеріанцевъ, 50000 методистовъ и

*) Ср. K. A. Schmidt, l. c., V, p. 267—268.

столько же другихъ сектантовъ) въ Ирландіи присоединяется еще различіе національнаго происхожденія населенія. Низкій уровень народнаго образованія побудилъ правительство еще въ 1831 году выступить съ національною школьною системою (National System of Education). Несмотря, однако, на то, что эта система предоставила преподаваніе Закона Божія всецѣло вѣдѣнію церквей, она вызвала какъ въ англиканцахъ, такъ и въ пресвитеріанцахъ не только недовѣріе, но и противодѣйствіе. Въ виду этого оказалось необходимымъ включить въ общую школьную систему и церковныя школы, притомъ въ двоякой формѣ, субсидируемыхъ правительствомъ (vested schools) и не субсидируемыхъ (non vested schools); и предоставить все дѣло школьнаго обученія, включая и преподаваніе Закона Божія, тѣмъ обществамъ, которыя учреждали церковныя начальныя школы. Правительство сохранило за собою лишь право частичнаго, весьма ничтожнаго и скорѣе формальнаго, чѣмъ дѣйствительнаго надзора за ними. Новые законы (1877 и 1891 годовъ) должны были нѣсколько приблизить ирландскія начальныя школы къ англійскимъ и шотландскимъ. Такъ, напр., ирландскій Board of Education имѣетъ теперь право требовать всеобщаго обязательнаго обученія всѣхъ дѣтей школьнаго возраста. На практикѣ, однако, право это оказывается весьма трудно осуществимымъ. При послѣднемъ статистическомъ изслѣдованіи ирландскихъ народныхъ школъ (въ 1894 году) таковыхъ оказалось 8965 (3500 субсидируемыхъ и 5465 не-субсидируемыхъ). Впрочемъ, лишь въ 8505 школахъ были введены правительственные учебные планы. Изъ 1028281 зарегистрированныхъ дѣтей 21% приходился на протестантскія, 79% же на католическія начальныя школы. Болѣе чѣмъ въ половинѣ этихъ училищъ мальчики и дѣвочки обучались вмѣстѣ. Однако, инспекція констатировала наличность лишь 575931 дѣтей. Такимъ образомъ оказалось, что фактически начальныя школы посѣщаютъ приблизительно лишь 11,5% дѣтей.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь нѣсколько статистическихъ данныхъ относительно начальныхъ школъ всей Великобританіи за 1900 годъ. Число ихъ, какъ публичныхъ, такъ и частныхъ или вольныхъ (voluntary schools) достигало 31777 (противъ 30598 въ 1894 году) съ 7180182 зарегистрированными учащимися, изъ которыхъ фактически посѣщали школы 5768194 (14,09% всего населенія страны). Школьные налоги опредѣлились въ 13000000, тогда какъ государственныя субсидіи достигли 11243836 фунтовъ стерлинговъ *). Другими словами, Англія тратила въ годъ на свои народныя школы по $4^1/_2$ рубля съ души населенія, тогда какъ у насъ, въ Россіи, этотъ расходъ выразился въ скромной цифрѣ 37,6 коп. **).

*) Срв. K. A. Schmidt, l. c., V, p. 268.
**) П. Г. Мижуевъ .l, c., p. 629.

Переходя теперь къ разсмотрѣнію постановки средняго и высшаго образованія въ Англіи, мы должны признаться, что насколько хороши начальныя школы страны, настолько плохо поставлены среднія и высшія школы. Начать съ того, что ни среднія, ни высшія учебныя заведенія Великобританіи не отличаются сколько - нибудь однородною для каждаго разряда организаціею. Ни одно изъ этихъ учебныхъ заведеній, въ сущности, не задается цѣлью дать своимъ питомцамъ сколько - нибудь законченное образованіе. Единственно, что въ нихъ поставлено несомнѣнно прекрасно, это—часть чисто-воспитательная. По вопросамъ физическаго и нравственнаго воспитанія Великобританія значительно опередила всѣ европейскія страны. Въ отношеніи же умственнаго воспитанія этого сказать нельзя. Тѣ учебныя заведенія для мальчиковъ, которыя предназначены дать общее среднее образованіе и подготовить либо къ практической жизни, либо къ поступленію въ высшія или спеціальныя школы, отличаются, съ одной стороны, отсутствіемъ единства въ программахъ, съ другой же,—сравнительною сжатостью этихъ программъ. Почти во всѣхъ мужскихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ Англіи размѣръ проходимаго курса не превышаетъ 6 классовъ нашихъ реальныхъ училищъ или классическихъ гимназій. Государство нисколько не заинтересовано въ дѣлѣ правильной и цѣлесообразной постановки ученія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Оно опредѣляетъ всѣхъ лицъ къ себѣ на службу лишь по спеціальному, нерѣдко конкурсному экзамену. Все среднее и высшее образованіе въ странѣ (кромѣ военнаго и морского) находится всецѣло въ частныхъ рукахъ и предоставлено частной иниціативѣ. Въ виду этого мужскія средне-учебныя заведенія страны, сообразно средствамъ, на которыя они содержатся, распадаются на слѣдующія три категоріи: 1) учебныя заведенія, существующія на проценты съ пожертвованныхъ капиталовъ и вкладовъ (такъ называемыя endowed или public schools), 2) частныя учебныя заведенія (private или adventure schools) и 3) школы, содержимыя частными, иногда акціонерными обществами (proprietary schools). Преподаваніе поставлено вездѣ неважно, зато воспитательская часть (большинство этихъ школъ снабжено интернатами) обставлена превосходно, чему способствуютъ, особенно въ первой категоріи названныхъ заведеній, богатство средствъ и сравнительно незначительное количество воспитанниковъ, приходящихся на одного педагога. Нѣкоторыя изъ endowed schools, особенно основанныя въ XIV и XV вѣкахъ, настолько богаты, что проценты, получаемые ими ежегодно съ ихъ капиталовъ, нерѣдко достигаютъ 500000 рублей на наши деньги. Если принять еще чрезмѣрную, на нашъ взглядъ (иногда до 2500 руб. въ годъ), плату за обученіе и содержаніе пансіонеровъ, то станетъ понятно, что подоб-

ныя заведенія въ состояніи приглашать къ себѣ лучшія педагогическія силы страны и платить имъ прямо баснословныя деньги (до 30000 рублей въ годъ за 30—35 учебныхъ недѣль). Наоборотъ, частныя школы сплошь-и-рядомъ влачатъ, за неимѣніемъ средствъ, довольно жалкое существованіе. Такъ какъ въ среднемъ плата во всѣхъ этихъ учебныхъ заведеніяхъ, по нашимъ понятіямъ, неимовѣрно высока, то среднее образованіе въ Великобританіи дается нелегко, и широкіе классы населенія фактически лишены возможности получать его, будучи принуждены либо ограничиваться окончаніемъ курса одной изъ высшихъ народныхъ школъ, либо заниматься частнымъ пополненіемъ своего образованія, либо посѣщать лекціи амбулаторныхъ такъ называемыхъ народныхъ университетовъ *). По изстари заведенному обычаю большинство средне-учебныхъ заведеній Соединеннаго королевства носитъ строго классическій, мы бы даже сказали, пожалуй, схоластическій, характеръ, и лишь за послѣднее время, начиная съ 80-хъ годовъ прошлаго вѣка, замѣчается стремленіе поставить школу нѣсколько ближе къ жизни, введя въ нее рядъ естественно-историческихъ и математическихъ предметовъ и придавъ ей нѣсколько болѣе реальный характеръ (такъ называемый modern sides). Это отрадное явленіе, вызвано, впрочемъ, не столько требованіями жизни, сколько конкуренціею между предпринимателями въ области частныхъ школъ. По ихъ примѣру, нѣкоторыя крупныя endowed schools ввели у себя даже нѣсколько отдѣленій: реальное (modern side), военное (military side или army class), коммерческое (commercial class), естественно-историческое (science department) и инженерное (engineering department) Впрочемъ, подавляющее большинство учащихся посѣщаетъ классическія школы. Въ виду этого реальныя и неклассическія среднеучебныя заведенія получаютъ теперь правительственныя субсидіи за хорошіе успѣхи учащихся на публичныхъ экзаменахъ, сообразно общему количеству учениковъ въ нихъ. Женскія среднеучебныя заведенія Великобританіи распадаются на тѣ же три категоріи, что и мужскія, причемъ большинство ихъ принадлежитъ къ разряду школъ частныхъ.

Правомъ преподаванія въ среднеучебныхъ заведеніяхъ поль-

*) Въ 1870 году въ Англіи, по примѣру Даніи, возникло движеніе въ пользу распространенія самообразованія; оно вылилось въ форму такъ называемыхъ University Extension («распространеніе университетовъ»), причемъ университетскіе профессора и приватные ученые устраиваютъ въ разныхъ городахъ популярно-научные курсы, чаще всего обнимающіе одну какую-нибудь опредѣленную отрасль знанія. За послѣднее время въ это благое начинаніе, на которое откликнулись многія сотни тысячъ простого народа, внесено больше систематичности, устроены также летучія библіотеки главнѣйшихъ научныхъ трудовъ по отдѣльнымъ отраслямъ знанія и т. п.

зуются, въ сущности, всѣ правоспособныя лица; чаще всего въ роли учителей (даже гимнастики) выступали священники. Въ 1854 году, однако, возникло College of Preceptors (коллегія преподавателей), частное общество, задавшееся цѣлью объединить всѣхъ истинно-преданныхъ своему дѣлу педагоговъ. Общество это организуетъ испытательныя комиссіи для производства экзаменовъ какъ учащимся въ разныхъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, такъ и лицамъ, желающимъ попасть въ списки патентованныхъ педагоговъ. Недавно это общество учредило въ Лондонѣ спеціальную учительскую семинарію для лицъ обоего пола. Кромѣ College of Preceptors, экзамены производятся также либо при университетахъ, либо въ спеціальныхъ комиссіяхъ, состоящихъ изъ правительственныхъ чиновниковъ, либо въ комиссіяхъ, входящаго въ составъ министерства народнаго просвѣщенія Department of Science and Art.

Организація высшаго образованія въ Великобританіи также, въ сущности, предоставлена почти цѣликомъ частной иниціативѣ. Государство совершенно устранилось отъ вмѣшательства въ эту сферу, предоставивъ полную свободу дѣйствій въ этомъ отношеніи обществу и частнымъ лицамъ. Еще король Альфредъ Великій положилъ въ началѣ X вѣка начало самому почтенному изъ англійскихъ университетовъ, оксфордскому. Нѣсколько позже возникъ университетъ въ Кембриджѣ. При этихъ высшихъ академіяхъ состояли подготовительныя учебныя заведенія (въ родѣ нашихъ бурсъ), которыя теперь образовали категорію такъ называемыхъ колледжей, чего-то средняго между среднею и высшею школами. Курсъ ихъ обыкновенно 3-лѣтній, организованы они весьма своеобразно, пользуются полнѣйшею автономіею и часто представляютъ совершенно самостоятельныя учебныя заведенія при университетахъ или около нихъ. Учащіеся проходятъ въ сущности часть курса, который соотвѣтствуетъ курсу нашихъ VII и VIII классовъ гимназій, держатъ рядъ экзаменовъ въ университетскихъ комиссіяхъ, живутъ въ очень дорого стоющихъ интернатахъ и большею частью слушаютъ лекціи у частныхъ преподавателей. Функціи же самихъ университетовъ сводятся теперь, главнымъ образомъ, къ производству вышеупомянутыхъ экзаменовъ. Лекціи въ нихъ почти не читаются. За недостаткомъ мѣста, мы здѣсь не можемъ остановиться сколько-нибудь подробно на оригинальной организаціи англійскихъ университетовъ и ихъ колледжей и отсылаемъ поэтому всѣхъ интересующихся этимъ вопросомъ къ нами уже цитированному сочиненію проф. Л Іолли (стр. 175—184 русскаго перевода А. Санина). При оксфордскомъ и кембриджскомъ университетахъ уже два десятилѣтія существуютъ по два колледжа для женщинъ. Кромѣ указанныхъ университетовъ, здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ универси-

тетѣ въ Дэргэмѣ (основ. въ 1832 году), о диссентерскомъ «Университетскомъ колледжѣ» (основ. въ 1827 году въ Лондонѣ), о лондонскомъ же англиканскомъ «Королевскомъ колледжѣ» (King College, основ. въ 1831 году), о «Лондонскомъ Университетѣ» (London University, основ. въ 1836 году) и о цѣломъ рядѣ другихъ подобныхъ учебныхъ заведеній въ Манчестерѣ, Ливерпулѣ, Лидсѣ, Эбернствитѣ, Бенгорѣ и Кардифѣ *).

Заключительнымъ отдѣломъ обзора положенія народнаго образованія въ Европѣ является очеркъ, посвященный Германіи. Къ нему мы теперь и переходимъ.

Еще въ самомъ началѣ нашей брошюры мы вкратцѣ упомянули о томъ могучемъ вліяніи, которое оказала реформація на дѣло народнаго образованія въ Западной Европѣ вообще и въ Германіи въ частности. Къ сожалѣнію, мы лишены здѣсь возможности сколько-нибудь прослѣдить историческое развитіе его. Укажемъ лишь на то, что тридцатилѣтняя война (1618—1648) смела съ поверхности Германіи тѣ благія, хотя въ сущности и довольно скромныя, начинанія въ школьномъ дѣлѣ, которыя явились, съ одной стороны, результатомъ реформаціоннаго движенія, съ другой же, слѣдствіемъ католической реакціи и ея сильнѣйшаго орудія—школъ іезуитскихъ. Однако, обычай церковной конфирмаціи, введенный протестантизмомъ, оказался чрезвычайно полезнымъ, являясь сильнѣйшимъ стимуломъ къ распространенію грамотности среди простонародья. Еще до заключенія Вестфальскаго мира (1648 г.) нѣкоторыя германскія княжества (напр., Гессенъ-Дармштадтъ) возобновили свою дѣятельность на пользу дѣла народнаго образованія, провозгласивъ послѣднее обязательнымъ. Великій курфюрстъ предписываетъ въ 1662 году устраивать повсемѣстно въ Пруссіи школы не только въ городахъ, но и въ деревняхъ. Въ 1717 году Фридрихъ-Вильгельмъ I издаетъ указъ «объ обязанности родителей обучать дѣтей въ школѣ», въ 1722 году онъ основываетъ въ Потсдамѣ обширный сиротскій домъ **), а въ

*) Срв. Adams, «History of the elementary school contest in England», 1882; J. Sharpless, «English education in the elementary and secondary schools», 1892; Fleischner, «Zur Geschichte des englischen Bildungswesens», Hamburg, 1893, а также брошюру П. Г. Мижуева, «Очеркъ развитія и современнаго состоянія народнаго образованія въ Англіи», СПБ. 1896 г.

**) Первый образцовый сиротскій домъ былъ основанъ въ 1695 году въ Галле извѣстнымъ піэтистомъ Германомъ Франке.

1736 году издаетъ первый законъ о содержаніи школъ подъ названіемъ «Principia regulativa» (правила для руководства). Самый обширный же школьный уставъ, отчасти дѣйствующій въ Германіи и понынѣ, былъ изданъ Фридрихомъ II Великимъ въ 1763 году подъ названіемъ Generallandsschulreglement. Къ концу XVIII столѣтія организація народнаго образованія въ Пруссіи уже настолько подвинулась впередъ, что тогда тамъ имѣлось 22 учительскихъ семинаріи для подготовки спеціалистовъ. Несомнѣнно, что крупнѣйшую роль въ развитіи дѣла народнаго образованія сыграло такъ назыв просвѣтительное движеніе, характеризующее вторую половину XVIII вѣка. Именно ему должно быть приписано введеніе въ программу народныхъ школъ цѣлаго ряда «свѣтскихъ» предметовъ, въ родѣ географіи, исторіи и начатковъ естествознанія. Несмотря, однако, на это, зависимость школы отъ церкви нисколько не умалялась. Это особенно сказалось при Фридрихѣ-Вильгельмѣ II, когда всѣ постановленія «Генеральнаго школьнаго регламента» оставались неисполненными, и надъ школой царилъ духъ религіозной нетерпимости. Между тѣмъ изданное въ 1794 г. общее земское уложеніе (Allgemeines Landrecht) требовало обязательнаго посѣщенія школъ. Въ этомъ уложеніи заслуживаетъ, между прочимъ, вниманія гл. 12, ч. II, гласящій: «Никому не должно быть отказываемо въ принятіи въ публичныя школы на томъ основаніи, что просителемъ является лицо другого вѣроисповѣданія» *). Этотъ § оказывался исходнымъ пунктомъ борьбы между церковью и государствомъ изъ-за власти надъ школою. Колоссальный духовный подъемъ, выразившійся въ такъ наз. «освободительныхъ войнахъ», этомъ мощномъ пробужденіи національнаго самосознанія, и поведшій къ уничтоженію крѣпостничества, сказался самымъ благотворнымъ образомъ и на судьбахъ германской народной школы: провозглашеніе принципа всеобщей равноправности гарантировало ей то высокое положеніе, которое она занимаетъ нынѣ. Однако, и здѣсь дѣло сдѣлалось не сразу. Вотъ что пишутъ по этому поводу гг. Фальборкъ и Чарнолусскій (въ ст. «Начальное народное образованіе» въ «Энциклоп. Словарѣ» Брокгаузъ-Ефрона, 40 полут., стр. 734): «Много сдѣлалъ въ этомъ направленіи (подъемѣ народнаго образованія) Альтенштейнъ, первый въ Пруссіи министръ народнаго просвѣщенія (съ 1817 г.). Закономъ 1819 г. организована обязательность обученія; за непосылку дѣтей въ школы родителямъ грозитъ наказаніе. Къ 1840 году Пруссія располагала уже 38 учительскими семинаріями и почти 30 тыс. народныхъ школъ на населеніе въ 15 милл. Прусская конституція 1850 г. ввела свободу преподаванія, установила безплатность обученія въ народныхъ школахъ, подчинила всѣ безъ исключенія учебныя заведенія надзору правительства, предоставила народнымъ учителямъ

права государственной службы, требовала соблюденія конфессіональныхъ интересовъ разныхъ группъ населенія, какъ при открытіи школъ, такъ и при преподаваніи въ нихъ религіи. На практикѣ, однако, правительство систематически стремилось придать народной школѣ возможно болѣе узкій характеръ, уничтожить въ учителяхъ самостоятельность и иниціативу. Это реакціонное теченіе выразилось въ «регулятивахъ» 1854 г., отводившихъ чрезвычайно широкое мѣсто заучиванью наизусть и трактовавшихъ исключительно объ одноклассной народной школѣ, какъ-будто она была въ Пруссіи единственной. На самомъ дѣлѣ двухклассныя и трехклассныя школы составляли въ то время около $^1/_3$ всѣхъ народныхъ школъ. Положеніе народныхъ учителей въ ту эпоху было очень тяжелое и въ нравственномъ, и въ матеріальномъ отношеніи. Въ 1865 г. одинъ учитель, получавшій въ видѣ пенсіи около 30 р. въ годъ, умеръ съ голоду; это повлекло за собою образованіе между учителями цѣлаго ряда обществъ взаимопомощи. Въ 1871 г. въ Пруссіи было около 4000 незанятыхъ учительскихъ мѣстъ, около $^1/_3$ учителей получали не болѣе 600 марокъ въ годъ. Въ 1872 году министромъ нар. просв. становится знаменитый Фалькъ, столь много потрудившійся на благо народной школы. Онъ немедленно провелъ законъ объ ограниченіи вліянія духовенства на школу и расширилъ программы послѣдней, попутно обративъ вниманіе и на улучшеніе методовъ преподаванія въ ней. Въ 1892 г. былъ предложенъ законъ о строго конфессіональномъ характерѣ какъ народныхъ школъ, такъ и учительскихъ семинарій; этимъ же закономъ предлагалось, чтобы каждый обучающійся учился у лица одинаковаго съ нимъ вѣроисповѣданія. Однако, законопроектъ этотъ потерпѣлъ позорное фіаско. Хотя въ Пруссіи до сихъ поръ нѣтъ еще органическаго закона по народному образованію, обѣщаннаго конституціею 1850 г., однако, общественное мнѣніе тамъ такъ сильно, что ретроградныя стремленія отнюдь не могутъ отражаться на судьбахъ народной школы, которая сама собою, повелѣніемъ великой исторической законодательницы, самой жизни, почти совсѣмъ добилась уничтоженія духовнаго элемента въ школьной инспекціи, обезпеченія бѣднымъ дѣтямъ полученія начальнаго образованія и приданія послѣднему обще-образовательнаго, а не узко-практическаго характера.

Во всѣхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, школьное дѣло регулируется особыми законами, изъ которыхъ главнѣйшіе: для Пруссіи и вообще для всей монархіи законъ 3 марта 1897 года, въ Баваріи отъ 10 ноября 1861 года, къ Саксоніи—отъ 26 апрѣля 1873 года, въ Баденѣ—отъ 13 мая 1892 года,

въ Вюртембергѣ — отъ 29 сентября 1836 года, въ Гессенѣ — отъ 16 іюня 1874 года. Всюду введено обязательное школьное обученіе, причемъ школьный возрастъ опредѣляется въ различныхъ государствахъ различно (отъ 6 до 14 или 13 лѣтъ *). На фабрики допускаются лишь дѣти, достигшія 13-лѣтняго возраста. Тѣ дѣти, которыя по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ и съ разрѣшенія школьной инспекціи обучаются дома, могутъ быть подвергнуты повѣрочному испытанію въ публичныхъ школахъ. Неаккуратность посѣщенія дѣтьми школьныхъ занятій влечетъ за собою со стороны полиціи денежное взысканіе и даже арестъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто.

Германія еще не ввела у себя безплатности начальнаго обученія; только въ Шлезвигъ-Гольштейнѣ и Нассау плата за ученье была отмѣнена еще въ 1814 и 1817 годахъ. Пруссія сдѣлала въ 1888 и 1889 годахъ льготу въ томъ смыслѣ, что плата за ученіе вносится лишь тогда, если государственной субсидіи не хватаетъ на содержаніе учительскаго персонала. Во всѣхъ остальныхъ частяхъ Германіи плата за обученіе обязательна и колеблется между 48 крейцерами и 2 флоринами въ годъ, достигая въ Баденѣ даже $3^1/_2$ марокъ. Впрочемъ, почти вездѣ дѣти бѣдныхъ родителей освобождаются отъ взноса платы за ученіе.

Что касается разрядовъ народныхъ школъ, то въ большинствѣ государствъ Германіи ихъ три: низшія, среднія и высшія начальныя училища, дополнительные (вечерніе и воскресные) курсы и профессіональныя школы, которыя, въ свою очередь, распадаются на три категоріи: коммерческія (Handelswissenschaftliche Schulen), промышленныя (Gewerbenschulen) и сельско-хозяйственныя (Landwirtschaftliche Schulen). Основными народными училищами слѣдуетъ признать лишь начальныя (низшія, среднія и высшія или одноклассныя, двухклассныя и трехклассныя для дѣтей 6—8, 8—10 и 10—14 лѣтъ). Школы всюду носятъ еще конфессіональный характеръ, и преподавательскимъ языкомъ (кромѣ уроковъ Закона Божія) является повсюду безъ исключенія нѣмецкій. Въ программу курса начальныхъ училищъ входятъ слѣдующіе предметы: Законъ Божій, нѣмецкій языкъ, чтеніе, письмо, ариѳметика, начатки геометріи, рисованія, географіи, исторіи и естествознанія, пѣніе, гимнастика (для мальчиковъ), рукодѣлія (для дѣво-

*) Въ Саксоніи, Баденѣ, Вюртембергѣ и Гессенѣ—до 15 лѣтъ. Впрочемъ, почти во всѣхъ государствахъ Германской имперіи желающимъ доучиваться не возбраняется посѣщеніе народной школы даже до 16—17 лѣтъ, а во многихъ изъ нихъ установлена даже обязательность посѣщенія, въ теченіе одного или двухъ лѣтъ, дополнительныхъ, вечернихъ или воскресныхъ школъ.

чекъ). Раздѣленіе учащихся по полам признается желательнымъ лишь въ многоклассныхъ школахъ.

Школы содержатся на счетъ общинъ и приходовъ, пользуясь правительственною или имперскою субсидіею, взамѣнъ чего правительство ведетъ строгій контроль всему учебному дѣлу при помощи органовъ своей школьной инспекціи. Всѣ безъ исключенія преподаватели и преподавательницы должны обладать закономъ установленными дипломами на право преподаванія. Дипломы эти являются результатами спеціальныхъ государственныхъ экзаменовъ, которыхъ учителямъ приходится сдавать два, учительницамъ одинъ. Для приготовленія къ первому экзамену, сдаваемому до поступленія на службу (считающуюся государственною) служатъ подготовительныя школы *) или учительскія семинаріи, имѣющія конфессіональный характеръ, представляющія интернаты и распадающіяся на три годичныхъ курса. Второй экзаменъ носитъ практическій характеръ и сдается въ продолженіе пробнаго времени, которое кандидатъ на штатное мѣсто проводитъ въ школѣ на службѣ въ качествѣ помощника или младшаго учителя. Учительницы сдаютъ только одинъ экзаменъ. Въ концѣ 90-хъ годовъ въ Германской имперіи число всѣхъ подготовительныхъ учительскихъ школъ и семинарій достигало 238 (75+149+14 женскихъ) съ общимъ количествомъ учащихся въ 36000 человѣкъ.

Условія вознагражденія педагогическаго персонала въ общемъ не особенно блестящи. Въ Пруссіи они опредѣляются закономъ 3 марта 1897 года, причемъ минимальный размѣръ жалованья учителя въ деревняхъ равенъ 900, учительницъ 700 марокъ, при готовой квартирѣ или квартирныхъ деньгахъ. За выслугу лѣтъ полагаются (чрезъ каждые 3 года) прибавки по 100 марокъ учителю и 80 учительницѣ. Въ городахъ основное жалованье на 25% выше. Во всѣхъ остальныхъ государствахъ Германіи законъ опредѣляетъ минимальное жалованье народныхъ учителей и учительницъ, и оно колеблется въ среднемъ (со включеніемъ сюда стоимости квартиры и ея отопленія) между 1451 и 3000 марокъ для учителей и 1171 и 1580 марокъ для учительницъ. Штатные учителя и учительницы, въ случаѣ неспособности къ продолженію службы, имѣютъ право на пенсію, причемъ послѣдняя увеличивается сообразно количеству лѣтъ, проведенныхъ на службѣ. Право на пенсію получается въ Пруссіи, Саксоніи, Баденѣ и Эльзасъ-Лотарингіи 10-лѣтнею службою, въ Вюртембергѣ 9-лѣтнею, въ Гессенѣ уже 5-лѣтнею. Минимальнымъ размѣромъ пенсіи въ Вюртембергѣ и Гессенѣ являются 40, въ

*) Въ нихъ курсъ двухлѣтній; онѣ бываютъ также открытыми учебными заведеніями.

Саксоніи и Баваріи 30% жалованья, высшій же размѣръ ея опредѣляется въ Баденѣ въ 75, въ Саксоніи въ 80, въ Вюртембергѣ въ 92½ процентовъ жалованья, тогда какъ въ Гессенѣ она равняется цѣликомъ жалованью, которое получалъ пенсіонеръ въ продолженіе послѣдняго года своей службы. Вдовы и сироты учителей также пользуются пенсіонными правами.

Положеніе народныхъ учительницъ въ Германіи значительно хуже, чѣмъ ихъ коллегъ мужского пола. Не говоря уже о томъ, что получаемое ими вознагражденіе, какъ мы видѣли, ниже учительскаго, онѣ не вездѣ свободно допускаются къ преподаванію. Такъ, напримѣръ, въ Баденѣ, по закону 1892 года, имъ предоставлено только 10% учительскихъ мѣстъ. Въ Саксоніи, по закону 26 апрѣля 1873 г., онѣ назначаются лишь въ начальныя школы для дѣвочекъ, а также въ низшіе и средніе классы школъ смѣшанныхъ. Въ Вюртембергѣ, по закону 6 ноября 1888 года, онѣ назначаются такимъ же точно образомъ исключительно на вольнонаемныя должности, причемъ, какъ въ Саксоніи, теряютъ свои мѣста въ случаѣ выхода замужъ. Поэтому-то учительницы во всѣхъ германскихъ государствахъ составляютъ не болѣе 10% общаго числа народныхъ учителей*). Въ Баваріи на учительскія мѣста въ начальныхъ школахъ допускаются члены женскихъ духовныхъ орденовъ, подвергаясь предварительно такому же экзамену, какъ и кандидатки изъ подготовительныхъ школъ, но не имѣя права на пенсію.

Чтобы закончить нашъ очеркъ о начальной школѣ Германіи и перейти затѣмъ къ краткому обзору того, что сдѣлано тамъ въ области школы средней и высшей, намъ слѣдуетъ еще на минуту остановиться на такъ называемыхъ Fortbildungsschulen (школахъ для продолженія начальнаго образованія) и на школахъ профессіональныхъ (сельскохозяйственныхъ, коммерческихъ и промышленныхъ). Первый разрядъ учебныхъ заведеній развился изъ воскресныхъ школъ такимъ образомъ, что занятія съ лицами, окончившими курсъ начальной школы, оказались именно въ воскресные дни неудобными какъ для учащихся, такъ и для учащихъ. Постепенно занятія эти, состоящія исключительно въ повтореніи курса начальной школы, за исключеніемъ Закона Божія, были перенесены на вечерніе часы въ будни (при числѣ недѣльныхъ уроковъ отъ 2 до 4, въ Саксоніи до 6); такъ создались такъ назыв. зимнія вечернія школы (Winterabendschulen). Однако, не вездѣ посѣщеніе этихъ школъ обязательно (оно обязательно

*) Въ публичныхъ школахъ Пруссіи въ 1891 году было 61807 учителей и 8287 учительницъ; въ Баваріи въ 1893 году было 11651 постоянныхъ учителей и 1960 постоянныхъ учительницъ; въ Саксоніи въ 1889 г. было 7689 учителей и 210 учительницъ. Срв. L. Iolly, l. c., p. 59.

для лицъ обоего пола только въ Баденѣ, Баваріи и Вюртембергѣ; въ Саксоніи и Гессенѣ только для мальчиковъ) и продолжительность курса варьируетъ отъ одного года (въ Баденѣ—для дѣвочекъ) до трехъ лѣтъ (въ Саксоніи, Гессенѣ и Баваріи). Школы эти безплатны; непосѣщеніе ихъ влечетъ за собою денежный штрафъ и даже арестъ родителей дѣтей и ихъ опекуновъ. Охотно также посѣщаются профессіональныя школы для продолженія народнаго образованія, о трехъ разрядахъ которыхъ выше уже было упомянуто. Школы сельскохозяйственныя поставлены въ общемъ неважно за невозможностью подобрать штатъ хорошихъ учителей-агрономовъ, коммерческія же и промышленныя пользуются симпатіями населенія, такъ какъ преподаваніе въ нихъ обнимаетъ начатки многихъ предметовъ, имѣющихъ большое практическое значеніе (рисованіе, счетоводство, физика, химія, политическая экономія, вексельное право, новые языки и т. п.). Посѣщеніе какой-нибудь профессіональной школы освобождаетъ подростковъ отъ посѣщенія школъ воскресныхъ или дополнительныхъ*).

Для открытія частныхъ учебныхъ заведеній во всѣхъ государствахъ, входящихъ въ составъ Германской имперіи, требуется разрѣшеніе отъ правительства. Такое разрѣшеніе дается исключительно лицамъ съ извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и нравственно благонадежнымъ, причемъ посѣщеніе дѣтьми частнаго учебнаго заведенія освобождаетъ ихъ отъ посѣщенія школы правительственной. Частныя школы подчиняются всѣмъ инструкціямъ, издаваемымъ для школъ публичныхъ, и находятся подъ непосредственнымъ надзоромъ инспекторовъ правительственныхъ учебныхъ заведеній. Но такъ какъ правительственныя школы Германіи вполнѣ удовлетворяютъ потребностямъ населенія, то дѣло частнаго обученія тамъ падаетъ все больше и больше. Въ 1891 г. въ Пруссіи было только 495 частныхъ народныхъ школъ, въ Баваріи (въ 1897 году) только 53, наконецъ, въ Баденѣ (въ 1895 году) публичныя народныя школы насчитывали 269334 учащихся, частныя же лишь 981 чел.**). Къ тому же времени статистическія свѣдѣнія относительно начальнаго образованія въ разныхъ германскихъ государствахъ представлялись въ слѣдующемъ видѣ: въ Пруссіи число учащихся въ публичныхъ и частныхъ школахъ вмѣстѣ составляло 4938154 дѣтей при 72438 учащихъ, въ Баваріи—819892 при 13834 учащихъ, въ Саксоніи—622924 при 11859 учащихъ, въ Вюртембергѣ, 307397 при 4705 учащихъ и въ Баденѣ 276481 дѣтей при 3745

*) Срв. рядъ превосходныхъ статей графа А. С. Мусина-Пушкина подъ общимъ заглавіемъ «Общій очеркъ реальнаго и профессіональнаго образованія въ Германіи, Австріи и Франціи», печатавшихся въ журналѣ «Русская Школа» за 1905 г. (кн. IX—XII).

**) Срв. L. Iolly, l. c., p. 105

учащихъ. Итакъ, общее число учащихся въ начальныхъ школахъ названныхъ государствъ равнялось 6964848 при 106581 лицѣ учащаго персонала.

Исторія средней школы въ Германіи также весьма интересна, но мы лишены здѣсь возможности удѣлить ей много вниманія. Интересующихся отсылаемъ къ книжкѣ Л. Іолли, гдѣ этому вопросу посвященъ живо написанный очеркъ (стр. 67—82). Тутъ мы отмѣтимъ лишь то обстоятельство чрезвычайной важности, что въ началѣ XIX вѣка среднія школы Германіи стали разсадниками такъ называемаго новаго гуманизма, самымъ виднымъ представителемъ котораго былъ знаменитый филологъ Ф. А. Вольфъ. Стремленіе къ изученію этической и эстетической сторонъ античной культуры заняло господствующее мѣсто; благодаря этому, какъ латинскій, такъ и греческій языки были объявлены главными предметами въ системѣ средняго образованія. Еще въ концѣ XVIII вѣка тѣ среднія учебныя заведенія, въ которыхъ было обращено особенное вниманіе на постановку обоихъ классическихъ языковъ, стали называться гимназіями, тогда какъ менѣе обширныя по своимъ программамъ и продолжительности курса среднія школы получили наименованіе реальныхъ училищъ. Это основное дѣленіе сохранилось въ Германіи по сей день и по образцу ея было введено и у насъ въ Россіи. Въ первой четверти прошлаго вѣка допущеніе къ экзамену для поступленія на государственную службу или для поступленія въ число университетскихъ студентовъ стало обусловливаться полученіемъ аттестата зрѣлости. Тогда же были введены и спеціальные экзамены на право преподаванія въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Наконецъ, въ 1808 году при прусскомъ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ былъ учрежденъ департаментъ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который чрезъ 9 лѣтъ былъ преобразованъ въ самостоятельное министерство. Когда же въ 1825 году духовнымъ консисторіямъ, ранѣе вѣдавшимъ народнымъ образованіемъ, было предписано передать непосредственный надзоръ за школами спеціальнымъ училищнымъ коллегіямъ, прекратилась и зависимость школьнаго дѣла отъ церкви. Около 1840 года классицизмъ въ германскихъ гимназіяхъ начинаетъ падать, постепенно уступая мѣсто наукамъ естественно-историческимъ и математическимъ. Такимъ образомъ, возникаетъ новый типъ учебныхъ заведеній, такъ называемыхъ реальныхъ гимназій, гдѣ уже нѣтъ греческаго языка вовсе, гдѣ курсъ латинскаго значительно суженъ, и гдѣ наибольшее вниманіе удѣляется языкамъ новымъ и математикѣ Рядомъ съ реальными гимназіями, въ которыхъ еще въ 1832 году латинскій языкъ былъ признанъ предметомъ обязательнымъ, стали развиваться и понемногу завоевывать всеобщія симпатіи населенія реальныя училища,

не имѣвшія въ своихъ программахъ латинскаго языка вовсе и подготовлявшія молодыхъ людей къ государственной службѣ и практической дѣятельности. Аттестатъ этихъ учебныхъ заведеній, именовавшихся низшими реальными гимназіями или реальными училищами II разряда, давалъ право на поступленіе въ высшія техническія училища. Лицамъ же, окончившимъ перворазрядное реальное училище или реальную гимназію, предоставлено право поступать на нѣкоторые факультеты университетовъ, прохожденіе курса которыхъ не требуетъ отъ студента глубокаго знанія латыни и римской культуры. Подъ давленіемъ духа и требованій времени, впрочемъ, классицизмъ утратилъ свое первенствующее значеніе и въ классическихъ гимназіяхъ Германіи, и программы преподаванія древнихъ языковъ, особенно благодаря энергичному почину самого германскаго императора въ этомъ дѣлѣ, были значительно сокращены. Прусская программа среднихъ учебныхъ заведеній, принятая 31 марта 1882 года, введенная затѣмъ и въ прочихъ государствахъ Германіи, не только возстановила преподаваніе естествознанія, павшаго въ предшествующій періодъ школьнаго дѣла (съ 50-хъ годовъ), но и значительно усилила требованія по математикѣ и новымъ языкамъ. Наконецъ, программа 6 января 1892 года еще болѣе сократила преподаваніе древнихъ языковъ, особенно греческаго, и выдвинула на первый планъ языкъ нѣмецкій, отечественную литературу, исторію и гимнастику. Такимъ образомъ, гимназія понемногу сама превратилась изъ узко-классической въ реальную, и самое существованіе реальныхъ гимназій сдѣлалось излишнимъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что уже въ 1883 году въ Эльзасъ-Лотарингіи были уничтожены всѣ реальныя гимназіи, а въ Баденѣ и Баваріи, приблизительно къ тому же времени, многія изъ нихъ.

Итакъ, въ настоящее время всѣ мужскія средне-учебныя заведенія распадаются на три категоріи: гуманистическія гимназіи (9-лѣтній курсъ), реальныя гимназіи (9-лѣтній курсъ) и реальныя училища. Послѣднія также распадаются на два разряда: съ 9-лѣтнимъ курсомъ и съ 6-лѣтнимъ. Въ первомъ случаѣ они называются высшими реальными училищами (Oberrealschulen), во второмъ мѣщанскими училищами (Bürgerschulen). Въ нихъ древніе языки замѣнены новыми, и назначеніе этихъ школъ подготовлять учащихся къ практической дѣятельности, а не къ университету. При неполномъ курсѣ (обыкновенно 4-лѣтнемъ) гимназіи называются прогимназіями, латинскими школами, педагогіумами и лицеями, реальныя же гимназіи—реальными прогимназіями, реальными лицеями или реально-латинскими школами. Въ большей части германскихъ государствъ при указанныхъ средне-учебныхъ заведеніяхъ имѣются еще приготовительныя школы (Vorschulen), кото-

рыя замѣняютъ элементарныя народныя училища. Такъ какъ германскія среднеучебныя заведенія ставятъ себѣ цѣли скорѣе учебныя, чѣмъ воспитательныя, то нигдѣ почти при нихъ нѣтъ интернатовъ. Окончаніе шести классовъ среднихъ школъ даетъ право на отбытіе воинской повинности въ теченіе года вольноопредѣляющимся. По взаимному соглашенію, состоявшемуся между германскими государствами въ 1889 году, права окончившихъ курсъ въ томъ или иномъ средне-учебномъ заведеніи одного государства признаются въ другихъ.

Среднеучебныя заведенія Германіи содержатся отчасти государствомъ, отчасти общинами или отдѣльными учрежденіями, отчасти тѣмъ и другими вмѣстѣ на основаніи особыхъ договоровъ. Существеннымъ источникомъ содержанія этихъ учебныхъ заведеній является плата за ученіе, въ общемъ не особенно низкая (въ гимназіяхъ, реальныхъ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ высшаго разряда она равняется 120 маркамъ въ годъ, въ соотвѣтствующихъ прогимназіяхъ—100, въ реальныхъ училищахъ II разряда и мѣщанскихъ школахъ—80*). Учителями въ средне-учебныхъ заведеніяхъ могутъ быть только лица съ университетскимъ образованіемъ, выдержавшія государственный экзаменъ и, кромѣ того, получившія въ спеціальныхъ семинаріяхъ при университетѣ соотвѣтствующую педагогическую подготовку. Всѣ они числятся на государственной службѣ, имѣютъ право на пенсію и получаютъ довольно приличное содержаніе.

За 1897 годъ Л. Іолли приводитъ (стр. 90) слѣдующія интересныя статистическія данныя относительно состоянія средняго образованія во всѣхъ государствахъ Германской имперіи: на 49428470 жителей приходилось 439 гимназій, 92 прогимназіи, 128 реальныхъ гимназій, 93 реальныхъ прогимназіи, 40 реальныхъ училищъ высшаго разряда и 200 реальныхъ училищъ II разряда. При явномъ доминированіи гуманистическаго образованія въ Германіи интересно отмѣтить, что лишь около $^1/_3$ учениковъ получаетъ (въ Пруссіи) аттестатъ зрѣлости, другая же треть довольствуется аттестатомъ за 6 классовъ, дающихъ право отбывать воинскую повинность въ качествѣ вольноопредѣляющагося.

Цѣли средняго женскаго образованія формулированы были въ 1873 году спеціальною комиссіею при прусскомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія слѣдующимъ образомъ: «дать молодымъ дѣвушкамъ, въ приспособленной для нихъ формѣ, общее образованіе, одинаковое съ тѣмъ, какое получаютъ въ среднихъ учебныхъ заведе-

*) Въ Баваріи плата за ученіе въ гимназіяхъ варіируетъ по классамъ (отъ 30 до 40 марокъ въ годъ). Въ Саксоніи вездѣ установлена одна плата (120 марокъ). 10% учащихся освобождается отъ всякой платы по несостоятельности родителей.

ніяхъ мужскихъ мальчики и юноши, и такимъ путемъ сдѣлать ихъ способными принимать участіе въ духовной жизни націи и работать на этомъ поприщѣ, насколько позволяютъ имъ природныя ихъ силы и качества». Сообразно съ этимъ, учебныя заведенія для дѣвицъ распадаются на двѣ категоріи: низшія съ однимъ иностраннымъ языкомъ и очень ограниченнымъ курсомъ математики (эти школы предназначаются для лицъ средняго круга и служатъ естественнымъ продолженіемъ начальныхъ училищъ) и высшія (Höhere Töchterschulen) съ двумя новыми языками и болѣе обширною программою по другимъ предметамъ, такъ что эти школы почти подходятъ подъ типъ мужскихъ реальныхъ училищъ; учащіяся въ нихъ принадлежатъ большею частью къ болѣе состоятельнымъ классамъ населенія. До послѣдняго времени эти учебныя заведенія были частными, изрѣдка городскими. Однако, 31 мая 1894 года циркуляромъ прусскаго министра народнаго просвѣщенія установлены, съ одной стороны, болѣе обширныя программы преподаванія въ женскихъ среднеучебныхъ заведеніяхъ, съ другой же, введены обязательныя испытанія учительницъ, въ нихъ преподающихъ. Въ 1897 году въ Пруссіи было 223 публичныхъ и 156 частныхъ среднихъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ Баваріи 23 публичныхъ и 95 частныхъ (изъ нихъ 56 содержались духовными орденами), въ Саксоніи 4 публичныхъ и 22 частныхъ, въ Баденѣ 10 публичныхъ и 6 частныхъ и въ Вюртембергѣ 10 публичныхъ и 3 частныхъ *). За послѣднія 6—7 лѣтъ, однако, число ихъ значительно возросло, въ виду того, что двери многихъ университетовъ открылись для женщинъ. Для слушанія лекцій женщины должны въ Пруссіи получить разрѣшеніе отъ попечителя (куратора) университета и тѣхъ преподавателей, которыхъ онѣ желаютъ слушать.

Какъ уже было сказано выше, въ университеты, въ качествѣ студентовъ, принимаются на всѣ факультеты только лица, имѣющія аттестатъ зрѣлости отъ одной изъ гуманическихъ гимназій. Реалисты, окончившіе полный курсъ реальной гимназіи (но не училища), имѣютъ право записаться въ число слушателей одного изъ слѣдующихъ факультетовъ: естественно-историческаго, математическаго и неофилологическаго отдѣленія философскаго факультета **).

Разсмотрѣніе организаціи германскихъ университетовъ не входитъ въ рамки нашего очерка. Ограничиваемся поэтому перечнемъ университетовъ (21) въ порядкѣ ихъ старшинства, опредѣленіемъ общаго количества студентовъ, а также профессоровъ, и распредѣленіемъ ихъ по факультетамъ (къ концу XIX вѣка). По старшинству гер-

*) Іолли, l. c., p. 93.

**) Въ Вюртембергѣ реалистамъ предоставлено право заниматься въ университетѣ также политическими, но не юридическими науками.

манскіе университеты распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ *): Гейдельбергскій (1386), Лейпцигскій (1409), Ростокскій (1419), Грейфсвальдтскій (1456), Фрейбургскій (1457), Тюбингенскій (1477), Мюнхенскій (перенесенъ изъ Ингольштадта и Ландсгута), Галлескій (1694), Эрлангенскій, Гиссенскій, Геттингенскій, Іенскій, Кенигсбергскій, Марбургскій, Кильскій, Вюрцбургскій, Мюнстерскій, Берлинскій (1808), Бреславльскій (1811), Боннскій (1818) и Страсбургскій (ставшій германскимъ университетомъ послѣ войны 1871 года). Общее количество студентовъ во всѣхъ этихъ университетахъ опредѣлилось тогда же въ 30932 чел., причемъ самымъ многолюднымъ университетомъ былъ Берлинскій (4705 чел.), самымъ малолюднымъ Мюнстерскій (487 чел.). Ординарныхъ профессоровъ во всѣхъ университетахъ было 1083, экстраординарныхъ 661, приватъ-доцентовъ 758, преподавателей (лекторовъ, ассистентовъ, лаборантовъ и т. п.) 150. По отдѣльнымъ факультетамъ студенчество распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: на богословскихъ факультетахъ католическихъ — 1528 **), на богословскихъ факультетахъ протестантскихъ — 2798 (больше всего въ Галле и Лейпцигѣ, а именно 419 и 351 чел.), на юридическихъ факультетахъ, котораго, между прочимъ, нѣтъ въ Мюнстерѣ,—8725, на медицинскихъ факультетахъ ***)—8684 и на всѣхъ отдѣленіяхъ факультетовъ философскихъ—9197 чел. (больше всего въ Берлинѣ: 1861 чел.).

Въ 1895 году, послѣ всемірной Колумбовой выставки въ Чикаго, куда были командированы и представители нашего учебнаго вѣдомства съ Е. П. Ковалевскимъ во главѣ, послѣднимъ была издана интересная, неоднократно нами цитировавшаяся книга «Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки». На обложкѣ этой объемистой книги, служащей главнымъ источникомъ нашимъ въ послѣднемъ очеркѣ этой главы, находятся два знаменательныхъ числа: 200000000 долларовъ (400000000 рублей) и 23%. Первое изъ нихъ показываетъ, сколько Соединенные Штаты тратятъ еже-

*) Въ скобкахъ помѣщенъ годъ основанія наиболѣе выдающихся университетовъ.

**) Католическіе богословскіе факультеты существуютъ въ слѣдующихъ университетахъ: Боннскомъ, Бреславльскомъ, Фрейбургскомъ, Мюнхенскомъ, Мюнстерскомъ, Тюбингенскомъ и Вюрцбургскомъ.

***) Въ Мюнстерскомъ университетѣ медицинскаго факультета нѣтъ вовсе.

годно на дѣло народнаго образованія, второе означаетъ % общаго населенія страны въ учебныхъ заведеніяхъ. Это такія крупныя числа, что ими вполнѣ оправдывается, почему мы очеркомъ о положеніи народнаго образованія именно въ Сѣв. Америкѣ заканчиваемъ нашу главу о «Народномъ образованіи на Западѣ». Такихъ денегъ на дѣло народнаго образованія и такого высокаго % учащихся мы не найдемъ ни въ одной странѣ міра. Посмотримъ же, какъ слагались судьбы американской школы, и какова организація этого дѣла за океаномъ.

Первыя школы въ Сѣверной Америкѣ появились съ первыми колонистами изъ Европы. Какъ извѣстно, уже въ началѣ XVI столѣтія въ старѣйшей колоніи, Виргиніи, основанной англійскими промышленниками, было устроено нѣсколько начальныхъ школъ, а также колледжъ съ богословскимъ и словеснымъ отдѣлами. Для содержанія ихъ было англійскимъ парламентомъ выслано 15000 фунтовъ стерл., а также отведено столько же тысячъ акровъ казенной земли. Въ 1621 году въ Америкѣ была открыта первая безплатная школа. Однако, недолго продолжалось благополучіе колонистовъ: вскорѣ наступили продолжительныя и разорительныя войны съ индѣйцами, и въ дѣлѣ насажденія образованія въ Виргиніи наступилъ переломъ, въ силу котораго почти всѣ существовавшія до того школы были закрыты. Присланный затѣмъ изъ Англіи губернаторъ Беркли характерно отвѣтилъ на заданный ему однажды вопросъ о состояніи школьнаго дѣла въ колоніи: «Благодаря Бога, здѣсь нѣтъ ни даровыхъ школъ, ни печатнаго станка, и, я надѣюсь, не будетъ, по крайней мѣрѣ, еще 100 лѣтъ, ибо ученіе вызываетъ неповиновеніе, ереси и развитіе сектъ, а печать распространяетъ пасквили противъ наилучшаго правительства. Да сохранитъ насъ Богъ и отъ тѣхъ, и отъ другихъ»!

Къ сожалѣнію, заявленіе Беркли оказалось почти пророческимъ: только въ 1779 г. въ Виргиніи началась сильная агитація въ пользу даровыхъ школъ, завершившаяся, къ началу прошлаго вѣка, полнымъ успѣхомъ.

Между тѣмъ въ другихъ частяхъ Сѣв. Америки, занятыхъ выходцами изъ Голландіи послѣ войнъ съ испанскимъ королемъ Филиппомъ II, народное образованіе издавна находилось въ несравненно лучшихъ условіяхъ. Еще въ 1630 году голландская Вестъ-Индская Компанія получила отъ Генеральныхъ Штатовъ инструкцію, въ которой всѣмъ «основателямъ» колоніи вмѣнялось въ обязанность заботиться о приглашеніи въ каждое вновь учреждаемое селеніе священника и школьнаго учителя. Съ этою цѣлью каждый колонистъ былъ обложенъ спеціальнымъ налогомъ. Уже въ 1633 году въ Нью-

Іоркѣ (тогда называвшемся Новымъ Амстердамомъ) была учреждена высшая народная школа, благополучно существующая и понынѣ. Въ концѣ XVI вѣка голландскія колоніи отошли къ Англіи и Нью-Іоркъ долженъ былъ преклониться предъ Бостономъ. Общеизвѣстенъ тотъ ригоризмъ, который ввели во всѣ формы жизни, между прочимъ, и въ школы, пуритане, эти кальвинисты Америки. Это не мѣшало имъ въ области школьной жизни быть людьми чрезвычайно здравомыслящими и провозгласить въ 1647 году принципъ обязательности не только обученія дѣтей родителями, но и слугъ хозяевами и подростковъ-рабочихъ на фабрикахъ владѣльцами послѣднихъ. Въ изданномъ въ Массачузетсѣ тогда же школьномъ законѣ, содержаніе школъ дѣлается обязательнымъ для общинъ, а образованіе общимъ и безусловно даровымъ, притомъ не только на низшей, но и на средней и высшихъ ступеняхъ. За примѣромъ Массачузетса послѣдовалъ Коннектикутъ, введшій у себя въ 1650 г. обязательное обученіе и назначившій штрафъ въ 20 шиллинговъ на нерадивыхъ родителей и хозяевъ. Съ 1696 года католическіе переселенцы Мериланда также стали устраивать у себя даровыя начальныя школы.

Тяжелыя условія жизни Сѣв. Америки въ теченіе почти всего XVIII вѣка отразились весьма замѣтно на школьномъ дѣлѣ. Войны съ индѣйцами, французами, испанцами и особенно 12-лѣтняя борьба за независимость отъ Англіи истощили народныя силы и средства, и тогда-то благія начинанія въ области безплатности обученія оказались непримѣнимыми къ жизни. Правда, бѣднѣйшія дѣти обучались даромъ (въ такъ назыв pauper schools), но это противорѣчило принципамъ всеобщаго равенства, тѣмъ болѣе, что дѣти бѣдняковъ принимались въ школы только въ томъ случаѣ, если тамъ имѣлись свободныя вакансіи. Между тѣмъ всѣ лица, принимавшія особенно видное и дѣятельное участіе въ образованіи новой заатлантической республики, Франклинъ, Вашингтонъ, Мадисонъ, Джефферсонъ и др., глубоко проникались убѣжденіемъ въ необходимости широкаго распространенія знанія, въ которомъ они усматривали единственное средство упрочить общественную свободу и обезпечить общественное благосостояніе. Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже тогда, въ 1776 году, религіозный элементъ былъ американцами совершенно устраненъ изъ области народнаго образованія и замѣненъ элементомъ политически-правовымъ. Издавшій конституцію Соед. Шт. конгрессъ 1787 г. призналъ за каждымъ штатомъ полную самостоятельность въ сферѣ народнаго образованія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, считалъ необходимымъ подтвердить общеобязательность послѣдняго. Средства для развитія этого дѣла въ отдѣльныхъ штатахъ были найдены въ пожертвованіяхъ государственными землями и деньгами. По закону 1787 г. конгрессъ

отдалъ на школьныя нужды $^1/_{36}$ часть государственныхъ земель западнѣе рѣки Огайо. Этотъ надѣлъ въ 1848 г. былъ удвоенъ. Вдобавокъ еще въ 1835 г. конгрессъ отчислилъ на образованіе неприкосновеннаго школьнаго фонда 40000000 долларовъ, къ которымъ съ теченіемъ времени стали отчисляться добавочныя суммы.

Кромѣ этихъ средствъ, школьныя нужды оплачивались еще довольно значительными спеціальными школьными налогами и, наконецъ, введеніемъ особой платы за ученіе. Эта плата являлась весьма печальнымъ нововведеніемъ, обусловленнымъ довольно необдуманною запродажею общинами крупныхъ участковъ школьныхъ земель по чрезвычайно низкимъ цѣнамъ. Поэтому въ началѣ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія былъ изданъ конгрессомъ законъ о неотчуждаемости школьныхъ земельныхъ надѣловъ*). Однако, мѣра эта не повела къ особенно осязаемымъ результатамъ, и вплоть до 70-хъ годовъ прошлаго столѣтія, т.-е. почти въ продолженіе 100 лѣтъ, въ огромномъ большинствѣ штатовъ взималась плата за ученіе. Лишь тридцать лѣтъ тому назадъ, послѣ весьма ожесточенной борьбы, наконецъ, восторжествовала система free schools, т.-е. безплатнаго обученія на всѣхъ ступеняхъ. Во главѣ движенія за безплатное обученіе шелъ штатъ Пенсильванія. Въ штатѣ Коннектикутъ результаты отъ введенія дарового обученія превзошли самыя смѣлыя ожиданія: въ 1870 г. число учащихся въ школахъ, согласно отчетамъ государственнаго секретаря, увеличилось на 6000 человѣкъ, въ 1871 году на 11952. Нѣчто подобное замѣчено было и въ прочихъ штатахъ федераціи. Впрочемъ, полной безплатности обученія еще не достигнуто во в с ѣ х ъ школахъ; изъятіе составляютъ мѣстами нѣкоторыя высшія народныя школы, а также пришлые элементы, т.-е. дѣти, родители которыхъ не имѣютъ осѣдлости въ предѣлахъ даннаго штата. Съ этихъ дѣтей плата за право ученія взимается безусловно, и самый пріемъ ихъ въ мѣстныя школы производится лишь при наличности свободныхъ вакансій. Впрочемъ, плата со всѣхъ учениковъ взимается теперь только на побережьѣ Тихаго океана, являясь, по словамъ Е. П. Ковалевскаго, въ остальной части Соединенныхъ Штатовъ «анахронизмомъ»**). Кромѣ дарового обученія, въ Соединенныхъ Штатахъ широко распространенъ, а мѣстами даже узаконенъ школьными законами другой способъ безплатности начальнаго образованія.

*) За сто лѣтъ Союзомъ было роздано на народное образованіе около 150000000 акровъ земли, т.-е. пространство, равное площади Франціи, Бельгіи и Швейцаріи, взятымъ вмѣстѣ. Срв Е. Ковалевскій, l. c., p. 84.

**) Въ Портлэндѣ плата установлена въ размѣрѣ 5 долларовъ за семестръ (10 недѣль) въ начальныхъ, $7^1/_2$ долларовъ въ грамматическихъ среднихъ) и 10 долларовъ въ высшихъ народныхъ школахъ.

Мы имѣемъ здѣсь въ виду обычай снабженія всѣхъ учениковъ даровыми книгами, тетрадями, карандашами и прочими учебными пособіями. Вдобавокъ бѣднѣйшія дѣти получаютъ иногда (напр., въ Колорадо) еще даровую одежду или деньги на ея обзаведеніе.

Чтобы покончить съ финансовой стороной дѣла, упомянемъ здѣсь, что во всѣхъ штатахъ введены школьные налоги на содержаніе школъ, отопленіе, освѣщеніе ихъ, наемъ педагогическаго персонала, а также жалованье администраціи или инспекторамъ. Другими источниками содержанія школъ служатъ спеціальные подушные или правительственные налоги, поступленія изъ постоянныхъ фондовъ, а также изъ другихъ источниковъ (пожертвованія, аренда за землю и т. п.). Эти-то поступленія и образуютъ въ настоящее время ту колоссальную сумму почти въ полмилліарда рублей, которую ежегодно тратятъ С.-А. Соединенные Штаты на народное образованіе. Такимъ образомъ, при населеніи въ 70 милліоновъ душъ, на каждаго жителя приходится почти по 30 долларовъ по статьѣ народнаго образованія ежегодно, что нѣсколько менѣе, чѣмъ въ 15 разъ, превосходитъ то, что приходится на одного англичанина ($2^1/_4$ доллара). По этому разсчету Россіи приходилось бы тратить въ годъ на нужды народнаго образованія ровно одинъ милліардъ рублей.

Переходя затѣмъ къ дѣлу административной организаціи школьнаго дѣла въ Сѣв. Америкѣ, укажемъ на полную самостоятельность въ этомъ дѣлѣ каждаго отдѣльнаго штата и на совершенное отсутствіе централизаціи. Только въ 1867 году былъ учрежденъ особый федеральный департаментъ народнаго просвѣщенія; но уже въ 1869 г. онъ былъ включенъ въ составъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ видѣ особаго «бюро воспитанія» (Board of education). Начальникомъ его является commissioner of education, который утверждается въ своей должности президентомъ. При немъ состоитъ небольшая канцелярія (изъ 32 человѣкъ), въ которой, главнымъ образомъ, концентрируется весь статистическій матеріалъ по дѣлу народнаго образованія не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ другихъ странахъ Америки и Европы. Статистическій матеріалъ этотъ тщательно разрабатывается и является потомъ основою для цѣлаго ряда подчасъ чрезвычайно цѣнныхъ монографій какъ по общимъ, такъ и по частнымъ педагогическимъ вопросамъ. Монографіи эти печатаются затѣмъ въ количествѣ до 25000 экземпляровъ каждая и безвозмездно разсылаются всюду всѣмъ интересующимся школьнымъ дѣломъ. Названное бюро имѣетъ своихъ постоянныхъ корреспондентовъ во всѣхъ странахъ міра. На изданія бюро ежегодно отпускается до 1200000 рублей; самъ же завѣдующій пользуется скромнымъ содержаніемъ въ 3000 долларовъ въ годъ. Работа его, однако, не только чисто-статистическая.

канцелярская: въ качествѣ представителя «Національнаго общества воспитанія» онъ читаетъ доклады по разнымъ педагогическимъ вопросамъ на школьныхъ съѣздахъ, бывающихъ разъ въ году. Доклады эти иногда поступаютъ на утвержденіе конгресса, становясь затѣмъ уже законами по школьному дѣлу. Хотя завѣдующій бюро и пользуется среди педагоговъ огромнымъ авторитетомъ, однако, онъ отнюдь не является ихъ начальникомъ: онъ можетъ давать имъ лишь совѣты, которые тѣ вольны принимать или отвергать. Зато учителя и учительницы находятся въ полной зависимости не только отъ администраціи штата, гдѣ находится ихъ школа, а въ еще бо́льшей отъ школьной администраціи даннаго округа или участка. Въ административномъ отношеніи отдѣльные штаты дѣлятся послѣдовательно на графства, округи и участки. Въ каждомъ штатѣ имѣется такъ называемый суперинтендентъ, стоящій во главѣ штатнаго школьнаго комитета, которому подвѣдомственны всѣ школы даннаго штата и который имѣетъ въ своихъ рукахъ общее руководство и надзоръ за народнымъ просвѣщеніемъ. Въ графствахъ управленіе школами сосредоточивается въ рукахъ отчасти общей администраціи, главнымъ же образомъ инспектора школъ. Мѣстная организація сосредоточивается въ школьныхъ комитетахъ, районъ дѣятельности которыхъ охватываетъ то сельскій округъ, то школьный участокъ съ одною только школою *). «Центръ тяжести всего школьнаго дѣла,—пишетъ Е Ковалевскій (l. c., p. 42),—находится пока въ мѣстныхъ комитетахъ, непосредственно завѣдывающихъ хозяйственною частью училищъ и имѣющихъ право выбора учителей, и въ сходкахъ гражданъ, могущихъ, путемъ самообложенія, достать нужныя для содержанія школы деньги. Права комитета и сходки не дарованы центральнымъ правительствомъ, а присущи имъ въ силу историческихъ условій и лишь позднѣе были узаконены». Суперинтенденты не имѣютъ никакой принудительной власти и вліяніе ихъ на ходъ школьнаго дѣла чисто-нравственнаго свойства. Иногда у суперинтендентовъ есть помощники въ лицѣ нѣсколькихъ спеціалистовъ (по гигіенѣ, архитектурѣ и т. д.). Города приравниваются къ школьнымъ округамъ и имѣютъ своихъ отдѣльныхъ суперинтендентовъ, которые, живя въ городѣ, скорѣе и чаще могутъ посѣщать мѣстныя школы и вліять на ходъ дѣла въ нихъ. Въ большихъ городахъ дѣло это нерѣдко отличается большою сложностью. Первымъ суперинтендентомъ въ образцовомъ по постановкѣ школьнаго дѣла штатѣ Массачузетсѣ былъ знаменитый педагогъ Горацій

*) Система участковъ, какъ доводящая школьное дѣло до крайней децентрализаціи, понемногу начинаетъ упраздняться; остаются одни лишь школьные округа.

Маннъ, умершій въ 1859 году американскій Несталоцци. Какъ уже сказано, въ распоряженіи суперинтендента или комиссара по народному образованію находится цѣлая канцелярія, называющаяся комитетомъ (State board of education). Комитетъ этотъ управляетъ школьными землями и капиталами, вырабатываетъ и издаетъ школьные законы, заботится о педагогической подготовкѣ учителей и имѣетъ общее наблюденіе за ходомъ народнаго образованія въ штатѣ. Въ составъ комитетовъ входятъ члены высшей администраціи, начальники учебныхъ заведеній, выборные отъ педагогическихъ совѣтовъ и, наконецъ, самъ суперинтендентъ. Комитету въ общемъ принадлежитъ надзоръ и контроль надъ всѣми учебными заведеніями штата. Въ графствахъ учреждены должности завѣдывающихъ или инспекторовъ школъ графствъ. Лица эти непосредственно подчинены суперинтенденту штата и комитету. Срокъ ихъ службы (бо́льшею частью выборной) колеблется отъ 2 до 4 лѣтъ. Функціи ихъ въ сущности тѣ же, что и у штатныхъ суперинтендентовъ, только ограничены рамками графства. Наконецъ, низшей административной единицей является комитетъ школьнаго округа. Въ составъ его входятъ обыкновенно выборный предсѣдатель, онъ же и ближайшій инпекторъ, и начальство школьныхъ учителей, и вольнонаемные (въ большинствѣ случаевъ) казначей и секретарь. Предсѣдатель выбирается всѣмъ взрослымъ и правоспособнымъ населеніемъ округа на срокъ отъ одного года до трехъ лѣтъ и облекается довольно обширною властью. Онъ приглашаетъ учительскій персоналъ, распоряжается школьными денежными средствами, сдаетъ въ аренду школьныя земли и обязанъ извѣстное число разъ въ году инспектировать училища, провѣрять учителей, общаться съ родителями учащихся; ему предоставлена даже дисциплинарная власть въ школѣ, такъ какъ онъ имѣетъ право налагать на учащихся разныя взысканія вплоть до увольненія включительно. Изъ этого одного мы уже видимъ, насколько неосновательенъ упрекъ, часто дѣлаемый американской школѣ, въ отсутствіи надлежащаго надзора за учащими и въ возможности полнаго съ ихъ стороны произвола. Напротивъ, здѣсь возможенъ упрекъ скорѣе въ обратномъ смыслѣ: слишкомъ ужъ великъ надзоръ за школою, такъ какъ, по установившимся въ Америкѣ обычаямъ, свободный входъ въ нее во время преподаванія открытъ не только родителямъ учащихся, но и всякому постороннему лицу, интересующемуся дѣломъ преподаванія. Организація и администрація школьнаго дѣла въ городахъ приравнивается къ устройству его въ отдѣльныхъ школьныхъ округахъ, причемъ чаще всего во главѣ мѣстнаго комитета стоитъ самостоятельный городской суперинтендентъ съ иногда весьма обширною, по нашимъ понятіямъ почти министерскою компетенціею. Въ одномъ, напримѣръ, Нью-Іоркѣ суперинтен-

денту подчинена цѣлая армія школьныхъ инспекторовъ (114 человѣкъ), выбираемыхъ на три года.

Такъ какъ, по мнѣнію Левассера, американская общественная школа является на всемъ протяженіи Союза такою формою, въ которую вливаются самые разнородные элементы, но откуда долженъ выходить одинъ только сортъ людей—американцы, проникнутые идеею своей новой родины и готовые служить ея интересамъ, то, при всемъ разнообразіи частностей въ общихъ своихъ чертахъ, всѣ школы всѣхъ штатовъ и городовъ Сѣверной Америки отличаются удивительнымъ единообразіемъ своего характера. Кромѣ того, рѣшительно во всѣхъ нихъ поражаетъ сравнительная полнота программы. Въ общемъ, американскія народныя школы раздѣляются на три, вѣрнѣе, четыре разряда, если включить сюда особенно за послѣднія 25 лѣтъ широко развившіеся такъ называемые дѣтскіе сады. Въ этихъ подготовительныхъ учрежденіяхъ, куда принимаются дѣти уже съ 3-лѣтняго возраста, главное и исключительное вниманіе обращено на воспитаніе. Однако, до сихъ поръ, несмотря на полное сочувствіе общества къ дѣтскимъ садамъ, что видно изъ статистическихъ данныхъ о послѣднихъ *), учебныя заведенія эти въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ все еще содержатся на частныя средства. Существуетъ цѣлый рядъ обществъ и ассоціацій (въ Бостонѣ, Санъ-Луи, Санъ-Франциско, Индіанополисѣ, Луисвиллѣ, Цинциннати, Чикаго, Нью-Іоркѣ, Филадельфіи, Саратогѣ и др.), задавшихся симпатичною цѣлью подготовлять въ спеціальныхъ учебныхъ заведеній фребелечекъ. Ассоціація въ Саратогѣ носитъ даже международный характеръ.

Собственно народныя училища раздѣляются на двѣ обширныя категоріи, школъ регулярныхъ (graded schools) и иррегулярныхъ (ungraded schools), смотря по тому, какъ организованы онѣ. Иррегулярныя школы встрѣчаются только въ мѣстностяхъ съ очень разбросаннымъ сельскимъ населеніемъ, не могущимъ устроить настоящую, хорошо поставленную школу съ постояннымъ педагогическимъ персоналомъ. Школы эти носятъ амбулаторный характеръ и отличаются тѣмъ, что какъ учителя, такъ и учащіеся въ нихъ набираются случайно (бываетъ, что рядомъ съ 8-лѣтними дѣтьми одному и тому же предмету въ одномъ и томъ же помѣщеніи обучаются 18—19-тилѣтніе молодые люди и дѣвушки), и что въ нихъ отсутствуетъ сколько-нибудь опредѣленная программа. Graded schools, въ свою очередь, распадаются на три разряда: школы элементарныя (primary schools),

*) Въ настоящее время число дѣтскихъ садовъ въ Сѣв. Америкѣ достигаетъ 6000 съ 2[illegible]000 дѣтей. Еще въ 1872 году число фребелевскихъ обществъ и ассоціацій для развитія дѣтскихъ садовъ равнялось 125.

грамматическія (grammar schools) и высшія народныя училища (high schools). Курсъ въ первыхъ двухъ категоріяхъ школъ обыкновенно разсчитанъ на 8 лѣтъ, лишь изрѣдка продолжаясь 9 лѣтъ, чаще же всего ограничиваясь 7 и даже 6 годами. Такимъ образомъ, поступая въ начальную школу 7 лѣтъ, учащійся свободно оканчиваетъ ее къ 14-15-лѣтнему возрасту и уже такъ рано можетъ посвятить себя практической дѣятельности. Здѣсь слѣдуетъ принять во вниманіе еще то обстоятельство, что переходъ изъ класса въ классъ во всѣхъ школахъ Соединенныхъ Штатовъ отнюдь не обусловливается непремѣнно сидѣніемъ въ каждомъ классѣ по году, а можетъ совершаться, при прилежаніи и особенно блестящихъ способностяхъ учащихся, и раньше, именно чрезъ каждые полгода. Кромѣ того, не возбраняется за разъ проходить курсъ въ нѣсколькихъ классахъ, если только позволяетъ время*). Успѣшному ходу преподаванія въ элементарныхъ народныхъ школахъ Сѣверной Америки способствуетъ, между прочимъ и то, что въ большихъ городахъ для отсталыхъ и малоспособныхъ дѣтей устраиваются либо отдѣльныя школы, либо особые классы, такъ что общій уровень учащихся въ обыкновенныхъ начальныхъ городскихъ школахъ можетъ считаться выше среднимъ**). Хотя, по закону, между городскими и сельскими народными школами нѣтъ никакой разницы, но на практикѣ все-таки замѣчается огромное различіе: въ городскихъ школахъ и курсъ продолжительнѣе, и учителя лучше, да и посѣщеніе школъ учащимися регулярнѣе, чѣмъ въ сельскихъ мѣстностяхъ. Тѣмъ не менѣе, какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ программы обученія, хотя и не нормированы закономъ, довольно обширны и, главное, проходятся весьма тщательно и добросовѣстно. Такъ какъ грамматическія школы тѣсно связаны съ элементарными, составляя въ сущности ихъ естественное продолженіе, то мы и не будемъ дробить здѣсь отдѣльныхъ частей программы учебныхъ предметовъ, преподаваемыхъ въ американскихъ народныхъ школахъ первыхъ двухъ разрядовъ (primary and grammar schools), а приведемъ перечень ихъ цѣликомъ. Предметы эти слѣдующіе: чтеніе, письмо, правописаніе, грамматика, ариѳметика, географія и исторія Штатовъ, пѣніе, рисованіе, гимнастика, культура голоса, англійская литература,

*) Такимъ образомъ, сплошь-и-рядомъ болѣе способные ученики проходятъ курсъ элементарной и грамматической школъ въ 6 лѣтъ. При существованіи разряда полдневныхъ и вечернихъ классовъ, о которыхъ рѣчь будетъ ниже, это не такъ трудно.

**) Для дѣтей, систематически уклоняющихся отъ посѣщенія школьныхъ занятій, существуютъ особаго типа исправительныя учебныя заведенія, такъ наз. truant schools, на которыхъ мы здѣсь, однако, не можемъ останавливаться.

англійская исторія, естественныя науки, физика, алгебра, физическая географія, физіологія, геометрія, землемѣріе, счетоводство, астрономія, общая исторія, очеркъ конституціи и законовѣдѣнія, нѣмецкій языкъ (для дѣвушекъ шитье, кройка и домоводство). Какъ видно изъ этого перечня, Законъ Божій отсутствуетъ вовсе, что и вполнѣ нормально въ странѣ, гдѣ существуетъ такое огромное обиліе разныхъ сектъ, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Исключеніе составляетъ Аляска, гдѣ, какъ мы видѣли выше, на стр. 29, имѣется рядъ спеціально миссіонерскихъ школъ. Съ цѣлью дать учащимся возможность получить религіозное образованіе въ американскихъ школахъ обыкновенно нѣтъ занятій по субботамъ и воскресеньямъ; эти дни предоставлены учащимся для посѣщенія уроковъ Закона Божія у законоучителей на дому и для присутствованія на богослуженіи *). Во многихъ школахъ, впрочемъ, практикуется предъ началомъ ученія чтеніе отрывка изъ Библіи, однако безъ всякихъ комментаріевъ. Принимая во вниманіе отсутствіе какихъ-либо стѣсненій въ формѣ и методахъ преподаванія, мы не удивимся, прочитавъ у П. Г. Мижуева (l. c., p. 627) слѣдующее: «Ученики, — пишетъ суперинтендентъ чикагскихъ школъ, — которые учились въ общественныхъ школахъ Чикаго или какого-либо изъ главныхъ городовъ Соединенныхъ Штатовъ и закончили полный курсъ элементарной школы, пріобрѣли способность разумно слѣдить за жизнью и литературой своего времени. Въ школѣ они изучали исторію открытія и заселенія Америки, а также и тѣ факты, которые привели къ объявленію независимости американскихъ колоній и принятію конституціи Соединенныхъ Штатовъ. Они ознакомились съ развитіемъ существующей въ Америкѣ финансовой и банковой системы, равно какъ и съ исторіей расширенія территоріи республики; они узнали, какіе великіе нравственные вопросы послѣдовательно волновали американскій народъ и наполнили его исторію. Они ознакомились въ школѣ съ организаціей правительственныхъ властей какъ союза, такъ и штата, города, графства и сельскаго округа; они узнали, въ чемъ заключаются права и обязанности американскаго гражданина... Они ознакомились съ географіей всего міра, съ данными о климатѣ, естественныхъ произведеніяхъ и народахъ разныхъ странъ, о культурномъ состояніи разныхъ народовъ и ихъ коммерческихъ отношеніяхъ. Они узнали, гдѣ и въ какомъ количествѣ добываются уголь, желѣзо, мѣдь, серебро, золото, въ какихъ странахъ производятъ особенно много

*) Во Франціи съ этою же цѣлью учащіеся въ общихъ учебныхъ заведеніяхъ освобождаются отъ посѣщенія классовъ по четвергамъ. Понятно, это не касается ни конгрегаціонныхъ, ни высшихъ учебныхъ заведеній.

зерновыхъ продуктовъ, фруктовъ и овощей, гдѣ особенно развито скотоводство и т. п. Они выучились, далѣе, элементамъ математики и могутъ примѣнить свои знанія ко всѣмъ нуждамъ повседневной жизни; они понимаютъ, напримѣръ, газетныя свѣдѣнія о состояніи рынка и биржи, основанія страхованія и кредитныхъ операцій: они знаютъ вѣсы и мѣры, которыми опредѣляются цѣнности... Уроки рисованія развили въ нихъ художественный вкусъ, такъ что они сумѣютъ оцѣнить степень изящества собственной или чужой работы. Наконецъ, они выучились разсуждать логически и выражать свои мысли простымъ и яснымъ языкомъ». «Сомнѣваться—пишетъ далѣе г. Мижуевъ уже отъ себя—въ правильности этого отзыва нельзя какъ потому, что въ Америкѣ всякіе оффиціальные документы подвергаются критикѣ всевидящей и всеслышащей прессы, такъ и потому, что двери американскихъ общественныхъ школъ всегда для всѣхъ широко открыты. Безъ риска преувеличенія можно сказать, что въ лучшихъ случаяхъ (т.-е. въ тѣхъ американскихъ городахъ, гдѣ, какъ, напр., въ Чикаго, Бостонѣ, С.-Франциско, Филадельфіи, всего лучше поставлена элементарная школа) 14—15-лѣтніе молодые люди знаютъ больше, чѣмъ тѣ лица, которыя въ Россіи считаются правоспособными къ учительской дѣятельности въ народныхъ школахъ».

Насъ поражаютъ не только программы начальныхъ американскихъ школъ, но и общее устройство послѣднихъ. Нигдѣ въ мірѣ мы не найдемъ, правда, за весьма малыми исключеніями, такихъ грандіозно-роскошныхъ школьныхъ зданій, изобилующихъ свѣтомъ и воздухомъ, такихъ обширныхъ классовъ, такой великолѣпной классной мебели, такихъ превосходныхъ учебныхъ пособій, какъ въ Сѣверной Америкѣ. Обученіе обоихъ половъ совмѣстное, причемъ въ общемъ это общеніе не только не вредно, но даже отзывается облагораживающимъ образомъ на характерѣ мальчиковъ и молодыхъ людей. Всюду и во всемъ царятъ образцовый порядокъ, корректность, выдержанность и, если можно такъ выразиться, сильное чувство собственнаго достоинства. Поэтому-то и наказанія въ американскихъ школахъ почти не находятъ примѣненія.

Въ виду огромнаго наплыва учащихся, а также принципа time is money (время—деньги) въ школьныхъ помѣщеніяхъ Америки занятія происходятъ круглый день, съ утра до вечера. Утромъ, до полудня, здѣсь занимается главная масса учащихся, уступающая затѣмъ, послѣ полудня, свое мѣсто новой смѣнѣ учениковъ, которые почему-нибудь (напр., по занятію родителей или даже по собственной своей службѣ, въ родѣ газетчиковъ, разсыльныхъ и т. п.) сами бываютъ заняты по утрамъ; наконецъ, вечеромъ тѣ же школьныя помѣщенія обслуживаютъ посѣтителей и посѣтительницъ такъ называемыхъ вечернихъ классовъ.

Составъ учащихся здѣсь весьма разнороденъ; главный контингентъ ихъ состоитъ изъ эмигрантовъ и ихъ дѣтей, стремящихся изучить незнакомый и столь нужный имъ въ ихъ новомъ отечествѣ англійскій языкъ.

Рядомъ съ общераспространенными публичными народными училищами, о которыхъ рѣчь была выше, въ С.-А. Соединенныхъ Штатахъ имѣется еще цѣлый рядъ школъ конфессіональныхъ (напримѣръ, въ южныхъ штатахъ), содержимыхъ на частныя средства разныхъ духовныхъ конгрегацій, и миссіонерскихъ (напримѣръ, въ Аляскѣ). Организація ихъ, впрочемъ, близко примыкаетъ къ общеамериканской, и здѣсь мы удовлетворимся лишь упоминаніемъ объ ихъ существованіи *). Интереснѣе вопросъ о школахъ для цвѣтнокожихъ. Несмотря на весь либерализмъ американцевъ и ихъ конституціи, далеко не вездѣ негры, индѣйцы и ихъ потомки, мулаты и метисы, допускаются въ общія школы наравнѣ съ дѣтьми бѣлокожими. Изъ общаго количества $2^1/_2$ милліоновъ цвѣтныхъ дѣтей только 60% записаны въ общественныхъ школахъ; остальные 40% посѣщаютъ спеціальныя школы для негровъ и индѣйцевъ. Пользуемся случаемъ, чтобы напомнить здѣсь читателямъ о замѣчательномъ дѣятелѣ по распространенію образованія какъ общаго, такъ и профессіональнаго среди негровъ, Букерѣ Томасѣ Вашингтонѣ, автобіографія котораго, имѣющаяся на всѣхъ языкахъ, появилась недавно и въ русскомъ переводѣ. По отзывамъ компетентныхъ лицъ, основаннымъ на статистическихъ данныхъ, цвѣтнокожіе значительно уступаютъ бѣлокожимъ въ смыслѣ общаго развитія, зато весьма замѣтно опережаютъ ихъ въ ручномъ трудѣ и вообще въ прикладныхъ знаніяхъ, базирующихъ на практической почвѣ. Такъ, напримѣръ, на долю слушателей-цвѣтнокожихъ въ 25 негрскихъ университетахъ и колледжахъ больше всего приходится лицъ, изучающихъ медицину. Въ Индѣйской территоріи, имѣющей индѣйское населеніе въ 75000 душъ, устроено до 220 начальныхъ и среднихъ школъ съ 10000 учащимися. Кромѣ того, имѣется чирокезская женская учительская семинарія (съ обученіемъ латинскому языку), индѣйскій университетъ въ Мескоджи и рядъ сельскохозяйственныхъ и нормальныхъ школъ въ разныхъ штатахъ.

---

*) Американцы въ общемъ относятся несочувственно къ частнымъ учебнымъ заведеніямъ, не безъ основанія опасаясь всякаго сепаратизма. Зато сторонники частной инициативы указываютъ на опасность шаблона и рутины въ школьномъ дѣлѣ, которымъ легко подвержены общественныя школы, тогда какъ конкуренція, неизбѣжно играющая роль въ частныхъ школьныхъ предпріятіяхъ, можетъ лишь благотворно отразиться какъ на характерѣ преподаванія, такъ и на широтѣ задачъ, которыя ставитъ себѣ частный предприниматель.

Какъ мы упоминали выше, великая заатлантическая республика—единственная пока страна въ мірѣ, гдѣ въ жизнь проведенъ принципъ единства школы во всѣхъ ея видахъ. А такъ какъ высшія народныя школы (high schools), служащія естественнымъ продолженіемъ школъ «грамматическихъ», ведутъ къ поступленію въ высшія учебныя заведенія (колледжи и университеты) съ одной стороны, съ другой же—тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ низшею, начальною школою, являясь ея органическимъ дополненіемъ, то и вопросъ объ учительскомъ персоналѣ народныхъ школъ трехъ категорій (элементарныхъ, грамматическихъ и высшихъ) будетъ нами разсмотрѣнъ по окончаніи обозрѣнія состоянія средняго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Опять-таки недостатокъ мѣста заставляетъ насъ отослать всѣхъ интересующихся историческимъ развитіемъ дѣла средняго образованія въ Сѣв. Америкѣ къ уже цитированной книгѣ Е. П. Ковалевскаго «Народное образованіе въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣв. Америки». Тамъ, на стр. 187—230, они найдутъ живо написанный «Очеркъ развитія и современнаго состоянія средняго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ» П. Г. Мижуева. Здѣсь мы должны ограничиться лишь нѣсколькими общими штрихами.

Вся цѣль образованія, даваемаго Соединенными Штатами подрастающему поколѣнію, можетъ быть характеризована какъ чисто-утилитарная. Сообразно съ этимъ и высшая народная школа дѣлится на разряды, смотря по тому, что думаетъ по окончаніи ея курса дѣлать учащійся въ ней. Если онъ имѣетъ средства поступить въ университетъ или другое высшее учебное заведеніе, то ему слѣдуетъ выбрать такъ называемое академическое или классическое отдѣленіе (academian department), такъ какъ при поступленіи въ большинство университетовъ требуется сдача экзамена по древнимъ языкамъ (правда, въ довольно скромныхъ объемахъ). Если онъ чувствуетъ тяготѣніе къ полученію высшаго профессіональнаго или техническаго образованія, учащійся (или учащаяся) избираетъ отдѣленіе естественно-научное (scientific или general department), которое можетъ называться и латинско-научнымъ (latin-scientific), если учащійся вздумаетъ замѣнить прохожденіе курса новыхъ языковъ языкомъ латинскимъ. Наконецъ, для лицъ, имѣющихъ въ виду посвятить себя практической, т.-е. торгово-промышленной дѣятельности, имѣется еще отдѣленіе практическое (business department). Какъ составъ предметовъ, такъ и методы преподаванія, такъ, наконецъ, и объемы курсовъ отнюдь не строго опредѣлены; правда, предметы дѣлятся на обязательные и необязательные, равно какъ и учащіеся распадаются на «регулярныхъ» (classified) и «вольныхъ» (special students), соотвѣтствующихъ въ нѣкоторой степени нашимъ вольнослушателямъ и вольнослушательницамъ. Такъ какъ при

поступленіи въ высшія учебныя заведенія требуется сдача спеціальнаго экзамена, то дипломы не играютъ въ высшихъ народныхъ школахъ никакой роли, имѣя лишь нѣкоторое значеніе для лицъ, оканчивающихъ практическое отдѣленіе. Равнымъ образомъ и курсъ ученія не строго опредѣленъ: въ первыхъ двухъ категоріяхъ высшихъ народныхъ школъ (на отдѣленіяхъ академическомъ и естественно-научномъ) онъ продолжается отъ 3 до 4, на практическомъ—отъ 2 до 3 лѣтъ. Въ виду этого мы тщетно стали бы искать единообразія въ программахъ и распредѣленіи предметовъ высшихъ народныхъ школъ. Конечно вездѣ на первомъ планѣ стоятъ англійскій языкъ и его литература, а затѣмъ уже выборъ остальныхъ предметовъ большею частью предоставляется на усмотрѣніе самихъ учащихся. Здѣсь мы ограничимся лишь указаніемъ на то, что въ high schools преподаются, между прочимъ, слѣдующіе предметы, кромѣ общеобразовательныхъ: физіологія, политическая экономія, топографія, ботаника, химія, минералогія, дополнительные отдѣлы физики, бухгалтерія и коммерческая ариѳметика, законовѣдѣніе и торговое право, не говоря уже объ языкахъ латинскомъ, греческомъ, нѣмецкомъ и французскомъ. Правда, на взглядъ многихъ европейскихъ, особенно нѣмецкихъ педагоговъ, объемы курсовъ предметовъ, читаемыхъ въ американскихъ high schools, очень невелики (въ этомъ отношеніи упрека заслуживаютъ крайне скудныя требованія по древнимъ языкамъ), но это объясняется неоднородностью подготовки, требуемой для поступленія въ тотъ или другой колледжъ или университетъ. Вообще, многое удивляетъ европейца въ высшей американской народной школѣ; здѣсь на первомъ планѣ нужно упомянуть объ идеальной дисциплинѣ, царящей тамъ и являющейся прямымъ результатомъ высоко развитаго у самихъ учащихся чувства собственнаго достоинства, о благотворномъ дѣйствіи совмѣстнаго обученія обоихъ половъ и, наконецъ, о томъ, что въ общемъ число учащихся въ high schools дѣвушекъ значительно превосходитъ число мальчиковъ. Послѣднее находитъ себѣ объясненіе въ томъ, что большинству юныхъ американцевъ приходится ограничиваться прохожденіемъ курса въ грамматической школѣ, такъ какъ жизнь рано зоветъ ихъ на практическую арену самостоятельнаго добыванія куска хлѣба.

Какъ поставленъ педагогическій персоналъ низшихъ и среднихъ американскихъ школъ? Съ точки зрѣнія соціальной хорошо, съ служебной же, къ сожалѣнію, весьма незавидно. Дѣло въ томъ, что децентрализація, достигшая въ американскомъ школьномъ дѣлѣ прямотаки апогея, отражается самымъ пагубнымъ образомъ на учащемъ персоналѣ. Въ виду того, что назначеніе на учительскія мѣста почти всецѣло зависитъ отъ усмотрѣнія мѣстныхъ или окружныхъ школь-

ныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ попадаютъ люди нерѣдко безъ всякаго образовательнаго ценза, здѣсь открыто обширное поле для разнаго рода произвола. Съ другой стороны, для поступленія въ учителя и учительницы элементарныхъ и грамматическихъ школъ отнюдь не требуется окончанія какого-либо спеціальнаго педагогическаго учебнаго заведенія, а лишь свидѣтельство одного изъ 3 разрядовъ на право преподаванія, получаемое либо отъ суперинтендента, либо отъ инспектора графства, либо отъ (нерѣдко невѣжественнаго) мѣстнаго комитета. При этомъ подобныя свидѣтельства, въ сущности удостовѣряющія лишь знакомство кандидата или кандидатки съ курсомъ элементарной или грамматической школы, носятъ всегда временный характеръ, имѣя силу отъ 6 мѣсяцевъ до 5 лѣтъ. Его приходится поэтому постоянно возобновлять путемъ добавочныхъ экзаменовъ или переэкзаменовокъ. Кромѣ того, подобныя свидѣтельства годны лишь въ предѣлахъ того штата, гдѣ они выданы. Все это самымъ гибельнымъ образомъ отражается на педагогическомъ персоналѣ. Еще хуже то, что послѣдній назначается всегда по частному контракту на срокъ не долѣе одного года и можетъ быть въ любое время уволенъ по требованію инспекціи, суперинтендента или школьнаго комитета. Такое ненормальное явленіе, въ связи съ довольно низкими, по англійскимъ понятіямъ, окладами учительскаго содержанія и полнымъ отсутствіемъ какихъ-либо пенсій на случай инвалидности или на старость, ведетъ за собою весьма печальныя слѣдствія: 1) на учительство смотрятъ какъ на занятіе побочное, временное; 2) никто особенно не дорожитъ своимъ мѣстомъ, охотно мѣняя его, при случаѣ, либо на лучше оплачиваемое, либо на другую профессію; 3) не устанавливается никакой духовной связи между учащими и учащимися, и 4) мужчины почти совершенно отказываются отъ учительства, предоставляя заниматься этимъ дѣломъ дѣвушкамъ, которыя также посвящаютъ себя педагогической дѣятельности лишь временно, до выхода замужъ *). Если затѣмъ принять во вниманіе, съ одной стороны, чрезвычайную требовательность школьныхъ комитетовъ, инспекторовъ и родителей учащихся, полную матеріальную необезпеченность учащихъ—съ другой стороны, то станетъ понятнымъ, почему въ настоящее время 75% всѣхъ учительскихъ вакансій занято женскимъ персоналомъ, въ большинствѣ случаевъ усматривающимъ въ этомъ занятіи лишь временный жизненный этапъ. Жалованье учителямъ опредѣляется, въ среднемъ, въ 42 доллара 43 цента въ мѣсяцъ, учительницамъ же въ 34 доллара 27 центовъ въ сельскихъ школахъ. Въ городахъ, въ среднемъ, эта ставка

*) Замужнимъ преподаваніе въ какихъ бы то ни было американскихъ школахъ возбраняется.

удваивается. При этомъ ни учителя, ни учительницы, ни лица, завѣдующія школами, не пользуются квартирою, не получая также квартирныхъ денегъ. Если принять во вниманіе, что въ Америкѣ мастеровой или рабочій легко зарабатываетъ по 60—80 долларовъ въ мѣсяцъ, то низкій уровень содержанія американскихъ народныхъ учителей и учительницъ выяснится еще рельефнѣе. Къ тому же за всякое опозданіе на уроки, за всякій пропускъ ихъ (даже по уважительной причинѣ въ родѣ болѣзни) дѣлаются вычеты изъ скуднаго содержанія. Съ другой стороны, законодательства отдѣльныхъ штатовъ требуютъ отъ учащихъ обязательной выписки (на собственныя средства) хотя бы одного педагогическаго журнала, отчета въ прочтеніи содержащихся въ немъ статей, посѣщенія другихъ школъ для ознакомленія съ ходомъ преподаванія въ нихъ, участія въ педагогическихъ комитетахъ и, главное, обязательнаго участія въ періодически устраиваемыхъ учительскихъ курсахъ (teachers institutions), длящихся отъ 6 дней до 4 недѣль ежегодно въ продолженіе лѣтнихъ мѣсяцевъ. Было бы, однако, большою несправедливостью утверждать, что подобное положеніе учительскаго персонала считается лучшими американскими педагогами нормальнымъ. Напротивъ, цѣлый рядъ выдающихся общественныхъ дѣятелей (Горацій Манъ, Стэнли Холль, Джэмсъ Картеръ, Е. А. Шельдонъ и др.) еще съ средины прошлаго вѣка громко высказывались за необходимость радикальнаго измѣненія дѣла въ этой области. Подъ вліяніемъ изученія вопроса о подготовкѣ учителей въ Европѣ, особенно въ Германіи, постепенно, съ огромными затрудненіями, была проведена въ жизнь реформа. Сознавъ необходимость всесторонней, а, главнымъ образомъ, спеціально педагогической подготовки будущихъ народныхъ учителей и учительницъ, нѣкоторые американскіе штаты *) устроили у себя спеціально съ этою цѣлью «нормальныя школы», по программамъ своимъ почти соотвѣтствующія нашимъ учительскимъ институтамъ. Въ настоящее время въ Сѣверной Америкѣ существуетъ уже нѣсколько категорій постоянныхъ учебныхъ заведеній для приготовленія педагоговъ. Категоріи эти слѣдующія:

1) учительскіе и педагогическіе классы (training classes) при грамматическихъ и высшихъ школахъ; 2) учительскія школы въ городахъ и мѣстечкахъ (онѣ схожи съ нашими учительскими семинаріями); 3) правительственныя, т.-е. штатныя, городскія и частныя нормальныя

*) И тутъ штатъ Масачузетсъ шелъ впереди прочихъ штатовъ Союза. Основанная въ 1874 году нормальная школа въ Ворчестерѣ ввела у себя изученіе психологіи дѣтскаго возраста, курсъ психологіи, исторіи педагогіи, методики и дидактики («исторія, теорія и искусство преподаванія») и тѣмъ положила начало «новой эры для нормальныхъ школъ» Сѣверной Америки. Ср. Е. Ковалевскій, l. c., p. 275.

школы (normal schools, соотвѣтствующія нашимъ учительскимъ институтамъ). Эти учебныя заведенія съ весьма разнообразными и подчасъ крайне обширными программами предназначены готовить учащихъ въ элементарныхъ и грамматическихъ школахъ. Курсъ въ нихъ колеблется отъ одного до трехъ лѣтъ. Учебныя заведенія эти бо́льшею частью смѣшанныя и всегда лишены интернатовъ. Для подготовки спеціалистовъ по музыкѣ, живописи и ручному труду существуютъ особыя училища съ 2—3-лѣтнимъ курсомъ. Ручной трудъ, впрочемъ, введенъ также въ программу большинства нормальныхъ школъ. Наконецъ, для подготовки учителей въ высшихъ народныхъ школахъ устроены отдѣльныя высшія педагогическія заведенія или же имѣются педагогическіе факультеты при колледжахъ и университетахъ. Говорить о нихъ детально мѣшаетъ намъ недостатокъ мѣста; упомянемъ лишь попутно, что число нормальныхъ и т. п. школъ быстро растетъ, достигая уже солидной цифры 400 (въ томъ числѣ рядъ учебныхъ заведеній для цвѣтнокожихъ педагоговъ), и что преобладающимъ (до 75%) элементомъ въ нихъ являются слушательницы по причинамъ, нами выше уже отмѣченнымъ.

Цѣлямъ высшаго образованія служатъ такъ называемые колледжи и университеты; въ первые принимаются учащіеся обыкновенно въ 18—22-лѣтнемъ, во вторые—въ 22—25-лѣтнемъ возрастѣ. Такъ какъ въ Америкѣ нѣтъ единаго общаго устава для общеобразовательныхъ высшихъ заведеній, то и въ этой области школьнаго дѣла царитъ громадное разнообразіе. Начать съ того, что американскія высшія учебныя заведенія преслѣдуютъ не только чисто-идеальныя цѣли дать молодежи широкое общее, строго научное образованіе, но и стремятся, и притомъ на первомъ планѣ, подготовить ихъ къ практической дѣятельности. Благодаря этому американскіе колледжи и университеты носятъ въ нѣкоторомъ смыслѣ характеръ профессіональныхъ учебныхъ заведеній. Съ другой стороны, быстрый ростъ науки за послѣднія десятилѣтія и отвращеніе американцевъ ко всякому дилетантизму также повліяли на характеръ высшихъ учебныхъ заведеній, на программы и методы преподаванія въ нихъ, на отношенія между учащими и учащимися.

Система колледжей, заимствованная или, вѣрнѣе, привезенная колонистами изъ Старой Англіи въ Америку, послужила первымъ ядромъ введенныхъ въ Новомъ Свѣтѣ высшихъ учебныхъ заведеній. Такъ въ Англіи, колледжи, изъ которыхъ первый былъ основанъ въ Бостонѣ священникомъ Гарвардомъ въ 1636 г., представляли строго дисциплинированныя общежитія студентовъ, готовившихся, главнымъ образомъ, къ священнослужительской дѣятельности, подъ руководствомъ наставника воспитателей (tutors), помогавшихъ имъ въ приготовленіи къ

университетскимъ лекціямъ, а затѣмъ спеціальныхъ преподавателей, уже самостоятельно читавшихъ лекціи. Курсъ въ колледжѣ Гарварда продолжался четыре года и обнималъ первоначально почти исключительно богословскіе предметы. Затѣмъ, съ теченіемъ времени, жизнь и ея условія круто измѣнились въ Сѣверной Америкѣ, что не замедлило отразиться и на колледжѣ Гарварда и другихъ постепенно открывавшихся по образцу его въ разныхъ частяхъ Союза высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Въ кругъ преподаваемыхъ тамъ предметовъ были включены сперва математическія, а затѣмъ и естественно-историческія науки, и нѣкоторые изъ колледжей стали именоваться уже университетами, по существу своему не отличаясь, собственно говоря, отъ высшихъ классовъ закрытыхъ средне-учебныхъ заведеній Европы. Число ихъ постепенно возрастало въ связи съ образованіемъ новыхъ штатовъ, возникновеніемъ новыхъ городовъ и все сильнѣе сказывавшеюся потребностью въ спеціалистахъ по разнымъ отраслямъ знанія. Окончаніе междоусобной войны сѣверныхъ штатовъ съ южными ознаменовалось, между прочимъ, открытіемъ при колледжахъ, число которыхъ перевалило уже за 150, профессіональныхъ курсовъ, отдѣльныхъ «департаментовъ» или «школъ», куда чаще всего принимались лица, прошедшія общій (теоретическій) курсъ колледжа, такъ называемый «департаментъ или факультетъ искусствъ и наукъ или философіи и искусствъ», и получившія ученую степень баккалавра либо по словесному, либо по реальному отдѣленіямъ. Такимъ образомъ, при колледжахъ возникли отдѣльныя школы (или, по нашему, факультеты) богословія, правовѣдѣнія, медицины, земледѣлія, ветеринаріи, естествознанія, зубоврачебнаго искусства и даже музыки (съ курсомъ, примѣрно, нашихъ консерваторій). Конечно, не во всѣхъ университетахъ, какъ стали называться теперь такіе расширенные колледжи, открывались всѣ подобнаго рода «школы», а лишь такія, въ которыхъ по мѣстнымъ условіямъ ощущалась особенная необходимость. Для лицъ, желавшихъ детально изучить не только теоретически, но и глубоко-практически, ту или другую область знанія и имѣвшихъ первую ученую степень, открывались при колледжахъ или университетахъ еще особыя школы для обладающихъ учеными степенями баккалавра или магистра (master of arts или sciences). Оттуда, послѣ 3—4-лѣтнихъ весьма основательныхъ занятій подъ непосредственнымъ руководствомъ профессора, выходятъ ученые спеціалисты, получающіе, послѣ сдачи ряда весьма строго производимыхъ экзаменовъ и представленія самостоятельной научной работы, степень доктора той или другой отрасли знанія.

Такова въ самыхъ, конечно, общихъ чертахъ система высшаго образованія въ Соединенныхъ Штатахъ. Какъ видитъ читатель, она

характеризуется большимъ разнообразіемъ и весьма мало похожа на то, что мы подразумѣваемъ подъ университетскимъ, академическимъ образованіемъ. Она не похожа на наши порядки еще и въ другихъ отношеніяхъ: самый методъ преподаванія въ колледжахъ и университетахъ иной, чѣмъ у насъ, приближаясь тамъ скорѣе къ гимназическому (студенты опрашиваются на лекціяхъ, должны занимать разъ установленныя для каждаго изъ нихъ въ аудиторіи мѣста, обязаны представлять отъ родителей или заступающихъ ихъ мѣсто письменныя объясненія въ случаѣ неявки или опозданія на лекціи, могутъ обращаться къ профессорамъ за объясненіемъ того или другого вопроса, не сразу понятнаго имъ во время чтенія лекціи, и т. п.). Наконецъ отсутствіе мало-мальскаго единства въ организаціи колледжей и университетовъ, разница въ преслѣдуемыхъ каждымъ изъ нихъ цѣляхъ преподаванія и неоднородность требованій, предъявляемыхъ къ поступающимъ въ колледжъ или университетъ на вступительномъ экзаменѣ, все это, въ связи съ отсутствіемъ достаточнаго числа дѣйствительно хорошо подготовленныхъ профессоровъ, что, при огромномъ числѣ колледжей, вполнѣ естественно, заставляетъ признать, что американскія высшія учебныя заведенія сильно отличаются отъ европейскихъ академій, спеціальныхъ институтовъ и университетовъ, и притомъ не въ свою пользу. Благодаря щедрымъ пожертвованіямъ частныхъ лицъ и порою весьма значительной субсидіи изъ казначейства штатовъ, а также и отъ союзнаго правительства, колледжи и университеты Сѣверной Америки обставлены въ большинствѣ случаевъ прекрасно въ смыслѣ зданій и учебныхъ пособій. Но тамъ нѣтъ такой широкой системы разныхъ стипендій для учащихся, которыми столь выгодно отличается Россія предъ остальными странами. Плата за лекціи взимается также довольно солидная (отъ 10 до 200 долларовъ въ годъ), такъ что полученіе высшаго образованія въ Сѣверной Америкѣ—дѣло далеко не общедоступное.

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ имѣется около 425 колледжей и университетовъ, нерѣдко являющихся просто коммерческими предпріятіями. Изъ нихъ государственныхъ университетовъ только 28. Многіе изъ частныхъ колледжей предназначены исключительно для цвѣтнокожихъ. Въ 1839 году въ Массачузетсѣ былъ открытъ въ Южномъ Гедли госпожею Лайонъ первый женскій колледжъ съ программою, равною программѣ мужскихъ университетовъ. Встрѣченное первоначальное несочувственно обществомъ, предпріятіе это оказалось, однако, жизнеспособнымъ и послужило образцомъ для открытія цѣлаго ряда подобныхъ учрежденій. Въ началѣ 70-хъ годовъ, впрочемъ, двери большинства американскихъ университетовъ открылись и для женщинъ, и статистическія данныя, тщательно собирав-

шіяся въ теченіе многихъ десятилѣтій вышеупомянутымъ Board of education, съ убѣдительною ясностью доказали, что среди американокъ множество лицъ, значительно даже опередившихъ въ своей научной работѣ представителей непрекраснаго пола *).

Раньше, чѣмъ перейти къ заключительной главѣ нашей брошюры, мы считаемъ необходимымъ на минуту остановиться на тѣхъ общихъ выводахъ, которые сами напрашиваются при обозрѣніи школьнаго дѣла на Западѣ.

Насъ поражаютъ, на первомъ мѣстѣ, грандіозные успѣхи, сдѣланные въ этомъ дѣлѣ Японіею и Соединенными Штатами. Но въ то время, какъ Японія въ сущности копируетъ только Европу, не внося почти ничего своего въ организацію народнаго образованія и стоя на чисто-утилитарной, прикладной точкѣ зрѣнія, Соединенные Штаты проявили въ организаціи народнаго образованія огромную самобытность; ихъ самостоятельность въ школьномъ дѣлѣ такъ велика, что они, порою, какъ бы сознательно пренебрегаютъ богатымъ опытомъ европейской школы.

Среднее мѣсто между Японіею и Сѣверною Америкою занимаютъ государства Европы (за исключеніемъ Россіи), располагающіяся сверху внизъ въ слѣдующемъ порядкѣ**):

Германія ($16{,}_1$), Великобританія ($15{,}_4$), Швейцарія ($15{,}_3$), Норвегія ($15{,}_2$), Швеція ($13{,}_7$), Данія ($13{,}_2$), Австрія ($13{,}_1$), Венгрія ($12{,}_4$), Франція ($11{,}_1$) Бельгія (11), Нидерланды ($9{,}_8$), Испанія ($8{,}_8$), Италія ($7{,}_5$), Болгарія ($5{,}_2$), Румынія ($4{,}_4$), Португалія ($3{,}_6$), Сербія ($3{,}_5$) и Турція (2).

Обязательность начальнаго обученія не признана пока только въ Нидерландахъ и Японіи, хотя какъ тамъ, такъ и здѣсь обученіе необязательно лишь условно. Общедоступно начальное образованіе далеко не повсюду. Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ большинствѣ государствъ оно еще носитъ конфессіональный характеръ. Исключеніе составляютъ: Соединенные Штаты, Японія, Австрія, Венгрія, Франція,

---

*) Пользуемся случаемъ, чтобы рекомендовать читателямъ интересную брошюру П. Г. Мижуева. «Женское образованіе и общественная дѣятельность женщинъ въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки». СПБ. 1893.

**) Число въ скобкахъ означаетъ % отношеніе учащихся въ разныхъ начальныхъ школахъ къ общему количеству народонаселенія данной страны.

Швейцарія, Англія, Черногорія, лишь отчасти Пруссія. Безплатность начальнаго образованія введена пока лишь въ Соединенныхъ Штатахъ, Австріи, Франціи, Швейцаріи, Англіи, Черногоріи, Португаліи, Италіи, Румыніи, Болгаріи, Греціи и Турціи. Наконецъ, совмѣстное обученіе введено въ Соединенныхъ Штатахъ, Японіи, Австріи, Венгріи, Нидерландахъ, Даніи, Швеціи, Норвегіи, Швейцаріи, Англіи и Черногоріи. Строго единою можетъ быть названа только сѣверо-американская школа. Въ программахъ начальныхъ школъ также царитъ большое разнообразіе въ различныхъ странахъ. Возрастъ учащихся почти вездѣ одинаковъ; зато въ смыслѣ раздѣленія по поламъ замѣчается любопытное явленіе: въ то время, какъ въ школахъ всего міра мужской элементъ значительно преобладаетъ надъ женскимъ, мы въ Соединенныхъ Штатахъ встрѣчаемъ соотношеніе какъ-разъ обратное. Что касается матеріальной обезпеченности учащаго персонала, то первое среди культурныхъ государствъ мѣсто принадлежитъ тутъ безспорно Англіи.

III. Народное образованіе у насъ.

Первыя сознательныя попытки насадить у насъ народное образованіе, безспорно, принадлежатъ императору Петру Великому. До него настоящихъ школъ на Руси въ сущности не было вовсе, а если онѣ и имѣлись, то носили случайный характеръ. Кромѣ того, онѣ могутъ быть названы безусловно профессіональными, такъ какъ первою и главнѣйшею цѣлью ихъ было подготовлять грамотныхъ церковнослужителей. Вопросъ о томъ, какого рода были эти школы, въ чьемъ вѣдѣніи онѣ находились, какую организацію имѣли и какихъ держались программъ, а также на чьи средства содержались, въ сущности совершенно праздный, такъ какъ мы рѣшительно не располагаемъ для рѣшенія его сколько-нибудь надежными данными. Случайныя указанія лѣтописей на различныя установленія отдѣльныхъ древнерусскихъ князей «учити» народъ также весьма малоцѣнны, потому что самый терминъ «учити» имѣлъ тогда не только то значеніе, которое присуще ему теперь, но и обозначалъ всякое наставленіе, между прочимъ, въ видѣ церковной проповѣди. Правда, мы знаемъ изъ лѣтописи же, что около 1030 года великій князь Ярославъ Мудрый открылъ въ Новгородѣ училище («собра отъ старостъ и отъ пресвитеровъ дѣтей 300, и повелѣ учити книгамъ»). Въ 1023 году существовало духовное училище въ Курскѣ. Въ 1086 году разсказывается о школѣ для женщинъ, учрежденной царевною Анною. При каѳедрахъ 5 епархіальныхъ епископовъ XI вѣка были школы, но какія, не извѣстно. Въ слѣдующемъ столѣтіи отличается своимъ рвеніемъ къ школьному дѣлу смоленскій князь Романъ Ростиславовичъ, отдавшій на устройство школъ всѣ свои средства, такъ что его не на что было похоронить, когда онъ умеръ въ 1180 году. Періодъ монгольскаго ига сказался чрезвычайно отрицательно въ дѣлѣ народнаго образованія, и школы являются въ то время такою рѣдкостью, что тверской князь Михаилъ Александровичъ, желая научиться грамотѣ, принужденъ былъ ѣхать

въ школу Новгорода. При Іоаннѣ III духовенство почти поголовно отличалось неграмотностью, такъ что знаменитому Геннадію, архіепископу новгородскому, приходилось умолять Іоанна, «ради своей чести и спасенія земли русской отъ позора», завести училища хотя бы для подготовки священнослужителей. Въ 1551 году Стоглавый соборъ постановилъ между прочимъ: «протопопамъ и старѣйшимъ священникамъ, со всѣми священники и діаконы, коемуждо въ своемъ градѣ, по благословенію своего святителя, избрати добрыхъ духовныхъ священниковъ и діаконовъ, и діяковъ женатыхъ и благочестивыхъ, имущихъ въ сердцѣ страхъ Божій, могущихъ и иныхъ пользовати и грамотѣ чести и пѣти и писати гораздыи, и у тѣхъ священниковъ и діаконовъ и у дьяковъ учинити въ домѣхъ училища, чтобы священники и діаконы и всѣ православные христіане въ коемждо градѣ давали своихъ дѣтей на ученіе грамотѣ, книжнаго письма и церковнаго пѣнія и чтенія налойнаго». Однако, благія намѣренія и постановленія Стоглаваго собора остались мертвою буквою. Борисъ Годуновъ имѣлъ въ виду завести на Руси рядъ свѣтскихъ школъ, но и это начинаніе осталось неисполненнымъ, такъ что даже въ началѣ XVII столѣтія Маржеретъ, посѣтившій Московію, могъ сказать: «невѣжество русскаго народа есть мать его благочестія: онъ не знаетъ ни школъ, ни университетовъ». Между тѣмъ въ Юго-западномъ краѣ, въ Кіевѣ, на Украйнѣ и на Литвѣ въ то же время процвѣтали относительно недурно поставленныя іезуитскія школы, которымъ были, съ православной стороны, противопоставлены школы «братскія». Насколько печально было дѣло народнаго образованія даже въ концѣ XVIII вѣка, видно изъ того, что въ казанской епархіи оказалось тогда 380 церковнослужителей, «въ чтеніи неисправныхъ, а другихъ и совсѣмъ читать по книгѣ, пѣть и писать не умѣющихъ». О самой постановкѣ учебно-воспитательнаго дѣла въ школахъ того времени говорить нечего; вспомнивъ лишь, какое огромное значеніе играла въ тогдашнемъ воспитаніи всемогущая лоза, которой всюду и вездѣ воспѣвались диѳирамбы. Лишь при Петрѣ Великомъ мы находимъ первые признаки яснаго пониманія необходимости насажденія широкаго народнаго образованія. Правда, великій преобразователь имѣлъ въ виду не столько народную массу, сколько высшіе и средніе классы населенія, когда учредилъ въ 1714 году свои знаменитыя «цыфирныя или ариѳметическія школы», гдѣ преподавались грамота, счисленіе и начатки геометріи. Ученіе въ этихъ школахъ было безплатное, и только окончившіе въ нихъ курсъ ученики платили за выходъ небольшую сумму. Посѣщеніе этихъ цыфирныхъ школъ было сдѣлано обязательнымъ для дѣтей дворянъ и чиновниковъ въ возрастѣ отъ 10 до 15 лѣтъ. Однако, на дѣлѣ осуществить это благое начинаніе великаго царя оказалось

невозможнымъ: учителя, получавшіе нищенское содержаніе и набиравшіеся изъ навигаціонныхъ школъ, уклонялись отъ занятій, ученики разбѣгались. Еще раньше Петръ, раздѣливъ монастыри на разныя категоріи, обязалъ ихъ заниматься начальнымъ обученіемъ сиротъ и разныхъ мальчиковъ. Однако, дѣло это подвигалось туго, такъ какъ для устройства школъ не было ни подходящихъ людей, ни нужныхъ денежныхъ средствъ. Духовный регламентъ 1721 года обязывалъ епископовъ заводить начальныя школы, но и это постановленіе туго осуществлялось на практикѣ. Еще при жизни Петра большинство цыфирныхъ школъ совершенно закрылось. Въ 1720 году царю была посадскими людьми подана челобитная съ просьбою освободить ихъ отъ содержанія школъ, такъ какъ это для нихъ разорительно. Интересно, что за 8 лѣтъ во всѣхъ цыфирныхъ школахъ изъ перебывавшихъ въ нихъ 1389 учениковъ только 93 окончили полный курсъ. Большинство лицъ, посылавшихъ туда дѣтей своихъ, были духовные (45,4%), меньшинство—дворяне (2,5%). Итакъ, благія начинанія Петра I въ насажденіи у насъ народнаго образованія потерпѣли полное фіаско, такъ какъ общество того времени было еще столь мало культурно, что считало своею священною обязанностью тормозить всѣ великія реформы царя Послѣ Петра I, почти вплоть до Екатерины Великой, отмѣчается полный застой въ дѣлѣ народнаго образованія. При Екатеринѣ I и Петрѣ II было открыто лишь нѣсколько школъ для дѣтей священниковъ. При Аннѣ Іоанновнѣ были учреждены такъ наз. гарнизонныя школы, повлекшія за собою окончательное закрытіе случайно уцѣлѣвшихъ еще кое-гдѣ школъ цыфирныхъ. При ея преемницѣ, Елизаветѣ Петровнѣ, школьное дѣло не подвинулось ни на іоту; императрица не шла далѣе не исполнявшихся на дѣлѣ ея указовъ. Между прочимъ, при ней были въ Оренбургѣ учреждены школы для дѣтей ссыльныхъ, а также былъ изданъ указъ объ учрежденіи и содержаніи школъ въ поселеніяхъ сербскаго народа и на Украинской линіи «для обученія однодворцевъ и служащихъ въ ландмилицскихъ полкахъ». Гг. Фальборкъ и Чарнолусскій въ своей замѣчательной книгѣ «Народное образованіе въ Россіи», стр. 13, такъ характеризуютъ весь этотъ періодъ исторіи русскаго школьнаго дѣла: «Нельзя сказать, чтобы приведенныя отрывочныя и жалкія попытки государства насадить школы потерпѣли крушеніе вслѣдствіе косности и невѣжества населенія. Гораздо вѣрнѣе будетъ сказать, что сами государственные дѣятели того времени были слишкомъ далеки отъ интересовъ массы населенія, и потому среди нихъ не нашлось умѣлой руки, способной поставить дѣло на правильную дорогу. Нужда народа въ образованіи, начавшая проявляться уже въ XVIII вѣка, оставлялась государствомъ безъ всякаго удовлетворенія, и народу оставалось только довольствоваться домашними

средствами образованія. Импульсовъ для развитія послѣдняго было уже много. Одна часть населенія — люди стараго закала — взялась за обученіе дѣтей, желая поддержать въ нихъ духъ протеста противъ религіозной неравноправности. Въ другой части населенія (въ особенности на западныхъ окраинахъ и въ городахъ) потребность въ образованіи пробудилась завязавшимися сношеніями съ Европой». Этой потребности удовлетворяли при помощи домашняго образованія у разныхъ странствующихъ учителей, «мандрованныхъ дьяковъ» и т. п. лицъ.

Блестящее царствованіе Екатерины II, находившейся подъ обаяніемъ французскихъ энциклопедистовъ, ознаменовано въ исторіи русскаго школьнаго дѣла совершенно новымъ взглядомъ на образованіе. Оставивъ совершенно утилитарную точку зрѣнія на школы, свойственную Петру I и его преемникамъ, Екатерина отождествляла интересы народнаго образованія съ интересами государства. Это былъ крупный шагъ впередъ, хотя и принесшій самому дѣлу народнаго образованія незначительную пользу. Важно то, что теперь русское общество стало сознавать все огромное значеніе школъ для народа. Еще въ 1770 году нашлись люди, требовавшіе введенія обязательнаго обученія грамотѣ всего мужского сельскаго населенія страны. Но эти pia desideria, какъ извѣстно, остались таковыми же по сей день. Учрежденіе въ 1775 году приказовъ общественнаго призрѣнія, на которые возлагалось «попеченіе и надзираніе объ установленіи и прочномъ основаніи народныхъ школъ», которыя было предоставлено открывать въ городахъ и сельскихъ мѣстностяхъ, также не подвинуло дѣла въ виду крайней скудости денежныхъ средствъ, находившихся въ распоряженіи приказовъ общественнаго призрѣнія. Вслѣдствіе этого императрица рѣшила приступить къ новой реформѣ школьнаго дѣла. Подъ вліяніемъ французскихъ энциклопедистовъ и австрійскаго императора Іосифа II, государыня поручила академику Эпинусу разработать проектъ реорганизаціи всего начальнаго образованія. Исходя изъ совершенно правильной точки зрѣнія, что раньше, чѣмъ устраивать школы, необходимо озаботиться подготовкою подходящаго персонала, Эпинусъ, а также присланный Іосифомъ II сербъ Янковичъ-де-Миріево обратили главное вниманіе на эту сторону дѣла. Особая комиссія объ учрежденіи училищъ, разработавъ проектъ объ устройствѣ трехъ типа народныхъ училищъ (малыхъ, среднихъ и высшихъ), настояла на открытіи въ Петербургѣ главнаго народнаго училища съ особымъ отдѣленіемъ для приготовленія будущихъ учителей народныхъ школъ (1783 года) Здѣсь. было рѣшено содержать на казенный счетъ 100 бѣдныхъ учениковъ; директоромъ училища былъ назначенъ Янковичъ. Рядомъ съ этимъ въ Петербургѣ функ-

ціонировало еще семь другихъ народныхъ училищъ, изъ которыхъ Исаакіевское было открыто на собственныя средства императрицы. Наплывъ желающихъ учиться былъ настолько силенъ, что уже скоро приходилось отказывать дѣтямъ за неимѣніемъ мѣста. Къ сожалѣнію, Янковичъ, душа всего этого дѣла, человѣкъ, умѣвшій расположить общество къ этому дѣлу, скоро заболѣлъ и долженъ былъ отказаться отъ мѣста директора главнаго училища. Между тѣмъ, педагогическое отдѣленіе послѣдняго уже въ 1786 году было обращено въ учительскую семинарію, которая просуществовала до 1803 г. Затѣмъ это заведеніе было преобразовано въ учительскую гимназію, а нѣсколько позже въ педагогическій институтъ. Въ томъ же 1786 г., 5 августа, былъ изданъ «Уставъ народныхъ училищъ». Это—первый основной законъ по начальному образованію въ Россіи. По этому уставу учреждались училища двухъ категорій: главныя, 4-классныя въ губернскихъ городахъ и малыя 2-классныя въ городахъ уѣздныхъ; къ нимъ, въ видѣ дополненія, примыкали одноклассныя школы въ сельскихъ мѣстностяхъ. Всѣми дѣлами, касавшимися этихъ училищъ, вѣдала «Комиссія народныхъ училищъ», которой были подчинены приказы общественнаго призрѣнія. Несмотря на учрежденіе должностей попечителей (губернаторовъ), директоровъ и смотрителей народныхъ училищъ, несмотря на большую продуманность всей организаціи этого дѣла, послѣднее никакихъ осязательныхъ результатовъ не принесло и притомъ по очень простой причинѣ: существованіе проектированныхъ школъ совершенно не было обезпечено въ денежномъ отношеніи. Предоставленныя въ этомъ смыслѣ всякимъ случайностямъ (въ родѣ пожертвованій, кружечныхъ церковныхъ сборовъ и т. п.) школы постепенно закрывались или же не открывались вовсе. Наконецъ, несмотря на существованіе въ Петербургѣ отдѣльной учительской семинаріи, постоянно чувствовался недостатокъ въ болѣе или менѣе сносномъ педагогическомъ персоналѣ. При нищенскомъ содержаніи (50—60 рублей въ годъ), притомъ получаемомъ крайне неисправно, учительскія мѣста отнюдь не могли быть приманкою, и потому учителя бѣжали изъ школъ, ища другого заработка. Въ указахъ 1791 и 1795 гг. мы находимъ даже такую мѣру, какъ стѣсненіе перехода учителей на другую службу. Несмотря на печальное положеніе дѣла народнаго образованія при Екатеринѣ II, ея царствованіе должно быть все-таки отмѣчено. Неустанныя заботы императрицы о насажденіи по возможности безплатнаго общаго начальнаго образованія *) не привели къ желаннымъ результатамъ

*) Въ первомъ нашемъ ученомъ обществѣ (Вольно-экономическомъ) тогда поднимался даже вопросъ о введеніи всенародной грамотности.

по тремъ причинамъ: вслѣдствіе недостатка денежныхъ средствъ, наличности крѣпостной зависимости и, наконецъ, той реакціи во взглядахъ государыни, которая обусловливалась результатами великой французской революціи и которая столь ярко характеризуетъ конецъ царствованія Екатерины II. При Павлѣ Петровичѣ дѣло народнаго образованія совершенно заглохло, хотя и не подвергалось никакимъ гоненіямъ или стѣсненіямъ.

Замѣтный поворотъ къ лучшему замѣчается въ слѣдующее царствованіе. Императоръ Александръ I «сознаетъ необходимость образованія для самой личности человѣка, видя въ немъ въ то же время и единственное средство воспитанія гражданъ государства. Исходя изъ этой двойственной точки зрѣнія на народное образованіе, Александръ I продолжаетъ устройство школъ, начатое при Екатеринѣ II. Въ его время дѣлается значительный шагъ впередъ въ дѣлѣ организаціи государственныхъ органовъ завѣдыванія народнымъ образованіемъ; это централизаторское направленіе чуждо было, однако, тенденціи подавить общественную и частную иниціативу въ школьномъ дѣлѣ», пишутъ гг. Фальборкъ и Чарнолусскій въ уже цитированномъ нами сочиненіи (стр. 36). Въ 1802 году было учреждено министерство народнаго просвѣщенія, а въ 1803 году главное управленіе училищъ (взамѣнъ прежней «Комиссіи»). Тогда же все государство было раздѣлено на учебные округа съ попечителями во главѣ каждаго изъ нихъ. По изданнымъ въ томъ же году «Предварительнымъ правиламъ народнаго просвѣщенія» вносится стройность и тѣсная органическая связь между всѣми учебными заведеніями страны, которыя раздѣляются на 4 разряда: приходскія, уѣздныя, губернскія (или гимназіи) и университеты. Связь между этими школами устанавливалась, впрочемъ, не столько по существу, по проходимому въ нихъ курсу, сколько въ смыслѣ бюрократическомъ: приходскія училища подчинялись смотрителю уѣзднаго училища, который, въ свою очередь, подчинялся директору губернской гимназіи, вполнѣ зависѣвшему отъ университетскаго начальства. При университетахъ были учреждены особые училищные комитеты, подчиненные попечителямъ учебныхъ округовъ. Училища св. синода и нѣсколько иныхъ, особенными Высочайшими повелѣніями ввѣренныхъ другому начальству, были изъяты изъ компетенціи министерства народнаго просвѣщенія. Училищные комитеты выработали чрезвычайно полную и детальную инструкцію для приходскихъ училищъ, касавшуюся всѣхъ сторонъ ихъ дѣятельности, но совершенно упустили изъ виду одну, притомъ главнѣйшую, сторону дѣла: въ то время какъ средства на уѣздныя училища, гимназіи и университеты всецѣло отпускались государствомъ, приходскія училища были предоставлены въ этомъ отношеніи благо-

усмотрѣнію городскихъ, сельскихъ обществъ и помѣщиковъ. Поэтому болѣе чѣмъ естественно, что и проекты Александра I въ области насажденія именно *народнаго* образованія въ огромномъ большинствѣ случаевъ оставались мертворожденными: приходскія училища просто не открывались вовсе.

Насколько было грустно положеніе коренной русской начальной школы въ царствованіи Александра I, настолько, однако, сносно обстояло это дѣло на нашихъ западныхъ и юго-западныхъ окраинахъ. Благодаря, между прочимъ, энергіи отдѣльныхъ должностныхъ лицъ (напр., А. Чарторыжскаго и Ѳ. Чацкаго) въ Кіевской, Подольской и Волынской губерніи, на Литвѣ и отчасти въ Царствѣ Польскомъ были изысканы средства для открытія и приличнаго содержанія цѣлаго ряда приходскихъ училищъ. Постановленіемъ «эдукаціонной палаты» Царства Польскаго въ 1808 году было узаконено, что ни одинъ городъ, мѣстечко и деревня не могутъ оставаться безъ школы, и всѣ жители этихъ селеній, безъ различія сословія и вѣроисповѣданія, обязаны изыскать средства на содержаніе приходскихъ училищъ. Къ 1817 и 1819 годамъ относятся подобныя же узаконенія для Курляндской и Эстляндской губерній, а въ 1820 году былъ изданъ уставъ училищъ, подвѣдомственныхъ дерптскому университету. Въ то же самое время, по иниціативѣ энергичнаго директора иркутской гимназіи Словцова, въ Сибири открывается 16 начальныхъ училищъ, учреждается должность визитатора мѣстныхъ школъ и разрѣшается сибирскимъ инородцамъ либо помѣщать дѣтей въ русскія начальныя школы, либо учреждать свои собственныя училища. Нѣчто подобное было узаконено и относительно еврейскихъ дѣтей, которымъ былъ открытъ свободный доступъ во всѣ учебныя заведенія страны (вплоть до университетовъ включительно); при желаніи еврейскимъ обществамъ было предоставлено открытіе и своихъ собственныхъ учебныхъ заведеній. Наравнѣ съ этимъ широкое поле дѣятельности было предоставлено вообще частной иниціативѣ; лучшимъ доказательствомъ этого можетъ служить утвержденный въ 1819 году уставъ «С.-Петербургскаго общества учрежденія училищъ по методѣ взаимнаго обученія», которое немедленно открыло рядъ школъ въ разныхъ городахъ. Однако, уже чрезъ 8 лѣтъ училища этого общества были закрыты. Къ сожалѣнію, нѣтъ вполнѣ точныхъ свѣдѣній относительно числа разныхъ начальныхъ школъ въ правленіе императора Александра I. По даннымъ «Статистическаго изображенія городовъ и посадовъ Россійской Имперіи по 1825 г.», изъ 533 штатныхъ городовъ, 102 заштатныхъ и 51 мѣстечекъ и посадовъ не имѣли ни одного учебнаго заведенія 131 шт. городъ, 81 заштат. и 47 посадовъ и мѣстечекъ. Во всѣхъ 686 городскихъ поселеніяхъ съ болѣе чѣмъ

$3^1/_2$ милл. населеніемъ было тогда только 1095 учебныхъ заведеній всякаго рода, а число трактировъ и питейныхъ домовъ доходило до 12179 *).

Царствованіе императора Николая I наложило печать полной реакціи на все школьное дѣло у насъ. По словамъ нашего источника, «вторая четверть нашего (т.-е. прошлаго) столѣтія характеризуется поэтому громаднымъ развитіемъ административно-ограничительной опеки правительства надъ народнымъ образованіемъ. Бюрократія, не считая нужнымъ употреблять на народныя школы сколько-нибудь значительныя государственныя средства, въ то же время совершенно устраняетъ отъ нихъ общественное вліяніе. Правительство того времени заботится о народномъ образованіи лишь для формы, вовсе не интересуясь тѣмъ, чтобы народъ получалъ не бумажное только, а дѣйствительное образованіе. Въ дѣло образованія вносится небывалый до того времени элементъ сословной обособленности; народная школа ставится въ положеніе, совершенно обособленное отъ средней и высшей. Она находится исключительно въ рукахъ бюрократіи и духовенства и еле-еле прозябаетъ въ созданной для нея удушливой, мертвящей атмосферѣ» **). Рѣшительно всѣ благія начинанія Екатерины II и Александра I въ области школьнаго дѣла пошли на смарку: въ 1826 году была образована особая комиссія для введенія въ дѣло воспитанія «должнаго и необходимаго единообразія»; этой же комиссіи было вмѣнено въ обязанность «воспретить всякія произвольныя преподаванія ученій по произвольнымъ книгамъ и тетрадямъ». Въ результатѣ 8 декабря 1828 года былъ опубликованъ новый уставъ, по которому въ школьное дѣло вносился принципъ сословности и помѣщичьихъ крестьянъ было «запрещено» принимать въ высшія и среднія учебныя заведенія; они могли учиться въ приходскихъ и уѣздныхъ училищахъ. Учебный же курсъ одноклассныхъ приходскихъ училищъ сводился лишь къ преподаванію Закона Божія, чтенія гражданской и церковной печати и четырехъ правилъ надъ цѣлыми числами. Кромѣ того, на содержаніе приходскихъ училищъ казна попрежнему не отпускала ни копѣйки. Вполнѣ понятно, что при такомъ положеніи дѣло народнаго образованія не только не росло, но падало. Многіе помѣщики, не желая подвергаться правительственному стѣсненію, спѣшили закрывать устроенныя ими въ деревняхъ школы. Въ городахъ думы также не отличались щедростью относительно приходскихъ училищъ. Наконецъ, новый рядъ стѣснительныхъ мѣръ, въ родѣ запрещенія обучать въ уѣздныхъ и приходскихъ училищахъ кантонистовъ (1833 и 1834 г.) или незаконнорожденныхъ

*) См. Фальборкъ и Чарнолусскій, l. c., p. 23.
**) См. Фальборкъ и Чарнолусскій. l. c., p. 37.

(1837), также не способствовалъ процвѣтанію начальнаго образованія. Еще раньше, именно уже въ 1831 г., въ столицахъ было запрещено открывать частныя школы. Дѣло подготовки народныхъ учителей естественно было совершенно заброшено, и въ 1847 г., «за ненадобностью», былъ учрежденъ 2-ой разрядъ Педагогическаго института, такъ что спеціальныя заведенія для подготовки учительскаго персонала во всей имперіи остались лишь въ Варшавскомъ учебномъ округѣ и Дерптѣ. Пострадали, конечно, и начальныя школы нашихъ западныхъ окраинъ: большинство ихъ было совершенно упразднено или же реформировано въ духѣ узко-православномъ. Въ 1839 г. всѣ учебныя заведенія Царства Польскаго были подчинены министерству народнаго просвѣщенія «на главныхъ началахъ, въ Имперіи существующихъ». Какимъ-то чудомъ общей печальной участи избѣгли приходскія евангелически-лютеранскія школы Прибалтійскаго края. Гоненіямъ и стѣсненіямъ подверглись, конечно, и мусульманскія училища (мектебы и медрессе) и особенно еврейскія школы (хедеры и талмудъторы).

Рядомъ съ министерствомъ народнаго просвѣщенія опекою надъ дѣломъ народнаго образованія занимались также другія вѣдомства, напр., министерство государственныхъ имуществъ, св. синодъ, министерство внутреннихъ дѣлъ. И здѣсь застой въ школьномъ дѣлѣ всюду былъ поразительный: въ 1836 году общее количество школъ въ казенныхъ селеніяхъ, подвѣдомственныхъ министерству государственныхъ имуществъ, не превышало 60 съ 1880 учащимися; правда, чрезъ 12 лѣтъ число ихъ достигло уже 1654 съ 49248 учащимися; но дѣти сюда загонялись насильно, и многіе казенные крестьяне большими деньгами откупались отъ обязанности посылать своихъ сыновей въ эти ни въ комъ не возбуждавшія довѣрія школы, вдобавокъ подчиненныя пресловутому Уставу 1828 года. По указамъ 1824, 1834, 1836 и 1852 годовъ, были учреждены также начальныя училища при горныхъ заводахъ; но постановка дѣла была тамъ такъ же плоха, какъ во всѣхъ остальныхъ школахъ Имперіи. Впрочемъ, интересно отмѣтить, что въ 1854 году приходскихъ и иныхъ начальныхъ школъ въ странѣ насчитывалось уже 2565 съ 113351 учащимися (изъ нихъ было 19653 дѣвочки) и педагогическимъ персоналомъ въ 2737 душъ. Сюда не вошли школы, находившіяся въ непосредственномъ завѣдываніи св. синода и представлявшіяся иногда просто «миѳическими». Въ нихъ нерѣдко бывало менѣе 10 человѣкъ учащихся, и занятія происходили вполнѣ случайно, когда священникъ или дьяконъ были свободны отъ служебныхъ или своихъ домашнихъ, хозяйственныхъ занятій *). Въ

*) Извѣстный знатокъ исторіи нашего школьнаго дѣла, С. И. Миропольскій, говоритъ, что «сомнительность существованія церковноприходскихъ школъ въ значительномъ числѣ была болѣе чѣмъ вѣроятна».

1856 году Центральнымъ Статистическимъ Комитетомъ былъ сдѣланъ первый оффиціальный подсчетъ числа начальныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ. Тогда оказалось, что во всей Имперіи, исключая Финляндіи и Царства Польскаго, было всего 8227 начальныхъ народныхъ училищъ съ 450002 учащимися. При населеніи приблизительно въ 64 милліона душъ, это составляло не болѣе 1,42% общаго населенія. Однако, этотъ % распредѣлялся весьма неравномѣрно: въ то время какъ въ трехъ прибалтійскихъ губерніяхъ % учащихся опредѣлялся въ 2,72—4,62, въ Петербургской онъ равнялся 2,17, въ Архангельской, Бессарабской, Московской, Самарской, Саратовской и Таврической отъ 1,07 до 1,63, въ другихъ отъ 0,95 до 0,23, а въ Сибири отъ 0,63 до 0,03. Дальше идти было, очевидно, нельзя. Вотъ какъ отзывается С. И. Миропольскій («Школа и государство», 3 изд. 1883 г. стр. 102) о тогдашнемъ положеніи начальнаго школьнаго дѣла: «Господствовавшая «административно-ограничительная» система управленія училищами привела къ тому, что общество стало относиться къ дѣлу образованія съ полнѣйшимъ равнодушіемъ, въ немъ сложилось недовѣріе къ школѣ и къ ея жизненному, просвѣтительному вліянію. Народъ же сталъ смотрѣть на школу прямо недоброжелательно. Онъ отвернулся отъ чуждой ему «казенной учебы», которая имѣла цѣлью готовить волостныхъ и сельскихъ писарей, столь ненавидимыхъ народомъ, фельдшеровъ и землемѣрскихъ помощниковъ. Видя повсюду ограниченія и стѣсненія въ школьномъ дѣлѣ, но въ то же время не видя никакого толка отъ ученія, направляемаго и руководимаго лицами, ничего въ немъ не знающими, нимало имъ не заинтересованными, народъ сталъ смотрѣть на школу какъ на какую-то повинность, установленную, въ неизвѣстныхъ и непонятныхъ ему видахъ, отъ начальства, для народа совершенно безполезную. Съ общества взыскивались только деньги на содержаніе учителей и училищъ; но само общество отъ участія въ училищномъ дѣлѣ было совершенно устранено. Оттого общество всячески старалось обойти эту повинность—и сборы на школы приходилось взимать силою. Учителя голодали. Мизерное жалованье ихъ нерѣдко задерживалось. Школы упадали. Обученія дѣвочекъ совершенно почти не существовало; женщины не только коснѣли въ своемъ поголовномъ невѣжествѣ, но грамотность въ глазахъ народа стала казаться для нихъ чѣмъ-то чуднымъ, почти непристойнымъ.... Учителями народа являлось всякое отребье: изгнанные изъ службы чиновники, недоучки разныхъ учебныхъ заведеній, отставные солдаты, писаря, даже и не слышавшіе про существованіе педагогіи».

Мы нарочно закончили этой обширной выпискою отдѣлъ о положеніи дореформенной народной школы, чтобы тѣмъ выпуклѣе выступили въ этомъ дѣлѣ заслуги «эпохи великихъ реформъ» царствованія

Александра II. Подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ севастопольскаго разгрома въ обществѣ все громче и громче раздаются голоса въ пользу полнаго преобразованія нашего школьнаго дѣла. Такія имена, какъ Н. И. Пироговъ, І. П. Паульсонъ, П. І. Рѣдкинъ, А. С. Вороновъ, А. И. Головнинъ, наконецъ, самъ министръ народнаго просвѣщенія А. С. Норовъ, во всеподданнѣйшемъ докладѣ своемъ говорившій о необходимости предоставленія общаго образованія всему безъ исключенія населенію Имперіи, знаменуютъ собою совершенно новую эру въ исторіи русской начальной школы. Великій актъ освобожденія крестьянъ какъ нельзя болѣе соотвѣтствовалъ настроеніямъ этихъ лучшихъ представителей нашего общества и «далъ народной школѣ возможность обучать не рабовъ, а свободныхъ людей и раскрылъ крестьянамъ двери всѣхъ учебныхъ заведеній» *). Въ 1861 году при Вольно-Экономическомъ Обществѣ возникъ и «Комитетъ грамотности», выдвинувшій на первую очередь вопросъ объ открытіи учительскихъ семинарій вообще и женскихъ въ особенности. Коренной вопросъ вообще о постановкѣ дѣла народнаго образованія былъ разрѣшенъ Высочайшимъ повелѣніемъ отъ 18 января 1862 года, требовавшимъ **): 1) «учрежденныя нынѣ и впредь учреждаемыя духовенствомъ народныя училища оставить въ завѣдываніи духовенства съ тѣмъ, чтобы министерство народнаго просвѣщенія оказывало содѣйствіе преуспѣянію ихъ по мѣрѣ возможности; 2) оставить на обязанности министерства народнаго просвѣщенія учреждать во всей Имперіи, по соглашенію съ подлежащими вѣдомствами, народныя училища, которыя и должны оставаться въ вѣдѣніи сего министерства, причемъ министерству слѣдуетъ пользоваться содѣйствіемъ духовенства во всѣхъ случаяхъ, когда оно признаетъ это нужнымъ, и когда духовенство найдетъ возможнымъ оказать ему содѣйствіе». Ярко выступающій здѣсь наружу компромиссъ съ прежнимъ дореформеннымъ строемъ составляетъ, очевидно, слабѣйшую сторону этого важнаго школьнаго закона.

Настоящею эрою въ исторіи русской начальной школы является 1864 годъ, когда одновременно были изданы «Положеніе о земскихъ учрежденіяхъ» и «Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ» (14 іюля 1864 года). Теперь населеніе земскихъ губерній получило полную возможность взяться самому за организацію школьнаго дѣла и выработать типъ новой, общественной школы. Однако, съ самаго начала условія работы земцевъ оказались чрезвычайно неблагопріятными: Высочайшее повелѣніе 1862 года, нами выше приведенное, выдвигало противъ общественной иниціативы сильнаго антагониста

*) Срв. Фальборкъ и Чарнолусскій. l. c., p. 38.
**) Тамъ же. p. 38—39.

въ лицѣ духовенства. Послѣднее не стѣснялось въ своихъ оффиціальныхъ отчетахъ попрежнему представлять дутыя статистическія данныя о фактически не существовавшихъ школахъ и всячески тормозило благія начинанія земства въ области насажденія народнаго образованія. Впрочемъ, лучшая часть духовенства была солидарна съ представителями земства, и изъ него вышло немало самоотверженныхъ бойцовъ за идею самаго широкаго распространенія общественныхъ школъ. Идея школъ воскресныхъ была не только выхолена, но и осуществлена съ огромнымъ успѣхомъ учащеюся студенческою молодежью, хотя это именно участіе молодежи въ столь важномъ общественномъ дѣлѣ не понравилось реакціонерамъ-крѣпостникамъ. Студенческія волненія въ 1863 г. подали сигналъ къ общей реакціи. Въ 1865 году А. И. Головнинъ выходитъ въ отставку. Смѣнившій Головнина на посту министра народнаго просвѣщенія и остававшійся въ то же время оберъ-прокуроромъ св. синода графъ Д. А. Толстой не только не раздѣлялъ либеральныхъ взглядовъ своего предшественника, но и считалъ ихъ прямо-таки вредными. Поэтому онъ немедленно взялъ проектъ Головнина объ учительскихъ семинаріяхъ обратно, хотя, позже, въ 1880 г. сама жизнь побудила министра устроить цѣлыхъ 46 учительскихъ семинарій. Время управленія гр. Толстымъ министерствомъ народнаго просвѣщенія знаменуетъ собою, какъ общеизвѣстно, періодъ сильнѣйшей реакціи въ школьномъ дѣлѣ. Зато совмѣщеніе графомъ должностей министра и синодальнаго оберъ-прокурора привело къ временному умаленію вѣчныхъ конфликтовъ и, такъ сказать, традиціоннаго антагонизма между церковною и свѣтскою властями въ дѣлѣ народнаго образованія. Это было тѣмъ хуже, что тѣмъ самымъ земскія начинанія съ ихъ общественными школами были вынуждены бороться съ вдвойнѣ сильнымъ союзникомъ, министерствомъ нар. просв. и св. синодомъ. Къ счастью, однако, сознаніе необходимости самаго широкаго образованія народныхъ массъ успѣло за 60-ые годы столь прочно укорениться въ лучшихъ представителяхъ русской интеллигенціи и даже въ нѣкоторыхъ, крестьянскихъ по преимуществу, земствахъ, что дѣятелямъ общественной школы были не страшны мѣропріятія, направленныя къ подавленію движенія въ пользу ихъ со стороны бюрократіи. Можно смѣло сказать, что земства вынесли на плечахъ своихъ всю тягость борьбы съ министерствомъ и св. синодомъ, съ одной, и реакціонной прессою—съ другой стороны.

Гнетъ бюрократіи сказался очень ярко въ учрежденіи въ 1869 г. должностей инспекторовъ народныхъ училищъ, которымъ 20 октября 1871 года была преподана доселѣ дѣйствующая особая инструкція, дѣлающая ихъ скорѣе канцелярскими чиновниками, чѣмъ живыми педагогами; въ 1872 году было издано «Положеніе о городскихъ учили-

щахъ, въ которыя должны были постепенно преобразовываться прежнія уѣздныя училища, существовавшія по уставу 1828 года; наконецъ 25 мая 1864 года было издано Новое Положеніе о начальныхъ народныхъ училищахъ, которое до сихъ поръ является основнымъ закономъ по народному образованію. Въ этомъ Положеніи сравнительно съ Положеніемъ 1864 г. замѣчается огромный регрессъ. Еще раньше, въ 1873 году, произошло преобразованіе училищъ еврейскихъ. Новый законъ о частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и домашнемъ обученіи былъ опубликованъ еще въ 1868 году. На слѣдующій годъ въ Остзейскомъ краѣ былъ учрежденъ Совѣтъ по дѣламъ православныхъ сельскихъ училищъ, правила для которыхъ были изданы въ 1870 году. Правила о сельскихъ евангелически-лютеранскихъ школахъ были выработаны въ 1875 году. Годомъ раньше вѣдѣнію министерства народнаго просвѣщенія, старавшагося съ 1867 года сосредоточить въ своихъ рукахъ управленіе всѣми училищами другихъ вѣдомствъ, кромѣ духовнаго, были подчинены школы башкирскія, татарскія и киргизскія, въ 1877 году болгарскія школы Новороссіи, а въ 1879 году училища горнаго вѣдомства. Во всѣхъ этихъ стремленіяхъ министерства народнаго просвѣщенія ясно проглядывало недовѣріе къ благонадежности прежняго школьнаго режима и его проводниковъ—учителей. Это недовѣріе обнаружилось еще опредѣленнѣе, когда министерство всюду стало водворять такой порядокъ, чтобы общественныя учрежденія рѣшительно не имѣли возможности хоть сколько-нибудь повліять на постановку и направленіе учебнаго дѣла въ народныхъ школахъ, а только ограничивались доставленіемъ необходимыхъ для содержанія этихъ училищъ денежныхъ средствъ. Особенно ярко это сказывается на введенной тогда строжайшей цензурѣ учебниковъ, учебныхъ пособій и книгъ для чтенія въ школьныхъ библіотекахъ.

Пока дѣятельность оффиціальнаго органа, вѣдающаго народное просвѣщеніе, была скорѣе отрицательнаго, чѣмъ положительнаго характера, земства, особенно петербургское, новгородское, черниговское, бердянское Таврической губерніи и александровское Екатеринославской губерніи, выдвинули рядъ вопросовъ первостепенной важности (наприм., о расширеніи курса начальныхъ училищъ, объ учительскихъ семинаріяхъ, съѣздахъ, наконецъ, о привлеченіи женщинъ къ педагогической дѣятельности и т. п.) и, несмотря на всяческія затрудненія, чинимыя нашимъ учебнымъ вѣдомствомъ, болѣе или менѣе успѣшно разрѣшили ихъ, создавъ тотъ типъ высшей народной школы, который единственно возможенъ въ странѣ, претендующей на нѣкоторую культурность. Здѣсь вполнѣ умѣстно съ величайшею благодарностью упомянуть такія имена, какъ Н. И. Пироговъ, К. Д. Ушинскій, Л. Н. Модзалевскій, В. И. Водовозовъ, В. Я. Стоюнинъ, баронъ Н. А. Корфъ,

гр. Л. Н. Толстой и др. «Громадная работа, выполненная земствомъ для постановки въ Россіи начальнаго народнаго образованія, — пишутъ гг. Фальборкъ и Чарнолусскій (въ «Энц. Слов.» Брокгаузъ-Ефронъ, XL, стр. 761),—въ значительной степени облегчалась учителями и учительницами народныхъ школъ, среди которыхъ была не одна сотня настоящихъ подвижниковъ, отдавшихъ просвѣщенію народа всю свою жизнь... Въ 1880 г. (10 марта) было произведено первое и пока единственное въ Россіи спеціальное статистическое изслѣдованіе начальнаго народнаго образованія въ 60 губерніяхъ Европейской Россіи, причемъ сельскихъ народныхъ училищъ всѣхъ вѣдомствъ и наименованій оказалось въ этихъ губерніяхъ 22770 съ 1140915 учащихся обоего пола (904918 мальчиковъ и 235997 дѣвочекъ) и 36955 учащими (законоучителей 12566, учителей 19511 и учительницъ 4878)... Училищъ для дѣтей обоего пола было 17431 (77%), для однихъ мальчиковъ 4728 (21%), для однѣхъ дѣвочекъ 611 (2%). По размѣрамъ расходовъ, произведенныхъ на содержаніе училищъ, первое мѣсто занимали земства (въ земскихъ губерніяхъ—53,2% общей суммы расходовъ), затѣмъ сельскія общества (33,7% расхода во всѣхъ губерніяхъ и 28% въ земскихъ губерніяхъ); на долю государственнаго казначейства приходилось только 12,1% всѣхъ расходовъ (въ земскихъ губерніяхъ 9%), на долю частныхъ лицъ 6,4% и на другіе источники 3,7%. Училищъ, содержимыхъ земствами, было 9108 (69,5% всѣхъ училищъ въ земскихъ губерніяхъ), сельскими обществами — 8674 (38% всѣхъ училищъ и 15% училищъ земскихъ губерній), министерствомъ народнаго просвѣщенія и другими правительственными учрежденіями, при участіи земствъ, сельскихъ обществъ и частныхъ лицъ—3182 (14% всѣхъ училищъ и 8,5% училищъ земскихъ губерній), церковно-приходскими попечительствами и духовенствомъ—1062 (5% всѣхъ училищъ и 3,3% училищъ земскихъ губерній), частными лицами—741 (3% всѣхъ училищъ и 3,7% училищъ земскихъ губерній)... Одно училище приходилось, въ среднемъ, на 14 селеній (въ различныхъ областяхъ отъ 3 до 37) и имѣло 49,7 учащихся; средній расходъ на одно училище равнялся 283 р., на одного учащагося—5 р. 98 к. Изъ общаго числа дѣтей въ возрастѣ отъ 7 до 14 лѣтъ (включительно) обучалось въ народныхъ училищахъ всего 13,8% мальчиковъ и 3,3% дѣвочекъ».

Чтобы закончить этотъ обзоръ, нужно остановиться еще на учительскомъ персоналѣ сельскихъ школъ. По даннымъ того же статистическаго изслѣдованія оказывается, что главный контингентъ его составляли дѣти крестьянъ и духовенства (72%), большинство ихъ было моложе 30—35 лѣтъ и почти всѣ учительницы (90%) были незамужнія, тогда какъ число холостыхъ учителей (54%) почти равнялось

числу женатыхъ. Едва 25% всѣхъ учащихъ получили спеціальное педагогическое образованіе, и число учительницъ, окончившихъ семинаріи, не превышало 8%. Среднее годовое содержаніе ихъ опредѣлялось въ 191 руб.

Преемниками гр. Толстого были министры А. А. Сабуровъ и А. П. Николаи. Хотя они и занимали свои посты очень недолго (отъ 1880 по 1882 годъ), однако, А. П. Николаи оставилъ послѣ себя весьма замѣтный слѣдъ въ исторіи русской начальной школы, оффиціально признавъ за такъ называемыми школами грамотности право существованія. Этимъ школамъ грамотности, отличавшимся своею дешевизною, суждено было сыграть огромную роль уже потому, что онѣ являлись орудіемъ въ рукахъ земства для борьбы съ школами (такъ называемыми церковно-приходскими) духовнаго вѣдомства. Весь періодъ отъ начала 80-хъ и вплоть до средины 90-хъ годовъ характеризуется въ исторіи нашей начальной школы крайне острою, подчасъ ожесточенною борьбою школы общественной съ школою церковною. Ограничительная система, столь успѣшно проводимая еще покойнымъ графомъ Д. А. Толстымъ, нашла себѣ достойнаго проводителя въ министрѣ графѣ И. Д. Деляновѣ и прочную опору въ нашемъ духовномъ вѣдомствѣ. Можно смѣло сказать, что въ 80-хъ годахъ православное духовенство наглядно показало, что и оно умѣетъ быть ecclesia militans. Желая всѣми мѣрами противодѣйствовать благимъ начинаніямъ земства въ сферѣ распространенія сознательнаго народнаго образованія, духовное вѣдомство прибѣгло къ довольно грубой, разсчитанной на наше общее невѣжество уловкѣ, а именно предложило еще болѣе «удешевить» школу путемъ сокращенія ея курса до двухъ лѣтъ и исключенія изъ него всего того, что, по мнѣнію духовенства, могло только вредить учащимся. Это, въ свою очередь, должно было повліять якобы на количественное увеличеніе учащихся. Но качественная сторона, какъ показалъ опытъ, пострадала отъ этого гораздо больше, чѣмъ предполагали сами противники церковныхъ школъ. Въ 1882 году изъ бюджета министерства народнаго просвѣщенія было перечислено въ смѣту св. синода 55500 рублей на устройство и содержаніе духовенствомъ народныхъ школъ. Въ 1884 году появились правила о церковно-приходскихъ школахъ первоначально съ 2-лѣтнимъ курсомъ и программами, исключавшими всякую живую мысль и систематически подавлявшими самостоятельное мышленіе учащихся. Вскорѣ сама жизнь показала, что курсъ церковно-приходскихъ школъ нужно увеличить до 3 лѣтъ. Когда въ реакціонно-настроенныхъ сферахъ стали все чаще и чаще раздаваться голоса въ пользу передачи всего дѣла начальнаго народнаго образованія въ руки духовенства, духовное вѣдомство, опираясь на покладистость министерства народнаго просвѣщенія, воспрянуло

духомъ, учредило особый, весьма дорого стоившій совѣтъ для завѣдыванія церковно-приходскими школами и добилось все возрастающихъ ассигновокъ изъ суммъ государственнаго казначейства *). Институтъ земскихъ начальниковъ немало повліялъ на увеличеніе средствъ церковно-приходскихъ училищъ, особенно съ того момента, когда земскимъ начальникамъ было вмѣнено въ обязанность участвовать въ качествѣ непремѣнныхъ членовъ въ епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ. Насколько, впрочемъ, иногда само духовенство на мѣстахъ не сочувствовало положенію, занятому вѣдомствомъ въ школьномъ дѣлѣ, видно изъ слѣдующей выписки изъ «Отчета о состояніи церковно-приходскихъ школъ и школъ грамоты Курской епархіи за 1892—93 уч. годъ» **): «Вмѣсто сочувствія и поддержки труженику въ церковной школѣ приходится слышать или упреки, или замѣчанія въ такомъ родѣ: самъ затѣялъ школу, самъ и выворачивайся, какъ знаешь. Вмѣсто почтенія и награды приходится получать одни предписанія и замѣчанія. И смотритъ бѣднякъ-труженикъ, что его сосѣдъ-священникъ, имѣя лучшій приходъ и не имѣя школы церковной, живетъ спокойно, употребляетъ все свободное отъ приходскихъ обязанностей время на улучшеніе своего хозяйства, ничего не теряя при этомъ и въ служебномъ отношеніи, — и невольно опустятся руки у труженика, и охладѣетъ его любовь къ религіозно-нравственному образованію народа». Не знаешь, чему тутъ больше изумляться, наивности ли, или циничности подобнаго рода заявленія въ устахъ пастыря церкви.

Что же дѣлало въ это время наше спеціально-учебное вѣдомство? Освободившись отъ огромной части въ сущности лежавшей на немъ и только на немъ работы путемъ отдачи почти всѣхъ начальныхъ училищъ въ цѣпкія руки духовенства, оно занялось продолженіемъ той бюрократически-административной дѣятельности, которая сдѣлалась характерною для него еще при гр. Д. А. Толстомъ: оно увеличивало инспекцію народныхъ училищъ, оно приняло подъ свою опеку учебныя заведенія министерства финансовъ, центральныя училища и сельскія школы въ болгарскихъ и нѣмецкихъ колоніяхъ, школы въ колоніяхъ еврейскихъ, лютеранскія школы Прибалтійскаго и иновѣрческія школы Юго-западнаго края, училища при церквахъ иностранныхъ исповѣданій въ Царствѣ Польскомъ, въ Петербургѣ и Москвѣ, наконецъ, училища при римско-католическихъ церквахъ. Само собою разумѣется, что оно распространило на всѣ эти учебныя заведенія всѣ тѣ стѣсненія, которыя примѣнялись имъ столь успѣшно къ его

*) Въ 1886 году было назначено 120000 руб. въ годъ, въ 1894 году 350000 р., въ декабрѣ того же года эта сумма была удвоена, а въ 1895 году уже по 3279145 рублей въ годъ.

**) Цитировано по книгѣ гг. Фаресборка и Чарнолусскаго, р. 69.

собственнымъ школамъ. За время отъ 1881 до 1893 года былъ изданъ цѣлый рядъ постановленій относительно организаціи школъ на нашихъ окраинахъ, въ Царствѣ Польскомъ, въ Прибалтійскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Туркестанѣ и Сибири. Въ 1888 году было установлено, что предсѣдателями училищныхъ совѣтовъ и членами въ нихъ отъ городовъ и земствъ могутъ быть исключительно христіане; въ 1892 году были изданы правила, устанавливавшія строгую кару за такъ наз. тайное обученіе въ губерніяхъ бѣлорусскихъ и юго-западныхъ; въ слѣдующемъ году еврейскіе народные учителя (меламеды) были подчинены директорамъ народныхъ училищъ; наконецъ, въ 1894 году въ составъ уѣздныхъ училищныхъ совѣтовъ были включены земскіе начальники. Очевидно, что при такомъ положеніи дѣла земства не могли работать сколько-нибудь успѣшно на нивѣ народнаго образованія. Тѣмъ не менѣе, все сдѣланное ими въ этомъ отношеніи заслуживаетъ изумленія и глубокой признательности. Даже губернскія земства, до того стоявшія почти въ сторонѣ отъ низшихъ училищъ и интересовавшіяся скорѣе средне-учебными заведеніями, на сколько было возможно, теперь примкнули къ земствамъ уѣзднымъ и, соединясь съ ними, широко поставили организацію учительскихъ семинарій, съѣздовъ и курсовъ, озаботились выдачею ссудъ на постройку и содержаніе начальныхъ школъ, позаботились объ учрежденіи пенсіонныхъ и эмеритальныхъ кассъ для народныхъ учителей и учительницъ и стали добавлять изъ своихъ средствъ къ ихъ скудному содержанію, не говоря уже о цѣломъ рядѣ устроенныхъ ими читаленъ, библіотекъ, книжныхъ складовъ, справочно-педагогическихъ бюро и статистическихъ отдѣловъ, посвященныхъ собиранію и разработкѣ данныхъ о положеніи нашего начальнаго образованія. Голодъ и холера 1891—93 годовъ сыграли большую роль въ смыслѣ распространенія сознанія въ необходимости болѣе активной борьбы съ народнымъ невѣжествомъ и тѣмъ самымъ косвенно подготовили почву для предварительныхъ работъ земства по вопросу о введеніи всеобщаго обученія въ Россіи.

Хотя у насъ еще нѣтъ мало-мальски сносно составленныхъ и, главнымъ образомъ, веденныхъ по одной общей для всѣхъ системѣ статистическихъ изслѣдованій по школьному дѣлу, какія мы находимъ, напримѣръ, въ сѣверо-американскомъ Board of education, однако, изъ того разрозненнаго матеріала, который имѣется въ наличности, съ поразительною наглядностью вытекаетъ крайне печальное положеніе нашего школьнаго дѣла. Такъ, напримѣръ, въ 1866 году изъ общей суммы государственнаго бюджета на всѣ расходы по министерству народнаго просвѣщенія приходилось лишь 1,6% всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, а чрезъ 30 съ лишнимъ лѣтъ, когда государственный бюджетъ почти учетверился, расходы по названному министер-

ству на учебную часть выразились лишь въ 2,03%. Въ 1866 году всѣ расходы государства на низшія учебныя заведенія по вѣдомствамъ просвѣщенія и духовному составляли 0,3% обыкновенныхъ государственныхъ расходовъ, а въ 1897 году они достигли едва 0,7%; при этомъ увеличеніе отразилось, главнымъ образомъ, на школахъ духовнаго вѣдомства. Еще болѣе любопытныя данныя по частнымъ вопросамъ этого рода читатель найдетъ на стр. 80—83 часто цитировавшагося нами труда гг. Фальборка и Чарнолусскаго. Однако, нашъ историческій очеркъ былъ бы неполонъ, если бы мы не коснулись здѣсь въ двухъ словахъ того, что дѣлалось въ отношеніи народнаго образованія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ. Статья В. Скалона, «Народное образованіе въ Финляндіи», приложенная къ книгѣ гг. Фальборка и Чарнолусскаго, вполнѣ исчерпываетъ этотъ вопросъ. Заимствуемъ поэтому изъ нея нѣсколько данныхъ. Въ 1854 году, при общемъ населеніи въ 1698000 душъ, въ Финляндіи насчитывалось всего около 80 школъ съ 2500 учащимися. Въ 1858 году было издано «Высочайшее повелѣніе объ основаніяхъ устройства народнаго образованія въ Великомъ Княжествѣ Финляндскомъ, а 11 мая 1866 г. это постановленіе получило силу закона, которую, съ нѣкоторыми дополненіями, сохранило и по сей день. Въ силу этого закона школа отдѣлена отъ церкви. Въ сельскихъ приходахъ учреждаются такъ называемыя дѣтскія школы или школы грамоты, постоянныя или передвижныя, съ курсомъ, не выходящимъ за предѣлы начальнаго домашняго обученія. Въ городахъ онѣ являются низшими классами общихъ школъ. Кромѣ этихъ школъ, существуютъ еще высшія народныя школы для дѣтей отъ 9 до 12 лѣтъ. Въ городскихъ школахъ этого типа мальчики могутъ быть обучаемы иностраннымъ языкамъ. Учебный годъ обнимаетъ не менѣе 36 недѣль съ 30—36 недѣльными уроками. Въ низшихъ школахъ съ 3-лѣтнимъ курсомъ дѣти обучаются въ возрастѣ отъ 7 до 10 лѣтъ, притомъ чаще всего оба пола совмѣстно, въ высшихъ же—раздѣльно, въ возрастѣ отъ 8 до 14 лѣтъ. Высшія школы не обязательны для сельскихъ общинъ. Кромѣ пособій на жалованье учителямъ, казна съ 1888 года выдаетъ пособія на постройку школьныхъ зданій. Въ 1872 году число разныхъ финляндскихъ школъ не превышало 183, теперь оно достигло солидной цифры около 2300. Число учащихся въ нихъ равнялось до 210000 человѣкъ. Въ 1893 г. финляндскій сенатъ выработалъ проектъ объ изданіи закона о введеніи обязательнаго обученія, который, однако, не прошелъ. 24 мая 1898 года было издано Высочайшее постановленіе о поощреніи открытія высшихъ народныхъ училищъ въ сельскихъ общинахъ. Учить разрѣшается въ народныхъ училищахъ лишь лицамъ, получившимъ отъ учительской семинаріи свидѣтельство на право преподаванія и

отличающимся безукоризненною нравственностью. Преподавательскій персоналъ высшихъ народныхъ школъ получаетъ содержаніе отъ казны: при готовой квартирѣ и участкѣ земли для огорода 300 руб. учителя и 225 руб. учительницы; въ первыя 15 лѣтъ службы окладъ увеличивается на 10% чрезъ каждое пятилѣтіе, а по выслугѣ 20 лѣтъ на 20%. Кромѣ этого жалованья, учителя получаютъ еще половину взимаемой съ учащихся платы за ученіе. Лица, прослужившія свыше 30 лѣтъ, получаютъ въ видѣ пенсіи свой основной окладъ (300 или 225 р.) полностью. Даже на 5-лѣтнюю службу имъ полагается, въ случаѣ болѣзни, пенсія въ размѣрѣ $^1/_4$ оклада. 11 марта 1880 г. былъ утвержденъ уставъ пенсіонной кассы для вдовъ и сиротъ народныхъ учителей. Подготовку свою учителя получаютъ либо въ университетѣ или лицеяхъ, либо въ одной изъ 6 учительскихъ семинарій (въ Ювяскюля смѣшанная, въ Нюкарлебю мужская, въ Экенесѣ женская, въ Сердоболѣ смѣшанная, наконецъ, въ Брагестадѣ и Раумо) съ 3-лѣтнимъ курсомъ. За все время существованія семинарій по 1897 г. ими было выпущено 2251 учителей и учительницъ. Наблюденіе за всѣми финскими и шведскими низшими и средними учебными заведеніями края лежитъ на главномъ управленіи училищнаго вѣдомства, учрежденномъ въ 1869 г. и состоящемъ въ вѣдѣніи Экспедиціи духовныхъ дѣлъ хозяйственнаго департамента сената. Сообразно разрядамъ школъ низшихъ и среднихъ, главное управленіе, по уставу 18 октября 1898 года, состоитъ изъ двухъ отдѣленій. Къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста лишаетъ насъ возможности остановиться подробнѣе на школьномъ дѣлѣ Финляндіи. Ограничимся поэтому лишь приведеніемъ нѣсколькихъ интересныхъ статистическихъ данныхъ. За 1896/7 учебный годъ въ городскихъ школахъ училось всего 24835 дѣтей (12391 мальчикъ и 12444 дѣвочки) при 732 учащихъ (195 учителей и 537 учительницъ); изъ нихъ въ собственно народныхъ школахъ было 23565 дѣтей (въ низшихъ школахъ 10740 человѣкъ), въ вечернихъ классахъ 750 учащихся (396 мальчиковъ и 354 дѣвочки), въ дополнительныхъ классахъ 283 человѣка (81 мальчикъ и 202 дѣвочки). Въ 1403 сельскихъ народныхъ школахъ за то же время обучалось 62847 дѣтей (34737 мальчиковъ и 28110 дѣвочекъ) при 1552 учащихъ (807 учителей и 745 учительницъ). Приготовительныхъ школъ было 1129 съ 38782 учащимися, дополнительныхъ школъ 151 съ 2416 учащимися. Такимъ образомъ, при общемъ населеніи страны въ 2483249 душъ, одинъ учащійся въ народной школѣ приходился на 19,2 жителей, что даетъ довольно низкій % въ почти 5 человѣкъ на 100. Но при этомъ слѣдуетъ замѣтить, что, по словамъ В. Скалона (стр. 249), «нормальная народная школа, несмотря на свое значительное развитіе, до сихъ поръ играетъ лишь небольшую роль въ дѣлѣ распространенія народа.

До сихъ поръ огромное большинство дѣтей учебнаго возраста обучается или въ семьѣ, или въ школахъ грамоты разныхъ типовъ». Отсюда понятно, почему Л. Іолли (l. c., p. 24), опираясь на извѣстное изслѣдованіе Левассера, находитъ все-таки возможнымъ опредѣлить процентное отношеніе учащихся къ числу жителей Финляндіи въ 11. Школьное дѣло въ Финляндіи за самое послѣднее время растетъ чрезвычайно, и въ связи съ вопросомъ о введеніи тамъ всеобщаго обученія поднятъ вопросъ объ установленіи непосредственной связи между школою начальною и школою среднею. Среднія учебныя заведенія Финляндіи распадаются на лицеи (31, въ томъ числѣ 21 полный, всецѣло соотвѣтствующій нашимъ гимназіямъ), подготовительныя къ нимъ школы (3), низшія (22) и среднія (2) реальныя училища и женскія училища (60 съ почти гимназическимъ курсомъ). Изъ всѣхъ этихъ среднихъ учебныхъ заведеній 58 содержатся государствомъ, а 60 частными лицами. Университетовъ въ Финляндіи 1 въ Гельсингфорсѣ, пользующійся полною автономіею, самоуправленіемъ и свободою преподаванія. Онъ былъ основанъ первоначально въ Або (1640 г.) и переведенъ въ 1828 году въ Гельсингфорсъ, распадается на 4 факультета (богословскій, юридическій, медицинскій и философскій). Число преподавателей въ 1905 году равнялось 166; число студентовъ и студентокъ (первая студентка была принята въ 1870 году) достигало 2640. Всѣ они освобождены отъ какой бы то ни было платы за слушаніе лекцій, которыя читаются почти исключительно на шведскомъ языкѣ.

Недостатокъ мѣста, съ одной, и общеизвѣстность современной организаціи нашего начальнаго народнаго образованія, съ другой стороны, освобождаютъ насъ отъ необходимости сколько-нибудь останавливаться на вопросѣ о теперешнемъ состояніи этого дѣла, тѣмъ болѣе, что манифестъ 17 октября 1905 года открылъ и въ области народнаго образованія совершенно новую эру. Обновленная Россія не замедлитъ кореннымъ образомъ переустроить всю постановку народнаго образованія, и, будемъ надѣяться, не за горами то время, когда Россія сможетъ конкурировать въ этомъ отношеніи съ наиболѣе культурными и передовыми странами міра. Для этого, конечно, потребуется отказаться на первомъ планѣ отъ прежней рутины, уничтожить царящую теперь въ школьномъ дѣлѣ крайнюю централизацію, освободить особенно народную школу отъ опеки разныхъ не могущихъ по самому существу своему стоять на должной объективной высотѣ вѣдомствъ и предоставить широчайшее поле дѣятельности въ этомъ направленіи обществу и частной иниціативѣ. Вопросъ о коренной ломкѣ нашей средней школы уже давно занимаетъ наше учебное вѣдомство, сильно волнуя все общество. Еще бо́льшая ломка предстоитъ нашей

начальной, въ собственномъ смыслѣ слова, народной школѣ въ разныхъ ея видахъ (одноклассныхъ и двухклассныхъ городскихъ и приходскихъ училищъ). Населеніе выросло изъ тѣхъ узкихъ рамокъ, въ которыхъ его старался держать прежній режимъ, и настоятельно требуетъ всеобщаго обязательнаго обученія, съ одной, а также единства школы, съ другой стороны. Первый вопросъ (о введеніи обязательнаго всеобщаго обученія) не только стоитъ на очереди, но, если вѣрить газетамъ, уже близится къ окончательному въ положительномъ смыслѣ разрѣшенію; а это должно будетъ произвести коренной переворотъ во всемъ строѣ нашей школьной жизни, создать совершенно новыя нормы и радикально измѣнить тяжелое доселѣ положеніе нашихъ тружениковъ на тернистомъ пути народнаго образованія.

Въ виду всего вышесказаннаго мы ограничимся приведеніемъ лишь нѣсколькихъ статистическихъ данныхъ, краснорѣчивѣе всего прочаго характеризующихъ современное положеніе школьнаго у насъ дѣла. А такъ какъ во II главѣ нашей брошюры всѣ статистическія данныя относились ко второй половинѣ 90-хъ годовъ, то для бо́льшаго единства мы и здѣсь извлечемъ наши свѣдѣнія изъ выпущеннаго къ вѣнской выставкѣ 1898 года нашимъ учебнымъ вѣдомствомъ труда «Статистическія свѣдѣнія по начальному образованію въ Россійской Имперіи за 1896 годъ». Если мы мысленно увеличимъ эти данныя на 10—12%, то получимъ болѣе или менѣе точную картину того положенія, въ какомъ находится это дѣло въ настоящую минуту. «Общее количество всѣхъ существующихъ у насъ организованныхъ низшихъ и начальныхъ школъ», читаемъ у гг. Фальборка и Чарнолусскаго (l. c., 144), «опирающихся на вышеприведенныя «Статистическія свѣдѣнія», равняется 47807 съ 2996855 учащимися. Сравнивая эти цифры съ численностью населенія, получимъ, что на каждыя 10 т. жителей у насъ имѣется теперь едва 3,8 школы, а процентъ учащихся ко всему населенію достигаетъ едва 2,4. . . По количественному уровню развитія народнаго образованія разныя губерніи Россіи и разныя ея административные районы представляются далеко неодинаковыми. Наибольшій процентъ учащихся по отношенію къ населенію наблюдается въ Прибалтійскомъ краѣ *), гдѣ онъ достигаетъ 5,7%; непосредственно за нимъ стоятъ земскія губерніи съ 2,9% учащихся (съ максимумомъ въ Тверской—4,1%—и Ярославской—4,6%—губерніяхъ), а затѣмъ въ убывающемъ порядкѣ процента учащихся идутъ: Царство Польское (2,2%), остальныя неземскія губерніи Европейской Россіи (1,8%), Сибирь (1,6%) Кавказъ (1,2%), Степной край (0,3%) и, наконецъ, Туркестанъ (0,1%) . . . . . Спе-

*) Тамъ довольно давно уже введено обязательное обученіе.

ціальныхъ учебныхъ заведеній вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія, служащихъ для приготовленія учительскаго персонала для начальныхъ школъ, Россія имѣла въ 1896 году лишь 78 съ 5242 учащимися; среди послѣднихъ лицъ женскаго пола было еще меньше, чѣмъ среди учащихся въ народныхъ школахъ, а именно всего 7%. Учащихся, окончившихъ курсъ, было 1060, что *) составляетъ около 20% общаго числа учащихся». По чистосердечному признанію министерства народнаго просвѣщенія, содержаніе народныхъ училищъ въ 1900 году опредѣлялось въ видѣ расхода въ 37,6 коп. на душу населенія **).

Въ заключеніе приведемъ нѣсколько цифръ относительно среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній Россіи (конечно, цифры приноровлены также ко второй половинѣ 90-хъ годовъ). Учительскихъ институтовъ и семинарій было тогда 79 съ 6974 учащимися (1525 въ институтахъ, 4388 въ семинаріяхъ, 364 въ иногородныхъ уч. школахъ и 697 въ земскихъ уч. школахъ) при 985 преподавателяхъ и должностныхъ лицахъ. Классическихъ гимназій мужскихъ было 180 (въ томъ числѣ 5 при церквахъ иностранныхъ исповѣданій, Александровскій дворянскій институтъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ и лицей Цесаревича Николая въ Москвѣ, наконецъ Коллегія Павла Галагана въ Кіевѣ) и прогимназій 59 (20 шестиклассныхъ и 39 четырехклассныхъ). Учащихся въ нихъ было 61079 при 4942 учащихъ. Такимъ образомъ на 475 тыс. жителей приходилось одно учебное заведеніе этого рода и на 1870 жит. одинъ гимназистъ. Въ 104 реальныхъ училищахъ обучалось 23577 человѣкъ, въ 34 кадетскихъ корпусахъ и морскомъ корпусѣ около 10000 чел., въ 55 духовныхъ семинаріяхъ 18597 чел., въ 186 духовныхъ училищахъ 31110 чел., въ 221 техническихъ училищахъ 12521, а всего 156880 чел. Вмѣстѣ съ 94869 дѣвушками (изъ нихъ въ 193 гимназіяхъ министерскихъ и Маріинскаго вѣдомства обучалось 45544, въ 150 прогимназіяхъ 18819, въ 21 институтѣ 7426 и въ 61 епархіальномъ училищѣ 13080) число учившихся въ средне-учебныхъ заведеніяхъ опредѣлится въ 251753 человѣка (съ спеціальными учебными заведеніями, въ родѣ коммерческихъ училищъ, общеобразовательныхъ классовъ при Академіи Художествъ, консерваторіяхъ и т. п.)

*) По «Статистическимъ даннымъ по начальному образованію въ Россійской Имперіи» за 1900 годъ въ Россіи насчитывалось 4581000 учащихся во всякаго рода начальныхъ училищахъ всякихъ наименованій и вѣдомствъ. Это составляетъ уже немногимъ болѣе 3% всего народонаселенія. Около $^2/_3$ всѣхъ русскихъ дѣтей школьнаго возраста вовсе не попадаетъ ни въ какія школы. Изъ учащихся дѣвочки, въ свою очередь, составляютъ только 27%.

**) Вспомнимъ расходъ С. А. Соединенныхъ Штатовъ (200 милл. долларовъ).

круглымъ счетомъ 300000 чел.; изъ нихъ дѣвушки составляли около 40%. Наконецъ, въ 9 университетахъ: с.-петербургскомъ (основ. въ 1819 г.), московскомъ (1755 г.), казанскомъ (1804 г.), харьковскомъ (1804 г.), кіевскомъ (1833 г.), юрьевскомъ (1803 г.), новороссійскомъ (1864 г.), варшавскомъ (1869 г.) и томскомъ (1888 г.) общее число учащихся къ 1900 году равнялось 16497 студ. и 1109 вольнослуш. Изъ нихъ наибольшее число учащихся приходилось на университеты: московскій (26%), с.-петербургскій (22,9), кіевскій (15,9%) и харьковскій (8,4%). По распредѣленію по факультетамъ наибольшее число студентовъ приходилось на юридическій (44%) и медицинскій (28,1%), наименьшее на историко-филологическій (3,9%) и факультетъ восточныхъ языковъ (1%), имѣющійся, впрочемъ, только въ одномъ с.-петербургскомъ университетѣ. Число учащихся въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ (технологическихъ, Горномъ, Лѣсномъ институтахъ, Военно-Медицинской Академіи, институтахъ гражданскихъ инженеровъ, инженеровъ путей сообщенія и т. п.) почти въ 3 раза превосходило число университантовъ.

Указатель литературы.

Главнѣйшія сочиненія по затронутому въ этой брошюрѣ вопросу попутно указывались либо въ текстѣ, либо въ подстрочныхъ къ нему примѣчаніяхъ. Здѣсь мы пополнимъ этотъ списокъ еще слѣдующими книгами (на русскомъ и иностранныхъ языкахъ) и нѣкоторыми, особенно интересными статьями въ нашихъ педагогическихъ журналахъ.

На нѣмецкомъ языкѣ:

A. Baumeister, «Die Einrichtung u. Verwaltung des höheren Schulwesens in den Kulturländern», 1897.
I. Clausnitzer, «Geschichte des preussischen Unterrichtsgesetzes», 2 Aufl. 1891.
R. Dulon, «Aus Amerika. Ueber Schule etc.», 1886.
K. Fischer, «Geschichte des deutschen Volksschullehrerstandes», 2 Bde. 1892 и 1897.
Hunsicker, «Geschichte der schweizerischen Volksschule», 1881.
M. Lauer, «Entwickelung und Gestaltung des belgischen Volksschulwesens seit» 1842, 1885.
Его же, «Entwickelung und Gestaltung des niederländischen Volksschulwesens», 1885.
Pauisen, «Geschichte des gelehrten Unterrichts», 2 Aufl., 1896.
A. Petersilie, «Das niedere Schulwesen Preussens», 1893.
Его же, «Das oesterreichische Unterrichtswesen», 1897.
Wagner, «Das Volksschulwesen in England», 1864.
Weigert, «Die Volksschule in Frankreich», 1890.
Wychgram, «Das weibliche Unterrichtswesen in Frankreich», 1886.

На французскомъ языкѣ:

Demogeot et Montucci, «De l'enseignement supérieur en Angleterre en Ecosse» 1868.
A. Duruy, «L'instruction publique», 1886.
Ferneuil, «La réforme de l'instruction publique», 2 éd., 1881.
Gossot, «Essai critique sur l'enseignement primaire en France», 1900.
Greyson, «L'enseignement publique en Belgique», 1893. 1892.
Jost, «Annuaire de l'enseignement primaire en France»,
Paulet, «L'enseignement primaire professionel», Paris, 1889.

На англійскомъ языкѣ:

N. Murray Buttler, «Monographies on education in the U.-States», 1900
Craik. «The state in its relation to education», 1884.
Fitch, «Notes on Americain schools and Training Colleges», 1891.
Klemm, «European schools», 1891.
Magnus, «National Eduation», 1901.

На русскомъ языкѣ подробнѣйшая библіографія вопроса помѣщена (по разнымъ отдѣламъ) въ книгѣ Г. Фальборка и В. Чарнолусскаго, «Народное образованіе въ Россіи» (стр. 223—248), куда мы и отсылаемъ всѣхъ интересующихся. Богатый матеріалъ, притомъ касающійся новѣйшаго времени, имѣется въ статьѣ П. Г. Мижуева, «Элементарное образованіе» (въ 80 томѣ «Энц. Слов.», Брокгаузъ-Ефрона). Наконецъ, изъ журнальныхъ статей на русскомъ языкѣ заслуживаютъ вниманія слѣдующія:

Л С., «Начальное образованіе въ Англіи» («Вѣстн. Восп.», 1900, IV).
Проф. Горбуновъ, «Начальное образованіе въ столицѣ Германской Имперіи» («В. В.», VI, VII, XII).
В. А. Бильбасовъ, «Изъ исторіи народной школы» («Русск. Шк.», 1900, III).
Вл. Фармаковскій, «Русское начальное нар. образ. на Парижской всемірной выставкѣ» («Р. Шк.», 1900, XII).
И. Якимовъ, «Начальное нар. образованіе на о. Сахалинѣ» («Р. Шк.», 1902, II).
Сырневъ, «Расходы земствъ на нар. образ. въ 1900 г.» («Р. Шк.», 1901, XII).
И. Красноперовъ, «Народное образованіе въ Италіи» («В. В.», 1901 г., V).
И. Красноперовъ, «Дѣятельность тверского губернскаго земства въ области нар. обр.» («В. В.», 1901 г., VII).
Н. Сперанскій, «Очерки по исторіи народной школы. Народное образованіе и реформація» («В. В.», 1902 г., I—IV).
Ивановичъ, «Изъ прошлаго и настоящаго нашего законодательства по нар. образованію» («В. В.», 1905, VII).
Н. В. Чеховъ, «Организація и задачи начальной школы» («В. В.», 1906, V).
К. Н. Левинъ, «Начальное народное образованіе въ Россіи по послѣдн. статист. даннымъ» («Р. Шк.», 1903, X—XI).
И. Гавриловичъ, «Нѣкоторыя черты изъ постановки нар. просв. въ Закавказьѣ» («Р. Шк.», 1903, X—XI).
М. Столяровъ, «Русскіе писатели и вопросы воспитанія и народн. образованія» («Р. Шк.», 1904, V—VIII).
П. Морозовъ, «Народная школа въ Финляндіи» («Р. Шк.», 1905, IV).
И. П. Бѣлоконскій, «Обзоръ дѣятельности земствъ по нар. обр.» («Р. Шк.», 1905, IV—IV).
В. В. Бирюковичъ, «Начальное образованіе и его нужды» («Р. Шк.», 1905, I—XI).
А. А. Красевъ, «Что могутъ и должны давать народу наши начальныя народныя училища» («Р. Шк.» 1905, II—XII).
С. И. Анцыферовъ, «Справочная книга по низшему образованію». Годъ I (1905). Безплатное приложеніе къ журналу «Извѣстія по народному образованію» за 1904 годъ.
Н. Ахутинъ, «Къ вопросу о подготовкѣ народныхъ учителей» («Р. Шк.», 1905, I).
Е. Елачичъ, «Начальное народное образованіе въ Саксоніи» («Р. Шк.», 1905, V).
Вл. Фармаковскій, «О желательной организаціи женскихъ учит. семинарій» («Р. Шк.», 1905, I—II).
А. П. Раменскій, «Проектъ статсъ-секретаря А. И. Куломзина о доступности начальной школы» («Р. Шк.», 1905, III).

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Всемірная исторія по странамъ и эпохамъ.

II.

Проф. Ф. Гоммель.

ИСТОРІЯ ДРЕВНЯГО ВОСТОКА.

Переводъ съ 3-го дополненнаго нѣмецкаго изданія Г. Г. ГЕНКЕЛЯ.

Съ 1 картою и 18 рисунками.

Приложеніе къ журналу

„Вѣстникъ и Библіотека Самообразованія"

за апрѣль 1905 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1905.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8 Апрѣля 1905 г.

Типогр. Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер., № 6.

ВВЕДЕНІЕ.

Что такое исторія Востока?

Въ понятіе «исторія Востока» мы включаемъ не только Переднюю Азію съ ея разнородными государствами, но также и Индію; сюда же слѣдовало бы включить и «Дальній Востокъ», Китай, какъ расположенный на востокъ отъ Европы. Тѣмъ не менѣе, когда рѣчь заходитъ объ изображеніи исторіи древняго Востока, мы совершенно основательно исключаемъ изъ состава нашего разсмотрѣнія Индію и Китай. Правда, родина начатковъ китайской культуры, какъ и культуры Египта, лежитъ въ Вавилоніи; однако, исторія «Срединной Имперіи» протекла почти совершенно въ сторонѣ отъ исторической жизни западной Азіи. Поэтому она не представляетъ для насъ здѣсь сколько-нибудь значительнаго интереса.

Съ другой стороны, исторія западной Азіи обнимаетъ собою процессъ развитія той культуры, на которой зиждется вся наша цивилизація; она—преддверіе къ исторіи Эллады и Рима. Начало ея—исторія древнѣйшихъ въ мірѣ культурныхъ государствъ, Вавилоніи и Египта; далѣе она обнимаетъ судьбы маленькой, но лежащей какъразъ посрединѣ между Вавилоніею и Египтомъ Палестины, служа эффектнымъ фономъ и нерѣдко ключемъ къ пониманію явленій исторіи библейской. Въ заключеніе, исторія Передней Азіи переноситъ центръ тяжести мірового владычества и, вмѣстѣ съ тѣмъ, первенствующую роль въ развитіи цивилизаціи на Западъ, который въ продолженіе предшествовавшаго тысячелѣтія успѣлъ воспринять отъ Востока главнѣйшія основы культуры (письменность, мѣры вѣса, емкости и т. п.).

Хотя культура Индіи въ главныхъ чертахъ, по всей вѣроятности, и представляется отпрыскомъ цивилизаціи вавилонской, однако, здѣсь она затронута быть не можетъ уже потому, что исторія Индіи начи-

нается тамъ, гдѣ оканчивается исторія Передней Азіи, т.-е. въ моментъ появленія Будды.

Неоднократное и тѣсное общеніе Египта, повидимому, неумѣстно включаемаго въ исторію Передней Азіи, съ Палестиною. Вавилоніею и Ассиріею оправдываетъ то, что мы разсматриваемъ его здѣсь, тѣмъ болѣе, что роль Египта въ исторіи Передней Азіи чрезвычайно велика. Помимо этого не слѣдуетъ забывать, что, съ одной стороны, географическое строеніе Египта приближаетъ его скорѣе къ странамъ азіатскимъ, чѣмъ африканскимъ, а съ другой—теперь все болѣе и болѣе выясняется, что Египетъ получилъ своихъ первыхъ поселенцевъ да и всю вообще свою культуру, въ древнѣйшее время изъ Вавилоніи.

Источники исторіи Востока.

Прежде мы располагали почти исключительно только свѣдѣніями, въ большинствѣ случаевъ къ тому еще ненадежными, изъ греческихъ и римскихъ писателей; изъ мѣстныхъ источниковъ въ нашемъ распоряженіи были ветхозавѣтныя книги, касающіяся, главнымъ образомъ, лишь Палестины, и, кромѣ того, нѣсколько отрывковъ позднѣйшихъ вавилонскихъ и египетскихъ историковъ—именно, жившихъ приблизительно въ періодъ Александра Великаго Беросса и Манеѳона, — причемъ и эти отрывки лежали передъ нами лишь въ видѣ греческихъ переводовъ. Благодаря дешифровкѣ и всестороннему изученію вавилонско-ассирійскихъ и египетскихъ памятниковъ въ этомъ дѣлѣ съ середины минувшаго столѣтія отмѣчается рѣзкая перемѣна. Съ тѣхъ поръ систематически веденныя раскопки дали намъ много тысячъ клинописныхъ текстовъ и іероглифическихъ надписей, въ томъ числѣ значительное количество памятниковъ съ содержаніемъ историческаго характера. Въ настоящее время оказывается возможнымъ столь же увѣренно прочесть и перевести такіе источники, какъ мы разбираемся въ любомъ трудномъ древне-еврейскомъ текстѣ или въ греческой надписи. Храмы и дворцы, отчасти относящіеся къ древнѣйшимъ временамъ, являются для насъ уже не только по своимъ въ культурно-историческомъ отношеніи столь важнымъ скульптурнымъ памятникамъ свидѣтелями глубокой, сѣдой старины, но и повѣствуютъ намъ о ней въ надписяхъ, нерѣдко густо покрывающихъ ихъ стѣны, а также въ глиняныхъ табличкахъ или же, какъ это замѣчается въ Египтѣ, въ свертках папируса, найденныхъ подъ грудами развалинъ этихъ зданій. Ясно, что благодаря такому положенію дѣлъ какъ языкознаніе, такъ и археологія Востока оказались въ совершенно новыхъ

условіяхъ, и что объ изложеніи исторіи Передней Азіи рѣчь могла зайти лишь тогда, когда были тщательно разобраны и изучены вышеупомянутые клинописные и гіероглифическіе тексты.

Дешифровка клинописи и гіероглифовъ.

Начало разбору клинописныхъ текстовъ положилъ въ 1802 году нѣмецкій ученый Георгъ Фридрихъ Гротефендъ, тогда какъ разборъ гіероглифовъ былъ начатъ въ двадцатыхъ годахъ минувшаго столѣтія французомъ Ж. Франсуа Шампольліономъ. Основываясь на найденной въ 1799 году двуязычной, т.-е. написанной по-египетски и по-гречески, надписи, такъ называемомъ Розеттскомъ камнѣ, Шампольліонъ имѣлъ возможность еще до своей преждевременной, послѣдовавшей въ 1832 году смерти довести въ главнѣйшихъ чертахъ до конца всю работу по дешифровкѣ египетскихъ гіероглифовъ, тогда какъ относительно клинописи, представляющей гораздо больше затрудненій, этого удалось достигнуть лишь въ 40-хъ и 50-хъ годахъ благодаря соединеннымъ усиліямъ двухъ англійскихъ ученыхъ, Раулинсона и Гинкса, и нѣмецкаго изслѣдователя, Юлія Опперта.

Результаты этихъ дешифровокъ по праву считаются крупнѣйшими научными успѣхами минувшаго столѣтія. Послѣ того какъ вышеупомянутая двуязычная надпись дала ключъ къ дешифровкѣ гіероглифовъ, удалось постепеннымъ переходомъ отъ болѣе легкихъ къ болѣе труднымъ текстамъ разобраться въ полномъ хаосѣ буквенныхъ и слоговыхъ знаковъ, пояснительныхъ гіероглифовъ и идеограммъ (т.-е. такихъ изображеній, которыя въ видѣ о д н о г о гіероглифа означаютъ цѣлое слово), однимъ словомъ въ массѣ гіероглифовъ, общее количество которыхъ превышаетъ тысячу. Хотя въ этомъ дѣлѣ существенную помощь оказалъ языкъ коптскій, происходящій отъ древне-египетскаго и обладающій довольно обширною христіанскою литературою, памятники которой написаны греческими буквами, тѣмъ не менѣе, заслуга француза Шампольліона и его французскихъ, англійскихъ и нѣмецкихъ преемниковъ отъ этого нисколько не умаляется и по справедливости вызываетъ въ насъ изумленіе. Начало разбору гіероглифическихъ знаковъ положили написанныя чисто-алфавитнымъ способомъ имена Птолемея, Клеопатры и Александра. Но такъ какъ гіероглифическое письмо состоитъ не только изъ 24 алфавитныхъ знаковъ, которыми изрѣдка и попутно пользовались для облегченія чтенія текстовъ, но представляетъ цѣлую, чрезвычайно запутанную систему, то на основаніи одного этого мы уже можемъ составить

себѣ нѣкоторое представленіе о трудностяхъ, предстоявшихъ французскому ученому, и объ его остроуміи, при помощи котораго ему удалось столь блестяще разрѣшить взятую имъ на себя трудную задачу.

При подобныхъ, настолько же благопріятныхъ условіяхъ дешифровка клинописныхъ текстовъ представила бы меньше трудностей, чѣмъ разборъ іероглифовъ: въ вавилонско-ассирійской письменности совершенно нѣтъ алфавитныхъ знаковъ, а имѣются только знаки для обозначенія слоговъ и идеограммы, причемъ примѣненіе послѣднихъ развито гораздо слабѣе, чѣмъ въ шрифтѣ іероглифическомъ. Вдобавокъ приблизительно 1000 іероглифамъ египетскаго шрифта клинопись противопоставляетъ лишь около 400 ассирійско-вавилонскихъ знаковъ. Однако, съ одной стороны, тутъ съ самаго начала пришлось преодолѣть цѣлыхъ двѣ различныхъ системы клинописи, а именно упрощенную, состоящую примѣрно изъ 50 знаковъ, древне-персидскую, и болѣе сложную—вавилонско-ассирійскую; съ другой стороны, тутъ не было живого языка, въ родѣ коптскаго, и, наконецъ, тутъ не находилось другого ключа къ отгадкѣ текстовъ, какъ только древне-персидскія надписи, которыя сами еще нуждались въ дешифровкѣ. Персидскіе цари ахэменидской династіи (Дарій и Ксеркъ) оставили послѣ себя надписи на трехъ языкахъ, хотя и написанныя клинописью; какъ впослѣдствіи оказалось, первые столбцы этихъ надписей были составлены всегда на языкѣ древне-персидскомъ, вторые на сузскомъ, третьи на вавилонско-ассирійскомъ. Для того, чтобы дешифрировать третью категорію этихъ текстовъ, какъ по языку, такъ и по характеру шрифта совпадавшихъ съ найденными въ Ниневіи и Вавилонѣ клинописными памятниками, ученые приступили къ разбору болѣе простой, древне персидской клинописи, состоящей приблизительно лишь изъ 50 различныхъ знаковъ. Вышеупомянутый Гротефендъ былъ первымъ ученымъ, предположившимъ, что найденные въ Персеполѣ памятники заключаютъ въ себѣ надписи царей ахэменидской династіи. Онъ же установилъ почти безошибочное значеніе слѣдующихъ клинописныхъ знаковыхъ группъ: «Дарій, царь великій, царь царей... Гистаспа сынъ, ахэменидъ» и «Ксеркъ, царь великій, царь царей, ...Дарія царя сынъ, ахэменидъ». Уже тогда казалось правдоподобнымъ предположеніе, что въ этой первой категоріи клинописныхъ текстовъ наука имѣетъ дѣло съ памятниками, написанными на индо - германскомъ языкѣ древне-персидскихъ царей ахэменидской династіи. Основываясь на этомъ и продолжая изслѣдованія въ томъ же направленіи, великіе знатоки языковъ санскритскаго и зендскаго, Бюрнуфъ и Лассенъ, равно какъ остроумный офицеръ англійской арміи Генри Раулинсонъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ минувшаго столѣтія вполнѣ и до мельчайшихъ подробностей разобрали древне-персид-

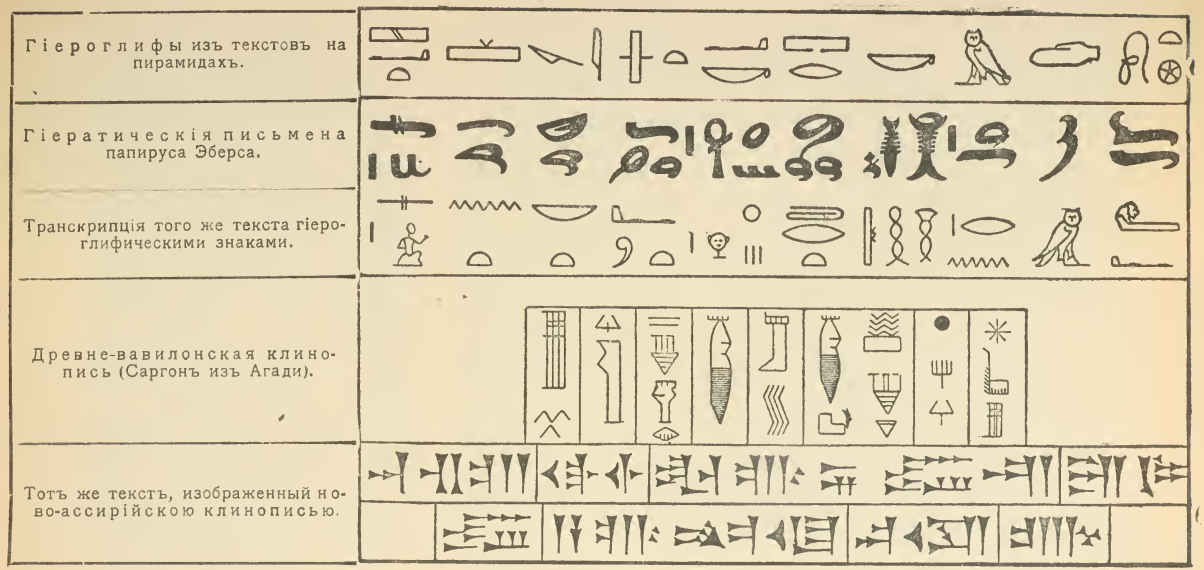


Рис. 1. Образцы египетскихъ, вавилонскихъ и ассирійскихъ письменъ.

скія части упомянутыхъ клинописныхъ текстовъ, составленныхъ на трехъ языкахъ.

Лишь по рѣшеніи этой задачи получился ключъ къ дальнѣйшей дешифровкѣ гораздо болѣе затруднительной клинописной системы третьей категоріи текстовъ, вавилонско-ассирійскихъ. Главная заслуга при рѣшеніи этой новой задачи принадлежитъ только-что названному Г. Раулинсону. «Memoir on the Babylonian and Assyrian inscriptions», въ которомъ Раулинсонъ изложилъ результаты своихъ трудовъ, вышло въ Лондонѣ въ 1851 году. Этимъ было положено начало чисто-филологическимъ изслѣдованіямъ частностей, тѣмъ болѣе, что какъ-разъ около того же времени археологическія раскопки англійскихъ и французскихъ ученыхъ (Лейярда, Ботта и др.) на почвѣ древнихъ Ниневіи и Вавилона дали обильный матеріалъ новыхъ надписей. Филологическія изслѣдованія этихъ текстовъ на первомъ планѣ тѣснѣйшимъ образомъ связаны съ именами уже вышеупомянутыхъ ученыхъ, ирландца Эд. Гинкса и Ю. Опперта въ Парижѣ. Когда позже, въ началѣ семидесятыхъ годовъ, Э. Шрадеръ пересадилъ «ассиріологію» на почву Германіи, онъ, главнымъ образомъ, ознакомилъ нѣмецкихъ ученыхъ съ существенными результатами изслѣдованій этихъ вышеназванныхъ спеціалистовъ. Благодаря дальнѣйшему глубокому филологическому изученію новооткрытаго вавилонско-ассирійскаго языка, которому вскорѣ затѣмъ посвятили свои силы Фридрихъ Деличъ и его ученики (подобно тому какъ въ области египтологіи это сдѣлали Лепсіусъ, Бругшъ, Адольфъ Эрманнъ и его школа), языкъ этотъ немного спустя занялъ равное по значенію мѣсто въ кругу прочихъ наукъ семитологическаго востоковѣдѣнія.

Арена исторіи древняго Востока *).

Передне-азіатская горная страна обнимаетъ Иранъ, Арменію и Малую Азію, обнаруживая тѣснѣйшую связь и близкое родство съ Центральною Азіею. Какъ въ той, такъ и въ другой горы представляютъ слои могучихъ почвенныхъ складокъ, а лежащія между ними плоскогорія возникли не изъ горизонтально расположенныхъ пластовъ, но образовались гораздо позже вслѣдствіе заполненія ложбинъ между отдѣльными цѣпями горныхъ складокъ отложеніями щебня, валуновъ, песковъ и пыли. Совершенно иной типъ

*) Авторъ этого географическаго отдѣла — проф. Гейдерихъ (Вѣна-Мёдлингъ).

являетъ примыкающее къ западнымъ частямъ передне-азіатскаго плоскогорія плато Сирійско-арабское. Оно цѣликомъ состоитъ изъ горизонтально расположенныхъ нескладчатыхъ пластовъ, представляя не что иное, какъ продолженіе африканскаго пустыннаго плато, нарушеннаго лишь выемкою Чермнаго моря. Замѣчаемая тамъ мѣстами разница въ высотахъ горъ и порою встрѣчающіяся на плоскогоріи глубокія ложбины являются результатомъ растяженія, надлома почвы и вызванныхъ этимъ трещинъ на ней. Границу между складчатымъ пространствомъ (азіатскаго типа) и нескладчатымъ (африканскаго типа) составляетъ на первомъ планѣ Персидскій заливъ, у западнаго побережья котораго круто заканчивается арабское плато, тогда какъ на восточной сторонѣ залива въ Иранѣ уже воздымаются складчатыя горныя цѣпи Загроса. Далѣе къ сѣверо-западу граница теряется въ Месопотамской низменности, заполненной наносными отложеніями, и вновь выступаетъ лишь на правомъ берегу верховьевъ Тигра, тамъ, гдѣ складчатая горная Арменія рѣзко обрывается въ сторону ровной мѣстности. Еще дальше граница ясно выдѣляется по линіи, идущей въ юго-западномъ направленіи отъ Діарбекра чрезъ Аинтабъ на Латакію у Средиземнаго моря.

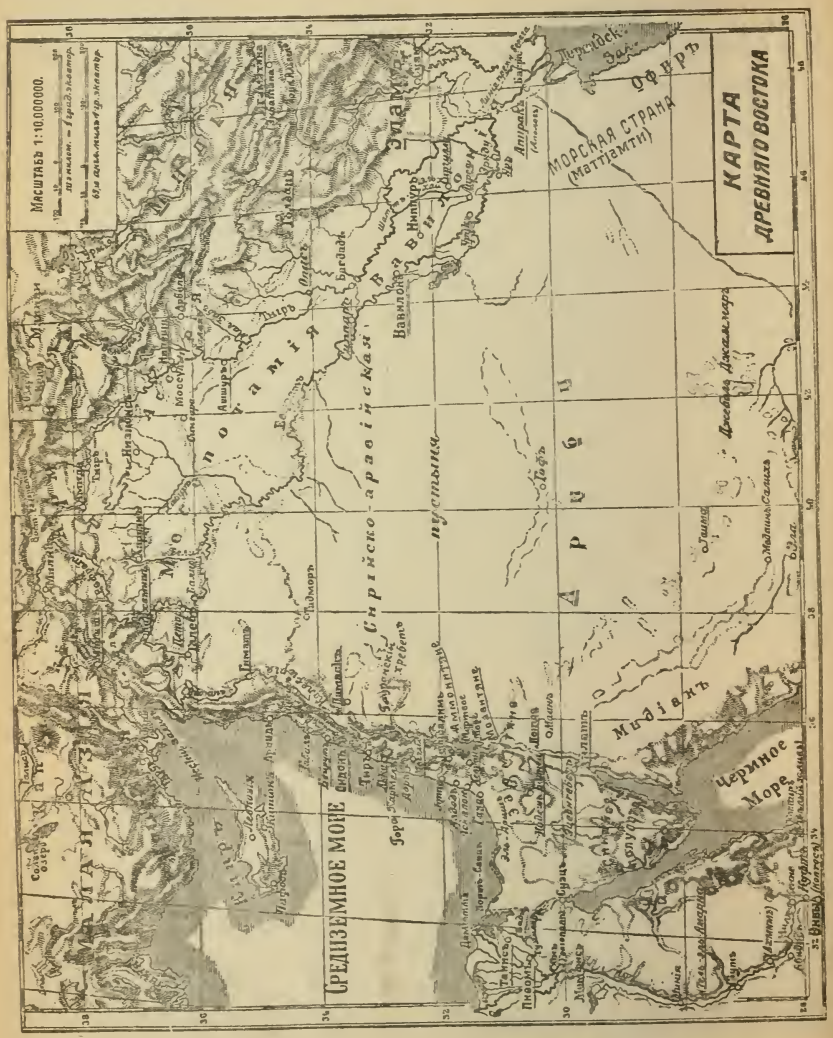
Передняя Азія, въ томъ числѣ и Сирійско-арабское плато, отличается общими съ Центральною Азіею контрастами между безсточными, малоорошенными степными и пустынными внутренними пространствами и обильными влагою, цвѣтущими областями по окраинамъ. Подобныя безводныя пространства, притомъ довольно обширныя, мы находимъ на Иранскомъ плоскогорьѣ и въ Аравіи, въ меньшихъ же размѣрахъ они встрѣчаются въ Сиріи и Палестинѣ, Малой Азіи и Арменіи.

1. Иранское плоскогорье.

Въ составъ его входятъ Персія, юго-западная часть Афганистана и Белуджистанъ. Оно какъ съ сѣверной, такъ съ западной и южной стороны ограничено могучими горными системами. Между ними простирается плоскогорье, которое, однако, отнюдь не отличается ровностью, но представляетъ довольно разнообразный рельефъ благодаря пересѣкающимъ его порою могучимъ горнымъ цѣпямъ. Сѣверными окраинными горами являются горный хребетъ Эльбурса, Копетъ-Дагъ и хребетъ Гулистанъ, представляющій переходъ къ Паропамизу и при его посредствѣ къ Гиндукушу. Южныя окраинныя горы обыкновенно объединяются подъ общимъ названіемъ цѣпей Загроса.

Послѣднія, образованныя преимущественно изъ нуммулитныхъ

известняковъ, отличаются чрезвычайною дикостью и крутизною и достигаютъ высоты болѣе 5000 метровъ надъ уровнемъ моря. Главная



вершина, въ 5180 метровъ, называется Ку-и-Дена. Цѣпи Загроса, по бо́льшей части, оголены и лишь порою на нихъ встрѣчаются тощія

дубовыя рощицы. Напротивъ, многія лежащія между цѣпями и вытянувшіяся въ длину ложбины отличаются вслѣдствіе своего обильнаго орошенія роскошною растительностью. Въ такой ложбинѣ, впрочемъ, на высотѣ 1555 метровъ надъ уровнемъ моря, расположенъ и много разъ воспѣтый, знаменитый своими дивными розами и отличнымъ виномъ городъ Ширазъ. Стекающія съ высотъ Загроса къ морю рѣки не судоходны вслѣдствіе своихъ пороговъ, ущелій и водопадовъ. Наиважнѣйшею рѣкою является Сефидъ-Рудъ. Она впадаетъ въ Персидскій заливъ сѣвернѣе Бендеръ-Бушера.

За южно-персидскими складчатыми горными цѣпями разстилается внутреннее, безводное плоскогорье, достигающее окраинныхъ хребтовъ сѣверной Персіи. Пейзажи его отличаются чрезвычайно пустыннымъ и печальнымъ характеромъ. По склонамъ горъ тянется каменистая и щебневая пустыня, а на болѣе глубокихъ частяхъ выступаютъ степь, солончаковыя пространства и песчаная пустыня. Вездѣ ощущается отсутствіе воды, почему тамъ можетъ влачить лишь жалкое существованіе скудная растительность, ограничивающаяся, главнымъ образомъ, терновыми кустарниками. Отсутствіе орошенія объясняется тѣмъ, что атмосферная влага осѣдаетъ уже на сѣверныхъ и южныхъ окраинныхъ хребтахъ. Поэтому тамъ и нѣтъ болѣе или менѣе значительныхъ рѣкъ и глубокихъ рѣчныхъ долинъ. Немногія рѣчныя системы, развивающіяся на плоскогорьѣ, какъ, напр., Саджендеруд близъ Испагани, вскорѣ вливаются въ озера или мелкія солончаковыя болота. Въ направленіи съ юго-запада къ сѣверо-востоку плоскогорье перерѣзано Кохрудскимъ хребтомъ, имѣющимъ въ длину 1500 километровъ, отличающимся крутизною и изрѣзанностью и образующимъ какъ бы основной кряжъ Ирана.

Наиболѣе благопріятными физическими условіями располагаетъ альпійская область Адербейджанъ, Atropatene древнихъ писателей. Она не отличается столь пустыннымъ характеромъ, какъ остальныя персидскія горныя страны, но представляетъ отчасти обработанныя пространства; тамъ, гдѣ имѣется вода, въ Адербейджанѣ растительность цвѣтуща. Расположенное на плоскогорьѣ и выдающееся своею значительною соленостью озеро Урмія со всѣхъ сторонъ окаймлено высокими цѣпями снѣговыхъ горъ. Лишь на западѣ Адербейджанъ менѣе замкнутъ, причемъ только незначительная возвышенность отдѣляетъ его отъ области Ванскаго озера. Сѣверный окраинный хребетъ Иранскаго плоскогорья, цѣпь Эльбурса, тянется вдоль южнаго побережья Каспійскаго озера-моря; подобно горамъ Центральной Азіи, ея складки направлены на югъ, и края ихъ дугообразно приподняты. Рядомъ съ порфирами тамъ встрѣчаются также и неовулканическія каменныя породы, въ особенномъ обиліи въ горѣ

Демавендѣ; вулканъ этотъ, повидимому, погасъ еще не совсѣмъ и является высочайшею горою Персіи (5465 метровъ).

2. Армянское плоскогорье и Месопотамія.

Чрезъ Адербейджанъ мы вступаемъ изъ предѣловъ Иранскаго плоскогорья на плоскогорье Армянское, простирающееся между долинами Куры и Ріона на сѣверѣ и Месопотамскою низменностью на югѣ. Средняя высота Арменіи равна 1600—1800 метрамъ, такъ что эта область является наиболѣе высокою частью Передней Азіи. Основу страны составляютъ горы, ядро которыхъ состоитъ изъ древне-кристаллическихъ формацій съ значительнымъ количествомъ палеозойскихъ и мезозойскихъ, а также третичныхъ отложеній и наслоеній. Впрочемъ, горныя складки нерѣдко растесаны и въ такой сильной степени покрыты неовулканическими породами и продуктами изверженій, что ими опредѣляется наибольшая часть поверхности Арменіи.

По устройству своего рельефа Арменія представляетъ пеструю картину смѣны небольшихъ плоскогорій и надвинутыхъ на нихъ болѣе длинныхъ или болѣе короткихъ горныхъ цѣпей. Тамъ расположено большое количество великолѣпныхъ озеръ, крупнѣйшими изъ которыхъ являются Ванское и Гокча или Севанга. Наивысшею точкою армянскаго плоскогорія слѣдуетъ признать вулканическій Большой Араратъ (5156 метровъ); направляющійся къ юго-востоку кряжъ длиною въ 14 километровъ соединяетъ его съ Малымъ Араратомъ (3916 метровъ).

Большой Араратъ представляется въ видѣ исполинскаго, слегка закругленнаго и покрытаго вѣчными снѣгами конуса, имѣющаго у своего подножія приблизительно 40 километровъ въ діаметрѣ. На его вершинѣ, съ которой на пространствѣ до 1000 метровъ внизъ тянутся снѣговыя поля и глетчеры, по библейскому преданію, остановился Ноевъ ковчегъ. Бывшее въ 1840 году изверженіе, истребившее деревню Аргури, свидѣтельствуетъ о томъ, что вулканическая дѣятельность Арарата до сихъ поръ еще не прекратилась.

Характернымъ признакомъ всѣхъ армянскихъ горъ является отсутствіе на нихъ лѣсовъ. Лишь незначительныя рощицы встрѣчаются на высотѣ 2000—2500 метровъ. Долины же Арменіи отличаются обиліемъ свѣжей растительности, и тамъ не замѣчается недостатка въ красивыхъ деревьяхъ. Лѣсными породами, гдѣ таковыя встрѣчаются, являются букъ и дубъ, рѣже кленъ, береза и сосна. Виноградная

лоза удается особенно по равнинѣ средняго Аракса, притока Куры. Фрукты родятся превосходно, хотя замѣчается отсутствіе южныхъ плодовъ. Изъ полевыхъ злаковъ и овощей разводятся пшеница, рожь, кукуруза, просо, саго, бобы и нѣкоторое количество риса; въ югозападныхъ областяхъ процвѣтаетъ также культура тутоваго дерева и хлопка.

Западная Арменія—мѣсто возникновенія Евфрата, тогда какъ Тигръ беретъ начало уже не во внутреннихъ частяхъ плоскогорья, а въ южныхъ окраинныхъ горныхъ цѣпяхъ, объединяемыхъ общимъ именемъ Армянскаго Тавра. Если мы послѣдуемъ внизъ по теченію обѣихъ названныхъ рѣкъ, мы спустимся съ Армянскаго плоскогорья на Месопотамскую низменность, простирающуюся между персидскими цѣпями Загроса на востокѣ и Сирійскимъ плато на западѣ. Месопотамія распадается на двѣ части: сѣверную, Верхнюю Месопотамію и южную, Нижнюю Месопотамію. Первая доходитъ до того мѣста, гдѣ Евфратъ и Тигръ впервые сближаются другъ съ другомъ, т.-е. до окрестностей Багдада. Къ югу отъ нея вплоть до Персидскаго залива расположена Нижняя Месопотамія, представляющая совершенно плоскую и вполнѣ лишенную какихъ бы то ни было возвышенностей наносную равнину. Верхняя Месопотамія, напротивъ, занята холмами, наибольшая высота которыхъ достигаетъ 500 метровъ, и холмы эти составлены изъ мезозойскихъ и третичныхъ формацій. Въ образованіи этой холмистой страны, особенно сѣвернѣе и южнѣе Урфы, а также къ югу и востоку отъ Синджара, нѣкоторую роль играютъ также неовулканическія породы, базальты. Часто цѣпи холмовъ настолько близко подступаютъ къ Евфрату и Тигру, что рѣки перестаютъ быть переходимыми. Вся область Верхней Месопотаміи представляетъ пустынную нагорную степь, на которой успѣшно произрастаютъ лишь тамариски, мелкіе кустарники и растенія, свойственныя исключительно пустынѣ. Евфратъ, воспринимающій по своему теченію по холмистой странѣ съ лѣвой стороны притоки Наръ-Белихъ и Хабуръ, лишь выше Гита вступаетъ на настоящую равнину. Тутъ отъ него начинаетъ отдѣляться то множество ведущихъ свое происхожденіе изъ древности каналовъ, которые омываютъ также мѣстность расположенія древняго Вавилона. По лѣвому берегу рѣки тянутся обширныя болота; самое большое изъ нихъ образуетъ озеро Бахръ-Неджефъ. Нижняя Месопотамія, расположенная между Багдадомъ и сліяніемъ Евфрата и Тигра, была въ древности и въ Средніе вѣка великолѣпно обработанною страною. Однако, со временъ гибели халифата оросительныя сооруженія и сточные каналы были запущены, и вся страна превратилась частью въ пустыню, частью въ болото, частью въ степь. Только вдоль немногихъ еще уцѣлѣвшихъ каналовъ

встрѣчаются узкія полосы годной для обработки земли, но и онѣ нерѣдко въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ заливаются водою.

Тигръ вступаетъ на равнину вблизи Моссула (250 метровъ) и на протяженіи отъ этого города до Багдада (50 метровъ) неоднократно развѣтвляется на множество рукавовъ. Со стороны цѣпей Загроса онъ принимаетъ притоки Большой и Малый Забы, а также Діалу. Около Багдада онъ протекаетъ по чрезвычайно плодородной мѣстности: пшеница, ячмень, дурра, сезамъ и финиковыя пальмы даютъ тамъ обильнѣйшіе урожаи. Въ Нижней Месопотаміи отъ него отдѣляется и направляется къ Евфрату нѣсколько рукавовъ; въ концѣ концовъ, онъ сливается съ Евфратомъ (31° сѣв. шир.). Соединеніе обѣихъ рѣкъ называется Шаттъ-эль-Арабомъ, причемъ послѣдній протекаетъ по ровной и плодородной низменности, окруженный всюду деревнями, финиковыми рощами и т. п., къ Персидскому заливу, въ который онъ и впадаетъ на разстояніи 90 километровъ ниже Басры. Приблизительно на разстояніи 70 километровъ выше устья, около Мохаммеры, начинается устьевая дельта, въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году стоящая подъ водою. Изъ множества устьевыхъ рукавовъ рѣки судоходенъ лишь одинъ.

3. Малая Азія.

Малая Азія, которая отличается чрезвычайнымъ разнообразіемъ рельефа, окружена какъ на сѣверѣ, такъ и на югѣ отдѣльными горными системами. Сѣверные хребты называются Понтійскими приморскими цѣпями и проходятъ по областямъ Виѳиніи, Пафлагоніи и Понту. Горы эти большею частью круто и непосредственно лишь спадаютъ своими лѣсистыми скатами въ сторону Чернаго моря и въ немногихъ мѣстахъ оставляютъ узкую полосу побережья. Напротивъ, въ сторону внутренняго плоскогорья склоны отложе и менѣе круты.

Нѣсколько рѣкъ, протекающихъ огромными дугами по внутреннему плоскогорію, пересѣкаетъ приморскія горныя цѣпи, чтобы излить затѣмъ свои воды въ Черное море. Рѣки эти—Сакарія, Кизиль-Ирмакъ, Галисъ древнихъ, самая большая изъ рѣкъ Малой Азіи, и Ешиль-Ирмакъ. Границею со стороны Армянскаго плоскогорья служитъ рѣка Чорохъ, которая достигаетъ у Батума черноморскаго побережья.

Южныя окраинныя горныя цѣпи, отдѣляющія Сирію отъ Малой Азіи, объединяются подъ именемъ Тавра. Восточные отроги послѣд-

няго выступаютъ изъ Арменіи къ Искендерунскому заливу, нося различныя названія, напр., Канлы-Дагъ, Гьяуръ-Дагъ. Цѣпь Гьяуръ-Дага имѣетъ, въ свою очередь, отрогъ, направляющійся къ югу и извѣстный подъ именемъ Альма-Дага или Амануса, круто обрывающійся къ морю въ лицѣ Джебель-Ахмара или Мусы. Продолженіе его мы находимъ въ горахъ острова Кипра, состоящихъ изъ двухъ горныхъ дугъ и достигающихъ въ Троодосѣ 1952 метровъ.

Къ сѣверу Гьяуръ-Дагъ замыкается долиною Джихана (Пирамуса). Еще сѣвернѣе мы проникаемъ чрезъ дикую горную страну въ Антитавръ, который окаймляется двумя верховыми рѣками Сейхана, Гёксу и Заманти-чаемъ, и нѣкоторыя вершины котораго вздымаются надъ уровнемъ моря свыше чѣмъ на 3000 метровъ. Западнѣе Заманти-чая развивается Киликійскій Тавръ, къ которому въ Памфиліи, въ свою очередь, примыкаетъ Тавръ Ликійскій. Отроги послѣдняго доходятъ до рѣки Даламана, впадающей въ море насупротивъ острова Родоса. Киликійскій Тавръ имѣетъ видъ стѣны и притомъ сплошной, тогда какъ Ликійскій разбитъ на отдѣльныя части благодаря тому, что чрезъ него прорывается множество рѣкъ, впадающихъ въ море.

Наивысшею точкою является гора Меделисъ (3500 метровъ). Въ восточной части ея знаменитыя киликійскія ущелья ведутъ изъ внутреннихъ частей Малой Азіи на приморскую равнину Аданы.

Переваливъ черезъ цѣпи системы Тавра, мы вступаемъ на внутреннее плоскогорье, которое не имѣетъ въ южныхъ своихъ частяхъ рѣкъ, а на сѣверѣ орошается вышеупомянутыми рѣками, впадающими въ Черное море. Безводное пространство представляетъ отчасти степь, отчасти характерную солончаковую пустыню. Множество озеръ расположено на этомъ плоскогорьѣ, достигающемъ высоты приблизительно 800—1000 метровъ; изъ нихъ можно упомянуть Туцъ-Чёллю, Кирили-Гёлль, которое Страбонъ называетъ Каралитисомъ, и живописное Эйердирское озеро. Одинокимъ гигантомъ среди обширнаго плоскогорья вздымается могучій вулканъ Эрджасъ, Аргэосъ древнихъ, достигающій 3850 метровъ высоты, являющійся наивысшею горою Малой Азіи и за послѣднее время совершенно пріостановившій свою дѣятельность.

Къ западу отъ 30° восточн. долг. характеръ мѣстности измѣняется. Обширныя плоскогорья начинаютъ исчезать, мѣстность представляется какъ бы распиленною на участки и разбитою на отдѣльныя тянущіяся съ запада къ востоку горныя цѣпи, замыкающія чрезвычайно плодоносныя продольныя долины, каковы, напр., долина рѣки Мендереса (Меандра) и Гедиса (Гермоса). Въ противоположность ущельямъ сѣвернаго и южнаго побережій, эти долины

представляютъ удобное средство сообщенія съ внутреннимъ плоскогорьемъ. Поэтому-то онѣ еще въ древности представляли центры цвѣтущей культуры.

Предъ западнымъ побережьемъ Малой Азіи расположено большое множество острововъ, представляющихъ не что иное, какъ уцѣлѣвшія звенья прежняго сухопутнаго соединенія Малой Азіи съ Балканскимъ полуостровомъ, которое было разрушено сравнительно недавнимъ вторженіемъ водъ Эгейскаго моря. Эти острова, южный изъ которыхъ—Родосъ, а самый сѣверный—Тенедосъ, состоятъ почти исключительно изъ мѣловыхъ отложеній.

4. Сирія и Палестина.

Если мы переберемся чрезъ горныя цѣпи системы Тавра, то вступимъ на нескладчатое пространство Арабско-сирійскаго плоскогорья. Въ геологическомъ отношеніи мы находимъ въ Сиріи большое однообразіе. Нигдѣ мы не увидимъ архейскихъ или палеозойскихъ породъ. Зато мѣловыя формаціи развиты тамъ чрезвычайно сильно; онѣ образуютъ преимущественно область Іордана, Ливанскую горную страну, а также основу Сирійской пустыни. Въ сѣверной Сиріи отмѣчаются, кромѣ того, еще довольно древнія третичныя породы, простирающіяся отъ мѣстности, лежащей на географической широтѣ Дамаска, до южнаго края Таврскихъ горныхъ цѣпей. Отдѣльныя пространства вдоль теченія Евфрата, равно какъ долина Іордана, заняты наносными элементами. Весьма замѣчательно то, что тамъ попадаются также неовулканическія породы, базальты, встрѣчающіяся какъ восточнѣе долины Іордана, такъ и на Ливанѣ.

Какъ уже было упомянуто, Сирійско-арабское горное плато отдѣлилось отъ Африки вслѣдствіе образованія огромнаго грабена, Краснаго моря. Этотъ грабенъ находитъ свое продолженіе въ Суэцскомъ заливѣ. Второй грабенъ называется Сирійско-палестинскимъ, образуетъ заливъ Акабскій, продолжается затѣмъ къ сѣв.-сѣв.-востоку чрезъ вади Акаба въ ложбинѣ Іордана и переходитъ, наконецъ, въ тянущійся между Ливаномъ и Антиливаномъ грабенъ Келесиріи или Бекаа.

Одинъ отрогъ Таврскихъ горъ, именно намъ уже извѣстный Джебель-Ахмаръ или Муса, замыкается долиною Оронта. Южнѣе устья послѣдняго тянется вдоль побережья Джебель-Ансаріэ вплоть до впадины, по которой проходитъ дорога изъ Хомса (490 метровъ) на Тараболусъ. Къ югу отъ Хомса начинается Келесирія, въ юго-западномъ направленіи простирающаяся между Ливаномъ и

Антиливаномъ и представляющая впадину въ формѣ сильно вытянутой продольной долины весьма умѣренной ширины. Въ лицѣ Ливана и Антиливана мы имѣемъ дѣло съ уцѣлѣвшими обломками разрушеннаго массива, т.-е. съ горстами (гнѣздами), по обѣимъ сторонамъ которыхъ почва опустилась уступами. Оба эти горста состоятъ преимущественно изъ горизонтально расположенныхъ пластовъ верхней и средней мѣловыхъ формацій. Средняя высота переваловъ Ливана достигаетъ 1900 метровъ, въ лицѣ же Даръ-эль-Кодиба высота его доходитъ до 3067 метровъ. Въ то время какъ главнѣйшія возвышенности страны въ продолженіе многихъ мѣсяцевъ въ году покрыты обильнымъ снѣгомъ, западныя, обращенныя въ сторону моря, долины старательно обработаны прилежнымъ ихъ населеніемъ, и въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ у побережья, близъ устьевъ рѣкъ болѣе обильное орошеніе благопріятствуетъ культурѣ, мѣстность по роскоши своей растительности походитъ на садъ. Средняя высота переваловъ Антиливана достигаетъ 1600 метровъ, и высшую свою точку хребетъ имѣетъ въ лицѣ массива Джебель-эшъ-Шейха или Большого Гермона (2759 метровъ). На востокѣ Антиливанъ террасами спускается къ великой Сирійской пустынѣ. Круты и обрывисты склоны хребтовъ въ сторону лежащей между ними Келесиріи или Бекаи. Послѣдняя, по бо̀льшей части, покрыта глубокимъ слоемъ удобной для земледѣлія почвы, и если въ настоящее время значительныя пространства ея лежатъ въ запустѣніи, то это лишь результатъ недостаточной обработки: безчисленное множество развалинъ нѣкогда цвѣтущихъ мѣстностей свидѣтельствуетъ о томъ благосостояніи, которое въ древности характеризовало эти мѣстности. Келесирія орошается на сѣверѣ Оронтомъ, на югѣ же Леонтомъ и впадающею въ озера Дамаска рѣкою Барадою.

Къ югу отъ Ливанскихъ горъ мы вступаемъ въ Палестину. Она также состоитъ изъ двухъ горныхъ гнѣздъ, между которыми глубокая Іорданская долина или Эль-Гхоръ образуетъ значительную впадину. Западная возвышенность называется западнымъ Іорданьемъ, восточная — восточнымъ Заіорданьемъ. Вдоль морского побережья тянется узкою полосою низменность Хананаанская, названіе которой часто распространялось также на все западное Іорданье. Эта узкая приморская равнина, именующаяся южнѣе Яффы Сефелою, а къ сѣверу отъ нея Сарономъ, представляетъ, преимущественно въ послѣдней своей части, чрезвычайно плодородную наносную почву, на которой въ древности были расположены цвѣтущіе города. По другую сторону этой прибрежной низменности почва постепенно, уступами, поднимается на западно-іорданское плоскогорье, средняя высота котораго доходитъ до 800 метровъ. На

высотѣ 790 метровъ надъ уровнемъ моря тутъ расположенъ Іерусалимъ. Лишь нѣсколько одиноко стоящихъ горныхъ вершинъ, въ родѣ Телль-Ассура (1011 метровъ), находящагося на разстояніи 25 километровъ къ сѣверу отъ Іерусалима, немногимъ возвышается надъ среднимъ уровнемъ плоскогорья. Сперва уступами, а затѣмъ обрывисто и круто спадаетъ западное Іорданье на востокѣ въ сторону впадины рѣки Іордана.

Самая южная часть этого плоскогорья—Іудея, пустынная, каменистая страна съ жалкою растительностью, которая состоитъ преимущественно изъ кустарниковыхъ, блѣднозеленыхъ терновниковъ; лишь весною въ продолженіе короткаго времени мѣстность эта получаетъ нѣсколько болѣе привлекательный видъ благодаря появляющимся на ней цвѣтущимъ растеніямъ. Ущельеобразныя долины прорѣзаютъ всю эту область и особенно круто спадаютъ въ сторону Мертваго моря (ручей Кидронскій). Сѣвернѣе Іерусалима начинается горная область Эфраимъ, тянущаяся также по всей Самаріи и доходящая до равнины Эздраэлона или Іезреела. Тутъ особенною извѣстностью пользуется Джебель Каранталь Хотя эта гора, расположенная на уступѣ плоскогорья, направленномъ въ сторону Заіорданья, возвышается только на 305 метровъ надъ уровнемъ моря, однако, она чрезвычайно круто спадаетъ къ Іерихонской низменности, которая находится на глубинѣ 205 метровъ ниже уровня моря. Горная страна Эфраимъ плодороднѣе Іудеи и даже въ настоящее время еще хорошо воздѣлана. По простирающейся въ направленіи съ юго-востока къ сѣверо-западу равнинѣ Эздраэлонъ протекаетъ Наръ-эль-Мукатта (Кисонъ); хотя теперь мѣстами эта равнина и болотиста, однако, она все еще отличается большимъ плодородіемъ. Къ сѣверу отъ нея возвышается гористая Галилея, въ южной своей части заключающая въ себѣ небольшія равнины, а на сѣверѣ непосредственно примыкающая къ Ливану. Наивысшею тамъ точкою является Джебель Джермакъ, подъ 33° сѣв. шир. (1200 метровъ). Другими, болѣе извѣстными горами являются также Малый Гермонъ (515 метровъ) и Таборъ (561 метръ).

Плоскогорье восточнаго Заіорданья крутыми уступами поднимается изъ впадины, по которой протекаетъ Іорданъ. Это пустынная, каменистая и лишенная растительности страна, получившая нѣкоторую рельефность лишь благодаря работѣ рѣкъ. Высота ея достигаетъ 800 — 1000 метровъ. Восточнѣе ея вздымается базальтовый Джебель Гауранъ. Это—меридіонально тянущійся горный кряжъ, покрытый потухшими кратерами и поднимающійся до высоты 1839 метровъ. Къ югу отъ него простирается обширное степное пространство, Гамадъ, постепенно переходящее въ Сирійскую пустыню.

Іорданъ, протекающій по Эль-Гхору, беретъ начало въ Большомъ Гермонѣ и, послѣ нѣкотораго теченія въ юго-восточномъ направленіи, впадаетъ въ Бахръ-эль-Гуле или Меромское озеро, лежащее на высотѣ лишь 2 метровъ надъ уровнемъ моря. Выступивъ изъ него, рѣка быстро мчится по имѣющей въ длину 18 километровъ очень узкой и крутой долинѣ, образуя безчисленное количество водопадовъ, и вливается въ обильное рыбою озеро Генисаретское или Тиверіадское, расположенное уже на 208 метровъ ниже поверхности моря. Покинувъ это озеро, Іорданъ на разстояніи 110 километровъ, образуя множество извилинъ, протекаетъ по чрезвычайно плодородной, но запущенной благодаря турецкимъ неурядицамъ равнинѣ, получаетъ много притоковъ и двумя неглубокими рукавами впадаетъ, наконецъ, въ Мертвое море. Этотъ бассейнъ, называющійся въ Библіи Соленымъ моремъ или Моремъ пустыни, а у арабовъ носящій названіе Бахръ-Лутъ («Лотово море»), является самою глубокою на земномъ шарѣ впадиною. Его поверхность лежитъ на 394 метра ниже уровня моря. Вода озера свѣтла и прозрачна, но соленость ея (около 22%) такъ велика, что въ ней не могутъ жить ни рыбы, ни черепокожія.

Растительность Сирійскаго побережья принадлежитъ къ флорѣ средиземноморской и характеризуется множествомъ вѣчнозеленыхъ кустарниковъ и быстро отцвѣтающихъ весеннихъ растеній. Къ востоку отъ Ливана и Заіорданья начинается флора восточно-степная, отличающаяся большимъ обиліемъ видовъ, незначительнымъ ростомъ своихъ деревьевъ, но зато множествомъ терновниковъ. Лѣса сирійскихъ приморскихъ странъ образуются преимущественно изъ Platanus orientalis на болѣе высокихъ и Quercus Ilex на менѣе значительныхъ горныхъ мѣстахъ, пиній, кипарисовъ, кленовъ и т. п. Знаменитѣйшее дерево Сиріи, кедръ, почти совершенно уничтоженъ и, примѣрно на Ливанѣ, встрѣчается только въ видѣ небольшой рощицы близъ истоковъ Наръ-эль-Кадиши. На побережьяхъ и въ болѣе глубокихъ равнинахъ встрѣчаются растенія тропическія, сикоморы, финиковыя пальмы, сахарный тростникъ и т. п. Главнѣйшими полевыми злаками, разводимыми и теперь такъ же, какъ и въ древности, являются пшеница, ячмень, просо, сорго, а также рожь и кукуруза. Весьма распространены маслина, фиговое дерево и виноградная лоза. Однимъ изъ главныхъ источниковъ дохода для населенія является скотоводство, причемъ разводятъ преимущественно требующихъ небольшого ухода овецъ и козъ, которыя, рядомъ съ курами, и доставляютъ населенію исключительно его мясную пищу. Крупный рогатый скотъ служитъ болѣе въ качествѣ вьючныхъ или упряжныхъ животныхъ. Съ тою же цѣлью въ мѣстностяхъ, соприкасающихся съ пустынею, держатъ верблюдовъ,

ословъ и муловъ. Изъ хищныхъ и дикихъ звѣрей въ указанной мѣстности встрѣчаются гіены, шакалы, лисицы, ежи, кабаны, медвѣди (на Ливанѣ), газели и т. п. Львы, которые въ древности здѣсь водились въ большомъ количествѣ, теперь вымерли; также и леопарды попадаются тамъ въ настоящее время весьма рѣдко.

Къ югу отъ Мертваго моря Эль-Гхоръ продолжается подъ именемъ Вади-эль-Араби, причемъ почва постепенно приподнимается, возвышается затѣмъ надъ уровнемъ моря и, наконецъ, достигаетъ высоты 204 метровъ въ лицѣ водораздѣла въ сторону Акабскаго залива. По другую сторону этого водораздѣла долина приводитъ насъ къ только-что упомянутому заливу. Къ западу отъ Вади-эль-Араби расположенъ Синайскій полуостровъ, возникшій вслѣдствіе столкновенія тѣхъ двухъ почвенныхъ трещинъ, которыя образовали Красное море и Сирійскій грабенъ. Только южная часть этого полуострова гориста; ее заполняетъ могучій и дикій горный кряжъ Синая (съ верхушками, превышающими 2600 метровъ), чрезвычайно пустынный хребетъ гранитной формаціи. Сѣверную половину Синайскаго полуострова занимаетъ пустыня Эль-Ти, чрезъ которую пролегаетъ большая караванная дорога изъ Египта чрезъ Акабу на Мекку.

Къ востоку отъ Заіорданья и Антиливана простирается до Евфрата Сирійская пустыня, мѣстами даже заходя за эту рѣку. Почва ея песчана, иногда камениста и лишена всякой растительной и животной жизни. «Караванные пути обходятъ ее (пустыню), и она издавна и всегда подавляла всѣ попытки сѣверныхъ народовъ къ наказанію и покоренію арабскихъ племенъ; тутъ пришлось пріостановиться даже римскимъ войскамъ, тогда какъ жителямъ пустыни не представило никакихъ затрудненій распространиться къ сѣверу и по Месопотаміи. Лишь сѣвернѣе линіи, проведенной изъ Дамаска на Багдадъ, пустыня становится важнымъ проходнымъ пунктомъ изъ странъ, расположенныхъ у Средиземнаго моря, въ Месопотамію. Путь намѣчается здѣсь немногими и потому имѣющими тѣмъ болѣе крупное значеніе оазисами».

5. *Аравія.*

Въ то время, какъ въ Сиріи мы нигдѣ не встрѣчали архейскихъ и болѣе древнихъ вулканическихъ породъ, таковыя выступаютъ наружу въ Аравіи на большихъ пространствахъ, особенно на всемъ протяженіи между Меккою и Хайломъ. Гранитъ и гнейсъ, повидимому, составляютъ основу всего полуострова, потому что на многихъ пунктахъ южнаго и восточнаго побережій эти породы выступаютъ наружу. По-

добно Сирійской пустынѣ и вся сѣверная Аравія покрыта безусловно горизонтально расположенными мѣловыми отложеніями. Третичныя породы, наконецъ, встрѣчаются въ чрезвычайно развитомъ видѣ на южномъ побережьѣ и въ Оманѣ.

Аравійскій полуостровъ представляетъ сухое, безводное плоскогорье, которое на западѣ и на югѣ—при частичномъ поднятіи окраинныхъ горныхъ хребтовъ до высоты 2500 метровъ — уступами спадаетъ къ жаркимъ приморскимъ побережьямъ. На востокѣ его отдѣляютъ отъ моря также валообразныя горныя цѣпи; на сѣверѣ же мѣстность постепеннымъ склономъ отлого спускается къ Евфрату. Сѣверная и южная трети Аравіи представляютъ оголенную пустыню, средняя же часть, именующаяся Неджомъ, т.-е. «плоскогоріемъ», заполнена множествомъ горныхъ массъ и отдѣльныхъ горныхъ цѣпей, замыкающихъ плодоносныя и красивыя долины.

Пріятный контрастъ пустынной внутренней части страны представляютъ мѣстами приморскія полосы Аравіи. Расположенная у сѣверо-западнаго угла Персидскаго залива мѣстность является низменностью, которую можно назвать плодородною. Въ Оманѣ вздымается достигающій высоты до 3018 метровъ Джебель Акдаръ, значительнѣйшая гора Аравіи. Южное побережье полуострова сначала плоско и песчано, и рельефъ его начинаетъ разнообразиться лишь въ его западной трети. Тутъ начинается горная страна, обнимающая области Іеменъ и Гадрамаутъ, т.-е. мѣстности, еще въ древности славившіяся своими пальмами, садами, ладанными растеніями и носившія названіе Счастливой Аравіи (Arabia felix). Къ сѣверу отъ Іемена начинается сухая и жаркая прибрежная полоса Тихама, входящая въ составъ области Асиръ. Начиная отъ Мекки, оголенныя горы близко подходятъ къ самому побережью, достигая высоты до 2800 метровъ.

6. Область Нила.

Къ западу отъ Краснаго моря мы вступаемъ въ районъ собственно африканскаго пустыннаго плато, въ которомъ Нилъ прорылъ себѣ свое русло. Какъ въ Сиріи и Палестинѣ, мы и здѣсь можемъ различать части западную и восточную, которыя отдѣлены другъ отъ друга глубокою долиною. Послѣдняя, впрочемъ, обязана своимъ происхожденіемъ исключительно дѣйствію воды, а не почвеннымъ процессамъ. Восточная часть области Нила быстро поднимается изъ ложбины послѣдняго на оголенное и пустынное нагорное плато, которое тянется на протяженіи 200 километровъ къ востоку и спускается къ Красному

морю крутыми уступами. На этомъ плоскогорьѣ вздымается нѣсколько параллельныхъ морю горныхъ хребтовъ, на югѣ переходящихъ въ Абиссинскую горную страну и въ лицѣ Джебель-умъ-Дельфа достигающихъ высоты 2180 метровъ надъ уровнемъ моря. Почти вся восточная часть нильской страны состоитъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ, которыя только на сѣверѣ и на западѣ вытѣсняются пластами отложеній.

Подобный же пустынный характеръ присущъ и западной части области Нила. Послѣдняя образуетъ долины съ краями, достигающими высоты 100 — 170 метровъ, затѣмъ переходитъ въ плоскогорье высотою до 400—500 метровъ, тянется въ такомъ видѣ приблизительно на 200 километровъ къ западу и спадаетъ, наконецъ, къ ряду меридіонально расположенныхъ оазисовъ, начинающихся небольшимъ оазисомъ Бахріэ (112 метровъ надъ уровнемъ моря) и продолжающихся къ югу въ лицѣ оазисовъ Фарафры (76 метр.), Дахель (58 метр.) и Харгэ (68 метр.).

Вытекающій изъ озера Викторіи Нилъ вступаетъ близъ Хартума на мѣловое плато и прорѣзаетъ его, какъ и мѣстами подступающія съ востока кристаллическія породы въ цѣломъ рядѣ водопадовъ, изъ коихъ первый находится именно около Хартума, а послѣдній расположенъ вблизи Ассуана. Всего ихъ насчитывается шесть; каждый изъ этихъ водопадовъ состоитъ изъ ряда послѣдовательныхъ пороговъ и водоворотовъ, ясно указывающихъ на то, что Нилъ уже давно работаетъ надъ прорытіемъ своего ложа. Длина отдѣльныхъ водопадовъ колеблется между 10 и 60 километрами. На этомъ пространствѣ еще не законченнаго руслообразованія Нилъ воспринимаетъ два значительныхъ притока со стороны Абиссинскаго плоскогорья, а именно около Хартума (385 метровъ) Голубой Нилъ, а выше Бербера (350 метровъ) рѣку Атбару.

Ширина Нильской долины быстро увеличивается къ сѣверу. Между Абу-Гамедомъ и Эдфу она колеблется между 600 и 1000 метровъ, сѣвернѣе Эдфу долина внезапно расширяется до 3000 метровъ и вплоть до Каира ширина ея остается между 4 и 28 километрами. Ширина рѣки колеблется на пространствѣ отъ Эснэ до Каира между 500 и 2200 метрами; выше Эснэ она доходитъ въ среднемъ только до 200 метр., но мѣстами русло суживается даже до 80—100 метр.

Уже отъ Эдфу рѣка отличается сравнительно незначительнымъ количествомъ воды, такъ какъ послѣдняя отвлекается отъ рѣки густою сѣтью каналовъ для орошенія полей, расположенныхъ по долинѣ, главнымъ образомъ, на западномъ (ливійскомъ) берегу рѣки. Воздѣланныя пространства на протяженіи отъ Фаршута до нильской дельты расположены между рѣкою и проведеннымъ вдоль откоса Ливійскаго пустын-

наго плоскогорья каналомъ, сѣверная часть котораго, Бахръ-Юссуфъ («рѣка Іосифа»), является остаткомъ древне-египетскихъ оросительныхъ сооруженій и орошаетъ «розовый садъ Египта», область Файюмъ. Избытокъ воды этой мѣстности воспринимаетъ въ себя Биркетъ-эль-Керунъ. Нѣкогда уровень этого озера лежалъ на высотѣ 10 метровъ надъ поверхностью Средиземнаго моря, теперь же опустился на 40,9 метра ниже его.

Къ сѣверу отъ Каира мы вступаемъ въ предѣлы послѣдней части теченія Нила, именно въ его дельту. Ниже Шубры рѣка раздѣляется на два могучихъ рукава: на западный, впадающій въ море около Розетты, и на восточный, изливающійся близъ Даміетты. Большая сѣть соединительныхъ и боковыхъ руслъ, равно какъ искусственныхъ каналовъ соединяетъ эти два основные рукава Нила и орошаетъ, кромѣ того, на востокѣ и на западѣ воздѣланныя пространства дельты, которая на сѣверѣ окаймляется цѣлымъ рядомъ прибрежныхъ озеръ и лагунъ (озера Маріутъ, Эдку, Бурлусъ и Мензалэ). Эти озера представляютъ послѣдніе остатки прежняго морского залива, постепенно заполненнаго наносами Нила; впрочемъ, высота нильской дельты не превышаетъ 15 метровъ. Однимъ рукавомъ Нилъ въ древнія времена навѣрное изливался въ море близъ нынѣшняго Суэцскаго канала, потому что середина Суэцскаго перешейка образована изъ нильскихъ отложеній. Въ періодъ многоводности рѣки дельта и основаніе всей долины Нила затопляются водою, хотя и не въ такой мѣрѣ, чтобы вся страна походила на одно обширное озеро, какъ полагаютъ многіе. Напротивъ, обиліе воды равномѣрно распредѣляется по каналамъ, общая длина которыхъ доходитъ до 14000 километровъ. Извѣстныя равномѣрныя колебанія уровня воды въ Нилѣ находятся въ зависимости отъ періодическихъ ливней на Абиссинскомъ плоскогоріи, равно какъ въ тропической полосѣ внутренней Африки. Дожди эти обусловливаютъ поднятіе ординара воды на протяженіи всей рѣки; поднятіе это начинается въ іюлѣ и достигаетъ своего апогея въ концѣ сентября. Въ это время рѣка поднимается надъ своимъ низшимъ уровнемъ на высоту 6—7 метровъ, и такой уровень ея держится въ продолженіе 2—3 недѣль. Во второй половинѣ октября вода начинаетъ спадать, и это продолжается безпрерывно вплоть до второй половины мая. Благодаря наносамъ, отлагающимся во время наводненія, почва страны чрезвычайно утучняется. Въ то же самое время этотъ процессъ повышаетъ почвенный уровень страны и способствуетъ уменьшенію глубины рѣчной долины Нила.

Въ то время какъ восточная и западная части Египта состоятъ изъ оголенныхъ и почти лишенныхъ растительности пустынныхъ пространствъ, тучная почва нильской долины отличается прямо-таки по-

разительнымъ плодородіемъ. Изъ хлѣбныхъ злаковъ тамъ разводятся преимущественно пшеница, затѣмъ рисъ, кукуруза и нѣсколько сортовъ проса. Всюду встрѣчаются насажденія сахарнаго тростника и хлопка. Лѣсовъ въ этой мѣстности нѣтъ вовсе, чѣмъ и объясняется недостатокъ строительныхъ матеріаловъ и топлива. Наиважнѣйшимъ плодовымъ деревомъ является финиковая пальма (Phoenix dactilifera), плоды которой во многихъ мѣстностяхъ составляютъ главную пищу бѣдной части населенія. Замѣчательно, что два знаменитыхъ въ древности растенія Египта, лотосъ и папирусовый тростникъ, въ настоящее время почти совершенно исчезли, лишь изрѣдка попадаясь мѣстами въ дельтѣ. Изъ домашнихъ животныхъ издревле разводились въ странѣ корова, овца, коза, свинья и собака, тогда какъ оселъ, лошадь и, наконецъ, одногорбый верблюдъ были ввезены туда лишь съ теченіемъ времени.

Нилъ отличается чрезвычайнымъ обиліемъ рыбы и пресмыкающихся; изъ послѣднихъ слѣдуетъ особенно упомянуть о крокодилахъ, встрѣчающихся теперь только въ болѣе южныхъ частяхъ страны. Изъ пернатыхъ мы находимъ здѣсь перелетныхъ птицъ сѣверной и средней Европы, а также птицъ тропическаго пояса. Болѣе крупные хищные звѣри, въ родѣ леопардовъ, гіенъ, лисицъ и шакаловъ, встрѣчаются все рѣже и рѣже; они удаляются дальше на югъ.

Климатъ Передней Азіи.

За исключеніемъ Аравіи, расположенной къ югу отъ тропика Рака, описанныя выше страны находятся въ субтропическомъ поясѣ, именно въ такъ называемой Средиземноморской области, характеризующейся преобладаніемъ зимнихъ дождей. Послѣдніе наблюдаются даже въ пустынныхъ пространствахъ внутренней Персіи, сѣверной Аравіи и Сиріи и обусловливаютъ, хотя и жалкую, но, тѣмъ не менѣе, нѣкоторую растительность. Чѣмъ дальше мы проникаемъ къ югу, тѣмъ рѣзче контрастъ между обильною осадками зимою и лишеннымъ дождей лѣтомъ, тогда какъ на побережьяхъ и на сѣверѣ эти рѣзкія противоположности смягчаются, и значительный процентъ дождей выпадаетъ на долю также весеннихъ и осеннихъ мѣсяцевъ.

Въ общемъ количество дождей уменьшается по направленію съ сѣвера къ югу. У береговъ Чернаго моря оно доходитъ до 130—160 сантиметровъ, въ Бейрутѣ равно лишь 92 сантиметрамъ и безконечно мало въ пространствахъ пустынныхъ.

Мѣсто	Сѣв. широта	Вост. долг. отъ Гринв.	Высота надъ ур. моря въ метрахъ.	Январь	Апрѣль	Іюль	Октябрь	Годов.
Смирна	38° 26′	27° 10′	—	8,2	14,6	26,7	18,7	16,9
Трапезунтъ	41 1	39 45	23	6,8	12,2	24,3	18,5	15,5
Эривань	40 10	44 30	960	10,9	13,8	26,7	12,7	11,4
Бейрутъ	33 54	35 26	34	12,9	18,7	27,8	24,2	20,6
Іерусалимъ	31 47	35 13	790	8,5	14,5	24,5	20,8	17,2
Маскатъ	23 23	58 32	—	20,0	29,5	34,1	26,7	27,4
Багдадъ	31 23	44 26	50	9,7	23,1	34,9	24,8	23,3
Моссулъ	36 22	43 14	250	7,0	15,4	34,2	22,4	20,1
Александрія . . .	31 12	29 54	—	14,9	19,2	26,4	23,9	20,8
Каиръ	29 59	31 18	29	12,1	21,0	29,0	22,8	21,3

Какъ видно изъ этой таблицы, температура повышается по мѣрѣ перехода отъ сѣвера къ югу, и крайнія температуры увеличиваются сообразно удаленію отъ западныхъ морскихъ побережій въ сторону континентальныхъ внутреннихъ частей страны. Вполнѣ естественно, что форма рельефа мѣстности вызываетъ иногда при этомъ существенныя отклоненія отъ нормы.

По своей температурѣ южный Египетъ принадлежитъ къ числу наиболѣе жаркихъ странъ земного шара, лежащихъ при этомъ внѣ тропиковъ; дельта, напротивъ, по климату схожа со странами южной Европы, такъ какъ въ ней сказывается умѣряющее вліяніе морскихъ вѣтровъ. Благодаря своему теплому, сухому и химически-чистому воздуху Египетъ считается прекраснымъ климатическимъ пунктомъ для легочныхъ больныхъ.

Южная Аравія имѣетъ климатъ уже тропическій. Безоблачное небо дышетъ горячимъ зноемъ. Ночи, напротивъ, съ ихъ охлаждающими осадками поразительно холодны и нерѣдко превращаютъ капли росы на плоскогорьѣ въ иней. Въ продолженіе восьми мѣсяцевъ въ году все сжигается зноемъ, иногда даже въ тѣни превышающимъ 40° Ц. Лишь въ періодъ дождей мѣстность обращается въ зеленѣющую ниву, но это бываетъ далеко не всегда и не вездѣ и даже въ счастливомъ Іеменѣ наблюдаются годы, когда подобное время совершенно отсутствуетъ.

Народы Востока.

По своему языку народы Передней Азіи принадлежатъ къ тремъ обширнымъ группамъ, раздѣльность которыхъ можетъ быть прослѣжена до самой ранней древности: сумеро-алтайской, алародской и семитической.

1) Семейство сумеро-алтайскихъ языковъ, древнѣйшими представителями которыхъ является языкъ сумерійскій, т.-е. рѣчь основателей вавилонской культуры, и языкъ индо-германцевъ, распадается на нѣсколько крупныхъ подотдѣловъ, связанныхъ, впрочемъ, между собою только весьма отдаленнымъ родствомъ. Сюда относятся: а) самъ сумерійскій (древній и болѣе новый) языкъ, остатки котораго дошли до насъ въ цѣломъ рядѣ волшебныхъ формулъ и заклинаній, покаянныхъ псалмовъ и божественныхъ пѣснопѣній, равно какъ на многочисленныхъ царскихъ надписяхъ; какъ разговорный, живой языкъ, сумерійскій, вѣроятно, пересталъ существовать уже очень рано; б) далѣе—языки индо-германскіе, изъ которыхъ въ исторіи древняго Востока слѣдуетъ отмѣтить языки скиѳскій, мидійскій и древне-персидскій; в) съ относящейся сюда же группою языковъ урало-алтайскихъ (финскимъ, венгерскимъ, ближе подходящими къ сумерійскому языку тюркскими нарѣчіями и языкомъ монгольскимъ) мы, къ сожалѣнію, совершенно незнакомы за время до Р. Хр. Древнѣйшіе памятники тюркскихъ языковъ, такъ назыв. древне-тюркскія надписи южной Сибири и Монголіи, разобранныя геніальнымъ датскимъ ученымъ В. Томсеномъ, возникли лишь въ VIII вѣкѣ по Р. Хр.

2) Группу языковъ алародскихъ, т.-е. такихъ, на которыхъ говорили обитатели Малой Азіи, сѣверной Сиріи, Арменіи и Элама раньше проникновенія туда индо-германцевъ, нѣкоторые ученые пополняютъ еще языкомъ хеттовъ, извѣстнымъ, впрочемъ, пока лишь исключительно изъ именъ собственныхъ. Изъ языковъ европейскихъ сюда же относились нарѣчія этрусковъ и басковъ. Современнымъ представителемъ группы алародскихъ языковъ долженъ быть признанъ языкъ грузинскій.

3) Совершенно иной типъ, какъ по образованію формъ, такъ по синтаксису и лексическому составу, представляетъ группа языковъ семитическихъ, распадающихся, въ свою очередь, на двѣ большихъ категоріи: языки восточно-семитическіе (вавилонско-ассирійскій языкъ, отъ котораго еще въ до-историческія времена отдѣлилась вѣтвь египетско-берберская) и западно-семитическіе; къ послѣднимъ принадлежатъ языки хананейскій (фи-

никійскій, древне-еврейскій, моавитскій и нарѣчіе Самаля), арабскій (на первомъ планѣ языкъ до-христіанскихъ минейскихъ и сабейскихъ надписей) и арамейскій. Между ними языки арабскій и арамейскій, въ свою очередь, обнаруживаютъ близкое взаимное родство.

Первоначально языкъ, по всей вѣроятности, всегда совпадалъ съ народомъ, т.-е. каждое племя говорило на своемъ языкѣ. Однако, въ продолженіе ряда тысячелѣтій это значительно измѣнилось вслѣдствіе переселеній племенъ и передачи ими своихъ языковъ другимъ народамъ (быть-можетъ, также вслѣдствіе смѣшенія языковъ). Такъ, напр., ассирійцы, какъ видно изъ сохранившихся скульптурныхъ памятниковъ, сохранили свой семитическій типъ въ бо́льшей чистотѣ, чѣмъ вавилоняне, которые по своему происхожденію должны быть разсматриваемы лишь какъ семитизированные сумерійцы. Другими словами, наступавшіе съ сѣвера семиты смѣшались съ уже давно жившими въ странѣ сумерійцами и навязали послѣднимъ постепенно даже свой языкъ; позже эламитское племя касситовъ (или коссеевъ) на продолжительное время овладѣло господствомъ надъ Вавилоніею, но затѣмъ, въ свою очередь, совершенно растворилось въ семитахъ, религію и языкъ которыхъ они при этомъ усвоили. Нѣчто подобное мы видимъ на судьбѣ языка древне-египетскаго и хамито-кушитскихъ нарѣчій сѣверо-восточной Африки: древне-египетскій языкъ представлялъ первоначально довольно выработанное семитически-вавилонское народное нарѣчіе со множествомъ словъ, заимствованныхъ изъ языка сумерійскаго, тогда какъ нарѣчія кушитскія (беджа, зомали, галла и т. д.) представляютъ, по всей вѣроятности, языки, смѣшанные изъ элементовъ семитическихъ (отпрыскъ древне-египетскаго?) и нубійскихъ.

Библейская «таблица народовъ» (кн. Бытія, 10) отражаетъ всѣ эти взаимоотношенія лишь въ довольно неясномъ видѣ. Въ ней отнюдь не слѣдуетъ искать на первомъ планѣ строго этнологическаго или лингвистическаго распредѣленія народностей. Точка зрѣнія тутъ скорѣе исключительно географическая. Въ крайнемъ случаѣ можно допустить, что въ этомъ памятникѣ съ лицомъ отдѣльнаго брата Сима, именно Хама, соединяются тѣ семиты, которые въ бо́льшей или меньшей степени смѣшались съ не-семитическими народностями (напр., египтяне съ сумерійцами, африканскіе и аравійскіе кушиты съ нубійцами, до-еврейскіе хананейцы съ сѣверно-сирійскими алародами). Библейскій источникъ страннымъ образомъ относитъ эламитовъ къ народностямъ семитическимъ. Это, быть-можетъ, объясняется тѣмъ, что въ древнѣйшее, вавилонское время западная, ближайшая къ Вавилоніи часть Элама была, вѣроятно, уже въ достаточной мѣрѣ проникнута семитическими элементами.

Хронологія.

Со временъ глубочайшей древности какъ вавилоняне, такъ и египтяне знали точно опредѣленный солнечный годъ изъ двѣнадцати 30-дневныхъ мѣсяцевъ. Въ Вавилоніи сюда вставлялся по истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ тринадцатый добавочный мѣсяцъ, а въ Египтѣ къ каждому году прибавлялось еще пять добавочныхъ дней. У вавилонянъ годъ начинался въ моментъ весенняго равноденствія (21 марта нов. стиля), у египтянъ начало новаго года совпадало съ временемъ лѣтняго поворота солнца, именно съ тѣмъ днемъ, когда Сиріусъ (Сотисъ) восходилъ вмѣстѣ съ солнцемъ; но такъ какъ длина египетскаго года изъ 360 + 5 дней не соотвѣтствовала дѣйствительной продолжительности солнечнаго года (она была короче на 6 часовъ), то рядомъ съ этимъ для уравненія времени пользовались эклиптикою звѣзды Сотиса для опредѣленія точнаго астрономическаго года (1461 гражданскій годъ = 1460 годамъ Сотиса, такъ назыв. періоду Сотиса).

На основаніи вавилонскихъ, ассирійскихъ, египетскихъ и еврейскихъ списковъ царей, благодаря астрономически разработанному и вывѣренному птолемееву канону (отъ Набонассара, 747 годъ до Р. Хр., до Птолемеевъ), равно какъ благодаря цѣлому ряду важныхъ синхронистическихъ указаній на памятникахъ и въ Библіи хронологія перваго до-христіанскаго тысячелѣтія теперь точно установлена почти во всѣхъ мельчайшихъ своихъ деталяхъ. Не въ столь благопріятномъ положеніи дѣло обстоитъ со вторымъ тысячелѣтіемъ, особенно въ пунктѣ опредѣленія царствованія отдѣльныхъ фараоновъ. Впрочемъ, и въ этомъ отношеніи тутъ теперь, повидимому, добыто нѣсколько прочныхъ точекъ отправленія. Что же касается третьяго тысячелѣтія, то до сихъ поръ оказывается возможнымъ вычислить весьма гадательно приблизительное время царствованія лишь различныхъ «династій», такъ что дата «около 2500 года» въ одинаковой мѣрѣ можетъ относиться какъ къ 2800, такъ и къ 2300 году.

Болѣе точныя данныя въ родѣ того, напр., что царь Нарамсинъ *) изъ Агади жилъ за 3200 лѣтъ до Набонида (т.-е. приблизительно около 3750 до Р. Хр.) и эламитскій царь Кудурнанхунди за 1635 лѣтъ до Ашшурбанипала (т.-е. приблизительно въ 2270 году Р. Хр.), являются

*) Здѣсь, какъ и дальше, мы придерживаемся того же начертанія ассиро-вавилонскихъ именъ, которое было установлено нами въ переводѣ книги Бецольда: «Ассирія и Вавилонія». *Переводч.*

для указаннаго времени совершенно единичными. Тутъ же возможны и ошибки позднѣйшихъ хронографовъ, оставившихъ намъ подобныя хронологическія даты. Однако, что начало вавилонско-египетской цивилизаціи, и даже не самое начало ея, относится къ еще болѣе отдаленному періоду, котораго мы не можемъ даже опредѣлить числами, это слѣдуетъ съ несомнѣнною убѣдительностью изъ факта вавилонскаго происхожденія египетской культуры, равно какъ достовѣрнымъ установленіемъ воспоминанія о такъ назыв. эрѣ «Близнецовъ» (когда солнце весною находилось въ зодіакальномъ знакѣ Близнецовъ, а не въ знакѣ Вола, какъ это было въ періодъ отъ 3000 до 1000 года до Р. Хр.). За много времени до 4000 года до Р. Хр., можетъ-быть, за цѣлыхъ 1000 лѣтъ раньше, первые вавилонскіе переселенцы прибыли, вѣроятно, къ берегамъ Нила Изъ этого вытекаетъ, что начало до-семитической, чисто-сумерійской культуры древнѣйшей Вавилоніи должно быть, естественно, отнесено къ еще болѣе раннему времени, именно за нѣсколько тысячелѣтій до появленія вавилонянъ въ Египтѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Вавилонія приблизительно до 1900 года до Р. Хр.

Страна.

Такъ какъ въ древнее время Персидскій заливъ глубже вдавался въ материкъ, то и тѣ двѣ большія рѣки, по нижнему теченію которыхъ была расположена Вавилонія, впадали въ море отдѣльно другъ отъ друга, приблизительно подъ 31° сѣв. шир. Древнѣйшимъ, самымъ священнымъ и въ то же время наиболѣе южнымъ изъ всѣхъ городовъ является Нунъ-ки или (какъ онъ называется иначе) Урудугга, откуда впослѣдствіи произошло имя Эриду, родина древнѣйшей династіи вавилонскихъ боговъ. Другими, также весьма древними городами южной Вавилоніи нужно признать Сиргуллу (нынѣ Зергулъ), Гирсу (нынѣ Телло), Уруацаггу, Гишухъ или Гисху (нынѣ Джоха), Урукъ (Эрехъ, нынѣ Варка), Уръ и Ларсу (библейское Элласаръ); изъ числа городовъ средней Вавилоніи въ древнѣйшее время упоминаются Нибуръ (нынѣ Нифферъ) и Исинъ (Иссинъ, Исинъ); изъ сѣверно-вавилонскихъ поселеній, наконецъ, можно назвать Кишъ (нынѣ эль-Охеймиръ восточнѣе Вавилона), Агади (Аккадъ) съ лежащимъ напротивъ него Сиппаромъ, Куеу, Барсипъ (Борсиппа) и Гишгаллу (именовавшуюся также Тинтиромъ и Кадингиррою), впослѣдствіи Вавилонъ. Въ этотъ ранній періодъ Вавилонъ еще не имѣлъ политическаго значенія, но за то, повидимому, обладалъ тѣмъ болѣе крупнымъ религіознымъ значеніемъ, что явствуетъ уже изъ разсмотрѣнія хотя бы только разныхъ названій его (Гишгалла означаетъ просто «мѣсто жительства» или «городъ», Тинтирра — «мѣсто жизни», Кадингирра или по-семитически Бабили — «врата Божіи»). По этнологическому своему составу и съ точки зрѣнія религіозной вышеназванные города группируются такимъ образомъ, что тѣ ихъ нихъ, которые первона-

чально были расположены къ западу отъ Евфрата (впослѣдствіи неоднократно измѣнявшаго свое теченіе, именно если идти съ сѣвера къ югу, Агади, Эрехъ-Кишъ, Уръ и Эриду, относились къ Халдеѣ, тогда какъ остальные, лежавшіе къ востоку отъ Евфрата, входили въ составъ собственно Вавилоніи. Въ первыхъ сумерійцы почитали великихъ духовъ неба и земли, а жившіе рядомъ съ ними и рано овавилонившіеся западные семиты поклонялись лунѣ (подъ именемъ бога Эа въ Эриду и подъ именемъ Сина или Нанара въ Урѣ); во вторыхъ же, гдѣ главнымъ божествомъ былъ ниппурскій Белъ (впослѣдствіи вавилонскій Мардукъ), преобладалъ культъ солнечный.

Уже въ древнѣйшее время мы находимъ сумерійцевъ скученными на югѣ страны, тогда какъ на сѣверѣ вслѣдъ за ними успѣли продвинуться уже семиты, которые, впрочемъ, восприняли сумерійскую культуру (главнымъ образомъ, клинопись) и дальше развили ее. Отъ семитовъ-халдеевъ же вавилоняне получили, вѣроятно, свѣдѣнія по астрономіи. Изъ числа странъ внѣ-вавилонскихъ въ это время уже вскорѣ, приблизительно около 3000 года до Р. Хр., выступаютъ на сцену Сирія, Палестина и Эламъ, первая подъ именемъ Марту (изъ Амарту, что значитъ, примѣрно, «область амореевъ»), а еще раньше (около 3750 г.) часть Аравіи, Маганъ (Ma'ân арабскихъ надписей?).— Также упоминаются уже въ концѣ этого періода, при царѣ Хаммураби, притомъ въ качествѣ городовъ, зависящихъ отъ Вавилоніи, оба позднѣйшіе ассирійскіе города: Ниневія и Ашшуръ. При этомъ имя Ниневіи произошло отъ названія вавилонскаго поселенія Нинуи, сумерійскаго Исханнаки, т.-е. «дома богини Ханны», позднѣйшей ниневійской Истаръ.

Боги страны.

Если судить по названіямъ боговъ, вся вавилонская миѳологія могла бы быть признана имѣющею чисто-сумерійское происхожденіе, такъ какъ имена эти почти всѣ носятъ на себѣ сумерійскій отпечатокъ. При этомъ слѣдуетъ принять во вниманіе то обстоятельство, что семиты, принявъ отъ сумерійцевъ основанія культуры и, главнымъ образомъ, письмена, признавали и языкъ ихъ, вплоть до позднѣйшаго времени, священнымъ и поэтому съ особенною охотою называли сумерійскими именами также такія миѳологическія фигуры, которыя они либо сами вновь создали, либо принесли съ собою.

Уже въ древнѣйшихъ текстахъ между божествомъ небеснаго океана и богомъ земли и земныхъ водъ становится богъ воздуха. Эти три божества образуютъ сохранившуюся до позднѣйшихъ временъ

великую тріаду боговъ, Ану, Белъ (по-сумерійски Инлилла—«владыка воздуха») и Эа (по-сумерійски Инки, т.-е. «владыка земли»). Въ качествѣ супругъ какъ воздушному богу (Белу, Раммаиу), такъ и земному (Эа) придаются два различныхъ женскихъ олицетворенія небеснаго океана, а именно супруга Бела, называющаяся Нинлилла (Белитъ, Бау), и супруга Эа, Дамгалнунна, т.-е. «великая жена Нунна или небеснаго океана», впослѣдствіи извѣстная также подъ именами Дамкинны или Дауки. Сынъ бога Эа—Меродахъ, утреннее солнце, котораго, сообразно съ тѣмъ, представляли себѣ въ видѣ внука воздушнаго бога и правнука небеснаго океана. Этотъ Меродахъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ и богомъ весенняго солнца и, въ качествѣ такового, имѣлъ непріязненно расположеннаго къ нему брата, Нергала или солнце осеннее.

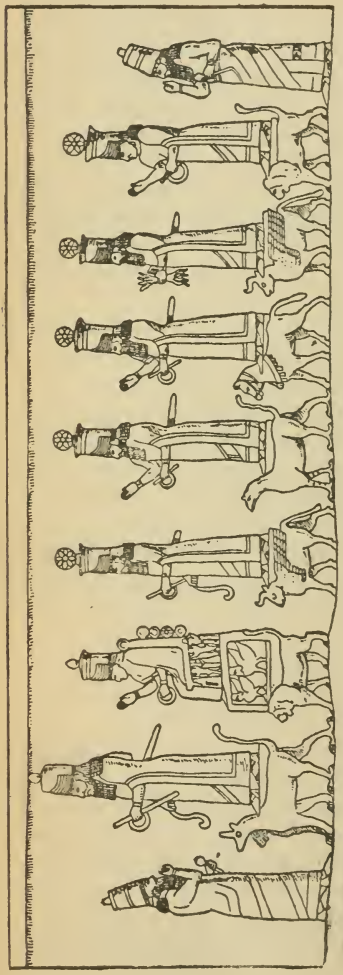


Рис. 2. Главныя ассирійскія божества.
Рельефное изображеніе изъ Мальтаи временъ Синахериба.

День смерти перваго изъ этихъ божествъ праздновался съ громкими причитаніями 21 іюня, а другого—21 декабря, причемъ слѣдуетъ обратить вниманіе еще на то, что богъ весенняго солнца носилъ названіе Таммуза (по-вавилонски Думузи, «вѣрный сынъ», по-финикійски Адонъ, по-гречески Адонисъ, «господинъ»). На это есть указаніе у Іезекіила, 8, 14. Оба эти бога, Меродахъ и Нергалъ, которымъ въ египетской миѳологіи соотвѣтствуютъ Озирисъ и Сетъ,

каждый имѣли по супругѣ. Жена Меродаха называлась Истаръ (она перешла къ финикійцамъ подъ именемъ Астарты, а затѣмъ къ грекамъ подъ именемъ Афротеты или Афродиты), жена Нергала—Исханчою (это имя произносилось также Галла, Гулла; впослѣдствіи богиня получила названіе Ласы, т.-е. «безъ исхода», другими словами, преисподняя, Гадесъ), подобно тому, какъ у египтянъ супруга Озириса называлась Изидою, а жена Сета—Нефтисою. Такимъ образомъ, создалась прочная генеалогическая система изъ девяти божествъ, къ которымъ при случаѣ присоединялся еще сынъ Меродаха, богъ Набу или Небо (у египтянъ Горъ былъ сыномъ Озириса и Изиды). Въ этой генеалогіи боговъ наиважнѣйшія вавилонскія и халдейскія божества соединены въ одну большую семью; тутъ помѣщенъ и лун-

Ашшуръ. Ану, Белъ; Эа, Рамманъ, Мар- Небо; Нинибъ.
Синъ, Шамашъ. (Ададъ). дукъ, Истаръ, Нергалъ.

Рис. 3. Эмблемы двѣнадцати великихъ (ассирійскихъ) божествъ.

ный богъ Синъ, поскольку богъ земли Инки, Эа (=домъ, мѣсто луны), первоначально былъ лишь синонимомъ Сина. На послѣднее, впрочемъ, указываетъ также все болѣе и болѣе распространявшееся представленіе о богѣ Эа, какъ о божествѣ морскомъ (приливъ и отливъ находятся вѣдь въ зависимости отъ луны).

Меродахъ, Нергалъ, Истаръ, только-что упомянутый Небо и затѣмъ еще Нинибъ, вѣроятно первоначально отличный отъ Нергала солнечный богъ, вмѣстѣ съ солнцемъ и луною составляли семь планетъ. Они составляли рядъ, причемъ въ древнѣйшее время порядокъ ихъ перечисленія основывался на разстояніи ихъ отъ земли. Перечисленіе этихъ планетъ шло въ слѣдующемъ порядкѣ: луна, Небо-Меркурій, Истаръ-Венера, солнце, Меродахъ-Юпитеръ, Нинибъ-Марсъ, Нергалъ-

Сатурнъ. Порядокъ дней недѣли у западныхъ народовъ основывается на другомъ, установленномъ еще въ древности расположеніи планетъ, а именно: солнце, луна, Марсъ, Меркурій, Юпитеръ, Венера, Сатурнъ, чему соотвѣтствуютъ: воскресенье (по-нѣмецки Sonntag, день солнца), понедѣльникъ (по-нѣмецки Montag, по-французски Lundi; день луны), вторникъ (Mardi, день Марса), среда (по-итальянски Mercoledi, по-французски Mercredi, день Меркурія, по-англійски Wednesday, т.-е. день бога Водана), четвергъ (по-нѣмецки Donnerstag, день громовника, по-итальянски Jove-di, по-французски Jeudi, т.-е. день Юпитера), пятница (по-нѣмецки Freitag, день богини Фреи, по-итальянски Venerdi, по-французски Vendredi, день Венеры), суббота (по-нѣмецки Samstag, по-англійски Saturday, т.-е. день Сатурна). Своеобразное халдейско-вавилонское вліяніе сказывается въ томъ, что убывающая луна (брата-близнеца нарастающей луны) спеціально называлась Нергаломъ (первоначально это былъ Сатурнъ). Вслѣдствіе этого у западныхъ семитовъ нарастающая луна называлась Ab, «отцомъ» (людей), убывающая же Amm, «дядя», что сказалось на первомъ планѣ въ образованіи собственныхъ именъ въ родѣ Ab-ram, Jarob'amm и т. д.

Какъ происхожденіе календаря, такъ и начала астрономіи и установленіе мѣръ и вѣса имѣютъ своею родиною Вавилонію. Знаки зодіака встрѣчаются въ видѣ рисунка уже въ періодѣ около 1200 года до Р. Хр., но, какъ доказываетъ замѣна Овна Плеядами, относятся къ болѣе древнему времени, именно приблизительно къ 3000 году до Р. Хр. Названія Вола, Близнецовъ, Льва, Дѣвы (богини Истаръ), Скорпіона, Стрѣльца, Кентавра, Орла и другихъ знаковъ зодіака основаны на древне - вавилонскихъ представленіяхъ. Вся система мѣръ находится подъ вліяніемъ шестидесятиричнаго счета, происхожденіе котораго также носитъ астрономическій характеръ: мѣра вѣса, мина, имѣетъ 60 сикловъ или фунтовъ, двойной часъ равенъ 60 минутамъ, двойной аршинъ — 60 дюймамъ, кругъ имѣетъ шестью шестьдесятъ градусовъ. Обычное выраженіе «сосса», которымъ означается число шестьдесятъ, и отъ котораго, быть-можетъ, происходитъ нѣмецкое слово «Schock» (пять дюжинъ), первоначально значило лишь $^1/_6$ (sudsu, sussu), именно великаго основного астрономическаго числа 360.

Древнѣйшіе и важнѣйшіе миѳы о богахъ изложены въ двухъ большихъ древне-вавилонскихъ поэмахъ на семитическомъ, именно вавилонско-ассирійскомъ языкѣ: въ поэмѣ о сотвореніи міра и въ двѣнадцати пѣсняхъ, посвященныхъ великому національному герою Гишдубару или Гибильгамису (Гильгамосу), семитическое названіе котораго—Намраситъ или Наруду (изъ Намруду, что указываетъ на библейскаго Немврода). Меродахъ (Марудукъ или Мардукъ), весеннее солнце, въ то же время представляющійся въ видѣ творца

вселенной, борется съ исполинскимъ морскимъ чудовищемъ Тіаматомъ, именуемомъ также Абубу («бурный приливъ»), одолѣваетъ его и создаетъ изъ двухъ его половинъ небо и землю; изображеніе же Тіамата помѣщается въ видѣ млечнаго пути на небѣ, равно какъ изображенія его одиннадцати пособниковъ, принимающихъ форму одиннадцати знаковъ зодіака; во главѣ ихъ выступаетъ, въ видѣ двѣнадцатаго знака, побѣдоносный Меродахъ (съ его символомъ—Воломъ). Подобная же борьба происходила также между Меродахомъ, солнцемъ весеннимъ, и непріязненно расположеннымъ къ нему братомъ Нергаломъ, солнцемъ осеннимъ. Въ болѣе отдаленныя времена нараставшая луна (Синъ), носившая въ видѣ новолуннаго серпа также имя Нуску, представлялась также въ видѣ побѣдителя луны убывавшей (Нергала). При этомъ Нергалъ появляется въ формѣ баснословнаго дракона съ львиною головою, большимъ рогомъ (ср. миѳическаго единорога), чешуйчатымъ тѣломъ, орлиными когтями на заднихъ ногахъ и хвостомъ скорпіона. Въ поэмѣ этого «краснаго дракона» замѣнило женскаго пола чудовище Тіаматъ. Послѣ побѣды надъ Тіаматъ Меродахъ создаетъ, кромѣ созвѣздій, растенія, міръ животныхъ и, наконецъ, человѣка. Почти такія же представленія, лишь въ болѣе чистой формѣ, встрѣчаемъ мы у евреевъ (кн. Бытія, гл. 1), которые, по ихъ собственной традиціи, прибыли изъ халдейской страны Ура. Тіаматъ называется тамъ Tehôm; слово это также женскаго рода.

Поэма о Нимрудѣ (Немвродѣ) повѣствуетъ о различныхъ бояхъ и приключеніяхъ происходящаго изъ Аравіи (Кошъ) Гишдубара, въ лицѣ котораго легендарный царь Эреха и древній демонъ огня Гибиль (въ качествѣ планетарнаго божества носящій названіе Небо или Нуску) слились въ одну фигуру. Сперва онъ вступаетъ въ борьбу со львомъ демона полей, Эабани, а затѣмъ сражается съ эламитскимъ царемъ Хумбабой; далѣе Гишдубаръ, въ союзѣ съ Эабани, побѣждаетъ небеснаго вола, котораго отвергнутая Гишдубаромъ богиня любви Истаръ изъ мести послала въ городъ Эрехъ. Для того, чтобы наказать героя, богиня заставляетъ его друга Эабани умереть отъ жала скорпіона, самого же Гишдубара она надѣляетъ проказою. Послѣ этого Гишдубаръ отправляется чрезъ родную Аравію къ водамъ смерти и островамъ блаженныхъ (Сокотра на Индійскомъ океанѣ) для того, чтобы отыскать тамъ своего предка Ноя (изъ Нух-напишти, т.-е. «покой души», по-вавилонски Пир-напишти, т.-е. «солнце души» или «солнце моя душа»; синонимомъ ему является Хазисатра и Ксисуѳръ Беросса) и найти у него исцѣленіе. Ной разсказываетъ ему исторію своего чудеснаго спасенія во время великаго потопа, имѣющую столько удивительныхъ точекъ соприкосновенія съ библейскимъ преданіемъ объ этомъ событіи. Послѣ этого Гишдубаръ находитъ въ «источникѣ жизни»

желанное исцѣленіе отъ своего недуга. Описаніемъ возвращенія героя на родину и тризны по принятомъ въ вавилонскую преисподнюю Эабани заканчивается вся поэма, содержаніе которой легло въ основаніе греческихъ миѳическихъ сказаній о Гераклѣ, Меликертѣ (финикійскомъ Мелькартѣ) и Главкѣ и характеризуетъ способъ перехода подобныхъ сюжетовъ изъ Вавилоніи чрезъ Финикію въ Грецію.

Древнѣйшіе правители южной и сѣверной Вавилоніи.

Уже въ древнѣйшія времена, отъ которыхъ до насъ дошли надписи, находимъ мы въ сѣверной Вавилоніи, въ Кишѣ, равно какъ въ упоминаемомъ въ кн. Быт. 10,10 городѣ Аккадѣ (Агади), семитическихъ городскихъ царей, рядомъ съ которыми въ различныхъ мѣстностяхъ южной Вавилоніи (Сиргулла, Уръ, Нисинъ, Ларса) появляются также правители-семиты. Послѣдніе временами умѣли овладѣвать господствомъ надъ сѣверными областями и назывались царями Кинги (Имги, «страна священнаго языка», первоначально звучало Ки-ими-ку) и Бурры, т.-е. Сумера и Аккада или Халдеи и Вавилоніи. Однако, въ то время, какъ цари Аккада впервые начинаютъ составлять семитическія надписи, въ южной Вавилоніи и Халдеѣ приблизительно еще до 2000 года до Р. Хр. въ официальныхъ сношеніяхъ пользовались древнимъ, давно отжившимъ сумерійскимъ языкомъ.

Въ началѣ вавилонской исторіи, поскольку она намъ извѣстна, мы имѣемъ дѣло съ разными царями города Сиргуллы (или Сирбуллы, причемъ это слово пишется Сирбуръ съ прибавочнымъ удлинительнымъ слогомъ ла); тутъ можно назвать на первомъ планѣ Калабисханну (обыкновенно это слово читается Урнина), его внука Эаннадумму (сокращ. Эаннаду), воздвигшаго знаменитое изваяніе коршуна, равно какъ племянника Эаннаду, Энтеминну (Бельтиминни). Противниками и соперниками ихъ были цари Киша (около Эреха) или Удху, а васалломъ ихъ — правитель Гисху. Предметомъ постоянныхъ раздоровъ служила область Гуединна, семитическое Кишадъ-Эдини («побережье Эдема»), которая была расположена, вѣроятно, около Эриду, т.-е. въ мѣстѣ положенія библейскаго рая (Халдея въ тѣсномъ значеніи слова). Знаменитѣйшими, хотя далеко и не древнѣйшими царями сѣверной Вавилоніи являются Саргонъ аккадскій (Агади) и его сынъ Нарамсинъ, изъ которыхъ послѣдняго позднѣйшія вавилонскія преданія относятъ къ 3750 году до Р. Хр. На югѣ царей и князей-священнослужителей, такъ назыв. патези изъ Сиргуллы, среди которыхъ Гудеа оставилъ послѣ себя наибольшее количество надпи-

сей, смѣнили чисто-сумерійскіе цари Ура, а именно Калаббау (имя его

Рис. 4. Нарамсинъ.

Древнѣйшее изъ вообще извѣстныхъ рельефныхъ изображеній, относящееся приблизительно къ 3500 году до Р. Хр., и, вмѣстѣ съ тѣмъ, древнѣйшее изображеніе семитическаго типа.

читалось также Ургурра) и его сынъ Дунги, далѣе Бурсинъ, Гимиль-

синъ и Ибисинъ, затѣмъ семитическіе цари Нисина и, наконецъ, цари изъ Ларсы (библейское Элласаръ).

Одновременно съ послѣдними (приблизительно около 2100 года до Р. Хр.) въ сѣверной Вавилоніи возникаетъ династія арабскаго происхожденія, впервые избирающая Вавилонъ центромъ политической жизни. Наиболѣе выдающійся представитель этой династіи — Хаммураби. Съ этихъ поръ въ нашемъ распоряженіи имѣются довольно полные царскіе списки, потому что отнынѣ Вавилонъ всегда оставался столицею страны. Списки этихъ царей даютъ намъ возможность установить также болѣе или менѣе точно опредѣленную хронологію. Правда, съ самаго уже начала тутъ возникаетъ трудный вопросъ о томъ, правили ли эти династіи одновременно, или же онѣ смѣняли другъ друга. Такъ какъ одновременное правленіе ихъ считается болѣе вѣроятнымъ, то время царствованія Хаммураби должно быть отнесено примѣрно къ 1900 году до Р. Хр., т.-е. приблизительно на 350 лѣтъ позже, чѣмъ это вытекаетъ изъ другого предположенія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Египетъ до начала періода гиксовъ (приблизительно около 1900 года до-христіанской эры).

Страна и ея сосѣди.

Удлиненная и сравнительно узкая полоса земли по обоимъ берегамъ Нила приблизительно отъ 24° до 31° сѣв. широты была заселена въ самую сѣдую старину, притомъ начиная съ сѣвера, людьми, духовные вожди которыхъ говорили на семитическомъ нарѣчіи, сильно пропитанномъ словами, заимствованными изъ языка сумерійскаго. Этотъ языкъ занялъ доминирующее положеніе и уже въ началѣ такъ назыв. Эпохи Пирамидъ, т.-е. древнѣйшаго періода египетской исторіи, о которомъ повѣствуютъ намъ памятники, приблизительно за 3500 лѣтъ до Р. Хр., является давно окаменѣвшимъ литературнымъ языкомъ. Такъ какъ у египтологовъ давно считается несомнѣннымъ, что родина этого языка — Азія, то въ настоящее время возможно рискнуть заявить, что Вавилонія или одна изъ непосредственно прилегавшихъ къ ней областей (вѣроятно, восточная Аравія) была тою страною, изъ которой вышла толпа предпріимчивыхъ колонистовъ съ цѣлью перенести на берега Нила начатки культуры и образованности.

Уже въ то раннее время страна въ политическомъ отношеніи распадалась на Египетъ Верхній и Нижній. По крайней мѣрѣ, уже древнѣйшіе фараоны носятъ оба титула, царя Верхняго (suteni) и царя Нижняго (baiti, ср. титулъ ливійскихъ царей Battos у Геродота, 4, 155) Египта раздѣльно. что указываетъ на нѣчто въ родѣ личной уніи между обѣими частями страны. Кромѣ того, страна дѣлилась на округи (номы). Древнѣйшею столицею южнаго или Верхняго Египта, повидимому, былъ городъ Нехебтъ, нынѣ эль-Кабъ, гдѣ жители поклонялись считавшемуся на югѣ священнымъ коршуну, съ противолежавшею этому городу столицею Нехеномъ (Гіераконполисъ, нынѣ Комъ-Эль-Ахмаръ); столицею же Нижняго Египта былъ Буто (по-египетски Пе—собственно «столица» и Де-пе = «рука неба», подобно вавил. Шуанна—«двойной городъ»). Другими древними городами верхняго Египта были Тинисъ, откуда будто бы происходилъ первый легендарный фараонъ, Менесъ, и недалеко отъ него расположенный священный Абидосъ (Ибду), тогда какъ стовратныя Θивы Гомера выдвигаются въ качествѣ столицы лишь въ періодъ такъ назыв. Средняго царства. И, дѣйствительно, недавно близъ Абидоса, Негады и Гіераконполиса были найдены древнѣйшія египетскія гробницы фараоновъ (первой и второй династіи).

На нильской дельтѣ или въ Нижнемъ Египтѣ важную роль еще въ древнѣйшія времена игралъ городъ Мемфисъ (Меннофер, т.-е. «доброе мѣсто»), который, по преданію, еще Менесъ избралъ столицею своего царства, однако, лишь при царяхъ 3 династіи сюда была перенесена столица изъ Тиниса. Самымъ священнымъ городомъ тутъ былъ Онъ или Геліополисъ, городъ солнца, родина великаго круга девяти боговъ, который, быть-можетъ, первоначально сосредоточивался въ другомъ городѣ того же имени въ Верхнемъ Египтѣ. Еще въ періодъ Пирамидъ негры и нубійцы, главнымъ образомъ, составляли наемныя войска; названіе Нубіи, Кенестъ (срв. нынѣшнее Коноссо), встрѣчается уже въ древнѣйшихъ текстахъ. Также уже въ періодъ Пирамидъ встрѣчаются намъ живущіе къ западу отъ Египта ливійцы, причемъ они носятъ имя дзеховъ или теховъ, что означаетъ «сверкающихъ». Всю обширную страну на западѣ египтяне называли Дземхомъ. Довольно вѣроятно, что всегда изображавшіеся свѣтлокожими и родственные гаанебу ливійцы составляли древнѣйшее населеніе всего Нижняго и Средняго Египта. Изъ сосѣднихъ съ Египтомъ народностей, кромѣ того, упоминаются «жители пещеръ передней страны», т.-е. жившіе на востокѣ Нубіи троглодиты, пещерные люди, засѣвшіе вблизи первыхъ нильскихъ водопадовъ менти (которыхъ впослѣдствіи смѣшивали съ мендзу Синайскаго полуострова), гаа-небу или исконное населеніе самой сѣверной части

дельты (позже ихъ имя было перенесено на жителей греческихъ острововъ и Малой Азіи) и, наконецъ, пистишу (пидтишу) или кочевыя племена рано покореннаго египтянами Синайскаго полуострова; послѣднихъ также называли мендзу. Нубійскій народъ кашъ, впослѣдствіи кушъ, вѣроятно переселившійся изъ Элама чрезъ Аравію въ сѣверо-восточную Африку, напротивъ, вступаетъ въ сношенія съ египтянами лишь со временъ Средняго царства, т.-е. приблизительно за 1900 лѣтъ до Р. Хр.

Вѣрованія и цивилизація древнихъ египтянъ.

Первоначально каждый болѣе или менѣе значительный городъ Египта имѣлъ, повидимому, только свое собственное мѣстное божество; такъ, напр., въ Мемфисѣ поклонялись богу Пта, въ Геліополисѣ—Итму или Тума, въ Абидосѣ—Озирису, въ Ѳиванахъ—Амону, въ Бубастисѣ — богинѣ Бастъ, въ Саисѣ—богинѣ Нейтъ и т. д. Затѣмъ съ теченіемъ времени по мѣрѣ того какъ возрастало значеніе отдѣльныхъ городовъ, культы мѣстныхъ божествъ становились извѣстнѣе; со временемъ нѣкоторыя изъ этихъ божествъ, не взирая на различіе ихъ наименованій, уравнивались между собою, или даже устанавливалась извѣстная родственная между ними связь. Возвышеніе такого города, какъ Ѳивы, повело къ тому, что его мѣстный богъ занялъ господствующее положеніе среди всѣхъ прочихъ божествъ, и это его преобладаніе съ теченіемъ времени выработалось въ нѣчто въ родѣ единобожія (монотеизма): Амонъ-Ре, т.-е. Амонъ, богъ солнца, разсматривался уже не только какъ верховное, но иногда и какъ единственное божество. Однако, объективное сравненіе египетскихъ и вавилонскихъ вѣрованій указываетъ на то, что уже предки египтянъ обладали довольно развитою политеистическою религіею въ тотъ моментъ, когда они вступили на почву своей новой

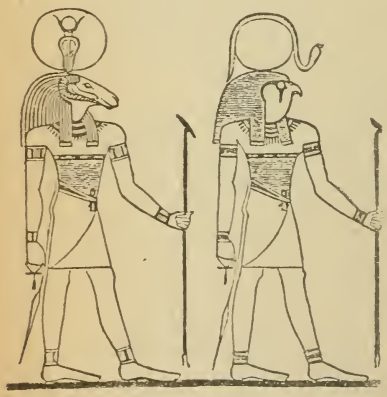


Рис. 5. Амонъ-Ре

съ бараньей головою — съ кобчиковой головою.

родины. Между прочимъ, главнѣйшія фигуры египетской религіи, на первомъ планѣ великія солнечныя и небесныя божества, въ родѣ Озириса, Гора и Нутъ, принадлежатъ къ древнѣйшему составу египетскаго пантеона.

Какъ и у вавилонянъ, мы находимъ у египтянъ во главѣ всей ихъ религіозной системы небесный океанъ (Ну). Подобно тому, какъ мы видѣли то у вавилонянъ, сыномъ этого божества былъ его богъ воздуха, египетскій Шу, сынъ котораго, Кебъ или Себъ, былъ богомъ земли. Какъ и въ вавилонской религіи, боги Шу и Себъ имѣли женъ, богинь Тефъ-Нутъ и Нутъ (женскій родъ отъ слова Ну), которыя являлись женскими олицетвореніями небеснаго океана. Подобно вавилонскому богу воздуха Белу, и египетскій богъ воздуха Шу появлялся въ сопровожденіи двухъ львовъ. Это были символическія изображенія древняго зодіакальнаго знака Близнецовъ, при которомъ прежде, приблизительно за 4000 лѣтъ до Р. Хр., начиналась весна (см. выше, стр. 29). Какъ и у вавилонянъ, египетскій богъ земли и его супруга, небесная богиня Нутъ, имѣли четырехъ дѣтей, раздѣлявшихся на двѣ пары: Озирисъ-Изида и Сетъ-Небтгаатъ (грецизированная Нефтисъ). Подобно тому какъ у вавилонянъ Меродахъ и Нергалъ враждовали между собою, такъ и въ Египтѣ братья Озирисъ и Сетъ, т.-е. лѣтнее и зимнее солнце, находились въ непріязненныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. У вавилонянъ названіе Меродаха изображалось знаками, означавшими жилище и глазъ (послѣдній знакъ служилъ также гіероглифомъ для овна, символическаго животнаго отца Меродаха, бога земли Эа). Равнымъ образомъ, и у египтянъ имя Озириса писалось знаками Узъ (жилище) и-иръ (глазъ), только египтяне утратили пониманіе истиннаго основного значенія этой группы гіероглифовъ. У обѣихъ народностей, вавилонской и египетской, сохранилось также воспоминаніе о прежнемъ ихъ кочевомъ образѣ жизни, когда роль главнаго божества играла луна, а не солнце. Для этого стоитъ вспомнить лишь о томъ, что у египтянъ первый мѣсяцъ въ году былъ посвященъ Тоту и т. п. Лишь осѣдлость и связанный съ нею культурный прогрессъ обусловили у обоихъ народовъ то главенствующее положеніе солнца, которое ему и принадлежитъ по праву въ представленіяхъ народовъ земледѣльческихъ. Указанныя здѣсь

Рис. 6. Озирисъ въ видѣ царя и судьи мертвыхъ. Страусовое перо — символъ правосудія.

девять божествъ уже въ пирамидныхъ текстахъ составляютъ великую девятичленную религіозную систему египтянъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, рядомъ съ Озирисомъ, большую роль игралъ его сынъ Горъ или Горусъ, также солнечное божество, совершенно такимъ же образомъ, какъ въ Вавилоніи рядомъ съ Меродахомъ выступаетъ сынъ его Набу или Небо.

Тутъ небезынтересно будетъ замѣтить, что сами египтяне производили изъ Аравіи, миѳической страны Пунта, цѣлый рядъ наиболѣе выдающихся своихъ боговъ, напр., только-что упомянутаго нами Гора, затѣмъ Амона (другое его имя Хнумъ; подобно вавилонскому богу Эа, онъ создалъ людей изъ глины на станкѣ горшечника. Все это безошибочно указываетъ на древнѣйшую родину упомянутыхъ божествъ, находившуюся невдалекѣ отъ предѣловъ Халдеи.

Рис. 7. Изида, кормящая грудью младенца Гоpуса.

Въ тѣснѣйшей связи съ этою родословною египетскихъ боговъ находится намъ еще задолго до дешифровки іероглифовъ знакомый изъ Плутарха миѳъ о побѣдѣ, одержанной злымъ богомъ Сетомъ надъ братомъ своимъ Озирисомъ, о трогательномъ плачѣ Изиды по поводу кончины своего супруга Озириса и о мести молодого Горуса за умерщвленіе отца. Это сказаніе представляетъ поэтическое изображеніе одного изъ явленій природы, точь-въ-точь какъ далеко распространившійся изъ Вавилоніи по всей Передней Азіи миѳъ о богѣ Таммузѣ.

Другой, также ведущій свое происхожденіе изъ Вавилоніи и часто встрѣчающійся въ египетской литературѣ, особенно въ такъ назыв. «Книгѣ Мертвыхъ» миѳъ повѣствуетъ о борьбѣ солнечнаго бога Ре съ дракономъ Апепи или возбуждающимъ потопъ (вавил. abûbu) демономъ тучъ. Это представленіе не было чуждо и ветхозавѣтнымъ пророкамъ (срв , напримѣръ, сказанное у Исаіи, 51, 9: «Возстань, возстань, облекись крѣпостью, мышца Господня! *). Возстань, какъ въ дни древ-

*) Мы цитировали здѣсь текстъ по синодальному изданію Библіи. Въ древне-еврейскомъ же оригиналѣ стоитъ имя Ягве (Іеговы). вм. Господня. Гоммель по этому поводу даетъ слѣдующее попутное примѣчаніе объ этомъ имени: «Лишь благодаря установившемуся въ XV столѣтіи ошибочному чтенію Іоганна Весселя изъ этого ветхозавѣтнаго названія Бога (Jahveh, Jahveh, греч. Ἰαβέ) возникла теперешняя, къ сожалѣнію, едва ли искоренимая, чудовищная форма имени Іеговы. Древнѣйшею формою, по всей

ніе, въ роды давніе! Не ты ли сразила Раава *), поразила крокодила»? Какъ вавилоняне, такъ и египтяне относили эту побѣду солнечнаго бога надъ темными силами природы къ утру Новаго года, т.-е. ко дню, въ который праздновалось воспоминаніе о зарѣ міросотворенія.

Въ религіозныхъ преданіяхъ древнихъ египтянъ нашло себѣ отраженіе и вавилонское представленіе о великомъ потопѣ, устроенномъ богомъ солнца Белъ-Меродахомъ съ цѣлью истребленія грѣшныхъ людей: противъ успѣвшаго уже состариться солнечнаго бога Ре люди составляютъ заговоръ; вслѣдствіе этого богиня Гаторъ, мать Горуса, устроила между ними такое массовое избіеніе, что вся земля плавала въ крови; для того, чтобы спасти оставшихся въ живыхъ и не грѣшившихъ людей отъ необузданнаго гнѣва богини, Ре повелѣлъ наварить изъ ячменя и человѣческой крови 7000 кружекъ пива и полить имъ поля, а затѣмъ далъ богинѣ напиться этой смѣси досыта, притомъ настолько, что она поневолѣ отказалась отъ дальнѣйшаго избіенія. Схожимъ образомъ и въ вавилонскомъ преданіи о потопѣ при спаденіи воды боги напиваются жертвенною влагою, излитою при этомъ случаѣ на землю изъ семью разъ семи жертвенныхъ чашъ.

Далѣе, общимъ какъ вавилонянамъ, такъ и египтянамъ представленіемъ является преданіе о существованіи древа жизни и мѣста пребыванія или острова мертвыхъ (блаженныхъ); въ египетскихъ текстахъ послѣдніе фигурируютъ подъ именемъ Іалу. Тутъ египтяне сохранили даже вавилонское названіе, такъ какъ Іалу является лишь смягченнымъ произношеніемъ вавилонскаго слова Араллу, а семитически-вавилонскій синонимъ Араллу, слово Канисъ (т.-е. покоритель?), возвращается въ древне-египетскомъ обозначеніи царства мертвыхъ, Канисатъ, которымъ означалась также страна Нубія. Происходитъ ли и греческое названіе Елисейскихъ полей изъ того же источника, пока должно считаться вопросомъ нерѣшеннымъ, хотя и тутъ въ основѣ несомнѣнно лежитъ то же самое представленіе. Далѣе, египтяне полагали, что жизнь въ этомъ раю обусловливается предшествующей ей церемоніею суда надъ мертвымъ, также встрѣчающагося въ вавилонскихъ религіозныхъ преданіяхъ; слово «шеолъ» означаетъ мѣсто рѣшенія, а демонъ огня, Набу-Нуску-Гишдубаръ, является судьею преисподней и т. п.

Греки всего болѣе поражались въ египетской религіи животнымъ символизмомъ; изъ этого элемента вѣрованій кое-что, вѣроятно, коренится въ древне-африканскомъ поклоненіи животнымъ,

---

вѣроятности, было Ягу (откуда произошелъ и часто встрѣчающійся въ собственныхъ именахъ слогъ Я или Іо)». *Переводч.*

*) Это слово значитъ подревне-еврейски «морское чудовище». *Переводч.*

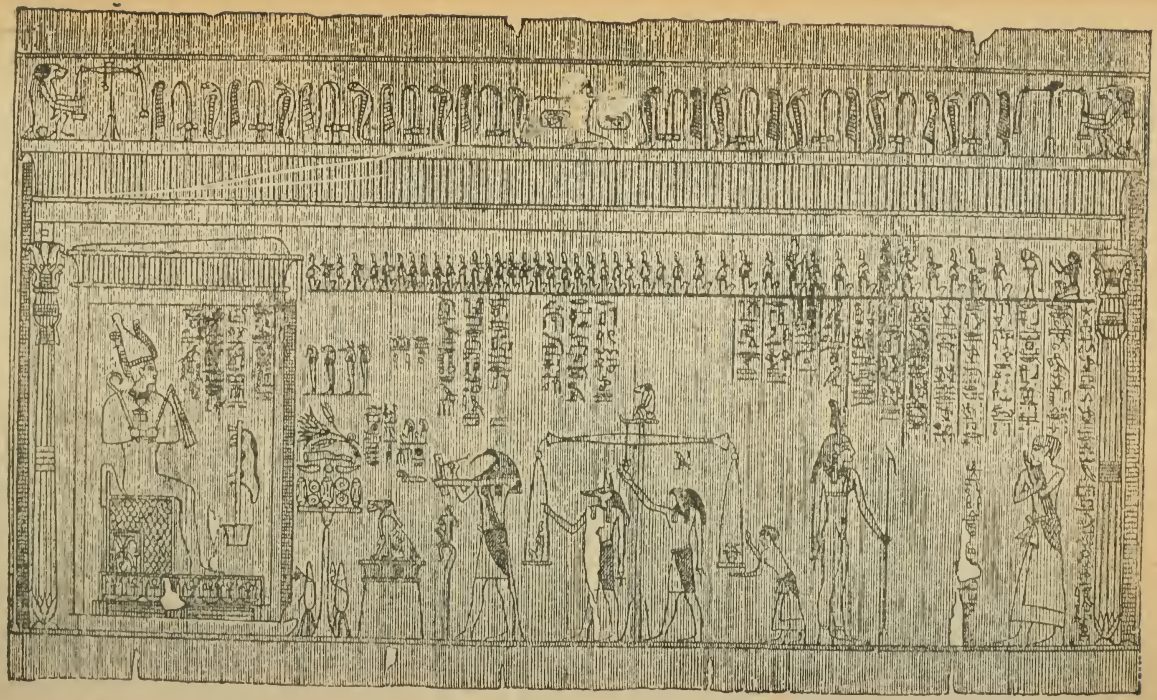


Рис. 8. Картина загробнаго суда (изъ «Книги Мертвыхъ»).

„Книга Мертвыхъ"—рядъ текстовъ („главъ") различныхъ размѣровъ, начиная отъ пространныхъ поэтическихъ гимновъ и кончая однострочными магическими формулами; списки книги обертывались вокругъ тѣла усопшаго. Текстъ сопровождался рисунками. 25-ая глава „Книги Мертвыхъ" содержитъ воспроизведенную здѣсь картину загробнаго суда. Налѣво Озирисъ на престолѣ, выше 42 засѣдателя суда въ одинъ рядъ; на другомъ концѣ залы—трепещущая душа; передъ нею Божественное Правосудіе; Горусъ и Анубисъ взвѣшиваютъ сердце усопшаго, помѣстивъ на другую чашу вѣсовъ изображеніе Правосудія; Тотъ ведетъ протоколъ.

самая же важная часть этого культа является также древне-вавилонскимъ наслѣдіемъ. Такими общими обѣимъ религіямъ фигурами животныхъ слѣдуетъ признать вола, какъ символъ Меродаха и Ре-Озириса, овна, какъ символъ бога Эа и бога Хнума, орла или кобчика, какъ символъ Нинива и молодого солнечнаго бога Гора, корову въ качествѣ символа Истаръ и Изиды, шакала, какъ символъ Нергала и различныхъ божествъ, находящихся въ родствѣ съ Сетомъ.

Кромѣ того, египтяне поклонялись еще цѣлому ряду первоначально чисто-мѣстныхъ божествъ, въ родѣ Амона Ѳивскаго, богини Нейтъ въ городѣ Саисѣ и др., изъ которыхъ нѣкоторыя, пожалуй, происхожденія африканскаго. Впослѣдствіи, впрочемъ, начиная со времени средняго царства, именно Амонъ, притомъ въ сліяніи съ солнечнымъ богомъ Ре (Ра), сталъ подъ именемъ Амонъ-Ра однимъ изъ главнѣйшихъ боговъ и даже главнымъ божествомъ египетской религіи. Къ позднѣйшему, уже послѣ-александрійскому времени относится возникновеніе новаго, часто упоминаемаго римскими писателями божества, Сераписа, имя котораго состоитъ изъ соединенія названій Озириса и Аписа (такъ назывался священный быкъ солнечнаго бога).

Древнѣйшія ф о р м ы ж и з н и народа всегда находятся въ тѣснѣйшей связи съ его религіозными вѣрованіями. Поэтому, если основы египетскихъ религіозныхъ представленій происхожденія вавилонскаго, то можно ожидать, что это скажется и въ области письмен , астрономіи, миѳологіи и архитектуры. И, дѣйствительно, въ этомъ отношеніи можно указать на общность происхожденія многихъ явленій, хотя бы главнѣйшихъ. Упомянемъ здѣсь только о томъ, что вавилонскіе семиэтажные храмы послужили архитектурнымъ образцомъ для древнѣйшихъ пирамидъ, также строившихся съ семью уступами; равнымъ образомъ и вавилонскія святилища были одновременно храмами и гробницами обоготворенныхъ царей. Укажемъ на то, что египетскій фунтъ ведетъ свое происхожденіе отъ вавилонской серебряной мины, равно какъ египетскій аршинъ возникъ изъ вавилонскаго, опредѣленнаго длиною секуднаго маятника *). Вспомнимъ, что основанія египетской астрономіи коренятся въ Вавилоніи, и что, наконецъ, цѣлый рядъ египетскихъ письменныхъ знаковъ, напр., гіероглифы, означающіе жизнь, брата, раба, лѣвую сторону, небесную лодку, дѣлать, ночь, выгонъ для скота, небесный океанъ, по своей формѣ вполнѣ совпадаютъ съ соотвѣтствующими имъ по значенію вавилонскими клинописными обозначеніями.

---

*) Это недавно убѣдительнѣйшимъ образомъ было доказано берлинскимъ ученымъ К. Ф. Леманномъ.

Періодъ пирамидъ или «Древнее царство».

Дѣленіе исторіи древняго Египта на періоды царствъ Древняго, Средняго и Новаго было введено египтологами, въ свою очередь, раздѣляющими эти три великія эпохи на время царствованія отдѣльныхъ династій. Послѣднія были заимствованы у писавшаго на греческомъ языкѣ египетскаго жреца Манеѳона (около 250 года до Р. Хр.) *), причемъ Манеѳонъ самъ почерпнулъ свои свѣдѣнія изъ древне-египетскихъ источниковъ. Если бы сочиненіе его «Достопримѣчательности» сохранились не въ видѣ скудныхъ выдержекъ, но въ полномъ и неиспорченномъ состояніи, то мы имѣли бы возможность установить гораздо болѣе точную египетскую хронологію, чѣмъ это возможно въ настоящее время. Утрата полнаго сочиненія Манеѳона могла бы лучше всего быть замѣщена наличностью туринскаго царскаго папируса, перечисляющаго списокъ египетскихъ фараоновъ съ подраздѣленіями ихъ по династіямъ и указаніемъ времени ихъ правленія вплоть до 20 династіи, если бы указанный папирусъ не дошелъ до насъ въ столь разорванномъ видѣ.

Благодаря сухости климата Египта огромное большинство памятниковъ, начиная отъ древнѣйшихъ пирамидъ временъ перваго фараона Менеса до строеній временъ Птолемеевъ, сохранилось въ удивительно неповрежденномъ состояніи. Нигдѣ не суждено было давно минувшей цивилизаціи столь блестяще воскреснуть въ настоящее время, какъ именно тутъ, на берегахъ Нила, гдѣ упорядоченныя условія политической жизни и глубокій интересъ, проявляемый египетскимъ правительствомъ къ этому дѣлу, не только сдѣлали возможною тщательнѣйшую охрану памятниковъ, находящихся на поверхности почвы, но и способствовали организаціи правильныхъ, систематически веденныхъ археологическихъ раскопокъ. Тѣмъ не менѣе, эта своеобразная цивилизація, развитіе которой мы въ состояніи прослѣдить отъ 3500 и даже, пожалуй, отъ 4000 года до Р. Хр. вплоть до временъ римскихъ императоровъ, производила бы на насъ чрезвычайно странное впечатлѣніе какого-то африканскаго Китая, если бы эта цивилизація не

*) Древнее царство обнимаетъ у него династіи I—X, среднее царство XI—XVII, особенное при этомъ вниманіе удѣлено XII династіи, новое царство XVIII—XX династіи. Къ нимъ примыкаютъ различныя чужеземныя династіи или время господства наемниковъ (династіи XXII—XXV), далѣе періодъ реставраціи (XXVI династія) и, наконецъ, время персидскаго владычества (XXVII—XXXI династіи).

Рис. 9. Пирамиды близъ селенія Гизэ (Хеопса и Хефрена; посредині полузасыпанный большой сфинксъ).

была столь тѣсно связана съ исторіею народовъ Передней Азіи и даже Европы.

Оставляя въ сторонѣ перваго фараона Менеса и его преемниковъ, а также не останавливаясь на принадлежащемъ къ III династіи фараонѣ Цозерѣ, которому нужно приписать постройку террасовидной

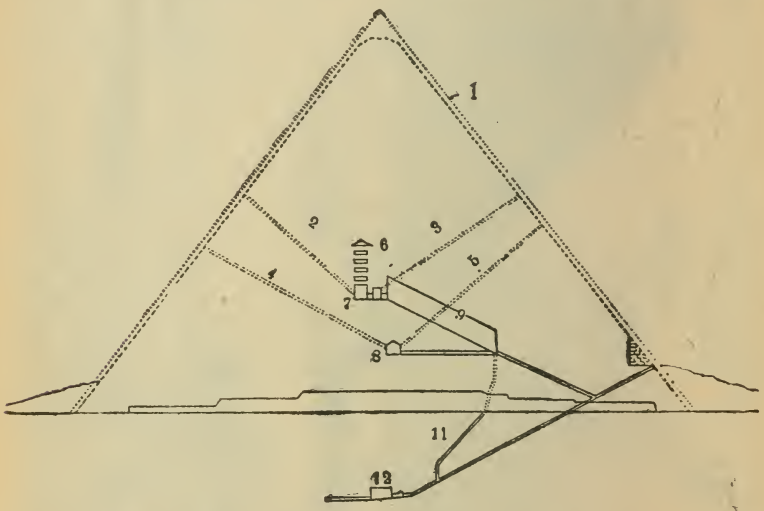


Рис. 10. Поперечный разрѣзъ пирамиды Хеопса.

Пирамиды — усыпальницы египетскихъ фараоновъ древняго и средняго царствъ—имѣли квадратныя основанія и четыре трехугольныя боковыя поверхности, образующія на вершинѣ постройки острый уголъ. Величайшая изъ пирамидъ—пирамида Хеопса близъ Гизе́; первоначально она имѣла квадратъ со сторонами въ 233 метра и высилась отъ земли на $146,_5$ м.; въ настоящее время эти цифры уменьшились, но все-таки остаются еще огромными ($227,_5$ м. и $137,_2$ м.). По словамъ Геродота, надъ ея сооруженіемъ трудилось ежедневно 100.000 чел. въ теченіе 20 лѣтъ. На прилагаемомъ разрѣзѣ ея цифры означаютъ: 1—линію гранитной облицовки, снятой султаномъ Беркукомъ въ 1395 г. по Р. Хр.; 2, 3, 4 и 5—воздухоносные ходы; 6—кельи; 7—усыпальницу царя; 8—усыпальницу царицы; 9—проходъ; 10—входъ; 11—шахта; 12—подземный склепъ.

пирамиды Саккары, мы скажемъ, что апогей славы древняго царства связанъ съ именами первыхъ фараоновъ четвертой династіи. Эти правители были: С н о ф р у, жившій приблизительно за 3000 лѣтъ до Р. Хр., побѣдившій бедуиновъ Синайскаго полуострова и тамъ основавшій мѣдные рудники и малахитовыя ломки; при немъ египетская культура

достигла уже столь высокаго расцвѣта, до какого, напр., въ области пластики, она и впослѣдствіи никогда не поднималась; затѣмъ знаменитые строители пирамидъ Хуфу, Хефре и Менкауре (Хеопсъ, Хефренъ и Микеринъ Геродота). Однако, уже во времена Менеса, «объединителя обоихъ царствъ», и его преемника, второго фараона первой династіи, Нармера, мы констатируемъ наличность сравнительно высокой культуры. На это указываютъ хотя бы тщательно исполненныя рельефныя изображенія на сохранившихся отъ этихъ двухъ фараоновъ аспидныхъ пластинкахъ (рис. 11). Равнымъ образомъ, и система египетской письменности (см. выше, стр. 6), по крайней мѣрѣ, въ общихъ чертахъ своихъ, была разработана окончательно. Раньше этого времени оба государства существовали раздѣльно: въ Верхнемъ Египтѣ правили жившіе въ Гіераконполисѣ «жрецы Горуса», которые носили бѣлыя короны, а Нижній Египетъ составлялъ еще самостоятельное и независимое государство, отличительною чертою фараоновъ котораго была корона краснаго цвѣта и причудливой формы. Такъ называемый Палермскій камень, содержавшій въ своихъ надписяхъ сокращенную лѣтопись событій временъ I — V династій, заключаетъ въ первой

Рис. 11. Аспидная пластинка начала первой династіи

съ первобытнымъ мотивомъ львовъ со змѣиными шеями (ср. рис. 12).

строкѣ остатки перечня именъ, вѣроятно обнимавшихъ еще извѣстныхъ во время составленія надписи (при VI династіи) царей Верхняго и Нижняго Египта раньше Менеса. Хотя камень этотъ дошелъ до насъ въ чрезвычайно испорченномъ видѣ, однако, наличность на немъ линовки, разсчитанной такимъ образомъ, что для событій каждаго года, начиная съ первой династіи, оставлялась одна графа, позволяетъ вывести заключеніе, что цари I—III династій правили приблизительно въ продолженіе 650 лѣтъ.

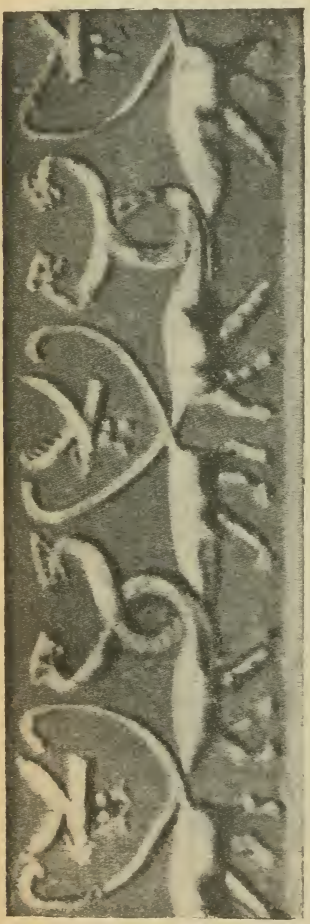


Рис. 12. Древне-вавилонскій цилиндръ-печать съ первобытнымъ мотивомъ львовъ со змѣиными шеями, встрѣчающимся также въ Египтѣ (ср. рис. 11).

При царяхъ пятой династіи мы видимъ, что египтяне проникли уже далеко къ югу, внутрь Судана и въ страну Паунтъ, извѣстную своими благовонными куреніями (это—полуостровъ Сомалійскій и аравійское побережье Мара); къ тому же періоду и ко времени шестой династіи (при фараонахъ Пепи и Меренре) относится происхожденіе обширныхъ священныхъ текстовъ, такъ назыв. пирамидныхъ надписей, дающихъ намъ важныя разъясненія о древнѣйшихъ формахъ египетскаго языка и египетской религіи. При Пепи былъ совершенъ и походъ въ южную часть Палестины; эта экспедиція, вѣроятно, была первымъ походомъ египтянъ въ Азію.

О томъ промежуткѣ времени, къ которому Манеѳонъ относитъ династіи отъ седьмой до десятой, намъ ничего не извѣстно изъ памятниковъ. Въ этотъ періодъ вѣроятно происходили неурядицы и политическіе перевороты, а по указаніямъ одного позднѣйшаго папи-

руса тогда совершались вторженія враждебныхъ египтянамъ аму, т.-е. азіатовъ или семитовъ.

Среднее царство и особенно XII династія.

Когда мы вновь располагаемъ текстами (относящимися къ событіямъ XI династіи), то находимъ, что центръ тяжести политической жизни Египта перенесенъ на югъ страны. Отнынѣ столицею являются уже Ѳивы, а не Мемфисъ, и ѳивскій богъ Амонъ занимаетъ съ тѣхъ поръ первое мѣсто въ египетскомъ пантеонѣ.

При послѣднемъ фараонѣ одиннадцатой династіи Санхкаре снова была совершена экспедиція въ страну Паунтъ или Хабасатъ, какъ ее также называли древніе египтяне (то было сомалійское побережье съ лежащею напротивъ его частью южной Аравіи). Цѣлью этого похода была монополизація за египетскимъ правительствомъ издавна поддерживавшейся съ Паунтомъ торговли ладаномъ.

Величайшаго, однако, расцвѣта достигло египетское могущество во время правленія царей двѣнадцатой династіи (приблизительно за 2000 лѣтъ до Р. Хр.). Аменемгаатъ I завоевалъ Нубію, гдѣ мы въ ту эпоху находимъ новый народный элементъ, именно переселившееся вѣроятно изъ Элама чрезъ Аравію племя кашъ или кушъ. Усертесенъ III принялъ посольство аравійскаго правителя Ибсе (Абіатуи или Ависуи), о чемъ въ одной изъ египетскихъ гробницъ сохранилось изображеніе, великолѣпно нарисованное яркими красками. Внуку его Аменемгаату III, наконецъ, приписываются сооруженіе Меридова озера Геродота, обширнаго водоема въ области Файюмъ, къ западу отъ низовьевъ Нила, а также постройка знаменитаго лабиринта—зданія, имѣвшаго характеръ храма, съ безчисленнымъ множествомъ комнатъ и переходовъ.

Также и египетская литература переживала въ періодъ Средняго царства время своего величайшаго расцвѣта; древнѣйшіе, хотя и не самые древніе, свитки папируса относятся къ этому времени, которое сами египтяне разсматривали какъ классическій періодъ развитія своей письменности. Такъ, напр., къ этому періоду относятся повѣствованіе объ островѣ призраковъ и обитающемъ на немъ змѣиномъ царѣ и часто упоминаемый романъ о пребываніи Сенухе въ южной Палестинѣ и Эдомѣ. Сюда же слѣдуетъ отнести изъ спеціально священныхъ текстовъ ѳиванскую редакцію такъ назыв. «Книги Мертвыхъ», основа которой, конечно, возникла въ гораздо болѣе раннее время.

Правда, въ области строительнаго искусства мы уже болѣе не найдемъ такихъ сооруженій, которыя можно было бы сравнить съ пирамидами Древняго царства. Также и въ пластикѣ явно начинаетъ сказываться шаблонная манера позднѣйшаго времени. Тѣмъ не менѣе, столь значительные памятники, какъ большой сфинксъ въ Гизѣ (рис. 9) и пещерныя могилы Бени-Гассана и Берше, свидѣтельствуютъ о все еще крупной продуктивности. Всѣ эти сооруженія были дѣломъ рукъ преимущественно владѣтелей отдѣльныхъ округовъ (номовъ), могущество которыхъ постоянно возрастало рядомъ съ властью фараоновъ, начиная уже съ VI династіи.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Великій переворотъ начала второго до-христіанскаго тысячелѣтія и начатки исторіи еврейской.

Вавилонія при Хаммураби и его преемникахъ.

Шестымъ правителемъ вышеупомянутой династіи вавилонскихъ городскихъ царей является знаменитый Хаммураби (иначе это имя читается Хаммурапалту; имя его точнѣе — Аммураби, т.-е. «его дитя, убывающая луна, мое счастіе»). Отъ времени его царствованія до насъ дошла масса надписей, по которымъ, оказывается, онъ властвовалъ надъ цѣлымъ рядомъ городовъ сѣверной и южной Вавилоніи, какъ уже видно изъ самаго мѣста нахожденія этихъ текстовъ. Множество коммерческихъ контрактовъ, указовъ и писемъ періода его царствованія и правленія пяти его преемниковъ подтверждаетъ фактъ расцвѣта промышленности и торговли и позволяетъ намъ въ то же время взглянуть на интересную картину тогдашней правовой и частной жизни. Особенный въ этомъ отношеніи интересъ представляетъ недавно открытый въ городѣ Сузѣ знаменитый сводъ законовъ Хаммураби, раздѣляющійся почти на 300 статей.

Хаммураби свергъ послѣдняго царя Ларсы и, такимъ образомъ, прочно объединилъ сѣверную и южную Вавилонію. Съ тѣхъ поръ Вавилонъ сталъ и оставался столицею всей страны вплоть до позднѣйшихъ временъ. Грандіозныя сооруженія каналовъ и храмовъ, пред-

принятыя имъ во всѣхъ частяхъ Вавилоніи, свидѣтельствуютъ объ его энергичномъ и полезномъ правленіи, по сохранившемуся списку продолжавшемся 43 года. Правда, въ теченіе значительной части своего долгаго царствованія онъ былъ васалломъ могущественныхъ тогда еще въ Вавилоніи эламитянъ, пока ему, наконецъ, не удалось свергнуть ларсскаго царя Ири-аку. Уже къ концу правленія его отца и предшественника Синмубаллита политическое положеніе Вавилоніи представлялось въ совершенно иномъ видѣ: въ Ларсѣ тогда жили соперники древнихъ царей Нисина; изъ нихъ послѣднимъ былъ Синидинна, сынъ Нуррамана, предшественникъ эламитянина Ири-аку; въ Нисинѣ правили послѣдніе цари нѣкогда могущественной династіи, напр., Дамкиллису; въ Вавилонѣ царствовала та династія, пятымъ царемъ которой былъ самъ Синмубаллитъ, а въ Эрехѣ правили преемники нѣкоего Сингамиля и его васалла Илумы; послѣдняго, возстановившаго «древнія стѣны Гибильгамиша (т.-е. Немврода)» въ Эрехѣ, списокъ царей страннымъ образомъ ставитъ во главѣ правителей II династіи; такъ же точно въ этомъ спискѣ Дамкиллису считается третьимъ царемъ той же династіи.

Подобно прочимъ царямъ этой династіи, и сынъ Хаммураби, Самсуилуна, носитъ западно-семитическое имя. Чрезвычайно важно то обстоятельство, что, побѣдивъ Ири-аку, отецъ его овладѣлъ не только южною Вавилоніею, но также гегемоніею надъ страною Марту, какъ называли вавилоняне Палестину и Сирію еще со временъ Гудеи. Сынъ Самсуилуны носилъ опять-таки явно арабско-минейское имя Абишуи, а сынъ послѣдняго назывался Аммидитаною. Этотъ царь называетъ себя на одной надписи «царемъ Вавилона, царемъ вселенной (Кишъ), царемъ Сумера и Аккада, царемъ горной области Марту».

Если болѣе обширный списокъ вавилонскихъ правителей, по которому первыя двѣ династіи сѣверной Вавилоніи существовали разновременно, вѣренъ, то правленіе Хаммураби слѣдуетъ отнести не къ 1900 году до Р. Хр., но къ періоду болѣе раннему, именно на цѣлыхъ 368 лѣтъ. Тѣмъ самымъ и время жизни Авраама было бы отодвинуто назадъ почти на четыре столѣтія. Точное выясненіе этого вопроса окажется возможнымъ лишь при нахожденіи дальнѣйшихъ надписей. Пока всѣ данныя, особенно же болѣе краткій списокъ съ страннымъ, совершенно необъяснимымъ при разновременности правленія династій заголовкомъ въ началѣ перечисленія царей второй, урнапаггской династіи («это же, напротивъ, и т. д.»), говорятъ въ пользу одновременности обѣихъ первыхъ династій; библейская традиція, по которой Авраамъ также жилъ около 1900 года, лишь подтверждаетъ правильность такого предположенія.

Господство царей-пастуховъ въ Египтѣ.

Столѣтія, протекшія съ конца XII до начала XVIII династіи, т.-е. время приблизительно отъ 1800 до 1600 года до Р. Хр., представляютъ одинъ изъ самыхъ темныхъ періодовъ египетской исторіи. Достовѣрно установлено лишь то, что непосредственно предъ XVIII династіею надъ Нижнимъ Египтомъ господствовали такъ называемые г и к с ы или пастушескіе цари азіатскаго происхожденія, тогда какъ въ Верхнемъ Египтѣ въ то время нѣсколько туземныхъ династій вѣроятно влачило безславное существованіе. О своеобразныхъ сфинксахъ и царскихъ статуяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, вѣроятно, принадлежатъ этимъ правителямъ, другія же были присвоены ими при помощи позднѣйшей выгравировки ихъ именъ на нихъ, напр., о статуяхъ съ названіемъ фараона-гикса Апопи, рѣчь была уже выше. Если мы вспомнимъ, что по библейскому преданію (кн. Быт., 14) союзныя эламитско-вавилонскія войска проникли до эламитскаго залива Эль-Парана и до Кадешъ-Барнеи, то представляется вполнѣ возможнымъ привести возникшее отъ этого движеніе на Синайскомъ полуостровѣ и въ южной Палестинѣ въ причинную связь съ нашествіемъ гиксовъ. Фактъ, что въ то время, отъ котораго мы снова располагаемъ множествомъ памятниковъ, именно въ началѣ Новаго царства (примѣрно отъ 1600 года до Р. Хр. и позже), въ Египтѣ появляются кони и боевыя колесницы, равно какъ значительное количество семитическихъ словъ, заимствованныхъ спеціально изъ языка хананейскаго; это позволяетъ заключить, что въ предшествующія столѣтія Египетъ подвергся сильному вліянію со стороны Ханаана. По словамъ Манеѳона, первый изъ этихъ царей-гиксовъ назывался С а л а т и с о м ъ, что по-хананейски

Рис. 13 и 14. Головы сфинксовъ, изображающія царей-гиксовъ.

означаетъ приблизительно «властелинъ»; по аналогіи съ этимъ и въ книгѣ Бытія, 42, 6, такъ же (по-еврейски ha-shallît) называется и Іосифъ, около этого же времени назначенный соуправителемъ египетскаго фараона. Другой царь гиксовъ назывался Апопи, третій, статуя котораго была найдена въ Бубастисѣ, Хіаномъ. Это послѣднее имя, быть-можетъ, продолжало существовать у арабовъ, которые гортанный звукъ выговаривали въ родѣ плавнаго звука р, подъ видомъ Райяна; такимъ именемъ назывался по преданію и происходившій отъ арабско-ханаанейскихъ амалекитянъ фараонъ, освободившій Іосифа изъ темницы. Также и нѣкій Іаковгеръ (т.-е. Іаковелъ), съ настоящимъ арабско-еврейскимъ именемъ, повидимому, принадлежалъ къ числу этихъ царей: ядро гиксовъ, если и не всѣ предводители ихъ, навѣрное состояло изъ арабовъ. Наконецъ, нѣкій царь Нубти, съ котораго велся счетъ особой эры, будто бы жилъ за 400 лѣтъ до Рамзеса II, т.-е. приблизительно около 1700 г. до Р. Хр. Съ нимъ совершенно безосновательно приводили въ связь 430-лѣтнее пребываніе сыновъ Израиля въ Египтѣ. Напротивъ, оказывается, что имя Нубти является прозвищемъ бога Сета, считавшагося родоначальникомъ царей XIX династіи. Значитъ, онъ вовсе не былъ царемъ-гиксомъ, но весьма вѣроятно, что впослѣдствіи въ немъ усматривали олицетвореніе всѣхъ гиксовъ, тѣмъ болѣе, что и вышеприведенная хронологическая дата относится къ періоду гиксовъ. Столицею пастушескихъ царей былъ расположенный восточнѣе Таниса недалеко отъ границы городъ Гатуартъ (Гауаръ, Аварисъ), а, кромѣ того, вѣроятно также возвысившійся въ періодъ Средняго царства городъ Танисъ или Цоанъ, которому впослѣдствіи, при XIX династіи, предстояло играть важную роль, главнымъ образомъ, въ качествѣ резиденціи Рамзеса II. Пастушескіе цари приняли египетскую цивилизацію, какъ видно по тѣмъ немногочисленнымъ памятникамъ, которые уцѣлѣли отъ нихъ до нашего времени.

Еврей Аврамъ (Авраамъ).

Выше уже было упомянуто, какъ послѣдній царь Ларсы, Ириаку или Ири-синъ, онъ же Римъ-синъ, былъ низвергнутъ вавилонскимъ правителемъ Хаммураби и лишенъ престола. Изъ сохранившихся отъ него подлинныхъ его надписей мы усматриваемъ, что раньше онъ былъ очень могущественнымъ государемъ, присоединившимъ къ своей области средне-вавилонскіе города Нисинъ (Испинъ) и Эрехъ, причемъ первый изъ нихъ онъ покорилъ еще въ то время,

когда отецъ Хаммураби, Синмубаллитъ, правилъ въ сѣверной Вавилоніи въ качествѣ васалла Ири-аку. Отецъ его, Кудурмабугъ, вмѣстѣ съ которымъ онъ совершилъ большинство своихъ военныхъ подвиговъ, называлъ себя въ одной надписи прямо-таки «отцомъ страны Марту», т.-е. главнымъ сюзереномъ Сиріи и Палестины. Онъ былъ эламитскаго, а не вавилонскаго происхожденія, почему онъ при случаѣ и замѣнилъ вавилонское имя бога Сина въ своемъ собственномъ названіи соотвѣтственнымъ эламитскимъ словомъ Аку (Ири-синъ, равно какъ Ири-аку, означаетъ «слугу бога луны»).

Этотъ Ири-аку страннымъ образомъ связанъ съ первыми начатками исторіи евреевъ. Изъ Ветхаго Завѣта намъ извѣстно, что исторія эта начинается съ переселенія еврейскаго владѣтельнаго князя Аврама *) изъ мѣстности, гдѣ были расположены древнѣйшія святилища луннаго бога, именно изъ «халдейскаго Ура» и месопотамскаго Харрана, между которыми, вѣроятно, лежали пастбища его кочевыхъ подданныхъ, въ Ханаанъ. Весьма древнее библейское преданіе (кн. Быт., 14) повѣствуетъ о томъ, какъ эламитскій царь Кудуръ-Лагамаръ, въ Библіи именуемый Кедорлаомеромъ, въ союзѣ съ васальными царями Аріохомъ элассарскимъ (это и есть Ири-аку изъ Ларсы), Амрафеломъ **) сеннаарскимъ (т.-е. вавилонскимъ) и Тудхуломъ (библ. Θидаломъ) гоимскимъ (въ сѣверо-восточной Вавилоніи), предпринялъ большой походъ противъ царей Содома и Гоморры на Мертвомъ морѣ, отпавшихъ отъ него послѣ четырнадцатилѣтняго подчиненія. Эти цари, послѣ удачной для нихъ битвы, имѣвшей мѣсто въ долинѣ Сиддимъ, были на возвратномъ пути въ Вавилонію застигнуты вышеупомянутымъ Авраномъ. Упоенныхъ побѣдою и не ожидавшихъ нападенія Аврамъ разбилъ ночью около Дамаска и отнялъ у нихъ богатую добычу. При этомъ въ кн. Быт. 14, 18 и слѣд. упоминается царь-священникъ Салима, т.-е. позднѣйшаго Іерусалима, Мельхиседекъ.

Въ этомъ сообщеніи нѣтъ ничего страннаго, такъ какъ Іерусалимъ подъ именемъ Урусалима упоминается въ клинописныхъ текстахъ немногими столѣтіями позже, именно около 1430 г. до Р. Хр.; тогда же повѣствуется и о тамошнемъ царѣ-священникѣ Арадхибѣ (вм. Артахибы?).

Итакъ, возникновеніе еврейскаго народа, какъ такового, относится къ чрезвычайно бурному въ политическомъ отношеніи XIX столѣтію до Р. Хр. Какъ вавилонская, такъ и происшедшая отъ нея въ

---

*) Это настоящее западно-семитическое имя мы встрѣчаемъ также впослѣдствіи у ассирійцевъ, которые должны быть разсматриваемы какъ вавилонизированные западно-семиты.

**) Древняя орѳографическая ошибка. Это имя произошло отъ вавилонскаго Am-mi-ra-bi, причемъ послѣдній слогъ—bi—писался тѣмъ же знакомъ, который обозначалъ также слоги ne и pil.

древнѣйшее время египетская культуры уже успѣли пережить апогей своего развитія; каждою изъ нихъ былъ уже пройденъ путь нѣсколькихъ тысячелѣтій. Въ дѣлѣ дальнѣйшаго развитія вавилонской исторіи правленіе Хаммураби знаменуетъ окончательную побѣду усиленнаго арабами семитическаго элемента надъ послѣдними, вымиравшими остатками сумерійскаго населенія на югѣ Вавилоніи *). Равнымъ образомъ, и періодъ владычества гиксовъ знаменуетъ собою въ исторіи сначала лишь полусемитическаго, а по крови своей, быть-можетъ, и вовсе несемитическаго Египта многозначительное время примѣси семитическихъ элементовъ и семитическихъ представленій, дальнѣйшее и постоянное развитіе которыхъ мы наблюдаемъ въ продолженіе существованія Новаго царства. Наконецъ, въ сѣверо-восточной части Вавилоніи, равно какъ въ отдаленной южной Аравіи, вѣроятно въ ту же эпоху возникло, первоначально совсѣмъ незамѣтно, два новыхъ отпрыска вавилонской культуры. То были: достигшая впослѣдствіи столь значительнаго политическаго могущества юная Ассирія, первыхъ царей-священниковъ, такъ назыв. патези, которой мы встрѣчаемъ приблизительно около 1900 года до Р. Хр., и населеніе которой должно быть признано овавилонившимися арабами, и южно-аравійское, находившееся подъ вліяніемъ вавилонской культуры царство, первые слѣды котораго ясно выступаютъ передъ нами, правда, лишь нѣсколькими столѣтіями позже. Такимъ образомъ, отнынѣ всѣ условія ведутъ къ медленному и, какъ мы увидимъ, еще нѣсколько разъ прерываемому, но прочному восторжествованію семитизма въ предѣлахъ Передней Азіи, которой было суждено оставаться въ продолженіе приблизительно еще 1000 лѣтъ почти единственнымъ разсадникомъ цивилизаціи.

Хотя евреи выступаютъ на арену исторіи только такъ поздно, притомъ съ тѣмъ, чтобы вскорѣ затѣмъ снова на нѣсколько столѣтій исчезнуть изъ сферы нашихъ наблюденій, тѣмъ не менѣе, маленькая, долженствовавшая пріютить ихъ Палестина оказалась благодаря своему своеобразному положенію посреди двухъ крупныхъ центровъ культуры уже въ теченіе приблизительно 1000 лѣтъ доступною самымъ разнороднымъ вліяніямъ какъ со стороны Вавилоніи, такъ и со стороны Египта. Ея хананейское населеніе, ближайшимъ образомъ родственное евреямъ какъ по языку, такъ и по крови, обнаруживало уже тогда ту же самую смѣсь осѣдлыхъ и кочевыхъ элементовъ, которую мы встрѣчаемъ въ самомъ началѣ исторіи евреевъ. Входившіе въ составъ его бедуины, однако, отнюдь не представляли столь не-

*) Хотя сумерійскій языкъ несомнѣнно задолго до этого времени вымеръ, однако, населеніе страны все еще оставалось по крови скорѣе сумерійскимъ, чѣмъ семитическимъ.

образованнаго первобытнаго племени, какимъ многіе ученые изображаютъ евреевъ еще незадолго до времени царя Давида. Да развѣ могла страна, находившаяся уже въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій подъ вавилонскимъ владычествомъ, чтобы затѣмъ подобнымъ же образомъ въ періодъ Новаго царства (XVIII и XIX династій) въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ подпасть владычеству Египта, оставаться совершенно непронутою вавилонскою и египетскою культурою? А что отъ этого вліянія не ускользнули также кочующіе элементы жившихъ между Вавиломіею и Египтомъ семитическихъ племенъ, это доказывается хотя бы тѣми описаніями, которыя попутно оставили намъ о нихъ египтяне не только въ текстахъ, но и въ картинахъ на своихъ памятникахъ.

Убѣдительнымъ подтвержденіемъ такого взгляда на дѣло можетъ служить относящееся примѣрно къ 2000 году происхожденіе, притомъ вѣроятно въ восточной Аравіи, западно-семитическаго, обыкновенно называемаго финикійскимъ, алфавита. Финикійскіе колонисты передали его приблизительно въ IX вѣкѣ до Р. Хр. грекамъ, и тѣмъ самымъ эти письмена стали родоначальниками всѣхъ нашихъ европейскихъ азбукъ. Уже къ концу второго тысячелѣтія алфавитъ этотъ раздѣлился на двѣ, происходящія отъ одного корня вѣтви: на хананейско финикійскую и на южно-аравійскую. алфавитъ минейско-сабейскій. Представленіе, будто хананейско-финикійскія письмена произошли отъ египетскихъ алфавитныхъ знаковъ, употреблявшихся въ Египтѣ рядомъ съ іероглифическими обозначеніями цѣлыхъ понятій и отдѣльныхъ слоговъ, безъ труда опровержимо на основаніи звукового состава соотвѣтствующихъ языковъ. Алфавитъ этотъ, какъ и многое другое, возникъ на основаніи древне-вавилонскихъ образцовъ, былъ изобрѣтенъ сумерійцами и распространенъ восточно-арабскими бедуинами, уже тогда, какъ и позже, въ послѣ-христіанское время на Синайскомъ полуостровѣ и въ Хауранѣ, чувствовавшими потребность начертать свои имена на скалахъ и на глиняныхъ сосудахъ или клеймить этими знаками своихъ верблюдовъ и овецъ. Равнымъ образомъ, эти же кочевники заимствовали изъ вавилонской астрономіи, уже въ третьемъ до-христіанскомъ тысячелѣтіи достигшей полнаго расцвѣта, также названія главнѣйшихъ созвѣздій, оказывающихся наиболѣе удобными при практическомъ опредѣленіи времени.

Когда понадобилось изобрѣсть названія буквъ для вышеупомянутаго алфавита и помѣстить ихъ разъ навсегда въ строго опредѣленномъ порядкѣ, они прибѣгли даже къ названіямъ половины знаковъ зодіака и къ именамъ семи планетъ. Такъ, напр., альфа означаетъ Вола, какъ символъ луны, тау (первоначально послѣдняя буква алфавита) является обозначеніемъ Сатурна, іодъ — руки (Меркурія),

кафъ — ладони (Венеры), о—солнца, пи—устъ (Марса), ро—головы (Юпитера), гамма или гамаль—звѣзды Гамлы въ созвѣздіи Вола, фи—близнецовъ, ми—воды (срв. Водолея), ню—рыбъ и т. д.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Періодъ египетскихъ завоеваній въ Передней Азіи въ продолженіе XVIII, XIX и XX династій.

Начало касситскаго владычества въ Вавилоніи.

Вѣроятно непосредственно за тою династіею, къ которой принадлежитъ знаменитый Хаммураби, послѣдовалъ рядъ правившихъ свыше пятисотъ лѣтъ касситскихъ (эламитскихъ) царей. Большинство изъ нихъ можетъ быть признано чужеземцами уже по однимъ именамъ своимъ. Правда, они чрезвычайно быстро ассимилировались съ вавилонянами какъ по языку, такъ и по обычаямъ и религіи. Однако, вавилоняне постоянно въ болѣе или менѣе сильной степени ощущали тяготу этого чужеземнаго владычества. Это доказывается вышеуказанною реставраціею семитизма подъ конецъ того продолжительнаго и для Вавилоніи отнюдь не безславнаго періода. Для насъ представляетъ огромный интересъ то обстоятельство, что среди этихъ касситовъ, какъ доказывается нѣсколькими именами царей и особенно божествъ, находились также индо-германцы, а именно иранцы. Такъ, напр., бога солнца касситы называли не только Сахомъ, но и Суріасомъ (совсѣмъ какъ по-санскритски); сюда же относятся также имена богини снѣжныхъ горъ Сималіи (срв. иранское zhima, снѣгъ, индійское hima въ названіи Гималаевъ, т.-е. снѣжнаго жилища) и бога Ассара-мазаса, т.-е. Ахурамазда-Ормузда, котораго мы встрѣчаемъ, впрочемъ, лишь въ одномъ изъ позднѣйшихъ списковъ. Начало послѣднему положилъ нѣкій Гандиі, именовавшійся также (по-эламитски) Гандишемъ или Гаддишемъ, именно около 1700 года до Р. Хр., т.-е. въ такое время, когда въ Египтѣ владычествовали еще гиксы. Лишь при седьмомъ изъ этихъ царей, знаменитомъ Агу, въ отличіе отъ одного изъ своихъ предшественниковъ именовавшемся также Агукакримми, мы узнаемъ нѣкоторыя подробности относительно Вавилоніи. Этотъ Агу, сынъ Урзигуруваша («слуги небеснаго божества»), называетъ себя въ обширной, сохранившейся до нашего времени въ видѣ позднѣйшей копіи надписи «царемъ касситовъ и аккадійцевъ, царемъ обширной страны Вавилона,

заселяющимъ страну Ашнуннакъ многочисленными народами, царемъ Падана и Алмана (т.-е. Месопотаміи), царемъ области Гути (мѣста жительства вышеупомянутыхъ гоимовъ), царемъ обширнаго пространства, правителемъ и владыкою четырехъ странъ свѣта», чѣмъ онъ обозначалъ, какъ подчиненный ему, весь Востокъ отъ сѣвернаго Гути до южнаго Ашнуннака. Выраженіе «владыка четырехъ странъ свѣта» указываетъ, какъ мы видимъ на примѣрахъ другихъ вавилонскихъ царей, также на извѣстное владычество надъ частью Сиріи. И дѣйствительно, Агу подробно повѣствуетъ въ своей надписи о томъ, какъ ему посчастливилось вернуть изъ отдаленной, расположенной къ сѣверу отъ Алеппо страны Х а н и изображенія высшихъ божествъ города Вавилона, именно Меродаха и его супруги Царпанитъ, и вновь торжественно и съ великимъ тріумфомъ поставить ихъ въ родномъ храмѣ. Изъ этого слѣдуетъ, что въ теченіе первыхъ десятилѣтій правленія касситской династіи изъ той страны было совершено враждебное вторженіе въ Вавилонію, о чемъ мы до сихъ поръ, впрочемъ, не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній. Это вторженіе находилось вѣроятно въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ тѣми политическими переворотами, которые сопровождали уничтоженіе и гибель предшествующей династіи и возвышеніе царей касситскихъ.

Вмѣстѣ съ этимъ упоминаніемъ страны Хани впервые выступаютъ на арену исторіи хетты или «хетты», о которыхъ впослѣдствіи упоминается столь часто. Приблизительно 100 лѣтъ спустя послѣ царя Агукакримы мы ихъ находимъ въ числѣ тѣхъ народностей, которыя посылаютъ знаменитому фараону Дегутмосе (Тутмозису) III подарки, а около 1450 года мы уже видимъ, что они значительно распространились по сѣверной Сиріи. Ихъ первоначальною родиною, впрочемъ, была область, именовавшаяся вавилонянами Хани-раббатъ, египтянами же Хетао (то и другое значитъ «великая хеттская земля») и находившаяся вблизи Милида, Малатіи, по верхнему теченію Евфрата, т.-е. къ сѣверо-востоку отъ Киликіи. Впрочемъ, возможно также чтеніе Chani-galbat вмѣсто Chani-rabbat; во всякомъ случаѣ, достовѣрно установлено, что Chani-galbat, независимо отъ того, означаетъ ли это имя Великое Хани или Хани-Галбатъ, равно какъ египетское Великое Хета служатъ для обозначенія одной и той же мѣстности. Въ числѣ драгоцѣнныхъ камней, которыми царь изукрасилъ возвращенныя статуи боговъ, фигурируетъ также камень, называющійся зу-мархаши, нашъ изумрудъ (по-арабски забаргадъ, зумуррудъ, т.-е. камень Маргада — Мархаша). Тамъ же упоминается, какъ о поставленныхъ въ храмѣ, объ изображеніяхъ уже локализированныхъ въ сферѣ знаковъ зодіака созвѣздій, которыя намъ извѣстны, въ роли одиннадцати пособниковъ бога Мардука, еще изъ преданія о сотвореніи мірозданія.

Вавилоняне и особенно ассирійцы называли страну Хани въ ея позднѣйшемъ, болѣе значительномъ протяженіи, Хатту (изъ слова Ханту съ семитическимъ окончаніемъ женск. рода), египтяне же—Хетта (обыкновенно читается Хета, срв. еврейское Хетъ). Семитизированная форма, повидимому, перешла и къ грекамъ въ видѣ имени Eneioi, первоначально вѣроятно Henetoi.

Возникновеніе Ассиріи.

Къ сѣверо-востоку отъ Вавилоніи на лѣвомъ, восточномъ берегу Тигра, между рѣкою и мидійско-армянскими горами, въ мѣстности съ сравнительно умѣреннымъ климатомъ лежала страна, которой впослѣдствіи суждено было играть руководящую роль въ исторіи Передней Азіи. Центръ этой области находился между обоими притоками Тигра, носившими еще въ древности названія Нижняго и Верхняго Забовъ, на сѣверѣ же выходилъ за предѣлы ихъ, именно простирался до небольшой рѣчки Хузура. Тутъ, при впаденіи послѣдняго въ Тигръ, раскинулась ставшая впослѣдствіи столицею Ассиріи Ниневія. Между Верхнимъ и Нижнимъ Забомъ, на правомъ западномъ берегу Тигра, была расположена древняя столица Ассуръ (Ашшуръ), по имени которой и вся страна называлась Ассиріею, а около впаденія Верхняго Заба лежалъ основанный Салманассаромъ I Калху (Калахъ кн. Быт., 10, 11), въ продолженіе многихъ столѣтій, вплоть до Саргона, бывшій главнымъ ассирійскимъ городомъ. Выше уже было упомянуто, что какъ Ниневія, такъ и Ассуръ упоминаются еще во времена Хаммураби. Упомянутый въ кн. Быт. 10, 12, и расположенный въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ Ниневіею городъ Ресенъ, Ларисса греческихъ писателей, получилъ, какъ и самая Ниневія, свое названіе отъ вавилонскаго города того же имени, именно отъ города Нисина; это опять-таки ясно указываетъ на заселеніе этихъ мѣстъ изъ Вавилоніи. Также въ мѣстности между Нижнимъ и Верхнимъ Забами, но далеко въ сторонѣ отъ Тигра, лежалъ часто упоминаемый въ качествѣ святилища богини Истаръ городъ Арбаилу, Арбела (нынѣ Эрбилъ), «градъ четырехъ божествъ», именно четырехъ священныхъ рѣчныхъ боговъ. Тутъ мы имѣемъ дѣло съ такимъ же представленіемъ о расположеніи рая, какое мы находимъ въ кн. Бытія, 2, 11—14; только здѣсь опять отмѣчается халдейское происхожденіе даннаго представленія. Другое святилище, Тарбасу, гдѣ стоялъ возстановленный Синахерибомъ храмъ бога Нергала, находилось на мѣстѣ нынѣшняго Шерифъ-хана.

Повидимому, ничѣмъ не отличавшіеся въ языкѣ, письменности и вѣрованіяхъ отъ вавилонянъ ассирійцы являютъ, насколько можно судить по сохранившимся рисункамъ, болѣе чистый семитическій типъ, чѣмъ ихъ вавилонскіе сородичи, сильно смѣшавшіеся съ сумерійцами и касситами. Это объясняется тѣмъ, что они находились въ ближайшемъ родствѣ съ пришедшими изъ Аравіи западно-семитическими переселенцами династіи Хаммураби, подобно которымъ они впослѣдствіи подверглись вавилонскому вліянію. Древнѣйшіе ассирійскіе правители, по всей вѣроятности находившіеся еще въ подчиненіи у вавилонянъ, еще не носили титула царей, но именовались «патези или иссакку (князьями-жрецами, быть-можетъ, и представителями) бога Ассура». Къ числу ихъ относятся, напр., Ишмидаганъ, т.-е. «богъ Даганъ или Белъ внялъ» (такъ назывался уже одинъ изъ царей Нисина) и его сынъ Шамшіададъ (или Рамманъ), т.-е. «солнце мое — богъ воздуха», другими словами, опять-таки Белъ. Послѣдній царь, согласно позднѣйшему эпиграфическому указанію, правилъ за 60 + 641 годъ до Тиглатпаласcара I, т.-е. приблизительно за 1800 л. до Р. Хр., и воздвигъ въ городѣ Ашшурѣ (Ассурѣ) огромный храмъ богамъ Ану (Ашшуру) и Ададу, т.-е. въ данномъ случаѣ Белу, какъ божеству воздуха и вѣтровъ. Другими такими патези были Шамшіададъ (приблизительно за 1900 лѣтъ до Р. Хр.) и его отецъ Игуръ (или Белъ)-капкапу, равно какъ жившій вѣроятно раньше обоихъ этихъ Шамшіададовъ патези Ирису, сынъ Илусумы; внукъ послѣдняго назывался Икуну. Къ числу древнѣйшихъ патези Ашшура вѣроятно относились также Сулили и Ауспія (или Успія). Не извѣстно, когда именно послѣ 1800 года до Р. Хр. правилъ также нѣкій Билбани, сынъ Адаси, котораго впослѣдствіи царь Саргонъ весьма опредѣленно называетъ родоначальникомъ сирійскихъ царей. Быть-можетъ, этотъ Билбани былъ первымъ патези, провозгласившимъ свою независимость отъ Вавилоніи и принявшимъ титулъ «царя Ашшура». Можно предполагать, что это случилось около того времени, когда произошло вышеупомянутое вторженіе царя Ханы въ Вавилонію; такимъ образомъ, однѣ и тѣ же неурядицы способствовали какъ утвержденію касситской династіи въ Вавилоніи, такъ и отпаденію ассирійцевъ отъ древней своей родины и провозглашенію ими на продолжительное время своей независимости. Впрочемъ, на основаніи новѣйшихъ археологическихъ данныхъ возможно предположить, что этотъ Билбани былъ царемъ Нисина, т.-е. что правленіе его относится поэтому къ гораздо болѣе раннему періоду (а именно предшествовало царствованію Хаммураби). Съ этимъ слѣдуетъ тогда сопоставить сказанное выше относительно перехода имени Нисина на городъ Ресенъ (изъ Несена).

Конецъ періода гиксовъ и первые фараоны XVIII династіи.

Приблизительно около 1600 (точнѣе 1570?) года до Р. Хр. одному изъ прежнихъ фараоновъ, въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій оттѣсненныхъ въ Верхній Египетъ, удалось побѣдить ненавистныхъ чужеземцевъ и снова объединить подъ одною властью древнее царство, состоявшее изъ Верхняго и Нижняго Египта. Какъ намъ единогласно повѣствуютъ довольно поэтическій разсказъ, сохранившійся на свиткѣ папируса, и писавшій по-гречески Манеѳонъ, то былъ царь Іахмосе, сынъ Камеса, послѣдняго фараона XVII династіи. Уже предшественникъ послѣдняго, Раскененъ, заставилъ гиксовъ отступить къ пограничной крѣпости Аварису. Іахмосе отнялъ у нихъ эту послѣднюю опору, чѣмъ и рѣшилъ ихъ окончательное изгнаніе изъ предѣловъ Египта. Само собою разумѣется, что это изгнаніе постигло лишь предводителей и ихъ воиновъ. Огромное же большинство простонародья, въ свое время съ ними переселившагося въ страну и состоявшаго изъ арабскихъ бедуиновъ и семитическихъ хананейцевъ, осталось въ Египтѣ. Такимъ-то образомъ и объясняется то большое количество хананейскихъ именъ и культовъ, которое мы находимъ въ Новомъ царствѣ, въ продолженіе правленія царей XVIII—XX династій. Частью поселившихся въ области Госенъ или Косемъ (въ восточной окраинѣ дельты) и оставшихся въ Египтѣ семитовъ были евреи, явившіеся въ страну при Іосифѣ и его братьяхъ. Срокъ пребыванія ихъ въ Египтѣ опредѣляется Библіею (кн. Исходъ, 12, 40) въ 430 лѣтъ. Такъ какъ выходъ сыновъ Израиля изъ Египта подъ руководствомъ Моисея, по даннымъ III кн. Цар. 6, 1, произошелъ въ 1398 году до Р. Хр., именно за 440 лѣтъ до начала построенія Соломонова храма (въ 958 году до Р. Хр.; см. ниже), то переселеніе евреевъ въ Египетъ должно относиться приблизительно къ 1828 году, т.-е. еще къ періоду XII династіи, примѣрно къ началу царствованія Аменемгаата III. Съ этимъ прекрасно согласуется и то обстоятельство, что выше, на стр. 51, упомянутый Ибсе, подобно царямъ - гиксамъ именующійся «правителемъ чужой страны» и могущій быть разсматриваемъ какъ ихъ предтеча, проникъ въ Египетъ приблизительно только за 70 лѣтъ до этого времени (именно около 1896 года до Р. Хр.). Повидимому, и самое имя евреевъ, 'Ibrî, встрѣчается въ неоднократно упоминаемой въ надписяхъ временъ XIII—XX династій, особенно же фараона Рамзеса II, формѣ 'Eprî. Такъ назывались крѣпостные рабочіе, жившіе въ восточной части дельты. То же обстоятельство, что это

названіе встрѣчается еще во времена Рамзеса II и даже въ періодъ правленія царей XX династіи, при Рамзесѣ III, доказываетъ, что даже послѣ пребыванія главной массы евреевъ въ Египтѣ нѣкоторая незначительная часть ихъ все еще продолжала кочевать въ предѣлахъ египетской дельты, пограничной съ Ханааномъ.

Послѣ того какъ Іахмосе изгналъ гиксовъ изъ Египта, онъ завоевалъ расположенный на крайнемъ югѣ Палестины городъ Шарохенъ (т.-е. Сарахинъ, форма множественнаго числа отъ слова Сирханъ — «шакалъ») и, укрѣпивъ его, сдѣлалъ базою своихъ дальнѣйшихъ военныхъ предпріятій противъ страны Аму, какъ называли египтяне Палестину и Сирію. Затѣмъ Іахмосе и его сынъ Аменхотепъ I (девятый годъ правленія котораго, сообразно календарной замѣткѣ въ папирусѣ Эберса, по астрономическимъ исчисленіямъ долженъ приходиться на одинъ изъ годовъ 1545 — 42) пошли походомъ на Нубію, а Дегутмосе I удалось пробраться значительно дальше, чѣмъ фараонамъ XII династіи, именно до третьяго водопада, расположеннаго вблизи Донголы. Тотъ же царь напалъ въ Азіи на всѣ мелкія государства Сиріи вплоть до Евфрата. Это было въ первый разъ, что египетскія войска завоевали, если для начала и на непродолжительное время, эти страны, и что фараонъ могъ похвастать обширностью своихъ владѣній, простиравшихся отъ Донголы въ самомъ сердцѣ Нубіи до средняго теченія рѣки Евфрата.

Его сынъ и преемникъ, Дегутмосе II, правленіе котораго также было лишь кратковременнымъ, былъ женатъ на своей родной сестрѣ Гатшепсутѣ. Послѣдняя, послѣ смерти мужа, провозгласивъ соправителемъ своего несовершеннолѣтняго еще племянника Дегутмосе III; сама энергично взяла въ руки бразды правленія и обезсмертила себя грандіозными сооруженіями, особенно въ Дейръ-эль-Бахери, и морскою экспедиціею въ Паунтъ. Правда, тѣмъ временемъ египетскія владѣнія въ Азіи, за исключеніемъ вышеупомянутаго Шарохена, были опять утрачены, и лишь Дегутмосе III, правившему, по астрономическимъ исчисленіямъ, съ 1503—1449 годъ до Р. Хр. (вѣрнѣе же, отъ 1515—1461, изъ которыхъ онъ послѣ смерти своей тетки царствовалъ самостоятельно въ продолженіе 33 лѣтъ), было суждено вновь вернуть утраченныя земли, укрѣпить въ нихъ свою власть и умножить ихъ. Предпринятая на этотъ разъ съ значительнымъ флотомъ экспедиція въ Паунтъ увѣнчалась полнымъ успѣхомъ и богатою и рѣдкою добычею: тамъ было добыто множество золота и янтаря, были привезены въ отдѣльныхъ деревянныхъ чанахъ цѣлыя ладанныя деревья, было получено много чернаго дерева, слоновой кости, благовонныхъ куреній, шкуръ пантеръ и живыхъ павіановъ. Сохранившіяся изображенія этой добычи принадлежатъ къ числу наиболѣе

интересныхъ въ культурно-историческомъ отношеніи памятниковъ древняго Египта, дошедшихъ до насъ.

Къ сожалѣнію, мы почти ничего не знаемъ изъ исторіи Вавилоніи и Ассиріи за это время (приблизительно отъ 1600 до 1500 г. до Р. Хр.), такъ какъ именно тутъ списокъ вавилонскихъ царей имѣетъ пропускъ. Такъ называемая синхронистическая исторія, посвященная взаимоотношеніямъ Вавилоніи и Ассиріи, начинается для насъ лишь съ касситскаго царя Карандаша вавилонскаго и его современника, ассирійскаго правителя Ашшурбильнишшу.

Къ этому столѣтію обыкновенно относятъ первыя поселенія хананейскихъ финикійцевъ (сидонянъ) на Сициліи и Сардиніи, въ Испаніи, сѣверной Африкѣ и на южномъ побережьѣ Малой Азіи, равно какъ и на нѣкоторыхъ греческихъ островахъ. Эти купцы-мореходы древняго міра разнесли цивилизацію Востока по всѣмъ побережьямъ Средиземнаго моря. Охотнѣе всего они занимались разработкою рудниковъ: въ Таршишѣ (въ южной Испаніи) они добывали серебро, въ Португаліи и, быть-можетъ, въ Англіи—олово, на ѳракійскомъ побережьѣ и въ другихъ мѣстахъ въ огромномъ количествѣ золото; они же основали спеціальныя станціи для ловли пурпурной улитки. Вмѣстѣ съ ними прибылъ въ посѣщаемыя ими страны и культъ богини любви Астарты-Афродиты. Они же устраивали обмѣнъ оружіемъ, а сикульцы научились у нихъ разнымъ играмъ, напр., игрѣ въ кости *). Наконецъ, самымъ важнымъ ихъ даромъ Западу былъ алфавитный шрифтъ (см выше, на стр. 58). По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, однако, все это совершилось уже послѣ такъ называемаго микенскаго періода. Съ этимъ вполнѣ согласуется и то обстоятельство, что твердо установленныя заимствованныя семитическія слова въ греческомъ языкѣ появляются почти цѣликомъ лишь у Гезіода (а не встрѣчаются еще у Гомера). Предшественниками финикійцевъ въ дѣлѣ передачи указанной цивилизаціи были предпріимчивые европейско-малоазійскіе морскіе разбойники (см. ниже) микенскаго круга культуры. Если преданіе относитъ основаніе Утики («стараго города») въ сѣверной Африкѣ ко времени около 1100 года до Р. Хр., а основаніе Карѳагена (Карѳедона, финик. Картъ-хадаста, т.-е. «новаго города») къ 814 году до Р. Хр., то, быть-можетъ, этимъ указывается на то, что именно въ промежутокъ между 1100 и 800 годами наблюдался особенный расцвѣтъ финикійскихъ колоній (притомъ сперва въ сѣвер-

*) Слово χρυσός (золотой) происходитъ отъ финикійско-еврейскаго charuz, Aphrodet отъ Athtoret, Aftoret, λόγχη (копье) отъ финикійскаго romach или romch, κόταβος (костяжка) отъ слова kutaB (ось, на которой балансировали кубокъ).

ной Африкѣ и Сициліи и лишь позже на греческихъ островахъ и побережьяхъ). Этому по времени предшествовалъ расцвѣтъ микенской культуры (на Критѣ, въ Аргосѣ, Микенахъ и т. д.), въ которой мы находимъ грандіозное сліяніе малоазійско-хеттскихъ элементовъ съ греческими при несомнѣнномъ вліяніи египетско-сирійскихъ данныхъ. Найденные въ Пелопоннесѣ слѣды критскаго шрифта, повидимому, находятся въ ближайшемъ родствѣ съ письменами хеттскими и кипрскими.

Время Дегутмосе III и двухъ его ближайшихъ преемниковъ.

Дегутмосе (Тутмозисъ, Тутмесъ) III началъ править самостоятельно въ 1481 или 1493 году до Р. Хр. и царствовалъ вплоть до своей смерти, послѣдовавшей въ 1449 или 1461 году. Время правленія этого могущественнаго фараона ознаменовалось такимъ подъемомъ и такимъ расширеніемъ предѣловъ Египта, который былъ дотолѣ неизвѣстенъ этой странѣ. Благодаря значительной, поступавшей въ государственную казну дани и богатой военной добычѣ въ это время замѣчается увеличеніе внутренняго благосостоянія, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и такое усиленіе роскоши, которое раньше было совершенно невѣдомо египтянамъ. Прямо-таки несмѣтныя богатства стекались тогда въ долину Нила; вмѣстѣ съ ними въ страну проникали чужеземное вліяніе и новые обычаи.

На 23-мъ году своего офиціальнаго правленія Дегутмосе впервые предпринялъ походъ на Сирію; къ 41-му году относится его 16-ый походъ, чѣмъ и заканчиваются обширныя и, къ сожалѣнію, лишь относительно первой экспедиціи достаточно подробныя описанія ихъ, начертанныя на стѣнахъ Карнакскаго храма. Дополненіемъ къ этому можетъ служить наглядно составленный и найденный Г. Эберсомъ въ одной ѳиванской гробницѣ военный рапортъ выдающагося египетскаго полководца Аменемхеба. На основаніи этихъ источниковъ стало извѣстно, что египтяне въ союзѣ съ жителями южной Палестины, жившими въ позднѣйшей области колѣнъ Симеонова и Іудова, начали свои походы съ сѣверной границы Іудеи и направились прямикомъ на Мегиддо, въ то время самый значительный городъ Палестины. Предводителемъ войскъ различныхъ городовъ средней и сѣверной Палестины, свергшихъ иго египтянъ, былъ царь города Кадеша на Оронтѣ. Пунктъ этотъ находился въ древней странѣ амореевъ, къ сѣверу отъ Палестины. Изъ числа свергшихъ египетское иго городовъ упоминаются два селенія, Іаковелъ и Іашупелъ; въ этихъ названіяхъ признали слѣды именъ еврейскихъ патріарховъ Іакова и

Іосифа. Впрочемъ, по поводу этого слѣдуетъ замѣтить, что имя Іаковела носилъ уже одинъ изъ царей-гиксовъ, и что названіе Іашупелъ скорѣе напоминаетъ Іашуповъ (кн. Числъ, 26, 24), чѣмъ Іосифа (первонач. Іегосефъ, египетск. Осаръ-сифъ, какъ Манеѳонъ ошибочно называетъ Моисея). Гораздо важнѣе такія имена, какъ Бетъ-Я, т.-е. «домъ Ягве»; это доказываетъ, что уже въ тѣ времена имя Ягве, вѣроятно передѣланное Моисеемъ изъ Ягу и Ягъ, какъ названіе Бога израильтянъ, было въ ходу у хананейцевъ сѣверной Палестины. Имя же Тимаску, которымъ обозначался городъ Дамаскъ, свидѣтельствуетъ о высокомъ политическомъ значеніи этого древняго поселенія. Послѣ блестящей побѣды, за которою послѣдовало примѣрное наказаніе союза трехъ городовъ, Іеноама, Ногеса и Гаранколя вблизи Ливана къ сѣверу отъ Мегиддо, фараонъ нагналъ страхъ и ужасъ на всю Сирію. Молва объ этихъ дѣяніяхъ распространилась такъ далеко, что даже царь отдаленнаго Ашшура добровольно послалъ въ станъ Дегутмосе богатые дары, въ томъ числѣ огромныя глыбы «настоящаго голубого камня» (ляпись-лазури) и сосуды изъ вавилонскаго «лазореваго камня».

Въ продолженіе своихъ дальнѣйшихъ походовъ Дегутмосе III постепенно покорилъ себѣ всю Сирію вплоть до Евфрата и къ сѣверу за 37° сѣв. шир. до самыхъ почти границъ Великой Хеттской страны. Если мы проведемъ линію отъ Исскаго залива, приблизительно до того мѣста, гдѣ въ древности стоялъ городъ Зевгма, нынѣшній Биреджикъ на Евфратѣ, то мы примѣрно опредѣлимъ сѣверную границу того пространства, на которое распространялись тогда вліяніе и могущество Египта. Въ сферѣ этого вліянія находились еще города: Кархемишъ (Джерабисъ), Галебъ (Алеппо), Питру, ошибочно сопоставлявшійся съ библ. Петоромъ, родиною Валаама, Тунепъ, расположенный южнѣе Алеппо. Хаматъ и др., имена которыхъ цѣликомъ встрѣчаются въ египетскихъ надписяхъ. Египту обязана была посылать дань также и Финикія, страна Цахи, съ ея городами Соромъ (Тиромъ), Сарептою, Сидономъ, Бирутомъ (Беритомъ или Бейрутомъ), Купиномъ (Геваломъ, Библосомъ) и Арвадомъ, тогда какъ Алазія (т.-е. Кипръ) посылала въ Египетъ, повидимому, лишь добровольные подарки. Къ самой сѣверной части Сиріи, именно на сѣверо-западѣ, примыкала Киликія, на сѣверѣ—великая Хеттская страна, на востокѣ же, на другомъ берегу Евфрата, была расположена между Евфратомъ и Белихомъ страна Митанни, игравшая при Аменхотепѣ III довольно видную роль. Въ эту страну, которую египтяне объединяли вмѣстѣ съ расположенною къ западу отъ Евфрата сѣверною Сиріею подъ общимъ именемъ Нахаринъ, по-еврейски Нахараимъ (т.-е. «обѣ рѣчныя стороны страны»), Дегутмосе вторгся

однажды или нѣсколько разъ, причемъ предалъ ее грабежу. Этимъ же именемъ, Напри, впослѣдствіи обозначали ассирійцы сѣверную Месопотамію съ примыкавшею къ ней Арменіею.

Вслѣдствіе такихъ завоеваній слава Дегутмосе проникла не только въ Киликію (К е ф т ъ), на Кипръ (Аси, Алазія) и въ царство С а н г а р ъ, подъ которымъ слѣдуетъ понимать либо месопотамское Сингаръ къ востоку отъ рѣки Хабура, либо—и это будетъ вѣрнѣе—библейское Синеаръ, Сеннааръ, т.-е. Вавилонію, но и въ Ассирію и въ расположенную къ востоку отъ нея, очевидно тогда еще независимую страну А р р а п а х ъ. Правители всѣхъ этихъ странъ посылали фараону обильные подарки, въ числѣ которыхъ особенное на себя вниманіе обращаютъ изображенные на гробницѣ Рехъ-ми-Ре роскошные металлическіе сосуды изъ Кефта, такъ какъ ихъ стиль обнаруживаетъ поразительное сходство съ стилемъ древнѣйшихъ предметовъ искусства западной части Малой Азіи и Греціи въ такъ называемый микенскій періодъ. Подъ Кефтомъ, повидимому, понимали южное побережье Малой Азіи вмѣстѣ съ островомъ Критомъ (библейскимъ Кафторомъ). Вблизи расположеннаго на противоположномъ берегу Евфрата, примѣрно между Балисомъ и Раккою, города Ни Дегутмосе удалось убить на охотѣ 120 слоновъ и воспользоваться ихъ клыками; въ этой же самой мѣстности почти 400 лѣтъ спустя великій ассирійскій царь Тиглатпаласcаръ I также умертвилъ 10 слоновъ и 4 поймалъ живьемъ. Вполнѣ понятно, что такой завоеватель, какъ Дегутмосе, увеличилъ свои владѣнія также на югѣ, именно въ Н у б і и. Такимъ образомъ, мы замѣчаемъ, что тутъ въ дѣйствительности южная граница Египта продвинулась вплоть до Напаты южнѣе четвертаго водопада, и въ числѣ странъ, посылавшихъ дары и расположенныхъ отдаленнѣе, встрѣчаются также африканскія области, лежавшія южнѣе Нубіи, въ родѣ знаменитой африканско-южно-аравійской страны ладана, П а у н т а. Наконецъ, возможно, что часто воспроизводимая стѣнная живопись временъ Дегутмосе, изображающая мнущихъ глину семитовъ съ ихъ египетскимъ надзирателемъ во главѣ, служитъ доказательствомъ того, что именно этотъ Дегутмосе, а не Рамзесъ II, какъ полагали раньше въ разрѣзъ съ данными хронологіи, и былъ «фараономъ израильскаго притѣсненія»; упоминаемый въ Библіи, рядомъ съ Пиѳомомъ, городъ Раамсесъ еще не служитъ доказательствомъ противнаго, потому что уже шипящій звукъ въ этомъ словѣ опредѣляетъ его въ видѣ позднѣйшей вставки (см. ниже) *).

*) Въ имени Раамсеса (или Раемсеса) мы бы ожидали, какъ въ еврейскомъ имени Моисея, также египетскаго происхожденія, что звукъ с будетъ переданъ еврейскою буквою ш и н ъ, а не с а м е х о м ъ.

Преемниками Дегутмосе III явились правившіе лишь непродолжительное время фараоны Аменхотепъ II (царствовалъ 26 лѣтъ) и Дегутмосе IV (царствовалъ 8+х лѣтъ). Общая продолжительность ихъ царствованія не превышала 36 лѣтъ (1461—1426 г. до Р. Хр.?). Смерть Дегутмосе III очевидно послужила во всей Сиріи знакомъ къ всеобщему возстанію, и оба преемника этого фараона лишь съ огромнымъ трудомъ смогли возстановить порядокъ и сохранить въ цѣлости владѣнія своего славнаго предшественника. Дегутмосе IV, повидимому, этого даже и не удалось сдѣлать, потому что предположительно при немъ хетты начали спускаться съ занятыхъ ими раньше горъ и поселяться въ сѣверной Сиріи. Прозвищемъ фараона было имя Манхеперре, и подъ этимъ названіемъ, принявшемъ форму Манахпиріи, о немъ упоминается въ написанныхъ на вавилонскомъ языкѣ изъ Келесиріи и адресованныхъ фараону Аменхотепу IV письмахъ, гдѣ онъ называется дѣдомъ послѣдняго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, защитникомъ Нухасси (Иногаса) и Дунипа противъ наступавшихъ съ сѣвера хеттовъ.

Лишь начиная съ преемниковъ Дегутмосе IV послѣдовательный перечень царей Вавилоніи и Ассиріи становится намъ извѣстнѣе съ бо́льшею точностью. Впрочемъ, мы въ состояніи болѣе или менѣе приблизительно опредѣлить, какіе цари были современниками Дегутмосе III. Правда, до сихъ поръ невозможно еще въ точности сказать, кто былъ тѣмъ ассирійскимъ царемъ, который посылалъ дары Дегутмосе. На основаніи синхронистической исторіи мы можемъ составить, примѣрно, слѣдующій списокъ, причемъ пунктиромъ обозначаются безусловно точно установленныя одновременныя правленія царей:

Вавилонія:	Ассирія:
. . . . .	. . . . .
Карайндашъ	Ашшурбильнишишу
Пропускъ?	Пропускъ?
Бурнабуріашъ I	Пузурашшуръ.

Послѣдній изъ названныхъ касситскихъ царей Вавилона, Бурнабуріашъ I, по всей вѣроятности былъ современникомъ какъ ассирійскаго царя Пузурашшура, такъ и фараона Аменофиса III, по крайней мѣрѣ, въ продолженіе первыхъ лѣтъ его правленія.

Передняя Азія и Египетъ во времена Аменхотеповъ III и IV.

«Телль-эль-Амарнскій періодъ».

Ни одинъ періодъ исторіи Передней Азіи не представляется намъ въ столь живой и ясной формѣ, какъ промежутокъ времени приблн-

зительно отъ 1430 до 1385 года. Такое полное знакомство съ этимъ временемъ датируетъ лишь съ 1887 года, когда въ Телль-эль-Амарнѣ, въ Египтѣ, на мѣстѣ бывшей столицы Аменхотепа IV, феллахами, занимавшимися раскопками древностей, былъ найденъ цѣлый архивъ клинописныхъ писемъ на глиняныхъ табличкахъ. Наибольшая часть этихъ табличекъ попала затѣмъ въ Берлинскій Національный Музей, бо́льшая часть ихъ въ Лондонскій Британскій Музей и, наконецъ, значительное количество въ Египетскій Музей Древностей въ Каирѣ. Письма адресованы фараонамъ Ниммуреѣ (Миммуреѣ) и его сыну Нанхурureѣ, въ которыхъ ученые безъ особеннаго труда узнали прозвища Нибмаапуре и Ноферхеперуре царей Аменхотепа (Аменофиса) III и IV. При ближайшемъ ознакомленіи, отправителями этихъ писемъ оказались: цари Кадашманбиль вавилонскій, его преемникъ (братъ?) Бурнабуріашъ вавилонскій, сынъ Куригальцу, далѣе Ашшурубаллитъ, сынъ Ашшурнадинахи ассирійскаго, Суббилулію хеттскій, котораго египетскіе памятники именуютъ Сапалулу, затѣмъ Душратта, сынъ Суттарны, царя страны Митанни, Тархундараба, царь арцапійскій, арцавійскій или арцайскій (быть-можетъ, это туземная форма Кипра — Алазіи); кромѣ того, корреспондентами фараоновъ является множество сирійскихъ и палестинскихъ вассальныхъ князей или намѣстниковъ, изъ которыхъ особенное вниманіе останавливаетъ на себѣ нѣкій Арадхиба, царь-священнослужитель города Урусалима, т.-е. Іерусалима.

Уже давно ни одна археологическая находка не вызывала такого интереса, какъ именно эта, по всей вѣроятности древнѣйшая въ мірѣ, дипломатическая переписка. Самою же поразительною новостью оказался въ этой находкѣ тотъ фактъ, что всѣ письма были написаны не на египетскомъ языкѣ и египетскимъ шрифтомъ, а также не хананейскими или финикійскими буквами, какъ бы можно было ожидать, а на вавилонскомъ языкѣ съ примѣненіемъ вавилонско-ассирійской клинописи. Изъ этого слѣдуетъ, что въ то время по всей Передней Азіи были въ общемъ употребленіи какъ вавилонскій шрифтъ, такъ и языкъ, и что языкъ этотъ былъ дипломатическимъ при официальныхъ сношеніяхъ съ египетскими фараонами *).

Въ Телль-эль-Амарнѣ же была найдена и копія собственноручнаго письма фараона къ царю вавилонскому, причемъ и она была начертана клинописью на глиняной табличкѣ, а не іероглифическими знаками на пергаментѣ или папирусѣ. Нѣтъ ни одного факта, который былъ

*) Въ этомъ несомнѣнно отражается вліяніе бывшаго управленія послѣднихъ царей династіи Хаммураби западными странами.

бы въ состояніи убѣдительнѣйшимъ образомъ доказать и освѣтить господствующее вліяніе древнѣйшей вавилонской культуры.

Одновременныя царствованія того періода, какъ они опредѣляются отчасти изъ этой корреспонденціи, отчасти на основаніи данныхъ синхронистической исторіи Ассиріи и Вавилоніи и по перечню вавилонскихъ царей, могутъ быть наглядно представлены въ слѣдующей таблицѣ:

Египетъ:	Вавилонія:	Ассирія:
Аменхотепъ III (Ниммуреа) примѣрно 1428 — 1392 до Р. Хр.	Бурнабуріашъ I (см. гл. 20, въ концѣ)	Пузурашшуръ.
	Кадашманбиль Куригальцу I (его братъ?) 23+х лѣтъ.	Ашшурнадинахи.
Аменхотепъ IV (Напхурureа) приблиз. 1392— 1375 до Р. Хр.	Бурнабуріашъ II приблиз. около 1400 года и слѣд. (по крайней мѣрѣ, 25 лѣтъ).	Ашшурубаллитъ.

Въ дополненіе къ этому мы можемъ прибавить, что Артатама, царь страны Митанни, былъ современникомъ Дегутмосе IV, за котораго онъ, послѣ настойчивыхъ требованій, выдалъ замужъ одну изъ своихъ дочерей; что его младшій сынъ Суттарна, ставшій его преемникомъ послѣ умерщвленія своего старшаго брата, отдалъ въ жены фараону Аменофису III, сыну только-что упомянутой митаннской принцессы, т.-е. своему родному племяннику, свою дочь Гилухипу; что затѣмъ Аменофисъ III на 36 году своей жизни вторично женился, именно опять-таки на митаннской принцессѣ, дочери Душратты, сына и преемника Суттарны, и, наконецъ, что тотъ же Душратта самъ вступилъ съ Аменофисомъ IV въ переписку по поводу подобнаго же брака. Впрочемъ, Аменофисъ III былъ женатъ первымъ бракомъ на другой месопотамянкѣ, изображаемой голубоглазою Тіи, дочери Юя и его жены Туи. Эта Тіи была матерью Аменофиса IV и, какъ таковая, занимала положеніе настоящей царицы.

Относительно внѣшней политики обоихъ фараоновъ, Аменхотеповъ III и IV, египетскіе источники сообщаютъ немного, а именно что Аменхотепъ III на пятомъ году своего правленія предпринялъ походъ въ Нубію, что онъ у священной горы Баркала близъ Напаты воздвигъ богу Амону въ благодарность за одержанную побѣду великолѣпный храмъ, и что цари Ашшура и Сангара (Сеннаара, Вавилоніи) посылали ему подарки. О блескѣ его царствованія, длившагося не менѣе 36 лѣтъ, свидѣтельствуетъ множество великолѣпныхъ, воздвиг-

нутыхъ имъ зданій; также и двѣ огромныя, такъ называемыя Мемноновы статуи въ Мединетъ-Габу изображаютъ Аменхотепа III.

Крайне своеобразную фигуру представляетъ его сынъ Аменхотепъ IV, выступившій въ роли религіознаго реформатора. Быть-можетъ, подъ вліяніемъ своей матери-сиріянки онъ ввелъ нѣчто въ родѣ солнечнаго единобожія. Съ этою цѣлью онъ покинулъ городъ Ѳивы, отличавшійся политеистическими культами своими, основалъ новую столицу на мѣстѣ нынѣшней Телль-эль-Амарны, принялъ имя Хуенитена («блескъ солнечнаго диска»), упразднилъ во всемъ государствѣ должности жрецовъ Амона, Озириса и всѣхъ прочихъ боговъ и всячески старался искоренить изъ сознанія народа воспоминаніе о прежней религіи. Впрочемъ, эта радикальная реформа оказалась нежизнеспособною: его правившіе лишь короткое время преемники хотя и реставрировали воздвигнутый Аменхотепомъ въ Телль-эль-Амарнѣ храмъ бога солнца, однако, сами вернулись въ Ѳивы и, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ древнему культу Амона, а при вскорѣ затѣмъ вступившемъ на престолъ фараонѣ Горемхебѣ, послѣднемъ царѣ XVIII династіи, новая ересь подверглась коренному искорененію, полузаконченный городъ бога солнца былъ разрушенъ и даже имя и изображенія Аменхотепа IV и его ближайшихъ преемниковъ подверглись посильному уничтоженію.

О томъ, какъ тѣмъ временемъ складывалась жизнь въ покоренныхъ Дегутмосе III палестинскихъ и сирійскихъ областяхъ, вышеупомянутая клинописная корреспонденція даетъ намъ тѣмъ болѣе наглядную картину, чѣмъ менѣе гласятъ о томъ египетскія надписи. Судя по этимъ табличкамъ, можно сказать, что если уже при Дегутмосе III и его двухъ ближайшихъ преемникахъ зависимость покоренныхъ странъ была не особенно полною, то теперь она ослабѣвала все болѣе и болѣе. Очевидно исходившій изъ Хеврона, а быть-можетъ устроенный и въ болѣе отдаленныхъ мѣстностяхъ заговоръ хабири т.-е. союзниковъ, связавшихъ себя клятвою, чрезвычайно безпокоилъ оставшихся фараону вѣрными васалловъ его, напр., царя-священнослужителя іерусалимскаго, Арадхибу. Въ Сиріи все болѣе и болѣе укрѣплявшіеся тамъ хетты старались побудить къ возстанію ближайшія къ нимъ васалльныя фараону государства, на первомъ планѣ расположенную къ сѣверу отъ Ливана страну Амурри, затѣмъ область Нухасси (Инаугесъ, Ногесъ египетскихъ надписей) и финикійскіе города. Однако, несмотря на настоятельныя просьбы своихъ намѣстниковъ и васалловъ объ оказаніи военной помощи Аменхотепъ III и его преемникъ относились совершенно безучастно къ этому явленію.

Неоднократно Арадхиба іерусалимскій жалуется въ своихъ пис

махъ, что страны фараона несомнѣнно будутъ потеряны для него, если не явится скорая помощь. «Милкіель (см. ниже) и Шуардатъ выступили съ воинами городовъ Гезера, Гата и Килту (Кегилы) и заняли область Рубути («четыре города», Кіріатъ Арба, какъ назывался раньше, по кн. Суд. 1, 10, городъ Хевронъ)» — пишетъ онъ; «перешла страна фараона къ хабири; пусть поэтому фараонъ пришлетъ войска свои, чтобы я могъ вновь подчинить ему его страну; если же не придутъ войска, то страна фараона (окончательно) перейдетъ къ хабири»! По странной случайности, въ нашемъ распоряженіи имѣются письма именно этихъ египетскихъ намѣстниковъ, Милкіеля и Шуардата, которые въ письмахъ Арадхибы изображаются какъ заговорщики, дѣйствующіе совмѣстно съ хабири. Въ этихъ посланіяхъ они неоднократно убѣждаютъ фараона въ своей глубокой преданности Египту. Нѣчто подобное наблюдается и въ письмахъ намѣстника города Библоса, Рибадды, съ одной стороны, и въ посланіяхъ его соперника, арвадца Абдаширти, за спиною котораго дѣйствовали хетты, съ другой стороны.

Особенно поучительно одно мѣсто изъ письма вавилонскаго царя Бурнабуріаша къ Аменхотепу IV. Оказывается, что во времена Куригальцу, отца Бурнабуріаша, кунахейцы, т.-е. ханаанеяне или жители палестинской равнины, предложили послѣднему оказать имъ поддержку при вторженіи въ Канницатъ, библейскую область Кеннисситъ на югѣ Палестины, т.-е. въ страну, находившуюся въ сферѣ непосредственнаго вліянія фараона. Это предложеніе Куригальцу отклонилъ словами: «Если вы вздумаете вступить въ непріязненныя отношенія съ фараономъ, братомъ моимъ, и хотите соединиться противъ него съ другимъ царемъ, то берегитесь, какъ бы я не вышелъ противъ васъ и не разграбилъ бы вашей страны». Съ этимъ Бурнабуріашъ связываетъ слѣдующую просьбу по поводу приблизительно около того же времени отправившагося къ фараону ассирійскаго посольства: «Итакъ, мой отецъ ради отца твоего не послушался ихъ совѣта; что же касается подвластныхъ мнѣ ассирійцевъ, то не я отправилъ ихъ къ тебѣ, но они дѣйствовали по собственному побужденію, отправляясь въ страну твою. Если ты желаешь жить въ дружбѣ со мною, то пусть они ничего у тебя не достигнутъ, а вернутся назадъ съ пустыми руками»!

Лучше этого нельзя было выразить зависти къ начинавшей въ то время возвышаться Ассиріи.

Къ этому времени, т.-е. къ промежутку приблизительно 1398—1358 г. до Р. Хр., слѣдуетъ отнести по всей вѣроятности и 40-лѣтнее странствованіе израильтянъ по пустынѣ, послѣ котораго произошло начало покоренія западнаго Іордапья при Іисусѣ Навинѣ. Таково, по крайней мѣрѣ позднѣйшее, египетское преданіе: не только

греческій (александрійскій) переводъ Библіи опредѣляетъ выходъ евреевъ изъ Египта за 440 (вмѣсто 480) лѣтъ до начала построенія храма, но и въ согласованіи съ этимъ Манеѳонъ ясно связываетъ этотъ исходъ чужеземцевъ подъ предводительствомъ ихъ вождя и законодателя Осарсифа (смѣшеніе Моисея съ Іосифомъ) съ фараономъ Аменофисомъ III, такъ какъ у него тутъ играетъ нѣкоторую роль министръ этого фараона, Аменофисъ, сынъ Пахапе. Согласно, однако, еврейскому тексту Библіи исходъ совершился 40 годами раньше, въ 1438 году до Р. Хр., т.-е. опять-таки при фараонѣ Аменофисѣ или Аменхотепѣ, именно II; съ этимъ еще лучше согласовался бы, въ качествѣ «фараона притѣсненія», его непосредственный предшественникъ Дегутмосе III, на продолжительное 54-лѣтнее царствованіе котораго имѣется намекъ и въ кн. Исх. 2, 23 («спустя долгое время умеръ царь египетскій»), чѣмъ если бы исходъ евреевъ изъ Египта совершился лишь при Аменофисѣ III. Поэтому-то нѣкоторые ученые и отождествляли хабйри съ евреями, хотя на самомъ дѣлѣ они были лишь ихъ предшественниками. Съ этимъ согласуется еще и то, что, при всей одинаковости условій жизни въ Ханаанѣ во времена Аменофиса IV и Іисуса Навина, въ главныхъ городахъ страны бразды правленія находятся уже въ рукахъ иныхъ лицъ, а именно въ Гезерѣ мы вмѣсто Япахи находимъ Горама, въ Хасорѣ вмѣсто Абдтирши Ябина, въ Лахисѣ вмѣсто Симриды Яфію. Воспоминаніе о тѣсной связи хабири съ предводителемъ повстанцевъ Милкіелемъ (см. выше, стр. 73) мы находимъ въ библейскомъ текстѣ кн. Быт. 46, 17, по которому Хеберъ и Милкіель были внуками Ашера, особенно если принять во вниманіе, что обиталища Ашера, племени, позже примкнувшаго къ израильтянамъ, по всей вѣроятности находились во времена Моисея еще въ южной Палестинѣ.

Что касается Моисея, выведшаго народъ свой изъ порабощенія египетскаго и жившаго въ памяти израильтянъ въ видѣ великаго законодателя и пророка, превышавшаго Хаммураби, то огромнѣйшее значеніе имѣетъ та подробность преданія, которая приводитъ его въ связь съ его тестемъ Іетро, священникомъ страны Мидіанской въ сѣверо-западной Аравіи, и съ древнимъ минейскимъ капищемъ бога луны на горѣ Синаѣ. Именно, считавшееся большинствомъ новѣйшихъ изслѣдователей весьма позднимъ культивное законодательство, изложенное въ кн. Левитъ и Числъ и примыкающее къ сооруженію скиніи завѣта (въ концѣ кн. Исходъ), т.-е. такъ называемый «священническій кодексъ» въ тѣснѣйшемъ смыслѣ, коренится, какъ теперь выясняется все съ бо́льшею и бо́льшею убѣдительностью, въ обширномъ ритуалѣ минейскихъ жрецовъ. На найденныхъ въ странѣ Мидіанской надписяхъ жрецъ называется даже kawî, т.-е. совершенно

такъ же, какъ и левитъ въ законахъ Моисеевыхъ. Кстати сказать, страна Мидіанъ съ священною горою Синаемъ или Хоривомъ вовсе не была расположена на ошибочно названномъ по ея имени Синайскомъ полуостровѣ, но въ сѣверо-западной Аравіи, восточнѣе Акабскаго или Айлатскаго залива. Перенесеніе горы законодательства на Синайскій полуостровъ является позднѣйшимъ преданіемъ христіанскихъ монаховъ. Съ самаго начала Моисей имѣлъ въ виду искоренить распространенный около Синая лунный культъ и ввести, главнымъ образомъ, поклоненіе единому Божеству безъ Его изображенія; онъ даже уничтожилъ большинство дотолѣ бывшихъ въ употребленіи символовъ луны, сохранивъ лишь изображенія херувимовъ (воловъ) у ковчега завѣта и тому подобныя вещи, но только въ видѣ эмблемъ и украшеній, а никакъ не въ формѣ предметовъ поклоненія. Равнымъ образомъ, онъ установилъ также строгое наказаніе за каждую попытку вернуться къ культу луны, напр., за пляску вокругъ золотого тельца.

Чтобы «Пять книгъ Моисеевыхъ», такъ наз. Пятикнижіе, заголовки котораго составлены на основаніи главныхъ моментовъ содержанія отдѣльныхъ книгъ, были написаны самимъ Моисеемъ, это не вытекаетъ изъ ихъ заглавія; равнымъ образомъ, мы не будемъ считать составительницею, наприм., «книги Руѳи» самую Руѳь, хотя книга и озаглавлена ея именемъ. Нельзя, однако, отрицать того, что въ Пятикнижіи очень многое, на первомъ планѣ большинство законовъ, датируетъ со временъ Моисея и, слѣдовательно, прямо или косвенно связано съ его личностью; съ другой стороны, слѣдуетъ признать, что теперешній видъ ветхозавѣтнаго текста явился результатомъ разнообразной позднѣйшей переработки, причемъ основной текстъ подвергался разнымъ дополненіямъ и вставкамъ (съ полей книги нѣкоторыя глоссы перешли въ самый текстъ ея), и, что такимъ образомъ Пятикнижіе раздѣлило судьбу всѣхъ книгъ, писанныхъ рукою человѣка. О пятой книгѣ Моисеевой или о Второзаконіи, найденной въ правленіе царя Іосіи и подвергшейся уже во времена Самуила особенно обширнымъ дополненіямъ (такъ наз. царское законодательство, главы 12—26), рѣчь будетъ ниже. Въ первой книгѣ Пятикнижія (такъ назыв. кн. Бытія) и, главнымъ образомъ, въ самыхъ первыхъ ея частяхъ, такъ назыв. основныхъ преданіяхъ (гл. 1—11), гдѣ встрѣчаются наибольшія точки соприкосновенія съ данными вавилонской и особенно халдейской религіи, со времени открытія Астрюка допускалась наличность двухъ основныхъ источниковъ. Одинъ изъ нихъ называетъ Бога Элогимомъ (т.-е. именно Богомъ), а другой замѣняетъ это имя названіемъ Ягве (т.-е. «Сущій, Предвѣчный»; срв. выше, стр. 42, примѣч.). Форма Элогимъ, множеств. отъ Элоа,

является лишь расширеніемъ древне-семитическаго термина «Эль» («Богъ»; собственно это значитъ «убѣжище» луны на небѣ, т.-е. луностояніе; впослѣдствіи этимъ названіемъ обозначалась луна, какъ божество вообще). Напротивъ, наличность термина Ягве, въ качествѣ прилагательнаго имени къ названію божества, удостовѣрена еще во времена Хаммураби въ собственномъ имени Ягве-эль («богъ существуетъ»). Но, какъ настоящее прозвище Бога, это слово, повидимому, появляется только со временъ Моисея, очевидно желавшаго замѣнить этимъ именемъ названія двухъ другихъ болѣе древнихъ, но близко подходящихъ къ нему по созвучію божествъ, именно бога Го («небо») и бога Ан или Іа (изъ Ая, «луна»). Съ теченіемъ времени оказалось возможнымъ признать существованіе даже цѣлыхъ трехъ библейскихъ источниковъ, происхожденіе которыхъ ошибочно относилось къ періодамъ совершенно различнымъ и отдаленнымъ отъ времени жизни Моисея. Этими источниками признавались: два памятника, тонъ которыхъ скорѣе всего можетъ быть названъ народнымъ, и изъ которыхъ одинъ называлъ божество именемъ Ягве, другой именемъ Элогима (авторы этихъ памятниковъ поэтому и были названы представителями школы новой ветхозавѣтной критики, т.-е. учеными Рейссомъ, Графомъ и Вельгаузеномъ, ягвистомъ и элогистомъ), и третій, относящійся къ періоду даже послѣ вавилонскаго плѣненія и также именующій Бога Элогимомъ. Это такъ называемый «священническій кодексъ», въ составъ котораго якобы входили, наприм., первая глава книги Бытія, а также всѣ ритуальныя законоположенія (см. выше). Однако, теперь точно установлено, что и священническій кодексъ въ главнѣйшихъ своихъ пунктахъ указываетъ на условія времени довавилонскаго плѣна; равнымъ образомъ, онъ знакомъ уже пророкамъ періода до плѣна, особенно Іезекіилу, пророчества котораго относятся какъ-разъ ко времени вавилонскаго плѣненія. Такимъ образомъ, всѣ эти источники, поскольку мы вообще имѣемъ возможность выдѣлить каждый изъ нихъ въ отдѣльности *), представляются написанными хотя и съ различныхъ точекъ зрѣнія, но почти одновременными по своему происхожденію обработками существовавшихъ въ большомъ

*) Помѣщенные въ переводѣ Ветхаго Завѣта Кауча (2 изд., Фрейбургъ въ Брейзгау, 1896), въ общемъ весьма хорошемъ, на поляхъ знаки J (ягвистъ), E (элогистъ) и P (священническій кодексъ), а также D (Второзаконіе) съ наглядностью показываютъ, какъ кабинетнымъ ученымъ казалось возможнымъ опредѣлить въ мельчайшихъ подробностяхъ отдѣльныя составныя части библейскаго текста. Но какъ относительно Гомера и германскаго народнаго эпоса, «Пѣсни о Нибелунгахъ», давно уже оставлены подобныя попытки, такъ это должно вскорѣ наступить и въ дѣлѣ критики библейскихъ текстовъ.

количествѣ и чрезвычайно древнихъ народныхъ и священническихъ преданій. Ключемъ, объясняющимъ предпочтеніе одного имени Бога другому въ книгѣ Бытія, быть-можетъ, слѣдуетъ признать то обстоятельство, что въ 29-й главѣ книги Бытія, въ разсказѣ о рожденіи трехъ сыновей Іакова, т.-е. при упоминаніи объ южныхъ колѣнахъ Рувимовѣ, Симеоновѣ и Іудинѣ, примѣняется имя Ягве, по кн. Исх. 3, введенное въ употребленіе впервые Моисеемъ, а въ 30-й главѣ, при упоминаніи о рожденіи дальнѣйшихъ сыновей Іакова, именно родоначальниковъ сѣверныхъ колѣнъ Дана, Неѳалима, Иссахара, Завулона и Іосифа, божество называется Элогимомъ; эти послѣднія колѣна и суть настоящіе израильтяне; то были, повидимому, они, которые прочно основались съ Іаковомъ въ Египтѣ; равнымъ образомъ, вѣроятно, также не случайно, въ повѣствованіяхъ объ Авраамѣ и Исаакѣ, преимущественно разбивавшихъ свои шатры въ южной Палестинѣ, чаще всего встрѣчается имя Ягве (первоначально, вѣроятно, Ягъ), тогда какъ въ разсказахъ объ Іаковѣ и Іосифѣ преобладаетъ названіе Элогима. Древнее различіе между царствами израильскимъ и іудейскимъ, явно обнаруживающееся лишь послѣ смерти Соломона, быть-можетъ, поэтому коренится еще въ до-историческое время, несомнѣнно же относится уже ко времени жизни Моисея.

Вавилонія и Ассирія при преемникахъ Бурнабуріаша II и Ашшурубаллита, Египетъ подъ управленіемъ Рамзеса II и Меренпта.

Для бо́льшей наглядности мы приведемъ здѣсь въ формѣ таблицы имена соотвѣтственныхъ царей:

Вавилонія:	Ассирія:	Египетъ:
Бурнабуріашъ II.	Ашшурубаллитъ.	Аменофисъ IV.
Карахардашъ (около 1380 г., зять Ашшурубаллита).		Различные цари, наконецъ Горемхебъ (см. выше стр. 72).
Кадашманхарби I-ый (другой царь: Назибугашъ). Курригальцу II, «младшій» (35 или 55?) лѣтъ, около 1375 г.		XIX династія.
		Рамзесъ I.
	Бильнирари, сынъ А. Пудилу, сынъ Б. Рамманнирари, сынъ Пудилу.	Сети I.
Назимараддашъ, 26 лѣтъ, около 1340 г. до Р. Хр.		Рамзесъ II, 1824 — 1358.

Вавилонія:	Ассирія:	Египетъ:
Кадашмантургу, 17 лѣтъ, около 1314 г. и слѣд.		
Кадашманбуріашъ? 14 лѣтъ, около 1297 г. и слѣд.	Салманассаръ I сынъ Раммаппирари.	
Кудуррибиль, 6 лѣтъ, около 1285 г. и слѣд.		
Шагарактишуріашъ, 13 лѣтъ, около 1267 г. и слѣд.	Туклатининибъ, сынъ Салманассара.	Меренпта, сынъ Рамзеса II.

Въ то время, какъ относительно Египта вплоть до Сети I, т.-е. до начала XIX династіи, можно сказать лишь то, что власть фараоновъ въ Сиріи постепенно умалялась благодаря постоянному наступательному движенію хеттовъ, мы находимъ, что въ то же самое время въ предѣлахъ Вавилоніи ассирійское вліяніе постоянно возрастало. Это особенно наглядно обнаруживается въ фактѣ женитьбы сына Бурнабуріаша II на ассирійской царевнѣ Мубаллитатъ-Серуѣ. Вызванное этимъ обстоятельствомъ въ Вавилоніи недовольство выразилось, въ концѣ концовъ, въ умерщвленіи царя, родившагося отъ этого брака, и въ провозглашеніи на его мѣсто правителемъ нѣкоего Назибугаша. Однако, Ашшурубаллитъ побѣдилъ и умертвилъ новаго царя и возвелъ на вавилонскій престолъ своего еще несовершеннолѣтняго правнука Кургальцу II.

Когда Кургальцу II возмужалъ, и его прадѣдъ Ашшурубаллитъ умеръ, онъ пытался избавиться отъ опеки Ассиріи, но былъ побѣжденъ Бильнирари и долженъ былъ уступить ему часть своей области. Подобное же явленіе повторилось и при слѣдующихъ царяхъ, тѣмъ болѣе, что ихъ ассирійскіе противники Ададнирари I и Салманассаръ I были правителями особенно могущественными и энергичными, завоевавшими всю Месопотамію и вслѣдствіе этого присвоившими себѣ гордый титулъ «царей вселенной». Отъ перваго изъ этихъ царей до насъ дошла довольно обширная ассирійская надпись, въ которой царь разсказываетъ о сооруженныхъ имъ храмахъ и о побѣдахъ, одержанныхъ надъ жившими къ востоку отъ Вавилоніи и Ассиріи горными племенами кути или гу, которыя прежде были васаллами Вавилоніи. Тутъ же мы впервые встрѣчаемъ и удостовѣренный относительно южной Аравіи (какъ у минеевъ, такъ и у сабеянъ) обычай датировать надписи именемъ ежегодно вновь избиравшагося главнаго административнаго чиновника, такъ назыв. эпонима. Въ нашемъ распоряженіи имѣются для позднѣйшаго періода ассирійскихъ князей настоящіе, систематическіе списки эпонимовъ, представляющіе неоцѣнимый матеріалъ для установленія вполнѣ точной хронологіи.

Еще славнѣе было правленіе его сына и преемника, Салманассара, иначе называемаго Салманассаридомъ I. Этотъ царь основалъ новую столицу, Калахъ, возстановилъ пользовавшееся въ древности глубокимъ уваженіемъ святилище ниневійской Истаръ (Ишханнаки) и подчинилъ ассирійскому владычеству всю сѣверную Месопотамію, расположенную по верхнему теченію Евфрата и Тигра. При этомъ онъ покорилъ часть впослѣдствіи часто упоминаемыхъ армянскихъ областей Мусри (къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ Мелитены) и Кирхи и совершалъ неоднократныя нападенія въ страну Хани-раббатъ (стр. 60), расположенную по другую сторону Евфрата и представлявшую первоначальную родину хеттовъ, которые въ то время вели войну съ Рамзесомъ II. Онъ отнялъ также нѣсколько городовъ у царя вавилонскаго (Кадашманбуріаша?). Благодаря такому могуществу Ассиріи Вавилонія должна была отступить на второй планъ, почти утративъ значеніе великой державы.

Въ Египтѣ преемниками Горемхеба, возстановившаго права древней религіи и провозгласившаго ее единственно дѣйствительною, явились Рамзесъ I и вскорѣ смѣнившій его Сети I. Граница Египта доходила въ началѣ правленія XIX династіи лишь до горы Кармела, т.-е. простиралась немногимъ дальше того мѣста, откуда Дегутмосе III приступилъ къ своимъ обширнымъ завоеваніямъ. Вся страна, расположенная сѣвернѣе Кадеша на Оронтѣ въ области амореевъ, обратилась въ васальное владѣніе хеттовъ, и лишь нейтральная полоса отъ Кармела до Кадеша, т.-е. въ сущности Ливанскій хребетъ и Келесирія, отдѣляла Египетъ отъ области новаго великаго государства. Сети I двинулся къ самому Кадешу, слѣдствіемъ чего явилась немедленно война съ хеттами, къ которымъ тотчасъ примкнули въ качествѣ союзниковъ жители страны аморейской и области Ливанскаго хребта. Война эта, повидимому, окончилась безрезультатно.

Первымъ царемъ, давшимъ энергичный отпоръ хеттамъ, былъ преемникъ Сети—Рамзесъ II, продолжительное правленіе котораго длилось, по астрономическимъ исчисленіямъ, отъ 1324 до 1258 года до Р. Хр.

Во время своего перваго похода (на второмъ году правленія) онъ сперва упрочилъ за собою власть надъ Палестиною, а затѣмъ занялъ Финикію до Бейрута; на Собачьей рѣкѣ, Наръ-эль-Кельбѣ, онъ воздвигъ себѣ статую, служившую въ то же время пограничнымъ знакомъ. На пятомъ году его царствованія произошла великая битва близъ Кадеша, въ которой, по приглашенію хеттскаго царя, приняли участіе всѣ союзники послѣдняго. Личная храбрость фараона, обусловившая окончательную его побѣду, живыми красками изображается въ египетской поэмѣ, обычно именуемой по имени переписчика папи-

руса пѣснью Пентаура. Въ числѣ союзниковъ хеттовъ находились не только разные сирійскіе васаллы, въ родѣ царя Кадеша, но и былъ цѣлый рядъ племенъ, созванныхъ «съ предѣловъ моря»; тутъ были: луки

Рис. 15. Мумія Рамзеса II.

(или ликійцы), дарды (Δάρδανοι), мосу (жители Мизіи?), яванцы (іоняне), пидаса (писидійцы?) и каркаши (или кашкаши; это указываетъ на касковъ ассирійскихъ надписей или греческихъ колховъ).

Наличность всѣхъ этихъ племенъ, равно какъ всегда упоминаемая въ числѣ васальныхъ хеттскихъ странъ область Касваденъ (Кавваденъ, т.-е., вѣроятно, Каппадокія или Катпутака, какъ ее именуютъ впослѣдствіи клинописные тексты), указываютъ на то, что наибольшая часть Малой Азіи находилась подъ вліяніемъ хеттовъ. Это подтверждается также фактомъ нахожденія по всей Малой Азіи хеттскихъ памятниковъ. Впрочемъ, съ хеттами, начиная еще съ телль-эль-амарнскаго періода, въ Касваденѣ, а также въ Палестинѣ были смѣшаны элементы иранскіе (напоминаемъ о голубоглазыхъ амореяхъ и др. въ Палестинѣ; напр., царь Арадхиба предположительно былъ иранцемъ). Это — фактъ чрезвычайной важности для древнѣйшей исторіи индо-германцевъ; съ этимъ слѣдуетъ также сопоставить сказанное выше, на стр. 59, о касситахъ. Поскольку интересно встрѣтить уже теперь, въ XIV столѣтіи, іонянъ на сирійской почвѣ, постольку еще знаменательнѣе другая встрѣча, именно нахожденіе европейскихъ пиратовъ въ числѣ наемныхъ войскъ египетскаго фараона. То были часто изображавшіеся на памятникахъ и наводившіе на всѣхъ своимъ вооруженіемъ и мужествомъ ужасъ сарды (т.-е. жители Сардиніи) *). Раньше этого въ числѣ наемниковъ встрѣчались лишь ливійцы и нубійцы. Это — первыя волны движенія народностей, главные потоки которыхъ нахлынули на побережья Палестины немного погодя при Меренптѣ и Рамзесѣ III.

Возвращаясь затѣмъ къ самимъ хеттамъ, приведемъ здѣсь генеалогическую таблицу царствовавшихъ въ то время у нихъ правителей, составленную на основаніи египетскихъ надписей:

Саналулу (заключившій договоръ съ египтянами, именно съ Аменхотепомъ IV, см. выше, стр. 71).
Морсири (вѣроятно современникъ Рамзеса I и Сети I).

Матанлу (былъ умерщвленъ) — Хетасири (заключилъ миръ съ Рамзесомъ II на 21-мъ году его правленія.

На восьмомъ году своего правленія Рамзесъ II окончательно покорилъ также и часть южной Финикіи, лежавшую за сѣверо-западною Палестиною и бывшую предметомъ нападеній еще во времена фараона Сети II. При этомъ указанная область носитъ названіе Ашера, что доказываетъ, что это израильское колѣно тогда уже давно нахо-

*) О нихъ, впрочемъ, упоминается подъ именемъ Sirdani уже въ амарнскихъ письмахъ, гдѣ они изображаются въ видѣ вспомогательныхъ войскъ гебалскаго царя Рибадди.

дилось на мѣстѣ своего историческаго, извѣстнаго изъ Библіи обиталища, именно къ западу отъ Завулона и Невоалима, а не въ южной Палестинѣ.

Результатъ продолжительной войны, на основаніи текста мирнаго договора законченной лишь на 21-мъ году царствованія фараона (т.-е. около 1300 года до Р. Хр.), не можетъ никоимъ образомъ быть названъ блестящимъ, если принять во вниманіе количество принесенныхъ во время ея жертвъ. Если пограничная черта завоеваній Сети I тянулась примѣрно отъ Царпата (Сарепты) до Тиверіадскаго озера, то линія, проведенная отъ Бейрута примѣрно къ югу отъ Дамаска поперекъ Ливана, опредѣлитъ приростъ египетскихъ владѣній при Рамзесѣ II. Кромѣ того, хетты обязались впредь не двигаться дальше къ югу.

Остальное время своего продолжительнаго царствованія Рамзесъ II употребилъ на сооруженіе цѣлаго ряда грандіозныхъ построекъ въ различныхъ мѣстахъ Египта. Развалины въ Карнакѣ, Абидосѣ, Луксорѣ и Абу-Симбелѣ до сихъ поръ краснорѣчиво говорятъ о роскоши и величіи этихъ зданій; именно эти-то мирныя дѣянія, главнымъ образомъ, и стяжали фараону славное имя «Великаго». Его любимою резиденціею былъ городъ Танисъ, библейскій Цоанъ, въ предѣлахъ нильской дельты; это мѣсто, повидимому (срв. Псалм. 78, 12), играло нѣкоторую роль уже при Аменофисѣ. Въ дельтѣ же, именно въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ страною Госенъ, фараонъ при помощи семитическихъ работниковъ, въ числѣ которыхъ одинъ папирусъ упоминаетъ также эпріу, т.-е. потомковъ оставшихся въ Египтѣ евреевъ, основалъ запасные города Раамсесъ и Пиѳомъ - Суккотъ (египетскій Питумъ и Текутъ). Этимъ объясняется, почему слово Раамсесъ, бывшее позднѣйшею глоссою, попало въ самый текстъ кн. Исх. 1, 11 (см. выше, стр. 68), гдѣ первоначально вѣроятно упоминалось лишь о древнемъ Пиѳомѣ.

Ко времени сына Рамзеса II, фараона Меренпта (Мернефта), правленіе котораго Манеѳонъ опредѣляетъ въ девятнадцать лѣтъ, т.-е. къ періоду 1258—1239 года до Р. Хр., относится одно выдающееся и достойное вниманія событіе. На 5-мъ году его царствованія, т.-е. въ 1253 году до Р. Хр., грабители-ливійцы въ союзѣ съ нѣкоторыми малоазійскими и итало-греческими морскими разбойниками вторглись въ предѣлы дельты и были побѣдоносно отражены египтянами. Эти «сѣверяне всѣхъ странъ и областей приморскихъ» назывались луку (ликійцами), акайвашами, туршами, шакрушами (или шаклушами) и шарденами (сардинцами); первыхъ изъ нихъ мы уже встрѣчали въ войнѣ Рамзеса II съ хеттами, вторыхъ видѣли также во времена того же Рамзеса въ качествѣ египетскихъ наемниковъ. Въ настоящее

время общепризнано, что подъ туршами слѣдуетъ понимать тирренцевъ, а подъ акайвашами — Ἀχαιοί или ахеянъ. А такъ какъ на основаніи изображеній мы теперь можемъ безошибочно отождествить шарденовъ съ сардинцами, то возможно видѣть въ шакрушахъ (или шаклушахъ) сикуловъ, сицилійцевъ, если не сопоставлять съ этимъ именемъ города Сагаласса въ Малой Азіи.

Что при фараонѣ Меренпта, ко времени котораго прежде относили исходъ евреевъ изъ Египта, израильтяне уже давнымъ-давно жили въ Палестинѣ, это подтверждается недавно найденною великолѣпною надписью, гдѣ, вмѣсто вышеназванныхъ враговъ 1253 года, въ общихъ чертахъ упоминается лишь о Ливіи и въ связи съ тѣмъ о Финикіи и «племени израильскомъ». При этомъ послѣднему отводится мѣстожительство съ одной стороны между Аскалономъ, Гезеромъ и Іеноамомъ, а съ другой Харомъ (область хоритянъ, южная Палестина и страна Эдомъ).

По всей вѣроятности, лишь краткія царствованія преемниковъ фараона Меренпта смѣнили времена внутреннихъ неурядицъ, которыми, въ концѣ концовъ, воспользовался сирійскій военачальникъ Ирсу (Илсу?), чтобы овладѣть господствомъ надъ дельтою. Почти казалось, что могутъ возобновиться условія періода гиксовъ. Тогда принцу Сетнехту (вѣроятно сыну Сети II) удалось изгнать чужеземцевъ при помощи нубійскихъ полицейскихъ войскъ, такъ называемыхъ мазои. Съ сына Сетнехта, Рамзеса III, вступившаго на престолъ незадолго до 1200 года, закончившаго возстановленіе нарушеннаго порядка и правившаго приблизительно тридцать-два года, принято считать начало правленія XX династіи.

Послѣднія времена касситской династіи; Рамзесъ III египетскій.

Синхронизмы этого періода удобно укладываются въ слѣдующей таблицѣ:

Ассирія:	Вавилонія:	Египетъ:
Туклатининибъ (Тукультининибъ).	Битильяшъ II, 8 лѣтъ, около 1254 г. и слѣд. Бильшумидина I, $1^1/_2$ года. Кадашманхарби II, $1^1/_2$ года. Рамманшумидина, 6 лѣтъ. Рамманшумушшуръ, 30 л., около 1237 года.	

Ассирія:	Вавилонія:	Египетъ:
Ашшурнассирпалъ I, 6 лѣтъ.		Рамзесъ III, до и послѣ 1200 года.
Билькудурушшуръ.		
Нинибпалекуръ.	Милишипакъ, 15 л., около 1207 года.	
Ашшурдаянъ.	Мардукпалидина, 13 лѣтъ.	
	Заманашумидина, 1 г. около 1179 года.	
	Бильшумидина II, 3 г. (приблизительно 1178—1175).	

Могущественному Салманассару наслѣдовалъ въ Ассиріи его сынъ Туклатининибъ. Онъ удачно напалъ на вавилонянъ, которые при Бильшулидинѣ и Рамманшумидинѣ были ослаблены эламитскимъ паремъ Кидинхутрудасомъ. При этомъ онъ завоевалъ даже издревле священный городъ Вавилонъ, увезъ сокровища-храмовъ въ Ашшуръ, назначилъ своихъ намѣстниковъ въ Аккадѣ, т.-е. сѣверной Вавиловіи, и въ Кардуніашѣ въ южной и, такимъ образомъ, правилъ этою страною въ теченіе семи лѣтъ. Впрочемъ, въ вавилонскомъ спискѣ царей этотъ періодъ отнесенъ къ царствованію Рамманшумушшура. Подтвержденіемъ факта этого перваго господства ассирійцевъ надъ Вавиловіею можетъ служить найденная Синахерибомъ въ Вавилонѣ въ 689 году до Р. Хр. печать Туклатининиба, которую Синахерибъ снова вернулъ въ Ассирію «послѣ 600 лѣтъ». Это число 600 поставлено, для округленія счета, вмѣсто 550. Наконецъ, противъ Туклатининиба возстали не только угнетенные вавилонскіе вельможи, но на него поднялся даже его собственный сынъ Ашшурнассирпалъ. Результатомъ этого было умерщвленіе Туклатининиба.

Въ Вавилоніи при Рамманшумушшурѣ *), правившемъ въ продолженіе 23 лѣтъ, снова наступилъ порядокъ, и синхронистическая исторія повѣствуетъ даже о томъ, что ассирійскій царь Билькудурушшуръ былъ убитъ на войнѣ съ вавилонянами, и что его преемнику Нинибпалекуру было не легко отразить нападеніе Рамманшумушшура на городъ Ашшуръ. Повидимому, и Мардукпалидина (Меродахъ-Валаданъ I), отъ временъ котораго сохранился пограничный столбъ, замѣчательный по находящимся на немъ изображеніямъ знаковъ зодіака **), особенно энергично отстаивалъ самостоятельность Вавиловіи, такъ какъ онъ называлъ себя «царемъ

*) Имя это изображается идеограммою, которая можетъ быть прочитана также «Рамманнадинахи».

**) Нѣсколько подобныхъ пограничныхъ столбовъ сохранилось также со временъ Милишипака.

вселенной», какъ это до него дѣлалъ Салманассаръ, а послѣ него Тиглатпаласcаръ. Лишь «живучему» ассирійскому царю Ашшурданапалу, правившему приблизительно до 1170 года, удалось вновь нанести уронъ вавилонянамъ (при Заманашумидинѣ) и отнять у нихъ нѣсколько пограничныхъ городовъ. Съ этихъ поръ снова замѣчается возрастаніе ассирійскаго могущества.

Кромѣ двухъ незначительныхъ походовъ противъ ливійцевъ и союзныхъ съ ними машвашей (максійцевъ?), изъ событій внѣшней политики за болѣе чѣмъ 30-лѣтнее правленіе Рамзеса III слѣдуетъ упомянуть о чрезвычайно важной войнѣ, происшедшей на восьмомъ году его царствованія, т.-е. около 1200 года до Р. Хр., и направленной противъ страны амореевъ. Дѣло въ томъ, что туда снова вторглись огромныя толпы и цѣлыя племена тѣхъ морскихъ народностей, которыя враждовали съ египтянами еще при фараонѣ Меренпта. На этотъ разъ чужеземцы явились не только цѣлыми караванами съ женами и дѣтьми, ѣхавшими на арбахъ, но часть изъ нихъ приплыла также на корабляхъ *), держа путь вдоль финикійскаго побережья. «Ни одна страна не устояла предъ силою ихъ рукъ, начиная отъ области хеттской, Коде («окружная страна», т.-е. мѣстности около Исскаго залива) и Кархемиша и до Арвада и Алазіи; они подвергали все уничтоженію и разбили свой станъ внутри страны аморейской, жители которой подверглись ограбленію, причемъ сама страна была совершенно опустошена; они явились вооруженными и стали угрожать Египту, а главныя силы ихъ состояли изъ племенъ пульсатъ, заккалъ, шакрушъ, дананъ и вахашъ». Такъ гласитъ египетское повѣствованіе объ этомъ событіи. Такъ какъ всякое промедленіе увеличило бы опасность, что они проникнутъ еще дальше и вторгнутся во владѣнія египетскія, въ составъ которыхъ все еще входила почти вся Палестина, то фараонъ быстро рѣшился разбить ихъ на самой границѣ. Дѣйствительно, съ помощью наемныхъ сардинскихъ войскъ ему удалось нанести имъ пораженія какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Послѣ этого онъ предпринялъ еще нападеніе, не стоившее ему особеннаго труда, на и безъ того совершенно опустошенную страну амореевъ. То былъ на многіе годы послѣдній походъ фараона въ Сирію.

Если мы полюбопытствуемъ узнать подробнѣе, кто именно были всѣ эти, кромѣ племени шакрушъ или шаклушъ, впервые появляющіеся здѣсь чужеземцы, изъ которыхъ большинство явилось, вѣроятно,

*) Въ числѣ этихъ грабившихъ со своихъ кораблей побережье Сиріи чужеземцевъ въ другомъ мѣстѣ упоминаются также племена пульсатъ и турша (тирренцы, см. выше, стр. 83); о послѣднихъ не упоминается въ перечнѣ народностей, нападавшихъ съ суши.

съ малоазійскихъ побережій, то укажемъ на то, что ученые несомнѣнно правильно отождествляютъ племя дананъ съ данайцами Аргоса и пульсатъ съ филистимлянами, которые, по библейскому преданію, явились туда извнѣ Малой Азіи, именно съ Кафтора (Крита, см. выше, стр. 68). Особенно правдоподобно послѣднее сопоставленіе, такъ какъ дѣйствительно чрезъ 100 лѣтъ мы видимъ въ филистимлянахъ ожесточенныхъ враговъ евреевъ, и такъ какъ и по одному египетскому источнику при царѣ-жрецѣ Геригорѣ (около 1050 г.) сѣверно-филистейскій приморскій городъ Доръ называется поселеніемъ, принадлежащимъ представителямъ племени заккалъ, т.-е. тевкрамъ. Итакъ, весьма вѣроятно, что и послѣ Рамзеса III племена пульсатъ и заккалъ *) продолжали производить дальнѣйшія морскія нападенія на побережья южной Палестины. Такъ, напр., по словамъ Юстина, сидонцы были въ 1209 году сильно притѣсняемы «царемъ аскалонскимъ». Что и критяне примкнули къ филистимлянамъ, это доказывается лейбъ-гвардіею царя Давида, состоявшей изъ кретійцевъ и плеѳійцевъ, т.-е. изъ «критянъ и филистимлянъ». Странною ироніею судьбы является и то обстоятельство, что отъ этихъ, быть-можетъ, уже индо-германизированныхъ, а затѣмъ вскорѣ совершенно осемитившихся чужеземцевъ впослѣдствіи вся Св. Земля, первоначально земля Филистимская, получила соотвѣтственное имя Палестины.

Очевидно, что условія жизни Палестины и Сиріи въ значительной мѣрѣ измѣнились благодаря такимъ вторженіямъ, къ которымъ вскорѣ затѣмъ присоединилось и покореніе страны къ западу отъ Іордана евреями. Повидимому, съ этихъ поръ владычество хеттовъ было сломлено; но всей вѣроятности и амореи (амурри, стр. 72), лишь только удалился фараонъ со своими войсками, двинулись вслѣдъ за нимъ и заняли, какъ они продѣлывали это при случаѣ и раньше, значительную часть Палестины, тогда какъ филистимляне старались утвердиться вблизи побережья. Только этимъ возможно объяснить, что въ историческихъ источникахъ израильтянъ основное населеніе Палестины называется то хананеянами (жителями низменности), то амореями (горцами), причемъ основное значеніе этихъ названій во многихъ случаяхъ, кажется, забыто.

*) Въ одномъ, быть-можетъ, къ этому времени относящемся клинописномъ документѣ, въ которомъ упоминается ассирійскій намѣстникъ Нинибтуклаташшуръ, говорится о городѣ Заккалу, который, вѣроятно, приходится искать въ Палестинѣ; въ томъ же документѣ рѣчь идетъ также о нѣкоемъ Харбшшпакѣ изъ Хапира (Элама). Это очевидно былъ знатный вавилонскій вельможа. Равнымъ образомъ, тамъ говорится также о финикійскомъ городѣ Ирикаттѣ (Arka). Итакъ, повидимому, уже тогда въ рукахъ вышеупомянутыхъ тевкровъ находился укрѣпленный пунктъ (вѣроятно, Доръ, городъ племени заккалъ).

Установленіе хронологіи не представляетъ въ библейской исторіи, пожалуй, нигдѣ такихъ затрудненій, какъ именно относительно времени Судей. Главнѣйшія событія этого періода, въ родѣ смерти Сисеры, или правленія Гедеона, или времени жизни Іефѳая, могутъ быть хронологически опредѣлены лишь приблизительно (около 1200 или 1100 года). Если отъ времени завоеванія западнаго Іорданья Іисусомъ Навиномъ, приблизительно въ 1360 году до Р. Хр., вплоть до помазанія Саула Самуиломъ на царство (около 1010 года до Р. Хр.) прошло примѣрно 350 лѣтъ, то это приблизительно совпадаетъ съ обычнымъ лѣтосчисленіемъ и особенно съ независимою отъ этого хронологическою замѣткою (кн. Судей, 11, 26), по которой время Валаама (кн. Числъ. 22 и слѣд.) отдѣлено отъ времени Іефѳая періодомъ въ 300 лѣтъ. Нетрудно найти причину неточности въ отдѣльныхъ датахъ: относительно нѣкоторыхъ героевъ, спасшихъ въ тѣ дни народъ израильскій отъ руки различныхъ враговъ его, моавитянъ, мидіанитовъ и филистимлянъ, «временемъ ихъ пребыванія судьями во Израилѣ» считался просто промежутокъ въ 40 лѣтъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда впослѣдствіи уже не было извѣстно, сколько времени они фактически прожили, и сколько лѣтъ они были судьями.

Къ началу періода Судей израилевыхъ относится восьмилѣтнее иго царя месопотамскаго, Арамъ-Нагараима, который именуется Кушанъ-ришъ-атаіимомъ («арабомъ, вождемъ атаимовъ?»). Быть-можетъ, онъ дѣйствительно назывался Кушаномъ и, подобно другимъ сирійскимъ вождямъ того времени, былъ эдомитскаго происхожденія. Равнымъ образомъ, и обычно принимаемый за «судію» Самгаръ (см. ниже) былъ, подобно своему преемнику Сисерѣ, военачальникомъ пензраильскаго происхожденія.

Къ тому же времени, т.-е. приблизительно начиная съ 1360 года, слѣдуетъ отнести также тѣхъ восьмерыхъ эдомитскихъ выборныхъ царей, которые, согласно кн. Быт. 36, 31—39, правили потомками Исава, свободолюбивымъ, знаменитымъ своею мудростью и братскимъ съ израильтянами народомъ. Первымъ изъ нихъ былъ Бела, сынъ Беора; по всей вѣроятности, его не безосновательно отождествляли съ прорицателемъ Валаамомъ, сыномъ Беора. Относительно также въ то время процвѣтавшаго царства минеевъ (или лучше маанитовъ), находившагося въ южной Аравіи и простиравшагося оттуда до Мидіана въ сѣверо-западной Аравіи, носящаго въ Библіи имя Моссара *), а у ассирійцевъ именовавшагося Мушшуромъ, рѣчь будетъ ниже.

*) Въ разныхъ мѣстахъ Ветхаго Завѣта этотъ Моссаръ ошибочно названъ по-еврейски Мицраимомъ (Египтомъ). При этомъ случаѣ мы попутно

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Время Тиглатпаласcара I и два послѣдующихъ столѣтія. Давидъ и Соломонъ.

Преемники Ашшурдаяна и вавилонская династія Паши; время Судей израилевыхъ.

Въ то время какъ въ Ассиріи послѣ Ашшурдаяна царство послѣдовательно переходило отъ отца къ сыну, по меньшей мѣрѣ, пять разъ, причемъ третьимъ царемъ былъ знаменитый Тиглатпаласcаръ I, въ Вавилоніи, вѣроятно еще при жизни Ашшурдаяна, правленіе перешло къ новой, опять-таки семитической династіи, ведшей свое происхожденіе отъ Паши, т.-е., быть-можетъ, изъ города Нисина. Итакъ, синхронизмы этого столь важнаго въ развитіи ассирійскаго владычества періода складываются такимъ образомъ:

Ассирія:	Вавилонія.
Ашшурдаянъ	1. Мардукъ-[х], 17 лѣтъ, 1175 — 1157.
Мутаккильнуску	2. [Рамманшумаепусъ?], 6 лѣтъ.
	3. [Нинибнадиншуми?].
Ашшурришеши	4. Набукудурріушшуръ I (прибл. 1145—1122).
	5. [Бильнадинаплу], около 1122—1117.
Тиглатпаласcаръ I . . .	6. [Мардукбадинахи], 1117 прибл. до 1100.
Ашшурбилькала	7. [Мардукшапикзири] до 1086.
Шамшададъ, братъ его . . .	8. [Рамманпалидина], 22 года.
Ашшурнассирпалъ II, с. Шамшіадада	9. Мардук- [ахіирба?], 1½ года.
	10. Мардукзира- [ибни]. 13 лѣтъ.
	11. Набушум- [идина]. 9 лѣтъ, до 1043 г.

При какихъ обстоятельствахъ произошло въ Вавилоніи паденіе касситской династіи, которая правила столько лѣтъ, намъ неизвѣстно. Несомнѣнно одно, что въ этомъ сказалась сильная реакція въ пользу семитизма, чему могутъ служить доказательствомъ не только всецѣло

замѣтимъ, что нерѣдко еврейское Ассуръ также означаетъ не Ассирію, но нѣкоторую часть Эдома. Такъ, напр., въ рѣчахъ Валаама (кн. Чисел. 24, 24), равно какъ въ нѣкоторыхъ другихъ ветхозавѣтныхъ текстахъ, имя Ассуръ должно быть понимаемо въ смыслѣ Эдома, а не Ассиріи, что было бы тамъ совершенно некстати; сокращеніемъ этого эдомитскаго Ассура является слово Суръ (напр., «пустыня Суръ» къ сѣверу отъ Синайскаго полуострова.

національныя имена вавилонскихъ царей (слѣдуетъ обратить, главнымъ образомъ, вниманіе на множество именъ, въ составъ которыхъ входитъ названіе бога Мардука), но и особенно напыщенная, довольно обширная по своимъ размѣрамъ надпись четвертаго (или третьяго?) царя этой династіи Набукудурріушшура, Навуходоносcора I. Къ сожалѣнію, въ спискѣ царей первыя семь именъ почти совершенно отломаны; но мы можемъ хронологически приблизительно опредѣлить начало ихъ правленія (около 1175 года) и установить точно сумму лѣтъ правленія царей отъ третьяго до седьмого. Сумма эта составляетъ 65 лѣтъ. Даже имена ихъ мы въ состояніи вставить въ этотъ пробѣлъ, пользуясь для этого источниками синхронистической исторіи. Наконецъ, мы можемъ сказать, что десятый годъ царствованія Мардукнадинахи, вавилонскаго современника Тиглатпаласcара I, по позднѣйшему хронологическому замѣчанію Синахериба, т.-е. такъ называемая Бавіанская дата (именно, на Бавіанской надписи), относится къ 1107 году, такъ какъ онъ совпалъ съ 418 годомъ до разрушенія Вавилона этимъ ассирійскимъ царемъ, а это разрушеніе произошло въ 689 году до Р. Хр.

Въ лицѣ Ашшурисиси и его вавилонскаго современника Навуходоносcора мы имѣемъ дѣло съ двумя могущественными государями. Первый, котораго сынъ его Тиглатпаласcаръ называетъ «могущественнымъ царемъ, завоевателемъ вражескихъ странъ и покорителемъ всѣхъ мятежниковъ», побѣдилъ жившія на востокѣ Ассиріи горныя племена кути (гу) и лулуми: представители послѣдней народности обитали на пространствѣ отъ Нижняго Заба до верховьевъ Тигра и даже до верхняго теченія Евфрата. Онъ въ сущности покорилъ, слѣдовательно, именно тѣ народности, которыя подчинилъ уже Ададнирари I, но на область которыхъ вавилоняне всегда предъявляли притязанія, какъ первоначальные владѣтели ея. Въ обѣ эти страны уже съ древнѣйшихъ временъ проникла, по крайней мѣрѣ, внѣшнимъ образомъ, вавилонская культура: въ нашемъ распоряженіи имѣются надписи царя гутскаго Ласпраба и царя луллубскаго (какъ называли вавилоняне племя лулуми) Анубанини (совершенно семитическое имя); эти надписи написаны тѣмъ же архаическимъ шрифтомъ, какъ и памятники аккадскаго царя Нарамсина, притомъ на семитическомъ, именно вавилонскомъ языкѣ. Царь Анубанини сталъ даже героемъ вавилонской поэмы, которую долго ошибочно называли «куѳійскимъ преданіемъ о міросотвореніи», тогда какъ въ ней прославляется побѣда вавилонскаго царя, одержанная надъ семью сыновьями Анубанини. Равнымъ образомъ, и Навуходоносcоръ I, именующій себя также побѣдителемъ Западной страны, т.-е. Марту, области амореевъ, похваляется, что онъ покорилъ это племя лулуми. Впрочемъ, въ своей надписи онъ оставилъ намъ подробное сообщеніе лишь о своей по-

бѣдѣ надъ Эламомъ и о томъ, какъ онъ отмстилъ касситамъ. Оба соперника, Ашшурнисиси и Навуходоносоръ, повидимому, сошлись въ странѣ племени лулуми, притомъ вѣроятно въ той части ея, которая находилась въ сѣверо-восточномъ углу Месопотаміи; въ концѣ концовъ, вавилонскій царь потерпѣлъ тутъ пораженіе, а это, въ свою очередь, снова надолго утвердило за ассирійцами власть надъ Харраномъ, древнимъ центромъ «царства міра» (царства Кишъ).

Царствованіе сына Ашшурнисиси, могущественнаго Тиглатпаласcара I, знаменуетъ первый блестящій подъемъ Ассиріи до положенія крупной, первоклассной державы. Это положеніе ея нѣсколькими столѣтіями позже утвердилось и сохранилось за нею надолго при Ашшурнассирпалѣ и его преемникахъ. То было впервые, что царь ассирійскій зашелъ за Евфратъ и проникъ до самаго Средиземнаго моря. У истоковъ Тигра было найдено рельефное изображеніе Тиглатпаласcара съ надписью, въ которой онъ самъ называетъ себя «завоевателемъ странъ отъ великаго моря западной области до моря страны Наири», т.-е. до Ванскаго озера въ Арменіи. Въ другой надписи говорится, что онъ плавалъ по морю на арвадскихъ корабляхъ (на судахъ самаго сѣвернаго финикійскаго города Арвада или Арада) и при этомъ случаѣ убилъ морское животное (nacḫir); равнымъ образомъ, онъ охотился у месопотамской рѣки Хаборасѣ на слоновъ (срв. выше, стр. 68), которые тамъ еще водились въ тѣ времена; онъ, вѣроятно, добрался даже до самаго Ливана, потому что устраивалъ охоты даже у подножія этого хребта. Слава его проникла въ самый Египетъ, гдѣ тогда правили ливійскіе цари, и онъ, повидимому, имѣлъ въ виду возобновить прежнія сношенія Ассиріи съ преемниками Дегутмосе III, такъ какъ побудилъ «царя Мусри (Египта) послать ему крокодила и рѣчного осла (навѣрное гиппопотама), животныхъ великаго моря, и показалъ ихъ народамъ страны своей».

Въ лѣтописяхъ этого царя, обнимающихъ приблизительно 800 строкъ, находится довольно подробное повѣствованіе объ его походахъ. Къ сожалѣнію, туда не вошло описаніе его похода къ финикійскому побережью и къ Ливану. Особенно подробно описывается покореніе страны Наири, т.-е. той части Арменіи, которая расположена между Ванскимъ озеромъ и Иссикимъ заливомъ (см. выше, стр. 68), на первомъ планѣ пространства между Ванскимъ озеромъ и Евфратомъ у Милида (или, какъ эта мѣстность называется иначе, «отъ страны Тумми до страны Даяини») и расположенной къ югу отъ него области Кирхи. Первымъ военнымъ предпріятіемъ Тиглатпаласcара было то, что онъ снова отогналъ за Евфратъ племя москковъ, которые за 50 лѣтъ до этого заняли Альзи (Инзи или Инзити, т.-е. армянскую провинцію Анзитену) и Бурухунзи и по-

корили ихъ *). При этомъ Тиглатпаласcаръ включилъ въ составъ Ассиріи расположенную къ сѣверу отъ Харрана область Куммухъ (Коммагену). Слѣдуетъ замѣтить, что Тиглатпаласcаръ перешелъ Евфратъ, подчинилъ своей власти съ наложеніемъ дани расположенную около Милида (Малатіи) страну Хани-раббатъ («великую хеттскую землю» египетскихъ надписей), которую нѣкоторые ученые читаютъ, впрочемъ, «Хани-галбатъ», и при этомъ проникъ даже до «западнаго верхняго моря», т.-е. до Исскаго залива. Со временъ вторженія морскихъ народовъ при Рамзесѣ III уже нѣтъ болѣе рѣчи о великомъ хеттскомъ царствѣ. Зато у Евфрата поселились арамейцы, пытавшіеся въ разныхъ мѣстахъ овладѣть наслѣдіемъ прежнихъ хеттскихъ государствъ. Когда же они во времена Тиглатпаласcара возобновили попытку утвердиться въ Месопотаміи, между Евфратомъ и Белихомъ, т.-е. въ прежней странѣ Митанни, то они были прогнаны, причемъ были опустошены ихъ пастбища, расположенныя вдоль средняго теченія Евфрата отъ Кархемиша вплоть до Вавилоніи, т.-е. такъ называемая страна Сухи (библейск. Суахъ). Эта страна увѣковѣчена въ книгѣ Іова, гдѣ второй изъ друзей Іова обозначается какъ князь сухитовъ, а третій называется, согласно единственно правильному тексту греческихъ толковниковъ, царемъ минеевъ. Еще во времена знаменитаго халдейскаго царя Навуходоносора II въ клинообразныхъ надписяхъ упоминается о «винѣ страны Сухи», а что тамъ особенно процвѣтало пчеловодство, это вытекаетъ изъ недавно открытой надписи намѣстника Сухи и Маира, нѣкоего Шамашришушшура (около 630 года до Р. Хр.). Тиглатпаласcаръ подчинилъ себѣ также завоеванную еще Салманассаромъ I страну Мусри (въ западной Арменіи) и при этомъ разбилъ ея союзниковъ изъ каппадокійской области Куману. Такимъ образомъ, Тиглатпаласcаръ не только возстановилъ прежніе, бывшіе при Салманассарѣ I предѣлы своего государства, но и значительно расширилъ ихъ, особенно въ сторону Арменіи. Своими движеніями въ сѣверную Сирію вплоть до Ливана онъ предопредѣлилъ будущіе ассирійскіе походы.

Само собою разумѣется, что такой государь, какъ Тиглатпаласcаръ, державшій въ повиновеніи и Вавилонію. Хотя его сопернику, вавилонскому царю Мардукнадинахи и удалось перевезти изображенія божествъ Раммана (Адара ассирійцевъ и сирійцевъ) и его су-

*) Первоначально мы имѣемъ здѣсь дѣло съ отождествленіемъ съ Берекинтіею; такъ въ древности называлась Фригія; затѣмъ это имя было перенесено на ту часть сѣверо-западной Месопотаміи, которая носила названіе Убрухунду и Бурунда. Срв. также ниже, гдѣ Мита, т.-е. Мидасъ, является царемъ московъ или фригійцевъ. Изъ этого видно, что роль этихъ московъ на Востокѣ соотвѣтствуетъ роли бургундовъ на Западѣ.

пруги Салы изъ города Икаллати въ Вавилонъ, откуда ихъ впослѣдствіи, чрезъ 418 лѣтъ, вернулъ Синахерибъ; однако, зато Тиглатпаласcаръ завоевалъ нѣсколько сѣверно-вавилонскихъ городовъ, въ томъ числѣ самый Вавилонъ, и принудилъ вавилонскаго царя признать его, Тиглатпаласcара, гегемонію.

Относительно двухъ сыновей Тиглатпаласcара, наслѣдовавшихъ послѣ него престолъ ассирійскій, Ашшурбилькалы и Шамшіадада, мы знаемъ лишь то, что послѣдній занимался отстройкою храма ниневійской Истаръ, а первый жилъ «въ добромъ согласіи» съ вавилонскимъ царемъ Мардукшапикзири. Когда же Мардукшапикзири былъ низвергнутъ съ престола нѣкіимъ Рамманпалидиномъ, Ашшурбилькала взялъ въ жены дочь этого новаго царя, получивъ за нею богатое приданое. Кромѣ того, этотъ ассирійскій царь перенесъ столицу изъ города Калаха въ Ниневію и поддерживалъ сношенія съ Финикіею.

Тиглатпаласcаръ царствовалъ приблизительно отъ 1125 до 1105 г., Ашшурбилькала примѣрно до 1085, Шамшіададъ же, если онъ былъ младшимъ братомъ Ашшурбилькалы, отъ 1085 до 1070 г. или около того. Сынъ Шамшіадада назывался Ашшурнассирпаломъ (II).

Къ началу всего этого періода и, пожалуй, еще къ концу предшествовавшаго, разсмотрѣннаго въ гл. IV и относящагося примѣрно къ 1200 году до Р. Хр., слѣдуетъ отнести важное въ исторіи быстро развивавшагося израильскаго народа событіе, а именно побѣду израильтянъ надъ соединенными силами хананеянъ у ручья Кисона на Іезреельской равнинѣ. Побѣда эта, одержанная надъ Сисарою, котораго впослѣдствіи ошибочно признали военачальникомъ асорскаго царя Іавина (кн. Іисуса Навина, 11), послужила темою для древнѣйшей еврейской героической поэмы (кн. Суд., 5). Съ тѣхъ поръ имена Деворы и Варака оставались незабвенными во Израилѣ.

«Когда выходилъ Ты, Господи, отъ Сеира, когда шелъ съ поля Едомскаго, тогда земля тряслась, и небо капало, и облака проливали воду; горы таяли отъ лица Господа, даже этотъ Синай отъ лица Господа, Бога Израилева. Во дни Самегара, сына Анаѳова, во дни Іаили, были пусты дороги, и ходившіе прежде путями прямыми ходили тогда окольными дорогами. Не стало обитателей въ селеніяхъ у Израиля, не стало, доколѣ не возстала я, Девора, доколѣ не возстала я, мать въ Израилѣ» *).

*) Здѣсь, какъ и ниже, мы цитируемъ по синодальному переводу Библіи; поэтому насъ не должно удивлять нѣкоторое несовпаденіе транскрипціи собственныхъ именъ. Переводъ Библіи сдѣланъ съ греческаго языка, Гоммель же цитируетъ имена въ ихъ настоящей, семито-хамитской формѣ. *Переводч.*

Такимъ образомъ, Девора противопоставляется лицамъ, дѣйствовавшимъ непосредственно раньше, именно Самгару (срв. выше, стр. 86), который побилъ 600 филистимлянъ воловьимъ рожкомъ. и героинѣ Іаили *). Раньше этого въ поэмѣ имѣется намекъ на пребываніе израильтянъ въ пустынѣ.

Самый бой описывается слѣдующимъ образомъ:

«Пришли цари, сразились, тогда сразились цари ханаанскіе въ Ѳанаахѣ **) у водъ Мегиддонскихъ, но не получили нимало серебра. Съ неба сражались, звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою. Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ, потокъ Кедумимъ ***), потокъ Киссонъ. Попирай, душа моя, силу! Тогда ломались копыта конскія отъ побѣга, отъ побѣга сильныхъ его».

Страннымъ представляется вопросъ матери Сисеры, съ трепетомъ ожидающей возвращенія сына:

«Что долго не идетъ конница его, что медлятъ колеса колесницъ его? Умныя изъ ея женщинъ отвѣчаютъ ей, и сама она отвѣчаетъ на слова свои: вѣрно, они нашли, дѣлятъ добычу, по дѣвицѣ, по двѣ дѣвицы на каждаго воина, въ добычу полученная разноцвѣтная одежда Сисарѣ, полученная въ добычу разноцвѣтная одежда, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника».

Затѣмъ пѣсня заканчивается гордымъ возгласомъ:

«Такъ да погибнутъ всѣ враги Твои, Господи! любящіе же Его да будутъ какъ солнце, восходящее во всей силѣ своей!» ****).

Кромѣ того, изъ событій этого періода замѣчательны еще относящаяся къ нѣсколько позднѣйшему времени побѣда Гедеона

---

*) Въ лицѣ этой Іаили (или этого Іаиля?) видимо подразумѣвается другая личность, чѣмъ женщина, убившая Сисеру и дальше воспѣваемая въ поэмѣ. Впрочемъ, быть-можетъ, слова «во дни Іаили» представляютъ позднѣйшую вставку.

**) Тамъ, въ нынѣшнемъ Таанекѣ, вѣнскій профессоръ д-ръ Селлинъ недавно нашелъ алтарь и клинописныя таблицы телль-амарнскаго періода.

***) Слово это по-еврейски значитъ—предки. Поэтому Гоммель и переводитъ «потокъ предковъ». Вѣроятно, по мнѣнію Гоммеля, составитель поэмы имѣлъ тутъ въ виду патріарховъ, впервые расположившихся близъ ручья Кисона при вступленіи ихъ изъ Месопотаміи въ землю Ханаанскую.

Переводч.

****) Вся эта пѣсня указываетъ на то, что авторъ ея давно занимался поэтическимъ творчествомъ. Интересную параллель съ концомъ ея представляетъ слѣдующая выдержка изъ письма хананейскаго князя, Абимильки тирскаго, къ фараону Аменхотепу IV: «Кто повинуется царю, владыкѣ своему, и кто любовно привязанъ къ нему, надъ тѣмъ восходитъ богъ солнца и доброе слово изъ устъ его властелина даетъ ему жизнь; если же онъ не повинуется повелѣніямъ царя, властелина своего, то гибнутъ его городъ, его домъ, и имя его исчезаетъ навсегда; у того раба, который повинуется господину, своему, городъ и домъ стоятъ прочно, и вѣчно имя его.

и Іерувваала надъ напавшими съ востока жителями страны Мидіанской и не удавшаяся попытка сына Гедеона, Авимелеха, провозгласить себя царемъ во Израилѣ (кн. Суд.. гл. 6—9). Сюда же относятся трогательныя и весьма популярныя повѣствованія о Іефѳаѣ и его дочери (кн. Суд. 11, см. также выше, стр. 87) и о Самсонѣ (кн. Суд., 13—16). Со времени послѣдняго начинаются непріятности, причиняемыя израильтянамъ филистимлянами, и только царю Давиду удалось положить конецъ этому ненормальному положенію вещей.

При этомъ мы должны особенно подчеркнуть тотъ фактъ, что отнюдь не въ это время и не отъ стоявшихъ столь далеко отъ нихъ въ религіозномъ отношеніи хананеянъ израильтяне восприняли свои преданія относительно древнѣйшей старины (кн. Бытія, 1 — 11) и относительно патріарховъ; напротивъ, по крайней мѣрѣ, весьма значительная часть этихъ древнихъ преданій ведетъ свое начало изъ прежнихъ мѣстъ, гдѣ нѣкогда обитали израильтяне. Тѣсная связь древнѣйшихъ еврейскихъ преданій съ вавилонскими или халдейскими мивами въ достаточной полнотѣ объясняется точно установленнымъ происхожденіемъ Авраама, общаго родоначальника какъ израильтянъ, такъ и іудеевъ, эдомитянъ и измаильтянъ-арабовъ, изъ «халдейскаго Ура» (стр. 56), т.-е. изъ мѣстности, находившейся на границѣ восточной Аравіи и Вавилоніи. Кромѣ того, слѣдуетъ замѣтить, что господствовавшій въ Халдеѣ культъ луны отличался гораздо болѣе возвышеннымъ и чистымъ характеромъ, чѣмъ вавилонское многобожіе, и что поэтому распространенная въ Халдеѣ редакція древнѣйшихъ преданій, по всей вѣроятности, была гораздо ближе къ ветхозавѣтнымъ текстамъ, чѣмъ та вавилонская форма ихъ, которая дошла до насъ въ клинописныхъ памятникахъ.

Начало царскаго періода у израильтянъ до Асы и Омри (Амврія).

Время отъ сыновей Тиглатпалассара и конца вавилонской династіи Паши до начала царствованія Ашшурнассирпала, съ котораго начинается новый расцвѣтъ ассирійскаго могущества, заполнено почти

Ты—богъ солнца, надо мною восходящій, тотъ крѣпкій валъ, который ограждаетъ (меня)». Вполнѣ убѣдительно недавно было высказано по этому поводу предположеніе, что подобныя письма составлялись не самими намѣстниками лично, а опытными въ сочиненіи ихъ и пѣсенъ людьми, которые свободно пользовались подобными поэтическими добавленіями и украшали ими свои произведенія.

исключительно одними лишь именами. Зато къ этимъ двумъ столѣтіямъ, т.-е. приблизительно съ 1050 до 884 года до Р. Хр., относятся начало и, вмѣстѣ съ тѣмъ, расцвѣтъ царской власти во Израилѣ. Отъ дѣятельности такихъ героевъ, какимъ рисуется Гедеонъ, до подобнаго высокаго подъема царей былъ одинъ лишь шагъ. Новыми врагами, ускорившими своими вторженіями наступленіе этого момента, были филистимляне, могущество которыхъ въ то время постепенно возрастало. Книги пророка Самуила *) содержатъ въ себѣ живое описаніе этого перваго періода, начиная съ дѣятельности Самуила до помазанія перваго царя, Саула (около 1010 года до Р. Хр.), соперничества послѣдняго съ юнымъ Давидомъ и его миропомазанія на царство, царствованія его соперника Іевосѳея **), младшаго сына Саулова, и окончательнаго воцаренія и единодержавія Давида (около 1000 года до Р. Хр.).

Раньше столицею Давида былъ Хевронъ. Теперь царь перенесъ ее въ Іерусалимъ, городъ, издавна считавшійся священнымъ вслѣдствіе того, что въ немъ жили цари-первосвященники (Мельхиседекъ во времена Авраама, Арадхиба въ амарнскій періодъ и Адониседекъ, кн. Іис. Нав., 10, 1). Давидъ также распорядился о перенесеніи туда священнаго кивота завѣта. Благодаря всему этому Іерусалимъ сталъ религіознымъ и политическимъ центромъ новаго государства. Наиважнѣйшими дѣяніями Давида въ области внѣшней политики были слѣдующія: во-первыхъ, онъ закончилъ то, что началъ Саулъ, а именно покореніе филистимлянъ; во-вторыхъ, онъ побѣдилъ и подчинилъ четыре родственныхъ между собою и жившихъ по сосѣдству племени моавитянъ и аммонитянъ на востокѣ, эдомитянъ и амалекитянъ на югѣ; наконецъ, онъ прогналъ арамейцевъ, подошедшихъ на выручку аммонитской крѣпости Раббатъ-Аммона, разрушилъ царство Цобы и, по всей вѣроятности, наложилъ дань также на Дамаскъ. Подобно тому, какъ прежде филистимляне представляли большую опасность для израильтянъ, такъ и теперь подобная же и не менѣе страшная гроза надвигалась на послѣднихъ, по окончательномъ пораженіи филистимлянъ, въ лицѣ всюду усиливавшихся арамейцевъ. По словамъ II кн. Цар., 8, 3, Давидъ разбилъ царя Цобы (Сувскаго) Гададэзера (Адраазара), сына Рехова, «когда

---

*) Какъ извѣстно, въ греческомъ и русскомъ (синодальномъ) текстѣ Ветхаго Завѣта эти книги названы I и II книгами Царствъ. *Переводч.*

**) Имя его было Эсъ-бостъ. Иначе его звали Ишъ-босетъ («мужъ позора»), въ чемъ заключается презрительная передѣлка его настоящаго имени, когда какъ Ешъ-Ваалъ заключаетъ въ себѣ позднѣйшую замѣну второй части, слова бостъ (т.-е. арабскаго демона огня или посланца боговъ), болѣе распространеннымъ названіемъ бога Ваала.

тотъ шелъ, чтобы возстановить свое владычество при рѣкѣ Евфратѣ». Это царство Цоба (Сува) находилось въ Келесиріи, т.-е. въ древней странѣ амореевъ. Теперь тамъ и въ расположенномъ восточнѣе Ливана Дамаскѣ засѣли арамейцы, которые проникли все дальше и дальше къ югу со стороны Месопотаміи, съ Евфрата, на западномъ берегу котораго мы уже встрѣтили ихъ во времена Тиглатпаласcара. Вышеупомянутый Гададэзеръ, очевидно, имѣлъ въ виду основать обширное арамейское государство, въ составъ котораго должны были войти также его месопотамскіе соплеменники *). Его смѣлой попыткѣ воспротивился сперва хаматскій царь Тои, хананеецъ, какъ это видно изъ имени его (срв. Таги въ амарнскихъ письмахъ) и его сына Іорама; воспротивились этому также и Давидъ и позже него ассирійскій царь Ашшурирби. Впрочемъ, это нисколько не помѣшало тому, что нѣкій Разонъ (Реципъ), сынъ Эліады, отложился отъ Цобы и основалъ въ Дамаскѣ арамейскую державу, существовавшую нѣсколько столѣтій (III кн. Цар., 11, 23).

Къ концу жизни Давида относится также начало царствованія тирскаго царя Хирама (II кн. Цар., 5, 11), который по указаніямъ греческихъ хронографовъ вступилъ на престолъ въ 969 году до Р. Хр. (именно 229 лѣтъ спустя послѣ основанія Тира и за 155 лѣтъ до основанія Карѳагена, основаннаго, по Тимею, въ 814—813 г. до Р. Хр.). Хирамъ правилъ до 936 года. На одиннадцатомъ году его царствованія былъ построенъ храмъ Соломона, т.-е. въ 958 году до Р. Хр. (срв. съ этой важною датою вышесказанное на стр. 63). Слѣдовательно, начало царствованія Соломона должно быть отнесено къ 962 году. Такъ какъ эта дата находится въ полнѣйшемъ соотвѣтствіи съ хронологіею израильскихъ царей, устанавливаемою на основаніи израильско-ассирійскихъ синхронизмовъ, то ее можно признать отнынѣ безусловно точною поправкою обычной хронологической даты о началѣ царствованія Соломона.

Но раньше, чѣмъ переходить къ Соломону и его ближайшимъ преемникамъ, будетъ не безполезно привести здѣсь списокъ правившихъ въ то время вавилонскихъ и (поскольку они намъ извѣстны) ассирійскихъ царей. Вотъ этотъ списокъ:

---

*) Срв. цитированное выше изъ II кн. Цар., 8, 3, и особенно сказанное во II кн. Цар., 10, 15—16: «Сирійцы (т.-е. арамейцы), видя, что они поражены израильтянами, собрались вмѣстѣ. И послалъ Адраазаръ и призвалъ сирійцевъ, которые жили за рѣкою», т.-е. Евфратомъ.

Ассирія:	Вавилонія:	Израиль:
Ирбададъ и его сынъ.	(Династія приморской страны, 3 царя, 1042 г. и сл.:)	
Ашшурнадинахи II?	Симмашшипакъ, 18 лѣтъ, Эанадинуури (?), 5 мѣс., Кассунадинахи, 3 года (Династія дома Бази, 3 царя, 1021 годъ и слѣд.:)	
	Iульмассакинсуми, 17 лѣтъ Нинибкудурріушшуръ, 3 года. (Синди?) Сукамуна, 3 мѣс. Затѣмъ эламитянинъ, 6 лѣтъ, 1001 годъ и слѣд.	Саулъ (прибли3. 1010 г.).
	Пропускъ прибли3. въ 35 лѣтъ, 995 до прибли3. 960 года.	Давидъ (около 1000—962).
Ашшурирби (около 970?)		
	Набуукинапли 36 лѣтъ, прибл. 960—925.	Соломонъ, 962 до 930.
Тиклатипалисирра (т.-е. Тиглатпаласcаръ II) прибл. 950.		
Ашшурдаянъ II (его сынъ), прибл. 930 до 913 г. до Р. Хр.	Нинибкудурушшуръ II $8^1/_3$ мѣс. 924.	Ровоамъ (Iудея) и Iеровоамъ (Израиль).
Ададнирари II, его сынъ, 912—891 г.	Шамашмудаммикъ, около 910 г.	
Туклатининибъ II, его сынъ, 890—885 г.	Набушумишкунъ, около 900 г.	Аса (Iудея), 41 годъ, около 911—871.
(Ашшурнассирапли III, его сынъ, 884 г. и слѣд.).	(Набупалидина) (по меньш. мѣрѣ 31 г., т.-е. примѣрно отъ 890 до 856 г.).	

Относительно всего этого времени мы до послѣднихъ царей знаемъ весьма немного. Въ Вавилонiи за династiею Паши вновь слѣдуютъ цари касситскiе. Въ Ассирiи правилъ, быть-можетъ, одновременно съ вавилонскимъ царемъ Набуукинапли, отъ времени котораго до насъ дошелъ пограничный столбъ съ изображенiемъ знаковъ зодiака, и одновременно съ Давидомъ или Соломономъ царь Ашшурирби. У него арамейцы отняли двѣ крѣпости на Евфратѣ, Питру и Муткину; тѣмъ не менѣе, онъ прошелъ вплоть до Средиземнаго моря и поставилъ свою статую вблизи Исскаго залива около хребта Аманусa.

Лишь со времени Ададнирари II и его современника, вавилонскаго царя Шамашмудаммика извѣстiя снова становятся

полнѣе. Во-первыхъ, мы имѣемъ отнынѣ столь цѣнный для хронологіи ассирійскій списокъ (канонъ) эпонимовъ, а во-вторыхъ, тутъ вновь продолжается «синхронистическая исторія». Она повѣствуетъ намъ о побѣдѣ, одержанной Ададнирари II надъ вавилонянами у горы Ялмана, въ которомъ намъ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ усматривать знаменитый вавилонско-мидійскій горный перевалъ вблизи Голвана. Также и у преемника Шамашмудаммика, Набушумишкуна, Ададнирари отнялъ нѣсколько городовъ; впрочемъ, послѣ этого онъ заключилъ съ нимъ миръ.

Краткое, едва шестилѣтнее правленіе Туклатининиба приводитъ насъ уже къ началу новой эры въ исторіи Ассиріи, именно къ періоду великихъ завоеваній. Этотъ царь не только проникъ къ самымъ истокамъ Супната, притока рѣки Тигра, гдѣ онъ воздвигъ себѣ статую рядомъ съ памятникомъ Тиглатпаласcара I, но кажется, онъ пошелъ войною на всѣ горныя страны, начиная отъ озера Урміи на востокѣ до области Куммуха. За это дѣло вновь принялся, немедленно по своемъ вступленіи на престолъ, его сынъ Ашшурнассирпалъ и довелъ его благополучно до конца.

Въ Израилѣ пышный Соломонъ унаслѣдовалъ въ 962 году престолъ послѣ своего отца Давида. Этотъ царь предпочиталъ пользоваться плодами достигнутыхъ Давидомъ успѣховъ, чѣмъ энергично продолжать его работу. Во время своего 30-лѣтняго правленія онъ по финикійскимъ образцамъ и съ помощью финикійскихъ мастеровъ, присланныхъ ему его другомъ, царемъ тирскимъ Хирамомъ, соорудилъ великолѣпный храмъ въ Іерусалимѣ. При этомъ ему нравились чужеземные обычаи, и онъ старался снискать расположеніе чужестранныхъ правителей, принималъ ихъ дочерей въ свой гаремъ и, въ свою очередь, принялъ поклоненіе столь же, какъ онъ самъ, прославившейся своею мудростью *) и богатствомъ царицы Савской, правившей родиною позднѣйшихъ южно-аравійскихъ сабеевъ, сѣверною Аравіею. Такъ, напр., тестемъ Соломона былъ одинъ изъ послѣднихъ фараоновъ XXI (танитской) династіи; къ сожалѣнію, имя этого египетскаго царя такъ и осталось неизвѣстнымъ. Знаменитая морская экспедиція Соломона, со включеніемъ различныхъ стоянокъ царскаго флота продолжавшаяся цѣлыхъ три года, имѣла главнѣйшею своею цѣлью посѣщеніе аравійской золотоносной страны Офира. Такъ называлась приморская полоса восточной Аравіи, лежащая напротивъ

*) Мудрость аравійцевъ, равно какъ эдомитянъ, въ древности вошла въ пословицу. Въ этомъ отношеніи интересно то обстоятельство, что послѣдняя, XXXI глава книги Притчей Соломоновыхъ приписывается царю Массы, Лемуилу. Страна его находилась примѣрно вблизи нынѣшняго Хаиля въ Джебель-Шаммарѣ.

Персіи или Элама, собственно называвшаяся Апиромъ и получившая это имя отъ той части Элама, которая лежала по другую сторону Персидскаго залива (Хапиръ, Апиръ). Сюда же вѣроятно направлялась и вавилонско-индійская торговля въ то отдаленное время: въ числѣ привезенныхъ изъ Офира достопримѣчательностей находились также, по обычному толкованію, павлины, tukkijim (греч. ταὼς изъ ταως); слово это происходитъ отъ тамульскаго toghai, и родиною павлиновъ является, какъ извѣстно, Индія *). Коней для своей царской конюшни царь Соломонъ выписывалъ даже изъ Арменіи и Киликіи (срв. III кн. Цар., 10, 28; по исправленному чтенію изъ «странъ Мусримъ и Куи»).

Въ то время, какъ въ царствованіе Соломона Эдомъ освободился цѣликомъ за исключеніемъ приморскаго города Элата и отъ Израиля вѣроятно отпали также области моавитская и аммонитская, было закончено включеніе въ предѣлы государства цѣлаго ряда городовъ, до того остававшихся въ рукахъ хананейцевъ. Все государство было раздѣлено на двѣнадцать округовъ. Вообще, однимъ изъ главныхъ преимуществъ правленія мудраго царя Соломона даже позднѣйшія поколѣнія считали строгую упорядоченность и законность всѣхъ мѣропріятій во время его царствованія.

Однако, лишь только цвѣтущее царство Соломона досталось послѣ его смерти сыну его Ровоаму, какъ поднялось возстаніе: Іероваомъ, еще при жизни Соломона принадлежавшій къ числу недовольныхъ и опиравшійся на дворъ египетскаго царя Сисака (Шошенка) **), перваго фараона XXII династіи, склонилъ на свою сторону десять сѣверныхъ колѣнъ израильскихъ, которыя провозгласили его своимъ царемъ. Такимъ образомъ произошло дѣленіе царства на израильское и іудейское.

Это раздѣленіе и побудило только-что названнаго фараона вторгнуться въ Палестину на пятомъ году правленія Ровоама и попытаться снова вернуть Египту ту страну, которая раньше принадлежала великимъ фараонамъ XVIII и XIX династій. Впрочемъ, весь этотъ походъ явился сплошнымъ разбойническимъ набѣгомъ. До сихъ поръ сохранился египетскій перечень всѣхъ разграбленныхъ при

*) Обозначеніе же обезьяны kôph, греч. κῆπος, происходитъ не изъ Индіи, но находится въ связи съ древне-египетскимъ gofi. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что по другому и вѣроятно лучшему толкованію слову tukkijim соотвѣтствуетъ терминъ sukkijim (II кн. Паралипом., 12, 3), которое означаетъ троглодитовъ, т.-е. рабовъ-негровъ, и что kôph лучше переводить чрезъ ладанъ, чѣмъ понимать подъ этимъ словомъ обозначеніе обезьяны.

**) По основному тексту III кн. Цар., 11, 19 — 20, фараонъ выдалъ именно за него, а не за эдомитянина Адада, замужъ Ахнотъ (LXX толковн. Ἀνώ), сестру своей жены Тахпенесы (Θεχεμείνα).

этомъ городовъ. Тутъ мы встрѣчаемъ какъ города израильскіе, въ родѣ Аялона, Бетъ-Горона, Мегиддо, Пнуэля, такъ и цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ іудейскихъ, въ числѣ которыхъ до сихъ поръ, однако, еще не удалось установить Іерусалимъ *). Впрочемъ, библейскія данныя въ III кн. Цар., 14, 25 и слѣд., заставляютъ сомнѣваться, былъ ли разграбленъ египтянами также и храмъ іерусалимскій.

Израильско-іудейскіе синхронизмы вплоть до Омри (Амврія), основателя первой настоящей династіи въ сѣверномъ царствѣ, наглядно уясняются изъ нижеслѣдующей таблички:

Царство іудейское:	Царство израильское:
Ровоамъ, 17 лѣтъ (около 930 и сл.).	Іеровоамъ, 21 г. (около 930 и сл.).
Авія(мъ), 3 года.	
Аса, 41 (?) годъ.	
	Надабъ, сынъ Іеровоама, 2 года.
	Баеса (Вааса), 24 года.
	Ила, его сынъ, 2 года.
	Зимри (Замврій), 7 дней.
	Омри (Амврій): противъ него Тибни (Θамній), 6 лѣтъ;—правленіе одного Омри—6 лѣтъ.
	Ахавъ, сынъ Омри, 22 года (прибл. до 853 года до Р. Хр.).
Іосафатъ, 25 лѣтъ (вступилъ на престолъ на 4-мъ году царствованія Асы).	

Въ то время какъ въ Іудеѣ сынъ постоянно наслѣдовалъ отцу **), мы видимъ въ израильскомъ царствѣ совершенно иную картину: вплоть до Омри тамъ одинъ царь всегда свергаетъ другого; такъ, напр., Баеса свергаетъ Надаба, сынъ же Баесы, Ила, самъ падаетъ отъ руки Зимри, котораго, въ свою очередь, лишаютъ престола Омри и Тибни, послѣ чего Омри низвергаетъ Тибни. Израильскіе цари жили первоначально въ Θирцѣ, и лишь Омри основалъ новую столицу, въ Самаріи. Противъ Баесы (Вааса), напавшаго на Іудею, Аса призвалъ на помощь царя дамасскаго Венадада, сына Тавриммона и внука Хезіона. Венададъ вслѣдствіе того вторгнулся въ предѣлы Израиля и отнялъ у израильтянъ нѣсколько городовъ. Если

*) Терминъ «Іуда-царь», какъ его прежде читали въ этомъ спискѣ, по новѣйшимъ изслѣдованіямъ оказывается именемъ израильскаго города Ядгамелеха («десница или мощь царя»).

**) Впрочемъ, въ одномъ случаѣ, повидимому, братъ наслѣдовалъ брату: матерью Авіяма и Асы называется дочь Авессалома. Мааха, такъ что слова «Аса, сынъ Авіяма», по всей вѣроятности, представляютъ ошибочное чтеніе.

имена трехъ арамейскихъ царей, Хезіона (можетъ-быть, тутъ слѣдуетъ читать Хазаэль), Тавриммона и Венадада, переданы традиціею вѣрно, то можно предположить, что эти лица были непосредственными преемниками жившаго во времена Соломона основателя дамасскаго царства, Разона (Рецина), сына Эліады. Упоминаемый здѣсь Венададъ царствовалъ что-то около 40 лѣтъ. Клинописные памятники, именующіе его Биридри, представляютъ его союзникомъ Ахава. Полное его имя было, вѣроятно, Бирададидри. Какую опасность представило для Іудеи приглашеніе этого сирійскаго царя, мы увидимъ впослѣдствіи.

Къ началу израильскаго царства и, пожалуй, даже еще ко времени судей, относится, вѣроятно, и расцвѣтъ царства минейскаго или маанскаго въ отдаленной южной Аравіи, о которомъ мы неоднократно упоминали выше. Сабеи жили тогда еще въ сѣверной Аравіи. Это доказывается, главнымъ образомъ, изданною Галеви и затѣмъ въ исправленномъ видѣ Эд. Глазеромъ надписью. Тамъ сказано, что во времена царя Авіядіи намѣстникъ минейской области Мусрана, т.-е. Мидіана, по имени Аммисадокъ, благодаритъ боговъ Астара и Вадда (утреннюю звѣзду и божество луны) за то, что минейскіе караваны съ ладаномъ благополучно возвратились изъ Мисра, т.-е. Египта *), и по дорогѣ между селеніями Мааномъ (близъ Петры) и Рагматомъ (около Неджрана), т.-е. въ сѣверо-западной Аравіи, избѣгли нападеній разбойниковъ—сабеевъ. Еще въ VIII столѣтіи до Р. Хр. въ сѣверо-аравійской области Гофѣ или Джофѣ (Арибн, библ. Іаривѣ) правленіе находилось въ рукахъ не царей, а царицъ, совершенно такъ же, какъ то было при Соломонѣ. Поэтому-то именно тамъ приходится искать мѣстожительства тогда еще полукочевыхъ сабеевъ, позднѣйшая столица которыхъ Марьябъ или Марибъ напоминаетъ по своему названію ихъ древнюю родину Іаривъ.

Во времена Асы, т.-е. около 900 года до Р. Хр., нѣкій кошитъ, т.-е. аравитянинъ, по имени Серахъ (библ. Зарай) во главѣ огромнаго войска и со множествомъ овецъ и верблюдовъ вторгнулся въ Іудею съ очевидною цѣлью занять ее (II кн. Паралипом., 14). Нападеніе его, однако, было отбито. Въ этомъ фактѣ мы снова имѣемъ дѣло съ движеніемъ тѣхъ сабеевъ, древнѣйшіе цари-священники или мукаррибы которыхъ еще въ 700 году до Р. Хр., когда мы впервые встрѣчаемся съ ними въ южной Аравіи, часто носили имя Сераха (Зарая).

*) Мѣстомъ назначенія подобныхъ торговыхъ каравановъ надписи называютъ, кромѣ Египта, еще Газу на филистимскомъ побережьѣ, Ашшуръ, т. е. Ашшуръ-Эдомъ, и Эберъ-Нагаръ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Передняя Азія за время отъ Ашшурнассирпала III до Салманассара IV.

Ашшурнассирпалъ III и Салманассаръ II.

Послѣ Тиглатпаласcара I первымъ великимъ завоевателемъ въ Передней Азіи является Ашшурнассирпалъ, занимавшій ассирійскій престолъ съ 884 по 860 годъ до Р. Хр.. Съ тѣхъ поръ (т.-е. приблизительно съ 1100 года) Ассирія утратила почти всѣ завоеванныя Тиглатпаласcаромъ владѣнія и лишь отцу Ашшурнассирпала, Туклатининибу II, посчастливилось начать возвращать обратно утерянныя области. Но такъ какъ смерть пресѣкла приведеніе въ исполненіе его широко задуманныхъ плановъ, то энергичный Ашшурнассирпалъ взялъ на себя эту задачу и закончилъ ее весьма успѣшно. Такъ, напр., на востокѣ онъ проникъ глубже Тиглатпаласcара I въ мидійско-армянскія горныя страны, покоривъ всю область между озерами Ванскимъ и Урміею и даже захвативъ еще огромную часть пространства къ югу отъ озера Урміи, именно области Маннаи, Киррури и Замуа. Его идеаломъ при этомъ служилъ древне-ассирійскій царь Салманассаръ I, въ честь котораго онъ назвалъ его именемъ и своего сына, и сообразно планамъ котораго онъ вновь отстроилъ городъ Калахъ, сдѣлавъ его своею столицею. Первою цѣлью Ашшурнассирпала было окончательно включить въ составъ Ассиріи всю мѣстность, расположенную къ востоку отъ Евфрата, отъ впаденія рѣки Хабораса вплоть до горъ, замыкающихъ Месопотамію съ сѣверной стороны. Только сдѣлавъ это, онъ могъ создать себѣ прочную базу для того, чтобы успѣшно напасть на пограничныя съ Арменіею страны и подготовить въ будущемъ завоеваніе самой Арменіи, этой опасной соперницы Ассиріи на сѣверѣ. Особенно упорное сопротивленіе оказало ассирійцамъ небольшое арамейское княжество Битъ-Адини, упоминающееся въ Библіи (IV кн. Цар., 19, 12) подъ именемъ «сыновъ Едена». Однако, Ашшурнассирпалъ все-таки принудилъ его выплачивать ему ежегодную дань.

Также и Сиріи показалъ этотъ могущественный правитель весь ужасъ ассирійскаго оружія. Въ сѣверной Сиріи на развалинахъ хеттскаго государства возникло нѣсколько мелкихъ княжествъ,

правители которыхъ носили все еще хеттскія имена, тогда какъ населеніе было семитическимъ или осемитизировавшимся. Къ числу этихъ мелкихъ государствъ принадлежалъ и Кархемишъ, гдѣ правилъ царь Сангара. Ашшурнассирпалъ разгромилъ какъ этотъ городъ, такъ и вновь возникшее на Оронтѣ и Апри княжество Патинъ (или Хаттинъ?), главный городъ котораго назывался Кунулуею; тамъ правилъ царь Лубарна. Оттуда войска Ашшурнассирпала прошли дальше къ крайней сѣверной оконечности Ливана и по финикійскому побережью. Съ цѣлью побудить ассирійцевъ къ удаленію изъ этихъ

Рис. 16. Ашшурнассирпалъ совѣщается съ сановникомъ.

мѣстъ, города Тиръ, Сидонъ, Гевалъ, Арвадъ и другіе поднесли царю богатые дары.

Въ Вавилоніи правилъ тогда Набупалиддина (примѣрно отъ 890 до 856 года), который послѣ свыше 30-лѣтняго царствованія былъ свергнутъ съ престола своимъ собственнымъ сыномъ Мардукшумиддиномъ. Это было приблизительно въ 856 году. Съ Ашшурнассирпаломъ и Салманассаромъ вавилонскій царь жилъ въ согласіи и дружбѣ. Относящаяся къ его времени каменная плита съ интереснымъ изображеніемъ божества солнца имѣетъ надпись, гласящую, что царь оттѣснилъ племя сути, вѣроятно, арамейскаго происхожденія.

Ко времени Салманассара II (859—825) относятся первыя сношенія царства Израильскаго съ великою ассирійскою державою. Этотъ предпріимчивый государь чрезвычайно расширилъ предѣлы Ассиріи и значительно укрѣпился въ тѣхъ областяхъ, которыя были завоеваны еще его отцомъ, главнымъ образомъ, въ Месопотаміи. Затѣмъ онъ предпринялъ походы въ страну Парсую, расположенную къ востоку отъ озера Урміи, и въ нѣкогда находившуюся подъ вавилонско-касситскимъ протекторатомъ область Намри, между Урмійскимъ озеромъ и Голваномъ. Равнымъ образомъ, онъ воевалъ съ царями Арими и Сардури I въ ихъ странѣ Урарту (Араратъ) или Арменіи. Въ лицѣ послѣдней Ассирія нашла могущественную соперницу, главныя силы которой удалось сокрушить лишь Тиглатпалассару III. Ко времени Сардури I относятся также первыя древне-армянскія надписи, составленныя на семитическомъ (ассирійскомъ) языкѣ и написанныя ассирійскою клинописью, тогда какъ преемники Сардури примѣняютъ уже свой собственный, родственный съ грузинскимъ нарѣчіемъ армянскій языкъ, хотя и продолжаютъ пользоваться при этомъ ассирійскимъ шрифтомъ.

Дальнѣйшія побѣды одержалъ Салманассаръ въ Киликіи, именно какъ на киликійскомъ побережьѣ, носившемъ названіе Куи, такъ и въ расположенной передъ нимъ горной странѣ Хилакку, подъ которой и слѣдуетъ понимать собственно Киликію. При этомъ случаѣ царь ассирійскій зашелъ также въ городъ Тарци, Тарсъ, извѣстный, какъ мѣсто рожденія св. апостола Павла. Онъ проникъ вглубь страны Табалъ,—библейское Тувалъ,—которая лежала сѣвернѣе Хилакку и къ западу отъ Милида; тамъ онъ овладѣлъ мѣстными серебряными рудниками, а также залежами соли и алебастра. Также и расположенная къ востоку отъ Милида малоазійско-армянская горная страна Мусри, по которой прошелъ еще Тиглатпалассаръ I, послала ему дары. Послѣдніе изображены на находящемся въ настоящее время въ Лондонскомъ Британскомъ Музеѣ такъ назыв. черномъ обелискѣ и имѣютъ нѣкоторое значеніе въ области географіи животныхъ, а именно то были «верблюдицы съ двойнымъ горбомъ, быкъ съ береговъ рѣки Сакіи, антилопа—susu, слониха и обезьяны», какъ гласитъ ассирійская надпись на памятникѣ. Страна Куи *), съ которою, какъ мы уже видѣли выше, еще царь Соломонъ поддерживалъ торговыя

*) Вѣроятно, это то же самое имя, что и столь часто упоминающееся въ египетскихъ надписяхъ Кефтъ, съ тою лишь разницею, что это слово имѣетъ семитически-египетское окончаніе женскаго рода (Kev-t) и, кромѣ того, распространяется на болѣе обширное пространство: подъ этимъ именемъ подразумѣвались также Ликія и, главнымъ образомъ, вѣроятно, островъ Критъ или, какъ онъ иначе назывался, Кафторъ.

сношенія, и на этотъ разъ входила въ составъ союза сѣверно- и среднесирійскихъ государствъ, въ числѣ которыхъ тутъ въ первый разъ появляется «страна сѣверная», носящая названіе Самаля. Недавно найденная въ Сендширли близъ сѣверно-сирійско-киликійской границы и составленная на хананейскомъ языкѣ надпись называетъ тогдашнимъ царемъ Самаля извѣстнаго намъ уже изъ надписей Салманассара Каламму, сына Хаяна.

Въ Вавилоніи вѣроятно около 856 года Набупалиддина былъ низложенъ своимъ сыномъ Мардукшумиддиною. Противъ послѣдняго, однако, возсталъ его братъ Мардукбилусати. Тогда Мардукшумиддина призвалъ на помощь царя ассирійскаго, который немедленно явился и въ продолженіе двухъ кампаній (852 и 851 года) побѣдилъ Мардукбилусати. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Салманассаръ наказалъ также и южновавилонскія мелкія государства, главнымъ образомъ, могущественное Битъ-Іакинъ или «приморскую страну», за поддержку, оказанную ими Мардукбилусати. Тутъ мы впервые встрѣчаемся съ именемъ Калду, Халдея, какъ называлась тогда самая южная часть Вавилоніи. Имя это возникло вѣроятно изъ слова Карду (развившаяся отсюда форма Кардуніасъ, которую народъ толковалъ какъ садъ бога Дуніаса, со временъ касситовъ обратилось въ обычное названіе Вавилоніи) и далѣе изъ Касду, съ чѣмъ можно сопоставить распространенное со времена Авраама названіе столицы Халдеи, Уръ-Касдимъ, т.-е. халдейскій городъ Уръ. Впрочемъ, различіе между Халдеею (по-сумерійски Гуединомъ, по-семитически Кисадедини, т.-е. «береговая мѣстность Эдема»), расположенною къ западу отъ низовьевъ Евфрата, и собственно Вавилоніею (срв. выше, стр. 31 и 36) было установлено еще въ до-историческое время.

Отъ той эпохи сохранились также пограничные столбы съ обычнымъ изображеніемъ вавилонскихъ знаковъ зодіака. Одинъ изъ нихъ относится къ восьмому году правленія Набушумишкуна (приблиз. 900 годъ), другой къ двадцатому году царствованія Набупалиддины, и, наконецъ, третій упоминаетъ двадцать-восьмой годъ царствованія Набупалиддины и затѣмъ одиннадцатый годъ правленія Мардукшумиддины.

Согласно даннымъ библейскихъ книгъ царей Израильскихъ израильско-іудейскіе синхронизмы того времени укладываются въ слѣдующую табличку:

Царство іудейское:	Царство израильское:
(27 годъ правленія Асы).	Омри (Амврій); противникъ его Тибни
(31 годъ правленія Асы).	Омри—одинъ.
(38 годъ правленія Асы).	Ахавъ, сынъ Омри, 22 года (до 853 года до Р. Хр.).

Царство іудейское:	Царство израильское:
Іосафатъ, сынъ Асы 25 л.	4 годъ правленія Ахава.
	Охозія, сынъ Ахава, 2 года.
(18 годъ правленія Іосафата).	Іорамъ, сынъ Ахава, 12 (?) лѣтъ.
Іорамъ, сынъ Іосафата, 8 лѣтъ.	(5 г. правленія Іорама израильскаго).
Охозія, сынъ Іорама, 1 годъ.	
Гоѳолія, мать его, 6 лѣтъ.	Іуй, 28 лѣтъ (842 и слѣд.).
Іоасъ, сынъ Охозіи, 40 (?) лѣтъ.	(7 годъ правленія Іуя).

Въ лицѣ Омри (Амврія) въ Израилѣ воцарилась новая династія. Онъ вѣроятно былъ могущественнымъ государемъ. По крайней мѣрѣ, надпись моавитскаго царя Меши повѣствуетъ, что Омри вернулъ Израилю отнавшую при смерти Давида или Соломона страну моавитянъ; кромѣ того, ассирійцы съ тѣхъ поръ стали называть израильтянъ попросту «домомъ Омри». Его сынъ Ахавъ былъ женатъ на тирской принцессѣ Іезавели, дочери «сидонскаго царя Еѳваала», котораго списокъ тирскихъ царей Менандра называетъ Итобаломъ (онъ правилъ отъ 885 до 854 года до Р. Хр.); въ угоду Іезавели Ахавъ основалъ въ Самаріи, основанной Омри и назначенной имъ столицею государства, храмъ въ честь финикійскаго бога Ваала. Противъ этого протестовалъ пророкъ Илія, одна изъ самыхъ почтенныхъ фигуръ въ книгахъ Ветхаго Завѣта. Илія настойчиво требовалъ поклоненія одному лишь Іеговѣ, Богу Израиля, такъ какъ онъ признавалъ только одного Бога, Іегову, проявлявшагося «не въ жизни природы, подобно Ваалу, а въ нравственныхъ требованіяхъ духа».

Ко времени правленія Ахава, именно къ 854 году, относится и походъ Салманассара на Каркаръ близъ Хамата, въ древней странѣ амореевъ. Сперва царь ассирійскій направился къ Алеппо (по-ассирійски Халвану), затѣмъ двинулся немедленно дальше къ югу на Хаматъ и оттуда прошелъ къ Каркару, столицѣ хаматскаго правителя Ирхулини. Тутъ навстрѣчу ему выступило огромное войско, въ числѣ котораго находился и Ахавъ («Ахаббу Сирилитъ») съ 2000 боевыхъ колесницъ и 10000 воиновъ. Во главѣ этой рати стояли только-что упомянутый Ирхулини съ 700 колесницъ, 700 всадниковъ и 10000 пѣхотинцевъ и Биридри *), библейскій Венададъ, царь дамасскій, командовавшій отрядомъ въ 1200 колесницъ, 1200 всад-

*) Это имя, первая составная часть котораго содержала названіе бога грозы (Раммана, Адада, Бира), писалось идеографически и читалось также Ададидри. Тождественность этого лица съ библейскимъ Венададомъ, см. выше, стр. 100, въ настоящее время находится внѣ всякаго сомнѣнія.

никовъ и 20000 человѣкъ пѣхоты; кромѣ того, тутъ были еще союзники, а именно жители странъ Куи (Киликіи), Мусри, нѣсколькихъ городовъ сѣверной Финикіи (въ томъ числѣ арвадцы) и, наконецъ, арабскій шейхъ Гиндибу съ 1000 верблюдовъ и аммонитскій царь Вааса. Все это войско было разбито Салманассаромъ. Впрочемъ, его побѣда отнюдь не имѣла рѣшающаго значенія, такъ какъ еще дважды упоминается о побѣдахъ надъ тѣми же союзниками съ тою только разницею, что теперь рѣчь идетъ лишь о «Дамаскѣ и 12 царяхъ страны хеттовъ». Побѣды эти относятся къ 849 и 846 году до Р. Хр., и оба раза въ дѣлѣ участвовалъ царь израильскій, причемъ тутъ рѣчь идетъ вѣроятно о сынѣ Ахава, Іорамѣ, такъ какъ самъ Ахавъ успѣлъ тѣмъ временемъ умереть.

Ко времени царствованія Іорама израильскаго относится и та война его съ моавитянами, о первой неудачной для израильтянъ половинѣ которой повѣствуетъ такъ называемая надпись царя Меши, найденная въ 1868 году въ развалинахъ города Дибана и представляющая одинъ изъ древнѣйшихъ памятниковъ хананейской письменности. Начало этой чрезвычайно важной надписи, изъ которой мы видимъ, что языкъ моавитянъ представлялъ почти тождественное съ еврейскимъ хананейское нарѣчіе, гласитъ слѣдующее: «Я — Меша, сынъ Кемошмелека, царь моавитскій изъ Дибона; отецъ мой правилъ страною моавитскою 30 лѣтъ, и я воцарился послѣ отца своего; я воздвигъ это святилище Кемошу, ибо онъ спасъ меня отъ всѣхъ царей и далъ мнѣ насладиться зрѣлищемъ пораженія всѣхъ враговъ моихъ; Амврій, царь Израиля, долго притѣснялъ моавитянъ, потому что Кемошъ гнѣвался на страну свою, и затѣмъ его смѣнилъ его сынъ, также сказавшій: «я буду притѣснять моавитянъ»; во дни мои сказалъ онъ это, но я восторжествовалъ надъ нимъ и надъ его домомъ, и Израиль погибъ навѣки; Амврій прежде занялъ всю страну Медебу и Израиль жилъ въ ней во дни его (Амврія) и въ теченіе половины дней его сына, всего въ продолженіе сорока лѣтъ, но во дни мои вернулъ намъ ее Кемошъ».

Въ одномъ отношеніи сказывается, повидимому, нѣкоторая неточность въ надписи Меши: очевидно составитель ея текста представлялъ себѣ Ахава и Іорама одною личностью, фигурирующею подъ именемъ «сына Амврія»; равнымъ образомъ, въ составъ округленнаго числа 40 лѣтъ вошли двѣнадцать лѣтъ правленія Амврія, все царствованіе Ахава и первые годы правленія Іорама: израильская книга Царствъ (IV Цар., 3, 5) очень опредѣленно заявляетъ, что моавитскій царь отпалъ отъ Израиля лишь послѣ смерти Ахава, послѣ чего Іорамъ въ союзѣ съ іудейскимъ царемъ Іосафатомъ и эдомитскимъ царемъ предпринялъ противъ Меши общій походъ, который

могъ произойти лишь послѣ войны, упомянутой въ надписи моавитскаго царя Меши.

Вскорѣ затѣмъ Іорама сталъ тѣснить сирійскій царь Венададъ или Биридри. Сирійцы осадили даже Самарію и удалились только тогда, когда разнесся слухъ, что на освобожденіе Самаріи подходитъ непріятельское войско со стороны Дамаска. Въ первую минуту полагали, что это рать царей хеттовъ и мусрійцевъ (IV кн. Цар., 7, 6); но, по всей вѣроятности, то были сами ассирійцы, которые въ 846 г. вторично направлялись къ Дамаску. Наконецъ, въ 842 году Салманассаръ II еще разъ двинулся противъ Сиріи, гдѣ тѣмъ временемъ умеръ старикъ Венададъ, которому наслѣдовалъ его сынъ Газаэль (по-ассир. Хазаилу). Тотъ лѣтописный отрывокъ, который имѣетъ огромное значеніе также и для исторіи Израиля, и который подробнѣе большихъ хроникъ повѣствуетъ объ этомъ случаѣ, содержитъ въ себѣ слѣдующее:

«На восемнадцатомъ году моего царствованія я въ шестнадцатый разъ переправился чрезъ Евфратъ. Газаэль изъ Дамаска *) положился на многочисленность своихъ войскъ, которыхъ онъ набралъ множество. Гору Саниру, вершину въ хребтѣ Ливанскомъ (вѣроятно то была сѣверная часть Гермона къ сѣверо-западу отъ Дамаска) онъ избралъ своею крѣпостью. Я воевалъ съ нимъ, разбилъ его, съ оружіемъ въ рукахъ уничтожилъ 16000 его воиновъ и отнялъ у него 1121 боевую колесницу, 470 верховыхъ коней и весь его станъ. Дабы спасти жизнь свою, онъ обратился въ бѣгство; я послѣдовалъ за нимъ и блокировалъ его въ его столицѣ, Дамаскѣ (Димаски); древесныя насажденія и сады города я вырубилъ и дошелъ затѣмъ вплоть до горъ Гаурана; я разрушилъ и сжегъ безчисленное количество городовъ, уведя оттуда богатую добычу; я дошелъ до горъ Баалирааса, возвышающихся надъ Средиземнымъ моремъ. Тамъ я воздвигъ изображеніе величія моего. Въ тѣ дни я получилъ также дань отъ Тира, Сидона и отъ Іауи изъ дома Омри (Амврія)».

Подъ послѣднимъ правителемъ слѣдуетъ подразумѣвать царя израильскаго Іуя, свергшаго въ 842 году, согласно предложенію пророка Иліи, династію Амврія. Рельефное изображеніе на одномъ обелискѣ наглядно рисуетъ намъ израильтянъ, подносящихъ свои дары, и имѣетъ слѣдующую надпись: «Дань Іауи, сына Хумри: серебро, золото (въ слиткахъ), золотой сосудъ, золотую лопатку (?), золотые бокалы, золотыя ведра, олово, жезлъ (?) для руки (или для сокровищницы?) царя и дротики получилъ я». Впрочемъ, побѣда ассирійцевъ

*) Буквально «изъ ослиной страны» (mât imirisu), что первоначально представляло вѣроятно лишь игру словъ для обозначенія страны амореевъ (imîri и Amuri).

надъ Дамаскомъ, осаду котораго они, по ясному указанію ассирійскаго же повѣствованія, вскорѣ должны были снять, не имѣла большого значенія. Также и подарки Іуя ассирійскому царю не могли оказаться особенно полезными и немного помогли Іую, потому что какъ ему самому, такъ въ еще бо́льшей мѣрѣ его сыну Іоахазу пришлось чрезвычайно сильно потерпѣть отъ Газаэля, который жестоко налегъ на нихъ.

Время Ададнирари III и его преемниковъ.

Преемникомъ великаго Салманассара II, погибшаго во время возстанія, сдѣлался его сынъ Шамшіададъ IV (824—812 до Р. Хр.). Этотъ царь выступилъ походомъ противъ вавилонскихъ правителей Бауахиддины и Мардукбалатсуикби и противъ страны Калду, т.-е. юго-западной части Вавилоніи, причемъ онъ проникъ вглубь Мидіи до самой «Бѣлой горы» (Эльвенда у Экбатаны въ Гамаданѣ), а также постарался оградить отъ посягательствъ армянскаго царя Испуина, сына Сардури I, страны Манъ и Барсую, расположенныя къ сѣверу и востоку отъ озера Урміи.

Гораздо болѣе значительными представляются дѣянія его сына Ададнирари III (811—783 до Р. Хр.), который правилъ дольше отца своего. Такъ какъ онъ вступилъ на престолъ въ очень юныхъ лѣтахъ, то бразды правленія, повидимому, сперва находились въ рукахъ его жены (или матери?) Саммураматы, вавилонской принцессы, личность которой вызвала въ греческихъ преданіяхъ появленіе царицы Семирамиды. Ададнирари одновременно съ тѣмъ былъ также царемъ вавилонскимъ; вообще съ этихъ поръ вплоть до возникновенія ново-вавилонскаго государства цари ассирійскіе считали власть надъ Вавилоніею своимъ неотъемлемымъ правомъ. Въ предѣлахъ Мидіи Ададнирари впервые проникъ вплоть до самаго Каспійскаго моря; зато на сѣверѣ и сѣверо-востокѣ у ассирійцевъ отнялъ нѣсколько важныхъ васальныхъ областей, напр., Мелитену (Хани-раббатъ или Хани-галбатъ), Даяини и нѣк. др., его могущественный соперникъ, царь Арменіи, Менуасъ, сынъ Испуини, именующій себя въ своихъ надписяхъ «царемъ могучимъ, царемъ великимъ, царемъ Біяйны (Ванъ), княземъ города Тиспы (Тоспа на Ванскомъ озерѣ)».

При преемникахъ Ададнирари III, Салманассарѣ III (782—773), Ашшурдаянѣ III (772—755) и Ашшурнирари II (754—745 до Р. Хр.), причемъ послѣдній былъ сыномъ Ададнирари, Ассирія должна была отдавать все новыя и новыя области армянамъ, которыми правилъ тогда могущественный Аргистисъ (около 780—

760) и Сардурисъ II (около 760—730). Такимъ образомъ, случилось, что, въ концѣ концовъ, въ составъ армянскаго государства вошли всѣ «страны Наири» къ сѣверу отъ Тигра, именно отъ озера Урміи до самой Мелитены.

За XXII, такъ назыв. династіею наемниковъ, основателемъ которой былъ Шошенкъ I (Сусакъ Библіи), въ Египтѣ воцарилась около 820 года до Р. Хр. XXIII или танитская династія, цари которой жили въ Бубастисѣ. Рядомъ съ этимъ наблюдается, какъ признакъ упадка древняго царства фараоновъ, возникновеніе цѣлаго ряда болѣе мелкихъ династій въ предѣлахъ дельты. Кромѣ того, приблизительно въ это же самое время въ Нубіи возникло самостоятельное эѳіопское государство съ главнымъ городомъ Напатою; государство это стало расширять свои предѣлы также въ сторону Египта. Около 800 года эѳіопы завоевали Ѳивы, а приблизительно 25 лѣтъ спустя палъ даже Мемфисъ, который тщетно старался отстоять Тефнехтъ, одинъ изъ наиболѣе могущественныхъ правителей въ дельтѣ. Мемфисомъ овладѣлъ царь эѳіопскій Піанхи. Сынъ этого Тефнехта, Бокенранфъ или Бокхорисъ, продолжительное (758?—714) царствованіе котораго считается временемъ правленія XXIV династіи, все-таки сумѣлъ нѣкоторое время отстоять въ дельтѣ свою самостоятельность, пока, наконецъ, и его не постигъ злой рокъ; онъ палъ отъ руки эѳіопа Шабаки или Сабако (по-ассирійски Шабаку), который основалъ въ Египтѣ XXV или эѳіопскую династію.

Относительно дальнѣйшей синхронистической таблицы слѣдуетъ замѣтить, что отнынѣ библейскія хронологическія данныя становятся все менѣе точными. Особенно это касается времени правленія Тиглатпаласcара III и Салманассара IV, гдѣ прочными опорными пунктами можно признать лишь немного датъ, точно установленныхъ на основаніи ассирійскихъ синхронизмовъ. Рядомъ съ этимъ всѣ остальныя хронологическія данныя могутъ быть названы лишь «приблизительно вѣрными».

Царство іудейское:	Царство израильское:
Іоасъ, сынъ Охозіи, 40 лѣтъ	(7-ой годъ правленія Іуя, который царствовалъ, по Библіи, 28 лѣтъ и по ассирійскимъ надписямъ вступилъ на престолъ въ 842 г. до Р. Хр.).
(23-ій годъ правл. Іоаса іудейск.) .	Іоахазъ, сынъ Іуя, 17 лѣтъ.
(37-ой годъ правл. Іоаса іудейск.) .	Іоасъ, сынъ Іоахаза, 16 лѣтъ.
Амасія, сынъ Іоаса іудейск., 29 л.	(2-ой годъ правл. Іоаса израильск.).
(15-ый годъ правл. Амасіи)	Іеровоамъ II, сынъ Іоаса, 41 годъ (прибл. 785—745 до Р. Хр.).
Азарія (Уссія), сынъ Амасіи, правившій, по IV кн. Цар., 15, 2, цѣлыхъ 52 года.	[27-ой годъ правленія Іеровоама].

При царяхъ Іоахазѣ и Іоасѣ Израилю пришлось много терпѣть отъ сирійцевъ, становившихся все болѣе и болѣе заносчивыми; также и царство Іудейское испытало это, и царь Іоасъ, сынъ Охозіи, былъ вынужденъ купить отступленіе Газаэля цѣною послѣднихъ храмовыхъ сокровищъ. Впрочемъ, израильскому Іоасу удалось трижды разбить сына и преемника Газаэля, который носитъ въ Библіи опять-таки имя Венадада (т.-е. Венадада II), и вернуть отнятые сирійцами при Іоахазѣ города. Къ тому же времени, т.-е. приблизительно къ 800 году, относится походъ Ададнирари III на Дамаскъ. Объ этой войнѣ мы располагаемъ, къ сожалѣнію, лишь чрезвычайно краткимъ сообщеніемъ, содержаніе котораго слѣдующее: «Начиная съ верховьевъ Евфрата, я покорилъ страну Хатту (хеттскую или сѣверную Сирію) и страну Амурру (Келесирію) во всемъ ея объемѣ; я наложилъ дань на Тиръ, Сидонъ, страну Хумри (Амврія, т.-е. Израиль), Удумъ (Эдомъ), Паласту (область филистимлянъ) вплоть до великаго западнаго моря; я пошелъ на страну ослиную (Дамаскъ) и замкнулъ ея царя Мари въ его столицѣ Дамаскѣ; страхъ предъ величіемъ Ашшура, господина моего, обуялъ и низвергъ его, и онъ обнялъ мои колѣни и подчинился; я же принялъ отъ него въ его столицѣ, въ Дамаскѣ, внутри дворца его, 2300 талантовъ серебра, 20 талантовъ золота, 3000 талантовъ мѣди, 5000 талантовъ желѣза, много пестрыхъ одеждъ, плащей, ложе изъ слоновой кости, опахало въ оправѣ изъ слоновой кости и съ украшеніями изъ драгоцѣнныхъ камней, деньги и несчетное имущество царя». Этотъ царь Мари является либо тѣмъ сыномъ Газаэля, который именуется въ Библіи Венададомъ (въ такомъ случаѣ терминъ Мари, «мой владыка», такой же титулъ, какъ египетское слово фараонъ), или же это былъ старшій братъ Венадада II. Во всякомъ случаѣ, тѣ побѣды, которыя израильскій царь Іоасъ одержалъ надъ Венададомъ II, находятся въ тѣсной внутренней связи съ пораженіемъ сирійцевъ ассирійцами. Также и Амасію, царя іудейскаго, отнявшаго у эдомитянъ ихъ столицу Селу (Петру) и, возгордившись этимъ, вызвавшаго Іоаса израильскаго на бой *), Іоасъ не только разбилъ, но и захватилъ въ плѣнъ, причемъ разграбилъ храмъ іерусалимскій такимъ же точно образомъ, какъ его раньше разграбили сирійцы.

Чрезвычайно жаль, что намъ неизвѣстны подробности похода Ададнирари, между прочимъ, также и то, дѣйствительно ли онъ по-

*) Правильный переводъ текста IV кн. Цар., 14, 8 гласитъ: «Выйди, помѣряемся лично» (а не повидаемся), на что Іоасъ израильскій отвѣчаетъ, между прочимъ (ст. 10), царю іудейскому: «Ты поразилъ эдомитовъ (а не идумеянъ), и возгордилось сердце твое. Величайся и сиди у себя дома».

шелъ войною на Израиль или даже Эдомъ (въ такомъ случаѣ онъ проникъ бы дальше къ югу, чѣмъ любой изъ предшественниковъ его на ассирійскомъ престолѣ), или же послѣднія государства, въ родѣ городовъ филистимлянъ, ограничились только высылкою подарковъ въ Дамаскъ. Фактомъ, впрочемъ, является то, что съ тѣхъ поръ царство израильское вновь начало возвышаться, а при Іеровоамѣ II достигло даже столь высокаго внѣшняго могущества, что могло напоминать времена царя Давида. Этотъ царь (Іеровоамъ II) возстановилъ прежніе предѣлы Израиля «отъ пути въ Хаматъ вплоть до Мертваго моря». Ко времени его правленія относится также солнечное затменіе 763 года, упоминаемое въ спискѣ ассирійскихъ эпонимовъ и у Амоса (VIII, 9). Правда, пророчества Амоса явились рѣзкимъ диссонансомъ въ счастливомъ настроеніи и радости тѣхъ дней; имъ суждено было вскорѣ оправдаться. Также и дѣятельность пророка Осіи относится ко времени царствованія Іеровоама II. Послѣднія 14 лѣтъ жизни пророка совпали съ первой половиною правленія іудейскаго царя Азаріи или Уссіи, какъ его именуетъ его современникъ, пророкъ Исаія. Уссія заложилъ гавань Аилатъ на Красномъ морѣ и поселилъ тамъ, на крайнемъ югѣ земли эдомской, еврейскихъ колонистовъ *).

Тиглатпаласcаръ III, Салманассаръ IV и послѣдніе дни царства Израильскаго.

Когда при преемникахъ Ададнирари III ассирійское могущество стало быстро падать, особенно вслѣдствіе усиленія Арменіи, тогда нѣкій узурпаторъ по имени Пулу (Фулъ) сдѣлалъ смѣлую и, какъ вскорѣ оказалось, удачную попытку овладѣть браздами правленія.

Въ 745 году, 13-го Іара, онъ подъ именемъ Тиглатпаласcара III вступилъ на ассирійскій престолъ. Онъ собственно и положилъ начало міровому владычеству Ассиріи. Въ продолженіе своего 18-тилѣтняго правленія (до мѣсяца Тебета 727 года до Р. Хр.) онъ вновь подчинилъ власти Ассиріи Вавилонію, гдѣ отъ 747 до 734 года царствовалъ Набупассиръ (Набонассаръ), а въ 733—732 г. правили Набунадинзира и Набушумукинъ; равнымъ образомъ, онъ вновь завое-

*) По даннымъ IV кн. Цар., 15, 2, этотъ царь правилъ въ продолженіе 52 лѣтъ, подконецъ былъ пораженъ проказою и царствовалъ совмѣстно со своимъ сыномъ Іоѳамомъ; однако, это число, по даннымъ синхронистической исторіи, оказывается преувеличеннымъ и поставлено ошибочно, вѣроятно, вмѣсто двадцати-восьми.

валъ области, отошедшія ранѣе къ Арменіи, и включилъ въ составъ Ассиріи значительную часть Сиріи.

Въ Вавилоніи обнаруживалась тѣмъ временемъ все бо́льшая и бо́льшая опасность утраты страною ея независимости. Съ одной стороны ее тѣснили кочевавшія близъ вавилонско-эламитской границы арамейскія племена, въ числѣ которыхъ выдающуюся роль играли упоминаемыя также въ Библіи племена пукуду (походъ у Іезек. 23, 23, и Іерем. 50, 21) и гамбулу, и къ которымъ принадлежали и набатейцы, впослѣдствіи появляющіеся въ сѣверо-западной Аравіи. Съ другой стороны Вавилоніи грозили мелкія государства калди или халдеевъ, расположенныя въ южной и средней части страны. Противъ арамейскихъ племенъ Тиглатпаласcаръ III выступилъ тотчасъ же, въ первый годъ своего правленія, вѣроятно, призванный на помощь вавилонскимъ царемъ Набонассаромъ, который долженъ былъ за это согласиться на то, что уже теперь, послѣ нанесеннаго арамейцамъ пораженія, Тиглатпаласcаръ, въ качествѣ защитника и патрона Вавилоніи, сталъ именоваться царемъ Сумера и Аккада; онъ оставилъ Набонассару только титулъ «царя Вавилона». Нѣсколько позже очередь дошла и до самихъ халдейскихъ государствъ, правители которыхъ, по всей вѣроятности, и были причиною возстанія арамейцевъ; особенно нѣкій Укинзира, названный въ Птолемеевомъ канонѣ, начинающемся съ Набонассара, Хинзеросомъ и правившій областью Битъ-Амуккани, дошелъ до того, что въ 731 году овладѣлъ даже вавилонскимъ престоломъ. Это обстоятельство дало возможность царю ассирійскому выступить въ роли великодушнаго спасителя и защитника вавилонянъ: въ 729 году онъ побѣдилъ оказавшаго упорное сопротивленіе Укинзиру; затѣмъ онъ въ день Новаго года (1 Нисана, т.-е. 21 марта) 728 г. короновался царемъ Вавилона, почему въ Птолемеевомъ канонѣ онъ и фигурируетъ, подъ 728—727 годомъ, въ роли царя вавилонскаго по имени Пороса, тогда какъ вавилонскій списокъ царей приводитъ его подъ его ассирійскимъ названіемъ.

Затѣмъ представилась необходимость возстановить вліяніе Ассиріи въ Арменіи и въ областяхъ Напри, расположенныхъ между Арменіею и Месопотаміею, а также въ Мидіи и, наконецъ, въ сѣверной Сиріи. Поэтому Тиглатпаласcаръ III въ 744 году проникъ чрезъ Напри вглубь Мидіи вплоть до горнаго хребта Бикни, т.-е. до лежащаго къ югу отъ Каспійскаго моря Демавенду, а затѣмъ вновь подчинилъ себѣ ближайшія къ Арменіи мидійскія области Парсую и Бустусъ *).

*) Въ настоящее время эта орѳографія—Парсуя—замѣняетъ прежнюю, Барсуя. Встрѣчается это имя также въ формѣ Парсуасъ.

Ключемъ къ сѣверной Сиріи являлась крѣпость Арпадъ, расположенная къ сѣверу отъ Алеппо; ею все еще владѣли армяне. Туда-то и направился Тиглатпаласcаръ III въ 743 г. Впрочемъ, прошло цѣлыхъ три года, пока, наконецъ, осажденный городъ не сдался ассирійцамъ (въ 740 г.). Въ 143 г. царь армянскій Сардурисъ былъ разбитъ вблизи верховьевъ Евфрата, послѣ чего его союзники, правители мелкихъ государствъ сѣверной Сиріи, поспѣшили выразить свою покорность Тиглатпаласcару, чтобы, такимъ образомъ, сохранить за собою свои владѣнія. Во время дальнѣйшихъ походовъ были завоеваны страны Напри, и, наконецъ, въ 735 году ассирійцы вторглись внутрь Арменіи и опустошили ее, хотя имъ и не удалось при этомъ занять столицу царства, Туруспу (Туспу), расположенную на крутой скалѣ у береговъ озера Вана.

Въ 738 году, на восьмомъ году своего царствованія, Тиглатпаласcаръ завоевалъ расположенный къ сѣверу отъ Хамата городъ Куллани. Пророкъ Исаія (10, 9) называетъ этотъ городъ Халне и говоритъ о немъ, какъ о находившемся подъ властью Саргона. Это была столица царя Асріау, владѣтеля сѣверно-сирійской области, расположенной приблизительно между Алеппо и Самалемъ. Асріау былъ побѣжденъ и, вѣроятно, убитъ, его страна и 19 присоединившихся къ ней округовъ, отпавшихъ отъ Хамата, заняты, а въ главномъ городѣ Куллани водворенъ ассирійскій намѣстникъ. Въ виду всего этого нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что всѣ окрестные и пока еще сохранившіе свою независимость сирійскіе цари и даже цѣлый рядъ правителей болѣе отдаленныхъ областей выразили могущественному ассирійскому царю свою покорность. Этими правителями были: Кустаспи изъ Куммуха, Расунну (Рецинъ) изъ Дамаска, Минихимми изъ Самрины (Менахемъ изъ израильской Самаріи), Хирамъ тирскій, Сибиттибіиль изъ Гублу (Гевалъ), Урикки изъ Куи (Киликія), Писирисъ изъ Кархемиша, Иниlу (Эніилъ) изъ Хамата, Панамму изъ Самала, Тархулара изъ Гургума, Сулумалъ изъ Милида, Дадилу (Дадіилъ?) изъ Каска (Колхида), Вассурми изъ Табала. Въ числѣ этихъ правителей находилась даже аравійская царица по имени Забиби.

Выше уже упомянутая деревушка Сендширли, расположенная на границѣ мелкихъ государствъ Гургума, Самала и Іауди, стала знаменитою, какъ мѣсто нахожденія цѣлаго ряда археологическихъ памятниковъ (напр., столба съ изображеніемъ Асаргаддона), въ томъ числѣ чрезвычайно цѣнныхъ, составленныхъ на хананейскомъ и арамейскомъ языкахъ, надписей правителей Самала и Іауди временъ Тиглатпаласcара III. Въ одной изъ этихъ надписей, написанной по-арамейски и принадлежащей Биррокебу, сыну Панамму, правитель этотъ име-

нуетъ себя даже «царемъ Самала, работомъ Тиглатпалассара». Дѣдомъ этого Биррокеба былъ Буршуръ, тогда какъ предшественникомъ іаудскаго царя Асріау былъ нѣкій Панамму, сынъ Караллу.

Въ 734 году былъ предпринятъ новый походъ на западъ, именно сперва къ филистимскому побережью; тамъ съ самаго начала былъ побѣжденъ царь города Газы, Ганнонъ. Газа была взята и должна была съ тѣхъ поръ платить дань; Ганнонъ же спасся бѣгствомъ въ Аравію. На слѣдующій годъ ассирійцы предприняли походъ противъ дамасскаго царя Рецина и противъ царства израильскаго, гдѣ уже успѣлъ воцариться Факея (Пекахъ). Рецинъ былъ разбитъ, а Дамаскъ подвергся осадѣ; однако, только въ 732 году удалось взять этотъ городъ. Въ царствѣ израильскомъ Тиглатпалассаръ завоевалъ цѣлый рядъ городовъ и всю землю Невѳалимову (IV кн. Цар., 15, 29), такъ что Факея былъ вынужденъ выплатить ему значительную дань. Вскорѣ затѣмъ, въ 733 или 732 году, Факея былъ умерщвленъ, и царемъ израильскимъ Тиглатпалассаръ утвердилъ Осію (Аусія). Послѣ паденія Дамаска, съ тѣхъ поръ обратившагося въ ассирійское намѣстничество, по необходимости должны были платить Тиглатпалассару дань еще слѣдующіе правители: аммонскій Санибу, моавитскій Саламанъ, аскалонскій Митинти, іудейскій—Іаухази, т.-е. Ахазъ или, полнѣе, Іоахазъ, и эдомскій Каусмалакъ. Еще до этого Ахазъ просилъ ассирійскаго царя о помощи какъ противъ израильтянина Факеи, такъ и противъ Рецина, отнявшаго у него гавань Элаѳъ. Тогда же была побѣждена ассирійцами и царица арибская (изъ Іарiба) Самси. Ассирійцы при этомъ впервые проникли въ сѣверную Аравію. Вслѣдствіе этой ихъ побѣды различныя аравійскія племена, въ числѣ которыхъ впервые упоминаются сабеи, послали Тиглатпалассару богатые дары.

Въ Мидіи и Сиріи Ассирія пріобрѣла, такимъ образомъ, новыя области. Могущественныхъ царей Дамаска болѣе не стало, другія, раньше свободныя страны обратились въ вассальныя государства Ассиріи, и была сломлена мощь самаго опаснаго соперника послѣдней, царя армянскаго. При этомъ Тиглатпалассаръ впервые провелъ систематически ту политику, которую впослѣдствіи продолжали дальнѣйшіе ассирійскіе цари: какъ намъ неоднократно сообщаютъ не только клинописные тексты, но и данныя израильскихъ книгъ Царствъ (напр., IV кн. Цар., 15, 29; 17, 6), цѣлыя массы населенія покоренныхъ областей переводились въ другія отдаленныя мѣстности, и, наоборотъ, освободившіяся, такимъ образомъ, области вновь заселялись другими военноплѣнными.

Тиглатпалассара III смѣнилъ Салманассаръ (Салманасаридъ) IV, правившій отъ 726 по 722 годъ до Р. Хр. и, въ каче-

ствѣ царя вавилонскаго, носившій названіе Улулаи, Элулея, т.-е. рожденнаго въ мѣсяцѣ Элулѣ. До сихъ поръ предполагали, что Салманассаръ былъ сыномъ Тиглатпаласcара. Это было подтверждено недавно найденными надписями. Къ тому немногому, что намъ извѣстно относительно дѣяній этого царя, слѣдуетъ присоединить и то, что онъ къ концу 727 года завоевалъ вѣроятно сирійскій городъ Шабараинъ (библейское Сепарваимъ IV кн. Цар., 17, 24), равно какъ и то, что именно онъ приступилъ къ осадѣ Самаріи. Окончаніе этой трехлѣтней осады, окончившейся взятіемъ Самаріи, относится, впрочемъ, уже къ первымъ мѣсяцамъ царствованія его преемника, Саргона, который вслѣдствіе того и приписалъ лично себѣ этотъ подвигъ и плѣненіе десяти колѣнъ израильскихъ, причемъ ни словомъ не упомянулъ о трудахъ своего предшественника въ этомъ дѣлѣ. Между тѣмъ библейское повѣствованіе совершенно основательно связываетъ имя Салманассара IV съ паденіемъ сѣвернаго царства въ 722 году до Р. Хр.

Израильско-іудейскіе синхронизмы на основаніи хронологическихъ указаній израильскихъ книгъ Царствъ, именно тутъ, впрочемъ, заключающихъ въ себѣ нѣсколько трудно возстановимыхъ погрѣшностей, принимаютъ слѣдующій видъ:

Царство іудейское:		Царство израильское:
Уссія (Азарія), сынъ Амасіи		(27-ой годъ правл. Іероваама II).
[т.-е. 14 годъ правл. Уссіи	=	41 (послѣдн.) году правл. Іероваама].
38-ой (читай 14) годъ Уссіи		Захарія, сынъ Іероваама, 6 мѣс.
39-ый (читай 15) годъ Уссіи		Саллумъ, сынъ Явиса., 1 мѣс.
39-ый (читай 15) годъ Уссіи		Менаимъ, сынъ Гади, 10 лѣтъ.
50-ый (читай 26) годъ Уссіи		Факія, сынъ Менаима, 2 года.
		Факей, сынъ Ремаліи, 20 лѣтъ.
Іоѳамъ, сынъ Уссіи, 16 лѣтъ		(2-ой годъ правл. Факея).
Ахазъ, сынъ Іоѳама, 16 лѣтъ		(17-ый годъ правл. Факея).
(12-ый годъ правл. Ахаза).		Осія, сынъ Илы, 9 лѣтъ.

Съ этими данными слѣдуетъ сопоставить слѣдующіе, несомнѣнно точные синхронизмы лѣтописи Тиглатпаласcара:

Іаухази (Ахазъ) іудей, 734 и 732 г. до Р. Хр.	Минихимми въ Самаринѣ, 738 г. Пакаха въ Битъ-Хумри, 733 г. Аусіи, его преемникъ, 732 г. до Р. Хр.

Такъ какъ Минихимми въ Самаріи не можетъ быть другимъ лицомъ, чѣмъ Менаимъ (Менахемъ) израильскій, срв. IV кн. Цар., 15, 19—21, подобно тому какъ и Расунну дамасскій, современникъ

всѣхъ этихъ царей, тождественъ съ упоминаемымъ въ IV кн. Цар., 15, 37 и 16, 5, арамейскимъ царемъ Рециномъ, то отсюда ясно, что между Менаимомъ и Осіею правилъ, притомъ лишь въ продолженіе двухъ лѣтъ, одинъ лишь Факей, а никакъ не было двухъ правителей, Факіи и Факея *). Поставленное у Факія число 2-лѣтняго правленія совершенно правильно, тогда какъ связываемое съ Факеемъ число 20 должно быть признано ошибочнымъ и можетъ быть, какъ таковое, зачеркнуто. Когда и сколько лѣтъ правилъ Іоѳамъ, на 20-мъ году котораго, по IV кн. Цар., 15, 30, будто-бы воцарился Осія, тогда какъ IV кн. Цар., 17, 1, правильнѣе указываетъ тутъ на двѣнадцатый годъ правленія Ахаза, а также вопросъ о томъ, не правилъ ли Іоѳамъ одновременно съ отцомъ своимъ, въ настоящее время при тѣхъ данныхъ, которыми мы теперь располагаемъ, не можетъ быть съ точностью разрѣшенъ.

Именно въ то время, когда царство израильское находилось при послѣднемъ своемъ издыханіи, на сцену выступаетъ небольшое, нерѣдко смѣшивавшееся съ Египтомъ (Мицраимъ) государство сѣверо-западной Аравіи (Милухъ). Оно носило названіе Мусура и сначала держалось на заднемъ планѣ; при этомъ оно постоянно возбуждало къ возстанію противъ ассирійцевъ расположенныя по сосѣдству палестинскія государства. Такъ, напр., еще царь Газы, Ганнонъ, побѣжденный Тиглатпаласcаромъ III, бѣжалъ къ мусурскому (мидіанскому) намѣстнику С и б и, какъ его называетъ Саргонъ, или Севеху (библ. Со), и этотъ же Сиби уговорилъ израильскаго царя Осію прекратить выплату ассирійцамъ установленной дани, что впослѣдствіи, какъ мы видѣли, стоило Осіи свободы и престола. Именно послѣ этого случая Салманассаръ приступилъ къ осадѣ Самаріи (IV кн. Цар. 17, 4). Это государство Мусуръ образовалось по всей вѣроятности изъ прежней минейской области Мусрана (срв. выше, стр. 101), послѣ того какъ древнее царство Маана уже начало разлагаться: оно было подвластно милухскому (сѣверо-западно-аравійскому) царю.

---

*) Правленіе Факіи является вѣроятно результатомъ совпаденія именъ Факея и Факіи и того, что при писаніи тутъ происходило смѣшеніе той и другой формы.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Ассирія, Іудея и Египетъ во времена Саргонидовъ.

Апогей ассирійскаго могущества при Саргонѣ.

Въ лицѣ Саргона (721—705 до Р. Хр.) на ассирійскій престолъ вновь вступилъ узурпаторъ, производившій свой родъ отъ древне-ассирійскаго царя Билбани, сына Адаси. Еще «въ началѣ его правленія» (722 годъ является первымъ годомъ его официальнаго царствованія, всегда отличаемаго отъ «начала» фактическаго правленія) Самарія пала послѣ трехлѣтней осады, и Саргонъ вывелъ ея жителей, 27.290 человѣкъ, и «поселилъ ихъ въ Халахѣ (на Балихѣ?) и въ Хаворѣ, при рѣкѣ Гозанъ (?) и въ городахъ (горахъ?) Мидійскихъ», какъ сказано въ IV кн. Цар., 17, 6. Вмѣсто нихъ онъ поселилъ въ городѣ, ставшемъ теперь резиденціею ассирійскаго намѣстника, вавилонскихъ (куѳскихъ) и другихъ колонистовъ. Самъ Саргонъ построилъ для себя къ сѣверу отъ Ниневіи на мѣстѣ нынѣшняго Хорсабада новую, открытую въ 1842—45 годахъ французомъ Ботта резиденцію и назвалъ ее Дуръ-Шаррукиномъ («замкомъ Саргона»). Благодаря множеству найденныхъ тамъ и въ настоящее время хранящихся въ парижскомъ Луврѣ надписей и изображеній мы прекрасно освѣдомлены о правленіи этого могущественнаго государя, вмѣстѣ съ Тиглатпаласаромъ III знаменующаго апогей ассирійской мощи. Главною цѣлью, которую поставилъ себѣ Саргонъ, было упрочить за собою владѣніе Вавилоніею сѣверными областями, пограничными съ Арменіею и Сиріею. Это опредѣлило и весь ходъ его главнѣйшихъ военныхъ предпріятій. Въ виду этого онъ рѣшилъ окончательно сломить Арменію, царемъ которой во времена Саргона былъ Руса или Урса (собственно Русасъ), сынъ Эрименаса, покорить маннеевъ *), самыхъ сильныхъ союзниковъ армянъ (у Іерем.,

*) Побѣжденный въ 715 году Саргономъ и отправленный въ Хаматъ маннейскій намѣстникъ Даюкку, измѣнившій Ассиріи и перешедшій на сторону Русаса, тождественъ съ извѣстнымъ Дейокомъ, выступившимъ въ позднѣйшихъ сказаніяхъ въ роли перваго мидійскаго царя. Начиная съ Саргона, мы замѣчаемъ, что въ восточныхъ горныхъ странахъ укрѣпляется все бо́льшее и бо́льшее количество иранскихъ, т.-е. индо-германскихъ, племенъ.

51, 27, мииіи, которое должно вѣроятно произноситься маннаи), вмѣстѣ съ жителями Арарата, т.-е. армянами, побѣдить жившее къ востоку отъ нихъ иранское кочевое племя сагартійцевъ (ассир. зикирту) и, наконецъ, начать войну съ Эламомъ, который отнынѣ представлялъ самаго опаснаго соперника ассирійской державѣ, почти всегда находился въ союзѣ съ мелкими южно-вавилонскими государствами, особенно съ Битъ-Іакиномъ, и обнаруживалъ, главнымъ образомъ, начиная съ правленія Синахериба, враждебныя отношенія къ Ассиріи.

Въ Вавилоніи царь битъ-іакинскій, Мардукапалидина, библейскій Меродахъ-Валаданъ, овладѣлъ престоломъ, причемъ ему помогъ царь эламитскій Хумбанигашъ (Умбанигашъ). Такъ какъ происшедшее въ 721 году съ эламитскими войсками сраженіе не было выиграно ассиріійцами, то Меродахъ-Валаданъ имѣлъ возможность въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ (721—710) спокойно удержаться на вавилонскомъ престолѣ. Къ предпослѣднему году его правленія, именно къ 711 году до Р. Хр., относится упоминаемое въ IV кн. Цар., 20, 12—19, и у Исаіи, 39, посольство къ царю Езекіи, только-что оправившемуся отъ тяжкой болѣзни. Лишь въ 709 году Меродахъ Валаданъ былъ побѣжденъ и смѣщенъ Саргономъ, такъ что съ этого времени (709—705) мы встрѣчаемъ въ качествѣ царя вавилонскаго самого Саргона. Эламитяне же, надъ которыми въ продолженіе 717—699 годовъ правилъ новый царь, Судурпахунди (называемый также Истархунди), уже болѣе не рѣшались вступать въ непріязненныя дѣйствія съ могущественнымъ Саргономъ.

Тѣмъ временемъ на западѣ Саргону пришлось подавить возстаніе, поднятое хаматскимъ правителемъ Іаубиди, носящимъ также названіе Илубиди (тутъ очевидно имя Іау=Іегова замѣнено словомъ Илу=Эль, «Богъ»). Хаматъ представлялъ одну изъ немногихъ еще не включенныхъ въ составъ Ассиріи областей, и Іаубиди удалось низвергнуть царя хаматскаго, а также побудить отпасть отъ Ассиріи области арвадскую, симирскую, дамасскую и самарійскую. Къ этому союзу примкнули также Ганнонъ изъ Газы, съ которымъ мы уже встрѣчались при Тиглатпалассарѣ III, равно какъ тоже намъ уже извѣстный Сиби изъ Мусура. Послѣдній вѣроятно и былъ, какъ нѣкогда при отпаденіи Осіи, настоящею душою всего этого мятежа, въ которомъ, кажется, приняла участіе и «отдаленная Іудея». Однако, планы союзниковъ вскорѣ рушились благодаря личному вмѣшательству Саргона въ это дѣло: Илубиди былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ у Каркара, аравійскія же войска потерпѣли рѣшительное пораженіе въ 720 году до Р. Хр. близъ Рапиху (Рафіи) южнѣе Газы, причемъ попалъ въ плѣнъ также и Ганнонъ.

Подобный же союзъ филистимскаго города съ Аравіею встрѣчаемъ мы и въ 711 году. Великій еврейскій пророкъ Исаія, жившій при Уссіи (Азаріи) и Іоѳамѣ и особенно много пророчествовавшій при Ахазѣ и Езекіи, предостерегаетъ отъ Мусура и Центральной Аравіи (страны Кошъ) въ томъ году, «когда тартанъ, т.-е. главноначальствующій надъ ассирійскими войсками, прибылъ къ Азоту (Аздоду), будучи посланъ царемъ ассирійскимъ Саргономъ, и, воевавъ съ Азотомъ, занялъ его». Это мѣсто Исаіи (20, 1), вмѣстѣ съ тѣмъ, является во всемъ Ветхомъ Завѣтѣ единственнымъ, гдѣ могущественный Саргонъ названъ по имени. Въ надписяхъ временъ царя Саргона мы узнаемъ слѣдующія подробности: нѣкій Іамани (это имя пишется также Іатни и означаетъ, быть-можетъ, «іонійца» или «жителя Кипра») низвергъ при помощи аравитянъ царя Ахимити, котораго Саргонъ посадилъ въ Азотѣ, и послѣ этого вся Филистея, а также Іауду (Іудея), Эдомъ (Удуму) и Моавъ (Маабу), обязанные платить дань Ассиріи, послали дары «Пиру мусурскому». То былъ не эѳіопскій фараонъ Сабако (713—702 до Р. Хр.), которому наслѣдовалъ отъ 701 до 690 года Сабатака, но правитель Мидіана. Тогда Саргонъ выслалъ противъ города Азота войско, при приближеніи котораго Іамани бѣжалъ къ «царю милухскому» (срв. выше, стр. 117), впослѣдствіи выдавшему его Саргону. Тѣмъ временемъ Азотъ и Гаѳа были подвергнуты осадѣ, взяты и присоединены къ владѣніямъ Ассиріи.

Въ томъ же 711 году до Р. Хр. и сѣверно-сирійское государство Гургумъ было обращено въ ассирійскую провинцію съ намѣстничествомъ въ Маркази. Еще раньше этого (въ 717 году до Р. Хр.) Кархемишъ, столько вѣковъ боровшійся съ ассирійцами, утратилъ свою самостоятельность. Та же судьба постигла въ 708 году и сосѣднюю область Куммухъ, Коммагену, тогда какъ область Самалъ, повидимому, еще при Салманассарѣ IV, обратилась въ ассирійскую провинцію. Также и бывшій союзникъ Арменіи правитель москейскій Мита, фригійскій царь Мидасъ классическихъ преданій, который все время натравлялъ вышеупомянутыя сѣверно-сирійскія государства на Саргона, былъ въ 709 году побѣжденъ намѣстникомъ области Куи (Киликіи) и тѣмъ самымъ принужденъ уплачивать дань ассирійцамъ. Въ томъ же году цари семи кипрскихъ городовъ послали Саргону дары.

Найденная на островѣ Кипрѣ и нынѣ сохраняющаяся въ Берлинскомъ музеѣ статуя Саргона доказываетъ наглядно, что власть этого царя фактически распространялась и на Кипръ.

Саргонъ предпринялъ походъ и вглубь сѣверной Аравіи. Этотъ походъ, относящійся къ 715 году, повидимому, находится въ

нѣкоторой связи съ экспедиціею, предпринятою въ 720 году противъ Газы и Мусура. Получивъ извѣстіе о пораженіи «этихъ жившихъ вдали, въ пустынѣ, аравійцевъ, о существованіи которыхъ ничего не было извѣстно мудрецамъ и ученымъ», а именно племенъ ѳамудъ, ибадидъ, марсиманъ и хаяппа (библ. «Эфа» или Гайпа). «Пиру мусурскій», царица арибская (іарибская у Осіи, 5, 13, и 10, 6; эта мѣстность была расположена въ сѣверо-аравійскомъ Гофѣ) и сабеянинъ Итіамаръ, т.-е. «цари морского побережья и пустыни», послали Саргону богатые дары и въ ихъ числѣ также «благоуханныя травы горъ», несомнѣнно ладанъ.

Слѣдуетъ обратить вниманіе на то обстоятельство, что какъ въ этомъ случаѣ, такъ уже и при Тиглатпалассарѣ III, въ числѣ различныхъ аравійскихъ племенъ ни разу не упоминаются минеи, эпиграфическіе памятники которыхъ между тѣмъ, по даннымъ палеографіи, представляются болѣе древними, чѣмъ надписи царей сабейскихъ. Въ этомъ мы видимъ новое подтвержденіе того, что расцвѣтъ минейскаго государства долженъ былъ предшествовать развитію могущества царства сабеянъ и приблизительно совпалъ по времени съ періодомъ Судей израильскихъ. Что касается упомянутаго сабейскаго царя, то нужно имѣть въ виду, что нѣсколько древнѣйшихъ сабейскихъ царей-священниковъ, такъ назыв. мукаррибовъ, носило имя Итіамара. Какъ видно изъ нѣсколькихъ большихъ надписей *), послѣдніе изъ этихъ южно-аравійскихъ правителей, царствовавшихъ въ общемъ около 200 лѣтъ, положили навсегда конецъ остаткамъ нѣкогда столь цвѣтущаго минейскаго государства. Это было приблизительно въ 600 году.

За ними послѣдовали затѣмъ, примѣрно отъ 550 до 115 года до Р. Хр., настоящіе «цари» сабейскіе, которыхъ, въ свою очередь, смѣнили «цари Сабы и Ду-Раидана». Такое расширеніе ихъ титула находится въ связи съ включеніемъ государства катабанскаго въ составъ царства сабейскаго. Итакъ, начало сабейскаго государства можетъ быть отнесено приблизительно къ 750 году до Р. Хр.; относительно установленія болѣе точной хронологіи мы до сихъ поръ, впрочемъ, имѣемъ въ своемъ распоряженіи возможность комбинировать

---

*) Нахожденіемъ ихъ, равно какъ установленіемъ важнаго факта, что царство минеевъ процвѣтало раньше царства сабейскаго, мы обязаны знаменитому путешественнику и изслѣдователю Эдуарду Глазеру. Шрифтъ сабейскихъ надписей, подобно надписямъ минейскимъ, катабанскимъ и гадрамаутскимъ, является особенною разновидностью западно-семитическаго алфавитнаго шрифта, называющеюся алфавитомъ минео-сабейскимъ или гимьяритскимъ, который, подобно финикійской азбукѣ, возникъ въ восточной Аравіи.

извѣстія, идущія изъ мѣстностей, которыя лежали внѣ предѣловъ южной Аравіи.

Вѣроятно по иниціативѣ собственнаго своего сына въ 705 году палъ отъ руки убійцы царь Саргонъ, одна изъ самыхъ внушительныхъ фигуръ исторіи древняго Востока.

Въ Іудеѣ царствовалъ приблизительно до 725 года до Р. Хр. Ахазъ *). Ему наслѣдовалъ его сынъ Езекія (приблизительно отъ 724 до 696 года), время правленія котораго опредѣляется въ 29 лѣтъ и на 24-мъ (а не 14-мъ) году царствованія котораго произошелъ походъ Синахериба на Іерусалимъ (въ 701 году до Р. Хр.). Вышеупомянутые подарки іудеевъ царю Пиру мусурскому (711 г.), на отправку которыхъ Саргонъ отвѣтилъ завоеваніемъ Азота и Гата, были посланы, во всякомъ случаѣ, Езекіею.

Дѣятельность пророка Исаіи, относящаяся, главнымъ образомъ, ко времени Ахаза и Езекіи, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ, Амоса и Осіи, какъ было удачно замѣчено, тѣмъ, что онъ «не стоялъ, подобно имъ, вдали отъ правительства, но помѣщался какъ бы у самаго руля и существенно способствовалъ опредѣленію направленія государственнаго корабля» **).

Что касается упомянутаго въ IV кн. Цар., 20, 20, водопровода Езекіи, то это указаніе было отнесено къ каналу Силоамскому, гдѣ въ іюнѣ 1880 года была открыта древнѣйшая изъ доселѣ намъ извѣстныхъ еврейскихъ надписей. Другіе ученые указываютъ не безосновательно на то, что надпись эта была составлена еще при Ахазѣ, такъ какъ она относится не къ водопроводу, сооруженному Езекіею, а къ упомянутому у Исаіи, 7, 3, туннелю между источникомъ Св. Маріи и Силоамскою купелью (слово Силоахъ само по себѣ означаетъ «выпускъ воды»). Переводъ самой надписи, начало которой утрачено, гласитъ слѣдующее: «..... [въ тотъ день, когда] онъ (холмъ) былъ прорытъ; таковъ былъ процессъ прорытія: когда кирка одного еще не соприкасалась съ заступомъ другого, и когда оставалось прорыть еще три локтя, (былъ услышанъ) голосъ человѣка, взывавшаго къ другому. Ибо въ скалѣ съ южной стороны имѣлась тре-

---

*) Указанію книгъ Царствъ на то, что Езекія сталъ царемъ уже на третьемъ году правленія Осіи, діаметрально противоположно сообщеніе, что Ахазъ, якобы правившій 16 лѣтъ, сдѣлался царемъ іудейскимъ за три года до вступленія Осіи на царство. Быть-можетъ, истину слѣдуетъ искать въ серединѣ, т.-е. допустить, что Езекія вступилъ на престолъ на 6-мъ году правленія Осіи.

**) Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что главы 40—66 Исаіи, хотя и основанныя на данныхъ этого пророка, получили свою теперешнюю, значительно расширенную форму лишь во время вавилонскаго плѣненія.

щина... И въ день прорытія каменщики ударили киркой о кирку, и тогда воды потекли на разстояніи 1200 локтей отъ выхода въ купель; и высота скалы надъ головами каменщиковъ была въ 100 локтей».

Формы буквъ еще очень похожи въ этой надписи на древнехананейскія письмена, хотя и нѣсколько моложе очерганій буквъ въ надписи моавитскаго царя Меши.

Синахерибъ и Езекія.

Въ 705 году, 12-го Аба (начало августа), сынъ Саргона Синахерибъ (Синахирриба, 704 — 681 г. до Р. Хр.) вступилъ на ассирійскій престолъ *). Главнѣйшіе планы этого счастливаго наслѣдника могущественной и прочно установившейся великой державы очевидно сводились къ основательному наказанію Іудеи и Египта и къ включенію Вавилоніи въ предѣлы Ассиріи въ качествѣ оплота противъ все болѣе и болѣе возвышавшагося Элама. Какъ то, такъ и другое удалось ему лишь въ очень неполной степени.

Найденная Т. Г. Пинхесомъ вавилонская лѣтопись **) относитъ Синахериба къ 704 и 703 годамъ въ качествѣ правителя Вавилоніи; впрочемъ, онъ наперекоръ древнему священному обычаю, не короновался въ Вавилоніи, чѣмъ съ самаго начала возстановилъ противъ себя мѣстное населеніе. Благодаря этому также основывающійся на вавилонскихъ источникахъ Птолемеевъ канонъ считаетъ вышеуказанные два года «лишенными царя». Вслѣдствіе этого извѣстному намъ еще со временъ Саргона халдею Мардукпалидинѣ или Меродахъ-Валадану не представило особеннаго затрудненія въ 703 году вновь овладѣть вавилонскимъ престоломъ, который онъ и занималъ въ продолженіе 9 мѣсяцевъ до тѣхъ поръ, пока его и его эламитскихъ и арамейскихъ союзниковъ не побѣдилъ Синахерибъ и не назначилъ царемъ нѣкоего Билибни (702—700 г. до Р. Хр.). О посольствѣ, отправленномъ Меродахъ-Валаданомъ къ Езекіи, царю іудейскому, и относимомъ большинствомъ изслѣдователей, вѣроятно ошибочно, къ 703 году ***), рѣчь была уже выше при разсмотрѣніи царствованія

*) Чтеніе Санхерибъ основано на ошибочной вокализаціи еврейскихъ буквъ S—n—ch—r—b; правильнѣе произносить Сенахерибъ или Синахерибъ, сообразно греч. (LXX толк.) Σενναχήριμ. Имя это значитъ: «Богъ Синъ, умножь моихъ братьевъ»!

**) Она обнимаетъ время отъ Набонассара до начала правленія Шамашшумукина, брата Ашшурбанипала (Сарданапала).

***) Въ Библіи объ этомъ посольствѣ разсказывается какъ о дополненіи къ походу Синахериба на Іудею (въ 701 году до Р. Хр.).

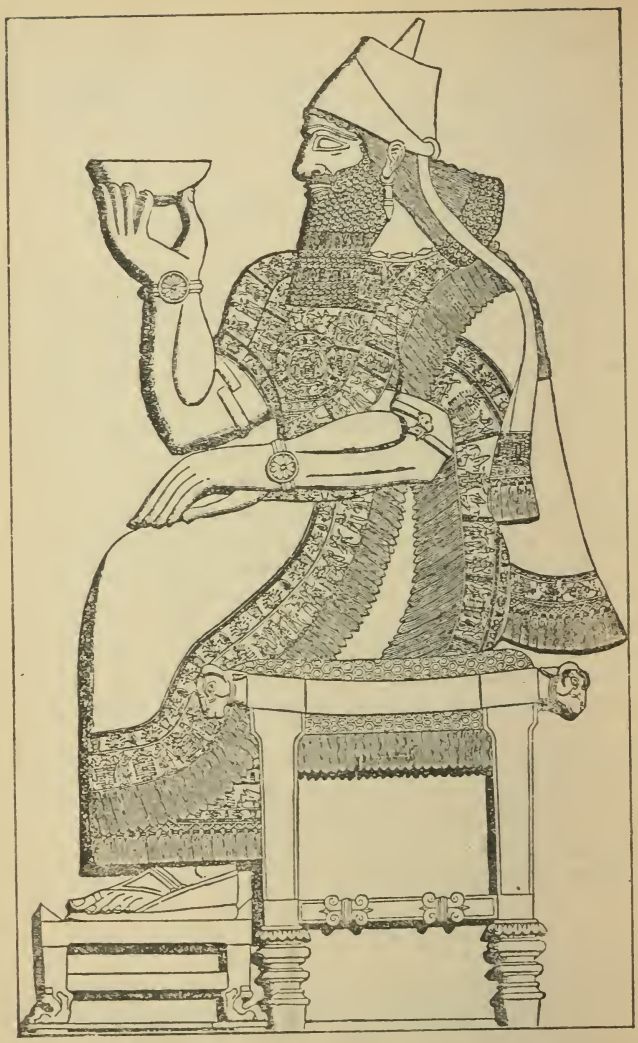


Рис. 17. Синахерибъ на престолѣ въ парадномъ одѣяніи (Куюнджикъ).

Саргона. Послѣ перемѣннаго счастья произошла въ 691 году неблагопріятная или, по крайней мѣрѣ, оставшаяся неопредѣленною и убійственная по своему кровопролитію битва Синахериба при Халули противъ союзныхъ эламитянъ, вавилонянъ, арамейскихъ племенъ, халдеевъ и другихъ жителей мидійскихъ областей. Въ 689 году, наконецъ, удалось Синахерибу овладѣть городомъ Вавилономъ, которому онъ при этомъ отмстилъ жестоко, уничтоживъ его до основанія. Отъ 689 до 681 года, т.-е. вплоть до самой смерти Синахериба, ни въ вавилонской лѣтописи, ни въ Птолемеевомъ канонѣ не значится ни одного вавилонскаго царя.

Предпринятый Синахерибомъ въ 701 году большой походъ на западъ начался съ наказанія сидонскаго царя Лули или Элулея, который бѣжалъ на море, т.-е., быть-можетъ, на Кипръ или въ расположенный на островѣ Тиръ, по греческимъ свѣдѣніямъ тщетно осаждавшійся царемъ ассирійскимъ. Въ Сидонѣ былъ назначенъ новый правитель, именно Тубаалъ (Итобаалъ), причемъ подъ его начало были отданы еще Сарепта, Акко и другіе финикійскіе города. Арвадъ и Гевалъ (Библосъ) же, равно какъ филистейскій городъ Азотъ и сосѣднія съ Іудеею государства Аммонъ, Моавъ и Эдомъ, послѣ этого добровольно согласились платить ассирійскому государю дань. Жестокое наказаніе постигло тогда аскалонскаго царя Седекію, который не послѣдовалъ ихъ примѣру: самъ онъ былъ отведенъ въ плѣнъ въ Ассирію, Аскалонъ же и подвластные ему города Іоппе, Бетъ-Дагонъ и друг. были завоеваны и разграблены. Жители филистейскаго города Амкарруны, Экрона, расположеннаго южнѣе Іоппе и сѣвернѣе Гата и Азота, арестовали своего царя Пади, приверженца Ассиріи, и выдали его іудейскому царю Езекіи. Экронъ же и Іудея призвали на помощь мидіанскихъ арабовъ (по-ассир. «царей Мусура *) и лучниковъ, колесницы и коней царя милухскаго», т.-е., сѣверо-западно-аравійскаго).

У Эльтекэ (ассир. Альтаку), недалеко отъ Экрона, соединенныя силы аравитянъ были разбиты, послѣ чего послѣдовало взятіе самого Эльтекэ и городовъ Тимны (Θамны) и Экрона. «Пади, царя ихъ, — такъ повѣствуютъ ассирійскія надписи Синахериба — я извлекъ изъ

*) Это навѣрное не былъ Египетъ (съ его упомянутымъ въ IV кн. Цар. 19, 9 царемъ Тиргакомъ или Тагаркомъ, ассир Тарку, который въ Египтѣ правилъ съ 689 по 664 годъ, будучи преемникомъ Сабатаки); срв. съ этимъ сказанное выше, на стр. 117, о смѣшеніи Мусура съ Мицраимомъ— Египтомъ. Слѣдуетъ, впрочемъ, имѣть въ виду что въ вышецитированномъ библейскомъ текстѣ Тиргакъ называется не египетскимъ царемъ, а эѳіопскимъ (страны Кушъ), каковымъ онъ вѣроятно состоялъ много лѣтъ раньше своего вступленія на престолъ египетскій.

Іерусалима; я посадилъ его на престолъ властителемъ надъ ними и возложилъ на него дань; Езекію (Хазакіау) же, царя іудейскаго, который не покорился моему игу, я наказалъ тѣмъ, что я осадилъ и завоевалъ сорокъ-шесть укрѣпленныхъ городовъ его и безсчетное количество мѣстечекъ при нихъ, выведя изъ нихъ 200.150 жителей, отъ мала до велика, мужчинъ и женщинъ, и уведя безсчетное число коней, муловъ, ословъ, верблюдовъ, крупнаго и мелкаго рогатаго скота». Во время этого похода Синахерибъ проникъ вплоть до крайней юго-западной оконечности Іудеи. Послѣ этого Езекія отправилъ въ станъ ассирійскаго царя, расположившагося въ Лакишѣ (ассир. Лакису), пословъ, прося его о помилованіи. Синахерибъ внялъ мольбамъ Езекіи и помиловалъ его, потребовавъ за это 300 талантовъ серебра и 30 талантовъ золота. Затѣмъ ассирійское донесеніе заключаетъ въ себѣ слѣдующее: «Какъ птицу въ клѣткѣ, я его (Езекію) замкнулъ въ Іерусалимѣ (Урсалимму), его столицѣ; я воздвигъ противъ него оплоты, и всякаго, кто бы ни выходилъ изъ воротъ его города, я заставлялъ искать спасенія въ бѣгствѣ; отнятые у него города я отдѣлилъ отъ страны его и отдалъ ихъ азотскому царю Митинти, экронскому царю Пади и газскому царю Силлибелу; такъ я уменьшилъ его владѣнія; къ прежней дани я присоединилъ новыя подати и возложилъ ихъ на него. Его же, царя Езекію, обуялъ страхъ предъ моимъ могуществомъ, и онъ палъ ницъ; но арабы (урби) и прочія, раньше преданныя ему племена, которыя онъ впустилъ въ Іерусалимъ для усиленія его, нисколько не помогли ему. Онъ повелѣлъ послать ко мнѣ въ Ниневію 20 талантовъ золота, 800 талантовъ серебра, драгоцѣнные камни, антимоній (guchli—cohol), takkassi (?), камни—jangûg, ложа и кресла изъ слоновой кости, кожи слоновъ, слоновую кость, дерево usu и urkarinu (?), значительныя сокровища, а также драгоцѣнную одежду, фіолетовыя и багряно-пурпурныя ткани, бронзовую, желѣзную, мѣдную и оловянную утварь, равно какъ колесницы, щиты, копья, кольчуги, желѣзные кинжалы, луки и стрѣлы, дротики и прочее военное оружіе въ безсчетномъ количествѣ; туда же онъ послалъ своихъ дочерей и женщинъ гарема, пѣвцовъ и пѣвицъ *); для передачи этой дани и для выраженія мнѣ своей покорности онъ отправилъ ко мнѣ посла своего». Изъ этого можно вывести заключеніе, что, вопреки данному въ Лахишѣ обѣщанію своему, Синахерибъ все-таки обложилъ Іерусалимъ, но затѣмъ, получивъ столь

*) Эта подробность имѣетъ особенно важное значеніе, такъ какъ тутъ удостовѣряется наличность отдѣльнаго сословія пѣвцовъ (естественно также и пѣвчихъ при храмѣ) въ Іерусалимѣ уже въ то время. Преданіе израильское о введеніи пѣнія въ храмовой службѣ Давидомъ (а отнюдь не Моисеемъ) представляется поэтому вполнѣ правдоподобнымъ.

богатые дары, которые перечисляются въ приведенной надписи такъ подробно и, повидимому, съ такимъ удовольствіемъ (въ числѣ посланныхъ даровъ находились даже дочери и жены Езекіи), рѣшился удалиться во-свояси.

Обычно полагаютъ, что въ послѣдніе годы своего правленія Синахерибъ еще разъ появился въ Іудеѣ, имѣя въ виду начать походъ противъ эѳіопскаго царя Тагарка (см. стр. 125, примѣч.) и попутно осадить также Іерусалимъ. Однако, представляется рискованнымъ усматривать въ библейскихъ текстахъ повѣствованіе о двухъ отдѣльныхъ походахъ, и потому въ IV кн. Цар., 18 и сл.. рѣчь, вѣроятно, идетъ именно о той осадѣ, о которой сообщается въ ассирійскомъ источникѣ подъ 701 годомъ. По словамъ IV кн. Цар., 19, 35 и слѣд., ассирійское войско постигла моровая язва (Геродотъ, II, 141, картинно описываетъ, что на рать напала масса полевыхъ мышей), такъ что Синахерибу пришлось снять осаду и безрезультатно вернуться въ Ниневію. Больше онъ уже не предпринималъ походовъ на Іудею (IV кн. Цар., 19, 36). Позже, именно 20 Тебета 681 года (т.-е., примѣрно, въ серединѣ января 680 года), онъ былъ умерщвленъ своимъ собственнымъ сыномъ. Библія же повѣствуетъ, что онъ палъ отъ руки сыновей своихъ—Адрамелеха и Шарецера.

Асаргаддонъ и Ашшурбанипалъ.

Объ умерщвленіи Синахериба узналъ Асаргаддонъ (по-ассир. Ашурахаидина, т.-е. «богъ Ашуръ дастъ брата»; 680 — 668 г. до Р. Хр.), котораго отецъ уже давно намѣтилъ въ наслѣдники престола, въ то время, когда онъ въ западной Арменіи командовалъ войскомъ. Асаргаддонъ форсированнымъ маршемъ двинулся на Ниневію и разбилъ по пути выступившія противъ него войска своего мятежнаго брата. Несмотря на то, что въ продолженіе лишь двѣнадцатилѣтняго царствованія Асаргаддона ассирійцы подвергались тяжелой опасности нашествія, въ 678 году до Р. Хр., съ сѣверо-востока соединенныхъ силъ киммерійцевъ и мидянъ, правленіе это все-таки можетъ быть названо счастливымъ и особенно удачнымъ для Вавилоніи. Асаргаддонъ былъ первымъ ассирійскимъ государемъ, принявшимъ гордый титулъ «царя ассирійскаго, вавилонскаго и египетскаго». Такимъ образомъ, онъ вознаградилъ себя и Ассирію за пораженіе, нанесенное Синахерибу со стороны Египта.

На первомъ планѣ Асаргаддонъ сосредоточилъ свои заботы на столь жестоко разоренномъ Синахерибомъ Вавилонѣ. По его по-

велѣнію городъ былъ отстроенъ болѣе блестяще, чѣмъ когда-либо раньше.

Большую опасность для Ассиріи представило случившееся въ 678 году вторженіе племени гимирраи (по-ново-вавилонски шиммири) или киммерійцевъ. Орды этого иранскаго племени появились еще при Саргонѣ изъ нынѣшней южной Россіи чрезъ Кавказъ и Арменію; теперь же онѣ соединились съ родственными имъ по происхожденію скиѳами (мандами) и мидійцами и грозили совершенно разбить и безъ того уже сильно ослабѣвшее на востокѣ ассирійское царство. Главными предводителями этихъ ордъ, какъ кажется, были скиѳскій князь Тіуспа и нѣкій Кастаритъ изъ Каркасси. Однако, энергичнымъ вмѣшательствомъ Асаргаддону удалось направить главный потокъ этихъ чужеземцевъ въ сторону Малой Азіи. Онъ, впрочемъ, не былъ въ силахъ воспрепятствовать Тіуспѣ (Теиспесу?) основать въ уже потерянной Ассиріею при Синахерибѣ области Парсуѣ маленькое государство, отъ котораго впослѣдствіи суждено было отдѣлиться царству эламитско-ансанскому и персидскому царству Кира. Кастаритъ же, вѣроятно, то лицо, которое фигурируетъ въ великой Бегистунской надписи Дарія подъ именемъ Хсатрита или Хасатрита изъ «семейства Увахстры» (Кіаксаръ), и съ которымъ отождествлялъ себя возставшій мидянинъ Фравартисъ (Фраортъ), желавшій убѣдить этимъ народъ, будто этотъ древній, легендарный царь воскресъ изъ мертвыхъ, чтобы освободить мидянъ. Другою разновидностью скиѳовъ были скусейцы, предводитель которыхъ, Спакаи, заключилъ союзъ съ маннейцами (стр. 118) противъ Асаргаддона, тогда какъ его преемникъ Бартатуя (Прототіесъ, отецъ Мадіеса, у Геродота, I, 103) просилъ у Асаргаддона руки его дочери. Имя скусейцевъ, происшедшее послѣдовательно изъ сакундейцевъ и скундейцевъ, дало начало и греческому имени скиѳовъ.

Согласно сообщенію Беросса, Асаргаддонъ набралъ сперва въ Киликіи греческихъ наемниковъ, что, быть-можетъ, находится въ связи съ преслѣдованіемъ киммерійцевъ; дѣйствительно, Асаргаддонъ велъ войну также въ Хилакку, въ пограничной съ Таваломъ части Киликіи; при этомъ онъ завоевалъ цѣлый рядъ городовъ.

Однако, главными успѣхами своими Асаргаддонъ могъ похвастать на западѣ и въ Египтѣ. Послѣ побѣды и обезглавленія, въ 678 году до Р. Хр., сидонскаго царя Абдимилькута, и послѣ того, какъ онъ осадилъ царя Ваала въ Тирѣ, онъ дважды, въ 673 и 670 годахъ, выступалъ противъ фараона Тиргака, причемъ проникъ въ самый Египетъ, куда не заходилъ до него ни одинъ царь ассирійскій. Въ Мемфисѣ (Милти) былъ поставленъ ассирійскій васальный царь по имени Нехо, и ассирійское войско дошло до

самыхъ Θивъ, Ніи (библ. Но-Аммона), такъ что Тиргаку пришлось спасаться бѣгствомъ на родину, въ Нубію. Вслѣдствіе всего этого Асаргаддонъ былъ въ состояніи присоединить ко всѣмъ прочимъ титуламъ своимъ еще титулъ «царя царей Муссура (т.-е. номарховъ Нижняго Египта), Патроса, Верхняго Египта и Куша или Нубіи».

Асаргаддонъ совершилъ также удачную экспедицію внутрь Аравіи, въ страну Бацу (Вуза въ кн. Іова, 32, 2).

Общій обзоръ васальныхъ и платившихъ Асаргаддону дань западныхъ царей содержитъ перечень государей, которые должны были доставлять ему матеріалы для его построекъ. То были, кромѣ уже упомянутыхъ царя тирскаго Ваала и іудейскаго Манассіи (Минаси), еще цари Эдома, Моава, Газы, Аскалона, Экрона, Гевала, Арвада, Самсимуруна, Аммона, Азота (Аздода), а также правители десяти кипрскихъ городовъ. Изъ числа послѣднихъ слѣдуетъ отмѣтить за ихъ чисто-греческія имена царей: Экистуру (Акестора) эдіальскаго (идалійскаго), Пилагуру (Филагора) китрскаго (хютрійскаго), Итуандара (Этеандра) папскаго (изъ Пафоса), Гирмесу (Гермесія) тамезскаго (изъ Тамасса), Дамусу (Дамиса) картахадастскаго («новгородскаго», т.-е. города Карѳагена или Китіона на Кипрѣ) и Унасагусу (Онесакуса) лидирскаго (изъ Ледрона). Тѣ же 22 царя изъявили покорность преемнику Асаргаддона, Ашшурбанипалу, во время его перваго египетскаго похода, въ 667 году до Р. Хр. *).

Асаргаддону, умершему въ 668 году, въ то именно время, какъ онъ собирался въ третій разъ пойти войною на Египетъ, наслѣдовалъ, по его спеціальному желанію, въ Ассиріи его старшій сынъ Ашшурбанипалъ, греческій Сарданапалъ и библейскій Аснафаръ (кн. Ездр., 4, 10), правившій отъ 668 до 626 года; въ Вавилоніи же воцарился братъ послѣдняго, Шамашшумукинъ (667—648). Ашшурбанипалъ, этотъ послѣдній великій Саргонидъ, еще въ ранней юности воспитывался на основахъ вавилонскихъ искусства и науки, и его литературнымъ наклонностямъ мы обязаны тѣмъ обстоятельствомъ, что въ нашемъ распоряженіи имѣются многочисленные остатки древне-вавилонской письменности въ видѣ ново-ассирійскихъ списковъ; именно въ составъ его книгохранилища входили тѣ тысячи глиняныхъ табличекъ, которыя хранятся теперь въ Британскомъ Музеѣ. Рядомъ съ

*) Іудейскаго царя Манассію, 696—641 до Р. Хр., Асаргаддонъ называетъ Минаси, Ашшурбанипалъ же – Минсп. О немъ именно и повѣствуется во II кн. Паралип. 33, 11, которая составлена была, впрочемъ, позже книгъ Царствъ («и привелъ Господь на нихъ военачальниковъ царя ассирійскаго, и заковали они Манассію въ кандалы, и оковали его цѣпями, и отвели его въ Вавилонъ»). Это указаніе подходитъ лишь къ Асаргаддону, который особенно охотно жилъ въ Вавилонѣ.

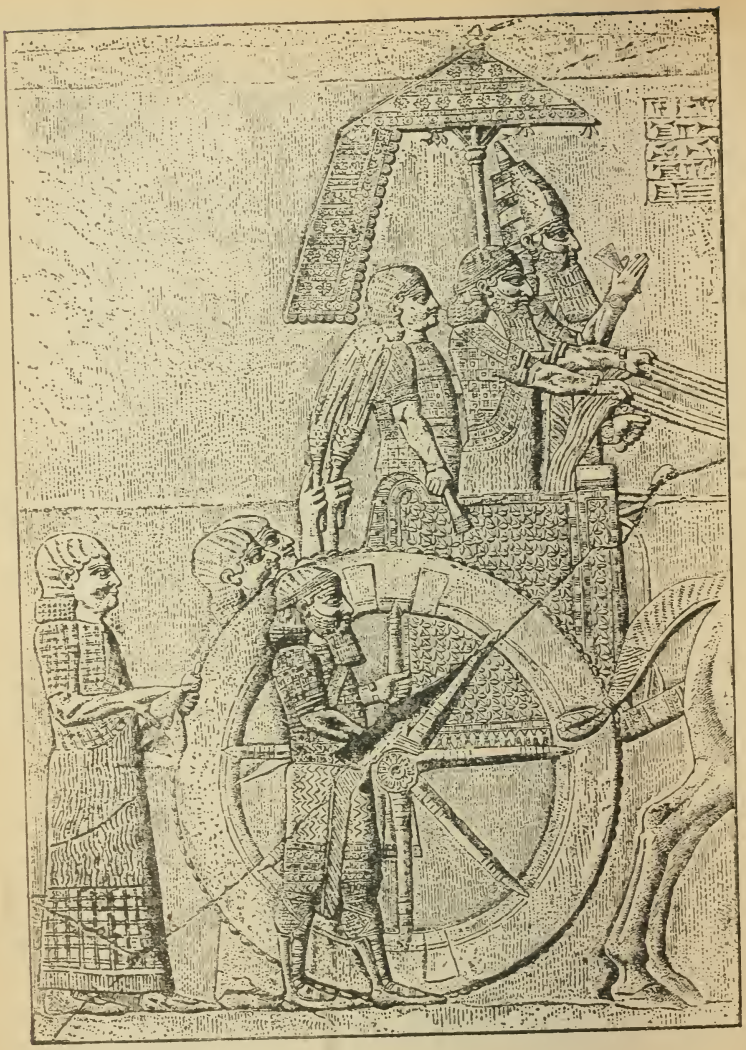


Рис. 18. Ашшурбанипалъ на боевой колесницѣ.

этимъ Ашшурбанипалъ былъ настоящимъ восточнымъ деспотомъ, который занималъ своихъ военачальниковъ и свои войска въ провинціи и на границахъ своего царства, самъ же больше всего интересовался гаремомъ, науками и культомъ своихъ боговъ. Первымъ предпріятіемъ Ашшурбанипала было окончить прерванную вслѣдствіе кончины Асаргаддона войну съ Египтомъ, гдѣ Тагаркъ снова овладѣлъ Мемфисомъ; это было въ 667 или, быть-можетъ, еще въ 668 году до Р. Хр. Тагаркъ былъ разбитъ, и его преслѣдовали вплоть до Ѳивъ, откуда онъ снова бѣжалъ въ Эѳіопію; номархи же дельты вновь были назначены ассирійскими васальными царями. Нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ саисскій правитель Нехо, впрочемъ попытались свергнуть ассирійское иго и призвать обратно Тагарка; за это имъ пришлось отправиться въ кандалахъ въ Ниневію. Тамъ Нехо удалось вновь снискать благоволеніе Ашшурбанипала, который ему вторично отдалъ въ управленіе Саисъ. Тѣмъ временемъ Тагаркъ умеръ, а его племянникъ и наслѣдникъ Тандамани (по-египетски Тунтамонъ), сынъ Сабакоса, вновь завоевалъ Ѳивы, а въ Нижнемъ Египтѣ овладѣлъ, по крайней мѣрѣ, городомъ Ономъ (Геліополисомъ). Противъ него войско Ашшурбанипала вторично двинулось въ Египетъ. На этотъ разъ эѳіопы были разбиты окончательно и изгнаны изъ страны, ассирійскимъ же васальнымъ правителемъ въ Мемфисѣ и Саисѣ былъ назначенъ сынъ только-что умершаго Нехо, Писамильку, посившій у египтянъ названіе Псамтика. Вскорѣ затѣмъ и Псамтикъ вернулъ себѣ независимость, причемъ ему оказали помощь іонійскія и карійскія вспомогательныя войска, которыя ему прислалъ царь лидійскій, Гигесъ.

О Гигесѣ (Гуггу), царѣ отдаленныхъ лидійцевъ, мы также узнаемъ отъ Ашшурбанипала: послѣдній похваляется тѣмъ, что благодаря его моленіямъ богамъ Гигесъ отразилъ (въ 657 году до Р. Хр.) нападеніе стѣснявшихъ его киммерійцевъ, наводнившихъ изъ Каппадокіи всю западную часть Малой Азіи, и что тотъ затѣмъ, въ наказаніе за свой союзъ съ Псамтикомъ, былъ умерщвленъ киммерійцами. Въ лицѣ Гигеса, повелѣвшаго убить Кандавла, послѣдняго царя династіи Гераклидовъ *), начинается лидійская династія Мермнадовъ. Сынъ его Ардисъ изгналъ киммерійцевъ изъ Лидіи, откуда они направились дальше, въ Іонію, а затѣмъ покорилъ даже всю Малую Азію вплоть до самой рѣки Галиса.

*) Эта полумиѳическая династія именовалась также по малоазійскому богу Сандону (его, какъ и финикійскаго Мелькарта, отождествляли съ Геракломъ) династіею Сарданидовъ, подобно тому какъ и династія Атіадовъ называлась по имени бога Атиса (Гатиса; срв. вторую часть — слово Гатисъ—въ имени богини Атаргатисы, т.-е. Астарты Гатиса).

Ко времени этихъ первыхъ царей Мермнадовъ относится введенное въ Лидіи и измѣнившее всѣ отношенія новшество, именно чеканка первой монеты. Конечно, не слѣдуетъ упускать изъ виду, что первое въ этомъ отношеніи побужденіе дала Ассиріи Вавилонія: еще со временъ древняго царя Хаммураби вавилоняне, какъ показываютъ таблицы, заключающія въ себѣ разные контракты, обладали вполнѣ развитою монетною системою, выражавшеюся въ талантахъ, минахъ, сиклахъ и частяхъ послѣднихъ; что тогда дѣйствительно существовали офиціально отчеканенныя деньги, имѣвшія форму либо кольцеобразную, либо иную, это доказывается постоянно встрѣчающимися въ древне-вавилонскихъ письмахъ выраженіями: «отпечатанныя, т.-е. отчеканенныя монеты».

Главныя силы ассирійскаго государства во времена Ашшурбанипала уходили на борьбу съ Вавилоніею и Эламомъ. Послѣ того, какъ эламитскій царь Уртаки (674 приблизительно до 655 года) при Асаргаддонѣ и довольно продолжительное время при Ашшурбанипалѣ жилъ въ мирѣ съ Ассиріею, онъ внезапно вторгся въ Вавилонію, гдѣ братъ Ашшурбанипала, Шамашшумукинъ, былъ номинальнымъ правителемъ; однако эламскій царь былъ отбитъ Ашшурбанипаломъ и вскорѣ затѣмъ умеръ. Его смерть побудила Ассирію принять болѣе энергичныя мѣры. Дѣло въ томъ, что братъ Уртаки, Тіумманъ, сдѣлалъ попытку умертвить законнаго наслѣдника, послѣ чего тотъ бѣжалъ къ Ашшурбанипалу. Когда же послѣдній отказался выдать его, Тіумманъ перешелъ черезъ границу, но былъ оттѣсненъ царемъ ассирійскимъ, который преслѣдовалъ его до окрестностей Сузы. Тутъ онъ былъ взятъ въ плѣнъ и обезглавленъ, царемъ же Элама поставленъ Хумбанигашъ или Умманигашъ II. Очевидно, Шамашшумукину было непріятно, что его братъ во всѣхъ этихъ дѣлахъ, касавшихся исключительно Вавилоніи, всюду выступалъ въ роли сюзерена и защитника послѣдней; поэтому онъ рѣшилъ освободиться отъ такой опеки. Въ виду этого онъ постарался возстановить противъ Ашшурбанипала всѣ недовольные элементы въ предѣлахъ ассирійской монархіи. На первомъ планѣ таковыми были эламитскій царь Умманигашъ, затѣмъ вавилонскіе халдеи и арамейцы, далѣе области, расположенныя къ востоку отъ Вавилоніи въ сторону Мидіи, затѣмъ Сирія и Палестина и, наконецъ, сѣверо-западная Аравія (страна Милухъ). Все это происходило приблизительно въ 650 г. до Р. Хр. Однако, широко задуманный планъ не удался: въ самомъ Эламѣ Умманигашъ былъ свергнутъ съ престола своимъ братомъ Таммаритомъ. Въ западной сторонѣ успѣли возстать лишь города Усу (древній Тиръ) и Акко; за это они впослѣдствіи подверглись тяжкому наказанію; кромѣ того, на помощь вавилонянамъ по-

спѣшило только нѣсколько аравійскихъ племенъ. Такимъ образомъ, Шамашшумукинъ вскорѣ проигралъ свое дѣло; въ отчаяніи онъ бросился въ огонь и сгорѣлъ въ 648 году. Послѣ того, какъ Ашшурбанипалъ сталъ, такимъ образомъ, царемъ вавилонскимъ, онъ жестоко отмстилъ союзникамъ своего брата, особенно царю эламскому, а затѣмъ и вождямъ аравійскихъ племенъ. Эламитяне провозгласили своимъ царемъ Уммаиалдаса (Хумбанхалдаса), сына Аттамита; Ашшурбанипалъ же вновь поставилъ царемъ надъ ними жившаго при его дворѣ въ изгнаніи Таммарита. Когда же послѣдній возпамѣрился свергнуть тяжкое ассирійское иго, онъ былъ побѣжденъ Ашшурбанипаломъ. Вскорѣ затѣмъ мы находимъ въ качествѣ эламитскаго царя Умманалдаша; противъ него-то и былъ предпринятъ послѣдній рѣшающій походъ. Города Мадакту, Халтимасъ и сама Суза попали во власть ассирійцевъ и подверглись, приблизительно въ 640 г. до Р. Хр., окончательному разрушенію; при этомъ случаѣ Ашшурбанипалъ торжественно вернулъ въ Эрехъ древнее изображеніе богини Истаръ, 1635 лѣтъ до этого похищенное древнимъ царемъ Кудурнанхунди. Могущественное эламитское царство, которое съ самаго начала своего существованія было опаснымъ соперникомъ сперва вавилонянъ (которымъ первоначально принадлежала эта страна), а затѣмъ ассирійцевъ, было, такимъ образомъ, сокрушено.

Тѣмъ безпомощнѣе оказалась Ассирія относительно маннейско-мидійскихъ областей, расположенныхъ между Арменіею и Эламомъ. Тутъ обычно одно возстаніе смѣнялось другимъ. Нѣсколько походовъ, предпринятыхъ противъ маннейскаго царя Ахсира, противъ мидянина Бирисхадри и сыновей сахейскаго царя Гага (срв. у Іезек., 38 и 39, Гога и Магога, а съ именемъ Сахи названіе народа саковъ), были въ состояніи сдержать могучее нашествіе тамошнихъ племенъ лишь на нѣсколько десятилѣтій. О набѣгахъ, которые совершали царь ордъ мандейцевъ, Тугдаммн (фигурирующій у Страбона подъ именемъ Лигдамиса, царь киммерійскій, направляющій въ западной части Малой Азіи силы свои противъ Лидіи), и сынъ его Сандаксатра, противъ Ассиріи, мы узнаемъ лишь изъ темныхъ намековъ, содержащихся въ одной дошедшей до насъ молитвѣ царя Ашшурбанипала къ главному божеству города Вавилона, Мародаху. Рядомъ съ этимъ не имѣло особеннаго значенія то обстоятельство, что цари тогда также уже сильно ослабѣвшей Арменіи, Урса II и его преемникъ Сардурисъ III, увѣряли Ашшурбанипала въ своей ему преданности.

Относительно правившаго въ Іудеѣ во времена Асаргаддона и Ашшурбанипала царя Манассіи мы выше уже упомянули все необходимое; ему приблизительно въ 640 году наслѣдовалъ его сынъ Амонъ, правившій только два года; послѣ этого престолъ перешелъ къ его

сыну Іосіи (639—609 до Р. Хр.), на тринадцатомъ году царствованія котораго (627—626) началъ пророчествовать Іеремія. Срв. къ этому еще ниже, конецъ слѣдующаго отдѣла.

Въ Египтѣ примѣрно отъ 663 до 610 года царствовалъ выше уже упомянутый Псамтикъ или Псамметихъ I, имя котораго указываетъ на его ливійское происхожденіе. Псамметихъ I, съ котораго начинается XXVI или саитская династія, освободившись отъ ассирійскаго владычества, завоевалъ при помощи чужеземныхъ греческихъ, финикійскихъ и сирійскихъ наемниковъ филистейскій городъ Азотъ, предварительно подвергнувъ его продолжительной (по Геродоту, 29-лѣтней) осадѣ. Начиная съ этого времени, греки вступили въ тѣсное общеніе съ египтянами.

Паденіе Ниневіи.

Ашшурбанипалу наслѣдовалъ его сынъ Ашшуритилилани (полнѣе его имя—Ашшуритилиланіукинъ), правившій съ 625 года по крайней мѣрѣ въ продолженіе четырехъ или болѣе лѣтъ. Его непосредственно смѣнилъ его братъ Синшарришкунъ, послѣдній ассирійскій царь, извѣстный изъ греческихъ преданій подъ именемъ Сарака. Послѣдній неоднократно упоминаетъ въ своей, къ сожалѣнію, очень поврежденной надписи на глиняномъ цилиндрѣ, притомъ въ чрезвычайно общихъ выраженіяхъ, о побѣдѣ надъ врагами. Тутъ, во всякомъ случаѣ, имѣются въ виду вторженія мидянъ, связываемыя греческимъ, весьма недостовѣрнымъ преданіемъ съ именемъ лидійскаго царя Кіаксара. По всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло также съ послѣдовавшимъ въ тѣ десятилѣтія вторженіемъ въ Переднюю Азію сакскихъ скиѳовъ, которыхъ мы видѣли въ лицѣ сыновей Гога уже при Ашшурбанипалѣ подстерегающими свою добычу у границъ ассирійскаго государства. По словамъ Геродота, эти скиѳы опустошали Сирію и Малую Азію въ продолженіе цѣлыхъ 28 лѣтъ; они наводнили даже Палестину, что ясно вытекаетъ изъ относящагося къ 626 году пророчеству Іереміи, гл. 5, 15 (срв. также Іоиля, 2, 2 и слѣд.). Равнымъ образомъ, и начертанная въ 585 году пророкомъ Іезекіилемъ (гл. 38) картина будущаго ясно указываетъ на нападенія явившихся съ крайняго сѣвера и союзныхъ съ Рошемъ (близъ Элама), Месекомъ, Туваломъ и Тогармою (Тильгариммy около Милида; всѣ три города находились въ восточной части Малой Азіи), Парасомъ (Парсуею) и Лудомъ, сыновей Гога, возвращеніемъ которыхъ грозитъ пророкъ.

Относительно Вавилоніи Птолемеевъ канонъ устанавливаетъ на время отъ 625 до 605 года до Р. Хр. царствованіе Набопаласcара, Набупалуссура. Это былъ несомнѣнно халдей, которому, однако, при слабости Ассиріи, удалось безъ труда овладѣть городомъ Вавилономъ и короноваться въ качествѣ царя вавилонскаго. Дошедшія до насъ собственныя надписи его, къ сожалѣнію, упоминаютъ лишь объ его постройкахъ, воздвигнутыхъ въ Сиппарѣ и Вавилонѣ; впрочемъ, въ одной изъ этихъ надписей, гдѣ Набопалассаръ именуетъ себя не только царемъ Вавилона, но и царемъ Сумера и Аккада, слѣдуетъ обратить вниманіе также на выраженія: «тотъ, кому богъ войны даровалъ побѣду» и «подвиги котораго превышаютъ дѣянія его царственныхъ предковъ». Быть-можетъ, онъ былъ сыномъ Кандалану. Позднѣйшее преданіе рисуетъ его какъ полководца царя Саракуса, который былъ будто бы посланъ отразить вторгшихся въ Ассирію скиѳовъ, но при этомъ случаѣ возмутился противъ царя и провозгласилъ свою независимость.

Въ Египтѣ за Псамметихомъ I престолъ перешелъ къ его сыну Нехо II (609—595), который немедленно послѣ своего воцаренія овладѣлъ Палестиною и Сиріею вплоть до Хамата. При этомъ ассирійцы даже не сдѣлали попытки воспрепятствовать ему. Правда, царь іудейскій Іосія рискнулъ сопротивляться египтянамъ, но онъ былъ убитъ въ сраженіи, происшедшемъ около пограничной съ Египтомъ и Палестиною крѣпости Мигдолѣ *), въ 609 году до Р. Хр. Еще находясь въ своемъ станѣ, Риблѣ вблизи Хамата, Нехо лишилъ престола сына Іосіи, Іоахаза, правившаго только три мѣсяца (608 г.), и вмѣсто него провозгласилъ царемъ его брата Іоакима (608—598).

Тѣмъ временемъ наступалъ конецъ Ниневіи. Набопалассаръ соединился съ мидянами, чтобы осадить нѣкогда столь гордую ассирійскую столицу. Осада эта началась какъ-разъ въ то время, когда Нехо, направляясь къ Кархемишу, раскинулся станомъ около Оронта. Наконецъ, послѣ двухлѣтней осады городъ въ 607 году до Р. Хр. перешелъ въ руки осаждавшихъ, и съ этого момента могло начаться дѣленіе остатковъ нѣкогда столь могущественной ассирійской монархіи. Сама Ассирія досталась мидянамъ, которые и безъ того уже владѣли прежними восточными областями государства. Месопотамію получилъ Набопалассаръ, которому были предоставлены также западныя области; впрочемъ, послѣднія ему предстояло еще

*) Названіе Мегиддо въ IV кн. Цар., 23, 29, вѣроятно является тамъ орѳографическою ошибкою. Срв. у Геродота Μάγδολον, что оправдывается и теченіемъ событій.

отнять у фараона Нехо. Кто былъ мидійскимъ царемъ, въ союзѣ съ которымъ Набопаласcаръ взялъ Ниневію, трудно сказать при неопредѣленности историческихъ свѣдѣній. Геродотъ называетъ его Кіаксаромъ; по Бероссу то былъ мандейскій правитель Астіагъ, съ которымъ мы въ клинописныхъ памятникахъ встрѣчаемся, впрочемъ, лишь 50 лѣтъ спустя; по Ктесію же онъ назывался Арбакомъ *).

Какъ бы то ни было, но Ниневія была совершенно разрушена и съ тѣхъ поръ исчезла со страницъ исторіи безслѣдно, пока, наконецъ, въ наши дни не воскресли изъ мертвыхъ фигуры ея прежнихъ славныхъ царей, которые теперь лично повѣствуютъ намъ о своихъ былыхъ завоеваніяхъ и побѣдахъ, о своемъ могуществѣ и своихъ жестокостяхъ. Когда рухнула столица притѣснителей, всѣ народы Передней Азіи вздохнули свободно.

Выше мы забыли упомянуть еще объ одномъ важномъ событіи, которое произошло въ царствованіе Іосіи, именно о нахожденіи совершенно забытой за предшествующія столѣтія «книги закона». Это случилось въ 621 году до Р. Хр., на 18-мъ году правленія Іосіи во время перестройки іерусалимскаго храма первосвященникомъ Хелкіею. Обыкновенно принято думать, что подъ этою «книгою закона» слѣдуетъ понимать лишь ту часть книгъ Моисеевыхъ, въ которыхъ заключается повтореніе Моисеева законодательства, сдѣланное въ странѣ моавитской въ концѣ 40-лѣтняго странствованія израильтянъ по пустынѣ, другими словами, такъ назыв. Второзаконіе или V кн. Моисея, гл. 4—11 (ядро этой «книги закона»), вмѣстѣ съ захватывающими прощальными рѣчами, гл. 26, 16, до гл. 30 включительно; текстъ же отъ гл. 12 до 26, 15, вѣроятно представляетъ вставленное во времена Самуила въ древнее Второзаконіе царское законодательство, т.-е. относится по своему происхожденію къ періоду Судей израилевыхъ.

---

*) Что онъ былъ царемъ мандейскимъ, это слѣдуетъ изъ недавно открытаго цилиндрическаго текста Набонида. Тамъ, къ сожалѣнію, въ слишкомъ общихъ выраженіяхъ, есть указаніе на разрушеніе Ниневіи «царемъ мандейскихъ ордъ», случившееся за 54 года до возстановленія храма бога Сина въ Харранѣ, т.-е. въ 607 году до Р. Хр. По всей вѣроятности, его дѣйствительно звали Астіагомъ, и онъ былъ дѣдомъ позднѣйшаго мидійскаго царя Астіага.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Ново-вавилонское царство и гибель его отъ руки персовъ.

Навуходоносоръ II и разрушеніе Іерусалима.

Въ то время какъ Навуходоносоръ (Набукудурріушшуръ, т.-е. «богъ Набу, огради мою корону»), сынъ Набопалассара, въ качествѣ наслѣдника престола, по порученію отца своего, побѣждалъ въ 605 году при Кархемишѣ царя Нехо II, Набопалассаръ умеръ. Такимъ образомъ, халдей Навуходоносоръ уже съ самаго перваго своего военнаго подвига сталъ основателемъ ново-вавилонскаго царства. Въ продолженіе своего 44-лѣтняго правленія (604—562) онъ сдѣлалъ Вавилонію достойною наслѣдницею ассирійской монархіи, а городъ Вавилонъ отстроилъ настолько, что тотъ сталъ однимъ изъ самыхъ блестящихъ и пышныхъ городовъ древности. Въ виду этого множество дошедшихъ до насъ отъ него надписей, въ большинствѣ случаевъ довольно пространныхъ, особенно охотно и подробно описываютъ сооруженіе царемъ храмовъ, дворцовъ и укрѣпленій, въ то же время упоминая лишь вкратцѣ и въ самыхъ общихъ чертахъ объ его походахъ.

Вполнѣ присоединивъ Сирію къ Вавилоніи и наложивъ также дань на поставленнаго въ свое время фараономъ Нехо іудейскаго царя Іоакима, Навуходоносоръ вдругъ узналъ, что Іоакиму вздумалось отказать ему въ этой дани. Онъ тогда немедленно, въ 597 году, двинулся на Іудею, а тѣмъ временемъ Іоакимъ умеръ. Его сынъ и преемникъ Іехонія, успѣвъ процарствовать лишь три мѣсяца, вмѣстѣ съ членами своей семьи и множествомъ подданныхъ былъ отправленъ въ Вавилонію, гдѣ іудеямъ было разрѣшено поселиться; въ Іерусалимѣ же былъ поставленъ вавилонскимъ васальнымъ царемъ родственникъ Іехоніи, Маттанія, получившій теперь имя Седекіи (597—587) Тѣмъ временемъ Египетъ, гдѣ Нехо II наслѣдовалъ Псамметихъ II (594—589), а послѣднему предпріимчивый и воинственный Хофра или Уахабре (по-гречески Апріесъ), царствовавшій отъ 588 до 569 года, дѣлалъ повторныя попытки возбудить государства Палестины противъ Вавилоніи. Этому поддались Эдомъ, Моавъ, Аммонъ, Тиръ и Сидонъ, равно какъ Іудея. Въ отвѣтъ на это воспослѣдовала двухлѣтняя осада Іерусалима, закончившаяся разруше-

ніемъ священнаго города, плѣненіемъ и ослѣпленіемъ несчастнаго Седекіи и включеніемъ Іудеи въ составъ вавилонской монархіи (въ 587 году до Р. Хр.). Такъ начался столь важный въ дѣлѣ внутренняго развитія іуданзма періодъ вавилонскаго плѣна или изгнанія, окончившійся лишь при персидскомъ царѣ Кирѣ (586—537 до Р. Хр.).

Такая же участь, какъ Іудею, постигла и другія государства, въ надеждѣ на поддержку Египта отказавшіяся уплатить Навуходоносору дань; одинъ только Тиръ, несмотря на 13-лѣтнюю осаду, оказалъ упорное сопротивленіе и не сдался; все-таки и ему пришлось продолжать попрежнему высылать царю дань. Фараонъ Хофра уже не рискнулъ сдѣлать новое нападеніе на Вавилонію, послѣ того какъ Навуходоносоръ разбилъ то его войско, которое фараонъ послалъ на выручку іудеямъ. Лишь на 37-мъ году правленія Навуходоносора, именно въ 568 году, какъ сообщаетъ лѣтописный отрывокъ, вавилоняне предприняли новый походъ на Египетъ, именно противъ фараона Амазиса (568—525), свергшаго Хофру. Нѣсколько найденныхъ вблизи Суэца надписей Навуходоносора, трактующихъ характернымъ образомъ почти исключительно о воздвигнутыхъ царемъ храмахъ въ городѣ Вавилонѣ, попутно сообщаютъ о томъ, что онъ на нѣкоторое время занялъ отдѣльныя части Нильской дельты. О походѣ Навуходоносора противъ кедаренскихъ аравитянъ сообщаетъ Іеремія (гл. 28—33); воспоминаніе объ этомъ событіи сохранилось также въ позднѣйшемъ арабскомъ преданіи о великомъ завоевателѣ Бухтнассарѣ.

Мидіею правилъ во времена Навуходоносора Аліаттъ (617—560), сынъ Садіатта, сына Ардиса. Въ Мидіи царствовалъ, по греческимъ преданіямъ, Кіаксаръ (624—584), отецъ Астіага. Такъ какъ невозможно, чтобы царствованіе послѣдняго было просто вымышлено, и личность Астіага вполнѣ устанавливается клинописными памятниками, именующими его «Истувегу, царемъ ордъ мандейскихъ», то слѣдуетъ признать, что упомянутый выше при Ашшурбанипалѣ царь мандейскихъ полчищъ Тугдамму, сынъ котораго назывался Сандакшатрою, былъ предшественникомъ Астіага; Сандакшатра же, по всей вѣроятности, тождественъ съ Кіаксаромъ Геродота. Итакъ, въ этомъ Сандакшатрѣ-Кіаксарѣ мы можемъ признать настоящаго основателя мидійскаго царства; онъ участвовалъ во взятіи Ниневіи, и онъ же, по всей вѣроятности, основалъ городъ Экбатану (Агаватану, по-евр. Ахмету) или же возвысилъ ее на степень столицы Мидіи *).

*) Обыкновенно основною формою имени Кіаксара считаютъ Увахстру (Увахстару). Вѣроятно такъ дѣйствительно когда-то назывался нѣкій знаменитый мидянинъ, быть-можетъ, родоначальникъ всего племени, а слѣдовательно предокъ Сандакшатры.

Онъ подчинилъ себѣ различныя племена мандейцевъ и мидянъ, покорилъ, вѣроятно, также Арменію и Каппадокію и понемногу оказался государемъ настолько могущественнымъ, что Навуходоносоръ женился на мидійской царевнѣ Амитисѣ, чѣмъ призналъ полную съ собою равноправность мидянъ. Около 590 года бѣгство скиѳовъ, находившихся у Кіаксара на службѣ, къ мидійскому царю Аліатту подало поводъ къ пятилѣтней войнѣ между мидійцами и лидійцами. Наконецъ, въ 585 году у береговъ рѣки Галиса, нынѣшняго Кизиль-Ирмака, произошла кровопролитная битва. Она несомнѣнно имѣла бы результатомъ дальнѣйшее проникновеніе мидянъ къ западу или же ихъ окончательное изгнаніе изъ Малой Азіи, если бы внезапное, хотя и заранѣе предсказанное астрономомъ Ѳалесомъ солнечное затменіе 28 мая того года не испугало воюющихъ войскъ настолько, что они тотчасъ же заключили перемиріе. Благодаря посредничеству киликійскаго царя Сіеннезиса и Навуходоносора былъ заключенъ миръ, по которому рѣка Галисъ отнынѣ становилась границею между Лидіею и Мидіею. Для скрѣпленія этого договора Астіагъ, сынъ Кіаксара, женился на дочери Аліатта, Аріенидѣ. Такъ гласитъ греческое преданіе, къ сожалѣнію, единственный источникъ, которымъ мы въ данномъ случаѣ располагаемъ.

Въ Эламѣ, гдѣ, по словамъ Іереміи, 49, 35—39, еще въ 597 году были туземные цари, тогда какъ въ 585 году пророкъ Іезекіиль (32, 24) изображаетъ эламитовъ, какъ жителей преисподней, въ промежуткѣ между этими датами власть перешла къ сѣверно-эламитской, родственной индо-германскимъ мидянамъ династіи, которая называлась ансанскою по имени своей древней страны Ансана *), расположенной между Мидіею и Эламомъ и подвергавшейся нападеніямъ еще со стороны древне-сумерійскаго правителя Гудеи. Родиною же этихъ ансанскихъ царей, послѣднимъ и славнѣйшимъ изъ которыхъ, по преданію, былъ Киръ, являлась Мидія, откуда во времена Асаргаддона Тіуспа, т.-е. Теиспъ, сынъ Ахэмена (Гахаманиса), притѣснялъ ассирійцевъ. При сличеніи генеалогическихъ данныхъ у Геродота (VII, 11), на Бегистунской надписи царя Дарія **) и на над-

*) Если это имя сумерійскаго происхожденія, то оно можетъ означать лишь «ослиную страну»; вѣроятнѣе, однако, что первоначальною его формою было Ассанъ или Ашанъ, форма же Ансанъ является лишь простонароднымъ сумерійскимъ словообразованіемъ. Такъ какъ авестійское слово aschа обыкновенно пишется чрезъ arta, то указаніе Геродота на то, что персы первоначально назывались артейцами, очевидно, относится къ этой странѣ Ашану.

**) Тамъ Дарій такъ говоритъ о себѣ: «Восемь человѣкъ изъ членовъ семьи моей были до меня царями; я—девятый; мы издавна (duvitatarnam срв. латинск. diuturnus) царствуемъ».

писи Кира, мы въ правѣ установить слѣдующую родословную этой царственной семьи:

Гахаманисъ (Ахэменъ)
|
Тшаисписъ (Теиспъ), быть-можетъ, вышеупомянутый на стр. 128 Тіуспа (около 705—675 г.)
|
Камбусія (Камбизъ)
|
Курасъ (Киръ)
|
Тшаисписъ, царь Ансана

Курасъ, царь ансанскій (около 605 и сл.)	Аріарамна
Камбусія, царь ансанскій	Арсама
Курасъ (Киръ), царь ансанскій, персидскій и вавилонскій, 558—530	Вистаспа (Гистаспъ)
Камбусія (Камбизъ), царь персидскій	Дарьявусъ (Дарій), царь персидскій.

Съ другой стороны, конечно, возможно, что Геродотъ ошибочно вставилъ между Теиспомъ и Ахэменомъ трехъ дважды у него появляющихся царей: Теиспа I, Камбиза I и Кира I, тѣмъ болѣе, что Дарій въ своей Бегистунской надписи говоритъ лишь: «мой отецъ Вистаспа, отцомъ котораго былъ Арсама, отцомъ котораго былъ Аріарамна, отцомъ котораго былъ Тшаисписъ, отцомъ котораго былъ Гахаманисъ».

Благодаря тому, что эти ансанскіе цари, происходившіе изъ Мидіи, съ теченіемъ времени распространили свою власть по всему Эламу, повидимому, и названіе Парсу было перенесено съ мидійской области Парсуи на позднѣйшую Персію, расположенную къ югу отъ Элама. Очевидно, что цари эти жили въ мирѣ съ Навуходоносоромъ, а съ близкими имъ по происхожденію мидійцами они находились даже въ родственныхъ отношеніяхъ, такъ какъ мать Кира предположительно была дочерью Астіага и, слѣдовательно, внучкою Кіаксара. Этимъ также въ достаточной мѣрѣ объясняется и тотъ фактъ, почему греки считали мидянъ и персовъ почти тождественными племенами.

При фараонѣ Нехо II (609—595, срв. выше), повидимому, отмѣчается значительный торгово-политическій подъемъ Египта. Нехо приступилъ къ сооруженію канала изъ Нила къ Чермному морю. Эта же смѣлая попытка была сдѣлана и раньше, въ началѣ правленія фараоновъ XIX династіи. По иниціативѣ того же Нехо и по его поруче-

нію финикійскіе мореходы впервые объѣхали вокругъ Африки мимо мыса Доброй Надежды. При Нехо, создавшемъ сильный военный флотъ, Египетъ вступилъ въ число морскихъ державъ, тогда какъ всѣ прежніе фараоны располагали исключительно торговыми судами. Вообще, въ продолженіе всей XXVI династіи, при царствовавшемъ 54 года Псамметихѣ I и его преемникахъ вплоть до Амазиса, Египетъ находился въ цвѣтущемъ состояніи. Амазису удалось даже овладѣть Кипромъ; кромѣ того, онъ вступилъ въ дружественныя сношенія съ Киреною и предоставилъ грекамъ въ Наукратисѣ на канопскомъ рукавѣ Нила особый городъ, который вскорѣ сталъ крупнымъ торговымъ центромъ.

Взятіе Вавилона Киромъ.

При бездарныхъ преемникахъ великаго основателя ново-вавилонскаго царства послѣднее чрезъ нѣсколько лѣтъ распалось, такъ что уже въ 539 году до Р. Хр. оно досталось арійскому правителю Курасу ансанскому въ видѣ легкой добычи. Навуходоноссору наслѣдовалъ сперва Евилмеродахъ (IV кн. Цар., 25, 27; по-вавил. Амилмарудукъ), правившій отъ 561 до 560 года и освободившій несчастнаго Іехонію изъ темницы. Однако, самъ Евилмеродахъ былъ низложенъ послѣ двухлѣтняго правленія своимъ шуриномъ Нериглиссаромъ (Нергалшарушшуромъ, 559—566). Послѣдній былъ навѣрное однимъ изъ тѣхъ двухъ высокихъ сановниковъ Навуходоноссора, который носилъ имя Нергалшарецера у Іерем., 39, 3, поэтому онъ былъ уже въ лѣтахъ, когда свергъ Евилмеродаха съ престола. Уже въ 556 году его смѣнилъ его сынъ Лабасимардукъ (Лабосоархадъ), который, однако, немедленно, въ свою очередь, былъ устраненъ послѣднимъ вавилонскимъ царемъ Набонидомъ (по-вавил. Набунаидомъ), сыномъ нѣкоего Набубалатсупкби. Это было въ 556 году до Р. Хр.

Набонидъ (555—539) былъ, повидимому, скорѣе любителемъ антикварной учености, чѣмъ энергичнымъ и дѣятельнымъ правителемъ. Онъ возстановилъ цѣлый рядъ древнѣйшихъ храмовъ въ Сиппарѣ, Ларсѣ, Урѣ и многихъ другихъ вавилонскихъ городахъ. Всегда онъ тщательно устанавливалъ даты ихъ основателей и позднѣйшихъ реставраторовъ. Начиная съ 7-го и до 11-го года его правленія (слѣдовательно, отъ 549 до 545 года), а можетъ-быть, еще двумя годами раньше, онъ былъ помѣщенъ въ арабскомъ городѣ Таимѣ, такъ какъ впалъ въ сумасшествіе, предсказанное еще Наву-

ходоносоромъ. Въ это время дѣлами управлялъ отъ его имени въ Вавилонѣ его сынъ Валтасаръ (Бильшаруссуръ). Въ библейской книгѣ пророка Даніила, основа которой, именно гл. 1 — 7, вѣроятно, была написана по-арамейски въ началѣ персидскаго владычества при Киръ или Камбизѣ, также разсказывается о помѣшательствѣ Набонида, отца Валтасара; основываясь на томъ, что въ I главѣ встрѣтилось имя Навуходоносора, позднѣйшіе переписчики ошибочно замѣнили и въ послѣдующихъ главахъ имя Набонида именемъ Навуходоносора.

Въ самомъ началѣ своего царствованія, т.-е. по вавилонскому счисленію еще въ 556 году (тогда какъ 555-ый годъ былъ первымъ офиціальнымъ годомъ его правленія), Набонидъ рѣшилъ возстановить древнее святилище бога Сина въ Харранѣ, разрушенное незадолго передъ тѣмъ вторгшимися въ Месопотамію полчищами мандейцевъ. Однако, онъ могъ привести свой планъ въ исполненіе только три года спустя, вѣроятно, въ 553 году до Р. Хр., когда ансанскій царь Киръ (Курасъ) захватилъ въ плѣнъ Истувигу, царя вышеупомянутыхъ мандейскихъ полчищъ (мидійскаго царя Астіага), послѣ того какъ собственныя войска послѣдняго возмутились противъ Астіага и выдали его Киру, царю ансанскому, который отнынѣ сталъ именоваться царемъ Парсуи. Лишь когда Киръ побѣдилъ мидянъ, Набонидъ могъ серьезно приняться за реставрацію того храма; чтобы достойнымъ образомъ свершить это благочестивое дѣло, «онъ созвалъ своихъ многочисленныхъ подданныхъ, жившихъ на обширномъ пространствѣ отъ Газы на египетской границѣ и отъ Исскаго залива по ту сторону Евфрата вплоть до залива Персидскаго».

Въ 547 году лидійскій царь Крезъ (560—546 г.), сынъ и преемникъ Аліатта, заключилъ противъ Кира союзъ съ вавилонянами; къ этому союзу примкнулъ также египетскій фараонъ Амазисъ; такимъ образомъ, на слѣдующую весну дѣло дошло до войны, окончившейся полнѣйшимъ пораженіемъ лидійцевъ. Осенью 546 года пали Сарды, а Крезъ, по словамъ Геродота, искавшій смерти въ пламени, былъ помилованъ Киромъ и получилъ отъ него въ даръ одинъ мидійскій городъ. Такимъ образомъ, Киръ сталъ отнынѣ правителемъ почти всей Малой Азіи. Ближайшею отнынѣ задачею было наказать Набонида за союзъ съ Крезомъ и отнять у этого и безъ того непопулярнаго у подданныхъ царя Вавилонію и ея сирійско-палестинскія провинціи, которыхъ Киру недоставало для основанія міровой державы. Однако, прошло цѣлыхъ семь лѣтъ раньше, чѣмъ Киру удалось приступить къ осуществленію этого плана; правда, мы не знаемъ, не пошелъ ли тѣмъ временемъ Киръ войною на окраинныя области Вавилоніи, и не успѣлъ ли онъ уже отнять ихъ у Набонида?

Изъ одного довольно обширнаго отрывка второй части вавилонской лѣтописи мы узнаемъ подъ 539 годомъ, что у Набонида была уже отнята часть Вавилоніи, и что царь персидскій въ то время находился во главѣ своего войска на сѣверной окраинѣ страны. Набонидъ тогда свезъ всѣ изображенія боговъ изъ всѣхъ имъ вновь отстроенныхъ храмовъ въ столицу, чтобы не подвергать ихъ опасности уничтоженія со стороны непріятельскихъ воиновъ. Однако, послѣ того какъ войско Набонида было разбито въ мѣсяцѣ Таммузѣ Киромъ между Описомъ и Сиппаромъ, столица Вавилоніи, снабженная въ свое время Навуходоносоромъ почти неприступными укрѣпленіями, добровольно открыла персамъ свои ворота. «Таммуза 16-го Угбару (или Губару, т.-е. Гобрій), намѣстникъ Гути (къ востоку отъ Вавилоніи) и воины Кураса безъ боя (срв. Исаію, 45, 1 и 2) вступили въ Вавилонъ». Набонидъ былъ взятъ въ плѣнъ, но помилованъ, а четыре мѣсяца позже, 3-го Мархешвана, самъ Киръ въѣхалъ въ Вавилонъ, возвѣщая городу миръ. Обращаетъ на себя вниманіе дальнѣйшее замѣчаніе вавилонской лѣтописи, по которой Гобрій (у Даніила, 6, 1, вслѣдствіе описки помѣщенъ Дарій-мидянинъ) въ ночь на 11-ое Мархешвана, т.-е. восемь дней послѣ торжественнаго въѣзда Кира, повелѣлъ умертвить царскаго сына, согласно одной надписи Набонида называвшагося Бильшаруссуромъ и являющагося, такимъ образомъ, Валтасаромъ Даніила, гл. 5. Упомянутыя въ книгѣ Даніила буквы, начертанныя на стѣнѣ и гласившія «Мене, мене, текелъ, упарсинъ», обозначаютъ: «мина, еще мина, сиклъ ($^1/_{60}$ мины) и еще двѣ полумины», причемъ первыя два слова относятся къ Навуходоносору, $^1/_{60}$ мины относится къ Валтасару, представителю Набонида, и, наконецъ, двѣ полумины—къ мидянамъ и персамъ, дѣлящимъ между собою Вавилонію и объединеннымъ въ лицѣ царя Кира. Въ Талмудѣ, который, какъ извѣстно, возникъ на вавилонской почвѣ, мы часто находимъ сравненіе полноправнаго человѣка съ цѣлою миною (срв. также выраженіе «мина, сынъ мины»), а неполноправнаго съ полуминою («мина, сынъ полумины») или же съ частью ея.

Такимъ образомъ, наслѣдникомъ ассиро-вавилонской міровой державы сталъ Киръ, государь индо-германскаго происхожденія, царь юныхъ и энергичныхъ персовъ, человѣкъ, который своею мягкостью быстро привлекъ къ себѣ сердца своихъ новыхъ подданныхъ. Онъ правилъ отъ 558 до 530 года, причемъ послѣднія восемь лѣтъ былъ царемъ вавилонскимъ. Предѣлы его обширнаго государства доходили уже до греческихъ острововъ на западѣ и до древней страны фараоновъ на югѣ; казалось только вопросомъ времени, когда эти двѣ страны, т.-е. Греція и Египетъ, будутъ включены въ составъ персидскихъ владѣній. Египетъ достался его сыну Камбизу (529—

522), который, впрочемъ, еще въ 538 году былъ соправителемъ отца своего, послѣ небольшой битвы въ 525 году съ сыномъ Амазиса, Псамметихомъ III. При этомъ, какъ повѣствуетъ Геродотъ, аравитяне снабжали персовъ водою по пустынному пути отъ Газы до Египта. Попытка овладѣть Греціею не удалась ни Дарію (Дарьявушу, 521—486), ни его сыну Ксерксу (Хсаярсѣ, 485—465). Въ лицѣ Кира и Камбиза, положившихъ конецъ политической самостоятельности главныхъ культурныхъ государствъ древняго Востока, исторія послѣдняго заканчивается.

При мягкомъ управленіи Кира и для тѣхъ іудеевъ, которые остались вѣрны своей древней родинѣ, насталъ день давно желаннаго возвращенія. Какъ Іеремія былъ пророкомъ въ продолженіе послѣднихъ десятилѣтій іудейскаго царства и пѣвцомъ задушевныхъ элегій по поводу разрушенія Іерусалима, и какъ Іезекіиль (евр. Іехескель) былъ утѣшителемъ Израиля въ теченіе первыхъ 27 лѣтъ плѣна, такъ и такъ назыв. второй Исаія (Ис. 40—66), см. выше, на стр. 122, упомянутый редакторъ и продолжатель древнихъ, касавшихся Вавилона, пророчествъ, пророчествовалъ въ продолженіе послѣднихъ лѣтъ вавилонскаго плѣненія. Онъ въ лицѣ Кира прославляетъ Богомъ посланнаго героя, о которомъ самъ Ягве отзывается такимъ образомъ: «Пастырь Мой *), и онъ исполнитъ всю волю Мою и скажетъ Іерусалиму: ты будешь построенъ! и храму: ты будешь основанъ!» (Исаія, 44, 28). А слѣдующая глава у пророка начинается словами: «Такъ говоритъ Господь помазаннику Своему Киру: Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебѣ народы, и сниму поясы съ чреслъ царей, чтобъ отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду предъ тобою».... Подобнымъ же образомъ Киръ обратился къ жрецамъ вавилонскаго Мардука. Это видно изъ Кирова цилиндра, снабженнаго вавилонскою надписью слѣдующаго содержанія: «Съ тѣхъ поръ, какъ я милостиво вступилъ въ Вавилонъ и при радостныхъ крикахъ и ликованіяхъ поставилъ престолъ свой въ царскомъ дворцѣ, Меродахъ, могущественный владыка, склонилъ на мою сторону благородныя сердца жителей Вавилона; я же самъ ежедневно озабоченъ поклоненіемъ этому богу; . . . . . я искренно принялъ къ сердцу тяжкое положеніе Вавилона и всѣхъ городовъ страны его, стенанія ихъ я успокоилъ, печаль усмирилъ». А въ другомъ мѣстѣ того же глинянаго памятника стоятъ слова, почти буквально повто-

*) По-касситски слово kuras значитъ «пастухъ»; первоначальное, персидское имя Кира было, по словамъ Страбона, Аградатъ. Итакъ, здѣсь у Исаіи находится намекъ на значеніе имени Кира (по-евр. Кореша). Въ основномъ пророчествѣ имя будущаго освободителя, конечно, не упоминалось.

ряющіяся у Исаіи: «Во всѣхъ странахъ некся Мардукъ о друзьяхъ своихъ, и онъ избралъ праведнаго царя по желанію сердца своего; и взялъ за руку онъ Кураша, царя ансанскаго; по имени назвалъ онъ его и призвалъ его ко властвованію надъ всѣми странами».

Однако, часть іудеевъ и въ ихъ числѣ книжникъ Ездра, при которомъ были окончательно собраны каноническія книги Ветхаго Завѣта *), вернулись въ Палестину лишь сто лѣтъ спустя, именно въ 458 году до Р. Хр., при сынѣ царя Ксеркса, Артаксерксѣ I (465 — 424). Все это подробно описано въ книгахъ Ездры (гл. 7 и сл.) и Нееміи.

Въ 21-мъ письмѣ Ѳемистокла Темениду опредѣленно указывается на то, что Дарій, отецъ Ксеркса, впервые примѣнилъ на своихъ памятникахъ, такъ назыв. трехъязычныхъ ахэменидскихъ текстахъ, персидскую клинопись. Послѣдняя, по всей вѣроятности, и была изобрѣтена именно въ его время съ цѣлью представить рядомъ съ довольно запутанною вавилонско-ассирійскою клинописью существенно упрощенную систему письма скорѣе алфавитнаго характера.

Въ этихъ надписяхъ Дарія и Ксеркса, дешифровка которыхъ положила начало всей ассиріологіи, впервые упоминается о религіи Ахурамазды. Ахурамазда (Ормуздъ)—«величайшій изъ боговъ, который создалъ эту землю, это небо и людей и даровалъ имъ милость». Рядомъ съ нимъ выступаютъ фигуры еще нѣсколькихъ крупныхъ божествъ свѣта, напр., богини Анахиты (Нахунти; она эламитскаго происхожденія), солнечнаго бога Митры и др. Добрымъ божествамъ противопоставляются злыя съ Анграманью (Аріманомъ) во главѣ. Съ этою персидскою религіею, которая видитъ въ свѣтѣ и огнѣ наиболѣе чистые символы блага, мы знакомимся подробнѣе лишь изъ книгъ Зендавесты, редактированныхъ въ послѣ-христіанское время (при Сассанидахъ). Основатель этой религіи, Зарату стра (Зороастръ), жилъ, согласно персидскимъ преданіямъ, при царѣ Гостаспѣ, т.-е., по всей вѣроятности, при отцѣ царя Дарія, Гистаспѣ. Сами парсы, впрочемъ, послѣдніе остатки которыхъ поддерживаютъ въ настоящее время свой древній культъ въ Керманѣ и Бомбеѣ, относятъ время жизни Гостаспа къ нѣсколько болѣе отдаленному періоду, именно приблизительно къ 600 году до Р. Хр. Имя Ахурамазды, первоначально иранскаго лунnаго и небеснаго божества, встрѣчается въ формѣ Ассарамаза уже въ спискѣ ассирійскихъ боговъ изъ библіо-

*) Тутъ слѣдуетъ замѣтить, что лишь двѣ позже присоединившихся къ канону книги, именно книга пророка Даніила съ ея возникшими только во времена Антіоха добавленіями (гл. 8 и слѣд.) и такъ назыв. Лѣтопись (Chronika) вполнѣ логично помѣщаются въ самомъ концѣ еврейской Библіи.

теки Ашшурбанипала. Конечно, это еще ничего не доказываетъ относительно реформы Заратустры, значительно приблизившаго свою вѣру къ единобожію (монотензму). Вполнѣ возможно, хотя до сихъ поръ еще и не можетъ быть доказано съ убѣдительною ясностью, что на возникновеніе маздаизма повліяли многія вавилонскія и іудейскія, впослѣдствіи даже, быть-можетъ, и христіанскія вѣрованія.

Тому, какъ въ тѣ времена всюду прокладывали себѣ путь новыя религіозныя представленія, мы находимъ замѣчательный примѣръ въ фактѣ возникновенія буддизма, съ котораго въ сущности и начинается исторія Индіи. По наиболѣе вѣроятнымъ указаніямъ, Будда жилъ и училъ отъ 557 до 477 года до Р. Хр. Такъ какъ Дарій (521—486) послѣ усмиренія сильнаго мятежа, возникшаго послѣ смерти Камбиза, и послѣ нѣсколькихъ побѣдоносныхъ походовъ на Востокъ правилъ монархіею, простиравшеюся отъ Геллеспонта до Инда, т.-е. до границъ Индіи, то мы имѣемъ полное право здѣсь въ заключеніе коснуться возникновенія буддизма, тѣмъ болѣе, что въ настоящее время вполнѣ установленъ фактъ его распространенія вплоть до самой Сиріи еще въ до-христіанскій періодъ. Такимъ образомъ, то обстоятельство, что въ теченіе одного и того же столѣтія независимо другъ отъ друга возникли три міровыхъ религіи, именно современный (развившійся въ вавилонскомъ плѣненіи) іудаизмъ, зороастризмъ и, наконецъ, на Дальнемъ Востокѣ буддизмъ, является наилучшимъ подтвержденіемъ недавно высказанной мысли: «съ возникновенія персидской монархіи дальнѣйшая исторія развитія Востока, поскольку она касается явленій внутренней жизни, носитъ почти исключительно религіозный характеръ».

Итакъ, въ различныхъ мѣстахъ земного шара постепенно и медленно пробивались первыя, предутреннія сумерки, въ несказанно-величественныхъ рѣчахъ и видѣніяхъ книги плѣненнаго Исаіи уже сверкала свѣтлая утренняя заря, пока полутысячелѣтіемъ позже не поднялось надъ всѣми тучами восточнаго язычества до сихъ поръ побѣдно сіяющее солнце христіанства.

Прибавленіе.

Названія вавилонско-ассирійскихъ мѣсяцевъ, появленіе которыхъ удостовѣрено еще со временъ Хаммураби въ торговыхъ контрактахъ, причемъ въ двойной (чаще всего сумерійской, но подчасъ уже и въ семитической) формѣ, какъ извѣстно, были заимствованы евреями въ продолженіе нахожденія ихъ въ вавилонскомъ плѣну. Названія эти у нихъ въ ходу до сихъ поръ, какъ можно убѣдиться въ любомъ полномъ календарѣ. Здѣсь мы приводимъ исключительно семитическія названія мѣсяцевъ, такъ какъ сумерійскія обозначенія ихъ были въ употребленіи въ періодъ Хаммураби и его современника, патріарха Авраама, лишь въ качествѣ идеограммъ (т.-е. такихъ письменныхъ знаковъ, которые произносились иначе, чѣмъ были написаны).

1. Нисанну, Нисанъ, начинался 21 марта . . . = марту—апрѣлю.
2. Іару, Іяръ . . . . . = апрѣлю—маю.
3. Симанну, Сиванъ . . . . . = маю—іюню.
4. Думузу или Дузу, Таммузъ . . . . . = іюню—іюлю.
5. Абу, Абъ . . . . . = іюлю—августу.
6. Улулу, Элулъ . . . . . = августу—сентябрю.
7. Ташриту, Тишри . . . . . = сентябрю—октябрю.
8. Арахъ-самна, Мархешванъ (соб. Вархушуванъ) = октябрю—ноябрю.
9. Кислиму, Кислевъ . . . . . = ноябрю—декабрю.
10. Тибиту, Тебетъ . . . . . = декабрю—январю.
11. Шабату, Шебатъ . . . . . = январю—февралю.
12. Аддару, Адаръ . . . . . = февралю—марту.

Каждый изъ этихъ мѣсяцевъ имѣлъ 30 дней, а для того, чтобы годъ совпадалъ съ движеніемъ солнца, въ опредѣленные промежутки вставлялся добавочный мѣсяцъ, либо второй Элулъ, либо второй Адаръ. Началомъ года считалось 1-го Нисана (весеннее равноденствіе); однако, рядомъ съ этимъ днемъ Новаго года считалось иногда и 1-го Тишри; на это указываютъ вставка добавочнаго Элула рядомъ съ Адаромъ

и обычай евреевъ до сихъ поръ праздновать свой Новый годъ 1 Тишри. Тутъ можно было бы привести также и названіе Ташриту (= «начало»; это значеніе, впрочемъ, присуще, повидимому, также и Нисану); правдоподобнѣе, однако, будетъ допустить, что названія Тишри и Адара, впервые появляющіяся только въ касситскій періодъ, заимствованы у иранцевъ, гдѣ имъ соотвѣтствуютъ имена Тистрія и Адгаръ.

Въ заключеніе приведемъ здѣсь еще имена мѣсячныхъ божествъ и знаковъ зодіака, служащихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, схемою вавилонскаго космогоническаго года:

Нисанъ, Овенъ	Ану и Белъ.
Іаръ, Волъ	Эа.
Сиванъ, Близнецы	Синъ (богъ луны).
Таммузъ, Ракъ	Нинибъ (первонач. Самасъ, солнце).
Абъ, Левъ	Нуску (Меркурій).
Элулъ, Дѣва	Истаръ (Венера).
Тишри. Вѣсы	Самасъ (перв. Нинибъ, Марсъ).
Мархешванъ, Скорпіонъ	Мардукъ (Юпитеръ).
Кислевъ, Стрѣлецъ	Нергалъ (Сатурнъ).
Тебетъ, Козерогъ	Папсукалъ.
Шебатъ, Водолей	Рамманъ (Ададъ).
Адаръ, Рыбы	Богъ Седьмицы.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что по мѣсяцамъ отъ Сивана (древнѣйшее начало года, приблизительно около 5000 года до Р. Хр.) до Кислева распредѣляются семь планетъ, тогда какъ мѣсяцы Тебетъ и Шебатъ (послѣдній изъ нихъ—мѣсяцъ потопа) являются символами великаго всемірнаго потопа, Адаръ же (у иранцевъ мѣсяцъ огня) символизируетъ пожаръ вселенной въ концѣ дней ея и имѣющее произойти вслѣдствіе этого обновленіе міра.

Оглавленіе.

Стр.

Введеніе.

Что такое исторія Востока? 3

Источники исторіи Востока 4

Дешифровка клинописи и іероглифовъ 5

Арена исторіи древняго Востока 8

Народы Востока 26

Хронологія 28

Глава первая.—Вавилонія приблизительно до 1900 года до Р. Хр.

Страна 30

Боги страны 31

Древнѣйшіе правители южной и сѣверной Вавилоніи 36

Глава вторая.—Египетъ до начала періода гиксовъ (приблизительно около 1900 года до-христіанской эры).

Страна и ея сосѣди 38

Вѣрованія и цивилизація древнихъ египтянъ 40

Стр.

Періодъ пирамидъ или «Древнее царство» 46

Среднее царство и особенно XII династія 51

Глава третья.—Великій переворотъ начала второго до-христіанскаго тысячелѣтія и начатки исторіи еврейской.

Вавилонія при Хаммураби и его преемникахъ 52

Господство царей-пастуховъ въ Египтѣ 54

Еврей Аврамъ (Авраамъ) 55

Глава четвертая.—Періодъ египетскихъ завоеваній въ Передней Азіи въ продолженіе XVIII. XIX и XX династій.

Начало касситскаго владычества въ Вавилоніи 59

Возникновеніе Ассиріи 61

Конецъ періода гиксовъ и первые фараоны XVIII династіи 63

Время Дегутмосе III и двухъ его ближайшихъ преемниковъ . . . 66

Передняя Азія и Египетъ во времена Аменхотеповъ III и IV («Телль-эль-Амарнскій періодъ») 69

Вавилонія и Ассирія при преемникахъ Бурнабуріаша II и Ашшурубаллита, Египетъ подъ управленіемъ Рамзеса II и Меренпта . 77

Послѣднія времена касситской династіи; Рамзесъ III египетскій . 83

Глава пятая.—Время Тиглатпаласcара I и два послѣдующихъ столѣтія. Давидъ и Соломонъ.

Преемники Ашшурдаяна и вавилонская династія Паши; время Судей израилевыхъ 88

Начало царскаго періода у израильтянъ до Асы и Омри (Амврія) . 94

Стр.

Глава шестая.— Передняя Азія за время отъ Ашшурнассирпала III до Салманассара IV.

Ашшурнассирпалъ III и Салманассаръ II 102

Время Ададнирари III и его преемниковъ 109

Тиглатпалассаръ III, Салманассаръ IV и послѣдніе дни царства Израильскаго 112

Глава седьмая. — Ассирія, Іудея и Египетъ во времена Саргонидовъ.

Апогей ассирійскаго могущества при Саргонѣ 118

Синахерибъ и Езекія 123

Асаргаддонъ и Ашшурбанипалъ 127

Паденіе Ниневіи 134

Глава восьмая. — Ново-вавилонское царство и гибель его отъ руки персовъ.

Навуходоносоръ II и разрушеніе Іерусалима 137

Взятіе Вавилона Киромъ 141

Прибавленіе.—Названія вавилонско-ассирійскихъ мѣсяцевъ. 147

Перечень рисунковъ, помѣщенныхъ въ текстѣ.

Рис. 1. Образцы египетскихъ, вавилонскихъ и ассирійскихъ письменъ. 7

Рис. 2. Главныя ассирійскія божества 32

Стр.

Рис. 3. Эмблемы двѣнадцати великихъ (ассирійскихъ) божествъ . . 33

Рис. 4. Нарамсинъ 37

Рис. 5. Амонъ-Ре 40

Рис. 6. Озирисъ 41

Рис. 7. Изида, кормящая грудью младенца Горуса 42

Рис. 8. Картина загробнаго суда (изъ «Книги Мертвыхъ») 44

Рис. 9. Пирамиды близъ селенія Гизе́ (Хеопса и Хефрена; посрединѣ полузасыпанный большой сфинксъ) 47

Рис. 10. Поперечный разрѣзъ пирамиды Хеопса 48

Рис. 11. Аспидная пластинка начала первой династіи 49

Рис. 12. Древне-вавилонскій цилиндръ-печать 50

Рис. 13 и 14. Головы сфинксовъ, изображающія царей-гиксовъ . . . 54

Рис. 15. Мумія Рамзеса II 80

Рис. 16. Ашшурнассирпалъ совѣщается съ сановникомъ 103

Рис. 17. Синахерибъ на престолѣ въ парадномъ одѣяніи (Куюнджикъ). 124

Рис. 18. Ашшурбанипалъ на боевой колесницѣ 130

Карта древняго Востока 10

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусека

(книжки политическаго и общественнаго содержанія подъ редакціею проф. И. И. Иванюкова).

Е. Тарновскій.

ЧЕТЫРЕ СВОБОДЫ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ,

1906.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., № 6.

ЧЕТЫРЕ СВОБОДЫ.

I.

Очеркъ развитія личныхъ правъ. Опредѣленіе и значеніе личной свободы въ современномъ государствѣ.

Современное правовое государство, каковы бы ни были частныя особенности его строя, безусловно признаетъ и, въ силу своихъ основныхъ принциповъ, должно признавать такъ называемыя субъективныя публичныя права, иначе говоря, права личныя, права личной свободы (Freiheitsrechte). Опредѣленное и точное установленіе правъ личности по отношенію къ государству и ограниченіе правъ государства надъ личностью и составляетъ именно наиболѣе выдающуюся и отличительную черту выработаннаго европейской цивилизаціей правового государства по сравненію съ государствомъ античнаго міра или же абсолютнымъ, полицейскимъ государствомъ XVII—XVIII в. Внутренній смыслъ всѣхъ политическихъ движеній въ цивилизованномъ мірѣ за послѣднія два или три столѣтія сводится къ постепенному освобожденію личности отъ гнета Церкви и Государства, къ расширенію и укрѣпленію правъ личности и признанію и оформленію ихъ со стороны государства. Личность человѣческая, со временъ реформаціи и еще больше со времени революціи, возросла и окрѣпла, а государство принуждено было отступить передъ нею и видоизмѣниться, приспособиться къ властнымъ требованіямъ личнаго разума и личной совѣсти ранѣе безгласныхъ и безправныхъ подданныхъ.

Античный міръ, несмотря на свое высокое культурное развитіе и сравнительное совершенство политическихъ формъ, не признавалъ или скорѣе не зналъ, игнорировалъ права личности, помимо права участія полноправныхъ гражданъ въ общей государственной

жизни на форумѣ или агорѣ. Античное государство поглощало личность, несмотря на свои свободныя республиканскія формы. Давая отдѣльному гражданину въ его распоряженіе ту часть народнаго самодержавія, которая приходилась на его долю, какъ на члена общины (республики), античное государство засимъ не допускало, чтобы этотъ отдѣльный гражданинъ могъ имѣть свои совершенно особыя мнѣнія и убѣжденія, противорѣчащія общепринятымъ нормамъ и вѣрованіямъ. Принципъ народнаго самодержавія былъ проведенъ въ греческихъ и римскихъ республикахъ слишкомъ широко и всесторонне, въ прямой ущербъ правамъ личности. Древніе не знали ни религіозной свободы, ни свободы слова и воспитанія въ нашемъ смыслѣ. Понятіе «отечества», «государственной пользы», «народнаго блага» (salus populi) слишкомъ тяготѣло надъ сознаніемъ грековъ и еще болѣе римлянъ, чтобы они могли признать за отдѣльною личностью право самоопредѣленія и самостоятельнаго, не согласно съ общимъ шаблономъ, развитія. Tu natus es non tibi, non mihi, sed patriae *), говоритъ Цицеронъ одному своему другу,—и то же самое могло бы сказать все римское общество каждому изъ своихъ членовъ. Это повышенное чувство патріотизма или національнаго, воспитанное въ гражданахъ путемъ безпрерывныхъ войнъ и борьбы за политическое преобладаніе, заставляло смотрѣть на людей, высказывающихъ мнѣнія, несогласныя или даже прямо опровергающія признанныя государствомъ вѣрованія или политическія нормы, какъ на опасныхъ враговъ отечества, противъ которыхъ необходимо принимать самыя рѣшительныя мѣры. Примѣръ Сократа, Анаксагора и др. философовъ, преслѣдованія христіанъ въ Римѣ достаточно характеризуютъ малое уваженіе античнаго міра къ принципамъ религіозной и нравственной свободы.

Это слабое развитіе личныхъ правъ въ античномъ государствѣ, чрезмѣрное преобладаніе народнаго суверенитета, какъ единаго источника нормъ права и нравственности, сыграло, въ концѣ концовъ, роковую роль для республиканскихъ учрежденій древняго Рима. Народное самодержавіе, не поддержанное широко развитымъ сознаніемъ личныхъ правъ и, напротивъ того, стремившееся къ подавленію и стѣсненію личной свободы, личной иниціативы и самостоятельности, сравнительно легко и почти безъ борьбы перешло въ неограниченное самодержавіе единаго властителя. Римскимъ цезарямъ перваго періода императорской эпохи нетрудно было воспользоваться юридической фикціей, что они управляютъ отъ имени народа, что народъ передалъ имъ добровольно свою суверенную власть. Республиканскія учрежденія по имени продолжали свое существованіе и при императорахъ;

*) Ты рожденъ не для себя и не для меня, но для отечества.

цезарь считался только какъ бы уполномоченнымъ отъ имени народа для отправленія верховной власти. Но такъ какъ власть эта по существу своему была неограниченной, не умѣрялась гарантіями правъ личности, то имперія не замедлила выродиться въ дикую деспотію, ничѣмъ не отличающуюся отъ тогдашнихъ восточныхъ монархій, въ которыхъ народъ никогда не былъ знакомъ съ республиканскимъ режимомъ. Императорскій Римъ, какъ и слѣдовало ожидать, окончательно задавилъ и растоптalъ всѣ тѣ зародыши личныхъ правъ, которые еще могли бы развиться при республиканскихъ порядкахъ. Въ то же время онъ создалъ свою теорію абсолютной монархіи, оставилъ послѣ себя долго мерцавшій ореолъ величія и могущества, который оказывалъ извѣстное вліяніе, и по прошествіи многихъ вѣковъ, на людей совершенно иной эпохи и иной культуры.

Феодальныя государства, основанныя варварами, разрушившими римскую имперію, по характеру своей организаціи исходили совершенно изъ иного начала, чѣмъ та имперія, на развалинахъ которой возникли эти государства. Германскій феодализмъ основывался на идеѣ личности, личныхъ отношеній между начальникомъ и подчиненнымъ, сюзереномъ и вассаломъ; подчиненіе послѣдняго первому было обусловлено особымъ договоромъ, точно опредѣлявшимъ взаимныя права и обязанности. Малѣйшее притязаніе сюзерена превысить предѣлы предоставленныхъ ему по договору правъ давало вассалу полное право не только отказать въ повиновеніи, но и силою сопротивляться всякимъ домогательствамъ со стороны стараго сеньера. И такой порядокъ соблюдался или долженъ былъ соблюдаться сверху донизу феодальной лѣстницы. Жакеріи во Франціи, крестьянскія войны въ Германіи, возстаніе Уота Тайлора въ Англіи вытекали изъ правильнаго пониманія низшими вассалами (т.-е. крестьянами) своихъ феодальныхъ правъ, незаконно нарушенныхъ ихъ сеньерами. Равнымъ образомъ и англійскіе бароны, заставившіе Іоанна Безземельнаго подписать Великую хартію, оставались вѣрными тому основному феодальному принципу, что король хотя и верховный сюзеренъ въ странѣ, но, тѣмъ не менѣе, только старшій сеньеръ, primus inter pares, и потому не имѣетъ никакихъ особыхъ правъ и преимуществъ, которыя не вытекали бы изъ опредѣленнаго обычаемъ «ряда» между нимъ и его вассалами.

Эти древне-германскія начала индивидуализма и самоуправленія отдѣльныхъ сословій, общинъ и сеньерій были глубоко чужды и прямо враждебны духу римскаго публичнаго права. Какъ народное, такъ и императорское самодержавіе древняго Рима совершенно не допускало такой самостоятельности и независимости отдѣльныхъ группъ и личностей въ государствѣ. Поэтому понятно, что, когда въ Зап. Европѣ

произошла рецепція (принятіе за норму) римскаго права, королевская власть, стремившаяся къ абсолютизму, не нашла себѣ лучшихъ союзниковъ, какъ юристовъ, знатоковъ римскаго права, которые всею силою своего знанія и ученаго авторитета боролись съ феодальнымъ строемъ на пользу абсолютизма. Въ особенности успѣшна была въ этомъ смыслѣ дѣятельность французскихъ законовѣдовъ (легистовъ). Опираясь на смутное стремленіе французскаго народа къ политическому единству (стремленіе, обостренное тяжелыми внѣшними войнами, какъ, напр., Столѣтняя), французскіе легисты искусно проводили идею королевскаго абсолютизма подъ флагомъ національнаго единства и крѣпости. Ихъ любимѣйшими формулами были: установить во Франціи единую вѣру, единый законъ, единаго короля (une foi, une loi, un roi) и затѣмъ отождествленіе воли закона съ волей монарха: Si veut le roi, si veut la loi *). Отсюда уже Людовикъ XIV легко могъ сдѣлать выводъ: L'État c'est moi **). Идея римскаго имперіализма, насколько то позволяли измѣнившіяся историческія условія, была снова воплощена. Понятно при этомъ, что о правахъ личности въ абсолютной монархіи XVII—XVIII вв. не могло быть и рѣчи. Личность въ полицейскомъ государствѣ безправна; она является объектомъ, а не субъектомъ правъ; ея роль совершенно пассивная; ей предоставляется только повиноваться свыше исходящимъ распоряженіямъ власти, и какой-либо гарантіи противъ злоупотребленій этой власти у подданныхъ не имѣется.

Если абсолютная монархія, побѣдивъ феодализмъ, поставила грозныя преграды стремленію личности къ политической свободѣ, то не меньшія преграды и заставы нагромоздила средневѣковая церковь на пути къ свободѣ совѣсти. Хотя христіанство въ императорскомъ Римѣ играло роль разлагающаго фермента, разрушившаго въ индивидуальномъ сознаніи господство цезаризма и преклоненія предъ всемогуществомъ государства, но затѣмъ, само проникшись идеями римскаго имперіализма, оно, въ лицѣ католической церкви, стало грознымъ стражемъ традиціонной догматики и слѣпой, неразсуждающей вѣры. Духовный деспотизмъ католичества (въ немного меньшей мѣрѣ и православія) былъ едва ли не тяжеле свѣтскаго деспотизма монархической власти, и нужны были дѣйствительно сверхчеловѣческія усилія многихъ поколѣній неутомимыхъ и неустрашимыхъ борцовъ за человѣческую свободу, чтобы заставить отступить и поблѣднѣть этотъ темный призракъ, и по сіе время еще не вполнѣ исчезнувшій.

Реформація была въ извѣстной мѣрѣ возрожденіемъ древне-гер-

*) Какъ хочетъ король, такъ хочетъ и законъ.
**) Государство—это я.

манскаго или феодальнаго индивидуализма. Она провозгласила права личности въ дѣлахъ вѣры, въ общеніи человѣка съ Богомъ, отвергнувъ власть посредниковъ и отказавшись повиноваться «намѣстнику» Христа. Провозглашеніемъ же свободы совѣсти косвенно былъ нанесенъ ударъ и политическому абсолютизму. Если личность имѣетъ право вѣрить по указанію своей совѣсти, если организація церковныхъ общинъ свободна, то тѣмъ самымъ устанавливается или, по крайней мѣрѣ, должна быть допущена свобода собраній (религіозныхъ и другихъ), свобода слова и печати (религіозной и по другимъ вопросамъ), свобода воспитанія и т. д. Хотя сами дѣятели реформаціи (въ особенности Лютеръ) не заходили такъ далеко въ своихъ притязаніяхъ и старались ладить со свѣтскимъ начальствомъ, но логически проповѣдуемые ими принципы неминуемо должны были выйти и вышли изъ предѣловъ чисто-религіозной сферы въ область политическихъ отношеній. Реформація послѣдовательно приводила къ революціи. Это въ особенности ясно обнаружилось въ Англіи, гдѣ проповѣдь религіознаго индивидуализма упала на подготовленную почву издавна охранявшихся всѣмъ народомъ началъ политической свободы. Въ Англіи во время борьбы парламента съ домомъ Стюартовъ реформаціонное движеніе слилось съ политическимъ, и оба вмѣстѣ соединились въ могучій потокъ, утопившій враговъ народной свободы. Наиболѣе горячія струи этого потока перенеслись даже черезъ океанъ и здѣсь положили начало великой заатлантической республики, цѣликомъ выросшей изъ незамѣтныхъ вначалѣ ростковъ—демократическихъ колоній пуританъ—индепендентовъ (независимыхъ).

Идеи, нашедшія свое осуществленіе въ англійской революціи и, позже, въ созданіи федеральной республики Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, породили громадную литературу о правахъ личности, объ общественномъ договорѣ, объ естественномъ правѣ. Идеи эти господствовали въ политическомъ сознаніи общественныхъ дѣятелей XVIII вѣка, и наиболѣе яркимъ образомъ проявились онѣ во время Великой французской революціи. Общей основой теорій естественнаго права—Локка, Вольфа, Блекстона, Руссо, Сіейеса и др., является гипотеза абсолютной независимости личности, управляемой въ своей нравственной отвѣтственности только естественнымъ правомъ. Это свободное состояніе личности предполагалось ея первоначальнымъ состояніемъ, предшествующимъ образованію всякаго политическаго союза. Отказавшись отъ этой первобытной свободы, чтобы создать, по единодушно принятому договору, государство и государственную власть, отдѣльныя лица въ сущности отказались лишь отъ части своей естественной независимости, несовмѣстимой съ существованіемъ государства. По выраженію Беккаріа, люди, соединившись въ государство, принесли въ жертву лишь часть

своей свободы съ тѣмъ, чтобы наслаждаться остальной частью съ бо́льшимъ спокойствіемъ и обезпеченностью. Этотъ остатокъ первобытной, естественной свободы и составляетъ права личности, которыя стоятъ выше правъ государства, такъ какъ они ему предшествуютъ, и такъ какъ само государство было образовано лишь въ цѣляхъ ихъ гарантіи и сохраненія. Сіейесъ выражаетъ эту мысль словами: «Цѣлью всякаго общественнаго учрежденія является личная свобода». Эти идеи, какъ извѣстно, легли въ основу французской революціи. Ст. 1 декларація правъ человѣка гласитъ: «люди рождаются и пребываютъ свободными и равноправными... Общественныя различія могутъ быть основаны только на общей пользѣ». Ст. 2-я: «Цѣль всякаго политическаго союза есть охрана естественныхъ и неотъемлемыхъ правъ человѣка. Эти права — свобода, собственность, безопасность и сопротивленіе насилію».

Какъ бы мы ни относились теперь къ теоріи общественнаго договора и естественныхъ правъ человѣка, но ясно то, что въ свое время эти идеи оказали самое могущественное воздѣйствіе на умы современниковъ и повели къ самымъ значительнымъ переворотамъ и реформамъ общественной жизни. Мы не отрицаемъ того, что, помимо идейныхъ мотивовъ, существовали и весьма реальныя экономическія причины, приведшія къ распаденію стараго режима и торжеству революціоннаго, впослѣдствіи буржуазнаго индивидуализма. Но несомнѣнно, что эти экономическія причины могли бы и не найти себѣ соотвѣтствующаго выраженія въ идеологіи современныхъ мыслителей, или это выраженіе могло бы быть настолько тусклымъ и малоувлекательнымъ, что не оказало бы серьезнаго вліянія на ходъ событій, которыя при этомъ могли бы получить иное направленіе или итти очень замедленнымъ темпомъ. Во всякомъ случаѣ, идея индивидуализма, зародившись въ реформаціонномъ движеніи XVI вѣка, нашла себѣ дальнѣйшее подтвержденіе и развитіе въ теоріяхъ естественнаго права и философіи. Она вступила въ XIX вѣкъ, освѣщенная огнями революціи, и если затѣмъ ея обликъ нѣсколько потускнѣлъ, такъ какъ на индивидуализмъ была наброшена тѣнь обвиненія въ «буржуазности», то смѣлыя теоріи Штирнера, Ницше, страстные призывы и рѣчи анархистовъ, какъ крайнихъ индивидуалистовъ, придаютъ новый блескъ ученію о личности, какъ единственномъ реальномъ источникѣ всякаго права, всякой морали и всякой религіи, въ чемъ бы она ни состояла, и каковы бы ни были ея догматы или положенія.

Оставаясь пока на почвѣ государственнаго права и не отвлекаясь въ сторону философіи и морали, что завело бы насъ далеко отъ предмета нашего разсужденія, мы здѣсь не можемъ не привести слова извѣстнаго проф. Эсмена, писателя вообще осторожнаго и умѣреннаго.

Вотъ что говоритъ онъ по интересующему насъ вопросу: «Источникъ всякаго права находится въ личности, такъ какъ только личность есть существо реальное, свободное и отвѣтственное. Конечно, человѣческія и политическія общества суть естественныя образованія и вызванные необходимостью организмы, которые развиваются по законамъ причинности... Но изъ этого не слѣдуетъ, что политическія общества—реальныя существа и обладаютъ личными правами. Напротивъ того, живыя личности, составляющія общества,—существа, имѣющія чувство нравственной отвѣтственности и могущія управлять своими дѣйствіями. По праву и по требованіямъ логики, политическое общество функціонируетъ только въ интересахъ его членовъ. Первый же интересъ и главное право личности—это имѣть возможность свободнаго развитія своихъ личныхъ свойствъ. Лучшее средство гарантировать это развитіе—это позволить личности направлять его по ея собственному усмотрѣнію, самопроизвольно, на свой страхъ и рискъ, лишь бы не нарушались права другихъ лицъ. Въ обезпеченіи этого свободнаго развитія и заключается цѣль различныхъ свободъ, составляющихъ личныя права; не уважая этихъ правъ, политическое общество не исполнило бы своей основной задачи, и государство потеряло бы главнѣйшій смыслъ и причину своего существованія» *).

Въ этихъ немногихъ словахъ уже выражено передъ нами современное пониманіе отношенія личности къ государству и предѣловъ ихъ взаимныхъ правъ и обязанностей. При этомъ надо имѣть въ виду, что Эсменъ еще признаетъ личность государства, какъ юридическое олицетвореніе націи, какъ субъектъ и опору общественной власти. Гораздо дальше его и Л. Дюги (Duguit), совершенно отрицающій всякое существованіе личности государства, какъ абстракцію, лишенную всякаго реальнаго содержанія, и видящій въ государствѣ только группировку отдѣльныхъ личностей, группировку, создавшуюся благодаря потребности въ общественной солидарности, но поддерживаемую и регулируемую только волей самихъ отдѣльныхъ лицъ **). Не вступая здѣсь въ разсмотрѣніе спора между этатистами (государственниками) и индивидуалистами о персональномъ существованіи государства, мы здѣсь должны отмѣтить, что въ томъ или иномъ видѣ сознаніе самостоятельнаго положенія личности въ современномъ государствѣ господствуетъ въ европейской литературѣ по государственному и общественному праву. Это сознаніе отражается и на областяхъ, смежныхъ или даже далекихъ отъ спеціально-юридическихъ вопросовъ—въ области философіи, морали, искусства, наконецъ, въ обычномъ, среднемъ представленіи о роли отдѣльнаго лица въ обществѣ.

*) A. Esmein, «Elements de droit constitutionnel», 1903, pp. 381.
**) L. Duguit, «L'Etat».

Вопросъ о границахъ государственной власти по отношенію къ отдѣльному лицу, о предѣлахъ личной свободы интересовалъ и продолжаетъ интересовать мыслящіе европейскіе умы въ продолженіе двухъ или болѣе столѣтій. Для современнаго правового государства и его теоретиковъ имѣли въ свое время большое значеніе взгляды, высказанные В. Гумбольдтомъ, изложенные имъ еще въ концѣ XVIII в., но появившіеся въ печати только около половины XIX ст. Гумбольдтъ весьма тщательно и послѣдовательно старался разграничить область личныхъ правъ, не подлежащихъ воздѣйствію со стороны государства *). Высшей и конечной цѣлью всякаго человѣка, по Гумбольдту, является наиболѣе точное и всестороннее развитіе его силъ въ ихъ индивидуальной особенности и самобытности. Необходимыми условіями достиженія этой цѣли должны быть: свобода дѣятельности и разнообразіе личныхъ положеній (Situationen). Въ обществѣ, состоящемъ изъ однородныхъ и однообразныхъ индивидовъ, находящихся въ приблизительно одинаковыхъ условіяхъ жизни, личность не можетъ развиться и, даже если разовьется, не можетъ найти себѣ приложенія вслѣдствіе однообразія и мертвенности общаго тона и строя жизни. Съ другой стороны, общество, допускающее матеріальное и духовное неравенство, но скованное неподвижностью своихъ формъ и организаціи (напр., кастовое, сословное устройство), въ равной мѣрѣ не можетъ благопріятствовать развитію личности. Въ виду этого государство не должно стремиться къ введенію «единообразія», «равненія подъ одно» и уничтоженія естественныхъ различій между индивидами, а съ другой стороны не должно стѣснять и запрещать свободу личной дѣятельности въ ея различныхъ формахъ, лишь бы только эта дѣятельность не нарушала права другихъ лицъ. Въ виду этого Гумбольдтъ признаетъ религію, нравственность, воспитаніе, выборъ занятій и личныя убѣжденія лежащими внѣ сферы государственнаго вмѣшательства.

Эти идеи были приняты европейской публицистикой и теоретиками права съ одинаковымъ сочувствіемъ. Отзвукъ ихъ мы находимъ и въ приведенной выше выдержкѣ у Эсмена. Отличіе теоріи Гумбольдта отъ школы естественнаго права состоитъ въ томъ, что онъ совершенно не касается вопроса о прирожденности тѣхъ или другихъ правъ, не говоритъ о происхожденіи государства изъ договора отдѣльныхъ лицъ и вообще искусно обходитъ тѣ подводные камни, которыхъ не сумѣла избѣжать философія естественныхъ правъ. Онъ становится на болѣе практическую и убѣдительную точку цѣлесообразности и необходимости естественныхъ стремленій индивида къ свободной и непринужденной дѣятельности. Теоретически этотъ пріемъ

*) «Grenzen der Wirksamkeit des Staats».

былъ безусловно болѣе правильнымъ, чѣмъ доказываніе сомнительной гипотезы о первобытной свободѣ человѣка.

Изъ позднѣйшихъ писателей близко примкнулъ къ положеніямъ В. Гумбольдта и развилъ ихъ съ наибольшей полнотой и послѣдовательностью Д. С. Милль, трактатъ котораго «О свободѣ» до сихъ поръ является классическимъ по данному вопросу. Милль ставитъ вопросъ весьма широко и говоритъ уже не о предѣлахъ власти государства, а о предѣлахъ власти общества надъ индивидомъ, подразумѣвая подъ обществомъ вообще всякое общежитіе, каковы бы ни были его формы. Англійскій философъ стоитъ, конечно, за наибольшее расширеніе и самостоятельность личныхъ правъ, развивая свои идеи съ большою послѣдовательностью и убѣдительностью. Единственная цѣль, по мнѣнію Милля, ради которой человѣчество (государство или общество) имѣетъ право вмѣшиваться въ свободу дѣйствій своего сочлена есть самозащита и предупрежденіе нанесенія вреда другому лицу. Человѣкъ отвѣтственъ передъ обществомъ лишь постольку, поскольку образъ его дѣйствій касается другихъ лицъ. Пока дѣйствія человѣка касаются только лично, его самого,—свобода его дѣйствій должна считаться неограниченной. Человѣкъ неограниченный властелинъ надъ самимъ собой, надъ своимъ тѣломъ и душой. Все то, что подавляетъ индивидуальныя свойства людей, есть деспотизмъ, какимъ бы инымъ названіемъ ни обозначался этотъ гнетъ, и чѣмъ бы онъ ни прикрывался: волей ли божіей, или людскими велѣніями. Нетерпимость общества по отношенію къ индивидуальной самобытности и свободѣ ведетъ къ подавленію личности, къ господству жалкой посредственности, преклоняющейся передъ игомъ общественнаго мнѣнія. Геній, какъ и герой, индивидуаленъ. Все то, что было совершено на свѣтѣ, всегда совершалось по почину одного лица, которое являлось первымъ въ томъ или другомъ отношеніи и указывало путь слѣдующимъ за нимъ. Преимущество европейской цивилизаціи состояло въ разнообразіи характеровъ людей и культуры, въ разнообразіи типовъ, въ широкомъ развитіи индивидуальнаго начала. Порабощеніе личности обществомъ, безусловное и всестороннее подчиненіе индивида общественному мнѣнію можетъ привести только къ китайщинѣ, ко всеобщему застою, рутинѣ, умственному и нравственному измельчанію.

Исходя изъ этихъ основныхъ положеній, Милль, разсматривая вопросъ о предѣлахъ индивидуальной свободы, находитъ, что область этой свободы распадается на два отдѣла: 1) внутренняя сфера сознанія человѣка, основными требованіями которой являются: а) свобода совѣсти въ самомъ обширномъ значеніи этого слова, какъ свобода личнаго убѣжденія добытаго путемъ самостоятельной умственной работы; б) свобода мысли и чувства, свобода мнѣній и симпатій от-

носительно всѣхъ вопросовъ практическихъ и умозрительныхъ или религіозныхъ; в) свобода выраженія и распространенія мнѣній, и 2) сфера внѣшнихъ отношеній человѣка къ другимъ людямъ, поскольку они затрогиваются личностью въ ея дѣятельности. Сюда относятся: а) свобода личныхъ наклонностей и занятій, образа жизни, выбора профессіи: б) свобода дѣйствій, пока мы не причиняемъ вреда ближнимъ, невзирая на то, считаютъ ли эти ближніе наши поступки, со своей точки зрѣнія, безразсудными, ошибочными или неправильными. «Ни одно общество,» добавляетъ Милль, «въ которомъ эти основныя права индивида не уважаются, не можетъ считаться вполнѣ свободнымъ, какая бы ни существовала у него форма правленія, причемъ необходимо имѣть въ виду, что права человѣческой свободы должны признаваться безусловно и безъ всякаго ограниченія».

Особенно энергично отстаиваетъ англійскій писатель свободу мысли и слова. Стѣсненіе свободы рѣчи пагубно даже тогда, когда оно примѣняется въ согласіи съ общественнымъ мнѣніемъ, и еще болѣе, конечно, пагубно, когда примѣняется правительствомъ вопреки общественному мнѣнію. Если бы все человѣчество, за исключеніемъ одного только лица, придерживалось одного опредѣленнаго убѣжденія, а это одно лицо—противоположнаго, то человѣчество было бы настолько же неправо, если бы заставило силою замолчать этого одного человѣка, какъ былъ бы неправъ этотъ одинъ человѣкъ, если бы, имѣя на то власть, заставилъ замолчать человѣчество. Если мнѣніе этого одного лица—истина, то потеря человѣчества, при насильственномъ прекращеніи спора, очевидна и можетъ, въ извѣстныхъ случаяхъ, привести къ роковымъ послѣдствіямъ. Но если и нѣтъ, то на чемъ основана увѣренность въ абсолютной истинѣ общепринятыхъ положеній? Человѣчество не можетъ само признать себя непогрѣшимымъ. Необходима постоянная провѣрка хотя бы, по общему мнѣнію, и безспорныхъ истинъ, каковыхъ притомъ же, помимо законовъ математическихъ наукъ, въ сущности и не имѣется. Какъ на всемірно-извѣстные примѣры ошибочности общественныхъ политическихъ и религіозныхъ убѣжденій, Милль указываетъ на осужденіе Сократа и Христа, а, съ другой стороны на гоненія христіанъ М. Авреліемъ, образцомъ стоической морали и уравновѣшенности. «Всѣ тѣ», говоритъ Милль, «которые отстаиваютъ необходимость преслѣдованія антихристіанскихъ убѣжденій, если только они не считаютъ себя болѣе умными и добродѣтельными, чѣмъ Маркъ Аврелій, если не полагаютъ, что они глубже проникнуты всею мудростью своего вѣка, если не считаютъ себя стоящими по уму во главѣ самыхъ передовыхъ людей своего вѣка,—такіе люди должны бы воздерживаться и удерживать другихъ отъ того притязанія на непогрѣшимость, какое проявилъ М. Аврелій». Въ заключеніе

Милль приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ относительно свободы слова и мнѣнія: 1) Запрещеніе выражать какое-либо мнѣніе не исключаетъ возможности, чтобы это мнѣніе содержало въ себѣ истину. Отрицать это, значитъ признавать непогрѣшимость нашего собственнаго мнѣнія. 2) Хотя бы мнѣніе, которое воспрещается, было ложнымъ, оно все-таки можетъ содержать извѣстную долю истины, и такъ какъ общепринятое или господствующее мнѣніе о какомъ-нибудь вопросѣ весьма рѣдко или скорѣе никогда не представляетъ собою всей истины, то только благодаря столкновенію самыхъ противоположныхъ мнѣній можетъ быть возстановлена остальная доля истины. 3) Даже и въ томъ случаѣ, если въ господствующемъ мнѣніи заключается вся истина полностью, то и въ такомъ случаѣ на эту истину если не будетъ дозволено оспаривать ее, и она не подвергается ревностному и искреннему оспариванію, большинство ея послѣдователей будетъ смотрѣть какъ бы на освященный давностью предразсудокъ, вслѣдствіе лишь смутнаго пониманія ея разумныхъ основъ. 4) Самое истинное ученіе можетъ, вслѣдствіе запрета оспариванія, утратить свое жизненное значеніе и смыслъ и обратиться въ простую формальность, которая лишь препятствуетъ зарожденію дѣйствительно искреннихъ и самостоятельныхъ убѣжденій.

Приведенныя нами положенія Милля *) о свободѣ личности и личныхъ убѣжденій можно считать имѣющими безусловное значеніе при всякой формѣ государственнаго и общественнаго строя, какъ въ конституціонной монархіи, такъ и въ демократической республикѣ, какъ при господствѣ капитализма, такъ и при господствѣ пролетаріата. Здѣсь умѣстно вспомнить евангельское «духъ животворитъ, а тѣло (форма) не пользуетъ нимало». Формы государственнаго устройства мало могутъ принести пользы, если онѣ не оживлены духомъ личной свободы, личной иниціативы и самобытности. Конечно, есть такія формы, которыя безусловно враждебны личной свободѣ (напр., абсолютная монархія или олигархія), и есть другія, которыя держатся, главнымъ образомъ, на индивидуализаціи общества (демократическая республика). Но всегда возможны отклоненія въ ту или другую сторону, и при самомъ демократическомъ режимѣ возможно угнетеніе, напр., меньшинства большинствомъ, одного класса общества другимъ, болѣе сильнымъ или многочисленнымъ. Вотъ въ этихъ случаяхъ система личныхъ правъ, вошедшая въ общественное сознаніе, ставшая общепри-

*) Въ англійской литературѣ вообще преобладаютъ симпатіи къ индивидуализму. Помимо Милля теоретиками индивидуализма можно назвать А. Смита, Бентама, Г. Спенсера. Изъ французовъ выдѣляется горячей проповѣдью индивидуализма—Прудонъ. Наиболѣе яркое философское обоснованіе индивидуализма, въ смыслѣ самоцѣли «я»—дано Штирнеромъ.

пятой этико-политической нормой, одна только и можетъ служить гарантіей слабымъ отъ гнета и произвола сильныхъ. Если бы въ будущемъ возникъ, напр., такой соціалистическій строй, который не допускалъ бы публичной критики соціализма и оспариванія соціалистическихъ доктринъ, то этотъ строй, хотя бы онъ и поддерживался сочувствіемъ большинства населенія, нельзя было бы иначе назвать какъ деспотическимъ, не признающимъ основныхъ правъ личности. Положеніе соціалистическаго ученія, при запрещеніи его критики, совершенно соотвѣтствовало бы догмату о непогрѣшимости папы или теоріи абсолютной монархіи, не допускающей порицанія и осужденія ея дѣйствій. Вопросъ о правахъ личности вообще для соціализма— вопросъ роковой, который нѣкоторымъ, можетъ-быть, было бы желательно разрѣшить такимъ же простымъ путемъ, какъ былъ разрѣшенъ легендарный Гордіевъ узелъ, но который несомнѣнно такому упрощенному разрѣшенію не подлежитъ.

Въ настоящее время, во всякомъ случаѣ, идея индивидуализма, идея необходимыхъ личныхъ правъ пользуется достаточнымъ признаніемъ въ теоріи государственнаго права. Мы уже приводили по этому поводу мнѣніе Эсмена. Мы можемъ еще указать на извѣстнаго профессора Еллинека, который основательно и систематически изучилъ вопросъ о личныхъ правахъ *). Хотя Еллинекъ, въ противоположность чистымъ индивидуалистамъ, и признаетъ самостоятельное бытіе государства, какъ отдѣльнаго субъекта правъ, однако, онъ признаетъ такимъ же субъектомъ правъ и отдѣльнаго индивида, какъ члена государства. Хотя государство и творитъ право и, какъ его источникъ, стоитъ выше индивида, однако, издавая законъ, государство связываетъ и обязываетъ имъ не только подчиненныхъ ему индивидовъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и само себя. Оно обязывается въ извѣстныхъ отношеніяхъ передъ индивидомъ и самоограничивается въ его пользу по соображеніямъ этическаго характера. Наиболѣе важной и существенной заповѣдью права и морали для государства Еллинекъ, по примѣру Канта, находитъ слѣдующую формулу: Поступай такъ, чтобы каждое изъ твоихъ дѣйствій наиболѣе соотвѣтствовало общему интересу или интересу твоихъ подчиненныхъ (т.-е. отдѣльныхъ лицъ).

Еллинекъ разсматриваетъ вопросъ объ отношеніяхъ личности къ государству съ абстрактной или даже метафизической точки зрѣнія, приписывая государству, какъ таковому, особое субстанціальное бытіе, независимое отъ составляющихъ его личностей и ихъ группъ. Болѣе реалистичнымъ и соотвѣтственнымъ дѣйствительности представляется теорія французскаго ученаго Дюги (Duguit), о которой мы

*) «System der subjektiven offentlichen Rechte».

уже упоминали. Дюги въ пространной полемикѣ опровергаетъ ученіе Еллинека и другихъ государственниковъ о «личности» государства, какъ верховнаго носителя и творца правъ. Онъ приходитъ къ тому выводу, что государство какъ личность не существуетъ, это такая же фикція, какъ платоновская идея, не соотвѣтствующая никакому реальному явленію. Въ дѣйствительности существуютъ только отдѣльные индивиды, различнымъ образомъ сгруппированные, связанные между собою необходимостью совмѣстной жизни въ обществѣ. Эта необходимость общественной жизни вызываетъ и необходимость двойной солидарности между члена мнобщества— солидарности вслѣдствіе общихъ потребностей и нуждъ и солидарности вслѣдствіе раздѣленія труда. Для поддержанія этой необходимой для общества солидарности вырабатываются совмѣстной работой всѣхъ членовъ общества правовыя нормы (regle de droit), одинаково обязательныя какъ для правителей, такъ и для управляемыхъ. Управители (les gouvernants), хотя и не представляютъ собою олицетвореніе государства, какъ отвлеченной личности, а суть такіе же индивиды, какъ и управляемые, но, будучи связаны необходимостью поддерживать солидарность въ томъ обществѣ, которымъ они, по тѣмъ или другимъ основаніямъ, управляютъ, должны волей-неволей соблюдать общепризнанныя правовыя нормы, подъ страхомъ нарушенія общественной солидарности и распаденія общества. Такимъ образомъ, государство по Дюги есть сила (матеріальная, моральная или основанная на поддержкѣ большинства гражданъ), ограниченная и регулируемая правомъ. Дѣятельность государства ограничена правомъ не только въ цѣляхъ, но и въ средствахъ къ достиженію извѣстной цѣли. Политическая власть можетъ дѣйствовать только въ согласіи съ объективнымъ правомъ. Въ виду изложеннаго государство не должно нарушать солидарности, основанной на сходствѣ общихъ потребностей (solidarité par similitudes), т.-е. нарушать права общаго юридическаго равенства, стѣснять свободу личности, передвиженія, свободнаго физическаго и моральнаго развитія индивида, свободу совѣсти, мысли, слова и преподаванія. Равнымъ образомъ, правители не могутъ нарушать солидарности, основанной на раздѣленіи труда, не должны стѣснять свободнаго развитія и примѣненія индивидуальныхъ способностей, выбора занятій, согласно съ личными вкусами и задатками каждаго. Въ то же время государство не должно дозволять монополизаціи орудій производства и капитала, такъ какъ этой монополизаціей нарушается свобода труда. Здѣсь Дюги приближается къ требованіямъ соціалистической школы, и далѣе, говоря о положительной дѣятельности государства для поддержанія общественной солидарности, онъ говоритъ объ обязанности правительства помогать рабочимъ массамъ въ обезпеченіи ихъ трудомъ при условіи достаточнаго вознагражденія.

Такимъ образомъ, исходя совершенно изъ иной точки зрѣнія, чѣмъ Эсменъ и Еллинекъ, Дюги, тѣмъ не менѣе, приходитъ къ аналогичнымъ выводамъ относительно правъ личности въ государствѣ, что подтверждаетъ, насколько убѣжденіе необходимости и закономѣрности этихъ правъ прочно утвердилось въ сознаніи современнаго культурнаго общества. Каковы же именно эти права, эти свободы, на которыхъ покоится современное правовое государство? Мы уже отчасти видѣли ихъ перечисленіе у Милля и Дюги. При этомъ слѣдуетъ отмѣтить, что классификація и число самихъ «свободъ» далеко не одинаково у различныхъ писателей. Эсменъ различаетъ слѣдующіе виды личной свободы: I. Гарантіи матеріальныхъ интересовъ личности—а) личная свобода въ тѣсномъ смыслѣ слова, т.-е. не только правс свободнаго передвиженія и переселенія или эмиграціи, но и безопасности, по терминологіи XVIII в., т.-е. гарантіи противъ произвольнаго арестованія, заключенія или наказанія; б) право собственности; в) неприкосновенность частнаго жилища, какъ одна изъ формъ личной безопасности отъ произвольныхъ обысковъ и т. п.; г) свобода торговли, труда и промышленности (отъ правительственной регламентаціи, цеховъ и т. п.). II. Виды личной свободы, защищающіе моральные интересы индивида: а) свобода совѣсти и вѣроисповѣданія; б и в) свобода собраній и свобода печати; г и д) свобода союзовъ и свобода преподаванія *).

M. Opiy (Hauriou) даетъ довольно сложную классификацію различныхъ видовъ личной или гражданской свободы **), различая свободу отдѣльнаго существа (liberté d'être) и свободу дѣятельности (l. d'activité). Свобода личности, какъ существа, распадается на свободу моральную (свобода совѣсти), свободу физическую (гражданская свобода, личная свобода или безопасность, свобода передвиженія и неприкосновенность частнаго жилища) и свободу соціальную (въ смыслѣ семейныхъ и сословныхъ различій). Свобода дѣятельности, въ свою очередь, раздѣляется на свободу труда, свободу преподаванія, свободу печати, собраній и союзовъ.

Ограничиваясь приведенными примѣрами, мы можемъ убѣдиться, что списокъ личныхъ свободъ далеко не одинаково понимается и составляется разными учеными. И это вполнѣ понятно, такъ какъ самое существованіе свободы личности еще не продолжительно: развитіе правъ личности далеко не завершило своего круга, не формулировалось окончательно и подвергается постояннымъ измѣненіямъ и толкованіямъ, въ смыслѣ постепеннаго расширенія. Такъ, напр.,

*) Эсменъ, «Основныя начала государств. права», т. I, стр. 362 и слѣд.
**) M. Hauriou, «Precis de droit administratif».

многіе юристы, по стопамъ авторовъ декларацiи правъ 1789 г., объявляютъ и право собственности однимъ изъ основныхъ правъ личности. Оріу даже называетъ это право «вѣнцомъ зданія, послѣдней и высшей формой свободы», такъ какъ это есть «свобода покоя» для лицъ, достигшихъ обезпеченнаго положенія. Однакоже, эта свобода покоя представляется довольно спорной, какъ неотъемлемое право личности, и не только съ соціалистической точки зрѣнія, но и по требованіямъ логическаго индивидуализма. Дѣйствительно, основными правами личности являются права общія, не составляющія и не могущія составить привилегіи отдѣльныхъ лицъ. Но какъ-разъ право собственности и составляетъ такую привилегію, такое исключительное право, которымъ пользуется лишь часть, а не всѣ члены общества, подобно свободѣ совѣсти, свободѣ слова, собраній и т. д. Въ виду этого собственность и не можетъ быть отнесена къ безусловнымъ, основнымъ правамъ личности, развѣ только съ оговоркой относительно трудовой собственности. Въ этомъ смыслѣ, конечно, слѣдуетъ признать, что всѣ одинаково имѣютъ право собственности на продукты своего личнаго труда; но не о такой собственности идетъ рѣчь при опредѣленіи «свободы покоя», независимой отъ личнаго труда собственника.

Въ наиболѣе простыхъ и ясныхъ выраженіяхъ было формулировано право личной свободы въ ст. 4 декларацiи правъ 1789 г. «Свобода состоитъ въ возможности дѣлать все то, что не вредитъ другимъ лицамъ. Въ виду этого пользованіе естественными правами со стороны каждаго человѣка ограничивается только тѣми предѣлами, которые обезпечиваютъ другимъ членамъ общества пользованіе тѣми же правами. Эти предѣлы могутъ быть установлены только закономъ». Въ этихъ немногихъ словахъ резюмированы основныя положенія свободы личности, которыя такъ или иначе были приняты за руководящее начало современными европейскими законодательствами. И мы, принявъ за образецъ немногословность и несложность Національнаго собранія, не будемъ останавливаться на дробной и мелочной классификаціи различныхъ видовъ гражданской свободы; разсмотримъ только общепринятое четырехчленное раздѣленіе личныхъ правъ. Въ эти четыре основныя группы: свобода личности (въ тѣсномъ смыслѣ), свобода собраній и союзовъ, свобода совѣсти и свобода слова и печати—входятъ и остальныя болѣе мелкія подраздѣленія, какъ, напр., свобода передвиженія, преподаванія и др. Мы разсмотримъ послѣдовательно по принятой нами группировкѣ современное законодательство и положеніе соотвѣтствующаго вопроса въ Европѣ, лишь отчасти касаясь Россіи, какъ страны, совершенно неустановившейся и неопредѣленной по вопросу о личныхъ правахъ.

II.

Личная свобода.

Право личной свободы. Неприкосновенность частнаго жилища и переписки. Свобода передвиженія.

Родиной личной свободы въ смыслѣ ея гарантированности отъ произвольнаго стѣсненія или уничтоженія со стороны власти или другихъ лицъ считается Англія. Въ Англіи раньше, чѣмъ на континентѣ, было признано за отдѣльной личностью право свободно располагать собою, пока это право не будетъ такъ или иначе ограничено на точномъ основаніи общаго закона, а не по усмотрѣнію власть имущихъ. Въ этомъ смыслѣ права личной свободы были утверждены за англичанами уже въ знаменитой тридцать девятой статьѣ Великой хартіи 1215 года, гласящей *): «Ни одинъ свободный человѣкъ не будетъ схваченъ, посаженъ въ тюрьму, лишенъ имущества, поставленъ внѣ закона, изгнанъ или какимъ-нибудь другимъ образомъ лишенъ принадлежащаго ему права или подвергнутъ убытку; мы (король) не пойдемъ противъ него и не пошлемъ на него иначе, какъ по законному приговору его пэровъ (присяжныхъ) или по закону земли». Этими словами королевская власть въ Англіи уже въ началѣ XIII ст. отказалась отъ права наложенія ареста и другихъ взысканій «путемъ административнымъ», а не по суду, не на основаніи общихъ законовъ. На континентѣ такое ограниченіе королевской и вообще административной власти въ ту эпоху было совершенно неизвѣстно, и административный произволъ, съ исчезновеніемъ феодальнаго быта и образованіемъ абсолютныхъ монархій, не только не ослабѣвалъ, но, наоборотъ, усиливался и достигъ наибольшей напряженности въ XVII — XVIII вв., лишь отчасти смягчаясь общимъ подъемомъ культуры.

Правда, что и въ самой Англіи развитіе личной свободы происходило далеко не спокойно и планомѣрно, а двигалось зигзагами въ зависимости отъ хода борьбы парламента и общества съ королевскою властью. Въ эпоху Тюдоровъ и Стюартовъ (XVI и XVII вв.) гарантіи личной свободы были очень слабы, въ судѣ и администраціи царилъ произволъ, исключительные суды (суды Звѣздной палаты и

*) Дайси, «Основы госуд. права Англіи», гл. V.

Верховной комиссіи *) являлись ужасными орудіями политическихъ и религіозныхъ преслѣдованій. Но англичане, опираясь на Великую хартію вольностей, твердо помня, что «ни одинъ свободный человѣкъ не можетъ быть схваченъ и посаженъ въ тюрьму» по незаконному распоряженію хотя бы и королевской власти, упорно отстаивали начала личной свободы, и результатомъ ихъ побѣдоносной борьбы съ абсолютизмомъ былъ знаменитый Habeas Corpus Act.

Процедура Habeas Corpus **) упоминается уже въ дѣятельности судовъ XV в., вначалѣ какъ средство къ возстановленію свободы, нарушенной частными лицами, но уже со времени Генриха VII (конецъ XV ст.) онъ сталъ примѣняться и въ случаяхъ лишенія свободы представителями власти, сталъ употребляться противъ «короны». Въ эпоху первыхъ Стюартовъ Habeas Corpus являлся признаннымъ конституціоннымъ средствомъ защиты личной свободы. Однако, до изданія акта 1679 г. процедура Habeas Corpus была еще недостаточной гарантіей личной свободы. Выдача приказа о предъявленіи арестованнаго лица въ судъ всецѣло зависѣла (до 1679 г.) отъ усмотрѣнія судей, а такъ какъ англійскіе судьи въ эпоху Стюартовъ были смѣняемы, занимали свои должности, пока это было угодно правительству, то отъ нихъ и нельзя было ожидать особой энергіи въ дѣлѣ защиты свободы гражданъ отъ преслѣдованій абсолютизма. Съ другой стороны, и приказъ судей о представленіи заключеннаго съ объясненіемъ обстоятельствъ и причинъ задержанія не имѣлъ особаго авторитета, и лица (тюремные начальники и др.), не исполнявшія его, не подлежали никакой законной отвѣтственности. Обнаружившіеся во время борьбы со Стюартами недостатки въ организаціи Habeas Corpus и въ то же время сознаніе необходимости наилучшимъ образомъ устроить и развить этотъ институтъ, какъ гарантію личной свободы, привели къ изданію въ 1679 г. особаго акта «о лучшемъ обезпеченіи свободы личности и предупрежденія заключеній», обыкновенно называемаго Habeas Corpus Act ***). Постановленія этого акта сохраняютъ свою силу до настоящаго времени и составляютъ часть дѣйствующаго англійскаго права.

---

*) Исключительные суды были отмѣнены въ 1641 г. и затѣмъ никогда въ Англіи не возобновлялись.

**) Подробности см. В. Дерюжинскій, «Habeas Corpus Актъ», и его же «Полицейское право».

***) Названіе это произошло отъ словъ Habeas Corpus ad subjiciendum, которыми судъ повелѣваетъ привести къ нему личность (тѣло) заключеннаго. Происхожденіе названія относится къ тому времени, когда въ англійскомъ судопроизводствѣ еще господствовалъ латинскій языкъ. Замѣна латинскаго языка англійскимъ въ судебной практикѣ послѣдовала въ 1731 году.

Сущность процедуры Habeas Corpus состоитъ въ слѣдующемъ: всякій, считающій себя неправильно или незаконно лишеннымъ свободы, имѣетъ право обратиться въ судъ съ просьбой о выдачѣ ему приказа Habeas Corpus, въ силу котораго заключенный долженъ быть немедленно представленъ въ судъ для провѣрки законности его ареста. Прошеніе можетъ быть составлено и подано не только самимъ арестованнымъ, но и его повѣреннымъ, родственникомъ или вообще всякимъ лицомъ, дѣйствующимъ въ его интересахъ. При прошеніи прилагается въ извѣстныхъ случаяхъ копія съ предписанія объ арестѣ, причемъ выдача этой копіи со стороны тюремнаго начальства обязательна. По разсмотрѣніи поданнаго прошенія, судъ немедленно выдаетъ требуемый приказъ. Отказать въ выдачѣ его судъ можетъ только въ томъ случаѣ, когда къ арестованному предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ или тяжкомъ уголовномъ преступленіи, причемъ противъ обвиняемаго имѣются вѣскія улики.

По полученіи приказа Habeas Corpus, то лицо (начальникъ или смотритель тюрьмы и т. п.), къ которому обращенъ приказъ, обязано доставить заключеннаго въ судъ вмѣстѣ съ объясненіями о времени, причинахъ и обстоятельствахъ его задержанія. Для исполненія требованія суда назначается извѣстный срокъ (отъ 3 до 20 дней); за неисполненіе приказа въ теченіе этого срока угрожаетъ высокій штрафъ (до 2000 руб. на наши деньги) и судебное преслѣдованіе за неповиновеніе распоряженіямъ суда. По приведеніи заключеннаго, судъ немедленно приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣла. Рѣшеніе суда, смотря по обстоятельствамъ, можетъ имѣть три вида. Судъ или вовсе освобождаетъ арестованнаго, или отпускаетъ его на свободу подъ поручительствомъ, или же отправляетъ его обратно въ тюрьму. Полное освобожденіе происходитъ, конечно, въ томъ случаѣ, если арестъ оказывается противозаконнымъ, и не имѣется основаній къ заключенію арестованнаго. Если же противъ заключеннаго предъявлено формальное обвиненіе, но преступленіе такого рода, что допускаетъ освобожденіе подъ поручительствомъ,—судъ и примѣняетъ эту мѣру до разбора дѣла по существу. Въ случаѣ же обвиненія въ тяжкомъ уголовномъ преступленіи и при наличности достаточныхъ уликъ, судъ не освобождаетъ заключеннаго и составляетъ рѣшеніе о содержаніи его подъ стражею до разрѣшенія дѣла. Заключенный въ этомъ случаѣ имѣетъ только право требовать скораго суда. Онъ можетъ требовать, чтобы его дѣло разбиралось въ ближайшую сессію; если же его дѣло въ эту сессію почему-либо не будетъ разобрано,—онъ требуетъ, чтобы его отпустили на поруки. А если и во вторую сессію дѣло его не будетъ разрѣшено, то обвиняемый освобождается безъ всякаго поручительства. При такихъ условіяхъ, наибольшій срокъ предваритель-

наго заключенія по самымъ тяжкимъ преступленіямъ не превышаетъ пяти-шести мѣсяцевъ.

Такова процедура Habeas Corpus, принятая не только въ самой Англіи, но также въ Канадѣ, Австраліи и др. самоуправляющихся англійскихъ колоніяхъ, а равно въ Сѣв.-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ. Это старинная, но весьма дѣйствительная мѣра охраны личной свободы. Лицо, издавшее неправильный приказъ объ арестованіи, какъ бы ни было высоко его общественное положеніе и какъ бы ни было незначительно положеніе арестованнаго, подвергается судебной отвѣтственности по жалобѣ потерпѣвшаго. Судъ присяжныхъ присуждаетъ въ пользу неправильно арестованнаго денежное взысканіе, причемъ размѣры его могутъ достичь колоссальной величины (десятковъ тысячъ рублей).

Въ настоящее время и континентальныя европейскія государства, по примѣру Англіи, признаютъ права личной свободы въ смыслѣ охраны отъ произвольнаго ареста, административной высылки, обыска или другихъ стѣсненій и взысканій, помимо случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ и относящихся къ области уголовнаго судопроизводства. Въ особенности неопредѣленное право ареста въ видѣ полицейской мѣры, безъ возбужденія судебнаго преслѣдованія, бывшее всегда въ рукахъ администраціи средствомъ борьбы съ политическими противниками, подверглось полной отмѣнѣ въ современной Европѣ. Взятіе подъ стражу въ настоящее время есть только мѣра пресѣченія обвиняемому бѣгства отъ суда, а не общеправительственная мѣра, не имѣющая отношенія къ обвиненію въ опредѣленномъ преступленіи. Общимъ правиломъ въ Зап. Европѣ признается, что постановленіе о заключеніи можетъ исходить только отъ установленной закономъ судебной власти. Притомъ постановленіе это должно быть точно мотивировано и примѣняемо съ соблюденіемъ должнаго уваженія къ правамъ личности. Частное жилище, какъ и человѣческая личность, неприкосновенна для всякаго должностного лица, не имѣющаго приказа отъ обычной судебной власти, возбуждающей формальное обвиненіе. Въ равной мѣрѣ неприкосновенна и тайна частной переписки. Всѣ эти личныя права тождественно гарантируются современными европейскими конституціями.

«Личная свобода гарантирована»,—объявляетъ (въ ст. 7) бельгійская конституція 1831 г., послужившая образцомъ для многихъ европейскихъ государствъ. «Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію иначе, какъ въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ формѣ, имъ предписанной. За исключеніемъ захвата на мѣстѣ преступленія, никто не можетъ быть арестованъ иначе, какъ въ силу мотивированнаго приказа судьи; приказъ этотъ долженъ быть предъ-

явленъ въ моментъ ареста или не позже 24 часовъ послѣ него». «Личная свобода гарантирована», — повторяютъ, вслѣдъ за бельгійскою, конституціи: прусская (ст. 5), баварская (ст. 8), австрійская (ст. 8), румынская (ст. 13), сербская (ст. 9), греческая (ст. 4), итальянская (ст. 26). Аналогичная гарантія, хотя въ нѣсколько иныхъ выраженіяхъ, дается въ конституціяхъ нидерландской, датской, норвежской, болгарской, испанской, португальской и др. Вездѣ гарантируется неприкосновенность личности внѣ формъ и случаевъ, точно указанныхъ въ законѣ. Точно также вездѣ почти провозглашается неприкосновенность жилища. Напр., въ бельгійской конституціи ст. 10-я: «Жилище неприкосновенно. Домашній обыскъ можетъ имѣть мѣсто только въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ закономъ, и въ формахъ, имъ предписываемыхъ». Почти тѣ же выраженія повторяются и въ остальныхъ европейскихъ и даже въ японской конституціи. «Тайна переписки неприкосновенна, должностныя лица отвѣчаютъ за ея нарушеніе»,—говоритъ бельгійская конституція, и всѣ остальныя хоромъ повторяютъ то же. Подобныя же запретительныя постановленія имѣются въ европейскихъ конституціяхъ и относительно административной высылки или какихъ-либо другихъ наказаній, налагаемыхъ не по суду *). Исключительные, предназначенные только для разбора политическихъ или религіозныхъ дѣлъ, суды современнымъ законодательствомъ не допускаются. Даже прусская консервативная конституція (ст. 7) признаетъ, что «установленіе исключительныхъ судовъ и чрезвычайныхъ комиссій не допускается».

Французская дѣйствующая конституція 1875 г. совершенно не содержитъ въ себѣ отдѣла, опредѣляющаго свободу личности. Этотъ пропускъ кажется страннымъ послѣ столько разъ торжественно провозглашавшихся принциповъ личной свободы почти во всѣхъ предшествовавшихъ французскихъ конституціяхъ. Но именно это частое повтореніе (одиннадцать разъ въ теченіе 80 лѣтъ) однихъ и тѣхъ же принциповъ, столь же часто и нарушенныхъ иногда самими авторами декларацій, и привело къ охлажденію и утратѣ вѣры въ провозглашенія и звучныя фразы, не отвѣчающія дѣйствительнымъ формамъ жизни. Составители конституціи 1875 г., заботясь прежде всего о примиреніи противоположныхъ интересовъ и стремленій, борьба которыхъ въ то время представлялась сомнительной по своимъ результатамъ, не желали впасть въ трагикомическое положеніе своихъ предшественниковъ, которыхъ государственная необходимость или другія причины заставляли отступать отъ провозглашенныхъ ими самими

*) Напр., бельгійская конституція ст. ст. 8 и 9, нидерландская ст. 155, норвежская ст. 96 и др.

формулъ. Въ извѣстной мѣрѣ у политическихъ дѣятелей Франціи 70-хъ годовъ могло быть предположеніе, что сама жизнь, при нормальномъ функціонированіи республиканскаго строя, будетъ въ достаточной мѣрѣ гарантировать основныя права личности, помимо торжественныхъ обѣщаній на бумагѣ. Дѣйствительность оправдала эти ожиданія. Несмотря на отсутствіе письменной гарантіи, личная свобода во Франціи обезпечена, во всякомъ случаѣ, не меньше, чѣмъ въ Болгаріи или Сербіи, гдѣ конституціи громогласно возвѣщаютъ о свободѣ личности, въ дѣйствительности, увы, часто попираемой. Одно дѣло, конечно, написать законы, а другое—ихъ строго и неукоснительно соблюдать. Нигдѣ въ мірѣ права личности не соблюдаются строже, и притомъ уже въ теченіе долгаго времени, какъ именно въ Англіи, у которой вовсе даже и нѣтъ писаной конституціи. Наилучшей гарантіей свободы являются не столько писаные законы (хотя, конечно, и они имѣютъ свое серьезное значеніе), сколько общіе политическіе нравы страны, политическое воспитаніе какъ правящихъ классовъ, такъ и народной массы, дѣйствительное, вытекающее изъ глубокаго внутренняго убѣжденія, а не формальное, внѣшнее уваженіе къ чужой личности и ея свободѣ и притомъ лишь до тѣхъ поръ, пока эта личность не проявляетъ своего несогласія съ господствующими порядками и вѣрованіями.

Помимо конституціонныхъ гарантій, свобода личности, насколько возможно, принимается во вниманіе и уважается уголовнымъ законодательствомъ всѣхъ европейскихъ странъ. Мы видѣли уже практику Habeas Corpus въ Англіи. На континентѣ Европы хотя и не примѣняются буквально тѣ же пріемы гарантіи личности отъ незаконнаго лишенія свободы, но спеціальные уставы уголовнаго судопроизводства подробно разсматриваютъ вопросъ о случаяхъ и формахъ предварительнаго заключенія съ цѣлью не допускать возможности произвольныхъ дѣйствій со стороны слѣдственной власти. Уголовное право въ своемъ развитіи неукоснительно слѣдуетъ за общимъ развитіемъ формъ государственной жизни. Одною изъ причинъ народнаго недовольства режимомъ абсолютной монархіи была суровость наказаній и крайняя односторонность и пристрастность стариннаго слѣдственнаго (такъ наз. инквизиціоннаго) производства. Въ нѣкоторыхъ конституціяхъ (напр., португальской, норвежской и болгарской) включены требованія о непримѣненіи на будущее время пытокъ и безчеловѣчныхъ казней. Демократизація государственнаго строя, усиливая чувство нравственной солидарности различныхъ общественныхъ слоевъ, влечетъ за собою и смягченіе судебной репрессіи, при абсолютизмѣ разсчитанной почти исключительно на устрашеніе непокорныхъ, «дабы другимъ неповадно было». Общій ростъ сознанія неприкосновенности личныхъ

правъ отражается и на отношеніи правосудія къ обвиняемому или осужденному хотя бы и за тяжкое преступленіе. Въ преступникѣ современное государство и общество видятъ не опаснаго врага, противъ котораго всѣ средства хороши, а человѣческую личность, хотя и нарушившую извѣстныя нормы общежитія, но, тѣмъ не менѣе, не лишенную права на человѣческое къ себѣ отношеніе, не допускающее возможности грубаго и жестокаго обращенія.

Въ области слѣдственнаго производства торжество начала личной свободы выражается въ постепенномъ вытѣсненіи инквизиціоннаго (исключительно слѣдовательскаго) производства системой состязательнаго процесса. Обвиняемый въ настоящее время не является инертной массой въ рукахъ слѣдственной власти, распоряжающейся имъ по своему усмотрѣнію, какъ то было общепринято въ доброе, старое время. Если даже обвиненіе предъявлено въ тяжкомъ преступленіи (убійствѣ и т. п.), обвиняемый, тѣмъ не менѣе, не играетъ роли безгласной жертвы, связанной по рукамъ и ногамъ, у которой слѣдователь такъ или иначе старается исторгнуть признаніе въ совершенномъ дѣяніи или подавить подборомъ односторонне собранныхъ уликъ и доказательствъ. Обвиняемый борется съ обвиненіемъ (оттуда и названіе состязательный процессъ), защищая свою личность, свою честь, свою свободу всѣми возможными по закону средствами. Во многихъ странахъ (напр., Бельгіи, Италіи) онъ обладаетъ правомъ судебной защиты (адвокатской помощи) и при производствѣ слѣдствія до суда; онъ слѣдитъ при помощи адвоката за каждымъ шагомъ слѣдственной власти и представителя обвиненія (прокурора), стараясь поймать ихъ въ неисполненіи требованій закона, въ пристрастномъ къ нему, обвиняемому, отношеніи, въ нарушеніи его основныхъ правъ. Въ особенности осторожно приходится, при состязательномъ процессѣ, судебнымъ властямъ примѣнять такую крайнюю мѣру обезпеченія правосудія, какъ взятіе подъ стражу. Такое серьезное посягательство на личную свободу въ парламентарныхъ странахъ должно быть обставлено самыми добросовѣстными предосторожностями и обусловлено достаточной увѣренностью въ виновности подозрѣваемаго. Продолжительность предварительнаго заключенія (въ Бельгіи, Италіи и др.) регулируется путемъ особой системы срочности постановленій о личномъ задержаніи. Въ Бельгіи судебный слѣдователь не имѣетъ права продержать обвиняемаго болѣе мѣсяца подъ арестомъ, не доложивъ с томъ суду въ особомъ докладѣ, съ указаніемъ причинъ, по которымъ нужно дальнѣйшее заключеніе. Судъ разсматриваетъ докладъ слѣдователя въ присутствіи сторонъ (обвиняемаго или его повѣреннаго и представителя обвиненія), и, лишь по особому постановленію суда, предварительное заключеніе можетъ быть продолжено, и то только

еще на одинъ мѣсяцъ, послѣ чего требуется опять та же процедура. Такимъ образомъ, за слѣдователемъ, за правильностью его дѣйствій при предварительномъ заключеніи обвиняемаго, слѣдятъ какъ самъ обвиняемый (со своимъ повѣреннымъ), такъ и судъ вмѣстѣ съ прокурорскимъ надзоромъ. Понятно, что при такомъ порядкѣ предварительное слѣдствіе не можетъ затянуться на долгій срокъ, иначе судъ, которому каждый мѣсяцъ приходится въ особомъ засѣданіи удлинять срокъ заключенія, самымъ категорическимъ образомъ потребуетъ отъ слѣдователя ускоренія производства.

Мы привели эти подробности съ цѣлью показать, какъ гарантіи личной свободы и уваженія личности проникли даже въ ту область, гдѣ никогда прежде и не помышляли о соблюденіи этихъ гарантій, и гдѣ личность человѣческая постоянно и систематически подвергалась всевозможнымъ униженіямъ и оскорбленіямъ. Конечно, и въ современномъ правовомъ государствѣ (хотя бы въ самой Англіи или Франціи) не все обстоитъ благополучно въ области уголовнаго правосудія и тюремнаго режима, и много осталось еще здѣсь варварскихъ пережитковъ далекаго прошлаго, но общій процессъ расширенія личныхъ правъ несомнѣненъ и въ этомъ темномъ царствѣ. Дальнѣйшая эволюція въ этой области обусловливается постепеннымъ развитіемъ сознанія и уваженія къ личной свободѣ въ средѣ самого общества и отражающаго его стремленія и наклонности государства. Всякій поворотъ въ сторону нетерпимости, исключительному господству тѣхъ или иныхъ взглядовъ, при обостреніи классовой вражды, неминуемо приводитъ къ реакціи и въ области уголовной политики.

Въ критическіе моменты политической борьбы, когда государству угрожаетъ серьезная опасность распаденія или насильственнаго переворота, оно прибѣгаетъ въ цѣляхъ самозащиты къ чрезвычайнымъ мѣрамъ охраны общественнаго порядка. Дѣйствіе конституціонныхъ гарантій пріостанавливается; личная свобода, неприкосновенность жилища, право собраній, свобода печати подвергаются самымъ рѣшительнымъ ограниченіямъ. При этомъ нерѣдко для политическихъ и родственныхъ имъ (аграрныхъ и т. п.) преступленій общіе суды замѣняются исключительными судами, дѣйствующими въ особомъ порядкѣ судопроизводства, менѣе всего, конечно, разсчитанномъ на соблюденіе гарантій личной неприкосновенности. Широкія полномочія на принятіе исключительныхъ мѣръ передаются въ руки близкихъ правительству лицъ, обыкновенно военныхъ. Во всей странѣ вообще (или въ отдѣльной области) водворяется военный режимъ, перевѣсъ военной власти надъ гражданскою. Поэтому и самыя эти исключительныя положенія обыкновенно называются военнымъ или осаднымъ положеніемъ. Принципы войны и военнаго управленія переносятся въ мирную область гражданскаго общества.

И современное правовое государство, организованное на началахъ политической свободы и равноправія, въ извѣстныхъ случаяхъ прибѣгаетъ къ силѣ для самозащиты, хотя, вообще говоря, случаи эти очень рѣдки въ странахъ дѣйствительно парламентарныхъ. Тамъ народное недовольство и требованіе объ удовлетвореніи народныхъ нуждъ могутъ легко найти себѣ выходъ въ прессѣ, на народныхъ собраніяхъ, въ публичныхъ манифестаціяхъ, наконецъ, въ парламентской агитаціи. Насиліе, несомнѣнно, нравственно непріемлемо, не допускается, какъ обычное средство борьбы, этикой народныхъ массъ въ Зап. Европѣ. Мы видимъ, что даже агитація соціалистовъ различныхъ оттѣнковъ и наименованій не вызываетъ учащенія вооруженныхъ столкновеній съ хозяевами и нападеній на власть, какъ то, несомнѣнно, имѣло бы мѣсто, при существованіи проповѣди объ экспропріаціи экспропріаторовъ, въ малокультурной и нравственно неразвитой средѣ. Преклоненіе предъ насиліемъ, господствующее вообще въ обществахъ и государствахъ малокультурныхъ, не знающихъ политической свободы, ведетъ, конечно, къ тому, что народъ, такъ же, какъ и правящіе классы, не проникнутый чувствомъ уваженія къ закону, уваженія къ чужой личности и свободѣ, или дрожитъ и унижается передъ властью, или выражаетъ свой протестъ противъ нея въ дикихъ и необузданныхъ формахъ, въ радостномъ сознаніи, что «теперь сила на нашей сторонѣ». Ничего подобнаго мы не видимъ въ настоящее время въ странахъ старой культуры, сравнительно давно уже пользующихся благами политической свободы.

Въ соотвѣтствіи со степенью политическаго воспитанія и культурной уравновѣшенности народа мы видимъ, что и чрезвычайныя мѣры охраны идутъ, такъ сказать, обратно пропорціонально культурности и политическому такту населенія. Въ Англіи, родинѣ политической свободы въ Европѣ, осадное или военное положеніе, въ томъ смыслѣ, какъ оно извѣстно намъ, русскимъ, или даже нѣмцамъ и французамъ, совершенно не примѣняется. Тамъ существуетъ, въ случаѣ возстанія или мятежа, только пріостановка дѣйствія Habeas Corpus и то лишь въ части его, касающейся государственной измѣны. Пріостановка Habeas Corpus означаетъ пріостановку въ освобожденіи обвиняемыхъ или подозрѣваемыхъ въ государственной измѣнѣ. Всѣ остальныя гарантіи личной неприкосновенности сохраняютъ свою силу. Администраціи вовсе не предоставляется исключительныхъ полномочій на время пріостановки Habeas Corpus; дѣйствія ея подлежатъ строгому контролю судебной власти и парламента. Правда, во избѣжаніе предъявленія большого числа исковъ по формальнымъ нарушеніямъ закона, обыкновенно издается актъ объ амнистіи за неправильныя дѣйствія, совершенныя въ эпоху пріостановки. Но изданію этого акта пред-

шествуетъ строгая ревизія дѣятельности администраціи въ предѣлахъ данныхъ ей полномочій. При этомъ необходимо имѣть въ виду, что пріостановка Habeas Corpus не вноситъ никакихъ измѣненій въ обычную дѣятельность общихъ судовъ. Англія совершенно не знаетъ военныхъ судовъ и передачи гражданской власти военнымъ чинамъ Въ предѣлахъ собственно Англіи и Шотландіи пріостановка Habeas Corpus акта ни разу не примѣнялась съ 1818 года, т.-е. почти 90 лѣтъ, несмотря на довольно бурныя эпохи, какъ, напр., агитація въ періодъ парламентской реформы 1832 или движеніе чартистовъ. Правда, въ Ирландіи англичане держались иной политики и нерѣдко примѣняли здѣсь различныя исключительныя мѣры (напр., «принудительный» актъ 1881 г. и др.). Но все-таки и въ Ирландіи никогда не вводились военные суды, и исключительныя полномочія гражданской власти были точно опредѣлены въ соотвѣтствующихъ актахъ.

Не то мы видимъ на континентѣ. Здѣсь режимъ осаднаго положенія отличается суровостями и стѣсненіями личной свободы, совершенно неизвѣстными англійскому законодательству. И во Франціи, и въ Германіи объявленіе осаднаго положенія сопровождается переходомъ гражданской исполнительной власти въ руки военнаго начальства, пріостановкой конституціонныхъ гарантій—личной свободы, неприкосновенности жилища и пр., и, наконецъ, цѣлыя группы преступленій (государственныхъ и другихъ) передаются изъ обыкновенныхъ судовъ въ вѣдѣніе судовъ военныхъ.

Относительно Россіи мы въ сущности ничего не можемъ сказать, разъ идетъ вопросъ о личной свободѣ и неприкосновенности. Мы можемъ очень много говорить объ усиленной и чрезвычайной охранѣ, о военномъ и осадномъ положеніи, объ административной высылкѣ, о полицейскомъ надзорѣ и проч. Но что же можно сказать о личной свободѣ въ Россіи? Россія и личная свобода—это два прекрасныхъ незнакомца, которые до сихъ поръ не видались другъ съ другомъ и ничего другъ про друга не знаютъ. Распространяться же о мѣрахъ чрезвычайной и другихъ охранъ какъ-то и неловко даже. Кому же эти мѣры неизвѣстны и кому, въ какомъ отношеніи ознакомленіе и тщательное изученіе особенностей этихъ мѣръ особенно желательно и пріятно? Есть французская поговорка: въ домѣ повѣшеннаго не говорятъ о веревкѣ. Вотъ эта поговорка чрезвычайно примѣнима къ данному случаю. Мы ею и можемъ ограничиться по вопросу о личной свободѣ въ Россіи. Правда, намъ могутъ сказать: «а какъ же основные законы 23 апрѣля 1906 г.? Развѣ тамъ не даны въ общихъ выраженіяхъ гарантіи личной свободы? Напр., ст. 31: «Никто не можетъ быть задержанъ подъ стражею иначе какъ въ случаяхъ, закономъ опредѣленныхъ»;—ст. 33: «Жилище каждаго неприкос-

новенно. Производство въ жилищѣ, безъ согласія его хозяина, обыска или выемки допускается не иначе, какъ въ случаѣ и въ порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ». Да, дѣйствительно, это все тамъ есть, но очевидно, что говорить объ этомъ серьезно еще не время. Можетъ-быть, въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, и въ Россіи права личной свободы будутъ надежно и прочно гарантированы, но теперь эти «конституціонныя» провозглашенія неприкосновенности личности и жилища звучатъ горькой ироніей. Нельзя даже не высказать опасенія, что и въ будущемъ, по крайней мѣрѣ, ближайшемъ, представляется очень сомнительнымъ установленіе твердыхъ началъ политической свободы въ Россіи. Слишкомъ мало у насъ политическаго воспитанія и такта какъ въ верхнихъ, такъ, конечно, и въ низшихъ слояхъ населенія. Слишкомъ долго жили мы при режимѣ безправія и произвола, чтобы не утратить въ массѣ яснаго сознанія и чувства нравственнаго долга, уваженія къ чужимъ и своимъ правамъ, чтобы въ глубинѣ нашей психики не лежало безотчетное преклоненіе передъ силой, а не передъ правомъ и нравственностью. Я имѣю здѣсь въ виду, конечно, не отдѣльныхъ лицъ и даже не русскую интеллигенцію въ ея большинствѣ, но именно малокультурные (какъ нижніе, такъ и верхніе) слои народа, которые, по своей многочисленности, и даютъ основной тонъ политической жизни страны. При этомъ я не имѣю въ виду также и неизмѣнное существованіе какого-либо одного типа государственнаго строя. Возможны вполнѣ и крутые переломы и переходы къ новымъ, ранѣе неизвѣстнымъ формамъ политической жизни, но болѣе чѣмъ сомнительно, чтобы эти новыя формы (по крайней мѣрѣ, въ теченіе извѣстнаго періода) были проникнуты духомъ дѣйствительной свободы и уваженія личныхъ правъ въ той мѣрѣ, какъ мы это видимъ, напр., въ англо-саксонскихъ странахъ.

Съ правомъ личной свободы тѣсно связана свобода передвиженія, право безпрепятственно перемѣнять мѣсто своего пребыванія въ предѣлахъ государства или выѣзжать за его предѣлы. Право это весьма стариннаго происхожденія, такъ какъ до образованія государства, въ видѣ опредѣленной строго ограниченной территоріальной единицы, каждый, конечно, пользовался фактической возможностью свободнаго передвиженія или переселенія по своему усмотрѣнію. Конечно, въ античныя времена рабство, а въ средніе вѣка—крѣпостное право удерживали бо́льшую часть населенія въ предѣлахъ даннаго округа

или владѣнія; но свободные граждане обыкновенно не стѣснялись особыми препятствіями при переѣздѣ или переселеніи изъ одного мѣста въ другое, по крайней мѣрѣ, со стороны государства. Фактически, въ феодальную эпоху, переселеніе, напр., горожанина изъ одного города въ другой было обставлено различными формальностями и стѣсненіями со стороны городскихъ или мѣстныхъ властей, но государственный контроль за путешественниками и переселенцами былъ незначителенъ. Только съ развитіемъ полицейскаго государства, въ формѣ абсолютной монархіи, государство стало зорко слѣдить за передвиженіемъ своихъ подданныхъ. И справедливость требуетъ добавить, что не только полицейское государство, но иногда и болѣе свободныя политическія формы прибѣгали къ паспортной системѣ, какъ средству наблюденія за передвиженіемъ.

Во Франціи впервые было запрещено выѣзжать за границу безъ паспорта при Людовикѣ XIV. Переселеніе въ какое-нибудь иностранное государство считалось преступленіемъ, строго наказуемымъ. Однако, паспортная система развилась во Франціи лишь послѣ революціи, хотя свобода передвиженія была торжественно провозглашена и въ декларацiи правъ и въ конституціи 1791 г. По декрету 1795 г. «никто не можетъ оставить территорію своего кантона и путешествовать, не имѣя паспорта». Эта мѣра, имѣвшая вначалѣ временный характеръ, была закрѣплена Наполеоновскимъ декретомъ 1807 г., и паспортная система стала во Франціи учрежденіемъ постояннымъ. Конечно, эта французская паспортная система не то, что русская, но все же до послѣдняго времени она, при желаніи со стороны правительства, могла ставить значительныя препятствія передвиженію. На практикѣ, неотмѣненные еще до сихъ поръ декреты не примѣняются въ настоящее время или примѣняются въ исключительныхъ случаяхъ. Внутренніе паспорта требуются лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, въ цѣляхъ преслѣдованія бродяжничества. Отъ иностранцевъ, однако, требуются паспорта или особыя заявленія въ мэріи. При этомъ иностранцы, въ извѣстныхъ случаяхъ, могутъ быть высланы изъ Франціи административнымъ порядкомъ, по распоряженію министра внутреннихъ дѣлъ. Конечно, на практикѣ эта мѣра очень рѣдко примѣняется, но все-таки ея существованіе во французскомъ законодательствѣ представляетъ странный пережитокъ изъ временъ полицейскаго государства.

Германія заимствовала паспортную систему у Франціи въ концѣ XVIII в., и въ теченіе бо́льшей половины XIX вѣка нѣмцы изнывали подъ игомъ разныхъ «путевыхъ книжекъ» (Wanderbuch), видовъ на жительство, пасскартъ и пр. Въ настоящее время паспортная система въ Германіи совершенно отмѣнена, и принятъ принципъ полной свободы передвиженія. Ни отъ германскихъ подданныхъ, ни отъ

иностранцевъ при всевозможныхъ переѣздахъ и переселеніяхъ не требуется никакихъ документовъ. Взамѣнъ паспортной системы въ Германіи существуетъ такъ называемая легитимаціонная система, въ силу которой всѣ проживающіе на германской территоріи, въ случаѣ спеціальнаго требованія властей, обязаны представлять доказательства самоличности въ видѣ тѣхъ или другихъ справокъ или удостовѣреній. Но эти требованія предъявляются только въ какихъ-либо особыхъ случаяхъ, а не при всякомъ передвиженіи даннаго лица.

Въ Англіи, старинной поборницѣ политической свободы, никогда не существовало стѣсненій права свободнаго передвиженія. Даже въ сумрачную эпоху Тюдоровъ и Стюартовъ принципъ свободы передвиженія не нарушался, и, напр., индепенденты-пуритане, переселявшіеся въ Америку во время религіозныхъ преслѣдованій XVII в., не нуждались въ разрѣшеніи правительства для переселенія или въ полученіи паспорта. Паспортной системы въ томъ видѣ, какъ она существовала на континентѣ, во Франціи, напримѣръ, Англія никогда не знала. Англичане и прежде могли и теперь могутъ безпрепятственно передвигаться внутри страны и выѣзжать за границу безъ всякихъ паспортовъ, если только паспорта не требуются тѣмъ государствомъ, куда выѣзжаетъ англичанинъ. Въ равной мѣрѣ англичане всегда относились терпимо къ иностранцамъ, пріѣзжавшимъ на ихъ территорію, и не ставили имъ особыхъ препятствій къ поселенію. Начиная съ XVI вѣка по настоящее время, Англія была всегда убѣжищемъ для эмигрантовъ, бѣгущихъ отъ политическаго или религіознаго преслѣдованія. Теперь съ Англіей раздѣляютъ это право убѣжища политическихъ эмигрантовъ и другія свободныя страны, какъ, напр., Америка и Швейцарія; но до половины прошлаго столѣтія Англія была почти единственной страной въ Европѣ, гдѣ можно было найти пріютъ отъ преслѣдованія самодержавныхъ правительствъ.

Что касается Россіи, то, конечно, и малымъ дѣтямъ извѣстно, что это классическая страна паспортной системы, что «русскій состоитъ изъ души, тѣла и паспорта». Замѣчательно то, что въ московской до-петровской Руси и еще больше, конечно, въ эпоху, предшествовавшую образованію московскаго государства, фактически существовала полная свобода передвиженія русскихъ подданныхъ въ предѣлахъ ихъ территоріи. Только свобода выѣзда за границу довольно рано подверглась ограниченію (и то не ранѣе начала XVI в.). Это соблюденіе одного изъ принциповъ «личной свободы» въ московскомъ государствѣ, какъ извѣстно, основанномъ на совершенномъ незнаніи какихъ бы то ни было свободъ, не должно насъ удивлять. Слишкомъ просто и несложно было административное устройство допетровской Руси, чтобы удѣлять много вниманія на контроль за пере-

движеніемъ населенія, а, съ другой стороны, слишкомъ обширны были безлюдныя пространства въ малокультурномъ государствѣ, слишкомъ сильная тяга существовала въ полуосѣдломъ еще населеніи, которое естественно «тянуло» и свободно разселялось среди первобытныхъ лѣсовъ и зарослей восточной Европы и сѣверной Азіи. Слѣдить при такихъ условіяхъ за передвиженіемъ народныхъ массъ московскому правительству было не подъ силу, и только съ прикрѣпленіемъ крестьянъ къ землѣ могъ возникнуть серьезно вопросъ объ организаціи системы «тащить и не пущать». Первымъ и наиболѣе энергичнымъ организаторомъ этой системы былъ не кто иной, какъ Петръ I. Сколотивъ изъ рыхлаго и плохо организованнаго московскаго царства нѣкоторое подобіе военно-полицейскаго государства на европейскій фасонъ того времени, Петръ I, установивъ рекрутчину и подушную подать, опираясь на уже существовавшее крѣпостное право, поспѣшилъ опутать подвластное ему населеніе строгой паспортной системой. Уже въ 1719 году былъ изданъ знаменательный указъ, «чтобы никто никуда безъ проѣзжихъ или прохожихъ писемъ изъ города въ городъ и изъ села въ село не ѣздилъ и не ходилъ; но каждый бы имѣлъ отъ начальниковъ своихъ пашпортъ или пропускное письмо». А кто не имѣетъ при себѣ «пашпорта», тѣ должны быть «почитаемы за недобрыхъ или за прямыхъ воровъ». Съ тѣхъ поръ, какъ извѣстно, паспортная система прекрасно развилась въ атмосферѣ крѣпостного права и бюрократическаго произвола. Она такъ пришлась по вкусу полицейскаго нашего режима, сплетаясь съ податными и фискальными цѣлями, что никогда у насъ не дѣлалось серьезныхъ попытокъ къ отмѣнѣ или ограниченію стѣсненія передвиженія. Не дѣлается и теперь, несмотря на торжественное провозглашеніе началъ личной свободы въ манифестѣ 17 окт. и въ основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906. Между тѣмъ возстановленіе принципа свободнаго передвиженія является совершенно настоятельной необходимостью именно въ нашемъ отечествѣ съ его необъятными пространствами, громаднымъ переселенческимъ движеніемъ и еще болѣе значительнымъ передвиженіемъ на заработки въ различныхъ раіонахъ имперіи. Всѣ искусственныя задержки этого движенія и стремленіе такъ или иначе прикрѣпить живого человѣка къ извѣстной территоріи, къ участку или волости, только вызываютъ лишнее недовольство и раздраженіе въ народѣ, плохо помогая и полицейскимъ цѣлямъ наблюденія или контроля надъ передвиженіемъ населенія.

III.

Свобода собраній и союзовъ.

Право подачи петицій.

Отдѣльныя лица или группа такихъ лицъ, по соглашенію между собою, въ виду осуществленія той или другой общей имъ цѣли, могутъ собираться вмѣстѣ для обсужденія вопросовъ, относящихся къ ихъ цѣли, или вступить въ постоянный союзъ (общество, товарищество, партію и т. п.) для опредѣленной дѣятельности въ желательномъ имъ направленіи, поскольку дѣятельность эта не нарушаетъ правъ и интересовъ другихъ лицъ. Это представляющееся столь естественнымъ право очень долгое время, въ различные историческіе періоды, не пользовалось признаніемъ со стороны государства или, точнѣе говоря, со стороны абсолютизма, зорко слѣдившаго за тѣмъ, чтобы его подданные не составляли между собою обществъ и кружковъ, не собирались вмѣстѣ для обсужденія политическихъ вопросовъ. Девизомъ всякаго абсолютизма служитъ извѣстное правило: divide et impera (разъединяй и властвуй). Разрозненныя и разъединенныя особи, не связанныя между собою чувствомъ взаимной солидарности и лишенныя всякой организаціи внѣ рамокъ правительственнаго механизма, представляютъ, конечно, очень удобный матеріалъ для господства абсолютизма, который не можетъ допустить, на ряду съ собою, существованіе болѣе или менѣе самостоятельныхъ общественныхъ группъ, преслѣдующихъ свои собственныя, независимыя отъ центральнаго правительства, цѣли.

Вотъ почему уже въ древнемъ Римѣ, одновременно съ усиленіемъ императорской власти и отмираніемъ республиканскихъ учрежденій, мы видимъ и постепенное ограниченіе и стѣсненіе вплоть до полнаго исчезновенія права союзовъ и собраній, права, широко примѣнявшагося въ республиканскую эпоху Рима. Уже при первомъ императорѣ Августѣ было запрещено свободное образованіе союзовъ (lex Julia de collegiis): для составленія какого-либо общества требовалось предварительное разрѣшеніе самого императора. Въ III и IV вв. свободные союзы были окончательно уничтожены и замѣнены принудительными союзами, учреждавшимися самимъ правительствомъ въ фискальныхъ и иныхъ цѣляхъ, конечно, безъ малѣйшаго уваженія къ правамъ личной свободы.

Германцы, разрушившіе абсолютную римскую имперію, основали на ея развалинахъ государства, проникнутыя духомъ полной свободы образованія всевозможныхъ союзовъ, собраній и товариществъ (дружинъ). Въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ слабость центральнаго правительства, недостатокъ удовлетворительной судебной защиты, раздробленіе и разъединенность государственной власти создавали весьма удобную почву для образованія всякаго рода союзовъ: товариществъ, братствъ, сословныхъ и религіозныхъ корпорацій, гильдій, цеховъ и проч. Союзы эти нерѣдко обладали громадной силою и значеніемъ, образуя самостоятельныя группы въ государствѣ съ правомъ особой юрисдикціи, административной власти и пр. Возрожденіе абсолютизма въ XVI—XVII вв. повлекло за собою неминуемое ограниченіе, а затѣмъ и паденіе всѣхъ этихъ средневѣковыхъ союзовъ. Духовное орудіе въ борьбѣ абсолютизма съ феодальными корпораціями поставляли легисты — знатоки римскаго права императорской эпохи. Они были такъ рады видѣть возрожденіе lex Julia de collegiis и многихъ другихъ эдиктовъ и новеллъ! Въ XVIII вѣкѣ съ правомъ свободнаго образованія союзовъ было покончено, и Юсти въ своихъ «основахъ полицейскаго права» (1756 г.) уже могъ сказать: «такъ какъ всякое правительство склонно поощрять и содѣйствовать всѣмъ добрымъ начинаніямъ, то всякое общество или собраніе, которое не раскрываетъ своихъ намѣреній передъ правительствомъ или не ожидаетъ его согласія и утвержденія, тѣмъ самымъ уже навлекаетъ на себя вполнѣ основательное подозрѣніе».

Однако, Англія, не знавшая рецепціи римскаго права, но зато хорошо помнившая основы Великой хартіи, сохранила, въ теченіе всей своей исторіи, неприкосновеннымъ древне-германское право собраній и союзовъ. Точнѣе говоря,—не столько право, сколько фактическую возможность, вытекающую какъ слѣдствіе изъ общихъ основаній личной свободы. Въ Англіи никогда не было и теперь нѣтъ спеціальныхъ законовъ и постановленій, регулирующихъ право гражданъ собираться въ общественныя собранія и составлять разнаго рода союзы и общества. Въ этомъ отношеніи лучше всего сослаться на знатока англійской конституціи проф. Дайси. «Правила о публичныхъ собраніяхъ»—говоритъ онъ *)—«могутъ служить примѣромъ того, какъ англійская конституція основывается на правахъ частныхъ лицъ. Право собираться есть не что иное, какъ результатъ взгляда судовъ **) на свободу отдѣльной личности и индивидуальную свободу слова.

*) «Основы государств. права Англіи», гл. VII («Право публичныхъ собраній»).

**) По возникавшимъ процессамъ, предметомъ которыхъ служили спорные вопросы права собраній и союзовъ.

Нѣтъ никакого спеціальнаго закона, разрѣшающаго *A*, *B* и *C* сойтись гдѣ-нибудь на открытомъ воздухѣ или въ другомъ мѣстѣ съ законной цѣлью. Право *A* идти, куда ему вздумается, если онъ не совершаетъ этимъ правонарушенія, и говорить *B* все, что онъ захочетъ, если въ словахъ его не будетъ заключаться никакой клеветы и ничего мятежнаго, право *B* дѣлать то же самое по отношенію къ *A* и существованіе тѣхъ же правъ у *C*, *D*, *E*, *F* и т. д., до безконечности, ведетъ къ тому результату, что *A*, *B*, *C*, *D* и тысяча или десять тысячъ другихъ лицъ могутъ сойтись въ какомъ-нибудь мѣстѣ, гдѣ всегда каждый изъ нихъ имѣетъ право быть съ законной цѣлью и законнымъ образомъ... Другими словами, *A*, *B*, *C*, *D* и тысячи другихъ лицъ имѣютъ право собираться на митингъ... Но, конечно, изъ того, что *A*, *B*, *C*, *D* и тысячи другихъ лицъ имѣютъ право собираться на митинги для обсужденія политическихъ и другихъ вопросовъ,... не слѣдуетъ еще, что, пользуясь этимъ правомъ, они никогда не нарушаютъ закона. Цѣль митинга можетъ быть незаконна (напр., совершить какое-нибудь насиліе), и въ этомъ случаѣ митингъ дѣлается незаконнымъ собраніемъ. Поведеніе собравшихся на митингѣ можетъ угрожать порядку и спокойствію и внушить основательный страхъ мирнымъ гражданамъ: въ этомъ случаѣ опять митингъ будетъ незаконнымъ».

Въ этихъ немногихъ словахъ выражается сущность англійскаго законодательства по вопросу о правѣ собраній и союзовъ. Оно не ставитъ опредѣленныхъ правилъ и требованій для образованія тѣхъ и другихъ, но ограничиваетъ ихъ рамками судебной отвѣтственности за могущія произойти на собраніяхъ (или въ союзахъ) правонарушенія. По отношенію къ собраніямъ англійское право признаетъ незаконнымъ митингомъ «собраніе лицъ, которыя имѣютъ намѣреніе произвести или дѣйствительно производятъ нарушеніе общественнаго спокойствія или же возбуждаютъ въ другихъ основательное опасеніе такого нарушенія». Подъ это общее опредѣленіе «незаконнаго собранія» подходятъ не только фактическіе нарушители общественнаго спокойствія, но и лица, собравшіяся съ явно незаконной цѣлью совершить общими силами какое-либо преступленіе, составить заговоръ противъ правительства и т. п. Свобода союзовъ, помимо общеуголовной отвѣтственности за совершеніе преступленій, ограничена въ Англіи и нѣкоторыми спеціальными законами. По статутамъ 1797 и 1799 гг. признаются противозаконными союзами всѣ общества, члены которыхъ примутъ на себя клятвенное обязательство участвовать въ мятежѣ или не обнаруживать извѣстныхъ секретовъ общества и т. п.

Несмотря на эти сравнительно несерьезныя ограниченія, можно утверждать, что Англія въ той же мѣрѣ была родиной свободы со-

браній и союзовъ, какъ и личной свободы вообще. Въ XVIII вѣкѣ, въ то время, какъ на континентѣ Европы всякая общественная жизнь была тѣсно скована мелочной регламентаціей полицейскаго государства, и о свободѣ союзовъ, не говоря уже о народныхъ собраніяхъ, не было и помину,—въ Англіи публичные митинги и политическія общества играли уже видную роль въ государственной жизни страны. Въ теченіе XIX в., съ расширеніемъ избирательнаго права и пробужденіемъ политическихъ интересовъ въ массѣ населенія, значеніе митинговъ, какъ политической силы, еще болѣе возросло. Публичные митинги въ Англіи являются главными выразителями нуждъ и интересовъ народа; они свидѣтельствуютъ съ наибольшей ясностью и убѣдительностью о томъ, что въ данное время болѣе всего волнуетъ тѣ или другіе круги населенія, какія законодательныя реформы желательны, какія правительственныя мѣры возбуждаютъ недовольство или ропотъ. Въ этомъ отношеніи роль митинговъ даже превосходитъ значеніе печати, несмотря на ея громадное вліяніе въ современной политической жизни. Общественные митинги, при участіи въ нихъ популярныхъ парламентскихъ или вообще политическихъ дѣятелей, являются иногда рѣшителями спорныхъ государственныхъ вопросовъ, и ихъ резолюціи такъ или иначе принимаются парламентомъ и правительствомъ не только къ свѣдѣнію, но и къ руководству.

На ряду съ митингами, въ англійской государственной жизни большую роль играютъ и политическія ассоціаціи или союзы, дѣятельность которыхъ, будучи болѣе постоянной и систематической, чѣмъ временныя народныя собранія, тѣмъ самымъ заключаетъ въ себѣ большіе шансы успѣха и достиженія цѣли. Обыкновенно между ассоціаціями и митингами бываетъ самая тѣсная связь. Всякая ассоціація, въ цѣляхъ привлечь себѣ наибольшее число сторонниковъ, дѣятельно занимается пропагандой преслѣдуемыхъ ею идей путемъ публичныхъ рѣчей на митингахъ, которые часто являются своего рода орудіемъ въ рукахъ политическихъ обществъ, такъ же, какъ и печать. Такимъ образомъ, путемъ совмѣстнаго дѣйствія политическихъ обществъ, публичныхъ митинговъ и печати были проведены парламентскія реформы 1832, 1867 и 1884 гг., постепенно расширившія избирательное право Англіи, въ началѣ XIX ст. отличавшееся чрезвычайно тѣсными рамками. Тѣмъ же путемъ были проведены: уравненіе католиковъ въ политическихъ правахъ съ членами англиканской церкви (1829) и отмѣна хлѣбныхъ законовъ (1846).

Изъ Англіи и Америки *) свобода собраній и союзовъ вихремъ

*) Въ С.-Америкѣ принята англійская система свободы собраній и ассоціацій.

революціи была занесена и въ континентальную Европу. Французское національное собраніе 1789 — 91 гг. впервые декретировало право гражданъ собираться и составлять союзы. Конституція 1791 г. признаетъ, что «граждане пользуются свободой собираться мирнымъ образомъ, безъ оружія, съ условіемъ соблюденія полицейскихъ законовъ». Далѣе, въ 1790 г. было установлено, что «граждане имѣютъ право составлять изъ себя свободныя общества, подъ условіемъ соблюденія общихъ законовъ». Въ самой Франціи приведенныя нормы права подвергались многочисленнымъ и радикальнымъ измѣненіямъ, въ зависимости отъ бурныхъ колебаній политической жизни страны. Въ остальной Европѣ, въ особенности послѣ 1848 г., принципы свободы собраній и союзовъ, въ томъ видѣ, какъ они были изложены во время французской революціи, постепенно были приняты различными государствами, хотя и съ большими отступленіями.

Большинство современныхъ европейскихъ конституцій гарантируетъ свободу собраній и союзовъ, подобно личной свободѣ, хотя и не безъ существенныхъ оговорокъ. Наиболѣе типичными являются нормы бельгійской конституціи. Ст. 19: «Бельгійцы имѣютъ право собираться мирно и безъ оружія, сообразуясь съ законами, которые могутъ опредѣлять пользованіе этимъ правомъ, не подвергая его, однако, предварительному разрѣшенію. Это постановленіе не относится къ собраніямъ подъ открытымъ небомъ, которыя всецѣло подчиняются полицейскимъ правиламъ». Ст. 20-я: «Бельгійцы имѣютъ право составлять ассоціаціи; осуществленіе этого права не можетъ быть подчинено какимъ-либо предупредительнымъ мѣрамъ». Приблизительно въ тѣхъ же выраженіяхъ признается право собраній и союзовъ въ конституціяхъ: румынской (ст.ст. 26 и 27), сербской (ст.ст. 24 и 25) и болгарской (ст.ст. 82 и 83). Нидерландская конституція упоминаетъ въ ст. 9 о правѣ гражданъ собираться и вступать въ союзы, но дальнѣйшее опредѣленіе этого права предоставляетъ спеціальнымъ законамъ. Въ датской конституціи, напротивъ того, довольно подробно установлены основныя правила для собраній и союзовъ (граждане собираются безъ оружія. Полиція имѣетъ право присутствовать на собраніяхъ. Собранія подъ открытымъ небомъ могутъ быть запрещены, если представляютъ опасность для общественнаго спокойствія. Никакое общество не можетъ быть распущено распоряженіемъ правительства безъ правильнаго судебнаго преслѣдованія). Норвежская и шведская конституціи совершенно не упоминаютъ о правѣ собраній и союзовъ. Точно также баварская, виртембергская, баденская и саксонская. Итальянскій основной законъ говоритъ въ ст. 32 о правѣ собраній, но забываетъ упомянуть о правѣ союзовъ. Наконецъ, прусская конституція въ ст. 29 опредѣляетъ право собраній примѣнительно къ

нормамъ бельгійскаго законодательства, но въ ст. 30 ставитъ болѣе тѣсныя рамки образованію союзовъ, въ особенности политическихъ, которые бельгійскою конституціей не выдѣляются изъ общаго права. Въ Швейцарской союзной конституціи нѣтъ особаго упоминанія о свободѣ собраній и союзовъ, но законодательство большинства кантоновъ не ставитъ никакихъ ограниченій этой свободѣ.

Общей чертой конституціонныхъ законодательствъ по вопросу о собраніяхъ и союзахъ является особая осторожность, почти боязнь передъ собраніями «подъ открытымъ небомъ», которыя всецѣло подчиняются особымъ полицейскимъ правиламъ. Это опасеніе вытекаетъ изъ недовѣрія къ народнымъ собраніямъ, составившимся изъ низшихъ слоевъ населенія, рабочихъ и пр., которые, по мнѣнію законодателей, хотя ясно и не высказанному, уже по природѣ своей склонны къ нарушенію порядка и безопасности. Черта недовѣрія, совершенно отсутствующая въ англійскомъ законодательствѣ. Что касается спеціальныхъ законовъ, регламентовъ и постановленій, регулирующихъ порядокъ составленія и распущенія собраній и союзовъ, то они имѣютъ вообще бо̀льшее значеніе, чѣмъ общія выраженія основныхъ законовъ, разрѣшающія вопросъ только принципіально. Въ цѣляхъ болѣе подробнаго ознакомленія съ современнымъ состояніемъ права союзовъ и собраній мы остановимся нѣсколько на законодательствѣ Франціи и Германіи.

Устройство собраній во Франціи регулируется въ настоящее время закономъ 1881 г. По этому закону общественныя собранія, для чего бы они ни собирались, не нуждаются въ особомъ разрѣшеніи со стороны администраціи. Однако, необходимо предварительное заявленіе, за 24 часа до собранія, префекту или мэру общины, съ указаніемъ цѣли собранія. Кромѣ того, порядокъ собраній опредѣляется извѣстными правилами. Собранія не могутъ происходить на улицахъ или дорогахъ (voie publique); можно собираться подъ открытымъ небомъ, но подъ условіемъ не стѣснять уличнаго движенія. Затѣмъ собранія не могутъ продолжаться позже 11 часовъ вечера, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда они происходятъ въ публичныхъ заведеніяхъ, закрываемыхъ позже 11 час., какъ, напр., кафе, рестораны, театры и т. п. Каждое собраніе должно имѣть свое бюро, по крайней мѣрѣ, изъ трехъ лицъ. На это бюро возлагается обязанность соблюдать порядокъ, предотвращать нарушеніе законовъ, сохранять за собраніемъ характеръ его (цѣль), указанный въ заявленіи, воспрещать рѣчи, противныя общественному порядку и добрымъ нравамъ, или возбуждающія къ совершенію преступленія. Бюро отвѣтственно за несоблюденіе этихъ правилъ. На собраніе администрація можетъ (но не обязана) командировать для присутствія своего чинов-

ника, который имѣетъ право закрыть собраніе, но лишь по требованію бюро собранія или возникновенія драки и т. п. насилій. По сравненію съ прошлымъ французскимъ законодательствомъ (въ особенности во время Второй имперіи), существующая во Франціи регламентація собраній можетъ быть признана довольно либеральной, тѣмъ болѣе, чѣмъ въ сосѣдней Германіи, какъ увидимъ далѣе, свобода собраній стѣснена значительно больше.

Что касается права союзовъ и ассоціацій, то оно регулируется во Франціи закономъ 1 іюля 1901 г., существенно измѣнившимъ предшествующія правила о союзахъ политическихъ, литературныхъ, научныхъ, религіозныхъ и другихъ, преслѣдующихъ нематеріальныя цѣли (общества, занятыя матеріальными задачами, торговыя, промышленныя и др. вѣдаются особыми уставами, которые для настоящаго очерка не представляютъ интереса). Главнѣйшей задачей закона 1901 г., въ силу мѣстныхъ и временныхъ политическихъ условій, было проведеніе строгаго различія между ассоціаціями вообще и конгрегаціями (религіозными обществами). Традиціонной чертой французскаго общественнаго права, со временъ революціи, было принятіе всевозможныхъ предосторожностей противъ развитія конгрегацій, какъ элемента, враждебнаго республиканскому строю. Въ виду этого закономъ 1901 г. установлены почти полная свобода для свѣтскихъ ассоціацій и очень стѣснительный режимъ для конгрегацій.

Свѣтскіе союзы и ассоціаціи всякаго рода могутъ быть составляемы свободно, если они не преслѣдуютъ цѣлей, противныхъ закону или добрымъ нравамъ и не имѣютъ въ виду нарушить цѣлость національной территоріи или республиканскую форму правленія. Различаются три вида ассоціацій: 1) негласныя или незаявленныя, 2) заявленныя (déclarées) и 3) признанныя общественно-полезными. Общества негласныя, не заявившія о своемъ образованіи администраціи, имѣютъ полное право на существованіе и не могутъ быть закрыты на томъ только основаніи, что объ ихъ дѣятельности ничего неизвѣстно правительству. Но общества эти не пользуются юридическими правами, не могутъ пріобрѣтать на свое имя или отчуждать имущества, вчинать иски и пр. Ассоціаціи заявленныя пользуются этими правами; для этого требуется подать предварительное подробное заявленіе въ префектуру съ представленіемъ устава общества и затѣмъ доводить до свѣдѣнія администраціи о перемѣнахъ въ управленіи и въ уставахъ. Ассоціаціи, признанныя «общественно-полезными» (d'utilité publique) въ силу особыхъ декретовъ, пользуются еще болѣе широкими правами, чѣмъ заявленныя общества: онѣ получаютъ право получать имущества (движимыя и недвижимыя) по дарственнымъ и по завѣщаніямъ. Закрытіе какой бы то ни было ассоціаціи должно

происходить судебнымъ порядкомъ, по рѣшенію суда, основанному на доказанномъ фактѣ нарушенія ассоціаціей установленныхъ законовъ и правилъ или принятаго на себя обязательства сообщать о перемѣнѣ въ управленіи и въ уставѣ. Администрація можетъ закрыть общество только въ томъ случаѣ, если ассоціація, состоящая въ большинствѣ изъ иностранцевъ или завѣдуемая иностранцами, будетъ признана вредной въ экономическомъ или въ политическомъ отношеніи.

Религіозныя конгрегаціи поставлены подъ строгій контроль администраціи съ цѣлью предупредить возникновеніе негласныхъ конгрегацій и скопленіе въ ихъ рукахъ недвижимой собственности. Никакая религіозная конгрегація не можетъ возникнуть безъ особаго правительственнаго разрѣшенія, финансовая отчетность и вся вообще дѣятельность религіозныхъ обществъ ставится подъ наблюденіе мѣстной администраціи (префектуры), и всякія отступленія отъ закона строго караются. Закрытіе всякой конгрегаціи можетъ произойти не только по суду, но и административнымъ порядкомъ (по декрету совѣта министровъ). Такимъ образомъ, свѣтскія и религіозныя общества во Франціи нормируются совершенно различными законами. Свѣтская ассоціація можетъ возникнуть и существовать безъ всякаго заявленія какой бы то ни было власти, а для религіознаго общества такое образованіе безъ предварительнаго разрѣшенія составляетъ проступокъ, за который члены общества караются штрафомъ и тюремнымъ заключеніемъ. Такое колоссальное различіе, каковы бы ни были вызвавшіе его мотивы, не можетъ быть названо справедливымъ. Если дѣятельность конгрегацій вредна и опасна для республиканскаго режима во Франціи, съ нею можно бороться равнымъ, духовнымъ оружіемъ, путемъ развитія свѣтскаго или даже анти-религіознаго воспитанія и образованія, наконецъ, путемъ судебной репрессіи, но не итти путемъ административной опеки, административныхъ безапелляціонныхъ усмотрѣній и недопущеній. Такія сомнительной справедливости мѣры въ странѣ, подавляющее большинство населенія которой исповѣдуетъ (или, по крайней мѣрѣ, числится исповѣдующимъ) католическую вѣру, не могутъ привести къ особенно благопріятнымъ результатамъ. Менѣе всего, конечно, можно сочувствовать принципамъ и политикѣ католическаго духовенства *), но и по отношенію къ врагамъ надо соблюдать справедливость, которая сама по себѣ всегда оказывается лучшимъ оружіемъ, чѣмъ какія бы то ни было репрессіи и стѣсненія.

*) Во всякомъ случаѣ, предположеніе, что религіозное общество, каковы бы ни были его цѣли и задачи, по природѣ своей должно быть подозрительнымъ для республиканскаго правительства,— явно несостоятельно. Склонность къ административному усмотрѣнію (discretion)—давнишній недостатокъ французскаго режима, стараго и новаго.

Въ Германской имперіи до сихъ поръ нѣтъ общаго закона о правѣ союзовъ и собраній; въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ, входящемъ въ составъ союзной имперіи, имѣется свое законодательство по данному вопросу. Это ведетъ, конечно, къ большой пестротѣ и разнообразію иногда въ предѣлахъ очень мелкихъ территорій. Правда, что есть нѣкоторые общіе принципы германскаго законодательства, основанные на заимствованіи изъ французскихъ законовъ 1791 и 1848 гг., но отступленія довольно многочисленны. Мы представимъ только краткій обзоръ наиболѣе общихъ и существенныхъ чертъ германскихъ законовъ, съ указаніемъ наиболѣе рѣзкихъ случаевъ отклоненія отъ общихъ нормъ.

Право собраній въ Германіи подвержено многочисленнымъ и стѣснительнымъ ограниченіямъ. Требуется во всѣхъ германскихъ государствахъ предварительное (за 24 часа) заявленіе полиціи о собраніи; причемъ собранія «подъ открытымъ небомъ» въ Эльзасъ-Лотарингіи совершенно запрещены, въ Баваріи могутъ быть запрещены полиціей подъ предлогомъ нарушенія общественной безопасности и порядка, въ Пруссіи на эти собранія требуется предварительно особое разрѣшеніе полиціи. Присутствующіе на собраніи не могутъ имѣть при себѣ оружія. Въ собраніяхъ, обсуждающихъ политическіе вопросы, не могутъ принимать участія военные, женщины и учащіеся или вообще несовершеннолѣтніе. Въ Пруссіи и Баваріи женщины и несовершеннолѣтніе не могутъ принимать участія даже въ не политическихъ, а вообще въ публичныхъ собраніяхъ, каковъ бы ни былъ предметъ ихъ обсужденія. Далѣе, полиція имѣетъ право имѣть на собраніяхъ своего представителя, которому предоставляется распустить собраніе въ случаѣ «возможности» нарушенія имъ законовъ, общественнаго порядка или добрыхъ нравовъ. Въ Саксоніи и Эльзасъ-Лотарингіи полиція имѣетъ право закрыть всякое собраніе, даже не публичное, въ Баденѣ и Гессенѣ—всякое публичное, если только, по мнѣнію полиціи, возникаетъ опасность противозаконныхъ поступковъ. Въ Саксоніи представителю полиціи на собраніяхъ предоставлено совершенно исключительное право лишать слова оратора, если онъ въ своей рѣчи оскорбляетъ власть, законы или добрые нравы, такъ что «шуцманъ» является фактическимъ предсѣдателемъ собранія *).

Изъ приведенныхъ примѣровъ ясно видно, что свобода собраній въ Германской имперіи вообще болѣе стѣснена, чѣмъ во Франціи, не говоря уже объ Англіи. Не лучше обстоитъ дѣло и съ правомъ

*) См. «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», т. VII, «Vereins- und Versamlungsfreiheit».

союзовъ или ассоціацій, въ особенности политическихъ *). Какъ общее правило во всей Германіи требуется обязательное доставленіе въ полицію устава общества и списка всѣхъ членовъ или членовъ бюро. Особаго разрѣшенія полиціи не требуется, однако, есть и исключенія: въ Эльзасъ-Лотарингіи и въ Мекленбургѣ образованіе союзовъ зависитъ отъ разрѣшенія администраціи; затѣмъ въ Гессенѣ, Брауншвейгѣ, Ольденбургѣ и нѣкоторыхъ другихъ княжествахъ рабочіе ферейны, преслѣдующіе политическія или соціальныя цѣли, не разрѣшаются. Далѣе, обще-германскимъ требованіемъ является недопущеніе въ число членовъ политическихъ обществъ—военныхъ, женщинъ, учащихся и несовершеннолѣтнихъ. Отдѣльнымъ союзамъ не разрѣшается соединяться въ одну общую организацію съ другими обществами того же рода. Закрытіе союзовъ во всей Германіи, за исключеніемъ Пруссіи, зависитъ отъ усмотрѣнія администраціи, если она находитъ, что данное общество угрожаетъ общественной безопасности или добрымъ нравамъ. Въ Эльзасъ-Лотарингіи всякій ферейнъ, состоящій изъ болѣе чѣмъ 20 членовъ, можетъ быть во всякое время закрытъ администраціей безъ объясненія причинъ. Въ Пруссіи полиція имѣетъ право лишь на предварительное закрытіе союзовъ; окончательное же распущеніе зависитъ отъ судебнаго приговора.

Послѣ германскаго законодательства нетруденъ переходъ и къ нашимъ «временнымъ правиламъ объ обществахъ, союзахъ и собраніяхъ 4 марта 1906 г.». Эти правила представляютъ въ бо́льшей своей части копію съ наиболѣе консервативныхъ германскихъ (или скорѣе австрійскихъ) порядковъ съ нѣкоторыми «отягчающими обстоятельствами». Публичныя собранія (т.-е собранія, доступныя неопредѣленному числу лицъ или лицамъ, неизвѣстнымъ устроителямъ собранія) поставлены подъ бдительный контроль полицейской власти. Какъ и слѣдовало ожидать, собранія «подъ открытымъ небомъ» допускаются не иначе, какъ съ особаго разрѣшенія губернатора или вообще «начальника общей полицейской власти». Страшныя собранія эти (подъ открытымъ небомъ) не допускаются на разстояніи двухъ верстъ отъ мѣста пребыванія Государя и отъ мѣста засѣданій Государственной Думы и Государственнаго Совѣта. Въ то же время публичныя собранія не могутъ быть устраиваемы въ гостинницахъ, ресторанахъ, трактирахъ и т. п. заведеніяхъ. Но на улицѣ (вопреки французскому законодательству) собранія не воспрещаются. Зато срокъ предварительнаго заявленія полиціи непомѣрно дологъ—за три дня (въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже за 7 дней) до открытія собранія. Засимъ на публичныя собранія не допускаются: лица вооруженныя, учащіеся въ

*) Союзы неполитическіе свободны отъ полицейскихъ ограниченій.

низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще малолѣтніе, а также военные. Надзоръ за порядкомъ на публичномъ собраніи возлагается на устроителей собранія (бюро, по французск. законамъ), а также и на «должностное лицо», командированное губернаторомъ или полиціей для присутствія въ собраніи. Когда: 1) собраніе отклонится отъ предмета своихъ занятій, 2) высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой, 3) прозводятся неразрѣшенные денежные сборы, 4) въ собраніи оказываются лица, недопускаемыя въ собранія и изъ него неудаляемыя и 5) раздаются мятежные возгласы, восхваленіе или оправданіе преступленій, возбужденіе къ насилію, и вообще собраніе приняло характеръ, «угрожающій общественному спокойствію и безопасности»,—тогда «должностное лицо» требуетъ закрытія собранія отъ его устроителей или предсѣдателя, и, въ случаѣ неисполненія, само закрываетъ собраніе.

Образованіе и дѣятельность союзовъ и обществъ по временнымъ правиламъ 4 марта 1906 г. также ограничены и подвержены мелочному и стѣснительному контролю администраціи *). Временныя правила отличаютъ общество, какъ соединеніе нѣсколькихъ лицъ, отъ союза, какъ соединенія нѣсколькихъ обществъ. Союзы и общества, состоящія изъ двухъ или болѣе отдѣленій, могутъ быть во всякое время закрыты министромъ внутреннихъ дѣлъ, «если дѣятельность этихъ обществъ и союзовъ признается имъ (т.-е. министромъ) угрожающей общественному спокойствію или безопасности». Несовершеннолѣтніе, учащіеся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а также военные не допускаются къ участію въ обществахъ. Служащіе въ правительственныхъ учрежденіяхъ и на желѣзныхъ дорогахъ ограничены въ правахъ составленія обществъ усмотрѣніемъ своего начальства. Для завѣдыванія дѣлами объ открытіи, регистраціи, воспрещеніи и закрытіи обществъ и союзовъ образованы административныя по дѣламъ объ обществахъ присутствія. Регистраціи обществъ придается особое значеніе, повидимому, подъ вліяніемъ французск. закона 1901 г. Право пріобрѣтать и отчуждать недвижимое имущество, образовывать капиталы и пр., предоставляется лишь тѣмъ обществамъ, «кои зарегистрированы въ установленномъ порядкѣ». Жаль только, что по вопросу о закрытіи обществъ и союзовъ составители «временныхъ правилъ» нимало не руководствовались французскими законами. Всякое общество можетъ быть у насъ пріостановлено по усмотрѣнію губернатора и окончательно закрыто губернскимъ по дѣламъ объ об-

*) По примѣру французскаго законодательства, различаются общества профессіональныя и общества, не преслѣдующія матеріальной цѣли (прибыли). Мы говоримъ здѣсь только о второй категоріи.

ществахъ присутствіемъ, т.-е. исключительно административною властью, что не принято даже въ такой юнкерской странѣ какъ Пруссія.

Мы не входимъ въ болѣе подробное разсмотрѣніе нашихъ временныхъ правилъ о союзахъ и собраніяхъ. Хотя много у насъ, на Руси, было временныхъ правилъ, оказавшихся необыкновенно долговременными и перешедшихъ въ положительные законы страны, но врядъ ли регламентаціи свободъ нашимъ правительствомъ особенно посчастливится въ этомъ смыслѣ. Временныя правила временного правительства, изданы въ безвременье русскаго государства... Какъ-то не вѣрится въ продолжительность ихъ существованія. Невольно приходятъ на память слова Данте: Non ragionam' di lor' ma guarda e passa *).

Къ личнымъ правамъ относится и такъ называемое право петицій или право отдѣльныхъ лицъ или группъ подавать всякаго рода просьбы, требованія, жалобы или замѣчанія какъ исполнительной власти, такъ и законодательнымъ собраніямъ. Въ особенности, конечно, существенное значеніе имѣли и еще имѣютъ петиціи политическаго или законодательнаго характера, когда петиціонеры (подающіе петицію) предлагаютъ измѣненіе извѣстнаго закона или составленіе новаго. Право подачи петицій имѣло большое значеніе въ XVII и XVIII вв. Въ Англіи билль о правахъ (1689) впервые устанавливаетъ это право безъ различія для всѣхъ подданныхъ англійскаго короля въ § 5 ст. I. «Подданнымъ принадлежитъ право подавать петиціи королю, и всякое арестованіе и другія преслѣдованія петиціонеровъ незаконны». Первая французская конституція 1791 г. также признаетъ это право въ числѣ прочихъ естественныхъ правъ: «Конституція гарантируетъ какъ естественныя и гражданскія права . . . . . свободу подавать установленнымъ властямъ петиціи за личною подписью». Гарантіи права петиціи встрѣчаются и въ большинствѣ современныхъ конституцій (напр., бельгійской, прусской, румынской и др.). Свобода подачи петицій весьма существенна для населенія при отсутствіи всеобщей подачи голосовъ, при ограниченномъ избирательномъ правѣ, когда многочисленные слои народа не могутъ провести своихъ представителей въ парламентъ, и ихъ нужды и требованія рискуютъ остаться совершенно незамѣченными въ законодательномъ собраніи.

---

*) Не будемъ разсуждать о нихъ, но, только взглянувъ, пройдемъ мимо.

Съ теченіемъ времени, однако, при постепенномъ введеніи всеобщаго избирательнаго права, а главное при развитіи прессы, свободѣ собраній, публичныхъ митинговъ и политической агитаціи, значеніе стариннаго права петиціи значительно сократилось, и примѣненіе его въ современной государственной практикѣ довольно рѣдко, по крайней мѣрѣ, въ видѣ подачи «прошеній» въ парламентъ или въ другія учрежденія. Граждане современной Англіи, Америки или Франціи имѣютъ во всякое время возможность публично выразить свою волю и повліять на ходъ законодательной работы въ парламентѣ, не подавая особыхъ петицій. Въ Швейцаріи, наиболѣе развитой демократіи нашего времени, право законодательныхъ петицій перешло въ право народной инціативы, народнаго почина въ законодательствѣ страны. Такъ называется право извѣстнаго числа гражданъ требовать, чтобы предлагаемая ими законодательная реформа была подвергнута на обсужденіе народа, путемъ голосованія правоспособныхъ гражданъ (референдумъ). Но въ такомъ видѣ это уже не личное, а публичное, политическое право, принадлежащее не всѣмъ вообще, а только гражданамъ, обладающимъ избирательнымъ правомъ.

IV.

Свобода совѣсти, вѣроисповѣданія и преподаванія.

Высшимъ, неотъемлемымъ благомъ всякаго человѣка, какъ мыслящаго существа, есть свобода самоопредѣленія, право свободнаго развитія духа, свободнаго составленія себѣ тѣхъ или иныхъ убѣжденій относительно религіи, бытія Божія и другихъ, какъ религіозныхъ, такъ и философскихъ вопросовъ. Свобода совѣсти, въ смыслѣ свободы религіи, культа и религіозныхъ взглядовъ, естественно приводитъ къ свободѣ мысли вообще. Нельзя ставить человѣческой мысли заставъ и рогатокъ съ надписью: до сихъ поръ, но не далѣе. Стремленіе къ познанію истины, къ ея провозглашенію и исповѣданію никоимъ образомъ не можетъ быть подавлено, стѣснено или уничтожено. Можно, конечно, посадить Галилея въ тюрьму, но «земля все-таки движется».

Эти истины кажутся намъ теперь почти банальными, однако, человѣчеству для ихъ осуществленія, и притомъ далеко не полнаго и далеко не вездѣ, пришлось, да еще и приходится бороться, съ напряженіемъ всѣхъ силъ, съ величайшими жертвами и страданіями. Именно область религіозныхъ (и философскихъ) воззрѣній и вѣро-

ваній была главной ареной борьбы человѣческой мысли, борьбы личности за свою духовную самостоятельность. Античный міръ, какъ мы уже указывали выше, не зналъ свободы религіи въ нашемъ смыслѣ. Въ лучшемъ случаѣ, ему было свойственно понятіе «терпимости», допущенія поклоненія инымъ богамъ, помимо признанныхъ государствомъ, но никоимъ образомъ не во вредъ государственной религіи. Религіозная пропаганда, критика и публичное оспариваніе догматовъ господствующей вѣры не допускались ни въ Греціи, ни въ Римѣ. Средневѣковое христіанство пошло въ этомъ отношеніи еще дальше. Оно отказалось и отъ принципа терпимости по отношенію къ иновѣрнымъ исповѣданіямъ, видя въ нихъ только пагубныя «ереси и лжеученія», съ которыми слѣдуетъ бороться всѣми средствами для ихъ истребленія и окончательнаго торжества «единоспасающей» церкви, внѣ которой нѣтъ ни истины, ни нравственности. Эта точка зрѣнія, въ ея основѣ, и по сіе время раздѣляется католическою (въ извѣстной мѣрѣ и православной) церковью. Свобода совѣсти въ энцикликахъ Григорія XVI (1832) и Пія IX (1864) называется не иначе, какъ deliramentum (бредъ или безуміе). И такая точка зрѣнія совершенно естественна для тѣхъ, кто убѣжденъ, что обладаетъ абсолютной истиной, годной для всѣхъ временъ и народовъ, такой вѣрой, въ которую необходимо обратить всѣхъ людей, для ихъ спасенія, хотя бы и путемъ насилія. Примѣръ католичества надо твердо помнить всѣмъ увлекающимся крайними непримиримыми ученіями, въ чемъ бы они ни состояли, ибо всѣ они основаны на духѣ исключительности и нетерпимости. Для вѣрующаго католика нетерпимость его церкви представляется чѣмъ-то законнымъ и необходимымъ, помимо всякихъ соображеній о матеріальныхъ благахъ и матеріальномъ господствѣ. Боссюэтъ въ XVII в. такъ отзывался о католичествѣ: «что дѣлаетъ эту церковь особенно ненавистной въ глазахъ протестантовъ,—это ея священная и непреклонная нетерпимость». Тотъ же Боссюэтъ привѣтствовалъ отмѣну Нантскаго эдикта, какъ достойнѣйшее дѣяніе Людовика XIV, котораго онъ сравнивалъ по этому случаю съ Константиномъ, Ѳеодосіемъ и Карломъ Великимъ.

Мы здѣсь не имѣемъ въ виду, конечно, останавливаться на исторіи борьбы за свободу совѣсти; это отвлекло бы насъ совершенно въ сторону. Напомнимъ только, что борьба эта велась съ крайнимъ упорствомъ съ обѣихъ сторонъ, и окончательный успѣхъ былъ достигнутъ только послѣ ряда частичныхъ полу-побѣдъ и компромиссовъ. Серьезно вопросъ о свободѣ вѣроисповѣданія въ Европѣ былъ поставленъ со временъ Реформаціи; но долгое время вопросъ разрѣшался только въ смыслѣ свободы культа для протестантовъ, а не для всѣхъ религій безразлично. Долгое время и свѣтское правитель-

ство, и духовныя власти не могли подняться до понятія о свободѣ вѣры, а допускали только терпимость по отношенію къ господствующимъ религіямъ (отправленіе культа безъ права пропаганды). Такъ было въ теченіе XVII и XVIII вв. въ протестантскихъ странахъ—Германіи и Англіи *). Въ католическихъ же странахъ, не исключая и Франціи, не было и самой элементарной терпимости. Въ теченіе ста лѣтъ, съ отмѣны Нантскаго эдикта до Великой революціи, протестанты (гугеноты и др.) во Франціи подвергались самымъ жестокимъ и безсмысленнымъ гоненіямъ. Протестантскіе пасторы подвергались смертной казни за публичное отправленіе своего богослуженія; религіозныя собранія протестантовъ разгонялись ружейными залпами. Только въ 1787 г., наканунѣ революціи, Людовикъ XVI рѣшился издать эдиктъ о терпимости (édit de tolérance). Но было уже поздно. Налетѣвшій вихрь революціи унесъ всѣ королевскіе эдикты о терпимости и нетерпимости вмѣстѣ. Ст. 10 декларація правъ 1789 г. объявляетъ, что никто не можетъ подвергаться преслѣдованію или какому-либо стѣсненію за свои религіозныя убѣжденія, лишь бы только ихъ обнаруженіе не нарушало установленнаго закономъ общественнаго порядка. Этотъ принципъ въ его дальнѣйшемъ развитіи легъ въ основаніи законодательства о религіи большинства европейскихъ странъ.

Въ самой Франціи, однако, въ бурную эпоху революціи принципъ свободы религій былъ лишь идеальнымъ и отдаленнымъ свѣточемъ въ глазахъ борцовъ, въ пылу ожесточенной схватки съ противниками забывшихъ о всякихъ отвлеченныхъ принципахъ справедливости и безпристрастія. Дѣятельность французскихъ революціонеровъ въ области религіозной свободы, какъ извѣстно, была далеко не безупречной. Жестокое гоненіе на священниковъ, не приносившихъ гражданской присяги и не желавшихъ клясться въ любви къ республикѣ и въ ненависти къ монархіи, наконецъ, такія несообразности, какъ установленіе государственнаго культа Разума или Верховнаго существа,—все это ясно показываетъ, что фанатизмъ свойственъ не однимъ только религіознымъ, но и антирелигіознымъ дѣятелямъ. Фанатизмъ, слѣпая и безусловная преданность какой-нибудь одной идеѣ, соединенная съ жаждой доставить торжество непремѣнно этой идеѣ въ ущербъ всѣмъ другимъ, одинаково приводитъ къ безчеловѣчной и безнравственной политикѣ, возникаетъ ли фанатизмъ на почвѣ положительной религіи или на почвѣ ея отрицанія. Въ особенности ужасный гнетъ надъ человѣческой совѣстью производитъ государство, когда, соединяясь съ церковью (или, наоборотъ, вооружаясь

*) Въ С. Америкѣ весьма рано свобода вѣроисповѣданія была осуществлена фактически. Уже въ XVII в. многіе статуты отдѣльныхъ колоній (впослѣдствіи штатовъ) признавали свободное отправленіе культовъ.

противъ нея), путемъ внѣшней, матеріальной силы оно стремится водворить религіозное или вообще духовное единство среди своихъ подданныхъ. Сознаніе несправедливости и безцѣльности государственнаго вмѣшательства въ дѣла вѣры, религіозной жизни вообще, уже давно зародилось и постоянно развивалось и укрѣплялось въ человѣчествѣ. Уже въ римскую эпоху была выработана формула: Deorum injuriae—diis curae (оскорбленія боговъ—касаются только самихъ боговъ). Вся новѣйшая эпоха европейской исторіи, въ особенности послѣ французской революціи, настойчиво проводитъ мысль, наиболѣе отчетливо выраженную нѣмецкими соціалъ-демократами: die Religion ist eine Privatsache (религія есть дѣло частныхъ лицъ). Въ виду этого, современное государственное право все болѣе и склоняется въ пользу отдѣленія церкви отъ государства, къ признанію полнаго равноправія и отсутствія всякихъ привилегій, субсидій и т. п. членамъ отдѣльныхъ религіозныхъ обществъ, каковы бы ни были ихъ догматы, и каково бы ни было въ прошломъ ихъ отношеніе къ государству.

Полное отдѣленіе церкви отъ государства и признаніе совершеннаго равенства всѣхъ религіозныхъ обществъ и союзовъ, безъ различія, до сихъ поръ является отдаленнымъ идеаломъ для большинства европейскихъ государствъ *). Но, во всякомъ случаѣ, хорошо уже и то, что въ этомъ же большинствѣ установилось, и по праву и еще болѣе фактически, свобода вѣроисповѣданія и отсутствіе принужденія въ дѣлѣ религіи. Современное государство, въ противоположность старому (полицейскому) режиму, признаетъ себя индифферентнымъ по вопросамъ вѣры; оно надѣляетъ одинаковыми гражданскими и политическими правами членовъ всевозможныхъ религіозныхъ обществъ и толковъ. Государство оказываетъ одинаковое покровительство всѣмъ (или, по крайней мѣрѣ, главнѣйшимъ) вѣроисповѣданіямъ и тщательно устраняетъ религіозныя различія по всѣмъ вопросамъ гражданскаго и политическаго права. При этомъ, конечно, долженъ соблюдаться принципъ равноправія между различными церквами, сектами или обществами. Они должны взаимно уважать и не нарушать присвоенныя каждому изъ нихъ права. При режимѣ свободы совѣсти, никакое общество, религіозное или антирелигіозное **), безразлично, не имѣетъ права на исключительную поддержку со стороны государства и не можетъ стѣснять въ чемъ бы то ни было

*) Въ настоящее время отдѣленіе церкви отъ государства (отсутствіе государственной церкви) существуетъ только въ С.-Американскихъ Штатахъ, въ Ирландіи и вводится въ настоящее время во Франціи.

**) Конечно, въ современной Европѣ еще мало открыто невѣрующихъ (confessionslos) группъ, но мы имѣемъ въ виду теоретическое разрѣшеніе вопроса.

свободу другихъ религіозныхъ (или антирелигіозныхъ) обществъ. Если бы, предположимъ, въ какомъ-либо европейскомъ государствѣ въ будущемъ принципъ безвѣрія былъ бы открыто принятъ государствомъ или большинствомъ населенія, то все-таки это не давало бы ему права стѣснять свободу вѣроисповѣданія лицъ, оставшихся вѣрными той или другой религіи. Никакія соображенія о «заблужденіи», «суевѣріи» и т. п. не могли бы оправдывать политику религіознаго притѣсненія, ибо всѣ эти соображенія прекрасно проводились въ свое время и торжествующимъ христіанствомъ противъ античнаго паганизма, и католичествомъ противъ протестантовъ и т. д. Принципъ свободы совѣсти въ томъ и состоитъ, чтобы никогда и ни подъ какими предлогами не примѣнять ни малѣйшаго насилія въ вопросахъ религіи, не только грубаго, матеріальнаго насилія, но даже и насилія нравственнаго въ смыслѣ насмѣшекъ, выраженія высокомѣрнаго сожалѣнія *) къ заблужденіямъ и т. п.

Какъ слѣдствіе признанной современнымъ правовымъ государствомъ свободы совѣсти и вѣроисповѣданія, является, во-первыхъ, право для каждаго отдѣльнаго лица, по свободному своему убѣжденію, выйти изъ одного религіознаго общества и присоединиться къ другому или даже объявить себя неисповѣдующимъ никакой религіи, безъ опасенія какихъ-либо преслѣдованій и стѣсненій или ограниченій въ своихъ гражданскихъ и политическихъ правахъ. Государство должно отказаться отъ церковныхъ опредѣленій ереси, раскола, вѣроотступничества, совращенія и т. п., какъ самостоятельныхъ преступленій, и не должно ихъ преслѣдовать. Засимъ, государство обязано организовать свое частное и публичное право, независимо отъ вѣроисповѣдныхъ различій разныхъ религій, въ виду чего: а) политическія и гражданскія права всѣхъ гражданъ должны быть одинаковы (напр., право государственной и общественной службы, право свободнаго мѣстожительства и т. д.; никакихъ изъятій здѣсь быть не можетъ); б) государство не имѣетъ права принуждать кого-либо крестить дѣтей, хотя бы и въ цѣляхъ метрической записи. Запись эта и регистрація вообще движенія населенія должны производиться свѣтской администраціей, а не духовенствомъ; в) бракъ также долженъ быть признанъ подлежащимъ регистраціи свѣтской власти, а не духовной, для установленія единства и равенства брачующихся передъ лицомъ гражданскаго закона. Отсюда почти во всѣхъ европейскихъ государствахъ предварительное заключеніе и преимущественное значеніе

*) Понятно, что путь убѣжденія разумными доводами, свобода полемики и критики религіозныхъ ученій никоимъ образомъ не подлежатъ стѣсненію. Рѣчь идетъ только объ умѣренности выраженій, объ уваженіи къ чужой святынѣ.

гражданскаго брака предъ исполненіемъ церковнаго обряда; г) въ равной мѣрѣ и похороны умершихъ должны быть признаны свободными отъ обязательныхъ религіозныхъ церемоній; даже въ томъ случаѣ, если при жизни умершій числился принадлежащимъ къ извѣстному вѣроисповѣданію, но передъ смертью выразилъ желаніе быть погребеннымъ безъ церковныхъ обрядовъ, или если его родственники не желаютъ церковныхъ похоронъ. Этотъ принципъ, естественно вытекающій изъ свободы вѣры, до сихъ поръ, однако, туго прививается даже у западно-европейскихъ народовъ, благодаря, конечно, сильнѣйшему противодѣйствію со стороны духовенства, держащаго въ своихъ рукахъ кладбища. Во Франціи, однако, свобода похоронъ установлена закономъ 1887 г., и гражданскія похороны, особенно въ Парижѣ, составляютъ обычное явленіе. Въ Англіи хотя по этому предмету и не имѣется особыхъ законовъ, но свобода погребенія безъ церковныхъ обрядовъ фактически ничѣмъ не стѣсняется. Какъ на болѣе извѣстный примѣръ, можно указать на гражданскія похороны Герб. Спенсера въ 1903 г.

Помимо вышеуказанныхъ, есть, конечно, и другія послѣдствія религіозной свободы, выражающіяся въ правѣ отдѣльной личности или цѣлыхъ группъ населенія такъ или иначе проявлять свои религіозныя убѣжденія и поступать въ соотвѣтствіи съ ними при исполненіи тѣхъ или другихъ публичныхъ актовъ, въ которыхъ заключается примѣсь религіознаго элемента. Таковъ, напр., вопросъ о присягѣ. Всѣмъ извѣстно громкое въ свое время дѣло Брэдло въ англійской палатѣ общинъ по поводу его отказа отъ принесенія присяги, какъ не вѣрующаго въ Бога. Отказъ этотъ вызвалъ цѣлую бурю негодованія среди консервативной партіи, желавшей, во что бы то ни стало, упечь Брэдло подъ судъ за «богохульство» и пр. Послѣ разныхъ перипетій дѣло окончилось, однако, въ пользу свободы мысли и совѣсти. Парламентъ въ 1888 г. былъ принужденъ измѣнить статутъ 1866 г. относительно присяги членами парламента. Было постановлено, что всякое лицо, отказывающееся принести присягу и заявляющее, какъ основаніе, что оно не имѣетъ религіознаго убѣжденія, или что принятіе присяги противно его религіозному убѣжденію, допускается къ принесенію торжественнаго увѣренія взамѣнъ присяги. Въ формулѣ этого увѣренія опущены клятва и призываніе Бога въ свидѣтели. Это признаніе того факта, что членомъ парламента можетъ быть человѣкъ, который завѣдомо не вѣритъ въ Бога и публично исповѣдуетъ свое невѣріе, было большой побѣдой свободы мысли въ Англіи, по религіознымъ вопросамъ вообще консервативной; на неподатливость ея и рутинность въ этомъ отношеніи еще горько жаловался Д. С. Милль въ концѣ пятидесятыхъ годовъ XIX вѣка.

Весьма важны послѣдствія свободы вѣры въ дѣлѣ воспитанія и образованія дѣтей. Въ католическихъ странахъ духовенство съ давнихъ поръ захватило школу въ свои руки, какъ надежное орудіе воздѣйствія на народную массу и воспитанія будущихъ гражданъ въ духѣ непримиримаго католицизма. Правительству третьей республики во Франціи принадлежитъ заслуга освобожденія школы отъ преобладанія церковнаго элемента и ея секуляризаціи (обмірщенія). Хотя въ нѣкоторыхъ случаяхъ республиканцы и зашли слишкомъ далеко, но нельзя не признать, что противники свѣтской школы, т.-е. католическое духовенство, слишкомъ уже безцеремонно пользовались своимъ вліяніемъ на невѣжественную массу и слишкомъ враждебно относились къ республиканскому правительству, чтобы имѣть право на сочувствіе по поводу ограниченія ихъ правъ въ дѣлѣ народнаго обученія. Опредѣляющими законами по народному образованію во Франціи являются законы 1882 и 1886 гг. Религіозное образованіе (обученіе Закону Божію) не составляетъ части школьной программы во Франціи, и преподаваніе катехизиса въ учебныхъ заведеніяхъ не производится. Учителя въ первоначальныхъ школахъ должны быть мірянами (laïques), а не духовными. Духовныя лица не имѣютъ доступа въ народныя школы для преподаванія догматовъ вѣры. Это послѣднее распоряженіе является уже крайностью, такъ какъ въ немъ слишкомъ ясно просвѣчиваетъ враждебное отношеніе свѣтскаго правительства къ католическому духовенству; оно объясняется только обостренностью борьбы между двумя противниками и, конечно, не можетъ служить образцомъ при обычной, нормальной постановкѣ школьнаго дѣла по вопросу о религіозномъ воспитаніи и образованіи. Здѣсь также долженъ быть проведенъ принципъ полнѣйшаго безпристрастія и свободы. Каждый имѣетъ право учить и проповѣдывать то, что онъ считаетъ за истину, лишь бы въ его ученіи не заключалось непосредственно запрещенныхъ положительнымъ закономъ призывовъ къ ниспроверженію существующей власти и т. п.

Принципъ секуляризаціи первоначальной школы во Франціи повлекъ за собою двоякаго рода послѣдствія. Во-первыхъ, пришлось приступить къ постепенному обращенію въ свѣтскія школы заведенія, находившіяся въ завѣдываніи конгрегацій (религіозныхъ ассоціацій). Это обращеніе во многихъ случаяхъ вызывало недоразумѣнія и жалобы, въ виду ранѣе установившихся отношеній и юридическихъ правъ нѣкоторыхъ конгрегацій, напримѣръ, право владѣнія извѣстной школой по завѣщанію ея основателя или по особому договору съ данной общиной. Всѣ такія недоразумѣнія обыкновенно разрѣшаются французскимъ правительствомъ не въ пользу конгрегацій. Во-вторыхъ, на будущее время, правительство запретило всѣмъ вообще мѣстнымъ

организаціямъ, департаментамъ и общинамъ устраивать конфессіональныя (вѣроисповѣдныя) школы или даже выдавать имъ субсидіи. Всѣ эти мѣропріятія не могутъ быть названы правильными съ точки зрѣнія невмѣшательства государства въ дѣло религіознаго (или антирелигіознаго) образованія и воспитанія. Въ нихъ ясно сказывается старинное зло французской административной системы — до-революціоннаго и послѣ-революціоннаго режима — стремленіе центральной власти регламентировать и регулировать народную жизнь во всѣхъ ея проявленіяхъ по общему выработанному законодательной властью шаблону. Совершенно понятно и заслуживаетъ полной симпатіи желаніе освободить населеніе отъ вліянія нетерпимаго духовенства; но при этомъ необходимо серьезно считаться съ религіознымъ чувствомъ, еще весьма живучимъ въ народныхъ массахъ и могущимъ легко разразиться негодованіемъ противъ дѣйствительныхъ или мнимыхъ оскорбителей его святыни. Политика полнаго отдѣленія церкви отъ государства, какъ она проводится въ Сѣверной Америкѣ, и предоставленіе самому населенію вѣдаться съ духовенствомъ той религіи, которую оно (населеніе) желаетъ исповѣдывать, представляется наиболѣе цѣлесообразной и справедливой, наиболѣе соотвѣтствующей идеалу религіозной свободы. Весьма возможно, что отдѣленіе церкви отъ государства и во Франціи, хотя и встрѣчаетъ теперь упорное и ожесточенное противодѣйствіе со стороны духовенства, впослѣдствіи можетъ привести къ мирному сосуществованію враждующихъ сторонъ; конечно, при обоюдномъ желаніи мира, а не замаскированной борьбы и подпольныхъ интригъ.

Здѣсь умѣстно вспомнить, что въ Германіи столь нашумѣвшій въ свое время «культуркампфъ», борьба протестантскаго прусскаго правительства съ католическимъ духовенствомъ, продолжавшаяся болѣе 10 лѣтъ въ 70-хъ и 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія, окончилась далеко не въ пользу свѣтской власти. Прусское правительство во главѣ съ Бисмаркомъ повело походъ противъ католичества съ неменьшей энергіей, чѣмъ выступившее позже французское правительство. Въ Германіи такъ же, какъ теперь во Франціи, были учреждены многочисленныя стѣснительныя правила, регламенты и ограниченія относительно назначенія и утвержденія духовныхъ лицъ католическаго исповѣданія, надзора за ихъ дѣятельностью, за примѣненіемъ ими дисциплинарной власти и проч. Духовные ордена и конгрегаціи, за исключеніемъ завѣдующихъ больничнымъ дѣломъ, были запрещены по всей Германіи. Священникамъ и епископамъ, не исполняющимъ предписаній свѣтской власти, правительство отказывало въ выдачѣ условленнаго содержанія и даже высылало за предѣлы имперіи. Бисмаркъ гордо заявилъ въ парламентѣ: «мы не пойдемъ въ Каноссу»!

Однако, историческое прошлое не вычеркивается однимъ почеркомъ пера хотя бы и создателя германской имперіи. Политика прусскаго правительства встрѣтила ожесточенное сопротивленіе не только со стороны духовенства, но и со стороны католическаго населенія южной Германіи, выставившаго противъ Бисмарка сильную оппозиціонную партію «центра». И прусскому правительству хотя не въ такой унизительной формѣ, какъ Генриху IV, а пришлось-таки итти въ Каноссу и отмѣнить всѣ исключительные законы противъ католическаго духовенства. Конгрегаціи и духовные ордена были вновь разрѣшены по всей имперіи, и даже священникамъ, не получавшимъ содержанія вслѣдствіе такъ назыв. Sperrgeldgesetz, были уплачены ихъ убытки въ размѣрѣ 16 милліоновъ марокъ (по закону 1891 г.). Конечно, изъ этого примѣра не слѣдуетъ, что и французское или какое-либо другое правительство непремѣнно потерпитъ неудачу въ борьбѣ съ католичествомъ, но, во всякомъ случаѣ, исторія культуркампфа въ Германіи показываетъ, что даже сильное и популярное (послѣ блестящихъ политическихъ успѣховъ) правительство не можетъ по своему усмотрѣнію передѣлывать и устраивать церковное управленіе, помимо воли и согласія самого народа. Тѣмъ болѣе было бы невозможно для какого бы то ни было правительства измѣненіе самой религіи, исповѣдуемой народомъ; отмѣна, напримѣръ, католичества или православія и замѣна ихъ протестантствомъ или какимъ-либо другимъ религіознымъ или философскимъ ученіемъ. Далеко теперь отъ насъ то время, когда въ церковной политикѣ примѣнялся принципъ: cujus regio ejus religio *).

Въ настоящее время почти всѣ европейскія конституціи гарантируютъ свободу вѣроисповѣданія какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ. Степень развитія религіозной свободы вообще находится въ зависимости отъ культурнаго и умственнаго развитія страны. При этомъ общій духъ терпимости и уваженія къ чужимъ вѣрованіямъ соотвѣтствуетъ, конечно, и развитію политической свободы. Всѣ свободы вообще, религіозная, политическая, философская и т. д., какъ мы уже замѣтили выше, тѣсно связаны между собою и развиваются совмѣстно, идя рука-объ-руку. Помимо писаныхъ законовъ, въ дѣлѣ религіозной свободы большую роль играетъ и общее развитіе или недостатокъ терпимости въ народныхъ массахъ, извѣстные психическіе навыки, настроенія и традиціи, которыя часто не совпадаютъ съ формальными законами, но, тѣмъ не менѣе, характери-

*) «Въ чьихъ рукахъ страна—у того въ рукахъ и религія». Этимъ принципомъ широко пользовались католическіе и протестантскіе государи въ эпоху религіозныхъ войнъ XVI—XVII вѣковъ.

зуютъ отношеніе большинства населенія къ свободѣ мнѣнія и убѣжденія. Въ этомъ отношеніи существуютъ серьезныя различія между европейскими народами, но мы останавливаться на этой сторонѣ вопроса не будемъ, такъ какъ здѣсь мы имѣли бы дѣло съ мало опредѣленными и неустойчивыми явленіями. Для нашей цѣли достаточно бросить бѣглый взглядъ на то, въ какой мѣрѣ принципы религіозной свободы отразились въ основныхъ законахъ европейскихъ государствъ.

Замѣчательно то, что въ трехъ большихъ государствахъ, отличающихся наибольшимъ развитіемъ свободы совѣсти,—Сѣверной Америкѣ, Англіи и Франціи—основные законы не упоминаютъ особо о свободѣ вѣроисповѣданія, регулированіе которой основано на частныхъ узаконеніяхъ и распоряженіяхъ. Это не мѣшаетъ, конечно, дѣлу религіозной свободы именно въ виду высокаго политическаго и соціальнаго развитія названныхъ странъ. Въ странахъ съ меньшимъ развитіемъ культуры и съ болѣе невѣжественнымъ населеніемъ нельзя положиться на народные обычаи и житейскую практику, не поддержанные и не регулированные общимъ закономъ. Въ остальныхъ европейскихъ государствахъ повсюду конституціи такъ или иначе упоминаютъ о свободѣ вѣры, въ особенности конституціи болѣе либеральнаго типа, какъ, напримѣръ, бельгійская. Она гласитъ слѣдующее: ст. 14. «Свобода вѣроисповѣданія и публичнаго отправленія религіозныхъ обрядовъ, равно какъ и право выражать свои мнѣнія по поводу чего бы то ни было,—гарантированы; караются лишь преступленія, совершенныя при пользованіи этими правами». — Ст. 15. «Никто не можетъ быть принужденъ участвовать, какимъ бы то ни было образомъ, въ религіозныхъ актахъ и обрядахъ, равно какъ и соблюдать установленные какими-либо вѣроисповѣданіями дни отдыха».—Ст. 16. «Государство не имѣетъ права вмѣшиваться ни въ назначеніе, ни въ допущеніе къ должности священнослужителей какой-либо религіи, а какже запрещать имъ сноситься съ ихъ высшими властями и предавать гласности ихъ постановленія; въ этихъ случахъ примѣняется обычная по дѣламъ печати и публикаціямъ отвѣтственность» *). Послѣдняя статья относится, главнымъ образомъ, до порядка назначенія католическаго духовенства, съ чѣмъ боролось во время культуркампфа прусское правительство.

Конституціи протестантскихъ странъ—Нидерландовъ и скандинавскихъ государствъ—естественно признаютъ свободу вѣры, такъ какъ они за нее въ свое время такъ упорно боролись. Нидерландская конституція говоритъ: ст. 167. «Всякій пользуется полной сво-

*) Въ дальнѣйшемъ текстѣ ст. . устанавливается предварительное совершеніе гражданскаго брака предъ церковнымъ благословеніемъ.

бодой при исповѣданіи своихъ религіозныхъ убѣжденій; общество и его члены защищаются уголовнымъ закономъ отъ злоупотребленій».— Ст. 168. «Равное покровительство оказывается всѣмъ религіознымъ обществамъ королевства».—Ст. 169. «Приверженцы различныхъ культовъ пользуются равными гражданскими и политическими правами и одинаково допускаются къ занятію всѣхъ должностей и почетныхъ званій».—Ст. 170. «Публичное оказательство всѣхъ культовъ разрѣшается внутри храмовъ и закрытыхъ мѣстъ, а также и внѣ ихъ, причемъ принимаются необходимыя мѣры для обезпеченія общественнаго порядка и спокойствія». Конституціи скандинавскихъ странъ — Даніи, Норвегіи и Швеціи—какъ болѣе старинныя (начало XIX в.), болѣе кратки и сухи въ своихъ постановленіяхъ о свободѣ вѣры, но въ сущности придерживаются либеральнаго принципа.

Пруссія, при опредѣленіи свободы вѣроисповѣданія, въ принципѣ также высказывается за либерализмъ: ст. 12. «Гарантируется свобода религіознаго исповѣданія, образованія религіозныхъ обществъ и совмѣстнаго домашняго и общественнаго богослуженія. Пользованіе гражданскими и политическими правами не зависитъ отъ религіознаго исповѣданія. Свобода вѣроисповѣданія не должна вести за собою ущерба для гражданскихъ и политическихъ обязанностей». Послѣдняя оговорка (которой нѣтъ въ бельгійской и нидерландской конституціяхъ) имѣетъ, главнымъ образомъ, въ виду отбываніе воинской повинности. Въ второстепенныхъ германскихъ государствахъ имѣются и другія оговорки, значительно подрывающія общій принципъ вѣроисповѣдной свободы. Такъ, напр., въ Баваріи не воспрещается никому «простая молитва дома», а о свободѣ публичнаго богослуженія для всѣхъ культовъ ни слова не говорится, въ виду чего администрація легко можетъ воспретить «публичное оказательство» вѣры, въ особенности для нехристіанскихъ исповѣданій, а также и для христіанскихъ, но неупомянутыхъ особо въ основныхъ законахъ. Вообще Баварія до сихъ поръ еще является твердымъ оплотомъ католичества въ Германской имперіи, всегда готовымъ грудью выступить за «единоспасающую церковь», хотя, конечно, и не въ прежней формѣ, но по довольно старымъ образцамъ. До сихъ поръ еще въ Баваріи, согласно эдикту 1818 г., для образованія новаго религіознаго общества требуется особое разрѣшеніе самого короля. Въ Эльзасъ - Лотарингіи также для полученія права публичнаго богослуженія непризнанному (неупомянутому) закономъ исповѣданію необходимо предварительное согласіе правительства; аналогичный порядокъ принятъ и въ Саксоніи.

Католическая и консервативная Австрія тѣсно примыкаетъ къ южно-германской, ограниченной системѣ вѣротерпимости. Хотя «полная свобода вѣроисповѣданій и совѣсти» гарантируется всѣмъ австрій-

цамъ, но ст. 16 конституціи заявляетъ, что приверженцамъ «непризнаннаго закономъ» вѣроисповѣданія (сюда входятъ различныя секты и нехристіанскія исповѣданія) разрѣшается отправлять свое богослуженіе «на-дому», и то, поскольку это вѣроисповѣданіе не противно законамъ и добрымъ нравамъ.

Въ главныхъ очагахъ католицизма—на Пиренейскомъ и Аппенинскомъ полуостровахъ начало нетерпимости едва маскируется въ конституціи. Ст. 1-я основного закона 1848 г. въ Италіи гласитъ: «Католическая, апостольская и римская религія есть единственная религія государства. Остальныя въ настоящее время существующія вѣроисповѣданія терпимы въ предѣлахъ законовъ». Однако, въ Италіи этотъ архикатолическій законъ въ настоящее время на практикѣ совершенно не примѣняется, и его можно считать вышедшимъ изъ употребленія, хотя самая статья въ конституціи и не отмѣнена. Королевская власть въ борьбѣ съ папствомъ сумѣла если не юридически, то фактически поставить извѣстные предѣлы церковной исключительности. Не то мы видимъ въ Испаніи, наиболѣе отсталой и наиболѣе пропитанной духомъ католицизма странѣ. Хотя современная конституція Испаніи одна изъ позднихъ (1876), но въ ней нѣтъ упоминанія о свободѣ вѣроисповѣданія. По ст. 11-й «римско-католическая апостолическая религія есть религія государственная. Народъ беретъ на себя обязательство содержать культъ и поддерживать его служителей. Манифестаціи и публичныя церемоніи другихъ религій, кромѣ государственной, не дозволяются». Въ Испаніи былъ только весьма короткій періодъ свободы вѣроисповѣданія во время демократической монархіи и затѣмъ республики (1869—1874). Съ торжествомъ умѣренной реакціи, при возстановленіи конституціонной монархіи, успѣвшія-было открыться протестантскія церкви и школы были закрыты, гражданскій бракъ отмѣненъ, и католическое духовенство попрежнему продолжаетъ господствовать въ ослабѣвшей и духовно надломленной странѣ. Аналогичные порядки по вопросу о вѣроисповѣданіи приняты и въ сосѣдней Португаліи, гдѣ по конституціи 1826 г. непубличное (домашнее) исполненіе обрядовъ другихъ религій, кромѣ католической, дозволяется только иностранцамъ, такъ что сами португальцы, по буквальному смыслу ихъ конституціи, совершенно не могутъ исповѣдывать никакой другой религіи, помимо римско-католической. На практикѣ, конечно, теперь принципы 1826 г. не соблюдаются.

Изъ православныхъ государствъ Балканскаго полуострова наибольшій сравнительно просторъ отдѣльнымъ вѣроисповѣданіямъ даетъ румынская конституція. Хотя православная восточная церковь и объявляется господствующей (ст. 21), но въ то же время гарантируется

полная свобода публичнаго исповѣданія другихъ вѣрованій (поскольку ими не нарушается общественный порядокъ и добрые нравы). Пропаганда той или другой религіи положительно не воспрещается. Веденіе актовъ гражданскаго состоянія принадлежитъ гражданской власти. Совершеніе этихъ актовъ (брачнаго договора, акта о рожденіи и пр.) должно предшествовать благословенію церкви. Сербія принимаетъ только свободу совѣсти (какъ право перехода изъ одной вѣры въ другую), но не право вѣроисповѣданія (какъ свободу культа и религіозной пропаганды). «Всякія дѣйствія (§ 19 сербской конституціи), могущія нанести ущербъ государственной церкви (прозелитизмъ), воспрещаются». Тотъ же принципъ терпимости, но не свободы вѣры, проводится и въ греческой конституціи (прозелитизмъ иновѣрнымъ исповѣданіямъ воспрещается). Въ болгарской конституціи (гл. IX, о вѣрѣ) хотя и не содержится запрещенія религіозной пропаганды для неправославныхъ, но охрана господствующей православной церкви производится на основаніи особыхъ законовъ объ исполненіи обрядовъ и церковныхъ дѣлахъ неправославнаго населенія, «подъ высшимъ надзоромъ подлежащаго министра».

Что касается нашей матушки «Святой Руси», то всѣмъ, конечно, въ достаточной мѣрѣ извѣстно, что о свободѣ вѣроисповѣданія, какъ и о всякихъ другихъ свободахъ, у насъ, до тѣхъ поръ, пока насъ не разгромила Японія, и «видомъ не видано, и слыхомъ не слыхано» Подъ звонъ сорока сороковъ, за крѣпкой заставой многочисленныхъ статей уложенія о наказаніяхъ, жестоко преслѣдующихъ «совращеніе», «отвлеченіе отъ православной вѣры», «вѣроотступничество» и пр., мы мирно дремали, твердо зная, что наша вѣра «русская», а другія вѣры... только что терпимы начальствомъ, по его великодушію и кротости, но въ сущности легко могутъ быть прекращены и пресѣчены въ корнѣ, особенно такія вѣры, какъ, напр., «жидовская», не говоря уже о разныхъ «расколахъ и ересяхъ». И вдругъ... О времена, о нравы! О вѣяніе тлетворнаго Запада, да еще и желтолицаго Востока! Въ основныхъ законахъ 23 апрѣля 1906 г. читаемъ: ст. 39. «Россійскіе подданные пользуются свободою вѣры. Условія пользованія этою свободою опредѣляются закономъ». Какія слова для насъ необычныя! «пользуются свободою вѣры»... Правда, сказано это довольно кратко и неопредѣленно, да и пользованіе это «опредѣляется закономъ». Какимъ, однако, закономъ? До сихъ поръ больше всего уложеніемъ о наказаніяхъ, а теперь какъ?—А теперь уголовнымъ уложеніемъ 1903 г. и отчасти еще указомъ «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости» 17 апрѣля 1905 г. Разсмотримъ вкратцѣ, какъ наша свобода вѣры «опредѣляется закономъ».

Надо сказать съ самаго начала, что «свобода вѣры» это въ

сущности у насъ только необходимая часть орнамента основныхъ законовъ, болѣе или менѣе скопированныхъ съ западно-европейскихъ конституцій. На самомъ дѣлѣ, у насъ можно серьезно говорить только о вѣротерпимости, какъ именно и выражается указъ 17 апрѣля 1905 г. Дѣйствительно, этимъ указомъ устанавливается въ Россіи относительная свобода перехода изъ православія въ другое христіанское исповѣданіе, что раньше совершенно не допускалось нашими законами. Православные были, такъ сказать, закрѣпощены въ своей вѣрѣ и хотя бы лично отвергали православіе и исповѣдывали другую религію, но все-таки «числились» принадлежащими къ православной церкви, подвергаясь увѣщаніямъ духовенства и ограниченію въ гражданскихъ и семейныхъ правахъ. Теперь переходъ изъ православія въ другую христіанскую религію возможенъ (хотя и затрудненъ всякаго рода формальностями и заявленіями; въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напр., военнымъ, можетъ быть и запрещенъ). Однако, въ указѣ ни слова не говорится о такой же возможности перехода въ нехристіанское исповѣданіе или же объ объявленіи себя не принадлежащимъ къ какой-либо опредѣленной религіи. Исключеніе сдѣлано только для лицъ, «числящихся православными, но въ дѣйствительности исповѣдывающихъ ту нехристіанскую вѣру, къ которой они до присоединенія къ православію принадлежали»; но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы природные православные, происходящіе отъ православныхъ же родителей, могли безпрепятственно переходить въ іудейство, магометанство и пр. По уложенію о наказаніяхъ такой переходъ безусловно воспрещается (ст. 185); въ уголовномъ уложеніи 1903 г. особой карающей статьи за переходъ въ нехристіанскую вѣру не имѣется, но очевидно, что административнымъ порядкомъ причисленіе къ нехристіанскимъ религіямъ врядъ ли допускается. Засимъ, указъ 17 апрѣля 1905 г., какъ извѣстно, весьма подробно останавливается не на свободѣ вѣроисповѣданія вообще, а на особомъ положеніи о сектантахъ, ранѣе называвшихся «раскольниками». Указъ признаетъ выраженіе «раскольники», «расколъ» неподходящимъ и даже какъ бы обиднымъ для диссидентовъ греческой церкви и раздѣляетъ ихъ на три группы: а) старообрядческія согласія, б) сектантства и в) послѣдователи «изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ». Старообрядцы и «сектанты» получаютъ право совершенія «общественныхъ богомоленій», сооруженія молитвенныхъ домовъ, отправленія духовныхъ требъ и пр. Послѣдователи «изувѣрныхъ» ученій ничего не получаютъ и предаются въ руки правосудія, на прежнихъ основаніяхъ.

Самою главною особенностью нашего церковнаго права есть строжайшее запрещеніе всякой религіозной пропаганды въ ущербъ

государственной (православной) церкви. Этотъ принципъ, какъ мы видѣли, до сихъ поръ соблюдается въ Испаніи и на Балканскомъ полуостровѣ, но нигдѣ онъ не проводится съ такою мелочной послѣдовательностью и неумолимостью, какъ именно у насъ. Старое уложеніе о наказ. запрещало неправославнымъ всякую пропаганду, какъ «совращеніе», подъ страхомъ жестокихъ каръ. Новое уложеніе 1903 г., введенное по дѣламъ религіознымъ вслѣдствіе указа 17 апрѣля, менѣе сурово, но придерживается въ общемъ тѣхъ же началъ нетерпимости. Задающею тонъ въ этомъ отношеніи является ст. 90 угол. улож., гласящая, что виновный въ произнесеніи или чтеніи, публично, проповѣди, рѣчи или сочиненія, или въ распространеніи сочиненія, возбуждающаго къ переходу православныхъ въ иное вѣроисповѣданіе или ученіе, наказывается заключеніемъ въ крѣпости (или арестомъ). На ряду съ этимъ всякаго рода «совращеніе» изъ православія въ какую-либо другую вѣру путемъ «обольщенія обѣщанія выгодъ или обмана» наказывается заключеніемъ въ тюрьмѣ или въ крѣпости. Въ то же время прозелитизмъ господствующей церкви всѣми мѣрами поддерживается и поощряется. Духовенство «инославныхъ» христіанскихъ и еще болѣе нехристіанскихъ исповѣданій подвергается судебной отвѣтственности за совершеніе какихъ бы то ни было религіозныхъ обрядовъ надъ «завѣдомо» православными. Никакихъ соотвѣтствующихъ мѣръ по отношенію къ духовенству православному, въ случаѣ совершенія требъ или другихъ обрядовъ надъ завѣдомыми иновѣрцами, конечно, не принимается. Принятому въ Зап. Европѣ праву гражданскихъ похоронъ мы можемъ противопоставить ст. 78 угол. улож., по которой виновный въ погребеніи христіанина безъ христіанскаго обряда наказывается арестомъ до 3 мѣсяцевъ. Очевидно, что если мы и пользуемся свободой вѣры, то пользованіе наше очень скромное, чтобы не сказать болѣе. Нетерпимость нашего религіознаго законодательства не меньше испанскаго; но въ Испаніи, въ виду однородности ея населенія по вѣроисповѣданію, религіозная исключительность менѣе бросается въ глаза и легче переносится населеніемъ, чѣмъ у насъ, при крайней многочисленности и пестротѣ всевозможныхъ религій, сектъ и вѣроученій. Уже одна эта пестрота вѣроисповѣднаго состава населенія обязываетъ насъ къ самой широкой вѣротерпимости и болѣе того—къ свободѣ вѣры, такъ какъ ясно, что господствующая церковь никогда не будетъ въ состояніи какимъ бы то ни было образомъ поглотить или ассимилировать всѣ эти столь различныя между собою религіи (христіанскія, нехристіанскія, монотеистическія, политеистическія и др.).

Съ другой стороны, нельзя не обратить вниманія на тотъ до-

вольно извѣстный фактъ *), что православіе въ Россіи находится въ совершенно особыхъ отношеніяхъ къ свѣтской власти, не имѣющихъ ничего общаго съ положеніемъ католичества на западѣ и даже православной церкви на Ближнемъ Востокѣ. Въ то время какъ въ Европѣ церковь занимаетъ болѣе или менѣе самостоятельное положеніе въ государствѣ и руководствуется въ своей политикѣ своими интересами, а не спеціальными видами и намѣреніями свѣтскаго правительства (въ особенности это слѣдуетъ сказать про католичество),—въ Россійской имперіи православная церковь по существу дѣла совершенно подчинена свѣтской власти, является послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства. Такое приниженное и несамостоятельное положеніе ея было создано церковной политикой всего императорскаго или петербургскаго періода, начиная, конечно, съ Петра I, который, въ своей безпощадной борьбѣ съ реакціоннымъ духовенствомъ, уничтожилъ патріаршество и учредилъ коллегіальное управленіе св. синода подъ бдительнымъ и доминирующимъ контролемъ оберъ-прокурора изъ офицеровъ, «который бы законы зналъ и имѣлъ смѣлость». Такое подвластное и недостойное положеніе господствующей церкви, естественно, подорвало ея авторитетъ въ глазахъ бо́льшей части населенія и немало способствовало развитію сектантства. Въ политическомъ отношеніи подчиненіе церкви государству и пользованіе вѣрою какъ орудіемъ для проведенія правительственныхъ цѣлей создаетъ, несомнѣнно, крайне удушливую атмосферу умственнаго и нравственнаго застоя, искусственной задержки въ развитіи народной жизни и народнаго сознанія, которыя принимаютъ вслѣдствіе того крайне уродливыя и болѣзненныя формы. Тяжелое наслѣдство принимаемъ мы отъ нашего темнаго прошлаго въ смыслѣ религіознаго и политическаго обскурантизма, наслѣдство, въ которомъ мы теперь начинаемъ распутываться, не имѣя возможности отъ него отказаться даже и въ томъ случаѣ, если его пассивъ далеко превышаетъ наличность актива.

На ряду со свободой вѣроисповѣданія мы можемъ упомянуть о свободѣ преподаванія. Эта свобода весьма недавняго происхожденія, и хотя большинство конституцій ее гарантируетъ наравнѣ съ другими личными правами, но на практикѣ ея примѣненіе обставлено различными затрудненіями. Дѣятели французской революціи, столь торжественно провозглашавшіе принципы политической свободы, мало сочувствовали идеѣ свободнаго преподаванія, склоняясь болѣе въ сторону обязательнаго общаго образованія, находящагося въ исклю-

*) См. въ особенности изслѣдованія по религіозному вопросу въ Россіи проф. Райснера

чительномъ завѣдываніи государства. Правительства съ абсолютистскими наклонностями, будь то монархіи или комитеты общественнаго спасенія, всегда склонны захватить преподаваніе въ свои руки для воспитанія и образованія гражданъ «по образу и подобію своему». Къ тому же стремилось и римско-католическое духовенство. Однако, принципъ свободы преподаванія, какъ тѣсно связанный съ другими свободами вообще, восторжествовалъ не только въ Англіи и Америкѣ, гдѣ онъ никогда не встрѣчалъ серьезнаго противодѣйствія, но и во Франціи, а за ней и въ остальной Европѣ. Свобода первоначальнаго образованія во Франціи была установлена закономъ 1833 года, средняго—1850, высшаго—1875 г. Въ настоящее время во Франціи не требуется особаго разрѣшенія администраціи для открытія школы или другого учебнаго заведенія, хотя необходимо соблюденіе извѣстныхъ формальностей. На открытіе первоначальной школы имѣетъ право всякій французъ, по достиженіи 21 года, обладающій извѣстнымъ образовательнымъ цензомъ и не принадлежащій къ неразрѣшенной правительствомъ конгрегаціи. Слѣдуетъ, однако, сдѣлать предварительное заявленіе мэру общины, префекту департамента и академическому инспектору (inspecteur d'académie), которые могутъ и не разрѣшить открытія школы по соображеніямъ техническимъ, гигіеническимъ или въ интересѣ добрыхъ нравовъ. По открытіи школы, преподаватели совершенно свободны въ методѣ обученія, программѣ, выборѣ учебниковъ и пр. Правительственная инспекція слѣдитъ только за гигіеной заведенія и за соблюденіемъ конституціонныхъ законовъ, т.-е. чтобы преподаватели не рекомендовали, напр., ученикамъ замѣнить республику монархіей и т. п. Тѣ же правила въ общихъ чертахъ соблюдаются и при открытіи свободныхъ школъ средняго и высшаго образованія.

Въ настоящее время всѣ болѣе или менѣе политически развитыя государства Зап. Европы признаютъ въ принципѣ свободу преподаванія; напр., бельгійская конституція, ст. 17: «Обученіе свободно; всякія предупредительныя противъ него мѣры воспрещены». Прусская конституція, ст. 20: «Наука и ея преподаваніе свободны».—Ст. 22: «Всякій, кто доказалъ свою моральную, научную и техническую способность подлежащему государственному учрежденію, можетъ свободно обучать, основывать учебныя заведенія и руководить ими». То же повторяетъ и австрійскій основной законъ 1867 г. въ ст. 17: «Наука и ея преподаваніе свободны. Основывать образовательныя и воспитательныя учрежденія и преподавать въ нихъ имѣетъ право всякій гражданинъ, который докажетъ на то свою способность въ законномъ порядкѣ. Попеченіе о религіозномъ обученіи въ школахъ предоставлено соотвѣтствующей церкви или религіозному обществу. Государству принадлежитъ по отношенію ко всему дѣлу обученія и воспитанія право

высшаго направленія и надзора». Однако, испанская и итальянская, болгарская и нѣкоторыя другія конституціи умалчиваютъ о свободѣ преподаванія. Умалчиваетъ о ней и русская конституція 23 апрѣля 1906 г. И хорошо дѣлаетъ, что умалчиваетъ: безполезно обѣщать то, чего не намѣреваешься осуществить. Тѣмъ болѣе, что, и безъ того, дано уже было того же 23 апрѣля много обѣщаній и гарантій, которыя наводятъ на размышленіе и невольно заставляютъ сравнивать дѣйствительность съ конституціоннымъ текстомъ, причемъ какъ ни скроменъ и двусмысленъ по своимъ оговоркамъ этотъ текстъ (россійскіе подданные имѣютъ право.... въ предѣлахъ, установленныхъ особыми законами), но все-таки онъ кажется чѣмъ-то свѣтлымъ по сравненію съ фактами нашей повседневной жизни.

V.

Свобода печати.

Право высказывать публично свои мнѣнія, произносить рѣчи на митингахъ и пр. относится собственно къ свободѣ собраній, и поэтому о свободѣ устнаго слова мы здѣсь говорить не будемъ, а коснемся только правъ печатнаго слова, что̀ само по себѣ даетъ намъ обильный матеріалъ. Говорить о значеніи и роли печати «великой современной державы» въ политической жизни цивилизованныхъ народовъ—это повторять всѣмъ извѣстныя избитыя истины. Слѣдуетъ указать только на то, что печатное слово, въ гораздо бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ устное, есть могущественное средство проявленія личности, въ необыкновенной степени усиливающее и закрѣпляющее ея вліяніе на массы, не только въ настоящемъ, но и въ отдаленномъ будущемъ. Печатное слово не только распространяетъ извѣстную мысль, идею или чувство въ данное время, но и сохраняетъ ее на будущее время, передавая пережитыя данными поколѣніями волненія и страсти ихъ преемникамъ и потомкамъ.

Великое значеніе печатнаго слова было по достоинству оцѣнено, вскорѣ уже по изобрѣтеніи книгопечатанія, тѣми, кому это слово грозило разоблаченіями и обличеніями. Первые опыты предварительной цензуры относятся уже къ XV в., когда только-что стали появляться печатныя книги. Церковныя власти съ тревогой и недовѣріемъ взглянули на это новое произведеніе человѣческаго разума, какъ бы смутно предчувствуя, подобно героямъ романа В. Гюго («Notre Dame»), что «книга убьетъ церковь» (ceci tuera cela). Въ Кельнѣ

и Майнцѣ была учреждена духовная цензура мѣстными епископами въ концѣ XV в. Въ 1501 г. уже самъ папа (Александръ VI) издалъ буллу объ установленіи цензуры въ четырехъ нѣмецкихъ провинціяхъ, въ виду появленія въ нихъ «многихъ книгъ и трактатовъ, заключающихъ въ себѣ различныя ложныя и пагубныя доктрины, даже противныя святой христіанской вѣрѣ». Въ 1515 г., наканунѣ реформаціи, была издана новая булла, установлявшая духовную цензуру уже повсемѣстно въ католическомъ мірѣ. «Отнынѣ и впредь на вѣчныя времена—торжественно гласила эта булла—никто не смѣетъ ни въ Римѣ, ни въ какихъ-либо другихъ городахъ или діоцезахъ (епископствахъ) напечатать какую-либо книгу или сочиненіе иначе, какъ по тщательномъ разсмотрѣніи и одобреніи мѣстнымъ епископомъ (или его уполномоченнымъ) и инквизиторомъ». Когда вслѣдъ затѣмъ вспыхнуло реформаціонное движеніе и охватило почти весь католическій міръ, много пришлось потратить времени епископамъ и инквизиторамъ на просмотръ и запрещеніе «еретическихъ» книгъ! Много такихъ книгъ было сожжено, а иногда вмѣстѣ съ ними предавались пламени и ихъ авторы; такъ, напр., былъ сожженъ извѣстный философъ Джордано Бруно. Сжигали книги (если не авторовъ) не только ревностные католики, но и ревностные протестанты. Каждая сторона жгла книги своихъ противниковъ. Въ Англіи, напр., при Генрихѣ VIII сперва жгли протестантскія книги; затѣмъ, когда король рѣшилъ отпасть отъ католичества, стали жечь католическія. При Эдуардѣ VI—продолжали ихъ жечь, при Маріи католичкѣ—опять начали бросать въ огонь протестантскія произведенія, а при Елизаветѣ—вернулась очередь католическихъ книгъ.

Свѣтская власть также рано почуяла опасность, грозящую ея абсолютизму отъ печатнаго слова, хотя вообще свѣтская цензура появилась позже духовной. Впервые правильная свѣтская цензура была установлена въ Германіи, уже послѣ провозглашенія реформаціи, въ 1529—30 гг. Въ Англіи первое королевское распоряженіе о предварительной цензурѣ было издано въ 1530 г., во Франціи—въ 1538 году. Время развитія книгопечатанія совпало какъ-разъ съ эпохой расцвѣта абсолютизма (XVI—XVIII вв.). Между книгой и абсолютной монархіей въ союзѣ съ могущественной еще церковью завязалась жестокая безпощадная борьба. Съ одной стороны, были всѣ силы міра, всѣ ужасы преслѣдованій, судовъ, казней и пытокъ, съ другой—безоружное Слово, безстрашно говорившее правду въ лицо грознымъ владыкамъ, мірскимъ и духовнымъ. И Слово побѣдило ополчившіяся противъ него темныя силы. «Свѣтъ во тьмѣ свѣтится, и тьма его не объяла».

Наиболѣе раннюю побѣду печатное слово одержало, какъ и

слѣдовало ожидать, въ Англіи; но и здѣсь ему пришлось выдержать отчаянную, героическую борьбу. При Тюдорахъ и еще болѣе при Стюартахъ положеніе англійской печати было трагическимъ. Въ охватившемъ всю страну религіозномъ и политическомъ броженіи печать, естественно, играла роль первой скрипки. Появилась масса мелкихъ брошюръ, памфлетовъ и книгъ, трактующихъ о злободневныхъ вопросахъ общественной жизни; въ то же время зародилась въ Англіи и періодическая печать [первая еженедѣльная газета *) появилась въ 1622 г.]. Между тѣмъ общій надзоръ за печатью находился въ рукахъ знаменитой Звѣздной Палаты, страшнаго орудія деспотизма и произвола. Обычными орудіями преслѣдованія противъ осужденныхъ писателей были: выставленіе у позорнаго столба, клейменіе, изувѣченіе (отрѣзаніе ушей или правой руки), тюрьма на всю жизнь, а иногда и смертная казнь. Такъ, напримѣръ, при Елизаветѣ отсѣкли правую руку Джону Стеббсу за то только, что онъ написалъ сочиненіе въ защиту пуританизма (противъ англійской церкви). Въ 1637 г. за сочиненіе религіозныхъ памфлетовъ въ духѣ пуританизма трое писателей были приговорены къ огромному штрафу, выставленію у позорнаго столба, отрѣзанію ушей и пожизненному тюремному заключенію. Правда, Звѣздная Палата въ 1641 г. была уничтожена, но послѣ реставраціи Стюартовъ, въ 1660 г., вновь были введены суровыя стѣсненія для печати, на основаніи особаго статута, такъ называемаго Licensing Act (актъ о разрѣшеніи печатанія). Статутъ этотъ былъ направленъ противъ «злонамѣренныхъ лицъ, которыя, благодаря распущенности послѣднихъ временъ, осмѣлились печатать и распространять еретическія и мятежныя книги». Была возстановлена предварительная цензура, и на авторовъ «еретическихъ и мятежныхъ» сочиненій посыпались жестокія кары.

Однако, послѣ такъ назыв. «славной» революціи 1688 г. предварительная цензура въ Англіи просуществовала недолго. Актъ о цензурѣ былъ изданъ въ видѣ временной мѣры. Для его продленія, по истеченіи извѣстнаго срока, требовалось каждый разъ особое постановленіе парламента. Въ 1694 г. истекъ срокъ дѣйствія послѣдняго акта о цензурѣ; но, когда поднялся вопросъ объ его продленіи, палата общинъ высказалась противъ этого продленія. Палата лордовъ не согласилась съ мнѣніемъ представителей общинъ и настаивала на необходимости продленія правилъ о цензурѣ. Палата общинъ, оставаясь при своемъ мнѣніи, представила въ Верхнюю палату особую записку съ изложеніемъ мотивовъ, по которымъ рѣшено было упразд-

*) Первая вообще въ Европѣ газета, въ видѣ правильнаго періодическаго изданія, появилась въ Антверпенѣ (соврем. Бельгіи) въ 1605 г.

нить актъ о цензурѣ. Мотивы эти были всѣ практическаго, утилитарнаго характера. О великомъ принципіальномъ вопросѣ, составляетъ ли свобода печати благодѣяніе для общества или зло, практичные англичане XVII в. ни слова не сказали. Актъ о цензурѣ былъ отвергнутъ, потому что сопровождался рядомъ различныхъ матеріальныхъ неудобствъ и стѣсненій, затрудняя книжную торговлю и открывая возможность разнаго рода мелкихъ злоупотребленій. Но эти лишенные краснорѣчія и паѳоса аргументы возымѣли свое дѣйствіе. При вторичномъ разсмотрѣніи билля (законопроекта), палата лордовъ не протестовала противъ рѣшенія нижней палаты, и вотъ, такимъ образомъ, безъ шума была упразднена въ Англіи предварительная цензура, за 211 лѣтъ тому назадъ, въ 1695 г.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, что, съ отмѣной предварительной цензуры въ Англіи тотчасъ водворилось царство свободы, и въ печати стало возможно выражать всякаго рода мнѣнія, не опасаясь кары и возмездія. Англійской печати въ теченіе цѣлаго столѣтія, послѣ отмѣны акта о цензурѣ, пришлось существовать подъ гнетомъ всевозможныхъ стѣсненій, пока не выработались современныя условія ея свободы. Каждый англичанинъ имѣлъ право напечатать все, что ему вздумается, но ему угрожало судебное преслѣдованіе, на основаніи неясныхъ и сбивчивыхъ законовъ о пасквилѣ. Самое понятіе о пасквилѣ было такъ неопредѣленно и туманно, что даже знатокъ англійскаго права, Питтъ старшій (XVIII в.), говорилъ: «что касается меня, я никогда не могъ понять, что такое пасквиль».

Понятно, что враги печати пользовались этой неясностью законодательнаго опредѣленія о пасквилѣ и, придираясь къ отдѣльнымъ мѣстамъ въ томъ или другомъ сочиненіи, возбуждали противъ автора обвиненіе въ клеветѣ или пасквилѣ. На почвѣ политической борьбы въ XVIII в. было возбуждено множество уголовныхъ процессовъ по дѣламъ печати, процессовъ, оканчивавшихся, согласно суровымъ законамъ того времени, примѣненіемъ жестокихъ каръ даже противъ самыхъ популярныхъ писателей. Наиболѣе извѣстнымъ примѣромъ является процессъ знаменитаго Даніэля Дефо (автора «Робинзона Крузе»). За остроумный памфлетъ, направленный противъ политики англиканской церкви, относительно диссидентовъ (несогласныхъ), Дефо въ 1702 г. былъ приговоренъ къ денежному штрафу, выставленію у позорнаго столба и тюремному заключенію на неопредѣленный срокъ («по усмотрѣнію ея величества»). Только черезъ нѣсколько лѣтъ тюрьмы Дефо былъ освобожденъ, по ходатайству вліятельныхъ друзей. Конечно, при возможности такихъ возмутительныхъ фактовъ, говорить о свободѣ печати въ Англіи XVIII в. особенно не приходится. Но все-таки ея положеніе было здѣсь лучше, чѣмъ на материкѣ Европы,

гдѣ господствовала во всей строгости неумолимая цензура, и свѣтская и духовная. Въ концѣ XVIII в. англійскіе законы о пасквилѣ или клеветѣ въ печати получили большую сравнительно ясность и опредѣленность, были постепенно отмѣнены жестокія наказанія прежней эпохи, а главное,—за присяжными по дѣламъ печати было признано право рѣшать вопросъ не только о фактѣ опубликованія произведенія, авторъ котораго обвиняется въ пасквилѣ, какъ то было ранѣе, но и право рѣшать общій вопросъ о виновности подсудимаго, о томъ, дѣйствительно ли его произведеніе составляетъ какой-либо проступокъ, и можетъ ли онъ быть вмѣненъ въ вину автору.

Это важное право за присяжными было признано особымъ парламентскимъ актомъ въ 1792 г., и съ этого года собственно и слѣдуетъ считать установленіе дѣйствительной свободы печати въ Англіи въ томъ видѣ, какъ она существуетъ въ настоящее время. Въ сущности въ Англіи свобода печати не гарантирована какимъ-либо конституціоннымъ актомъ (такъ какъ и вообще-то писаной конституціи въ Англіи не имѣется): она не опредѣлена и не регулируется какими-либо особыми законами о печати, какъ, напр., во Франціи или Германіи. Свобода печати въ Англіи составляетъ, также какъ и право собраній, союзовъ и т. п., естественное послѣдствіе признаннаго всѣми права каждаго отдѣльнаго лица выражать свои мнѣнія по какимъ бы то ни было вопросамъ и въ какомъ угодно направленіи, лишь бы въ этихъ словахъ не было усмотрѣно состава преступленія по приговору присяжныхъ, въ случаѣ привлеченія къ судебной отвѣтственности. Индивидуальная свобода мнѣнія и слова находитъ себѣ предѣлы лишь въ случаѣ нарушенія уголовныхъ законовъ страны, поскольку это нарушеніе будетъ признано судомъ присяжныхъ, которому предоставлено право разрѣшать всѣ дѣла о проступкахъ печати. Коронный, правительственный судъ и никакія административныя инстанціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ налагать какихъ-либо взысканій и вообще какимъ бы то ни было образомъ стѣснять свободу слова и печати. Всякое правительственное лицо или учрежденіе, если увидитъ себя оскорбленнымъ или оклеветаннымъ въ печати, можетъ такъ же, какъ и всякое частное лицо, возбудить противъ автора или редактора изданія обвиненіе въ клеветѣ или диффамаціи, которое подлежитъ разрѣшенію присяжныхъ, но не въ правѣ принимать какихъ-либо административныхъ мѣръ противъ періодическаго изданія или автора пасквиля и т. п. Также и въ случаѣ политическихъ проступковъ печати, напр., призыва къ вооруженному возстанію, проповѣди ниспроверженія существующаго строя и пр., англійское правительство не въ правѣ собственною властью конфисковать или уничтожить возмутительные нумера газетъ или брошюръ, закрыть изданіе и

т. п. Конфискація или арестъ преступнаго изданія, памфлетовъ, брошюръ и пр. можетъ произойти лишь на основаніи спеціальнаго судебнаго приказа, въ видѣ предварительной мѣры до разбора дѣла судомъ. Заарестованные экземпляры могутъ быть уничтожены только въ силу судебнаго приговора по разрѣшеніи дѣла по существу.

Огромная роль присяжныхъ въ области примѣненія правовыхъ нормъ по отношенію къ печати была ясно очерчена однимъ изъ англійскихъ главныхъ судей (лордомъ Кеніонъ), при разсмотрѣніи одного литературнаго процесса. «Сущность вопроса о свободѣ печати—сказалъ онъ—очень проста, если отбросить отъ нея словесныя украшенія, и всякій здравомыслящій человѣкъ легко пойметъ ее. Это ни болѣе, ни менѣе какъ то, что каждый можетъ огласить въ печати все, что двѣнадцать его согражданъ (т.-е. судъ присяжныхъ) не считаютъ предосудительнымъ; съ другой стороны, всякій, оглашающій то, что, по мнѣнію присяжныхъ, предосудительно или преступно, подлежитъ наказанію». Такимъ образомъ, англійское право не знаетъ опредѣленныхъ, заранѣе установленныхъ рамокъ дозволеннаго и недозволеннаго въ дѣлѣ печати, предоставляя въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ рѣшеніе общественному суду, на основаніи тѣхъ или другихъ прецедентовъ и другихъ соображеній. Это есть такъ называемая репрессивная или судебная система, противополагаемая предупредительной или предварительной. Другими словами, свобода печати ограничивается въ Англіи общими началами гражданской и уголовной отвѣтственности за проступки, совершаемые путемъ печати. Предѣлы этой свободы подвижны и эластичны: они могутъ расширяться или суживаться, смотря по развитію общаго уголовнаго законодательства страны и его толкованія судомъ присяжныхъ. Но понятно, что за послѣднее столѣтіе въ Англіи ни разу не поднимался вопросъ объ ограниченіи свободы печати путемъ изданія какихъ-либо особыхъ уголовныхъ законовъ за новые виды проступковъ. Напротивъ того, нигдѣ печать не пользуется въ настоящее время бо́льшей свободой, какъ именно въ Англіи, а также въ Америкѣ и вообще во всѣхъ англо-саксонскихъ земляхъ.

Во Франціи развитіе свободы печати шло инымъ путемъ, чѣмъ въ Англіи, хотя, въ концѣ концовъ, пришло къ приблизительно одинаковому результату. До Великой революціи во Франціи, согласно съ общимъ политическимъ строемъ абсолютной монархіи, господствовала строжайшая предварительная цензура, на ряду съ суровой уголовной репрессіей за нарушеніе разныхъ регламентовъ о печати. За составленіе сочиненій непріятнаго правительству характера угрожало изгнаніе изъ предѣловъ королевства, тюрьма, работы на галерахъ и пр. А въ 1757 г. была даже объявлена смертная казнь всѣмъ,

кто будетъ уличенъ въ составленіи и печатаніи сочиненій, заключающихъ въ себѣ нападки на религію или клонящихся къ возбужденію умовъ, оскорбленію королевской власти и колебанію порядка и спокойствія государства. Цензура запрещала всякое произведеніе, казавшееся ей мало-мальски подозрительнымъ по своему тону или содержанію. Періодическая печать была такъ стѣснена и опутана всевозможными регламентами и циркулярами, что почти не могла существовать. Самое число типографій было ограничено: на всю Францію полагалось только 250 типографій и ни одной больше. Число это неизмѣнно сохранялось во Франціи въ теченіе всего XVIII вѣка, несмотря на ростъ потребности населенія въ произведеніяхъ печати. Однимъ словомъ, въ нѣсколько иныхъ очертаніяхъ существовали порядки, столь намъ, русскимъ, извѣстные по нашему собственному опыту.

Великая революція сразу смела всю эту груду королевскихъ указовъ, приказовъ и запрещеній, тяготѣвшихъ надъ французской печатью въ теченіе почти трехъ столѣтій. Ст. одиннадцатая деклараціи правъ провозгласила впервые на континентѣ Европы свободу печати въ такихъ выраженіяхъ: «Свободное сообщеніе мыслей и мнѣній есть одно изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ правъ человѣка; а потому каждый гражданинъ можетъ свободно говорить, писать и печатать, лишь подъ условіемъ отвѣтственности за злоупотребленіе этою свободой въ случаяхъ, опредѣленныхъ закономъ». Конституція 1791 г. гарантируетъ «свободу всякаго говорить, писать, печатать и публиковать свои мысли безъ того, чтобы онѣ подлежали какой-либо цензурѣ или надзору до ихъ опубликованія». Наступила, казалось, эпоха расцвѣта и свободнаго развитія печати во Франціи, число періодическихъ изданій увеличилось, по сравненію съ до-революціоннымъ періодомъ, сразу въ небывалой прогрессіи, заработали новые типографскіе станки во всей Франціи, закипѣла журнальная и газетная работа. Но затѣмъ послѣдовали, какъ извѣстно, страшныя бури и перевороты, внезапныя перемѣны конституціи и политическаго режима страны, тяжело отзывавшіеся на положеніи печати. Разгаръ политической борьбы приводитъ самихъ борцовъ освободительнаго движенія къ стѣсненію и даже подавленію свободы печати. Такъ, напр., по декрету конвента 1793 г. предавались суровымъ карамъ и даже смертной казни авторы и издатели всякаго рода произведеній печати, проводившіе мысль о возстановленіи королевской власти или вообще идеи, враждебныя конвенту. Въ эпоху террора немало журналистовъ и писателей погибли подъ ножомъ гильотины.

Въ періодъ наполеоновскаго цезаризма и реставраціи Бурбоновъ, въ первое тридцатилѣтіе XIX в., французская печать находилась въ тяжелыхъ условіяхъ, напоминавшихъ порядки стараго режима. При

Наполеонѣ I изъ 73 газетъ, издававшихся въ Парижѣ, подъ конецъ его царствованія осталось только четыре: такія были приняты стѣснительныя мѣры противъ періодической печати. Какъ и при старомъ режимѣ, при Наполеонѣ было ограничено число типографій и не позволялось открывать новыхъ. При Бурбонахъ съ ихъ реакціонной и нетерпимой политикой печать продолжала оставаться въ прежнихъ тискахъ. Только революція 1830 г. возстановила, и то не въ полной мѣрѣ, принципъ свободы печати, провозглашенный въ 1789 г. Конституціонная партія 1830 г. гарантировала, что «цензура никогда не можетъ быть возстановлена». Но правительство Луи-Филиппа само по себѣ вовсе не было склонно давать полную свободу печати и, не прибѣгая къ предварительной цензурѣ, старалось косвенными мѣрами стѣснять развитіе періодической печати. Такими мѣрами были (примѣнявшіяся и ранѣе) — представленіе издателями денежнаго залога, взиманіе штемпельнаго сбора съ періодическихъ изданій, необходимость предварительнаго разрѣшенія для разносной торговли газетами и проч.

Революція 1848 г. лишь на короткое время дала полную свободу печати. Уже республиканское буржуазное правительство возстановило залоги, ограниченія разносной торговли и пр. При Второй Имперіи наступила полная реакція. Хотя предварительная цензура и не была возстановлена, какъ слишкомъ ненавистное для французовъ учрежденіе, но зато была выработана особая система административнаго надзора за печатью. Помимо внесенія залоговъ, штемпельнаго сбора и пр., былъ установленъ цѣлый рядъ правилъ о правительственныхъ сообщеніяхъ и поправкахъ, предостереженіяхъ, пріостановкѣ и закрытіи періодическихъ изданій. Прекращеніе изданія могло послѣдовать по суду въ случаѣ осужденія редактора за какое-либо преступленіе печати, причемъ всѣ дѣла по проступкамъ разбирались судомъ коронным, а не судомъ присяжныхъ. Но въ видѣ мѣры общей безопасности правительство могло закрыть газету или журналъ и безъ суда, по особому декрету. Такая стѣснительная система административной опеки надъ печатью существовала до послѣднихъ лѣтъ Второй имперіи. Выходитъ, слѣдовательно, что въ теченіе двухъ третей XIX столѣтія печать во Франціи не пользовалась свободой, какъ въ Англіи или Америкѣ, а находилась подъ гнетомъ или другимъ полицейскимъ надзоромъ и наблюденіемъ.

Паденіе Второй имперіи и утвержденіе Третьей республики привело, наконецъ, къ установленію режима свободы печати во Франціи приблизительно въ томъ видѣ, какъ это было гарантировано конституціей 1791 г., за 80 или даже 90 лѣтъ передъ тѣмъ. Въ настоящее время французская печать регулируется закономъ 1881 г. По закону этому печать свободна не только отъ предварительной цензуры,

но также отъ всякихъ залоговъ, штемпельныхъ сборовъ, системы предостереженій и пріостановокъ, вообще всякаго административнаго воздѣйствія. Въ общемъ, во Франціи теперь принята репрессивная система, какъ и въ Англіи, т.-е. печать свободна отъ всякихъ предупредительныхъ полицейскихъ ограниченій; предѣлы предоставленной печати свободы устанавливаются судебнымъ преслѣдованіемъ за проступки, совершенные путемъ печати. Проступки эти, по французскому законодательству, не многочисленны; изъ нихъ наиболѣе часто разбираются судомъ: диффамація и оскорбленія частныхъ лицъ, нарушенія правилъ нравственности (печатаніе и распространеніе непристойныхъ произведеній, гравюръ, рисунковъ и пр.), а также нарушенія нѣкоторыхъ спеціальныхъ правилъ о печати (непредставленіе предписанныхъ закономъ экземпляровъ изданія, отказъ въ помѣщеніи возраженій или поправокъ и пр). Политическіе проступки, совершенные путемъ печати, во Франціи малочисленны—около 15 или 20 подсудимыхъ ежегодно, при общемъ числѣ обвиняемыхъ по дѣламъ печати—около 3000 ежегодно. Больше всего привлекается къ суду за диффамацію и оскорбленія частныхъ лицъ—свыше 90% изъ числа обвиняемыхъ.

Свобода печати признается принципіально въ настоящее время всѣми европейскими государствами. Предварительная цензура отмѣнена повсюду: въ Англіи, какъ уже мы говорили, въ 1695 г., въ Швеціи—въ 1766, Даніи—1770, Норвегіи—1814, Бельгіи и Нидерландахъ—1815, Германіи, Австріи, Италіи и Швейцаріи—1848 г. Даже испанская конституція 1876 г. въ ст. 13 признаетъ, что «всѣ испанцы въ правѣ свободно выражать свои мысли и убѣжденія, словесно, письменно, путемъ печати и тому подобными способами, безъ предварительной цензуры». Различіе между отдѣльными странами Зап. Европы въ области законодательства о печати выражается, главнымъ образомъ, въ порядкѣ выхода въ свѣтъ періодическихъ и непериодическихъ изданій: съ предъявленіемъ извѣстнаго числа экземпляровъ администраціи или же безъ предъявленія и безъ заявленія полиціи о выходѣ новаго періодическаго изданія. Въ Англіи, Бельгіи и Даніи, отчасти Швейцаріи выходящія въ свѣтъ книги не представляются никакому учрежденію, и ни о какомъ вновь возникающемъ періодическомъ изданіи никому не дѣлается особаго заявленія. Напротивъ того, во Франціи, Испаніи, Италіи и Германіи о каждомъ новомъ періодическомъ изданіи мѣстной администраціи (или прокурорскому надзору) подается особое заявленіе *) съ обозначеніемъ порядка выпуска изданія, имени и мѣстожительства отвѣтственнаго редактора и

*) Это заявленіе не имѣетъ значенія просьбы о разрѣшеніи выхода въ свѣтъ, а практикуется только въ цѣляхъ регистраціи (отчасти въ виду возможной въ будущемъ судебной отвѣтственности).

пр. Затѣмъ каждый нумеръ періодическаго изданія и всякой вообще новой книги въ одномъ или двухъ экземплярахъ (Polizeiexemplar) представляется полиціи (во Франціи также и прокурорскому надзору). Въ Австріи въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется и прямое разрѣшеніе полиціи; до 1899 г. въ Австріи еще существовалъ штемпельный сборъ съ газетъ; до 1894 г. взимались залоги съ издателей. Теперь нигдѣ въ Европѣ не существуетъ ни взиманія залоговъ, ни штемпельныхъ или какихъ-либо другихъ сборовъ и налоговъ за право изданія газетъ или на бумагу и т. п. Общимъ правиломъ является репрессивная система, отсутствіе всякихъ предварительныхъ мѣръ со стороны администраціи. Литературные процессы всюду разбираются судомъ присяжныхъ, за исключеніемъ только Испаніи и Португаліи.

Говоря объ опредѣленіи положенія печати въ конституціонныхъ законахъ, нельзя обойти молчаніемъ конституціи Румыніи и Сербіи. Эти двѣ страны довольно близко подходятъ къ Россіи по общему культурному уровню (процентъ неграмотныхъ, напр., приблизительно одинаковъ съ нашимъ). Въ то же время и румынская, и сербская конституціи довольно подробно разсматриваютъ вопросъ о правѣ печати и разрѣшаютъ его приблизительно одинаково. Возьмемъ для примѣра текстъ румынской конституціи въ ред. 1884 г.

Ст. 24. «Конституція гарантируетъ всѣмъ свободу выраженія своихъ мыслей и мнѣній путемъ слова, письма и печати, причемъ всякій отвѣтственъ за злоупотребленія этой свободой въ случаяхъ, предусмотрѣнныхъ уложеніемъ, которое ни въ какомъ случаѣ не должно ограничивать самой свободы слова и печати.—Исключительныхъ законовъ не можетъ быть издано въ этой области.—Ни цензура, ни какая-либо другая мѣра, имѣющая цѣлью предупредить появленіе, продажу или распространеніе какого-нибудь печатнаго произведенія, не можетъ быть возстановлена.—Для опубликованія какого бы то ни было печатнаго произведенія не требуется предварительнаго разрѣшенія властей.—Журналисты, писатели, издатели и владѣльцы типографій и литографій не обязаны вносить залоги.—Печать никогда не будетъ подчинена режиму предостереженій.—Газеты и другія изданія не могутъ быть пріостанавливаемы или прекращаемы.—Авторъ отвѣчаетъ за свои сочиненія, за отсутствіемъ автора—редакторъ, за отсутствіемъ редактора—издатель.—Во главѣ всякаго повременнаго изданія долженъ стоять отвѣтственный редакторъ, обладающій гражданскими и политическими правами.—За преступленія по дѣламъ печати виновные подлежатъ отвѣтственности передъ судомъ присяжныхъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда преступленія направлены противъ личности короля, королевской фамиліи или противъ правителей другихъ государствъ. Эти преступленія подлежатъ обыкновенному суду,

на основаніи общаго права.—Лишеніе свободы въ цѣляхъ предупрежденія преступленій печати запрещается».

Въ приведенномъ текстѣ румынской конституціи выражены въ общихъ чертахъ всѣ основныя нормы современнаго европейскаго законодательства о печати: запрещеніе всякихъ предупредительныхъ и ограничительныхъ мѣръ противъ печати, точное ограниченіе ея отвѣтственности рамками уголовнаго уложенія, «которое ни въ какомъ случаѣ не должно ограничивать самой свободы слова и печати», разборъ дѣлъ о печати судомъ общественной совѣсти, т.-е. присяжными. Сербскіе основные законы (1900 г.) придерживаются текста румынской конституціи. Добавленіемъ въ сербскихъ законахъ является постановленіе объ арестѣ газетъ или другихъ изданій въ случаѣ оскорбленія короля или призыва къ вооруженному возстанію. «Во всѣхъ этихъ случаяхъ власти обязаны представить дѣло суду не позже чѣмъ черезъ 24 часа по задержаніи (газеты), и судъ въ теченіе 24 часовъ долженъ либо утвердить дѣйствія властей, либо разрѣшить выходъ изданія въ свѣтъ. Въ противномъ случаѣ, по истеченіи 24 часовъ, задержаніе считается отмѣненнымъ». Въ этомъ постановленіи сербскаго закона слышится отголосокъ англійскаго права по дѣламъ печати, усвоеннаго въ общихъ чертахъ и другими передовыми націями (Франціей, Бельгіей и др.). Болгарская конституція, какъ и сербская, гарантируетъ свободу прессы, но дѣлаетъ оговорку относительно богослужебныхъ книгъ и сочиненій догматическаго характера, а также учебниковъ Закона Божія для православныхъ, которые подлежатъ предварительному одобренію Св. синода.

Мы видимъ, что въ нѣкоторыхъ конституціяхъ (румынской) спеціально гарантируется отсутствіе въ уголовномъ уложеніи статей, направленныхъ къ стѣсненію свободы печати. Это пунктъ весьма важный. Можно съ легкимъ сердцемъ обѣщать въ основныхъ законахъ свободу печати, а затѣмъ окружить ее рядомъ спеціальныхъ заставъ и ловушекъ уголовнаго кодекса, такъ что знаменитая «репрессивная» система можетъ оказаться еще горше предварительной цензуры. На эту сторону дѣла было обращено серьезное вниманіе во Франціи при обсужденіи закона 1881 г. о печати. Былъ принятъ къ руководству тотъ принципъ, что уголовное законодательство не должно преслѣдовать печать за такъ называемые проступки мнѣнія или убѣжденія (delits d'opinion), за проведеніе тѣхъ или иныхъ идей, ученій или тенденцій. Такихъ проступковъ вовсе и не должно существовать. Проступками, совершаемыми путемъ печати, могутъ быть только проступки, признаваемые общимъ правомъ, т.-е. дѣянія, нарушающія опредѣленныя публичныя или частныя права и интересы. Къ ихъ категоріи не можетъ относиться выраженіе мысли или мнѣнія, въ чемъ бы оно ни заключалось.

Въ виду изложенныхъ принциповъ законъ 1881 г. отмѣнилъ во Франціи цѣлый рядъ правонарушеній, которыя ранѣе преслѣдовались уголовными законами, какъ «проступки мнѣнія». Такимъ образомъ, прежде считались проступками, а теперь (по закону 1881 г.) не наказуемы *): 1) «возбужденіе къ неповиновенію законамъ». Комиссія, изготовлявшая законъ 1881 г., разсуждала по этому поводу въ томъ смыслѣ, что составъ проступка неясенъ и даетъ поводъ къ злоупотребленіямъ: нельзя провести грань между провокаціей къ неповиновенію и осужденіемъ, критикой дѣйствительно неправильнаго или несовершеннаго закона, подлежащаго отмѣнѣ»; 2) «оскорбленіе религіозной и публичной нравственности»; 3) «оскорбленіе религіи, признанной государствомъ, и нападенія на свободу культа, на принципы собственности и семейнаго права»; все это—область абстрактной мысли, и запрещеніе критики и порицанія тѣхъ или другихъ вѣроисповѣданій или теорій было бы равносильно запрещенію философіи и науки; 4) «осужденіе конституціи, принципа народнаго самодержавія и всеобщаго голосованія»; 5) «возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству». Для насъ, русскихъ, такія слова и вчужѣ-то слышать страшно; а вотъ, французы просто-на-просто говорятъ: не наказуемо, да и все тутъ! Комиссія разсуждала такъ: «чувство ненависти не есть проступокъ, презрѣніе—еще того меньше. Какимъ же образомъ возбужденіе того или другого чувства можетъ составить проступокъ»? Да, хорошо французамъ разсуждать такъ, а каково намъ-то?... Однако, пойдемъ дальше. Еще много ненаказуемыхъ проступковъ мнѣнія: 6) ненаказуемо «нарушеніе общественнаго спокойствія путемъ возбужденія презрѣнія или ненависти гражданъ другъ противъ друга»; 7) «нарушеніе уваженія къ законамъ и неприкосновенности правъ ими освященныхъ»; 8) «призывъ къ совершенію проступка, когда эта провокація не имѣла послѣдствій»; 9) «опубликованіе въ періодическомъ изданіи фактовъ изъ частной жизни» (при условіи, что факты достовѣрны), 10)...

Но довольно. Намъ слышатся отовсюду крики: «Вотъ такъ законъ о печати! Да онъ властей не признаетъ! Что французу здорово, то русскому смерть. Шутка сказать: «возбужденіе ненависти и презрѣнія къ правительству» не наказуемо?! а, какъ вамъ это покажется? «Оскорбленіе религіи, признанной государствомъ, отрицаніе семьи, собственности, государства»—все это не наказуемо, дозволяется французскимъ закономъ. И законъ этотъ весьма одобряетъ и хвалитъ г. Ле Пуатевенъ, докторъ правъ, слѣдственный судья парижскаго трибунала! «Есть отчего въ отчаяніе притти»! Нѣтъ, во всемъ же надо знать

*) См. Le Poittevin. «Traité de la presse», 1902, стр. 398 и сл.

мѣру. Говори свободно, но помни, что если ты что-нибудь про начальство или тамъ, напримѣръ, про Бога или насчетъ арміи, то ужъ тутъ, братъ, пеняй на себя. Свобода должна быть ограничена. Всякій свободенъ, пока не будетъ отведенъ въ участокъ. А когда онъ будетъ отведенъ—«сіе неизвѣстно; но надо жить такъ, чтобы всегда быть къ оному готовымъ».

Однако, къ чему же шутки? Умѣстно ли это въ серьезномъ все-таки трудѣ? Если вы обсуждаете законъ, не должны ли вы имѣть серьезный видъ, почтительную позу, тягучую, ровную, монотонную рѣчь? Вы говорили же спокойно о разныхъ тамъ румынскихъ что ли конституціяхъ и законахъ о печати. А у насъ теперь, чѣмъ же хуже? «Когда отстали, въ чемъ? Все также точно тальи узки и даже офицеровъ вамъ начтемъ, что говорятъ иные по-французски...» Скажите и о нашихъ законахъ о печати сочувственное слово, скажите, напр., такъ: «Дѣйствительно, до 24 ноября 1905 г. въ Россійской имперіи существовала предварительная цензура повременныхъ и неповременныхъ изданій и примѣнялась, какъ извѣстно, даже весьма. Нынѣ же, по изданіи правилъ 24 ноября 1905 г. и по дополненіи оныхъ 18 марта 1906 г., а равно по изданіи временныхъ правилъ для неповременной печати 26 апрѣля 1906 г.,—положеніе нашей печати приблизилось къ тѣмъ условіямъ, въ коихъ она находится въ смежныхъ съ нами имперіяхъ. И волтерьянцы напрасно противъ сего возражаютъ»...

Да, это все вѣрно. Дѣйствительно, у насъ есть временныя правила о періодической печати и временныя правила о неповременной печати. Это хорошія правила. Ихъ необходимо читать, чтобы не стать «случайной жертвой судьбы». Кромѣ того, уголовное уложеніе необходимо читать. Это очень полезная и интересная книга. Ее слѣдуетъ читать каждый день утромъ и вечеромъ, востазъ отъ сна и на сонъ грядущій, въ особенности ст. 129 и вообще отдѣлъ «о смутѣ». Дѣйствительно, предварительной цензуры у насъ теперь нѣтъ. Цензурные комитеты переименованы въ комитеты по дѣламъ печати, цензора переименованы въ членовъ комитетовъ или инспекторовъ по дѣламъ печати. Сіи переименованныя лица налагаютъ, по усмотрѣнію своему, арестъ на повременныя или неповременныя изданія, съ одновременнымъ возбужденіемъ судебнаго преслѣдованія противъ виновныхъ. Виновные, напр., въ оскорбленіи войска или воинской части, въ возбужденіи къ устройству стачки, возбужденіи учащихся къ прекращенію занятій, возбужденіи къ устройству воспрещенныхъ «скопищъ» — заключаются въ тюрьму (вотъ какъ по-нашему, г. Лепуатевенъ, а не то что «возбужденіе ненависти къ правительству не наказуемо»). Литературные процессы отнюдь и ни въ коемъ случаѣ судомъ присяжныхъ не разбираются, равно какъ и всѣ политическіе

процессы. О дѣйствіи исключительныхъ мѣръ охраны и исключительныхъ судовъ, конечно, и говорить нечего. Мы имѣемъ въ виду мирное, нормальное положеніе печати, какъ оно проектировано во временныхъ правилахъ. Оно, съ нѣкоторыми измѣненіями, соотвѣтствуетъ положенію печати во Франціи при Наполеонѣ III, или, пожалуй, въ Германіи во время исключительныхъ законовъ противъ соціалистовъ (1878—1890) или католической прессы въ періодъ культуркампфа. Въ Германіи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ 1875 г. было приговорено къ штрафу или тюремному заключенію 137 редакторовъ и издателей католическихъ газетъ. Не меньшее число судебныхъ преслѣдованій было и противъ соціалистовъ въ 1878—79 гг.

Да, а «все-таки она движется». Движется, хоть медленно, съ препятствіями, но движется, тронулась въ дальній, дальній путь. И какъ бы ни былъ тяжелъ этотъ путь, мы можемъ быть увѣрены, что наша печать, наше слово, наша мысль пройдутъ его со славой. Такъ много было создано нами великихъ литературныхъ памятниковъ въ тяжелую эпоху безправія, гнета и произвола, что сомнѣваться относительно будущаго величія нашей литературы мы не можемъ, теперь, когда такъ или иначе, но все же наиболѣе тяжелыя путы развязались. И въ будущемъ, конечно, каковы бы ни были случайныя, временныя колебанія и отклоненія, у насъ не можетъ не восторжествовать полная свобода печати. Компромиссы, половинчатыя рѣшенія вопроса всегда недолговѣчны; они указываютъ лишь на то, что борющіяся стороны приблизительно равны въ силахъ, и ни одна изъ нихъ не можетъ вполнѣ настоять на своемъ. Но такое положеніе равновѣсія сторонъ не составляетъ общаго правила, и о такомъ равновѣсіи не можетъ быть собственно рѣчи, разъ дѣло идетъ объ основныхъ, неотъемлемыхъ правахъ личности, какова свобода слова. Или я имѣю право говорить свободно и высказывать свое мнѣніе по всѣмъ вопросамъ политики, религіи и т. д., или я его не имѣю. Но одновременно я не могу имѣть и не имѣть этого права, это уже явная несообразность. Конечно, вопросы политики, внутренней и внѣшней, разрѣшаются не на основаніи требованій логики, а въ силу матеріальнаго преобладанія той или другой стороны. Но требованія логики суть въ то же время и требованія самой жизни. Имъ можно не удовлетворять, можно ихъ насильственно заглушать и подавлять, но понятно, что изъ этого ничего не можетъ выйти, кромѣ уродства, болѣзненности всего народнаго организма и, наконецъ, страшныхъ кризисовъ и катастрофъ.

Намъ, русскимъ, въ особенности нуженъ режимъ свободной печати. Мы такъ мало знаемъ или, лучше сказать, ничего не знаемъ про свободу мысли; свободное слово, не связанное никакими внѣшними страхами и никакимъ внутреннимъ гнетомъ или кабалой, хотя

бы въ смыслѣ подавленности той или другой доктриной или дисциплиной, намъ болѣе необходимо, чѣмъ какому-либо другому европейскому народу. Образованіе наше, какъ извѣстно, слабое; культура со вчерашняго дня; о свободѣ мысли, убѣжденія, о самостоятельности, самобытности ума и характера—мы знаемъ больше изъ книгъ или по наслышкѣ, а сами, въ большинствѣ случаевъ, разыгрываемъ роль случайныхъ жертвъ судьбы. Надъ нашей массой легко властвовать: кто палку взялъ—тотъ и капралъ. Это отъ малаго развитія личности, независимыхъ, неподатливыхъ характеровъ—съ одной стороны, и отъ общей малокультурности, малаго умственнаго развитія—съ другой. Намъ необходимо всѣми мѣрами воспитывать въ себѣ личность, образовывать характеръ, твердость, независимость, устойчивость убѣжденій—какихъ, это въ сущности вопросъ политики, вопросъ временныхъ обстоятельствъ. Но важно то, чтобы эти убѣжденія были дѣйствительно нашими, нами лично выработаны, нами добровольно приняты на нашъ личный страхъ и рискъ. Важно то, чтобы мы потомъ не жаловались на судьбу, не принимали видъ жертвъ, вовлеченныхъ въ заблужденіе, ошибку или бѣду по чужой волѣ, подъ чужимъ вліяніемъ, по чужой, не нашей «вѣрѣ», въ чемъ бы она ни состояла. Для выработки же самостоятельности чувствъ и мыслей намъ необходимо много учиться, много читать, усвоить себѣ всѣ главнѣйшіе элементы современной науки, современной философіи, не въ изложеніи той или другой школы (нерѣдко пристрастной), а по личному, непосредственному ознакомленію. Только дѣйствительно образованные, знающіе люди могутъ достойно послужить своей родинѣ своимъ знаніемъ, своими убѣжденіями, какъ въ области политики, такъ и въ другихъ видахъ культурнаго труда. Не слѣдуетъ думать, что «хорошія» убѣжденія сами по себѣ, принадлежность къ той или другой «хорошей» партіи все покрываетъ, что значеніе личности исчерпывается исповѣдуемой ею политической или соціальной формулой. Жалкій былъ бы тотъ народъ или то общество, въ которомъ таково было бы дѣйствительное положеніе вещей. Въ томъ-то и дѣло, что партія сама по себѣ, та или иная партійная программа еще очень мало опредѣляетъ нравственную цѣнность составляющихъ ее членовъ. Обыкновенная и очень неприглядная тактика политическихъ борцовъ состоитъ въ нравственномъ униженіи противника, въ заподозрѣваніи и очернѣніи его совѣсти. Таковъ же былъ прежде пріемъ и религіозныхъ враговъ. Для правовѣрнаго католика мусульманинъ или еретикъ—явно безнравственный человѣкъ уже по тому самому, что онъ не католикъ, не пріемлетъ католической морали.

Мы не будемъ здѣсь разсматривать вопросъ о соотношеніи политики и морали; о немъ нужно говорить или очень много, или ни-

чего. Мы коснулись этого вопроса мимоходомъ, имѣя въ виду сказать только то, что намъ, русскимъ, столь мало воспитаннымъ въ политическомъ дѣлѣ, столь въ немъ неопытнымъ, нужно много учиться, много работать, много знакомиться съ политической и соціальной жизнью опередившихъ насъ въ культурномъ развитіи народовъ. Намъ не слѣдуетъ особенно надѣяться на нашу политическую геніальность, на то, что мы «поведемъ за собою Европу», къ разрѣшенію соціальныхъ и политическихъ задачъ. Такая самоувѣренность плохо обоснована. Но, во всякомъ случаѣ, если такая самоувѣренность существуетъ, она не должна мѣшать желанію саморазвитія, пріобрѣтенія знаній, образованія ума и характера, не должна стоять поперекъ дороги къ развитію свободы личности. А свобода личности болѣе всего утверждается и подтверждается свободою печати и слова.

Мы надѣемся, что русская печать съ честью исполнитъ этотъ свой долгъ передъ русскимъ обществомъ и народомъ, который болѣе всего нуждается въ просвѣщеніи. Оставшись въ своей первобытной темнотѣ, съ непробужденнымъ умомъ, съ отсутствіемъ культурной работы мысли, нашъ народъ всегда рискуетъ быть жертвой обмана или иллюзіи, простодушныхъ страховъ или не менѣе простодушныхъ сновидѣній. Народы малокультурные, съ слабыми зачатками заимствованной цивилизаціи, оказываются не въ состояніи улучшить свою жизнь, проявить свои духовныя силы и при наличности благопріятныхъ политическихъ условій, при республиканскомъ даже строѣ. Достаточно указать на незавидное прозябаніе или судорожныя волненія южноамериканскихъ республикъ, напр., или негритянскихъ республикъ Гаити (въ Вестъ-Индіи) и Либеріи (въ Африкѣ). Я не хочу этимъ сказать, что и намъ предстоитъ та же политическая судьба, что Венецуэлѣ или Гаити, но, во всякомъ случаѣ, весьма полезно помнить, что только культурный и просвѣщенный народъ, сумѣвшій выработать въ своей средѣ всесторонне развитую личность, сможетъ устроить у себя правильный политическій строй и сумѣетъ извлечь изъ него для себя всѣ тѣ выгоды и преимущества, которыя этому строю присущи.

Содержаніе.

Стр.

I. Очеркъ развитія личныхъ правъ. Опредѣленіе и значеніе личной свободы въ современномъ государствѣ 3

II. Личная свобода 18

Право личной свободы. Неприкосновенность частнаго жилища и переписки. Свобода передвиженія.

III. Свобода собраній и союзовъ 32

Право подачи петицій.

IV. Свобода совѣсти, вѣроисповѣданія и преподаванія 44

V. Свобода печати 61

БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ.

БИБЛІОТЕКА САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подъ редакціею профессоровъ: П. И. Броунова и В. А. Фаусека.
(книжки политическаго и общественнаго содержанія подъ редакціею проф. И. И. Иванюкова).

В. В.

Государственный бюджетъ и государственные долги Россіи.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

1908.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. СПБ. Прачешный пер., № 6.

Общія замѣчанія.

Государство, какъ и отдѣльное лицо, имѣетъ потребности, для удовлетворенія коихъ оно должно имѣть и опредѣленныя средства. Правительство собираетъ эти средства и расходуетъ ихъ, сообразно задачамъ, преслѣдуемымъ въ данное время государствомъ; мы здѣсь имѣемъ передъ собой хозяйство государства и можемъ изучать его со стороны доходныхъ и расходныхъ статей. Изъ какихъ источниковъ и сколько притекаетъ въ государственную казну доходовъ; на какія нужды и сколько расходуется казенныхъ денегъ—отвѣтъ на эти вопросы даетъ понятіе о государственномъ хозяйствѣ данной страны.

По источникамъ ихъ происхожденія государственные доходы могутъ быть раздѣлены на двѣ группы. Одну группу образуютъ доходы хозяйственные или промысловые, доходы отъ государственныхъ имуществъ и государственныхъ хозяйственныхъ предпріятій. Эта категорія государственныхъ доходовъ аналогична доходамъ, получаемымъ частными лицами отъ ихъ имущества и хозяйственныхъ предпріятій. Другая часть государственныхъ доходовъ составляется налогами, взимаемыми съ населенія властью, какъ представителемъ государства. Двѣ эти категоріи доходовъ допускаютъ дальнѣйшія подраздѣленія.

Хозяйственные доходы государство можетъ получать въ такихъ отрасляхъ промышленности, доступъ къ которымъ открытъ и частнымъ лицамъ; и эти же доходы могутъ поступать къ нему отъ такихъ отдѣловъ хозяйственной дѣятельности, которые закономъ обращены въ исключительное вѣдѣніе государства. Такія отрасли хозяйственной дѣятельности называются монополіями или регаліями. Онѣ обращаются въ исключительное вѣдѣніе государства или по соображеніямъ фискальнаго характера, или потому, что оставленіе ихъ въ частныхъ рукахъ не гарантировало бы надлежащаго удовлетворенія соотвѣтствующей потребности общества (чеканка монеты, почта и т. п.).

Категорія доходовъ, названныхъ выше налогами, можетъ быть также раздѣлена на два отдѣла: пошлинъ и собственно налоговъ. Пошлиною называется сборъ, взимаемый съ гражданъ, обращающихся къ государству за опредѣленной услугой. Первоначально пошлины дѣйствительно были платой частнаго лица за услугу, оказываемую ему правительствомъ, и судебныя, напр., пошлины шли въ пользу судьи. Но въ настоящее время

сборы, именуемые пошлинами, въ большинствѣ случаевъ не сообразуются съ расходами государства на оказаніе соотвѣтствующей услуги и взыскиваются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда никакой услуги взамѣнъ ихъ государство не оказываетъ. Къ пошлинамъ послѣдняго рода относится, напр., сборъ съ пассажирскихъ желѣзнодорожныхъ билетовъ и грузовъ большой скорости, гербовый сборъ въ видѣ марокъ, наклеиваемыхъ на счета между частными лицами и т. п. Къ числу пошлинъ перваго рода принадлежатъ, напр., сборы, уплачиваемые при продажѣ, дареніи или наслѣдованіи имущества. Правительство пользуется въ этихъ случаяхъ моментомъ укрѣпленія названныхъ переходовъ имущества для того, чтобы подъ видомъ сбора за услугу обложить и самое имущество. Поэтому-то крѣпостныя, наслѣдственныя пошлины и т. п. сообразуются съ цѣнностью имущества, составляющаго предметъ сдѣлки или наслѣдованія.

Налогами въ узкомъ смыслѣ этого слова называются принудительные сборы, взыскиваемые въ пользу государства (или мѣстнаго самоуправленія), независимо отъ услугъ, оказываемыхъ имъ данному плательщику. Эти сборы получаются путемъ обложенія лица, имущества, предпріятія, дохода, дѣятельности или потребленія плательщика; и въ разныя времена государственная казна пополнялась преимущественно обложеніемъ того или другого изъ указанныхъ объектовъ. Обложеніе лица составляетъ одну изъ древнѣйшихъ формъ налога, исчезающую по мѣрѣ развитія культуры. Обложенію въ этихъ случаяхъ подлежитъ или все населеніе, или мужская его часть, или семьи. Обложеніе имущества исходитъ изъ предположенія, что оно приноситъ собственнику извѣстный доходъ; это обложеніе поэтому сообразуется съ признаками, находящимися въ извѣстномъ соотношеніи съ количествомъ доставляемаго имуществомъ дохода. Земля облагается соотвѣтственно площади владѣнія; дома—по числу дверей, оконъ, по цѣнности строенія, по наемной на нихъ платѣ, и т. д.; денежный капиталъ—по высотѣ приносимаго имъ процента. Промышленно-торговыя предпріятія облагаются налогомъ или по дѣйствительно выяснившейся ихъ чистой доходности, или, какъ и въ случаѣ обложенія недвижимаго имущества, по признакамъ, косвенно указывающимъ на бо́льшую или меньшую ихъ доходность (цѣнность помѣщенія, гдѣ идетъ занятіе промысломъ, число занятыхъ рабочихъ, машинъ, сумма затраченнаго капитала, годового оборота и т. п.).

Въ перечисленныхъ случаяхъ обложеніе падаетъ на имущество или предпріятіе и имѣетъ въ виду соразмѣрить налогъ съ высотою приносимаго ими дохода. Въ этомъ смыслѣ описанные налоги могутъ считаться подоходными. Но собственно подоходнымъ или общеподоходнымъ называется такой налогъ, который пытается установить и обложить (прямо, а не косвенно) доходъ каждаго гражданина, откуда бы онъ ни извлекался.

Налоги уплачиваются населеніемъ изъ его доходовъ, получаемыхъ отъ имущества, предпріятія или личной дѣятельности. Всѣ вышеперечисленные налоги прямо и падаютъ на доходы или источники ихъ полученія

и на лицъ, которымъ принадлежатъ тѣ и другіе, и поэтому называются налогами прямыми. Налоги на потребленіе настигаютъ плательщика кружнымъ путемъ. Въ казну этотъ налогъ вносится производителями или торговцами предмета потребленія, а дѣйствительнымъ его плательщикомъ является лицо, покупающее эти предметы и въ цѣнѣ продукта возвращающее торговцу внесенный имъ налогъ. Обложеніе плательщика казною совершается здѣсь не прямо, а черезъ третье лицо, и самый налогъ поэтому называется косвеннымъ.

Свѣдѣнія о государственныхъ доходахъ (равно какъ и о расходахъ) каждаго года публикуются въ двухъ правительственныхъ документахъ: въ росписи доходовъ, *ожидаемыхъ* въ ближайшемъ году, и въ отчетахъ государственнаго контроля о дѣйствительномъ *поступленіи* государственныхъ доходовъ. Не всѣ, однако, доходы и расходы государственнаго характера находятъ себѣ мѣсто въ русской государственной росписи. Не подлежатъ внесенію въ нее доходы и расходы удѣльнаго вѣдомства, учрежденій Императрицы Маріи и спеціальныя средства правительственныхъ учрежденій, т.-е. суммы, имѣющія особыя назначенія и не считающіяся принадлежащими казнѣ, напр., пожертвованія на учебныя заведенія, суммы больницъ, продовольственныхъ, пенсіонныхъ капиталовъ и т. п.

Государственные доходы собираются, и государственные расходы производятся по вѣдомствамъ. Прямые налоги, напр., собираются не только министерствомъ финансовъ, но и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ; пошлины поступаютъ по 8 вѣдомствамъ, а казенныя имущества, приносящія доходъ, находятся во всѣхъ вѣдомствахъ. Расходы на религіозныя потребности выполняются не только синодомъ, но и министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (по иностраннымъ исповѣданіямъ) и другими вѣдомствами; школьное дѣло вѣдается многими вѣдомствами и т. д. По отношенію къ доходамъ и расходамъ государства роспись относится къ указанной разбросанности однородныхъ статей различно. При составленіи росписи государственныхъ доходовъ ожидаемыя поступленія одного вида дохода въ разныхъ вѣдомствахъ соединяются вмѣстѣ и вносятся въ роспись общей суммой. Государственная роспись и отчеты государственнаго контроля даютъ намъ, слѣдовательно, готовыя суммы того, въ какомъ количествѣ собираются различныя виды государственныхъ доходовъ.

По отношенію къ государственнымъ расходамъ практикуется другая система. Въ государственной росписи и въ итоговыхъ таблицахъ отчетовъ государственнаго контроля расходы группируются по вѣдомствамъ, ихъ выполняющимъ, и если какая-либо государственная потребность удовлетворяется при участіи нѣсколькихъ вѣдомствъ, то расходуемыя суммы разбрасываются по различнымъ отдѣламъ росписи. Поэтому государственная роспись и отчеты государственнаго контроля, давая готовыя свѣдѣнія о томъ, изъ какихъ источниковъ слагаются суммы, служащія для удовлетворенія государственныхъ нуждъ, не заключаютъ подведенныхъ итоговъ того,

какія именно средства расходуются на удовлетвореніе отдѣльныхъ государственныхъ потребностей, и во что обходятся націи различныя ея потребности.

Неудобства такой классификаціи государственныхъ расходовъ давно обратили на себя вниманіе; но исправленъ былъ указанный недостатокъ лишь съ учрежденіемъ Государственной Думы. Проектъ первой росписи, внесенной въ Государственную Думу, помимо группировки расходовъ по вѣдомствамъ, содержитъ и классификацію ихъ по главнѣйшимъ государственнымъ потребностямъ. По этой системѣ составлены предположенія о расходахъ на 1907 годъ и переработаны смѣтныя данныя для 1906 г. Лишь послѣ указаннаго дополненія классификаціи государственныхъ расходовъ всякій получаетъ возможность слѣдить изъ года въ годъ не только за увеличеніемъ или сокращеніемъ поступленій отдѣльныхъ категорій государственныхъ доходовъ (что было доступно и ранѣе), но и за колебаніями расходовъ по удовлетворенію опредѣленныхъ государственныхъ потребностей.

Государство стремится обезпечить себѣ опредѣленный доходъ для того, чтобы имѣть средства для удовлетворенія государственныхъ потребностей. Сумма собираемыхъ доходовъ приноравливается поэтому къ суммѣ необходимыхъ расходовъ и наоборотъ: предположенные на данный годъ обыкновенные расходы государства сообразуются съ объемомъ ожидаемыхъ поступленій. Поэтому-то въ правильно составленной росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ обѣ суммы приблизительно одинаковы. При правильномъ составленіи росписей—что имѣетъ мѣсто въ государствахъ Западной Европы—не наблюдается рѣзкаго различія и въ выполненіи росписей сравнительно съ ихъ предположеніями. Дѣйствительное поступленіе государственныхъ доходовъ оказывается соотвѣтствующимъ ожиданіямъ росписи; израсходованныя въ данномъ году суммы приблизительно совпадаютъ съ назначенными по росписи. Въ Россіи же наблюдается нѣчто иное.

Государственные расходы выполняются у насъ приблизительно соотвѣтственно смѣтнымъ назначеніямъ, потому что главная ихъ часть назначается соотвѣтственно давно дѣйствующимъ или вновь введеннымъ штатамъ, росписямъ и т. п. Нельзя сказать того же самаго относительно государственныхъ доходовъ. Точное исчисленіе ожидаемыхъ доходовъ, вообще говоря, гораздо затруднительнѣе, чѣмъ исчисленіе будущихъ расходовъ государства уже по тому одному, что поступленіе большей части государственныхъ доходовъ обусловливается состояніемъ доходовъ плательщиковъ; а предвидѣть за годъ впередъ, будутъ ли эти доходы выше или ниже прежнихъ лѣтъ, весьма затруднительно. Но помимо невольной неточности въ предположеніи доходовъ будущаго года, зависящей отъ указанной причины, въ росписи русскихъ доходовъ мы находимъ неточность умышленную. Стремясь къ тому, чтобы скопить въ рукахъ правительства возможно большую сумму свободныхъ денежныхъ средствъ и тѣмъ развязать ему руки для болѣе или менѣе рискованныхъ предпріятій хозяйственнаго, военнаго характера и т. д., наше финансовое вѣдомство, начиная съ Вышнеградскаго, приняло

манеру составлять смѣту доходовъ въ меньшихъ суммахъ, чѣмъ можно ожидать въ дѣйствительности. Это давало ему возможность сдерживать требованія отдѣльныхъ вѣдомствъ увеличенія ихъ кредитовъ; и полученный избытокъ дѣйствительно поступившихъ доходовъ, подъ наименованіемъ свободной наличности, поступалъ въ запасъ и употреблялся для того или другого экстраординарнаго назначенія. Тамъ, гдѣ государственные финансы находятся подъ контролемъ народныхъ представителей, такая политика не можетъ получить широкаго развитія. Коль скоро поступленіе государственныхъ доходовъ изъ года въ годъ превышаетъ смѣтныя предположенія и сумму государственныхъ расходовъ, это значитъ, что населеніе обложено налогами выше потребностей государства, и въ конституціонныхъ странахъ прибѣгаютъ въ этомъ случаѣ къ пониженію обложенія. Въ Россіи же, финансы которой находились въ полномъ распоряженіи всесильной бюрократіи, бремя налоговъ увеличивалось, несмотря на крупные избытки доходовъ.

Такъ, за 11 лѣтъ, съ 1893 по 1903 г., обыкновенныхъ доходовъ государствомъ получено на 1417 милліоновъ рублей болѣе, чѣмъ ожидалось; это составляетъ избытокъ доходовъ въ среднемъ почти въ 130 милліоновъ рублей въ годъ. А превышеніе обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ надъ расходами составило въ это время 1878 милліоновъ рублей; т.-е. государственное казначейство сберегало ежегодно 170 милліоновъ рублей. Несмотря на это, за исключеніемъ прямыхъ налоговъ съ такъ называемыхъ податныхъ сословій, обложеніе населенія, какъ увидимъ ниже, значительно увеличилось. Кромѣ 1878 милліоновъ рублей, сосредоточившихся въ рукахъ правительства вслѣдствіе превышенія доходовъ надъ расходами, правительство заключило въ описываемое время займы на сумму болѣе 1 милліарда 200 милліоновъ рублей. Оно, слѣдовательно, получило въ свое распоряженіе болѣе трехъ милліардовъ рублей свободныхъ рессурсовъ. Цѣлая половина этой суммы была затрачена на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, которое предпринималось правительствомъ, главнымъ образомъ, въ видахъ искусственнаго оживленія русской промышленности; безъ такого оживленія оно не могло бы собрать съ населенія тѣ огромныя суммы, о которыхъ только-что шла рѣчь. 600 милліоновъ рублей были обращены на выкупъ излишне выпущенныхъ кредитныхъ билетовъ, 375 милліоновъ рублей—на погашеніе и конверсіи государственныхъ долговъ, 300 милліоновъ рублей на усиленіе вооруженія арміи, 85 милліоновъ рублей затрачено на помощь населенію неурожайныхъ районовъ и т. д.

Изъ того, что было говорено выше, слѣдуетъ, что для полученія правильнаго понятія о государственныхъ доходахъ Россіи нельзя пользоваться—какъ это дѣлается на Западѣ—росписью этихъ доходовъ, а слѣдуетъ обратиться къ отчетамъ Государственнаго Контроля. Отчеты же эти опубликовываются довольно поздно, и въ настоящее время мы имѣемъ полный отчетъ контроля за 1906 г. Въ данномъ случаѣ, впрочемъ, это не представляетъ особенной бѣды, такъ какъ переживаемое нами нынѣ смутное время нельзя считать

удобнымъ моментомъ для изученія финансоваго состоянія страны. Ненормальное положеніе русскихъ финансовъ началось уже съ момента японской войны, какъ потому, что эта война вызвала рядъ чрезвычайныхъ мѣръ финансоваго характера, такъ и по причинѣ начавшагося вскорѣ послѣ того революціоннаго движенія. Такъ какъ результатомъ этого движенія будетъ, нужно полагать, существенное преобразованіе нашей финансовой системы, то въ книгѣ о русскихъ финансахъ, выходящей въ описываемое, переходное время, всего умѣстнѣе остановить особенное вниманіе на положеніе этихъ финансовъ во время, предшествовавшее революціи, охарактеризовать русскіе финансы наканунѣ ихъ вѣроятнаго преобразованія. Это, однако, не можетъ помѣшать намъ—на ряду со свѣдѣніями за время, предшествовавшее войнѣ—приводить данныя о поступленіи государственныхъ доходовъ и за послѣдующіе годы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы будемъ указывать и смѣтныя предположенія на 1907 годъ.

Доходы и расходы государства подраздѣляются въ нашей росписи на обыкновенные и чрезвычайные. Хотя въ идеѣ между тѣми и другими существуетъ рѣзкое различіе, заключающееся въ томъ, что обыкновенные доходы и расходы имѣютъ постоянный характеръ, а чрезвычайные не повторяются въ опредѣленные періоды или случаются только единожды, но на практикѣ провести между ними точную разграничительную черту подчасъ представляется дѣломъ не легкимъ, и рубрики чрезвычайныхъ доходовъ и расходовъ нашей росписи подвергались многократнымъ измѣненіямъ. Въ настоящее время къ чрезвычайнымъ доходамъ относятся вклады на вѣчное время въ Государственный банкъ; крупныя единовременныя поступленія отъ спеціальныхъ капиталовъ, обращаемыхъ въ общія средства казны, и отъ продажи государственной собственности; суммы, возвращаемыя желѣзнодорожными обществами изъ облигаціонныхъ средствъ въ погашеніе полученныхъ ими государственныхъ ссудъ; и, наконецъ, главная, сдѣлавшаяся у насъ чуть не постоянной, статья чрезвычайныхъ доходовъ—поступленія отъ кредитныхъ операцій. Къ чрезвычайнымъ расходамъ относятся расходы, вызываемые войнами и народными бѣдствіями; расходы на проведеніе новыхъ желѣзнодорожныхъ линій и на снабженіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ, за счетъ ихъ облигаціонныхъ капиталовъ, желѣзнодорожными принадлежностями разнаго рода; расходы по досрочному погашенію государственныхъ долговъ и расходы по уплатѣ капитализированной стоимости пріобрѣтаемой казной крупной собственности или выкупаемаго ею права (напр., права исключительной продажи вина въ прибалтійскихъ и польскихъ губерніяхъ).

Въ послѣдующемъ мы займемся, главнымъ образомъ, обыкновенными государственными доходами и расходами; изъ чрезвычайныхъ же операцій познакомимся ближе лишь съ кредитными.

Общая сумма обыкновенныхъ доходовъ.

Въ отчетахъ государственнаго контроля, какъ и въ государственной росписи, обыкновенные доходы показываются по девяти отдѣламъ: I—прямые налоги, II—косвенные налоги, III—пошлины, IV—правительственныя регаліи, V—казенные имущества и капиталы, VI—отчужденіе государственныхъ имуществъ, VII—выкупные платежи, VIII—возмѣщеніе расходовъ государственнаго казначейства, IX—доходы разнаго рода (мелкіе и случайные). Каждый изъ этихъ отдѣловъ подраздѣляется на параграфы, общее число коихъ равняется 35. Свѣдѣнія объ ожидаемыхъ доходахъ на очередной годъ, какъ и о предположенныхъ расходахъ, помѣщаются и въ финансовыхъ смѣтахъ каждаго министерства, не подлежащихъ опубликованію, но представляемыхъ на разсмотрѣніе законодательныхъ учрежденій (въ первое время Государственнаго Совѣта, теперь—Государственной Думы и Совѣта). Въ этихъ смѣтахъ параграфы росписи расчленяются на статьи и болѣе мелкія подраздѣленія, повторяемыя и въ отчетахъ государственнаго контроля. Въ послѣдующемъ изложеніи мы, конечно, не станемъ далеко заходить въ подраздѣленіи крупныхъ категорій государственныхъ доходовъ.

Прежде чѣмъ разсматривать каждую категорію государственныхъ доходовъ особо, бросимъ общій взглядъ на совокупность всѣхъ доходовъ страны. Согласно тому, что было разъяснено выше, мы изберемъ для этого доходы лѣтъ, предшествовавшихъ японской войнѣ, и опредѣлимъ абсолютную и относительную долю каждаго дохода для средняго года трехлѣтія 1901—03 гг. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы приводимъ свѣдѣнія о поступленіи государственныхъ доходовъ за 1905 и 1906 годы и смѣтныя предположенія о государственныхъ доходахъ на 1907 годъ. Подраздѣленіе доходовъ сдѣлано согласно государственной росписи.

Соотвѣтствующія данныя помѣщены въ таблицѣ, помѣщенной на стр. 10—12.

Разсмотрѣніе этой таблицы (гр. 1 и 2) показываетъ, что поступленіе государственныхъ доходовъ въ началѣ текущаго столѣтія достигало въ среднемъ 1 милліарда 912 милліоновъ рублей въ годъ; что 1 милліардъ 60 милліоновъ рублей или болѣе 55% этой суммы давали государственному казначейству хозяйственныя предпріятія казны: правительственныя регаліи, казенные имущества и капиталы. Что же касается доходовъ налоговаго характера (прямые, косвенные налоги, пошлины), они входили въ общую массу государственныхъ доходовъ всего лишь суммою въ 680 милл., а вмѣстѣ

	1901—3 гг.		1905 г.	1906 г.	1907 г.
	милл. р.	% отн.	милліоновъ рублей.		
Отдѣлъ I. Прямые налоги.	1	2	3	4	5
§ 1. Налоги позем., съ недвижим. имущ., подати .	48,1	2,5	4[illegible],3	60,5	60,2
§ 2. Государствен. промысловый налогъ . . .	6,75	3,6	62,1	82,5	77,1
§ 3. Сборъ съ доходовъ отъ денежн. капиталовъ . . .	17,5	0,9	19,5	20,2	20,5
Итого	133,1	7,0	126,9	163,2	157,8
Отдѣлъ II. Косвен. налоги.					
§ 4. Сборы съ питей . . .	56,8	3,0	29,8	39,3	32,9
§ 5. Табачный доходъ	46,7	2,5	46,6	59,9	49,4
§ 6. Сахарный доходъ . . .	76,2	4,0	78,7	108,8	102,0
§ 7. Нефтяный доходъ . . .	30,1	1,6	29,9	29,9	35 0
§ 8. Спичечный доходъ . .	8,1	0,4	10,8	15,0	13,3
§ 9. Таможенный доходъ .	228,5	11,9	212,8	241,3	224,3
Итого	446,4	23,4	408,6	494,2	456,9
Отдѣлъ III Пошлины.					
§ 10. Гербов., судебн., канцел., съ записи документовъ	45,5	2,4	46,9	53,9	51,9
§ 11. Съ переходящихъ имуществъ	23,9	1,2	20,4	22,0	23,1
§ 12. Съ товаровъ и судовъ въ портахъ	3,4	0,2	3,0	3,3	2,9
§ 13. Съ пассажировъ и грузовъ большой скорости . . .	15,7	0,8	15,6	18,6	18,2
§ 14. Съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ . . .	4,1	0,2	4,3	4,6	4,3
§ 15. Пошлины разныхъ наименованій	8,5	0,5	9,8	10,9	8,9
Итого	101,1	5,3	100,0	113,3	109,3

	1901—3 гг.		1905 г.	1906 г.	1907 г.
	милл. р.	% отн.	милліоновъ рублей.		
	1	2	3	4	5
Отдѣлъ IV. Правительственныя регаліи.					
§ 16. Горный доходъ	2,5	0,1	0,06	0,03	0,2
§ 17. Монетный доходъ	4,2	0,2	5,1	5,3	6,9
§ 18. Почтовый доходъ	34,4	1,8	43,2	46,0	48,0
§ 19. Телеграфный и телефонный доходъ	20,8	1,1	28,1	28,2	28,4
§ 20. Доходъ отъ казенной винной операціи	468,6	24,5	609,4	697,5	673,0
Итого	530,5	27,7	685,8	777,0	756,5
Отдѣлъ V. Казенныя имущества и капиталы.					
§ 21. Оброчныя статьи и промыслы	25,1	1,3	26,8	22,3	24,7
§ 22. Лѣсной доходъ	59,0	3,1	52,1	57,5	54,3
§ 23. Казенныя желѣзныя дор.	413,3	21,6	431,5	490,9	489,0
§ 24. Казен. заводы, технич. заведенія и склады . . .	13,8	0,7	15,4	11,7	15,4
§ 25. Прибыли отъ казенныхъ капит. и банк. опер. . .	15,8	0,8	23,6	19,8	23,5
§ 26. Прибыли отъ участія въ доходахъ частн. ж. д. . .	2,4	0,1	3,6	0,4	0,7
Итого	529,4	27,7	553,0	602,6	607,6
Отдѣлъ VI. Отчужденіе государствен. имуществъ.					
§ 27. Доходъ отъ продажи недвиж. имуществъ	0,8	0,4	0,7	0,7	0,5

	1901—6 гг.		1905 г.	1906 г.	1907 г.
	милл. р.	% отн.	милліоновъ рублей.		
	1	2	3	4	5
Отдѣлъ VII. Выкупные платежи.					
§ 28. Съ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ . . .	38,6	2,0	24,4	16,8	
§ 29. Съ бывшихъ удѣльныхъ крестьянъ	2,7	0,2	1,6	0,7	0,5
§ 30. Съ бывшихъ государственныхъ крестьянъ	48,2	2,5	29,4	17,5	
Итого	89,5	4,7	55,4	35,0	0,5
Отдѣлъ VIII. Возмѣщеніе расход. госуд. казначейства.					
§ 31. Обязательные платежи обществъ жел. дор. . .	10,3	0,5	11,5	7,0	8,1
§ 32. Возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ	34,7	1,8	30,1	34,5	31,7
§ 33. Пособія госуд. казнач. изъ посторон. источниковъ . .	19,7	1,0	23,9	19,9	26,4
§ 34. Военное вознагражденіе .	9,3	0,5	12,2	10,2	10,7
Итого	74,0	3,8	77,7	71,6	76,9
Отдѣлъ IX. Доходы разнаго рода.					
§ 35. Мелкіе и случайные доходы	7,4	0,4	16,4	14,0	8,0
Всего обыкновен. доходовъ. .	1912,2	100	2024,6	2271,6	2174,99

съ выкупными платежами — 770 милл. р., т.-е. составляли лишь 35 — 40% суммы государственныхъ рессурсовъ. При этомъ прямые налоги давали государственному казначейству 133 милл. р., а вмѣстѣ съ выкупными платежами 223 милл. р. или менѣе 12% общей суммы доходовъ; косвенные налоги приносили 446 милл. р. или 23% и пошлины—101 милл. р. или съ небольшимъ 5% суммы государственныхъ доходовъ.

Если признать, что приведенныя выше данныя вѣрно рисуютъ объемъ и составъ тѣхъ рессурсовъ, которые служатъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, то нужно было бы считать очень счастливымъ обстоятельствомъ, что большая часть средствъ для удовлетворенія этихъ потребностей получается отъ хозяйственныхъ предпріятій; и жертвы въ видѣ налоговъ населенію приходится приносить лишь въ суммѣ 35—40% государственнаго бюджета. Но такое заключеніе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Дѣло въ томъ, что приведенная выше сумма государственныхъ доходовъ еще не выражаетъ объема рессурсовъ, поступавшихъ въ 1901—3 гг. въ руки правительства на удовлетвореніе государственныхъ потребностей. Взиманіе каждаго дохода требуетъ спеціальныхъ расходовъ, и чѣмъ выше послѣдніе, тѣмъ ниже чистый доходъ по данной статьѣ, который государство можетъ употребить на свои нужды. Расходы же взиманія государственныхъ доходовъ неодинаковы для различныхъ ихъ категорій. По отношенію къ налогамъ расходы взиманія заключаются въ содержаніи учрежденій, завѣдующихъ сборомъ ихъ. По отношенію къ хозяйственнымъ доходамъ расходами взиманія будетъ то, что называется расходами производства, торговли и т. п. Нѣкоторыя государства въ росписяхъ доходовъ показываютъ и издержки ихъ взиманія, и въ Англіи, напр., издержки взиманія налоговъ не достигаютъ $^1/_{10}$ суммы послѣднихъ. Въ Россіи эти издержки, можетъ-быть, выше; но, во всякомъ случаѣ, онѣ составляютъ незначительную часть суммы сборовъ, и не менѣе 80—85% поступающихъ въ казну налоговъ составляютъ чистый доходъ, который можно обратить на удовлетвореніе той или другой государственной потребности.

Нельзя того же сказать о хозяйственныхъ доходахъ правительства. Если эти доходы заключаются, напр., въ арендной платѣ за землю, заводы, нефтяные источники или въ суммахъ, вырученныхъ продажей лѣса на срубъ, то расходы по совершенію соотвѣтствующихъ операцій не высоки, и большая часть вырученныхъ суммъ составитъ чистый доходъ государства. Но если казна сама ведетъ производительное или торговое предпріятіе, и если это предпріятіе не составляетъ ея монополіи, и она не можетъ держать цѣны продаваемыхъ ею товаровъ на желательной высотѣ, то чистый доходъ по данной операціи будетъ, вѣроятно, ниже даже того, какой получается въ данной отрасли частными лицами. Всякому же извѣстно, что доходъ въ 7—10% на затраченный капиталъ считается очень хорошимъ,

а изъ сказаннаго слѣдуетъ заключить, что чистый доходъ коммерческаго предпріятія составляетъ лишь небольшую часть валового дохода. По отношенію къ хозяйственнымъ доходамъ государства эту мысль можно выразить, сказавъ, что расходы взиманія даннаго дохода поглощаютъ большую часть послѣдняго.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что одна и та же сумма государственнаго дохода, заключающаяся въ налогѣ и въ поступленіи отъ коммерческаго, немонопольнаго предпріятія, имѣетъ весьма неодинаковое значеніе въ качествѣ рессурса для удовлетворенія государственныхъ нуждъ. Налогъ въ счетъ этихъ рессурсовъ поступаетъ большей своей частью, а хозяйственный доходъ—меньшей.

Въ монопольныхъ предпріятіяхъ наблюдаются иныя отношенія. Цѣны продуктовъ этихъ предпріятій можно держать очень высоко и тѣмъ значительно повысить соотвѣтствующій чистый доходъ. Но такой доходъ нельзя уже считать доходомъ хозяйственнаго характера. Будучи по формѣ хозяйственнымъ доходомъ, по существу онъ принадлежитъ къ категоріи косвенныхъ налоговъ на потребленіе соотвѣтствующаго продукта.

Обращаясь послѣ сдѣланныхъ разъясненій къ вопросу о составѣ доходовъ русскаго государства, мы видимъ, что для полученія болѣе или менѣе правильнаго понятія какъ объ общей суммѣ государственныхъ рессурсовъ, такъ и о сравнительномъ значеніи отдѣльныхъ ея частей, нужно предварительно произвести сортировку нѣкоторыхъ статей вышеприведенной таблицы доходовъ: освободить нѣкоторые хозяйственные доходы отъ суммъ, соотвѣтствующихъ расходамъ предпріятія; перенести нѣкоторыя суммы изъ отдѣла хозяйственныхъ доходовъ въ отдѣлъ косвенныхъ налоговъ и т. д. Но производство всѣхъ этихъ измѣненій умѣстнѣе будетъ сдѣлать послѣ того, какъ мы ближе познакомимся съ отдѣльными видами нашихъ доходовъ. Къ изученію послѣднихъ мы теперь и приступимъ.

Прямые налоги.

Отдѣлъ I росписи государственныхъ доходовъ, «Прямые налоги», подраздѣляется на три параграфа: 1) налоги поземельные, съ недвижимыхъ имуществъ и подати, 2) государственный промысловый налогъ и 3) сборъ съ доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ.

Параграфъ I отдѣла прямыхъ налоговъ заключаетъ слѣдующіе виды обложенія: поземельные налоги, налоги на недвижимыя имущества, подымные сборы, кибиточная подать, оброчная подать, государственный квартирный налогъ и разные окладные сборы. Въ этомъ параграфѣ, на ряду съ обложеніемъ недвижимыхъ имуществъ, мы встрѣчаемся съ остатками отжившихъ и въ большинствѣ случаевъ отмѣненныхъ личныхъ налоговъ.

До недавняго времени въ числѣ прямыхъ налоговъ главную роль игралъ у насъ личный налогъ, подъ названіемъ подушной подати. Налогъ этотъ падалъ на мужское населеніе непривилегированныхъ классовъ, такъ наз. податныхъ (крестьянъ и мѣщанъ), поровну на каждую душу, зарегистрированную переписью (ревизіей); перепись повторялась черезъ извѣстные промежутки времени, ради учета населенія, подлежащаго подушному обложенію. Подушная подать введена была при Петрѣ I взамѣнъ тоже личнаго, подворнаго налога, а этотъ послѣдній явился въ концѣ XVII вѣка на смѣну поземельнаго обложенія. Причины, побудившія правительство переходить отъ болѣе совершенныхъ (имущественныхъ) къ менѣе совершеннымъ формамъ (личнаго) обложенія земледѣльческаго населенія, заключались въ слѣдующемъ. Тяжесть поземельнаго налога (обложенію подлежала распаханная земля) и развитіе крѣпостного права вызывали бѣгство населенія въ отдаленныя, окраинныя мѣста государства, гдѣ трудно было уследить за количествомъ распахиваемыхъ земель. Правда, правительство приняло мѣры къ тому, чтобы это обстоятельство не вело къ уменьшенію поступленія податей, взимая послѣднія не съ каждаго плательщика въ отдѣльности, а съ цѣлаго общества, по количеству обмѣренной пахотной земли. Но такъ какъ съ уходомъ работниковъ общества оказывались не въ силахъ уплачивать налогъ за чужія земли, остававшіяся безъ обработки, то поступленіе поземельнаго налога происходило очень неаккуратно, и крестьяне просили, чтобы налоги взимались не съ земли, а съ наличныхъ, дѣйствительно населенныхъ дворовъ. Правительство само понимало, что учесть дворы бѣглецовъ, селившихся въ новыхъ мѣстахъ, легче, чѣмъ слѣдить за расширеніемъ ихъ запашекъ, и, побуждаемое накопленіемъ недоимокъ, рѣшило (ок. 1680 г.) перенести обложеніе съ земли на крестьянскіе дворы.

Реформа эта, однако, не устранила накопленія недоимокъ, вслѣдствіе уклоненія населенія отъ уплаты налога. Кромѣ бѣгства работниковъ изъ тяглыхъ (обложенныхъ) дворовъ, крестьяне добивались уменьшенія приходящихся на нихъ податей еще путемъ соединенія, ко времени правительственной переписи, нѣсколькихъ дворовъ въ одинъ. Тогда правительство принимаетъ новую мѣру уловленія плательщиковъ: переноситъ (въ 1724 г.) обложеніе двора на душу мужского пола. Но уплата этихъ податей и отвѣтственность за ихъ поступленіе осталась попрежнему на обществѣ, а не на отдѣльномъ плательщикѣ.

Въ 1725 г. подушная подать была назначена въ 70 к., въ 1794 г. она была поднята въ большинствѣ губерній до 1 р., въ 1798 г. до 1 р. 26 к., въ 1810 г. до 2 р., въ 1812 г. до 3 р., а въ 1816 г. прибавлено еще 30 к. Тяжесть этого обложенія во времена Александра I и первой половины царствованія Николая I облегчалась, однако, вслѣдствіе упадка цѣнности ассигнацій (принимавшихся въ уплату налога) до 30 и менѣе серебряныхъ копѣекъ за ассигнаціонный рубль. Къ сороковымъ годамъ

истекшаго вѣка ассигнаціи, какъ извѣстно, были замѣнены кредитными билетами, равноцѣнными серебру, всѣ счеты на ассигнаціи были переведены на серебро (по разсчету 3 р. 50 к. ас. равнялись 1 р. серебр.), и подушная подать въ 3 р. 30 к. ассигн. обратилась въ 95 к. сер. Съ началомъ эпохи реформъ поставленъ былъ на очередь и вопросъ о преобразованіи нашей податной системы; но хотя учрежденная въ 1860 г. комиссія высказалась за упраздненіе подушной подати, послѣдняя продолжала существовать и даже была возвышаема (причемъ добавочный налогъ былъ различенъ для разныхъ губерній) и въ концѣ 60-хъ годовъ составляла, смотря по мѣстности, отъ 1 р. 15 к. до 2 р. 60 к. на душу. Кромѣ общаго подушнаго налога, крестьяне несли еще подушное обложеніе на покрытіе государственныхъ земскихъ повинностей) содержаніе почтовыхъ станцій, устройство шоссейныхъ дорогъ, содержаніе мѣстныхъ гражданскихъ управленій и т. п.). Въ началѣ 70-хъ гг. этотъ налогъ давалъ около 20 милл. р. Въ 1872 г. $7^1/_2$ милл. р. этого налога было перенесено на земли, а въ 1875 г. государственный земскій сборъ присоединенъ къ общей суммѣ государственныхъ доходовъ; поземельная часть его получила наименованіе государственнаго поземельнаго налога, а подушный сборъ присоединенъ къ подушной подати. Послѣдняя стала послѣ того фигурировать въ государственной росписи въ суммѣ около 50 милл. р.

Къ упраздненію подушной подати приступлено было при министрѣ финансовъ Бунге. Съ 1887 г. подушная подать перестала взиматься въ Европейской Россіи, а въ послѣдующіе годы эта подать и аналогичные ей налоги (ясачная, подымная на Кавказѣ и др.) постепенно были отмѣняемы и въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Въ настоящее время изъ старыхъ формъ обложенія, не сообразующихся съ цѣнностью и доходностью имущества и аналогичныхъ личному налогу, сохранился кибиточный сборъ, взимаемый съ каждаго хозяйства или семьи кочующихъ инородцевъ Кавказа и Сибири; въ Ставропольской губерніи его окладъ составляетъ 6 р., а въ Сибири — 4 р. съ кибитки. Въ 1901—03 гг. сумма кибиточнаго сбора равнялась въ среднемъ 3,2 милл. р., въ 1906 г. сборъ далъ 3,3 милл. р., на 1907 г. онъ назначенъ въ суммѣ 3,3 милл. р. Не отмѣненная еще подушная подать по смѣтѣ на 1907 г. должна дать государственному казначейству менѣе 150 тыс. рублей. Изъ старыхъ формъ налоговъ упомянемъ здѣсь о мелкомъ сборѣ (въ 1901—3 гг. онъ давалъ въ среднемъ 340 тыс. р. въ годъ и въ той же суммѣ назначенъ на 1907 г.) со скота киргизовъ Внутренней Орды и калмыковъ Астраханской губерніи.

Недвижимыя имущества въ Россіи несутъ на себѣ, главнымъ образомъ, мѣстные и сословные (земскіе, городскіе, мірскіе, дворянскіе и т. п.) налоги; въ пользу же государства они обложены недавно и очень слабо. Въ дореформенныя времена господствовало, какъ мы знаемъ, подушное обложеніе (крестьянъ и мѣщанъ), а недвижимая собственность была свободна

отъ налога; послѣ крестьянской реформы небольшая часть подушныхъ сборовъ была перенесена на земли и недвижимыя городскія имущества.

Главную часть современнаго поземельнаго обложенія составляетъ государственный поземельный налогъ, взимаемый съ земель, подлежащихъ земскому обложенію (кромѣ казенныхъ). Сумма налога для каждой губерніи назначается правительствомъ по тарифу отъ $^1/_4$ до 17 коп. съ десятины (смотря по мѣстности), что соотвѣтствуетъ 0,18% цѣнности земли по старой, очень низкой оцѣнкѣ ея въ началѣ 1880-хъ годовъ. Разверстывается этотъ налогъ между плательщиками земскими учрежденіями, соотвѣтственно основаніямъ, принятымъ для раскладки земскихъ сборовъ. Налогъ этотъ долженъ быть, слѣдовательно, отнесенъ къ категоріи раскладочныхъ (репартиціонныхъ) налоговъ. Общая сумма этого налога первоначально назначена была лишь для Европейской Россіи въ $7^1/_2$ милл. р.; въ 1884 г. она была увеличена на 4 милл. р., въ 1888 г.—еще на $1^1/_2$ милл. р. Въ 1887 г. поземельный налогъ въ размѣрѣ 10% со средней валовой доходности земли введенъ былъ, взамѣнъ прежнихъ поземельныхъ налоговъ въ Туркестанѣ, а въ 1901 г.—на Кавказѣ. Въ 1896 г., по случаю коронаціи, государственный земскій сборъ въ Европейской Россіи пониженъ былъ на половину, срокомъ на 10 лѣтъ. Теперь, когда этотъ срокъ истекъ, окладъ налога составляетъ для Европейской Россіи 13,4 милл. р., для Туркестанскаго Края и Кавказа 4,6 милл. р., всего же около 18 милл. р.

Другую часть современнаго поземельнаго налога составляютъ сборы съ земель Царства Польскаго—наслѣдіе старыхъ временъ; въ 1860-ыхъ годахъ они подверглись нѣкоторому преобразованію. Налогъ этотъ взимается въ размѣрѣ отъ 3,5 до 94,6 коп. съ морга помѣщичьей, крестьянской и посадской земли, общей площадью въ 10 милл. десятинъ, и составляетъ сумму 5,7 милл. р., т.-е. въ среднемъ 5,66 коп. съ десятины.

Въ 1901—3 годахъ поземельные налоги приносили въ среднемъ ок. 15 милл. р. въ годъ; въ 1906 г. они дали 20,5 милл. р. Въ 1907 г. окладъ этихъ налоговъ составляется изъ 18 милл. р. государственнаго поземельнаго сбора и около 5,7 милл. р. поземельныхъ сборовъ въ Царствѣ Польскомъ, всего 23,7 милл. р. Въ виду же затруднительнаго положенія крестьянъ и помѣщиковъ, вслѣдствіе неурожаевъ и народныхъ волненій, поступленіе государственнаго поземельнаго сбора ожидается не въ полномъ размѣрѣ, и въ смѣту на 1907 г. поземельные налоги занесены въ суммѣ 21,7 милл. р.

Къ поземельному обложенію можно отнести оброчные платежи крестьянъ, занимающихъ государственныя земли. Въ прежнее время эти платежи носили подушный характеръ, а въ 1886 г. 36 милл. р. оброчной подати государственныхъ крестьянъ Европейской Россіи были обращены въ 53 милл. р. ежегодныхъ выкупныхъ платежей, которые крестьяне должны были вносить въ теченіе 44 лѣтъ. Съ 1907 г. выкупные платежи всѣхъ

разрядовъ крестьянъ отмѣнены. Въ настоящее время оброчную подать уплачиваютъ крестьяне, занимающіе государственныя земли на Кавказѣ, въ Средней Азіи и въ Сибири, и переселенцы, водворяющіеся на казенныя земли. Годовой окладъ этой подати составляетъ теперь 8,9 милл. р., но ожидается отъ нея въ 1907 г.—по среднему поступленію въ предшествующіе три года—7,3 милл. р. Въ 1901—3 гг. оброчная подать поступала въ среднемъ въ суммѣ 7,5 милл. р. въ годъ, въ 1906 г. 8,6 милл. р.

Обложеніе недвижимой собственности въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ введено было, какъ и государственный поземельный налогъ, для замѣны отжившихъ формъ прямыхъ налоговъ. Въ 1863 г. отмѣнена подушная подать съ мѣщанъ, а на ея мѣсто введенъ налогъ на городскія недвижимыя имущества (постройки, сады, пустопорожнія земли и т. п.). Налогъ этотъ носитъ раскладочный характеръ, т.-е. сумма его назначается для каждой губерніи заранѣе и распредѣляется между плательщиками мѣстными органами самоуправленія. Сумма сбора съ теченіемъ времени увеличивалась, какъ вслѣдствіе повышенія ставки налога, такъ и по причинѣ распространенія налога на новые районы и замѣны имъ прежнихъ формъ обложенія населенія окраинъ. Въ 1863 г. этотъ налогъ взимался въ суммѣ 2 милл. р.; въ 1901—3 гг. онъ поступалъ въ среднемъ въ количествѣ почти 10 милл. р. въ годъ. Съ 1904 г. налогъ на недвижимыя имущества введенъ въ Царствѣ Польскомъ взамѣнъ 3,5 милл. р. старой формы подымнаго налога въ городахъ; взимается онъ здѣсь въ размѣрѣ 10% съ чистой доходности. Въ 1905 г. окладъ налога на недвижимыя городскія имущества поднятъ на 33%. Въ 1906 г. налогъ далъ 18,3 м. р. Въ смѣту на 1907 г. онъ внесенъ въ суммѣ 18,6 милл. р.: 13 милл. р. падаетъ на Европейскую Россію, Кавказъ и Туркестанъ и 5,6 милл. р. на Царство Польское.

Подымная подать въ Царствѣ Польскомъ первоначально взималась съ жилыхъ домовъ. Съ 1864 г. этотъ налогъ падаетъ на помѣщичьи жилые дома и строенія, состоящія подъ промышленными и торговыми заведеніями, на городскіе дома и на крестьянскія владѣнія. Въ 1901 — 3 гг. налогъ приносилъ въ среднемъ около 7 милл. р., а послѣ преобразованія подымной подати въ городахъ въ налогъ на недвижимыя имущества, поступленіе его въ 1906 г. упало до 3,3 милл. р. Въ смѣту на 1907 г. внесено ок. 3 милл. руб.

Нѣкоторые авторы сближаютъ съ налогомъ на недвижимыя имущества налогъ квартирный; другіе считаютъ его налогомъ на потребленіе. Въ Россіи налогъ на квартиры въ городахъ и поселеніяхъ, имѣющихъ городской характеръ, введенъ съ 1894 г. Оклады налога измѣняются соотвѣтственно разряду, къ которому отнесены города. Разряды установлены по признаку дороговизны квартиръ. Въ одномъ и томъ же городѣ налогъ повышается вмѣстѣ съ цѣной квартиры и притомъ прогрессивно, начиная

приблизительно съ $1^1/_2\%$ квартирной платы и доходя до 10%. Самыя дешевыя квартиры отъ налога освобождаются. Въ 1901—3 гг. квартирный налогъ давалъ въ среднемъ ок. 4,8 милл. р. въ годъ, въ 1906 г. принесъ 5,3 милл. р., въ 1907 г. ожидается отъ него 5,3 милл. р.

Первый параграфъ отдѣла I росписи доходовъ заключаетъ еще налогъ на туземцевъ Кавказа, взамѣнъ отбыванія натуральной воинской повинности. Въ 1901—3 гг. онъ давалъ въ среднемъ 520 тыс. р. въ годъ, а на 1907 г. ожидается въ суммѣ 543 тыс. р.

Въ общей суммѣ по всѣмъ статьямъ параграфа перваго разсматриваемаго отдѣла росписи доходовъ государственное казначейство получало въ 1901—03 гг. въ среднемъ ок. 48 милл. р. въ годъ, въ 1904 г. 49 милл. р., въ 1905 г. 45 милл. р. Въ 1906 г., вслѣдствіе повышенія налога на недвижимыя имущества въ городахъ и прекращенія льготнаго срока по уплатѣ государственнаго поземельнаго налога, поступленія по разсматриваемому параграфу превысили 60 милл. р., и въ той же почти суммѣ ожидается ихъ поступленіе въ 1907 г.

Параграфъ 2 отдѣла I обнимаетъ промысловые сборы. Обложеніе торгово-промышленнаго класса принимаетъ сколько-нибудь правильный видъ со временъ Екатерины II. Въ 1775 г. купцы были освобождены отъ подушной подати, взамѣнъ которой они были обложены однопроцентнымъ сборомъ съ суммы объявляемаго ими по совѣсти капитала, причемъ по размѣрамъ этого капитала они были раздѣлены на три гильдіи. Въ 1812 г. гильдейскій сборъ былъ увеличенъ до $4^3/_4\%$. Въ 1824 г., въ виду утайки капитала, процентное обложеніе, по примѣру Франціи, замѣнено было опредѣленнымъ окладомъ, уплачивавшимся при полученіи свидѣтельства на право торговли (патентная система). Въ первой половинѣ 60-хъ годовъ введено было новое «Положеніе о пошлинахъ на право торговли и промысловъ». На основаніи этого Положенія хозяева торговыхъ и промышленныхъ предпріятій должны были ежегодно выбирать особые свидѣтельства и билеты, съ уплатою за нихъ денегъ. Свидѣтельства (гильдейскія—болѣе дорогія—и промысловыя) давали лицу право на занятіе торговлею или промысломъ подъ условіемъ оплаты каждаго открывавшагося заведенія выборкою соотвѣтствующаго билета. Свидѣтельства дѣлились на разряды соотвѣтственно тому, какъ широки были обороты торговли, и насколько крупны промышленныя предпріятія. Дѣленіе это устанавливалось очень грубо, не по дѣйствительному обороту, а по внѣшнимъ признакамъ, указывающимъ на размѣръ предпріятія (оптовая и розничная торговля, фабрика съ числомъ рабочихъ болѣе 16 и менѣе 16, примѣняющая механическую силу и не примѣняющая и т. д.); цѣна свидѣтельства колебалась отъ 6 до 565 р. Получивъ свидѣтельство на право торговли или промысла, нужно было затѣмъ брать особые билеты цѣною отъ 2 до 55 р. на каждое изъ открывавшихся заведеній.

При такой системѣ пропорціональность обложенія проведена очень недостаточно, и очень слабо облагались крупныя и среднія предпріятія. Для смягченія этого недостатка въ 1885 г. введено дополнительное обложеніе гильдейскихъ (т.-е. болѣе крупныхъ) торговыхъ и промышленныхъ предпріятій въ видѣ процентнаго и раскладочнаго сборовъ; а въ 1889 г. раскладочный сборъ распространенъ и на многія негильдейскія предпріятія. Процентный сборъ взимался съ такихъ предпріятій (акціонерныя общества, товарищества на паяхъ, банки и т. п.), которыя обязаны были представлять участникамъ въ нихъ или публиковать во всеобщее свѣдѣніе годовые отчеты о своихъ операціяхъ, изъ коихъ можно видѣть, какъ велики ихъ доходы. Первоначально этотъ сборъ равнялся 3%, а съ 1893 г. 5% съ чистой прибыли предпріятія. Тѣ предпріятія, которыя не обязаны были представлять кому-либо годовые отчеты (такія предпріятія въ большинствѣ случаевъ принадлежатъ къ болѣе мелкимъ),обложены были раскладочнымъ дополнительнымъ сборомъ. Сумма этого налога опредѣлялась на три года для каждой губерніи цѣликомъ и разлагалась на отдѣльныхъ плательщиковъ особо для того учрежденными податными присутствіями, состоящими изъ чиновъ министерства финансовъ и выборныхъ представителей отъ плательщиковъ налога. Основаніемъ для распредѣленія раскладочнаго сбора служили устанавливаемыя присутствіемъ приблизительно прибыли отдѣльныхъ предпринимателей. Въ 1898 г. обложеніе промысловъ и торговли подверглись болѣе рѣшительному преобразованію въ смыслѣ и повышенія обложенія, и болѣе равномѣрнаго распредѣленія налога; при этомъ, кромѣ торгово-промышленныхъ предпріятій, къ уплатѣ налога привлечены были и личныя промысловыя занятія.

Новое положеніе о промысловомъ налогѣ оставляло старое дѣленіе послѣдняго на основной и дополнительные; но раздѣленіе предпріятій на разряды, указывающіе на ихъ размѣры, стало производиться—хотя и по внѣшнимъ признакамъ—болѣе точно, и въ сомнительныхъ случаяхъ обращается вниманіе на прибыль предпріятія. Разряды для болѣе мелкихъ предпріятій устанавливаются не только по признакамъ, относящимся къ нимъ самимъ, но и сообразно нахожденію ихъ въ болѣе или менѣе промышленныхъ районахъ. Для каждаго установленнаго разряда предпріятій назначается опредѣленный окладъ налога, болѣе высокій для разрядовъ высшихъ, обнимающихъ крупныя предпріятія, и низкій для разрядовъ, заключающихъ предпріятія болѣе мелкія. Оклады основного налога колеблются между 2 и 1500 р. и уплачиваются ежегодно выборкой промысловаго свидѣтельства для каждаго предпріятія въ отдѣльности. Раздѣленіе мѣстностей на классы, а предпріятій на разряды, равно какъ и назначеніе окладовъ основного налога пересматривается каждыя 5 лѣтъ въ законодательномъ порядкѣ.

Окладами основного налога очень недостаточно достигается цѣль обло-

женія промышленныхъ и торговыхъ предпріятій соотвѣтственно приносимому ими доходу. И для исправленія этого недостатка введены дополнительные промысловые налоги, особые для предпріятій обязанныхъ, и не обязанныхъ публичной отчетностью.

Дополнительный налогъ съ предпріятій, обязанныхъ представлять отчеты о своихъ операціяхъ, состоитъ изъ двухъ частей: налога на основной капиталъ и процентнаго сбора съ чистой прибыли. Путемъ перваго дополнительнаго налога обложеніе торговыхъ и промышленныхъ предпріятій приводится къ опредѣленному отношенію (0,15%) къ ихъ основнымъ капиталамъ; второй дополнительный налогъ приближаетъ нашъ промысловый налогъ къ подоходному.

Дополнительный налогъ на капиталъ, согласно Положенію 1898 г., взимается въ томъ случаѣ, если окладъ основного налога составляетъ менѣе 15 коп. (0,15%) на 100 р. этого капитала, и взимается онъ въ такомъ размѣрѣ, чтобы составить вмѣстѣ съ основнымъ налогомъ 15 коп. съ каждой сотни рублей или, говоря иначе, 0,15 % отъ основного капитала. Тѣ предпріятія, къ которымъ этотъ дополнительный налогъ не примѣняется, потому что ихъ основные капиталы не достигаютъ размѣровъ, при которыхъ основной налогъ составляетъ менѣе 15 коп. 100 р., оказываются поэтому выдерживающими болѣе высокое обложеніе своихъ капиталовъ.

Предпріятія съ одинаковыми основными капиталами приносятъ очень различные доходы; поэтому обложеніе всѣхъ предпріятій—путемъ налоговъ основного и дополнительнаго на капиталъ—одинаковымъ процентомъ (въ данномъ случаѣ 0,15%) къ ихъ основнымъ капиталамъ ведетъ къ неравномѣрности обложенія. Этотъ недостатокъ нашего промысловаго налога смягчается другимъ дополнительнымъ налогомъ: процентнымъ прогрессивно возрастающимъ сборомъ, съ освобожденіемъ отъ него доходовъ, не превышающихъ 3% на капиталъ.

Если налогъ въ 0,15% съ основного капитала или 15 коп. съ каждой сотни рублей капитала выразить въ процентномъ отношеніи къ доходу, то это процентное отношеніе будетъ тѣмъ ниже, чѣмъ выше доходъ. При доходѣ въ одинъ процентъ съ капитала, т.-е. въ 1 рубль съ 100 р. капитала, налогъ въ 15 к. на 100 р. капитала равносиленъ обложенію дохода пятнадцатью процентами. При доходѣ въ 3%, т.-е. въ 3 р съ каждой сотни капитала, налогъ въ 15 коп. на 100 р. капитала означаетъ обложеніе дохода пятью процентами и т. д. Отсюда видно, что если процентнымъ обложеніемъ дохода имѣется въ виду достиженіе большей или меньшей уравнительности налога, достиженіе того, чтобы налогъ составлялъ приблизительно одинаковую долю чистаго дохода, то самое дополнительное процентное обложеніе должно носить прогрессивный характеръ: чѣмъ выше (въ процентномъ отношеніи къ капиталу) доходъ предпріятія, тѣмъ бо́льшую долю его долженъ составлять дополнительный

процентный сборъ. Такъ это и наблюдается въ нашемъ промысловомъ налогѣ.

Предпріятія, приносящія не болѣе 3% на основной капиталъ, совсѣмъ не подлежатъ дополнительному процентному обложенію; и если взять предпріятія съ доходомъ въ 1%, 2% и 3% (т.-е. въ 1 р., 2 р. и 3 р. на каждую сотню рублей капитала), то уплачиваемый ими налогъ (15 коп. съ сотни основного капитала) равносиленъ обложенію ихъ чистаго дохода 15%, $7^1/_2$% и 5%. Съ повышеніемъ прибыли предпріятія съ 3 до 10% на капиталъ, дополнительный процентный сборъ постепенно увеличивается съ 3 до 6% съ чистой прибыли и вмѣстѣ съ суммою, выражающей обложеніе капитала (15 к. со 100 р.), держитъ налогъ на уровнѣ 7—$7^2/_3$% отъ чистой прибыли. Прибыль, превышающая 10% на капиталъ, облагается двумя сборами: со всей этой прибыли взыскивается 6%, а съ той ея части, которая превышаетъ 10% на капиталъ, взимается еще 5%. Благодаря этому налогу, обложеніе прибылей, превышающихъ 10% на капиталъ, получаетъ прогрессивный характеръ, причемъ по мѣрѣ возрастанія налога прогрессія обложенія замедляется. Произведя требуемые разсчеты, мы увидимъ, что доходъ въ 20% на капиталъ несетъ обложеніе въ 9,25% [1]), доходъ въ 50%—обложеніе въ 10,3%; доходъ въ 100%—обложеніе въ 10,65%.

Итакъ, обложеніе по закону 1898 г. предпріятій, *обязанныхъ* публичной отчетностью,—если всю сумму уплачиваемыхъ ими сборовъ отнести къ чистому доходу предпріятія,—оказывается болѣе высокимъ для очень низкихъ (ниже 2%) и для высокихъ (выше 10%) прибылей. Обложеніе носитъ, слѣдовательно, регрессивный характеръ при низкихъ и прогрессивный при высокихъ прибыляхъ.

Путемъ дополнительнаго обложенія предпріятій, *необязанныхъ* отчетностью, достигается цѣль лишь пропорціональнаго обложенія чистаго дохода. Дополнительный налогъ состоитъ здѣсь также изъ двухъ частей: раскладочнаго и процентнаго сборовъ съ прибыли. Сумма раскладочнаго сбора опредѣляется для всей Имперіи на 3 года; разверстка его между губерніями и уѣздами (соотвѣтственно состоянію въ нихъ промышленности и торговли) и, наконецъ, между плательщиками, пропорціонально прибылямъ ихъ предпріятій, совершается ежегодно. Прибыль каждаго предпріятія опредѣляется на мѣстахъ, при участіи членовъ отъ плательщиковъ.

Эта же прибыль облагается и дополнительнымъ процентнымъ сборомъ въ томъ случаѣ, когда она болѣе, чѣмъ въ 30 разъ, превышаетъ окладъ

---

[1]) Для примѣра воспроизводимъ разсчетъ обложенія дохода, составляющаго 20 руб. на каждые 100 руб. основного капитала. Эти 20 р. несутъ 15 коп. налога на основной капиталъ + 1 р. 20 к. шестипроцентнаго дополнительнаго обложенія всей прибыли (20 р.)+50 к. пятипроцентнаго обложенія прибыли (10 р.), превышающей 10% на основной капиталъ; всего 1 р. 85 к. съ дохода въ 20 р., т.-е. 9,25%.

основного налога, т.-е. когда основной налогъ составляетъ менѣе $3^1/_3\%$ отъ дохода. Дополнительный процентный сборъ установленъ съ такимъ разсчетомъ, чтобы довести обложеніе всей прибыли до указаннаго ($3^1/_3$) процента. Это достигается путемъ обложенія излишка прибыли (сравнительно съ суммою оклада, увеличеннаго въ 30 разъ) по разсчету одного рубля налога Оа каждые 30 р. прибыли, что составитъ $3^1/_3\%$ отъ этого излишка. нстальная прибыль (равняющаяся основному окладу, увеличенному въ 30 разъ) несетъ тѣ же $3^1/_3\%$ обложенія въ суммѣ внесеннаго плательщикомъ основного налога.

Итакъ, дополнительный процентный сборъ въ сочетаніи съ основнымъ налогомъ, доводятъ (по закону 1898 г.) обложеніе болѣе доходныхъ предпріятій изъ категоріи необязанныхъ публичной отчетностью до $3^1/_3\%$ отъ ихъ прибылей, какъ онѣ исчислены для разверстки раскладочнаго сбора. Дополнительный раскладочный сборъ, распредѣляемый между плательщиками пропорціонально прибылямъ ихъ предпріятій, повышаетъ это обложеніе прибылей выше $3^1/_3\%$.

Сборъ за право торговли и промысловъ давалъ государственному казначейству по 4 мил. р. ежегодно въ 50-хъ годахъ истекшаго столѣтія и по 5 м. р. въ началѣ 60-хъ годовъ. Послѣ реформы налога въ 1864 г. онъ поднялся до 9 мил. р.; затѣмъ, увеличиваясь, соотвѣтственно промышленному развитію страны, дошелъ въ 1884 г. до 20 м. р. въ годъ. Введеніе въ 1885 г. дополнительнаго обложенія промысловъ и торговли подняло поступленіе налога до 29—30 мил. р. Послѣдующія возвышенія дополнительнаго сбора (въ 1889, 1893 гг.) вели къ дальнѣйшему возрастанію поступленій, достигшихъ въ 1898 г. 48 мил. рублей. Преобразованіе налога въ 1898 г. сразу подняло доходъ отъ него казны до 61 мил. р. (въ 1899 г.); черезъ годъ промысловый налогъ поступилъ въ суммѣ 70 мил. р. Промышленный кризисъ, разразившійся въ странѣ, отразился на этой статьѣ государственныхъ доходовъ уменьшеніемъ поступленій въ среднемъ за 1901—3 гг. до 67,5 мил. р.

Въ 1903 г. истекалъ пятилѣтній срокъ дѣйствія промысловаго налога, и предстоялъ пересмотръ нѣкоторыхъ его статей. Послѣдствіемъ такого пересмотра было изданіе закона 2 января 1906 г., повысившаго ставки дополнительныхъ налоговъ для прибылей, превышающихъ 3% на основной капиталъ.

Дополнительный процентный сборъ съ предпріятій, необязанныхъ публичной отчетностью, взимается согласно новому закону съ излишка прибыли сравнительно съ суммою оклада основного налога, увеличеннаго не въ 30 разъ (какъ въ прежнемъ законѣ), а въ 20 разъ; и этотъ сборъ составляетъ 1 р. съ каждыхъ 20 р. прибыли (а не съ 30 р., какъ въ первоначальномъ законѣ). Это значитъ, что обложеніе прибыли предпріятій съ $4^1/_3\%$ повышено до 5%.

Налогъ на основной капиталъ предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, чистая прибыль копхъ превышаетъ 3%, назначается въ размѣрѣ 20 к. (по прежнему закону 15 к.) на каждые сто рублей капитала, т.-е. повышается съ 0,15 до 0,20%. Но гораздо болѣе повышено обложеніе предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, вслѣдствіе измѣненія правилъ о взиманіи дополнительнаго процентнаго сбора. Прогрессивное возрастаніе этого сбора совершается быстрѣе, чѣмъ въ первомъ законѣ, не останавливается на прибыли, составляющей 10% отъ основного капитала, а продолжается далѣе, пока прибыль не достигнетъ 20% на капиталъ. Изъ этой послѣдней прибыли въ пользу казны отчисляется 14%. Предпріятія, получившія прибыль, превышающую 20%, уплачиваютъ 14% со всей прибыли и кромѣ того 10% съ излишка прибыли сверхъ 20% на основной капиталъ.

Послѣ всѣхъ этихъ преобразованій обложеніе прибыли предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью (по основному и дополнительнымъ налогамъ), представится въ слѣдующемъ видѣ.

Предпріятія, получившія прибыль не выше 3% на основной капиталъ и уплатившія дополнительный налогъ на капиталъ, несутъ обложеніе въ размѣрѣ 15 коп. на 100 рублей капитала. Выше было уже разъяснено, что при доходѣ въ 1% этотъ налогъ составитъ 15% отъ полученной прибыли, при доходѣ въ 2% — 7,5% и при доходѣ въ 3%—5% съ суммы прибыли. Доходы выше 3% несутъ, какъ намъ извѣстно, прогрессивно-возвышающійся процентный сборъ, и если бы это было единственнымъ налогомъ, то этотъ сборъ точно бы выражалъ высоту обложенія прибыльности предпріятій. Но такъ какъ предпріятія, о которыхъ идетъ рѣчь, платятъ еще 20 коп. на 100 рублей капитала, то отнесеніе и этого налога къ прибыли измѣнитъ процентное обложеніе прибылей, установленное закономъ 2 января 1906 г. о дополнительномъ процентномъ сборѣ. Въ слѣдующей таблицѣ приведены разчеты того, какъ будетъ колебаться обложеніе прибылей промысловымъ налогомъ при различной доходности облагаемыхъ предпріятій. 1 графа таблицы указываетъ прибыльность облагаемаго предпріятія въ процентахъ или (что то же) въ числѣ рублей на 100 рублей капитала; 2-ая—соотвѣтствующій этой прибыльности процентный сборъ въ процентахъ или въ копѣйкахъ на рубль прибыли; графа 3 содержитъ данныя о процентѣ, падающемъ на прибыль (или о числѣ копѣекъ, уплачиваемыхъ каждымъ рублемъ прибыли) вслѣдствіе лежащаго на предпріятіи налога въ размѣрѣ 20 коп. на 100 р. капитала; графы 4 и 5 заключаютъ результаты обложенія прибыли совокупностью промысловыхъ налоговъ, причемъ графа 4 указываетъ колебанія процентнаго обложенія прибыли при колебаніи послѣдней въ предѣлахъ содержанія графы 1; а графа 5 даетъ средній процентъ обложенія прибыли для каждой ставки дополнительнаго процентнаго сбора (графа 2) или для каждой ступени прибыльности предпріятія (графа 1).

Таблица А.

Прибыль въ рубляхъ (и процентахъ) на 100 р. капитала. 1	Дополнит. % сборъ въ копѣйкахъ (и процентахъ) на 1 р. приб. 2	Обложеніе капитала въ копѣйкахъ (и процентахъ) на 1 рубль прибыли. 3	Общее обложеніе прибыли въ копѣйкахъ (и процентахъ) на 1 рубль прибыли (2+3). 4	Среднее обложеніе прибыли въ копѣйкахъ (или въ процентахъ) на 1 р. прибыли. 5
3— 4	3,00	6,67—5,00	9,67— 8,00	8,83
4— 5	4,00	5,00—4,00	9,00— 8,00	8,50
5— 6	5,00	4,00—3,33	9,00— 8,33	8,67
6— 7	5,50	3,33—2,87	8,83— 8,37	8,60
7— 8	6,00	2,87—2,50	8,87— 8,50	8,69
8— 9	6,50	2,50—2,22	9,00— 8,72	8,86
9—10	7,00	2,22—2,00	9,22— 9,00	9,11
10—11	7,50	2,00—1,82	9,50— 9,32	9,41
11—12	8,00	1,82—1,67	9,82— 9,67	9,75
12—13	8,50	1,67—1,54	10,17—10,04	10,10
13—14	9,00	1,54—1,43	10,54—10,43	10,49
14—15	9,50	1,43—1,33	10,93—10,83	10,85
15—16	10,00	1,33—1,25	11,33—11,25	11,29
16—17	11,00	1,25—1,18	12,25—12,18	12,21
17—18	12,00	1,18—1,11	13,18—13,11	13,15
18—19	13,00	1,11—1,05	14,11—14,05	14,08
19—20	14,00	1,05—1,00	15,05—15,00	15,02

Прибыли выше 20% на капиталъ несутъ, какъ мы знаемъ, двойной процентный сборъ: со всей прибыли взыскивается 14%, а съ излишка прибыли сверхъ 20% еще 10%. Соотвѣтственно сказанному, въ таблицу слѣдуетъ включить еще одну графу, выражающую, сколько копѣекъ (и процентовъ) налога падетъ на рубль прибыли вслѣдствіе обложенія 10 процентами излишка прибыли сверхъ 20%.

Таблица Б.

Прибыль. 1	Дополнит. 20% сборъ. 2	Обложеніе капитала. 3	Обложеніе 10 процентами излишка прибыли. 4	Общее обложеніе 2+3+4.
30	14,00	0,67	3,33	18,00
40	14,00	0,50	5,00	19,50
50	14,00	0,40	6,00	20,40
60	14,00	0,33	6,67	21,00
70	14,00	0,29	7,14	21,43
80	14,00	0,25	7,50	21,75
90	14,00	0,22	7,78	22,00
100	14,00	0,20	8,00	22,20

Послѣднія двѣ таблицы показываютъ высоту обложенія промысловымъ налогомъ прибылей, превышающихъ 3% на основной капиталъ; но, чтобы полнѣе исчерпать вопросъ, мы напомнимъ и о высотѣ обложенія предпріятій (по основному и дополнительному налогамъ), получившихъ прибыли, не превышающія 3% на капиталъ. Прибыль такихъ предпріятій несетъ налогъ:

при 1% прибыльности—налогъ 1,5%
» 2% » » 7,5%
» 3% » » 5,0%

При ростѣ прибыльности отъ 1 до 3% основного капитала обложеніе прибыли падаетъ отъ 15 до 5%, т.-е. здѣсь имѣетъ мѣсто регрессивное обложеніе прибылей. Когда прибыль предпріятія превыситъ 3% на основной капиталъ (гр. 1 табл. А.), обложеніе прибыли сейчасъ же повышается и колеблется—при 3—4% прибыли—между 8 и 9,67% (гр. 4 табл. А.), а въ среднемъ составляетъ 8,83% (гр. 5). Предпріятія, приносящія отъ 4 до 7% на основной капиталъ, отдаютъ государственному казначейству для каждой ставки тарифа (4%, 5%, 5,5%) въ среднемъ отъ 8,50 до 8,67% (гр. 5) отъ своихъ прибылей; а обложеніе прибылей, составляющихъ болѣе 7% на капиталъ, возрастаетъ прогрессивно, доходя до 15% при 20-ти процентной прибыли, до 20%—при 50-ти процентной прибыли (гр. 5 табл. Б.) и до 22,2%—при прибыльности предпріятія въ 100% на основной капиталъ.

Примѣненіе изъясненнаго закона началось съ 1906 г. и въ этомъ году промысловый налогъ далъ государственному казначейству 82 мил. р. или 15 мил. р. болѣе, чѣмъ въ предшествовавшіе годы, кромѣ 1905. Часть этой суммы впрочемъ нужно отнести на счетъ налога за 1905 г., взносъ котораго былъ отсроченъ для нѣкоторыхъ предпріятій. Въ роспись на 1907 г. ожидаемое поступленіе промысловаго налога, по явно преуменьшенному разсчету, внесено въ суммѣ 77 мил. рублей.

67,5 мил. р. дохода государственнаго казначейства отъ обложенія промысловъ и торговли въ среднемъ въ теченіе 1901—1903 гг. и 77 мил. р., ожидаемыхъ отъ промысловаго налога въ 1907 г., распредѣляются между составными частями налога слѣдующимъ образомъ:

	1901—1903 годъ тыс. руб.	%	1907 годъ тыс. руб.	%
1) основной налогъ	34851	51,6	34700	45,0
2) дополн. сб. съ предпріятій, обяз. публичн. отчетн. . .	15838	23,6	18000	23,4
3) доп. сб. съ предпр., не обяз. публ. отчетн.	16257	24,1	23000	29,9
4) мелкіе сборы	504	0,7	1352	1,7
Всего . .	67450	100	77052	100

Несмотря на то, что дополнительное обложеніе прибылей предпріятій, обязанныхъ публичной отчетностью, построено по прогрессивной скалѣ, основной налогъ, взимаемый по патентной системѣ, давалъ въ 1901—1903 гг. больше половины всѣхъ промысловыхъ сборовъ, а остальная ихъ половина распредѣляется почти поровну между дополнительными сборами съ подотчетныхъ и неотчетныхъ предпріятій. Въ 1907 г. основной налогъ ожидается приблизительно въ прежней суммѣ (ок. 35 м. р.); дополнительный сборъ съ подотчетныхъ предпріятій—несмотря на значительное возвышеніе нормъ налога—ожидается всего въ суммѣ 18 милл. р., на 2,2 милл. р. болѣе противъ прежнихъ лѣтъ; а дополнительный сборъ съ предпріятій, необязанныхъ публичной отчетностью, увеличивается въ росписи, сравнительно съ дѣйствительнымъ поступленіемъ предшествующихъ лѣтъ, на 7 милл. р. Вслѣдствіе увеличенія дополнительныхъ сборовъ, доля основного налога въ предположенной суммѣ всего поступленія (77 м. р.) понизилась до 45%; а дополнительный сборъ съ предпріятій, необязанныхъ публичной отчетностью, составитъ почти 30% (вмѣсто прежнихъ 24%) всего налога, значительно превышая долю дополнительнаго сбора (23,4% всего налога) съ предпріятій подотчетныхъ.

Исчисленіе указанной выше суммы ожидаемаго поступленія дополнительныхъ сборовъ съ предпріятій, необязанныхъ публичной отчетностью, исходило изъ того, что раскладочный сборъ съ этихъ предпріятій назначенъ на 1907 г. въ суммѣ 12 милл. р.—на 3 милл. рублей болѣе предшествующаго года, и что норма обложенія этихъ предпріятій процентнымъ сборомъ повышена на половину (1 р. на каждые 20 р. капитала вмѣсто 1 р. на 30 р. капитала), что должно принести государственному казначейству на при слишкомъ милліона рублей болѣе предшествующихъ лѣтъ, когда этотъ сборъ давалъ 7 милл. р. Что же касается процентнаго сбора съ предпріятій подотчетныхъ, то, согласно результатамъ примѣненія новыхъ нормъ въ 1906 г., когда этотъ сборъ далъ ок. 22 м. р., поступленія его въ этой суммѣ можно ожидать и въ 1907 г. (вмѣсто 18 мил. р., почему-то принятыхъ въ росписи). При такомъ разсчетѣ поступленіе промысловаго налога по данной статьѣ будетъ ниже суммы (23 м. р.) ожидаемаго поступленія дополнительныхъ сборовъ съ предпріятій необязанныхъ публичной отчетностью, и сравнительное значеніе дополнительныхъ сборовъ съ тѣхъ и другихъ предпріятій мало измѣнится сравнительно съ 1901—1903 годами, несмотря на то, что нормы обложенія прибыли подотчетныхъ предпріятій по новому закону повышены почти вдвое.

Рѣчь о промысловомъ налогѣ мы заключимъ нѣсколькими замѣчаніями о характерѣ прогрессивнаго обложенія этимъ налогомъ прибылей.

Прогрессивный налогъ на Западѣ преслѣдуетъ цѣль болѣе высокаго обложенія крупныхъ доходовъ, считая ихъ марками, франками, фунтами стерлинговъ и т. д.; нашъ промысловый налогъ не обращаетъ вниманія

на сумму чистой прибыли и взимаетъ большую долю даже съ меньшаго дохода, если только процентное отношеніе его къ капиталу выше. Эта система прогрессивнаго обложенія не обезпечиваетъ превращенія государственнаго дохода, соотвѣтственно развитію промышленности и торговли, несмотря на то, что обороты отдѣльныхъ предпріятій увеличиваются, и ихъ доходы растутъ. Развитіе промышленности обыкновенно сопровождается пониженіемъ прибылей, если ихъ разсчитывать въ процентномъ отношеніи къ капиталу; если же прибыли разсматривать сами по себѣ, измѣряя ихъ рублями, то доходы отдѣльныхъ предпріятій, по мѣрѣ промышленнаго развитія страны, становятся крупнѣе. При системѣ прогрессивнаго обложенія болѣе крупныхъ доходовъ (какъ на Западѣ), промышленное развитіе сопровождается необходимо увеличеніемъ поступленій промысловаго налога. При системѣ же прогрессивнаго обложенія болѣе прибыльныхъ предпріятій (какъ у насъ), возросшая вслѣдствіе расширенія предпріятія, прибыль можетъ дать государственному казначейству меньше, чѣмъ оно получало отъ даннаго предпріятія раньше, потому что процентное отношеніе прибыли къ капиталу понизилось, и отъ предпринимателя потребуется меньшій процентъ отъ его дохода.

Указанное обстоятельство уже сыграло свою роль въ исторіи нашего промысловаго налога, который введенъ былъ въ разгаръ промышленнаго оживленія, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ кризисъ, отразившійся, главнымъ образомъ, на доходности предпріятій. Дополнительный сборъ съ подотчетныхъ предпріятій сократился (вслѣдствіе кризиса) съ 1900 по 1903 г. на 3 м. р. (съ 19 м. р. до 16 м. р.); дополнительные же сборы съ предпріятій, необязанныхъ публичной отчетностью, упали всего на 1 м. р. (съ 17,5 м. р. до 16,5 м. р.).

Третій параграфъ Отдѣла прямыхъ налоговъ касается налога на доходы отъ денежныхъ капиталовъ, помѣщаемыхъ въ ссуды. Налогъ этотъ введенъ въ 1885 г. и касался лишь капиталовъ, заключающихся въ процентныхъ бумагахъ и вкладахъ, внесенныхъ въ банки. Суммы же, ссужаемыя частнымъ лицамъ, трудно поддающіяся учету, оставлены были внѣ обложенія. Въ 1907 г. сдѣланъ первый шагъ къ обложенію и этихъ суммъ; съ этого года 5-типроцентный сборъ уплачиваютъ, — на ряду съ доходами отъ процентныхъ бумагъ и вкладовъ въ банки—также доходы на капиталы, ссужаемые частными лицами и учрежденіями торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, обязаннымъ публичной отчетностью.

Налогъ на доходы отъ денежныхъ капиталовъ приносилъ государственному казначейству въ 1901—1903 гг. въ среднемъ 17,5 милл. р. въ годъ; въ 1906 г. онъ далъ 20,2 м. р., а на 1907 г. отъ него ожидается 20547 тыс. рублей.

Вслѣдъ за прямыми налогами умѣстно разсмотрѣть выкупные платежи крестьянъ, отнесенные въ Отдѣлъ VIII росписи государствен-

ныхъ доходовъ. Выкупные платежи государственныхъ крестьянъ, замѣнившіе оброчную подать, въ сущности составляли временный налогъ на бывшихъ государственныхъ крестьянъ, и поступленія этихъ платежей расходовались вмѣстѣ съ другими налогами на общія государственныя нужды. Выкупные платежи бывшихъ помѣщичьихъ и удѣльныхъ крестьянъ имѣютъ другой характеръ. Этими платежами погашаются долги по выкупу у помѣщиковъ и удѣловъ крестьянскихъ земель. Долги эти лежатъ въ настоящее время на государствѣ, которое взяло на себя посредничество между крестьянами и владѣльцами по выкупу земель. Долгъ за землю крестьянъ частнымъ владѣльцамъ правительство уплатило бумагами, приносящими опредѣленный процентъ и погашаемыми въ теченіе 49 лѣтъ. Выкупные платежи крестьянъ, коими оплачивались проценты и погашеніе этого долга (и оставалась еще сумма на составленіе запаснаго капитала), соотвѣтствовали (были нѣсколько ниже) прежнимъ оброкамъ и должны были вноситься также въ теченіе 49 лѣтъ. Операція выкупа крестьянами удѣльныхъ земель построена была на иномъ основаніи. Правительство просто обязалось уплачивать удѣламъ въ теченіе 49 лѣтъ тотъ оброкъ (3 милл. р.), который лежалъ на крестьянахъ и который съ даннаго момента они должны были вносить въ казну.

Первоначальный окладъ выкупныхъ платежей составлялъ 110 мил. р.; къ 1 янв. 1904 г. онъ понизился вслѣдствіе разныхъ причинъ до 91 мил. р., изъ коихъ 49 м. р. лежало на б. государственныхъ, 39 м. р. на помѣщичьихъ и около 3 мил. р. на б. удѣльныхъ крестьянахъ. Непрерывно разоряющееся сельское населеніе становилось менѣе и менѣе способнымъ справляться съ тяжестью выкупныхъ платежей и копило неоплатныя недоимки. Въ литературѣ вслѣдствіе этого давно возникъ вопросъ объ отмѣнѣ этихъ платежей и это было, наконецъ, приведено въ исполненіе Высочайшимъ Манифестомъ 3 ноября 1905 г., согласно коему въ 1906 г. съ населенія слагалась половина оклада, а съ 1907 г. вся сумма выкупныхъ платежей. Въ 1907 г., тѣмъ не менѣе, ожидается по этой статьѣ 500 т. р., которые должны поступить съ крестьянъ иныхъ категорій, приступившихъ къ выкупу земель гораздо позже.

Косвенные налоги и пошлины.

Отдѣлъ II росписи государственныхъ доходовъ обнимаетъ косвенные налоги: таможенный, питейный, табачный, сахарный, нефтяной и спичечный. Первые два налога очень древни, остальные—сравнительно новаго происхожденія: табачный налогъ введенъ въ 1839 г., сахарный—въ 1848 г., нефтяной и спичечный—въ 1888 г. Ознакомимся сначала съ налогами болѣе древними.

Обложеніе товаровъ, обращающихся въ торговлѣ, практиковалось у насъ съ самыхъ древнихъ временъ и первоначально въ видѣ внутреннихъ таможенныхъ сборовъ, взимавшихся при провозѣ товаровъ по сухимъ и водянымъ путямъ сообщеній и при остановкѣ ихъ въ городахъ для продажи. Взиманіе таможенныхъ пошлинъ съ иностранныхъ товаровъ не имѣло тогда широкаго распространенія, потому что внѣшняя торговля была мало развита и правительство заботилось объ установленіи правильныхъ торговыхъ сношеній съ иностранцами. Отмѣна внутреннихъ таможенныхъ сборовъ происходила постепенно; окончательно уничтожены они были въ серединѣ XVIII вѣка, и взамѣнъ этихъ сборовъ подняты были таможенные сборы съ иностранныхъ товаровъ.

Таможенное обложеніе носило первоначально исключительно фискальный характеръ, не задавалось цѣлью покровительства туземной промышленности и распространялось какъ на ввозимые, такъ и на вывозимые товары. Осложненіе фискальной задачи таможеннаго обложенія цѣлями покровительства внутренней промышленности впервые можно замѣтить при Петрѣ I. Его система таможенныхъ тарифовъ была построена съ такимъ разсчетомъ, чтобы привозимые изъ-за границы товары не подрывали промышленности, получившей болѣе или менѣе широкое распространеніе, и пошлина на привозное издѣліе назначалась тѣмъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ шире распространена была въ Россіи промышленность, приготовлявшая подобный же продуктъ. Съ этихъ поръ общеэкономическія задачи стали играть видную роль при установленіи тарифовъ и, согласно взглядамъ правительства на значеніе иностранной конкуренціи для развитія внутренней промышленности, ставки тарифовъ то повышались, то понижались.

Менѣе значенія при установленіи таможенныхъ тарифовъ придавалось соображеніямъ о сохраненіи выгоднаго торговаго баланса, т.-е. преобла-

данія вывоза русскихъ товаровъ надъ ввозомъ иностранныхъ, и о покрытіи излишка вывоза иностранной золотой монеты. Стремленіе къ достиженію возможно выгоднаго торговаго баланса сдѣлалось опредѣляющимъ факторомъ нашей таможенной политики послѣ перехода въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ завѣдыванія финансами въ руки Вышнеградскаго, поставившаго себѣ задачу скорѣйшаго возстановленія металлическаго денежнаго обращенія. Для осуществленія этой задачи нужно было собрать въ государственномъ банкѣ крупные запасы золотой монеты и обезпечить сохраненіе золота въ странѣ послѣ того, какъ металлическое обращеніе будетъ возстановлено, и золото станетъ свободно обращаться въ публикѣ. Добыча золота въ самой Россіи очень ограничена, и для образованія золотыхъ запасовъ, равно какъ и для расплаты по иностраннымъ займамъ русскаго правительства нужно разсчитывать на золото иностранное. Однимъ же изъ средствъ пріобрѣтенія послѣдняго служитъ преобладаніе вывоза товаровъ надъ ввозомъ ихъ изъ-за границы, такъ какъ разница вывоза и ввоза, иначе говоря, торговый международный балансъ, покрывается монетою.

Вышнеградскій слѣдовалъ политикѣ поддержанія выгоднаго торговаго баланса въ видахъ подготовленія денежной реформы; его преемники поддерживали высокія таможенныя пошлины послѣ того, какъ металлическое денежное обращеніе было уже возстановлено. Россія ежегодно уплачиваетъ иностранцамъ крупныя суммы золотомъ въ видѣ процентовъ и погашенія по заключеннымъ за границею займамъ, къ видѣ прибылей на помѣщенные въ русской промышленности иностранные капиталы, въ видѣ суммъ, увозимыхъ русскими путешественниками и т. д. Если золото, уходящее указанными путями за границу, не будетъ возмѣщено приливомъ его въ Россію иными каналами, то прочности нашего металлическаго денежнаго обращенія грозитъ серьезное испытаніе. Не имѣя прочной опоры для металлическаго денежнаго обращенія въ экономическомъ состояніи страны, которое представляется въ значительной мѣрѣ разстроеннымъ, правительство прибѣгаетъ къ разнаго рода средствамъ искусственнаго привлеченія и задержанія въ странѣ золота, въ родѣ заключенія заграничныхъ займовъ и стѣсненія ввоза иностранныхъ товаровъ, путемъ поднятія таможенныхъ пошлинъ.

Итакъ, таможенная политика нашего времени преслѣдуетъ троякаго рода цѣль: увеличеніе доходовъ государства, покровительство внутренней промышленности и поддержаніе выгоднаго торговаго баланса. Въ зависимости отъ того, какая изъ этихъ задачъ выдвигается на первую очередь, правительство понижаетъ или повышаетъ тѣ или другія ставки, причемъ повышеніе тарифовъ составляетъ общее правило нашей таможенной политики, а пониженіе встрѣчается въ видѣ исключенія.

Изъ сказаннаго выше слѣдуетъ заключать, что постоянное стремленіе власти къ возвышенію таможенныхъ пошлинъ должно непремѣнно

вести къ сокращенію ввоза къ намъ иностранныхъ товаровъ. Такой результатъ таможенной политики невыгоденъ для самого финансоваго вѣдомства, потому что поступленіе таможенныхъ пошлинъ приноситъ государству значительный доходъ. Ввозъ многихъ иностранныхъ продуктовъ служитъ, кромѣ того, важнымъ условіемъ для развитія русской промышленности, доставляя сырье (хлопокъ и др.) для переработки, машины и другія приспособленія для оборудованія фабрикъ, химическіе и краспльные препараты, служащіе вспомогательнымъ матеріаломъ на фабрикахъ и заводахъ, и т. п. Наконецъ, правительство вынуждено допускать въ Россію многіе иностранные товары для того, чтобы иностранныя правительства не задерживали высокими пошлинами привозъ къ нимъ важнѣйшихъ русскихъ произведеній.

Если всѣ ввозимые къ намъ товары раздѣлить на три группы: жизненные припасы, сырье и полуобработанные матеріалы и издѣлія, то окажется, что всего выше обложена первая группа; въ обложеніи же матеріаловъ и издѣлій нѣтъ существенной разницы. Каждый рубль объявленной цѣнности ввезенныхъ жизненныхъ припасовъ платитъ пошлину (въ среднемъ) 90 к., рубль цѣнности матеріаловъ—28—30 к. и издѣлій—26—28 к. Группа жизненныхъ припасовъ обнимаетъ, съ одной стороны, такіе предметы, которые служатъ только для удовольствія, и притомъ болѣе зажиточныхъ классовъ, какъ фрукты, вина виноградныя, орѣхи, табакъ, съ другой—такой предметъ общаго потребленія, какъ чай, шире и шире распространяющійся среди недостаточнаго населенія въ качествѣ приправы при питаніи. Этотъ продуктъ несетъ самое высокое обложеніе, и на каждый рубль объявленной его цѣнности накидывается въ видѣ пошлины въ среднемъ 1 р. 35 к. За чаемъ по высотѣ обложенія стоятъ апельсины и лимоны, обложенные пошлиною въ 125% ихъ цѣнности; затѣмъ идетъ чугунъ, несущій пошлину въ 100%, сталь—90%, желѣзо отъ 65 до 92%, рисъ—87%, табакъ, орѣхи—75%, кофе—67%, вина виноградныя—60%, шелковыя и шерстяныя издѣлія—47%. Изъ сырыхъ матеріаловъ укажемъ еще на хлопокъ—матеріалъ для издѣлій, покупаемыхъ массою населенія, обложенный пошлиною въ 42% объявленной цѣнности.

По суммѣ уплаченныхъ рублей наибольшій доходъ государственному казначейству приноситъ таможенное обложеніе двухъ предметовъ всеобщаго потребленія населенія: чая и хлопка, изъ котораго приготовляются бумажныя матеріи. Пошлина съ чая составляетъ въ послѣдніе годы 26—28% всего таможеннаго дохода, а пошлина съ хлопка 18—20%. Эти два предмета общаго потребленія покрываютъ, слѣдовательно, почти половину таможенныхъ доходовъ.

Наканунѣ крестьянской реформы таможенныя пошлины приносили государственному казначейству 35 мил. р. въ годъ (50 м. р. въ нынѣшней валютѣ); черезъ 10 лѣтъ (въ 1870 г.) онѣ взимались въ суммѣ 44 м. р. (51 м. р. нынѣшней валюты); въ 1880 г. таможенный доходъ приносилъ уже

100 мил. р., а въ 1890 г. равнялся 127 мил. р. Въ 1901—03 гг. таможенный доходъ поступилъ въ среднемъ въ суммѣ 229 мил. р. въ годъ, въ 1906 г. онъ поднялся до 241 мил. р., а въ смѣту на 1907 г. внесенъ въ суммѣ 224 мил. р. Возрастаніе таможенныхъ доходовъ происходитъ вслѣдствіе увеличенія торговыхъ оборотовъ и возвышенія таможенныхъ пошлинъ. Привозъ заграничныхъ товаровъ за время 1860—1904 гг. увеличился въ $3^1/_4$ раза (съ 200 до 650 мил. р.), а таможенный доходъ—въ $4^1/_2$ раза (съ 50 до 230 мил. р.). Въ 60-хъ и 70-хъ годахъ истекшаго столѣтія таможенные сборы составляли 20—25% цѣнности всего привоза; въ теченіе 80 годовъ обложеніе заграничныхъ товаровъ поднялось почти до 30%, а въ началѣ текущаго столѣтія составляло уже 40% цѣнности!

Въ системѣ взиманія питейнаго (кабацкаго) налога русское правительство первоначально колебалось между способомъ казенной продажи вина и сдачи торговли на откупъ; затѣмъ оно остановилось на откупной системѣ, причемъ сумма уплачиваемаго откупщиками налога устанавливалась на торгахъ; а въ 1861 г. перешло къ акцизной системѣ, при которой государственный доходъ получается путемъ обложенія выдѣланнаго продукта. Въ 1895 г. правительство возвращается къ старому порядку казенной продажи питій; но вводитъ ее постепенно, и теперь, черезъ 12 лѣтъ послѣ начала преобразованія, акцизная система примѣняется еще въ Закавказьѣ, Туркестанскомъ краѣ, въ Приморской, Закаспійской и Семирѣченской областяхъ. Въ составѣ питейнаго дохода мы находимъ теперь поэтому акцизные сборы съ вина въ раіонахъ, гдѣ не введена винная монополія, акцизные сборы съ пивоваренія и дрожжевого производства, патентные сборы съ завсденій, выдѣлывающихъ крѣпкіе напитки и торгующихъ ими, и доходъ отъ казенной продажи питей.

Акцизъ со спирта первоначально назначенъ былъ въ 4 копѣйки съ градуса ($^1/_{100}$ часть ведра безводнаго спирта); затѣмъ онъ постепенно повышался и въ настоящее время составляетъ 7 коп. съ градуса спирта, выкуриваемаго на фруктовыхъ и на виноградно-водочныхъ заводахъ, и 11 коп. съ градуса спирта, получаемаго изъ другихъ матеріаловъ. Водочныя издѣлія облагаются, кромѣ того, дополнительнымъ акцизомъ въ 2 р. съ ведра водки сорокаградусной крѣпости. Спиртъ, идущій на лаковые заводы, облагался $6^1/_2$ коп., а съ 1906 г.—2 к. съ градуса; спиртъ, употребляемый на отопленіе, освѣщеніе и въ химическихъ производствахъ, освобождается отъ обложенія. Пивовареніе облагается по количеству употребленнаго солода, причемъ ставки акциза для мелкихъ заводовъ ниже, чѣмъ для крупныхъ. Послѣ поднятія въ 1905 г. ставокъ тарифа на $^1/_3$, акцизъ съ солода составляетъ отъ 1 р. 30 к. до 2 р. съ пуда, смотря по нормѣ выкурки. Дрожжи несутъ акцизъ въ 20 к. съ фунта. Русское виноградное вино свободно отъ налога. Патентный сборъ винокуренные и пивоваренные заводы уплачиваютъ пропорціонально емкости квасильныхъ и заторныхъ чановъ

причемъ пивоваренные заводы съ емкостью заторныхъ чановъ менѣе 100 ведеръ несутъ нѣсколько болѣе высокую ставку.

Въ 1894 г., наканунѣ введенія казенной продажи вина, указанные источники питейныхъ сборовъ дали государственному казначейству слѣдующія суммы: патентный сборъ ок. 20 милл. р., акцизъ со спирта и его издѣлій 266 милл. р., акцизъ съ виноградныхъ и фруктовыхъ водокъ 0,9 милл. р., акцизъ съ пива и меда (послѣдній даетъ ничтожную сумму) 7,7 милл. р. и дрожжей 2,1 милл. р.; весь питейный доходъ равнялся 297 милл. р. Введеніе казенной продажи питей должно было сильно отразиться на поступленіи акциза со спирта и патентнаго сбора съ торговыхъ заведеній, которые стали послѣ того поступать лишь въ раіонахъ, на которые еще не успѣла распространиться винная монополія. Въ 1906 г. акцизъ со спирта далъ государственному казначейству 11,7 милл. р., а патентный сборъ—3,7 милл. р. Поступленіе акциза съ пива и дрожжей значительно увеличилось: въ 1906 г. (послѣ возвышенія акциза на $^1/_3$) налогъ на пивовареніе далъ 17 милл. р. (въ 1894 г.—7,7 милл. р.), а на дрожжевое производство—5,7 милл. р. (въ 1894 г. 2,1 милл. р.). Акцизъ со спирта, выкуриваемаго изъ винограда и фруктовъ, колеблется около цифры 1894 г. (1,2 милл. р.) и далъ въ 1906 г. 1 милл. р.

Главная часть питейнаго налога доставляется теперь винной монополіей, доходъ которой показывается въ отдѣлѣ росписи «Правительственныя регаліи». Но въ отчетахъ департамента неокладныхъ сборовъ доходы винной монополіи разсматриваются со включеніемъ акциза на проданное вино (по разсчету 11 коп. съ градуса безводнаго спирта) и съ выключеніемъ его. Въ послѣднемъ случаѣ чистый доходъ винной монополіи могъ бы считаться прибылью собственно отъ торговой операціи. Такое подраздѣленіе чистаго дохода винной монополіи на акцизъ и торговую прибыль имѣло бы основаніе, если бы цѣна казеннаго вина опредѣлялась обыкновенными коммерческими условіями и не отличалась существенно отъ цѣны его въ губерніяхъ немонопольныхъ. Но въ дѣйствительности наблюдается какъ-разъ обратное: цѣна казеннаго вина назначается министромъ финансовъ въ предѣлахъ очень широкихъ нормъ, устанавливаемыхъ въ законодательномъ порядкѣ, и постоянно повышается [1]). Это возвышеніе цѣнъ нельзя разсматривать иначе, какъ форму увеличенія обложенія вина по административному распоряженію министра финансовъ; а тогда возникаетъ вопросъ—не слѣдуетъ ли причислить къ косвенному налогу и ту часть

---

[1]) Въ первые годы по введеніи винной монополіи, при акцизѣ въ 10 к. съ градуса, цѣна казеннаго вина обыкновенной очистки назначена была въ 8 р. въ сѣверныхъ и сѣв.-восточныхъ и въ 7 р. ведро въ прочихъ губерніяхъ; съ 1901 г. акцизъ повышенъ до 11 к., а цѣна вина обыкновенной очистки всюду назначена въ 7 р. 60 к.; въ 1905 г. цѣна ведра вина обыкновенной очистки повышена до 8 р., а высшей очистки—съ 10 до 11 р.

доходы винной монополіи (въ 1903 г. 80 милл. р., въ 1904 г.—75 м. р.) какая получается по исключеніи акциза въ размѣрѣ 11 к. съ градуса?

Изслѣдователи вопроса о финансовыхъ результатахъ винной монополіи находятъ, что торговой прибыли казенная продажа питей не приноситъ, и весь чистый ея доходъ слѣдуетъ отнести на счетъ обложенія спирта косвеннымъ путемъ назначенія высокихъ цѣнъ на продажное вино. Доходъ этотъ, отнесенный къ ведру вина крѣпостью въ 40°, въ среднемъ за 1901—04 гг. опредѣляется по слѣдующему разсчету. Валовая выручка монополіи—при продажной цѣнѣ ведра вина обыкновенной очистки въ 7 р. 60 к. и лучшей очистки въ 10 р. — составляла, въ среднемъ, 7 р. 76 к., расходъ—2 р. 26 к., чистый доходъ—5 р. 50 к. съ ведра или $13^3/_4$ к. съ градуса безводнаго спирта. До 1901 г. въ немонопольныхъ губерніяхъ выкуриваемый спиртъ облагался 10 к. съ градуса, съ 1901 г. акцизъ повышенъ до 11 к.; а, благодаря высокимъ цѣнамъ казеннаго вина, въ раіонѣ винной монополіи обложеніе составило, какъ мы видѣли, $13^3/_4$ к. Возвышеніе въ 1905 г. цѣны ведра обыкновеннаго вина на 40 к. и столоваго на 1 р. равносильно прибавкѣ налога въ 1 копѣйку слишкомъ на градусъ безводнаго спирта. Согласно смѣтѣ на 1907 г., чистая прибыль винной монополіи ожидается въ 5 р. 93 к. съ ведра вина или 14,82 к. съ градуса безводнаго спирта. Введеніе казенной торговли виномъ оказалось, такимъ образомъ, формой, подъ которой было проведено возвышеніе обложенія этого предмета всеобщаго потребленія. Всю сумму чистаго дохода винной монополіи можно опредѣлять, помножая чистый доходъ отъ ведра вина на количество проданнаго продукта. Въ 1903 и 1904 годахъ въ раіонѣ винной монополіи было продаваемо по 71 милл. ведеръ вина, въ 1905 г.—75 милл., въ 1906 г. 85 милл., и въ 1907 г. ожидается расходъ въ 82 милл. ведеръ. Соотвѣтственно этому, чистый доходъ винной монополіи составилъ въ 1903 и 1904 гг. ок. 395 милл. р., въ 1905 г. (цѣна вина повышена) приблизительно 440 милл. р., въ 1906 г. около 500 милл. р. и въ 1907 г. ожидается ок. 485 милл. р.

Наканунѣ введенія казенной продажи вина всѣ виды питейнаго налога давали государственному казначейству ок. 300 милл. р. въ годъ, и питейный доходъ занималъ первое мѣсто среди всѣхъ государственныхъ доходовъ. По мѣрѣ распространенія казенной торговли виномъ, питейные доходы, запосившіеся въ Отдѣлъ косвенныхъ налоговъ, постепенно сокращались, и въ настоящее время они фигурируютъ тамъ въ суммѣ 30—40 милл. р. Но если, согласно вышеизложенному, къ косвенному обложенію питей причислить и чистый доходъ винной монополіи, то это обложеніе окажется приносящимъ государству до 500 и болѣе милліоновъ рублей въ годъ. Налогъ на питія, по суммѣ доставляемыхъ имъ государству рессурсовъ, и теперь, слѣдовательно, занимаетъ то же исключительное положеніе, какое было ему свойственно въ прежнія времена.

Обложеніе табака, какъ сказано выше, введено у насъ въ 1839 году.

Куреніе табаку нѣкогда преслѣдовалось у насъ (подъ вліяніемъ духовенства, находившаго эту забаву богопротивнымъ дѣломъ) жестокими карами, и только Петръ I дозволилъ употребленіе табаку и постарался даже извлечь изъ него государственную пользу. Онъ взялъ торговлю этимъ предметомъ (не производившимся въ Россіи, а получавшимся изъ-за границы) въ распоряженіе правительства, которое то устраивало казенную его продажу, то отдавало послѣднюю на откупъ. Въ 1762 г. правительственная табачная монополія была упразднена, и взамѣнъ ея введено обложеніе привознаго табаку таможенной пошлиной. Между тѣмъ культура этого растенія стала распространяться и въ Россіи, и, когда добыча табаку достигла значительныхъ размѣровъ, правительство обложило налогомъ и продуктъ внутренняго происхожденія. Первоначально акцизъ взыскивался лишь съ переработаннаго табака, затѣмъ онъ былъ распространенъ и на махорку. Дѣйствующая нынѣ система табачнаго налога установлена въ главныхъ чертахъ въ 1882 г.

Табачный доходъ составляется изъ патентнаго сбора и акциза. Патентнымъ сборомъ облагаются оптовые склады листоваго табаку, табачныя фабрики и табачныя лавки. Оптовые склады подраздѣляются на три разряда въ зависимости отъ рода продаваемаго товара [1) иностранный и туземный табакъ, кромѣ махорки, 2) туземный листовый табакъ и 3) исключительно махорка], и каждый разрядъ платитъ особый патентный сборъ, сумма котораго зависитъ отъ мѣста нахожденія склада (въ крупныхъ городахъ, въ среднихъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Россіи). Цѣна патента колеблется отъ 30 до 250 р. Патентный сборъ съ табачныхъ лавокъ колеблется между $7^1/_2$ и 75 р., въ зависимости отъ мѣстонахожденія торговли и отъ того, продаются ли въ лавкѣ только табачныя издѣлія внутренняго или также иностраннаго приготовленія. Табачныя фабрики уплачиваютъ основной и дополнительный патентный сборъ. По закону 1901 г. основной сборъ назначенъ въ 150 р. для общихъ фабрикъ и въ 100 руб. для махорочныхъ. Дополнительный сборъ взимается по количеству перерабатываемаго табаку и возрастаетъ прогрессивно: для общихъ фабрикъ отъ 20 р. съ тысячи пудовъ (для заведеній, перерабатывающихъ не болѣе 10 тыс. пуд.) до 120 р. съ тысячи пуд. (для фабрикъ, перерабатывающихъ болѣе 100 т. п.); для махорочныхъ фабрикъ отъ 10 до 80 р. съ тысячи пудовъ; послѣднюю сумму платятъ фабрики, перерабатывающія болѣе 400 тыс. пудовъ.

Табачный акцизъ взимается путемъ обандероленія табачныхъ издѣлій. Акцизъ, установленный въ 1882 г., былъ повышенъ въ 1887, 1893 и 1900 г. (будто бы временно, въ виду войны съ Китаемъ). Послѣ всѣхъ этихъ повышеній онъ составляетъ 1 р. 5 к. съ фунта табаку 1 сорта, 63 к. съ фунта табаку 2 сорта, 33 к. съ табаку 3 сорта и 9 к. съ фунта махорки.

Со времени преобразованія (въ 1882 г.) табачнаго налога, табачный доходъ поднялся съ 12 до 50 милл. р. Не все это возрастаніе дохода должно быть отнесено на счетъ увеличенія обложенія, такъ какъ въ описываемый періодъ времени сборы табаку въ Россіи поднялись съ 3 до 6 милл. пудовъ. Въ 1901—1903 гг. табачный доходъ равнялся въ среднемъ 47 милл. р.; въ томъ числѣ акцизъ приносилъ 43,4 мил. р., патентные сборы—3,6 м. р. Въ 1905 г. табачный доходъ поступилъ въ суммѣ 46,6 м. р., въ 1906 г. въ суммѣ 59,9 м. р., изъ коей $3^2/_3$ м. р. составляютъ платежи, слѣдующіе съ табачныхъ фабрикантовъ за два предыдущіе года. Въ роспись на 1907 г. табачный доходъ внесенъ въ суммѣ 49,4 мил. рублей.

Обложеніе сахара введено въ 1848 г., и хотя налогъ получилъ видъ попуднаго сбора, но количество вывариваемаго сахара не опредѣлялось непосредственно, а устанавливалось предположительно по нормѣ выходовъ и работоспособности дѣйствующихъ аппаратовъ, причемъ срокомъ дѣйствія акциза назначено было шесть лѣтъ. При такой системѣ обложенія заводчикамъ было выгодно улучшать технику производства и добывать больше сахара, чѣмъ предположено; а правительство періодически производило изслѣдованіе состоянія сахарной промышленности и повышало нормы вываркн, на основаніи коихъ исчислялся акцизъ. Въ этомъ состязаніи техники производства и правительственнаго надзора за ней, побѣда оставалась на сторонѣ первой, и доходы государственнаго казначейства отъ даннаго налога не увеличивались, какъ это слѣдовало ожидать при растущемъ производствѣ, а сокращались. Это побудило правительство перейти въ 1881 г. къ обложенію дѣйствительно добываемаго продукта, и на первый разъ акцизъ былъ назначенъ въ 50 к. съ пуда сахарнаго песку. Ставки акциза постепенно повышались, а съ 1894 г. всѣ продукты сахарныхъ заводовъ (кромѣ меласа) несутъ налогъ въ 1 р. 75 к. съ пуда, въ то время какъ производство пуда этого продукта обходится ок. 1 р. 50 к. Кромѣ того, сахарные заводы уплачиваютъ патентный сборъ въ размѣрѣ 5 р. съ каждой тысячи пудовъ добываемаго сахара, а рафинадные заводы, кромѣ того, 5 р. съ каждой тысячи пудовъ рафинированнаго сахара.

Со времени преобразованія сахарнаго налога въ 1881 г. поступленіе его очень быстро увеличивалось, и съ 4 мил. р. въ 1880—81 гг. оно дошло до 109 мил. р. въ 1906 г.; патентный сборъ входитъ въ эту сумму всего лишь въ размѣрѣ 470 т. р. Въ 1901—3 гг. сахарный доходъ поступалъ въ среднемъ въ суммѣ 71 мил. р. въ годъ; въ 1905 г., вмѣсто причитавшихся, по количеству потребленнаго сахара, 94 мил. р., поступило лишь 79 мил. р., а 15 мил. р. были отсрочены до слѣдующаго года; въ 1906 г., напротивъ того, вмѣсто причитавшихся 93 мил. р. поступило 109 мил. р. Въ смѣту на 1907 годъ сахарный доходъ внесенъ въ суммѣ 102 мил. р. Ростъ сахарнаго дохода обусловливается какъ возвышеніемъ

ставокъ налога, такъ и возрастаніемъ потребленія сахара. Съ 1894 г.— когда послѣдній разъ былъ повышенъ сахарный акцизъ,—потребленіе въ Россіи сахара и поступленіе сахарнаго налога возросло вдвое.

Первая попытка обложенія нефтяныхъ продуктовъ была сдѣлана въ 1872. Но налогъ вскорѣ (въ 1877 г.) былъ отмѣненъ и введенъ вновь въ 1888 г., когда соотвѣтствующая отрасль промышленности достигла значительнаго развитія. Обложенію были подвергнуты освѣтительныя масла (керосинъ) въ размѣрѣ 30 к. на пудъ тяжелыхъ и 40 к. на пудъ легкихъ маслъ. Съ 1893 г. акцизъ повышенъ соотвѣтственно до 50—60 к. Тяжелыя масла были обложены легче потому, что производство ихъ стоитъ дороже и что, въ виду сравнительной ихъ безопасности (температура вспышки ихъ выше), представлялось желательнымъ болѣе широкое ихъ распространеніе. Въ 1905 г., впрочемъ, въ виду войны съ Японіей, акцизъ съ тяжелыхъ маслъ повышенъ до 60 к., и та же ставка распространена на продукты переработки нефти, до того времени свободные отъ обложенія (газолины, бензины, смазочныя масла). Отъ этихъ нововведеній ожидалось увеличеніе государственнаго дохода приблизительно на 3 мил. р.

Въ первый годъ (1888) обложенія керосина поступленіе налога дало государственному казначейству 6,6 мил. р.; доходъ этотъ затѣмъ ежегодно подымался (исключая 1891 г.) и достигъ въ 1901—3 гг., въ среднемъ, 30 мил. р. въ годъ. Въ 1904 г. доходъ по этой статьѣ поднялся почти до 35 мил. р. Вслѣдствіе народныхъ волненій въ Закавказьи производство керосина послѣ того сократилось, и нефтяной доходъ въ 1905 и 1906 гг. упалъ до 30 мил. р.; на 1907 г., впрочемъ, онъ ожидается въ суммѣ 35 мил. р.

Ростъ нефтянаго дохода обусловливается, главнымъ образомъ, распространеніемъ потребленія керосина массою населенія страны.

Обложеніе зажигательныхъ спичекъ было у насъ введено въ 1848 г. не съ фискальной цѣлью, а ради предупрежденія фосфорнаго отравленія рабочихъ, выдѣлывавшихъ спички въ кустарныхъ заведеніяхъ, и ограниченія пожаровъ, происходившихъ отъ неосторожнаго обращенія со спичками. Въ этихъ видахъ, кромѣ высокаго налога (1 р. съ 1000 спичекъ), было еще запрещено открывать спичечныя фабрики гдѣ-либо, кромѣ столицъ. Мѣры эти не имѣли, однако, никакого успѣха, и тайное производство спичекъ получило такое распространеніе, что коробки съ 1000 спичекъ, которыя должны были нести налогъ въ 1 р., продавались по 6 к., и всѣ законно-устроенныя фабрики должны были закрыться. Въ 1859 г. налогъ былъ отмѣненъ, а къ новому обложенію этого предмета потребленія правительство обратилось въ 1888 г. Введенъ былъ акцизъ въ $^1/_4$ коп. съ помѣщенія, содержащаго не болѣе 75 спичекъ; черезъ годъ акцизъ назначенъ былъ въ $^1/_2$ коп. съ помѣщенія для 75—150 спичекъ и въ $^3/_4$ к. съ помѣщеній, содержащихъ отъ 150 до 225 спичекъ. Въ

видахъ ограниченія производства фосфорныхъ спичекъ, акцизъ на нихъ въ 1892 г. увеличенъ вдвое. Производство фосфорныхъ спичекъ, дѣйствительно, быстро сокращается и съ 104 милліардовъ спичекъ въ 1892 г. упало до $14^1/_2$ милліардовъ въ 1904 г.; производство безопасныхъ шведскихъ спичекъ, напротивъ того, съ 42 милліардовъ поднялось до 223 р. милліардовъ. Съ августа мѣсяца 1905 г. акцизъ со всѣхъ спичекъ увеличенъ вдвое.

Въ первый годъ по введеніи акциза на спички государственное казначейство получило отъ него 2,7 мил. р.; послѣ повышенія акциза въ слѣдующемъ году, доходъ превзошелъ 4 мил. р. и, постепенно увеличиваясь, дошелъ въ 1901—3 гг. въ среднемъ до 8 мил. р. въ годъ. Въ 1904 г. поступленіе этого налога нѣсколько уменьшилось, а, вслѣдствіе возвышенія ставки налога въ 1905 г., доходъ поднялся до 10,8 мил., р. въ названномъ году и до 15 мил. р. въ 1906 г. Въ 1907 г. спичечный доходъ ожидается, примѣнительно къ производству спичекъ въ 1905 г., въ суммѣ 13,4 мил. р.

Въ отдѣлъ III нашей росписи—п о ш л и н ы—занесены такіе сборы, которые вполнѣ подходятъ подъ это наименованіе, такъ какъ они взимаются съ лицъ, обращающихся къ правительству за опредѣленной услугой, и взыскиваются въ размѣрѣ, не превосходящемъ (вѣрнѣе—не достигающемъ) расходовъ по содержанію соотвѣтствующихъ учрежденій (напр., судебныя пошлины); и въ этотъ же отдѣлъ включены сборы, составляющіе настоящій налогъ. При этомъ оба вида пошлинъ въ большинствѣ случаевъ слиты во едино, и мы не можемъ отдѣлить пошлины чистыя отъ пошлинъ-налоговъ. Впрочемъ, главные виды пошлинъ второго рода—крѣпостныя или налогъ на переходящее изъ рукъ въ руки недвижимое имущество и налогъ на безвозмездный переходъ имуществъ (путемъ наслѣдованія и даренія)—выдѣляются особо.

К р ѣ п о с т н ы я пошлины взимались у насъ уже въ XVII вѣкѣ. Съ 1821 г. онѣ исчисляются въ размѣрѣ 4% съ цѣнности переходящаго имущества, объявляемой участниками сдѣлки, причемъ утайкѣ настоящихъ цѣнъ положенъ нѣкоторый предѣлъ назначеніемъ минимальныхъ цѣнъ имуществъ, заносимыхъ въ крѣпостные акты. Такими цѣнами служатъ оцѣнки имущества для взиманія городского сбора, сумма, въ какой имѣніе принято на страхъ, сумма дохода (фабрикъ, промысловъ и т. п.) послѣднихъ десяти лѣтъ и т. п. Въ 1901—3 гг. крѣпостныя пошлины давали государственному казначейству, въ среднемъ, 17,7 мил. р. въ годъ; въ 1904 г. сборы эти уменьшились до 16,8 мил. р., въ 1905 г. до 14,4 мил. р., въ 1906 г. поступило 14,7 мил. р. Въ 1907 г. поступленіе крѣпостныхъ пошлинъ ожидается въ суммѣ 14 мил. р.

Пошлины съ н а с л ѣ д с т в а взимаются у насъ очень давно, но въ 1775 г. отмѣненъ сборъ съ завѣщаній въ пользу лицъ, имѣющихъ право на наслѣдованіе по закону, а въ 1801 г. и пошлина съ наслѣдствъ, пе-

реходящихъ по закону. Остался неотмѣненнымъ только 6% сборъ съ наслѣдствъ, переходящихъ по завѣщанію къ лицамъ, не имѣющимъ права на наслѣдованіе по закону. Налогъ на всѣ наслѣдства вмѣстѣ съ налогомъ на дареніе (въ томъ числѣ и на Всемилостивыя пожалованія) введенъ былъ опять въ 1882 г., причемъ пошлина съ имуществъ, переходящихъ отъ супруга къ супругу и въ прямой восходящей или нисходящей линіяхъ, назначена въ 1% съ ихъ цѣнности, налогъ на имущества, переходящія къ братьямъ, сестрамъ и ихъ дѣтямъ—въ 4%, переходящія къ родственникамъ боковой линіи 3 и 4 степеней родства—въ 6% и ко всѣмъ прочимъ—въ 8%. Въ 1895 г. въ интересахъ землевладѣльцевъ недвижимыя имущества, переходящія по наслѣдству къ ближайшимъ родственникамъ, освобождены отъ обложенія. Въ 1905 г. пошлины съ имуществъ, переходящихъ безвозмездными способами, увеличены на 50%.

Налогъ на имущества, переходящія безвозмездными способами, въ 1901—5 гг. давалъ государственному казначейству около 6 мил. р. въ годъ, въ 1906 г.—7,1 м. р.; въ 1907 г. отъ него ожидается 9 мил. р.

Два вышеуказанные налога относятся къ категоріи налоговъ на обращеніе цѣнностей. Фискальное значеніе этихъ налоговъ—при существованіи обложенія имуществъ—вытекаетъ изъ того, что послѣднее не можетъ услѣдить за повышеніемъ цѣнности имуществъ, какъ результата развитія соціальной жизни. Этотъ недостатокъ имущественныхъ налоговъ нѣсколько восполняется путемъ обложенія имущества въ тѣ моменты, когда оно переходитъ изъ рукъ въ руки, причемъ—по крайней мѣрѣ, при куплѣ-продажѣ—въ цѣнѣ имущества учитывается и то приращеніе его цѣнности, какое имѣло мѣсто послѣ оцѣнки, произведенной для обложенія постоянными налогами. Слѣдуетъ, однако, имѣть въ виду, что фискальное вѣдомство не имѣетъ средствъ опредѣлить дѣйствительную цѣну продаваемыхъ имуществъ.

Значительная часть налоговъ на обращеніе имуществъ ускользаетъ отъ статистическаго учета, потому что эти налоги уплачиваются путемъ употребленія при заключеніи сдѣлки гербовой бумаги того или другого достоинства или гербовыхъ марокъ, причемъ всѣ эти сборы сливаются въ отчетахъ съ гербовыми же сборами, уплачиваемыми при разныхъ обращеніяхъ въ правительственныя учрежденія, при выдачѣ довѣренностей на полученіе жалованья или пенсіи и т. п.

Гербовый сборъ существуетъ у насъ со временъ Петра I. Уставъ о немъ неоднократно измѣнялся, взиманіе пошлинъ распространялось на большее и большее число сдѣлокъ, оклады сбора увеличивались, и послѣдняя крупная реформа относится къ 1900 г. Гербовый сборъ раздѣляется на простой—размѣромъ отъ 5 к. до 1 р., взимаемый съ бумагъ, актовъ и документовъ,—и пропорціональный, исчисляемый въ процентномъ отношеніи къ суммѣ актовъ или сдѣлокъ (векселя, процентныя бумаги, за-

продажныя записи, даренія, раздѣлы и другія сдѣлки). Въ 1905 г. ставки сборовъ повышены. Поступленіе гербоваго сбора, вслѣдствіе возвышенія ставокъ, развитія гражданскихъ сдѣлокъ и распространенія налога на большее число видовъ документовъ, растетъ довольно быстро Въ росписи доходовъ гербовыя пошлины соединены въ одномъ параграфѣ съ судебными и нѣкоторыми мелкими сборами; поступленіе ихъ съ 1890 по 1906 г. выросло съ 24 до 54 милл. р. Въ 1901—3 гг. по этому параграфу въ государственное казначейство поступало въ среднемъ 45,5 м. р. въ годъ, въ 1905 г. 4,7 м. р., въ 1906 г. около 54 м. р.; въ 1907 г. ожидается 52 милл. р. Главную часть этого дохода составляетъ гербовый сборъ, дававшій въ 1901—03 гг. 41,2 м. р. въ годъ и внесенный въ смѣту 1907 г. въ суммѣ 47,5 мил. р. Судебныя пошлины приносятъ около 2 м. р. въ годъ.

Въ Отдѣлѣ пошлинъ особыми параграфами фигурируютъ еще слѣдующіе сборы, въ большинствѣ случаевъ имѣющіе характеръ налоговъ.

Съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ (50 к. съ 1000 р. застрахованной суммы), въ 1901—3 гг. дали въ среднемъ 4,1 м. р. въ годъ; внесены въ смѣту на 1907 г. въ суммѣ 4,3 м. р.

Съ судовъ и прибывающихъ на нихъ (въ порты) товаровъ въ 1901—3 гг. давали въ среднемъ 3,4 м. р. въ годъ; на 1907 г. ожидается 2,9 м. р.

Установленный въ 1879 г. сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скоростью, перевозимыхъ по жел. дорогамъ (первоначально въ размѣрѣ 25%, а потомъ 15% съ провозной платы). Въ теченіе 1890—1897 гг. онъ давалъ менѣе 10 мил. р., въ 1901—3 гг.—въ среднемъ 15,7 мил. р., въ 1906 г—18,6 мил. р., ожидается въ 1907 г. 18,2 мил. р. Возрастаніе этого сбора обязано, главнымъ образомъ, развитію перевозокъ большой скорости.

Пошлины разныхъ наименованій: пробирные сборы съ золотыхъ и серебряныхъ издѣлій, сборы съ паровыхъ котловъ и локомотивовъ, сборъ со служащихъ при увеличеніи ихъ содержанія и на составленіе пенсіоннаго капитала (въ дѣйствительности не существующаго) и др. Онѣ приносили въ 1901—3 гг. въ среднемъ 8,5 м. р., въ 1906 г. 10,9 м. р. внесены въ смѣту на 1907 г. суммою въ 8,9 мил. р.

Доходы отъ хозяйственныхъ предпріятій.—Прочіе доходы.

Отдѣлы IV, V и VI росписи государственныхъ доходовъ обнимаютъ хозяйственныя предпріятія, причемъ Отдѣлъ IV посвященъ монопольнымъ предпріятіямъ или регаліямъ, Отдѣлъ V—казеннымъ имуществамъ и предпріятіямъ немонопольнымъ, и отдѣлъ VI—отчужденію государственныхъ имуществъ. Къ правительственнымъ регаліямъ относятся монетный, почтовый, телеграфный и телефонный доходы, горный доходъ и разсмотрѣнный нами ранѣе доходъ отъ казенной продажи питей.

Самой древней регаліей является чеканка монеты, введенная у насъ еще въ концѣ XVI столѣтія. Монетный доходъ въ настоящее время получается отъ операціи по чеканкѣ серебряной и мѣдной монеты. Серебряная монета чеканится изъ покупного серебра и изъ стертой монеты. По ея достоинству серебряная монета раздѣляется на банковую (рубли, полтинники, четвертаки) и размѣнную. Первая имѣетъ девятисотую пробу (900 частей чистаго серебра на 100 частей мѣди), вторая—пятисотую (500 частей серебра и столько же мѣди). Покупная цѣна серебра приблизительно на 30% ниже передѣльной, т.-е. той, которая соотвѣтствуетъ номинальной стоимости банковой монеты, могущей быть начеканенной изъ даннаго количества металла. Разница между передѣльной и покупной цѣной серебра, потраченнаго въ данномъ году на выдѣлку монеты, и составляетъ первую статью монетнаго дохода государства. Эта статья была бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и единственной, если бы чеканилась только высокопробная, банковая монета. Но такъ какъ часть серебра обращается въ размѣнную монету низкопробную, имѣющую, однако, въ обращеніи цѣну монеты высокопробной, т.-е. такъ какъ номинальная стоимость размѣнной монеты, вычеканенной изъ опредѣленнаго количества серебра, выше передѣльной цѣны послѣдняго, то разница между номинальной стоимостью отчеканенной низкопробной монеты и передѣльной стоимостью употребленнаго для этого серебра составляетъ доходъ правительства и образуетъ вторую статью монетнаго дохода. Третью статью этого дохода составляетъ стоимость выдѣланной мѣдной монеты. Монетное дѣло въ 1901—3 гг. приносило государственному казначейству 4,1 м. р. въ годъ, въ 1907 г. отъ него ожидается 6,9 мил. р.

Доходы государственнаго казначейства отъ почтовой регаліи и телеграфа, вслѣдствіе развитія сношеній, постоянно увеличиваются. Съ 1901 по 1906 гг. почтовый доходъ съ 32 мил. р. поднялся до 46 мил. р.

На увеличеніе этого дохода, начиная съ 1895 г., повліяло также обращеніе нѣкоторыхъ доходовъ (за билеты на полученіе корреспонденціи, за доставку денежныхъ пакетовъ, переводовъ и посылокъ и др.), поступавшихъ въ спеціальныя средства почтоваго вѣдомства, въ казну, и отмѣна нѣкоторыхъ льготъ по безплатной пересылкѣ корреспонденціи. Въ 1901—3 гг. почтовый доходъ поступалъ въ среднемъ въ суммѣ 34,4 милл. р. въ годъ; въ 1907 г. ожидается около 48 милл. р. Телеграфный доходъ съ 1901 по 1906 г. увеличился съ 18 до 26 милл. р. Телефонный доходъ возрастаетъ очень медленно; въ 1901 г. онъ далъ около 2 мил. р., а въ 1906 г. $2^1/_2$ мил. р. Оба послѣдніе дохода вмѣстѣ составляютъ одинъ параграфъ росписи; въ 1901—3 гг. они приносили государственному казначейству въ среднемъ 20,8 милл. р., въ 1906 г. 28,2 милл. р.; въ 1907 г. ожидается 28,4 милл. р.

Въ прежнія времена правительство считало горное дѣло своимъ достояніемъ и облагало частныхъ предпринимателей опредѣленнымъ сборомъ съ пуда добытаго металла. Эти сборы составили горный доходъ правительства, колебавшійся въ теченіе истекшаго десятилѣтія между 3 и 4 мил. р. Въ 1901 г. эти сборы были отмѣнены, за исключеніемъ сборовъ съ мѣди и чугуна, добываемыхъ на поссессіонныхъ заводахъ. Поступленіе этого дохода сократилось послѣ того до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей въ годъ; въ 1901—3 гг. поступало въ среднемъ 2,5 мил. р., въ 1907 г. ожидается 244 т. р.

Чистый доходъ отъ казенной продажи питей мы признали равнозначнымъ прежнему акцизу и зачислили въ отдѣлъ косвенныхъ налоговъ. Тѣмъ не менѣе, мы должны сказать здѣсь нѣсколько словъ о валовомъ поступленіи по этой статьѣ, входящей въ составъ разсматриваемаго нами отдѣла правительственныхъ регалій. Поступленіе этого дохода увеличивалось вслѣдствіе распространенія монополіи на новыя области и достигло въ 1903 и 1904 гг. 543 мил. р.; въ 1905 г., главнымъ образомъ, вслѣдствіе возвышенія цѣны вина, доходъ отъ монополіи поднялся до 609 мил. р., а въ 1906 г., вслѣдствіе увеличенія потребленія вина, до 698 мил. р.; въ 1907 г. отъ нея ожидается 673 мил. р.

Отдѣлъ V росписи доходовъ обнимаетъ казенныя имущества и капиталы. Русское государство владѣетъ огромными земельными пространствами, пригодными для сельско-хозяйственной эксплуатаціи. Въ его рукахъ сосредоточено около 240 мил. дес. лѣсной площади и около 9 мил. дес. земельныхъ не лѣсныхъ угодій. Кромѣ того, государству принадлежатъ земли съ залежами различныхъ ископаемыхъ, нефтяные источники, торфяныя болота, минеральные и соляные источники, рыбныя и другія промышленныя водныя угодья и усадебныя мѣста. И, наконецъ, въ собственности государства состоятъ горные заводы, торговыя помѣщенія, нѣкоторыя другія предпріятія и желѣзныя дороги. Эксплуатируются эти имущества частью хозяйственнымъ образомъ, частью путемъ сдачи ихъ въ аренду.

Отдѣлъ V росписи доходовъ подраздѣляется на шесть параграфовъ: а) оброчныя статьи и промыслы, б) лѣсной доходъ, в) казенныя желѣзныя дороги, г) казенные заводы, техническія заведенія и склады, д) прибыли отъ принадлежащихъ казнѣ капиталовъ и отъ банковыхъ операцій и ж) прибыли отъ участія казны въ доходахъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ.

Лѣсной доходъ увеличивается отъ развитія лѣсныхъ операцій и отъ возвышенія цѣнъ на дрова и лѣсные строительные матеріалы. Въ теченіе 1901—03 годовъ этотъ доходъ поднялся съ 56,6 до 62 м. р., въ 1904 г. равнялся 60 м. р., въ 1905 г., главнымъ образомъ, вслѣдствіе народныхъ волненій, упалъ до 52 м. р., въ 1906 г., составлялъ 57,5 м. р. и на 1907 г. ожидается въ суммѣ 54,3 м. р. Большая часть его приходилась на операціи по продажѣ лѣса на корню; въ 1901—4 гг. эти операціи приносили 50—54 м. р.; отъ 5 до 7 м. р. падало на операціи по продажѣ лѣсныхъ матеріаловъ, заготовленныхъ хозяйственнымъ образомъ, и около 1 мил. р. составляли доходы отъ побочныхъ лѣсныхъ пользованій.

Оброчныя статьи и промыслы даютъ государственному казначейству отъ 24,5 до 27 мил. р. Большая половина этого сбора распредѣляется почти поровну между оброчными земельными участками и нефтеносными землями, приносившими по 7—8 м. р. въ годъ. За ними слѣдуютъ разнаго рода водные промыслы, дающіе около 3 мил. р. въ годъ. Поступленіе по многимъ статьямъ этого параграфа, подъ вліяніемъ народныхъ волненій, въ 1905 г. сократилось; но недовыручка была покрыта увеличеніемъ сборовъ съ тѣхъ нефтяныхъ участковъ, которые сдаются въ аренду изъ процентнаго отчисленія доли добытаго продукта въ пользу казны: вслѣдствіе повышенія цѣны нефти, вызваннаго бакинскими событіями, эта доля дала большой денежный доходъ, и сборъ съ нефтеносныхъ участковъ превысилъ въ этомъ году 12 мил. р. Въ 1906 г., однако, несмотря на высокія цѣны нефти, доходъ казны по этому параграфу составлялъ лишь 22,3 милл. р.; въ 1907 г. ожидается 24740 т. р.

Казенные заводы, техническія заведенія и склады приносятъ доходъ, колеблющійся въ зависимости отъ суммы заказовъ, продажи продуктовъ производства и отъ срока платежей. Въ 1901 г. эти предпріятія дали 16,3 мил. р., въ слѣдующіе три года они приносили отъ 11,3 до 13,6 м. р.; въ 1905 г. доходъ по этому параграфу поднялся до 15,4, а въ 1906 г. опустился до 11,7 м. р. На 1907 г. ожидается 15,4 м. р. Наибольшую часть доходовъ по этому параграфу (отъ 8 до 12 м. р.) приносятъ горные заводы. Остальная сумма составляется доходами по работамъ монетнаго двора, экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ, казенныхъ типографій, выручкой отъ продажи пороха и т. п.

Три разсмотрѣнные параграфа отдѣла V росписи, обнимающіе недвижимыя имущества казны (кромѣ желѣзныхъ дорогъ), приносятъ государственному казначейству около 100 мил. р. въ годъ.

Эксплуатація казенныхъ желѣзныхъ дорогъ представляетъ крупнѣйшее хозяйственное правительственное предпріятіе, не приносящее, однако, казнѣ непосредственной выгоды. Дѣйствительно, развитіе казенной желѣзнодорожной сѣти, ежегодные доходы и расходы на желѣзныя дороги—какъ текущіе (эксплуатаціонные), такъ и назначенные на улучшеніе и усиленіе сѣти (не считая расходовъ на сооруженіе новыхъ линій) представляются за послѣдніе шесть лѣтъ въ слѣдующемъ видѣ:

Годъ.	Протяженіе дорогъ.	Валовой доходъ.	Расходы эксплуатаціи.	Чистый доходъ.	Расходы на улучш. дорогъ.	Остатокъ дохода.
	т. вер	милліоны рублей.				
1	2	3	4	5	6	7
1901	35,5	379	269	110	86	24
1902	35,9	408	302	106	104	2
1903	36,7	453	310	143	104	39
1904	37,1	455	326	129	90	39
1905	37,5	432	334	98	81	17
1906	40,0	491	371	120	71	49

Изъ гр. 5 таблички видно, что, за вычетомъ расходовъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ, отъ валового дохода, колеблющагося по отдѣльнымъ годамъ (гр. 3) между 379 и 491 милліоновъ рублей, остается ежегодно отъ 98 до 143 милліоновъ рублей. Послѣдняя сумма приходится на 1903 г. Въ этомъ году на казенной сѣти числилось долгу по заключеннымъ правительствомъ для нихъ займамъ 2644 мил. рублей, по которымъ ежегодно нужно было платить процентовъ и погашенія капиталовъ 108 мил. рублей. Если не начислять никакого процента на почти милліардную сумму, затраченную въ разное время на казенныя дороги изъ государственныхъ средствъ, то результаты эксплуатаціи казенной сѣти въ 1903 г. выразились бы чистымъ доходомъ въ 35 милліоновъ рублей. Но такъ такъ въ данномъ году были затрачены 104 мил. руб. на улучшеніе сѣти (гр. 6), то отъ валовой выручки осталось всего 39 мил. руб. (гр. 7), и на покрытіе процентовъ и погашенія займовъ, заключенныхъ для сооруженія сѣти, нужно было израсходовать 69 мил. руб. изъ общегосударственныхъ средствъ. Въ прочіе годы, съ меньшей чистой выручкой дороги, окончательные результаты казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства были еще плачевнѣе.

По принятой въ нашей росписи классификаціи доходовъ и расходовъ, уплата процентовъ и погашеніе желѣзнодорожныхъ займовъ включается, впрочемъ, въ счетъ расходовъ не по желѣзнодорожной сѣти, а по системѣ государственнаго кредита. Въ такомъ случаѣ нужно считать, что эксплуатація казенныхъ дорогъ приноситъ въ послѣдніе годы государственному казначейству отъ 2 до 49 мил. рубл. въ годъ (гр. 7).

Кромѣ собственной сѣти казна получаетъ еще доходы отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ. Одинъ изъ этихъ доходовъ входитъ въ составъ разсматриваемаго отдѣла росписи, другой—въ отдѣлъ VIII. Первый доходъ состоитъ изъ отчисленія въ казну, на основаніи уставовъ нѣкоторыхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, части чистой ихъ прибыли; въ послѣдніе годы этотъ доходъ колебался между 407 т. и 3560 т. р.

Правительство имѣетъ въ своемъ владѣніи не только недвижимыя имущества, но и денежные капиталы. Оно производитъ затѣмъ (при посредствѣ Государственнаго банка) коммерческія операціи, состоитъ участникомъ классной лотереи въ губерніяхъ Царства Польскаго и т. п. Все это является источникомъ государственныхъ доходовъ, составляющихъ въ послѣдніе годы (кромѣ 1905 г.) постоянную сумму съ небольшимъ въ 17 мил. руб. въ годъ. Главная часть этой суммы, именно 10 мил. руб., относится на долю прибылей Государственнаго банка; 3 мил. руб. составляютъ проценты на суммы, находящіяся у заграничныхъ банкировъ для платежей по государственнымъ займамъ и для другихъ расходовъ за счетъ казны; 2,5—3 мил. руб. приносятъ принадлежащія казнѣ процентныя бумаги. Въ 1907 г. ожидается по этому параграфу 23,5 мил. руб.

Доходы казны отъ продажи недвижимыхъ имуществъ (мелкихъ земельныхъ участковъ, ненужныхъ зданій, горныхъ заводовъ и др.), выдѣленные въ особый отдѣлъ VI, колеблются въ послѣдніе годы между 700 т. и 900 т. руб.

Отдѣлъ VIII государственной росписи обнимаетъ такіе доходы, какъ возвратъ правительственныхъ ссудъ и расходовъ, сдѣланныхъ за счетъ третьихъ лицъ или учрежденій. Сюда же отнесено и вознагражденіе, получаемое Россіей по мирнымъ договорамъ отъ Турціи, Болгаріи и Китая. Отдѣлъ состоитъ изъ четырехъ параграфовъ: 1) обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ, 2) возвратъ ссудъ и другихъ расходовъ, 3) пособія государственному казначейству изъ постороннихъ источниковъ и 4) военное вознагражденіе.

Обязательные платежи обществъ желѣзныхъ дорогъ слагаются изъ платежей частныхъ дорогъ а) для покрытія процентовъ и погашенія ихъ облигацій, оставленныхъ правительствомъ за собою, б) для покрытія процентовъ и погашенія суммъ, полученныхъ изъ казны въ видѣ займовъ, или суммъ, затраченныхъ правительствомъ на уплату гарантированныхъ акцій и облигацій желѣзныхъ дорогъ въ тѣхъ

случаяхъ, когда выручки дорогъ было недостаточно для покрытія соотвѣтствующихъ обязательствъ; и в) изъ арендной платы за казенныя дороги, находящіяся въ частной эксплуатаціи. Этой платой возмѣщаются расходы по уплатѣ процентовъ и погашенія по строительнымъ капиталамъ соотвѣтствующихъ линій. Сумма разсматриваемой категоріи доходовъ, уплачиваемыхъ изъ чистой выручки дорогъ, колебалась въ послѣдніе годы, въ зависимости отъ дохода самихъ дорогъ, между 7,6 мил. и 12,3 мил. руб. Въ 1907 г. казнѣ слѣдовало бы получить по этой статьѣ 11349 т. руб., но, въ виду недостаточной доходности нѣкоторыхъ линій, въ смѣту на этотъ годъ вносится лишь 8159 мил. руб. Недополученныя суммы зачисляются долгомъ за дорогами.

Параграфъ **возвращенныхъ ссудъ и другихъ расходовъ** обнимаетъ суммы, поступающія въ казну, какъ плата за лѣченіе и обученіе въ казенныхъ заведеніяхъ, уплата ссудъ и другихъ расходовъ, возвратъ суммъ, употребленныхъ одними вѣдомствами на заготовленіе предметовъ для потребностей другихъ вѣдомствъ, и т. п. Въ текущемъ десятилѣтіи поступленія по этому параграфу колебались между 30 и 39 мил. руб. Въ 1907 г. ожидается 31,7 мил. руб.

Подъ именемъ **пособій государственному казначейству** фигурируютъ, главнымъ образомъ, платежи городскихъ, земскихъ, сословныхъ, правительственныхъ учрежденій и частныхъ лицъ на возмѣщеніе расходовъ казны по содержанію такихъ учрежденій и должностныхъ лицъ, расходы на которыя, частью или цѣликомъ, должны падать на перечисленныя учрежденія. Этотъ доходъ колеблется въ послѣдніе годы между 20 и 24 мил. руб.; въ 1907 г. ожидается 26,4 мил. руб.

Военное вознагражденіе до войны съ Китаемъ колебалось между 5—6 мил. руб. въ годъ; въ 1902 г. договоръ съ Китаемъ поднялъ военное вознагражденіе до 15,6 мил. руб. Послѣ того, за погашеніемъ долга Болгаріи, поступленія по этому параграфу колебались между 7,8 и 12,2 мил. руб. Въ 1907 г. ожидается 10,7 мил. руб.

Послѣдній, IX Отдѣлъ росписи обнимаетъ **мелкіе и случайные доходы**, не получившіе особаго обозначенія въ системѣ классификаціи нашихъ доходовъ: штрафы по подрядамъ съ казною, недоимки по отмѣненнымъ сборамъ, выморочныя имѣнія и капиталы, суммы, вырученныя отъ продажи негоднаго и ненужнаго движимаго казеннаго имущества, и т. п. Обыкновенно поступленія по этому Отдѣлу колеблются около 7 мил. руб. въ годъ, но въ послѣдніе годы, вслѣдствіе продажи военными вѣдомствами ненужныхъ предметовъ, оставшихся отъ японской войны, сумма случайныхъ доходовъ поднялась до $16^1/_3$ мил. руб. Въ 1907 г. ожидается 8,9 мил. руб.

Составъ финансовыхъ рессурсовъ государства.

Въ первой главѣ было сдѣлано разъясненіе того, почему данныя о поступленіи государственныхъ доходовъ, какъ они группируются въ офиціальныхъ документахъ, не могутъ служить для оцѣнки суммы и характеристики состава рессурсовъ, служащихъ для удовлетворенія текущихъ государственныхъ нуждъ. Непригодность ихъ для этой цѣли обусловливается тѣмъ, что въ государственной росписи и въ Отчетахъ государственнаго контроля предположенія объ ожидаемыхъ доходахъ и поступленія таковыхъ показываются безъ вычета издержекъ взиманія. А такъ какъ видную роль въ нашемъ государственномъ хозяйствѣ играютъ коммерческія предпріятія, а расходы (соотвѣтствующіе издержкамъ взиманія налоговъ) по этимъ предпріятіямъ поглощаютъ большую часть валового отъ нихъ дохода, то занесеніе въ счетъ государственныхъ доходовъ послѣдняго даетъ преувеличенное понятіе о суммѣ государственныхъ рессурсовъ и о значеніи хозяйственныхъ предпріятій, какъ источника послѣднихъ.

Согласно цифровымъ свѣдѣніямъ, приведеннымъ въ первой главѣ, хозяйственныя предпріятія (регаліи, казенныя имущества и капиталы) въ началѣ нашего столѣтія давали государственному казначейству 1 милліардъ 60 милліоновъ рублей или 55% суммы всѣхъ его годовыхъ рессурсовъ. Изъ числа этихъ предпріятій останавливаютъ на себѣ наше вниманіе казенная торговля виномъ и казенныя желѣзныя дороги. Первая приносила 469 мил. р., а вторыя—413 мил. р., вмѣстѣ же они давали государственному казначейству болѣе 880 мил. р. или 83% суммы его хозяйственныхъ доходовъ. Выдающееся значеніе послѣдней категоріи доходовъ въ общей массѣ поступленій въ кассы государственнаго казначейства обусловливается, слѣдовательно, наличностью двухъ указанныхъ отраслей государственнаго хозяйства. И, чтобы приведенныя ранѣе свѣдѣнія о поступленіи государственныхъ доходовъ сдѣлать пригодными для сужденія о государственныхъ рессурсахъ страны, достаточно произвести соотвѣтствующія измѣненія чиселъ, относящихся къ этимъ двумъ крупнымъ отраслямъ.

Валовой доходъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 1901—03 гг. составлялъ, какъ мы видѣли, 413 мил. р. въ годъ. Изъ таблицы, приведенной на стр. 45, видно, что расходы эксплуатаціи казенной сѣти опредѣляются для этихъ лѣтъ въ среднемъ въ 294 мил. р., и что въ то же время расходовалось на улучшеніе и усовершенствованіе казенныхъ дорогъ

въ среднемъ по 98 мил. р. Получая, такимъ образомъ, отъ эксплуатаціи казенныхъ дорогъ 413 мил. р., правительство расходовало на нихъ 294+98=392 мил. р. въ годъ. Эти 392 мил. р. соотвѣтствуютъ издержкамъ взиманія государственныхъ доходовъ налоговаго характера, а чистая выручка отъ казеннаго желѣзнодорожнаго хозяйства, входящая въ составъ рессурсовъ, предназначенныхъ для удовлетворенія различныхъ государственныхъ потребностей, опредѣлится, такимъ образомъ, всего въ 21 мил. р. Эта сумма и должна быть занесена въ счетъ доходовъ казны отъ желѣзнодорожной сѣти.

Винная монополія приносила въ 1901—03 гг. въ среднемъ 469 мил. р. въ годъ; операціонные же расходы по этому предпріятію опредѣляются въ 147 милл. р.; чистый доходъ операціи выразится поэтому суммою въ 322 мил. р., которые и должны быть занесены въ счетъ рессурсовъ для государственныхъ надобностей. При подробномъ разсмотрѣніи этой статьи государственныхъ доходовъ было выяснено, что винная операція не приноситъ торговой прибыли, а крупный чистый отъ нея доходъ обусловливается высокими цѣнами вина, назначаемыми правительствомъ. Подъ видомъ даннаго дохода хозяйственнаго характера скрывается, слѣдовательно, обложеніе потребленія вина, и для выясненія вопроса о составѣ государственныхъ рессурсовъ опредѣленную выше сумму въ 322 мил. р. изъ Отдѣла правительственныхъ регалій слѣдуетъ перенести въ Отдѣлъ косвенныхъ налоговъ.

Послѣ всѣхъ этихъ измѣненій картина государственныхъ рессурсовъ въ началѣ текущаго столѣтія представится въ слѣдующемъ видѣ:

Прямые налоги:

	Мил. руб.	% отнош.
Позем., съ недвиж. им., подати	48,1	3,5
Госуд. промысл. налогъ . .	67,5	4,9
Сборъ съ доход. отъ денеж. кап.	17,5	1,3
Итого . .	133,1	9,7
Выкупные платежи. .	89,5	6,5

Косвенные налоги:

	Мил. руб.	% отнош.
Питейный (съ вин. моноп.) .	378,7	27,6
Сахарный	76,2	5,6
Табачный	46,7	3,4
Нефтяной	30,1	2,2
Спичечный	8,1	0,6
Таможенный	228,6	16,6
Итого . .	768,4	56,0

Пошлины:

	Мил. руб.	% отнош.
Гербов., судебн., канцел. и т. п.	45,4	3,3
Съ переходящихъ имуществъ .	23,9	1,7
Съ пасс. и грузов. б. ск. жел. дор.	15,7	1,1
Прочія	16,1	1,2
Итого . . .	101,1	7,3

Хозяйственные доходы (безъ винной монополіи):

	Мил. руб.	% отнош.
Почтово-телеграфный . . .	55,2	4,0
Оброчныя статьи	25,1	1,8
Лѣсной доходъ	59,9	4,3
Казенныя жел. дороги . . .	21,4	1,6
Казен. заводы и т. п. . . .	13,8	1,0
Казен. капиталы и бан. опер.	15,8	1,2
Участіе въ доход. частн. ж. д.	2,4	0,2
Прочіе	7,4	0,5
Итого . . .	200,1	14,6
Прочіе	81,5	5,9
Всего	1373,7	100

Изъ этой таблицы видно, что наканунѣ японской войны и послѣдовавшаго затѣмъ освободительнаго движенія рессурсы государственнаго казначейства состояли изъ ежегоднаго дохода не въ 1912 мил. р., какъ это значилось въ таблицѣ на стр. 12, а всего въ 1374 мил. р., и что въ этой суммѣ доходамъ налоговаго характера (прямые, косвенные налоги и пошлины) принадлежитъ больше милліарда рублей или 73%, а вмѣстѣ съ выкупными платежами около 80% всѣхъ доходовъ. Поступленія же отъ хозяйственныхъ предпріятій, въ первой таблицѣ превышавшія милліардъ рублей, снизошли до скромной цифры 200 мил. р., не достигая и 15% суммы государственныхъ рессурсовъ.

Самую видную роль въ составленіи этой послѣдней суммы играютъ косвенные налоги, приносящіе 768 мил. р. или 56% всѣхъ доходовъ. На первомъ планѣ въ этомъ отдѣлѣ росписи стоятъ питейные доходы, давшіе 379 мил. р. или болѣе $^1/_4$ части суммы государственныхъ доходовъ, и таможенные сборы, поступившіе въ суммѣ 229 мил. р. или 16,6%.

Всѣ продукты, обложенные государствомъ, составляютъ предметъ потребленія массы русскаго народа. Таможенныя пошлины уплачиваются въ главной ихъ массѣ тѣмъ же народомъ или въ цѣнѣ обложеннаго товара (чая, сельдей, земледѣльческихъ орудій и т. п.), или въ цѣнѣ продуктовъ,

сдѣланныхъ изъ обложеннаго матеріала (хлопка) и выработанныхъ при помощи обложенныхъ иностранныхъ машинъ и орудій. Благодаря таможенному обложенію иностранныхъ товаровъ, русское населеніе тратитъ гораздо больше того, что выражается суммою взысканныхъ пошлинъ, такъ какъ высокое обложеніе привозныхъ издѣлій позволяетъ русскимъ производителямъ держать на высокомъ уровнѣ цѣны мѣстныхъ фабрикантовъ. Но насъ теперь интересуетъ вопросъ объ участіи массы населенія въ составленіи суммы государственныхъ доходовъ, и на основаніи того, что было только что высказано, слѣдуетъ заключить, что и таможенныя пошлины, и поступленія другихъ видовъ косвенныхъ налоговъ въ наиглавнѣйшей ихъ части оплачиваются трудящимися массами населенія.

Относительно прямого обложенія и пошлинъ слѣдуетъ высказать иное заключеніе. Оставляя въ сторонѣ выкупные платежи, нынѣ отмѣненные, и останавливаясь на отдѣлѣ собственно прямыхъ налоговъ, замѣтимъ, что эта категорія государственныхъ доходовъ фигурируетъ въ нашей таблицѣ въ суммѣ 133 мил. р. и составляетъ около 10% общей суммы государственныхъ рессурсовъ. Половину этой суммы составляетъ поступленіе промысловаго налога, а $^1/_7$ часть—обложеніе дохода отъ денежныхъ капиталовъ. Тотъ и другой налогъ уплачивается, по преимуществу, имущими классами населенія. Малоимущія массы (преимущественно, земледѣльческая ихъ часть) принимаютъ видное участіе въ оплатѣ третьяго вида прямыхъ налоговъ (поземельныхъ, съ недвижимыхъ имуществъ и т. п.). Но эти налоги давали государственному казначейству всего 48 мил. р. или 3,5% общей суммы его доходовъ, и въ общемъ поэтому можно принимать, что, тогда какъ косвенные налоги лежатъ на плечахъ малоимущихъ классовъ общества, прямые налоги уплачиваются у насъ по преимуществу имущей частью населенія. При этомъ повторимъ еще разъ, что обложеніе потребленія (косвенные налоги) даетъ государственному казначейству больше половины его доходовъ, а прямые налоги—всего $^1/_{10}$.

Еще въ меньшей, вѣроятно, мѣрѣ неимущее населеніе Россіи участвуетъ въ составленіи отдѣла государственныхъ доходовъ, именуемаго пошлинами. Не говоря о томъ, что 24 мил. р. пошлинъ съ переходящихъ имуществъ почти цѣликомъ уплачиваются имущими классами, эти классы, главнымъ образомъ, участвуютъ и въ сдѣлкахъ, облагаемыхъ гербовымъ сборомъ, а этотъ послѣдній составляетъ около 40% поступленія всѣхъ пошлинъ. Въ 1901—03 гг. пошлины давали государственному казначейству 101 мил. р. въ годъ или 7,3% общей суммы государственныхъ рессурсовъ.

Общее заключеніе, вытекающее изъ бѣглаго разсмотрѣнія всей совокупности государственныхъ доходовъ Россіи наканунѣ революціоннаго періода можно формулировать такъ, что изъ суммы этихъ доходовъ въ 1373 мил. р.—200 мил. р. или 15% принадлежатъ хозяйственнымъ доходамъ государ-

ства, 90 мил. р. или 6,5% составляютъ нынѣ отмѣненные выкупные платежи крестьянъ, 768 мил. р. косвенныхъ налоговъ или 56% суммы государственныхъ доходовъ получается по преимуществу обложеніемъ малоимущихъ классовъ и 234 милл. р. (прямые налоги и пошлины)—обложеніемъ по преимуществу классовъ имущественныхъ. Если же ограничиться собственно налогами, составлявшими въ началѣ текущаго вѣка (безъ выкупныхъ платежей) съ небольшимъ милліардъ рублей, то поступленія косвенныхъ налоговъ окажутся входящими въ эту сумму 77%, а прямые налоги и пошлины—23%. Наша система финансовъ построена, слѣдовательно, на преимущественномъ обложеніи малоимущихъ классовъ общества.

Обыкновенные государственные расходы.

Изъ первой главы намъ извѣстно, что итоги государственной росписи и Отчетовъ государственнаго контроля подводятся не по предметамъ расходованія государственныхъ средствъ, а по вѣдомствамъ, выполняющимъ эти расходы, и что въ названныхъ документахъ не находится поэтому наглядной картины того, какія суммы тратятся на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ нуждъ. Въ самые послѣдніе годы обстоятельства, какъ мы знаемъ, измѣнились, и, начиная съ 1907 года,—на ряду съ группировкой свѣдѣній о государственныхъ расходахъ по министерствамъ—росписи будутъ заключать и ихъ классификацію по крупнымъ категоріямъ потребностей. Такая же группировка расходовъ (не вполнѣ совпадающая съ классификаціей министерства финансовъ) имѣется, впрочемъ, и для прошлаго времени. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ Михаилъ Кашкаровъ сдѣлалъ попытку распредѣлить (на основаніи Отчетовъ государственнаго контроля) государственные расходы, произведенные въ 1892 и въ 1901 гг., по главнѣйшимъ предметамъ ихъ назначенія, и хотя такая группировка матеріала не могла быть выполнена совершенно точно, но полученныя цифры достаточны для общей характеристики того, какъ расходовались народныя деньги 5 и 15 лѣтъ тому назадъ. Въ нижеслѣдующемъ намъ предстоитъ поэтому познакомить читателя съ двумя группировками данныхъ о государственныхъ расходахъ Россіи: группировкой по вѣдомствамъ, производящимъ эти расходы, и группировкой по предметамъ расходованія или по главнѣйшимъ государственнымъ потребностямъ. Остановимся сначала на первыхъ.

Какъ и по отношенію къ государственнымъ доходамъ, мы расмотримъ составъ расходнаго бюджета въ средній годъ трехлѣтія 1901—03 гг. Но наряду съ соотвѣтствующими данными въ нижеслѣдующей таблицѣ мы приводимъ и свѣдѣнія о госуд. расходахъ въ 1906 г. (послѣднемъ, для котораго имѣются отчеты госуд. контроля) и о смѣтныхъ предположеніяхъ на 1907 г., причемъ данныя контроля для 1906 г. подверглись нѣкоторой перегруппировкѣ для сравненія съ 1907 г., когда былъ измѣненъ составъ смѣтъ нѣкоторыхъ министерствъ. Бюджетъ мин. финансовъ показанъ въ таблицѣ безъ расходовъ на винную монополію, а бюджетъ мин. путей сообщенія—безъ расходовъ на казенныя желѣзныя дороги.

Выдѣленіе этихъ расходовъ мы считаемъ умѣстнымъ потому, что торговля виномъ и желѣзнодорожное хозяйство не принадлежатъ къ числу естественныхъ функцій государства, и расходуемыя на нихъ суммы покрываются не изъ общихъ государственныхъ рессурсовъ, а доходами отъ самихъ предпріятій. По этой причинѣ мы получимъ и болѣе правильное понятіе о сравнительномъ значеніи отдѣльныхъ частей нашего расходнаго бюджета, если въ соотвѣтствующихъ разсчетахъ совершенно устранимъ расходы по вышеназваннымъ хозяйственнымъ предпріятіямъ. Это сдѣлано въ графѣ таблицы подъ знакомъ II (см. таблицу на стр. 54).

Изъ этой таблицы видно, что нашъ расходный бюджетъ составлялъ въ началѣ текущаго вѣка 1783,3 мил. р. Наибольшія суммы его падаютъ на военное дѣло (25% общаго бюджета), на казенныя ж. д. (22%) и государственный кредитъ (16%). Три эти категоріи расходовъ поглощаютъ почти $^2/_3$ (63%) бюджета. Исключая изъ разсчета хозяйственныя предпріятія и получая, такимъ образомъ, сумму 1232,5 мил. р., точнѣе выражающую затрату государственныхъ средствъ на удовлетвореніе государственныхъ потребностей, мы увидимъ (гр. II), что военное дѣло (военное и морское министерства) поглощаетъ 36% расходуемыхъ суммъ, государственный кредитъ— 23%, а финансовыя вѣдомства (вмѣстѣ съ госуд. контролемъ) 15%. На три эти категоріи расходовъ идетъ почти $^3/_4$ государственныхъ тратъ. Изъ остальныхъ 26%—7.6% расходуется на министерство внутреннихъ дѣлъ и около 4%—на министерство юстиціи. Всѣ прочія функціи государства не берутъ полныхъ 15% его расходнаго бюджета!

Составъ государственнаго бюджета интересуетъ насъ, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія того, какія суммы расходуются на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ потребностей. Поэтому мы должны подробнѣе остановиться на тѣхъ подсчетахъ, въ коихъ государственные расходы распредѣлены не по вѣдомствамъ, а по предметамъ ихъ назначенія. Для дореволюціоннаго времени у насъ есть подсчеты Кашкарова. Для послѣднихъ двухъ лѣтъ—классификація государственной росписи. Подсчеты Кашкарова основаны на данныхъ о произведенныхъ расходахъ; они относятся

	Мил. р.	% отношеніе къ суммѣ:		1906 г.	1907 г.
		I	II	мил. руб.	
Императорскій Дворъ	15,5	0,9	1,3	16,5	16,4
Высшія Государ. учрежденія .	3,5	0,2	0,3	5,8	7,0
Вѣдомство Сунода	26,9	1,5	2,2	29,1	29,3
Минист. Внутр. Дѣлъ	94,3	5,3	7,6	136,5	138,4
» Военное	343,7	19,3	27,9	394,6	393,7
» Морское	102,5	5,7 (25,0)	8,3 (36,2)	111,6	81,0
» Юстиціи	47,8	2,7	3,9	53,5	53,4
» Иностран. Дѣлъ . . .	5,8	0,3	0,5	5,9	6,1
» Финансовъ [1])	178,0	10,0	14,4	190,0	197,5
Государствен. Контроль	7,7	0,4 (14,0)	0,6 (15,0)	9,6	9,6
Минист. Путей Сообщен.) .	37,7	2,1	3,1	32,1	31,4
Главн. Управл. торговли и промышленности	—	—	—	31,8[3])	31,6
Гл. Упр. Землеустр. и Землед.	45,5	2,6	3,7	35,7	45,8
Гл. Упр. Госуд. Коннозавод. .	1,9	0,1	0,1	1,8	1,8
Мин. Народн. Просв.	36,5	2,0	3,0	44,0	50,9
Винная монополія	158,1	8,9	—	178,3	217,1
Казенныя жел. дороги	392,7	22,0	—	442,1	471,5
Государств. кредитъ	285,2	16,0	23,1	356,9	380,7
На экстренныя надобности . .	—	—	—	—	10,0
I Итого . .	1783,3	100	—	2075,8	2172,2
II Безъ вин. мон. и каз. жел. д.	1232,5	—	100	1455,4	1474.6

[1]) Безъ винной монополіи.—[2]) Безъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ.—[3]) Вѣдомство учреждено въ 1906 г.

къ двумъ моментамъ, раздѣленнымъ девятилѣтнимъ промежуткомъ времени, и позволяютъ, поэтому, судить не только о стоимости различныхъ государственныхъ потребностей, но и о быстротѣ возрастанія расходовъ на каждую изъ нихъ. Классификація государственной росписи касается смѣтныхъ, а не дѣйствительно израсходованныхъ суммъ и относится къ 1906 и 1907 годамъ. Остановимся сначала на подсчетахъ Кашкарова [1]).

Подсчеты эти относятся къ 1892 и 1901 годамъ. Въ 1892 г. обыкновенные государственные расходы составили сумму въ 905 мил. р., въ 1901 г.—1674 мил. р. Для сужденія собственно о расходахъ, вызываемыхъ наличностью государственныхъ потребностей въ истинномъ смыслѣ этого слова, Кашкаровъ счелъ нужнымъ исключить изъ приведенныхъ суммъ издержки по двумъ главнымъ хозяйственнымъ предпріятіямъ государства: винной—монополіи и казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Послѣ того расходы собственно государственные для 1892 г. опредѣлились въ 846 мил., а для 1901 г.—въ 1140 мил. рублей. Кашкаровъ подвергъ переработкѣ данныя о 552 мил. р. или 65% общей суммы расходовъ для перваго года и о 802 мил. р. или 70% расходовъ второго года. Оставленная имъ въ сторонѣ сумма состоитъ, главнымъ образомъ, изъ расходовъ по системѣ государственнаго кредита: въ 1892 г. на этотъ предметъ истрачено 251 мил. р. или 30%, а въ 1901 г. 277 мил. р. или 24% общаго расхода. Учтенныя Кашкаровымъ суммы распредѣляются слѣдующимъ образомъ между главными потребностями государства (см. таблицу на стр. 56).

Изъ двухъ послѣднихъ графъ таблицъ видно, что исключительное положеніе по количеству поглощаемыхъ государственныхъ средствъ занимаетъ удовлетвореніе военныхъ потребностей, на которыя въ 1901 г. затрачивалось больше третьей части государственнаго бюджета. Слѣдующій за этимъ по величинѣ суммы расходъ — на народное образованіе — составляетъ лишь 5,7% бюджета, т.-е. $^1/_6$ часть того, что расходуется на флотъ и армію. Третье мѣсто по количеству затрачиваемыхъ средствъ занимаютъ управленіе финансами, поглощающее 4,8%, общее управленіе и полиція—4,3%, пенсіи, пособія и аренды—3,8%, почты, телеграфы и телефоны—3,1%, пути сообщенія—2,8% и юстиція—2,7% государственныхъ средствъ.

Уже изъ приведенныхъ данныхъ видно, что львиная доля ежегодныхъ государственныхъ тратъ имѣетъ въ виду поддержаніе внѣшней безопасности и внутренняго порядка, а на культурныя потребности народа затрачиваются сравнительно ничтожныя суммы. Такой характеръ нашего бюджета представится нагляднѣе, если образовать болѣе крупныя группы расходовъ изъ статей, сходныхъ по назначенію. Такъ, внѣшнія сношенія, армія и флотъ сообща преслѣдуютъ цѣли защиты страны отъ внѣшнихъ враговъ. Общее

[1]) Финансовые итоги послѣдняго десятилѣтія, т. II. Глава четвертая.

	1892 г.	1901 г.	Возрастаніе.		1892 г.	1901 г.	
	тысячъ руб.		тыс. р.	%	% отношеніе		
	1	2	3	4	5	6	
Потребности религіозныя . .	11771	16835	5064	42,2	1,4	1,5	
Высшія Государств. учрежденія	2865	3305	440	15,4	0,3	0,3	
Расходы Императ. Двора . . .	10568	12924	2356	22,3	1,2	1,1	
Внѣшнія сношенія	4707	5375	668	14,2	0,6	0,5	
Армія	33012	317572	84560	36,3	27,6	27,8	35,4
Флотъ	47038	86630	39592	84,1	5,6	7,6	
Управленіе финансами	31548	54913	23365	74,0	3,7	4,8	
» пром. и торговли .	868	4491	3623	417,2	0,1	0,4	
» гос. им. и земледѣл.	10562	15058	4496	42,6	1,3	1,3	
Общее управленіе и полиція .	36820	48859	12039	32,7	4,3	4,3	
Народное образованіе . . .	34734	65083	30349	87.4	4,1	5,7	
Юстиція	23836	30787	6951	29,1	2,8	2,7	
Почта, телегр., телефоны . . .	25434	35567	10133	39,8	3,0	3,1	
Народное здравіе	8461	10178	1717	20,3	1,0	0,9	
Пути сообщенія	17011	32087	15076	88,6	2,0	2,8	
Государственный контроль . .	4281	7113	2832	66,2	0,5	0,6	
Пенсіи, пособія, аренды . .	36407	43358	6951	19,1	4,3	3,8	
Тюрьмы и арестантск. часть .	11741	11975	231	2,0	1,4	1,1	
Итого	551664	802110	250446	45,4	65,2	70,34	
Система госуд. кредита .	251078	276550	25472	10,1	29,7	24,2	
прочіе . . .	43130	61684	18554	43,0	5,1	5,5	
ВСЕГО.	845872	1.140344	294472	34,8	100	100	

управленіе и полиція, юстиція, тюрьма и арестантская часть имѣютъ назначеніемъ поддержаніе внутренняго порядка и безопасности. Пенсіи, пособія и аренды, назначаемыя чиновникамъ, большинство которыхъ принадлежитъ къ перечисленнымъ категоріямъ службъ, является дополнительнымъ расходомъ того же характера.

Въ противоположность перечисленнымъ расходамъ, не дающимъ народу ничего положительнаго, а лишь преслѣдующимъ цѣль предупрежденія и пресѣченія внѣшнихъ и внутреннихъ опасностей, безпорядковъ и правонарушеній, расходы на народное образованіе, народное здравіе, пути сообщенія, почту, покровительство промышленности, торговлѣ и земледѣлію назначены для удовлетворенія реальныхъ нуждъ населенія и вносятъ въ его бытъ нѣчто положительное. Они естественно образуютъ особую категорію государственныхъ расходовъ.

Управленіе финансами и государственный контроль составляютъ опять особую группу органовъ, служащихъ одному дѣлу: снабженія государства денежными средствами для выполненія его функцій. Сюда же слѣдуетъ причислить и расходы по системѣ государственнаго кредита, состоящіе, главнымъ образомъ, изъ платежей процентовъ и погашеній капитала государственныхъ долговъ, заключенныхъ для пополненія государственной же казны. Отличіе этихъ расходовъ отъ текущихъ тратъ по финансовому вѣдомству и государственному контролю заключается лишь въ томъ, что послѣдніе означаютъ издержки взиманія текущихъ доходовъ, а первые являются расплатой за деньги, пріобрѣтенныя въ прежніе годы (см. таблицу на стр. 58).

Для большей наглядности выдѣлимъ итоги трехъ крупныхъ группъ государственныхъ потребностей.

	1892—1901 мил. руб.		1892—1901 % отн.	
I. Охрана безопасности и порядка	394	545	46,5	47,8
II. Культурныя потребности . . .	109	179	12,9	15,7
III. Доставленіе денежныхъ средствъ	287	338	33,9	29,7
Итого. .	790	1062	93,3	93,2

Эта маленькая табличка показываетъ, что 93% суммы государственнаго бюджета 1892 и 1901 г.г. принадлежитъ тремъ крупнымъ категоріямъ расходовъ, соотвѣтствующимъ крупнымъ категоріямъ государственныхъ потребностей: потребности безопасности и порядка, потребностямъ культурнаго быта народа и потребности государства въ денежныхъ средствахъ. Въ 1892 г. на первую категорію потребностей было израсходовано 46,5%, на вторую 12,9% и на третью 33,9% общей суммы государственныхъ рессурсовъ; черезъ 9 лѣтъ расходы на охрану безопасности и порядка поднялись до 47,8%, на потребности культуры увеличились до 15,7%, а на обезпеченіе государства денежными средствами — уменьшились до 29,7%.

	1892 г.	1901 г.	Возрастаніе.		1892 г.	1901 г.
	милл. руб.		мил. р.	% отн.	% отношеніе.	
	1	2	3	4	5	6
I. Охраненіе безопасности и порядка.						
1. Армія и флотъ	280,1	404,2	124,1	47,0	33,1	35,4
2. Внѣшнія сношенія	4,7	5,4	0,7	14,9	0,6	0,5
3. Общее управленіе, юстиція, полиція, тюремная часть .	72,4	91,6	19,2	26,7	8,5	8,1
4. Пенсіи, пособія, аренды . .	36,4	43,4	7,0	19,1	4,3	3,8
I. Итого . .	*393,6*	*544,6*	*151,0*	*38,4*	*46,5*	*47,8*
II. Удовлетвореніе потребностей культуры.						
5. Религіозныя нужды . . .	11,8	16,9	5,1	42,2	1,4	1,5
6. Народное образованіе . . .	34,7	65,1	30,4	87,4	4,0	5,7
7. Народное здравіе . . .	8,5	10,2	1,7	20,3	1,0	0,9
8. Сношенія и обращеніе товаровъ (почта, телегр., пути сообщенія) . . .	42,4	67,6	25,2	59,4	5,1	5,9
9. Промышлен. и торговля . .	0,9	4,5	3,6	417,2	0,1	0,4
10. Государ. Им. и земледѣліе .	10,6	15,1	4,5	42,6	1,3	1,3
II. Итого .	*108,9*	*179,4*	*70,5*	*64,6*	*12,9*	*15,7*
III. Долги, финансы, контроль	*286,9*	*338,6*	*51,7*	*18,0*	*33,9*	*29,7*
IV. Императорскій Дворъ . . .	*10,6*	*12,9*	*2,3*	*22,3*	*1,3*	*1,1*
V. Прочіе расходы	*45,9*	*64,9*	*19,0*	*41,3*	*5,4*	*5,7*
ВСЕГО	845,9	1140,4	294,5	34,8	100	100

Функція государства по обезпеченію его денежными средствами рѣзко отличается отъ всѣхъ прочихъ въ томъ отношеніи, что она не имѣетъ самостоятельнаго характера и выполняется лишь ради тѣхъ государственныхъ потребностей, для удовлетворенія коихъ нужны деньги. Для выясненія вопроса о сравнительномъ вниманіи, удѣляемомъ властью различнымъ потребностямъ государства, эту служебную функцію нужно поэтому оставить въ сторонѣ и разсмотрѣть распредѣленіе по категоріямъ потребностей лишь тѣхъ средствъ, которыя финансовое вѣдомство доставляетъ, какъ чистый доходъ отъ его операцій. А эти средства слагаются изъ валового государственнаго дохода за вычетомъ расходовъ по завѣдыванію финансами и по государственнымъ долгамъ, заключеннымъ съ фискальными же цѣлями. Въ 1892 г. такія средства составляли 560 мил. р., въ 1901 г. 802 мил. р. Эти средства распредѣлялись слѣдующимъ образомъ между крупными категоріями государственныхъ потребностей.

	1892—1901 мил. р.		Возрастаніе мил. р.	%	1892—1901 % отнош.	
Охрана безопасности и порядка. .	394	545	151	38,4	70,5	68,0
Культурныя потребности населенія.	109	179	70	64,6	19,6	22,3
Императорскій дворъ	11	13	2	22,3	1,7	1,6
Разныя	46	65	19	41,3	8,2	8,1
Итого .	560	802	242	43,2	100	100

Изъ этой таблички можно усмотрѣть, что наканунѣ послѣдняго освободительнаго движенія около 70% средствъ, доставлявшихся финансовымъ вѣдомствомъ для удовлетворенія государственныхъ потребностей, расходовалось на охраненіе безопасности и порядка, около 2% ассигновывалось на содержаніе императорской семьи, и лишь около 30% назначались на положительныя нужды населенія (если принять, что на эти, главнымъ образомъ, потребности расходуются и суммы, обнимаемыя терминомъ «разныя»). Разсмотримъ ближе составъ крупныхъ категорій расходовъ, ограничиваясь данными относительно послѣдняго, 1901 года (табл. на стр. 58 гр. 2 и 6).

Изъ 545 мил. рубл., израсходованныхъ въ этомъ году на обезпеченіе безопасности и порядка, 404 мил. р. или 35,4% всѣхъ государственныхъ расходовъ (составлявшихъ, какъ намъ извѣстно, безъ казенныхъ дорогъ и винной монополіи 1140 мил. р.) поглотило войско и 92 мил. р. или 8,1% ушло на охрану внутренняго порядка; 43 мил. р. или 3,8% бюджета, израсходованныхъ на пенсіи, пособія и аренды, въ большей части должны быть распредѣлены между тѣми-же категоріями потребностей.

Изъ 179 мил. р., истраченныхъ на опредѣленныя, такъ сказать, бытовыя потребности населенія, наибольшія суммы принадлежатъ расходамъ на сношенія и обращеніе товаровъ (67,6 м. р. или 5,9%), съ одной стороны,

и на народное образованіе (65 м. р., или 5,7%)—съ другой; но первая статья расхода имѣетъ въ виду столько же интересы охраны безопасности и порядка, сколько и удовлетвореніе естественныхъ потребностей культурной жизни, потому что необходимымъ условіемъ успѣшнаго дѣйствія власти въ случаяхъ военныхъ столкновеній съ другими правительствами и при поддержаніи порядка внутри страны является пользованіе въ широкихъ размѣрахъ почтою, телеграфомъ и желѣзными дорогами для быстраго передвиженія изъ однихъ мѣстъ въ другія крупныхъ военныхъ массъ. Эти соображенія играли не послѣднюю роль въ рѣшеніи правительства покровительствовать возможно быстрому сооруженію у насъ рельсовой сѣти, причемъ милліардныя суммы затрачены на это изъ суммъ, собранныхъ съ населенія.

Государственный расходъ на народное образованіе требуетъ также нѣкоторыхъ разъясненій. Сумма его—65 м. р.—не относится исключительно къ затратамъ на общее или спеціальное образованіе народа. Кромѣ 33,5 мил. рубл. бюджета министерства народнаго просвѣщенія и суммъ, ассигнуемыхъ на спеціальныя училища министерствомъ финансовъ, земледѣлія и на медицинскую академію военнымъ вѣдомствомъ, въ данный итогъ включены еще 10 мил. р., израсходованныхъ военнымъ и морскимъ министерствами для приготовленія офицеровъ, и 3 мил. рубл., истраченныхъ синодомъ на подготовленіе духовенства. Эти долги расходовъ съ такимъ-же правомъ могли-бы фигурировать въ составѣ бюджета на охрану безопасности и порядка и на удовлетвореніе религіозныхъ потребностей общества.

За разсмотрѣнными статьями расходовъ, удовлетворяющихъ потребностямъ народнаго быта, по суммѣ издержекъ слѣдуютъ расходы на религіозныя нужды населенія, на которыя въ 1901 г. было издержано около 17 мил. р., или 1,5% всего бюджета. Изъ нихъ 12 мил. рубл. идутъ на содержаніе городского и сельскаго духовенства и 4—5 мил. р. на прочіе расходы вѣдомства синода. Всякому извѣстно, что эти расходы не избавляютъ населеніе отъ необходимости затратъ на религіозныя требы. Слѣдующая статья расходовъ данной категоріи—по вѣдомству земледѣлія и государственныхъ имуществъ—равняется 15 мил. р. или 1,3% всего бюджета. Но львиная доля этого расхода относится къ завѣдыванію государственными имуществами,—составляющими видную доходную для казны статью. На мѣры-же воспособленія земледѣльческому промыслу въ нашей земледѣльческой странѣ въ 1901 г. было израсходовано какихъ-нибудь два милліона рублей, что составляетъ около 0,2% расходнаго бюджета.

На удовлетвореніе остальныхъ потребностей народнаго быта въ 1901 г. расходовались также ничтожныя суммы: на содѣйствіе промышленности и торговлѣ 4,5 мил. р. или 0.4% и на народное здравіе 10,2 мил. р. или 0,9% государственнаго бюджета. Значеніе послѣдняго расхода покажется еще ниже, если принять во вниманіе, что въ эту статью вошли расходы на медицинскую часть всѣхъ вѣдомствъ, въ томъ числѣ военнаго въ суммѣ

3,5 мил. р. и тюремнаго въ суммѣ одного милліона рублей; и, если выдѣлить эти суммы, то на охраненіе народнаго здравія собственно 135 милліоннаго населенія Россіи правительство оказывается затрачивающимъ какіенибудь 5—6 милліоновъ рублей, т.-е. около $^1/_2$% своего расходнаго бюджета; да и эти суммы расходуются почти исключительно на содержаніе административныхъ учрежденій и врачебно-полицейскаго надзора.

Детальное разсмотрѣніе расходовъ государства на удовлетвореніе культурныхъ потребностей общества показываетъ, слѣдовательно, что дѣйствительный расходъ на соотвѣтствующіе предметы ниже суммъ, исчисленныхъ Кашкаровымъ, и что извѣстную долю показанныхъ имъ расходовъ этой категоріи слѣдуетъ перенести въ отдѣлъ расходовъ по охранѣ безопасности и порядка.

Та-же таблица (стр. 58, гр. 3 и 4) допускаетъ сравненіе того, какъ возросли въ теченіе 1892—1901 г.г. расходы на отдѣльныя нужды государства. Весь расходный бюджетъ увеличился за то время на 295 мил. р. или на 35%, причемъ расходы на охраненіе безопасности и порядка поглотили 151 мил. р. или больше половины прибавочнаго расхода, а расходы по добыванію средствъ—52 мил. р., т.-е. 17%. Расходы на удовлетвореніе культурныхъ потребностей населенія увеличились на 70 мил. р., что составляетъ 23% общаго приращенія бюджета. Если-же возрастаніе расходовъ по отдѣльнымъ потребностямъ относить не къ общей суммѣ увеличенія бюджета, а къ расходамъ на тѣ-же потребности вначалѣ разсматриваемаго періода (въ 1892 г.), то окажется, что наибольшее возрастаніе расходовъ—на 64,6%—имѣло мѣсто въ группѣ культурныхъ потребностей; наименьшее—въ дѣлѣ добыванія денежныхъ средствъ (на 18%) и среднее—въ группѣ по охраненію безопасности и порядка (на 38%). Изъ сказаннаго, однако, не слѣдуетъ заключать, что эти показатели возрастанія суммъ, расходуемыхъ на различныя государственныя нужды, могутъ служить показателями и интереса правительства къ развитію тѣхъ или другихъ народныхъ потребностей. Никто не сомнѣвается, напр., въ томъ, что русское правительство, какъ и всякое другое, всего болѣе заботится о постановкѣ на надлежащую высоту средствъ обороны государства отъ внѣшнихъ враговъ; и доказательствомъ сказаннаго служитъ фактъ расходованія на этотъ предметъ болѣе $^1/_3$ части суммъ, ассигнуемыхъ на государственныя нужды. На улучшеніе этого отдѣла затрачено цѣлыхъ 43% (124 м. р.) той суммы (295 м. р.), какою выражается увеличеніе государственныхъ расходовъ съ 1892 по 1901 годъ; между тѣмъ, какъ, напр., на развитіе народнаго образованія къ бюджету 1892 г. прибавлено 30 м. р. или 10%, а на покровительство промышленности и торговли—3,6 м. р. или 1,2% общаго возрастанія расходовъ. Если же отнести 124 м. р. возрастанія расходовъ на оборону къ первоначальной суммѣ расходовъ на эту потребность (280 м. р.), то окажется, что затраты государственнаго казначейства по

данной статьѣ съ 1892 по 1901 г. возросли на 47%, расходы-же на народное образованіе увеличились на 87%, расходы на покровительство промышленности и торговлѣ—на цѣлыхъ 417%. Нельзя изъ этихъ цифръ выводить заключенія, что успѣхами промышленности и торговли правительство интересуется въ десять разъ болѣе, чѣмъ успѣхами государственной обороны. Рѣзкое различіе процентнаго отношенія прироста расходовъ къ первоначальной суммѣ затратъ на удовлетвореніе различныхъ потребностей обусловливается рѣзкой разницей въ суммѣ этихъ послѣднихъ затратъ. Увеличеніе въ 4 раза расходовъ на покровительство промышленности и торговлѣ свидѣтельствуетъ не объ особенно живомъ интересѣ власти къ этому предмету, а о ничтожности суммы (всего 900 тыс. р.), затрачивавшейся по этой важной статьѣ въ прежнее время.

Послѣ этихъ необходимыхъ разъясненій будемъ продолжать разсмотрѣніе того, какъ возрастали съ 1892 по 1901 г. расходы по различнымъ статьямъ государственнаго бюджета. Въ процентномъ отношеніи къ суммѣ первоначальнаго расхода всего болѣе увеличился, какъ мы видѣли, расходъ на учрежденіе, вѣдающее промышленность и торговлю, на которыя въ 1892 г. тратилась ничтожная сумма въ 900 тыс. р. За этой статьей слѣдуетъ народное образованіе, бюджетъ котораго поднялся на 87%. Изъ 30 мил. р. приращенія этого бюджета лишь 12 мил. р. относятся на долю министерства, спеціально вѣдающаго дѣло просвѣщенія; около 8 мил. р. составляетъ усиленіе средствъ духовнаго вѣдомства, открывающаго плохо отвѣчающія нуждамъ просвѣщенія церковно-приходскія школы, и 4 мил. р.—возрастаніе расходовъ на учебныя заведенія по части промышленности и торговли.

Третье мѣсто въ скалѣ процентнаго возрастанія расходовъ принадлежитъ расходамъ на почту, телеграфъ и пути сообщенія, возросшимъ на 25 мил. р. или на 59%. И только за этой статьей слѣдуютъ расходы на оборону государства, увеличившіеся на 124 мил. р., или на 47%. Близко къ нимъ по суммѣ процентнаго возрастанія стоятъ расходы на государ. имущества и земледѣліе и на религіозныя нужды народа; по той и другой статьѣ въ 1901 г. расходовалось приблизительно на 5 мил. р. или на 42% болѣе того, что тратилось въ 1892 г. Наименьшими цифрами характеризуются возрастанія расходовъ на народное здравіе (1,7 м. р. или 20,3%), пенсіи, пособія и аренды (7 м. р.—19%), и др. 52-хъ милліонное приращеніе расходовъ по добыванію денежныхъ средствъ въ отношеніи къ расходу въ 1892 г. выражается всего въ 18%.

Разсмотримъ теперь, въ какомъ видѣ рисуются затраты госуд. казначейства на удовлетвореніе различныхъ государственныхъ потребностей согласно классификаціи министерства финансовъ. Въ этой классификаціи госуд. расходы распредѣлены на девять отдѣловъ, отвѣчающихъ крупнымъ подраздѣленіямъ потребностей; а отдѣлы раздѣлены, въ свою очередь, на части, соотвѣтственно болѣе мелкимъ подраздѣленіямъ государственныхъ нуждъ.

Нѣкоторыя изъ этихъ мелкихъ подраздѣленій встрѣчаются въ нѣсколькихъ крупныхъ отдѣлахъ; другія-же присущи лишь одному отдѣлу. Расходы на управленіе и просвѣщеніе, напр., мы встрѣтимъ въ отдѣлахъ: церковное управленіе, гражданское управленіе и оборона государства; расходы на духовенство въ отдѣлахъ: церковное управленіе и оборона государства (содержаніе духовенства при воинскихъ частяхъ и учрежденіяхъ); расходы на судъ и тюремную часть, на медицинское дѣло—въ отдѣлахъ: гражданское управленіе и оборона государства.

Важный отдѣлъ, гражданское управленіе, обнимающій расходы всѣхъ гражданскихъ вѣдомствъ, раздѣляется на 13 частей, содержаніе коихъ явствуетъ изъ ихъ наименованій (смотри ниже). Общіе расходы по управленію, т.-е. содержаніе центральной и мѣстной администраціи всѣхъ частей каждаго вѣдомства, выдѣлены особо; а въ рубрики расходовъ, напр., на просвѣщеніе, полицію и т. д. заносятся лишь суммы, непосредственно расходуемыя на данное дѣло. Вслѣдствіе указанной системы составленія таблицы расходы на какую-либо государственную потребность въ классификаціи министерства финансовъ не могутъ быть сравниваемы съ расходами, исчисленными Кашкаровымъ, заносившимъ въ соотвѣтствующую статью не только суммы, расходуемыя непосредственно на данное дѣло, но и расходы на содержаніе центральной и мѣстной администраціи соотвѣтствующаго вѣдомства.

Въ проектѣ росписи на 1907 г. расходы на различные отдѣлы государственныхъ потребностей рисуются въ слѣдующемъ видѣ:

	1		2	3
Императорскій Дворъ	16,4	мил. р.	0,8%	1,1%
Высшія государ. учрежденія. . .	8,6	» »	0,4 »	0,6 »
Церковное управленіе и духовен. .	31,2	» »	1,4 »	2,1 »
Гражданское управленіе	461,4	» »	21,3 »	31,7 »
Оборона государства	457,4	» »	21,0 »	31,5 »
Государственные займы	380,7	» »	17,5 »	26,3 »
Пенсіи и аренды	87,3	» »	4,0 »	6,0 »
Хозяйственныя операціи	718,2	» »	33,1 »	— »
На экстренныя надобности. . . .	10,0	» »	0,5 »	0,7 »
I Всего	2171,2	» »	100 »	— »
II Безъ хозяйственныхъ операцій .	1453,0	» »	— »	100 »

Разсмотрѣніе гр. 1 и 2 этой таблицы показываетъ, что изъ болѣе чѣмъ двухмилліарднаго нашего бюджета 457 мил. р. или 21% расходуется на оборону государства. Это отношеніе военныхъ расходовъ къ суммѣ всѣхъ государственныхъ тратъ не обрисовываетъ, однако, въ истинномъ свѣтѣ тяжести нашего военнаго бюджета. Для точнаго учета бремени послѣдняго

расходы на оборону надлежитъ сличать не со всѣми тратами государственнаго казначейства, а съ суммою расходовъ на удовлетвореніе собственно государственныхъ потребностей. Къ этой же категоріи издержекъ нельзя отнести 718 мил. руб., расходуемыхъ на хозяйственныя предпріятія и покрываемыхъ не изъ спеціально государственныхъ средствъ, а изъ доходовъ самихъ предпріятій. По исключеніи-же изъ бюджета этой суммы, расходы государства понизятся до 1453 мил. р., и 457 м. р., затрачиваемыхъ на оборону, составятъ уже (гр. 3) почти $^1/_3$ часть (31,5%) этихъ расходовъ. Затраты на военное дѣло обнимаются, однако, не одной лишь статьей «Оборона Государства». Какъ это мы узнаемъ позже, большая часть нашихъ государственныхъ займовъ заключена для надобностей военнаго же дѣла; поэтому къ расходамъ обороны слѣдуетъ причислить и большую половину обязательствъ по системѣ государственнаго кредита, составляющихъ 381 мил. р или 26% всѣхъ расходовъ. Въ такомъ случаѣ расходы на такъ наз. оборону страны составятъ около половины нашего государственнаго бюджета. Послѣдняя война показала, насколько эти непосильныя жертвы русскаго народа на алтарь военнаго дѣла можно считать производительными хотябы въ томъ смыслѣ, что ими обезпечивается неприкосновенность границъ нашего отечества!

Жертвы-же эти поистинѣ велики, потому что, не считая даже процентовъ и погашенія по государственнымъ долгамъ, на одну лишь защиту государства отъ внѣшнихъ враговъ расходуется такая-же сумма, какъ и на всѣ мѣропріятія по внутреннему благоустройству страны. Разсмотримъ ближе послѣднюю категорію государственныхъ расходовъ, фигурирующую въ нашей табличкѣ подъ именемъ «Гражданское Управленіе».

Гражданское управленіе, обнимающее всѣ вѣдомства, кромѣ Сѵнода, поглощаетъ, какъ сказано, такую же сумму государственныхъ средствъ, какъ одна оборона государства, а именно 461 мил. р. или 3,7% общаго бюджета. Въ составѣ этой суммы прежде всего обращаютъ на себя вниманіе общіе расходы управленія, т.-е. расходы не на непосредственное выполненіе даннаго дѣла, а на общее завѣдываніе, распоряженіе и надзоръ, расходы на чиновниковъ, переполняющихъ канцеляріи центральныхъ и мѣстныхъ нашихъ административныхъ учрежденій. Содержаніе этихъ учрежденій требовало въ 1907 г. расхода въ 136 мил. р., что составляетъ 29% суммы, назначенной на все гражданское управленіе, и 9,3% суммы всѣхъ государственныхъ расходовъ (не считая операцій хозяйственныхъ предпріятій). Остальные 325 мил. р., входящіе въ составъ даннаго Отдѣла государственныхъ потребностей, расходуются непосредственно на удовлетвореніе различныхъ нуждъ. Въ какомъ-же порядкѣ располагаются эти расходы; какія потребности привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе учрежденій, распоряжающихся государственными рессурсами?

На первый планъ въ области внутренняго благоустройства выдвинуты

предметы полицейскаго порядка: на содержаніе полиціи назначено 65 мил. р., что составляетъ 14% суммы, ассигнованной на все гражданское управленіе, и 4,4% всѣхъ государственныхъ расходовъ. Той-же цѣли поддержанія внутренняго порядка служитъ и расходъ на суды и тюрьмы, въ суммѣ 47 мил. р., т.-е. $^1/_{10}$ доли средствъ, назначенныхъ на гражданское управленіе, и 3,2% суммы всѣхъ государственныхъ расходовъ. На эти отрасли дѣятельности, имѣющія назначеніемъ поддержаніе внутренняго порядка, расходуется, слѣдовательно, 112 мил. р. или 7,6% суммы государственнаго бюджета. Нѣсколько менѣе, а именно 100 мил. р. или 7% государственнаго бюджета назначается на содержаніе средствъ сообщенія: путей сообщенія, почты, телеграфа и т. п. И уже за этимъ слѣдуетъ народное просвѣщеніе (школы, науки, искусство), на которое предполагается израсходовать 51 мил. р., что составляетъ 11% суммы средствъ, затрачиваемыхъ на гражданское управленіе, и 3,5% суммы всего государственнаго бюджета. Если-же присоединить сюда расходы на просвѣщеніе военнаго и духовнаго вѣдомствъ, то сумма государственныхъ средствъ, удѣляемыхъ на эту важнѣйшую потребность культурнаго быта, подымется до 77,5 мил. р. и будетъ составлять 5,3% суммы государственныхъ расходовъ. Четвертую категорію средствъ внутренняго благоустройства составляютъ мѣры воспособленія земледѣлію, землеустройству, промышленности и торговлѣ. На всѣ эти статьи назначено лишь 23,3 мил. р. (1,6% суммы государственнаго бюджета), причемъ земледѣліе и землеустройство беретъ 19 мил. р. (1,3%), а на воспособленіе промышленности и торговлѣ остается 4,2 мил. р. или 0,3% суммы государственнаго бюджета. Еще ничтожнѣе суммы, затрачиваемыя государствомъ на медицинское дѣло: для медицинской части отдѣляется около 3 мил. р. или 0,2%, а на ветеринарное дѣло около 2 мил. р. или 0,13% суммы государственнаго бюджета.

Соединяя воедино расходы на культурныя потребности страны (средства сношенія, народное образованіе, медицина, воспособленіе хозяйственной дѣятельности населенія), включая въ это число и расходы на просвѣщеніе военнаго и духовнаго вѣдомствъ, мы увидимъ, что изъ полуторамилліардnаго почти бюджета текущаго года на удовлетвореніе всѣхъ этихъ потребностей назначено съ небольшимъ 200 мил. руб. или $^1/_7$ часть бюджета. Присоединяя же сюда половину расходовъ по системѣ государственнаго кредита, падающую на займы, заключенные для производительныхъ цѣлей (для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, для выкупной операціи), мы подымемъ эту сумму почти до 400 мил. р. или до 27,5% всѣхъ государственныхъ тратъ. Остальные 72% расходнаго бюджета государства идутъ главнымъ образомъ на военное дѣло (443 мил. р. или 30,5%), на содержаніе канцелярій многочисленныхъ гражданскихъ вѣдомствъ (136 мил. р.—9,3%), на поддержаніе внутренняго порядка (112 мил. р.—7,6%), на уплату процентовъ и погашенія по займамъ, заключеннымъ для военнаго дѣла

(190 мил. р.—13,1%). Эти четыре категоріи расходовъ, обнимающія 880 мил. р. или 60% расходнаго бюджета, почти цѣликомъ могутъ быть причислены къ расходамъ на поддержаніе учрежденій и лицъ, пекущихся о внѣшней безопасности и внутреннемъ порядкѣ государства, съ одной стороны, и о пріисканіи средствъ для поддержанія сего—съ другой. Той же цѣли поддержанія порядка служатъ и многіе расходы, включенные въ отдѣлы, предназначенные для удовлетворенія культурныхъ потребностей страны (расходы на желѣзныя дороги, почту, телеграфъ, учебныя заведенія военнаго вѣдомства и т. п)..

Принявъ это во вниманіе, мы можемъ высказать заключеніе, что картина распредѣленія государственныхъ расходовъ на различныя потребности, рисуемая разсчетами Кашкарова и министерства финансовъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ тому представленію объ отживающемъ нашемъ государственномъ строѣ, какъ строѣ полицейскомъ, какое составилось о немъ у всѣхъ образованныхъ людей.

Исторія государственнаго долга.—Дореформенный періодъ.

Въ суммѣ текущихъ расходовъ нашего правительства крупную роль играетъ расходъ по системѣ государственнаго кредита. Расходъ этотъ увеличивается изъ года въ годъ и съ 1901 по 1907 годы поднялся почти на $^2/_5$. Наличность такого расхода служитъ доказательствомъ того, что текущія средства государственнаго казначейства недостаточны для покрытія всѣхъ государственныхъ тратъ, и для пополненія рессурсовъ правительство обращается къ займамъ. Сумма ежегодныхъ платежей—процентовъ и погашеній—по этимъ послѣднимъ, составляющая нынѣ ок. 400 мил. руб., образовалась путемъ постепеннаго накопленія государственнаго долга; уясненіе этой статьи расхода невозможно поэтому безъ знакомства съ исторіей послѣдняго.

По простому здравому смыслу слѣдовало-бы ожидать, что, при обычномъ теченіи дѣлъ, государственные расходы будутъ покрываться текущими доходами, и необходимость обращенія къ экстреннымъ рессурсамъ будетъ испытываться лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, каковыми въ исторіи всѣхъ народовъ до сихъ поръ являлись, главнымъ образомъ, обстоятельства военнаго времени. Исторія русскихъ финансовъ опровергаетъ, однако, такое разсужденіе. Начиная, по крайней мѣрѣ, съ момента образованія московскаго государства, русское правительство постоянно нуждалось въ деньгахъ и напрягало до-нельзя платежныя силы населенія. Не забы-

раясь далеко вглубь вѣковъ, ограничиваясь временемъ, для котораго имѣются болѣе или менѣе точныя данныя, мы увидимъ, что, въ противность ожиданію, диктуемому простымъ здравымъ смысломъ, обычнымъ состояніемъ нашего бюджета въ теченіе слишкомъ сотни лѣтъ было повторяющееся почти изъ года въ годъ нарушеніе равновѣсія между расходами и доходами и образованіе болѣе или менѣе значительнаго дефицита.

Въ теченіе 35-лѣтняго царствованія Екатерины II сумма госуд. расходовъ превысила сумму доходовъ на 200 мил. р. Ни одинъ годъ царствованія Александра I не закончился безъ дефицита, а за всѣ 25 лѣтъ его правленія дефициты составили сумму въ милліардъ слишкомъ рублей ассигнаціями или 300 мил. р. с., что соотвѣтствуетъ въ среднемъ ежегодной недостачѣ доходовъ въ 12 м. р. Въ первыя 8 лѣтъ царствованія Николая I, при талантливомъ и осторожномъ министрѣ финансовъ, Канкринѣ, дефициты составили 21 м. р. с. или въ среднемъ ок. 3 м. р. въ годъ. Но уже въ слѣдующія 10 лѣтъ этого министерства, вслѣдствіе содержанія арміи въ боевой готовности въ Польшѣ и на Кавказѣ, недостатокъ госуд. доходовъ опредѣлился въ среднемъ въ 10 мил. р. въ годъ; а въ послѣднія 11 лѣтъ царствованія Николая, уже при другихъ министрахъ финансовъ, дефицитъ достигъ почти полумилліарда рублей, что соотвѣтствуетъ недостатку дохода въ среднемъ въ 45 м. р. въ годъ или въ 16% бюджета!

Плоды Николаевской политики пожалъ слѣдующій царь, которому вмѣстѣ съ престоломъ досталась и крымская война. Вслѣдствіе этого дефицитъ первыхъ шести лѣтъ новаго царствованія поднялся до 620 мил. р., что соотвѣтствуетъ среднему ежегодному недостатку доходовъ въ 100 слишкомъ милліоновъ рублей. Освободительныя реформы Александра II подняли платежныя силы населенія и повели къ увеличенію государственныхъ доходовъ, и хотя текущіе расходы государства, вслѣдствіе проведенія реформъ, увеличились, но дефициты стали сокращаться, а съ 1870 г. исчезли совершенно (мы не считаемъ здѣсь расхода на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, производившагося изъ спеціальныхъ средствъ и имѣвшаго спеціальное обезпеченіе). Турецкая война разрушила это сравнительное благополучіе русскихъ финансовъ и за время 1876—1880 гг. недостатокъ обыкновенныхъ доходовъ составилъ огромную сумму 1130 мил. р. Всего же въ царствованіе Александра II расходы превысили доходы на два милліарда рублей, и средній годовой недостатокъ доходовъ опредѣляется въ 77 мил. р.

Сведеніе государственнаго бюджета съ дефицитами продолжалось и въ первыя семь лѣтъ царствованія Александра III, но общая сумма дефицита составила въ это время всего 200 мил. р. или около 30 мил. р. въ годъ. Послѣ того дефициты исчезли изъ нашего бюджета и замѣнились избыткомъ доходовъ.

Итакъ, въ теченіе первыхъ 87 лѣтъ истекшаго столѣтія обыкновенные доходы русскаго государства составили сумму 24, а расходы превысили

27 милліардовъ рублей, т.-е. были на 3 милліарда рублей болѣе. Средній ежегодный дефицитъ опредѣляется, такимъ образомъ, въ 35 мил. р. Только шесть лѣтъ этого длиннаго періода не знали дефицита.

Если задаться вопросомъ, чѣмъ, главнымъ образомъ, обусловливалось несоотвѣтствіе доходовъ и расходовъ русскаго государства, то уже изъ вышеприведенныхъ указаній слѣдуетъ заключить, что причину этого несоотвѣтствія нужно искать въ военныхъ обстоятельствахъ. Въ этомъ заключеніи нѣтъ ничего исключительнаго. Всѣ цивилизованныя государства имѣютъ крупные долги, и послѣдніе образовались, главнымъ образомъ, по военнымъ дѣламъ. Не совсѣмъ обычнымъ слѣдуетъ, однако, считать тотъ фактъ, что недостатокъ доходовъ русскаго государства ощущался не только въ военное, а и въ мирное время, и что, несмотря на полную власть правительства въ дѣлѣ обложенія населенія и взысканія податей, получаемыя имъ средства оказывались недостаточными для покрытія текущихъ нуждъ. Бремя государственныхъ расходовъ, очевидно, не соотвѣтствовало производительнымъ средствамъ страны.

Причины такого несоотвѣтствія доходовъ и расходовъ государства кроются отчасти въ порядкахъ нашего государственнаго управленія, открывавшихъ полную возможность непроизводительнаго расходованія государственныхъ средствъ по капризамъ и фантазіямъ правителей и благопріятствовавшихъ широкому распространенію казнокрадства и хищеній. Въ этомъ отношеніи Россія раздѣляетъ судьбу всѣхъ государствъ, переживавшихъ ту же ступень политическаго развитія. «До сихъ поръ финансовая исторія не могла представить такихъ примѣровъ, чтобы финансы абсолютной монархіи находились не то, чтобы въ цвѣтущемъ состояніи, а просто въ порядкѣ. Такой изумительный фактъ находитъ себѣ простое объясненіе въ томъ, что деньги любятъ счетъ и отчетъ. Въ абсолютной же монархіи контроль не можетъ быть поставленъ такъ, чтобы онъ воистину былъ контролемъ» *).

Но, помимо этой причины, общей для Россіи съ другими цивилизованными государствами, имѣются обстоятельства, усугубляющія тяжесть финансоваго бремени, лежащаго на плечахъ именно русскаго народа, и заключаются они въ историческихъ условіяхъ развитія русскаго государства и русской гражданственности. Не останавливаясь сколько-нибудь подробно на этомъ предметѣ, мы напомнимъ читателю лишь тотъ фактъ, что въ періодъ сложенія русскаго государства нашей странѣ приходилось вести жестокія войны съ сосѣдями и содержать армію на уровнѣ, на какомъ она находилась у ея враговъ. Врагами ея съ Запада были народы, далеко ушедшіе впередъ въ культурномъ отношеніи и пользовавшіеся средствами науки и развитой мѣстной промышленности для усовершенствованія военной

*) Боголѣповъ, «Финансы, правительство и общественные интересы», стр. 61.

техники. Эти усовершенствованія, стоящія дорого, должно было перенимать и русское, правительство, невзирая на бѣдность и некультурность народа; и такое противорѣчіе между задачами государственнаго управленія, приноравливающагося къ образцамъ высококультурныхъ и сравнительно богатыхъ странъ, и матеріальными средствами бѣдной и отсталой націи выражалось постоянными финансовыми затрудненіями правительства. Расходы военнаго вѣдомства въ московскомъ государствѣ поглощали половину государственныхъ доходовъ; при Петрѣ I они составляли отъ $^2/_3$ до $^4/_5$ бюджета, въ началѣ царствованія Екатерины II на войско расходовалось $^2/_3$ суммы обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ (исключая издержки по собиранію послѣднихъ), а въ теченіе 23 лѣтъ царствованія Александра I—60%.

Для покрытія дефицитовъ правительство прибѣгало къ различнымъ средствамъ. Оно возвышало постоянные налоги, обращало въ свою пользу доходы отъ нѣкоторыхъ отраслей народнаго хозяйства, вводило временные военные налоги, которые затѣмъ сплошь-и-рядомъ обращались въ постоянные, прибѣгало къ выпуску низкопробной монеты, чеканка которой сдѣлалась правительственной регаліей въ концѣ XVI вѣка, и, наконецъ, стало выпускать бумажныя деньги и прибѣгать къ займамъ.

Первая мысль о пополненіи государственной казны путемъ выпуска бумажныхъ денегъ принадлежала вѣчно нуждавшемуся въ деньгахъ Петру I, слыхавшему кое-что объ операціяхъ Джона Ло во Франціи. Та-же мысль мелькала и въ правительствѣ Елизаветы Петровны; но первый шагъ къ практическому ея выполненію, не осуществившійся за смертью государя, сдѣланъ былъ въ правленіе Петра III. Мотивомъ предполагавшагося въ это время выпуска банковыхъ билетовъ были не одни фискальныя соображенія; принимались также во вниманіе, и особенно выставлялись на видъ, неудобства для торговли отъ того, что въ обращеніи находилась лишь тяжеловѣсная мѣдная монета. Правда, еще при Елизаветѣ Петровнѣ введены были казенные векселя, путемъ коихъ торговцы получали возможность внести опредѣленную сумму въ магистратъ одного города и по выданному векселю получить ее обратно въ другомъ. Но неудобства мѣдно-металлическаго обращенія этой мѣрой ослаблялись лишь въ незначительной степени; и для полнаго устраненія этихъ неудобствъ нужно было предоставить всему населенію замѣнять по желанію металлическую монету бумажными билетами. Такая реформа была осуществлена при Екатеринѣ II, и поводомъ къ ней служило затрудненіе въ денежныхъ средствахъ при началѣ войны съ Турціей.

Въ 1769 г. въ Петербургѣ и Москвѣ учреждены были государственные банки съ капиталомъ въ 3 милл. р. металлическою монетою, и на нихъ возложенъ былъ выпускъ ассигнацій, рубль за рубль обезпечивавшихся металлическими деньгами. Удобство бумажныхъ денегъ сравнительно съ мѣдною монетою было скоро оцѣнено публикой, ассигнаціи охотно при-

нимались населеніемъ, и ихъ курсъ стоялъ даже выше металлической монеты. Это обстоятельство прельстило правительство поспѣшить воспользоваться бумажными деньгами уже для покрытія государственныхъ расходовъ и къ концу царствованія Екатерины въ обращеніи находилось уже 157 милл. ассигнаціонныхъ рублей, изъ коихъ лишь 17 милл. руб. были выданы въ ссуду и въ обмѣнъ на мѣдную монету, а 140 милл. р. истрачено на государственныя нужды.

Въ томъ-же году, когда были выпущены первыя ассигнаціи, были заключены и первые наши заграничные займы. Въ прежнія времена Россія не могла разсчитывать на заключеніе внутреннихъ или внѣшнихъ государственныхъ займовъ потому, что при господствѣ натуральнаго быта и слабомъ распространеніи крупной торговли населеніе нашей страны было бѣдно деньгами, и что положеніе дѣлъ въ нашемъ отечествѣ не внушало иностранцамъ довѣрія къ кредитоспособности этой полуазіатской страны. Къ концу XVIII вѣка положеніе измѣнилось. Россія болѣе и болѣе принимала внѣшнія европейскія формы, привела въ нѣкоторый порядокъ финансы, а успѣшнымъ окончаніемъ многочисленныхъ войнъ завоевала репутацію одной изъ могущественнѣйшихъ державъ. Престолъ въ концѣ XVIII вѣка занимала въ Россіи императрица, считавшаяся въ Европѣ одною изъ просвѣщеннѣйшихъ и либеральныхъ правительницъ. Ей-то и удалось пробить брешь въ стѣнѣ недовѣрія европейскихъ капиталистовъ къ кредитоспособности Россіи и положить начало тѣмъ финансовымъ операціямъ, которыя въ настоящее время висятъ на плечахъ русскаго народа бременемъ почти въ 400 милл. р. ежегодныхъ платежей.

Обстоятельствомъ, побудившимъ Екатерину, какъ и ея предшественниковъ, искать денегъ за границей, были расходы на военныя надобности, и первый заемъ въ $7^1/_2$ милл. гульденовъ заключенъ былъ въ 1769 г. для войны съ Турціей. Къ концу-же царствованія императрицы было уже заключено 16 иностранныхъ займовъ на сумму 53 милл. р. На покрытіе военныхъ расходовъ ушли, впрочемъ, лишь 36 милл. руб. этой суммы, а 17 милл. р. затрачено на погашеніе займовъ-же. Въ краткій періодъ правленія Павла русская казна не успѣла обременяться новыми крупными займами, а расходы итальянскаго похода Суворова покрыты были ассигнаціями, въ количествѣ 56 милл. р.

Александръ I вступилъ на престолъ съ мыслью о широкихъ преобразованіяхъ и съ перваго-же дня царствованія принималъ мѣры къ возможному сокращенію государственныхъ расходовъ, лично просматривая росписи и вычеркивая тѣ расходы, безъ которыхъ, по его мнѣнію, можно было обойтись. Старанія государя объ устраненіи дефицитовъ государственнаго бюджета, въ концѣ концовъ, быть-можетъ, и увѣнчались-бы успѣхомъ, если-бы не начавшіяся вскорѣ войны, сдѣлавшіяся главнымъ предметомъ заботъ императора и потребовавшія огромныхъ средствъ.

Несмотря на заявленія въ началѣ царствованія о невмѣшательствѣ во внутреннія дѣла сосѣднихъ державъ и о равнодушіи къ вопросу о формѣ правленія въ другихъ государствахъ, Александръ вскорѣ вмѣшался въ распри западно-европейскихъ народовъ, и однимъ изъ мотивовъ такого вмѣшательства были внутреннія отношенія западно европейскихъ государствъ, та перетасовка общественныхъ и государственныхъ отношеній, которая началась во многихъ странахъ благодаря великой французской революціи и ея послѣдствіямъ. Выразителемъ новаго революціоннаго начала явился Наполеонъ I, и на борьбу съ нимъ, въ защиту остальной Европы, ополчился Александръ.

Въ 1804 г. начался десятилѣтній періодъ почти непрерывныхъ войнъ Александра съ Персіей, Турціей, Швеціей и, главное, войнъ съ Наполеономъ, потребовавшихъ затраты огромныхъ суммъ. Средствомъ ихъ пріобрѣтенія, всегда находившимся подъ рукою, былъ станокъ для печатанія ассигнацій; къ нему-то и обратилось правительство для покрытія дефицитовъ, и къ 1810 году количество выпущенныхъ Александромъ ассигнацій достигло 320 милл. р.

Чрезмѣрные выпуски ассигнацій для нуждъ государственнаго казначейства, въ то время какъ настоящее ихъ назначеніе — служить средствомъ обращенія товаровъ, а не источникомъ приращенія государственныхъ доходовъ, не остались безнаказанными: въ странѣ появилось изобиліе бумажныхъ денегъ, цѣна ихъ упала, и такъ какъ былъ прекращенъ размѣнъ ассигнацій на монету, то паденіе ихъ цѣны продолжалось, и, послѣ огромныхъ выпусковъ въ 1807—9 гг., курсъ ассигнаціоннаго рубля опустился до 33 коп. Параллельно паденію цѣны денегъ, повышались цѣны товаровъ, и казнѣ приходилось платить за все втридорога. Покупательная сила госуд. доходовъ падала вслѣдствіе этого, несмотря на увеличеніе ихъ номинальной суммы, и опасность такого состоянія побудила поставить на очередь вопросъ о средствахъ улучшенія финансовъ. Былъ составленъ проектъ сокращенія расходовъ и изъятія изъ обращенія половины выпущенныхъ ассигнацій на средства, полученныя путемъ возвышенія налоговъ, продажи государственныхъ имуществъ и внутреннихъ займовъ.

Эти предположенія получили, однако, лишь частичное осуществленіе. Подушная подать была дѣйствительно увеличена почти въ два раза, оброчная подать государственныхъ крестьянъ поднята на 4—5 руб., увеличены сборы промысловые и пошлины. Но продажа госуд. имуществъ дала ничтожную выручку, а начатыя кредитныя операціи были пріостановлены, потому что стали готовиться къ войнѣ съ Наполеономъ. Сама эта война вызвала новые выпуски бумажекъ, и къ 1816 году сумма обращающихся ассигнацій достигла 836 милл. рублей!

Ассигнаціи не были единственнымъ средствомъ покрытія дефицитовъ царствованія Александра. Правительство прибѣгало еще къ займамъ. Но

такъ какъ денежные рынки Западной Европы, вслѣдствіе смутнаго времени, находились въ стѣсненномъ положеніи, а вольные внутренніе займы были не въ обычаѣ, то правительство находило источникъ свободныхъ денежныхъ суммъ во вкладахъ въ государственныя кредитныя учрежденія. Учрежденія эти возникли въ серединѣ XVIII вѣка. Они принимали вклады до востребованія изъ 5% и выдавали ихъ въ ссуды подъ недвижимыя имущества. Эти казенные банки имѣли большой успѣхъ, и количество вкладовъ скоро превзошло требованія ссудъ. Эти-то излишнія суммы правительство Александра I и стало заимствовать изъ банковъ изъ 6%, а въ войну съ Наполеономъ оно прекратило даже ссудныя операціи банковъ и потребовало обращенія въ государственное казначейство свободныхъ суммъ другихъ правительственныхъ учрежденій и даже суммъ, принадлежавшихъ городамъ, остановивъ возведеніе городскихъ сооруженій и т. п. Всего было заимствовано, такимъ образомъ, 325 милл. р. ассигн.

Въ 1815 г. законченъ былъ періодъ войнъ, и правительство принялось за исправленіе виднѣйшихъ нанесенныхъ ими ранъ. Предстояло прежде всего пополнить опустошенные казенные банки и городскія кассы и упорядочить денежное обращеніе каковой цѣли предполагали достигнуть сокращеніемъ суммы обращающихся ассигнацій. Средства для осуществленія этихъ предположеній были добыты путемъ займовъ внутри страны и за границей. Всего при Александрѣ I было заключено займовъ и заимствовано изъ различныхъ учрежденій (считая 3 р. 50 к. асс. равнымъ 1 рублю серебромъ) 287 милл. руб. сер., изъ коихъ 70 милл. руб. употреблено на погашеніе ассигнацій, извлеченныхъ изъ обращенія въ количествѣ 240 милл. руб. Погашено было въ это время старыхъ и новыхъ долговъ на 100 милл. р., и 28 мил. р. долга Россіи взяли на себя Англія и Голландія. Слѣдующему царствованію передано было, кромѣ 54 милл. р. долга Павла и Екатерины, 160 милл. р., прибавленныхъ Александромъ, всего 214 милл. р. Это—процентные долги государства. Кромѣ того, Александръ I передалъ своему преемнику безпроцентный долгъ въ суммѣ 596 милл. р. асс., соотвѣтствующихъ 170 милл. р. сер.

Въ первыя двадцать лѣтъ царствованія Николая I управленіе финансами находилось въ рукахъ графа Канкрина, не мало сдѣлавшаго для упорядоченія,—насколько это было возможно при данныхъ условіяхъ,—нашихъ финансовъ. Онъ стремился привести государственные расходы въ согласіе съ доходами, настаивая на ограниченіи первыхъ и проектируя возвышеніе вторыхъ. Но его предположенія о возвышеніи подушныхъ сборовъ и обложеніи свеклосахарнаго производства не получили одобренія ни Финансоваго Комитета, ни Императора; и онъ достигъ только увеличенія нѣкоторыхъ пошлинъ, установленія налога на табакъ и возвышенія таможенныхъ сборовъ. Наибольшее же приращеніе доходовъ получено было вслѣдствіе замѣны казенной продажи вина откупной системой, причемъ

сумма, уплачиваемая откупщиками за право торговли виномъ, устанавливалась на торгахъ. Равномѣрнымъ возвышеніемъ налоговъ слѣдуетъ, однако, считать отнесеніе нѣкоторыхъ государственныхъ расходовъ на счетъ мѣстныхъ земскихъ суммъ.

Николай I поддерживалъ своего министра въ его стремленіи осуществить правильную отчетность по расходованію государственныхъ суммъ и по возможности ограничить государственные расходы. Онъ неоднократно обращался къ министрамъ съ требованіемъ экономіи и одобрилъ проектъ составленія смѣты нормальнаго бюджета различныхъ вѣдомствъ. Но на пути достиженія цѣли уравновѣшенія расходовъ и доходовъ стояли его собственные фантастическіе планы относительно внѣшней политики. Войны Николая I (не считая крымской), сравнительно съ александровскими, были незначительны. Но текущіе военные расходы увеличивались, тѣмъ не менѣе, непрерывно, потому что, считая себя призваннымъ стоять на стражѣ старыхъ порядковъ не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ, онъ умножалъ свои сухопутныя и морскія силы, дабы быть готовымъ, когда понадобится, выступить противъ революціи. Онъ и осуществлялъ такія затѣи. Въ 1832 г. онъ поддерживалъ турецкаго султана противъ мятежниковъ; готовился идти на защиту стараго режима, когда вспыхнула въ 1830 г. французско-бельгійская революція, и лишь возстаніе въ Польшѣ предупредило осуществленіе этой авантюры; въ 1849 г. выступилъ въ походъ для усмиренія революціи въ Венгріи. Другимъ источникомъ постояннаго напряженнаго состоянія военнаго бюджета были не прекращавшіяся военныя дѣйствія на Кавказѣ.

Нужда въ чрезвычайныхъ средствахъ обнаружилась уже черезъ три года царствованія Николая вслѣдствіе затѣянной войны съ Турціей, за которой послѣдовало (въ 1830 г.) польское возстаніе. И такъ какъ курсъ ассигнацій стоялъ на 28 к. сер., и новые ихъ выпуски были бы безумiемъ, то Канкринъ, вопреки своимъ взглядамъ, долженъ былъ обратиться къ займамъ внутреннимъ (заимствованія изъ казенныхъ банковъ) и внѣшнимъ. Неурожай и холерная эпидемія 1830—31 гг. замедлили поступленіе госуд. доходовъ, и «для ускореннаго полученія» послѣднихъ Канкринъ обратился къ формѣ краткосрочнаго внутренняго займа въ видѣ билетовъ государственаго казначейства, выпускавшихся серіями и подлежавшихъ погашенію черезъ нѣсколько лѣтъ. Билеты эти, приносившіе 4,32% и принимавшіеся по всѣмъ казеннымъ платежамъ, кромѣ платежей въ кредитныя учрежденія, полюбились публикѣ, и такъ какъ по истеченіи срока серій старые билеты обмѣнивались на новые, то этотъ видъ займа фактически обратился въ долгосрочный. Выпусками этихъ билетовъ и заимствованіями изъ казенныхъ банковъ и покрывались дефициты послѣдующихъ лѣтъ.

Въ 1844 г. Канкринъ подалъ въ отставку, не соглашаясь удовлетворять безконечныя требованія денегъ на военные расходы. Мѣсто его занялъ

Вронченко, хотя и старавшійся во всемъ слѣдовать своему предшественнику, но не имѣвшій ни его таланта, ни его авторитета. И такъ какъ въ это время продолжались военныя дѣйствія на Кавказѣ и политика приведенія арміи въ положеніе, при которомъ она могла бы во всякій данный моментъ раздавить революціонную гидру на Западѣ; такъ какъ русская армія была даже и пущена въ дѣло усмиренія революціи въ Венгріи, то государственные финансы стали быстро падать по наклонной плоскости. Въ первую половину управленія финансами Канкрина дефицитъ составлялъ въ среднемъ 3 м. р. с., во вторую—10 м. р., а при Вронченко онъ превышалъ 40 м. р. въ годъ. Въ средній годъ управленія Канкрина государственный долгъ увеличивался (не считая долговъ желѣзнодорожныхъ) на 8,5 м. р., при Вронченко—на 18,5 м. р. въ годъ. Всего же до начала крымской войны долгъ, имѣвшій въ виду общегосударственныя потребности, увеличился при Николаѣ I на 380 м. р. с.

Въ предшествующемъ очеркѣ исторіи образованія государственнаго процентнаго и безпроцентнаго долга Россіи мы указывали такіе мотивы заключенія займовъ и выпуска бумажныхъ денегъ, какъ издержки на военное дѣло, погашеніе старыхъ долговъ, покрытіе дефицитовъ государственнаго бюджета, и ничего не говорили о затратѣ денежныхъ средствъ на цѣли производительнаго характера. Производительные расходы составляли въ прежнее время ничтожную долю государственнаго бюджета, и какъ ни нуждалась страна въ удобныхъ путяхъ сообщенія, эта потребность отодвигалась на задній планъ сравнительно съ военнымъ дѣломъ, отвѣчавшимъ непосредственно интересамъ или фантазіямъ правителей. Отношеніе къ этому предмету измѣнилось, когда Западная Европа стала сооружать у себя рельсовые пути сообщенія. Быстрота передвиженія является такимъ важнымъ факторомъ военныхъ успѣховъ, что русское правительство не могло игнорировать этотъ видъ путей сообщенія, какъ оно игнорировало грунтовыя дороги и водные пути. Сооруженіе же рельсовыхъ путей требовало огромныхъ суммъ, для пріобрѣтенія коихъ стали обращаться къ займамъ.

Первая желѣзная дорога, сооруженная на казенный счетъ, Варшаво-Вѣнская, стоила всего 7 мил. р. и была построена на средства общаго бюджета. Первые же желѣзнодорожные займы, на сумму 138 мил. р., заключены были въ 40-хъ годахъ для сооруженія Николаевской ж. д., и такъ какъ чистый доходъ отъ эксплуатаціи послѣдней не покрывалъ и половины платежей по этимъ займамъ, то означенная сумма была включена въ общій счетъ государственныхъ долговъ, оплата которыхъ лежала на средствахъ госуд. казначейства. Указанная ранѣе сумма возрастанія государственнаго долга при Николаѣ I (380 м. р.) должна быть поэтому увеличена на 138 м. р., а вмѣстѣ съ 214 м. р., долговъ полученныхъ отъ своего предшественника, этотъ государь передалъ своему преемнику долгъ въ 732 мил. р. с.

Съ именемъ Канкрина связана весьма важная реформа возстановленія металлическаго денежнаго обращенія, хотя реформа эта проведена далеко не въ полномъ согласіи со взглядами этого государственнаго человѣка. Первые наши финансисты полагали достигнуть этой цѣли путемъ сокращенія количества обращающихся ассигнацій, и при Александрѣ I была выкуплена $^1/_3$ ихъ часть. Но такъ какъ цѣна ассигнацій поднялась послѣ того всего на 5%, то Канкринъ, вступившій въ управленіе финансами въ концѣ царствованія Александра I, прекратилъ дальнѣйшіе опыты поднятія курса ассигнацій, для осуществленія коихъ приходилось входить въ долги. Но неудобства обращенія въ странѣ двухъ монетъ, одинаково называвшихся рублями, но имѣвшихъ различную цѣнность, и постоянныя колебанія курса бумажныхъ денегъ, путавшія всѣ разсчеты, побудили, наконецъ, правительство уравнять, такъ или иначе, бумажныя и металлическія деньги и возстановить обращеніе первыхъ по одной цѣнѣ съ послѣдними. Достигнуть этого, какъ предполагали первоначально, путемъ возвышенія цѣнности ассигнацій, оказывалось невозможнымъ. Тогда рѣшено было замѣнить ассигнаціи другими бумагами, равноцѣнными съ металлическими, и такъ какъ $3^1/_2$ ассигнаціонныхъ рубля стоили одинъ рубль металлическихъ, то новый бумажный рубль (названный кредитнымъ билетомъ), замѣнялъ $3^1/_2$ рубля старыхъ, а 596 милліоновъ ассигнаціонныхъ рублей, находившихся въ обращеніи, были замѣнены 170 мил. рублей кредитныхъ. Эти новыя деньги должны были ходить по одинаковой цѣнѣ съ металлическими, а, дабы цѣна ихъ въ публикѣ не падала, правительство обязывалось обмѣнивать ихъ, по предъявленіи, рубль за рубль, на золотую и серебряную монету. Для безпрепятственности размѣна образованъ былъ размѣнный фондъ золотой и серебряной монеты суммою въ 29 мил. р., т.-е. въ $^1/_6$ часть суммы кредитокъ, выпущенныхъ взамѣнъ ассигнацій. Дальнѣйшіе выпуски кредитныхъ билетовъ допускались подъ условіемъ обезпеченія ихъ металлическою монетою рубль за рубль. Этимъ условіемъ имѣлось въ виду предупредить выпуски бумажныхъ денегъ для покрытія дефицитовъ государственнаго бюджета и увеличивать количество кредитныхъ билетовъ лишь въ случаѣ, когда этого потребуетъ публика, предъявляя въ обмѣнъ на нихъ металлическую монету или слитки золота и серебра. При недостаткѣ кредитныхъ билетовъ для такого обмѣна можно было производить новые ихъ выпуски, обращая полученные за нихъ золото и серебро въ размѣнный фондъ. Но всѣ эти разумныя постановленія не выходили изъ сферы благихъ пожеланій. Заключеніе росписей государственнаго бюджета съ дефицитами продолжалось, и послѣ возстановленія цѣнности бумажныхъ денегъ до уровня цѣнности металлическихъ явился соблазнъ покрывать ихъ кредитками: къ 1853 г. въ обращеніи находилось уже 30 мил. рублей необезпеченныхъ билетовъ. Примѣненіе же въ широкихъ размѣрахъ этого средства восполненія государственному казначейству имѣло мѣсто во время крымской войны.

Пятидесятые годы истекшаго столѣтія представляютъ довольно печальный моментъ въ исторіи нашихъ финансовъ. Несчастная крымская война, а затѣмъ ликвидація казенныхъ банковъ—то и другое—результатъ ошибокъ, если не преступленія власть имущихъ—потребовали крупныхъ экстраординарныхъ расходовъ, покрывать которые пришлось крупными процентными и безпроцентными займами, поведшими къ нарушенію металлическаго денежнаго обращенія и къ паденію русскаго кредита за границей.

Несмотря на все вниманіе, отдававшееся императоромъ Николаемъ военному дѣлу и арміи, и на жертвы, приносившіяся русскимъ народомъ людьми и деньгами для содержанія послѣдней въ боевой готовности,—первое серьезное столкновеніе съ цивилизованными народами показало, что въ военномъ отношеніи Россія такъ же отстала, какъ и въ гражданскомъ, и результатомъ трехлѣтней войны, самонадѣянно начатой императоромъ, былъ разгромъ, который безъ горечи можно вспоминать только потому, что онъ связанъ въ нашемъ представленіи съ послѣдующими реформами.

Расходы крымской войны разные авторы исчисляютъ отъ 530 до 880 мил. р. Въ то же время продолжалось попрежнему заключеніе съ дефицитами и нашихъ обыкновенныхъ бюджетовъ; и для покрытія всѣхъ этихъ недочетовъ въ теченіе 1853—57 гг. было выпущено болѣе 400 мил. р. кредитныхъ билетовъ и заключено займовъ на 355 мил. р. Не успѣло государственное казначейство ликвидировать тяжелое наслѣдіе ошибочной военной политики правительства, какъ передъ нимъ стала новая задача: выполненіе необдуманныхъ, если не преступныхъ, финансовыхъ его предположеній.

Мы видѣли, какую важную роль въ дѣлѣ покрытія дефицитовъ нашего государственнаго бюджета играли казенные банки, куда населеніе вносило свои сбереженія въ видѣ безсрочныхъ вкладовъ, сначала изъ 5%, а со временъ Канкрина изъ 4% годовыхъ. Банки эти имѣли большой успѣхъ какъ потому, что вложенныя въ нихъ суммы можно было взять обратно, какъ только онѣ понадобятся, такъ и по причинѣ того, что вкладные билеты этихъ банковъ, выдаваемые на предъявителя, принимались въ казенные подряды и обращались, вмѣсто денегъ, между частными лицами. Вслѣдствіе этого обстоятельства вкладные билеты ссужались, какъ деньги, и лицо, вложившее свои сбереженія въ казенный банкъ, получало процентъ не только на вложенную сумму, но и на вкладной билетъ, отдаваемый имъ въ пользованіе третьихъ лицъ.

Поступавшія въ банкъ суммы обращались на выдачу долгосрочныхъ ссудъ подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ, а излишнія суммы правительство заимствовало на свои нужды, уплачивая за нихъ однимъ процентомъ больше, чѣмъ получали вкладчики. Въ этихъ операціяхъ заключалась слабая сторона организаціи старыхъ нашихъ банковъ, потому что при внезапномъ востребованіи вкладовъ, связанныхъ долгосрочными ссудами

частнымъ лицамъ или находившихся въ безсрочныхъ ссудахъ у фиска, правительство оказалось бы въ затруднительномъ положеніи, и для удовлетворенія вкладчиковъ пришлось бы обращаться къ какимъ-либо кредитнымъ, не всегда, конечно, удобо выполнимымъ операціямъ. Для исправленія этого неудобства нужно было внести нѣкоторыя преобразованія въ организацію казенныхъ банковъ; но нельзя было не дорожить самимъ учрежденіемъ, такъ полюбившимся населенію и столь часто выручавшимъ правительство въ моменты острой нужды въ деньгахъ и крайней трудности ихъ полученія путемъ внѣшняго или внутренняго займа. Особенно, казалось бы, должно было дорожить этими учрежденіями правительство Александра II, задумавшаго крупныя реформы, осуществленіе коихъ требовало крупныхъ денежныхъ средствъ, и предполагавшаго широко поставить дѣло оборудованія страны рельсовыми путями сообщенія. Если же, несмотря на все сказанное, казенные банки признаны были подлежащими упраздненію, то эту операцію естественно было произвести постепенно, осторожно и по осмотрительно выработанному плану. Между тѣмъ, руководители нашихъ финансовъ, по преступнымъ мотивамъ, предприняли мѣру, сильно поколебавшую устойчивость банковъ, а когда опасный моментъ наступилъ—они рѣшили совершенно покончить съ этими учрежденіями.

Въ 1857 г. для сооруженія сѣти рельсовыхъ путей образовано было Главное Об-во ж. д., во главѣ котораго стали вліятельные наши вельможи; для своихъ операцій оно выпустило процентныя бумаги, которыя не имѣли сбыта ни внутри Россіи, ни за границей. Учредители общества распредѣлили ихъ между собою, а высокопоставленные руководители его оказали давленіе на министра финансовъ Брока въ цѣляхъ изгнанія частныхъ вкладовъ изъ казенныхъ банковъ, въ разсчетѣ, что освободившіяся суммы направятся на пріобрѣтеніе акцій и облигацій Общества. Въ удовлетвореніе этихъ пожеланій въ 1857 году изданъ былъ указъ о пониженіи процентовъ на вклады въ казенные банки съ 4% до 3%, каковая мѣра мотивировалась убыточностью для казны наличности въ банкахъ свободныхъ суммъ, которыя нужно оплачивать процентами, и желаніемъ понизить проценты по долгамъ правительства этимъ банкамъ.

Ожиданія дѣльцовъ Главнаго Общества оправдались. Вклады казенныхъ банковъ массами были требуемы обратно для помѣщенія въ различныя бумаги, приносившія 5 и 6% на затраченный капиталъ, и акціи Главнаго Общества поднялись на 12% выше нарицательной цѣны. Правительство было поставлено въ крайне затруднительное положеніе неожиданнымъ для него быстрымъ отливомъ банковыхъ суммъ, но, вмѣсто того, чтобы принять мѣры къ исправленію сдѣланной ошибки, было рѣшено, согласно распространившимся тогда взглядамъ,—покончить совершенно съ казенными банками и содѣйствовать учрежденію частныхъ банковъ. Пріемъ вкладовъ въ банки былъ вслѣдствіе этого пріостановленъ, выдача изъ нихъ ссудъ—

также, а для возврата милліардной суммы вкладовъ въ концѣ 50-хъ годовъ были заключены займы на 658 м. р., и на 70 м. р. выпущено кредитныхъ билетовъ. Этими операціями погашалась и часть старыхъ долговъ казеннымъ банкамъ государственнаго казначейства. Быстрое упраздненіе нашихъ старыхъ кредитныхъ учрежденій вызвало удивленіе и недоумѣніе западныхъ финансовыхъ сферъ.

Итакъ, въ періодъ времени отъ начала крымской войны до момента реформъ, обнимающаго два года царствованія Николая I и 7 лѣтъ царствованія Александра II, заключены займы на 355 м. р. для военныхъ надобностей и на 658 м. р. для ликвидаціи казенныхъ банковъ. По присоединеніи 30 мил. р. билетовъ государственнаго казначейства, выпущенныхъ въ 1861 г. въ пособіе Главному Обществу желѣзныхъ дорогъ,—общая сумма новыхъ займовъ опредѣлится въ 1043 мил. р. Погашено было въ этотъ періодъ 533 мил. руб. разныхъ долговъ, переданъ въ слѣдующій періодъ новый долгъ въ 510 м. р. Вмѣстѣ съ 732 м. р., унаслѣдованными отъ николаевскихъ временъ, государственный долгъ Россіи въ моментъ освобожденія крестьянъ опредѣляется нарицательно въ 1242 мил. р. Если же 265 мил. металлическихъ рублей этого долга выразить въ кредитной валютѣ того времени (1 р. кр.=87 к. мет.), то цифра долга повысится до 1282 м. кредитныхъ рублей.

Исторія государственнаго долга.—Пореформенный періодъ.

Общій смыслъ реформъ императора Александра II заключается въ освобожденіи личности хотя-бы отъ части путъ, связывавшихъ ее въ прежнія времена, въ томъ числѣ и отъ путъ, ограничивавшихъ свободную экономическую дѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ принимаемы были мѣры, способныя непосредственно внести оживленіе въ хозяйственную жизнь,—въ родѣ сооруженія желѣзныхъ дорогъ, распространенія кредитныхъ учрежденій и т. п. Результатомъ всѣхъ указанныхъ обстоятельствъ было увеличеніе національной производительности, и это не могло не отразиться благопріятно на поступленіи государственныхъ доходовъ, даже при прежнихъ нормахъ обложенія. Но правительство принимало мѣры къ увеличенію своихъ рессурсовъ также путемъ преобразованія и возвышенія налоговъ.

Въ числѣ другихъ преобразованій въ концѣ 50-хъ годовъ на очередь поставленъ былъ и вопросъ о реформѣ финансовъ. Преобразованія должны были коснуться всѣхъ сторонъ финансоваго дѣла: административной его части, системъ взиманія налоговъ, уравненія сословій въ отношеніи обложенія пу-

темъ замѣны подушной подати, падавшей на низшіе классы общества, болѣе совершенными налогами. По отношенію перваго вопроса въ началѣ 60-хъ годовъ были дѣйствительно осуществлены важныя преобразованія, заключающіяся, главнымъ образомъ, въ установленіи такъ наз. единства кассъ, въ учрежденіи самостоятельнаго органа для контроля поступленія и расходованія государственныхъ средствъ и во введеніи въ области финансовъ гласности, выражавшейся, между прочимъ, опубликованіемъ государственной росписи и отчетовъ государственнаго контроля. Въ системѣ взиманія различныхъ сборовъ осуществлены также важныя нововведенія. Что же касается вопроса относительно облегченія такъ наз. податныхъ сословій, то, несмотря на признанную его необходимость, введеніе болѣе раціональныхъ налоговъ задерживалось, съ одной стороны, нуждою правительства въ деньгахъ, побуждавшею его использовать всѣ имѣвшіяся въ его распоряженіи средства, съ другой—опасеніемъ нанести существенный ущербъ классу дворянъ-землевладѣльцевъ переложеніемъ налога съ лицъ на землю.

Косвенные налоги, построенные преимущественно на обложеніи предметовъ всеобщаго потребленія, какъ вино, соль и ввозимые изъ-за границы товары, ложились главной тяжестью на плечи трудящагося населенія. Они приносили въ 1861 г.: питейный 53 мил. р., соляной 7 м. р., таможенный 33 м. р., табачный и сахарный 3,6 мил. р. Косвенные налоги, впрочемъ, всюду падаютъ на потребленіе массы населенія, и русскіе налоги не представляютъ въ этомъ отношеніи исключенія. Иное дѣло налоги прямые. Ихъ можно взимать съ дохода, имущества, хозяйственной дѣятельности, лица и соотвѣтственно виду налога облагать тотъ или другой источникъ матеріальнаго благополучія человѣка. Въ дореформенной Россіи прямому обложенію подлежали преимущественно доходы отъ простого физическаго труда, такъ какъ главный прямой налогъ, подушная подать и оброкъ, взимался лишь съ крестьянъ и мѣщанъ; небольшія суммы получались еще съ промысловъ и торговли, а недвижимыя имущества были свободны отъ обложенія. Подушные сборы давали въ 1861 году 53 мил. руб., торговые—5,2 мил. р. или въ десять разъ менѣе. Комиссіи, коимъ поручено было проектированіе новыхъ законовъ о налогахъ, составляли предположенія о болѣе равномѣрномъ распредѣленіи налоговой тяжести, а въ жизни совершался процессъ бо́льшаго и бо́льшаго обремененія налогами и безъ того тяжело обложеннаго трудового населенія.

Нѣкоторое облегченіе прямого обложенія испытали лишь мѣщане. Подушный окладъ лицъ этого сословія превышалъ въ три раза окладъ крестьянскій, и неносильность этого платежа выражалась накопленіемъ недоимокъ. Въ 1863 г. подушная подать мѣщанъ, въ суммѣ 4 мил. р., была отмѣнена, а взамѣнъ ея введенъ патентный сборъ (общей суммой 2 мил. руб.) съ мѣщанъ же, занимающихся промыслами и торговлей, и двухмилліонный сборъ съ городскихъ недвижимыхъ имуществъ, падавшій, конечно,

и на мѣщанъ. Что-же касается подушнаго обложенія крестьянъ, то оно не только не смягчалось, но подверглось значительному отягощенію.

Подушная подать съ крестьянъ европейской Россіи въ моментъ крестьянской реформы взималась въ суммѣ 95 к. съ ревизской души мужского пола. Въ 1862 г. она была возвышена до одного рубля, а въ 1863 г. увеличена временно на 25 коп. Этотъ «временный» сборъ взимался три года, а въ 1867 г. обращенъ былъ въ постоянный и увеличенъ еще на 50 коп. съ души. Подушный окладъ, вслѣдствіе этихъ нововведеній, поднялся почти вдвое, и доходы государственнаго казначейства по этой статьѣ возросли на 18 мил. рублей. Крестьяне и мѣщане вносили еще по 91 коп. съ души въ мѣстныя кассы на государственныя земскія повинности. Въ 1872 г. меньшая часть этого сбора (8 мил. р. изъ 22) была переложена на земли. Въ 1875 г. всѣ эти сборы и соотвѣтствующіе расходы присоединены къ общему бюджету, причемъ поземельный сборъ названъ государственнымъ поземельнымъ налогомъ. Нѣсколько разъ въ царствованіе Александра II были повышаемы также пошлины и сборы съ промысловъ и торговли.

Взиманіе косвенныхъ налоговъ, питейнаго и соляного, претерпѣло въ началѣ 60-хъ годовъ существенное измѣненіе. Откупная система питейныхъ сборовъ и казенная продажа соли были замѣнены акцизными сборами. Установленный въ началѣ въ размѣрѣ 4 копѣекъ съ градуса безводнаго спирта, акцизъ съ послѣдняго былъ возвышаемъ на копѣйку въ 1864, 1870 и 1874 гг. Акцизъ на табакъ былъ повышенъ въ 1861 и 1872 гг.

Общей задачей финансовой политики въ пореформенное время было, конечно, достиженіе равновѣсія расходовъ и доходовъ государства. Предстояло найти средства для покрытія дефицитовъ, составлявшихъ наканунѣ реформы 50 мил. р. въ годъ или $^1/_8$—$^1/_7$ часть бюджета, и новыхъ расходовъ, связанныхъ съ преобразованіями военнаго дѣла, администраціи и суда. Счастливымъ обстоятельствомъ слѣдуетъ считать, что въ теченіе цѣлыхъ двадцати лѣтъ правительству не приходилось вести крупныхъ войнъ. Правда, въ 1863 г. вспыхнуло польское возстаніе, и въ теченіе всего царствованія Александра II не прекращались военныя дѣйствія въ Средней Азіи, имѣвшія въ виду распространеніе русскаго владычества. Но расходы, связанные съ этими войнами, были сравнительно незначительны (подавленіе польскаго возстанія обошлось въ 70 мил. р.) и, главное, не вызывали временной острой нужды въ крупныхъ суммахъ. Они, тѣмъ не менѣе, производили хроническое давленіе на бюджетъ и были одной изъ причинъ сохраненія дефицитовъ. Другимъ источникомъ этихъ дефицитовъ было увеличеніе расходовъ по системѣ государственнаго кредита. Съ 1862 по 1875 г. государственные расходы возросли на 150 мил. р. или на 40%. Изъ этого числа 60 мил. р. приходится на возрастаніе бюджетовъ военнаго и морского и 55 мил. р. на расходы по государственнымъ долгамъ. Двѣ эти

категоріи расходовъ составляли, такимъ образомъ, болѣе $^3/_4$ суммы приращенія государственныхъ расходовъ.

Новый періодъ получилъ отъ старыхъ временъ еще одно печальное наслѣдіе: разстроенное денежное обращеніе. Вслѣдствіе выпуска для покрытія расходовъ крымской войны 400 милл. рублей кредитныхъ билетовъ, курсъ ихъ опустился къ описываемому времени до 87 коп. металлическихъ за рубль, размѣнъ кредитокъ на золото былъ прекращенъ, и золото исчезло изъ обращенія. Согласно господствовавшимъ тогда взглядамъ, возстановленія цѣнности кредитнаго рубля можно было достигнуть лишь извлеченіемъ изъ обращенія излишняго количества бумажекъ, и министръ финансовъ Рейтернъ полагалъ произвести это извлеченіе, открывъ размѣнъ кредитокъ на золото по опредѣленному, постепенно повышающемуся курсу кредитнаго рубля, надѣясь этимъ путемъ поднять его до уровня рубля металлическаго. Попытка эта, однако, не увѣнчалась успѣхомъ и только поглотила 70 мил. руб., истраченныхъ на размѣнъ. Послѣдній былъ опять пріостановленъ, и министерство финансовъ стало составлять размѣнный золотой фондъ, предполагая повторить попытку размѣна въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. На этотъ предметъ къ моменту турецкой войны было затрачено до 130 мил. руб.

На покрытіе всѣхъ перечисленныхъ выше расходовъ общегосударственнаго характера, превышавшихъ средства обыкновенныхъ доходовъ, въ теченіе 1861—76 гг. было выпущено 150 милл. р. кредитныхъ билетовъ и заключено займовъ на сумму 493 милл. р. кр. Погашено было въ это время 457 милл. р. разныхъ долговъ, и государственный долгъ, вызванный потребностями общегосударственнаго характера, увеличился на ничтожную сумму 36 милл. р. [1]). Такой благопріятный результатъ слѣдуетъ приписать частью поднятію производительности народнаго труда—послѣдствію освободительныхъ реформъ. Увеличеніе поступленія государственныхъ доходовъ вело къ сокращенію дефицитовъ, которые съ 1870 г. смѣнились даже превышеніемъ доходовъ надъ расходами. Общая-же сумма дефицитовъ въ теченіе 1861—70 гг. составила 300 милл. р.

Главной массы новыхъ долговъ разсматриваемаго періода нужно, однако, искать не въ области общихъ государственныхъ потребностей. Пореформенное время поставило на очередь такія спеціальныя задачи, какъ выкупъ крестьянскихъ земель и оборудованіе страны желѣзными путями сообщенія; а эти задачи не могли быть осуществлены безъ обращенія къ

[1]) Къ этому долгу, впрочемъ, слѣдуетъ присоединить переведенные на общеимперскій бюджетъ (послѣ объединенія въ 1868 г. бюджетовъ имперскаго и Царства Польскаго) 100 милл. руб. долговъ Ц. П. За вычетомъ 23 милл. р., погашенной части этого долга, приростъ государственнаго долга общегосударственнаго значенія къ моменту турецкой войны выразится суммою 113 милл. рублей кред.

чрезвычайнымъ рессурсамъ. Въ операціи выкупа крестьянскихъ земель государство, впрочемъ, играло роль посредника между помѣщиками и крестьянами и до момента отмѣны выкупныхъ платежей ничего не тратило на эту операцію. О выкупномъ долгѣ мы поэтому ограничимся замѣчаніемъ, что къ 1877 г. на государственномъ казначействѣ оказались лежавшими обязательства по процентнымъ бумагамъ на сумму 380 милл. р., выпущеннымъ для уплаты крестьянскаго долга владѣльцамъ, и числилось 47 милл. р. долга за земли удѣльныхъ крестьянъ. Обязательства эти покрывались ежегодными выкупными платежами крестьянъ, и еще оставались суммы, употреблявшіяся на составленіе запаснаго капитала выкупной операціи.

Въ иномъ положеніи находилось дѣло сооруженія желѣзныхъ дорогъ. Первыя наши желѣзныя дороги, Варшаво-Вѣнская и Николаевская, были построены казною въ 40-хъ годахъ; дальнѣйшее строительство было задержано крымской войною, а когда вновь поднялся этотъ вопросъ—онъ былъ рѣшенъ въ смыслѣ предпочтительности порученія дѣла частной предпріимчивости потому, что таковы были воззрѣнія, распространявшіяся съ Запада, и что этимъ путемъ надѣялись привлечь къ участію въ сооруженіи рельсовой сѣти иностранные капиталы и иностранный опытъ желѣзнодорожнаго строительства.

Въ 1857 г. было образовано, при участіи иностранныхъ банкировъ, Главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, взявшее на себя сооруженіе четырехъ тысячъ верстъ желѣзныхъ дорогъ, имѣвшихъ связать Петербургъ съ Западной границей и Москву съ Волгой, Балтійскимъ и Чернымъ морями, и получившее правительственную гарантію 5-ти процентовъ на строительные капиталы. Во главѣ правленія общества были поставлены видные аристократы, и намъ уже извѣстно, какую услугу оказали эти лица Обществу, побудивъ министра финансовъ изгнать вклады изъ казенныхъ банковъ, послѣ чего стали живо требоваться бумаги Главнаго Общества, не находившія ранѣе помѣщенія ни внутри страны, ни за границей. Передавая въ частныя руки сооруженіе и эксплуатацію желѣзныхъ дорогъ, правительство полагало, что главнымъ двигателемъ Главнаго Общества будетъ разсчетъ на доходы отъ эксплуатаціи сооружаемыхъ линій, и это побудитъ его быть возможно болѣе экономнымъ въ строительныхъ расходахъ. На дѣлѣ, однако, вышло совершенно обратное. Не имѣя никакихъ опытныхъ данныхъ для сужденія о возможной доходности желѣзныхъ дорогъ въ Россіи, но обезпечивъ правительственную гарантію дохода въ 5% на строительные капиталы, заправилы Главнаго Общества нашли болѣе благоразумнымъ использовать въ своихъ интересахъ не проблематичныя выгоды будущей эксплуатаціи еще не сооруженныхъ линій, а реальныя условія уже выполнявшагося дѣла сооруженія рельсовой сѣти, полагая при этомъ, что нахожденіе во главѣ Общества высокопоставленныхъ лицъ отвратитъ отъ нихъ контролирующую и карающую руку власти. И вотъ Главное Общество

показало міру образецъ хищничества и неаккуратности при реализаціи своихъ правъ и выполненія своихъ обязательствъ, а правительство проявило по отношенію къ нему большую предупредительность и снисхожденіе.

Правительство не только поддерживало Главное Общество, но продолжало выдавать гарантіи другимъ обществамъ, составлявшимся для сооруженія желѣзныхъ дорогъ, а эти общества подражали во всемъ своему первообразу.

Расточительность обществъ въ веденіи дѣлъ начиналась съ перваго шага ихъ практической работы: составленія строительныхъ капиталовъ. Въ то время, какъ правительственные займы реализовались въ среднемъ изъ 83% нарицательной суммы займа, желѣзнодорожные выручали только 73%. А такіе авансы кредиторамъ со стороны частныхъ займовъ побуждали капиталистовъ предпочитать ихъ займамъ правительственнымъ и роняли курсъ государственныхъ бумагъ. Только въ 70-хъ годахъ правительство обратило вниманіе на это обстоятельство и, продолжая поддерживать частное желѣзнодорожное строительство и передавъ даже въ частныя руки эксплуатацію всѣхъ казенныхъ линій,—изысканіе средствъ для желѣзнодорожныхъ обществъ оно приняло на себя. Казна оставляла за собой гарантированныя облигаціи акціонерныхъ обществъ и оплачивала ихъ средствами, получавшимися отъ спеціальныхъ госуд. займовъ, составлявшихъ особый желѣзнодорожный фондъ. Желѣзнодорожнымъ обществамъ было, однако, недостаточно получать изъ казны средства для сооруженія дорогъ. Не имѣя доходовъ при эксплуатаціи послѣднихъ, они не выполняли обязательствъ по занятымъ суммамъ и нуждались въ средствахъ для текущихъ расходовъ. Правительство помогало имъ и въ этихъ отношеніяхъ, и къ концу 70-хъ годовъ, кромѣ облигаціонныхъ долговъ на желѣзныхъ дорогахъ лежалъ полумилліардный долгъ казнѣ по особымъ ссудамъ и по гарантіи ихъ строительныхъ капиталовъ; а ежегодная приплата государственнаго казначейства по гарантіи колебалась около 50 милл. р.

Послѣ этихъ разъясненій перейдемъ къ исчисленію желѣзнодорожныхъ долговъ государства, заключенныхъ въ періодъ времени отъ крестьянской реформы до момента турецкой войны. Въ 60-хъ годахъ, до образованія желѣзнодорожнаго фонда для нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла, правительство заняло 145 милл. р., занесенныхъ въ счетъ общегосударственныхъ долговъ. Въ теченіе 1870—75 гг. для желѣзнодорожнаго фонда заключены были заграничные займы на сумму 666 милл. р. кред. Къ моменту турецкой войны первый долгъ, вслѣдствіе погашенія, сократился до 136 милл. р., а второй—до 657 милл. р.

Мы видѣли, что въ періодъ времени отъ начала реформы до турецкой войны общегосударственный долгъ увеличился на 113 милл. р.; присоединяя къ сему 136 милл. р., занятыхъ для нуждъ желѣзныхъ дорогъ, но отнесенныхъ къ числу долговъ на общегосударственныя надобности, мы дове-

демъ приращеніе долговъ этой категоріи до 249 милл. р. Отъ дореформенныхъ временъ новый освободительный періодъ унаслѣдовалъ долгъ въ 1282 милл. р.; въ слѣдующій періодъ было имъ передано 1282+249= =1531 милл. р. долга на общегосударственныя надобности и 657 милл. р. долга желѣзнодорожнаго, всего 2188 милл. р. кр. въ валютѣ того времени. Послѣ турецкой войны кредитный рубль, вслѣдствіе обильныхъ выпусковъ бумажекъ, упалъ еще болѣе и реформой 1897 г. закрѣпленъ на уровнѣ $66^2/_3$ металлическихъ копѣекъ. Всѣ разсчеты послѣ того ведутся по этому курсу, и мы выразимъ въ этой, нынѣшней валютѣ и 950 милл. р. металлическаго долга, входящаго въ составъ вышеуказанной суммы (гдѣ онъ фигурируетъ, по курсу того времени, суммою 1096 милл. р. кр.). Совершивъ эту операцію, мы увидимъ, что къ моменту турецкой войны государство было обремененo долгомъ въ 2520 милл. р.; если-же считать и выкупную операцію, то эта сумма подымется до 2950 милл. р.

Сравнительному благополучію русскихъ финансовъ стала грозить съ 1876 г. серьезная опасность вслѣдствіе намѣренія государя объявить войну Турціи. Министръ финансовъ Рейтернъ указывалъ на эту опасность, а когда его представленія не были уважены, просилъ, какъ нѣкогда Канкринъ, объ отставкѣ и лишь послѣ убѣдительныхъ просьбъ согласился остаться на посту до окончанія войны.

Турецкая война 1877 года показала, что въ это время мы были такъ же мало подготовлены къ серьезной борьбѣ, какъ и въ 50-хъ годахъ, и, несмотря на ожиданіе легкой побѣды, война обошлась болѣе чѣмъ въ милліардъ рублей. Въ теченіе четырехъ послѣднихъ лѣтъ царствованія Александра II было еще затрачено 350 милл. р. на сооруженіе начатыхъ желѣзныхъ дорогъ. И для покрытія этихъ чрезвычайныхъ расходовъ заключены займы на 1266 милл. р. (въ нынѣшней валютѣ) и выпущено 417 милл. руб. кредитныхъ билетовъ. Погашено было въ это время 150 милл. р. прежнихъ долговъ; госуд. долгъ увеличился, слѣдовательно, на 1116 милл. р., а вмѣстѣ съ выкупнымъ на 1140 милл. р. и къ 1881 г. составлялъ сумму 4090 милл. р.

Въ послѣдніе годы царствованія императора Александра II принятъ былъ рядъ мѣръ и для увеличенія обыкновенныхъ доходовъ государства. Возвышены были пошлины гербовыя и съ застрахованныхъ отъ огня имуществъ, акцизъ съ водочныхъ издѣлій, пива и табаку, установленъ сборъ съ пассажировъ и грузовъ большой скорости жел. дорогъ и таможенная пошлина на хлопокъ. Къ значительному увеличенію доходовъ привела и принятая въ 1877 г., въ видахъ пріобрѣтенія золота, мѣра взиманія таможенныхъ пошлинъ золотой монетой по нарицательному курсу. Это было равносильно поднятію таможенныхъ пошлинъ на разницу цѣнъ металлическаго и кредитнаго рубля, т.-е. на $^1/_3$.

Вопросъ о преобразованіи прямыхъ налоговъ въ смыслѣ облегченія

односторонняго обложенія малоимущихъ классовъ населенія поставленъ на очередь, какъ мы видѣли, еще въ началѣ эпохи реформъ; но къ серьезному его осуществленію приступлено было лишь въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ занятія поста министра финансовъ лицомъ, чуждымъ бюрократическому міру,—профессоромъ политической экономіи Н. Х. Бунге. Ученому экономисту естественно было отнестись къ задачѣ управленія финансами не какъ къ искусству сводить концы съ концами и рѣшиться, наконецъ, отмѣнить налоги, давно и единогласно признанные несправедливыми, тяжелыми и нераціональными. Объ этомъ вопіяло и обнаружившееся во многихъ раіонахъ разстройство крестьянскаго хозяйства, краснорѣчиво заявившее о себѣ накопленіемъ податныхъ недоимокъ. Отмѣнѣ этихъ налоговъ послужили, впрочемъ, не только экономическія, но и политическія условія того времени. Нужно было громко заявить о рѣшеніи правительства облегчить тяжелое экономическое положеніе народныхъ массъ и противодѣйствовать этимъ распространенію революціонныхъ идей, энергично пропагандировавшихся молодежью семидесятыхъ годовъ. Эти соображенія играли не послѣднюю роль въ направленіи экономической политики начала восьмидесятыхъ годовъ, видными фактами которой слѣдуетъ считать отмѣну соляного и подушнаго налоговъ, переводъ на выкупъ всѣхъ помѣщичьихъ крестьянъ, пониженіе выкупныхъ платежей, учрежденіе государственнаго банка для помощи крестьянамъ при покупкѣ земель, учрежденіе фабричной инспекціи и др.

Отмѣной соляного налога (приносившаго 14 мил. р.), подушной подати (58 мил. р.) и пониженіемъ выкупныхъ платежей (на 12 мил. р.) съ малоимущей части населенія снималось (постепенно) бремя ежегоднаго расхода около 85 мил. руб. На такую же приблизительно сумму уменьшились доходы государства, и министру финансовъ предстояло замѣстить ее изъ другихъ источниковъ. Согласно тому, что было говорено ранѣе, естественно было ожидать введенія налоговъ, падающихъ на владѣющіе классы. Но мѣры финансоваго вѣдомства въ этомъ направленіи были очень нерѣшительны. Вмѣсто серьезныхъ попытокъ подоходнаго налога были приняты отдѣльныя мѣры обложенія имущихъ классовъ, въ родѣ дополнительнаго налога на промыслы и торговлю, налога на доходъ отъ денежнаго капитала и на безмездный переходъ имуществъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, возвышались и такіе налоги, которые падали на все населеніе, какъ поземельный налогъ, налогъ на недвижимыя городскія имущества, гербовыя пошлины и, главнымъ образомъ, косвенные налоги, поражающіе по преимуществу малоимущіе классы, какъ таможенныя пошлины, питейный, сахарный и табачный акцизы. Часть сложеннаго съ крестьянъ податного бремени и прямо была переложена на крестьянъ же путемъ преобразованія оброчной подати государственныхъ крестьянъ въ выкупные платежи, съ повышеніемъ ея почти на 50%. Такимъ образомъ, одной рукой народу что-то давалось, а другой—отбиралось назадъ.

Податныя преобразованія Бунге преслѣдовали цѣль не только болѣе равномѣрнаго распредѣленія налоговъ, но и увеличенія поступленія государственныхъ доходовъ. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе шестилѣтняго управленія финансами этого министра общая сумма дефицитовъ государственнаго хозяйства превышала 200 мил. руб. Нельзя особенно удивляться этому результату, если принять во вниманіе отмѣну крупныхъ налоговъ и увеличеніе платежей по государственнымъ займамъ до 250 мил. р., а спеціально погашенія таковыхъ до 40 мил. р. и болѣе. Эти недочеты государственнаго бюджета были покрыты частью займами, частью суммами, поступавшими отъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ уплату ихъ долговъ правительству. Заключеніе новыхъ займовъ вызывалось еще затратами средствъ на уменьшеніе количества обращавшихся кредитныхъ билетовъ, достигшаго послѣ турецкой войны 1138 м. р. (при размѣнномъ золотомъ фондѣ въ 171 м. р.) и приведшаго къ пониженію курса кредитнаго рубля до 66 коп. металлическихъ.

Нѣкоторыя новыя черты внесены Бунге и въ желѣзнодорожную политику правительства. Сооруженіемъ на казенный счетъ нѣкоторыхъ линій и выкупомъ безнадежно-убыточныхъ частныхъ дорогъ положено было начало казенному желѣзнодорожному хозяйству, упраздненному въ началѣ 70-хъ годовъ. Частное желѣзнодорожное строительство было ограничено и приняты мѣры къ возвращенію хотя части милліарднаго долга частныхъ дорогъ государству, путемъ заключенія съ этой цѣлью займовъ за счетъ желѣзныхъ дорогъ. Усиленъ былъ надзоръ за дѣятельностью частныхъ дорогъ. Эти черты политики Бунге получили особенное развитіе при его преемникѣ.

При Бунге заключено было займовъ на сумму 500 м. р., погашено 255 м. р., увеличенъ выкупной долгъ на 67 м. р.; все приращеніе госуд. долга составляетъ 312 м. р. Вмѣстѣ съ 4090 мил. р., унаслѣдованными отъ предшествующаго періода, государственный долгъ опредѣлится круглымъ числомъ въ 4400 мил. р. Долгъ этотъ состоялъ изъ 2544 мил. р., занятыхъ для общегосударственныхъ надобностей, 1339 м. р. желѣзнодорожныхъ и 519 м. р. обязательствъ выкупной операціи.

Въ началѣ 1887 г. министръ финансовъ Бунге былъ замѣненъ Вышнеградскимъ. И то, и другое лицо не принадлежали къ чиновничьему міру, а были взяты изъ общества; но, тогда какъ Бунге былъ ученый, помнившій о взаимозависимости общественныхъ явленій, и, преслѣдуя задачи фискальнаго характера, не забывалъ той связи, какая существуетъ между благосостояніемъ народа и состояніемъ финансовъ страны,—Вышнеградскій принадлежалъ къ коммерческимъ дѣльцамъ, разсматривающимъ свое спеціальное дѣло, какъ единственно заслуживающее ихъ заботы. Эту точку зрѣнія частнаго дѣльца онъ приложилъ къ государственному дѣлу, ему порученному. Дѣло это—финансы, и Вышнеградскій противоположилъ его всѣмъ другимъ государственнымъ и общественнымъ отношеніямъ и разсматривалъ послѣднія

какъ простое средство для достиженія фискальныхъ цѣлей. Сами финансовыя задачи онъ понималъ какъ дѣлецъ, а не государственный человѣкъ. Онъ зналъ, что разстройство нашихъ финансовъ выражается постояннымъ образованіемъ дефицитовъ, а для устраненія послѣднихъ надлежитъ стремиться къ увеличенію государственныхъ доходовъ и къ сокращенію расходовъ; средствомъ же увеличенія доходовъ, всегда находящимся въ рукахъ власти, является нажиманіе податного пресса. И вотъ, въ первый же годъ управленія финансами Вышнеградскій повышаетъ почти всѣ налоги: поземельный, съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, промысловый, акцизъ на спиртъ и табакъ, таможенныя пошлины, гербовый сборъ; вводитъ налоги на спички и освѣтительныя минеральныя масла. Въ слѣдующіе годы продолжается приблизительно та же политика. Вмѣстѣ съ тѣмъ Вышнеградскій принимаетъ мѣры къ ограниченію государственныхъ расходовъ, и, чтобы имѣть основанія сдерживать поползновенія министровъ на расширеніе ихъ кредитовъ, онъ сталъ заносить въ роспись меньшія суммы доходовъ, чѣмъ можно было ожидать на самомъ дѣлѣ, и, ссылаясь на эти цифры, отклонялъ требованія кредитовъ. Сильныя вѣдомства (военное, морское, внутреннихъ дѣлъ), впрочемъ, успѣвали преодолѣвать эти препятствія и доставали деньги на расширеніе вооруженія, на увеличеніе полиціи и т. п. Но на затрату государственныхъ средствъ для удовлетворенія культурныхъ потребностей народа этотъ пріемъ министра оказывалъ задерживающее вліяніе.

Благодаря описаннымъ мѣропріятіямъ, первый годъ управленія Вышнеградскаго закончился ничтожнымъ дефицитомъ, а второй принесъ избытокъ доходовъ до 60 мил. рублей. За всѣ-же пять лѣтъ министерства Вышнеградскаго превышеніе обыкновенныхъ доходовъ надъ расходами превзошло 200 мил. р., и даже въ голодный 1891 годъ выполненіе росписи закончилось (не считая прокормленія голодающихъ) излишкомъ доходовъ въ 16 мил. р. Такъ «блистательно» была выполнена министромъ-дѣльцомъ задача исправленія государственныхъ финансовъ. И что это было достигнуто именно ловкими маневрами беззастѣнчиваго дѣльца, а не операціями государственнаго человѣка, доказываетъ фактъ разоренія того самаго населенія, которое пополняло государственную казну. Въ 1891—92 гг. на кормленіе голодающихъ затрачено было больше 160 мил. руб., т.-е $^4/_5$ того избытка доходовъ, который составлялъ предметъ гордости торжествующаго министра! А если-бы нуждающееся населеніе кормили не впроголодь, то не только была бы истрачена вся скопленная Вышнеградскимъ сумма, но затронута и та часть доходовъ, которою покрывались текущіе государственные расходы.

Ту же цѣль ограниченія государственныхъ росходовъ Вышнеградскій преслѣдовалъ и въ своей желѣзнодорожной политикѣ. Расходы эксплуатаціи частныхъ желѣзныхъ дорогъ были взяты подъ правительственный надзоръ;

хронически-бездоходныя линіи были обращаемы въ полное завѣдываніе правительства; министерство финансовъ заключало для нѣкоторыхъ дорогъ займы и значительную часть вырученныхъ суммъ обращало въ уплату долговъ ихъ государству. Во избѣжаніе возможныхъ расходовъ казны, жел.-дор. строительство ограничивалось окончаніемъ начатыхъ линій. Всѣми этими мѣрами расходы правительства по гарантіи строительныхъ капиталовъ частныхъ дорогъ были уменьшены на половину. Кромѣ того, тарифное дѣло желѣзныхъ дорогъ было взято въ полное распоряженіе министерства финансовъ, которое получало, такимъ образомъ, въ свои руки важное средство воздѣйствія на экономическую жизнь страны.

Упорядоченіе государственныхъ финансовъ въ смыслѣ устраненія дефицитовъ изъ бюджета было одной задачей финансовой политики Вышнеградскаго. Другая ея задача заключалась въ возстановленіи металлическаго денежнаго обращенія. Первоначально министръ полагалъ прямо приступить къ размѣну кредитокъ на золото по опредѣленному курсу, заручившись согласіемъ иностранныхъ банкировъ на заключеніе крупнаго займа для этой операціи. Но затѣмъ ему было разъяснено, что такъ просто эти дѣла не рѣшаются, и что предварительнымъ условіемъ возстановленія металлическаго денежнаго обращенія должно быть обезпеченіе сохраненія золота въ странѣ и образованіе достаточныхъ запасовъ золота въ кассахъ государства. Осуществленіе этихъ условій Вышнеградскій и поставилъ задачей своей политики и разрѣшилъ ее такъ же механически, какъ механически боролся съ дефицитами государственнаго бюджета.

Золото утекаетъ изъ страны, главнымъ образомъ, путемъ расплаты по заграничнымъ долгамъ и за привозимые изъ-за границы товары; золото притекаетъ въ страну, главнымъ образомъ, какъ плата за вывозимые изъ нея за границу продукты. Чтобы накоплять золото, нужно, поэтому, стремиться къ уменьшенію заграничныхъ платежей по займамъ, къ сокращенію ввоза иностранныхъ товаровъ и увеличенію вывоза русскихъ произведеній.

Выполненіе этихъ условій Вышнеградскій и поставилъ задачей своей финансовой политики. Онъ ограничивалъ привозъ иностранныхъ товаровъ, повышая таможенныя пошлины для содѣйствія будто-бы развитію русской промышленности. Поощрялъ вывозъ товаровъ, понижая жел.-дорожные тарифы на грузы (главнымъ образомъ, хлѣбъ), идущіе за границу, и выдавая преміи за экспортируемые товары (сахаръ, спиртъ). Онъ требовалъ неукоснительнаго выколачиванія текущихъ податей и недоимокъ и этимъ побуждалъ насильно продавать запасы зерна, уплывавшіе затѣмъ за границу. Воздерживаясь отъ заключенія займовъ для производительныхъ цѣлей, потому что выгода отъ нихъ впереди, а платить проценты и погашенія нужно сейчасъ (для надобностей жел. дор. при немъ было занято лишь 150 мил. руб.), Вышнеградскій зато широко развилъ операціи конвертированія займовъ,

т.-е. замѣны долговъ, сдѣланныхъ въ то время, когда капиталы были дороги, займами, заключенными на болѣе выгодныхъ условіяхъ и на болѣе продолжительные сроки. Путемъ этихъ операцій Вишнеградскій достигъ уменьшенія ежегодныхъ платежей по государственнымъ долгамъ болѣе чѣмъ на 20 мил. р.; но государству придется нести эти платежи болѣе продолжительное время, такъ какъ сроки погашенія новыхъ займовъ длиннѣе старыхъ.

Общая сумма заключенныхъ Вишнеградскимъ займовъ равняется 2295 мил. р., и на 290 мил. р. государственный долгъ увеличился вслѣдствіе перевода на казну облигацій желѣзныхъ дорогъ, выкупленныхъ правительствомъ; всего новыхъ долговъ сдѣлано 2585 мил. р. Погашено срочно и конвертировано долговъ на сумму 2080 мил. р. Государственный долгъ возросъ, слѣдовательно, на 505 мил. р. Отъ своего предшественника Вышнеградскій получилъ 4400 мил. р.; своему преемнику передалъ 4905 мил. р. Сумма эта состояла изъ 2585 мил. р., занятыхъ для общегосударственныхъ цѣлей, 1828 мил. р. долговъ желѣзнодорожныхъ и 492 мил. р. обязательствъ выкупной операціи.

Преемникъ Вышнеградскаго, С. Ю. Витте, смѣнившій его въ августѣ мѣсяцѣ 1892 г., принадлежалъ къ той же практической школѣ коммерческихъ дѣльцовъ, но имѣлъ предъ ними то преимущество, что опытъ механическаго управленія финансами его предшественника показалъ опасность пренебреженія экономическими нуждами страны. Одной изъ задачъ своего министерства онъ поставилъ поэтому развитіе производительности, которая отожествлялась для него съ крупной индустріей. Съ этой цѣлью онъ сталъ строить на казенныя деньги желѣзныя дороги и побуждалъ къ тому-же зависимыя отъ правительства желѣзнодорожныя общества; привлекалъ въ Россію иностранные капиталы, поощряя заключеніе желѣзнодорожными обществами заграничныхъ займовъ и обѣщая заказы желѣзнодорожныхъ принадлежностей для устраиваемыхъ иностранцами заводовъ; возбуждалъ духъ спекуляціи въ средѣ русскихъ капиталистовъ и такъ далѣе. Кромѣ соображеній о пользѣ развитія индустріи вообще, къ такому направленію экономической политики побуждала Витте и задача привлеченія въ страну золота для того, чтобы можно было съ надеждой на успѣхъ приступить къ возстановленію металлическаго денежнаго обращенія. Такъ какъ средство усиленія прилива золота, заключающееся въ поощреніи вывоза русскихъ товаровъ и ограниченія ввоза товаровъ иностранныхъ, было уже использовано Вышнеградскимъ, то его преемнику оставалось расширить другой каналъ золотого тока изъ-за границы: помѣщеніе иностранныхъ капиталовъ въ русскія промышленныя предпріятія.

Другой характерной чертой дѣятельности Витте было развитіе казенныхъ хозяйственныхъ предпріятій. Обращеніе частныхъ желѣзныхъ дорогъ въ казенное завѣдываніе, введеніе казенной продажи вина, покупка

казною хлѣба для регулированія хлѣбныхъ цѣнъ—вотъ главныя проявленія указанной тенденціи. О развитіи хозяйственной дѣятельности государства въ періодъ управленія финансами Витте можно судить по тому, что, тогда какъ въ послѣдній годъ министерства Бунге хозяйственныя предпріятія разнаго рода (въ томъ числѣ регаліи) принесли государственному казначейству около 150 мил. р., а въ послѣдній годъ министерства Вышнеградскаго менѣе 250 мил. р.,—въ послѣдній годъ управленія финансами Витте они дали около 900 милл. рублей. Причины такого пристрастія къ хозяйственнымъ предпріятіямъ государства заключались отчасти въ желаніи обезпечить казнѣ новый источникъ доходовъ, отчасти въ непомѣрномъ властолюбіи министра финансовъ, стремившагося возможно далѣе распространить сферу своего вліянія.

Сооруженіе на казенный и частный счетъ десятковъ тысячъ верстъ рельсовыхъ путей, затрата крупныхъ суммъ на казенныя хозяйственныя предпріятія, выдача денежныхъ ссудъ покровительствуемымъ частнымъ промышленнымъ предпріятіямъ, и, наконецъ, осуществленіе задачи собранія въ государственныхъ кассахъ золота для возстановленія металлическаго денежнаго обращенія—все это требовало сосредоточенія въ рукахъ финансоваго вѣдомства громадныхъ свободныхъ денежныхъ суммъ. Въ самомъ дѣлѣ, за 13 лѣтъ министерства Витте однихъ только чрезвычайныхъ расходовъ произведено было безъ малаго на три милліарда рублей! Основой финансовой политики Витте и было поэтому стремленіе къ пріобрѣтенію суммъ для такихъ расходовъ, а средствами для достиженія этой цѣли служило неукоснительное нажиманіе податного пресса и государственные займы, вмѣстѣ съ стремленіемъ ограничить по возможности увеличеніе расходовъ различныхъ вѣдомствъ.

Въ первый же годъ управленія финансами Витте возвысилъ налогъ на городскія недвижимыя имущества и нѣкоторые промыслы, таможенную пошлину на хлопокъ и всѣ косвенные налоги, кромѣ сахарнаго, о повышеніи котораго, согласно закону, заводчики должны быть предупреждены за два года. Въ 1894 г. былъ увеличенъ и этотъ акцизъ, вновь возвышена таможенная пошлина на хлопокъ, и введенъ квартирный налогъ. Въ 1895 г. начала вводиться казенная торговля виномъ, вручившая финансовому вѣдомству новое средство возвышенія питейнаго налога, путемъ установленія цѣны продаваемаго казною вина. Въ 1898 г. опубликованъ новый законъ о промысловомъ обложеніи съ значительнымъ повышеніемъ обложенія, и увеличенъ государственный поземельный сборъ; въ 1900 г. реформированъ гербовый сборъ; въ 1901 г. повышенъ акцизъ на спиртъ и нѣкоторыя ставки таможеннаго тарифа. Вотъ какъ усердно заботился министръ финансовъ объ увеличеніи обыкновенныхъ государственныхъ доходовъ и достигъ въ этомъ отношеніи того, что за одиннадцать лѣтъ доходы государственнаго казначейства превысили сумму обыкновенныхъ расходовъ

почти на два милліарда рублей. Въ это же время, впрочемъ, продолжалось начатое Бунге дѣло отмѣны (преимущественно на окраинахъ) старыхъ налоговъ, имѣющихъ личный характеръ.

Ограниченія расходовъ различныхъ вѣдомствъ Витте старался достигать, примѣняя тактику своего предшественника, показывая въ росписи уменьшенную сумму ожидаемыхъ доходовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ стремился къ сокращенію расходовъ по государственнымъ долгамъ и произвелъ съ этой цѣлью обширныя операціи по конверсіи старыхъ займовъ, уменьшившія расходы по этой статьѣ на 37 мил. р. въ годъ. Эта экономія, впрочемъ, съ избыткомъ была покрыта расходами по займамъ, заключавшимся ради выполненія хозяйственныхъ предположеній министра финансовъ. Общая сумма займовъ, заключенныхъ министромъ Витте (вмѣстѣ съ долгами выкупленныхъ казною желѣзныхъ дорогъ) равняется 4600 мил. р.; погашено и конвертировано старыхъ долговъ 2830 мил. р.; приращеніе долга составляетъ 1770 мил. р. Отъ своего предшественника Витте получилъ 4905 мил. р., своему преемнику передалъ 6675 мил. р. Эта сумма состояла изъ 2995 мил. р. долговъ на общегосударственныя надобности, 3190 м. р. желѣзнодорожныхъ и 490 мил. р. обязательствъ выкупной операціи.

Важной заслугой министра финансовъ Витте было возстановленіе металлическаго денежнаго обращенія, осуществленное вопреки мнѣнію Государственнаго Совѣта. Возстановленіе это было достигнуто не путемъ возвышенія курса кредитнаго рубля, а закрѣпленіемъ стоимости послѣдняго на уровнѣ 1 р. кр.=66$^2/_3$ коп. металлическимъ, причемъ золотая монета перечеканена такимъ образомъ, чтобы одинъ ея рубль составлялъ 66$^2/_3$ прежнихъ металлическихъ копѣекъ. Для осуществленія этой реформы золотой размѣнный фондъ доведенъ былъ до суммы 1069 мил. р., изъ коихъ 640 м. р. было внесено при Витте, а число обращающихся кредитокъ съ 1,2 милліардовъ рублей уменьшено до 630 мил. р., путемъ выкупа на средства вышеназваннаго фонда.

Исторія финансовыхъ мѣропріятій послѣднихъ четырехъ лѣтъ, исключая факта отмѣны, подъ вліяніемъ революціоннаго движенія, указомъ 3 ноября 1905 г., выкупныхъ платежей,—всецѣло окрашена послѣдствіями войны съ Японіей. На этотъ разъ, какъ и въ предыдущіе, наша армія оказалась совершенно неподготовленной для борьбы съ серьезнымъ соперникомъ, а наши государственные люди—неспособными предвидѣть то, что было ясно для всѣхъ образованныхъ людей: министры военный и финансовъ предполагали, что расходы начавшейся войны не превысятъ 600 мил. р. Въ дѣйствительности мы уже издержали на этотъ предметъ въ теченіе 1904—06 гг. 2,2 милліарда рублей, и предположено израсходовать въ 1907 г. 125 мил. р. и въ 1908 г. 67 мил. р.; а если принять во вниманіе, что средства для этого получались займами, при заключеніи коихъ до 10% терялось на реализацію, то окажется, что, далеко еще не ликви-

дировавъ этого мрачнаго наслѣдія отживающаго режима, русское государство понесло уже расходъ въ 2,6 милліарда рублей, т.-е. слишкомъ въ четыре раза больше того, что предполагали мудрые руководители судьбами Россіи. Другой крупной статьей чрезвычайныхъ расходовъ послѣдняго четырехлѣтія является прокормленіе голодающаго населенія. Въ теченіе 1904—07 гг. на этотъ предметъ израсходовано 240 мил. р.

Средствами для покрытія расходовъ описываемаго времени, кромѣ поступленія обыкновенныхъ доходовъ на основаніи дѣйствовавшихъ узаконеній, служило возвышеніе налоговъ, займы и выпускъ кредитныхъ билетовъ. Возвышенію подверглись налогъ на недвижимыя городскія имущества, промысловый налогъ, наслѣдственныя пошлины, нѣкоторыя гербовыя, таможенныя, акцизъ съ солода при пивоваренія, съ прессованныхъ дрожжей, съ зажигательныхъ спичекъ, освѣтительныхъ маслъ, повышена цѣна казеннаго вина, введено обложеніе всѣхъ продуктовъ перегонки нефти, доходовъ отъ денежныхъ капиталовъ, ссужаемыхъ частными лицами и учрежденіями торгово-промышленнымъ предпріятіямъ, и дополнительный вычетъ съ окладовъ содержанія и пенсій на составленіе пенсіоннаго капитала. Въ теченіе 1904—06 гг. было заключено займовъ на сумму 2442 мил. р., и погашены долги на сумму 542 мил. р.; государственный долгъ увеличился, такимъ образомъ, на 1,9 милліардовъ рублей и составлялъ къ 1907 г. около 8,6 милліардовъ рублей *), изъ коихъ около 3,2 милліарда рублей приходится на желѣзнодорожные долги и 5,4 милліардовъ рублей—на займы, заключенные для общегосударственныхъ надобностей, въ томъ числѣ и долги по выкупной операціи, съ отмѣною выкупныхъ платежей потерявшіе спеціальное обезпеченіе.

Ко всему сказанному слѣдуетъ прибавить, что японская война принесла намъ еще удвоеніе количества обращающихся кредитныхъ билетовъ. Наканунѣ войны въ обращеніи и въ государственныхъ кассахъ находилось 630 мил. р. кред., а къ 1 окт. 1907 г. 1,3 милліарда рублей, причемъ золотые запасы банка, составляющіе 1,250 мил. р., увеличились сравнительно съ 1903 г. лишь на 350 мил. р.

---

*) Въ 1907 г. нашъ госуд. долгъ увеличился очень незначительно.

СОДЕРЖАНІЕ.

стр.

Общія замѣчанія 3

Общая сумма обыкновенныхъ доходовъ 9

Прямые налоги 14

Косвенные налоги и пошлины 30

Доходы отъ хозяйственныхъ предпріятій.—Прочіе доходы . 42

Составъ финансовыхъ рессурсовъ государства 48

Обыкновенные государственные расходы 52

Исторія государственнаго долга.—Дореформенный періодъ . . 66

Исторія государственнаго долга.—Пореформенный періодъ . . 78

University of British Columbia Library

DUE DATE

APR 1 1976

MAY 5 1976 RET'D

MAY 5 1976 RET'D

JAN 27 1977

July 76

AUG 1 8 1977 RET'D

FORM 310

087768

UNIVERSITY OF B.C. LIBRARY
3 9424 02251 9992

DISCARD